ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1. ПРИ 1869

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Сто три дня изъ дѣтской жизни императора Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ *С. А. Порошина*, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.
2. Письмо *С. А. Порошина* къ графу Г. Г. Орлову.
3. Записка *императора Павла* къ ген. лейт. Амбразанцеву.
4. Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ.
5. Письма (4) *С. А. Порошина* къ Академику Миллеру.
Бумаги Лагарпа съ двумя письмами его къ императору Александру. Статья *графа А. С. Уварова*.
7. Письма (19) *В. А. Жуковскаго* къ тоіерею И. И. Базарову 1848—1:
8. Послѣдніе дни жизни В. А. Жуков го. Статья *И. И. Базарова*.
9. Къ исторіи Шведской войны 1788 г Академика *Я. К. Грота* (по Шведс книгамъ)
10. Письма (7) *В. А. Озерова* къ А Оленину.
11. Письмо *В. А. Озерова* къ Ѳ. А. лубцову.
12. Изъ давнихъ воспоминаній, стать *В. Селиванова*.
13. Поминки по Бородинской битвѣ хотвореніе *князя П. А. Вяземск*
14. Воспоминанія о 1812 годѣ. *Его*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шилловой.

1869.

См. на внутренней сторонѣ задней обертки.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1869

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

БИБЛІОТЕКАРЕМЪ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

(1869)

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1870.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА

ЗА 1869 ГОДЪ.

(Седьмой годъ изданія.)

1. О присягѣ иноземцевъ при Петрѣ Великомъ. Статья *Д. В. Полѣнова* 1729.
2. Домъ, гдѣ жилъ Карлъ XII, подъ Полтавою. *Л. Коростовцова.* 1722
3. Росписи царской охоты, утвержденныя имиер. Петромъ II-мъ, 1675
4. Письмо *князя Кантемира* къ Ѳеофану Прокоповичу о пасторѣ Мильярдѣ, обратившемся въ Православіе (1734) съ предисловіемъ *Н. И. Григоровича.* 578
5. Михайло-Медвѣдь, разбойничій есаулъ. Статья *Н. П. Розонова.* 1082
6. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758 г. Черта Русской политики Елизаветинскаго времени. 737
7. Письма къ И. И. Шувалову:
   1) *Графа А. Б. Бутурлина.* 1767
   2) *Графа М. Л. Воронцова.* 1774
   3) *Графа И. Г. Чернышева* 1779

*

8. Записки *Екатерины II й* къ Аннѣ Никитичнѣ Румянцевой. 193
9. Письмо *Екатерины II-й* къ С. А. Колычеву. 209
10. Письмо *Екатерины II-й* къ гр. В. П. Мусину-Пушкину. 208
11. Для біографіи гр. Ланжерона. Замѣтка *Екатерины II й.* 206
12. Письмо *Екатерины II-й* къ гр. Н. П. Румянцову о невѣстѣ для великаго князя Александра Павловича. 202
13. Письма *Екатерины II-й* къ митрополиту Димитрію Сѣченову съ примѣчаніями *Н. И. Григоровича.* 196
14. Автобіографія *С. П. Румянцева.* 839
15. Изъ бумагъ *графа С. П. Румянцева* (объ учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ) 1953
16. Письма *графа С. П. Румянцева* къ отцу его графу Румянцеву-Задунайскому. 853
17. Письма *А. И. Моркова* къ графу С. П. Румянцеву. 866
18. Переписка *графа Г. Г. Орлова* съ Ж. Ж. Руссо, съ предисловіемъ *В. В. Андреева.* 581
19. Два письма *Г. Н. Теплова.* 216
20. Письмо *М. П. Нарышкиной* къ С. А. Колычову. 213
21. Два письма *Суворова* къ С. А. Колычеву. 210
22. Письмо *Искры* къ графу П. А. Зубову. 1566
23. Письмо (кн.) *А. А. Безбородка* къ С. С. Зиновьеву о нашихъ сношеніяхъ съ Испаніею. 210
24. Къ исторіи Шведской войны 1788 года. Академика *Я. К. Грота* (по Шведскимъ книгамъ) 111.
25. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. И. Иловайскаго.* 584
26. Хозяйственное распоряженіе князя Потемкина (о висилицахъ). 920
27. Письма Германской принцессы (тещи в. кн. Константина Павловича) о Русск Дворѣ 1795 г. 1089.
28. Изъ бумагъ *Гавріила,* митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго. Извлечено, съ примѣчаніями *Н. И. Григоровичемъ.* 1569

*

29. Сто три дня изъ дѣтской жизни императ. Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ *С. А. Порошина,* съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. 1.

30. Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. 68
31. Письмо *С. А. Порошина* къ графу Г. Г. Орлову. 64
32. Записки *императора Павла* къ ген. лейт. Амбразанцеву. 66.
33. Письма *С. А. Порошина* къ Академику Миллеру. 72
34. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка *В. В. Андреева*. 517
35. Рапортъ губернатора *Карнѣева* императору Павлу о православіи въ Минской губерніи, 1559
36. Изъ записокъ *Н. А. Саблукова* о временахъ императора Павла. 1869.
37. Письмо *императрицы Маріи Θеодоровны* съ С. И Плещееву, по кончинѣ императора Павла. 1951.
38. Изъ давнихъ воспоминаній, статья *В. В. Селиванова*. 153
39. Разсказы князя С. М. Голицына, записанные *М. П. Полуденскимъ* 627
40. Крестьянское движеніе при импеторѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ *князя Н. В. Репнина*. Статья *М. Θ. Де-Пуле*, по ново-найденнымъ бумагамъ. 525
41. Ириней, архіепископъ Псковскій. Статья *Н. И. Григоровича*. 1103

*

42. Неизданная ода графу Потоцкому 1803 года (о правахъ дворянства), съ предисловіемъ *М. Н. Лонгинова*. 1377
43. Бумаги Лагарпа съ двумя письмами его къ императору Александру. Статья *графа А. С. Уварова*. 75
44. Записка, поданная кн. *А. Б. Куракинымъ* императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. 1125
45. Письма графа *Θ. В. Ростопчина* къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. 759.
46. Переписка *его же* съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сообщено *Г. Н. Александровымъ*). 763
47. Объясненіе *императора Александра Павловича* съ канцлеромъ его графомъ Н. П. Румянцевымъ (собственноручная записка въ Апрѣлѣ 1812 года). 609.
48. Поминки по Бородинской битвѣ. Стихотвореніе *П. А. Вяземскаго*. 175.
49. Воспоминанія о 1812 годѣ. *Его же*. 181
50. Переписка между *С. А. Масловымъ* и *П. Х. Граббе* о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ. 061
51. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ (Изъ подлинныхъ донесеній императору Александру Павловичу.) 1387
52. Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 годѣ. Записка *Шевалье д'Изарна* съ предисловіемъ и примѣчаніями *г. Гадарюеля*. 1399
53. По поводу статьи: „Разсказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ". *Старожила города Москвы*. 2021
54. Переправа черезъ Березину. (Изъ Записокъ адмирала *Чичагова*). 1147
55. Дневникъ свитскаго офицера (*С. Г. Хомутова*). 1813 годъ. 220
56. Баронъ К. Θ. Левенштернъ и письма къ нему *великаго князя Михаила Павловича, гр. Аракчеева* и пр. съ примѣчаніями *М. И. Семевскаго*. 1496
57. Объ обращеніи въ католичество графини М. А. Воронцовой, замѣтка *графа М. Д. Бутурлина*. 1712
58. Изъ Записокъ *Архимандрита Фотія*. 1822 годъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. 929
59. Письма *князя А. Н. Голицына* къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. 1822 и 1823 годы. 943
60. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Смоленскаго кладбища въ Спб. *Н. И. Григоровича*. 075
61. Письма изъ Вѣны отъ князя *Александра Борисовича Куракина* къ государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ 1807 года. 385

62. Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ въ 1826 году. *А. П. Языкова.* 1462
63. Описаніе столовыхъ часовъ графа Аракчеева, съ замѣткою *г. Пашкевича* и съ нотами. 1183
64. Надпись на иконѣ графа Аракчеева. 076
65. Князь А. С. Меншиковъ. 1067
66. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, графа *А. А. де Бальмена* 1818 годъ. 647
67. Тоже, 1819 годъ—765
68. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ", замѣтка *М. И. Семевскаго.* 053

*

69. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государств. секретаря *А. Н. Оленина*). 731
70. Записка *А. Н. Райки* объ убіеніи графа Каподистріи. 881
71. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея) *Ѳ. Н. Фортунатова,* бывшаго директора Олонецкой гимназіи. 305
72. Переписка епископа-князя *Симона Гедройца* съ (гр.) *Д. Н. Блудовымъ* и другими лицами во время Польскаго мятежа 1831 года. 1485
73. Записка генералъ-адъютанта *Отрощенки* о послѣдователяхъ Конарскаго. 1207
74. Императоръ Николай 1-й въ Св. Правительствующемъ Синодѣ. Статья *Н. И. Григоровича.* 739
75. Православные Латыши въ 1841 и 1842 годахъ. Историческій очеркъ *Ю. Ѳ. Самарина.* 1224
76. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. *И. Клингера.* 964
77. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С. Петербургѣ 1846—1855. Изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго.* 1005
78. Изъ Крымскихъ воспоминаній послѣдней войны *С. Д. Кожухова.* 381
79. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника *К. Л. Кустодіева.* 751
80. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Записка *графа С. С. Ланскаго* (1859) съ предисловіемъ *Н. П. Семенова.* 1362
81. Частное письмо о взятіи Шамиля. 1859. *Гр. А. В. О.-Д.* 1045
82. Старинное острословіе. 1568

*

83. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ умершихъ въ 1867 г. изъ Справочнаго Словаря *Г. Н. Геннади.* 1985
84. Прогулка по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе *К. Н. Батюшкова.* 1191
85. Письмо *Булгарина* къ *И. П. Липранди* объ изданіи Сѣверной Пчелы. 1553
86. Воспоминаніе о М. И. Глинкѣ. *В. Н. Кашперова.* 1137
87. Письма *М. И. Глинки* къ К. А. Булгакову, съ нотами и съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова* и *князя В. Ѳ. Одоевскаго.* 341
88. Письма М. И. Глинки къ *В. Н. Кашперову.* 1143
89. Изъ бумагъ Н. И. Греча (Письма *А. С. Стурдзы, А. С. Пушкина, С. Н. Глинки, А. А. Бестужива* и стихи *А. Е. Измаилова*). 600
90. Неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго.* 379
91. Письмо *Жуковскаго* къ графинѣ С. М. Соллогубъ по случаю кончины дѣтей ея. 958
92. Письмо *В. А Жуковскаго* къ графу М. Ю. Вьельгорскому. 644
93. Письма (19) *В. А. Жуковскаго* къ протоіерею И. И. Базарову, 81.
94. Послѣдніе дни жизни В. А. Жуковскаго. Статья *И. И. Базарова.* 99
95. Воспоминаніе о Е. А. Жуковской. *И. И. Базарова.* 2023
96. Письмо *Калайдовича* къ архим. Амвросію (Сообщено *П. М. Строевымъ*). 1715
97. Историческая замѣтка о запискѣ Карамзина: „Мнѣніе Русскаго гражданина". 303

98. Письма *Н. М. Карамзина* къ графу С. П. Румянцову и В. В. Измайлову. 587
99. Два письма *Н. М. Карамзина* къ Н. И. Гречу. 1723
100. Два письма *Карамзина* къ Жуковскому въ Дерптъ. 1383
101. О сношеніи Н. М. Карамзина съ Харьковскимъ университетомъ, *Н. А. Лавровскаго* 2017
102. Черта изъ жизни А. С. Норова, *М. Н. Лонгинова* 066
103. Памяти А. С. Норова, стихотвореніе *князя П. А. Вязямскаго.* 067
104. О библіотекѣ А. С. Норова, замѣтка *С. А. Соболевскаго.* 064
105. Письма *В. А. Озерова* къ А. Н. Оленину. 123
106. Письмо *В. А. Озерова* къ Ѳ. А. Голубцову. 151.
107. Къ біографіи В. А. Озерова, *И. П. Варпаховскаго.* 2029.
По поводу предъидущей статьи, замѣтка *князя П. А. Вяземскаго*, 2032.
108. Литературный вечеръ у П. А. Плетнева, статья *И. С. Тургенева.* 1663
109. П. А. Плетневъ, статья *Я. К. Грота*: 2089
110. Неизданные стихи *А. С. Пушкина*: 1. Изъ Кавказскаго Плѣнника. 2. О Псковѣ. 1724
111. Два автографа *Пушкина*, съ объясненіями *М. Н. Лонгинова.* 1063
112. Стихи на могильномъ камнѣ актера Сандунова. 1568
113. Письмо *Сперанскаго* объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщено барономъ *М. А. Корфомъ*). 919
114. Письма *Сперанскаго* къ А. А. Столыпину, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина.* 1682 и 1966.
115. Воспоминаніе о митрополитѣ Филаретѣ. 1177

*

116. Театръ графа Каменскаго къ Орлѣ. (Изъ Записокъ *графа М. Д. Бутурлина*). 1708
117. Педагогъ прошлаго времени (Дюгуровъ) статья профессора *Н. А. Лавровскаго.* 1541
118. О трудахъ по исторіи Русскаго законодательства, статья *Ѳ. В. Чижова.* 2045
119. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*) 613
120. Библіографическія замѣтки: неизвѣстныя стихотворенія Пушкина, Кольцова и Баратынскаго и эпиграмма Крылова, *И. И. Ханенка* 073 и 2026
121. Еще о Лафермьерѣ, замѣтка *князя М. А. Оболенскаго.* 2090
122. Письмо къ издателю отъ *графа А. Ѳ. Ростопчина.* 0935
123. О склоненіи Малороссійскихъ собственныхъ именъ. Замѣтка *Г. П. Галагана.* 1718
124. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзиныхъ) археологическая замѣтка *князя М. А. Оболенскаго.* 1076
125. Мелочи, замѣтки и поправки. 1726 и 2091.
126. Новыя явленія въ Русской библіографіи. *С. А. Соболевскаго.* 921
127. Литературно-историческія замѣчанія. *М. П. Погодина*, 2092
128. Для біографіи И. И. Лажечникова, замѣтка *М. Н. Лонгинова.* 2101
129. Надпись подъ портретомъ гр. А. П. Бестужева. 2104
130. Духовное завѣщаніе Колычева. 2104
131. О подпискѣ на стипендію Е. П. Ковалевскаго. 2106
132. Поправка и объясненіе (о потомствѣ княгини Н. Б. Долгорукой). 077
133. Книжныя заграничныя вѣсти. 025
134. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки въ 1868 году. 039
135. Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Русскомъ Архивѣ 1869 г.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВѢ 1869 ГОДА *)

Ааронъ, архіеп. Новгородскій (?), упом. въ Синод. Богословскаго мон. 1077.

Ааронъ, іером., казнач. М. Богоявл. мон., его дѣятельн. въ нашествіе Французовъ на Москву 1389.

Абаза, Александръ Агг. 1041.

Абакумовъ, Ѳад. Ив., посѣщаетъ Пушкина 1064, 1068.

Абель, дѣвица, упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 450, 459, 476, 481.

Абулгази-Ханъ. Сочинит. Монгол. и Тат. Исторіи, 621, 622, 623. 625.

Августинъ, (Виноградскій), архіеп. Московскій, 1179. 1387.

Австрійцы, 287. 288. 296. 299. 1155. 1768.

Австрія, 1127 — 1131, 1134.

Агамоновъ, Мих. Андр. 1985.

Агафья Петровна (?) 1788 г. упом. въ пис. М. Пв. Нарышкиной 215.

Аделунгъ, Николай Фридрих., секрет. в. кн. Ольги Николаевны, 106.

Адлербергъ, гр. Влад. Ѳедор., мин. Двора, 375.

Адріанъ, патр. Всероссійскій, упом. въ Синодикѣ Богослов. мон.·1077.

Аккобургская станція, на Кавказѣ, 1062.

Аксаковъ-шутъ, упом. въ Дневникѣ Порошина, 11, 12.

Аксаковъ (Ив. Серг.), «*о купцахъ и торговлѣ*» 036.

Аксаковъ, Серг. Тим., его воспоминанія 2043.

Аксиньино, подмоск. гр. Румянцова, 842.

Аксіотти, гражд. губерн. Навпліи, 893.

Акчуриновъ, наход. при фельдм. гр. А. Б. Бутурлинѣ, 1772.

Аладьинъ, Абрамъ Семен., упом. въ пис. М. И. Глинки, 367. 369.

Алединскій, Никол. Александр, 1041.

Александра Николаевна, в. кн., 647.

Александра Павловна, в. кн. упом. въ пис. кн. А. Б. Куракина 392. 394. 509. 515; въ пис. Герм. принц. о Русск. Дворѣ 869. 875. 1096. Кончина 1931, 1946.

Александра Ѳеодоровна, имп. 647. 648. въ пис. о происшествіи 14 Дек. 1825 г., 733.

Алексанровскій уѣздъ, (Влад. г.), крестьянск. движеніе при имп. Павлѣ, 547.

Александровъ, гор. Влад. губ., 1395.

Александровъ, упом. въ Зап. Саблукова 1921.

Александровъ, Петръ Александр., 1985, 1986.

Александръ Павловичь, (импер.), Лагарпъ 75,

*) Названіе монастырей и церквей помѣщены подъ словами *Монастыри* и *Церкви.*

76. 78 — 81. упом. въ пис. Озерова къ Оленину 146, къ Голубцову 151. 152. Воспитаніе при немъ въ кад. корпусахъ 160, военная служба 166. Будучи в. княземъ, приводитъ въ чувство одного офицера, упавшаго въ обморокъ 171. *1812 годъ*: 181. 183. 184. 192. 01; *1813 годъ*: 221 — 227; 229 — 239 241. 244. 247 — 251; 253. 254. 256. 258—260; 262 — 264. 266 — 270; 272. 274 — 286; 287—291; 293 — 296. 298. 300 — 302. Разговоръ его съ Е. А. Энгельгардтомъ по поводу записки Карамзина о Польшѣ 303. 304. Былъ воспріемникомъ королевы Викторіи 027, 028. упом. въ пис. кн. Куракина 1807 г., 388. 390. 391. 394. 405. 407. 408. 409. 410. 411. 419. 422. 424. 425. 426. 428. 431. 433. 434. 435. 436. 437. 440. 449. 455. 456. 459. 460. 464. 465. 466. 467. 469. 470. 488. 489 497. 502. 503. 506. 507. 512. 517. Крестьянское движеніе при немъ 577. (упом. 589) упом въ пис. Карамзина 591. 593; 597. (упом. 601). Его письмо къ графу Н. П. Румянцову 609 — 614. (упом. 623); разрѣшаетъ напечатать сочин. Абулгази-хана 624. 625. Имп. Павелъ поручаетъ ему разобрать бумаги и-цы Екатерины 642. 643. Отвѣтъ его на выходку Савари 636. Намѣреніе отречься отъ престола 643. Упом. въ бумагахъ гр. Бальмена 652. 654, 674. 675. 699. 701. 715—717. 718. 776. 780. 790. 792. 797—803. 806. 807. 823—825. 836 Посѣщаетъ Смоленское кладбище 075. 076. (упом. 758) упомин. въ пис. гр. Ростопчина къ в. кн. Екатер. Павловнѣ 760. 762, къ цесарев. Константину Павловичу 763. Сватовство 203. 205. Обрученіе и бракосочетаніе 860. (упом. 929.) въ Запискахъ Фотія 931. 935 942. въ письм. кн. А. Н. Голицына къ гр. А. А. Орловой 945. 947. 956. 957. 958. Служба при немъ кн. А. С. Меньшикова 1067. 1069. 1070. Наружность и нравственныя качества (1795 г.) 1091. 1092. 1094. 1095. 1097. 1098. 1100 (1101) Не награждаетъ Иринея, архіеп. Псковск. 1113. 1114. Указъ объ увольненіи его 1114. (упом. 1116. 1118. 1121). Возстановляетъ ордена учрежденныя Екатер. В. 1123. Записка п. ему кн. А. Б. Куракинымъ послѣ Аустерлицкаго сраж. 1125—1138. *1812 годъ*: 1152. 1169. 1175. Столовые часы, изображающіе гр. Аракчеева у его могилы 1183 — 1189. 1190. Принимаетъ Поляковъ подъ свое покровительство 1209; объявляетъ неодобреніе свое на счетъ всякаго обращенія изъ одной вѣры въ другую 1263—1265. Указъ о неувольненіи въ отставку изъ военной службы ранѣе 12 лѣтъ дворянъ не получившихъ офицерскаго чина до этого срока 1377—1379. Потребовалъ отъ настоятелей Москов. монастырей описанія, что̀ происходило въ нашествіе непріятеля 1387. (упом. 1426) Похвальный о немъ отзывъ французск. гренадера, въ Тильзитѣ 1433 (упом. 1448) Воспоминанія о немъ въ селѣ Грузинѣ 1466—1475. 1477—1479. 1481. 1482—1484. Рескрипты его къ гр. Аракчееву (за «доброе сельское хозяйство») 1473. 1474; (за артиллерію) 1477. послѣднее письмо къ гр. Аракчееву 1471. 1472. упом. въ посланіи митр. Іосафата Булгака 1489. Дозволяетъ издавать «Сѣв. Пчелу» 1554. 1555 (упом. 1600. 1601) упом. въ письмахъ гр. Аракчеева 1656, бар. Меллера-Закомельскаго 1659.

Письмо его къ гр. Аракчееву 1660 — 1662, къ гр. П. А. Толстому о Сперанскомъ 1684. упомин. въ письм. Сперанскаго 1686, 1689 1690, 1695, 1696. 1979; жалуетъ ссыльному Сперанскому 6000 р. жалованья 1688. Варшавская его рѣчь 1697; о послѣдствіяхъ этой рѣчи 1697—1701. Кончина 731; жизнь при Павлѣ 1887. 1888. 1896. 1901. 1927, 1928. 1933, 1934; 1935. 1936. Воцареніе его 1942—1944. 1946, 1948. 1949, 1950. 1899. 1900 упом. въ письмѣ импер. Маріи Ѳеодоровны 1951 — 1953. Записка о вольныхъ земледѣльцахъ 1953—1966. Докладъ о «Поликсенѣ» Озерова 2032, 2039. 2040.

Александръ II Николаевичъ (импер.), упом. въ пис. Жуковскаго 81. 82. 86. 87. 88 (упом. 311) В. Б. Бажановъ посвящаетъ Ему свои «Поучительныя слова и рѣчи» (2-е изд. 1837 г.) 314. П. А. Плетневъ преподаетъ Ему Русскую Словесность 332 (упом. 337). М. И. Глинка посвящаетъ Ему свой *торжественный польскій* 350. 374. 375. Разсказы кн. С. М. Голицына 632. 4 Іюня 1835 посѣщаетъ Св. Сvнодъ 746. 748. 750 (упом. 758). Членъ Общества посѣщенія бѣдныхъ, 1011. 1039. Крестьянская реформа, 1363. Записка Министра Ланскаго 1364 — 1376. (упом. 1558. 1700).

Александръ, герц. Виртембергскій въ пис. кн. А. Б. Куракина 412. 414. 415. 417. А. А. Бестужевъ у него адъютантомъ 053. 735 (упом. въ разсказахъ кн. С. М. Голицына 639?)

Алексій Св. митр. Кіевскій. Его иконное изображеніе въ Грузинск. соборѣ, 1476.

Алексій Михаиловичъ, царь, его крестъ 1126; упом. 1193.

Алексій Петровичъ, царев. его кончина 634.

Алексѣевъ, Аѳан. крестьянинъ, 532.

Алексѣевъ, Ив. Алексѣев., сенат. 1378.

Алексѣй, сынъ священника, 1084--1086.

Алена Михайловна, упом. въ Дневн. Порош., 5.

Алеуты, 1645.

Алешенка, село 546, 571.

Алимпіевъ, Александръ Петр., 1041.

Алисовъ, мичманъ 31.

Алмейда, полковн, коменд. Навплійскій крѣп. 883, 885, 886, 888, 892, 895, 915.

Алпатовъ, Дм. бѣглый казакъ 973, 975.

Алферовскій, Вас. Абрам., 1039.

Алферьевъ, Н. В., женатъ на княг. Еникѣевой 1972

Альбертъ, герц., 399, 403.

Амбразанцовъ, ген. лейт., записка къ нему в. кн. Павла Петровича, 66.

Амбразанцовъ - Нечаевъ, Серг. Никол., открылъ бумаги Порошина, 3. 4. 64. 67.

Амбразанцовъ - Нечаевъ, Алексѣй Серг, флиг.-адьют., 3, 4.

Амвросій (Юшкевичь), архіеп. Новгор. 196.

Амвросій (Подобѣдовъ), архіеп. Казан. 1112 митр. Новгор. 1116, 1596.

Амвросій, архіеп. Московскій 632, 842.

Амвросій (Серебрениковъ), еп. Екатеринославскій 1603, 1605 — 1607, 1609.

Амвросій, сочинит. Исторіи *Россійск. Іерархіи*, п. къ нему Калайдовича 1715—1717.

Амгерстъ (Amherst), лордъ 652—655.

Амфилохій, от. въ пис. кн. А. Н. Голиц. къ гр. А. А. Орловой 957.

Ананьинъ, Александръ Андр., 1041.

Анапа, крѣп. 1072.

Анастасевичь, библіографъ, 923, 924.

Анастасій, еписк. Могилевскій 1592.

Анастасія, царица, упом. въ Синод. Богословскаго мон., 1077.

Ангальтъ, гр. (Өедоръ Евстаф.), путешествіе въ Финляндію (?) 120. директорство въ 1 кадетск. корпусѣ 160—163, 165.

Ангелисъ, 902.

Англія и *Англичане*, 19 20, 36, 758, 1132, 1134, 1931.

Андреевскій, корн. Конной гвардіи 1933, 1937, 1938.

Андреевское, село, Влад. губ. и уѣзда, кн. Воронцова 1727, 1728. галлерея 1728. 2090.

Андреевъ, Ардал. Мих., пис. Марлинск. 606—608.

Андреевъ, В. В., его статьи 517, 581.

Андреевъ, Михаилъ, священ., 1084—1087.

Андреевъ, Мих., мундшенкъ 1638.

Андреевъ, Констант. «орловщикъ» 1680.

Андреевъ, фельдег. 574.

Андрониковъ, его мощи 1391.

Аникѣевскій, сенат, 1377, 1378.

Анна Іоанновна, императ., разсказы гр. Н. И. Панина и др. в. кн. Павлу Петр. объ ея времени 53, 55, 59. Озеровъ имѣлъ намѣреніе написать трагедію, взятую изъ ея царствованія 143. Обращ. Мильярда въ православіе 578, 579, 581. упом. въ Синод. Богословскаго мон. 1077. закладываетъ на Невск. просп. церковь Рожд, Богородицы 1111.

Анна, королева Англ., 580.

Анна Карловна, граф. въ Дневникѣ Порошина 17, 24.

Анна Павловна, в. кн., разсказы Амеліи Мюррей, 027, наружность 490, 498.

Анна Өеодоровна (Юлія), в. кн., супр. Константина Павловича, ея пріѣздъ въ Россію 1089. понрав. Екатеринѣ 1091. въ письмахъ матери 1092. 1096—1100; упом. 1901.

Анненковъ, Пав. Вас, 1041.

Анрепъ, лейбъ-гусаръ, 223.

Антипинъ, Ив. Өом., мѣщанинъ, калуж. 1063 посѣтилъ Пушкина, 1064. Записка къ нему Пушкина 1064. 1068. свѣдѣнія о немъ 1725. 1726.

Антомарки, хирургъ при Наполеонѣ, 821. 822. 824. 834. 838.

Антоній (Знаменскій), архіеп. Яросл. 1581, 1582, 1614, 1615.

Антоній (царев, Карталинскій), архіеп. Ниноцминдскій, 1614—1616.

Антоній, еп. Олонецкій, викарій Новгор. митрополіи, погребаетъ митр. Дим. Сѣченова 196.

Антоній, настоят. Троиц. Зеленецк. мон-ря 1106.

Антоній, настоят. Богословск. монаст., 1078.

Антонъ, эрцгерц, 392, 395, 452, 454, 462.

Антуанетта, сестра в. кн. Анны Өеодоровны 1092. 1097.

Анөія (Козловская), игум. Алексѣев. монастыря, въ Москвѣ, ея дѣятельность въ нашествіе Французовъ 1396.

Апокалипсисъ, вопросъ Жуковскаго какъ объясняютъ его наши церк. писатели 95, 96 для «Странствующаго Жида» 108.

Аполлосъ, настоят. Воскресенск. мон-ря, 1106, 1107.

Аполлосъ, еп. Новгородскій, упом. въ Синод, Богослов монастыря 1077.

Апраксина (ур. Соймонова), Аграө. Леонт. супр. фельдм. Степ. Өедор, въ Дневникѣ Порошина, 24, 38, 42.

Апраксина (ур. гр. Разумовская), граф. Елизав. Кирил. въ пис. гр. Ростопч. къ в. кн. Екатер. Павловнѣ 760.

Апраксинскій театръ въ Москвѣ см. *Москва*.

Апраксинъ, гр. (Александръ Петр.), поруч. лейбъ-гусар., 760.

Апраксинъ, гр. Никол. Александр, 1041.

Апраксинъ, Петр. Өедор., бриг. въ Дневникѣ Порошина 54.

Апраксинъ, Степ. Степ. 191. 257. крестьянское движеніе въ его дере-

вняхъ 546, 547, 554, 555, 557, 564, 568 — 570, 573, 575.
Апраксинъ (?) въ Дневникѣ свитскаго офиц. 1813 года 271.
Апухтинъ, прап. уб. 1476.
Аракчеева, Елизав. Андр., мѣсто ея погребенія 1482.
Аракчеева (ур. Хомутова), граф. Нат. Өедор., 1477. 1898.
Аракчеевскій Кад. Корпусъ, 1484.
Аракчеевъ, гр, Алексѣй Андр. въ Дневн. свитск. Офиц. 302, покровительствуетъ Магницкому 624, надпись на принадлежавшей ему иконѣ 076 (упом. 344.) противникъ кн. П. М. Волконск. 1070. описаніе его стол. часовъ 1183—1190, въ пользу его памяти 1190—1192. Грузино 1462 — 1484. (упом. 1543) любитъ и уважаетъ Шишкова 1554. к. проситъ его доложить Государю о дозволеніи издавать «Сѣв. Пчелу» 1554; его корпусъ 076; письма къ б. Левенштерну 1756, 1757; письмо имп. Александра 1-го 1660 — 1662; ожид. замѣны себя Сперанскимъ 1696; въ письм. Сперанск. 1702, 1973, 1982; его характеристика 1897, 1898, 1899, 1900, 1903; сосланъ имп. Павломъ 1929.
Аракчеевъ, Андр. Андр. мѣсто его погребенія 1482.
Арбузовъ, гвард. экип. лейт., 740.
Аремберіъ, кн. 1586 — 1588; его дочь 1587 — 1589.
Арендтъ, Никол. Өед. докторъ, 1045.
Арзамасцы, члены Общества, 1384. 1385.
Аристиппъ, послѣд. Киринейской шк. 321.
Аркадій, о. письмо къ нему 949—951.
Арманъ, 1451, 1455.
Армфельтъ, (бар. Густавъ-Маврикій) въ пис. А. И. Маркова къ гр. С. П. Румянцову 1794 года 867, 868, 870 872, 873, 875.
Армфельтъ, 518
Арнольдъ, Артуръ, 402.
Арнотъ, врачъ, на о-вѣ св. Елены 834. 835.
Арсеній, еп. Вологодскій, пис. къ нему Поздѣева по пов. возмущенія крестьянъ 538 — 540; его посланіе къ Вологод. сельск. духовенству, 540—542.
Арсеній, еп. Ростовскій и Ярославскій 1105.
Артуазскій, герц. 861.
Архаровскій полкъ, 159. 172. 564.
Архаровъ, Никол. Петр., 170. 530. 531. 563. 564. 565. въ разсказахъ кн. С. М. Голицына 640. 641.
Арцу-Чермоевъ, азіятск. офиц. 1004
Аршеневскій, казначей капитула Рос. Орд. 417, 421.
Аршеневскій, сенат., 1911.
Астафьевъ Алексѣй, бургом. 2050.
Астраханская епархія, 1108.
Астраханскій ком. по крестьян. дѣламъ 1369.
Аттила, 1452.
Аугартенъ, въ Вѣнѣ 387 — 390.
Аугсбургъ, гор. 1784.
Ауэрбахъ, Ив. Богд. 1986.
Аөанасьевъ, Александръ Никол., 3.
Аөанасьевъ, въ письм. Сперанск. 1975.
Ахкентъ, аулъ 1053.
Ахнацей, ген. м. 1770.
Ахульго, скала, 1051.
Ашильта, аулъ 1051.

* * *

Багратіонъ, кн. Петръ Ив. Бородино 08, 061, 063. (упом. 429. 438) его жена 430, 439 жалоба на него 1634 1635.
Багратіонъ (ур. гр. Скавронская, княг. Екатер. Павл). живетъ въ Вѣнѣ 430. 439.
Багрѣевъ, ген. 297.
Баденцы, 294.
Бажановъ, А. Н., 1986.
Бажановъ, Васил. Бор. протопресв., въ пис. Жуковскаго 97; преподаваніе его въ Спб. универс. 311—314.
Бажановъ, архит. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1840.
Базарджикъ, 1709.

Базаровъ, протоіер. Ив. Ив. письма къ нему Жуковскаго 81 — 100; описàніе послѣд. дней Жуковскаго 99—111. сообщаетъ стих. его 382. воспом. объ Е. А. Жуковской 2023—2026.
Базель, гор. 297.
Базенъ, ген. лейт., 743.
Базинеръ, 404.
Базуновъ, Алексан. Ѳедор. его изданіе. 927.
Байеръ, его Москов. лѣтопись 590.
Байронъ, 903, 2093.
Бакмейстеръ, библіогр. 1717.
Баконъ, Ив., совѣтн. комерцъ-коллегіи, 1753, 1754, 1761.
Бакстеръ, докторъ на о-вѣ св. Елены, 686, 689, 704, 706, 708, 709, 724, 727, 773, 775, 785, 787.
Бакчисарай, гор. 382.
Балабинъ, Евг. Петр. 1041.
Балашовъ, (Александръ Дмитр.), мин. полиціи, 1686, 1688.
Баллю, проф. харьк. Унив. 1548 (его жена 1548. 1549) 2017.
Балдонъ, сел. (Курляндск. г., Митавск. у.), цѣлебныя воды 1516, 1524, 1525, 1528, 1534, 1537, 1538, 1540.
Балькомбъ, торговый домъ, 663 664. 669, 676, 677, 721, 723, 766, 768, 770, 772.
Бальменъ (де), гр. А-ъ Ант., Русск. приставъ на остр. св. Елены, 647—731; 765—838.
Барановскій Ст. Ив. 2086.
Барановъ, гр. Эдуардъ Троф. Виленскій ген. губ., 525.
Барантъ (де), 1459.
Баранцовъ, ген. ад. 1024.
Баратынскій, Евг. Абрам. 042. 055. упом. 1143 1672. 2028, 2029. 2089.
Баратынскій, Лев. Евг., издатель соч. своего отца 2028.
Барбье, библіотекарь Наполеона I-го, 028.
Барнвицъ, прапорщ. 1218.
Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд., одерживаетъ побѣду 244; главнокомандующій 245 247. 248. 251. 284. 298. 301; въ Зап. Чичагова 1151. (упом. 1148).
Барсуковъ, Никол. Плат., сообщ. письмо Булгарина къ Липранди 1553. 1554.
Бартенева, Праск. Арс., фрейл. 363. въ пис. М. И. Глинки 374. 375.
Бартеневъ, Ипатій Арсен., 1041.
Бартеневы, 363.
Бартоломей, команд. Лейб. Гв коннопіонерн. п. 1515, 1519, 1535.
Барфодъ, Шведскій ученый, 111. о женидьбѣ гр. Разумовскаго 114. о плѣнныхъ Шведахъ въ Россіи 119 и др. 121. 122.
Баршъ, въ Дневн. свитск. офиц. 1813 г. 295.
Барышниковъ, Никол. Петр., 1063. Замѣтка 1725, 1726.
Барятинская (принц. Екат. Петр. Голштейнъ-Бекская), въ Дневникѣ Порошина 17.
Барятинская (ур. Келлеръ), княг. Марія Ѳедор., 1542.
Барятинскій, кн. Александръ Ив. фельдм. взятіе Шамиля 1045, 1048 — 1050, 1052. 1053, 1055 — 1057, 1059, 1060, 1063.
Барятинскій, кн. Ив. Ив. его Курское село Ивановское 1542. Дюгуръ 1543. 1545.
Барятинскій (Ив. Сергѣев.?), кн., въ Дневн. Порош. 1765 г., 16.
Баскаковъ, студ. Пб. унив., 308.
Басси, музык. 1144.
Бастенъ, издат. путеводителя по Россіи 035.
Баташева домъ, въ Москвѣ 1411.
Батурсъ, лордъ, въ Донесен. гр. Бальмена 666, 672, 708—713. 716. 717, 729, 730, 776, 777. 780, 782, 794, 795, 801, 802, 827, 831.
Батьки, село 1721, 1722.
Батюшковъ, Конст. Никол., отзывъ о немъ Озерова 137; въ Воспомин. кн. Вяземск.; о 12 годѣ 08. его прогулка по Москвѣ 1191—1208. Арзамасецъ 1384. 1385. 055.

Батюшковъ, Помп. Никол. 1041.
Бауеръ, ген. 1712.
Баумгартенъ, поруч., 45.
Бауценъ, гор. 237.
Бахманъ, бриг. 1769.
Бахметевъ, Алексѣй Никол. въ Воспомин. кн. Вяземск. 07, 08, 010.
Бахтинъ, Никол. Ив. (чл. Госуд. Сов.), б. сотрудн. кн. Меньшикова по преобраз. Морск. Министерства, 1071.
Бахтуринъ, стихотв. 351.
Бахъ, 361. 379.
Бахъ, Генр. Эбергард., 1044.
Башиловъ, акад. 2100.
Беатриса, эрцг. герц. въ донесеніяхъ кн. А. Б. Куракина 392, 395, 399, 403, 427, 436, 443, 445. 448. 452, 458, 461, 485, 494.
Безбородко, кн. Александръ Андр. (уп. 195) письмо его къ С, С. Зиновьеву 210 — 213. въ пис. М. П. Нарышкиной 214. За Ясскій трактатъ получилъ Андреевск. ленту 406. 409. 410 (упом. 572). упом. въ Автобіогр. 852 и въ пис. гр. С. П. Румянц. 859. 862. его письмо къ нему 863. 864. переписка съ митр. Гавріиломъ 1585, 1619 — 1627; въ письм. и. Павла 1593; въ Зап. Саблукова 1885, 1887, 1889.
Безбородко, приставомъ при ех-королѣ Ст. Понятовскомъ въ Гроднѣ, 572.
Bérseau, перев. Евгенія Онѣгина на французск. яз. 035.
Безо, аббатъ, настоятель церкви Св. Людовика, въ Москвѣ, его книжка о воспитаніи, 1543.
Безобразовъ, Влад. Павл. акад. 1041.
Безобѣденные, раскольн. секта, 629.
Бейеръ, Петръ, егерь 1679.
Бекетовъ, Платонъ Петр., 1116.
Беклешовъ, ген. прок., 1911, 1912.
Бекъ, Александръ Христоф., медикъ 1044.
Бекъ, ген. 1802, 1803.
Бекъ, бар., лейт. 1769.
Белау, въ письм. гр. И. Гр. Чернышева 1789, 1792.
Беллини, 342.
Бемъ, ссыльный 1687.
Беневени, Фіори, переводч. 1765.
Бенедекъ, Австр. полковод., 1075.
Бенедиктовъ, В. Г. 1669.
Бенкендорфъ, г-жа, въ донесен. кн. А. Б. Куракина, 442, 444.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христоф. участіе въ дѣлахъ Остзейскихъ 1280. 1287. 1294—1296, 1304. 1310, 1311. 1317. 1319, 1320, 1328, 1340—1342, 1346 1348. 1349, 1352, 1354. (упом. 1557).
Бенигсенъ гр. Леонтій Леонт. въ Дневн. свитск. офицера. 274, 278 — 282; въ Записк. Саблукова 1943, 1944.
Бенуа, 27.
Бергъ, бригад. въ плѣну у Шведовъ въ 1788 году, 117.
Бергъ, генер. поруч. 45. 1773?
Березина, р., въ *1812* г. 1147—1178. 1462.
Березинъ-Ширяевъ, Яковъ Өедулов., его Матер. для библіогр. 933. 934.
Берлинъ, г. 1773
Бернадотъ, принцъ Шведскій 249. 266. 1069.
Бернардо-Жилли, Гасконецъ 23.
Бернулли, ученый, его путешествіе по Лифляндіи и Курляндіи 400.
Берлинъ, г. 1773.
Берольдингенъ, 417, 420, 423.
Бертранъ, графиня, въ Донесен. гр. Бальмена, 691., 721, 722. 729, 730. 777. 781, 785. 787. 809. 810. 822. 824. 826. 835. 836. 838.
Бертранъ, гр. въ Донесен. гр. Бальмема 649 — 651, 652 — 654, 659, 660, 662 — 664, 667— 669, 673—677. 686. 688, 689, 691, 692, 696—698. 700, 702, 703, 707—709, 721, 723, 726. 729, 730, 770, 772, 779, 784 — 787, 793 — 798, 800 804, 805, 807, 832. 837.
Беръ, его изданіе 404.
Бестужева-Рюмина (ур. кн. Долгорукая), гр.

супр. гр. Андр. Алексѣевича 37.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петровичъ. Гр. Н. И. Панинъ разсказывалъ о немъ в. к. Павлу Петр. 53; проситъ Екатер. о «посланіи» сына его «на усмиреніе» въ Свирскій мон. 201. 202, ненависть къ нему Фридриха вел. 1776, 1778. упом. 2104.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Андрей Алексѣев. Екатерина на куртагѣ обручила его съ кн. Долгорукою 37; обѣдаетъ у в. кн. Павла Петр. 60; заключенъ въ Свирскій мон. 201. 202.
Бестужевъ (Марлинскій), Александръ Александр. пис. къ А. М. Андрееву 606 — 608. участв. въ возмущеніи 14 Декабря 1825 г. 735, 051. его дружба съ Рылѣевымъ и участіе въ Альманахѣ *„Звѣздочка“* 053, 055 — 058 (1669).
Бестужевъ, Никол. Александр. декабристъ, 052, 053, 055.
Бестужевъ, штаб. капит. Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка, декабристъ, 051.
Бесѣды, село, Московск. у., 1085.
Бетли, аулъ 1053.
Бетлингъ, академ. 323.
Бетси, любимица Наполеона I-го 673, 674.
Беттихеръ, генералъ-суперинтенд. указалъ на вызовъ Грефе въ Россію, 317.
Бетховенъ, 349, 359, 378.
Бетчеръ, резид. 1758.
Беցкій, Ив. Ив., въ Дневн. Порошина, 14, 15, 23, 27, 28, 34, 38, 41, 58. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1858.
Бибиковъ, Александръ Ильичь, въ Дневникѣ Порошина 4. 5. 11. 20. 23. 28; въ пис гр. С. П. Румянцова 853.
Бибиковъ, Алексѣй (Ильичь), въ Дневникѣ Порошина, 27, 29.
Бибиковъ, Вас. (Ильичь), въ Дневникѣ Порошина 23. 36. 38.
Бибиковъ, Дм. Гавр. Кн. Вяземскій о немъ 175. въ Бородинской битвѣ 07.
Бибиковъ, И. А. 533.
Бибиковъ, М. Л., 039.
Билевичъ, Степ. помѣщ. 1514.
Билярскій, Петръ Спирид., академ. 1987, 1988.
Бингамъ, Джорджъ, генер. бриг. на о-вѣ св. Елены 804. 805.
Бипъ, цитадель въ Павловскѣ, 1925.
Биронъ, 59. 143.
Бистромъ, ген. лейт., 740.
Блазіусъ, путешеств., 036.
Блаказъ, гр. въ пис. Суворова 210.
Бланкеннагель, Вильгельмъ 1766.
Блашке, Эдуардъ Леонтьев., врачь 1044.
Блекмей, капит. 704, 706, 710, 713.
Блудова, гр. Антонина Дм., 039.
Блудовъ, (гр.) Дм. Никол. изд. XII тома исторіи Г. Рос. 339. объ Озеровѣ 124. 125. (упом. 039) о сочиненіи Коцебу «Свитригайло» 626, 627. переписка съ нимъ кн. Гедройца 1485-1542, обвин. кн. Шаховскаго въ паденіи Поликны 2041. уп. 2092. 2100.
Блумбергъ, Андр. Григ., 1041.
Блюммеръ, Игнатій, бригадн. ген. 1222.
Блюхеръ, 274, 277, 304.
Боальдье, 1708.
Бобейко, 601.
Боборыкинъ, Петръ, статьи въ Revue positive 038.
Бобринскій, гр. Александръ Алексѣев., 1041.
Бобринскій, гр. Влад. Алексѣев., 1041.
Бобринскій, гр. флигель-адъютантъ. посланъ въ Лифляндію 1302; его всеподданѣйшій рапортъ 1302, 1303.
Бобровскій, іером. 1496.
Бобруйскъ, гор. 1154. 1156.
Бобръ, р., 1148, 1149.
Бово (Beauveau), г-жа 665, 671.
Боганинъ, Тахтаралей, переводч. 1765.
Богдановичь, Ип. Өедор., секретаремъ при кн. А. М. Бѣлосельскомъ,

въ Дрезденѣ 22, подноситъ в. кн. Павлу Петровичу свою поэму *Сугубое Блаженство* 22
Богдановичъ, М. И. военн. исторіогр., 010, 063.
Богемія, 251, 252, 453, 463.
Богородское (Масальское) село, Москов. уѣзда, 1084, 1085, 1087.
Боде, бар. М. Л., сообщ. пис. Екатер. и Суворова 213; 2105.
Бодиско, Орлов. помѣщ., 546, 571.
Бодиско, лейтен. гвард. экип., декабристъ 052.
Бокъ, генер. 855, 856, 864.
Бокъ (фонъ), Остзейскій публиц. 1260, 1276, 1282.
Болдино, Нижегор. имѣніе Пушкина 1065.
Болеславъ Смѣлый, кор. Польскій 1722.
Бологовской, помѣщ. 533.
Болотниковъ, въ Дневникѣ Порошина 17.
Бонами, ген. 062, 063.
Бонапартисты, 656, 657, 688, 690.
Борисовъ, адмир. 846.
Борисовъ, гор., въ 1812 г. 1147—1151; 1153—1158; 1160, 1161, 1163, 1168, 1174.
Бородинская битва, 1452.
Бороздинъ, Г. А. 061, 063.
Бороздинъ, К. М. 338.
Бортнянскій, отзывъ о немъ М. И. Глинки 359, 360.
Борхъ, гр. Александръ Михаил. 1041.
Боссаковскій, Осипъ Франц., 1041.
Боссетъ, въ Дневн. Порош., 33.
Ботвинко, въ пис. къ еп. князю Гедройцѣ 1509.
Брамбеусъ бар. см. *Сенковскій*.
Браницкій, вождь Тарговицкой конфедер. сатира на него 585.
Брасово, село Ст. Ст. Апраксина, Орловск. г. Сѣвск. уѣзда 546, 548, 554, 555, 556, 557, 569—571.
Брахманъ, фельдъ-егерь 574.
Бреверлъ, вице-презид. Юстицъ-Колегіи 1734-1736, 1749, 1760.
Бретель, 1789, 1792.
Брзожовскій, кол. ас. Ордеръ къ нему Потемкина 921.
Брикнеръ, проф. 111.
Брилово, деревня, 1159—1164, 1166, 1172.
Брисъ, священ. на о-вѣ св. Елены 687, 689, 714, 716.
Бровковъ, въ Дневн. свитск. офиц. 1813 г. 220, 222, 241, 245, 246, 248, 255, 266, 269.
Бронштейнъ, Пав. Яковл. докторъ 1044.
Брунъ, Пав. Конст., докторъ 1045.
Брутъ, Александръ Ив. субъ-инспект. Спбург. студентовъ, 308, 315, 326, 328, 329.
Брюловъ, 348.
Брюно, философъ 065.
Брюсъ (урожд. Румянцова), гр. Праск. Александр., въ Дневн. Порошина 42. 56. 57; въ Автобіогр. гр. С. П. Румянцова 847
Брюсъ, гр., 194
Брюсъ, Романъ, ген. л. 1755, 1756.
Буало, 142
Буве, отецъ, 1401.
Бугъ, р. 1152.
Будбергъ, бар. (Андр. Яковл.), въ пис. кн. А. Б. Куракина 420, 423, 426, 436; при воспитаніи в. кн. Александра и Констант. Пав. 1092—1094, 1095, 1097, 1098.
Будбергъ, сек. маіоръ, замѣстилъ гр. С. П. Румянцова въ Стокгольмѣ 882.
Будвергъ, бар. въ пис. Жуковскаго 81—83.
Будбергъ, бар., Эстляндск. гражд. губерн. 1526.
Будошники, 630.
Булатовъ, полковн. 736, 052.
Булгаковъ, Александръ Ив. 350, 351.
Булгаковъ, Александръ Яковл., москов. почтъ-директоръ 367.
Булгаковъ, Конст. Алексанр. письма М. И, Глинки 341, 346, 349—380. 1137.
Булгаковы, 372.
Булгаринъ, Ѳад. Венед., 335. язвительные отзывы о М. И. Глинкѣ 341. 342; въ пис. С. Н. Глинки 604; сотруд-

никъ Полярной Зв. 056; письмо къ И. П. Липранди 1553—1559; отзывъ о немъ Греча 1559; Пушкина 2068.
Булычевъ, Демьянъ Дем. 1040, 1041.
Булычевъ, Ив. Демьян. 1041.
Бульмеринкъ, о Нижегор- ярмаркѣ, 036.
Бунинъ, Ив. Петр. въ Швеціи 118. 119.
Буонавита оцецъ, 821. 822. 824. 826. 830.
Бурбоны, 665, 670.
Бурцева, помѣщица 1085.
Бутера (ур. кн. Шаховская), кн. 1589.
Бутервекъ, проф. 330.
Буткевичъ, Пав. свящ. 1499, 1500.
Бутковъ, П. Г. 2099.
Бутлеръ, ген. 1771, 1783, 1784.
Бутовичъ, Викентій, 1525, 1519, 1520.
Бутурлина, (ур. гр. Воронцова), гр. Анна Артем. 1712.
Бутурлина (ур. кн. Куракина), гр. Ек. Бор., 1814, 1819.
Бутурлинъ, гр. Александръ Бор., фельдм., въ Дневникѣ Порошина, 13, 14, 43, 59; письма къ И. И. Шувалову 1767—1774.
Бутурлинъ, гр. (Дм. Пет.), 1711
Бутурлинъ, Дм. Петро , воен. писат., 532.
Бутурлинъ, гр. Мих. Дм., о театрѣ графа С. М. Каменскаго въ Орлѣ 1707—1712; замѣтка о гр. М. А. Воронцовой 1712—1714.
Бутурлинъ, гр. Пет. Александр., 1787, 1788.
Бутурлинъ, флиг. адъют., посылается въ Лифляндію 1325, 1326. 1329, 1331, 1336, 1351.
Бутырскій, Никита Ив. проф. Спб. унив. 329—331. 335.
Бычковъ, Аѳан. Ѳедор. академ, его библіографич. труды 921, 922.
Бѣгичевъ, писатель 340.
Бѣлецкій, Матв., переводч. 1765.
Бѣлинскій, критикъ 1141, 1669, 1670.
Бѣловъ, упр. гр. И. Г. Черн. 1817, 1825.
Бѣлошицкій, Александръ переводч. 1664.
Бѣльскій, писат. 1722.
Бѣляевъ, Илья Вас., 1988.
Бѣляевъ, учен. Вологодск. гимназіи 322.
Бѣлянцы, село 1395.
Бюллеръ, бар. Ѳедоръ Андреев., 1041.
Бюнцлау гор. 234. 240.
Бюрсэ, Аврора, директриса Им. театра, въ Москвѣ 1454.

* * *

Вагенгеймъ, придворная дама 1101.
Вагенгеймъ, Як. Гр. 1045.
Вагенгеймъ, Сам. Берн. 1045.
Вагнеръ, Андр. Андр., 1042.
Вагнеръ, его виды Кавказа, *036*.
Вадбольскій, декабристъ 052.
Вадковскій, Ѳ. Ѳ. въ Дневн. Порошина 32.
Вайземанъ, Вильямъ, капит. 816. 817.
Вакселева, помѣщица 533.
Ваксманъ, Адольфъ Карл. врачь 1044.
Валицкій, студ. Дерптск. унив. 1214.
Валкскій уѣздъ, 1285, 1320.
Валліано, маіоръ 901, 912, 917, 918.
Валуева, въ пис. кн. А. Н. Голицына къ гр. А. А. Орловой 954; въ Зап. Саблукова? 1917.
Валуевъ (Дм. Александр.), пріобрѣлъ греч. рукопись «*Краткое исповѣданіе Православной церкви*» 94: ум. въ Новгородѣ, на пути въ Германію 94.
Валуевъ, Петръ Петр. убитъ при Бородинѣ 178. 179. 06.
Валуевъ (Петръ Степ.?), 761.
Вальгутъ, мыза 1345.
Вальденбергъ, Максимъ Григор. врачъ, 1044.
Вальтеръ - Скоттъ, 188: его романами Карамзинъ «освѣжалъ душу» 592.
Вальцъ, Карлъ Фридрих., врачъ 1044.
Ванговъ, капит., 816. 817.
Ванорлей, художн. 1815, 1819.
Варженевскіе, 1453.

Варлаамъ (въ мірѣ Новгородскій посадникъ *Своеземцевъ*), св., основатель Богосл. монастыря 1077, 1078.
Варлаамъ, игум. Богословскаго м—ря 1078.
Варлаамъ архим. Голутвинскій, 041.
Варлаамъ, архим. Ростовскаго Борисоглѣбск. мон. 1105.
Варна, крѣп., 1072.
Варсанофій, игум. Богословск. м—ря, 1078.
Варсанофія, монах. предсказываетъ о рожденіи и. Павла 1126.
Варшава, г. 224. 1220.
Варшавская чернь, 1490.
Василій Великій, 1453.
Василій Іоанновичъ, в. кн. 1080. 1716.
Василій Исаврійскій, его сочиненія 1115.
Васильевъ, Александръ, священ. 1396.
Васильевъ, Александръ Серг. 1042.
Васильевъ, гр. (Алексѣй, Ив.), 1691.
Васильевъ, Алексѣй охотникъ 1679.
Васильевъ, Тим. Серг., 1042.
Васильевъ, Іоаннъ, свящ. 1392.
Васильевъ, Іосифъ, протоіерей, его пис. къ кн. П. А. Вяземскому о кончинѣ Плетнева 337.
Васильевъ, секр. 740.
Васильевъ, танц. 1709.
Васильчиковъ, маіоръ, команд. конной гвардіи, 1886.
Васильчиковъ, Алексан-ъ Алексѣев. сообщ. пис. Екатерины, 208; гр. Ростопчина 749.
Васильчиковъ, камерг. въ Автобіографіи С. П. Румянцова 842.
Вассіянъ, іером., о кончинѣ м. Димитрія Сѣченова 196.
Ватье, ген. 010.
Вахтмейстеръ, гр. Іоаннъ и Николай, 119.
Вашутинъ, въ Дневн. Свитск, офиц 1813. г., 221, 222, 224—226, 228, 235, 237, 241, 242, 244, 246, 248, 256, 267, 284, 296.
Вевиржаны, мѣст. 1512.
Ведровъ, В. Ѳ., замѣтка объ изд. книги *Correspondance sur Louis XVI, Marie Antoinette etc.* 025. 026.
Ведроша, р. 1716.
Вейдель, Марія Родіон. см. гр. *Панина*.
Вейкартъ (Жерве?), 1983.
Веймарнъ, (Ив. Ив.), 28. 29.
Веймарны, 1280.
Веймарскій вел. герцогъ, (отецъ супруга в. кн. Маріи Павловны?) 286, 430, 439.
Веймаръ, 286.
Вейтко, Андр. Валер., врачь 1044.
Вейцель, Яг. переводч. 1749, 1760, 1764.
Великополье, Новгородское имѣніе гр. Сперанск. 1689. 1973.
Веліо, бар. Ив. Осип., 1042.
Веліо, полков. 049.
Веллингтонъ, 304.
Велье, погостъ 1262.
Венденскій уѣздъ, 1262, 1285, 1320, 1321, 1324. 1350.
Венденъ, гор. 1291, 1292, 1320, 1351.
Ведениктъ, іером. 1594,
Венеровскій, въ письм. И. Г. Чернышева 1758.
Веніаминъ, (еписк. Нижегород. и Арзамасскій), его *Новая Скрижаль* 038.
Веревкинъ Петръ Влад., 1042.
Верещагинъ, Москов. купеческій сынъ, его смерть 011-016, 935, 936, 1401, 1445; останки 1446.
Веригинъ, чин. 1084.
Верлингъ, д-ръ 708—710, 712, 714, 721, 722, 770, 772, 773, 775.
Вернеръ, въ Днев. Порош., 4.
Вернизоберъ, Яковъ, переводч. 1749, 1760, 1766.
Верпаховскій, И. П., сообщ. матер. для біогр. Озерова 2029 — 2032.
Верросскій уѣздъ, 1262, 1320, 1321.
Верстовскій, 363.
Верховскій, Тимоѳ. протоіерей Спб. Никол. единовѣр. ц. 1602.
Верхоустье, погостъ 1262.
Веселковъ, кол. ас. 1487.
Веселово, 1152, 1153. 1156, 1157, 1160, 1161.
Веселовскій, Ив. Сем., 1988.

Вессельгофъ, помѣстье, 1324.

Вешняковъ, Ѳ., его De l'economie de travaux scientifiques et esthetiques, 037.

Вигель, Фил. Филип. 033; директоръ Департ. Дух. дѣлъ 1489.

Видаль, соч. о Восточн. войнѣ 751.

Викторія, корол. Великобр., 027, 028.

Викторовъ, А. Е., его библіограф. труды 921. 922.

Викторъ, іером. 1388.

Викторъ, маршалъ, 1154, 1175, 1428.

Вилейскій повѣтъ, 1561.

Виленская губ. 1124, 1487, 1491.

Виленская общая коммиссія по крестьянск. дѣламъ 1366; комитетъ 1373, 1374.

Виллерсъ, (содерж. института въ Москвѣ), 1409, 1410. У него жилъ К. Ѳ. Калайдовичь 1717.

Виллерсъ, Лука, бухг. 1751, 1760.

Виллерсъ, ас. 1753, 1761.

(Вильгельмъ), пр. Виртембергскій, 449, 459, 476, 481.

Вилькомірѣ, гор. 1343.

Вильна, гор. 1125, 1157, 1211—1214, 1216, 1434, 1458, 1510.

Вильсонъ, 271.

Винтеръ, Нассаусск. чиновн., 88.

Винценгероде, бар., ген., 225, 1436, 1462.

Виньоль, священ, 821, 822, 826.

Виртембергцы, 1422.

Вистъ, Фр., секр. 1756, 1757.

Витвортъ, лордъ, 1930.

Витгенштейнъ, въ Дневн. Свитск. офиц., 241, 245, 272—274, переправа черезъ Березину 1149, 1151—1156, 1158, 1159, 1165, 1167—1170, 1174, 1176. (1652).

Витебская, губ. 1335.

Витовтъ, в кн. Литовскій, 1080.

Вишневскій, лейтен., декабристъ, 740.

Вишняковъ, въ Дневн. Свитск. офиц. 1813 г. 221. 224—226. 228. 241—243, 254, 267, 296.

Віардо, 346.

Віельгорская, (ур. кн. Биренъ - Курляндская, Луиза Карловна), граф. въ пис. Жуковскаго 960, 964.

Віельгорскій, (Іосифъ Михаил.), графъ, его кончина 960.

Віельгорскій, гр. Матвѣй Юр. предложилъ образовать общество для вспомоществованія бѣднымъ, 1006, 1022, 1039; посѣщаетъ М. И. Глинку въ Берлинѣ 1141.

Віельгорскій, гр. Мих. Юр. письмо къ нему Жуковскаго 644—648 его романсы пѣлъ М. И. Глинка 343, к. скорбѣлъ объ его кончинѣ 376 (упом. 352. 1039.)

Владевичь, Филоѳ. протоіер. 1631.

Владимірская губ., 547, 553, 564.

Владимірскій комитетъ по крестьянск. дѣламъ 1370, 1372.

Владимірцовъ, Яковъ Петр., 1042.

Владиміръ, архіеп. Казанскій 930.

Владиміръ, іеродіаконъ, 1388.

Владиславлевъ, издатель 1557; на вечерѣ у П. А. Плетнева 1666, 1667, 1670.

Водовъ, Никол. Ив. 1042.

Водонкуръ, Вильгельмъ, генер. 1151.

Воейковъ, (Алексѣй Васильев.?), въ Дневн. Свитск. офиц. 1813 г. 231, 267, 280, 291.

Воейковъ, Александръ Ѳедор. помѣщ. свои произведенія въ *Полярн. Зв.* 055; профес. Дерптскій 1384; въ пис. Карамзина 1386; на вечер. у Плетнева 1666 1669.

Воейковъ, губернат. Орловскій, 554, 557, 568, 569—573.

Воейковы, 533, 547, 559.

Возняковскій, Михаилъ Стан. врачь, 1044.

Войновъ, ген. 1157, 1160, 1171, 1172.

Волковъ, Александръ, капит., 1946.

Волковъ, Никол. Ст., 1042.

Волконская, (ур. кн. Бѣлозерская Бѣлосел ѣ-

ская), Зенаида Александр. посланіе къ ней Козлова 058.
Волконскія, княжны, 227, 229. 233.
Волконскій, кн. Мих. Никит., 201.
Волконскій, кн. Петръ Михаил., въ Дневн. Свитск. офиц. 1813 г. 221, 223, 226, 228, 230—232, 235, 237 — 239, 241—244, 246, 248, 250, 251, 253, 254, 256, 257, 266 — 268, 280, 291, 295, 296, 301, 302. Въ донесен. гр. Бальмена 688, 691. (упом. 1069), противникъ гр. Аракчеева, 1070.
Вологда, гор. 553, 1387, 1389, 1391, 1393.
Вологодская гимн. 319.
Вологодская губ. 531.
Вологодская епархія 1579.
Вологодскій комитетъ по крестьянск. дѣламъ, 1370.
Волховъ, р., 1463, 1481.
Волынскій, Артемій Петр., упом. въ пис. Озерова 143. 144. 150. Статьи о немъ 032.
Волынскіе, 2104 и 2105.
Вольмарскій округъ 1320, 1321, 1325.
Вольтеръ, его «сентенціи« читалъ в. кн. Павелъ Петровичъ 27. Dictionnaire philosophique 50. С. Н Глинка не признавалъ его истиннымъ трагикомъ 142. 143. (упом. 582) бар. Гриммъ препровождаетъ къ нему стихи гр. С. П. Румянцова 844; пис. къ Епиналь 844; отношенія къ Гримму 844. предсказываетъ посѣтившему его гр. С. П. Румянцову карьеру 844. (упом. 847, 1774, 1776, 1777, 1779, 1857, 1861,.
Вольфъ, Сигизм., совѣтн. Ю. коллегіи 1735, 1736, 1749, 1760, 1766.
Вонифатій, іерод., 1388
Ворки, мѣстечко 1518.
Воробьева, А. Я., актриса, 342.
Воробьевы горы, видъ съ нихъ на Москву 029.
Воронежскій комитетъ по крестьянск. дѣламъ 1370. 1371.
Воронежъ, гор. 1781, 1782.
Вороновъ, Андр. Степ. 337.
Воронцова, гр. Елиз. Ром. 1807. 1811. 1838. 1890.
Воронцова, гр. Мар. Арт. ея обращеніе въ католичество 1712—1714.
Воронцова, (ур. кн. Трубецкая, въ 1-мъ бракѣ Столыпина) кн. Мар. Вас. 1728.
Воронцовъ, гр. Александъ Роман, государств. канцл., 1727. мѣсто его погребенія 1728.
Воронцовъ-Дашковъ, гр. Ив. Ил. 1039.
Воронцовъ, гр. Мих. Илар., канцл. письмо его къ И. И. Шувалову 1774—1779. пом. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1784, 1785, 1788, 1791, 1794, 1795, 1797—1801, 1806, 1807, 1808, 1810, 1812, 1815, 1820, 1832, 1838, 1852, 1853, 1865.
Воронцовъ, (кн.) Мих. Сем. намѣстникъ Кавказскій 982, 987; проэктъ объ освобожденіи крестьянъ 1070; Турецкая война 1072.
Воронцовъ, гр. Ром. Илар. 1781, 1782, 1789, 1792.
Воронцовъ, кн. Сем. Мих. 1727. 1728, 1772, 1947.
Воронцовъ, гр. (Сем. Ром.?), 1800, 1808, 1812.
Воронцовы, 740.
Врангель, бар., кавказскій генер. 1047, 1054. 1055. 1056.
Вреде, ген. 294.
Всеволожская (Соф. Серг.?), 224.
Всеволожскій (Сергій и Илья Алексѣевичи?). Пожалованы Екатериною (1765 г.) камеръюнкерами 54.
Всеволожскій, (Никол. Сергѣев. путешеств,), объ его Московской типографіи 1456. 1457. въ *Воспоминаніяхъ* г-жи Фюзи 1457
Вульфъ (фонъ), 1314, 1319.
Вурмъ, ротм. 52.
Вурмъ, Яг. переводч. 1749, 1760.
Вучаховскій, Герм. Ѳед. врачъ 1044.
Вырубовъ, редакторъ Revue positive, 038.
Вѣжайцы, мѣст. 1512.

Вѣна, гор. 387, 390, 393, 396, 428, 437, 1825.
Вѣнскій дворъ, 1774.
Вюрцау, имѣніе гер. Людвига въ Курляндіи 419, 422.
Вяземская (ур. Трубецкая, Елена Никитишна?), княг., 5.
Вяземскій, кн. Александръ Егор. 1042.
Вяземскій, кн. Александръ Алексѣев, ген. пр., въ Дневникѣ По. рош. 4, 8, 26, 32, 33; въ пис. Екатер. 200; въ разсказахъ кн. С. М. Голицына 630, 631; письма къ митр. Гаврiилу 1616—1619.
Вяземскій, кн. Александръ Серг. 1711.
Вяземскій, кн. Андр. Ив. его дружба съ гр. Л. К. Разумовскимъ 02.
Вяземскій, кн. Петръ Андр. начерталъ характеристику Озерова 124, 125, 132, 150; его Поминки по Бородинской битвѣ 175—182, Воспоминанія о 1812 г. 181—185,01—011; мнѣніе о романѣ «Война и Миръ» 185—01; 1713 о гр. Ростопчинѣ 011—016; пис. къ нему протоіер. Васильева о кончинѣ Плетнева 337; упом. въ письм. Карамзина къ гр. С. П. Румянцову 596, Жуковскому 1383—1385. въ письм. Жуковскаго къ гр. Мих. Ю. Віельгорскому 644 — 646·648; помѣщалъ въ Полярѣ. Звѣздѣ свои произведенія 055; упом. въ пис. гр. А. Ѳ. Ростопчина 935, 936, его стихотв. *Памяти А. С. Норова* 067—074. Его объяснеіе паденія *«Поликсены»* 2032 — 2045. Кольцовъ посвящ. ему свои стихотвореніе 2027.
Вяземскій, кн.? упом. въ пис. гр. Ѳ. В. Ростопчина 762.
Вязмитиновъ, Серг. Кузмичъ, воен. мин. 1377, 1379, 1380.
Вятская губ. 1366,

* * *

Габонскій. тит. сов., 1486, 1488, 1507, 1517, 1524, 1525, 1528, 1537 — 1540.
Гавріилъ, митр. Новгр. и Спбургскій, отвѣтъ имп. Павлу 644. Членъ Св. Сѵнода 1108, 1110; получаетъ отъ Павла золотую медаль 1112; отъ имп. Екатерины бархатную мантію 1118, 1119. бумаги его 1569—1650.
Гага, загородное мѣсто близь Стокгольма 117.
Гагарина (ур. Кондоиди) кн. Ел. Пв. 1647—1649.
Гагарина (ур. кн. Лопухина, Анна Петр.), 1939.
Гагаринъ, кн. Левъ Никол., 1042.
Гагаринъ, Матвѣй (Алексѣевичъ?) въ Дневн. Порош. 28, 48
Гагаринъ, князь Петръ Иван., 1647—1649.
Гагаринъ, кн. Серг. Вас., въ Дневн. Порош., 4, 28, 31—33, 37, 38, 41, 50, 55.
Гагаринъ, кн. Ѳедоръ Ѳедор., (ген. маіоръ), адъютантъ кн. П. И. Багратіона 08, въ пис. Пушкина 1066. 1068.
Гагаринъ, кн., въ пис. Жуковскаго 87, 88.
Гагемейстеръ (фонъ), 1287, 1294, 1314, 1319, 1320, 1324, 1351.
Гадарюэль, 1404.
Гадонъ, Тельшевскій маршалъ, 1498, 1504, 1505.
Гаевскій, Викторъ Павл., 1042.
Гайосъ, архим. 1628, 1629.
Гакстгаузенъ, (бар. Августъ), путешественн., 032 кіевскія пещеры 036.
Галаганъ, Григ. Павл., 1718—1721.
Галаховъ, Пв. Ал., 1039.
Галиція, 453, 463, 1128, 1129.
Галлартъ, ген. 1757.
Галле, 295.
Гальбе, оф. 267, 270, 273, 282.
Гамбургцы, 23.
Гамильтонъ, переводч. 1754.
Гамильтонъ, художн., 1816, 1820.
Гаммъ, о саранчѣ 036.
Гамперле, адъюнктъ 1548, 1549.
Ганстенъ, о чудесахъ природы въ Ширванѣ 036.

Ганибалъ, Абр. Петр. его дружба съ фельдм. гр. А. Б. Бутурлинымъ 1767, 1768.
Гарновскаго домъ, въ Петербургъ 1930.
Гартингъ, (Мартынъ....... ....?), полковн. упом. въ Дневникѣ Свитск. офиц. 1813 г., 241, 242, 248, 296.
Гартманъ, Карл. Карл., врачъ 1045.
Гатчина, 1878, 1879, 1880, 1914, 1915, 1951.
Гатчинская армія и флотъ 1879, 1880, 1881, 1883, 1887, 1888, 1889.
Гаугвицъ, гр. 1133.
Гауке, Маврикій, гр., 1222.
Гаусманъ, Ал. Сем., врачъ 1045.
Гвоздикова, (урожд. Коростовецъ), 1722.
Гвоздиковъ, пом. 1722.
Гебель, 359.
Геберъ, Генр., кам.-шрейб. 1747.
Гевецъ, Генр. 1760.
Геденъ, об. кригсъ-фиск. 1756—1759.
Гедеоновъ, Ѳ. А. 356.
Гедеоновъ, Ст. Ал., 1042.
Гедеонъ, намѣстн. Александроневской л., 1115.
Гедеонъ, Богоявленск. архим., 1389.
Гедройца, кн. Іосифъ, еп. Самогитскій, 1489, 1507. 1517, 1518, 1520, 1526, 1530, 1538.
Гедройца, кн. Симонъ, еписк. Адрамитенскій, его переписка въ 1831 г. съ (гр.) Д. Н. Блудовымъ 1485. 1491, 1496 —1499. 1501 — 1507. 1512—1514. 1515—1517—1521. 1523—1525. 1526 — 1533, 1537—1542; съ бар. М. И. Паленымъ 1492—1495, 1499—1501. 1507 1508. 1514. 1515. 1425; съ Ѳ. К. Ширманъ 1517. — 1523. 1533 — 1536; письмо къ нему предводителя мятежниковъ 1508—1510; его племянники 1526.
Гейдельбергъ, гор. 292, 293.
Гейденрейхъ, Людв. Андр. врачъ 353, 368, 369.
Гейденрейхъ, Ферд., протонатар. 1749, 1760.
Гейкингъ, бар. 1275.
Гейлигензе, помѣстье 1333.
Гейнау, гор. 233.
Гейне, филологъ 318.
Гейнюкъ, аулъ, 1062.
Гейсмаръ, ген. лейт., 1215.
Гельціусъ, 848.
Гельманъ, коммиссаръ, 1334.
Гельманъ, полицейм. 1439.
Геннадій, архим. 579.
Гендель, 360, 361.
Генингъ, архиваріусъ Кенигсбергскій, 613, 614.
Геништа, 355, 359.
Генрихъ, пр. 853.
Генрихъ IV, кор. фр. 206, 207, 1219.
Георгій, принцъ Ольденбургскій, 763, 764.
Георгъ, II, кор. Англ. 581.
(*Георгъ*, III), кор. Англ. 846, 847; королева 847.
(*Георгъ IV*), кор. Англ. (принцъ-регентъ 793, 794.)
(*Георгій*?), пр. Мекленбургъ-Стрѣлецкій 476, 481.
Георгія св. кавалеры 208.
Герасимовъ, пропорщ. 1217. 1218.
Герасимовъ, Андрей, свящ. 1399.
Герасимовъ, мѣщан. г. Колы 1632.
Герасимъ, игум. Богословскій, 1078.
Герасимъ, митр. Кіевскій 616, 618—620.
Герасимъ, еписк. Герсовскій, 1607—1609.
Герасимъ, (Князевъ), архим. 1593.
Гербачевскій, Пв. Мих., 1042.
Гербертъ, лордъ 846.
Гердеръ, 1385.
Герлицъ, гор. 236,
Германія, 1815, 1820.
Германъ, филологъ 316.
Германъ, музыкантъ 361.
Германъ, ген. пор. 209.
Германъ, архіеп. Новгор. 1077.
Германъ, игум. Духовскій, 196.
Гермесъ, Богд. Андр. Пермск. губерн. 1686. 1688.
Гернгроссъ, 240.
Гернгутерство и *Гернгутеры*, 198, 199, 234, 236, 248, 1261, 1327.
Гернгутъ, гор. 236.
Геродотъ, 327.
Геронтій, игум. Богословскій 1078.
Герцъ, въ Парижѣ, 365.

Гессе, коменд. Московскій, 170—174.
Гиббонъ, (Эдуардъ), историкъ, его сочин. руководствовался Лагарпъ 76; его замѣчаніе о храбрости 137. 138.
Гильдебрантъ, 1211 — 1214, 1215, 1217, 1218—1220.
Гимры, мѣсто рожденія Шамиля, 1052.
Гинкуло, 601.
Гинтеръ, Ив., совѣтн. 1755, 1756.
Гинтеръ, Ив., секр. 1753, 1761.
Гинтилло, каноникъ Самогитскій, 1486, 1487, 1495, 1498, 1499, 1501, 1507, 1508, 1517, 1524, 1528, 1537—1540.
Гирдвойнъ, римск. кат. свящ. 1499, 1500.
Гіонъ, г-жа, 1197.
Гіонъ, врачъ, 194, 195.
Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, 1363.
Глазовъ, оф. 222.
Глазуновъ, Александръ Ильичь, 927—932, 934.
Глатцъ, гор., 250, 251, 1772.
Глинка, Мих. Ив., воспом. о немъ М. Н. Лонгинова и кн. В. Ѳ. Одоевскаго 340—349. В. Н. Кашперова 1137—1144; его письма къ К. А. Булгакову 349 — 380. къ В. Н. Кашперову 1143 – 1146 (1668).
Глинка, Серг. Никол. Замѣчанія Озерова объ его Русск. Вѣстн. 129. 142 (1202) его трагедія Михаилъ Черниговскій 142, 143. пис. къ Н. И. Гречу 603 (уп. 751).
Глинка, Ѳедоръ Никол. посѣщаетъ литерат. собранія К. Ѳ. Рылѣева 054, помѣщаетъ свои произвед. въ Полярной Зв. 055.
Глинка, проживаетъ въ Парижѣ и издаетъ *О Наукѣ человѣческаго Общества* 038.
Глотовъ, морякъ, деревенскій сосѣдъ кн. А. С. Меньшикова и первый наставникъ его въ морскомъ дѣлѣ 1071.
Глухово, село Московской губ. Дмитр. у. родовая отчина кн. М. А. Оболенскаго 1080.
Глѣбовъ, (Александръ Ив.) 1807, 1811, 1830, 1831.
Глѣбъ Святославичь (ст. 17), с. кн. Святослава Іоанновича, кн. Смоленскій 1080.
Глюкъ, 359, 361, 378, 379.
Глюкъ, Хр., ас. 1745, 1759.
Гнѣдичь, Никол. Ив. его перев. Иліады 109. 339; въ пис. Пушкина 602, помѣщ. свои произ. въ Полярн. Зв. 055.
Гоа, его конфектный магазинъ, въ Москвѣ, 1196.
Гогель, капит. 066.
Гоголь, Никол. Вас. 190, 339, 645, 1141, 1670. 1672, 1713.
Голенбовскій, Петръ, секр. 1765.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. Вас. запр. Плетневу переписываться съ Пушкинымъ 2069.
Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Арк. Павл. 357.
Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Смоленскій, Мих. Илл. въ Записк. Порошина 4, 8, 31—33; въ *Поминкахъ по Бородинской* битвѣ и въ Воспомин. о *12-мъ* годѣ кн. Вяземскаго 175, 176, 03 (09) 014. директорство въ 1-мъ Кадетск. Корпусѣ 165.; въ Дневникѣ Свитск. офиц. *1813* г. 224, 234, 235, 237, 240. Бородинск. битва 061, 062; переправа черезъ Березину 1152—1154, 1156, 1158, 1164, 1165, 1167—1170, 1175 (1209) упом. 1406, 1430, 1652.
Голицына, (ур. кн. Куракина), кн. Татьяна Борисовна, супруга фельдм. кн. Мих. Мих. 841, 851.
Голицына, (ур. гр. Чернышева), кн. Анна Григ. 1853, 1856, 1857.
Голицына (ур. Чернышова), княг. Нат. Петр. 12.
Голицына (ур. граф. Шметау), княг. Амалія Самуил. Выдержки изъ ея дневника и переписки 028. славилась своимъ bel esprit 0.28.
Голицына (ур. Шувалова). Праск. Ив. 1858.
Голицына (ур. Энгельгардтъ), кн. В. В. 1853.

Голицына, княг. бригадирша, ея имѣніе (Родогощъ) въ Сѣвскомъ у. 546, 554, 568.

Голицынъ, кн. Александръ Мих. (фельдм.?) 52, 1570.

Голицынъ, кн. Александръ Мих. вице-канцлеръ, въ Дневн. Порош. 5, 11, 18, 21, 26, 28—30, 32, 34, 37, 41. 50, 52, 59.

Голицынъ, кн. (Александръ Мих.), оберъ-камергеръ 851.

Голицынъ, кн. Александръ Никол. Коцебу представляетъ ему свое соч. о Свитригайлѣ 616—626; свиданіе и бесѣды съ Фотіемъ 932—936. Фотій миритъ его съ митр. Серафимомъ 931; дѣлаетъ наставленіе Фотію, что̀ и какъ говорить съ Царемъ 927; Фотій не сообщаетъ ему о предметѣ своей бесѣды съ Царемъ 942—942; Фотій заступается за него 943, 944. Письма его къ граф. А. А. Орловой 943 — 958, обращеніе Эстовъ 1266 (оберъ-прокуроръ Сената 1378) письмо къ Моск. Архіеп. Августину 1387. упом. 1552, 1702 въ письмахъ гр. Сперанскаго 1979, 1982; его докладъ о «Поликсенѣ» 2032, замѣчаніе о немъ кн. П. А. Вяземскаго 2036, 2039.

Голицынъ, кн. Александръ Өедор. 1767.

Голицынъ, кн. Алексѣй, сенаторъ (1758 г.) 740.

Голицынъ, кн. Григ. 763.

Голицынъ, кн. Дм Алексѣев. послан. въ Голландіи, 028.

Голицынъ, кн. Дм. Влад. Москов. генер. губернат., 632.

Голицынъ, кн. Левъ Григ. 362, 363.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. фельдм. 841, 851, 1067.

Голицынъ, кн. Петръ Мих, полковн. (1765 г.) 56.

Голицынъ, кн. Серг. Григ. 362, 363.

Голицынъ, кн. Серг. Мих. его разсказы 627—644.

Голицынъ, кн. Серг. Павл. 1042.

Голицынъ, кн. Як. Александр. 763. 764. его жена 763, 764, сынъ 763, 764.

Голицынъ, кн. Өед. Ник. 1867, 1868.

Голицынъ, кн. Өед. Серг., 1853.

Голицынъ, кн., гофмаршалъ (1765 г.) 28.

Голицынъ, кн. его имѣніе въ Владимірск. губ. 547.

Голицынъ, кн. въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1806, 1810.

Голицынъ, кн. команд. Конной Гвардіи, 1909.

Голицынскіе крестьяне 573.

Голландеръ, Альбертъ, педагогъ 032.

Голландцы, 23.

Головинъ, въ Дневн. Порош., 33.

Головкина, гр. 533, 538.

Головнинъ, Вас. Мих. на о. св. Елены, 784, 786, 789, 790—792.

Головцынъ, въ Дневн. Порошина, 4, 5.

Голотль, аулъ 1053.

Голубинскій, Өеод. Александр. протоіер., проф. Московск. Д. Академіи, его рукоп. замѣч. на книгу Штрауса 317.

Голубцовъ, Өеод. Александр., управляющ. м—мъ фин. 139, 146, письмо къ нему Озерова 151.

Гольдернесъ, лэди, въ Автобіогр. С. П. Румянцова, 846.

Гольдингенъ, мѣст. 1320.

Гильштейнъ, Петръ, актуаріусъ 1753, 1761.

Гомеръ, 88, 133, 144, 327, 645.

Гончаровъ, (Ив. Александр.), писатель 035.

Гончаровы, 1726.

Горацій, 321, 1071.

Горбуновъ, Ор. Өед. 1989.

Горбуновъ, Ө. А. 1190.

Горбуны, дер. 1085.

Гордонъ, лордъ, 846, 907.

Горэжды, мѣст. 1512.

Горностаевъ, проф. Акад. Худ. 745.

Городецкій, кварт. надз. 1216.

Городковъ, Мих. Ив., 1042.

Городковъ, Мих. Родіон. врачь 1045.

Горрекеръ, майоръ, 676, 677, 698, 700

Горскій, губ. марш., 1514.
Горскій, Іосифъ, ст. сов. вицегубернаторъ, декабристъ, 051.
Горсъ, въ бумаг. гр. Бальмена 777, 781.
Горчаковъ, (Андр. Ив.), его Рижскій полкъ былъ назначенъ для усмиренія крестьянъ, 553 — 556, 567, 568, 572.
Горчаковъ, кн. Алексан-ъ Мих. (канцлеръ?) упом. въ пис. Жуковскаго, 95, 96, 98.
Горѣловъ, Герас. Вас. 1042.
Государственный Совѣтъ, 1135, 1661, 1662.
Гофманъ, Богд. Еф., врачъ, 1044.
Гофманъ, 1766.
Гофренъ, 127.
Гохегеръ, издатель 036.
Граббе, Пав. Христоф. переп. съ С. А. Масловымъ 061 — 064; (1051); сыновья 1057.
Граве, вице-губ. во Владимірѣ 563.
Граве, Ив. актуар. 1746, 1760. 1766.
Граль, живопис., 209.
Грановскій, Тимоф. Никол. 042, 1672.
Гранъ, 1509.
Грассъ, живоп., 033.
Графенштейнъ, художн. 1816, 1820.
Графъ, В. Е., 1989.
Грациневскій, секр. 306.
Гребенка, писат. 1667, 1669.
Гребнеръ, Генр., канцел. 1747, 1760.
Греве, почмейст. Тверской, 760.
Грейгъ, Сал. Карл. адм. переписка съ митр. Гавріиломъ 1581 — 1585.
Грейгъ, адм. 1070; пис. къ б. Левенштерну 1659, 1660.
Греки, 226, 227, 593, 905—908, 912, 1431, 1799.
Грефе, Карлъ Бог. врачъ, 1044.
Грефе, Ѳеод. Бог. акад. и проф. 315 — 325, 327—329.
Гречь, Алексѣй Никол. 1555, 1556.
Гречь, Никол. Ив. 335, 340, письма къ нему Стурдзы 600, 601, Пушкина 602, 603 (стихи А. Е. Измайлова 603) С. Н. Глинки 603—606; литер. собранія 053, 054. Отношенія къ Булгарину по изд. Пчелы 1553—1559, письмо къ нему Карамзина 1723, 1724 свѣдѣн. о немъ 1989 — 1996.
Грибоѣдовъ, Александръ Серг. 191, помѣщ. свои произв. въ *Полярн. Зв.* 055.
Гриббе, ген. м. 389, 390.
Григорій Назіанзинъ, 1115.
Григорій Цамблакъ, митр. Кіевскій, 616, 619.
Григорій, архіеп. Тверскій (митроп. С. Петербургскій), 314, 745.
Григорій, свящ. 542.
Григорій, свящ. 1613.
Григоровичъ, (Дм. Вас.), писатель 1141.
Григоровичъ, Никол. Ив. начальникъ Сѵнод. Архива въ С. Петербургѣ, сообщ.: письма Екатер. въ митр. Димитрію 196—202; кн. Кантемира къ Ѳеофану 578—581. О посѣщеніи имп. Александромъ Павловичемъ Смоленскаго кладбища 075, 076, имп. Николаемъ — Св. Сѵнода 739—752, Ириней Псковскій 1103 — 1126; матеріалы для біограф. м. Гавріила 1560 — 1650
Григорьевъ, Ап. Ал. 1671.
Григорьевъ, Вас. Вас. профес. 305 (1042)
Григорьевъ, пом. свои произв. въ *Полярн. Зв.* 055.
Гриммъ, бар. 843, 844, 847.
Гриневичъ, его диссертація, 1550.
Грамонъ, акт. 401.
Гротъ, Констан. Карл. 1042.
Гротъ, Як. Карл. Акад. сообщилъ: «Къ истор. Шведск. войны въ 1788 г.,» III — 124 и письма къ И. И. Шувалову 1769.
Груберъ, абб. начальн. Іезуитской коллегіи,

въ Пбургѣ, 633.
Грузино, село, 1189—1192; восп. о немъ 1462—1484. «Грузинскій монастырь» 1656.
Груль, Христ., коммис. 1748, 1760, 1766.
Грушлавки, 1505.
Грюнъ, ген. 508, 513.
Грязновъ, Тим., 1831.
Губ‹е›ръ, переводч. Фауста 1667, 1670.
Гугенбергеръ, Карлъ Ив. врачь 1045.
Гугертъ, врачь, 98.
Гудовичь, гр. Андр. Ив. 03.
Гудовичь, гр. Ив. Вас, фельдм. главнок. въ Москвѣ, «опеленали мерзавцы» 761; смѣненъ 184. Его братъ 764.
Гудсонъ-Лоу, губерн. о-ва св. Елены, 647, 650, 653, 655 — 657, 659, 660, 668 673, 676—684, 686 — 688, 690 — 693, 695 — 698, 701 — 710, 712, 713, 719 — 724, 726, 727, 729, 730.
Гунзахъ, столица Аварскаго ханства. 1053.
Гунибъ, 1048, 1053—1058.
Гуннъ, капит. 784, 786.
Гурго, ген. 655—662, 664—666, 668—673, 699, 701, 1151.
Гурко, Александръ Осип. 1041, 1042.
Гурни, слесарь, 1444.
Гурьевъ, Александръ Гр. 1838, 1848, 1851, 1861. 1865.
Гурьевъ (..........? Григ.) 1838, 1848, 1851, 1857. 1861, 1865.
Гурьевъ, (графъ) Дм. Александровичъ, 1378 въ письм. Сперанскаго 1658, 1696, 1699, 1700—1703. 1971, 1972. 1973, 1974, 1876. 1977. 1882. 1984 упом. 1851.
Гурьевъ, Селив. Дан. 1816.
Густавъ III, кор. Шведскій, III, 112, 115, 117—122, 124, 209, 845, 873; его супруга 117.
(*Густавъ IV*), кор. Шведскій 863, 868—870, 872, 874, 875, 1134.
Гюве, архитект., 1189.
Гювитъ Як. совѣтн. 1753, 1761, 1766.
Гюго, Викторъ 074.
Гюе, факторъ типографіи, 1456.
Гюппе, его обзоръ управ. Польск. респ. 026

* * *

Даву, маршалъ, 063, 1424.
Давыдова, пом. 547, 559.
Давыдова, домъ въ Москвѣ 1425.
Давыдовъ, Ден. Вас. пом. свои произв. въ Полярной Зв. 055; 2094.
Давыдовъ, (книгопродавецъ?) 1557.
Д'Аламбертъ, 5, 582.
Далеръ, Ив. Христіан. 1042.
Далинъ, (Олофъ), историкъ Шведскій 9.
Далоко, учит. муз., встрѣча его съ имп. Павломъ 167, 169.
Даммъ, художн. 1816, 1820.
Данауровъ, ген. 1895.
Дандли, дочь Гельвеціуса 848.
Данилевскій, (Михайловскій?), в. ист. 248.
Даниловъ, богачь, 1921.
Даніель-Бекъ, султ. Элисуйскій 1049, 1055.
Даніилъ, патр. Антіох., 1607.
Даніилъ, Александровичь кн. Московскій, его св. мощи 1393.
Даніилъ, иг. Богословскій 1078.
Даніилъ, иг. Долматовскій 1617.
Данія, 1133.
Дармштадтъ, гор. 292.
Д' Артуа, гр. 848, 853.
Дарья Алексѣевна, кн?, въ Зап. Порош. 17, 24.
Дарю, гр. 1457.
Даунъ, гр. 1769.
Дашкова, (ур. Воронцова) кн. Ек. Ром., 214, 642, 850. 1782, 1833.
Дашковъ, (Дм. Вас.), обвинялъ кн. Шаховскаго въ паденіи «Поликсены» 2041; 2099.
Дворянство (французское), 206, 207
Дебнеръ, пробстъ 1341.
Де-Бошанъ, его Critique histor. 1457.
Де-Виньеръ, Шарль 1442.
Де-Витте, полк. 1505, 1525.
Девозъ, художн. 1815, 1819.
Де-Горсъ, кап. 811, 812, 828, 829.
Дегуровъ, Ант. Ант., рект. Спб. унив. 306, 307, 335; професс. въ

Харьк. 1541—1553; сочин. 1546; его семейство 1542.
Дезинъ (фонъ), служащій въ Адмиралтействѣ, 882.
Декалсъ, Андрей 1761.
Деламиль, кап. 119.
Деларю, Мих. Дан., 041, 042; перев. изъ В. Гюго 074. 2075.
Делейенъ, Як., ас., 4755, 1760.
Делинь, проф. 503, 507, 519. 524.
Дельвигъ бар. Ант. Ант., 042, упом. въ пис. Пуш. 602, помѣщ. свои произ. въ Пол. Зв. 055; его біографію собир. писать Пушкинъ 2068. 2069
Дельгамъ, подп. 564.
Делюсине, прап., 1213, 1214, 1216—1219.
Демарсе, его изрѣченіе 604.
Демидовскія имѣнія, 547.
Демидовъ, (Пр. Акин?) 4.
Демидовъ, Лавръ Льв., воспом. о немъ 155—157.
Демидовъ, его домъ въ Петербургѣ, 1841.
Демосѳенъ, 185, 328.
Демчинскій, Алекс. Вадим., врачъ, 1996.
Денъ, муз., снош. его съ М. И. Глинкою, 1141, 1143. 1144. 1145. 1146.
Деньги, 1461.
Депрерадовичь, ген. 1930.
Де-Пуа, кн. 848.
Де-Пуле, Мих. Ѳед. Крестьянск. движ. при имп. Павлѣ 525—577.
Дергачь, прап., уб. 1476.
Деревяницкій Новгородскій мон. См. *Монастыри*.
Державина (ур. Дьякова), Дар. Алексѣевна, 931.
Державинъ, Гавр. Ром., стих. надъ гробн. Инокент. архіеп. Пск. 198 (упом. 331) стих. Памяти. Герою 552. Мин. Юст. 1377—1380. Сенат. 1567. почетн. чл. Харьк. Универс. 2020 2021. Пушкинъ о немъ 2069.
Дерикеръ, Вас. Вас., 1040, 1042.
Дерптскій универс., 1214.
Дерптскій уѣздъ, 1320, 1321.
Дерптъ, гор. 1261. 1322. 1324.
Де Тарантъ, княг. (Луиза Эмма) 1712.
Де-Шликъ, канон. 1505, 1506.
Джаксонъ, лейт. 663, 669, 708, 709.
Джемаль-Эддинъ, сынъ Шамиля 1050.
Джоліо, Мих. Лук., ген. м., его принош. въ Чертк. библ. 039.
Дземышкевичь, Март. Петр., врачь, 1045.
Дивовъ, Ник. Адр. 587. привелъ въ поряд. Румянц. бум. 588, 612, 613, 840; часть оныхъ представилъ имп. Николаю 840.
Дивовъ, камерг. 863.
Дидро, 582.
Д'Изарнъ, свѣдѣн. о немъ 1400; его разск. о 1812 г. 1405 — 1441 (1442, 1445, 1462) 2021. 2022.
Димитрій Св., царев., вскрытіе его мощей 634.
Димитрій, изъ князей Смоленскихъ 1080.
Димитрій (Сѣченовъ) митр. Новгород., пис. къ нему Екатер. 196—202 (упом. 1570).
Дистъ, въ Дневн. Свитск. Офиц. 1813 г. 302.
Дицъ, въ пис. Сперанск. 1685.
Дмитревскій, акт., 20, 56.
Дмитревскій, Петръ, сынъ акт. 56.
Дмитріева-Мамонова, гр. Марія Александр., 87.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Матвѣй Александров., 01, 02.
Дмитріевъ - Мамоновъ, Матвѣй Вас. 634.
Дмитріевъ, Ив. Ив, стихъ изъ его *Модной Жены* 182, 183; пис. къ Деларю 042. Записки 530. пис. къ нему Карамз. 587. помѣщ. свои произв. въ Пол. Зв. 055. стихъ изъ его басни *Чижикъ и Зяблица* 1555. почетн. Чл. Хар. ун. 2020; 2095.
Дмитріевъ, Ив. Ив., свѣд. о немъ, 1996.
Дмитріевъ, Мих. Ал. 013, 319; 2092—2096.
Дмитріевъ, Христоф., переводч. 1765.
Дмитрій Демьяновичъ,? упом. въ Зап. Порош. 20.

Дмитрій Донской, 131, 142.
Дмитрій Самозванецъ, 593. 1872.
Днѣпръ, р. 1165.
Доббертъ, Як. Дан., лейбъ-хирургъ 1997.
Добролюбовъ, Серг. Мих., врачь 1045.
Доброхотовъ, Ив. Серг., врачь 1045.
Добряковъ, Ник. Ив. 327.
Довкинсъ, резид. англ. въ Навпліи 892.
Довята, мятежн. 1504.
Докучаевъ, Н. М. 106.
Долговъ, Аѳан. Иванов., Московск. городск. голова, обновитель Симонова м-ря 629.
Долгорукая (ур. гр. Бутурлина), кн. Ек. Алек. 13.
Долгорукая(ур. Дезвортъ), княг. Марія 077.
Долгорукая, княжна Ек. Дм. 077, 078.
Долгорукая (ур. Шереметева), кн. Нат. Бор., 077, 078.
Долгорукая, княжна Нат. Дм., 077, 078.
Долгорукая (ур. Хитрово), кн. Соф. Никан. 077.
Долгорукіе, кн. 077, 078.
Долгорукій, кн. Алексан. Ив. по поводу его некролога 077, 078.
Долгорукій, кн. Дм. Ив., его собр. автогр. 213. упом. 077; свѣд. о немъ 1997,
Долгорукій, кн. Ив. Алексѣев., 077.
Долгорукій, кн. Ив. Мих., 077, 078.
Долгорукій, кн. Ник. Ал. Полтавск. предв. двор., 372.
Долгорукій, кн. Ник. Ан. Вилен. губ., 1215 — 1217.
Долгорукій, кн. Вас. Серг., 1042.
Долгорукій, кн. Юр. Вл., 566, 567. 572.
Долгорукій, кн. Як. Ѳед., 1381. 1382.
Долтухо, чечен. 979.
Домбровскій, ген. 1173.
Домбровскій, ксендзъ 546.
Домергъ, его труппа 1455.
Дометій, протоіер. 196.
Домонтовичь, тайн., сов. 335.
Дональдсонъ, портн. 1924, 1925.
Донаурова,(ур. Веригина), Марья Ѳедот. 1951, 1953.
Донауровъ, Мих. Ив. 1953.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн. М. А., попеч. Спб. учеб. окр. 319, 320.
Донецкая, станица 1635.
Донской, секр. консист., 1087. 1088.
Донъ Педро, муз. 346.
Доримедонта, иг. Зачатейская 1397.
Д'Оррерь, б. воспитат. Д. В. Веневитинова 2021.
Дороѳеевъ, Кондр., охотн. 1679.
Дороѳей, іером. 1606.
Досадинъ, въ журн. кн. Репн. 562.
Досиѳей, еписк. Орловскій и Сѣвскій, 1636.
Досиѳей, іером., настоят. пр. церкви въ Килѣ 1593, 1594.
Дрансковичь, ген. фельдм. 1770.
Древицкій, маіоръ, уб. 1476.
Дрезденъ, 238, 240.
Дружининъ, Александръ Вас. 1042.
Дружининъ, Н. И. 327.
Дубянскій, Ѳеодоръ Яковл., духовникъ 9, 10.
Дука, ген. 1709.
Думашевъ - старшій, въ письм. гр. И. Г. Чернышева 1786.
Думеркъ, ген. 1173.
Дуппельтъ, ген. м. 1320.
Дурасовъ, Московск. полицейм. 012.
Дурново, въ Дневн. свит. Офиц. 1813 г. 231, 246, 248, 257, 261, 267, 296, 302.
Дурова, (ур. Заборовская), 041.
Дуровъ, на его дочери б. женатъ И. Н. Скобелевъ 041.
Духовная Коммиссія «объ установленіи народныхъ учил.» 1572 — 1574, 1578, 1579.
Душенька, Богдановича 22.
Дьяконовъ, Пв. Пв. 1042.
Дюбордье, маіоръ 114.
Дюверлсье - де - Гораннъ, писат., 1403.
Дюкло, 1455.
Дюма, 1453.
Дюмарескъ, 55.
Дюръ, Н. О. 350.
Дюфуръ, ген. 063.

Евгеній, м. Кіевскій, его словари 926.
Евгеній, (Булгаръ), архіеп. Славенскій и Херсонскій 1598.
Евгеній, папа, его буллы 618, 628.
Евгеній, герц. 427, 436.
Евдокимовъ, кавказск. ген. 1055, 1060.
Евдокимовъ, Савелій, охотн. 1679.
Евреиновъ, Мих. Мих., его приношеніе въ Чертк. библіот. 040.
Евреиновъ, Пав. Алекс. 1701.
Евреиновъ, въ пис. гр. И. Г. Чернышева, 1856.
Еврипидъ, 149.
(*Евсевій*), экзархъ Грузіи, 1063.
Евѳимій, иг. Богословскій 1078.
Егали, аулъ 1051,
Египетъ, 1431.
Егоровъ, Емельянъ, свящ. 1397, 1398.
Егоровъ, художн. 1180.
Егоровъ, поруч., уб. 1476.
Езерскій, маіоръ 468, 471.
Екатерина I, имп. 634, 635.
Екатерина II, Великая, имп. въ Зап. Порош. 1, 4—8, 10, 12—21, 24, 27, 30—32, 34—38, 40—60, знала о существованіи этихъ Записокъ 62, 63, въ письм. Порошина 64. Швед. война *1788 г.* 12, 115, 116, 119—121, ея вѣкъ 158, 159, 525—530, 576; воспит. въ кад. корп. 160—165; служба 165; записки ея къ Ан. Н. Нарышк. 193—195; пис. къ мит. Дмитрію 196—202; гр. Н. П. Румянц. 202—206; высокое мнѣніе ея о французск. дворянствѣ 206—208; письма къ фельдм. гр. В. П. Мусину-Пушк. 208, 209, къ С. А. Колычеву 209; снош. съ Испаніею 211; сожалѣетъ о кончинѣ М. П. Нарышк. 213; историкъ кн. М. М. Щербатовъ находился въ числѣ недовольныхъ ею 220; открытіе памятника Петру Великому 526; сл. при ней Репнина 549; приглаш. Ж. Ж. Руссо въ Россію 581, 582; польскія сатиры 585, спокойствіе въ минуту опасности 614; разсказы кн. С. М. Голиц. 629—631, 635, 637—644; записка гр. Ростопчина 759; упом. въ Автобіографіи и пис. гр. С. П. Румянцова 842—844, 850—854, 856, 858, 860, 861, 862, 864, 865, 866, 881, 882; дѣла Шведск. 867, 869, 870, 872, 874, 875, 879; картина ея двора 1089—1102; проповѣди Иринея 1106; дѣла сѵнод. 1106—1112, 1587—1623, 1627—1629, 1629, 1632, 1633; жалуетъ митр. Гавріила и Платона бархатными мантіями 1118, 1119; учрежд. ею ордена 1123; рескрипты архіеп. Иринею 1123—1125; восп. Троицкаго старца о ея воцареніи 1180; указы ея о службѣ дворянъ 1377; деньги 1461; рескрипты митр. Гавріилу 1569—1589; повелѣла при молебствіи о Чесменской побѣдѣ возглашать *вѣчную память* Петру Великому 1596, 1597; занятія Русскою исторію 1624, 1625; уп. въ пис. гр. И. Г. Чернышева 1805—1812. 1845, 1873, въ Зап. Саблукова 1874, 1876, 1879, 1881, 1882, 1884, 1885, 1887, 1889—1891, 1933.
Екатерина Павловна, (в. кн.) 395 въ письм. кн. Куракина 386, 388 391, 394, 395, 397, 398, 401—404, 439, 443—452, 454, 456—463, 465, 466, 469, 472—477, 478—483, 489, 492, 494, 497, 508, 514, письма гр. Ѳ. В. Ростопчина 759—762.
Елагинъ, А. А. 2094.
Елагинъ, Ив. Перф. 11, 23, 26, 27, 30, 44, 48, 50.
Елена Павловна, в. кн. 1096.
Елена Павловна, в. кн. 647; отзывъ о ней кн. А. Н. Голиц. 957, 958.
Еленскій, Алексѣй, заключенъ въ Соловецкій мон. 1632.
Елисавета Алексѣевна, (импер.) избр. въ суп.

в. кн. Александру Павловичу 202—206; обрученіе 860; черезъ Карамзина проситъ гр. Н. П. Румянцова доставить ей книгу Брюса 591, 592, (593) издатели Полярн. Звѣзды поднесли ей послѣдній томъ своего сборника 055 (1712), упом. въ Зап. Саблукова 1901, 1942, 1946.
Елизавета Петровна (имп.), 3, 8, 12, 122, 134, 195, 199, 408, 841, 1126, 1261. 1767. 1773, 1775, 1776. 1777, 1778, 1779, 1784, 1798—1802, 1806, 1810, 1830, 1831, 1846, 1847.
Елизавета, эрцгерцог., 392, 395. 428, 437.
Елисаветградъ, гор. 1606.
Еліатовъ, 558.
Елпидифора, иг. Иван. мон. 1394.
Емельяновъ, въ Дневн. Свит. оф. 1813 г. 221, 223, 225, 231, 239, 240. 245.
Енгель, Ѳ. И., 129.
Еникѣевъ, Сулейманъ, переводч. 1765.
Енкуватовъ, кн. Степ., 1679.
Епиналь, г-жа 844.
Ермолаевъ, Ив., сенатск. об. секр. 740.
Ермолаевъ. Ис., ег. 1679.
Ермоловъ, Александръ Петров., фаворитъ 854.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., участіе въ Бородинск. битвѣ 061—063; во время опалы у деревенскаго священника учился по-латынѣ и тоже совѣтовалъ кн. А. С. Меньшикову 071.
Ермоловъ, Никол. Алексѣев., солд. л. гв. преобр. п. 411.
Ермоловъ, полковн. партизанъ, 1173, 1174.
Еропкина полкъ 024.
Еропкинъ, Петръ Дм. 14.
Еропкинъ, пом. 533.
Ершовъ, Ал. Ст, свѣд. о немъ 1997. 1998.
Есиповъ, Г. В. сообщ. Роспись охоты царской 1681.
Есиповъ, Казанскій депут. 2059.
Естифеевъ, *Яковъ* подъячій 2050.
Есфирь, иг. Рождеств. мон. 1394.
Ефи....?..., фрейл. 31.
Ефремова казачій полкъ 573.
Ефремовъ, Петръ Александр., принадлежащій ему экземпл. *Звѣздочки* 057.
Ефремъ, иг. Богословскій 1078.
Жагоры, мѣст. 1499.
Жаровскій (Jarowsky), перевелъ на французскій яз. книгу Ратча 035.
Жегаръ, мѣст. 1320.
Желязевичь, Руд. Андр., 1042.
Жераръ, ген. 886, 888—890. 896, 900—903, 912, 914, 915, 916, 918.
Жераръ, библіогр. 1456.
Жеребцова (ур. гр. Зубова, Ольга Ал.?), 1930, 1932.
Жиды, 221, 222, 225.
„Жизнь за Царя“, 341, 342, 344. 348, 352, 375, 1144, 1168.
Жоку, бар. 848.
Жомини, ген. 253, 258.
Жоржъ, актр. 127, 1202.
Жуковская Алекс. Вас. (фрейл.) 97. 98, 99, 100, 101, 102, 103. 104, 105, 106, 107, 110, 645, 646.
Жуковская (ур Рейтернъ), Елиз. Алексѣевна 91—93. 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 645, 646; 964. воспоминаніе о ней 2023—2026.
Жуковскій, Вас. Андр. письмо его къ протоіер. Базарову 81—106, послѣдніе дни жизни 99—108, 110, 111. Сочиненія 108—110; мысли о церкви 109, 110; участіе въ войнѣ *1812 г.* 05, 06, 010; близость съ Плетневымъ 332; біографія 336; стихотвор. привѣствіе в. кн. Маріи (Николаевнѣ *1851 г.*) 372—382; письмо къ гр. Мих. Ю. Віельгорскому 644—648; помѣщ. свои произвед. въ Полярн. Зв. 055, письмо къ гр. Соф. Мих. Сологубъ 958—964; пріятельск. отнош. съ М. И. Глинкою 1139 (1141) письма къ нему Карамз. 1383—1386. упом. въ Воспомин. И. С. Тургенева 1670, 1672, 1675, 1700; отвѣтъ его ген. Башуцкому 1726; женитьба 2023—2026;

обвинялъ кн. Шаховскаго въ паденіи Поликсены 2041. (2043). Упом. 2069.

Жуковскій, Пв. Вас, 97—107. 110.

Жуковскій (Бернетъ) стихотвор. 1670, 1671.

Жуковъ, Вас. Гр., 1039.

Жюльены, сем. 1455, 1456.

* * *

Заблоцкій, Пав. Парѳен. врачь 1045.

Заборовскій, И. А. 040, 566.

Завадовскій, гр. Петръ Вас. 407, 411, 845, 853, 865, 1548.

Завалишинъ, Дм. Ир. 1184.

Завитаевъ, Ѳад., охотн. 1679.

Заволодскій, нѣкто 1304.

Загорскій, литерат. 055. 2099.

Загоскинъ, Мих. Никол. 340.

Загряжская, (ур. гр. Разумовская), Нат. Кир. 214, 1883, 1884.

Загряжскій, шталмейст. 1397.

Задлеръ, Карлъ Карл. 1044.

Зайковскій, Дм. Дм., свѣд. о немъ 1998.

Зайончекъ, ген. 1128, 1173.

Зайцевъ, Ал. Ег., свѣд. о немъ 1998, 1999.

Закревскій, Ив. Вас., чл. Общ. посѣщ. бѣдн. 1042.

Залеманъ, Юлій Мих., врачь 1044.

Залувецкіе, казаки, 1926.

Зальцъ, Ант., ас., 1745, 1759.

Залѣевъ, Левъ, переводч. 1765.

Залѣсскій, марш. 1514.

Зандтенъ, Герн., кам. шрейберъ 1751, 1760.

Запорожская Сѣчь, 26.

Зарудный, изюмскій деп. 2060.

Засѣцкій, подпр., уб. 1476.

Зауръ, чеченецъ 971—974, 976, 979. 987.

Зедергольмъ, Карлъ Алб., свѣд. о немъ 317. 1999, 2000.

Звѣгинцевъ, И. А. 943.

Звѣздочка, альманахъ 053—060.

Здекауеръ, Ник. Ѳед.. врачь, 1045.

Зеелиндъ,, Ив., кам. шреиб. 1747. 1760.

Зеки, Мих., учит., 1765.

Зембинъ, мѣст. (Минск. губ., Борисовск. у.) 1153, 1157, 1160, 1162—1165, 1169, 1171.

Зибертъ, Сам. Ив., экзекут. Моск. Почтамта 366, 370.

Зимняковъ, Харит. Ник., 1042.

Зиновьевъ, упом. въ Зап. Порош. 32.

Зиновьевъ, Ст. Ст., послан. въ Испаніи, письм. къ нему гр. А. А. Безбородк. 210—213.

Злобина 1685.

Злобинъ, Конст. 1688, 1690, 1983.

Знаменка, слоб. 1603

Зонтагъ, Анна Петр. 96.

Зоричъ, Сем. Гавр. 845.

Зотова гр. Екатер. Петр. 1397.

Зубовъ, А—ъ Андр. губ. прок. 306.

Зубовъ, гр. Вал. Александр. 1378.

Зубовъ, гр. Ник. Ал. 1885, 1930.

Зубовъ, гр. Плат. Алексанр. 641, 857, 859. 861, 864, 870; отзывъ А. И. Маркова 871. 876; другъ в. кн. А. и Конст. Павл. 1094, 1098, (1097) п. Искры 1566—1568, уп. 1885.

Зубовы, 1929, 1930, 1931.

Зыбинъ, адъют. гр. Ожаровскаго 257.

* * *

Иббепіонъ, 676, 677.

Игнатій (Брянчаниновъ), архіеп., 2000 2001.

Иванова, дер. 558.

Ивановское, село, 1542.

Ивановъ, Василій, протоіер. 1636, 1637.

Ивановъ, Ив. «колоколешникъ» 1681.

Ивановъ, Яковъ, егерь 1679.

Ивановъ, Ѳедоръ, 1639.

Ивановы, казаки 988, 989, 994, 996, 997, 1001.

Иванчинъ Писаревъ (Ник. Дм.) 056.

Ивинъ, Евгр. Петр., 1042.

Игельстромъ, (Осипъ Андр.), 406, 409.

Игнатій, игум. 1078.

Игнатьевъ, Аѳ. Ив. бригад. 1642.

Игнатьевъ, пом. 533.
Игнатьевъ, камеръ-л. 6.
Игуменъ, гор. 1154.
Изабелла II-я 752.
Извѣковъ, пом. 533.
Излеръ, Ив. Ив. 1018, 1042.
Измайлова, пом. 533.
Измайлова, село 1677.
Измайловъ, А—ъ Ѳе. 056, 603.
Измайловъ, Владиміръ Вас. 056; п. Карамз. 599, 600.
Измайловъ, бриг. 49.
Измаилъ, игум. 1078.
Икскуль, графиня, 417, 420.
Икскуль, 298.
Иларіонъ (Кондратовскій) еп. 1590—1592, 1603.
Илишъ, Ѳед. Сам., 2001.
Илличевскій, Томскій губ. 1979.
Ильинъ, Вас. Вас., 1147. 1148.
Ильинъ, Мих. Ѳедор., 1040, 1042.
Ильинъ, ген. 1657.
Ильинъ, полк. 1657.
Ильинъ, кирасиръ 54.
Ильинъ, Ив., помытчикъ 1680.
Ильясъ, 981, 983—987.
Инзовъ, Ив. Никит., 572, 574.
Иннокентій, еп. 929.
Иннокентій, архіеп. Псков. 197, 198, 1108, 1110, 1113, 1572, 1573.
Иннокентій, архіеп. Херсонскій 96. 313.
Инсарскій, Вас. Ант., 1005—1046.
Ионгъ, пис-ца 029.
Ираклій, ц. Карталин. 1616.
Ираклій, архим. 1392.
Иринархъ (еписк. Рижскій), 1279—1329. удаленіе изъ Риги 1340, 1348.
Иринархъ, игум. 1078.
Ириней, архіеп. 1103—1126.
Иркутскъ, гор., 1979.
Исаевъ, Ѳедоръ, «волторнистъ» 1679.
Исаія, игум. 1078.
Исакъ Константиновъ, 1482.
Искра, Андрей, п. къ кн. Зубову 1566—1568.
Искрицкій, Ал Ал., 2001.
Исленьева, домъ въ Москвѣ 632.
Исленьевъ, ген. ад. 1463. 1464.
Ичь-Кале въ Навпліи 883, 910, 911.

* * *

Іоакинѳъ, архим. 1616.
Іоанникій, иг. 1078.
Іоанникій, архим. 196.
Іоаннъ Алексѣевичь, ц., 1077, 1080.
Іоаннъ Грозный, 1472.
Іоаннъ, протоіер. духовн. Имп. Екатер. 1107.
Іоаннъ, эрцъ-г. 392, 395, 444, 446, 450, 460, 451—455, 462, 464, 467, 470, 473, 475, 476, 478, 479, 486, 490, 494, 499, 508, 510, 513, 515.
Іоаннъ, мон. 949—951.
Іоасафъ, игум. 1616.
Іоасафъ, архим. 1605—1609, 1613.
Іоасафъ, іером. 1626.
Іоассонъ (Смогоржевскій), митр. 1620—1622.
Іовъ, патр., 1077.
Іовъ, архіеп. 1564, 1565.
Іона, митр., 745.
Іона, игум. 1077, 1078.
Іона, іером 1391.
Іосафатъ (Булгакъ), митр. 1489, 1490.
Іосифъ, имп. Австрійскій 212, 428, 437.
Іосифъ, эрцг. 509, 515, 413, 416, 444, 446. 1391.
Іосифъ, Бонапартъ 758.
Іосифъ, игум. 1078.
Іохемсъ, Авр. переводч. 1750, 1751, 1759.

* * *

Каанъ Андр. Ѳедор. 1044.
Кабановъ, фельдъег., 563, 565, 568. 572.
Кабатъ, Ив. Ив. 1045.
Казань, гор. 1430. 1449.
Казачковскій, 573.
Кази-Кумухское Ханство 1061.
Кази-Магомъ, 1049, 1061.
Кази-Мулла, 1052.
Каинъ, Иванъ, 1088.
Каисъ, Андр. 1766.
Кайсаровъ, Паис. Серг. 06.
Кайсаровъ, Юл. Мих. 1042.
Калайдовичь, Конст. Ѳед. 596, 921, 1715—1717.
Калачовъ, Никол. Вас. 3, 737—740.
Кальнофойскій 1716.
Каменецкій, Вален. Іордан. 1046.
Каменская Мар. Ив. (ур. Ефимовичь) гр. 1711.
Каменская, (ур. Левшина), гр. 1710, 1711.

Каменскій, гр. Мих. Θедот. его повара, 5; посѣщалъ в. кн. Павла 37, 59.
Каменскій, гр. Никол. Мих. 145, 1069, 1173.
Каменскій, гр. Серг. Мих. 1707—1712.
Каминскій, ген. 1173.
Кампанелла, филос. 065.
Кандіотти, Георгій, 882, 884, 885, 913.
Кандуріотти, 913.
Канифировъ, казакъ, 4.
Канкринъ, гр. Ег. Франц. 01; (уп. 233, 1487, 1488, 1553.)
Кантемиръ, кн. Антіохъ Дм. 578—581.
Канціани, танц. 1917.
Канцлеръ, Готфр., 1753. 1761.
Карповъ, Вас. Ник. 2001, 2002.
Капеллини, докт. 430, 439.
Капнистъ, Вас. Вас. 133.
Каподистрія, гр. Августинъ, 888, 893, 915.
Каподистрія, гр. Ив. Ант. 600; 881—919.
Капцевичь, ген. 05.
Караджа, кн. 888, 889, 891.
Карамзина, Екат. Андр. 648; 590, 598, 600, 1386; 594; 1384.
Карамзинъ, Іоасафъ, мон. 1079, 1080.
Карамзинъ, Андр. Никол. 1039—1041.
Карамзинъ, Никол. Мих. отн. къ гр. Ростопчину 185; записка о Польшѣ, 303, 304; п. къ гр. Румянцову 587—599, В. В. Измайлову, 599, 600; замѣч. на книгу Коцебу 617, 625—628; снош. съ Жуковскимъ, 645; уп. въ п. гр. Ростопчина. 764; дружба гр. С. П. Румянцова, 840; отзывъ Сперанскаго 919, 920. 1693. 1694. (уп. 1141); п. къ Жуковскому 1383—1386, къ Гречу 1723, 1724. его снош. съ Харьк. Унив. 2017—2021, уп. 2043, 2044.
Карамзины, 644 — 646.
Каранай, гора. 1052.
Карасъ, докт. 1419, 2022.
Каратаевъ, 921.
Карату, аулъ, 1049, 1050.
Каратыгинъ, акт. 1709.
Караянни, 895, 897, 909, 918, 919.
Карлгофъ, 1667, 1669.
Карлово, дер. 1555.
(*Карлъ-Евгеній?*), пр. Виртембергскій, 1814, 1819.
Карлъ, герц. Зюдерманл. 121, 209, 868 — 870, 874—876.
Карлъ. эрцг. 392, 395, 413, 416, 444, 446, 454, 463, 473, 479, 509, 514, 1133.
Карлъ, пр. Курляндскій, 44.
Карлъ X, кор. Франц. 1186.
Карлъ XII, Шведскій, 1721—1723
Карнѣевъ, 1547, 1559.
Карнѣевъ, Е. В. 1721.
Карцева, ея театръ 1455.
Карцевъ, пом. 547.
Касанъ, (Варθол. Касино), свящ. 579.
Касаткина, княг. 533.
Кассіанъ, ректор. 1105, 1599.
Кастеръ, мыза, 1263.
Кастренъ, 404.
Кауницъ, гр. 1794—1796.
Кауфманъ, Анжелика, 1093.
Каховскій, декабр. 051.
Каховскій, Мих. Вас. 1604, п. къ м. Гавріилу 1628.
Кашинъ, гимназ. 327.
Кашперовъ, Владим. Никит. 347, 364, 365, 377; его жена, 377, 1142, 1146; восп. о Глинкѣ 1137—1144; п. Глинки, 1143—1146.
Кашталинскій, 33.
Квановскій, Варθ. свящ., 1519, 1520.
Квасниковъ, Андр. куп. 200, 201.
Квистъ, Яковъ, переводч. 1746, 1760.
Квитницкій, ген. лейт., 1213.
Кедрскій, Ал. Вас. свѣд. о немъ, 2002.
Кейтъ, Выборг. губер. 113.
Кельдерманъ, Ив. переводч. 1764.
Кель, Як. Карл., музык. 369, 370.
Кемцъ, Луд. Мар., 2002, 2003, 2004.
Керберъ, пасторъ 1263.
Кернеръ, 103.
Керфъ, Ив. курьеръ 1766.
Кибитъ-Магомъ, наибъ 1053.
Киль, гор. 1593, 1594.
Кириловъ. П. его словарь, 042.
Кириловъ, Ив. Алексѣев. врачь, 1044.
Кириловъ, подпор., 1476.

Кириллъ, св., Бѣлоз. 1078.
Киршъ, подполк. 1287. 1288.
Кирьевъ, А-ъ Дм. 1042.
Киселевъ, гр. Пав. Дм. 1359.
Китайскіе домики, въ Царск. Селѣ, 590, 596.
Китайцы, на о-вѣ св. Елены, 810, 812—815.
Кистеръ, А-ъ Александр. врачь, 1046.
Кичеевъ, П. Г., 600.
Клейнау, ген., 272, 275, 276—282.
Клейнмихель, (гр.) Петръ Андр. 1469.
Кленментини, 1443.
Клементьево, село 1104.
Клингеръ, Ив., 964—1006.
Клингспоръ, б. ген. поруч., 864, 869, 874.
Ключаревъ, Ѳед. Петр. Моск. Почтъ-Дир., 011, 012; его сынъ, 011, 012, 762.
Кноррингъ, полк., 1153, 1154, 1156.
Княвичи, село 1636, 1637.
Княжевичь, (Дм. Макс.), 056.
Княжнинъ, (Як. Бор.), 164, (2038)
Кобазины, актрисы, 1710, 1711.
Кобенцль, гр. Лудв., 392. 393, 395 (1815, 1820?) 428, 437.
Ковалевскій, Ег. Петр., 039, 2105.
Ковалевскій, Оск. Юліан. врачь, 1044.
Ковалевскій, 1550.
Ковнацкій, марш. Шавельскій, 1498, 1502, 1504.
Ковно, гор., 1320.
Кожевниковъ, подпор., 052.
Кожинъ, ген. м. 1830.
Козельскій, Яковъ 2060.
Козловскій, кн. А-й Семен., 43.
Козловскій, кн. П. Б. 1712.
Козловскій, Юр. Юр., врачь, 1044.
Козловскій, тайн. сов. 43.
Козловъ, Апол. Ив., 242, 243, 247—249.
Козловъ, Гр. Ив. 1685.
Козловъ, Ив. Ив. 340, 056, 058.
Козловъ, Ив. Моск. куп. 1392.
Козминъ, 40.
Козначковъ, Петръ Всевол. 1042.
Койсу, рѣка, 1047, 1048. 1051—1053, 1058.
Койсубу, 1052.
Кокбурнъ, адм., 649. 650.
Кокенгузенъ, 1343.
Кокоревъ, Ег. Вас. 408.
Кокоревъ, Кондр. Алндр. діак. 955.
Кола, гор. 1633.
Коленкуръ, герц. 010, 1165, 1459.
Коленцъ, совѣтн. ком. кол. 1753.
Колетти, 893, 915.
Коллеръ, ген. 299.
Коллоредо, ген. 278, 279.
Колмаковъ, И. Е., 359.
Кологривовъ, полк. 1895. 1896.
Колокотрони, 893, 916.
Коломна, гор. 1447.
Коломудгарти, 889, 890. 902, 916, 917.
Колошинъ, Никол. Никол. 1042.
Кольбергъ, 1772.
Колычова, Нат. Зах., 213.
Колычовъ, Гр. Ив. 2104.
Колычовъ, Ив. Никит. 2104.
Колычовъ, Степ. Алексѣев. 213, 209, 210, 213.
Колычовъ, Ст. Ст. 215, 853.
Коль, 404.
Коль, торгов. домъ, 676, 677.
Колюбакинъ, маіоръ, 558.
Кольцовъ, А. В., 1668, 1671, 1772, 2026, 2027, 2028.
Комаровскій, гр. Евгр. Ѳедот., 468, 471.
Комаровъ, А-ъ Ал-ндр. 1042.
Комаровъ, Пензенск. казначей, 1976.
Конарскій, 1208, 1211, 1214, 1215, 1218—1220.
Конде, 210, 503, 507, 1400.
Кондратьевъ, пор. 1476.
Коновницынъ, гр. А—й Петр. 1042.
Коновницынъ, гр. Петръ Петр. 221, 230, 063.
Конрадинъ, гр. 037.
Константинополь, 1431.
Константинъ Іоанновичъ, кн. Острожскій 1717.
Константинъ Константиновичъ, кн. Острожскій, 1717.
Константинъ Николаевичъ, в. кн., 647, 1036 —1039.
Константинъ Павловичъ, (цесаревичь), ученикъ

Лагарпа, 75; его портретъ, 040; въ донесеніяхъ кн. Куракина, 388, 390, 425, 435, 444, 446, 469, 472, 488, 497, 510, 515; любимъ матерью, 633; 14 декабря 1825 г. 735, 736, 053; переписка съ гр Растопчинымъ 763—766; 845; первая женидьба, 1089, 1091, 1092, 1096 — 1102; наружность 1091; застѣнчивъ 1093; привязанъ къ воспитателю бар. Будбергу, 1093, 1094; качества 1094—1096; мнѣніе о придворныхъ, 1095; дружба съ П. А. Зубовымъ, 1098; вторая супруга, 633, 758, упом. 222, 248, 261, 1601, 1870; жизнь при Павлѣ 1887, 1888, 1896, 1897, 1920, 1921, 1927, 1928, 1934, 1935, 1936, 1940.

Контъ, Ог. 1706.

Конхидатль, аулъ, 1048, 1050, 1051.

Конхидатльскій мостъ, 1050.

Кончи, 1219.

Коньяръ, Мод. Маврик. Волог. вице-губерн. 353.

Коню, 1442.

Коппъ, докт. 646.

Коптевъ, Ив. «коблучешникъ» 1681.

Корвинъ-Круковскій, В. В. 1649, 1662.

Корелы, 126.

Кореневъ, Андр. Петр. 1042.

Коркодиновы, князья, 1078—1082.

Корниліусъ, Христ. кам. шрейберъ 1748, 1760.

Корниловичь, А—ъ Осип. 052, 053, 056.

Корниловъ, (Влад. Алексѣев.), адм. 382.

Корниловъ, ген. 1170.

Коробьинъ Г. М. 66.

Коробьинъ, Гр. Ник., 158.

Королевичь, студ. 1219.

Короновскій, 2073.

Коропацкій, Григ. семин, 532, 536, 539, 540.

Коростовцевъ, Люб. 1721. —1723.

Коростовцовы (Хоростовецкіе), 1722.

Корсаковъ Мих., 1042.

Карсаковъ, 563, фельдъег. 571.

Корсини, Іер. Дем. 1042.

Корфъ, бар. Мод. Андр. 613—628, 920, 1968.

Корфъ, бар. Никол. Ник. 1042.

Корфъ, 1808, 1812.

Корцаны, мѣст. 1503.

Коссиковскій, Всевол. Андр. 1042.

Костромская, губ. 531, 1370.

Костюшка, 1128.

Котлубицкій, полк. 1896.

Котляревскій, пис. 060.

Кохіусъ, ст. секр. 1745, 1760.

Кохъ, 036.

Коцебу, Авг. 613—628.

Коцебу, лейтен., 681, 683, 684.

Кочубей гр-ня Мар. Вас., 1883, 1884.

Кочубей, Вас. Арк. 1042.

Кочубей, Вас. Вас. 1042.

Кочубей, гр. Викт. Павл., 1884.

Кочубей, Никол. Арк. 1042.

Кошелевъ, Род. Александ. 943.

Кошелевъ, 214.

Кояловичь, истор. 615.

Кравченко, пѣвчій 1709.

Краевскій, Андр. Александр, 1013, 1042, 1557.

Кранихфельдъ, 328.

Краснопольскій, Алекс-ъ Андр. 1046.

Красноцвѣтовъ, 96.

Красовскій, полк. 1170, 1171.

Кребель, Руд. Христіан. врачь 1046.

Кребильонъ, траг., 143.

Крейтонъ, 468, 469, 472.

Крейцъ, гр. 111.

Кремеръ, г-жа 1689.

Кремневъ, бунтов. 538.

Креницинъ, А. Н., 057.

Крепишъ, 564, 566.

Крестовскій, 035.

Кретингенъ, 1503, 1508, 1512, 1523, 1524.

Крешевъ, стихотв. 1671.

Кривцовъ, Ник. Ив. 1440.

Криницкій, духовн. Государынь, 746, 955.

Криницынъ, лейтен., 880, 881.

Кристафовичь, Мих. Ег. 1042.

Кроаты, 1799.

Крокъ, 35.

Кромпейнъ, Ерн. 1766.

Кромы, 554.

Кропотовъ, (Ив. Ив. полковн.) 36, 43.

Кроточинъ, гор., 229.

Кругъ, истор. 614, 615.

Крузъ, (А-ъ Ив. адм.), 5, 9—11, 14, 17—19, 25, 26, 28, 29, 35, 42.
Крусали,истор.1755,1765.
Крыловъ, ценз. 042.
Крыловъ, Ив. Андр. 129, 131, 039, 056, 074.
Крымъ, 381.
Крюкова Праск. Алексан. 1685.
Кубена, рѣка, 540.
Кувальдинъ,Пав.Ив.1042.
Кудашевъ, кн. 222.
Кудрявой, Ѳедоръ, охотн. 1679.
Кудрявцевъ, Петръ Никол. профес. 1141.
Кудряшевъ, Пав. Ив. 1042.
Кузминская волость, Серпух. у. 1113.
Кузминъ-Короваевъ, подпор. 1211—1214, 1217-1219.
Кузминъ, Фил. охотникъ 1679.
Кузминскій, Г. И., 363.
Кукольникъ, Нест. Вас. 342, 352, 353, 356, 1669.
Кулаковскій, Генр. Казим. врачь 1046.
Кулевчи, дер. 1653.
Куликовскій, Адамъ, св. 1496, 1499, 1500, 1502.
Куличевскій, маіоръ, 1476.
Кулонгъ, об. инж. 1747.
Кулье, погостъ, 1262.
Кульманъ, Ф., 1005.
Куммеръ, типогр. 616.
Кумухъ, крѣп. 1061.
Куницкій, 601.
Куракинъ, кн. (А-ъ Бор.) воспит. съ в. к. Павломъ 7—10, 13, 14, 16—19, 21 — 24, 31, 53; письма къ и-цѣ Маріи Ѳеод. (1807 г.), 385—517; въ разсказѣ в. к. Павла 520, 523; разбир. бумаги Екатер., 642, 643; записка послѣ Аустерлицкаго сраж. 1125—1138.
Куракинъ, А-й Бор. перев. Озерова въ Лѣсной Деп. 124, ген. прокур. 531, 562, 563, 569; посланъ для принятія тѣла имп. Александра 631, 632; отзывъ имп. Николая 632. письм. къ м. Гавріилу 1641—1646.
Куракинъ, кн. Бор. Александр. 59.
Курахъ, 1061.
Курбатовъ, 2094.
Курганы, село (Тверской губ. Бѣжец. у.), 1482.
Курдюковъ, офиц. 1727.
Куриге, скульпт. 1189.
Куркинъ, бунтов. 554.
Курляндская губ. 1124.
Курляндія, 1275.
Курнатовскій, 1221.
Курскъ, 1542, 1543.
Курута, маіоръ, 1102.
Курціусъ, 326.
Куршаны, мѣст. 1503.
Куршидъ, паша, 593.
Кустодіевъ, К. Л., свящ., 758.
Кутайсова гр. Анна Петр. 1894.
Кутайсовъ, гр. А-ъ Ив. 061, 062. 1894; письма къ б. Левенштерну 1657, 1658.
Кутайсовъ, гр. Ив. Ив., 1894, 1923, 1939.
Кутайсовъ, гр. (Ив. Ив?), 1894.
Кутневичь, Вас. Ив. оберъсв. 746.
Кутузовъ. См. *Голенищевъ-Кутузовъ*.
Кушелевъ, (Гр. Гр.) 23. письма къ м. Гавріилу 1640, 1894.
Куяды, равн., 1053.
Кюзель, Авг. Ѳедор. 1042.
Кюнеръ, 326.
Кюрсоръ, maître d'hôtel, 821, 822.
Кюхельбекеръ, Вильг. Карл. 736, 052, 054, 056.
Кюхельбекеръ, лейтен., декабр. 740.

* * *

Лабедойеръ (La Bédoyère), 665, 671.
Лабзинъ, А-ъ Ѳедор. 929, 1969.
Лабома, 1454.
Лавальеръ, г-жа, 849.
Лаво (de), 1455.
Лаврентій, архим. Хутынскій, 196.
Лаврентій, архим. Златоустовскій, 1391.
Лавровскій, Никол. Алексѣевичь проф., 1553, 2017—2021.
Лагарпъ, его бумаги, 75—82.
Лагранжъ, ген., 1456.
Ладанъ, Ал. Ос., 1042.
Лажечниковъ, Ив. Ив. 2101—2103; его братъ 2103.
Лазаревъ (Христоф. Іоак), 1973.
Лазаревъ, полковн. 1055.
Лазаревы, 1695.
Лайрицъ, Пав. гернгутеръ, 198.
Ламартинъ, любимъ имп. Николаемъ, 641.

Ламбертъ, ген. 1147, 1149, 1163.
Ламбъ, ген. л. 1905., 1906.
Лами, худож. 1187, 1189.
Лангсдорфъ, 719, 720.
Ланжеронъ,(гр. А-ъ Өед.), 206—208, 303, 1147, 1157, 1159—1161, 1164.
Ланской, Серг. Степ. его записка по крестьян. дѣлу, 1362 — 1376; членъ Общ. посѣщ. бѣдн., 1039.
Ланской, ген., 1169.
Ланской, губерн. Гр. Ростопчинъ проситъ защитить его отъ гр. Гудовича, 761, 762.
Ланской, бригад. 856.
Лантини, танц. 1917.
Ланцовъ, Серг., охотн. 1679.
Лапшинъ, Григ. Ив. латинистъ 335.
Ларіоновъ, Гер., кречетникъ 1680.
Ларрей (Larrey), бар. 1441.
Ласси, ген. 1802, 1803.
Ласъ-Казъ, 659, 660, 663, 668, 700, 702, 784, 786, 837.
Латапи, полковн. 653, 655.
Латкинъ, Вас. Ник., 2004.
Латыши, православные, въ 1841 и 1842 г., 1224 — 1361; личныя права, 1225, 1226; общественн. устройство, 1227 — 1247; поземел. отношенія 1247—1254; церковная обстановка, 1254—1267; организація двор. и дух. сословій, 1267 — 1279; проводники церков. порядковъ и интересовъ Россіи въ Прибалт. краѣ, 1279 — 1281; влеченіе къ Православію, 1283—1361.
Лаудонъ, фельдм. 032, 1768—1770, 1773.
Лаутонъ, Карлъ Ив. 1042.
Лафермьеръ, Францъ Гер. 1727, 1728, 2090.
Лачиновъ, 1086.
Лебедевъ, Никол. Андр. 1042.
Левекъ, 843, 1871, 1872, 2020.
Левенгауптъ, 742.
Левенштимъ, Вас. Ив. 1042.
Левенштернъ, Карлъ Өед. 1649. 1660.
Левингстонъ, акуш. 773, 775.
Левинъ, Ив. 1755, 1760.
Левицкій, фотогр. 376.
Левро, 1457.
Легранъ, ген. 1173.
Ледюръ, фабрик. 1189.
Лейбницъ, 5.
Лекенъ, 127.
Лентьево, село кн. Щербатова, 562.
Леонова, Дар. Мих. актр., 354, 355, 356, 360, 362, 364 — 366, 368 — 370, 1145.
Леонтьевъ, Мих. Ив. 1040, 1042.
Леопольдъ, имп. 453, 462.
Леопольдъ, кор. Бельгійскій, 1101.
Лепель, гор. 1155.
Лермонтовъ, Мих. Юр. 352, 354, 054. 1970.
Лескюръ, 025, 026.
Лессепсъ, преф. 1426, 1437.
Лестокъ, стихи на его бракъ, 042.
Лефортъ, Ив. ас., 1753, 1761.
Либау, Андр. Андр. врачь, 1046.
Либеръ-Волковецъ, дер. 1653.
Ливенъ, граф-ня Шарл. Карл. 444, 446; 943, 944; 1096. 1874, 1900, 1901, 1945,—1948.
Ливенъ, Ив. Ром., 1633.
Ливенъ, кн. (Карлъ Андр.), 313, 314, 626 — 628, 1933.
Ливенъ, кн. Пав. Ив. 1042.
Ливенъ, гр. (Христ. Андр.), 686, 688, 711, 713.
Ливерпуль, лордъ, 652, 654, 790, 792—794.
Лигновская, княг. 385, 388.
Ликово, 1166.
Ликъ, Пруск. гор. 222.
Лильева, (Шифердекеръ), актр., 360.
Линденеръ, ген. м. 553—556, 568, 570 — 575, 1549.
Липецкій, у. 546, 573.
Липранди, Ив. Петр. ген. м. 1553—1559.
Липранди, Пав. Петр. ген. лейт., 383, 384, 017—020, 022, 024.
Лисаневичь, маіоръ, 560, ген. м. Спб. оберъ-полиц. 1906, 1907, 1913.
Лисенко, 161.
Листеръ, маіоръ. 704, 706—709, 726, 729.
Литвиновъ, 871, 876—880.
Литта, адм. 1900.
Лихачевъ, 530.

Лихачевъ, офиц., 750.
Лихтенталь, Герм. Генр. 1042.
Лихтенштейнъ, кнг. 427, 436.
Ліобри, офиц., 1216.
Лобановъ, Мих. Евст. 056.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Дм. Ив. 405, 409.
Лобановы-Ростовскіе, кн. ихъ домъ и усыпальница въ Москвѣ, 1395.
Лобау, гр. 1165.
(*Лобковичъ*), Австр. послан. 34.
Ловейка, офиц. 234.
Ловичь, княг. 633.
Логановскій, худ. 073.
Логовчина, помѣщ. 533.
Лоди, пѣвецъ 362.
Лозанна, 75.
Ломоносовъ, Мих. Вас. слова в. кн. Павла объ его кончинѣ, 13; (митр.) Платонъ о немъ 14; в. кн. Павелъ «рецитировалъ» строфу изъ его оды, 23; надгробн. пѣснь, 24; (упом. 331, 332).
Лонгиновъ, Дм. Ник. 1042.
Лонгиновъ, Мих. Никол. воспом. о М. И. Глинкѣ, 340 — 380; объ А. С. Норовѣ, 066—068; оПушкинѣ,1063—1068, 1725; въ Общ. посѣщ. бѣдн., 1039; объ Одѣ гр. Потоцкому 1377—1383. уп. 1685; 2063—2065; 2103 (Лажечн.)
Лондонскій банкъ, 1459.
Лондонъ, 1202.
Лопухинъ, Ив. Влад. 536, 552.
Лопухинъ, кн. Петръ Вас. письма м. Гавр. 1647, 1648, 1982, 2098.
Лопухинъ, офиц. 231.
Лопухины, 55, 1926.
Лораге, герцогиня 1789. 1792.
Лорецъ, Иванъ, гернгут. 198.
Лористонъ, ген, 1430, 1459.
Лоскутовъ, Иркутск исправн. 1979.
Лоусъ, опис. Москвы, 397.
Лубяновскій, Ѳ. П., сенат. 1721, 1722.
Лука (Конашевичь), іер. 578.
Лукашевичь, его библ. 922.
Лукашевскій, офиц., 241.
Лукіанъ, протоіер. 1110.
Лукники, 1503, 1504, 1506.
Лухъ, село, 1104.
Лытсрево, с. Яросл. г. 220.
Львовъ, П. А., 762.
Лѣсновка, дер. 546.
Лѣсогорская, (Вальдберхова), актр., 1549.
Любенъ, гор., 233.
Люберсъ, бар. 1754, 1755, 1760.
Любомирскій, кн. Ксаверій, 920, 921.
Людовикъ XIV, 206—208.
Людовикъ XVI, 025, 847, 848, 1545, 1546.
Людовикъ XVIII, 665, 670, 1714.
Людовикъ Филиппъ 641.
Лудовикъ, эрцгерц. 392, 395, 411, 415, 419, 422, 427, 436, 466, 469, 502, 503, 506, 507.
Люндекъ, гор., 249, 250.
Люттихъ, 1459.
Лютьенсъ, капит. 833.
Лядовъ, К. Н., капельмейст. 347.
Маасъ, проф. 2020.
Мавромихали, Георгій, 884, 885, 886, 894, 895, 896, 887, 898, 901, 902, 909, 914, 915, 817, 818.
Мавромихали, Констант. 884—886, 889, 897, 909, 914, 918.
Мавромихали, сем., 903, 904, 905, 907, 909.
Магдалина, монах. 1397.
Магницкій, Мих. Леонт. 323, 344, 623, 624, 1543, губерн. въ Симбирскѣ 1694—1696, 1701, 1703, 1969, 1974, 1975 (его жена 1695).
Мадера, остр. 1035.
Мадонисъ, 57.
Мазепа, 1566.
Майборода, пѣвчій 1594.
Майковъ, Аполл. Алексан. 040.
Майковъ, Аполл. Никол. 348.
Майноты, 903—905.
Макарій, митр., 1077.
Макарій, еписк. Орловскій 1570.
Макарій, (Долгобородовыхъ), Богослов. мон. 1078.
Макарій, іером. 1645.
Макаровъ, пом., 547.
Макдональдъ, 1428.
(*Максимиліанъ*, IV Іосифъ), кор. Баварскій, 446.
(*Максимиліанъ*), пр. Баварскій, 443, 446, 449, 459, 476, 481, 482.
Максимиліанъ, герцогъ. Лейхтенбергскій, 1007,

1012, 1015, 1016, 1017, 1035, 1036, 1039.
Максимъ, католикосъ Имеретинскій 1628—1631.
Макшеева, пом. 533.
Макшеевъ, Звениг. городн. 630.
Малаховскій, 4.
Малыхинъ, Петръ Вас. 2004.
Малербъ (de) Антуанъ, аб. 1451.
Малецкій, студ. 1214, 1220.
Малиновскій, А-й Өедор. 589.
Малоросіяне, отзывъ Г. Н. Теплова, 218, 1888.
Малькольмъ, 678, 679, 777, 781.
Мальманенъ, псевдон. гр. Крейца, 111.
Малютинъ, подп., 052.
Маляга, Бор. Ив. 1046.
Мамоновскій полкъ, 02.
Мамоновы. См. *Дмитріевы-Мамоновы*.
Манекины, маіоры, 46, 51.
Мансуровскій полкъ, 42.
Мансуровъ, Бор. Павл. 1042.
Мантейфель, гр., кирасиръ 1709.
Мантейфель, ген. 1747.
Маньянъ, Ив. 1761.
Маратъ, 306.
Маргарита, игум. 1396.
Марини, Ант., переводч. 1765.
Маринъ (Серг. Никиф.), подпор. 1933.
Марія Александровна, Императрица 375.
Марія-Антуанета, кор., 393, 519, 848, 849, 1712.
Марія-Луиза, имп. 665, 671, 697, 699, 701, 715, 717.
Марія Терезія имп. 397, 401, 428, 438, 1806, 1811.
Марія Николаевна, в. кн., 98, 379—382; 647, 1017.
Марія Павловна, в. кн. 285, 286.
Марія Өеодоровна имп. въ Дневн. Свитск. офиц. 286; письма къ ней кн. А. Б. Куракина 385—517; путешествіе 518, 519; Павелъ скрывалъ отъ нея видѣніе Петра I, 520, 525; въ пис. Карамзина, 593; въ разсказахъ кн. С. М. Голицына, 632, 633, 635, 636, 638, 639, 693; 14 Дек. 1825 г., 733; Бестужевъ и Рылѣевъ подносятъ ей «Полярн. Зв.» 055; въ рѣчи имп. Николая въ Св. Сунодѣ, 747; въ Автобіогр. гр. С. П. Румянцова, 845; въ Павловскомъ дворцѣ даетъ аудіенцію Фотію, 942—944, (уп. 1138); ея благотворительн. учрежденія, 1428. (1641.) въ Записк. Саблукова 1874—1876, 1878, 1879, 1923, 1932, 1937, 1945—1951, п. къ С. И. Плещеву 1951—1953 (упом. 2037).
Марія Өеодоровна, вел. княгиня цесаревна 031.
Маркевичь, Бол. Михайл. (881), 1042.
Марковъ, гр. Иракл. Ив. 09; 856.
Марковъ, (гр.) Арк. Ив. 112, 864. 866—882.
Маркусъ, Мих. Ант. 1044.
Марлье, 036.
Martin, его библіогр. система, 929.
Мартинисты, 852.
Мартыновъ 1685.
Мартыновъ, Мих. Алексѣевичь, 1042.
Марцелла, 601.
Маршанъ, камерд. Наполеона I, 652, 654, 668, 673.
Масальскій, ротм., 33.
Масальскій, (Петръ Григ.) 056, 1688.
Масловъ, ген. м. 49.
Масловъ, Ив. Ильичь, 040, 1039, 1040.
Масловъ, Никол. Дм. 1043.
Масловъ, Степ. Алексѣев. 061—064.
Массонъ, миссъ, 649, 650.
Матвѣевъ, гр. Андр. Артам. 1735.
Матрена Даниловна, шутовка, 639.
Маттеи, 76.
Матюшкина, Анна Алексѣевна 24.
Матюшкинъ, (Дм. Мих.?), 18.
Мацневъ, (Вас. Осип.?), 182. 183.
Мегорскій, Е. свящ., 764.
Медвѣдева, пом., 533.
Медвѣдевъ, 863.
Медвѣдь, Михаилъ, есаулъ, 1082—1088.
Медеръ, актеръ, 290.
Межовъ, Влад. Изм. 927—932, 934.
Мезонъ, ген., 1165.

Мей, 1790, 1792.
Мейндорфъ, 221, 222.
Мейндорфъ, бар. 1280, 1358.
Мейнерсъ, проф. 2020.
Мейербергъ, музык. 343, 348, 1142, 1144.
Мейеръ, Дм. Ив. 042.
Мелиссины,(два брата),28.
Меллеръ, Ѳедор. Ив. 1044.
Меллеръ-Закомельскій, б. (Ег. Ив.?) 1659, 2092.
Мельгуновъ, А-й Петр. 4, 5, 8, 28, 33, 43, 59, 1633, 1831, 1837.
Мельгуновъ, Ник. Ал., 036. 2005.
Меньшикова, кн. Екат. Никол 1067.
Меньшиковъ, кн. А-ъ Дан. 634, 1067, 1462, 1473, 1748, 1756, 1757.
Меньшиковъ, кн. А-ъ Серг. 390, Вост. война, 018, 019, 020, 022, 751, 754, 758, біограф. очеркъ, 1067—1076.
Меньшиковъ, кн. Серг. Александр. 20, 1067, 1068.
Минстербергъ, 1770.
Меркель, Гавр., 033.
Мердеръ, Карлъ Карл. 1558.
Мерсье, гр. 1864.
Мертваго, Бор. Дм. 1661.
Мерфельдтъ, г-жа, 385, 388.
Мессершмидтъ, А-ъ Егор. 1046.
Местръ, гр. 613, 1712.
Метакса, гр. Андр. 905.
Метишевскій, Филиппъ, полков. 1222.
Меттернихъ, кн. 418, 419, 422; 664, 670.
Мещериновъ, ген. 1170.
Мещерскій, кн. Петръ Серг. об. прок. Сѵнода, 742. 1266.
Меѳодій, еп. Воронежскій 1635.
Миквицъ, Ѳедоръ Дм. 1044.
Миклашевскій, Мих. Ос. 1043.
Микульшинъ, прап., 1476.
Миличь, гор., 230, 232.
Миллеръ, акад., письма Порошина, 72—74 (уп. 331).
Миллеръ, о Кіевскихъ пещ. 036.
Миллеръ, Никол. Алексан. 1043.
Миллеръ, Эрн. Логин. 1044.
Милорадовичь, гр. Мих. Андр. 175, 03, 04, 05, 07, 08, 09, 010; кончина, 735. 1727 (1169).
Мильярдъ, Мих. пасторъ, 578—581.
Милютинъ, Дм. Алексѣевичь, ген. адъют., 1055, 1056.
Минихъ, фельдм., 20, 25, 28, 44.
Минихъ, 32, 59.
Минкина, Настасья Ѳедор. 1475, 1483, 1899.
Минскъ, гор., 1151—1154, 1157, 1174.
Миняевъ, пѣвчій 1709.
Митава, 1124, 1342.
Митрополія, игум. 1396.
Миттендорфъ, ассес. 878, 879.
Митусовъ, виц. губер., 559, 560, 573, 574.
Михаилъ, митроп. 1115.
Михаилъ Николаевичъ, великій князь, 647.
Михаилъ Павловичъ, в. кн., въ письм. кн. Куракина 391, 394, 432, 441; ему посвященъ 2 й вып. «Карманннаго Словаря», 042, его невѣста, 958; 647; *14 Дек. 1825 г.*, 731, 732, 736, 050. письма къ б. Левенштерну 1654. 1655.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 749.
Михайловъ, Андрей 1104.
Михайловскій, Вас. свящ. 038.
Михайловскій, Варѳ. польскій шляхт. 032.
Мицкевичь, 362.
Міаулисъ, 899, 900.
Млава, 223.
Млины, мѣст. 1722.
Могилатовъ, Никол. Петр. 1043.
Могилянскій, 1688.
Можайскъ, гор. 1431.
Мозырскій повѣтъ 1565.
Мозырь, гор. 1153.
Мойеръ, Марья Андр., 1385.
Мойеръ, Ив. Филип., 1385.
Моллеръ, адм. 052.
Молоствовъ, 239, 262.
Молчановское, дѣло 1692.
Молчановъ 2069.

МОНАСТЫРИ.

Александро-Невская Лавра 644, 932, 934, 1114, 1614 1626 1890.
Алексѣевскій, (женскій), въ Москвѣ, 1396, 1397.
Александросвирскій, 202.
Андроньевъ, въ Москвѣ, 1391.
Бородинскій, 1452, 1453.
Богородичный (старообрядческій), 1606.
Богословскій, 1076—1080.

Богоявленскій, въ Москвѣ, 1389, 1390.
Вознесенскій (женскій) въ Москвѣ 1394.
Высокопетровскій, 1630.
Георгіевскій, (женскій), въ Москвѣ 1396.
Далматовъ, 1571, 1616.
Даниловъ, въ Москвѣ, 1392, 1393.
Деревяницкій Новгородскій 1462.
Дѣвичій, въ Юрьевѣ. 1396.
Заиконоспасскій, 1387, 1388.
Зачатейскій въ Москвѣ, 1397, 1398.
Златоустовъ, въ Москвѣ, 1391.
Знаменскій, въ Москвѣ 1105.
Ивановскій (женскій), въ Москвѣ, 1394.
Ипатьевскій, 749. 751.
Кирилловъ, Бѣлозерскій, 1617.
Кіевобратскій, 1105.
Корсунскій, 1607.
Крестовоздвиженскій, въ Москвѣ 1393, 1394.
Кретингенскій, Бернардинскій 1506.
Никитскій, въ Москвѣ 1396.
Николаевскій Греческій, въ Москвѣ 1388, 1389.
Новинскій, въ Москвѣ, 1388.
Новодѣвичій, въ Москвѣ, 1389.
Отенскій Новгородскій 1617.
Псково-Печерскій 1262.
Покровскій, въ Москвѣ 1391
Полоцкій Богоявленскій Пыскорскій 1616.
Рождественскій, (женскій), въ Москвѣ, 1394—1396.
Ростовскій Борисоглѣбскій, 1105.
Санаксарскій, близь Темникова 1628.
Симоновъ Петра, на Аѳонѣ, 1609.
Симоновъ, въ Москвѣ 629.
Соловецкій, 1571.
Спасо Евѳимьевъ, въ Суздалѣ, 1618, 1637, 1638.
Спасскій, въ Астрахани 1631.
Страстной, въ Москвѣ, 1398, 1399.
Тихвинскій, 1592.
Троицко-Сергіева Лавра, 1392.
Цьвевецкая Пустынь, 535.
Чудовъ, 1087, 1392.
Монацкій, бунтов. 538.
Монбельяръ, 1459-
Монтебелло, г-жа, 665, 671.
Монтебелло, герц. 1543.
Монтолонъ, гр. и графиня, 652—657, 659. 660, 667, 673, 680, 681, 686, 687, 689, 691, 692, 698—701, 715, 717, 721—724, 726, 727, 777, 778, 779, 781—785, 787—789, 793—798, 800—802, 806—808, 822—825, 829, 830, 832, 838.
Моншеню, марк. 668, 673, 698, 700, 708, 709, 711, 724, 727, 729, 730, 777, 779, 781, 783, 785, 787, 790, 791, 796—798, 800, 811, 812.
Мопертюи, лейт. 1462.
Моравія, 1128.
Моранъ, ген. 688, 691.
Мордвинова, Ек. Александр., 1869.
Мордвиновъ, Михаилъ г. 1869.
Мордвиновъ, Сем. Ив. адм. 37.
Мордвиновъ, Сем. Александр. 1043.
Мордвиновъ, графъ Никол. Сем. 1682, 1690.
Морицъ Саксонскій, 032.
Моро, ген. 253, 258, 259.
Морозовъ, 564, 566, 571.
Морочанинъ, Петръ, св. 737, 740.
Морошкинъ, Ѳедоръ Лук. 042.
Мортье, марш. 1414, 1437.
Москва, Прогулка 1191—1208; Англ. клубъ 182, 1206; Арбатъ 1411, 1413 Боровицкіе ворот 1441. Бѣлый гор. 1436, Варварка 1416, Владим. застава 1409. Воронц. поле 1413, Воскресенск. ворот. 1436, Восп. домъ 1428, 1437, 1439, 1440. Городъ 1410, 1411, 1413, 1435; Гост. Дворъ 1412, Дорогом. заст. 1409, 1411; Ив. Великій 1437, 1438. Калужская улица 1398. Калужск. вор. 1437. Кам. мостъ 1441. Китай гор. 397. Красная пл. 1449, Красносельская улица 154. Крас. вор. 1413, Кремль 252, 397, 1193, 1194, 1388, 1390, 1407, 1408, 1410, 1424, 1429, 1427, 1437, 1441. Крым. мостъ 1397, 1398; Кузн. мостъ 1195, 1445. Купечество 629 1435. Лубянка 1421, 1445; Мед. Акад. 1424. монастыри 1387—1399. Мясниц. ул. и вор. 1419—1421. Никольск. ул. и вор. 1407, 1424,

1435, 1438. Нѣм. слобода 1406. Ольховцы 153—157,171,172. Павлов. больница 7. Петровка 1445. Петров. дворецъ 1413, 1414, 1420. 1414. Покровка 1411, 1420, Пречистенка 1413, Пруды 154, 1205. Пятниц. ул. 1412. С.Петербургск. застава 1421. Слобод. дворецъ 170, 183; Сокольничье поле 154; Солянка 1410, 1411; Софійка 1446 Столѣшник. переул. 1445 Тверская ул. 1389,1413, 1436, 1445. Тверск. бульваръ 1198. Театры 1204, 1205, 1455, 1708. Универс. 1858. Француз. колонія, 1459, 1460. Якиманск. ул. 1412, Яузская ул. 1411. Яуз. мостъ 1411. Сходство съ Прагой 252. Описаніе, изд. въ Лондонѣ 029; пребыв. Фуанцузовъ 1405—1462. 2021 —2023; упом 1104, 1365, 1379, 1380.
Мотонисъ Николай, Гадяцк. депут. 2060.
Моцартъ, 359, 378, 1139. 1709.
Мошинскій, 1212—1215, 1217—1220.
Мошкова, Агрип. Алексѣевна, 579.
Мошковъ, П. П., гофъ-ин. 579.
Музовскій, Никол. Вас. духовн. Ихъ Величествъ 746.
Мундтъ, Никол. Петр., 1043.
Муравьева, А-а Гр., 595.
Муравьева, Екат. Ѳедор., 595.
Муравьева,, Алекс. Мих. 1869.
Муравьевъ, Андр. Никол.; 96. 1689.
Муравьевъ, Мих. Никит., 1191.
Муравьевъ, гр. Мих. Никол., 1869.
Муравьевъ, Никит. Мих. 595. 054. 1948.?
Муравьевъ, Никол. Мих. 1043.
Муравьевъ, г. маіоръ, (Никол. Никол.) училъ русскому языку невѣсту вел. кн. Константина Павл. 1102,? 1869.
Муравьевъ, (Карскій), Николай Никол. 241, 254, 299, 1869.
Муравьевъ?, 1469.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. А. Ив. об. прок. Сvнода, 1110.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. А-й Ив. 1043.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Валент. Плат. фельдм., 43, 45, 51, 56, 208.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., 324.
Мутонъ, франц., 016, 936, 1401, 1446.
Муханова, Нат. Александр., 1884.
Мухановъ, А-ъ Ильичь капит., 1884.
Мухановъ, Серг. Ильичь 643. 1920, 1932, 1945. 1946, 1947, 1948.
Мухортовъ, Зах. Никол. 1039, 1041.
Мценскъ, гор., 953.
Мюллеръ, Ив. ас. 1748, 1760, 1766.
Мюратъ, 06. 07, 1388, 1407, 1411.
Мюррей, 035.
Мюррей, Амелія, 027.
Мягковъ, Никол. Дм. 1043.
Мяновскій, Осип. Игнат. врачь, 1046.

* * *

Набоковъ, Петръ Ив. 1043.
Набоковъ, 20, 30.
Навплія, 910—912.
Нагаевъ, 42.
Нагель, Б. И., 317.
Надиръ, шахъ, 46.
Назарета, монах. 1398.
Назарьевъ, П. А., учит. 309.
Наполеонъ I, имп., въ запискѣ князя Куракина, 1127—1131, 1133, 1135, 1136; въ 1807 году, 412, 415, 418, 421, (въ р. церкви въ Парижѣ его поминали 631); нашествіе на Россію, 181—184; 04, 011, 015, 016, 227, 236; письма изъ Россіи, 028, 029; письма къ нему им. Александра, 609, 611, 613 (пристрастіе къ нему гр. Н. П. Румянцева, 614), 1148—1156, 1158, 1164, 1165, 1168, 1174, 1208 — 1210, 1401—1404, 1409—1411, 1413--1415, 1424. 1426, 1428, 1429, 1431 —1434, 1436, 1438, 1443, 1448, 1451, 1453, 1454, 1457—1460, 1466, 1467, (1550—1552); въ 1813 году, 247, 249,

266, 282, 284, 291, 298, 300, 304; на о-вѣ св. Елены, 647—731, 758, 765—838; упом. 1063, 1069. 1446. 1684, 1686 импер. Павелъ вызывалъ его на дуэль 1293 (1948).
Наполеонъ III, 757.
Нарбоннъ, гр, 610, 612, 613.
Нарбуты, мятежн., 1514.
Нарва, гор. 1735.
Нартовъ, Андр. Андр. 2020.
Нарышкина, Анна Никит. зап. къ ней и-цы Екатер., 193—195; услуги ея Екатеринѣ, 195; 845, 854.
Нарышкина, Марія Павл. п. къ С. А. Колычеву, 213—215; въ п. Г. Н. Теплова, 218.
Нарышкинъ, А-ъ Александр.. 193, 194, 845, 866.
Нарышкинъ, А-ъ Льв. директ. театровъ, 130, 131, 141, 142, 150, 151. 2029—2032. 2036—2039. 2041.
Нарышкинъ, Дм. Ив. 363.
Нарышкинъ, Ив. 467, 470.
Нарышкинъ, Сем. Кир. егерм. 213.
Нарышкинъ, Эм. Дм. 1043.
Нарышкинъ, адъют. Винценгероде, 1462.
Насѣдкинъ, свящ. 1634—1636.
Наталія Алексѣевна, в. кн., 206, 843, 844.
Наумовъ, Ив. Григ. 842.
Наумовъ, фельдъег. 569, 572.
Наурузовъ, кн. Кабардинскій, 1050.
Находкинъ, Моск. голова, 1425, 1426.
Начи, село, 1563.
Нащокинъ, Пав. Воин. п Пушкина, 1065—1068; крестилъ у Пушкина сына 1066, 1067. (1726).
Неаполь, 1133.
Нееловъ, о Город. битвѣ, 063.
Ней, 665, 671, 063.
Нейбеверсгофъ, помѣстье, 1334, 1336; безпорядки, 1343; экзекуція, 1352.
Нейгаузенъ, помѣстье, 1334.
Нейдгардтъ, ген., 297, 302, 734.
Нейлантъ, Яковъ, 1315.
Нейсъ, крѣп., 1770.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев. 1043.
Нелединскій — Мелецкій, Юр. Александр. 1646, 1647.
Нелидова, Екат. Иван. 393, 396, 414, 416, 432, 433, 441, 444, 446, 1875, 1879, 1916, 1917, 1918,
Нелидовъ, ген. 1900.
Нелюбовская, - дер. 533.
Неплюева, Анна Гр. 217.
Неплюевъ, Д......., п къ м. Гавріилу 1649.
Неплюевъ, Сем. Алексан. 217, 218.
Нероновъ, полк., 49.
Несвижъ, гор. 1154.
Несецкій, писат. 1722.
Нессельродъ, гр. (Вильгельмъ), 212, 854.
Нессельродъ, гр. Карлъ Вас. (канцлеръ), въ письмѣ и. Александра къ гр. Н. П. Румянцову, 609, 611; Вост. война, 755 757. 758; (уп. 823—825, 838.) началъ службу въ конной гв. 1870; въ п. Сперанск. 1982.
Нестеровичь, перев. 615, 620, 628.
Нестеровы, 167.
Неудачинъ, 1971.
Нечаева, 3.
Нечаевъ, Ив. Ив., 3.
Нечаевъ, Ст. Дм. об. пр. Сунода, 739, 743, 744, 746, 749, 750.
Нешпоркевичь, Вик Валент. 1044.
Нидерланды, 1459.
Нижне-Ковыльская, кр. 1650.
Нижнеудинскъ, гор. 1980.
Нижній-Новгородъ, 1447, 1456. 1683.
Никаноръ, митр. 1025.
Никита. Прокофьевъ, бѣглый 547.
Никитенко, А-ъ Вас. 332, 337, 338; (1033, 1039—1041).
Никитинъ, ген., 062.
Никифорова, помѣщ. 547.
Никифоръ. еписк. 1108.
Никифоръ, архіеп. Славенскій 1597—1599.
Никодимъ, архіеп. 1585, 1586, 1626.
Никола, Жанъ-Батистъ, аб. 1451.
Николаи, бар., 1877, 1895.
Николай Александровичъ, цесаревичь, 1373.
Николай Павловичъ, имп. въ изд. Запис. Порошина, 2; милостивъ къ

Жуковскому, 102. 103; въ 1-й Спб. гимназіи 313; въ письм. кн. Куракина, 432, 441; крест. движеніе, 577; соизволеніе на напечатаніе буллъ, къ сочиненію Коцебу, 626; разсказы кн. С. М. Голицына, 631, 632, 641; въ пис. Жуковскаго, 647; 14 дек. 1825 г., 731—736, 049—051; посѣщаетъ св. Сѵнодъ 739—752; Испанецъ Видаль о немъ 755, 757, 758; Н. А. Дивовъ подноситъ Румянц. бумаги 840; Кавказ. дѣла, 987; учрежденіе общ. пос. бѣдныхъ, 1028, 1030; принимаетъ на службу кн. А. С. Меньшикова, 1071, 1072; (упом. 1187, 1218, 1463, 1557) Прибалт. дѣла, 1295, 1310—1312, 1319, 1323, 1325, 1327, 1329, 1333, 1335, 1337, 1339, 1340, 1343, 1346—1348, 1353, 1358; записка къ Аракчееву, 1479; Пол. мятежъ 1831 г., 1485—1487, 1489—1492, 1494, 1495, 1498, 1499, 1505, 1507, 1512, 1516, 1517, 1528—1530, 1533, 1535—1540, 1557, 1558; кончина, 355. уп. 1900, 1927.

Никольское, село, 546, 558.

Никольское (Желтухино), село, 1084, 1085.

Никольсъ, кап. 804, 809, 813, 814, 833.

Никонъ, патр. 527.

Никонъ, архиманд. 629.

Нилусъ, ген. лейт. 1642.

Ниротъ, бар., вице-презид. Камеръ Коллег., 1734, 1735, 1744, 1760.

Новаковскій, Ант. Игнат. 1043.

Новемясто, мѣст., 1512, 1515.

Новиковъ, Никол. Ив. 532.

Новиковъ, Евг. Пет. 1043.

Новицкій, Іосифъ, 1222.

Новосельскій, Никол. Александр., 1043.

Новосильцевъ, Никол. Никол., 1070, 1509, 2020.

Новый Сверженъ, 1154.

Нодье, Карлъ, 606.

Нолькенъ (фонъ), б. Фридрихъ, Швед. посолъ 113, 115—117. его жена 115.

Нонна Паннопольскій, 323.

Нордгеймъ, скульпт. 647.

Нормандесъ, Испанскій посл. 211, 212.

Норовъ, Авр. Серг. 056; его библіотека, 064, 065; черта изъ его жизни, 066—068; Памяти его, 067—074; помощн. попеч. Человѣк. Общест. 1025, 1029; отзывъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, 1025. его статья о Войнѣ и Мирѣ 1713.

Норовъ, Никол. Никол. сенат. 352.

Носовъ, актеръ, 042.

Носовъ, Ѳедоръ, 1604.

Нотбекъ, повѣр. въ дѣлахъ въ Швеціи, 878, 879.

Нуммерсъ (фонъ), Лифл. помѣщ. 1336.

* * *

Оберкирхъ, бар-са, 518—520, 524—526.

Обертъ, Карлъ Стан. 1041. 1043.

Оберъ, 350.

Оберъ, Ѳедор. Никол. 351.

Оберъ-Шальме, г-жа, 1414, 1415, 1453, 1454.

Ободовскій, Плат. Григ. 056. 1043.

Оболенская, княг. Агрип. Юрьевна 284.

Оболенскій кн. А—ъ Петр. 284.

Оболенскій, кн. Андр. Петр. 590, 761.

Оболенскій, кн. Дм. Александр. 1013, 1043.

Оболенскій, Евг. Петр. декабристъ, 731, 735, 052; его записки, 053, 054; замѣтка 1727.

Оболенскій, кн. Мих. Андр. 72, 74; 1076—1082.

Оболенскій, кн. Никол. Серг. 1137.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанѳ., 1894, 1930, 1931, 1932, 1936.

Обрѣзковъ, Алексѣй Мих. 18.

Огаревъ, пом., 533.

Огонь-Догановскій, поруч. 1218.

Оде-де-Сіонъ, А—ъ Карл. 1039, 1040.

Оденпе (Дерптскаго у). 1333.

Одинецъ, унт. оф., 1219.

Одоевскій, кн. А—ъ Ив. 052, 054.

Одоевскій, кн. Влад Θедор. его прим. къ письмамъ М. И. Глинки, 341, 342, 344, 346 — 348, 1137; предс. Общ. посѣщ. бѣдн., 1005, 1008 — 1010,1013—1016,1018, 1019, 1024—1039; посѣщ. М. И. Глинку въ Берлинѣ, 1141. на вечерѣ у Плетнева 1667.
Одоевскій, кн. Ив. сенат. 740.
Озерецковскій, протоіер. 1644.
Ожаровскій, гр. (Адамъ Петр). ген., 257.
Озерова, мать писателя, 135.
Озеровъ, А—ъ отецъ писателя, 123, 125, 134, 135.
Озеровъ, А—ъ Петр. 1043.
Озеровъ, Владисл. Александров. 123—125, п. къ А. Н Оленину, 126—151; къ Θ. А. Голубцову, 151, 152. докладъ о Поликсенѣ 2029—2032; замѣч. кн. П.А.Вяземскаго 2032—2045.
Озеровъ, П. П. 104, 106.
Озерскій, А—ъ Дм. 1043.
Озерскій, полков. 1216.
Ознобишинъ (Д. П?), писатель, 058.
Ознобишинъ, Ив. Ильичь, 1043.
Окель, Петръ Θедор.врачь, 1044.
Окель, Θедоръ Петр.врачь, 1046.
Околинскій, писат. 1722.
Оксенштирнъ, гр. 112.
Оленина, Варв. Алексѣевна, 731, 735, 1191.
Оленина Елиз. Марк. въ п. Озерова 129, 132, 138, 141; ея письмо о 14 Дек. 1825 г., 731, 732.
Оленинъ, А—й Никол. п. къ нему Озерова, 123—151; п. о 14 Дек. 1825 г., 731 — 736, 049—053; 1727; свѣдѣнія о немъ, 734, 735; отн. къ Батюшкову, 1191.
Оленинъ, Григ. Никан. 731.
Оленинъ, Никол. Алексѣев. 133, 135.
Оленинъ, Петръ Никол. 732.
Оленины, 762.
Олизаръ, 1211, 1214, 1219.
Олинъ, сочинитель, 056.
Олицъ, Петръ Ив. ген. анш, 8, 16.
Олсуфьевъ, Адамъ Вас. 28, 38.
Ольга, (Зайцева), игум. 1396
Ольга Николаевна, в. кн. 97, 98. 647; 106, 757.
Ольдекопъ, ген., 301.
Ольхинъ, 924—932.
Ольсяды, мѣст., 1505.
О'Меара, докторъ, 658, 659, 677—681, 685—693, 695—677 704—706, 708 — 714, 716, 721 — 724, 726, 727, 729, 730, 769 — 772, 784 — 786, 793, 795, 817, 818.
Онега, гор. 1633.
Опочининъ, К. П. 1013.
Опошень, мѣст. 1722.
Оранскій, пр. 027.
Орелъ, гор. 553.
Оренбургская, губ. 1687.
Орлова, гр. Анна Алексѣевна, убѣжд. Фотія написать Записки, 929; ея домъ въ Спб. 931, 935, 941; и-ца Марія Θеод. и гр. Ливенъ благодарятъ ее за случай видѣть Фотія, 944; п. къ вей кн. А. Н. Голицына, 943—958.
Орловскій, офиц., 244, 258, 259, 261, 263—265, 267, 269, 275, 280, 285, 288, 290, 295, 296, 299, 302.
Орловъ, гр. Алексѣй Григ. верховая ѣзда, 60; 1889, 1890, 1891.
Орловъ, кн. Григ. Григ. 5, 7, 11, 12, 16, 15, 17, 20, 21, 26, 34, 36, 41, 43, 44, 60, 64; п. къ нему Порошина, 64, 65, 199; пригл. Руссо въ Россію, 581—584; въ автоб. гр. С. П. Руминцова, 842.
Орловъ, Мих. Θедор. флигель-ад. 1169.
Орловъ, (кн. Ник. Алексѣев?) 1945.
Орловъ, гр. въ п. гр. Ростопчина 759.
Орловъ-Давыдовъ, гр. (Анат. Вл.) его п. о вз. Шамиля, 1045—1063.
Орловы, 196, 208.
Оррерь, 1419, 1422.
*Орурк*ъ, ген., 1149, 1153, 1175.
Орша, 1716.
Осиповъ, Андр. 532, 533.

Осокинъ, А-ъ Гавр. 1043.
Оспанъ-Юртъ, аулъ, 968.
Остенъ-Сакенъ, бар. Карлъ Ив. 6, 20, 28, 52.
Остенъ-Сакенъ, ген., 1093, 1874.
Остенъ-Сакенъ, гр. Фаб. Вильг. 1151. 1653.
Остервальдъ, 6—8, 12—14, 26, 33, 35, 38, 39.
Остервальдъ, Ив., секрет. 1749, 1760, 1766.
Остергарденъ, Михаилъ, курьеръ 1765.
Остерманъ, гр. Андр. Ив. 122. 1764.
Остерманъ, гр. Ив. Андреев. вице-канцл. 120, 122, 123; 852, 867, 872; въ п. гр. Ростопчина 759, п. къ митр. Гаврiилу 1639.
Остолоповъ, (Н. Ѳ?), 056.
Островскій, писатель, 039, 1141.
Островъ, село 955.
Острогъ, г. 1716.
Отрощенко, Евдок. Александр. 1223.
Отрощенко, ген. ад., 1207—1223.
Отто, Ѳедоръ Ив. врачь, 1046.
Оффенбергъ, бар. Ѳед. Петр., 1708.
Оцкинъ, Амилій Никол. 1043.
Ошмяны, 1510.

* *
*

Павелъ, архим. 198.
Павелъ (Пономаревъ), архим. 1109.
Павелъ, келейный, 198.
Павелъ I (имп.), 951; дѣтская его жизнь 1—66; записка къ Амбразанцову 66, 67; словесн. упражненія, 67, 68; вѣдомости о немъ, 68—72; служба и жизнь при немъ, 165—172; въ п. Екатерины 209; въ п. кн. Куракина, 391, 394, 407, 408, 410, 411, 419, 423, 432, 441, 456, 466, 500, 504; видѣніе ему Петра I, 517—526; крестьянск. дв. 525—577; разсказы кн. С. М. Голицына, 633, 634, 639 — 644; въ п. гр. Ростопчина 759. 765; въ автоб. гр. С. П. Румянцова 843—845; въ п. Герм. принцессы 1091, 1092 (1102); мнимое его пожалованіе арх. Иринею аксельбантовъ, 1103, 1115—1123, 1138, 1275; расположеніе къ архіеп. Иринею, 1112, 1113; рескрипты къ нему, 1125, 1126; Казан. Соборъ, 1111; бракъ съ Маріею Ѳед. привлекъ въ Рос французовъ, 1459; даруетъ Грузино гр. Аракчееву, 1462; воспоминаніе о немъ гр. Аракчеева, 1468; память о немъ въ Грузинѣ, 1473, 1475—1477, 1479, 1482; (упом. 1549); рапортъ ему о православіи въ Минской губерніи 1559 — 1566, его рескрипты м. Гавріилу 1589 — 1596 (1634 — 1636, 1639, 1642, 1646—1650) его приписка къ чину коронованія 1640, 1641. (1727) упом. 1845. Воспом. о его времени 1859 - 1951; въ письмѣ имп. Маріи Ѳеодоровны 1951—1953.
Павловскій, Адамъ, свящ. 1499, 1500.
Павловскій, еписк., 1535.
Павловскъ, близь Петербурга, 391, 394; его сады 1384. (1878, 1879. 1923, 1949, 1950.
Павловъ, Никол. Ив. 1043.
Павловъ, Никол. Филип. въ п. М. И. Глинки, 363; его романсъ, 364, 372.
Павскій, протоіерей, 311.
Паленъ, (урожд. Шепингъ, Ульяна Ивановна), граф., 1901.
Паленъ, б. Матв. Ив. Лифл., Эстл. и Курл. ген. губ., 1249, 1275—1277; прав. Латыш. въ 1841 и 1842 г., 1278, 1284—1287, 1292, 1294, 1295, 1304, 1310, 1313, 1314, 1317—1324, 1328, 1329, 1333, 1335, 1337 —1346, 1348 — 1353, 1357, 1358, 1360; учас. въ усмиреніи Пол. мятежа, 1486 — 1488. 1491 — 1293, 1495—1497, 1499, 1500, 1502 —1505, 1507, 1508, 1512—1514, 1515, 1517, 1521, 1525--1527, 1531, 1532, 1535, 1537, 1538, 1540.
Паленъ, гр. (Пав. Петр). 272, 273, 1149, 1152, 1171.
Паленъ, (Петр. Алексѣв.). гр., Пб. ген. губ., 1124,

1900, 1901, 1906, 1907, 1908, 1913, 1923, 1929, 1931, 1947.
Паленъ, гр., пред. ком. о Лифл. крестьян., 1358.
Палены, 1280.
Палицинъ, 2021.
Пальминъ, проф., 335.
Панаевъ, (Влад. Иван.?), 056.
Панаевъ, Ив. Ив., 1039.
Панина, гр. Марья Род.? 6, 12.
Панинъ, гр. Викт. Никит.; у него бумаги гр. Н. И. Панина, 2; его наставникъ, 317; мин. юст. 1244, 1245.
Панинъ, гр. Никит. Ив. Порошинъ даетъ ему свои Записки, 2; не возвращаетъ ихъ, 2, 61; въ сихъ Запискахъ, 4—45, 48—53, 55—61; удаленіе Порошина, 62, 63; управ. Коллегіею Иностр. дѣлъ 123; п. Г. Н. Теплова, 218; отзывъ Н. А. Саблукова 1876, 1877.
Панинъ, гр. (Ник. Петр.), 1900.
Панинъ, гр. Петръ Ив. 6, 10, 13—17, 19, 21, 24, 27, 29, 31, 33, 34, 37, 40—42, 47—50, 52, 57; смерть Порошина 66; жертвуетъ рекрутъ. 208.
Панины, гр. 1649.
Пановъ, поруч. 049, 051.
Панскіе Бугры, въ Нижнемъ 1683, 1685.
Парижъ, 1446, 1455.
Пармантье, проф. 2018.
Партиносъ, Андр. 895, 897, 909, 918, 919.
Парфеній, игум., 1078.
Парфеній, архим. 1393.
Пассовъ, профес. 316.
Пастуховъ, 4, 16.
Пастуховъ, 851.
Патроцкій, писат. 1722.
Паули, Ив. 1746, 1747, 1760.
Паулуччи, марк., 033.
Паціентовъ, Евг. Петр. 041.
Пашино, П. И., 933.
Пашкевичь, О, 1183—1192.
Пекарскій, Петръ Петр. 041, 922.
Пеликанъ, Евг. Венцес., 1046.
Пеликанъ, 1509.
Пелліонъ, подп., 890, 891, 896, 902, 903.
Пемброкъ, мил. 431, 440.
Пемброкъ, мил. 846.
Перекусихина, Марья Сав. 218.
Перервинская, семинар. 1105.
Переяславль-Залѣсскій, 547, 1625.
Пермь, г. 1364, 1687.
Перовскій, (Погорѣльскій), А-й Алексѣев. 340.
Перовскій, гр. Левъ Алексѣев. 221, 223, 248, 254; его слова о кн. А. С. Меньшиковѣ, 1075; мин. вн. д. 1235, 1359.
Персонъ, Ив. Ив., 2005, 2006.
Перфильевъ, 16.
Перцовъ, Никол. Петр. 1040, 1043.
Першеренъ, дѣвица, 1442.
Пестель, (Ив. Бор.), 1966, 1978, 1981, 1982.
Петергофъ, 1923.
Петрова 1-я, А. Я., актр. 342, 344, 345, 1668.
Петрова 2-я, Анѳиса, актр. 344.
Петрово-Соловово, Мих. Ѳедор. 1043.
Петровскъ, гор., 547.
Петровъ, Конст. егерь 1679.
Петровъ, Матв. охотн. 1679.
Петровъ, Мих. охот., 1679.
Петровъ, Ос. Аѳ., пѣвецъ 342. 354.
Петръ Ивановичъ, свящ. 1394.
Петръ Великій; храбрость, 5; въ вѣдомости о в. кн. Павлѣ Петр. 68, 70; въ Парижѣ, 59; похвала Озерова, 149; его изображеніе, 040; видѣніе Павлу, 517—562; заходитъ въ раскол. церковь, 629; запрещ. хоронить въ колодахъ, 629; кончина, 634; св. Сѵнодъ; 741—744; упом. въ автоб. гр. С. П. Румянцова, 850; записанъ въ Сѵнод. Богосл. мон 1077. 1080 (упом. 1082); положеніе о занятіи церковно-служительскихъ мѣстъ, 1083; молотокъ и песоч. часы въ Сенатѣ 1739, жалуетъ кн. Меншикову Грузино, 1473; Мазепа и Искра, 1566; (упом.

1320). Духовн. Реглам. 1574—1577; молебствія о Чесменской побѣдѣ 1596, 1597, присяга иноземцевъ, 1729 — 1766; уп. 1775, 1777, 1779, 1881.
Петръ II, имп. 077, 078. роспись его охоты, 1675 —1681.
Петръ III, имп.. Кантата, на его праздникѣ, 042; запрещ. Екатер. нюхать табакъ, 641, 642; отношенія къ ней, 642. Перенесеніе останковъ, 644, 1890; воспом. о немъ Троицкаго старца, 1180; указы его 1377. упом. въ п. гр. И. Г. Черныш. 1805, 1806 — 1812, 1825, 1828, — 1830, 1837, 1838, 1841, 1844, 1845, 1848, 1864, 1865; упом. 1891.
Петръ св. митр. 1630.
Петръ, Семіоновъ, свящ. 1126.
Петръ, Хрисологъ, 1115.
Петцольдъ, Авг. Вас. 1043.
Петцольдъ, 036.
Пещерскій, 1818, 1821.
Пивоваровъ, Вас. Андр. 1043.
Пименовъ, художн. 073, 074.
Пироговъ, Никол. Ив. 1046.
Писаревъ, А. И. 2092.
Плавильщиковъ, 923, 924.
Плампенъ, адм., 718, 817, 818.
Платенъ, ген. 1772, 1773.
Платеръ, заговорщ. 1214.
Платеръ, ген. 1814, 1819.
Платовъ, Матв. Ив. 277, 291, 301, 1168, 1174, 1176.
Плетищевъ, 1895.
Платонъ, (митр. Москов.), законоуч. в. кн. Павла 4, 6—14, 17, 21, 23, 25, 30, 36, 40, 53, 54, 58—60.; церков. исторія, 616, 619, 1715; получилъ медаль отъ Павла, 1112; мантію отъ Екатерины 1118, 1119. упом. 1573, 1630, 1649.
Платонъ, 321.
Плетневъ, Петръ Александр. 337. 339; профес. въ С.Пбург. Универс. 332—334, 336, 339; кончина 337; уп. 056; въ п. Жуковскаго 958. воспом. о немъ Тургенева 1663—1676, Грота 2067—2089.
Плешеница, 1169.
Плещеева, Нат. Ѳедот. 1951, 1953.
Плещеевъ, Серг. Ив. 1877. 1951—1953.
Пломриджъ, кап. 816, 817, 830, 831, 832.
Плунгяны, мѣст., 1503—1505, 1507, 1508, 1512, 1522, 1523.
Плюскова, Нат. Як. 646, 648.
Поводянъ, мѣст. 1515.
Подгорецкій, Рич. Ос., 2006.
Подновье, въ Нижн. 1685.
Подъячева, дер. 2104.
Поздѣевъ, Осипъ Алексѣевичь масонъ, 27, 157. 158; возмущеніе его крестьянъ, 531—536, 536—540, 551—553, 563—565.
Позняковъ, кирас. 45.
Позняковъ, 1454.
Покровскій, В. С. 306.
Полангенъ, 1503.
Полевой, Никол. Алекс. 2078. 2092—2094.
Полевой, Ксеноф. Алекс. 2006—2008.
Полетика, 1649.
Поликарпъ, келейн., 198.
Поликьякъ, гр-я. 848, 849.
Политковскій, А-ъ Гавр. 1043.
Полотняный Заводъ, 1064, 1068, 1725.
Полситня, дер. 1113.
Полторацкій, Дм. Марк. 1398.
Полторацкій, Серг. Дм. 042.
Полуденскій, Мих. Петр. 627. 628.
Полуденскій, Петръ Сем. 627.
Поль, (фонъ), 1350.
Польша и *Поляки*, 19—21, 116, 221, 227, 1128; послѣдов. Конарскаго, 1207 — 1223; (1392, 1429, 1430); мятежъ *1831 г.*, 1485 — 1542, 1553; (упом. 1554).
Полѣновъ, А-й Яков. 531.
Полѣновъ, Вас. Алексѣев. 2100.
Полѣновъ, Матв. Вас. сен. 2046.
Полѣновъ, Дмит. Вас., 1729—1766; объ его трудахъ 2045—2066.
Полянская, 12.
Полянскій, 6, 17.
Полтавская, бат. 8.

Померанія, 774.
Понятовскій, кн. 1392.
Поповъ, Вас. Степ. 4, 1567,1601,1629—1632.
Поповъ, Дм. Прок. 315. 325—328.
Поповъ, Ив. Ник., 1686.
Поповъ, фельдъ ег. 566.
Порошинъ, Андр. Ив. ген. пор., 7.
Порошинъ, Викт. Ст. изд. Зап. Порошина, 2; ему, а не Лескюру прин. издан. Correspondance sur Louis XVI, 025, 026.
Порошинъ, Ив. Андр. 2.
Порошинъ, Сем. Андр. восп. в. кн. Павла 517, 518; неизд. тетрадь его Запис., 1—61; участь его, 61—66; п. къ гр. Г. Г. Орлову, 64, 65; акад. Миллеру, 72—74; бумаги его, 67, 68.
Портеръ, Марія Ѳед. 942.
Порфирія, мон. 1397.
Потемкинъ, А-ъ Мих. 1039.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Гр. Александр. взятіе Бендеръ, 124; кирасир. полкъ, 158; Екатер. считала его геніемъ, 582; князь Циціановъ дост. ему шубу, 628, 629; гр. С. П. Румянцовъ не х. подчин. ему 845; ордеръ Брзожовскому объ уничтож. висѣлицъ 920—922; служба въ Сνнодѣ 1570 письма къ м. Гавріилу 1596-1616.
Потоцкій, Игнат. 572.
Потоцкій, гр. Сев. Осип. ода ему, 1377—1383; попеч. Хар. ун. 1542, 1543, 1545, 1547, 1548, 1550—1552; 2018, 2021.
Потоцкій, гр. Стан. Осип. умерщвленъ 1222.
Потоцкій, гр. (Стан. Стан?), 107, 278, 279, 281.
Потоцкій, Феликсъ, 585.
Потуловъ, Никол. Григ. 1043.
Pozz, 80.
Прага, 251—253, 453, 463.
Прейсъ, Вилльямъ, 1334.
Пресонъ, Ив. Ив., 1044.
Примъ, ген., 758.
Принценстернъ, Карлъ, шт. ком., 1750—1752, 1759.
Пріютино, дер. 129.
Проворовъ, А-ъ Ив. 1040, 1043.
Прозоровскій, кн. А—ъ Александр. бриг. 49; главноком. въ Москвѣ, 165, 166; въ 1805 г. подн. имп. А—у ленту Военнаго Орд. 1138.
Прозоровъ, А—ъ Мих. 1044.
Прокопьевъ, Гавр. 533.
Протасова, Екат. Аѳ. 1384—1386.
Протасовъ, Андр. Ив. 1384.
Протасовъ, гув. в. князей Александра и Кон. Павл. 1874.
Протасовъ, гр. Никол. Александр. об. прок. Сνнода, дѣла Лифл. 1281, 1290, 1296, 1310, 1318, 1319, 1341.
Проѣздевская, дер. 2104.
Пружаны, 1151.
Прянишниковъ, Ѳед. Ив. 1039.
Псарева, дер. 1113.
Псковъ, 1342, 1345, 1725, 1726.
Пугачевскій, б. 526, 527, 536—538, 548, 1289, 1430.
Пургольдъ, Дан. Ѳедор. 1043.
Путята, Никол. Вас. 1039—1041.
Пучкова, Ек. Наум. 2008.
Пучковъ, Пав. Леон. 2098.
Пушкина, Нат. Никол. 1063.
Пушкинъ, А—ъ Александр. 1066.
Пушкинъ, А-ъ Серг., замѣч. кн. Вяземскаго о его исторической драмѣ 188, 189; переводъ Онѣгина на фран. яз. 035; пис. къ Де-ла-рю, 042; (упом. 339); къ Гречу, 602, 603; два его стихотв. 073, 074; два его автографа, 1063—1068; друж. отн. къ М. И. Глинкѣ, 1139, 1141. Встрѣча съ И. С. Тургеневымъ, 1663—1666; благогов. Кольцова 1671, 1672; дружба съ Плетневымъ 1672, 1673, 1675, 1767, 2067—2069, упом. 1668, 1669, неиздан. его стихи 1724—1726; пис. къ Плетневу 2069—2070. Отзывъ Плетневу 2079; Погодину 2093.
Пушкинъ, Вас. Льв. 056; наслѣдство его, 1066, 1067.
Пушкинъ, Левъ Серг. 602.
Пушкинъ, Григорій 2093.
Пущинъ, Ив. Ив. 052, 054.

Пущинъ, кап. 32.
Пущинъ, кап. 052.
Пфёль, А—ъ Карл. 1043.
Пфуль, ген., 420, 423.
Пшавы, 1048.
Пылаевъ, А—ъ унт. оф. 1641.

* * *

Равентлау, гр. 112.
Радецкій, ген. 263, 270, 298.
Радзивиловичъ, Игн. Ос. врачь 1044.
Радищевъ, А. Н. 1728.
Радогощи, мѣст. 546, 554, 556, 568—571.
Раевскій, Никол. Никол. ген., 200, 061—063.
Раевскій-сынъ, Ник. Ник. 1726.
Разевичъ, Ал-ъ Ѳедор. врачь 1044.
Разумовская, гр., Ек. Ив. 17.
Разумовская, (ур. Лигновская), гр. 114.
Разумовская, (ур. гр. Тюргеймъ), гр. 114.
Разумовская, гр. Флейлина, 13.
Разумовскій, гр. Ал-й Григ., 1806, 1810.
Разумовскій, гр. Андр. Кир. въ Стокгольмѣ, 111—115, 120; жалобы кн. А. Б. Куракина. 430, 439, 440.
Разумовскій, гр. Кирил. Гр. 6, 12, 13, 841, 865.
Разумовскій, гр. Левъ Кир. 02.
Райзеръ, ассес., 1754, 1760.
Райко, Н., А. подполк., 881, 886, 888, 891—893, 914.
Райковскій, С. А., 042.
Ральстонъ, о Крыловѣ, 039.
Рамазановъ, Ник. Александр. ваятель, 2008.
Рамбургъ, 248.
Ранцовъ, 846.
Ратонъ, 1790, 1792.
Рачинскій, Ал-ъ Викт. 1542.
Ратчь, 403. 035.
Рашевскій, маіоръ, 1494, 1495, 1501.
Рашель, 1018.
Ребиндеръ, 18, 20.
Реджина, 81, 86—88.
Реджіо, герц. 1173.
Реймерсъ, архивар., 1760, 1766.
Рейнгольдъ, Эм. Ив. лейбъ-мед. 2008, 2009.
Рейневаль, 811, 812.
Рейнеръ, ген. 1100.
Рейнъ, проф., 111.
Рейтернъ, тесть Жуковскаго, 104, 106, 2025, 2026.
Рейтъ, проф., 1548.
Рейхенбахъ, гор., 236.
Ренне, Марія Андр. 1901.
Ренни, кап. 816, 817.
Ренъ, ген., 1757, 1758.
Репнинъ, кн. Никол. Вас. 406, 409, 410; усмиряетъ крестьянъ, 543—545, 548—561. Журналъ, 562—575, (576, 577); уп. 639; въ пис. гр. С. П. Румянцова, 853; откр. Вил. и Слон. губ. 1124. уп. 1829.
Ретово, мѣст., 1512, 1515.
Ржевускій, вождь Тарговицкой конф. 585.
Ржевускій (Ржеутскій), 4.
Ржевускій, 1789, 1792.
Ржевускій, изд. 032.
Рибасъ, Настасья Ив. 15.
Рибасъ, Осип. Мих. адм. 15; покров. Озерову, 124. уп. 1900.
Рибинскій, ген., 1758.
Рига, гор., 1428, 1785, 1786.
Ридъ, Томасъ, ген. ад., 704, 706, 804, 805, 809, 810.
Рижскій, И. С. ректъ. 2018.
Рикетсъ, 790, 792—795.
Рикманъ, 890.
Рихертъ, Якимъ, переводч., 1746, 1760.
Рихманъ, проф., 1780, 1782.
Ричардсонъ, его анекд. о Россіи, 581, 582.
Ричмондскій, герц. 582, 583.
Ричо, 1061.
Ришелье, герц. 724, 727, 785, 787, 811, 812.
Робеспьеръ, 306, 1472, 1541, 2018.
Родзянко, Арк. Гавр. 056.
Родіоновъ, коммис. Жуковскаго, 647.
Рожерсонъ, врачь 133.
Розавенъ, абб. 1712 — 1714.
Розановъ. Н. П., 1082—1088.
Розе, Ек. Ив. 219.
Розенбахъ, 267.
Розенбергеръ, Карлъ Отт. врачь 1044.
Роллеръ, декорат. 345.
Романова, 029, 030.
Романовы, (при Годуновѣ, 593. царственный домъ 1926, 1927.
Ромбекъ, г-жа, 393, 395, 431, 440.

Ромерова, послѣдов. пропаг. Конарскаго, 1214, 1219.
Ромеръ, ссыльный, 1211.
Ронгасъ, имѣніе кн. В. Ѳ. Одоевскаго, 1024, 1025, 1030 (1031 — 1035).
Ропша, дер. 17.
Россини, 1709.
Россіены, 1518.
Ростовцовъ, гр. Як. Ив. 1362—1364, 1376.
Ростовъ, гор., 553.
Ростопчина, гр. Екат. Петр., 761, 765
Ростопчина, гр. Евд. Петр. 1671.
Ростопчинъ, гр. Андр. Ѳедор., 935, 936.
Растопчинъ, гр. Пав. Ѳед., 765.
Растопчинъ, гр. (Серг. Ѳедор.), 761.
Ростопчинъ, гр. Ѳедоръ Вас. 67; 184, 185, 191, 01, 04, 011—016; записка о воцареніи Павла I, 518 (572); разбир. бумаги Екатер., 642, 643; п. къ в. к. Екат. Павл. 753—762; къ в. к. Конст. Павл. 763—766; упом. въ п. сына 935, 936; въ разсказахъ Московск. французовъ 1401, 1443, 1445, 1448, 1450, 1456. (1596) отзывъ Н. А. Саблукова 1900; сосланъ 1929, 2023.
Ротари, портретистъ, 1845.
Ротъ, кирас. кап., 231.
Рохита, свящ., 1520.
Рубановскій, 27, 29.
Рубини, 343, 346, 356.
Рубинштейнъ, А., 1141.
Рудаковъ, помѣщ., 547.
Рудановскій, Григ., Сvнодал. об.-секр., 1110.
Рудзевичь, ген., 1159, 1170, 1171.
Рудковскій, Конст., кам. лакей 1934, 1935.
Рудольфъ, эрцгерц., 392, 395.
Рудольфъ, Мих. Дав., 2009.
Руенъ, б. 891—897, 901 — 903, 916—918.
Румянцова, гр. Екат. Мих. 841—843, 845.
Румянцова, гр. Мар. Андр. 44, 841.
Румянцовъ, Никита Ив., 195.
Румянцовъ, гр. Никол. Петр. 195, п. къ нему Екатерины 202 — 206, Александра Павл. 609 —614, 1661 (упом. 587) въ пис. Карамзина, 590 —596, 598, поруч. перевести соч. Коцебу 615; ценз. затрудненія, 616, 620, 623—625, 626; п. къ кн. А. Н. Голицыну 621—623, 625; (упом. 839, 840); въ автобіогр. брата, 842, 846, 849—851, 855, 856, въ п. Сперанск. 1982?
Румянцовъ, гр. Петръ Александр. его характеръ, 4; покр. Порошину 66; (упом. 549, 839); въ автобіогр. гр. Серг. Петр. 841, 842, 844, 852, п. къ нему гр. Серг. Петр. 853—866; слухъ о вступленіи его во 2-й бракъ, 866. упом. 1591, 1814, 1819.
Румянцовъ, гр. Серг. Петр. пис. Карамзина 587—599; автобіогр. 839—854; п. къ отцу, 853—866; п. А. И. Моркова, 866—880; записка о Шведской его поѣздкѣ, 880—882, о вольныхъ земледѣльцахъ 1953—1966.
Руничь, (Дм. Павл.), 943.
Руничь, Влад. губ. 1639.
Руновскій, Андр. Макс., Нижегор. губ. 1683, 1684.
Рупейко, Іосифъ, настоят. Шадовской церкви, 1502 — 1505, 1522, 1530—1533, 1536.
Руссовъ, Степ. историкъ 2096—2098.
Рущукъ, кр. 1173.
Рыжовъ, А-й Сид., 1043.
Рылѣева, Нат. Мих. 054.
Рылѣевъ, Кондр. Ѳедор., декабристъ, 051—060; письм. къ Пушкину 1725, 1726.
Рылѣевъ, Никита Ив. об. полицм. 639.
Rusch, ученый, 76.
Рякуновъ, Андр., охотн. 1679.

* * *

Сабанѣевъ, (Ив. Вас.) ген. 1171, 1172.
Сабининъ, свящ., 85.
Саблукова, (урожд. Ангерштинъ), Юлія 1870, 1871, 1902, 1913, 1914.
Саблукова, (ур. Волкова), Ек. Андр., 1869, 1907, 1908.

Саблуковъ, А-ъ Александ., упом. въ Записк. сына. 1869, 1873, 1879, 1884, 1893, 1895, 1905, 1906, 1907, 1908, 1910, 1911, 1912, 1914, 1940, 1949.
Саблуковъ, Ник. Алексан. Записки 1869—1871.
Саблуковъ, шт. кап. убит. 1476.
Сабуровъ, акт. 2094.
Савва, (Любимъ) архим. 1627.
Савва, св. мощи 1391.
Савва, іером. 1391.
Савелій Данилычь, 18.
Сагретло, 1051.
Садовскій, Ант. Ив. 1046.
Say, 80.
Саксенъ Кобургская, гер. п. къ мужу о Русск. Дв. 1795 г., 1089—1102.
Саксенъ-Кобургскій герц. 476, 481.
Саксонцы, 235, 1154.
Салаватъ, гора, 1062.
Саловъ, Ѳ. А. ген., 1721.
Сальдернъ, 4, 5, 9, 11—15, 17—20, 22, 23, 27—29, 32—36, 38, 39, 41, 42, 44, 50, 54—60.
Салтыковъ, кн. А-й Дм. путеш. 374.
Салтыковъ, кн. Дм. Петр. 1043.
Салтыковъ, гр. Ив. Петр. 37, 45, 46; ген.-маіоръ, 45; Москов. в. губ. 173. 572. (фельдмар. 1873?)
Салтыковъ, гр. Ник. Ив., п. гр. С. П Румянцова 1965, 1966.
Салтыковъ, гр. Петръ Сем. фельдм. 43, 59.
Салтыковъ, Серг. Вас. 1823, 1825, 1826, 1845, 1848.
Самогиція, въ Польск. мятежъ 1485 — 1539.
Самойловъ, Вас. Вас. актеръ, 350, 354.
Самугулъ, 1062.
Самуилъ, митр. 1105, 1631.
Сандуновъ, Никол. Никол. 1568.
Сандуновъ, С. Н., акт. 1568.
Санктпетербургъ, Исаак. площ. 734. Іезуит. Колл. 633; 1-й кад. корпусъ 160—165. 1844; Кам. островъ 35, 1874. 1875; Михайл. зам. 518, 1929, 1930, 1931, 1934, 1935, 1938, 1939, 1943; Мойка 37; Морская ул. 1857. Морской корпусъ 1845, Нева 1092, 1093; Паж. корп. 164; Педагог. Инст. 305; Семинарія 1580; Синодал подв. 308; универс. 305—340; Фонтанка 37. Черная р. 37; Эрмитажъ 843, 1092, 1093, 1101; замѣчан. о немъ Озерова 140. Воспит. Домъ 1949.
Сантини, 785, 787.
Сасъ, 5, 16.
Сахаровъ, (Ив. Петр.), 921.
Свиньина, вдова, 1557.
Свиньинъ, Пав. П. 408, 1557.
Свислочъ, 1154, 1155.
Свитригайло, 613—628.
Своеземцовъ, Вас. Ст. посадн. Новгор. См. *Варлаамъ.*
Свѣчина Соф. Петровна, 1713. 1714.
Себастьяни, ген., 1407, 1408, 1421.
Севастьяновъ, Петръ Ив. 2009—2012.
Сегюръ, гр. 1402, 1403, 1450, 1451, 1457, 1458.
Селавинъ, полковн. 221, 229, 239, 254.
Селезневъ, Андр. Ив. 1043.
Селивановъ, В. В. 153—174.
Селивановъ, Мих. егерм. 1678, 1681.
Селивановъ, вахм. 1634, 1635.
Селивановы, 24.
Семевскій, М. И. 3, 053—060; 1649 — 1662, 2096.
Семенова, актр. 123, 2033.
Семеновскій, полкъ 1946.
Семеновъ, Никол. Петр. сенат. 1362—1376.
Семеновъ, Саратов. помѣщ. 1975.
Семенъ, Авг. 1456, 1457.
Семивраги, дер. 2104.
Семиковъ, Петръ, полк., 412.
Семіоновъ, Петръ, свящ., 1592.
Семіонтловскій, Тимоѳей, ген. 1222.
Семякинъ, ген. маі. 021.
Сенковскій, Осипъ Ив. 1669, 056, 335, 1670.
Сенъ-Симонъ, 1201.

Сенявинъ, И. Г., 1249, 1282, 1359.
Серапіонъ, игум. 1077, 1078.
Серапіонъ, іеродіак. 1606.
Серафимъ, митр. 313; въ разсказахъ кн. С. М. Голицына, 631; членъ Св. Сvнода, 745; въ Зап. Фотія, 929—937; 939, 941, 942, 944; въ письм. кн. А. П. Голицына 945, 947; (упом. 1179); грамота Груз. собору, 1480, 1481.
Сербиновичь, Конст. Ст. 338.
Сербы, 737—740.
Сергій, келарь 1077.
Сергій, Св. чудотв. 1182.
Сергѣевъ, докт. 042.
Сеславинъ, партиз. 1168, 1169.
Сестринцевичь - Богушъ, митроп. 598.
Сетерландъ, Эдуардсъ, 037.
Сибирскій, кн. 1892.
Сибирь, 982, 1366.
Сиверсъ, гр. А—ъ Кар. 1043.
Сиверсъ, гр. Эдуардъ Карл. 1043.
Сиверсъ, гр. Як. Еф. 41, 42, 63; 861, 865, 880, 881; 1361.
Сигаревичь, протоіер., 1644.
Сигизмундъ, Авг. 615, 618, 619.
Сидовъ, г-жа, 106, 107.
Силистрія, кр. 1653.
Симеонъ, иг. 1078.
Симеонъ, архим. 1387.
Симолинъ, (Ив. Матв.), 1796 2090.
Симсонъ, врачь, 133.
Синопское, сраж. 756.
Синявичь, Яковъ, переводч., 1755, 1764.
Синявскій, корон. гетм., 1758.
Скавронскій, (гр. Март. Карл. ген. анш.) 44.
Скобелева, (ур. Дурова), 041.
Скобелевъ, И. Н., 293, 041; 1666, 1670.
Скобельцинъ, Ив. Новгор. пом. 2052.
Скрыпицинъ, В. В., 1340—1343.
Скуридинъ, 1683.
Славинъ, Ал. Пв., 2012, 2013.
Славянка, р. 1384.
Слингеръ, Васил. Матв. 1043.
Слободскій, ген. м., 310.
Словцовъ, П. А., 1984.
Слонецкій, Никол. Дем. 1040.
Слѣпцовъ, Гр. протоіер., 1659.
Сталовскій, курьеръ, 572.
Смирдинъ, А-ъ Филип. 924—932; 1067.
Смирновскій, Пл. Сем. 1043.
Смирновъ, Вл. Сав. 1039.
Смолинъ, А-й купецъ, 1617, 1618.
Сморгоны, 1153, 1154.
Сназинъ, Пав. Ив. 1043.
Снегиревъ, Ив. Мих. 929.
Снядецкая, 1214, 1216, 1218, 1219, ея отецъ, 1216.
Соболевскій, Серг. Александр. 064, 065; 921—935.
Соболевъ, воен. начал. 1221.
Собранъ, гр., 848.
Созоновъ, 246.
Соймоновъ, Петръ Александр. п. къ м. Гавріилу, 1627, 1628.
Соковнинъ, Андр. Ник. 158, 159, 164, 165, 167, 171.
Соколовъ, Дм. Александр. 1043.
Соколовъ, Ив. Як. проф., 315, 326—328.
Соколовъ, чин. 1014, 1015.
Сокольникъ, село 573.
Солданъ, г-жа, 227, 234—236.
Солнцовъ, Петръ Александр. 1711.
Соловьевъ, Серг. Мих. 216—220; 549.
Сологубъ, гр. Владим. Александр. 644—648, 958—964; 1006, 1022, 1039.
Сологубъ, Софія Мих. п. Жуковск. 958—964.
Солтнеръ, Георгъ, 1750, 1751, 1760.
Соммерсетъ, Чэрльсъ, лордъ, 830, 832.
Сомовъ, маіоръ, 564—567.
Сомовъ, Орестъ Михаил. 051, 054, 060.
Сонинка, дер. 546.
Сопиковъ, Вас. 921—923, 925.
Сосеротъ, А-ъ Карл. врачь, 1045.
Софія, пр. Саксенъ-Кобургская, 1092, 1097.

Софья Степановна, граф. въ п. М. П. Нарышкиной *1788* г., 214.
Спасскій, Григ. 1295—1298, 1310.
Сперанская Елиз. Мих. 1682, 1685, 1687, 1689—1691, 1983.
Сперанскій, (гр.) Мих. Мих. отзывъ объ Озеровѣ, 125, (упом. 329); укоризны, 1380; учрежденіе Госуд. Совѣта 1662; п. къ А. А. Столыпину 919, 920, 1682—1708. 1966—1984.
Сперанскій, Козьма Мих. 1686, 1689.
Спренгпортенъ, 111.
Ставриковъ, 254, 255, 268.
Стадіонъ, гр. 387—516.
Стадницкій, гр. Владисл. Ксав. 1043.
Стакельбергъ, (гр. Оттонъ—Магнусъ), 52, 858—864, 869, 874.
Стакельбергъ, А. Ѳ, 1297, 1351.
Стакла, дер. 1159.
Станевичь, марш. Россіенск. пов. 1504.
Станиславскій, 563.
Станиславъ Лещинскій, 1757.
Станиславъ Понятовскій, 116, 546, 572, 575; сат. на него, 585. (1787—1789, 1792).
Станфель, кап. 816, 817.
Старково, село, 1086.
Стахово, 1158, 1163, 1170, 1171.
Стацевичь, свящ., 325.
Стедингъ, 867, 868, 872, 873.
Стенбокъ, гр. 869, 874.
Степанова, Ан. Матв. пѣв. 350, 351, 1668.
Степановъ, Степ. свящ., 1627.
Степановъ, Ст Лог. 1043.
Степановъ, Ѳедоръ, егерь, 1679.
Стефанъ, Яворскій, 11.
Стефанъ (Калиновскій), архим. 578.
Стивенсъ Елиз. Андр. 1685, 1687, 1689, 1690.
Стобеусъ, А-ъ Яковл. 1043.
Стобеусъ, Ник. Як. 1043.
Стойковичь, А. И. 2018.
Стоко, хирургъ. 704, 706, 767 — 775, 793, 795, 814—818, 821.
Столыпина Вѣра Никол. 1692. 1983.
Столыпино, село, 1687.
Столыпинъ, А-й Емел. 1690. 1970.
Столыпинъ, Арк. Ал-ев. 1682, 1683; п. Сперан. 919, 920, 1683—1704, 1966—1984.
Столыпинъ, Аѳ. Алексѣев. 066, 067.
Столыпинъ, Гр. Дан. 1973.
Столыпинъ, Дм. Александ. 1043.
Столыпинъ, Дм. Арк. 1683, 1704 — 1708, 1966 — 1968.
Столыпины, 1682, 1692.
Стрекаловъ, Ст. Ѳед. 204, 206.
Стрикъ, Генр., 1736, 1749, 1759.
Строгоновъ, гр. А-ъ Гр. 1281, 1310, 1311, 1321, 1322, 1324, 1337—1340, 1343, 1346, 1348, 1353.
Строгоновъ, А-ъ Серг. 9, 10, 11, 17, 19, 21, 22, 24, 26, 28—30, 35, 52; 407, 411; 640, 641; 1378, 1379, 1825, 1828.
Строевъ, Пав. Мих. акад. 921, 1715—1717.
Струговщиковъ, А-ъ Ник. 1043.
Стрыйковскій, Матѳ. 615.
Стряпково, село 841.
Студянки, 1163, 1168.
Стурдза, А. С., 600, 601.
Ступино, дер. 1113—1114.
Стюрлеръ, полк. 049.
Суайнъ, кап. 821.
Суворова, кн. Варв. Ив. 841.
Суворовъ, кн. А-ъ Вас. 6; 209, 210; 265; 549. 1930, 1931.
Суворовъ, свящ., 1304.
Суворовъ, («горной»), 40.
Суда, Ив., переводч., 1765.
Сулковскій, 1789, 1792.
Сумароковъ, (А-ъ Петр.) 6—8, (13), 15, 21, 23, 26, 27, 30, 58; 142.
Сумугулъ, 1062.
Суровцовъ, пом. 533.
Сухарева башня, 1051.
Сутгофъ, шт. кап., декабр. 051.
Суфолькъ, 1854, 1857.
Сухаревъ, А-ъ 049.
Сухоруковъ, Григ. 570.
Сушковъ, Дм. Петр. 351.
Сушковъ, Серг. Петр. 1043.
Сытинъ, А-ъ 1619.
Сѣверинъ, Дм. Петр. 86.
Сюррюгъ, аб. 1401—1403, 1442, 1450, 1451.

* * *

Тавиѳа, игум. 1398.
Тайдаловъ, пом. 533.

Тайловъ, пог. 1262.
Талызинъ, А—ъ Ѳед. 5, 6, 10, 12, 13, 18, 20, 21, 23, 29, 35, 58.
Талызинъ, ген. 1930, 1931.
Талгикъ чеч. 1001, 1004.
Тамбурини, 346.
Танусъ, аулъ 1053.
Танѣевъ, ст. секр. 1324, 1339, (1469?)
Тараканова, княж. 032.
Тарамъ, чеч. 968, 971—983, 985, 986, 988, 991, 993, 994, 997, 998, 1000, —1002, 1004.
Тархановъ, кн. 1057.
Татищевъ, Вас. Никит. 331, 622, 2086, 2099.
Татищевъ, 209.
Татищевъ, 248.
Татьяна Александровна, 215.
Таубертъ, академ. 5.
Таулетъ бар. 1397, 1398.
Тверь, г. 1112.
Тевкелевъ, Муртоза, переводч. 1755, 1765.
Теге, паст. 1778.
Телкинъ, подп. 46, 51.
Тельши, гор. 1503—1506.
Тенени, мѣст. 1512, 1515.
Тепловъ, Гр Ник. 14, 19, 20, 32, 33, 37, 48, 50, 59, 216—220.
Тизенгаузенъ, 293.
Тилитли, резид. наиба 1053.
Тилле, Георгъ, 1753, 1761.
Thielke, инж. 76.
Тильманъ, 256.
Тимирязевъ, 231.
Тимковскій, Ил. Ѳед. проф. 1547.
Тимоѳеевъ, Никол. Ил. 1043.
Тимоѳеевъ, стихот. 1671.
Тинина, дер. 1113.
Тиршъ, филол. 316.
Тихменевъ, Петръ Александр., 931.
Тихомировъ, Спб. проф. 310.
Тихоновъ, 224.
Тихонъ, еп. 108—110.
Тишкова, дер. 1113.
Ткачевъ, Гр. Гр. 2013. 2014.
Ткачевъ, солд. 981, 983, —988.
Тобольскъ, гор. 1978, 1979.
Товій, архим. 933.
Толмачевъ, Як. Вас., Спб. проф. 329, 330.
Толстой, гр. Дм. Андр., 751.
Толстой, гр. Левъ Ник. 185—192, 01, 066, 935, 1713.
Толстой, гр. Ник. Александр., об. гофм. 1481, 1683.
Толстой, гр. Петръ, Александр. 631, 632, 1133, 1523, 1683, 1684.
Толстой, гр. (Американецъ), Ѳед. Ив. 602.
Толстой, гр. Ѳед. Петр. 1670.
Толь, ген. (гр.) 219. 223. 224, 226, 228, 230, 232, 235, 237, 241 — 246, 248, 250, 253 — 257, 269 — 261, 263, 265 — 257, 269, 270, 272—290, 292—304.
Толь, гр. Конст. Карл. 1043.
Томилова, ея домъ въ Спб. 353, 372.
Томскъ, гор. 1979.
Тонкачевъ, Маметъ, переводч., 1765.
Торбѣевъ, Ив. Ив. 534, 535.
Торвальдсенъ, 184.
Тармасовъ, гр. (А—ъ Петр.) 1151. команд. к. гв. 1931, 1940 1942, 1943.
Траверсе, марк. 1070.
Трамповскій, ген. 1060, 1061.
Транзеге, (фонъ), 1334.
Трассенъ, 1417—1419.
Третьяковскій, 22.
Трейденъ, Иркутск. губ. 1645.
Трейтшке, Кильск. проф. 031.
Трескинъ, 258, 267, 270, 276, 280, 285, 287, 288, 293—295, 298, 299, 302.
Трескинъ, Никол. Ив., 1979, 1966, 1980, 1981, 1982, 1984.
Третьяковъ, Авг. Алексѣев., врачь 1044.
Три Руки, 66.
Трифена, игум. 1394.
Трифилій, мон. 1177, 1178, 1179—1182, (1183, 1174).
Трощинскій, Дм. Пр. 572, 882, 1378, 1379, 1632—1639.
Трубецкой, кн. Ник. Ив. 064.
Трубецкой, кн. (Серг. Никит.) 51, 54.
Трубецкой, кн. Серг. Петр., 052, 054.
Трубецкой, кн. вице-губ. 1214, 1216, 1217.
Трубецкой, кн. 34.

Трубецкой, кн. его домъ въ Москвѣ, 1411.
Труммеръ, 1748, 1760.
Тугутъ, 210.
Туманскій, В. И. 056, 059.
Тунъ (фонъ), графиня, 114.
Thuntmann, учен. 75.
Тургеневъ, А-ъ Ив., 645, 943, 1969, 1984.
Тургеневъ, Ив. Серг., 032, (1141), посѣщ. въ Берлинѣ М. И. Глинку 1142; восп. о П. А. Плетневѣ. 1633—1676; 2067—2089.
Турнэ, Арнольдъ, 1401. 1448, 1449.
Турція, 754, 1130.
Турчидагъ, аулъ 1055.
Тутолминъ, (Ив. Аким.) 1437, 1438.
Тутолминъ, Тимоѳ. Ив., 762, Олонец. нам. 1633.
Тучкова, Марг. Мих. 1452.
Тучковъ, (А-ъ Алексѣев.), ген. м., 1452.
Тучковъ, подп. 561.
Тушины, 1048, 1055.
Тышкевичь, гр. 1514.
Тѣлесницкій, оф. 1711.
Тюйель, бар., 802, 803.
Тюйленъ, маіоръ 393, 396, 414, 417, 429, 438.
Тюрень, 294.
Тютчевъ, Ник. Ник., 1043.

* * *

Убри (П. Я.?), диплом., 1138.
Уваровъ, гр. А-й Серг., 82. (1039) его Архивъ 1405.
Уваровъ, (гр.) Серг. Сем., попеч. 305, 619, 620; мин. 318—320, 323—325, 335; презид. Акад. Н. 623. отзывъ Сперанск. 919, 1693. (1399, 1440, 1543) въ п. Сперанск. 1984.
Уваровъ, (Ѳед. Петр.), ген. 280, 283, 290, 554. 1926, 1928, 1937, 1939, 1942, 1946, 1950.
Удино, марш. 1149, 1150 1163.
Уимперъ, Фрид., путеш. 033, 034.
Умцукуль, аулъ 1052.
Ундольскій, Вуколъ Михаил., 921.
Урусова, княжна игум. 1453.
Урусовъ, кн. флиг. ад. 1325, 1329, 1331, 1336.
Уса, 1061.
Усовъ, пор., уб. 1476.
Устряловъ, Ник. Гер., 331.
Ухолодо, 1159.
Ушаковъ, Андр. Ив., 579.
Ушаковъ, Никол. Апол. 1043.
Ушаковы, 1930.
Ушаковъ, офиц. 1933, 1934, 1941, 1942, 1943.
Ушаковъ, Ѳед., мон. 1571.
Ушинскій, К. 338.

* * *

Фадѣевъ, 1658.
Фасановъ, свящ. 1296.
Фаркюгаръ, 651, 653.
Фарнгагенъ фонъ Энзе, 013, 015.
Фелькерзамъ, бар. 033, 1275.
Фенъ, бар., 1151.
Фердинандъ, VII, кор. Испанск., 752.
Фердинандъ IV, кор. Неапол. 1133, 1134.
Фердинандъ, герц., братъ имп. Маріи Ѳ. 411, 412, 414—423, 427, 436, 500—507.
Фердинандъ, герц. Вюрцбургскій 452, 462.
Фердинандъ, (Миланскій), эрцг. 392, 395, 399, 455, 465.
Фердинандъ, эрцъ-г. 450, 460, 476, 481, 484—486, 490, 493, 494, 498, 499, 513, 515.
Ферзингъ, пѣв. 366, 367, 369.
Ферморъ, (гр. Вилимъ Вилим.), 14.
Фикъ, Генр., 1736—1744, 1755.
Фикъ, кам. сов., 1744, 1745, 1760.
Филаретъ, м. Московскій, 96. (313. 314) замѣчан. о соч. Куцебу 616, 617—619, 627. Разсказы кн. С. М. Голиц. 632, (745, 929) Воспом. старца Трифиллія 1179—1182, свѣдѣнія о немъ 2014, 2015, 2100.
Филаретъ, м. Кіевскій, 1341, 2100.
Филаретъ, еп. Рижскій, 96, 1350.
Филатьевъ, корн. кон. гв. 1944.
Филимоновъ, Владим. 056.
Философовъ, Ник. Дм., 1040, 1043.
Философовъ, М. М., ген. губ. Минскій 545, 546, 560, 561, 574.
Философовъ, 27, 33, 37.
Фильдъ, пьянистъ 1442.

Фильдъ-отецъ, 1442.
Фильдъ, г-жа, 1443.
Финкъ, Ив., егерь, 1679.
Фитинговъ Бор. Павл., 1043.
Фитинговъ, б., 033.
Фишеръ, 648.
Фласъ, (фонъ-деръ), Фр. Фр., врачь 1041.
Флорида-Бланка, гр., Испанск. мин. 211, 212.
Флугъ, ген. пор., 1748.
Фоксъ, подп. 052.
Фокъ, *фонъ*, 2068.
Фонъ Визинъ, Ден. Ив. 63, 64.
Фонъ Визинъ, Ив. Александр., 061, 064.
Фонтанъ, гр. 604.
Фонтенель, 5.
Фортунатовъ, А-й Өедоров., 309.
Фортунатовъ, Өед. Ник. его Воспоминан. о С. Пбургск. ун. 305—340.
Фотій, архим., его Записки 929—944, въ п. кн. Голиц. къ гр. Орловой 943—954, 956, 957.
Фоулеръ, торг. домъ, 676, 677.
Франкфуртъ, гор. 288—290.
Францъ I, имп. Австр., 1793, 1795, 1806, 1811.
Францъ II, имп. Австр. 293; коронація 206; въ письм. кн. А. Б. Куракина 386, 389, 397—404, 413, 415—419, 422, 428, 438, 443, 445, 446—449, 451, 452, 454—458, 461—463, 464—465, 467, 468, 470, 471, 472, 473—475, 478—480, 484, 486, 487, 489, 492, 495—497, 501, 505, 508, 509, 511, 513, 514, 516 (708, 710 1127) въ Дневн. Хом. 249, 250, 286—289, 292, 293, 295. (776. 708).
Францъ, эрц. г. 456, 465.
Фридбергъ, Петръ Ив., 1044.
Фредро, гр. Максимил. Максимил., 1044.
Фрейбургъ, г. 295.
Фрейтагъ, ген. 979.
Фрейтагъ, проф., 321.
Френъ, академ. 623, 624.
Фридерика пр. Баденская, 202—206.
Фридериксъ, Ив. Евст., 1044.
Фридериксъ, ген. 735.
(Фридрихъ - Августъ I), кор. Саксонскій, 235, 403; его дочь 399, 403, 443, 445.
(Фридрихъ-Вильгельмъ I), кор. Прусскій, 1102.
(Фридрихъ - Вильгельмъ II), кор. Прусскій 117.
(Фридрихъ - Вильгельмъ III), кор. Прусскій 222, 227, 232, 249, 288, 1131, 1134.
(Фридрихъ - Вильгельмъ IV), пр. Прусскій, 274, 443, 446, 1144.
(Фридрихъ II), кор. Виртембергск. 411, 413—418, 420, 421, 423, 450, 476, 481, 502, 506, 643.
Фридрихъ II Великій, кор. Прус. 14, 025, 124, 163, 699, 702, 853, 854, 1771, 1773, 1774—1776, 1777, 1778, 1779, 1784 1878.
Фридрихъ, герц. Кобургъ-Заальфельдскій, 1100.
Фрокманъ, 1143.
Фроловъ, Пет. Александр. 2015, 2016.
Фроманъ, посольск. переводч., 419, 423, 500, 504.
Фуже, 1789, 1791.
Фряново, село 1084, 1085.
Фузадье, 7, 26.
Фуссъ, П. Н., 318, 620.
Фюзи, Луиза, воспом. 1441—1443, 1450, 1454, 1455, 1457, 1461.

* * *

Хаджи-Муратъ, 1051, 1053.
Халезовъ, Өед. Ант., 2016.
Халецкій, ген. 022.
Хальфинъ, лект. 623.
Ханеневка, дер. 1698.
Ханенко, Ив. Ив. его библіогр. зам. 762, 2026.
Хвейданы, мѣст. 1512, 1515.
Хвостовъ, (гр. Дм. Ив.), 056, 2020.
Хвощинскій, полк. 735.
Хебгардтъ, Андр., «доѣзжачій» 1679.
Хевсуры, 1048, 1055.
Хитрово, флейл. 31.
Хитрово, (А-й Захаровичь), 1917, 1918, 1930.
Хитрово, 13.
Хлющинъ, помѣщ. 546, 571.
Хмѣльницкій, писат. 1710.
Хозрехъ, 1061.
Холера - морбусъ, 834. 835.

Холмъ, 560.
Хоментовскій, полк. 258, 263, 266.
Хомутова, (ур. Энгельгардтъ) Нат. Александр. 219.
Хомутова, Ан. Гр. 219.
Хомутовъ, Григ. 228, 247, 253, 268.
Хомутовъ, Мих. Григ. (атам.) 227, 228, 239, 242, 246—249, 262—264, 267, 268, 278, 280, 284, 291.
Хомутовъ, Серг. Гр., его Дневникъ 219—304.
Хомяковъ, А-й Ст. 056, 058, 059.
Хоростовцы, (Коростовцы) мѣст. 1722.
Храповицкій, ген. губ. Вилен. 1534.
(*Христіанъ*, *VII*), кор. Датскій, 1134.
Хрущово, дер. 546.
Хрущовъ, Дм. Петр., 1009, 1013, 1016, 1018, 1039.
Худобашевъ, другъ Лазаревыхъ 1695.

* * *

Царскіе колодцы, сел., 1061, 1062.
Царское Село, 860, 1816, 1820.
Цастровъ, ген. пор. 1770.
Цебриковъ, пор., декабр. 052.
Цейеръ, (Фр. Ив.), 1969, 1974, 1981, 1982.
Центаровъ, ген. 1755, 1757.

ЦЕРКВИ.

(Православныя и инославныя).

Алексѣевская, въ Ригѣ 1296.
Андреевскій, соб. въ с. Грузинѣ 1472—1480.
Архангельскій, соб. въ Москвѣ 632.
Воскресенская, Замоскворѣцкаго сорока, 1646, 1647.
Воскресенскій, соб. въ Колѣ, 1632, 1633.
Георгіевская, въ Москвѣ, 1389.
Доминиканская, въ Ригѣ, 1500.
Казанскій, Соб. (Рождество Богор-ы), въ Спб. 937, 1111, 1176, 1600.
Лазаревская, (кладбищ.), въ Москвѣ 1568.
Людовика, св., въ Москвѣ, 1401, 1402, 1412, 1451, 1452, 1513.
Николы Морскаго, въ Спб. 29.
Николаевская, на Студницахъ, въ Москвѣ, 1104.
Петропавловскій, Соб. въ Спб. 1571, 1625, 1890.
Покровская, въ Москвѣ 156.
Седми Вселенскихъ Соборовъ, въ Св. Сунодѣ, 739—745, 746, 750.
Сергіевская, въ Рогожской 1391.
Смоленское, кладб., въ С. Петерб. 075, 076.
Спасопреображенская, на Глинищахъ, въ Москвѣ 1592.
Спасопреображенская, (старообрядческая), въ Елисаветградѣ 1606.
Спасопреображенскій, Соб. въ Спб. 1640.
Троицкій, соб. на Петербургской Сторонѣ, 742.
Успенскій. Соб. въ Москвѣ, 631.
Якобштатская, 1262.
Цытовяны, мѣст., 1509.
Цицiановъ, кн. адъют. Потемкина, 628, 629.

* * *

Чаадаевъ Муромскій депут. 2059.
Чаадаевъ, Петръ Яковл., его портретъ 039. посл. къ нему Пушкина 602.
Чамберленъ, Англ. пов. въ Ріо-Жанейро, 719, 720.
Чаплинъ, 239, 246.
Чаплицъ, ген., 1153, 1157, 1159—1164, 1166—1168, 1171—1175.
Чарторижскій, кн. Адамъ 644, 1897.
Чарторижскій, князь (Адамъ - Казимиръ), 1787—1789, 1792.
Чарторижскій, кн Константинъ, 1897.
Челищевъ, маіоръ, 28, 39, 40.
Чередьевъ, Косьма протоіер., 1104.
Черепье, мѣст , 1154.
Черкасовъ, Дан., охотн. 1679.
Черкасскій, кн. Вл. Алек. сандр., Моск. гор. голова, 1685.
Черкасскій, кн., 30.
Чернодыровъ, Ем., крест. 558, 569, 570.
Чернышева гр. Елисав. Осиповна, 1780, 1787.
Чернышова, (ур. Исленьева), гр. Анна Александр. 5, 1787, 1788, 1794, 1795, 1807, 1811, 1858.
Чернышовъ, гр. Гр. Ив. 127, 935.
Чернышовъ, гр. Зах. Гр. 4, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 22, 26, 30, 34, 37, 38, 41,

52, 59, 60, 61. 1619—1621, 1769.
Чернышовъ, гр. Ив. Гр., 6, 7, 9, 10, 17, 19, 20, 24, 25, 27, 29, 31, 33, 40, 41, 44, 50, 52, 61; его п. къ И. И. Шувалову 1779—1870.
Чернышовъ, гр. Петръ Гр. 12, 15, 24, 39, 1800, 1801, 1826, 1839.
Чертковъ, кап. испр., 560.
Чесной, Гавр., 1679.
Четвертинскій, кн. (Бор. Ант.), 02, 03.
Чеченцы, 964—1006.
Чивилевъ, А-ъ Ив., 2016, 2017.
Чижовъ, Өедоръ Васил. его статья 2066.
Чипріани, 661, 662, 687, 689.
Чирахи, 1061.
Чиркаты, аулъ, 1051.
Чистовичъ, Як. Алексѣев. врачь 1046.
Чичаговъ, адм., Записки 1148—1178; дружба съ Саблуков. 1870; 1925, 1926.
Чичеринъ, Ник. Ив.?, 33.
Чоглоковы, фрейл. 17, 31.
Чоху, 1054.
Чудова, ст., 1463.
Чудское озеро, 1263, 1264.
Чупятовъ, юрод. 22, 23.

* * *

Шавли, гор. 1342, 1491, 1501.
Шавровъ, Ив. Вл., 1046.
Шадъ, проф. 1548, 1550, 2018.
Шаликовъ, кн 558, 559.
Шамардинъ, Пав. Яковл., 1044.
Шамбре, марк. 1151, 1170.
Шамиль, 971, 976, 983; взятіе 1045—1063.
Шанделье, пов. 821, 822.
Шампіонъ, гр., 1450.
Шанкло, графиня, 393, 395, 427, 437.
Шарлотта, принц. 664, 670.
Шармуа, проф., 336.
Шателе, ген., 264, 265.
Шатнеръ, Ив., паст., 1762, 1764.
Шафирова, фрейл., 6.
Шахматовъ, А-ъ. Никол. 2040—1044.
Шаховская, кн. Варв. Александ., 1586—1588.
Шаховская, (ур. Шаховская) кн. Елиз. Бор. 1586—1589.
Шаховскій, кн. А-ъ Александр. 129—131; 056. 2045.
Шаховскій, кн. Бор. Гр. 1586.
Шаховской, кн. Петръ Өедор. 1589.
Шаховской, кн. И. Л., 599.
Шаховской, кн. Як. Петр. 38, 1589.
Шаховской, кн. Ив. подполк. кир., 60.
Шванвицъ, Март., 1747, 1760.
Шварценбергъ, кн. 257, 258, 261, 263, 264, 269—272, 284—287, 290, 295, 296, 299—302; 1151—1156.
Швейдницъ, крѣп. 1769—1771.
Швекшни, мѣст., 1512.
Шверинъ, Густ. Ад., 1026, 1028.
Шебашевичи, мѣст., 1157, 1158, 1161, 1167.
Шевелкинъ, Ив. Вас., 2017.
Шевичь, ген. лейт., 558, 569, 575.
Шевіусъ, Францъ, 1764.
Шедо-Ферроти; его соч. 035.
Шейлинъ, Вас. Хр., врачь, 1044.
Шеллеръ, Альб. Георг., врачь, 1044.
Шеллингъ, 1550.
Шеміотъ, Францискъ, 1504, 1509, 1513.
Шенигъ, А-й Никол., 1137.
Меншинъ, Вас. Никан., 735.
Шенявскій, поруч., 1217, 1218.
Шепелевъ, сенат. 1377, 1378.
Шереметева, гр. Анна Петр. 5, 16, 17, 39, 63.
Шереметевъ, гр. Бор. Петр., 1757, 1758.
Шереметевъ, гр. (Дм Ник?.), 85.
Шереметевъ, гр. Петръ Бор., 32, 63, 208.
Шестакова, (ур. Глинка) Людм. Ив. 370, 372.
Шеферъ, Ист. сем. войны, 025.
Шешковскій, (С. И.), 164, 165.
Шешовская, дер. 2104.
Шиллеръ, 149.
Шиллинги, 442, 444.
Шиловъ, Серг. Серг., 1044.
Шипиловъ, Ив. Вас., 1044.
Шиповъ, маіоръ, 38.

Шириманъ, Игн. Фр., 1084, 1085.
Ширманъ. Ѳед. Карл., ген., 1502, 1503, 1516, 1517, 1519—1522, 1524, 1527, 1528, 1530, 1533—1535, 1537, 1538, 1540.
Ширяевъ, библіогр. 921.
Шишкинъ, его ст. 032.
Шишкова, ур. Нарбутъ, супр. адм. Шишкова, 1554.
Шишкова, пом. 533.
Шишковъ, А-ъ Семен., 302; въ п. Пушкина, 602; мин-ръ 626; нелюбовь къ Гречу, 1553, 1554; объ изд. Сѣв. Пчелы, 1554; въ п. Сперанск. 1970; замѣчаніе кн. П. А. Вяземскаго 2043, 2044; избр. въ чл. Харьк. ун. 2020.
Шкляревскій, студ. 339.
Шлаттеръ, Генр., 1754, 1760.
Шлафъ, секр. Швед. пос. 120.
Шлегель, Фр., 332
Шлеттерманъ, Ив. кам. шрейб., 1747, 1760.
Шлецеръ, (Авг. Людов.), 331.
Шлиппенбахъ, Ант. ген. лейт., 1734, 1735, 1755, 1756.
Шлиссельбургъ, г. 1891.
Шлютеръ, сестра Канкрина, 1553.
Шмиденъ, Ив., секр., 1755, 1760.
Шмиденъ, Фридр., 1731—1734, 1748, 1760, 1766.
Шмидтъ, грав 1845.
Шмидтъ, куп. 288.
Шмидтъ, Ив., камер., 1746, 1760, 1766.
Шнее, Андр. Андр., врачь, 1044.
Шнейдеръ, Богол. Христ., врачь, 1044.
Шольцъ, Вас. Богд., врачь, 1044.
Шопенгауеръ, г-жа, 285.
Шорулинъ, разбойн. 1087.
Шпанаусъ, Георг. актуар., 1750, 1751, 1760.
Шпейерманъ, Март., ком., 1753, 1761.
Шпиноли, об. кригсъ фиск., 1759.
Шпоръ, отзывъ Глинки 359.
Шрамъ, 234, 257, 258, 287, 299.
Шродеръ, г-жа, 290.
Штейнманъ, директ. 323.
Штейнмецъ, Карлъ, копіистъ 1749, 1760.
Штейнгель, ген., 1152, 1153.
Штерича, домъ въ Спб. 307.
Штеричъ, Е. П., 1145.
Штиръ, пис. 82—84, 86.
Штольбергъ, (ур. Шпее), графъ. 964.
Штольбергъ, гр., сынъ поэта, 964.
Шторре, Петръ Андр. врачь, 1044.
Штофельнъ, ген. пор., 4, 5.
Штраубъ, Гавр. 1766.
Штраусъ, его книга, 317.
Штуцманъ, Серг. Ив., капельм. 354—356, 368.
Штюрмеръ. б., 664, 667, 670, 672, 691, 692, 698, 700, 702, 703, 715, 717, 784, 786, 790, 791.
Шубертъ, Ив., 1765.
Шувалова, (ур. гр. Салтыкова) Екат. Петр., гр. 204, 206; 414, 417, 503, 507?
Шувалова, (ур. кн. Одоевская), гр. Анна Иван., 1813, 1818.
Шуваловъ, гр. Андр. Петр., 843.
Шуваловъ, Ив. Ив., 13, 194, 1767—1870.
Шуваловы, 740.
Шульгинъ, Дм. Ив., Спб., ген. губ. 1039.
Шульцъ, Вильг., секр. 1750, 1751, 1760.
Шульцъ, Герм. Ѳедор., врачь, 1044.
Шульцъ, Ив. Егор., врачь, 1046.
Шумскій, сынъ гр. Аракчеева, 1483.
Шустовъ, А-ъ Смарагд., 1044.

* * *

Щелягинъ, Москов. куп., 198.
Щенсной Потоцкій (Феликсъ), 585.
Щенинъ-Ростовскій, кн., декабр. 735, 051.
Щепкинъ, Мих. Семен., 1712.
Щербатовъ, кн. А-й Григ. 1172.
Щербатовъ, кн. Влад. Ив. 562.
Щербатовъ, кн. Мих. Мих. истор. 331; п. къ нему Г. Н. Теплова, 216—218, 220; въ ком. объ уложеніи 2061.
Щербатовъ, кн. Ив. сенаторъ (1758 г.), 740.

Щербатовъ, кн., камеръ юнк. 853.
Щербатовъ, км. маіоръ-24.
Щербатовъ, кп., 106.
Щербининъ, А-ъ Гр. 1044.
Щербининъ, 248, 256 — 258, 266, 267, 270, 273, 278, 285, 288, 291, 295, 296.
Щуленниковъ, Мих. Павл., 1044.
Щура, 1057, 1061.

* * *

Эверсъ, Густавъ, 1386.
Эйзенблатеръ, студ. 1214.
Эйская земля, 1284.
Эйхвальдъ, Карлъ Ив. врачь, 1046.
Эквильи, графиня, 503, 507.
Эккартъ, 031.
Эляшевичь, шт. кап., 1216.
Эме, Март., 1454.
Эпинусъ, Фр. Ив., 13, 37, 39.
Эмичевъ, А-й Ив. 1044.
Эмме, Густ. Карл. 1044.
Энгіенскій, герц. 1459.
Эренбергъ, 345.
Эриба, крѣп., 1049.
Эристовъ. кн. Дм. Ив. 1066.
Эрнестъ, герц. Кобургскій, 1101.
Эртель, москов. об. пол. 168.
Эртель, 268, 1152, 1153.
Эссенъ, (Петръ Кирил.?) 1151.
Эстергази, гр. 428, 437.
Эстергази, гр. 1817, 1821.

* * *

Юзефовичь, Мих. Влад. 1724—1726.
Юни, поруч. Архар. полка, 172—174.
Юнкеръ, адъют. 04, 07.
Юринъ, пом., 546, 558.
Юрьевъ, гор., 1395, 1396.
Юрьевъ, Егоръ, коновалъ, 1681.
Юсуповъ, кн. Борисъ Григор., сенат. 740.
Юсуповъ, кн. (Никол. Бор.) 631, 632, 634; упом. 1905, 1911.
Юсуповъ, кн. Никол. Борис., 1044.
Юферовъ, подполк. 1217.
Юшковъ, 6, 24.

* * *

Ягужинскій, его дѣло, 37.
Языковъ, А-ъ Петр., о Грузинѣ. 1462—1484.
Языковъ, Дм. Ив. 2101.
Языковъ, Мих. Алексан. 1044.
Языковъ, Никол. Мих., 340, 056, 059.
Яковлевъ, А-ъ Алексѣев., об. прок. Сvнода, 1122.
Яковлевъ, Влад. Дм. 042.
Яковлевъ, Ив. Алексѣев., богачъ, въ п. М. И. Глинки, 377.
Яковлевъ, поруч., 1476.
Яковлевъ, вахм. 1634, 1635.
Яковлевъ, Яковъ, крест., 532, 533.
Якубовичь, 736, 052.
Якушкинъ, Вячесл., Иван., 1044.
Яндоуровъ, подпор., 1476.
Янишки, мѣст., 1491 — 1493, 1498.
Яновскій, Валер. Андр. врачь, 1046.
Ярковскій, А-ъ Альберт., 1044.
Ярошевскій, Плат. Иван., врачь, 1046.
Яуза и *Яузка*, р. 1411, 1413.
Яхимсенъ, камерираъ, 1750, 1760.
Яхнакъ, публиц. 033.
Яцевичь, 1504. 1505.
Яценковъ, ценс. 619.

* * *

Ѳаворскій, Макс. Андр., 2017.
Ѳедоровъ, Никол. Мих., 1044.
Ѳедоровъ, Пав. Степ., 351, 352, 360.
Ѳедоровъ, фельдъ ег. 565.
Ѳеодоръ Іоанновичь, царь, 593.
Ѳеодосій, игум. 1078.
Ѳеофанъ Прокоповичь, архіеп. 196, 217; п. кн. Кантемира, 578 — 587, (919, 1693.)
Ѳеофанъ, архим. 1391.
Ѳеофанъ, (Леонтовичь), мон. 1571.
Ѳеофилъ, епис. Черниг., 1603.
Ѳоминъ Евсигней, дьякъ 2050.
Ѳомы Кемпійскаго о Подражаніи Христу, замѣч. Сперанскаго, 1969, 1970.
Ѳотинъ, Антоній, толмачь, 1765.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 1725. Стихотвореніе *Псковъ* приписано Пушкину на основаніи преданія. Нынѣ намъ сообщено изъ источника вполнѣ достовѣрнаго, что стихотвореніе это сочинилъ нѣкто *В. Панкратьевъ*, и что въ первоначальномъ видѣ оно разнствуетъ съ напечатаннымъ: напр. въ первомъ стихѣ вмѣсто *песчаныхъ скалъ* надо *кремнистыхъ скалъ* и въ пятомъ стихѣ вмѣсто *честныхъ благъ* — *чистыхъ благъ.*

Къ стр. 1953. Г-жу Плещееву звали Натальею не Ѳедоровною, а *Ѳедотовною*; равно и сестра ея была Марья Ѳедотовна Донаурова.

Тамъ же, въ переводѣ письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву неточность въ русскомъ переводѣ, въ концѣ: слѣд. вмѣсто напечатаннаго: „вашу пріятельницу Марію“—*вашъ добрый другъ Марія.*

Стр. 2092. Вмѣсто А. П. Писареву слѣдуетъ *А. И. Писареву*.

Въ Русскомъ Архивѣ будущаго 1870 года появятся между прочимъ:

Неизданныя бумаги императрицы *Екатерины II-й.*

Донесенія *князя А. Б. Куракина* императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ.

Записки *Н. В. Берга* о Польскихъ заговорахъ послѣ 1831 года.

Автобіографія *В. С. Хвостова.*

Письма *цесаревича Константина Павловича* къ маркизѣ де Кюбьеръ.

Письма *Сперанскаго* къ А. А. Столыпину и Ф. И. Цейеру.

Записки *И. П. Липранди* (по поводу Воспоминаній Вигеля).

Переписка Русской знати при Петрѣ II-мъ.

Письма графа З. Г. Чернышова къ И. И. Шувалову съ театра Семилѣтней войны.

Статья объ отношеніяхъ Екатерины II-й къ Святѣйшему Синоду.

Бумаги графа К. Е. Сиверса.

Статьи *И. С. Аксакова, Л. И. Арнольди, А. А. Васильчикова, Г. Н. Геннади, М. Ѳ. де Пуле, М. Н. Лонгинова, князя М. А. Оболенскаго, С. А. Рачинскаго, Д. Н. Свербеева, В. В. Селиванова, Ю. Ѳ. Самарина, М. И Семевскаго, Ѳ. В. Чижова* и др.

СТО ТРИ ДНЯ ИЗЪ ДѢТСКОЙ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

(*Неизданная тетрадь Записокъ С. А. Порошина.*)

1765 ГОДЪ.

Значеніе поденныхъ Записокъ С. А. Порошина давно признано какъ учеными изыскателями Русской исторіи XVIII вѣка, такъ и вообще любителями дѣльнаго историческаго чтенія. Записки эти, „служащія къ исторіи его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича, наслѣдника престолу Россійскаго“, содержатъ въ себѣ, на ряду съ указаніями первой исторической важности, живую, безпристрастно начертанную картину Екатерининскаго двора въ началѣ великаго царствованія, когда Екатерина только что успѣла окончательно утвердиться на престолѣ (Записки начинаются на 5-й день послѣ казни Мировича), и на первомъ мѣстѣ въ этой картинѣ — чудесный отрокъ, надежда Россіи. Привлекательная личность автора Записокъ, его добросердечіе, правдивость и отмѣнная преданность своему царственному питомцу внушаютъ довѣріе къ его разсказу и сообщаютъ ему (при всей отрывочности изложенія) большую занимательность, такъ что читатель невольно сѣтуетъ на тѣ неблагопріятныя обстоятельства, которыя воспрепятствовали Порошину вести далѣе дневникъ его. Онъ занимался имъ около полутора года, съ Сентября 1764 до Марта 1766; но и за это время Записки не были доселѣ извѣстны въ полномъ своемъ составѣ. 13 Декабря 1765 года Порошинъ отмѣтилъ: „По желанію его превосходительства Никиты Ивановича (Панина) отнесъ я къ нему показать нѣсколько изъ начальныхъ тетрадей сего журналу“. Панинъ не возвратилъ ему этихъ тетрадей, какъ свидѣтельствуетъ Порошинъ подъ 28 числомъ Декабря того же года. Сохранились ли онѣ въ бумагахъ Панина, нынѣ принадлежащихъ внучатному его племяннику графу Виктору Никитичу Панину, намъ неизвѣстно.

Порошинъ женатъ не былъ. Внучатный его племянникъ, недавно умершій профессоръ Викторъ Степановичъ Порошинъ издалъ въ 1844 г. Записки своего дѣда по подлинной его рукописи, съ особаго (какъ намъ извѣстно) разрѣшенія покойнаго государя Николая Павловича. Въ этомъ печатномъ изданіи недостаетъ Записокъ съ 26 Марта по 13 Іюля 1765 года, и издатель свидѣтельствуетъ (стр. 319), что ихъ нѣтъ и въ его рукописи. Точно такой же пропускъ и въ экземплярѣ Записокъ, который былъ еще въ 1787 г. списанъ у брата Порошина, статскаго совѣтника Ивана Андреевича Н. Н. Бантышемъ Каменскимъ

и положенъ на храненіе въ Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ (№ $\frac{107}{20}$, 146) и съ которымъ мы свѣряли печатное изданіе *). Пропущенныхъ мѣсяцевъ нѣтъ и въ недавно найденномъ Куракинскомъ рукописномъ экземплярѣ, который впрочемъ гораздо полнѣе печатнаго и по поводу открытія котораго написана прекрасная статья М. И. Семевскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1866, кн. 8-я.

Счастливый случай помогъ найти казавшееся утраченнымъ. У сочинителя Записокъ, Семена Андреевича Порошина, была сестра, въ замужествѣ за Ив. Ив. Нечаевымъ, къ которой и перешли нѣкоторыя бумаги брата. Бумаги эти хранились въ имѣніи ея, селѣ Новоспасскомъ Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, нынѣ принадлежащемъ ея правнуку флигель-адъютанту, полковнику Алексѣю Сергѣевичу Амбразанцеву-Нечаеву. Въ помѣщичьемъ домѣ этого села Новоспасскаго никто не живетъ. Лѣтомъ прошедшаго 1868 года отецъ г-на Амбразанцева-Нечаева, Сергѣй Николаевичъ Амбразанцевъ заѣхалъ въ опустѣлый домъ, и по указанію слугъ, нашелъ тамъ заложенныя въ старинной люстрѣ бумаги, среди которыхъ и открылась собственноручная тетрадь С. А. Порошина, въ листъ на 64 страницахъ, содержащая въ себѣ именно тѣ самыя числа Записокъ, которыхъ не имѣется въ печатномъ изданіи, за исключеніемъ первыхъ семи дней, находящихся и въ печати, но уже въ распространенномъ видѣ что̀ показываетъ, что Порошинъ сначала просто дѣлалъ отмѣтки, а потомъ въ болѣе свободное время переписывалъ ихъ и добавлялъ подробностями. Издаваемая нынѣ тетрадь принадлежитъ очевидно къ такимъ первоначальнымъ, еще не перебѣленнымъ, наброскамъ Записокъ.

*) Изъ этого списка напечатаны А. Н. Аѳанасьевымъ въ Архивѣ, Н. В. Калачова (1862, кн. 4-я) тѣ мѣста Записокъ, которыя не попали въ изданіе 1844 г.; въ нихъ разсказана жизнь Великаго Князя Павла Петровича въ царствованіе Елизаветы.

Съ просвѣщенною обязательностью и съ согласія сына своего, Н. С. Амбразанцевъ доставилъ намъ какъ эту, такъ и другія свои находки. Неразборчивую рукопись своего дѣда-дяди онъ почти всю переписалъ, что̀ стоило довольно большаго труда. Къ глубокому прискорбію нашему, къ нему уже не дойдетъ нынѣшнее заявленіе признательности нашей и всѣхъ любителей Русской исторіи: онъ скончался 18 Сентября 1868 года. — Найденная тетрадь открывается слѣдующимъ росписаніемъ:

17. Четвергъ . . . . . . Фейерверкъ.
18. Пятница . . . . . . Пастуховъ.
19. Суббота. . . . . . .
20. Воскресеніе . . . . .
21. Понедѣльникъ я дежурный
22 Вторникъ Перфильевъ.
23. Среда Пастуховъ.
(21–23:) Къ Государынѣ, Чернышевъ, Штофельнъ, Головцынъ, кн. Вяземской, Мельгуновъ, Сальдернъ.

Марта 19-го. Обѣдали Гагаринъ и Салдернъ. Ходили портреты смотрѣть. Учился. Къ Государынѣ идтить было хотѣли; однако Ржеутской и Малаховскій у Никиты Иваныча [1]) засидѣлись. Въ берланъ играли. Ужинать и спать.

20. Воскресенье. Одѣвшись съ Платономъ. Въ церковь. Послѣ обѣдни авдіенція Малаховскому. Обѣдали: Салдернъ, Кутузовъ, Бибиковъ, Философовъ. Послѣ обѣда у електрической машины и попрыгивалъ. На куртагъ. Государыня въ пикетъ. Послали Малаховскаго смотрѣть внутреннихъ покоевъ. На куртагѣ Бибикова послать. Съ куртага до ужины о первомъ Колбергскомъ походѣ и о Демидовѣ. За ужиномъ о взятіи Колберга. Какъ Вернера казакъ Канифировъ въ полонъ взялъ. О капитанѣ Поповѣ. О зеленой батареѣ. Характеръ Чернышева и Румянцова. Спать десятаго въ исходѣ.

[1]) Панина, который былъ оберъ-гофмейстеромъ Павла Петровича и въ то же время управлялъ иностранною коллегіею.

21. Послѣ ученья à la guerre. Обѣдали г. Салдернъ и Крузъ. Грамотѣ про себя. О Нѣмецкомъ языкѣ. Никита Иванычь о своей небоязливости. Гос. Петръ Великій по разсужденію больше храбръ былъ. О нашемъ кровопусканіи. Послѣ обѣда учился у меня очень хорошо. Въ берланъ. Къ Государынѣ. Ломберъ, Чернышова и Вяземская. Мало людей. Орловъ въ цинкъ съ Бибиковымъ бились. Пришедъ ужинать и спать.

22. Послѣ ученья Таубертъ статуйку прислалъ. Въ биліярдъ. Обѣдали Салдернъ, Мельгуновъ, Штофельнъ и Головцынъ. Послѣ обѣда учился. Въ берланъ. Къ Государынѣ. Ломберъ. Орловъ и Голицынъ. Великій Князь въ биліярдъ съ Талызинымъ. Въ половинѣ девятаго назадъ. За столъ, спать въ исходѣ десятаго.

23. Середа. До обѣда не знаю что. Послѣ обѣда учился. Послѣ того къ Государынѣ ходилъ. Тамъ пѣвчіе маленькіе пѣли. Государыня въ биліярдной въ карты играла, а Великій Князь въ берланъ и въ посыльные короли игралъ съ Шереметьевой и Сасъ. Возвратился, ужиналъ и спать легъ.

24. Послѣ ученья въ биліярдъ игралъ. Бѣгалъ. Рѣзовъ и своенравенъ сталъ. Рѣзвился. Сѣли за столъ. Никого постороннихъ не было. Говорилъ Никита Иванычь по большой части со мною. Потомъ о астрономіи. Съ Великимъ Княземъ о паралаксисѣ. На чемъ земля стоитъ. О Фонтенелѣ о Даламбертѣ, о Лейбницѣ, потомъ о нашихъ дамахъ. Объ Аленѣ Михайловнѣ. Поѣхали гулять по набережной и по Мойкѣ, оборотя назадъ. Крикъ. Камеръ-лакея разжаловалъ. Учился Великій Князь. Берланъ, брань со мною. Къ Государынѣ, не выходила. Въ биліярдной съ нами только дежурные кавалеры. Пришли назадъ, отужинавши спать.

25 Марта. Севодня Пятница, Благовѣщеніе. Конной гвардіи праздникъ. Одѣвшись читалъ Его Высочество съ отцемъ Платономъ. Потомъ пошелъ въ церковь, прошелъ въ биліярдную. Государыня finement острясь выговаривала, и говорила, что во всемъ любитъ порядокъ: j'aime que toutes les choses soient dans leurs formes [2]). Ретировалась, но Государь къ себѣ пошелъ. Простилъ Игнатьева [3]); Полянскому велѣли написать челобитную. Представляли Суворова. Государыня пошла за столъ. Въ галереи кушали съ конно-гвардіи штабъ и оберъ офицерами. Мы сѣли за столъ. Передъ обѣдомъ Никита Ивановичь игралъ въ шахматы съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ. Обѣдали у насъ Захаръ, Строгоновъ, Суворовъ, Гетманъ, Панинъ, Юшковъ.—О Каменскова поварахъ, о Нерчинскихъ рудахъ, объ отцѣ моемъ и проч. Послѣ обѣда електризація, шашки. Просилъ я о ливреѣ, но не сдѣлалось. Въ берланъ играли Великой Князь, Остервальдъ, Талызинъ, Сакенъ, Куракинъ; пошли къ Государынѣ. Въ посыльные короли и фрейлины Шафирова и Вейделева Марья [4]). Пришедъ сѣли ужинать. За столомъ по большой части тихо. Спать легъ въ полдесятаго.

26. Читалъ я письмо свое къ Сумарокову. Очень понравилось. Сѣлъ учиться. Въ биліярдъ игралъ. Долго на дворѣ смотрѣлъ, какъ караулъ смѣнялся. Сѣли за столъ. О трусости князя

---

[2]) Хитро выговаривала.... Люблю, чтобы всякая вещь была въ своемъ видѣ.

[3]) Камерлакея, котораго Панинъ наканунѣ хотѣлъ разжаловать въ лакеи, за то что опоздали экипажи къ прогулкѣ. См. печатное изданіе Записокъ Порошина, стр. 318.

[4]) Марья Родіоновна, вскорѣ вышедшая за графа Петра Ив. Панина.

Куракина и о дуеляхъ. Никита Иванычь говорилъ, что и Государю куражъ надобенъ. Послѣ стола читалъ Никита Иван. мое къ Сумарокову письмо и хвалилъ его. Стороннихъ никого у насъ не обѣдало. Учился Его Высоч-во у меня очень хорошо. Въ берланъ играли онъ, я, Остервальдъ и Куракинъ двѣ пульки, одну выигралъ Куракинъ, другую я. Пріѣхалъ его преподобіе, въ началѣ осьмаго часу началась всенощная. Благочинно стоялъ Государь. Приходилъ Григорій Орловъ отъ Государыни звать въ церковь, однако Велик. Князь велѣлъ себя извинить, отслушалъ всенощную дома. Съ вербой рѣзвился. Сѣли за столъ. Ужиналъ у насъ отецъ Платонъ. Шутилъ по большой части надъ княземъ Куракинымъ о новоизобрѣтенныхъ словахъ его. Встали. Отецъ Платонъ уѣхалъ. Г. Фузадье обрѣзывалъ Его Высоч-ву ногти. Легъ опочивать въ исходѣ десятаго часу.

27. Въ седьмомъ часу. За чаемъ о наступающемъ говѣніи. Обуватца сталъ, мокрица ползла; боялся, чтобъ не раздавили и кричалъ. Мундиры французскіе. Кормилица приходила. Въ церковь пошли. Опять туда проводили Государыню. Въ биліярдной Платонъ поднесъ ей книгу [5]). Цесаревичь за нею пошолъ и смотрѣли садъ. Возвратился къ себѣ. Платонъ поднесъ и ему оную книгу. Иванъ Григорьичъ батюшкины [6]) письма мнѣ показывалъ. О больницѣ [7]). Письмо архимандрита читано. Сѣли за столъ. О церковныхъ обрядахъ, о пѣніи столповомъ и знаменномъ. Пѣли Платонъ и Никита Иванычь. Обѣдали Платонъ только и Кутузовъ. Какъ пошолъ я провожать Кутузова, присылалъ за мною раза три Цесаревичь; когда я вошелъ, то онъ лежалъ ничкомъ передъ нами у дверей, салфетки свертывалъ и рѣзвился. Такъ встрѣтилъ меня. Поѣхалъ я съ Остервальдомъ кататца. Рѣзвился между тѣмъ Великій Князь; въ вечеру былъ у Государыни, мало тамъ было. Играла она въ ломберъ съ Захаромъ Чернышевымъ и Вяземскимъ. Пришедъ спать легъ, поужинавши. Государыня въ саду была, какъ я мимо ѣхалъ.

28. Вставши чай безъ молока пилъ, потомъ попрыгивалъ. Весьма опечаленъ былъ, что мясо ѣсть велѣлъ Никита Ивановичь [8]). Къ обѣдни пошли. Во второмъ часу въ началѣ пришли. Уволенъ на всю недѣлю отъ ученья, радость превеликая. — Рыбу ѣсть съ середы, радость же. Обѣдали у насъ генералъ-аншефъ Петръ Ивановичь Олицъ и генералъ-поручикъ Мельгуновъ. Говорили за столомъ о Украинскихъ мѣстахъ, о рыбной ловлѣ и протчее, о теченіи рѣкъ тамошнихъ, о Полтавской баталіи очень много, потому, что Олицъ самъ на оноиъ мѣстѣ былъ и видѣлъ, гдѣ былъ нашъ станъ, ретраншементъ и Государева ставка. Послѣ обѣда отъ Сумарокова получилъ я письмо; докладывалъ Никитѣ Иванычу. Пошолъ къ ефимонамъ. Передъ тѣмъ разбранился съ Великимъ Княземъ, заставляя его играть на музыкѣ. Весьма неохотно пошолъ, защищался своимъ правомъ, что совсѣмъ нынѣ уволенъ отъ ученья; лѣнтяй; послѣ того игралъ съ Кура-

[5]) Это были вѣроятно его Поучительныя слова. См. печатный каталогъ Чертковской библ., № 3305.

[6]) Отецъ Порошина, генералъ-поручикъ Андрей Ивановичъ въ это время управлялъ Колывановоскресенскими горными заводами.

[7]) Вѣроятно о Павловской больницѣ въ Москвѣ, которая учреждена была въ память выздоровленія Великаго Князя отъ тяжкой болѣзни и тогда строилась.

[8]) По болѣзненному сложенію Великаго Князя ему не позволяли держать постовъ, къ которымъ онъ привыкъ въ царствованіе Елизаветы.

кинымъ въ шахматы, рѣзвился, ужиналъ, спать легъ.

29. Всталъ въ семь. Одѣвшись читалъ съ Платономъ Священное Писаніе. Около станка потомъ забавлялся. Ходилъ я съ Платономъ рѣки смотрѣть, вчерась вскрылась. Пошли въ церковь, отъ туда тотчасъ къ себѣ. Никита Иванычь въ шахматы игралъ съ Крузомъ. Сѣли за столъ, обѣдали г. Салдернъ, Строгоновъ и Крузе. Говорили о уменьшеніи воды въ моряхъ и о Далиновой исторіи [9]), потомъ о древнемъ мореплаваніи, о Соломонѣ, объ Офирѣ. Вообще о путешествіяхъ. Встали и рѣки смотрѣть ѣздилъ. Цесаревичь водилъ по столу шашки строемъ, игралъ потомъ въ шахматы съ Куракинымъ. Пріѣхалъ отецъ Платонъ, была заутреня.

30. Одѣвшись къ обѣдни ходилъ. Пришедши Куракина валяли и въ шахматы играли. Обѣдалъ Иванъ Григорьичь и Строгоновъ; передъ обѣдомъ маріонетова театру смотрѣлъ. Великій Князь ходилъ по театру, Никита Иванычь трясъ досками нарочно, чтобъ Его Высоч-во смѣлъ былъ. За обѣдомъ о строеніи. Иванъ Григорьичь о своемъ домѣ, о заводахъ и откупахъ. Послѣ обѣда мы всѣ исповѣдались. Пріѣхалъ отецъ Платонъ, всенощная началась; до того Великій Князь шашки въ строй устанавливалъ и ходилъ взадъ и впередъ, готовясь къ исповѣди; отецъ Платонъ и Никита Иванычь дали ему къ тому наставленіе. Послѣ всенощной сѣли за столъ, послѣ ужина послали за духовникомъ отцомъ Ѳеодоромъ [10]). Великій Князь пошолъ на исповѣдь. Прежде заставили читать *Вѣрую*, нѣсколько сбился, испугавшись духовника. Былъ на исповѣди съ четверть часа. Потомъ пошелъ Никита Ивановичъ. Великій Князь послѣ сказывалъ намъ, какъ его духовникъ о рѣзвости спрашивалъ его голосомъ. Никита Иван. оговорилъ его taquinerie [11]). Легъ спать въ десятомъ.

31 Марта. Въ шесть всталъ, въ семь совсѣмъ готовъ былъ. Отецъ Платонъ читалъ молитвы къ причащенію. Пошли въ маленькую придворную церковь, причащались тамъ. Пришедъ чай пили, потомъ пошли въ большую церковь смотрѣть омовеніе ногъ. Оттуда пошли за Государыней, потомъ къ себѣ. Въ шахматы играли, Куракина валяли и на бутылку сажали, въ бильбокетъ. Сѣли за столъ, обѣдали у насъ Петръ Ивановичь, гр. Иванъ Григорьичь, Талызинъ, Крузъ, Строгоновъ. Говорили о ядахъ разныхъ потомъ о французскомъ министерствѣ. Встали, опять валяли Куракина. Всѣ разъѣхались, многіе въ католическую церковь поѣхали. Мы съ Цесаревичемъ двое только остались. Говорили о милостяхъ, о щедрости. Мои рефлекціи о предупрежденіи просьбъ. Читалъ службу пасхальную. Великій Князь въ шахматы игралъ съ Куракинымъ. Читалъ я Сорена. Пріѣхалъ Платонъ, пѣли мы. Началась служба, рано кончилась, часу въ девятомъ; въ большой церкви первое еще Евангеліе читали. Сѣли за столъ. Никита Иванов. съ нами же. Говорили о церемоніи умовенія, о Императрицѣ, короляхъ и о Императорѣ. О нашихъ нѣкоторыхъ духовныхъ. Послѣ ужина о томъ, что ростетъ Великій Князь, о нетерпѣніи его. Ушолъ Никита Ивановичь. Великій Князь легъ спать. Было три четверти десятаго, на той половинѣ служба еще продолжалась. За ужи-

[9]) Извѣстная исторія Шведскаго государства.
[10]) Ѳеод. Яковлевичемъ Дубянскимъ.

[11]) Задирчивость.

ною просилъ я Платону на рясу. Согласился на табакерку. Звѣзда на кафтанѣ.

АПРѢЛЬ.

1 Апрѣля. Одѣвшись читалъ съ отцомъ Платономъ Священное Писаніе, потомъ въ желтой комнатѣ забавлялся. Григорій Орловъ былъ и игралъ съ Никитой Иванычемъ въ шахматы. Сѣли за столъ, обѣдали Григорій Григорьичъ, Захаръ Чернышевъ, Иванъ Перфильичь, вицеканцлеръ, Салдернъ, Строгоновъ и Крузъ. Орловъ разсказывалъ traits [12]) объ Андреюшкѣ и о Каинѣ. Захаръ Григорьичь о мошенникахъ Московскихъ. Рефлекція его: а небось на доброе столько смыслу не имѣли. О вчерашнемъ приключеніи въ Морской церкви. Встали. Захаръ о вицъ-полковникѣ. Пошли къ вечернѣ. Платонъ проповѣдывалъ очень хорошо. Къ плащаницѣ прикладывались. Его Высоч-во очень чинно кланялся и прикладывался. Пришли, въ воланы играли, смѣялись. Въ вечеру завтреня, у насъ Платонъ служилъ. Сѣли ужинать. Никита Иванычь тутъ же сѣлъ и очень былъ веселъ. Платонъ, хотя не ужиналъ, однако тутъ же сѣлъ. Шутилъ съ нимъ много Никита Ивановичъ. Его Высоч-во, вставши изъ за стола, скоро легъ опочивать, въ десятомъ часу въ исходѣ.

2 Апрѣля. Всталъ въ семь, одѣвшись пошолъ къ обѣдни; въ боковой комнатѣ стоялъ. Сидѣлъ, какъ паремьи читали. Пришолъ во второмъ уже часу. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ изъ постороннихъ только Александръ Бибиковъ и Строгановъ О Яворскомъ и о чудныхъ его и тогда употребительныхъ текстахъ (гдѣ слаще любовь якъ между ногъ) и проч. Анекдоты о глупыхъ попахъ. О Аксаковѣ и объ архивѣ, а Никита Иванычъ говорилъ, что оный Аксаковъ сумасшедшій [13]). Послѣ стола платье свое показывалъ Великій Князь Никитѣ Ивановичу и роздалъ Савелью Данилову, Ивану Иванычу и кормилицыну сыну. Я табакерку Никитѣ Иванычу показывалъ для Платона. Велѣлъ поискать у Французовъ. Въ воланы мы играли. Великій Князь читалъ минею общую и ходилъ къ Государынѣ, она откушала уже. Ужинать и спать.

3 Апрѣля. Свѣтлый праздникъ. Всталъ въ шесть. Одѣлся. Въ восемь началась завтреня, служилъ отецъ Платонъ. Послѣ завтрени орденъ на Остервальда. Къ обѣдни въ малую церковь. Послѣ обѣдни привѣтствіе Платоново. Послѣ разговѣлись. Попрыгивалъ и яйцами бился и каталъ въ спальнѣ. Въ воланы. Къ вечернѣ, оттуда къ Государынѣ. Тамъ въ биліярдной игралъ въ берланъ и въ короли съ Паниной и Полянской. Государыня въ ломберъ съ Кириломъ Григорьичемъ и съ Григорьемъ Орловымъ. Къ себѣ пошли. Я въ шахматы. Никита Иванычъ спросилъ, что̀ думаемъ: о Платонѣ, о монашествѣ.... Ужинать. Раздѣлся, спать положили десятаго въ десять.

4 Апрѣля. Одѣвшись въ церковь, Великій Князь рапортъ подноситъ. Пришедъ оттуда, въ шахматы играли. Обѣдали у насъ графъ Захаръ и Иванъ Григорьичъ Чернышевы, Салдернъ, Талызинъ и графъ Петръ Григорьичъ Чернышовъ. Говорили объ економіи, какъ Петръ Григорьичъ [14]) мѣдными деньгами дочерямъ

---

[12]) Черты.

[13]) Екатерина въ Запискахъ своихъ разсказываетъ объ этомъ Аксаковѣ, придворномъ шутѣ, какъ онъ испугалъ Елизавету, принесши ей ежа въ своей шапкѣ.

[14]) Конечно Чернышевъ. Дочери его, впослѣдствіи — одна графиня Дарья Петровна Салтыкова, другая княгиня Наталья Петровна Голицына.

выдаетъ жалованье. Вставъ изъ за стола, яйцами всѣ катали, и Никита Иванычъ гонялъ Куракина кругомъ, заставляя его подносить и поднимать яйца. Съ Талызинымъ барахтался онъ. Яицъ въ карманъ насовали. Бились. Куракину карманъ вырѣзалъ. Никита Иванычъ трунилъ надъ нимъ. Отдыхалъ Великій Князь. Въ берланъ. Пошолъ къ Государынѣ. Я между тѣмъ къ золотарямъ ѣздилъ и къ отцу Платону. Тамъ былъ архіерей Ростовской и архимандритъ Троицкой, яйцами бились. Отецъ Платонъ католическія мощи мнѣ показывалъ. У Государынѣ Цесаревичъ въ берланъ съ фрейлиной граф. Разумовской и Хитрово и потомъ въ посыльные короли игралъ. Шалилъ много. Государыня играла въ ломберъ съ графомъ Кирилой Григорьичемъ и съ Петромъ Иванычемъ Панинымъ. Иванъ Григорьичъ Никитѣ Иванычу между тѣмъ разсказывалъ объ Александрѣ Борисовичѣ Бутурлинѣ, какъ онъ при покойной императрицѣ Ивану Иванычу [15]) приплясывалъ и свою Катрину Александровну выхваливалъ. Очная ему ставка съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Пришедъ домой сѣли мы за столъ. Послѣ стола тотчасъ спать легъ. Десятаго часу было двадцать пять минутъ.

5. Всталъ въ семь часовъ. Пріѣхавъ я сказалъ ему о смерти Ломоносова. Отвѣтилъ: *что о дуракѣ жалѣть, казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ* [16]). Платонъ пріѣхалъ. О Ломоносовѣ еще, и онъ сожалѣлъ, возбуждая къ тому и Великаго Князя. Остервальдъ пришелъ, тому сказалъ я, а ничево не отвѣчалъ. Табакерку подарилъ Великій Князь отцу Платону. Пришолъ Никита Иванычъ, къ Государынѣ прошолъ и генералъ поручикъ и сенаторъ Еропкинъ. Собрался было Государь къ обѣдни, однако не былъ. Никита Иванычъ затворился на той половинѣ съ Бецкимъ. Игралъ Великій Князь въ воланы, а потомъ à la guerre. Обѣдали у насъ Салдернъ, графъ Захаръ Григорьичъ, Петръ Иванычъ и Григорій Николаичъ. Говорили о заведеніи здѣсь художествъ и что вчерась нѣкто Государынѣ сказалъ, что надобно здѣсь стараться приращеніе дѣлать, а основаніе изъ чужихъ краевъ брать надобно. О Цорндорфской баталіи Петръ Иванычъ, о Ферморѣ въ дезавантажъ его. Захаръ Григорьичъ о Александрѣ Борисовичѣ. Il mettait en parallèle le grand savoir du Roi de Prusse avec la parfaite ignorance de notre marechal [17]). Примѣръ тому. Послѣ обѣда десерту смотрѣли изъ здѣшнева фарфору и изъ тѣста. Никита Иван. и протчіе пошли къ нему. Цесаревичъ игралъ въ воланы и поѣхалъ съ Крузомъ кататца. На комедіи народной былъ. Пріѣхалъ Цесаревичъ, волосы убиралъ, разсказывалъ я ему о томъ. Рефлекція его о раздачѣ своихъ кавалерій. Досадилъ я ему. Пошли на куртагъ, который былъ въ галлереѣ. Государыня въ пикетъ играла. Цесаревичъ такъ стоялъ. Пришедъ туда, раздразнилъ онъ Куракина своею шалостію, тотъ и ужинать не остался. Послѣ сдѣлался очень вѣжливъ. Спать десятаго три четверти.

---

[15]) Шувалову. — Гр. Екатерина Александровна' дочь фельдмаршала Бутурлина, впослѣдствіи супруга извѣстнаго князя Ю. В. Долгорукаго.

[16]) Этотъ отзывъ 10-лѣтняго Великаго Князя относится, конечно, къ мозаичнымъ работамъ Ломоносова, который на свою картину Полтавской баталіи дѣйствительно истратилъ много казенныхъ денегъ. Въ этомъ отзывѣ слышится вліяніе Сальдерна, Остервальда, Эпинуса, можетъ быть Сумарокова и др. Въ подлинной рукописи слова эти подчеркнуты.

[17]) Сравнивалъ великое знаніе Прусскаго короля съ полнымъ невѣжествомъ нашего фельдмаршала.

6. Всталъ въ исходѣ седьмаго. За чаемъ о качеляхъ и о гуляньѣ. Убираясь пѣлъ и на часы смотрѣлъ. Считалъ, въ которыхъ часахъ прежде сего за кушаньемъ посылывали. Говорилъ передъ тѣмъ все о штрафахъ, и я бранилъ его за то. Avec les meilleurs intentions du monde vous vous ferez haïr, monseigneur [18]). Убравшись пошолъ со мною въ жолтую и кругомъ бѣгалъ. Очень сталъ etourdi [19]) и непріятель порядочныхъ разговоровъ и разсужденій. До обѣда морскихъ кадецкихъ офицеровъ представляли. Зачалъ учиться. Рѣзвился, въ биліярдъ игралъ. Сѣли за столъ, стороннихъ никого кромѣ Салдерна. Никита Иванычъ у графа Петра Григорьича обѣдалъ. Государыня тамъ кушала. Послѣ обѣда игралъ Великій Князь въ берланъ. Въ вечеру къ Государынѣ ходилъ. Пришолъ назадъ въ началѣ девятаго. Ужиналъ, спать легъ.

7. Учился. Никита Иванычъ у брата обѣдалъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ и поѣхали съ Цесаревичемъ гулять. Были на публичной комедіи. Описаніе оной комедіи. Денегъ дали. Въ берланъ. Къ Государынѣ ходилъ. Ужинать и спать. Я былъ у Сумарокова.

8. Ставъ учился. Пожаръ сдѣлался у Нѣмецкой кирки. Цесаревичъ ходилъ къ Государынѣ. Потомъ пошли къ Настасьѣ [20]) и оттуда смотрѣли. Изъ стороннихъ никто не обѣдалъ. Изъ Синода по утру поднесли книги. Мнѣ пожаловалъ осьмогласникъ и четиминею. Былъ у насъ Орловъ. Куракина въ русскомъ языкѣ екзаминовали. Въ вечеру Цесаревичъ къ государынѣ не ходилъ, для того что по утру видѣлся, и притомъ Никитѣ Иванычу недосугъ было. Въ берланъ игралъ, въ биліярдъ. Ужинать и спать въ обыкновенное время. Государыня севодни на публичной комедіи быть изволила, верхомъ въ мундирѣ конной гвардіи [21]). Пожаловала денегъ.

9. Одѣвшись учился. Обѣдалъ графъ Захаръ Григорьичъ, Петръ Иванычь. О лагерѣ, что за столомъ вмѣсто бутылокъ бочки будутъ. Потомъ о економическихъ учрежденіяхъ. О ландмилицкихъ полкахъ и ихъ екипажѣ, что Олицъ сказывалъ, какъ въ дорогу сбираться чтобъ всему мѣсто, все приготовлено было. Послѣ обѣда учился Цесаревичъ. Въ подломберъ съ Куракинымъ. Кукольнова театру смотрѣть ходили. Къ Государынѣ. Тамъ они играли въ карты съ Петромъ Иванычемъ Панинымъ и съ Григорьемъ Григорьичемъ. Великій Князь въ берланъ, въ шкапъ и разныя карточныя штуки съ фрейлинами Шереметевой и Сасъ. Къ себѣ пришедъ, сѣли ужинать и спать. Государыня севодни въ мундирѣ пѣшей гвардіи верхомъ ѣздила до Трехъ Рукъ и тамъ кушала. Назадъ по полудни часу въ пятомъ прибыла въ каретѣ, а въ карты играла уже раздѣвшись, въ кофточкѣ.

7. Четвергъ . . . Пастуховъ.
8. Пятница . . . Барятинскій.
9. Суббота. . . . У Государыни, на балъ, у Трехъ Рукъ.
10. Воскресенье . Я дежурный.
11. Понедѣльникъ. Перфильевъ.
12. Вторникъ. . . Пастуховъ

[18]) Хотя у васъ наилучшія намѣренія; но вы можете сдѣлать, что васъ, государь, станутъ ненавидѣть.

[19]) Вѣтренъ.

[20]) Камеръ-юнгфера Настасья Ивановна Соколова, побочная дочь Бецкаго, вышедшая впослѣдствіи за Рибаса.

[21]) Это была пятница Святой недѣли. Качели и народныя игры. Въ этомъ видѣ, отмѣнно прекрасномъ по свидѣтельству современниковъ, Екатерина показывалась простому народу.

10 Апрѣля. Воскресенье. Одѣвшись съ отцомъ Платономъ читалъ Священное Писаніе. Рапорты недѣльные отъ морскихъ принималъ. Въ церковь. Государыня въ фонарикѣ, не очень была здорова. Пришедъ окно отворили. Радость крайняя. Не отходилъ отъ окна и поскакивалъ. Черни много зѣвало. Нищему рубль далъ. Обѣдали у насъ Петръ Ивановичь, г. Салдернъ и Крузъ. Петръ Иванычь похвалы солдатамъ нашимъ. О Цорндорфской, Франкфуртской и Пальцигской баталіяхъ. Что на спектаклѣ народъ тихъ и не пьянъ. Рефлекція, что народъ у насъ исправляется, да мы не исправляемся. Послѣ обѣда подломберъ съ Куракинымъ. Танцы и вчерась танцы. Къ Государынѣ на балъ. Государыня совсѣмъ на выходила. Цесаревичь открылъ балъ съ графиней Анной Карловной. Потомъ поднималъ я для него гетманшу: нога болитъ. Танцовалъ съ княгиней Дарьей Алексѣевной, съ Шереметевой и нѣкоторыми. Шутилъ, пока былъ гр. Иванъ Григорьичь, съ княгиней Барятинской. Потомъ еще менуетъ съ большой Чоглоковой. Смотрѣлъ на контратанцы. Слезки было навернулись. На балѣ Никита Иванычь разсуждалъ со мною о Французахъ. Прямой былъ конфіянсъ. Цесаревичь о Болотниковѣ за меня просилъ гр. Чернышева. Шутилъ, чтобъ посадить его въ болото. За ужиномъ о балахъ и о танцахъ. Куракина походъ къ Строгонову. Цесаревичь опочивать легъ въ исходѣ десятаго.

11. За чаемъ говорилъ со мною о Чоглоковой, о вчерашнемъ карабинерномъ офицерѣ, о Полянскомъ и представлялъ. Во время убиранья шутилъ. Убравшись, въ желтую. Орловъ приходилъ. О деревнѣ ево Ропшѣ. О болѣзни государыниной. Заснула она. Потомъ тотчасъ за нимъ прибѣжали. Великой Князь сердился и кропотался. Изъ стороннихъ Салдернъ только обѣдалъ. Учился до обѣда. Послѣ обѣда у окна смотрѣлъ. Штуки съ Куракинымъ. Въ шахматы игралъ. Поскакивалъ и кланялся нарочно низко мимоходящимъ. Шутя на ухо со мною перебранивался. Учился у меня хорошо. Цугъ его лошадокъ передъ окно приводили. Танцовалъ. Никита Иванычь смотрѣлъ. Онъ лишь только пріѣхалъ, ѣздилъ верхомъ прогуливаться. Цесаревичь у Государыни былъ. Она все еще немогла лихорадкой.

12 Апрѣля. Проснулся въ семь часовъ. Учился. По утру ходилъ къ Государынѣ. Въ сапоги еще съ утра обулся и очень радъ былъ, что на манежъ идти. Государынѣ полегче. Тамъ гулялъ въ саду Великій Князь. Сѣли за столъ; обѣдали Крузъ и Салдернъ Послѣ обѣда тотчасъ на манежъ. Тамъ часа два были. Великій Князь ѣздилъ на воронинькой турецкой лошадкѣ, которую прислалъ Обрѣзковъ. Спотыкнулась, и онъ самъ удержалъ. Какъ отъѣздилъ, то зачалъ ѣздить Ребиндеръ. Никита Иванычь ѣздилъ же. Савелій Данилычъ на чаленькой, прежней Великаго Князя. Выводили маленькихъ Великаго Князя лошадей. Куракина учили. Стрѣляли. Были съ Великимъ Княземъ вицъ-канцлеръ, Матюшкинъ и Талызинъ. Его Высочество бѣгалъ по манежу и очень веселъ былъ. За балюстрадой и сторонніе офицеры, кромѣ конюшенныхъ, кое-кто были. Съ манежу къ себѣ, потомъ тотчасъ на комедію: Medisant et Indiscret, балетъ Аполонъ и Дафна. Аплодировали много. Государыни не было. «Кулаки мои больше еще устали нежели я», сказалъ Великій Князь.

Три четверти девятаго было, какъ все кончилось. Ужиналъ Великій Князь, надъ Куракинымъ шпынялъ, какъ онъ не поворотливъ и трусливъ и какъ сегодня упалъ въ манежѣ. Въ исходѣ десятаго раздѣлся и легъ Его Высоч-во.

13. Всталъ въ семь. Учился. Обѣдали Салдернъ только и Талызинъ. Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ кругъ дворца. Радъ очень былъ. Въ берланъ играли, въ воланы. Къ Государынѣ; она не выходила, хотя уже здорова была. Ужинать и спать.

14. Огучась по утру ходилъ Великій Князь къ Государынѣ. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ Панинъ, Строгановъ, Салдернъ, Талызинъ. Петръ Иванычъ о межеваніи говорилъ. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во. Въ окно долго смотрѣлъ. Погода хороша была. Въ воланы играли. Ужинать и спать.

15. Всталъ въ семь часовъ. На балконѣ смотрѣли. Учился. Графъ Иванъ Григорьичь съ патентами. Великій Князь подписалъ нѣсколько. Аглинской пасторъ поднесъ Польшу и съ отцемъ Платономъ познакомился. Въ зеленой кафтанъ и въ сапоги одѣтъ былъ. Обѣдали у насъ графъ Иванъ Григорьевичь, Строгановъ, Талызинъ, Крузъ и Тепловъ; говорили о комерціи и о продуктахъ земли. Пророчество Крузово, что въ Америкѣ желѣзные заводы будутъ, и Англичане ничего желѣза отъ насъ брать не будутъ. Никита Иванычь пророчествовалъ, что когда до того дойдетъ, то Американскія селенія за Агличанами не останутся. О тиранствѣ Англичанъ надъ областями Американскими. Иванъ Григорьичь объ Англинскомъ народѣ. „Купецъ банкрутомъ сдѣлался отъ долговъ, заимодавцы послѣднее отдали, чтобъ возстановить кредитъ, и удалось." О преніяхъ ихъ. Тепловъ о разводѣ у нихъ земледѣльства, въ голодное время, наложеніемъ награжденія тѣмъ, кои хлѣбъ заграницу выпускать будутъ. Какой бы кто прожектъ ни принесъ, въ Парламентѣ червонные. Послѣ обѣда Григорій Орловъ пришолъ. Въ воланы, шалилъ и adresse [22]) свою показывалъ. Въ манежъ поѣхали съ нами Орловъ, Иванъ Чернышевъ, Александръ Бибиковъ и Строгановъ. Великій Князь хорошо ѣздилъ à deux reprises [23]). Долгошея свихнулъ шею. Иванъ Григорьичь съ Орловомъ черезъ стулья въ ложѣ прыгали. Изъ манежа домой. Тамъ чаю напились. Пріѣхалъ къ Никитѣ Ивановичу Остенъ, и Великій Князь съ нетерпѣніемъ дожидался. Учился между тѣмъ боротца. Пошли наконецъ въ спектакль. Трагедія Хоревъ. Ссора у мужа съ женою и парадный балетъ съ волынкой. Государыня была. Дмитревскій очень хорошо игралъ. Пришедъ къ себѣ, сѣли ужинать. О спектаклѣ говорили. Польскую карту передъ ужиномъ раскладывалъ. Его Высоч-во опочивать легъ въ исходѣ десятаго. Очень усталъ.

16. Всталъ почти въ половинѣ осьмова и нахмурился, что поздно. Однакожъ развеселился. За чаемъ говорилъ со мною о вчерашней манежной ѣздѣ, и что ему хочется быть лѣтъ въ пятнадцать. Проворства Дмитрія Демьяновича, и во вторыхъ его поставилъ. Одѣвшись патенты подписывалъ. Въ биль-бокетъ игралъ. Учился. За столъ сѣли; обѣдали графъ Минихъ, Салдернъ, Строгановъ, Талызинъ, Ребиндеръ, князь Сергѣй Меншиковъ, Набоковъ. Послѣ обѣда

22) Ловкость.
23) Въ два пріѣзда.

Орловъ приходилъ, проказилъ и простясь ушолъ. Пошли къ Государынѣ. Она поѣхала въ Сарское Село. Великій Князь до самова крыльца.внизъ ее проводилъ. Часъ былъ четвертый. Пришли мы къ себѣ. Радовался Цесаревичъ, что хлопотъ убыло. Игралъ въ воланы. Учился у меня очень хорошо. Фектовалъ. Въ берланъ. Алисоново путешествіе. Въ подломберъ. Въ берланъ. Ужиналъ. Какъ зачалъ раздѣватца, пришолъ Никита Иванычь и былъ тутъ, пока Государь легъ въ полдесятомъ. Потомъ Никита Иванычь самъ Куракина повелъ въ темныя сѣни къ Строганову и, попугавъ, возвратился. Прочіе повели Куракина къ Строганову. Тамъ Строганова слуги наряжались въ бѣлую рубашку и въ парикъ. Куракинъ жестоко трусилъ.

17. Воскресенье. Всталъ въ семь. Одѣвшись читалъ Священное Писаніе съ отцомъ Платономъ. Пошолъ къ обѣдни. Слушалъ изъ боковой. Потомъ въ церковь ко кресту ходилъ. Во время обѣдни со мной много разговаривалъ. Къ себѣ возвратился. Весьма многіе за нимъ пришли. Съ полчаса побыли и ушли. Многихъ вицъ-канцлеръ звалъ къ себѣ обѣдать. Чтеніе и раздача Сумарокова Притчей. Великой Князь Польскую карту вмѣсто декораціи установилъ. Обѣдали у насъ только Петръ Иванычъ Панинъ и Александръ Өедоровичь Талызинъ. Петръ Иванычъ говорилъ о своихъ депансахъ, потомъ о деревенской економіи, потомъ о стрѣльбѣ и объ охотѣ. Послѣ обѣда Великова Князя Никита Иванычъ заставлялъ въ биль-бокетъ играть. Очень искусно игралъ. Потомъ много играли мы въ воланы. Послѣ Великій Князь съ Куракинымъ сѣлъ играть въ свой подломберъ. Послѣ ужина съ Никит. Иваныч. и съ Куракинымъ, и къ Строганову ходили. Его Высочество недолго былъ; тамъ пугали Куракина.

18. Послѣ ученья рѣзвился. Смотрѣлъ книги въ своей библіотекѣ, ружьемь тамъ дѣлалъ. За столъ мы сѣли. Только Салдернъ былъ. Никита Иванычь со мною о Тредьяковскомъ, о сочиненіяхъ его и анекдотахъ и проч. Послѣ обѣда бѣгалъ со мною Его Высоч-во изъ комнаты въ комнату. Учился у меня очень хорошо. Естампы смотрѣлъ. Танцовалъ. Въ берланъ, ужиналъ. Никита Иванычъ приходилъ, поговорилъ. Государь спать легъ.

19. Вставъ, учился по обыкновенному. Богдановичь поднесъ [24]) поему. Захаръ Григорьичъ пріѣхалъ. Ему, Никитѣ Иванычу и Великому Князю читалъ я письмо Чупятова [25]). Много смѣялись. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ гр. Захаръ Григорьичь. О строгости его говорили. Потомъ о сюбординаціи. Никита Иванычь, какъ камердинеры должны насъ слушаться. О просьбѣ благороднымъ образомъ. Никита Иванычь говорилъ, что читать книгъ ему некогда. Великій Князь на то: «Вотъ вчерась, какъ у меня вы были, могли бы и читать.» Говорилъ Никита Иванычь, что онъ не попустому къ нему ходитъ, но примѣчаетъ его поступокъ, что̀ надо отмѣнить, что̀ дать времяни и тому подобное. Читали послѣ обѣда Богдановичеву поему. Очень хвалилъ Никита Иванычь. Между тѣмъ за великапомъ послали. Ужасное чудовище: три аршина и пять вершковъ. Уцу-

---

[24]) И. Ѳ. Богдановичь вѣроятно пріѣзжалъ на время изъ Дрездена, гдѣ онъ служилъ секретаремъ посольства при князѣ Бѣлосельскомъ; поэма его есть *Сугубое Блаженство,* въ 3 пѣсняхъ. Душенькою онъ прославился гораздо позднѣе.

[25]) Извѣстный юродивый.

пывали его и проходили подъ ноги и подъ руки. Имя Бернардо Жилли. Портретъ его и фамиліи. Пожаловалъ ему Никита Иванычь отъ Великаго Князя 300 рублей. Отъ роду ему двадцать седьмой годъ. Гасконецъ съ нимъ. Дивились ему всѣ ужасно. Послѣ учился Великій Князь. Въ воланы играли. Пошли въ комедію. Комедія была Ecole des amis, балетъ со зміею. Маленькая піеса Triple mariage. Въ сіе время изъ Сарскаго Села пріѣзжіе приходили: Бецкой, Елагинъ, Василій Бибиковъ; первые двое долго съ Никитою Ивановичемъ говорили и на комедію совсѣмъ почти не смотрѣли. Бибиковъ сказывалъ, что и въ Сарскомъ Селѣ велѣно быть спектаклямъ, въ пятницу французскимъ, а во вторникъ русскимъ. Послѣ комедіи сѣлъ Государь ужинать. Говорили о покойномъ Ломоносовѣ, рецитировалъ послѣднюю его штрофу изъ одной оды. О Сумороковѣ, потомъ о великанѣ. Послѣ ужины скоро спать легъ, въ исходѣ десятаго.

20. Всталъ въ семь. Одѣвшись у меня патенты подписывалъ. Потомъ учился. Я между тѣмъ отцу Платону читалъ Сумарокова притчу и письмо Чупятова. Великій Князь потомъ въ воланы. Послѣ danses rabattues съ Куракинымъ. Никита Иванычь въ сіе время пріѣхалъ. Ѣздилъ верьхомъ съ нимъ Александръ Бибиковъ, Салдернъ да Кушелевъ; обѣдали у насъ Салдернъ и Талызинъ. Говорили о вчерашнемъ гигантѣ, Никита Иванычь, чтобъ его ко двору сюда взять. Объ..... [26]) о Гамбурцахъ и о Голланцахъ, о правленіи ихъ и о вольности. Послѣ обѣда пѣшкомъ гулять по Луговой и кругомъ. Великій Кн. въ воланы. Учиться сѣлъ. Очень хорошо у меня учился. Фектовалъ, былъ тутъ Никита Иванычь и скоро ушолъ. Въ берланъ двѣ пули. Одну Куракинъ, другую Великій Князь выигралъ. Въ воланы Его Высоч-во и въ danses rabattues. Ломоносову надгробную пѣснь читали. Ужинать. За ужиномъ Богдановичеву епитафію Ломоносову. О дикихъ Американцахъ. О воспитаніи Куракина и сравненіе онаго съ воспитаніемъ Великаго Князя между мамками. Послѣ ужина въ Средиземное море сбирался ѣхать и считалъ, сколько чего взять надобно. Спать десятаго сорокъ минутъ.

P. S. Курьеры изъ Сарскаго Села и отсюда каждый день.

21 Апрѣля. Рожденіе Государынино. Къ обѣдни. Послѣ обѣдни столъ большой.—Анна Карловна, Аграѳена Леонтьевна, Матюшкина, княгиня Дарья Алексѣевна, Морскіе, Селивановы и Петръ Григорьичь и Иванъ Григорьичь и другіе, всево кувертовъ на 30. Въ вечеру ничего публичнаго не было. У насъ въ комнатахъ берланъ и воланы. Ужинать и спать.

22. Одѣвшись учился. Передъ обѣдомъ дежурной маіоръ гвардіи Щербатовъ поднесъ рогъ Сибирскаго барана въ 13-ть фунтовъ. Онъ у насъ только обѣдалъ изъ чужихъ. Никита Иванычъ кушалъ у брата. Послѣ обѣда Цесаревичь учился. Берланъ и воланъ очень въ модѣ. Ужинать и спать.

23. Одѣвшись учился. Обѣдалъ у насъ Юшковъ и Строгановъ. Говорили о Московской губерніи, потомъ о мѣрахъ, о футахъ и рутахъ, о счотахъ. Строгановъ говорилъ, что счоты его предками вошли въ Россію. О народномъ употребленіи счотамъ. Послѣ обѣда Юшковъ откланялся.

---

[26]) Неразобранное слово.

Великой Князь жаловался головою. Раздѣть его велѣлъ Никита Иванычъ, и положили, не уснетъ ли онъ. Легче стало; играли въ берланъ, потомъ смотрѣлъ онъ естампы. Въ опочивальнѣ ужиналъ и спать легъ.

24. Воскресенье. Одѣвшись съ отцомъ Платономъ у обѣдни. Послѣ сѣли за столъ. Никит. Иван. посылалъ за Крузомъ, чтобъ Великаго Князя покормить умѣренно, а самъ поѣхалъ на званой обѣдъ къ Миниху. Онъ всю его родню звалъ. Послѣ обѣда въ берланъ и воланы. Ужинать и спать.

25. Въ фракъ одѣлся. Слабительное принималъ, въ спальнѣ кушалъ. Потомъ въ бильбокетъ, въ воланы, въ въ берланъ, въ гусекъ. Я читалъ ему свѣтилъ описаніе Отужинавши спать. Сегодня ѣздилъ я съ Ники. Иван. въ манежѣ. Ѣздили тамъ, онъ очень благосклоненъ ко мнѣ былъ, а за столомъ обѣдалъ у насъ гр. Иванъ Григорьичъ Чернышовъ. Никита Иванычъ разсказывалъ о вчерашнемъ обѣдѣ Миниха, какъ онъ его заподчивалъ, и показывалъ всю свою послѣ обѣда канцелярію, какъ планы у него расположены. Говорили тутъ о Минихѣ, о зубной болѣзни. Гр. Иванъ Григорьичь показывалъ мнѣ зубы. Одинадцати нѣтъ. Послѣ обѣда большой планъ о лѣсахъ отдалъ Великой Князь Чернышову, чтобъ отвезъ въ коллегію. Самъ подписалъ па немъ: *Отдать въ Адмиралтейскую коллегію*, а я въ низу подписалъ годъ и число.

26. Всталъ въ седьмомъ Пивъ чай, спрашивалъ меня, что я вчерась съ Крузомъ говорилъ О Новѣгородѣ и о собачкѣ, коя оттуда. Потомъ стошнило. Положилъ я его въ постель. Вырвало. Далъ пить eau pané [27]). Заснулъ. Проснувшись гораздо легче. Пріѣхалъ Крузъ и Фузадье, я посылалъ. У Никиты Иван. конференція о новой Сербіи и Запорожской Сѣчѣ съ Вяземскимъ и Захаромъ. Великой Князь кушалъ въ опочивальнѣ. Послѣ кушанья въ берланъ и гусекъ. За большимъ столомъ изъ постороннихъ Елагинъ, Сумороковъ и Строгоновъ. Брань у Елагина съ Сумороковымъ. Никита Иванычь на силу прекратилъ. Въ вечеру комедія *Bourgois à la mode*, балетъ *Magicien*, піеса *Chasseur*, opera comique. Великаго Князя не было.

27. Всталъ въ 8-мь часовъ. Сердился, что проспалъ и кричалъ на камердинера, для чего не разбудилъ. Одѣлся и учился, какъ обыкновенно. Кушалъ за большимъ столомъ. Никита Иваныча тутъ же, а по утру былъ въ манежѣ Никита Иванычь. Стороннихъ никого не обѣдало. Послѣ обѣда учился Великій Князь, потомъ въ воланы и въ берланъ. Ужинать и спать. Я пріѣхалъ сей день послѣ обѣда, и Никита Иванычь говорилъ, для чего я не былъ на манежѣ. Знакъ благосклонности. Великій князь ужиналъ за большимъ столомъ. Спать въ полдесятаго.

28. Вставши и одѣвшись, учился Астрономіи не весьма охотно. Въ воланы. У Ники-Иваныча конференція: Григорій Орловъ, Захаръ, вицъ-канцлеръ и еще незнаю кто. Никита Иванычь съ ними и обѣдалъ у себя. У насъ изъ постороннихъ никто не обѣдалъ. Для Великаго Князя Фузадье былъ. Остервальдъ тутъ же. Говорили о строеніи, во что станетъ; Фузадье съ обыкновенною простотою, какъ я зачалъ строить, не имѣя ни полушки въ карманѣ. Послѣ обѣда въ воланы. Учился у меня изрядно. Призывалъ его Никита Иванычь къ себѣ, играли тамъ въ берланъ. Ужинать и спать.

[27]) Хлѣбная вода.

29. Одѣвшись учился. Государыня изъ Сарскаго Села прибыла въ Сенатъ. Какъ пріѣхала изъ Сената, Цесаревичь ходилъ къ ней. Простился съ нею, а она поѣхала кушать къ Бецкому. Откушавши въ четвертомъ часу, опять въ Сарское Село. Великій Князь у себя кушалъ. Графъ Иванъ Григорьичь и Салдернъ. Послѣ обѣда учился. Потомъ въ комедію. Игрокъ, балетъ со змѣей и Пустомеля. Дмитревскова въ ложу приводили. Послѣ комедіи въ воланы. Ужинать и спать. На меня все таки сердитъ.

30 Апрѣля. Одѣвшись обыкновенно учился. Сѣли обѣдать. Обѣдали Алексѣй Бибиковъ, Философовъ и Сумороковъ. Сумороковъ о великанѣ, о Елагинѣ, о подлости. Никита Иванычь о Поздѣевѣ. Сумороковъ о механическомъ правилѣ. Послѣ обѣда пріѣхалъ Бецкой. Подарилъ Великому Князю двухъ капуциновъ на картинѣ. Послѣ обѣда учился. Въ воланы, въ берланъ. Пришолъ Ники. Иван., игралъ въ воланъ. Потомъ со мною читалъ Волтеровы сентенціи. Ужинать сѣли. Никита Иванычь съ нами же. Говорили о Бенуа и о Руссо со мною. Послѣ ужины силу пробовали. Рогъ и штуцеръ я поднималъ. Спать. Къ Никитѣ Иванычу братъ его пріѣхалъ.

МАЙ.

1 Маія. У обѣдни былъ. Послѣ обѣдни многіе приходили. Обѣдалъ только Салдернъ. Послѣ обѣда очень тихо и пусто было. Цесаревичь никуда не ѣздилъ. Никита Иванычь съ братомъ верхомъ въ Катерингофъ. Я былъ у Рубановскова и въ девятомъ вернулся. Играли въ воланы и въ берланъ. Ужинать и спать.

2. Одѣвшись учился, а потомъ въ воланы. Ники. Иванычь не обѣдалъ, и никово чужихъ не было. Послѣ обѣда учился. Въ берланъ, въ воланы. Ужинать и спать.

3. Одѣвшись учился. Сѣли за столъ. Обѣдали дежурный Челищевъ, Салдернъ, Крузъ, Строгоновъ и гофмаршалъ Голицынъ. Ники. Иван. поутру въ десять часовъ въ Сарское поѣхалъ. Я обѣдалъ у графа Сакена. Были тамъ: тайный совѣтникъ графъ Минихъ, два брата Мелисины, Бецкій. Изъ иностранныхъ: Англинской, Шведской, Дацкой, Прусской. Потомъ я къ великану. Во дворцѣ комедія: Le legataire и Somnambule. Балетъ (...... [28]). Великій Князь не былъ. Игралъ между тѣмъ. Шахматы разставливалъ и въ воланъ. Въ осьмомъ часу пріѣхалъ Никита Иванычь изъ Сарскаго, приходилъ къ Великому Князю и ушолъ. Сѣли мы ужинать, потомъ спать. За ужиномъ о лунатикахъ и о балетахъ.

4. Одѣвшись учился. Обѣдали у насъ вице-канцлеръ, Салдернъ, князь Матвѣй Гагаринъ и Челищевъ. О лошадяхъ говорили. Послѣ обѣда дацкихъ лошадей смотрѣли. Гулять поѣхали въ каретахъ на Литейную, въ лѣтній дворецъ, въ садъ, и погулявши опять въ каретахъ домой. Пріѣхавши не учился, въ воланъ и въ берланъ. Ужинать и спать.

5 Мая. Одѣвшись въ колетъ, къ балкону. Много со мной шутилъ. Потомъ учился. Пошолъ на . . . . и пробѣжалъ къ Никитѣ Иванычу. Онъ одѣвался. Къ себѣ пошли и въ воланы. Пришелъ Ник. Иванычь, сѣли за столъ. Обѣдали у насъ Адамъ Олсуфьевъ, Веймарнъ, Бибиковъ, князь Сергѣй Гагаринъ, Мельгуновъ и

[28]) Неразобранное слово.

Крузъ. Послѣ обѣда въ манежъ. Тамъ поѣздя, гулять по улицамъ верхомъ. Изъ постороннихъ съ нами Салдернъ, Алексѣй Бибиковъ и Талызинъ; на Литейную и кругомъ. Chemin de bonne aventure [29]) черезъ Миліонную, дома. Чаю напились, не учился. Въ берланъ, въ воланы. Ужинать и спать.

6. За чаемъ о вчерашнемъ гуляньѣ разговаривали. Потомъ кирасирскую амуницію и сапоги я ему велѣлъ примѣрять. Я былъ у Рубановскова, въ Корпусѣ и на Петербургской сторонѣ. Обѣдали у Великаго Князя Веймарнъ, вице-канцлеръ и Петръ Иванычь Панинъ. До обѣда и послѣ обѣда учился Его Высоч-во, потомъ въ воланы, въ берланъ. Ужинать и спать.

7. Одѣвшись учился. Строгонова человѣка шуточное письмо читали. Въ воланы. Обѣдать. За обѣдомъ о моемъ житьѣ, потомъ о кадетскомъ строеніи и вообще о строеніяхъ. Въ воланы. Астрономію; на токарномъ станкѣ планеты устанавливалъ. У меня хорошо учился. Берланъ, ужинать и спать. Никита Иванычь обѣдалъ у брата и потомъ верхомъ ѣздилъ; говоритъ, что борется съ лихорадкой. У насъ изъ постороннихъ за столомъ ни одной души не было.

8 Маія. По утру занемогъ головою, тошнилось и рвало. Кушалъ слегка въ опочивальнѣ, сперва немножко въ часъ, потомъ въ пятомъ, а тамъ ужиналъ. Забава берланъ только.

9. Лѣкарство принималъ и во фракѣ былъ, кушалъ въ опочивальнѣ и сожалѣлъ, что для сегодняшняго праздника не могъ въ Морской церкви быть. Кушалъ въ опочивальнѣ. Я былъ въ Морской церкви, я и Иванъ Чернышевъ. Сказывали, какъ много тамъ людей было. Естампы смотрѣли, послѣ обѣда въ берланъ. Читалъ Его Высочество Кандида. Ужинать и спать. Ники. Иван. кушалъ сегодня у вицъ-канцлера.

10. Всталъ въ 7-мь часовъ. Одѣвшись учился, какъ обыкновенно. Никита Иван. въ шлафоркѣ еще приходилъ смотрѣть. Никит. Иванычь у себя обѣдалъ. Приходилъ къ намъ графъ Захаръ Григорьичь и Салдернъ. Гр. Захаръ читалъ со мной Eloge de Daguessau. Обѣли они у Ники. Иваныча. У насъ изъ стороннихъ Строгановъ только. Говорено о разныхъ пародіяхъ и нѣсколько о гражданскихъ законахъ. Послѣ стола въ воланы. Учился. На комедію. Комедія русская *Jean de France*, балетъ Гранжеевъ со зміей, маленькая піеса: *Слѣпой видящій*. Передъ комедіей писалъ я стихи на Филидора и attelage à la grec. Послѣ комедіи ужинали; о Сумароковѣ, о его трагедіяхъ и притчахъ и скоро спать, десять часовъ было.

11. Всталъ четверть осьмаго. За чаемъ говорилъ со мною о вчерашнемъ балетѣ и кое о какихъ вчерашнихъ его примѣчаніяхъ, о лѣтнемъ дворцѣ, о переходѣ туда и проч. Во время убиранія волосовъ сперва твердилъ Платоновъ урокъ изъ Богословія, потомъ фаворовы сочиненія читалъ, оперу comique Anette et Lubin и Fête d'amour. Одѣвшись бѣгалъ кругомъ въ желтой комнатѣ. Въ началѣ одинадцатого сѣлъ учиться, потомъ въ воланы. Обѣдалъ у насъ Салдернъ, дежурный гвардіи маіоръ кн. Черкаской и Набоковъ. Никита Иванычь тутъ же обѣдалъ. Послѣ обѣда учился Великій Князь у меня очень хорошо. Потомъ стали понаѣзжать изъ Сарскаго Села, Елагинъ, гофмаршалъ и проч. Въ седьмомъ часу и Государыня изъ Сарскаго прибыть изволила. Поздоровавшись съ Великимъ Княземъ, за со-

[29]) Путь добраго похожденія.

бой ему ийтить въ опочивальню приказала. Черезъ полчаса времени вышла, и онъ за нею. Надъ Гагаринымъ шутить изволила и то съ тѣмъ, то съ инымъ говорила. Черезъ полчаса времени или меньше изволила пойти ко всенощной, а мы къ себѣ. Тамъ съ княземъ Сергѣемъ Гагаринымъ и со мною разсуждалъ Ники. Иванычь, какъ бы здѣсь въ деревняхъ завести фермы. Пришелъ братецъ его, пошли они къ себѣ, а Великій Князь скоро сѣлъ ужинать и потомъ спать, десятаго въ половинѣ.

12 Маія. Вознесеніе Господне. Его Высоч-во одѣвшись изволилъ читать съ отцомъ Платономъ Священное Писаніе. Въ церковь. Отъ туда къ Государынѣ. Туда въ биліардную мичмана Алисова приводили, который пріѣхалъ изъ Остъ-Индіи. Предъ тѣмъ въ кавалергардской представляли Государынѣ всѣхъ офицеровъ, кои 21-го Апрѣля по вышедшимъ докладамъ произведены. Пошли мы къ себѣ. Туда позвали Алисова. Обѣдалъ онъ у насъ. Еще обѣдали гр. Иванъ Григорьичъ и Кутузовъ. Алисовъ за обѣдомъ и послѣ обѣда про Остъ-Индію разсказывалъ. Иванъ Григорьичь про флотъ и неудовольствіе его по оному. Послѣ обѣда Великій Князь по собственному своему побужденію выпросилъ Алисову 30-ть имперіяловъ, кои я ему отдалъ. Играли мы въ воланъ, потомъ въ цинкъ. Съ Цесаревичемъ были я только и маленькой Куракинъ. Тутъ, отворя окно, съ фрейлинами говорили: Хитрово, двѣ Чоглоковы и Ефи. Великій Князь шутилъ. Пошли потомъ въ берланъ [30]). Послѣ къ Государынѣ, тамъ большой берланъ былъ, и она играть изволила. Въ пули червонцевъ съ пятьдесятъ, раздѣлили ихъ за тѣмъ, что для Великаго Князя поздновато становилось. Остальные онъ выигралъ. Государыня короля сбросила для него, какъ мнѣ показалось. Государыня говорила объ обычаяхъ по смерти Французскаго короля, о коронаціи цесарской. Въ берланъ играли: Никита Иванычъ, вицъ-канцлеръ, генералъ Голицынъ, молодой Минихъ, Вадковскій, Вяземскій, Гагаринъ, Зиновьевъ, Шереметевъ, Государыня и нашъ. Потомъ пришелъ къ себѣ ужинать и спать.

13. Одѣвшись учился, въ воланы. Обѣдалъ у насъ Салдернъ и Тепловъ. Послѣ обѣда учился. Потомъ въ комедію; комедія была *La gouvernante de la chaussée*, маленькая піеса *Somnambule*, балетъ Гранжеевъ Аполонъ и Дафна. Послѣ большой піесы пошли въ ложу къ Государынѣ. Послѣ маленькой піесы, Государыня откланялась, забывшися, и ретировалась, а Великій Князь остался въ ея ложѣ, и тутъ до конца балету смотрѣли. Со мной много разговаривалъ. Пришедъ, ужинать и спать.

14 Маія. Всталъ въ семь. Одѣвшись, учился. Пришелъ офицеръ 2-го ранга капитанъ Пущинъ докладыватца о трешкотѣ, сдѣланномъ для Государыни. Привели его передъ дворецъ по Невѣ. Сѣли мы за столъ. Обѣдали у насъ Вяземской и Кутузовъ. У Вяземскаго съ Никитою Иванычемъ какая-то комиссія секретная. Послѣ обѣда пошли всѣ трешкотъ смотрѣть. Дожжикъ шолъ. Однакожъ Великій Князъ на трешкотъ сходилъ и все тамъ высматривалъ. Возвратясь учился, о пространствѣ всего міроздания. Разсужденіе. У меня очень хорошо учился. Къ Государынѣ пошли, тамъ берланъ большой играли. 1) Государыня, 2) Великій Князь. 3) Никита Иванычь. 4) Вицъ-Канцлеръ 5) Генералъ Голицынъ 6) Князь Сергѣй Гагаринъ,

[30]) Не много оторвано листа въ подлинной тетради.

7) Чичеринъ, 8) Вяземскій, 9) Головинъ, 10) Мельгуновъ, 11) Кашталинскій. Надъ Гагаринымъ много смѣялись. Пулю опять раздѣлили не доигравъ. Орловъ изъ Краснова Села пріѣхалъ. Пришедъ сѣли мы ужинать. Вскорѣ спать. Не уснулось съ вечера Его Высочеству, велѣлъ я суконные занавѣсы раздернуть и двери растворить. Заснулъ часу въ одинадцатомъ.

15. Всталъ въ началѣ осьмова. За чаемъ говорили мы о верховой ѣздѣ. Убираясь твердилъ отвѣтъ Боссету. Севодня послѣ обѣдни ему аудіенція. Послѣ обѣдни аудіенція Боссету, сперва у Государыни, потомъ у насъ. Его Высоч-во отвѣтствовалъ изрядно. Физіономія Боссетова мнѣ понравилась. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ Панинъ, гр. Иванъ Григорьичъ, г. Салдернъ, Кутузовъ, Михайла Михаиловичъ Философовъ, отставной ротмистръ Масальской. Говорили о здѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ, о великанѣ и проч. Его Высоч-во изъ за стола вскакивалъ,—поносъ сдѣлался. Послѣ обѣда попрыгивалъ и игралъ въ воланы. Я ѣздилъ прогуливаться съ г. Остервальдомъ и разговаривали кое о чемъ. Въ вечеру на куртагѣ. Куртагъ былъ въ галереѣ съ музыкою. Ея Величество, какъ обыкновенно, въ пикетъ играть изволила. Великій Князь стоялъ тутъ. Куртагъ кончился въ 8-мь часовъ. Пришли мы къ себѣ. Ужинать и спать.

16. Одѣвшись учился. Сѣли обѣдать. Никита Иванычъ у насъ кушалъ. Изъ постороннихъ Салдернъ и Тепловъ. Послѣ обѣда учился у меня хорошо. Потомъ играли въ биліардъ, мнѣ проигралъ онъ шесть рублей, да еще полтинникъ пробилъ о закладъ. Я вчерась говорилъ, что севодни хороша погода будетъ, а онъ изволилъ утверждать, что дурна и пробилъ. Подъ вечеръ къ Государынѣ ходилъ, тамъ берланъ. Пришедъ ужинать и спать.

17. Одѣвшись учился Его Высоч-во Сѣли за столъ, обѣдалъ у насъ вицеканцлеръ и Салдернъ. О короляхъ и принцахъ Нѣмецкихъ разсуждали, кто каковъ. Послѣ обѣда въ воланы. Учился. Потомъ на комедію, русская (Менехли......), балетъ *Аполонъ и Дафна.* Піеса Новопріѣзжіе. Послѣ ужинать и спать.

18. Не учился поутру. Сегодни переѣздъ въ Лѣтній дворецъ, суетился, чтобъ все было убрано. Въ первомъ часу поѣхали. Онъ въ каретѣ съ Государыней, сидѣлъ противъ ее; протчіе по чинамъ сидѣли. Мы въ церемоніи жь были. Тамъ Трубецкой и Бецкой съ хлѣбомъ да съ солью Государыню встрѣтили. Въ церковь она прошла и къ иконамъ прикладывалась; отъѣзжаючи изъ Зимняго дворца, также. Потомъ ретировалась къ себѣ. Великій Князь у нее кушалъ. Мы у себя. Послѣ обѣда пришелъ къ себѣ. Играли двѣ партіи въ берланъ, также и въ воланы. Къ Государынѣ пошли, тамъ большой берланъ былъ. Пришелъ гр. Григорій Григорьичъ. Ево яхту севодня спускали, тамъ они обѣдали и послѣ куликнули всѣ. Не доигравъ пули, раздѣлили. Пришедъ къ себѣ сѣли мы ужинать. Потомъ спать.

19. Семикъ. Одѣвшись учился Великій Князь какъ обыкновенно. Обѣдать долго дожидались Никиту Иваныча. Онъ былъ въ комиссіи о разсмотрѣніи крѣпостей. Мы между тѣмъ въ воланы играли, и Великій Князь попрыгивалъ, не скучая излишне. Пріѣхалъ Никита Иван. съ гр. Захаръ Григорьичемъ, съ вицъ-канцлеромъ и съ Петромъ Иванычемъ, которые, погодя нѣсколько, поѣхали къ Лобковичу на званой обѣдъ. У насъ обѣ-

далъ Крузъ только. Послѣ обѣда съ той половины камеръ-юнкеръ Талызинъ приходилъ. Поѣхали въ каретахъ гулять на Васильевской Островъ, мимо биржи, на большую перспективу. Недоѣзжая до Галерной гавани, воротились, и тамъ съ большой першпекты поворотили по осьмой линіи на среднюю. Проѣхали мимо Корпуса и назадъ восвояси. Пріѣхавъ отдохнули, послѣ чаю играли въ воланъ. И со мной у окна сидя, Великій Князь съ полчаса порядочно разговаривалъ. Не учился послѣ обѣда, и къ Государынѣ не ходили. Ужинать и спать. Ужиналъ у насъ Строгановъ, говорили о спектакляхъ. Потомъ спать.

20 Мая. За чаемъ разговаривалъ со мною порядочно о нравоучительныхъ матеріяхъ и входилъ въ мои разсужденія. Убираючись изъ Богословія урокъ твердилъ и потомъ Фаворитишны сочиненія читалъ. Убравшись игралъ со мною въ воланы. Потомъ сѣлъ учиться. Отучась въ воланы. За столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Иванычъ говорилъ съ нимъ по большой части о Голштинскихъ дѣлахъ, а я съ Крокомъ о Каменномъ островѣ разсуждалъ, который совсѣмъ уже купленъ за 30-ть тысячъ и съ 1-го числа сего Маія числится за Великимъ Княземъ. Съ г. Остервальдомъ я разговаривалъ также о книгахъ. Послѣ обѣда Великій Князь въ биліярдъ игралъ. Ники. Иванычъ скоро къ себѣ пошолъ. Гораздо былъ невеселъ. Я, ѣдучи во дворецъ часу въ первомъ, встрѣтилъ въ Миліонной Государыню, не знаю въ чьей каретѣ четверней ямскихъ; одна изволила сидѣть, и занавѣсы опущены. Назади только одинъ лакей придворный. Часу въ седьмомъ Государыня и Великій Князь пріѣхали въ Зимній дворецъ на комедію. Комедія была: *L'homme singulier*, піеса *Anette et Lubin*. Балетъ новый..... *Le vendange* въ первый разъ. Въ десятомъ часу въ исходѣ все кончилось. Великій Князь, пріѣхавши и покушавши, въ одинадцатомъ легъ опочивать.

Отъ 21-го Мая до 3-го Іюня недостаетъ листковъ Дневника. Еще не найдены.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

ІЮНЬ.

3 Іюня. Вставши, одѣлся и учился. За Богословіей шалилъ. Платонъ и я журили. Въ биліярдъ. Приходилъ Григорій Григорьичъ и звалъ къ себѣ на яхту, которая нѣсколько повыше большова Каменнаго дворца стояла. Сѣли мы обѣдать: Салдернъ, Кропотовъ и Василій Бибиковъ. За столомъ читали Англинское о своевольствѣ тамошнева народу и разсуждали о Англинскомъ правленіи. Послѣ обѣда, какъ уснулъ Никита Иванычъ, поѣхали мы въ баржѣ отъ пристани, что у дворца на Фонтанкѣ. Пріѣхали. Государыня тамъ уже была. Яхта очень хороша, убрана вся краснымъ деревомъ. Имя ей Алексѣй. Какъ Государыня зачала ее хвалить, то графъ подарилъ ее Государынѣ. Подняли тотчасъ военный флагъ. Отъ туда поѣхали ниже по Невѣ, къ мосту, на государынину яхту, которой имя Андрей. Отътуда въ каменной дворецъ пристали и пошли на комедію: *Surprise de la haine*, балетъ *Le magicien*, піеса: *On ne s'avise jamais de tout*. Отъ туда въ каретахъ домой. Великаго Князя Государыня посадила съ собою; двое ихъ только. Какъ шли чрезъ покои графа Гри-

горья Григорьича, тутъ показывалъ онъ Государынѣ модель береговъ Мойки, Черной рѣчки и Фонтанки, какъ положено ихъ дѣлать. Споръ былъ. Пришли мы домой. Я къ Никитѣ Иванычу за дѣломъ былъ. Писали письмо въ Академію Художествъ и еще кое-что. Великій Князь межъ тѣмъ отужиналъ, я пришедъ положилъ его почивать. Десять било уже, потомъ велѣлъ себѣ особый столъ накрыть.

4 Іюня. Великій Князь за чаемъ со мной по большой части о вчерашнемъ вояжѣ. За убираніи жь пѣлъ изъ фаворитишныхъ оперъ. Учился. Послѣ ученья въ биліярдъ. Обѣдали у насъ Гагаринъ, князь Сергѣй и Тепловъ. Послѣ обѣда учился у меня очень хорошо. Епиноса диссекцію глаза. Цесаревичъ очень любопытствовалъ. Потомъ въ берланъ. Ужинать и спать. Государыня севодня послѣ обѣда въ Катерингофъ ѣздить изволила.

5. Воскресенье. Одѣвшись къ обѣдни. Послѣ обѣдни къ Государынѣ. Тамъ словесно репортовалъ Великій Князь Государынѣ, гдѣ находится теперь Мордвиновъ со флотомъ. Отъ туда къ себѣ. Сѣли за столъ. Обѣдали всѣ три брата графовъ Чернышовыхъ, Петръ Ивановичъ Панинъ, вицъ-канцлеръ и Филозофовъ. Послѣ обѣда кирасирскую своихъ кучеровъ амуницію Его Высоч-во всю смотрѣлъ. Хвалили. Въ воланы. На куртагъ. Тамъ долго разговаривалъ Его Высоч-во съ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ и со мною. Также говорилъ съ Каменскимъ. На куртагѣ обручила Государыня Бестужева съ княжной Долгоруковой. Отъ туда домой ужинать и спать.

6. Одѣвшись учился. Потомъ игралъ въ волчки. У Никиты Иваныча комиссія была о Ягужинскова дѣлѣ. Послѣ комиссіи обѣдали у насъ гр. Захаръ Чернышевъ, князь Яковъ Петровичъ Шаховской, Олсуфьевъ и Гагаринъ. Недокушавши, принужденъ былъ Его Высоч-во встать и ийтить къ Государынѣ. Она отбыть изволила на яхту Андрей, чтобъ ийтить въ Кронштатъ, а отъ туда далѣе къ Красной Горкѣ, гдѣ флотъ для дѣланія еволюцій дожидается. Проводя часу въ шестомъ, поѣхалъ Государь гулять верхомъ въ Катерингофъ. У Захара Григорьича на дачѣ былъ, что̀ подъ Катерингофомъ и отъ туда пѣшкомъ въ Катерингофъ. Дома часовъ въ девять, ужинать и спать.

7. Всталъ въ седьмомъ. Одѣвшись, учился, въ биліярдъ игралъ. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ дежурный маіоръ Шиповъ и Василій Бибиковъ. Говорили по большой части о кирасирскихъ полкахъ и вообще о службѣ. Никита Иван. обѣдалъ севодня на дачѣ Аграфены Леонтьевны на Охтѣ. Послѣ обѣда, попрыгавъ, учился Его Высоч-во. Потомъ пошли мы въ садъ самъ третей только: Его Высоч-во, Остервальдъ и я; тамъ немногихъ встрѣтили, всѣ въ комедіи были. Комедія была: *Безстыдный любопытный*, піеса: *Нечаянное возвращеніе,* балетъ съ зміемъ. Погулявъ въ саду, пришли мы къ себѣ. Его Высоч-во шутилъ со мною кое о чемъ. Ужинать и спать.

8. Всталъ въ семь; одѣвшись, учился. Потомъ въ биліардъ. Ники. Иван. поѣхалъ обѣдать къ Бецкому и отъ туда въ корпусъ. Тамъ екзаменъ. Обѣдалъ у насъ только Салдернъ. Говорили о Голштиніи, о Нѣмецкихъ земляхъ и о власти Цесарей. Вставши изъ за стола, рѣзвился Его Высоч-во. Изъ окна желтой комнаты черезъ дворъ съ фрейлинами кланялся. Потомъ въ учительскую пошли для то

во, что тамъ похолоднѣй было, а день весьма жаркой. Тамъ самъ другъ со мною сидя, о всѣхъ своихъ секретахъ разговаривалъ. Потомъ учился у меня изрядно, у Епинуса лѣнивенько, о Антильяхъ seводня. Потомъ еще играли мы въ биліярдъ. Пошли въ садъ самъ третей только: онъ, г. Остервальдъ и я. Встрѣтили графа Петра Григорьича съ дочерьми и графиню Анну Петровну [31]). Тамъ домой. Читали Hume. Ужинать и спать. За ужиномъ о партикулярной економіи и о моемъ домѣ. Положивъ Его Высоч-во, пошелъ я въ садъ. Прислалъ онъ туда за мною, что жарко спать. Пришолъ я, теплую фуфайку съ него велѣлъ скинуть и уложилъ его.

9. Въ началѣ осьмова. За чаемъ говорили объ освященіи знаменъ, потому что меня сeводни въ бомбардирской полкъ звали, гдѣ освящены будутъ данныя туда нынѣ новыя знамена, коихъ въ артиллеріи прежде сего никогда не бывало. За убираньемъ балетъ пѣлъ. Учился. Сѣли за столъ. Салдернъ обѣдалъ только. Никита Иванычъ нездоровъ былъ и у себя кушалъ. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во. Игралъ. Учился. Въ биліардъ. Ужинать и спать. Гулять никуда не ходилъ, потому что вѣтрено было. Я былъ въ бомбардирскомъ полку, обѣдалъ тамъ. Послѣ обѣда ученье было генераловъ и министровъ.

10 Іюня. Одѣвшись учился. Въ биліардъ. Обѣдать сѣли. Изъ постороннихъ только дежурный маіоръ Челищевъ. Никита Иванычъ говорилъ по большой части о кадетскомъ корпусѣ и о тамошнихъ наукахъ. Третьяго дня на екзаменѣ ему очень понравилось. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во, потомъ черезъ садъ изволилъ пойтить Миліонною пѣшкомъ въ комедію. Комедія была: *La fausse confidence* Marivauf, балетъ Гранжеевъ, піеса: *L'etourderie de Mr Fagon*. Отъ туда въ каретахъ домой. Ужинать и спать. Никита Иванычъ отъ Козмина получилъ письмо, отвѣтъ на его о здоровьѣ Великаго Князя; притомъ увѣдомляетъ, что Государыня завтра прибыть изволитъ.

11. Всталъ въ семь. Поутру, отучась, ходилъ по саду по большому и по третьему. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ горной Суворовъ и Челищевъ. Говорили о старинной службѣ и о нынѣшней, о деньщикахъ Государевыхъ. Также о заводахъ. Послѣ обѣда учился Великой Князь у меня посредственно. Потомъ подписалъ письмо и штучку въ Академію Художествъ. Часу въ седьмомъ пошли къ Государынѣ во внутренніе покои и тамъ въ верхній маленькой садикъ. Ждали ее съ часъ, однако какъ прибыть не изволила, пошли къ себѣ и сѣли ужинать. Лишь отужинали, въ девять часовъ прибыла Государыня, ѣхала отъ Петергофа сухимъ путемъ. Замѣшкалась за тѣмъ, что на дорогѣ попался бомбардирскій полкъ, которой шолъ въ лагерь, и его смотрѣла. На водѣ очень понравилось. Великій Князь сказалъ Государынѣ, что онъ за столомъ еще сидѣлъ, какъ она прибыла. Послѣ сцена о томъ и слезы; въ одинадцатомъ опочивать легъ.

12. Воскресенье. Всталъ въ семь и одѣвшись, съ отцемъ Платономъ въ церковь, отъ туда къ Государынѣ. Домой пришолъ. Иванъ Григорьичъ расписывалъ о морскихъ еволюціяхъ послѣднихъ, также и о флагманахъ во флотѣ. Обѣдали у насъ Петръ Иванычъ Панинъ, гр. Иванъ

[31]) Шереметеву, которая потомъ была невѣстою Н. И. Панина.

Григорьичъ, князь Сергѣй Васильичъ и г. Салдернъ. Послѣ обѣда рѣзвился Его Высоч-во даже и слишкомъ самовольно. Одѣлся потомъ въ сапоги и въ адмиральской мундиръ. Поѣхали въ шестомъ часу къ Сиверсу на дачу, что на Петергофской дорогѣ, на 12-й верстѣ отъ Петербурга, смотрѣть оттуда бомбардирскаго полку, которой маршировалъ мимо въ лагерь. Звалъ графъ Григорій Григорьичъ. Государыня также быть изволила. Великій Князь, спустя нѣсколько послѣ Государыни, особо своей свитой поѣхалъ. Пока дожидались полку, Государыня въ ломберъ играла съ Захаромъ Чернышевымъ и съ генераломъ княземъ Голицынымъ, а Его Высоч-во въ берланъ въ другой комнатѣ. Какъ графъ Орловъ пришолъ доложить, что полкъ маршируетъ, то пошли смотрѣть въ верьхъ. Я, тамъ постоявъ, въ низъ сошолъ, чтобъ ближе видѣть. Слишкомъ 3000 всѣхъ людей по репорту было, 44 орудія. Какъ двое бомбардировъ занемогли и вышли къ сторонѣ изъ фрунту, Государыня послала къ нимъ водки и денегъ. Какъ полкъ прошолъ, сошли въ низъ. Сѣли ужинать. Послѣ ужины Государыня сѣла доигрывать пулю, а мы поѣхали. Въ началѣ двѣнадцатаго пріѣхали. Тотчасъ почивать. Соненъ былъ.

13. Одѣвшись учился. Въ биліардъ. Сѣли за столъ. Я сего утра долго былъ одинъ у Никиты Ивановича, и онъ очень благосклонно и повѣренно разговаривалъ, также ѣздилъ отъ Его Высоч-ва къ Бецкому съ письмомъ и со штучкой. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ только г. Салдернъ. Послѣ обѣда часу въ пятомъ въ началѣ поѣхали смотрѣть Петра Иваныча Панина Финляндскую дивизію изъ деревяннава зимнева дворца, гдѣ она мимо маршировала. Петръ Иванычъ самъ предводительствовалъ. Шесть полковъ было пѣхотныхъ, одинъ гусарской и Архангелогородской карабинерной Мансурова. Полки очень понравились. Какъ поѣхали смотрѣть, то Его Высоч-во сѣлъ съ Государынею противъ ее, а съ нимъ рядомъ графиня Брюсша: трое. Назадъ также. Пріѣхавъ въ началѣ осьмова часу, по саду по большому съ Государыней гулять пошли. Погода хороша была. Государыня приказала подать придворныя шлюпки и поѣхала по Невѣ гулять, а нашъ генералъ-адмиралъ до дому. Сѣли мы ужинать и все о полкахъ разговаривали. Его Высоч-ву очень понравились. Въ три четверти десятова опочивать.

14. Всталъ въ исходѣ седьмова. За чаемъ о полкахъ. Потомъ о мундирахъ Гребецкихъ, коимъ нынѣ я образцовый сдѣлалъ. Убравшись ружьемъ салютировалъ и артикулъ дѣлалъ, вспоминая о вчерашнемъ войскѣ. Потомъ тавлейки по столу водилъ вмѣсто полковъ. Учился. Въ биліардъ. Сѣли за столъ. Обѣдали Салдернъ, Крузъ и Нагаевъ, коему недавно Анненскую ленту дали, за которую онъ изъ Кронштата благодарить пріѣхалъ. Говорили о кампаментѣ, также о китахъ. Никита Иванычъ обѣдалъ у Аграфены Леонтьевны [32]), она больна. Послѣ обѣда поѣхали опять къ Сиверсу на дачу, и Великій Князь сѣлъ съ Государыней, рядомъ съ Великимъ Княземъ Брюсша. Тамъ се водни гвардія мимо въ лагерь проходитъ. Назадъ въ двѣнадцатомъ.

15. Всталъ, было десять минутъ девятаго. Сердился, что поздно, торопился. Въ часъ съ четвертью совсѣмъ

[32]) Вдова фельдмаршала Степана Өедоровича Апраксина.

одѣлся. Учился, въ биліярдъ, обѣдали у насъ Мельгуновъ и Кропотовъ. Никита Иванычъ задумчивъ былъ. Послѣ обѣда, попрыгавши, Его Высочество учится сѣлъ. У меня хорошо учился. Въ берланъ играли. Государыня севодни куда-то ѣздить изволила; говорятъ, что въ Красное Село. Часу въ седьмомъ пришолъ къ намъ Никита Иванычъ, пошли мы въ садъ. Тамъ видѣли штрауса, коево недавно привезли, и особливой домикъ въ саду сдѣлали. Пришедъ домой, ужинать. Послѣ ужины Великій Князь пѣлъ аріетты изъ оперы Marechal; опочивать въ половинѣ десятова.

16. Всталъ въ седьмомъ. Одѣвшись, учился. Въ биліярдъ. Утро говорили о походѣ нашемъ въ Красное Село, которой послѣ завтра назначенъ. Обѣдали у насъ князь Алексѣй Семеновичъ Козловской и еще Козловской тайной совѣтникъ, губернаторъ Смоленской и вицъ-полковникъ Пушкинъ, которой изъ лагеря привезъ къ Его Высоч-ву репортъ и списокъ. Говорили тутъ, какъ Великому Князю къ полку пріѣхать, какъ командовать. Сіи дни у нево только что полки да барабаны въ головѣ. Въ концѣ обѣда пришелъ фельдмаршалъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Въ сапогахъ и въ шарфѣ, бодръ еще. Послѣ обѣда учился у меня Великой Князь не такъ чтобы. Все въ головѣ лагерь. Въ вечеръ Государыня за нимъ присылала. Тамъ въ берланъ играли. Пришедъ, ужинать и спать. Государыня севодня прибыла, ночевала въ Красномъ Селѣ, тамъ инкогнито по лагерю ходила. Сегодня видѣлъ я письмо благодарственное къ гвардіи за исправность ея въ маршѣ въ лагерь, отъ гр. Орлова къ фельдмаршалу Бутурлину именемъ Ея Величества.

17. Одѣвшись учился. Очень etourdi. Все о лагерѣ. Сѣли за столъ. Обѣдали принцъ Карлъ Курляндскій и Салдернъ. Никита Иванычъ говорилъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ рапортовъ отъ Его Высоч-ва приготовить. Послѣ обѣда учился и рѣзвился. Въ комедію. *Jaloux desabusé*. Балетъ Парадисовъ съ волынкой. Маленькая піеса *L'etourderie*. Изъ комедіи поѣхавъ сѣлъ Цесаревичъ съ Государыней; еще сѣла Марья Андревна [33]). Пріѣхавъ, ужинать и спать.

18. Отъѣздъ въ Красное Село. Поутру учился Его Высоч-во, отучась въ биліярдъ игралъ. Фельдмаршалъ Минихъ представлялъ ему внука своево, полку Его Высочества офицера. Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ графъ Иванъ Григорьичъ и Салдернъ, говорили о походѣ. Часу въ седьмомъ поѣхали. Въ девятомъ часу пріѣхали въ Красное Село. Тутъ встрѣтилъ во дворцѣ графъ Григорій Григорьичъ, также Скавронской и Елагинъ. Черезъ часъ времени пріѣхала и Государыня въ новопостроенный дворецъ подлѣ стараго, въ коемъ мы расположились. Мы въ то самое время ужинали. Вставъ, встрѣтили Государыню. Она услышавъ, что мы встали изъ за стола, тотчасъ Великова Князя отпустила. Доужинали мы и положили Великова Князя спать. У нево все лагерь въ головѣ былъ. Насилу я уложилъ его, сказавъ, что ежели все о томъ думать и худо спать будетъ, не выспится, и завтра Никита Иванычъ и въ армію передъ сорокъ тысячъ не повезетъ. Идучи еще къ постели жмурился, для того чтобъ поскорѣе заснуть.

19. Воскресенье. Вставъ въ десятомъ часу, одѣлся Его Высоч-во въ

[33]) Графиня Румянцева, мать вышеупоминаемой Брюсши, и графа Задунайскаго.

сапоги и въ колетъ. Я посылалъ въ полкъ за ординарцемъ и послалъ вахмистра курьеромъ. Отобѣдавъ часу въ четвертомъ, поѣхали въ каретахъ въ лагерь, котораго правое крыло версты съ полторы отъ Краснаго Села стояло. Лошадей верьховыхъ за нами вели. Армія стояла въ двѣ линіи, а главная квартира была къ лѣвому флангу на отлогости горы Дудоровской. Пріѣхали мы на правой флангъ первой линіи, гдѣ стоялъ Наслѣдниковъ Кирасирской полкъ. Тутъ за фронтомъ вышли изъ кареты и пошли въ ставку вицъ-полковника графа Пушкина. Всѣ офицеры полка тутъ. Его Высоч-ву подалъ рапорты генералъ-порутчикъ отъ кавалеріи Бергъ, бригадной ево командиръ генералъ-маіоръ графъ Салтыковъ, вицъ-полковникъ и перваво ескадрону ево роты порутчикъ Баумгартенъ. Прошли между палатокъ и первово шквадрону и людей посмотрѣть. Первый кирасиръ Позняковъ ужасно большой мужикъ и лошадь большая. Велѣли ему сѣсть на лошадь и смотрѣли ево. Часу въ пятомъ данъ сигналъ, чтобъ выводить полки въ линію. Зачали выводить и тотчасъ вывели. Его Высоч-во сѣлъ тутъ на лошадь въ кирасѣ и во всемъ уборѣ. Какъ скоро Государыня къ правому флангу пріѣхала и генералъ-порутчикъ Бергъ кавалерійскимъ полкамъ командовалъ: «слушай, палаши вонъ», то и Его Высоч-во вынялъ свой палашъ и повторилъ оную команду своему ескадрону. Государыня, поровнявшись противъ ево, приказала ему за собой ѣхать. Пока мимо полку ево ѣхала, то онъ за нею ѣхалъ въ кирасѣ и держа палашъ въ рукахъ; какъ же скоро полкъ проѣхали, то палашъ положилъ онъ въ ножны, и Ники. Иван. кирасу велѣлъ съ него снять; и такъ поѣхали за Государыней. Тутъ Его Высоч-во подалъ рапортъ бригадному своему командиру Ивану Петровичу Салтыкову. Такихъ рапортовъ пять-шесть было приготовлено, чтобъ раздать генераламъ, однако не дошло время; всѣ остались у меня. Одинъ прилагаю здѣсь въ оригиналѣ. Такимъ образомъ ѣхалъ Его Высоч-во съ праваго флангу вдоль по фрунту до самаго лѣваго флангу, а потомъ съ лѣваго флангу второй линіи до праваго флангу онаго за Государыней верьхомъ. Государыня была верьхомъ же, въ мундирѣ мужскомъ конной гвардіи. Отдавали честь и склоняли знамена. Какъ пріѣхали на правой флангъ второй линіи, сошли съ лошадей, и былъ бѣглой огонь. По окончаніи онаго изволила Государыня сѣсть въ карету, а Его Высоч-во въ свой фаетонъ, и поѣхали въ главную квартиру. Туда велѣно быть всѣмъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, коихъ всѣхъ Ея Велич-во жаловала въ рукѣ. Его Высоч-ву приказано показать свою опочивальню и прочіе покои въ ставкахъ. Мы за нимъ тудажъ ходили. Между прочимъ была тутъ Персидская ставка, подаренная здѣшнему двору отъ шаха Надира. Потомъ, погодя сѣли мы въ кареты, поѣхали домой въ Красное Село. Тамъ поужинавши спать.

20. Его Высоч-во всталъ въ восемь часовъ, одѣлся въ кирасирское платье, только полегче, шолковое, и шпага вмѣсто палаша, сапоги легкіе Обѣдалъ между прочими у насъ Его Высоч-ва полку вицъ-полковникъ, подполковникъ Телкинъ и два маіора тогоже полку Манекины. Сказывали, какъ всѣ кирасиры обрадованы, что видѣли Государя передъ фронтомъ. Всѣ движенія его примѣтили. Въ пятомъ часу

поѣхали въ лагерь. Петра Иваныча дивизія отдѣлилась отъ главной арміи; такимъ образомъ, какъ скоро данъ сигналъ, въ пять минутъ весь лагерь той дивизіи сняли и вступили въ походъ двумя колоннами, коихъ tête и queue [34]) составляла кавалерія. Государыня, Великій Князь и великое множество генераловъ, волонтеровъ ѣхали тутъ подлѣ верхами, и мы тутъ же. Государыня пѣсни пѣть указала марширующимъ. Вступили они въ лагерь подъ мызою Сиворицами двумя жь колоннами и въ двѣ линіи расположились. На правомъ флангѣ была высота, на которой сдѣлали батарею. Обѣ колонны потянулися вдоль назначенныхъ линій и стали на мѣсто въ одно почти время. Обозъ составлялъ третью колонну. Какъ скоро дошли, свернули знамена, а какъ сигналъ данъ, чтобъ ставить лагерь, тотчасъ помаршировали отводные и палочные караулы, а прочіе принялись ставить палатки. Весь лагерь поставленъ былъ въ четыре минуты. Ея Величество таковыми проворствомъ и исправностью и регулярствомъ чрезвычайно была довольна. Изволила съ Его Высоч-мъ въ фаетонѣ поѣхать въ квартиру къ командующему генералу Панину. Квартира была въ оной мызѣ Сиворицахъ, верстахъ въ двухъ позади второй линіи. Свѣтелочки изрядныя, накрытъ былъ столъ. Государыня и Его Высоч-во ужинали. Тотчасъ послѣ ужины мы поѣхали въ каретахъ, а Государыня еще остатся изволила. Ѣхали сквозь лагерь, часъ былъ двѣнадцатый. Солдаты изъ палатокъ кучами выбѣгали и смотрѣли съ жадною радостію на Цесаревича. Домой пріѣхали въ началѣ перваго. Тотчасъ Великій Князь раздѣлся и легъ опочивать.

[34]) Голову и хвостъ.

21. Всталъ въ исходѣ осьмова. Поутру шашки вмѣсто войска разставливалъ и въ барабанъ билъ. Только что то̀ и въ головѣ. Обѣдали у насъ Елагинъ, Тепловъ и Гагаринъ. Послѣ обѣда поѣхали въ каретахъ въ лагерь въ главную квартиру. Государыня поѣхала верхомъ въ пѣхотной гвардіи мундирѣ, въ четвертомъ часу рекогносцировать непріятельскую армію. Цесаревичъ за нею жъ верхомъ, и мы всѣ. Въ конвоѣ были впереди корь-воланъ [35]), состоящій изъ карабинернова Петербургскова полку, козаковъ, гусаръ и баталіона Суздальскова пѣхотнаго полку. По сторонамъ конвоировали гусарской полкъ и казачей полкъ. Позади полкъ конной гвардіи. Какъ скоро на высоты противъ праваго непріятельскаго лагеря пришли, началось сраженіе между нашими передовыми войсками и ево форпостами. Съ ево пригорка изъ двухъ пушекъ зачали стрѣлять. Тутъ его резервы, приступивъ къ пикетамъ, впередъ маршировали, а со сторонъ вся конница авансировала. У оной пѣхоты, какъ Петръ Иванычъ самъ мнѣ послѣ сказывалъ, было 11-ть пушекъ, подъ которыя ему насъ подманить хотѣлось: для того уступалъ. Однихъ легкихъ войскъ только было сраженіе и, какъ выше сказано, изъ оныхъ пушекъ перестрѣливались. Потомъ Государыня послала къ Панину, что пора перестать, и все кончилось. Намъ съ горы все видно было, и спектакль очень хорошей (описать надобно подробнѣе). Пріѣхали домой въ каретахъ. Ужинать и спать.

22. Всталъ въ восемь часовъ. Никита Ивановичъ не очень здоровъ былъ. Никуда не ѣздили, и день дождливой былъ, и въ арміи растагъ [36]) и обѣимъ

[35]) Летучій отрядъ.

[36]) Роздыхъ.

арміямъ вина дать велѣли. Между тѣмъ какъ Петръ Иванычъ человѣкъ въ 70-ть ѣздилъ сегоднишніе форпосты рекогносцировать, то у насъ въ лагерѣ потревожились. Министры были въ ставкѣ Государыни; какъ пришли сказать, что непріятель приближается, всѣ засуматошились и разбѣжались. У здѣшнихъ форпостовъ съ тѣми конвойными была перестрѣлка. У Цесаревича обѣдали севодня генералъ-маіоръ Масловъ, полковникъ Нероновъ и бригадиръ князь Прозоровской, кои при здѣшней арміи волонтерами изъ своихъ дивизій пріѣхали. День мы въ карты играли, а самъ только рѣзвился и въ барабанъ колотилъ. Въ вечеру непріятельской генералъ къ намъ въ гости пріѣзжалъ. Говорили о вчерашней сшибкѣ. Ужинать и спать.

23. Всталъ въ осьмомъ. Никита Иванычъ слабительное принималъ. Я ѣздилъ поутру въ лагерь къ генералъ-квартирмейстеру, чтобъ планы и проекты присылалъ въ Великому Князю. По утру сталъ было я изъ инструкціи короля Прусскова читать Его Высоч-ву, для какой причины баталіи и какъ даются, однако совсѣмъ никакой аттенціи не было: шашечки свои ставилъ, имажинировалъ небылицы и колотилъ въ барабанъ. Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ, поѣхали мы въ главную квартиру. Никита Иванычъ оставался за болѣзнію дома, Великому Князю верхомъ не велѣлъ безъ себя ѣздить, и такъ поѣхали мы въ каретѣ. Отъ туда поѣхалъ я одинъ къ легкому корпусу бригадира Измайлова. Какъ обходилъ оной непріятеля, былъ я тамъ и смотрѣлъ. Скрытый маршъ прекрасно былъ дерижированъ, и деплоировались очень скоро. Впрочемъ учрежденія здѣшнія нужно выбрать и описать съ разсужденіями изъ здѣшнихъ приказовъ, а непріятельскія изъ присылаемыхъ ко мнѣ записокъ. Государыня съ Дудоровской горы изволила пріѣхать, непріятельская пѣхота уже деплоировалась. Великій Князь тутъ же пріѣхалъ, только въ фаэтонѣ. И лишь непріятель сталъ ретироватся, то послалъ онъ меня спросить Государыню, домой ли ему, или въ главную квартиру ѣхать. Велѣно домой. Пріѣхавши разставилъ шашки. Ужинать и спать.

24. Его Высоч-во кушалъ и весь день былъ дома. Обѣдалъ у насъ гр. Иванъ Григорьичъ. Послѣ обѣда поѣхалъ я верьхомъ въ главную квартиру и отъ туда въ непріятельскій лагерь съ билетомъ, которой я получилъ отъ Никиты Иваныча. Севодня вся здѣшняя конница приходила къ непріятельскому лагерю. Пушками и поспѣшными распоряженіями отбились. Я съ Петромъ Иванычемъ во все время ѣхалъ съ нимъ верхомъ и въ Красное Село пріѣзжалъ. Разсказывалъ Великому Князю о севоднишномъ дѣлѣ. Отужинавши Великій Князь спать легъ въ одинадцать часовъ.

Потомъ пошолъ я къ Никитѣ Иванычу. Тамъ Петръ Иванычъ былъ, Салдернъ и вицъ-канцлеръ. О военныхъ учрежденіяхъ говорили. Сегодня получилъ я отъ Никиты Иваныча Dictionnaire philosophyque de Voltaire, который онъ нарочно для меня велѣлъ сюда взять.

25. Всталъ въ осьмомъ. Одѣвшись, шашки разставлялъ, въ барабанъ билъ и съ собаками игралъ. Обѣдали у насъ гр. Иванъ Григорьичъ, Елагинъ, Тепловъ и кн. Сергѣй Гагаринъ. Сей день генеральная баталія. Приказъ отданъ поутру, чтобы въ пять колонъ выступить всей арміи и проч. (Смот-

ри Приказъ). Въ четвертомъ часу поѣхали мы въ главную квартиру въ каретахъ. Никита Иванычъ выѣхалъ севодня. Отътуда верхомъ за Государыней къ непріятельскому лагерю. Какъ на правомъ ево флангѣ переднюю вышину взяли и большой его пикетъ сбили, то поставили тутъ наши пушки и стали стрѣлять по большой ево батареи. Тутъ мы подъѣхали. Четвертая колонна отъ сего мѣста въ право зачала строится. Конфузія въ бомбардирскомъ полку. Стали приходить и прочія колонны и деплоироватца. Поѣхали мы на правой флангъ. Какъ отъ туда помаршировала наша конница передъ фрунтомъ на лѣвое крыло, то за нею пѣхота заходила въ лѣвой флангъ къ непріятелю. Однако онъ растянулъ фрунтъ, построивъ обѣ линіи въ двѣ шеренги и перемѣняя позицію лѣваго своего фланга, коимъ ретировался, маневрировалъ своею конницею. Изъ мелкова ружья далеко стрѣлять зачали. Великій Князь все былъ на правомъ нашемъ крылѣ за Государынею. Какъ непріятель ретировался, то мы сѣли въ кареты и поѣхали домой. Государыня тутъ еще осталась. Армія осталась еще въ ружьѣ и выставила ведеты. Ночью и армія возвратилась. Великій Князь севодни очень усталъ. На мѣстѣ баталіи, верхомъ сидя, покушалъ кренделя. Домой пріѣхавши и не ужиналъ, легъ опочивать, было въ началѣ одинадцатаго.

26. Всталъ въ восемь; представлены были Его Высочеству поутру всѣ офицеры его полку и Трубецкова третьяго кирасирскова. Обѣдать изъ нихъ оставлены Пушкинъ, Телкинъ и одинъ Манекинъ, другой при полку былъ дежурной. Трубецкой одинъ оставленъ былъ при его полку. Обѣдалъ еще у насъ вчерашній непріятель Петръ Ивановичъ, гр. Иванъ Григорьичъ и Строгоновъ. Говорили о вчерашнемъ сраженіи, и болѣе говорилъ Петръ Иванычъ и удивлялся, что послѣ никто не выѣзжалъ на мѣсто баталіи, чтобы видѣть, какъ онъ стоялъ и какъ перемѣнялъ позицію. Чужестранные министры всѣ вчерась туда выѣзжали, и онъ имъ толковалъ. Послѣ обѣда всѣ разъѣхались. Великій Князь рѣзвился и никуда не ѣздилъ. Ужинать и спать. Никита Иванычъ ѣздилъ послѣ обѣда верхомъ съ Захаромъ Григорьичемъ, съ братомъ и съ вицъ-канцлеромъ смотрѣть приуготовленныя въ полѣ для военнаго празднества залы. Въ главной квартирѣ севодни всѣ гвардіи офицеры допущены къ рукѣ.

27. Одѣвшись рѣзвился съ собачкою и шашки ставилъ и караулъ смѣнялъ и проч. Въ главной квартирѣ поутру допущены севодня къ рукѣ всѣ офицеры дивизіи князя Александра Михайловича Голицына, а послѣ полудни и всѣ же офицеры дивизіи Петра Иваныча Панина. Никита Иванычъ обѣдалъ севодня у брата своево въ Сиворицахъ. У насъ обѣдалъ Тепловъ и присланные изъ кирасирскаго Его Высоч-ва полку ротмистръ Вурмъ, Штакельбергъ и Сакенъ. Послѣ обѣда поѣхали мы въ каретахъ въ главную квартиру. Тамъ оную дивизію къ рукѣ Государыня жаловала. Мы между тѣмъ на Дудоровскую гору поѣхали, и Цесаревичъ верхомъ взъѣзжалъ на самую верхушку; въ тамошнемъ садикѣ были. Съѣхали на другую сторону въ лагерь конной гвардіи. Тутъ показывали Его Высоч-ву, гдѣ изъ земли родникъ бьетъ, и онъ воду пилъ отъ туда. Мужику огороднику, которой насъ по Дудоровской горѣ водилъ, пожаловалъ Цесаревичъ 5-ть рублей. Пріѣхавши

домой, игралъ Цесаревичъ съ кн. Куракинымъ въ подломберъ. Потомъ ужинать и спать. Никита Иванычъ ужиналъ съ нами и говорилъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ, какъ онъ при Государѣ сюда пріѣзжалъ министромъ и о революціяхъ при Аннѣ Іоанновнѣ и по смерти ея.

28. Поутру одѣвшись, поѣхали мы за Его Высоч-мъ въ главную квартиру. Онъ наряженъ былъ въ колетъ, палашъ и большіе свои сапоги. Тамъ, принеся Государынѣ поздравленіе, поѣхалъ съ нею въ поставленную недалеко отъ главной квартиры на горѣ Преображенскаго полку полковую церковь. Около вся армія стояла въ парадѣ. Панина дивизія тутъ же. По окончаніи обѣдни былъ троекратной бѣглый огонь. Очень хорошо шолъ. Послѣ сего поѣхали мы въ Красное Село. Тамъ въ большой залѣ приготовленъ былъ столъ, за коимъ Государыня и Его Высоч-во кушали; до полковничьяго чину всѣ туда приглашены были. Послѣ стола тотчасъ потомъ Цесаревичъ къ себѣ. Въ седьмомъ часу поѣхалъ онъ къ генераламъ на балъ. Сѣлъ съ Государыней. Мы также званы всѣ туда. Описаніе онаго празднества. Менуетовъ пять протанцовавши, занемогъ Его Высоч-во. Сыро было, да и за обѣдомъ можетъ быть лишнее скушалъ. И такъ ни ужины, ни фейрверка не дождавшись, поѣхали мы въ Село. Рвало Великаго Князя; напоивши чаемъ, положилъ его Никита Иванычъ спать.

29. Опочивалъ очень хорошо и поутру 29-го одѣлся; однако не выходилъ, и всѣмъ приходившимъ для поздравленія съ имянинами отказывано. Государыня въ сельской церкви обѣдню слушала. Платонъ послѣ обѣдни говорилъ проповѣдь. Государыня плакала. Послѣ обѣдни заходить изволила къ Великому Князю. Поговоривъ о вчерашнемъ ево припадкѣ, говорила похвалу Платону. Его Высочество севодня совсѣмъ не выходилъ на ту половину и забавлялся. Тамъ въ вечеру былъ во дворцѣ балъ и ужинъ. Государыня однакоже кушать не изволила. Его Высоч-во обѣдалъ у себя за большимъ столомъ, а ужиналъ одинъ. Опочивать легъ въ десятомъ. Вчерась двое Всеволожскихъ сдѣланы камеръ-юнкерами, а всѣмъ бывшимъ при вступленіи на престолъ дано 4,000 руб. За севодни ничево.

30 Іюня. Проснулся въ осьмомъ, совсѣмъ здоровъ былъ. Отъѣздъ севодня. Надѣлъ вицъ-полковничей мундиръ. Обѣдали у насъ бригадиръ Петръ Ѳедорычъ Апраксинъ и кн. Сергѣй Трубецкой. Отобѣдавши не успѣли мы еще пойтить на ту половину, какъ Ея Величество отбыть уже изволила. Спустя нѣсколько времени поѣхали и мы. Пріѣхали нѣсколько прежде Государыни, въ городѣ съ нею разъѣхались. Какъ прибыла Государыня, то пошли къ ней. Цесаревичъ въ берланъ игралъ тамъ. Потомъ къ себѣ ужинать и спать. При отъѣздѣ изъ Краснова Села пожаловалъ Цесаревичъ бывшему у нево на ординаріи вахмистру Толю изъ своихъ рукъ имперіалами 100 руб. и обѣщалъ представить о немъ военной коллегіи, чтобъ произвести въ офицеры, а третьего дни черезъ меня изволилъ отослать въ полкъ свой кирасиру Ильину 100 руб., который переломилъ себѣ ногу во время бывшихъ маневровъ.

ІЮЛЬ.

1 Іюля. Одѣвшись учился и такъ и сякъ. Потомъ въ биліярдъ, сѣли обѣдать, изъ посторонныхъ только Сал-

дернъ. Говорили о казни Лопухиныхъ и о другихъ анекдотахъ, также о владѣніи императрицы Анны Іоанновны. Рефлекція Никиты Иваныча, что ежелибы и теперь ихъ братьѣ боярамъ дать волю и ихъ слушатся, тобъ другъ друга и ныньче сѣчь и головы рубить зачали. И такъ въ оныхъ строгостяхъ винилъ министерство. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во. — Въ вечеру поѣхали въ каменной зимней дворецъ на комедію: *Les fausses confidences,* новой совсѣмъ балетъ Невильевъ *Chasseurs*, opera comique. Возвратясь, не ужинавши, легъ Его Высочество опочивать. Жаловался, что голова болитъ и тошнитца.

2. Всталъ въ осьмомъ. Учился, потомъ въ биліярдъ, обѣдалъ у насъ Салдернъ, князь Сергѣй Васильичъ Гагаринъ, который севодня откланивался, чтобъ ѣхать въ Москву. Шутили надъ нимъ. Послѣ обѣда учился Его Высоч-во, потомъ пришелъ Никита Ивановичъ, выбирали обращики бархату на платье. Фланговый бархатъ ([37]). Смѣялись. Пошли въ садъ гулять. Никита Иванычъ морализировалъ о непостоянствѣ и легкомысліи Великому Князю, и я очень радъ былъ, что тоже самое ему говорилъ, что̀ отъ меня прежде неоднократно говорено Его Высоч-ву. Пришедъ назадъ, ужинать и спать. Государыня севодня изволила ѣздить на охоту съ соколами.

3. Воскресенье. Проснулся Его Высоч-во въ восемь часовъ. Жаловался головою. Давали ему докторы какую-то бѣлую емульцію. Одѣли ево въ фракъ. Не выходилъ. Онъ севодня обѣдалъ и ужиналъ въ опочивальнѣ. Между тѣмъ забавлялся, раскладывалъ Норвежскую и Россійскую карту принесенную отъ Дюмареска, также крысками маралъ кое-что. За большимъ столомъ обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Никита Иванычъ разсуждалъ о смерти, и очень хорошо. Куртагъ севодня очень недолго продолжался. Государыня по саду гулять изволила, и публика также гуляла.

4. Всталъ въ исходѣ осьмаго. Здоровъ, слава Богу. За чаемъ шутилъ со мною. За убираньемъ читалъ и распѣвалъ изъ Служебника. Учился. Игралъ навязавши къ мазу [38]) веревочекъ съ коклюшками, бѣгалъ по биліярдной, представляя, что это штандартъ. Все лагерь въ головѣ. За столъ мы сѣли, изъ постороннихъ только Салдернъ. Никита Иванычъ мало разговаривалъ. Послѣ обѣда учился у меня Великій Князь очень хорошо. Когда Ник. Иван. пришолъ, то въ вечеру ходили мы на карусель, тутъ дамы учились. — Пришедъ рѣзвился. Ужинать и спать. Я ѣздилъ отъ нево Брюсшу звать въ кумы у Дмитревскова съ нимъ. Онъ подписалъ севодня представленіе о Толѣ.

5. Всталъ въ осьмомъ часу. Принималъ въ презерватив по совѣту докторовъ слабительное. Одѣтъ былъ въ фракѣ. Не выходилъ никуда и не учился. Забовлялся, разставливая шашки и попрыгиваючи. Севодни были на комедіи, французская *Le dissipateur*, піеса *Somnambule*, балетъ съ зміей. Государыня изволила присутствовать.

6. Одѣвшись, учился. Потомъ въ церковь ходилъ крестить у Дмитревскова сына Петра съ графиней Прасковьей Александровной Брюсшой. Пришедъ къ себѣ порѣзвился. Сѣли за столъ. Обѣдалъ у насъ вицъ-полковникъ Валентинъ Пушкинъ, полковникъ князь Петръ Голицынъ, который севодня отъѣзжалъ въ Москву къ

[37]) Не описка ли это?

[38]) Мазъ у биліарда.

полку своему, Салдернъ и Петръ Иванычъ Панинъ. Послѣ обѣда не учился Его Высоч.-во, ѣздилъ за Государыней на охоту за Ямскую съ соколами и съ кречетами. Государыня въ конно-гвардейскомъ мундирѣ была и какъ выѣхали за Ямскую, то верхомъ изволила сѣсть, и мы всѣ верхомъ сѣли, а Его Высоч-во сѣлъ въ таратайку и тутъ же ѣздилъ. Съ нимъ сидѣли Никита Иванычъ, Салдернъ и графиня Брюсша. Назадъ пріѣхали мы въ исходѣ девятова. Ужинать и спать.

7. Проснулся въ седьмомъ часу. Въ девятомъ совсѣмъ готовъ былъ. Въ началѣ одинадцатаго поѣхали мы на иновгурацію Академіи Художествъ водою. Его Высоч-во въ шлюпку сѣлъ съ Государынею. Какъ подъ мостъ стали подъѣзжать, то на носу всю рѣзьбу обломали. Очень низко было. Наверху жь шли люди и кареты ѣхали. Его Высочество очень испугался. Въ Академіи великолѣпная церемонія. Назадъ поѣхали также водою, и Его Высоч-во сѣлъ съ Государынею. Пріѣхавши домой, сѣли мы за столъ. Обѣдалъ у насъ только г. Салдернъ. Послѣ обѣда часу въ пятомъ поѣхалъ Его Высоч-во въ Катерингофъ. Тамъ долго пѣшкомъ ходили, и Его Высоч-во попрыгивалъ. За домомъ къ водѣ скинулъ съ нево Никита Иванычъ шпагу, кафтанъ и кавалерію, и онъ бѣгалъ. Потомъ пошли, гдѣ лошади наши передъ дворцомъ стояли. У разнощика апельсины брали. Двое ихъ было. Цесаревичъ обоимъ пожаловалъ по червонному. Поѣхали назадъ верхами же. Переѣхавши Калинкинъ мостъ, видѣли въ окнѣ Мадонпса сумасшедшева. Останавливался Великій Князь, заставляли ево играть на скрыпкѣ; игралъ онъ, но не гораздо хорошо; видно, что недавнишняя ево композиція. Пріѣхавши ужинать и спать. Государыня сегоднишняго вечера изволила ѣздить по Невѣ водою.

8. Всталъ въ семь. Одѣвшись, твердилъ рѣчь для отвѣту академическому корпусу художествъ. Потомъ учился съ отцомъ Платономъ. Въ одинадцать часовъ пришелъ Бецкой и принесъ всѣ книги учрежденія академическаго, привелъ всѣхъ профессоровъ и всѣхъ чиновныхъ въ Академіи Художествъ; говорилъ самъ Его Высочеству краткую рѣчь, благодарственную, что Его Высочество похотѣлъ у нихъ быть сочленомъ. По окончаніи рѣчи отвѣтствовалъ Его Высочество своею рѣчью, а секретарь Академіи поднесъ потомъ Его Высочеству жетонъ, который у меня и хранится. Сѣли за столъ. Изъ посторонныхъ Талызинъ и Платонъ только обѣдали. Въ обѣдъ пришелъ Сумароковъ и сѣлъ. Говорилъ много о своей обидѣ. Послѣ обѣда учился Его Высочество. Потомъ пошли въ садъ и ходили по большому и по среднему садамъ. Тамъ ужинать и спать. Государыня сегодня на охоту съ соколами изволила ѣздить.

9. Всталъ въ семь часовъ. За чаемъ шутилъ со мною кое о чемъ. Все я примѣчаю, что онъ *plus dissipé* [39]). За убираньемъ волосовъ считалъ, сколько онъ верстъ на своемъ вѣку переѣздилъ. Потомъ заупрямился нѣсколько. Поморализировалъ я, что̀ не весьма было пріятно. Одѣвшись учился. Потомъ въ биліардъ. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ обѣдали у насъ только Талызинъ и Салдернъ. Говорили о здѣшнихъ воспитательныхъ училищахъ. Послѣ обѣда поѣхали мы водою на Каменный Островъ. Его Высочество и мы, въ баржѣ, ку-

---

[39]) Болѣе разсѣянъ.

да прежде лошади были переправлены. Верхомъ тамъ ѣздили и все осматривали. Оттуда водою жъ поѣхали. На Малой Невкѣ рыбаки рыбу ловили, тянули тоню. Пристали мы и велѣли тянуть тоню; на счастье Его Высочества вытянули они большую лосось. Цесаревичъ пожаловалъ имъ имперіалъ. Пріѣхавши домой, сѣли мы ужинать и потомъ спать.

10. Воскресенье. Всталъ въ осьмомъ. Одѣвшись, съ отцомъ Платономъ. Въ церковь. Къ себѣ. Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ приходилъ прощаться. Въ бытность въ Красномъ Селѣ пожалованъ онъ на мѣсто покойнаго Куракина въ Москву сенаторомъ и камеръ-коллегіи президентомъ. Потомъ полковникъ Каменскій представлялъ своего полку капитановъ, чтобъ доказать что они всѣ ребята изрядные; а онъ на сихъ дняхъ выговаривалъ, будто оные очень плохи. Сѣли за столъ. Великій Князь съ крайнимъ удовольствіемъ кушалъ вчерашнюю лосось. Обѣдали у насъ молодой Минихъ, вицеканцлеръ, Тепловъ и Салдернъ. Говорили, какъ покойный государь въ Парижѣ былъ. О Биронѣ, о Бутурлинѣ и прочіе анекдоты; также анекдоты царства Анны Іоанновны, кои и послѣ стола продолжались. Шуты на яицахъ сидѣли, куры Богу молились въ образной. Тиранства ея правленія. Потомъ рѣзвился Великій Князь въ биліардной. Въ вечеру на куртагъ. Государыня въ пикетъ. Великій Князь разговаривалъ по большой части въ диванной съ Петромъ Салтыковымъ. Передъ куртагомъ представлялъ графъ Чернышевъ Его Высочеству пріѣхавшихъ изъ вояжа четырехъ нашихъ морскихъ офицеровъ, коихъ Его Высочество на куртагѣ представлялъ Государынѣ. Въ десятомъ часу куртагъ кончился. Пришедъ къ себѣ играли мы въ биліардной. Потомъ ужинать и спать.

11. Всталъ въ семь. Одѣвшись учился. Потомъ въ биліардъ, и шашки какъ куклы разстанавливалъ. Sehr kindish и dissipé [40]). Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ отецъ Платонъ и гр. Андрей Алексѣичъ Бестужевъ. Послѣ обѣда рѣзвился В. Кн., со штандартомъ бѣгалъ (къ поясу привязалъ коклюшки). Учился у меня изрядно. Пришолъ Никита Ив. Пошли къ Государынѣ. Оттуда за Ея Величествомъ на карусель. Тамъ ѣздили дамы и потомъ мущины. Государыня въ мужскомъ платьѣ, мундиръ пѣхотной гвардіи гродетуровой. Государыня изволила ѣздить, такъ какъ шефъ Славянской кадрили. Только платья ни у кого еще не было, потому что это только пробы. Гр. Григорій Григорьичъ былъ тутъ же въ колясочкѣ. Уже болѣе недѣли, какъ онъ въ ней всюду по дворцу и по садамъ разъѣзжаетъ. Ушибъ онъ себѣ ногу, скакавши въ маленькомъ саду черезъ канапе. Часу въ десятомъ все кончилось. Лучше всѣхъ ѣздили, какъ мнѣ показалось, гр. Алексѣй Григ. Орловъ и кн. Иванъ Шаховской, лейбъ-кирасирскаго полку подполковникъ, что со мной были въ корпусѣ. Пришедъ домой, побранилъ Никита Ив. гораздо Великаго Князя за его бѣшенство и кривлянье. Все головою внизъ мотаетъ. Отужинавши, положили мы его почивать. Былъ десятой въ половинѣ.

12. Всталъ въ семь часовъ. Учился. На биліардѣ. Обѣдали у насъ графъ Захаръ Григ. и Салдернъ. Говорили по большой части про агременты [41]) жизни въ чужихъ краяхъ, про загородной дворъ графа Зах. Гр. и проч.

---

40) Очень ребячливъ и разсѣянъ.

41) Пріятности.

Послѣ обѣда переодѣлся В. Кн. въ свой кирасирской вицъ-мундиръ. Учился. Поѣхали верхомъ гулять въ Катерингофъ. Не доѣзжая туды, увидѣли Захара и Ивана Григоричей въ строющемся домѣ. Тутъ сошли съ лошадей. Ходили по двору и смотрѣли, какъ землю возили. Пошелъ дождичекъ. Сѣли мы въ кареты и поѣхали домой. Ужинать и спать.

*

Далѣе за тѣмъ 13 Іюля и послѣдующіе дни уже имѣются въ печатномъ изданіи Записокъ Порошина 1844 года.

Никита Ивановичъ Панинъ, оберъ-гофмейстеръ, главный воспитатель и такъ сказать, опекунъ одинадцатилѣтняго Великаго Князя, прослышавъ о Запискахъ Порошина, взялъ у него просмотрѣть ихъ и не возвратилъ. При всемъ простосердечіи своемъ, Порошинъ почуялъ бѣду. «Отъ его превосходительства поднесенныхъ ему тетрадей моихъ Записокъ не получилъ я еще, и никакого объ нихъ мнѣнія, ни худаго, ни добраго не слыхалъ отъ его превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ продолженіе сего журналу становится мнѣ скучнымъ и тягостнымъ. Если онѣ не перемѣнятся, то принужденъ буду его покинуть», пишетъ онъ 28 Декабря 1765 года.

Порошину было въ это время всего 24 года. Сибирякъ по рожденію, воспитанникъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, честною душею и открытымъ сердцемъ преданный наукамъ и своей должности, одушевленный возвышенными помыслами о благѣ отечества и своего возлюбленнаго питомца, въ добавокъ занимавшійся стихотворствомъ,—онъ не имѣлъ и не успѣлъ пріобрѣсти опытности житейской. Не нашлось человѣка, который бы шепнулъ этому достойному юношѣ, что избытокъ усердія можетъ повести иногда къ послѣдствіямъ пагубнымъ. Онъ не чаялъ души въ своемъ Великомъ Князѣ, и не задумывался показывать свои Записки о немъ не только ближайшимъ пріятелямъ, но и «нѣкоторымъ изъ любопытныхъ купцовъ (вѣроятно пріѣзжимъ Сибирякамъ) особливо такія въ нихъ мѣста, кои о Его Высочествѣ могутъ подать высокое мнѣніе» (Р. Вѣстн. 1866, книга 8-я, стр. 429). Порошинъ не сообразилъ, что эта откровенность могла быть крайне непріятна не только начальнику его Панину, но и всѣмъ приближеннымъ Великаго Князя, на взглядъ которыхъ таковое ежедневное записываніе всего случавшагося, всякаго разговора и мелочнаго случая могло казаться нѣкотораго рода соглядатайствомъ. Въ усердіи своемъ Порошинъ забывалъ, что особеннымъ, едва ли не безпримѣрнымъ въ исторіи политическимъ положеніемъ Великаго Князя предписывалась крайняя осторожность во всей его общественной обстановкѣ. Панинъ потребовалъ у Порошина его Записокъ вѣроятно по приказанію самой Государыни; ибо не можетъ быть, чтобы Екатерина, недреманное око которой проникало повсюду, и которая такъ хорошо знала силу печатнаго, письменнаго и устнаго слова, не провѣдала о непрошенномъ придворномъ лѣтописцѣ. Порошинъ былъ увѣренъ, что Государыня не знаетъ о существованіи его Записокъ; а она между тѣмъ не только знала, а кажется, даже и намекала о томъ Порошину. Въ день Рождества Христова 1765 года (когда тетради Записокъ уже были у Панина) «Государыня изволила говорить, что уже мѣсяцъ тому назадъ, какъ Государь Цесаревичъ давалъ знать Ея Величе-

ству, что прошлаго году о Рождествѣ въ первый день ввечеру были у Ея Величества святошныя игры, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы и нынѣ тоже сдѣлать, и для того изволила усмѣхаючись говорить Великому Князю, чтобъ онъ послѣ обѣда кафтанъ изволилъ надѣть полегче, и былъ ввечеру къ Ея Величеству на игрище. При томъ изволила Государыня сказать Великому Князю: *Конечно этотъ день у васъ въ календарь записанъ, также и тотъ, какъ мы въ послѣдній разъ у Сиверса были»* (тамъ катались на салазкахъ). Порошинъ былъ тутъ и слышалъ эти слова, по всему вѣроятію для него и сказанныя.

Дальнѣйшихъ объясненій, кажется, не было. Друзья убѣждали Порошина не оставлять Записокъ; онъ продолжалъ ихъ, но уже изрѣдка. Между тѣмъ товарищи его-Нѣмцы (которымъ давно онъ приходился со̀лонъ, завладѣвая исключительно довѣріемъ и послушаніемъ Великаго Князя) воспользовались неловкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился относительно Панина. Порошинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которыхъ сто̀итъ только разъ поставить въ замѣшательство, сбить что̀ называется съ толку, чтобы они сами подали на себя врагамъ своимъ орудіе какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ или поступкомъ. Панинъ (хотя ему тогда было уже 47 лѣтъ) не утратилъ еще намѣренія жениться и имѣлъ въ виду богатѣйшую въ Россіи невѣсту, старшую дочь графа Шереметева, фрейльну графиню Анну Петровну (впослѣдствіи она и была невѣстою Панина, но не успѣла выдти за мужъ, скончавшись отъ оспы въ 1768 г.) Ей-то несчастный Порошинъ оказалъ какую-то невѣжливость, какъ сообщаетъ Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ своимъ родителямъ въ Москву (Соч. Фонъ-Визина, изд. 1866, стр. 386), что̀ и послужило предлогомъ къ удаленію его отъ двора. Такъ какъ онъ состоялъ въ военной службѣ, то его перечислили въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, находившійся въ Малороссіи, въ городѣ Ахтыркѣ. Тщетно обращался онъ къ заступничеству графа Григорія Орлова. Ему велѣно немедлено ѣхать въ полкъ. Въ день отъѣзда изъ Петербурга, 15 Апрѣля 1766 года, онъ написалъ гр. Орлову слѣдующее письмо, черновой подлинникъ котораго передалъ намъ С. Н. Амбразанцевымъ:

Собственноручное черновое письмо С. А. Порошина къ графу Г. Г. Орлову.

„Къ гр. Григорью Григорьевичу.

Милостивый Государь. Хотя по великодушному и милостивому Вашего Сіятельства за меня заступленію желаемаго нынѣ и не послѣдовало; но благодарность моя за Ваши ко мнѣ благодѣянія столь-же велика, какъ бы я и получилъ все, о чемъ Ваше Сіятельство предстательствовали. Я болѣе утруждать Ея Императорское Величество уже не осмѣливаюсь. Конечно я прежними повторительными за меня великодушныхъ людей прошеніями, къ крайнему моему соболѣзнованію и отягченію, еще большій гнѣвъ на себя обратилъ. Я Вамъ, милостивой государь, чистосердечно признаюся и клянуся Вашему Сіятельству Сердцевѣдцемъ Богомъ и честію, что кромѣ моего проступка, о коемъ Ваше Сіятельство вѣдать изволите, ни малѣйшаго преступленія за собой не знаю; а видно, что по какимъ либо внушеніемъ донесено Ея Величеству что нибудь бо̀льшее. Мнѣ болѣе теперь не остается, какъ сносить въ терпѣ-

ніи свою судьбину, чтобъ оная хотя со временемъ перемѣнилася, чтобъ я былъ въ прежнемъ своемъ состояніи или по крайней мѣрѣ въ такомъ, въ коемъ бы больше былъ доволенъ и которое бы желаніямъ и намѣреніямъ моимъ, извѣстнымъ Вашему Сіятельству, болѣе соотвѣтствовало. Во всемъ томъ, милостивой государь, кромѣ Васъ никакой надежды не имѣю. Вы великодушнымъ своимъ предстательствомъ, хотя нѣсколько времени спустя, доставить можете возмущенному моему духу спокойство. Не предайте меня, милостив. государь, забвенію: умножишася паче власъ главы моея ненавидящіи мя туне. Пріидохъ во глубины морскія, и буря потопи мя. Отъ Вашего Сіятельства руки ожидаю себѣ единыя помощи. Я по особливому повелѣнію долженъ сегодня ѣхать неотмѣнно. И такъ теперь ѣду, увозя въ сердцѣ своемъ наичувствительнѣйшую къ Вамъ благодарность за Ваши ко мнѣ отеческія милости. Пребываю по гробъ съ отличнымъ почтеніемъ и чистосердечною преданностью и пр.

15 Апр.
1766 году."

*

Въ проѣздъ черезъ Москву, Порошинъ нашелъ случай переслать графу Орлову другое, чрезвычайно замѣчательное, письмо отъ 3 Мая 1766 года, которое уже напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1867, стр. 192—196, и въ которомъ онъ краснорѣчиво, но безуспѣшно излагаетъ свою невинность, будучи все еще убѣжденъ, что его погубили завистливые Нѣмцы-товарищи, и не сознавая настоящей причины своего несчастія. Нынѣ, черезъ сто слишкомъ лѣтъ, можно сказать, что то было несчастіемъ и для его царственнаго питомца, который въ Порошинѣ лишенъ былъ образцоваго наставника.

Дальнѣйшая судьба Порошина мало извѣстна. По свидѣтельству издателя его Записокъ и вѣроятно благодаря заступничеству графа Орлова, черезъ два года полевой службы, онъ сдѣланъ былъ командиромъ Старооскольскаго полка. Конечно, не красна была его обстановка въ Малороссійскихъ степяхъ послѣ разнообразія и высокаго интереса Петербургской дѣятельности. Началась Турецкая война 1769 года, и Старооскольскій полкъ выступилъ въ походъ. Графъ Румянцевъ, зная приверженность Порошина къ Павлу Петровичу, принялъ его подъ свое покровительство. Но вотъ пронесся слухъ, что, вмѣсто Румянцева, главноначальствующимъ будетъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, тотъ самый Панинъ, который четыре года такъ дружелюбно разъѣзжалъ съ Порошинымъ по Красносельскому лагерю. Это такъ поразило Порошина, что случайная болѣзнь его перешла въ смертельную. Онъ скончался 12 Сент. 1769 г. и похороненъ въ Елизаветградской крѣпости.

Можетъ быть, императоръ Павелъ вспомнилъ Порошина, начертывая слѣдующую записку его родственнику.

Собственноручная Записка Императора Павла къ ген.-лейт. Амбразанцову.

„Гатчина. Октября 1, 1799.

Зная усердіе ваше, назначаю васъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардіи артиллерійскаго батальона. Вашъ же получаетъ Г. М. Коробьинъ. Пріѣзжайте сюда. Вашъ благосклонный Павелъ."

Вложено въ маленькій конвертъ съ надписью другою рукою: «Господину Генералу-Лейтенанту Амбразанцову,

въ Казань.» Тутъ же приписано третьею рукою (кажется графа Ростопчина): «Пріѣхать прямо въ Гатчино, не заѣзжая въ Петербургъ.»

*

Кромѣ вышеприведеннаго, въ бумагахъ Порошина, открытыхъ С. Н. Амбразанцевымъ, сохранились еще слѣдующія.

Словесныя упражненія Великаго Князя Павла Петровича.

(Собственноручная его тетрадь, сохранившаяся въ бумагахъ Порошина.)

1.

Se rendre tellement maître de sa langue et de son visage, qu'ils ne trahissent jamais les secrets du coeur, est un art qu'il ne faut pas ignorer. *Paul.*

Ce 8 Avril 1763.

Овладѣть своею рѣчью и выраженіемъ лица своего, такъ чтобы они никогда не выдавали таинъ сердца— есть искусство, коимъ не слѣдуетъ пренебрегать. Павелъ.

8 Апрѣля 1763.

2.

La gloire d'un Roi est la prospérité de ses peuples: son pouvoir et son autorité resident dans les coeurs de ses sujets. *Paul.*

Ce 18 Septembre 1763

Слава Государя есть благоденствіе его народовъ: его сила и значеніе утверждаются на сердцахъ его подданныхъ. Павелъ.

18 Сентября 1763.

3.

Soyés juste et impartial, et agissés avec les hommes comme vous voudriés qu'ils fissent avec Vous. La meilleure défense d'un Prince est sa bonté et sa vertu. *Paul.*

Ce 25 Septembre 1763.

Будьте справедливы и безпристрастны, и поступайте съ людьми такъ, какъ хотите, чтобъ они съ Вами поступали. Лучшая оборона Государю есть его доброта и доблесть. Павелъ.

25 Сентября 1763.

4.

Celui qui néglige sa réputation est bien disposé à compter pour peu la vertu. Il ne faut jamais chagriner personne. *Paul.*

Ce XX Octobre MDCCLXIII.

Кто небрежетъ о томъ, какая про него молва, тотъ склоненъ пренебрегать добродѣтелью. Не слѣдуетъ никогда огорчать кого либо. Павелъ.

20 Октября 1763.

*

Изъ Записокъ Порошина извѣстно, что иногда о состояніи Великаго Князя составлялись особенныя Вѣдомости, которыя даже и печатались и были ему показываемы. Такихъ печатныхъ Вѣдомостей намъ не случалось нигдѣ видѣть; но въ бумагахъ его воспитателя сохранилися слѣдующіе рукописные листки подобнаго содержанія.

ВѢДОМОСТИ О ВЕЛИКОМЪ КНЯЗѢ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ.

I.

Письмо г-на Правомыслова, отставнаго капитана, изъ С. Петербурга отъ Марта 1760 года къ г-ну Люборусову, отставному капитану въ Москвѣ.

Конечно, другъ мой, опечалились вы прежнимъ моимъ письмомъ о Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ. И подлинно было чему намъ тогда печалиться, слыша, что правнукъ Петра Великаго ведетъ себя не ..... (*) Ахъ! не токмо языкъ мой не можетъ выговорить, но и мыслить ужасаюсь, столько то было для насъ печально.

Но теперь я васъ друга моего обрадую: Его Высочество сталъ съ нѣкотораго времени отмѣнять свой нравъ: учится хотя не долго, но охотно; не изволитъ отказывать, когда ему о томъ напоминаютъ; когда же у него временемъ охоты нѣтъ учиться, то Его Высочество нынѣ очень учтиво изволитъ говорить такими словами: *Пожалуйте погодите* или *пожалуйте до*

(*) Пропускъ въ подлинникѣ.

завтра, не такъ какъ прежде бывало, вспыхнетъ и головушкою закинувъ съ досадою и съ сердцемъ отвѣчать изволитъ: *вотъ ужь, нелегкая*! Какія то̀ неприличныя слова въ устахъ Великаго Князя Россійскаго!

Вы знаете, кто мнѣ всѣ сіи вѣсти приноситъ; тѣ же гранадеры лейбъ-компаніи и гранадеры гвардіи: имъ можно самимъ слышать, для того что лейбъ-компаніи стоятъ на бекетѣ у самыхъ дверей почивальни, а подъ окномъ почивальни жь ставятъ часоваго изъ гвардіи гранадеръ.

Кромѣ того нельзя ничему утаиться, что̀ бъ Его Высочество ни сдѣлалъ; можно смѣло сказать, что за поступками Его Высочества столько шпіоновъ, сколько людей въ Петербургѣ: всѣ стараются всякими образы вѣдать, что̀ Великій Князь дѣлаетъ, чтобъ по тому разсуждать могли, какого онъ нрава.

Я вамъ объявилъ нѣсколько, какъ можно разными образы свѣдать, что̀ Его Высочество изволитъ дѣлать. Напримѣръ, я, какъ вамъ сказалъ, вѣдаю отъ лейбъ-компаніи и гвардіи гранадеръ; другой отъ истопника; иной отъ повареннаго мальчика; а иной примѣтитъ по лицу комнатныхъ Его Высочества и тѣхъ, которые повседневно при немъ бываютъ: а именно, когда Великій Князь себя хорошо ведетъ, тогда они веселы и сами стараются о томъ разсказывать всѣмъ людямъ; когдаже не такъ идетъ, какъ надобно, тогда они печальны, и лица ихъ такъ пасмурны, какъ осенняя погода.

Дни съ три тому назадъ примѣтили, слава Богу, что всѣ комнатные Великаго Князя веселы стали. Мнѣ о томъ тотчасъ дали знать на Приморской дворъ, куда я ѣздилъ прокатываться съ пріятелями. Можете себѣ представить, сколь жадно мнѣ хотѣлось вѣдать, что̀ было причиною веселости комнатныхъ Его Высочества. Подумайте, гдѣ и отъ кого я то свѣдалъ? Прежде пріѣзда моего въ Петербургъ у Матисовой деревни отъ Красносельскаго крестьянина. Тутъ опустился у нашей кареты пасъ. Мы принуждены были вытить изъ кареты, а тѣмъ временемъ наѣхалъ на насъ оной крестьянинъ, возвращаясь изъ Петербурга, куда онъ на придворную поварню отвозилъ уголья. Какъ людей у насъ было немного, то я попросилъ крестьянина, чтобъ намъ пособилъ хотя бы лошадей подержать. Онъ безъ всякихъ отговорокъ, выскоча изъ саней, сказалъ мнѣ обыкновенною крестьянскою своею рѣчью: *Заразъ, доброй господинъ.* Между тѣмъ какъ онъ лошадей держалъ, а люди подымали насъ, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, спрашивалъ у него откуда онъ и за чѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ крестьянинъ изъ Краснаго Села, возилъ уголья на дворцовую поварню и ѣдетъ назадъ домой. Видя, что крестьянинъ мужикъ веселый, не плутъ и отвѣчалъ порядочно, спросилъ я у него еще, не слыхалъ ли онъ какихъ новыхъ вѣстей? *Какъ батюшка не слыхать*! (отвѣчалъ мнѣ съ веселымъ лицемъ) *Павелъ Петровичъ уже по толка̀мъ читаетъ и пишетъ. Еще баютъ, что будетъ разуменъ какъ Петръ Алексѣевичъ*, *уже теперь понимаетъ все.*

Знаете ли, мой другъ, отъ кого онъ все сіе слышалъ? Отъ повареннаго мальчика, которому сказалъ обойщикъ или портной работникъ, а сей самъ все слышалъ въ комнатѣ Великаго Князя, будучи туда призванъ зашивать сукно на полу. Я съ радости хотѣлъ было обнять и разцѣловать крестьянина, далъ ему рубль за доб-

рыя вѣсти и приказалъ ему, чтобъ о томъ всему своему селу разсказалъ. Я теперь увѣренъ, что сіи вѣсти скоро до Риги, оттуда въ Пруссію, а изъ Пруссіи далѣе въ чужіе края дойдутъ, потому что Красное Село лежитъ на большой дорогѣ къ Ригѣ.

Я прошу такъ же и васъ, моего друга, къ пріятелямъ нашимъ въ городахъ о томъ отписать, чтобъ и они съ нами порадовались. А я, впредь что̀ будетъ, о всемъ порядочно буду васъ увѣдомлять.

II.

Изъ Санктъ Петербурга въ 7 день Октября 1760 года.

Къ совершенной радости нашей Его Императорское Высочество Государь Великій Князь, слава Богу, совсѣмъ выздоровѣлъ отъ приключившагося ему припадка. Сему скорому облегченію не мало помогло стараніе господина оберъ гофъ-мейстера, такъ же и послушаніе, которое Его Высочество во время своей болѣзни изволилъ ему во всемъ оказывать, особливо въ кушаньи и въ принимaніи лекарствъ. Больше всего надобно удивляться, а притомъ радоваться тому, что Его Высочество дѣлалъ оное не съ принужденія, но по разсудку, когда представлено было, что̀ для здоровья его то необходимо нужно было, хотя иногда лекарства ему и очень претительны были.

Во время болѣзни науками Его Высочество не утруждали; потому думали, что Его Высочество или нѣсколько запамятуетъ, что̀ уже изволилъ выучить, или по меньшей мѣрѣ неохотно за ученье опять примется. Напротивъ того, къ неизреченному удовольствію нашему, Великій Князь ни мало ничего не запамятовалъ, и вчера началъ продолжать ученіе свое съ охотою; оное примѣчено потому, что въ первые вечера̀ дѣланы были ему вопросы въ Географіи по глобусу: Его Высочество на ономъ показывалъ безъ остановки, правильно и изрядно все, что̀ онъ до сихъ поръ зналъ по однимъ только картамъ; все сіе насъ несказанно веселитъ, особливо разумныя разсужденія Государя Великаго Князя, какъ самъ нынѣ удовольствіе находитъ, когда что знаетъ.

ПИСЬМА ПОРОШИНА КЪ АКАДЕМИКУ МИЛЛЕРУ.

1

Милостивый Государь,

Поселившаяся въ домѣ вашемъ воспа, принуждаетъ меня теперь противъ моей воли сдѣлаться неучтивымъ, и послать переписанное по повелѣнію вашему письмо съ человѣкомъ, да и въ прочемъ возбраняетъ на нѣкоторое время входъ въ домъ вашъ, что̀ всегда почитаю за важную часть моего счастія. Но что касается до перваго, то вѣдая, что положенная о воспѣ заповѣдь вамъ довольно извѣстна, думаю, что сія моя неучтивость отъ васъ мнѣ милостиво упущена будетъ, а помышляя о послѣднемъ, льщу себя пріятною надеждою дождаться паки радостныхъ тѣхъ дней, увѣряя васъ при томъ, что я всегда пребуду съ почтеніемъ вашъ, Милостиваго Государя, покорнѣйшій слуга Семенъ Порошинъ.

$17\frac{IX}{18}55$.

2.

Monsieur,

Je vous prie très humblement, de m'envoyer par le porteur de ce billet quelque dictionnaire de mythologie, Alle-

mand ou François. Je vous le rendrai au bout de quelques jours avec beaucoup de reconnoissance. Quant aux mémoires geographiques, que je tiens de vous, je vous les presenterai moi-même dès que je serai en état de sortir: l'indisposition, où je me trouve presentement, m'oblige à garder la chambre.

Je suis avec un attachement le plus respectueux, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur S. Porochin.

26 Octob.
1759.

М. Г. Покорнѣйше прошу васъ прислать мнѣ съ подателемъ сей записки какой либо миѳологическій лексиконъ, нѣмецкій или французскій. Съ великою благодарностью возвращу вамъ его черезъ нѣсколько дней. Что касается до географическихъ записокъ, которыя взяты у васъ мною, то я представлю ихъ лично, какъ только мнѣ можно будетъ выдти изъ дому: въ настоящее время я не такъ здоровъ и долженъ оставаться въ своей комнатѣ. Съ почтительною преданностью есмь и пр. 26 Окт. 1759.

3.

Monsieur,

Il y a un livre, intitulé: *Histoire de la maison de Stuart*, qui vous est certainement connu. Je suis presentement dans le cas, qu'il faut necessairement que je l'aye pour quelques jours. Si vous l'avez dans votre bibliothèque, ou que vous le pouvez procurer de quelqu'un de vos amis, faites moi, Monsieur! je vous prie très humblement, ce plaisir infini et envoyez moi ce livre-là par le porteur de ce billet. Je n'ai pu le trouver dans la librairie de l'Academie. Il ne me reste donc de moyen dans cette occasion, que de m'adresser à vous. Je vous le rendrai la semaine prochaine avec une reconnoissance, proportionnée au besoin que j'en ai: et ce besoin est extrême et pressant.

Je suis avec un attachement le plus respectueux, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur S. Poroschin.

le 2 Novembre 1761.

Есть книга, которую вы конечно знаете, подъ заглавіемъ: *Исторія дома Стюартовъ*. Въ настоящемъ случаѣ мнѣ необходимо имѣть ее на нѣсколько дней. Если она имѣется въ вашей библіотекѣ или вы можете достать ее отъ кого либо изъ вашихъ друзей, покорнѣйше прошу васъ, м. г., окажите мнѣ безконечное удовольствіе и пришлите эту книгу съ подателемъ этой записки. Я не могъ найти ее въ академической книжной лавкѣ, и мнѣ не остается другаго средства какъ обратиться за нею къ вамъ. Возвращу вамъ ее на той недѣли съ благодарностью, соотвѣтственною той нуждѣ, каковую имѣю въ этой книгѣ: а нужда эта настоятельна и чрезвычайна. Съ почтительною преданностью и пр. 2 Ноября 1761.

4.

Monsieur,

C'est justement *m. Hume*, qui est l'auteur du livre en question. Je vous répéte encore ma très humble prière, de me le procurer pour quelques jours, s'il est possible, et de me le faire tenir par le porteur de ce billet. Vous obligerez infiniment, Monsieur, votre très avoué et très obéissant serviteur S. Poroschin.

le 3 Novembre 1761.

М. г. Сочинитель книги, о которой идетъ рѣчь, есть навѣрное г. *Гюмъ*. Повторяю вамъ покорную мою просьбу достать мнѣ ее на нѣсколько дней, если возможно, и прислать съ подателемъ этой записки. Безконечно одолжите, м. г., вашего преданнаго и покорнѣйшаго слугу. 3 Ноября 1761.

Подлинники находятся въ письмахъ къ проф. Миллеру отъ разныхъ особъ. № 546, Портфель 8-я, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и сообщены княземъ М. А. Оболенскимъ.

БУМАГИ ЛАГАРПА, (*)

хранящіяся въ публичной библіотекѣ въ Лозаннѣ.

30 Марта 1838 года скончался въ Лозаннѣ Лагарпъ (Fréderic César de La Harpe) бывшій воспитатель и наставникъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Онъ оставилъ по духовному завѣщанію часть своихъ бумагъ публичной библіотекѣ города Лозанны, между тѣмъ какъ другая, и вѣроятно бо́льшая, часть этихъ бумагъ, препровождена была, какъ говорятъ, въ Петербургъ.

Всѣ бумаги Лозанскія переплетены и составляютъ одинадцать томовъ разнаго формата. На каждомъ изъ нихъ стоитъ имя Лагарпа: *F. C. de la Harpe*, съ заглавіемъ полнаго содержанія всей книги. Всѣ эти книги, писанныя рукою самого Лагарпа, состоятъ изъ выписокъ, подготовительныхъ записокъ для уроковъ великихъ князей и изъ разныхъ примѣчаній, между которыми сохранилось нѣсколько неизданныхъ еще писемъ Лагарпа къ императору Александру Павловичу въ 1815 году.

Вотъ заглавія этихъ одинадцати томовъ:

1. Débris et brouillons de notes historiques destinées pour les grands ducs de Russie.
2. Notes historiques, depuis les plus anciens temps jusqu'à l'invasion des Mogols.
3. Extraits relatifs à l'histoire d'Allemagne depuis l'an 1024.
4. Extraits relatifs à l'histoire d'Italie depuis l'an 455.
5. Extraits de thèmes destinés à servir de base aux leçons d'histoire.
6. Histoire de la migration des peuples. Extraits de Thunmann sur les peuples orientaux. Notes sur l'Empire des Mogols. Notes historiques sur la Grèce.
7. Extrait de grammaire universelle de Court de Gibélin. Notes sur la grammaire grecque de Matthaei.
8. Extrait des mémoires de Thielke sur la fortification.
9. Extraits de thèmes.
10. Extraits d'une histoire romaine dictée au grand duc Alexandre. Notes sur l'histoire grecque.
11. Notes astronomiques. Extrait de l'ouvrage de Rusch sur les banques. Notes statistiques sur le commerce de St. Péterbourg.

Перелистывая эти бумаги Лагарпа, можно получить вѣрное и ясное понятіе какъ о способѣ воспитанія, который былъ принятъ Лагарпомъ, такъ и о личномъ его воззрѣніи на исторію. Хотя эти черновыя записки составляютъ подготовительныя работы самого наставника къ урокамъ, и даже не назначались, по видимому, для передачи въ руки великимъ князьямъ, но все таки изложеніе ихъ довольно окончено и даже довольно обработано. Историческіе факты не отмѣчены бѣгло какъ на запискахъ для памяти, а напротивъ того описаны во всей подробности, такъ что вѣроятно Лагарпъ по этимъ тетрадямъ прямо читалъ или диктовалъ великимъ князьямъ, предоставляя себѣ только незначительныя поясненія или пополненія. Такому способу преподаванія служатъ еще доказательствомъ и самыя вышеприведенныя заглавія этихъ записокъ.

Что касается собственно до пониманія исторической науки, то Лагарпъ, хотя и руководствуется часто сочиненіемъ Гиббона, но при изложеніи историческихъ событій совершенно упускаетъ изъ виду философскую ихъ критику и обращаетъ вниманіе только на нравственную сторону, такъ что его преподаваніе исторіи получаетъ видъ курса нравственности, самой чистой и самой возвышен-

(*) Сл. въ Русскомъ Архивѣ 1867, стр. 75—94, статью «Лагарпъ въ Россіи».

ной, основанной на исторических фактахъ. Послѣ описанія каждаго событія, Лагарпъ отмѣчаетъ, какое нравственное заключеніе можетъ быть изъ него выведено, постоянно примѣняя его къ положенію, къ которому назначенъ его воспитанникъ.

При такомъ воззрѣніи на исторію, на этихъ нравственныхъ выводахъ изъ событій отразились личныя убѣжденія Лагарпа, которыми онъ руководствовался и въ политической свои дѣятельности. Какъ уроженецъ Швейцаріи, онъ въ особенности живо сочувствовалъ Греческой и Римской исторіи и въ запискахъ по этой части положилъ яркій отпечатокъ своихъ чувствъ. Восхваляя свободу и гражданскія учрежденія республики, онъ защищаетъ противъ всякаго обвиненія тѣхъ, которые стояли за неприкосновенность Римской свободы. Отъ того онъ огораживаетъ поступки Силлы, и нападаетъ на дѣйствія Кесаря и Августа. Все воззрѣніе Лагарпа на этотъ періодъ Римской исторіи какъ бы сосредоточивается въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Aucune creature vivante ne sup«porte, sans se déffendre, les maux qu'on «lui fait. L'abeille pique la main qui la «presse, la fourmie pince le talon qui l'é«crase; pourquoi donc un homme aurait-il «seul le droit de blesser un autre ou de «lui faire du tort, sans que cet autre eût le «droit de se défendre? Il y a de la faibles«se, sans doute, à se plaindre pour des «bagatelles, mais lorsque les maux sont «intolérables, lorsque tous les moyens de «s'y soustraire ont manqué, les hommes «ne prennent plus conseil que de leur dés«espoir, dont les suites sont toujours incal«culables.»

Далѣе, изобразивъ достоинства Силлы какъ гражданина и какъ диктатора, Лагарпъ упрекаетъ его за нападеніе на республику, потому что этимъ онъ далъ дурной примѣръ соотечественникамъ и потомству, и закончиваетъ свою мысль словами: «Or, Monseigneur, tout homme, «quelqu'il soit, est responsable des suites «de bon ou mauvais exemple qu'il donne; «plus il est élevé, plus il est en vue, plus «aussi il doit éviter d'en donner un qui «lui attire (le blame des hommes honnêtes) «les reproches des gens de bien.» Видно, Лагарпъ остановился на этой мысли, потому что переправилъ даже выраженіе первоначальной фразы.

Еще одинъ примѣръ, и достаточно ясно будетъ обозначенъ способъ Лагарпа выводить нравственное заключеніе изъ каждаго историческаго происшествія.

По поводу избранія молодаго Сципіона въ полководцы, онъ замѣчаетъ: «que «Scipion n'avait que 24 ans et qu'on avait «violé les lois en le nommant; or, Mon«seigneur, les lois sont respectées dans les «républiques plus qu'ailleurs, et personne «n'ose les violer impunément, parcequ'elles «sont faites pour tous et ne dispensent per«sonne.»

Между этими записками Лагарпа, именно въ одинадцатомъ томѣ, сохранились два черновыя письма, писанныя къ Александру Павловичу въ 1815 году. Хотя они представляютъ намъ только отрывокъ переписки, существовавшей между Лагарпомъ и Государемъ, но весьма любопытны какъ доказательство откровенности бывшаго наставника къ своему воспитаннику, и искренности его чувствъ не только къ Государю, но также и къ Россіи. Судя по десятидневному сроку между обоими письмами, можно предполагать, что переписка велась довольно часто, въ особенности, если припомнимъ то уваженіе, которое Александръ Павловичъ выказывалъ Лагарпу. Всѣмъ извѣстно, что въ 1814 году Государь навѣстилъ Лагарпа на его дачѣ Plessis-Piquet, и взялъ его съ собою на Вѣнскій конгрессъ, послѣ котораго Лагарпъ окончательно поселился въ Лозаннѣ.

Передавая здѣсь эти два черновыя письма Лагарпа, я отмѣчаю всѣ провѣренныя въ нихъ мѣста, всѣ поправки и измѣненія, находящіяся въ подлинникѣ. Вычеркнутыя фразы и слова отмѣчены скобками, а приписки на поляхъ обозначены звѣздочкою, *

1.

Sire,

Agreez encore ces 2 extraits [1]) avec mes voeux de nouvelle année. Je sçais bien que Votre Majesté Impériale n'a pas le tems de lire ces paperasses dans ce moment, je la prie seulement de vouloir les garder pour celui où elle en aura davantage (mais ce tems arrivera et c'est pour celui-ci qu'elles sont destinées).

L'auteur du plan de Finances, dont j'ai eu l'honneur de vous parler [2]), Sire, est revenu. Je lui ai fait des questions, auxquelles il m'a promis de répondre. Si j'avais le rapport du Comte de Capo d'Istria dont V. M. I. m'a parlé, probablement il me fournirait de nouvelles questions à faire à l'auteur, dont je joindrai ensuite les réponses à ce même rapport pour revoir dans l'occasion.

Recevez, Sire, avec les assurances de mon respect, celles du dévouement sans bornes de votre fidèle Laharpe.

$^{1}/_{13}$ Janvier. 1815.

(Вся слѣдующая приписка къ этому письму вычеркнута.)

Il y a dans le Morning-Chronicle de 15 Décembre, sous le nom de Antonio di Ravenna, une lettre très virulente contre la Russie dans laquelle vous avez votre part. Ceux qui vous défendent doivent s'attacher à développer tout ce que l'Angleterre a acquis depuis 50 ans. Il faut lui faire dire son chapelet, grain par grain, sans humeur, en donnant chaque fait comme un argument de plus *de sa modération et de la sécurité qu'elle doit inspirer à tous* [3]). A force de le répeter chacun le croira, et il ne sera pas facile aux Anglais de persuader le contraire.

---

[1]) За этими письмами слѣдуетъ: „Extrait d'un projet sur les Finances", расположенный для введенія срокомъ до 1824 г. За тѣмъ идутъ выписки изъ de Say. Объ этихъ двухъ выпискахъ упоминается въ письмахъ.

[2]) Вѣроятно въ Вѣнѣ?

[3]) Тутъ слѣдуетъ это отнести къ Александру Павловичу?

2.

Vienne. 11 Janvier. 1815.

Sire,

J'ai l'honneur d'adresser à V. M. I. le № 2 des extraits de Say. La parenthèse coloriée' contient des notes, dont vous pouvez vous passer si le tems vous manque. Vous aurez incessament la suite (* persuadé que ces matières sont en 1-ère ligne, parmi celles qui doivent contribuer à la gloire (prosperité) de votre règne) j'ai un plaisir à m'en occuper (elles me font oublier les misères de tout espèce). Je me console un peu avec elles des obstacles, que des âmes grossières mettent à la Régénération de l'Europe, que vous avez voulue, en pensant que nul au moins ne pourra vous (пропускъ). Si votre intention est toujours d'accorder à l'auteur une décoration, ne pourrait-elle lui parvenir par le G-l Pozz? (Je desirerais que). L'Auteur est actuellement en Ecosse (Angleterre), où il a été reçu avec la plus grande distinction (la plus haute) par les concitoyens d'A.....melh (? трудно разобрать). S'il y recevait la nouvelle, que vous aussi, Sire, l'estimez, ce qu'il vaut, cela produirait un très bon effet (Je sçais qu'il y). Il recueille des matériaux pour une 3-ème edition (qui sera encore plus parfaite). (On doit vous) J'ai appris par mon ami Portugais: 1°, que son gouvernement n'a pas ratifié la cession de la Guyane faite gr....(не разобрано) à la France par son Ministre dans le traité de Paris, à l'instigation de l'Angleterre. 2°, que le gouvernement de Brésil, blessé de l'abandon qu'on a fait de ses intérêts, malgrès la coopération contre l'Ennemi commun, ne veut point traiter pour sa conquète. Il se place (? не разборчиво) comme s'il était sous la tutele de l'Angleterre, dont il a beaucoup à se plaindre. 3°, que le Prince Régent desire confier ses intérèts à V. M. I. et la prier d'être mediatrice entre la France et lui pour cet objet. Une note doit avoir été présentée à Votre Ministère dans ce but. (Il ne m'appartient pas d'avoir un avis) tout cela n'est point de mon ressort, seulement il me parait qu'une nation (пропущено слово) par les sacrifices et le dévouement qu'elle a montré à ses amis, lorsqu'elle possède les

Ports de Lisbonne, de Baya, de Rio de Janeiro et ceux des bouches de l'Amasone et de l'Orénoque (* empechera de faire reposer la prosperité de la Russie sur des bases, qui assurent à jamais le bonheur de ses habitants. C'est vers ce seul avenir que je tourne désormais mes regards). Письмо не окончено. Любопытно бы было сравнить эти черновыя письма съ отправленными подлинниками.

Гр. Уваровъ.

Порѣчье 17 Іюня
1868.

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО.

КЪ

ПРОТОІЕРЕЮ И. И. БАЗАРОВУ. 1848—1852.

Печатаются съ подлинниковъ, обязательно сообщенныхъ въ Русскій Архивъ отцомъ протоіереемъ Иваномъ Ивановичемъ Базаровымъ, нынѣ настоятелемъ Православной церкви въ Штутгардѣ. Ему же принадлежатъ и примѣчанія къ этимъ письмамъ. Напомнимъ читателямъ, что отецъ Базаровъ напутствовалъ Жуковскаго въ жизнь вѣчную.

I.

Извините меня, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ ([1]), что такъ долго не подавалъ вамъ никакого знака жизни, получивъ отъ васъ такое значительное письмо, и бумаги, касающіяся нашей бѣдной сиротки: этому причина та, что я самъ хотѣлъ быть во Франкфуртѣ; хотѣлъ лично объ этомъ дѣлѣ переговорить съ барономъ Будбергомъ и потомъ отъ себя дать ему ходъ, отправивъ бумаги ваши къ Великому Князю; но я занемогъ простудою; дожидался для отъѣзда во Франкфуртъ, чтобы эта простуда совсѣмъ миновалась. Она прошла, но теперь выходитъ на повѣрку, что я не прежде буду во Франкфуртѣ какъ къ новому году. Далѣе откладывать нашего дѣла мнѣ не хочется: на записку мою, посланную къ Великому Князю и которую Онъ долженъ былъ имѣть въ рукахъ 31 Октября, я еще не имѣлъ отвѣта. Я намѣренъ послать къ Нему ваши бумаги. Но я не желаю въ этомъ случаѣ дѣйствовать въ рознь сь барономъ Будбергомъ, который имѣетъ обязанность именемъ нашего правительства войти въ это дѣло. Въ слѣдствіе всего этаго прошу васъ:

1-е. Приказать поскорѣе переписать всѣ (при семъ приложенныя) ваши бумаги и доставить копію къ барону Будбергу, давъ ему при томъ знать, что вы ко мнѣ одинъ экземпляръ ихъ отправили.

2-е. Мнѣ же, немедленно по переписаніи, возвратить бумаги, которыя я тотъ часъ отправлю къ Великому Князю.—Прошу меня увѣдомить, что̀ будетъ стоить переписка.

Благодарю васъ душевно за трудъ, который вы на себя взяли и который такъ совѣстливо исполняете. Ваши замѣчанія на Штира ([2]) тѣмъ болѣе заставляютъ меня желать, чтобы вы занялись пересадкою этого плодоноснаго дерева на нашу Русскую почву.

([1]) На первыхъ порахъ знакомства, Жуковскій по ошибкѣ называлъ отца Базарова Василіемъ Ивановичемъ.

([2]) Die Reden des Herrn Jesu — книга, испещренная еврейскими и греческими словами, которыя В. А. просилъ меня переводить для него. *Б.*

Штиръ чистый, глубокомысленный и глубоко-ученый Христіанинъ. Чтò въ его доктринѣ не сходно съ нашимъ исповѣданіемъ, на то можно указать съ надлежащимъ опроверженіемъ; но то, чтò въ немъ со всѣми исповѣданіями согласно, то будетъ для насъ сокровищемъ; и вы сдѣлаете большое добро, сдѣлавъ это сокровище доступнымъ нашимъ Русскимъ, православно-вѣрующимъ.

Простите, любезнѣйшій Василій Ивановичъ; присылайте скорѣе бумаги назадъ. Я предувѣдомилъ Будберга о томъ, что онъ ихъ отъ васъ скоро получитъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ искренно преданный вамъ.

Жуковскій.

$^{18}/_{30}$ Ноября
Baden-Baden am Graben
Haus Kleinmann.
(1848).

II.

20 Декабря 1848
1 Генваря 1849

Почтеннѣйшій Василій Ивановичъ. Благодарю васъ сердечно за доставленныя мнѣ вами бумаги, за трудъ, который вы на себя взяли, сдѣлавъ такъ совѣстливо переводъ Еврейскихъ и Греческихъ словъ, которыми испещрена книга Штира, и наконецъ за ваше письмо, въ которомъ вы съ такою основательностію выражаете свое мнѣніе о книгѣ Штира и препятствіяхъ, которыя могутъ у насъ встрѣтиться ея переводу. Я съ вами во всемъ совершенно согласенъ. Но я не полагалъ, чтобы Штира можно было перевести вполнѣ на Русскій языкъ. Я думалъ только, нельзя ли изъ него извлечь многое, могущее быть весьма назидательнымъ для православныхъ читателей. Самое необходимое для сохраненія нашего чистаго Православія состоитъ въ томъ, чтобы не вводить никакихъ самотолкованій въ ученіе нашей церкви: авторитетъ ея долженъ быть безъ аппелляціи. Въ этомъ отношеніи должна дѣйствовать одна вѣра, покоряющая разумъ. Съ другой стороны этотъ покорный разумъ долженъ вводить вѣру въ практическое употребленіе жизни: безъ этаго введенія вѣры въ жизнь, не будетъ живой вѣры.—Вотъ чего бы я желалъ для бóльшаго, дѣйствительнѣйшаго распространенія чистаго Православія, дабы оно, проникнувъ всѣ дѣйствія ежедневной жизни, было источникомъ, оживленіемъ и храненіемъ нравственности домашней и публичной. Мы видимъ, что здѣсь въ Германіи отъ дерзкаго самотолкованія произошло безвѣріе; у насъ отъ нетолкованія происходитъ мертвая вѣра, почти тоже чтò безвѣріе. И едва ли мертвая вѣра не хуже самого безвѣрія. Безвѣріе есть бѣшеный, живой врагъ; онъ дерется, но его можно одолѣть и побѣдить убѣжденіемъ. Мертвая вѣра есть трупъ—чтò можно сдѣлать изъ трупа?

Увѣдомьте, чтò я долженъ вашему писарю? Я бы сердечно желалъ помочь ему. Какая сумма нужна ему для переѣзда въ Россію? Нельзя ли сдѣлать для этого сборъ между нашими Русскими?

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ. Холодъ не пускаетъ меня во Франкфуртъ. Съ истиннымъ почтеніемъ преданный вамъ. *Жуковскій.*

Скоро пошлю вамъ остальные томы Штира.

III.

Спѣшу отвѣчать на письмо вашего высокопреподобія; оно писано 4 Іюня, а дошло до меня 16-го Іюня, и полу-

чено мною въ Тунѣ, гдѣ я временно поселился (³). Сижу у озера и жду погоды.

Къ несчастію не могу дать вамъ никакого разрѣшительнаго отвѣта на письмо ваше. Графъ Шереметевъ или не получилъ моего письма, или получилъ и не отвѣчалъ на него, или отвѣчалъ да письмо пропало, что̀ теперь въ порядкѣ вещей. Все это плохо для бѣднаго Б.—Я бы радъ помочь ему, да средствъ на то не имѣю. Сдѣлайте попытку у Герцога, авось это удастся. Если же не удастся, то увѣдомьте меня опять: можемъ тогда прибѣгнуть къ коллектѣ. Посмотрите, нельзя ли будетъ сдѣлать теперь этой операціи. Мой адресъ: à Berne, poste restante.

Мои книги пока поберегите у себя. Ваши къ нимъ примѣчанія будутъ мнѣ добрымъ и наставительнымъ о васъ воспоминаніемъ. Преданный вамъ. *Жуковскій.*

А что̀ наша сиротка?

Адресъ: A Monsieur Sabinine, aumonier de l'Eglise Grecque à Weimar, pour remettre à Monsieur Bazaroff.

IV.

Два слова въ отвѣтъ на письмо ваше, любезный Иванъ Ивановичъ: я собралъ здѣсь 120 франковъ для вашего путника; пошлю ихъ къ вамъ изъ Бадена, гдѣ надѣюсь быть около 25 Іюля. До тѣхъ поръ можете, если нужно, употребить въ пользу Б. эту сумму изъ вашихъ денегъ. О дѣвочкѣ буду писать изъ Бадена. Получили ли вы второй томъ Одиссеи, посланный вамъ чрезъ Сѣверина? Увѣдомьте. И пишите въ Баденъ, poste restante. Преданный вамъ. *Жуковскій.*

Адресъ: A Monsieur Basaroff, Ecclesiastique de l'Eglise Greco-Russe à Wiesbade.

11 Іюля 1849.

V.

Мнѣ бы давно слѣдовало написать къ вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, но все откладывалъ по своей благоумной привычкѣ. А между тѣмъ я успѣлъ побывать въ Варшавѣ; при свиданіи съ Великимъ Княземъ я говорилъ Ему о нашей сироткѣ и оставилъ о ней Ему записку; но еще по этому предмету не имѣлъ никакого отъ Него отзыва. Прошу васъ меня увѣдомить, нѣтъ ли какого о ней назначенія во Франкфуртѣ и что̀ съ нею творится. Можетъ быть, я самъ скоро побываю во Франкфуртѣ. Я объ этомъ васъ увѣдомлю.

Вотъ просьба: нѣтъ ли у васъ Славянской Библіи, безъ которой вы могли бы на время обойтись? Я отправилъ свою со всѣми моими книгами и пожитками въ Россію, полагая, что самъ туда поѣду и вотъ сижу какъ ракъ на мели. Вы очень одолжите меня, если дадите вашу Библію.

Что дѣлаетъ Штиръ? прислалъ ли я вамъ вторую часть Одиссеи? Съ истиннымъ почтеніемъ преданный вамъ.

Жуковскій.

Баденъ Баденъ 11-го Ноября (1849).

VI.

Я еще не благодарилъ васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за доставленіе мнѣ Штира и за вашъ переводъ Греческихъ и Еврейскихъ

(³) Въ 1849 г. по случаю вспыхнувшаго въ Баденѣ возстанія, Ж. удалился временно въ Швейцарію; не смотря на собственное безпокойство, онъ не перестаетъ безпокоиться о нуждающихся въ его покровительствѣ. *Б.*

словъ, съ помощію котораго теперь эта прекрасная книга сдѣлалась мнѣ совершенно доступна. Благодарю душевно.

На счетъ нашей сиротки отвѣчаю вамъ слѣдующее.

Я не могу самъ входить въ письменное сношеніе съ нашею миссіею о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя она должна сдѣлать въ настоящемъ случаѣ, потому что не хочу имѣть новыхъ непріятностей по этому предмету. Но вы знаете обстоятельства и подробности этого дѣла; переговорите лично съ княземъ Гагаринымъ.

Мое же мнѣніе, которое прошу васъ сообщить князю, слѣдующее:

1-е. Миссія получила отъ высшаго начальства повелѣніе выслать Реджину въ Петербургъ. За ея содержаніе въ пансіонѣ до теперешней минуты слѣдуетъ заплатить; кто и изъ какихъ денегъ заплатитъ?

2-е. Въ слѣдствіе этого надобно отнестись къ начальству, и до тѣхъ поръ не выдавать требуемаго имѣнія, оставшагося послѣ Мамононой (4), наслѣдникамъ, пока не получится разрѣшенія на счетъ уплаты за Реджину въ Висбаденѣ.

3-е. Я въ бытность мою въ Варшавѣ лично говорилъ съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ о томъ, не лучше ли будетъ оставить Реджину у ея родныхъ, а за ученіе, которымъ она теперь пользуется въ Висбаденѣ, заплатить, опредѣливъ ей годовое содержаніе, которое она могла бы послѣ получать у родныхъ своихъ въ Миланѣ. Объ этомъ я Великому Князю оставилъ и записку, но еще на записку мою нѣтъ никакого разрѣшенія. На сихъ дняхъ буду объ этомъ писать къ Великому Князю, и отвѣтъ конечно не замедлитъ.

4-е. Изъ всего этого слѣдуетъ, что во всякомъ случаѣ надобно будетъ дождаться отвѣта отъ Великаго Князя, который я не замедлю сообщить миссіи, которая въ тоже время получитъ и разрѣшеніе отъ начальства; да и нельзя иначе какъ подождать разрѣшенія съ обѣихъ сторонъ: въ теперешнюю пору нельзя посылать малютки въ Петербургъ; надобно дождаться весны. Сообщите все это князю Гагарину.

Очень радъ, что моя поэтическая слава заглянула въ Висбаденъ и что Винтеръ (5), хотя и холоденъ быть долженъ по своему имени, съ такимъ жаромъ принялъ участіе въ моей Гиперборейской Одиссеѣ.

Простите, будьте здоровы; увѣдомьте меня о дальнѣйшемъ ходѣ нашего дѣла.

Благодарю за Библію; не найдется ли купить во Франкфуртѣ изданія библейскаго общества? Я бы желалъ имѣть его. Да нѣтъ ли у васъ нашего пространнаго Катехизиса? Я всѣ свои книги услалъ въ Петербургъ; теперь многое покупаю въ двойнѣ.

Съ душевнымъ почтеніемъ преданный вамъ. *Жуковскій.*

8 Декабря 1849. Баденъ-Баденъ.

VII.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ. Прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе отправить приложенное письмо изъ Висбадена немедленно по полученіи. Въ немъ есть статья, которую я же-

(4) Графиня Марья Александровна Мамонова, дѣвица (сестра послѣдняго графа Мамонова), на попеченіи которой состояла сиротка Реджина. *П. Б.*

(5) Винтеръ (по русски зима) — одинъ Нассаусскій чиновникъ, который. прослышавъ про переводъ Одиссеи Жуковскимъ, рѣшился выучиться Русскому языку, чтобы прочитать твореніе Гомера по русски *Б.*

лалъ бы видѣть въ Англійской газетѣ, но не желаю, чтобы знали, откуда она прислана. Если вы любопытствуете ее прочитать, то найдете въ Beylage къ № 92 Allgemeine Zeitung, подъ титуломъ: Englische und Russische Politik. Прошу васъ франкировать письмо. Мы, если Богъ позволитъ, увидимся на страстной недѣлѣ. Преданный вамъ. *Жуковскій.*

VIII.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за воспоминанія и за добрыя желанія на новый годъ; желаю сердечно, чтобы онъ для васъ начался и кончился съ благословеніемъ Божіимъ, по вашему желанію. Если по первому дню года судить, то весь годъ будетъ для насъ благополученъ.—Теперь, правда, только 1 часъ по полудни, и до сихъ поръ все въ порядкѣ; не знаю что̀ скажетъ вечеръ. Но Богъ съ нами. И такъ повторяю Его именемъ мое желаніе вамъ всѣхъ благъ и прошу васъ вѣрить моему искреннему къ вамъ уваженію. Искренно преданный. *Жуковскій.*

Баденъ-Баденъ. 1850 1/13 Генваря.

IX.

Благодарствуйте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за книгу; принимаю ее, какъ подарокъ. А васъ прошу принять приложенный подарокъ и отъ меня. Сверхъ того получите мою статуйку. Вытребуйте ее сами отъ скульптора. Онъ живетъ во Франкфуртѣ, въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ (въ Sachsenhausen. Salzwedelsche Garten), имя его Nordheim. Я къ нему писалъ объ этомъ предметѣ.

Я увѣдомлю васъ, когда мы отправимся въ путь. Преданный вамъ.

Жуковскій.

12 Іюля (1850).

X.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, за доставленіе книгъ; но нельзя ли ихъ мнѣ у себя продержать? Между ними есть одна, которою я бы желалъ и завладѣть: это описаніе Палестины съ картинами; что вы за нее заплатили? Прошу васъ ее мнѣ за ту же цѣну уступить. Или не хотите ли со мною помѣняться: у меня есть сводъ Новаго Завѣта, на Нѣмецкомъ, Греческомъ и Латинскомъ; я вамъ его посылаю для разсмотрѣнія; увѣдомьте, согласны ли вы на мѣну; а я уже добуду себѣ другой экземпляръ. О вашемъ манускриптѣ поговоримъ послѣ; теперь я его еще не успѣлъ прочитать; но когда поѣду въ Россію, могу взять съ собою, если вы на это согласитесь; можетъ быть, найду случай и отдать его въ печать. Преданный вамъ *Жуковскій.*

XI. (6)

Не могу не выразить вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, того участія, которое произвело во мнѣ извѣстіе о несчастіи, васъ постигшемъ. Сердце вамъ его предсказывало, когда васъ такъ тревожила необходимость долѣе остаться въ Баденѣ. Такъ Богу угодно: въ этомъ словѣ и единственно возможное изъясненіе нашихъ земныхъ бѣдствій, и единственное въ нихъ утѣшеніе. Вы это знаете мыслію, дѣломъ и вашимъ высокимъ священническимъ назначеніемъ, съ которымъ такъ согласна ваша душа и ваша практическая жизнь. Прошу васъ сказать мнѣ о себѣ слово. Я не опасаюсь, чтобы исполненіе этой просьбы для васъ было отяготительно; напротивъ, думаю, что, говоря о

---

(6) Писано по полученіи извѣстія о кончинѣ моей жены. *Б.*

своемъ горѣ съ людьми, которые понимаютъ его и раздѣляютъ, отымаешь у него часть его тяжести. Помоги вамъ Податель креста нести Имъ поданный крестъ и быть предъ Нимъ въ минуты Его испытанія такимъ, какъ Онъ того требуетъ. Если бы я съ своей стороны могъ подать вамъ совѣтъ, я бы вамъ сказалъ: пріѣзжайте въ началѣ Іюля въ Баденъ на новое мѣсто, на новый воздухъ: это подкрѣпитъ васъ физически; а вы должны думать о сохраненіи себя для вашего семейства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ искренно преданный вамъ. *Жуковскій.*

11/23 Іюня 1850. Баденъ

Жена моя всѣмъ сердцемъ раздѣляетъ съ вами ваше горе: и я и она понимаемъ всю вашу теперешнюю безотрадность; мы желали бы съ нашей стороны подать вамъ дружескую руку помощи. Пріѣзжайте къ намъ въ Баденъ: здѣсь по крайней мѣрѣ чувство одиночества не будетъ для васъ такъ ощутительно. Во всякомъ случаѣ прошу васъ сказать намъ о себѣ нѣсколько словъ; мы нетерпѣливо желаемъ имѣть извѣстіе о томъ что̀ съ вами происходитъ.

XII.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, обращаюсь къ вамъ съ просьбою, которой исполненіе можетъ имѣть великое вліяніе на цѣлую жизнь мою. Моя жена давно уже чувствуетъ необходимость вступить въ кругъ церкви, болѣе утверждающей вѣру христіанскую. Принадлежа до сихъ поръ исповѣданію протестантскому, она никогда не колебалась въ своей вѣрѣ; но съ нѣкотораго времени чувствуетъ, что ей необходимо ученіе болѣе положительное, и авторитетъ непотрясаемый. Я съ своей стороны не убѣждалъ ее ни къ чему, какъ ни важно для меня и для нашихъ дѣтей ея присоединеніе къ намъ въ святилищѣ нашей церкви. Въ дѣла вѣры никто со стороны мѣшаться не долженъ: здѣсь все должно происходить безъ посредника между Богомъ и душою. Но для совершенія такого важнаго перехода нужно имѣть ясное понятіе о главномъ предметѣ, о церкви. Здѣсь я не могу взять на себя *потребовать*, чтобы жена моя выбрала непремѣнно изъ двухъ каѳолическихъ церквей нашу православную: все должно предоставить ея произвольному выбору или лучше сказать тому, что̀ Богъ положитъ ей на сердце. Прежде однако, чтобы имѣть ей возможность сдѣлать этотъ выборъ, нужно ей знать, въ чемъ состоитъ различіе двухъ церквей и въ чемъ превосходство нашей.— Я бы давно обратился къ вамъ по сему предмету; но вашъ отъѣздъ остановилъ меня (7). Къ священнику П. я не обратился для того, что не полагаю, чтобы онъ съ надлежащею убѣдительностію, ясностію и краткостію могъ изложить истины нашей церкви. Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Мы остаемся здѣсь до 26 Іюля новаго стиля. Нынче 15-е Іюля. Это письмо получите вы не прежде какъ завтра 16; останется всего на все десять дней, изъ коихъ половину жена моя должна провести въ постелѣ. — Какъ вы думаете? Можно ли будетъ въ эти четыре дня, употребляя на каждый день часа по четыре, дать вамъ ей общее, но ясное понятіе о главныхъ пунктахъ, составляющихъ преимущество нашей церкви предъ всѣми другими? Если вы думаете, что можете это сдѣлать съ нѣкоторою полнотою,

(7) Зиму съ 1850 на 1851 г. провелъ я въ Россіи. *Б.*

то пріѣзжайте къ намъ. Я полагаю, что всего вѣрнѣе будетъ, если вы проведете у насъ 21, 22, 23, 24 и 25 числа Іюля; къ этому времени можетъ жена уже встать съ постели. Я долженъ вамъ сказать однако, что пишу къ вамъ безъ ея вѣдома; согласится ли она употреблять свое короткое остальное время на эти бесѣды, я не знаю. Но не хочу ей говорить напередъ, чтобы не дѣлать ей принужденія. Вашъ пріѣздъ долженъ быть для нея неприготовленнымъ событіемъ. Отвѣчайте мнѣ немедленно съ свойственною вамъ искренностію. Я бы радъ былъ, чтобы первое, столь важное, поученіе было ей отъ васъ: вашъ языкъ будетъ ей по уму и по сердцу. Преданный вамъ. *Жуковскій.*

Если пріѣдите, не говорите ей, что вызваны мною.

XIII.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, мое засвидѣтельствованное нашею миссіею письмо о моемъ камердинерѣ; весьма нужно совершить бракъ безъ замедленія; обстоятельство, мною въ письмѣ означенное, кажется даетъ на то полное право и обязанность. Я увѣренъ, что вы съ своей стороны сдѣлаете все, что законно—возможно. Прошу васъ объ отвѣтѣ на письмо мое. Если статья о церкви переведена, то прошу васъ велѣть ее для меня переписать на мой счетъ (Латинскими буквами) и прислать мнѣ ее поскорѣе; хорошо бы, когда бы и съ замѣчаніями вашими. Если же еще не переведена статья, то не лѣнитесь, примитесь за дѣло. Мы можемъ тотчасъ статью тиснуть. Съ искреннимъ почтеніемъ преданный вамъ. *Жуковскій.*

Рукопись, о которой здѣсь говорится, начинается такими словами: «Въ числѣ даровитыхъ молодыхъ людей, вышедшихъ въ послѣднее время изъ Московскаго Университета, особенно былъ замѣчателенъ Валуевъ, какъ ревностный труженикъ науки и добра. Посланный медиками за границу, для поправленія здоровья, пострадавшаго отъ излишнихъ умственныхъ напряженій, онъ и тамъ не терялъ изъ виду предметовъ, которые были единственною цѣлью его жизни, и воротился въ Москву съ собраніемъ весьма любопытныхъ книгъ и рукописей. При разборѣ пріобрѣтенныхъ имъ матеріаловъ, одинъ изъ его друзей былъ пораженъ особеннымъ характеромъ весьма не старой Греческой рукописи подъ названіемъ: «Краткое исповѣданіе Православной церкви», пріобрѣтенной Валуевымъ, кажется, въ Венеціи. Ясное пониманіе церкви, не какъ общества, не какъ собирательной и условной единицы, но какъ лица живаго и органическаго; приведеніе всѣхъ разнородныхъ явленій духовно-христіанскаго міра къ неизмѣнному и коренному единству; ясное отдѣленіе вѣры отъ знанія внѣшняго; простота и строгость догматическихъ опредѣленій; совершенное отсутствіе утилитарности и юридической казуистики, которыми полны всѣ книги богословскія, писанныя на Западѣ или подъ вліяніемъ западнаго ученія; устраненіе сухой схоластики и гадательнаго мистицизма:—таковы отличительныя черты этой рукописи. Она была вскорѣ переведена на Русскій языкъ. Въ тоже самое время Валуевъ обратилъ вниманіе на общее и почти невѣроятное невѣжество западныхъ писателей, даже самыхъ ученыхъ, во всѣхъ предметахъ, касающихся Православной церкви. Валуевъ рѣшился издать за границею переводъ этой короткой рукописи, дабы сколько нибудь ознакомить западныхъ читателей съ духомъ и жизнію Православной церкви. Онъ думалъ исполнить свое намѣреніе въ Германіи, куда снова ѣхалъ по предписанію медиковъ въ 1845 году; но смерть настигла его на дорогѣ въ Новгородѣ и не допустила его прибавить этотъ трудъ къ добрымъ трудамъ, которыми была такъ богата его молодая жизнь. Друзья его исполняютъ теперь волю своего незамѣнимаго и незабвеннаго друга.»

NB. Рукопись эта переведена мною на нѣмецкій языкъ, но не была напечатана и хранится донынѣ у меня. *Б*

XIV.

Баденъ 29 Ноября (11 Декабря) 1851 года.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, благодарю васъ за доставленіе исправленной рукописи и спѣшу возвратить вамъ вашу. О ея напечатаніи поговоримъ послѣ: мой еще больной глазъ лишитъ меня въ продолженіи нѣкотораго времени возможности прочи-

тать переводъ вашъ и ваши на него замѣчанія. Рукопись по своему содержанію достойна того, чтобъ издать ее въ свѣтъ; но если въ ней заключаются такія мѣста, которыя несогласны съ ученіемъ нашей церкви, то на такія мѣста нужно сдѣлать возраженія, дабы вмѣстѣ съ истиною не пустить въ свѣтъ заблужденія. Словомъ, объ этомъ дѣлѣ мы переговоримъ послѣ. Василій ([8]) сдѣлаетъ такъ, какъ вы совѣтуете: до этого можетъ быть не дойдетъ; но если ребенокъ будетъ въ опасности, то будетъ поступлено по вашему. Здѣсь вопросъ: если случится вблизи протестантскій или католическій священникъ, то можно-ль обратиться къ одному изъ нихъ для совершенія крещенія? Крещеніе есть таинство общее всѣмъ исповѣданіямъ; и ребенокъ, окрещенный священникомъ католическимъ или протестантскимъ, можетъ, не смотря на то, принадлежать Православію; такъ ли это?

Вы меня очень бы одолжили, еслибы написали вкратцѣ для меня раздѣленіе нашего христіанскаго горя сравнительно съ католическимъ. Иль нѣтъ ли у васъ книги, въ которой бы было такое раздѣленіе? Такъ же нѣтъ ли у васъ на Русскомъ языкѣ священной исторіи? Не можете ли прислать всѣ эти книги? Еще одна задача и, можетъ быть, довольно трудная: помогите моему невѣжеству, напишите вкратцѣ, какъ изъясняетъ наша церковь или наши церковные писатели главныя видѣнія Апокалипсиса? Это мнѣ весьма нужно, для чего,—скажу послѣ; но вы весьма меня обяжете, если просвѣтите мое невѣжество. Простите. Прошу васъ не замедлить отвѣтомъ на это письмо.

Передайте мой дружескій поклонъ князю Горчакову. Преданный вамъ съ истиннымъ почтеніемъ. *Жуковскій.*

([8]) Камердинеръ Жуковскаго.

XV.

Баденъ $^5/_{17}$ Декабря 1851.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, спѣшу отвѣчать вамъ на ваши три вопроса. 1-й объяснится поправкою ошибки писавшаго мое письмо: вмѣсто *горя* поставьте *года*, и вамъ буденъ ясно, чего я желаю. На 2-й вопросъ слѣдующій отвѣтъ: пришлите мнѣ исторію библейскую Филарета и ея продолженіе Иннокентія, исторію священную Зонтагъ и Красноцвѣтова. На третій вопросъ отвѣчать нечего: я желаю знать, нѣтъ ли у васъ объясненія Апокалипсиса, утвержденнаго нашею церковію; если нѣтъ, то и не нужно. Смыслъ главныхъ видѣній Апостола мнѣ нуженъ въ поэтическомъ отношеніи, какъ нибудь справлюсь. Вы меня весьма обяжете, не замедливъ прислать мнѣ желаемыя мною книги. — Присоедините къ нимъ исторію Русской церкви Муравьева и Филарета.

XVI.

Баденъ $^3/_{15}$ Января 1852 г.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, благодарю васъ за ваше дружеское письмо и приношу вамъ свое поздравленіе съ новымъ годомъ, желая, чтобы онъ для васъ и начался и кончился счастливо и народилъ для васъ много веселыхъ сыновей, внуковъ и правнуковъ, и такъ далѣе. Я весьма благодаренъ вамъ за предложеніе доставить мнѣ книгу Муравьева и переводъ Псалмовъ; вы меня обяжете, если не замедлите прислать эти книги. Простите. Прошу васъ поздравить отъ меня князя Горчакова и его семейство съ новымъ годомъ. Преданный вамъ. *Жуковскій.*

Адресъ: Seiner Hochwürdigkeit. Dem Herrn Probst Bazaroff in Stuttgard. Kronenstraße № 33.

XVII.

Баденъ $^{17}/_{29}$ Января 1852 года.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, пользуюсь отъѣздомъ Василья, чтобы обратиться къ вамъ съ покорною просьбою. Я желалъ бы съ моими дѣтьми говѣть на 6-й недѣли поста, не прежде, ибо намѣренъ по возможности приготовить дѣтей къ причащенію Св. Таинъ взглядомъ на Катихизисъ; очень сожалѣю, что первая ихъ исповѣдь была не передъ вами, но вы въ то время были въ Россіи. Отецъ П. пріѣзжалъ къ намъ изъ Штутгардта съ позволенія Великой Княгини, и въ этотъ разъ я могу просить Ея Высочество о такомъ же позволеніи и для васъ; желаю только, чтобъ вашъ пріѣздъ къ намъ былъ не раньше и не позже 6-й недѣли поста; благоволите меня объ этомъ въ свое время предувѣдомить. Благодарю васъ за доставленіе книгъ; но я только гляжу на нихъ, читать же ихъ не могу еще: глаза мѣшаютъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть искренно преданный вамъ.

Жуковскій.

XVIII.

Баденъ 29 Февраля (12 Марта) 1852.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, извините, что я нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ на ваше письмо; вы все еще его получите во́ время. Вотъ въ чемъ дѣло: во первыхъ благодарю васъ за доставленіе мнѣ манускриптовъ Бажанова о церкви и неизвѣстнаго о Москвѣ; они должны пока остаться подъ спудомъ: мой глазъ не позволитъ мнѣ читать ихъ, также какъ не позволяетъ по сю пору прочитать вашего перевода. Прошу васъ положить къ стопамъ Ея Императорскаго Высочества мою сердечную благодарность за сообщеніе этихъ бумагъ. Я могу рѣшительно сказать вамъ напередъ, что поѣздка въ Штутгардъ для меня совершенно не возможна; глазу моему почти нисколько не лучше, а Гугертъ не хочетъ начинать моего леченія до тѣхъ поръ, пока не установится теплая погода, которая до сей поры стояла все прескверная. И такъ, если будетъ возможно, пріѣзжайте въ Баденъ по вашему назначенію. Долгъ платежомъ красенъ; вы прислали мнѣ рукописное, а я посылаю вамъ печатное — одинъ экземпляръ для васъ, а другіе два прошу васъ отдать отъ меня князю Горчакову; можетъ быть, одинъ изъ нихъ захочетъ имѣть Государыня Великая Княгиня. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. *Жуковскій.*

Это было собраніе мелкихъ стихотвореній, изданныхъ особою книжкою подъ названіемъ: Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. 1852., и содержавшее въ себѣ 6 стихотвореній: 1, Птичка, 2, Котикъ и Козликъ, 3, Жаворонокъ, 4. Мальчикъ съ пальчикъ, 5, Царскосельскій Лебедь и 6, Народная пѣсня. Подъ стихотвореніемъ Лебедь находится приписка, сдѣланная рукою Василія подъ диктовку Жуковскаго такого содержанія: „Этотъ Лебедь не выдумка, а правда. Я самъ видѣлъ въ Царскомъ Селѣ стараго лебедя, который всегда былъ одинъ, никогда не покидалъ своего уединеннаго пруда, и когда являлся въ обществѣ молодыхъ лебедей, то они поступали съ нимъ весьма неучтиво. Его называли Екатерининскимъ Лебедемъ.“

NB. Въ моемъ собраніи стихотвореній Жуковскаго, полученномъ отъ самого автора, находится также стихотвореніе: Ея Имп. Выс—ству Государынѣ В. К. Маріи Николаевнѣ Привѣтствіе отъ Русскихъ, встрѣтавшихъ ее въ Баденѣ $^{1}/_{13}$ Іюля 1851 г, равно какъ на нѣмецкомъ языкѣ переводъ 6-ти стихотвореній Жуковскаго подъ названіемъ: Ostergabe für die deutschen Freunde Joukowsky's. 1850, съ надписью рукою Жуковскаго: «Ив. Ив. Базарову на дружеское воспоминаніе отъ автора.» И наконецъ нѣмецкій же переводъ: Joseph von Radowitz, wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimath. Manuscript. 1850.

XIX.

Баденъ 7/19 Марта 1852.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ. Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ и которыхъ мнѣ перемѣнить нельзя, принуждаютъ меня къ вамъ обратиться и просить васъ перемѣнить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда вашего къ намъ въ Баденъ. По вашимъ обстоятельствамъ уже вамъ нельзя быть у насъ во время великаго поста; еще менѣе на святой недѣли. Не можете ли пріѣхать въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣли и пробыть до четверга, въ который день я могъ бы причаститься Святыхъ Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми? Прошу васъ покорнѣйше не замедлить меня увѣдомить, можете ли вы исполнить мою просьбу, и какое время для васъ удобнѣе; надобно только такъ устроить, чтобъ наше дѣло не столкнулось съ проѣздомъ Великихъ Князей черезъ Баденъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою. *Жуковскій.*

В. А. Жуковскій скончался на Ѳоминой недѣлѣ въ ночь съ пятницы на субботу 12 Апрѣля 1852

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ЖУКОВСКАГО.

Письмо изъ Стутгарда 17/29 Апрѣля 1852 года.

Конечно, печальная вѣсть о кончинѣ нашего маститаго поэта Жуковскаго достигла и до васъ. Богъ судилъ мнѣ быть свидѣтелемъ его предпослѣднихъ минутъ: онѣ были такъ христіански-назидательны и такъ поэтически-высоки, что я считаю своимъ священнымъ долгомъ подѣлиться моими собственными впечатлѣніями, которыя я собралъ у смертнаго одра нашего поэта-христіанина, во-первыхъ, съ вами, а чрезъ васъ—и со многими другими, которые уважали въ Василіѣ Андреевичѣ его талантъ, его душу, его многополезную жизнь.

Еще въ началѣ великаго поста я получилъ приглашеніе отъ В. А. Жуковскаго пріѣхать къ нему на шестой недѣлѣ для пріобщенія его съ дѣтьми Св. Таинъ, такъ какъ болѣзнь его глаза не позволяла ему самому выѣхать изъ Бадена. Но въ то время, какъ я собирался уже отправиться къ нему, получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ ко мнѣ: „Обстоятельства, которыхъ я не ожидалъ и которыхъ мнѣ перемѣнить нельзя, принуждаютъ меня обратиться къ вамъ и просить васъ перемѣнить наше распоряженіе на счетъ пріѣзда вашего къ намъ въ Баденъ. Не можете ли вы пріѣхать въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ и пробыть до четверга, въ который день я могъ бы причаститься Св. Таинъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми?“ Добрый старецъ, пиша эти строки, не зналъ того, что это распоряженіе было свыше отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной вѣры христіанина за два дня предъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ „истѣе причаститися въ невечернемъ дни Царствія Христова“.

7/19 Апрѣля, въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, я прибылъ въ Баденъ-Баденъ, и нашелъ Василія Андреевича въ постелѣ очень больнымъ. Домашніе его всѣ были погружены въ печаль; какое-то мрачное предчувствіе лежало безотчетно на сердцахъ всѣхъ. Супруга его напередъ предварила меня, что онъ раздумываетъ теперь принять Св. Тайны, надѣясь въ Петровскій постъ исполнить это святое дѣло со всѣмъ благоговѣні-

емъ и разсчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу. Въ этотъ день, такъ какъ уже было довольно поздно, я не могъ его видѣть *).

На другой день, въ 11 часу утра, я вошелъ къ нему въ спальную. Его первыя слова были: „Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложить. Вы видите, въ какомъ я положеніи. . . . совсѣмъ разбитый. . . въ головѣ не клеится ни одна мысль... какъ же такимъ явиться предъ Нимъ?“ Произнося эти слова, онъ постоянно хваталъ себя за голову, какъ будто дѣйствительно его мысли не клеились въ ней. Выслушавъ его, я отвѣчалъ: „Но чтобы вы сказали теперь, если бы самъ Господь захотѣлъ притти къ вамъ? Развѣ отвѣчали бы ему, что васъ нѣтъ дома?“ Вмѣсто отвѣта онъ заплакалъ. „Въ святомъ таинствѣ, продолжалъ я, надо различать двѣ стороны: разъ человѣкъ приходитъ къ І. Христу, ища покаянною душею примиренія съ нимъ; въ другой разъ Онъ Самъ приходитъ къ человѣку и требуетъ только отворить Ему двери сердца.“ „Такъ приведите мнѣ Его, этого святаго Гостя“, проговорилъ онъ сквозь слезы. Подошла его супруга. Онъ взялъ ее за руку и значительно, съ разстановкою, говорилъ ей: „Вотъ онъ (указывая на меня), какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа, ко мнѣ недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ!“ Я обѣщалъ на другой день приготовить его дѣтей исповѣдью и причастить ихъ вмѣстѣ съ нимъ у его кровати. Здѣсь онъ началъ мнѣ говорить, какъ онъ старался учить дѣтей своихъ по изобрѣтеннымъ имъ самимъ таблицамъ. Потребовалъ самыя таблицы; но руки его были слабы, напряженіе мысли затрудняло его. Я успѣлъ уговорить его оставить это до будущаго времени. „Да“—говорилъ онъ — „вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣ-три“.

*) Обращеніе въ Православіе супруги Жуковскаго? *П. Б.*

Въ это время вошла снова его супруга и стала его упрашивать, чтобы онъ успокоился и не говорилъ такъ много. Но онъ съ примѣтною досадою отвѣчалъ: „Ахъ, мой другъ, что̀ ты такъ заботишься объ этомъ (указывая на тѣло свое) бренномъ трупѣ? Душа наша важнѣе всего.“ Однако я поспѣшилъ его оставить, и, освѣдомившись вечеромъ, узналъ, что онъ былъ потомъ въ бреду и забытьи.

$\frac{9}{21}$ Апрѣля, въ среду, послѣ исповѣди дѣтей, я являюсь къ нему, чтобы приготовить его къ принятію Св. Таинъ. Онъ встрѣтилъ меня словами: „Вчера меня мучила мысль; какъ чудовище, не хочетъ отойти отъ моей кровати; точно дубиной разбиваетъ душу. Это—дьявольское искушеніе, idée fixe, которая насъ сводитъ съ ума,—мысль: что̀ будетъ съ дѣтьми моими, съ женою моею послѣ меня!“ Я напомнилъ ему вѣру въ Промыслъ Божій, милости къ нему Государя, его заслуги Престолу и Отечеству. „Да“ — отвѣчалъ онъ — „это убѣжденіе есть.“ Слезы докончили его исповѣдь. „Жизнь, все жизнь“ — продолжалъ онъ какъ бы про себя—„исполненная пустоты.“ Наконецъ я ввелъ къ нему дѣтей его. Онъ вмѣстѣ съ ними прочиталъ Молитву Господню и исповѣданіе предъ причащеніемъ. Причастились дѣти, принялъ и онъ причащеніе. Тотчасъ же въ немъ замѣтна стала перемѣна. Онъ умилился, подозвалъ дѣтей, и сквозь слезы сталъ говорить имъ: „Дѣти мои, дѣти! вотъ Богъ былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! радуйтесь, мои милые!“ Онъ очень былъ встревоженъ умиленіемъ; я поспѣшилъ его оставить; за тѣмъ онъ уснулъ спокойно.

$\frac{10}{22}$ Апрѣля, въ четвергъ, по утру, я вошелъ къ нему, и на вопросъ мой о его здоровьи, онъ отвѣчалъ: „Вчера и сегодня мнѣ легко на душѣ. Это блаженство принять въ себѣ Бога, сдѣлаться членомъ Бого-семейства... мысль радостная, блаженная! Но не станемъ ею восхищаться. Это не игрушка! Она долж-

на оставаться, какъ сокровище, въ насъ.“ Потомъ онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ Іюнѣ или даже Маѣ. Я обѣщался пріѣхать, какъ можно скорѣе. Спустя нѣсколько часовъ, я еще разъ зашелъ къ нему. „Вы на пути“ — сказалъ онъ мнѣ, — „какое счастье итти куда захочешь, ѣхать куда надо. Не умѣешь цѣнить этого счастія, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его. Мнѣ бы хотѣлось (продолжалъ онъ), чтобы вы знали, что̀ послѣ меня останется. Я написалъ поэму; она еще не кончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — „Странствующій Жидъ“, въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь. Я бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня. Пусть она пойдетъ въ казну дѣтей моихъ. Я начиналъ было переводить ее, диктуя самъ, по нѣмецки. Но Кернеръ берется перевести ее по нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по своему, пусть прибавляетъ,—но мысль мою онъ пойметъ.... Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его Геѳсиманскую молитву. Но вы пріѣдете ко мнѣ, и тогда я покажу вамъ эту методу въ подробности.“

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ онъ еще разъ прислалъ за мною. Я вошелъ. Онъ въ одной рукѣ держалъ листъ бумаги, въ другой карандашъ. „Я хочу писать къ Государю,“ говорилъ онъ, обратясь ко мнѣ.—„Василій (позвалъ онъ человѣка), мы съ тобою будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ?“—Три часа, отвѣчали ему. „Какъ идетъ время!“ Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ началъ говорить: „Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей. Я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь чувствовать одиночество – вотъ что больно!“ Потомъ, помолчавъ, продолжалъ: „Но зачѣмъ я задерживаю васъ такими скучными мыслями! Мнѣ надо устроить дѣла мои. У меня все разбросано, въ безпорядкѣ. Вѣрно, оставить все женѣ, привести въ порядокъ. Мнѣ ужь нельзя; вы видите, въ какомъ я положеніи!“ При прощаньи онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „Прощайте!... Богъ знаетъ, увидимся ли еще“. Я было возразилъ противъ этого надеждою, но онъ отвѣчалъ: „Ахъ! какъ часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей моихъ, и уже больше ихъ не видалъ!... Богъ съ вами, Богъ съ вами! Благодарю васъ за эти три дня, въ которые вы мнѣ принесли столько радости.“ Я вышелъ.

$\frac{12}{24}$ Апрѣля я былъ въ Карлсруэ у П. П. Озерова. По причащеніи дѣтей его, я готовился уже отправиться обратно въ Стутгартъ, какъ приходитъ извѣстіе, что В. А. Жуковскій скончался въ ночь съ пятницы на субботу въ 1 ч. и 37 минутъ по полуночи. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ и я письмо отъ человѣка, находившагося неотлучно при покойникѣ до самой послѣдней минуты. Онъ извѣщалъ меня, что еще въ пятницу вечеромъ никто не могъ думать, что нашъ почтенный старецъ такъ скоро кончитъ жизнь свою. Въ часъ по полудни мы отправились вмѣстѣ съ г. Озеровымъ въ Баденъ; съ нами вмѣстѣ прибылъ изъ Франкфурта старикъ Рейтернъ, безрукій воинъ Русской службы, которому не суждено было принять послѣдній вздохъ своего друга и зятя. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежалъ представльшійся еще въ кровати, обставленный кругомъ цвѣтами и обвитый большою гирляндой изъ неувядаемой зелени, я думалъ видѣть болѣе усталаго пѣвца, тихимъ сномъ покоившагося на лаврахъ, нежели обыкновеннаго мертвеца. Кротость и спокойствіе, сіявшія на лицѣ его, ясно свидѣтельствовали о той тихой кончинѣ, какую ему послалъ Богъ. Изъ разсказовъ того же человѣка я узналъ, что онъ съ пятницы на субботу

къ вечеру былъ больше въ забытьи; однако узналъ и жену и дѣтей своихъ; къ ночи же уснулъ, и спалъ самымъ покойнымъ сномъ, пока въ половинѣ втораго часа по полуночи два послѣдніе вздоха, отличавшіеся отъ обыкновеннаго дыханія спящаго человѣка только тѣмъ, что они слѣдовали рѣже одинъ за другимъ, не окончили его тѣлеснаго существованія на землѣ....... Мы начали литію. Продолженіе пасхальнаго попразднества какъ нельзя лучше шло къ настоящему случаю; и когда я, стоя лицомъ къ лицу умершаго, возгласилъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ,"—то мнѣ казалось, что онъ самъ еще внимаетъ сему торжественному гимну сквозь охладѣвшія черты еще жившаго выраженіемъ лица своего. Признаюсь, никогда еще и мнѣ самому не доводилось чувствовать всю великость истины, заключавшейся въ этой торжественной пѣсни воскресенія, какъ въ эту минуту, надъ бреннымъ остаткомъ человѣка, котораго душа была глубоко проникнута живою вѣрою во Іисуса Христа!....

Послѣ службы, супруга Жуковскаго еще разъ съ восторгомъ вспомнила о той святой радости, которой онъ былъ исполненъ послѣ причащенія Св. Таинъ. „Развѣ вы не знаете, говорила она мнѣ, что съ нимъ было чудо? Онъ мнѣ самъ говорилъ, что видѣлъ Іисуса Христа, Который явился ему въ тѣлесномъ видѣ". Я понялъ вполнѣ это видѣніе, ибо былъ свидѣтелемъ его сердечнаго восторга по принятіи Св. Таинъ. Рѣдко можно встрѣтить подобнаго человѣка, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ поэтъ-христіанинъ и христіанинъ-философъ Жуковскій. Съ самаго перваго дня своей болѣзни, которая серьезно началась съ $\frac{1}{13}$ Апрѣля, онъ уже сталъ помышлять о переходѣ въ другой міръ. Еще за три недѣли до своей смерти, въ кругу друзей своихъ, разсуждалъ онъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ чрезъ І. Христа, ожидающемъ христіанина за гробомъ. Съ ними же окончательно обсудилъ онъ и будущность своего семейства, вскорѣ долженствовавшаго осиротѣть. Какъ спокойно обдумывалъ онъ свою кончину, видно особенно изъ одного завѣщанія его своему человѣку. „Василій," говорилъ онъ ему, уже лежа въ постелѣ: „ты, когда я умру, положи мнѣ сейчасъ же на глаза по гульдену и подвяжи мнѣ ротъ; я не хочу, чтобы меня боялись мертваго". Въ такихъ простыхъ словахъ кто не увидитъ выраженія того добродушія, которое было постояннымъ характеромъ его при жизни, и которое не слетѣло съ лица его и послѣ того, какъ душа оставила его тѣло?

$\frac{14}{26}$ Апрѣля мы собрались всѣ вокругъ тѣла покойнаго. Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна, по первому телеграфическому извѣстію въ Стутгардтъ о кончинѣ столько уважаемаго старца, отправила въ Баденъ своего секретаря Н. Ѳ. Аделунга для выраженія своего соболѣзнованія осиротѣвшему семейству, и своихъ пѣвчихъ для отпѣванія тѣла покойнаго. Пріѣхали также изъ Стутгардта кн. Щербатовъ и Н. М. Докучаевъ, изъ Карлсруэ П. П. Озеровъ; собрались и всѣ Русскіе, находившіеся въ это время въ Баденѣ. Здѣсь передъ отпѣваніемъ мы еще разъ собрались въ кругу семейства: вдова Жуковскаго, безрукій Рейтернъ, тесть покойнаго, съ своею супругою, г-жа Сидовъ и я. Каждому изъ насъ равно дороги были послѣднія слова Жуковскаго, но для всѣхъ вмѣстѣ самое большое утѣшеніе доставляла мысль о его истинно христіанской кончинѣ. Такъ г-жа Жуковская разсказала намъ, что, наканунѣ смерти своей, въ пятницу, онъ увѣрялъ ее еще разъ, что онъ видѣлъ І. Христа. „Да, другъ мой"— говорилъ онъ ей, — „это было не видѣніе; я видѣлъ Его тѣлеснымъ образомъ; я видѣлъ Его, какъ Онъ стоялъ сзади дѣтей моихъ въ то время, когда они пріобщались Св. Таинъ. Онъ будетъ съ ними. Онъ мнѣ самъ сказалъ

это“. Послѣ подошла къ нему г-жа Сидовъ, и онъ, взглянувъ на нее, сказалъ: „Скажите мнѣ, какія мощи на васъ? Нѣтъ, я серьезно спрашиваю васъ, есть ли на васъ мощи?“ Она дѣйствительно имѣла на себѣ крестъ съ частію древа Господня; но, по собственному ея признанію мнѣ, никто не зналъ о томъ, кромѣ ея самой. Она вынула этотъ крестъ, и дала ему облобызать оный, что̀ онъ и сдѣлалъ съ большимъ благоговѣніемъ. Въ пятницу же, поздно вечеромъ, онъ подзываетъ къ себѣ маленькую дочь свою, Сашу, и говоритъ ей: „Поди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ, и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой—это терпѣніе.“ Уже поздно вечеромъ, когда онъ находился въ забытьи и съ трудомъ узнавалъ своихъ, онъ замѣтилъ подлѣ себя тещу свою, и говоритъ ей: „Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова!“ И это было послѣднее слово Жуковскаго, который, какъ зрѣлый плодъ, былъ бережно снятъ Десницею Божіею съ древа земной жизни его .....

Въ понедѣльникъ $\frac{14}{26}$ Апрѣля, въ 4 часа, мы совершили отпѣваніе надъ тѣломъ усопшаго при многочисленномъ стеченіи народа. Потомъ вынесли гробъ, и въ 6 часу тронулся съ мѣста погребальный поѣздъ. По городу гробъ несли на рукахъ; впереди шли пѣвчіе съ пѣніемъ: „Святый Боже!“ и несли на пяти подушкахъ тридцать орденовъ и знаковъ отличій, русскихъ и иностранныхъ; я шелъ въ полномъ облаченіи, а за мной слѣдовалъ римско-католическій деканъ города Бадена въ своей духовной формѣ — почесть исключительно оказанная памяти Жуковскаго, имя котораго давно уже извѣстно стало и въ Германіи. Его похоронили на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ въ склепѣ. Останется ли тѣло его тамъ или будетъ перенесено куда въ другое мѣсто *), но во всякомъ случаѣ и это временное мѣсто погребенія великаго поэта Русскаго будетъ увѣковѣчено памятникомъ, и вѣрно всякій Русскій, бывающій въ Баденѣ, посѣтитъ это мѣсто и съ благоговѣніемъ прочтетъ: „Здѣсь было погребено тѣло Жуковскаго“.

Сколько я могъ узнать, послѣ смерти В. А. Жуковскаго осталось довольно сочиненій. Такъ, кромѣ его поэмы: „Странствующій Жидъ“, осталась еще одна пѣснь Иліады и много мелкихъ произведеній, большею частію въ прозѣ. О „Странствующемъ Жидѣ“ я съ любопытствомъ распрашивалъ у писца, которому Жуковскій диктовалъ эту поэму, и узналъ отъ него, что въ этой поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о Вѣчномъ Жидѣ, изобразилъ всю чудную исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковскаго. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же неизнашиваемыми одѣяніями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По разсказамъ писца, Жуковскій писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ. Къ сожалѣнію, эта великая поэма не докончена.

*) Какъ извѣстно, Жуковскій похороненъ въ Невской Лаврѣ. Памятникъ, воздвигнутый надъ его могилою, по общественной подпискѣ, содержитъ въ себѣ, къ сожалѣнію, невѣрныя обозначенія дня и года его рожденія. Онъ родился 29 Генв. 1783 г., какъ означено было тогда же въ святцахъ, принадлежавшихъ одной близкой ему особѣ. *П. Б.*

Но и это, конечно, не безъ особаго Промысла Божія: ибо если Ему угодно было внушить своему избранному пѣвцу такое вдохновеніе,—а въ этомъ мы не смѣемъ сомнѣваться, то Его же премудрости прилично было и остановить трость книжника-скорописца на томъ предѣлѣ, далѣе котораго еще не возносилось вѣдѣніе человѣка, озаренное даже Духомъ Святымъ. На счетъ перевода Иліады В. А. Жуковскій еще за полтора года передъ симъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что имѣетъ мысль перевести и Иліаду, какъ онъ переводилъ Одиссею. „Для этого"—говорилъ онъ —„я беру въ руки Гнѣдича, прочитаю изъ него страницу или двѣ, потомъ прочитаю тоже самое по нѣмецки, и затѣмъ начинаю писать самъ по чутью, съ какимъ я переводилъ и Одиссею. Выходитъ иногда, что мой стихъ сходится отъ слова до слова со стихомъ Гнѣдича, и тогда я замѣчаю, что это все-таки стихъ мой; а въ другой разъ я поправляю свой переводъ по Гнѣдичу, и тогда тутъ же дѣлаю выноску, что это не мой стихъ. Но (прибавилъ онъ) вы пока объ этомъ не говорите никому."

Въ 1850 году я былъ тоже въ Баденѣ по дѣлу, и оставался тамъ нѣсколько дней. Пользуясь этимъ временемъ, Василій Андреевичъ просилъ меня просмотрѣть нѣкоторыя, написанныя имъ, статейки религіознаго содержанія. „Я хочу"—говорилъ онъ мнѣ—„попробовать, нельзя ли сдѣлаться философомъ, не учившись философіи, а только зная одно Священное Писаніе. Но какъ я догматикѣ не учился, то вы посмотрите хорошенько, не сдѣлалъ ли я какой ошибки противъ догматовъ. Можно хорошо понимать христіанство: но мы живемъ въ церкви, и безъ церкви жить не можемъ. Человѣку нужна власть; надобно, чтобы надъ нимъ былъ авторитетъ, который бы всегда имѣлъ право сказать ему: ты заблуждаешься. Что̀ сталось съ протестантствомъ послѣ того, какъ Лютеръ отвергъ церковь? Церковь его была тогда и больна и развращена; да онъ, возставъ противъ злоупотребленій, дѣйствовалъ такъ, что подрывалъ самыя основанія церкви. И вотъ теперь въ Германіи смотрите, что̀ дѣлается въ протестантствѣ. Что̀ такое церковь? Это кругъ, въ которомъ можешь обращаться, сколько хочешь, съ твоимъ разумомъ; но не выходи за предѣлы этого круга. А внѣ церкви что? Безграничная пустота, просторъ для блуждающихъ." Эти мысли были любимою темою его частыхъ собесѣдованій со мною. Христіанство было для него всегдашнимъ предметомъ глубокихъ изученій.

Въ заключеніе я не могу не вспомнить теперь и съ своей стороны о какомъ-то предчувствіи близкой потери для Россіи ея заслуженнаго поэта. Это было въ Февралѣ нынѣшняго года. Василій Андреевичъ прислалъ мнѣ маленькое собраніе своихъ стихотвореній, всего на восьми печатныхъ осьмушкахъ, посвященныхъ имъ своимъ дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ. Въ этой брошюркѣ было всего шесть стихотвореній, изъ которыхъ первыя два: Птичка и Котикъ Усатый, сложены имъ для перваго ученія дѣтей своихъ Русскому произношенію. Но надобно было, чтобы получивши эту книжку, я развернулъ ее на пятомъ стихотвореніи: Царскосельскій Лебедь. Это была уже не дѣтская басня, но какое-то таинственное описаніе прежде знакомаго лебедя, который жилъ, былъ молодъ, состарѣлся въ одиночествѣ, пропѣлъ свою лебединую пѣснь,

А когда допѣлъ онъ, на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши,
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся.... и его не стало
Въ высотѣ.... И навзничь съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужь не горящій.

Прочитавъ это стихотвореніе и перевернувъ страницу, на которой послѣдній (VI) номеръ составлялъ: Боже, Царя Храни! Я невольно подумалъ: неу-

жели это въ самомъ дѣлѣ предчувствіе скорой кончины его самаго, такъ поэтически изображенной въ этихъ послѣднихъ строкахъ? Какъ бы то ни было, но послѣ, когда я стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Жуковскаго, мнѣ невольно вторились его три послѣдніе стиха:

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужь негорящій....

І. Базаровъ.

(Перепечатано, съ дозволенія автора, изъ Извѣстій 2 го отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 1-й стр. 249—256).

КЪ ИСТОРІИ ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ 1788 ГОДУ. *)

Графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій.— Русскіе плѣнные въ Швеціи.—Дипломатическая полемика.

Когда въ Стокгольмѣ начались настоящія приготовленія къ войнѣ, то Густавъ III приказалъ объявить датскому министру, что они предприняты въ обезпеченіе противъ замысловъ Россіи. Графъ Равентлау тотчасъ же сообщилъ это русскому посланнику графу Разумовскому, который вслѣдъ за тѣмъ, $\frac{5}{16}$ іюня, подалъ королю рѣзкую и оскорбительную ноту: обращаясь въ ней къ верховному суду націи и всѣхъ, участвующихъ въ государственномъ управленіи, онъ нарочно отдѣлялъ короля отъ подданныхъ и увѣрялъ шведскій народъ въ дружелюбіи и благосклонности русской императрицы. $\frac{12}{23}$ іюня графъ Оксеншерна отвѣчалъ на это декларацією, въ которой значилось, что послѣ такого поступка Разумовскій уже не можетъ почитаться посломъ и, превысивъ свои обязанности, лишается всѣхъ своихъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему дано знать, чтобы онъ болѣе не являлся ко двору и въ скорѣйшемъ времени оставилъ бы Швецію, на что онъ однакожъ отвѣчалъ, что долженъ дождаться повелѣній своего правительства.

Когда Густавъ III въ 1784 г. находился въ Неаполѣ, русскимъ посломъ при тамошнемъ дворѣ былъ тотъ же графъ (впослѣдствіи князь) Разумовскій; по инструкціямъ своего правительства, онъ въ то время всячески старался угождать шведскому королю, и умѣлъ своимъ характеромъ и обширными познаніями внушить ему особенное къ себѣ расположеніе. Въ 1786 году русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Морковъ былъ отозванъ Екатериною по жалобѣ Густава на его вмѣшательство въ дѣла шведскаго сейма: тогда король просилъ назначить на этотъ постъ Разумовскаго, который и былъ переведенъ туда изъ Копенгагена, гдѣ онъ до тѣхъ поръ занималъ должность полномочнаго министра. Въ Стокгольмѣ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и тонкостью; являлся гордымъ при дворѣ и крайне любезнымъ въ частныхъ домахъ, нерѣдко приглашая къ себѣ ни карты многочисленныхъ гостей. Изъ своихъ оконъ видѣлъ онъ, какъ снаряжались къ войнѣ, и часто проѣзжалъ мимо лагеря, причемъ обнаруживалъ необыкновенную вѣжливость,

*) Извлечено изъ шведскихъ источниковъ, преимущественно изъ *Достопамятностей* Барфода (Märkvärdigheter rörande Sveriges förhållanden, 1788—1792, Stockh. 1846). Авторъ, умершій около 1820 г. хотя и занималъ скромное мѣсто въ шведской гражданской службѣ, имѣлъ обширныя связи съ лицами, игравшими роль въ политическихъ событіяхъ, велъ съ нѣкоторыми изъ нихъ переписку и притомъ обладалъ основательными свѣдѣніями въ исторіи. Г. Брикнеръ въ прекрасной статьѣ своей («Конфедерація въ Аньяла», Журн. Мин. Н. Пр 1868 мартъ) напрасно называетъ Барфода секретаремъ Спренгпортена (689). Въ томъ мѣстѣ книги: „Anjala-Förbundet“, на которое онъ при этомъ ссылается, сказано: «Одинъ изъ его (*Спренгпортена*) современниковъ, секретарь Барфодъ». Названіе же *секретарь* употребляется въ Швеціи вообще какъ титулъ незначительнаго чиновника, не имѣющаго опредѣленнаго званія. Замѣчу кстати, что имя *Мальманенъ*, выставленное въ заглавіи монографіи „Anjala-Förbundet“ есть псевдонимъ, подъ которымъ скрылъ себя графъ Крейцъ. Предпринявъ этотъ трудъ въ 40-хъ годахъ, онъ только что кончилъ съ отличіемъ курсъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ и, помнится, ѣздилъ не только въ Стокгольмъ, но и въ Петербургъ для собиранія въ архивахъ матеріаловъ къ своему изслѣдованію. Въ настоящемъ очеркѣ я отчасти пользовался также книгою покойнаго профессора Рейна: «Kriget i Finland åren 1788, 1789 och 1790», изд. въ Гельсингфорсѣ 1860 г.

раскланиваясь съ офицерами. Когда ему отказано было отъ двора, онъ нарочно сталъ показываться на гульбищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ собиралась публика. Тоже дѣлалъ онъ, когда началась война; когда же отнятые въ морскихъ сраженіяхъ русскіе флаги были вывѣшены передъ дворцомъ, онъ явился въ толпѣ на внутренней дворцовой площади. Наконецъ узнали, что онъ имѣетъ частыя совѣщанія съ оппозиціонной партіей, и ему объявлено, чтобъ онъ въ назначенный день удалился, если желаетъ избѣгнуть большихъ непріятностей

Разумовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ иноземныхъ пословъ, которые наиболѣе вредили Швеціи; его происки производили самыя гибельныя дѣйствія. Мѣсто русскаго посла въ Стокгольмѣ издавна считалось почетнымъ, такъ какъ оно сопровождалось удвоеннымъ жалованьемъ, и притомъ лицо, занимавшее этотъ постъ, могло располагать еще значительными суммами для подкуповъ, не будучи связано никакого отчетностью. О размѣрѣ этихъ суммъ можно судить по тому, что генералъ Кейтъ, въ званіи выборскаго губернатора, въ теченіе одного года, истратилъ 23.000 руб. на уплату шпіонамъ. Какія же нужны были средства для удовлетворенія цѣлой партіи? Послѣ русскаго посольства въ Варшавѣ самымъ выгоднымъ было стокгольмское, въ составъ котораго входила цѣлая канцелярія съ совѣтниками, секретаремъ, переводчикомъ и актуаріусомъ.

Съ этой многочисленной свитой графъ Разумовскій наконецъ, *11 августа* н. ст. 1788 г., пустился въ море: самъ онъ сѣлъ на прекрасно устроенную яхту, а его подчиненные размѣстились на двухъ казенныхъ судахъ; ихъ повезли на *Любекъ* въ отплату за то, что шведскій посолъ въ Петербургѣ, баронъ фонъ Нолькенъ, долженъ былъ отправиться черезъ *Польшу*. 15-го августа графъ Андрей Кириловичъ стоялъ еще у острова Даларö, чтобы, подъ предлогомъ противнаго вѣтра, познакомиться съ важнѣйшими изъ его жителей. 21 августа онъ присталъ въ Висби, страдая морскою болѣзнью, которая однакожъ прошла при выходѣ на берегъ, такъ что онъ могъ спокойно прогуливаться по городу, распрашивая подробно о состояніи и оборонительныхъ средствахъ Готланда. На это горожане стали жаловаться; тогда ему предложили, не возметъ ли онъ, для избѣжанія непріятностей, артиллерійскаго офицера въ провожатые; но онъ отвѣчалъ, что скорѣе подвергнется всякому насилію, нежели согласится ходить съ конвоемъ. Когда графъ выразилъ желаніе предпринять поѣздку для обозрѣнія острова, то народъ просилъ губернатора удалить опаснаго путешественника. Начальнику этого транспорта, маіору Дюбордьё (Dubordieu) многіе серьезно напоминали, что пора продолжать плаваніе. Ночью большая толпа собралась передъ квартирою графа, гдѣ въ собственной комнатѣ его не рѣшались зажигать свѣчъ. Хозяину грозили, что истребятъ его домъ, если онъ не выпроводитъ непріятныхъ гостей. Это ускорило отъѣздъ изъ Висби, 22-го послѣ полудня. 26-го августа вышли на берегъ въ Карлсгамнѣ; здѣсь графъ Разумовскій велъ себя уже осторожнѣе и встрѣтилъ болѣе учтивое обращеніе. Такъ какъ яхта требовала починки, то онъ прожилъ нѣсколько дней въ лоцманскомъ домѣ у пристани и только 31-го числа вышелъ прогуляться по городу, магистратъ котораго предложилъ ему кое-какое угощеніе (тамошній бургомистръ былъ изъ семейства, всегда принадлежавшаго къ партіи Шапокъ). 3-го сентября суда отправились уже прямо въ Любекъ, а оттуда графъ Разумовскій продолжалъ путь въ Вѣну *).

---

*) Здѣсь Барфодъ, кажется, ошибочно прибавляетъ, что въ Вѣнѣ Разумовскій *вскоръ* женился на богатой графинѣ *фонъ Тунъ*: въ біографіи этого вельможи, помѣщенной въ словарѣ Бантыша-Каменскаго (СПб. 1847 г. III) сказано, что онъ женился въ Вѣнѣ гораздо позднѣе, именно въ 1816 г., и притомъ на графинѣ *Тюргеймъ* (ум. 1829); первою же супругой его была княжна Лигновская.

При русскомъ дворѣ многіе считали войну съ Швеціей несвоевременною и потому были крайне раздражены противъ Разумовскаго, ускорившаго разрывъ своими интригами: даже родной его братъ отнесся къ нему враждебно. Русскіе купцы, которые въ силу трактатовъ издавна имѣли товарные склады въ Стокгольмѣ и тѣмъ совершенно устраняли Шведовъ отъ торговли произведеніями Россіи, получили позволеніе продать свои запасы и произвести взысканія по своимъ претензіямъ, послѣ чего они были отправлены вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ. Это внезапное перемѣщеніе было имъ тяжко: старшіе изъ нихъ совершенно водворились въ Швеціи, а младшіе по большей части тамъ выросли. Нѣкоторые изъ нихъ просили было предоставить имъ право гражданства, но по военнымъ обстоятельствамъ желаніе ихъ не могло быть исполнено.

Только что императрица получила извѣстіе о стокгольмскихъ событіяхъ, шведскому министру при петербурскомъ дворѣ предписано было немедленно удалиться. Баронъ Фридрихъ фонъ Нолькенъ, отецъ котораго уже занималъ этотъ постъ при началѣ шведской войны въ 1741 году, самъ находился въ томъ же званіи съ 1773 г. и въ Петербургѣ женился на Лифляндской графинѣ Мантейфель. Положеніе посла въ этой столицѣ требовало большихъ издержекъ, и онъ прожилъ все женино имѣніе. До сихъ поръ поведеніе его вполнѣ одобрялось дворомъ и правительствомъ Швеціи; но когда возникла война, онъ тотчасъ подвергся осужденію недовольныхъ; люди же безпристрастные, но малосвѣдущіе, думали, что онъ ложными извѣстіями о военныхъ силахъ Россіи внушилъ королю излишнюю самонадѣянность. Поводомъ къ такому предположенію послужилъ перевѣсъ Россіи на морѣ, тогда какъ прежде ходили слухи, что она терпитъ недостатокъ въ морякахъ и особенно въ искусныхъ офицерахъ. Въ этомъ противорѣчіи баронъ Нолькенъ, однакожъ не былъ виноватъ. Онъ доставилъ вѣрный списокъ русскимъ судамъ съ подробными свѣдѣніями о ихъ вооруженіи и количествѣ экипажа на каждомъ, но эти показанія не были тогда обнародованы. Людей дѣйствительно недоставало въ той части русскаго флота, которой предназначалось оставаться въ Балтійскомъ морѣ; не полонъ былъ бы составъ экипажей и на судахъ, отправлявшихся въ Средиземное море, еслибъ въ распоряженіи у императрицы не было множества англичанъ для подкрѣпленія не столь искусныхъ въ морскомъ дѣлѣ русскихъ.

Министру и секретарю шведскаго посольства было приказано ѣхать либо моремъ изъ Кронштадта, либо сухимъ путемъ черезъ Польшу. Первое было неисполнимо, потому что, хотя посолъ предлагалъ 10,000 рублей, нельзя было достать нейтральнаго судна для переѣзда въ шведскую гавань; итакъ надобно было рѣшиться на послѣднее. Посольство выѣхало изъ Петербурга 14-го іюля. Путешествіе черезъ Псковъ и Полоцкъ было крайне тягостно по сильному зною и въ высшей степени непріятно, такъ какъ манифестъ о войнѣ съ Швеціей, только что обнародованный, возбудилъ въ массѣ жителей большое озлобленіе. Но путешественниковъ охранялъ офицеръ, сопровождавшій ихъ до самой границы. За нею они очутились на польской землѣ. Дороги были въ жалкомъ положеніи, и можно было подвигаться не иначе, какъ съ фурманами изъ евреевъ, которые за все брали въ-три-дорога. Во всей Польшѣ господствовала общая вражда противъ русскихъ, и въ одной Литвѣ можно было набрать цѣлую армію изъ людей, готовыхъ напасть не безпокойныхъ сосѣдей. 7-го августа баронъ Нолькенъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ король-вассалъ не допустилъ его къ себѣ. Между вельможами было большое броженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось въ нихъ такое колебаніе, что многіе, обнаруживавшіе неудовольствіе противъ русскаго правительства, впослѣдствіи оказывали ему преданность. 15 августа посольство пред-

ставлялось прусскому королю въ Лигницѣ. Онъ изъявилъ много дружелюбія къ королю шведскому и желанія блага его государству. Во всѣхъ прусскихъ областяхъ народъ показывалъ рѣшительную непріязнь къ русскимъ. Потомъ баронъ Нолькенъ продолжалъ путь черезъ Берлинъ и Стральзундъ въ Швецію.

Пропускаю подробности военныхъ дѣйствій и останавливаюсь на разсказѣ о плѣнныхъ и о переговорахъ между обоими государствами.

Русскіе военноплѣнные были сперва перевезены въ Або, а оттуда на нѣсколькихъ судахъ, подъ прикрытіемъ казенной яхты, отправлены въ Швецію. 1-го сентября прибыли они въ Стокгольмъ и на слѣдующій день высадились на берегъ передъ собравшеюся огромною толпой народа. Матросовъ и солдатъ было до 980, все рослые, дюжіе ребята: назначавшаяся въ Архипелагъ экспедиція составляла цвѣтъ русскихъ морскихъ силъ. Плѣнные были отвезены въ Гагу (загородное мѣсто близъ Стокгольма) для работъ, съ содержаніемъ по 4 шилл. въ день, и размѣщены въ нарочно построенныхъ для этой цѣли баракахъ. Они не могли жаловаться на свое положеніе и въ свободные часы забавляли публику пляской, которою однажды любовалась королева, оставившая имъ въ подарокъ 100 риксдалеровъ. Любопытно, что между этими военноплѣнными оказалось нѣсколько переодѣтыхъ женщинъ, которыхъ пришлось отправить въ родильный домъ. Къ числу офицеровъ, кромѣ бригадира Берга, принадлежали: 1 подполковникъ, 1 маіоръ, 1 капитанъ-поручикъ, 8 поручиковъ, 3 баталіонные поручика, 4 прапорщика и 15 кадетъ (гардемариновъ). Изъ Стокгольма ихъ черезъ нѣсколько времени перевели въ Упсалу, гдѣ кадеты могли продолжать свои военныя упражненія. Замѣчательно, что всѣ эти мальчики были очень некрасивы собой и что почти всѣ офицеры говорили только по русски. Къ этому современному извѣстію шведа о нашихъ плѣнныхъ присоединю то, что одинъ изъ нихъ въ старости самъ припоминалъ о своемъ пребываніи въ Швеціи. Это былъ покойный Ив. Петр. Бунинъ (умершій въ 1858 году, 86-и лѣтъ отъ роду). Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, два наши фрегата, шедшіе изъ Ревеля, во время густаго тумана, очутились вдругъ посреди непріятельской эскадры и послѣ непродолжительной перестрѣлки были взяты въ плѣнъ. На одномъ изъ этихъ фрегатовъ находился съ нѣсколькими товарищами гардемаринъ Бунинъ. Его посадили сначала въ свеаборгскій казематъ, гдѣ онъ, лежа на соломѣ, получалъ пищу сквозь отверзтіе въ потолкѣ. На четвертые сутки вошелъ къ нему комендантъ крѣпости, прося отъ имени короля извиненія въ такомъ жестокомъ обращеніи, которое будто бы произошло по ошибкѣ. Плѣнныхъ отвезли на фрегатъ короля, стоявшій передъ Гельсингфорсомъ. Густавъ III очень милостиво разговаривалъ съ плѣнными (черезъ переводчика, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не говорилъ по-французски) и объявилъ имъ, что въ вознагражденіе за то, что они вынесли, онъ пошлетъ ихъ учиться въ университетскіе города—однихъ въ Або, а другихъ въ Упсалу. Но замѣтивъ, что одинъ молоденькій гардемаринъ плачетъ, и узнавъ, что причиной тому предстоящая разлука съ товарищами, король согласился всѣхъ ихъ отправить въ Упсалу. Между тѣмъ на берегу раскинута была палатка, и плѣнныхъ позвали туда обѣдать. Въ Упсалѣ они приняты были очень радушно: имъ назначено было по 900 риксдалеровъ (около 300 р. сер.) на посѣщеніе лекцій въ университетѣ и сверхъ того суточное содержаніе. Но такъ какъ имъ, по незнанію шведскаго языка, невозможно было пользоваться тамошними лекціями, то это распоряженіе, съ позволенія короля, вскорѣ было измѣнено, и плѣннымъ офицерамъ предоставлено обучать гардемариновъ военнымъ наукамъ, причемъ однакожъ разъ назначенное содержаніе было всѣмъ имъ сохранено. Такъ про-

жили они въ Упсалѣ два съ половиной года и только при размѣнѣ плѣнныхъ возвратились на родину.

Съ плѣнными Шведами въ Россіи, по свидѣтельству Барфода, также обращались человѣколюбиво. Но вслѣдствіе попытокъ нѣкоторыхъ къ бѣгству, всѣ они изъ Петербурга были удалены во внутреннія губерніи, отчасти въ Москву. Изъ нижнихъ чиновъ многіе успѣли однакожъ, съ опасностью жизни, освободиться и достигнуть отечества: они не могли свыкнуться съ пищей, которую получали на ровнѣ съ нашими солдатами. Изъ Шведовъ, бывшихъ тогда въ русскомъ плѣну, особенно извѣстенъ графъ Вахтмейстеръ, котораго у насъ ошибочно называютъ адмираломъ. На шведскомъ кораблѣ ***Принцъ Густавъ,*** взятомъ русскими въ сраженіи при Гохландѣ, было два графа Вахтмейстера: одинъ, командиръ его, подполковникъ графъ Гансъ (Іоаннъ) Вахтмейстеръ, а другой, начальникъ авангарда, полковникъ Класъ (Николай) Вахтмейстеръ, меньшой братъ перваго, храбрый морякъ, отличавшійся во французской кампаніи какъ въ Америкѣ, такъ и въ Вестъ-Индіи. Отплывая въ послѣдній разъ отъ Гельсингфорса, онъ сказалъ, что не отдастся въ плѣнъ живымъ. Это и было бы имъ исполнено, еслибъ пороховая камера не слишкомъ налилась водою, такъ что не могла вспыхнуть, когда его братъ хотѣлъ зажечь ее. Такъ какъ графъ Класъ Вахтмейстеръ, въ качествѣ начальника авангарда, поднялъ вице-адмиральскій флагъ, то русскіе и оказали ему особенной почетъ, и сама императрица отличила его своимъ вниманіемъ *). Впослѣдствіи король пожаловалъ ему за храбрость командорскую ленту ордена меча.

Военныя дѣйствія были уже въ полномъ ходу, а объявленія войны еще не послѣдовало. На первый случай король, тотчасъ по прибытіи въ Финляндію, отправилъ капитана Деламиль (De la Myle) къ русскому двору съ ультиматумомъ, который 12-го іюня переданъ былъ секретаремъ шведскаго посольства Шлафомъ русскому вицеканцлеру графу Остерману. Въ этой нотѣ Густавъ предлагалъ миръ, но съ тѣмъ, чтобы Россія, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, возвратила тѣ части Финляндіи, которыя пріобрѣла по мирнымъ трактатамъ нюстадскому и абовскому; далѣе онъ требовалъ, чтобы графъ Разумовскій былъ строго наказанъ за свое поведеніе въ Швеціи; чтобы Екатерина приняла посредничество этого государства для мира съ Портою и отказалась отъ Крыма; чтобы наконецъ она отозвала всѣ отправленные ею въ Балтійское море корабли, разоружила свой флотъ, велѣла отступить войскамъ отъ границы, а королю позволила бы остаться вооруженнымъ, пока будетъ заключенъ миръ между Россіей и Портой. Отвѣтомъ былъ, какъ легко догадаться, гордый отказъ. Послѣ того Густавъ разослалъ къ иностраннымъ дворамъ, изъ Гельсингфорса, декларацію отъ 21 іюля, въ которой исчислилъ причины, побудившія его вооружиться: продолжительныя старанія Россіи нарушить спокойствіе Швеціи и произвести разладъ между правительствомъ и народомъ, дѣйствія Разумовскаго, переходъ Спренгпортена въ службу къ императрицѣ, путешествіе, предпринятое русскимъ генераломъ Ангальтомъ, въ концѣ 1786 г., въ Финляндію, чтобы разузнать состояніе и образъ мыслей тамошнихъ жителей; король прибавлялъ, что онъ готовъ возстановить миръ, если Россія приметъ предложенныя ей условія. Эта декларація Густава была напечатана въ Петербургѣ (въ сентябрѣ 1788) съ обширными, весьма рѣзкими, возраженіями и съ приложеніемъ относившихся къ дѣлу документовъ.

Въ этихъ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ *) важна особенно ссылка на ста-

*) Ср. въ *Сочин Державина*, 2-е, Ак. изд.; т. I, стр. 211.

*) Полное заглавіе брошюры: «Примѣчанія и историческія объясненія на объявленіе короля Шведскаго, изданное въ Гельзингфорсѣ въ 21 день іюля 1788 года, съ приложеніями» Въ нашихъ рукахъ сдѣланное тогда же французское изданіе этихъ бумагъ: «Observations et Eclaircissements historiques sur

тью нюстадскаго договора, которою Россія гарантировала Швеціи образъ правленія 1721 года статью, ловко придуманную вождями шведской аристократіи, чтобы съ иноземною помощью подавлять по обстоятельствамъ всякое сопротивленіе своей власти. Обвиненіямъ Густава петербургскій кабинетъ противопоставляетъ съ своей стороны двѣ жалобы: 1, король пытался побудить лифляндское дворянство къ возстанію, обѣщая однимъ принять ихъ въ шведскій государственный совѣтъ, а другимъ дать орденъ серафимовъ; 2, герцогъ Карлъ съ флота послалъ курляндскому дворянству воззваніе съ предложеніемъ избрать его владѣтельнымъ герцогомъ. По мнѣнію Барфода, только первое изъ этихъ двухъ обвиненій заслуживаетъ вниманія. Онъ оправдываетъ попытку Густава тѣмъ, что въ Лифляндіи господствовало общее неудовольствіе. „Учрежденіемъ новаго земскаго управленія, говоритъ Барфодъ, древнее устройство этого края было совершенно измѣнено, и, что̀ еще хуже, права городскаго сословія нарушены съ отмѣною главныхъ его льготъ и преимуществъ. Возбужденный этимъ въ городахъ ропотъ еще усиливался вслѣдствіе того, что при путешествіи императрицы въ Крымъ съ нихъ были произведены, подъ видомъ добровольныхъ приношеній, огромные поборы, которые были разложены на имущество всѣхъ торгующихъ. Сверхъ того Лифляндія, наравнѣ съ цѣлымъ государствомъ, была истощена расходами на военныя потребности. Крестьяне этого края, стеная подъ игомъ помѣщичьей власти, съ отчаяніемъ ждали своего освобожденія и были готовы, при первой надеждѣ на помощь, возстать на своихъ притѣснителей. Оттого тамошнее дворянство жило въ безпрестанномъ страхѣ, и правительство старалось какъ можно долѣе скрывать отъ народа вспыхнувшую со Швеціей войну, такъ что подъ опасеніемъ смертной казни запрещено было говорить о какой либо съ этой стороны опасности. Поэтому высадка въ Лифляндіи, о которой въ то время были толки и здѣсь, не осталась бы конечно безъ дѣйствія; но на помощь дворянства нельзя было разсчитывать. Охраняемое русскимъ правительствомъ, оно не захотѣло бы перейти подъ власть шведской короны, подъ которою всѣ сословія пользуются равными правами. Какъ упомянутый отвѣтъ, такъ и нота русскаго правительства къ иностраннымъ посламъ и самое объявленіе войны, обращенное къ собственнымъ его подданнымъ, написаны слогомъ, обыкновенно неупотребительнымъ между коронованными особами; все это дышетъ особенною непріязнью противъ короля лично, тогда какъ народу заявляется доброе расположеніе и дружелюбіе“.

„Въ этомъ, говоритъ Барфодъ, явно выражается озлобленіе графа Остермана противъ шведскаго королевскаго дома. Этотъ вельможа, къ счастію своему, былъ русскимъ посломъ въ Стокгольмѣ при кончинѣ императрицы Елисаветы, которой вступленіе на престолъ ознаменовалось паденіемъ отца его. Послѣ шведской революціи (1772) онъ былъ отозванъ для назначенія въ должность вицеканцлера, которую отецъ его нѣкогда занималъ такъ долго и такъ блистательно. Во время послѣдняго пребыванія своего въ Швеціи, онъ совершенно овладѣлъ партіей Шапокъ и принудилъ дворъ отдаться въ руки Шляпъ, т. е. той партіи, которая въ 1756 году такъ оскорбила королевское семейство. По его же проискамъ, во время сейма 1765 г., состоялись тѣ вредныя постановленія, которыя такъ разстроили горную и мануфактурную промышленность въ Швеціи, что нѣсколько тысячъ голодныхъ работниковъ были вынуждены искать убѣжища въ Россіи, гдѣ они много способствовали къ улучшенію горныхъ заводовъ: русское желѣзо стало соперничать съ шведскимъ. Въ 1772

la déclaration de S. M. le Roi de Suède en date de Helsingfors du 21 Juillet 1788. Avec des annexes».

году Остерманъ всячески старался склонить свой дворъ къ тому, чтобы, въ силу старинной гарантіи, новый образъ правленія былъ отмѣненъ при пособіи Пруссіи, которая въ то время соблюдала согласіе съ русскимъ дворомъ. Однакожъ ударъ былъ отведенъ тогдашнимъ первымъ министромъ графомъ Панинымъ, который былъ долго посланникомъ въ Швеціи; онъ умѣлъ снискать тамъ уваженіе и двора и народа. и навсегда сохранилъ память о томъ. Въ упомянутомъ отвѣтѣ своемъ русскій дворъ ссылается на тогдашнее бездѣйствіе свое; но оно было вынуждено необходимостью, вслѣдствіе раззорительной, хотя и славной, войны съ Турками, къ которой присоединился еще грозный пугачевскій бунтъ. Въ такихъ обстоятельствахъ новое столкновеніе съ Швеціей могло казаться опаснымъ, тѣмъ болѣе, что помощь Пруссіи была ненадежна: ибо хотя Фридрихъ II въ своихъ сочиненіяхъ и не обнаруживаетъ большой пріязни къ лицу Густава III, однакожъ онъ никогда не могъ бы серьезно дѣйствовать во вредъ своему племяннику, въ угожденіе Россіи, въ которой самъ долженъ былъ видѣть опаснѣйшаго себѣ врага.“

Я. Гротъ.

ПИСЬМА

В. А. ОЗЕРОВА КЪ А. Н. ОЛЕНИНУ. 1808. 1809.

Печатаются съ подлинниковъ, сохранившихся у дочери А. Н. Оленина, Варвары Алексѣевны Олениной и обязательно сообщенныхъ ею въ Р. Архивъ.

Драгоцѣнныя письма эти вскрываютъ (хотя далеко не вполнѣ) загадочную доселѣ личность одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашей словесности. Имя Озерова не умретъ въ исторіи Русскаго театра, гдѣ онъ

невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;

а злосчастная судьба его привлекаетъ къ нему сочувственное вниманіе: чиновникъ Русской службы въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, онъ внезапно пріобрѣтаетъ громкую славу въ области изящной словесности и столь же внезапно гибнетъ гдѣ-то въ глухомъ краю Россіи, лишившись разсудка, еще въ нестарыхъ лѣтахъ возраста. Біографія Озерова скудна подробностями. Онъ родился 29 Сент. 1769, въ Зубцовскомъ у. Тверск. губ. и, какъ кажется, рано лишился матери. Отецъ его, вторично женившійся, отдалъ его въ Сухоп. Шляхетный корпусъ, гдѣ онъ пробылъ 12 лѣтъ и учился съ отличіемъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ адъютанты къ графу де Бальмену и участвовалъ въ занятіи Бендеръ (1789). Впослѣдствіи онъ разсказывалъ своему двоюродному брату графу Д. Н. Блудову (которому, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, не нужно было родства, чтобы быть ему другомъ) какъ Потемкинъ, полураздѣтый и растрепанный, вбѣжалъ въ палатку, гдѣ засѣдали явившіеся изъ Бендеръ паши, и закричалъ на нихъ, чтобы городъ былъ сданъ въ 24 часа, иначе онъ разгромитъ Бендеры своею арміею, и при этомъ такъ сильно ударилъ по столу, уставленному чашками съ кофеемъ, и шербетомъ, что все разлетѣлось въ дребезги.—Потомъ Озеровъ служилъ при Сухоп. корпусѣ. Князь Алексѣй Борис. Куракинъ перевелъ его въ лѣсной департаментъ, гдѣ онъ и пользовался особеннымъ покровительствомъ адмирала Рибаса. Озерова переименовали генералъ-маіоромъ, и онъ объѣзжалъ лѣса

Казанской и Симбирской губерній. Престарѣлый отецъ перевезъ его, уже больнаго, изъ Казанской деревни къ себѣ въ Зубцовскую, гдѣ онъ и умеръ въ ноябрѣ 1816 года, задолго передъ кончиною лишившись не только разсудка, но даже и способности говорить. (Свѣдѣнія эти записаны со словъ гр. Д. Н. Блудова). Сперанскій рѣзко отзывается о талантѣ Озерова (См. Р. Арх. 1868, стр. 1730.)

Превосходная характеристика Озерова, какъ писателя, начертана княземъ П. А. Вяземскимъ, въ статьѣ его „О жизни и о сочиненіяхъ Озерова", помѣщаемой въ собраніи сочиненій сего послѣдняго. „Горе тому, кто съ дарованіемъ получилъ отъ природы и душу чувствительную, ввѣрившую свои наслажденія и горести самовластію чуждаго произвола. Слезами кровавыми заплатитъ онъ за рукоплесканія, мгновенно похищенныя у вѣтренной толпы, сегодня ослѣпленной, а завтра смотрящей съ убійственнымъ равнодушіемъ на бореніе любимца своего съ злобою враговъ."

А. Н. Оленинъ, къ коему писаны письма, былъ издавна другомъ и споспѣшникомъ Озерова въ его занятіяхъ словесностью (См. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1867 г., стр. 146, гдѣ напечатано письмо А. Н. Оленина къ Озерову по поводу представленія „Эдипа"). Слѣдующія письма изображаютъ намъ и А. Н. Оленина, этого ревностнаго друга, добраго совѣтника, ходатая и пособника столь многихъ дѣятелей Русской художественной мысли и слова. Оленину Озеровъ посвятилъ свою трагедію „Фингалъ." Трагедія „Поликсена", о которой говорится въ этихъ письмахъ, была послѣднимъ печатнымъ произведеніемъ Озерова. Говорятъ, что неудача ея, въ связи съ неудачею по службѣ, была причиною болѣзни Озерова, а колкіе отзывы литературныхъ недоброжелателей послужили первымъ поводомъ къ умственному его разстройству. *П. Б.*

I.

Октября 12-го дня 1808 года.
Зубцовскаго уѣзда село Казанское.

Не вы виноваты въ прерваніи нашей переписки, любезнѣйшій и почтенный другъ Алексѣй Николаевичъ, но я передъ вами съ повинною головою. Не сдержавъ моего слова и не окончивъ Поликсены къ назначенному времени, не могъ рѣшиться писать къ вамъ и жаловаться на собственную мою лѣнь и на простывшую во мнѣ склонность къ стихамъ и къ трагедіямъ. — Повѣрите ли вы, что я до сего дня только половину пятаго дѣйствія написалъ; остается болѣе ста стиховъ и цѣлыхъ три явленія сочинить. Чувствуя, что мое воображеніе охладѣло, не принимаюсь и за перо, чтобы Поликсена не упала въ Ледовитое море и не утопилась, вмѣсто того, что ей должно заколоться на могилѣ своего любовника. Главная же причина моей медленности въ сочиненіи есть удаленіе мое отъ искреннихъ и просвѣщенныхъ друзей, въ числѣ которыхъ считаю васъ изъ первыхъ. Никто здѣсь не въ состояніи сказать мнѣ: это дурно, это хорошо, это перемѣнить надобно; никому здѣсь не рѣшусь я прочитать страницы стиховъ. О вкусѣ моихъ сосѣдей посудите изъ того, что по зимамъ ѣздятъ они въ Москву любоваться всѣми частями Русалки, а лѣтомъ съѣзжаются къ одному здѣшнему дворянину удивляться великолѣпію большаго балета съ маленькими разговорами, сочиненія самого господина помѣщика. Вообразите себѣ длинный, узкій и невысокій ящикъ—это театръ; сорокъ человѣкъ дворовыхъ людей, всѣ изъ Корелъ (и ни на одномъ порядочнаго человѣческаго лица) марширующихъ по музыкѣ, и часто не

въ такту, вотъ дѣйствующіе воины; и наконецъ камердинера средняго роста, худощаваго, въ шлемѣ и въ епанчѣ, обложенной позументами, сидящаго на колесницѣ бумажной, это герой балета — Александръ Македонскій; передъ нимъ современникъ Грековъ Арлекинъ, и вы будете имѣть понятіе о полномъ семъ зрѣлищѣ. Два раза былъ я званъ сочинителемъ сего славнаго балета, но посовѣстился ѣхать, чтобъ не плакать съ сожалѣнія о мертвыхъ Грекахъ, о живыхъ Корелахъ и о невѣжествѣ моего сосѣдушки. Прошу покорно занять такіе умы печатными листками Драматическаго Вѣстника и спорами объ игрѣ госпожи *Жоржъ*. Очень благодарю васъ за сообщеніе мнѣ извѣстій о сей актрисѣ. Изъ различныхъ мнѣній объ ней, я представляю себѣ, что ея искусство не доходитъ до того совершенства, чтобы скрываться отъ зрителей и не казаться подражаніемъ природѣ, но самою природою, не изученнымъ чувствомъ и страстью, но чувствомъ истиннымъ и страстью подлинною. Увѣряюсь болѣе въ томъ успѣхомъ г-жи Жоржъ въ ролѣ Семирамиды, которая болѣе déclamatoire, нежели естественна, какъ мнѣ помнится: давно не читалъ сей трагедіи. *Что касается до произношенія стиховъ нараспѣвъ, то и я не люблю его, когда оное единообразно, или напыщено, подобно тому, какъ графъ Чернышевъ* [1]*) произноситъ стихи въ подражаніе, какъ сказываютъ, Лекену;* но съ другой стороны *не любилъ я никогда Гофрена* въ трагедіяхъ: онъ прекрасно читалъ басни, сказки, и хорошо произносилъ стихи въ комедіяхъ, очень мнѣ нравился даже въ роли Августа, особливо въ 5 дѣйствіи, но несносенъ былъ для меня въ Агамемнонѣ, въ Зопирѣ, особливо же въ роли Жоаба. Какъ можно стихи сего необыкновеннаго и свыше вдохновеннаго лица произносить какъ простую прозу и терять согласіе и звучность стихотворства! Если бы актеры и судьи театральнаго искусства захотѣли поприлежнѣе разсматривать драматическія сочиненія, они бы увидѣли, что авторы указываютъ, такъ сказать, какимъ образомъ должно произносить стихи. Вездѣ, гдѣ должно занять умъ, возбудить вниманіе зрителей и поражать воображеніе, тамъ сочинители стараются красотою, согласіемъ и звучностью стиховъ прельстить слухъ, и такіе стихи должны быть произносимы съ силою, съ важностью въ голосѣ и чтобъ сохраненъ былъ необыкновенный языкъ стихотворства. Смѣшно бы было, если бы актеръ сказалъ какъ прозу:

Et la rame inutile
Fatigua vainement une mer immobile.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, по сильнымъ движеніямъ страсти, по истиннымъ изображеніямъ чувства, сочинитель считаетъ, что зритель долженъ забыть все и слѣдовать за дѣйствующимъ лицомъ и, такъ сказать, уличить себя въ немъ, тамъ употребляются самыя простые и обыкновенные выраженія и обороты, слѣдовательно и актеръ долженъ произносить сіи стихи почти такъ какъ прозу. Всѣ бы засмѣялись, если бы Андромаха нараспѣвъ сказала Пирру:

Je ne l'ai pas encore embrassé и пр.

Я такъ однакоже заговорился, что и весь листъ исписалъ. Бесѣда моя съ вами сего утра мнѣ находка; не ос-

[1]) Графъ Григорій Ивановичъ, любитель театра, самъ писавшій Французскія драматическія сочиненія.

тавилъ бы ее и долго, долго говорилъ бы о томъ, о семъ, но вспомнилъ, что письмо мое посылать надобно въ городъ за одинадцать верстъ, почта принимается до 2-го часа, теперь било одинадцать, и я долженъ кончить мое болтанье. Прощайте, продолжайте меня любить и вѣрьте, что я навсегда истинно преданный вамъ отъ всей души и покорнѣйшій слуга Владиславъ Озеровъ.

Милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ засвидѣтельствуйте, пожалуйте, мое совершенное почтеніе; я въ мысляхъ обѣ руки ея цѣлую и всякій день воображаю себѣ, что она еще въ Пріютинѣ, потому что время стоитъ удивительно хорошее; не Октябрь, а будто Августъ: такъ тепло у насъ.

P.S. Прочитавъ посылаемый листокъ, посмѣйтесь со мною надъ издателемъ Глинкою. Онъ прибавляетъ въ свой журналъ новую статью о *иноплеменныхъ*: вѣрно считаетъ, что слово иностранный не Русское и въ Русскомъ Вѣстникѣ не можетъ быть употреблено.

II.

29-го Октября 1808 г. Изъ села Казанскаго.

Уфъ, насилу кончилъ пятое дѣйствіе, и полный списокъ трагедіи съ нынѣшнею почтою въ особливомъ ящикѣ препровождаю къ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Алексѣй Николаевичъ. Сдѣлайте милость, прочитайте ее всю съ начала до конца съ откровенными и просвѣщенными вашими и моими пріятелями, которые и прежде подавали мнѣ полезные совѣты, съ Ѳ. И. Енгелемъ, кн. А. А. Шаховскимъ, съ И. А. Крыловымъ; разсмотрите ее съ строгостью, особливо же 5-ое дѣйствіе, о которомъ не у кого было мнѣ здѣсь спроситься. Если Поликсена будетъ осуждена, возвратите ее мнѣ для всесожженія; когда же, по общему суду и приговору, признано будетъ, что ее можно представить публикѣ, то уже прошу васъ по дружбѣ вашей ко мнѣ принять мою Троянку подъ ваше покровительство; да попросите и князя Александра Александровича, чтобы онъ ея не оставилъ своею милостію. Вы увидите при чтеніи пятаго дѣйствія, что оно изъ всѣхъ, до нынѣ мною написанныхъ, самое театральное; но, не содержа почти ни одной сентенціи, безъ которыхъ, по мнѣнію академиковъ, трагедія не можетъ имѣть никакого достоинства, сіе дѣйствіе, основанное на борьбѣ страстей, требуетъ великаго искусства отъ актеровъ, особливо же отъ актрисъ. Надъ сими вы и князь Шаховской имѣете большую силу, власть, права и преимущества,—что̀ помѣщаю въ скобкахъ; —я хотѣлъ было говорить и о репетиціяхъ, и просить васъ, чтобы вы на нихъ были вмѣсто меня чрезвычайнымъ посломъ, полномочнымъ министромъ и полною грамотою акредитованнымъ; но вспомнилъ, что напередъ нужно будетъ согласиться съ его высокопревосходительствомъ Александромъ Львовичемъ [2]). Захотите ли вы дружески меня одолжить и принять на себя договоръ съ его высокопревосходительствомъ? Сей договоръ короткій: если Александру Львовичу угодно будетъ заплатить мнѣ отъ Театральной Дирекціи три тысячи рублей выводу, то предаю мою единородную дочь на позорище какъ Петербурга, такъ и Москвы. Убѣдите Александра Львовича, чтобы не спорилъ въ цѣнѣ; право лишняго не прошу, считая,

[2]) Нарышкинымъ, директоромъ императорскихъ театровъ.

что на обоихъ столичныхъ театрахъ за одно представленіе Дирекція выручитъ свои деньги. Я и за Дмитрія Донскаго не настоящую цѣну взялъ, получивъ только двѣ тысячи пять сотъ рублей. Трагедія, какъ говорили и теперь можетъ быть говорятъ, по обстоятельствамъ написанная, слѣдовательно которой представленіе не надобно было мнѣ задерживать торгомъ, чтобы обстоятельства не прошли; они же такъ скоротечны въ нашемъ вѣкѣ. Когда же судъ нашихъ общихъ пріятелей одобритъ Поликсену, но Александръ Львовичъ не соизволитъ на просимую мною цѣну, обратите мнѣ рукопись назадъ; долежится, можетъ быть, до лучшаго времени, а я съ моей стороны ни рублемъ не спущусь. Если публика по своей благосклонности считаетъ во мнѣ нѣкоторый талантъ, то пора признать въ Россіи, что таланты не для дневнаго пропитанія трудятся. Съ нетерпѣливостью буду ожидать вашего отвѣта. Но прежде заключенія моего письма, нужно мнѣ просить васъ, чтобы погрѣшности или слабости въ слогѣ, особливо 5-го дѣйствія, если онѣ не такъ велики, не останавливали бы переписки ролей; въ случаѣ, если трагедія будетъ принята Дирекціею, вы и князь А. Ал. и Иванъ Андреевичъ можете сами ихъ поправить, а то въ сношеніяхъ нашихъ потеряется время. Когдаже найдете грубыя и большія ошибки или совершенныя неясности мыслей, то, пожалуйте, объ нихъ мнѣ сообщите. Между прочимъ не остановятъ-ли васъ при чтеніи два выраженія, которыя я наудачу поставилъ; именно 5-го дѣйствія въ 6-мъ явленіи, когда Уллисъ возвѣщаетъ, что боги даруютъ Грекамъ вѣтръ —

И разрѣшаютъ путь изъ сей земли *безгодной;*

— *безгодная* земля вмѣсто несчастная земля. Безгодье, существительное, въ Словарѣ Академическомъ находится, прилагательнаго же безгодный нѣтъ. Мнѣ кажется, что оно въ стихотворствѣ лучше можетъ быть употреблено нежели злополучный, въ которомъ слогъ лишній. Еслиже не покажется слово, то напишите изъ сей земли *голодной*, чтобъ было въ риѳму. Другое выраженіе въ томъ же явленіи въ ролѣ Кассандры:

Спѣшите покидать Троянскій брегъ *кручинный;*

Кручинный вмѣсто печальный, и столько же звучное слово. Въ Словарѣ говорится, что принадлежитъ къ простому или низкому слогу. Не знаю почему, мнѣ оно нравится: если же вамъ не понравится, поставьте Троянскій брегъ *пустынный*, который я избѣгалъ, чтобы не повторять; и при томъ же кручинный, т. е. печальный, лучше выражаетъ состояніе Троянской земли. Весь листъ исписалъ. Vale et aimez moi. Преданный всею душею Владиславъ Озеровъ.

Мое истинное, совершенное и непремѣнное почтеніе засвидѣтельствуйте, пожалуйте, милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ. Будетъ ли она плакать отъ 5-го дѣйствія?

Размышленіе, которымъ Несторъ оканчиваетъ трагедію, согласно съ вашею системою и съ образомъ мыслей Греческихъ философовъ [3]). Предопре-

---

[3]) Вотъ эти заключительные стихи трагедіи Поликсена:

Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится:
Счастливѣе сто кратъ, кто въ жизни не родится.

«Сіи стихи, послѣдніе изъ извѣстныхъ оставшихся по немъ, и какъ пѣснь лебедя предсказывающіе его кончину, скрываютъ тайное предчувствіе ужасной судьбы, омрачившей западъ жизни чувствительнаго поэта.» (Кн. Вяземскій, О жизни и сочиненіяхъ Озерова.)

дѣленіе—fatalisme, которое впрочемъ замѣчается въ одной рѣчи Спасителя, когда говоритъ объ Искаріотскомъ. Мысль послѣднихъ двухъ стиховъ принадлежитъ Гомеру, по увѣренію В. В. Капниста, а я взялъ ее изъ Voyages d'Anacharsis.

III.

23-го Ноября 1808 года. Село Казанское.

Получивъ письмо ваше отъ 6-го Ноября писанное, радовался вашему веселому духу, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ.

Веселья духъ, въ письмѣ ль, въ рѣчахъ ли заключенный,
Спокойства, счастья въ насъ есть признакъ несомнѣнный.

Съ нетерпѣливостью ожидалъ послѣдующаго вашего увѣдомленія, считая, что сообщите мнѣ ваше мнѣніе о пятомъ дѣйствіи и о развязкѣ Поликсены; но съ душевнымъ прискорбіемъ читалъ письмо ваше отъ 17-го числа, получивъ оное третьяго дня, въ день,

Когда плодомъ любови прежде нѣжной
Свой воспріялъ полезный вѣкъ
Зоиловъ врагъ, талантовъ другъ надежный
И строго честный человѣкъ.

Изъ послѣдняго вашего извѣщенія видѣлъ, что моя Троянка, прикатившая къ вамъ на саняхъ, по зимнему пути, толкнулась въ ваши двери совсѣмъ не ко времени и не кстати. Искренно раздѣляю вашу горесть о болѣзни Николая Алексѣевича [4]), надѣясь твердо при томъ, что больной излѣчится непремѣнно и скоро, безъ всякаго послѣдствія. Г-да Рожерсонъ и Симсонъ, по моему мнѣнію, попали на истинную причину корчей, которыя васъ такъ справедливо встревожили, и въ подтвержденіе моего мнѣнія разскажу вамъ случай, бывшій съ моимъ отцемъ. Лѣтъ 17 или 18 ти, служа сержантомъ въ Преображенскомъ полку, былъ онъ наряженъ во внутренній караулъ. День былъ праздничный. Императрица Елизавета Петровна шествовала въ церковь; въ самое шествіе, и такъ сказать въ ея глазахъ, съ батюшкою сдѣлалась дурнота: онъ упалъ, и его схватили корчи. Тотъ же часъ отвезли его домой въ полкъ, а Императрица, жаловавшая память покойнаго нашего дѣда, который считался исправнѣйшимъ полковникомъ того времени, прислала своего лейбъ-медика осмотрѣть и освѣдомиться о больномъ. Сей лейбъ-медикъ и полковый штабъ-лекарь объявили, что батюшка одержимъ падучею болѣзнію. Императрица была государыня слабая, набожная до суевѣрности и, слѣдовательно, боязливая и малодушная, повелѣла моего отца отставить отъ службы изъ сержантовъ порутчикомъ. Но отставка, исцѣляющая моральныя болѣзни, совсѣмъ недѣйствительна въ физическихъ: [5]) припадки продолжались, и батюшка пріѣхалъ въ деревню, въ отчаяніи отъ мысли, что у него падучая болѣзнь. Однимъ жаркимъ утромъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, ходивши много въ саду, онъ почувствовалъ жажду, и сорвавъ яблоко съ дерева скушалъ. Вошедъ потомъ въ покой, приказалъ подать себѣ водки. Лишь только выпилъ рюмку, то съ нимъ сдѣлалась страшная дурнота, черви показались, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ отъ нихъ совершенно избавился. Съ того времени ни падучей болѣзни, ни корчей, ни судорогъ съ батюшкой не случалось и,

[4]) Старшій сынъ А. Н. Оленина, павшій въ Бородинскомъ сраженіи.

[5]) Можетъ быть, намекъ на собственное положеніе писавшаго.

благодареніе Богу, здравствуетъ онъ 73-й годъ, имѣвъ отъ двухъ женъ 22 человѣка дѣтей. Вотъ вамъ цѣлая повѣсть къ вашему успокоенію. Будемъ же надѣяться, что и вашъ милый Николай Алексѣевичъ выздоровѣетъ, будетъ такіе же годы, или и долѣе, жить и оставитъ по себѣ 12 потомственныхъ колѣнъ, какъ дѣлывали добрые люди во времена Израильскихъ патріарховъ.

Въ той мысли, что вашему сыну гораздо лучше и что безпокойство ваше миновалось, буду вамъ еще разъ говорить о Поликсенѣ. Видное дѣло, что мнѣ уже не читать здѣсь вашего о ней сужденія, которое прошу васъ доставить уже ко мнѣ въ Казанскую деревню, надписывыя ваши письма въ Чистополь, отъ котораго я буду жить въ 30 верстахъ за студеною рѣкою Камою. Нѣкоторыя обстоятельства той деревни [6]), единственной моей собственности, требуютъ непремѣннаго моего путешествія; и какъ ни грустно мнѣ разставаться съ батюшкою и съ родными и далѣе и далѣе отъѣзжать отъ пріятелей и друзей, но я принялъ на себя крестъ и отправляюсь въ путь черезъ два дни, въ слѣдующій четвергъ, т. е. 26-е число сего мѣсяца. Я надѣюсь, что наша дружба не растянется по мѣрѣ разстоянія и будетъ такая же тѣсная, хотя переписка сдѣлается медленнѣе, и потому рѣшился просить васъ, до отъѣзда моего, о перемѣнѣ нѣкоторыхъ стиховъ въ посланномъ къ вамъ спискѣ, буде моя трагедія признана будетъ пріятелями нашими достойною представленія, и буде Дирекція ее приметъ. Перемѣны нужны въ слѣдующихъ стихахъ:

1-ая во 2-мъ дѣйствіи, во 2-мъ явленіи, въ ролѣ Гекубы, вмѣсто стиха:

> Какъ роковой вѣщунъ, всегда Кассандры гласъ и проч.

Написать:

> Какъ вѣщій роковой, всегда Кассандры гласъ и пр. [7])

2-ая въ 5 дѣйств., во 2 явл., въ ролѣ Пирра, въ стихѣ:

> И съ радостью бъ ему внималъ Ахилловъ прахъ.

частицу *бъ* замарать. Такъ какъ 5-го дѣйствія я никому не читалъ, то и самъ не замѣтилъ моего дурачества, а какъ сталъ про себя вслухъ говорить стихи, то неблагопристойность звука *и съ радостью бъ ему* такъ меня поразила, что я расхохотался надъ собою. Судите, что̀ бы случилось въ ложахъ.

3-я въ 5 же дѣйствіи, въ 5 явл., въ ролѣ Гекубы, вмѣсто стиха:

> О варваръ, ты и въ томъ отказываешь мнѣ,—

—написать:

> И въ сей отрадѣ ты отказываешь мнѣ!
> О бичь! и пр.

4-ая въ томъ же дѣйств., въ 6-мъ явленіи, въ ролѣ Кассандры, вмѣсто сихъ стиховъ:

> Почто, Агамемнонъ, меня ты вопрошаешь?
> О царь несчастливый, не будешь средь пиршествъ и пр

—написать:

> Почто, несчастный царь, меня ты вопрошаешь?
> О горе и тебѣ! Не будешь средь пиршествъ и проч.

5-ая, въ 3 дѣйствіи, въ 4 явлен. въ ролѣ Гекубы, вмѣсто полустишія

> Оставь просить меня.

—написать:

> Оставь, оставь меня [8])

[6]) Эта деревня, вѣроятно, была наслѣдствомъ отъ матери (урожденной Блудовой ?). Въ дальней деревнѣ этой Озеровъ заболѣлъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

[7]) Этой перемѣны не сдѣлано въ печатномъ текстѣ Поликсены.

[8]) Этой перемѣны тоже не сдѣлано.

Вотъ всѣ небольшія перемѣны, которыя я придумалъ въ стихахъ на первый случай, оставляя общую вычистку ихъ съ вашего приговора до того времени, какъ стану издавать сію трагедію въ печать, исключая однако же тѣхъ словъ и выраженій, которыя вы непремѣнно сочтете неприличными, не свойственными и неясными, что̀ и прежде предоставилъ я въ вашу волю перемѣнять, отмѣнять и замѣнять.

Но отъ моихъ стиховъ, которыми вамъ долго докучаю, обращусь къ прекраснымъ стихамъ Константина Николаевича [9]), за доставленіе которыхъ васъ искренно благодарю. Прелестную его басню почитаю истинно драгоцѣннымъ вѣнкомъ моихъ трудовъ. Его самого природа одарила всѣми способностями быть великимъ стихотворцемъ, и онъ уже съ молода поетъ соловьемъ, котораго старыя пѣвчія птицы въ дубравѣ надъ Ипокреномъ заслушиваются и которымъ могутъ восхищаться. Если будете имѣть случай писать къ нему, изъясните, пожалуйте, ему мою благодарность. Въ хлопотахъ и сборахъ къ отъѣзду не имѣю досужнаго часа, чтобы достойно отвѣчать на его милые стихи [10]) и благодарить какъ за оные, такъ и за письмо, отъ него мною прежде полученное. Изъ-за Камы пришлю вамъ мое къ нему отвѣтствіе. Страшно слышать, что онъ съ Шведами перестрѣливается. Право нужно поберегать сего молодаго человѣка и обратить пылкость и воображеніе его на славу другаго рода, къ которой произвела его природа. Почти весь Русскій народъ способенъ стрѣляться. La valeur, говоритъ Гиббонъ, est la qualité de l'homme la plus commune [11]); но рѣдки, рѣдки превосходныя дарованія, которыя преносятъ славу народа и въ тѣ времена, когда сей самый народъ, подъ тягостью оковъ, разламываетъ памятники громкихъ предковъ для огороженія садовъ своихъ властелиновъ, что̀ случилось съ Греками, что̀ случится и съ Французами. Но я коснулся до политики; чтобы о ней не заболтаться, окончу мое письмо, поручая себя въ продолженіе вашей дружбы, по которой, надѣюсь, что вы не забудете закамскаго отшельца, всѣмъ сердцемъ и душею вамъ преданнаго. Владиславъ Озеровъ.

Милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ прошу засвидѣтельствовать мое истинное и всесовершенное высокопочитаніе. Письмо ея, изъ Торжка писанное, я въ свое время получилъ; оно было въ отвѣтъ того, которое я къ ней писалъ, и въ сердцѣ моемъ благодарилъ я за благосклонное онаго содержаніе.

IV

Декабря 30-го 1808 года.

Изъ села Краснаго Яра.

Такъ, хвала и благодареніе изобрѣтателямъ письма, посредствомъ котораго черезъ разстояніе полутора тысячи верстъ перелетаютъ къ вамъ мои мысли и чувства, будто бы я самъ; и, ставъ посреди вашего мирнаго, добраго и любезнаго семейства, благодарю васъ за дружбу истекшихъ лѣтъ, поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ и желаю вамъ многія будущія лѣта проводить въ радости, въ утѣшеніи и въ добромъ здоровьи. Элоиза приписыва-

---

[9]) Какіе именно это стихи, намъ неизвѣстно.

[10]) Батюшкова.

[11]) Храбрость есть въ человѣкѣ самое рядовое свойство.

етъ любви изобрѣтеніе письма: L'art d'écrire fut sans doute inventé par l'amante captive et l'amant agité [12]). Я съ нею не согласенъ и скорѣе припишу сей даръ дружбѣ. Любовь въ первую недѣлю разлуки потоскуетъ, во вторую пожалѣетъ, въ третью забываетъ. А дружба и мѣсяцы и годы съ тою же живостью занимаетъ наши души. Вы мнѣ новый тому опытъ явили свиданіемъ вашимъ съ Ѳедоромъ Александровичемъ Голубцовымъ [13]), о которомъ я васъ въ моихъ письмахъ никогда и безпокоить не хотѣлъ. Чувствую и признаю всю цѣну вашего поступка. Но вы назовете меня неблагодарнымъ, когда узнаете, что мое желаніе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ вашему желанію, и что, исключая васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, и исключая нѣкоторое малое число милыхъ пріятелей, которыхъ я покинулъ въ Петербургѣ, я ни о комъ и ни о чемъ тамъ оставленномъ не тужу. Здѣсь живу я въ настоящей хижинѣ, потому что мой домъ неотдѣланный стоитъ безъ печей и безъ окончинъ; но, признаюсь вамъ, что мою безпечную и свободную жизнь не промѣняю ни на сенаторское, ни на министерское мѣсто. Мою обязанность передъ отечествомъ исполнилъ, находяся въ службѣ болѣе тридцати лѣтъ и служивъ оберъ-офицеромъ болѣе 20 лѣтъ. Если не могъ быть ему полезенъ столько, сколько желалъ, тому не я причиною, а судьба, стѣснявшая всегда кругъ моихъ обязанностей. По Лѣсному же Департаменту я имѣлъ случай доставить казнѣ въ продолженіе 7-ми лѣтъ болѣе милліона трехъ сотъ тысячъ рублей дохода новою и мною найденною и обработанною статьею сборовъ, которая ежегодно приноситъ отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Но вмѣсто поощреній и награжденій, я чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости и подвергнулся со всѣми лѣсными чиновниками подозрѣнію правительства. Послѣднее довершило мое негодованіе на службу, когда я увидѣлъ, что ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ, не могли меня исключить изъ подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій не можетъ быть честнымъ человѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и совѣсти. Что̀ же касается до обществъ, пиршествъ и празднествъ столицы, признаюсь вамъ, что кромѣ пріятныхъ часовъ, провожденныхъ въ бесѣдѣ съ друзьями просвѣщенными, вообще жизнь Петербургская не только мнѣ наскучила, но даже несообразностями, которыя встрѣчалъ въ ней, сдѣлалась несносною. Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ,

Порокъ съ безстыднымъ лбомъ, ступая по паркету,
Разврата счастія примѣръ являетъ свѣту;
Тамъ зависть, изсушась отъ похвалы чужой,
Вокругъ достоинства вращается змѣей,
И алчная корысть, холодная, сурова,
И кровныхъ, и друзей, и честь продать готова.

Вы заключите изъ сихъ строкъ, что я сдѣлался точно Альцестомъ и почти отгадаете. Кажется, навсегда я прощаюсь съ службою, съ такъ называемымъ счастіемъ и даже со славою, до которой трудно достигнуть, труднѣе удержать и которая, за ми-

[12]) Искусство писать было изобрѣтено безъ сомнѣнія лишенною свободы любовницею и взволнованнымъ любовникомъ.

[13]) Голубцовъ управлялъ министерствомъ финансовъ и былъ передъ тѣмъ начальникомъ Озерова.

нутныя наслажденія самолюбія, доставляетъ долговременныя и сердечныя огорченія. Съ симъ расположеніемъ духа не посѣтую, когда вы, любезнѣйшій Алексѣй Николаевичъ, возвратите мнѣ скорѣе Поликсену, по несогласію Александра Львовича принять ее на театръ. Моя Троянка, надѣвъ колпакъ, заснетъ со мною въ Красномъ Яру; но и въ моихъ снахъ и мечтахъ буду вспоминать о вашей дружбѣ и мыслію и сердцемъ буду съ вами. Преданный вамъ отъ души Владиславъ Озеровъ.

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое искреннее и совершенное почтеніе милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ.

V.

25 Марта, 1809 года, изъ села Краснаго Яра.

Правда, что посѣтовалъ на васъ, почтенный и любезнѣйшій другъ Алексѣй Николаевичъ: почти три мѣсяца вы ко мнѣ не писали. Какъ авторъ отправленной къ вамъ Поликсены, любопытствовалъ знать о судьбѣ сей Троянки и ваше о ней сужденіе; а такъ какъ всею душею къ вамъ привязанный, нетерпѣливо желалъ знать собственно о васъ и о миломъ вашемъ семействѣ. Время такъ стеклось, что нѣсколько почтъ я ни отъ кого извѣстій не получалъ, ни отъ родныхъ, ни отъ пріятелей, ни отъ друзей, и признаться, что въ моей закамской пустынѣ начиналъ приходить въ уныніе, считая, что меня, какъ отшельца сего міра, весь міръ хочетъ уже забыть. Четыре дни тому назадъ порадованъ былъ вашимъ письмомъ, тѣмъ болѣе, что изъ него вижу новое еще доказательство вашей продолжающейся ко мнѣ дружбы. Ей одной могу приписать чудо, что Алекс Львовичь согласился на выдачу 3,000 рублей за Поликсену, чего онъ не хотѣлъ заплатить и за Димитрія, хотя по тогдашнимъ обстоятельствамъ можно было полагать, что та трагедія будетъ имѣть вѣрнѣйшій успѣхъ. Не надѣялся такой благосклонности отъ Александра Львовича. Благодареніе вамъ, почтеннѣйшій другъ: еще дня два-три поговорятъ обо мнѣ послѣ перваго представленія Поликсены въ шумныхъ и легкомысленныхъ бесѣдахъ Петербургскихъ, нѣсколько недѣль побранятъ меня въ журналахъ и нѣсколько мѣсяцевъ понадуются и кричать противъ меня будутъ послѣдователи стараго слога, стараго Сумароковскаго вкуса, выдающіе себя съ своимъ школярнымъ ученіемъ сорокалѣтней давности за судей всѣхъ сочинителей; и наконецъ Глинка въ Русскомъ Вѣстникѣ, гдѣ помѣщаются статьи о иноплеменныхъ, скажетъ, можетъ быть: какой вздоръ писать трагедію, которой содержаніе взято не изъ Россійской исторіи. Шутите его Вѣстникомъ и его сочиненіями! Какой-то Московскій книгопродавецъ объявилъ въ газетахъ, что всякій истинный Россіянинъ и любитель словесности долженъ непремѣнно имѣть Русскій Вѣстникъ въ своей библіотекѣ, что̀ мнѣ и привело на память стихъ Буало о Котенѣ:

Qui méprise Cotin, n'estime pas son Roi,
Et n'a selon Cotin ni Dieu, ni foi, ni loi [14])

Прочитайте изъ любопытства предисловіе г-на Глинки, напечатанное при трагедіи его, Михаила Черниговскаго. Изъ его разсужденій выводится заключеніе, что ни Корнель, ни Расинъ,

[14]) Кто презираетъ Котена, тотъ не уважаетъ своего государя и у него (по мнѣнію Котена) нѣтъ ни Бога, ни вѣры, ни закона.

ни Волтеръ, ни Кребильонъ не были истинными трагиками, хотя мы всѣ упражняющіеся въ трагическомъ искусствѣ почитаемъ ихъ своими учителями. Ни одинъ изъ нихъ, исключая Волтера въ трагедіи Adelaide de Guesclin, не заимствовалъ своихъ героевъ изъ Французской исторіи; а истинная трагедія должна быть почерпнута, по мнѣнію учителя-Глинки, изъ исторіи своего отечества. Убѣждаясь доводомъ его, я весьма расположенъ приняться за сочиненіе новой трагедіи, взятой изъ нашей исторіи, изъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны. Можетъ быть, я вамъ уже говорилъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, о смерти Волынскаго, пострадавшаго отъ Бирона за правду и защиту Русскаго народа. За сіе сочиненіе желалъ бы я приняться, но не имѣю источниковъ, изъ которыхъ бы занять нужныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ сего дѣла. По вашимъ связямъ съ министрами и другими сильными людьми въ довѣріи и власти, не можете ли отрыть производство слѣдственнаго дѣла надъ Волынскимъ и мнѣ о томъ сообщить? Я чувствую самъ, что такая трагедія никогда не можетъ быть играна на нашемъ театрѣ, но примусь ее писать для моихъ пріятелей. И какое широкое поле для сочинителя, чтобъ показать во всемъ блескѣ правду Русскаго боярина, должность вельможи и сенатора, и противуположить злоупотребленія временщика-иностранца, алчущаго одной своей корысти и, можетъ быть, ненавидящаго народъ, ввѣренный управленію его слабою Государынею; и наконецъ представить несчастное положеніе народа подъ слабымъ и недовѣрчивымъ правленіемъ! Вы чувствуете, какія истинныя картины можно изобразить, заимствуя кое-что изъ нашихъ временъ. Много вы бы меня одолжили сообщеніемъ того, что̀ о жизни и смерти Волынскаго отыскать можете. Не отлагая времени, занялся бы симъ сочиненіемъ, какъ бы скоро спущенъ былъ корабль съ Гомеровскими лицами. Разсчитываю, что вы теперешнее мое письмо получите послѣ праздниковъ и, можетъ быть, въ такое время, когда уже Поликсена или освистана или одобрена публикою. Не утаите, пожалуйте, отъ меня ничего, и, если дурно будетъ принята, не щадите моего маленькаго самолюбія. Я самъ что-то не надѣюсь на успѣхъ сей трагедіи. Въ собраніи, при первомъ ея представленіи, едва ли будетъ сто человѣкъ, которымъ Гомеръ знакомъ; и въ двухъ тысячахъ человѣкахъ навѣрное положить можно, что болѣе тысячи девяти сотъ зрителей скорѣе захлопаютъ въ ладоши при полустишіи:

„Я Россъ, сего довольно",

нежели при воззваніи Гекубы:

„О Гекторъ! о мой сынъ! гдѣ ты? гдѣ ты въ сей часъ?
Ахъ мертвъ! далеко ты! не вступишься за насъ".

Если же вы получите сіе письмо до представленія Поликсены, или хотя и послѣ перваго представленія, но передъ вторымъ, то сдѣлайте мнѣ милость, введите двѣ небольшія перемѣны, которыя бы болѣе еще поразили внѣшнія чувства зрителей. Первая въ третьемъ дѣйствіи, когда Улиссъ призываетъ воиновъ: *вступите воины*! чтобы Поликсена сказала — *страхъ!* а Кассандра — *горе!* и бросилась бы послѣдняя бѣжать изъ шатра, какъ будто за Агамемнономъ, съ которымъ и возвращается въ слѣдующемъ явленіи [15]). Вторая въ

[15]) Этой перемѣны не сдѣлано.

пятомъ дѣйствіи, когда Агамемнонъ устремляется противъ Пирра на битву, чтобы и тотъ и другой ударили мечами по своимъ щитамъ,—обыкновенный вызовъ въ сраженіе. Съ симъ звукомъ вбѣжитъ Поликсена и остановитъ всѣхъ. Я замѣчалъ, что нужны иногда и шумъ и движеніе на театрѣ, чтобъ зрителей.... разбудить, когда започиваютъ. Я шучу, а право неизвѣстность томитъ. Чтобы и васъ не утомить моимъ длиннымъ письмомъ, окончу его, поручая себя вашей дружбѣ. Всѣмъ сердцемъ и навсегда преданнѣйшій вамъ и вѣрно покорнѣйшій слуга Владиславъ Озеровъ.

Засвидѣтельствуйте, пожалуйте, мое истинное и совершенное почтеніе милостивой государынѣ Елизаветѣ Марковнѣ, у которой обѣ ручки мысленно цѣлую.

P. S. Я было прошедшею осенью приготовилъ и приношеніе Поликсены; кому же вы думаете? человѣку, котораго едвали въ лице знаю, но о храбрости котораго много наслышался и въ реляціяхъ начитался: графу Николаю Михайловичу Каменскому. Посмѣйтесь надо мною, но прочитайте [16].

Счастливый Русскихъ вождь, достойный сынъ героя,
Который указалъ тебѣ къ безсмертью путь;
Прими сей даръ въ часы, когда ты послѣ боя
На свѣжи лавры вновь возсядешь отдохнуть!
Я пѣлъ Ахилловъ гробъ и почести отъ Грековъ,
Какъ браней божеству возданныя ему;
Но пѣснь внимать въ хвалу безстрашныхъ человѣковъ,
Кому пріятнѣе какъ духу твоему?
Не ты ль пренесъ орловъ Россійскія державы
Въ непроходиму дебрь, покрыту вѣчнымъ льдомъ,
Гдѣ только между горъ лишь гулъ гремѣлъ ихъ славы,
Куда не ширили полета и съ Петромъ,
Гдѣ нынѣ ожилъ Финнъ въ тѣни ихъ крылъ могучихъ;
Не ты ль еще предъ симъ, когда Европы врагъ
На Пруссовъ громъ навелъ, не ты ль въ пескахъ сыпучихъ
Остановлялъ его почти чрезъ каждый шагъ,
И тамъ, и здѣсь, вездѣ съ мечемъ ему встрѣчался,
И Галловъ изумлялъ твой быстрый всюду ходъ;
Въ наукѣ ратовать ты волхвомъ имъ казался,
Заставилъ гордость ихъ чтить Русскихъ воеводъ.
Мужайся! Простирай свой бѣгъ къ побѣдамъ новымъ,
И будь страшилищемъ отечества враговъ!
Россія наградитъ тебя вѣнцемъ лавровымъ,
И честь твою вѣкамъ предастъ языкъ боговъ.

[16]) Напечатано и въ собраніи сочиненій Озерова.

VI.

25-го Іюня 1809 года. Изъ села Краснаго Яра.

Недоумѣваю о вашемъ молчаніи, почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ; по послѣднему вашему письму отъ 5-го Марта, на которое я вамъ отвѣтствовалъ съ первою случившеюся почтою, ожидалъ было отъ васъ присылки обѣщанной тетради; съ того времени однакоже ни тетради, ни листочка, ни строчки отъ васъ не получаю [17]). Или ваше дружество ко мнѣ измѣнилось? Сокрушительно о томъ мыслить, особливо въ тоже время, какъ всякая надежда къ возобновленію нашихъ свиданій почти пропала, и что слѣдовательно я не могу у васъ спросить, чѣмъ я передъ вами провинился. Путь къ Петербургу, по видимому, мнѣ закрывается. Мое состояніе не позволяетъ мнѣ жить въ той столицѣ, а пенсіонъ, котораго я по справедливости ожидать могъ, мнѣ отказывается. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Ѳ. А. Голубцева предписаніе съ изъявленіемъ высочайшей воли Государя въ разсуж-

[17]) Поликсена была уже обнародована: ее представили въ первый разъ на придворномъ С. Петербургскомъ театрѣ 14 Мая 1809 г. и потомъ напечатали.

деніи моей отставки; для любопытства посылаю къ вамъ при семъ копію съ письма министерскаго кандидата [18]) и съ моего къ нему отвѣта, не распространяясь въ дальнѣйшія размышленія объ оказанномъ мнѣ неправосудіи, по сравненію со многими другими взысканцами Фортуны и мощныхъ яснѣйшихъ пановъ министровъ. Несказанно болѣе меня безпокоитъ мысль о Поликсенѣ, которою я имѣлъ нескромность васъ обременить. Говорятъ-же, что поэты нѣсколько сумашедши и питаются дымкомъ, или просто сказать, чадомъ. По сей статьѣ и я поэтъ и признаюсь вамъ, что авторская слава драгоцѣннѣе для меня, нежели милости царскія и сокровища земныя. Судите изъ сего о моей душевной тревогѣ, когда, получивъ четыре недѣли тому назадъ извѣстіе отъ одного изъ моихъ пріятелей, что на другой день его письма, то есть 14 Маія, назначено по театральнымъ объявленіямъ первое представленіе Поликсены съ именованіемъ автора ясными и всѣми буквами, я послѣ того ни отъ васъ и ни отъ кого другаго изъ Петербурга ни малѣйшаго увѣдомленія о послѣдствіи представленія не получаю. Неуспѣху Поликсены я бы не удивился, помня, что Расинова Федра была дурно принята Парижскою публикою, и что его Аѳолію давали читать въ наказаніе. Моя Поликсена гораздо слабѣе Расиновыхъ трагедій, могла имѣть такую же участь, какую имѣла Федра, хотя я считаю ее лучше первыхъ моихъ трагедій; на все надобно случай и удачу. Удивляюсь только тому, что вы ни слова мнѣ о неуспѣхѣ не отпишите. Ожидалъ отъ дружбы вашей участія въ успѣхѣ, утѣшенія въ неудачѣ. Теперь остается мнѣ изъяснить вамъ послѣднюю и препокорнѣйшую просьбу: объ отобраніи отъ театральной Дирекціи трагедіи моей Поликсены въ случаѣ, если она была представлена безъ успѣха, или въ томъ случѣ, если она донынѣ не была играна, и чтобы вы благоволили ее ко мнѣ возвратить, оставя у себя копію съ нея, буде она вамъ будетъ угодна, но съ условіемъ, чтобы никому ее не давать списывать, ниже читать кромѣ въ кругу вашихъ родныхъ и пріятелей. Утѣшусь легко о забвеніи меня свѣтомъ, но никогда не утѣшусь о потерѣ вашей дружбы, которую дорого цѣнилъ, которой старался сдѣлаться достойнымъ тѣмъ совершеннымъ почтеніемъ и тою душевною преданностью, которыя и понынѣ къ вамъ сохраняю, оставаясьна всегда вашимъ вѣрнопокорнѣйшимъ слугою. Владиславъ Озеровъ.

[18]) Этой копіи у насъ не имѣется

VII.

2 Іюля. 1809. Село Красный Яръ.

На другой день по отправленіи послѣдней моей грамотки къ вамъ, почтеннѣйшій и любезный Алексѣй Николаевичъ, привезено мнѣ было съ почты ваше письмо отъ 4-го Іюня писанное. Оно несказанно меня порадовало, успокоивъ въ разсужденіи вашей ко мнѣ дружбы, сомнѣніемъ въ которой я столько былъ огорченъ, какъ вы могли замѣтить изъ той моей грамотки, въ досадѣ на васъ писанной. Что цѣнимъ дорого, того и утрата чувствительна. Перваго же вашего письма отъ 18 Маія съ извѣстіемъ о представленіи Поликсены, на которое вы въ нынѣшнемъ письмѣ ссылаетесь, я понынѣ не получилъ, и гдѣ и какъ оно затерялось, не понимаю. Очень жаль, что я не могъ читать ва-

шего описанія о дѣйствіи, произведенномъ надъ зрителями первымъ представленіемъ моей Троянки, и знать, какія мѣста болѣе принесли удовольствія и которыя показались слабы. Если третье дѣйствіе нѣсколько поразило слушателей, то обязаны они симъ удовольствіемъ Еврипиду, у котораго я занялъ почти весь разговоръ Гекубы съ Улиссомъ. Доказательство, что языкъ природнаго чувства есть языкъ всѣхъ народовъ. Стонъ и моленія Гекубы извлекали слезы изъ глазъ Аѳинянъ и всѣхъ Грековъ, и они же черезъ двѣ тысячи и болѣе лѣтъ поразили зрителей въ Петербургѣ, гдѣ съ небольшимъ за сто лѣтъ молчаливо протекали межъ болотъ Невскія струи, изображая въ водахъ своихъ печальныя ели, вѣковыя сосны и тощіе берега. О, безсмертный Еврипидъ! Въ сочиненіяхъ твоихъ исполнился вдохновенія неподражаемый Расинъ, и ты удѣлилъ искру слабому моему таланту, чтобы возбудить сострадaніе чрезъ тысячи лѣтъ къ бѣдствіямъ злополучной Трои. Но болѣе еще безсмертенъ и благословенъ Петръ Великій, истинный отецъ отечества, который просвѣщеніемъ своихъ подданныхъ открылъ имъ новый источникъ наслажденій, наслажденій сердца и ума. Признаюсь вамъ, что я не столь выгоднаго мнѣнія былъ о вкусѣ Петербургской публики, чтобы думать, что третье дѣйствіе болѣе другихъ понравится. Считалъ, что, привыкшіе видѣть на театрѣ чрезвычайныя и неожиданныя происшествія и заниматься зрѣлищемъ болѣе подлежащимъ внѣшнимъ чувствамъ, они предпочтутъ 5-ое дѣйствіе 3-му, что̀ бы навѣрное сдѣлали Нѣмцы, боготворящіе своихъ Шиллеровъ и Коцебуевъ, у которыхъ всѣ красоты появляются прыжками. Я безмѣрно радъ, что вкусъ истинный образуется. Но радъ за тѣхъ новыхъ нашихъ сочинителей, которые предпримутъ трудиться для театра. Мое же намѣреніе остановиться на Поликсенѣ. И такъ не уговаривайте меня, почтенный другъ, чтобы я не принимался за трагедію Волынскаго. Ни сей трагедіи, ни другихъ писать болѣе не хочу [19]) Моя благодарность къ публикѣ, достойной чтобъ для нея трудились, останется безмѣрною; моя признательность къ дружбѣ вашей, которую мнѣ доставило слабое мое дарованіе, пребудетъ навсегда въ душѣ моей; но тысячи непріятностей, навлеченныхъ мнѣ званіемъ автора и обиды, которыя, можетъ быть, оное навело мнѣ по службѣ, заставляютъ меня отстать отъ стихотворства, бросить перо, приняться за заступъ и, обработывая свой огородъ, возвратиться опять въ толпу обыкновенныхъ людей. Послѣднюю несправедливость терплю отъ Александра Львовича; не онъ ли обѣщалъ вамъ въ письмѣ отъ Февраля мѣсяца, съ котораго вы копію ко мнѣ доставили, что онъ дастъ *предписаніе кому слѣдуетъ для доставленія къ вамъ требуемыхъ сочинителемъ за трагедію 3-хъ тысячъ рублей послѣ втораго ея представленія по заведенному* будто *порядку?*

Два раза Поликсена играна, почему же теперь отлагаетъ Алекс. Львов. платежъ до 3-го представленія? Убѣдительнѣйше васъ прошу требовать моей трагедіи отъ Дирекціи обратно, не допущая, чтобы она въ третій разъ была играна, или бы предста-

[19]) Въ статьѣ князя П. А. Вяземскаго, помѣщенной при Сочиненіяхъ Озерова, сказано, что живучи въ деревнѣ, Озеровъ написалъ три дѣйствія новой трагедіи *Медея*, но въ припадкѣ унынія кинулъ ихъ въ огонь.

влена была у двора. Для моей славы довольно и двухъ представленій; для имени Александра Львовича довольно и сей его неправды противъ меня. Нетерпѣливо буду ожидать вашего отвѣта и присылки Поликсены, а денегъ Нарышкинскихъ право мнѣ не надобно. Въ мысляхъ отъ всего сердца обнимаетъ васъ преданнѣйшій вамъ душею Владиславъ Озеровъ.

ПИСЬМО ОЗЕРОВА КЪ Ѳ. А. ГОЛУБЦОВУ [20]).

Милостивый государь

Ѳедоръ Александровичъ!

Я имѣлъ честь получить предписаніе вашего высокопревосходительства съ объявленіемъ высочайшей Е. И. В. воли о томъ, что я могу быть уволенъ отъ службы безъ пенсіона, поелику я не выслужилъ и узаконеннаго къ полученію въ пенсіонъ половиннаго жалованья тридцати пяти лѣтняго срока. Принимая съ должнымъ благоговѣніемъ такое всемилостивѣйшее монаршее соизволеніе, всепокорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя, донести Е-го И-му В-ву, что по моей болѣзни, будучи не въ состояніи продолжать службу, я почту высочайшею милостію всякую отставку, какую благоугодно будетъ Е. В. мнѣ пожаловать.

При семъ случаѣ позвольте привесть на память вашему высокопревосходительству, что въ формальномъ прошеніи объ отставкѣ, посланномъ отъ меня въ Лѣсной Департаментъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, я не испрашивалъ полнаго жалованья въ прибавокъ къ пенсіону, пожалованному мнѣ въ 1801-мъ годѣ, какъ изволите увѣриться изъ подлиннаго прошенія, внесеннаго къ вамъ въ свое время отъ Департамента. Узаконеніе о тридцати пяти лѣтней службѣ и о пенсіонахъ мнѣ было извѣстно, и я не могъ требовать того, что̀ мнѣ симъ узаконеніемъ не предоставлено и чего я смѣлъ надѣяться отъ единственной щедроты Государя Императора. О сей надеждѣ я отважился изъяснить вамъ въ особливомъ письмѣ отъ 31-го Декабря, пять мѣсяцевъ спустя послѣ прошенія, когда благодарилъ васъ за благосклонные ваши обо мнѣ отзывы, которые казались быть увѣреніями вашего ко мнѣ благорасположенія; я считалъ, что по разсмотрѣніи моихъ трудовъ по Лѣсному Департаменту можетъ быть принято будетъ во вниманіе, что я доставилъ казнѣ до одного миліона трехъ сотъ тысячъ рублей сбора черезъ новую и мною обработанную статью ежегодныхъ доходовъ, и что потому, при увольненіи отъ дѣлъ, я не буду сравненъ съ такими чиновниками, которые хотя и долѣе меня служили, но отправляли должности обыкновенныя и не принесли видныхъ и нѣсколько значущихъ заслугъ; наконецъ я уповалъ на правосудіе: не то, которое основывается на узаконеніяхъ, но то, на которомъ основываются и самые законы, когда они мудрые [21]).

Съ достодолжнымъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ честь имѣю быть вашъ, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга *Вл. Озеровъ.*

Апрѣля 8-го дня
1809-го года.

---

[20]) Сохранилось въ спискѣ.

[21]) Подъ вліяніемъ этихъ служебныхъ отношеній, Озеровъ могъ вложить своему Улиссу такіе стихи:

Ослабнутъ, и падутъ, и запустѣютъ грады,
Гдѣ мужъ съ заслугами оставленъ безъ награды.

(Поликсена, дѣйств. 3, явленіе 4-е).

ИЗЪ ДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Что за чудная улица была наши Ольховцы! Мнѣ кажется, что въ цѣлой Москвѣ такой улицы теперь не пріищешь: всегда суха, а мостовой нѣтъ. Да и зачѣмъ быть мостовой, когда песокъ сыпучій? Поперекъ улицы протекаетъ рѣчка, чрезъ которую перекинутъ деревянный мостокъ съ некрашенными перилами. Рѣчка эта беретъ начало изъ Краснаго пруда, и Богъ ее знаетъ, какъ она прозывается; но, протекая многія усадьбы и наполняя собою зеркальные пруды, въ которые глядѣлись рощи ольхъ, липъ и березъ въ уединенныхъ садахъ, впадаетъ въ тихоструйную Яузу.

Въ будни, тишина на улицѣ была не возмутимая: проѣдетъ телѣга, провезутъ бревна или доски изъ лѣснаго ряда.... но по песку, что̀ по ковру—не прогремитъ колесо, не дребезжитъ телѣга. Только на рѣчкѣ, возлѣ моста, раздаются, бывало, мѣрные удары валька по тряпью, всполаскиваемому босоногой бабой въ ситцевомъ, съ крупными цвѣтистыми разводами, фартукѣ и съ засученными высоко рукавами. Проходя, бывало, по улицѣ, я любилъ заглядывать въ щели стараго, потемнѣвшаго дощатаго забора, съ кирпичными выбѣленными столбами, тянувшагося почти въ длину всей улицы, и съ наслажденіемъ любовался прудомъ, кое-гдѣ подернувшимся зеленью и окруженнымъ старыми липовыми аллеями. Мнѣ казалось, что тамъ обитаетъ какой-то особенный міръ: тамъ, во множествѣ, вили гнѣзда грачи, стаями порхали, чирикая, воробьи и щебетали другія птички. У корней деревъ и по лужайкамъ, цвѣли ландыши и кучами синѣли незабудки. Кое-гдѣ въ аллеяхъ еще стояли чугунныя, покрытыя ржавчиною, статуи Цереръ и Юнонъ, а по срединѣ сада возвышался одноэтажный домъ съ флигелями,—остатокъ барственной роскоши временъ Екатерининскихъ; но домъ и флигеля давно ужъ были въ запустѣніи.

Домовъ на улицу глядѣло не много: первой, другой—да и обчелся. Возлѣ нашего дома коротенькій переулокъ выходилъ въ поле къ Красному пруду, поросшему по краямъ кугою и аиромъ, и къ длиннымъ низкимъ сараямъ Полеваго двора. Теперь все это поле застроено станціями желѣзныхъ дорогъ, и тамъ, гдѣ почти безпрерывно, въ продолженіи сутокъ, слышится адскій визгъ локомотивовъ, тогда, невозмутимая тишина ночей нарушалась только изрѣдка протяжными, окликами часовыхъ у Полеваго двора, крикомъ дергача въ густой травѣ, да гармоническимъ кваканьемъ болотныхъ лягушекъ.

Да, на Ольховцахъ было домовъ немного, это правда; но общество было, и это общество, обитавшее на Ольховцахъ и въ близь лежащей Красносельской улицѣ, составляло свой кругъ, не нуждавшійся въ дальнѣйшемъ развитіи и довольный собою.

Этотъ кругъ хотя и обиталъ, въ географическомъ отношеніи, въ Москвѣ—первопрестольной столицѣ, но сохранялъ во взаимныхъ отношеніяхъ своихъ характеръ простоты чисто сельской,—характеръ дворянъ помѣщиковъ. Обширные дворы, поросшіе травою, пространные сады и огороды при усадьбахъ, большое количество лошадей въ конюшняхъ, коровы, домашняя птица и многолюдныя женатыя дворни, сильно напоминали деревню. Прибавьте къ этому немощенную улицу, да собственные покосы на захваченныхъ пустошахъ Сокольничьяго поля и близь громовыхъ колодезей, и тогда вы не удивитесь, что и въ нравахъ этого уголка Москвы не было ничего такого, что̀ давало бы

хоть малѣйшій намекъ о затѣяхъ и приличіяхъ такъ называемаго большаго свѣта. Не думайте однакожъ, чтобъ обитатели этого края были такъ кто-нибудь; напротивъ, —это, по большей части, были столбовые дворяне, имѣвшіе значительныя помѣстья, но жившіе тихо, тихо, жившіе для себя и считавшіе душевное и тѣлесное спокойствіе безцѣннымъ сокровищемъ, цѣлью жизни. Лѣтнимъ вечеркомъ, бывало, выдетъ кто-нибудь и сядетъ на улицѣ на лавку у своихъ воротъ. Увидитъ это сосѣдъ, другой, третій, подойдутъ—и возлѣ воротъ соберется кружокъ; разговоръ длится долго, спокойно, и не видать, какъ уходитъ время, и только пора ужинать разведетъ бесѣдующихъ по домамъ. Иногда двое или трое такихъ сосѣдей, говоря о качествахъ лошадей, перейдутъ къ четвертому на его конюшню, прямо, не заходя въ домъ, —навѣстить обитателей стойловъ, долго разсуждаютъ тамъ съ кучеромъ, перейдутъ оттуда въ каретный сарай, уйдутъ, а хозяинъ и не знаетъ, что у него на дворѣ были гости.

Не смотря на эту общую простоту нравовъ, они, т. е. обитатели Ольховцевъ, не были такъ однообразны, какъ люди нынѣшняго вѣка; напротивъ, каждый изъ нихъ былъ, болѣе или менѣе, въ своемъ родѣ оригиналъ.

Вотъ хоть бы, напримѣръ, *Лавръ Львовичъ Демидовъ*, —господинъ сложенія сухощаваго, немолодой лѣтами, но прямой, что̀ называется проглотилъ аршинъ. Всегда въ сѣромъ фракѣ съ обтяжными пуговицами, въ узкихъ панталонахъ, въ англійскихъ съ раструбами сапогахъ, и ходящій твердою и быстрою походкой.....У него въ домѣ, и во всемъ хозяйствѣ, и въ особенности въ конюшнѣ, порядокъ, порядокъ, и экономія, и чистота.....и если чистоту эту невѣжливо нарушала муха, то и тогда неизбѣжно было, если не взысканіе съ домочадцевъ, то ужъ выговоръ, строгій выговоръ. А объ пыли и не говорите..... нигдѣ!... На дворѣ всегда бѣгало съ дюжину маленькихъ шавокъ-позвонковъ; бѣленькія, косматыя, совершенно одна въ одну, и привѣтствовали каждаго, входящаго въ калитку, такимъ звонкимъ, учащеннымъ лаемъ, и вертѣлись около него такъ быстро и дружно, хотя и безъ малѣйшаго вреда, что заставляли невольно остановиться и выжидать, когда, на лай собаченокъ, выйдетъ кто-нибудь изъ всегда-запертыхъ дверей дома—посмотрѣть кто пришелъ. Ворота рѣшетчатаго забора съ улицы всегда были затворены, и отворялись только тогда, когда хозяинъ, въ удовлетвореніе своей страсти „къ лошадкамъ“, выѣзжалъ или верхомъ, или лѣтомъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а зимою въ санкахъ, прокатиться, промять застоявшуюся лошадь, что̀ дѣлалось попеременно, каждый день по нѣскольку разъ.

Лѣтній костюмъ его для верховой ѣзды состоялъ изъ куртки сѣраго сукна, панталонъ въ обтяжку въ сапоги и круглой шляпы на головѣ. Зимой надѣвалась длинная куртка на лисьемъ мѣху, теплый ваточный картузъ, а на ногахъ бѣлые, вязаные, знаете, лохматые женскіе сапоги... Послѣднее было нѣсколько смѣшно для другихъ, но для Лавра Львовича это было все равно: онъ жилъ для себя.

На страстной недѣлѣ, всѣ обитатели Ольховской улицы ходили къ службамъ въ приходскую церковь Покрова Пресвятыя Богородицы — говѣли. Вы развѣ не говѣете? спросилъ мой отецъ Лавра Львовича, когда возвращался отъ обѣдни, и встрѣтивъ его на улицѣ, гонявшаго на кордѣ лошадь. „Нельзя-съ“ отвѣчалъ онъ: „у меня-съ три лошади стоятъ съ развязанными на блоки хвостами, англезируются-съ. Это очень опасно-съ, хвостъ можетъ зарости на сторону-съ..... я изъ конюшни почти и не выхожу-съ..... тамъ я и сплю, и чай пью-съ и обѣдаю..... Чтожъ-съ, пойдешь въ церковь, будешь думать о хвостахъ..... нельзя-съ.....“

Когда открылась Николаевская желѣзная дорога, что̀ было много лѣтъ спус-

тя описываемаго мною времени, и изъ всѣхъ обитателей Ольховцевъ едва ли не онъ одинъ оставался еще въ живыхъ и не покидалъ этой богоспасаемой улицы..... и Лавръ Львовичъ выѣхалъ посмотрѣть на невиданное движеніе. Сталъ на полверсты отъ дебаркадера, возлѣ дороги, на ровномъ мѣстѣ, и когда тронувшійся поѣздъ поровнялся съ нимъ, онъ пустился скакать въ перегонку. „Нѣтъ-съ, не обгонишь“, говорилъ онъ послѣ, „не обгонишь-съ. Лошадь, знаете, устаетъ, а машина идетъ себѣ все шибче-съ и шибче.“

Но несравненно интереснѣе была личность *Поздѣева*. Домъ его былъ каменный, неопредѣленной, уродливой архитектуры, съ тоненькими деревянными колонками, съ высокой тесовой крышей, съ ветхими рамами въ окнахъ, съ обвалившейся штукатуркой, и выкрашенный густо, но пятнами, желтой краской. Впрочемъ, обо всемъ этомъ хозяинъ мало заботился; духъ его былъ занятъ другимъ. Онъ былъ старикъ лѣтами, съ лицомъ некрасивымъ, собой черноватый и рябой, но съ добродушнымъ и кроткимъ выраженіемъ въ чертахъ. Поступь скромная, тихая; одѣтъ онъ былъ всегда въ мундирномъ сюртукѣ отставнаго моряка, и мало якшался съ сосѣдями. Чаще всего онъ встрѣчался въ церкви, потому что былъ очень богомоленъ. Его окружала какая-то таинственность. Онъ былъ масонъ и стоялъ во главѣ Московскихъ масоновъ высшаго круга: его они считали святымъ. Разъ на страстной недѣлѣ, между заутреней и обѣдней, когда всѣ, оставшіеся въ церкви, присѣли отдохнуть, и мнѣ не было мѣста, онъ посадилъ меня возлѣ себя. Я былъ лѣтъ девяти. Говоря со мною о томъ, о семъ, онъ спросилъ меня вдругъ: „гдѣ присутствіе души въ человѣкѣ?“ Я подумалъ, — и отвѣчалъ, что душа въ головѣ, потому-де что всякое разсужденіе творится въ мозгу. Онъ улыбнулся. „Нѣтъ, — сказалъ онъ, — душа въ крови“. И въ подкрѣпленіе этого привелъ текстъ, кажется, изъ какого-то псалма, но изъ какого — рѣшительно не помню. Когда онъ умиралъ, къ нему собрались всѣ масоны и бредъ его агоніи записывали, какъ пророчество.

Позднѣе я видѣлъ въ одномъ домѣ, съ которымъ я былъ знакомъ, гдѣ хозяинъ тоже былъ масонъ и находился при кончинѣ Поздѣева, картину послѣднихъ его минутъ, снятую съ натуры. Въ большихъ волтеровскихъ креслахъ сидитъ въ халатѣ умирающій. Передъ нимъ столъ покрытый скатертью, а на столѣ икона Пречистой и Распятіе. Передъ святыней горятъ въ высокихъ подсвѣчникахъ свѣчи. Потухающіе взоры умирающаго обращены на святое изображеніе. Масоны — свидѣтели происшествія, тихо группируются въ комнатѣ въ разныхъ положеніяхъ, а за высокою спинкою креселъ, приложивъ ухо, стоитъ Григорій Николаевичъ Коробьинъ, извѣстный въ свое время членъ Московскаго Общества С. Хозяйства, агрономъ, и человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ: человѣкъ далеко опередившій свое время.

Третій сосѣдъ нашъ былъ *Андрей Николаевичъ Соковнинъ*. Этотъ человѣкъ инаго покроя. А. Н. воспитывался въ вѣкъ Екатерины съ пажескомъ корпусѣ, потомъ служилъ въ Кирасирскомъ великолѣпнаго князя Потемкина полку, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ былъ въ молоду знакомъ съ моимъ отцомъ и если не было дружбы искренней, задушевной, то знакомство ихъ восходило ко временамъ ихъ воспитанія въ Петербургѣ. Андрей Николаевичъ былъ членомъ Московскаго Человѣколюбиваго Общества и въ послѣдствіи былъ избранъ въ вицепрезиденты этого общества. Имѣлъ на шеѣ Владиміра и въ петлицѣ Анну, держалъ себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ истинному президенту. Съ чиновниками обращался гордо, говорилъ имъ: ты, братецъ, сударь,..... и все это такъ величественно. Домикъ его былъ не великъ, комнатки маленькія,

но теплыя и убранныя чисто. Я любилъ съ батюшкою ходить къ Андрею Николаевичу, сидѣть съ ними — и слушать воспоминанія прошлаго, касательно ихъ воспитанія въ корпусахъ (батюшка воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ), о службѣ ихъ и о блаженныхъ временахъ Екатерининскихъ. Съ полчаса спустя, послѣ чаю, Андрей Николаевичъ, бывало, посмотрѣвъ на меня, говаривалъ: „Молодому-то человѣку съ нами скучно, надобно позабавить его,“ и, сказавъ это, выходилъ въ дверь, сдѣланную въ видѣ шкафа, драпированнаго зеленою тафтою, въ свою спальню, и оттуда выносилъ глубокую тарелку, наполненную черносливомъ, винными ягодами, пряниками, изюмомъ, разными орѣхами и конфектами, и ставилъ предо мною. Разумѣется, я былъ доволенъ очень, слушалъ и ѣлъ, ѣлъ и слушалъ. Еслибъ я былъ одаренъ острой памятью, я бы разсказалъ много забытаго и незамѣченнаго другими, или непереданнаго современниками Екатерины; но, къ несчастію, я былъ еще слишкомъ молодъ, слушалъ все, какъ сказки и, подъ вліяніемъ молодаго поколѣнія, на стариковъ и на разсказы ихъ смотрѣлъ ужъ какъ на что-то младенческое, не стоющее большаго вниманія. Я не понималъ еще интереса всего мною слышаннаго и теперь съ грустью вспоминаю о своей глупости.

— „И нашъ мундиръ былъ по моему очень красивъ“, говаривалъ мой отецъ: „бирюзовые лацканы и воротникъ....“

— „Ну что вашъ мундиръ гарнизонный?!“ перебивалъ Андрей Николаевичъ (батюшка служилъ въ Архаровскомъ полку), „какой ужъ мундиръ! гвардейскіе мундиры, или хоть бы нашъ Кирасирскій князя Потемкина полка—такъ, дѣйствительно, были богаты. Этотъ полкъ считался собственною гвардіею Князя: на него онъ не жалѣлъ никакихъ расходовъ. Сверхъ кирасы надѣвался красный суконный супервейсъ съ вышитыми на груди и на спинѣ серебромъ орлами. Лошади тысячныя, а что за народъ то?.... гиганты!....“

— „Тогда и въ корпусѣ одѣвались хорошо, продолжалъ отецъ; офицеры носили по два золотыхъ шарфа чрезъ оба плеча крестъ на крестъ, съ большими кистями (и отецъ мой разводилъ при этомъ руками, показывая величину колоссальныхъ кистей.) Особенно мнѣ нравились кадеты-егеря, зеленыя курточки подъ цвѣтъ травы, кругленькая шляпа съ зеленымъ перышкомъ. Бывало, залягутъ въ траву, такъ отъ травы ихъ не отличишь“, и при дальнѣйшемъ разсказѣ рѣчь заходила о разницѣ между современнымъ (при Александрѣ 1-мъ) корпуснымъ воспитаніемъ и воспитаніемъ при Великой Екатеринѣ, подъ отеческимъ, нѣжнымъ и благороднымъ надзоромъ графа Ангальта.

—„Когда отвозилъ моихъ дѣтей въ корпусъ, я ужаснулся той перемѣнѣ, какую я нашелъ теперь. Куда дѣвалась вѣжливость, благородное обращеніе! У насъ наказаніе розгами было вещію рѣдкой, а тутъ каждый офицеръ деретъ, когда ему вздумается. Стыдъ наказанія пропалъ,—разницы между кадетомъ и солдатомъ не стало. Невѣжество, необразованность.....такъ ли было въ наше время?... Бывало, графъ Ангальтъ, если случится какая нибудь шалость, онъ не разыскивалъ преступника. Онъ созывалъ кадетъ, говорилъ имъ объ обязанности, о правилахъ человѣка, говорилъ, что онъ не хочетъ даже знать, кто сдѣлалъ дурно,—онъ не хочетъ знать того, кто пятнаетъ званіе кадета, пятнаетъ свое доброе имя; говорилъ долго, возбуждалъ въ кадетахъ слезы умиленія, и можно было ручаться за то, что, по окончаніи его рѣчи, кадеты сами расправятся и крѣпко оттаскаютъ преступника. Маленькіе кадеты были на попеченіи у женщинъ; одѣты были въ курточки кофейнаго цвѣта и, переходя отъ возраста къ возрасту, постепенно мѣняли и платья и образъ занятій. Въ одной изъ залъ была устроена библіотека; на столахъ лежали всевозможныя книги на иностранныхъ языкахъ; разумѣется, были и Русскія, но очень мало. Книги эти придѣланы были къ столамъ, такъ что можно было ихъ читать;

но унести было нельзя. Разумѣется, кадеты болѣе рвали, нежели читали и когда графъ Ангальтъ видѣлъ, что книга изорвана, говаривалъ бывало,—что его „очень радуетъ, что кадеты такъ любятъ чтеніе и такъ часто упражняются въ этомъ занятіи, что книга изорвалась отъ частаго употребленія“.... и тутъ же приказывалъ изорванную книгу замѣнить новою.

„Кромѣ фехтованія, верховой ѣзды и другихъ гимнастическихъ упражненій, было въ корпусѣ особое зданіе для *Jeu de paume*, и для этой игры кадеты одѣвались въ особую легкую одежду и, какъ мнѣ помнится, въ желтыя нанковыя курточки. Графъ Ангальтъ наблюдалъ за наклонностію всякаго кадета. Вотъ, напримѣръ, говорилъ мой отецъ: я всегда имѣлъ любовь къ садоводству, и графъ Ангальтъ сдѣлалъ меня Директоромъ корпуснаго сада; я былъ и кадетъ и Директоръ не по одному названію, а съ полной свободой распоряженій. Въ саду я своими руками вырылъ бесѣдку или гротъ. Бесѣдка эта состояла изъ ямы, которая по краямъ обсажена была кустами, а въ срединѣ былъ устроенъ круглый столъ изъ дерну. Графъ Ангальтъ часто посѣщалъ мою бесѣдку и разъ, заставъ меня съ товарищами вокругъ стола, прозвалъ меня *chevalier de table ronde*. Лѣтними утрами онъ часто пріѣзжалъ въ корпусъ, и когда выходилъ прогуляться въ садъ, я обязанъ былъ встрѣтить и привѣтствовать его въ качествѣ Директора рѣчью на французскомъ языкѣ, на тему о садѣ, о пользѣ и пріятности садоводства и пр. Я никогда не обладалъ хорошею памятью и, начавши рѣчь: Votre Excellence, скоро заикался.... и тогда графъ Ангальтъ, обращаясь къ моему помощнику Лисенкѣ, говорилъ: Lisenco, continuez, и Лисенко оканчивалъ рѣчь. Вся каменная, ощекатуренная стѣна кругомъ сада была расписана разными предметами изъ натуральной исторіи, разными геометрическими, алгебраическими и ариѳметическими задачами, шарадами на французскомъ и русскомъ языкахъ, и дѣльными и пустыми, но постоянно занимавшими кадетъ. Стѣна эта называлась *Muraille Parlante*; помню я, что на этой стѣнѣ были изображены всѣ народы земнаго шара въ ихъ національныхъ одеждахъ, и между европейскими народами, одинъ былъ изображенъ голымъ съ кускомъ сукна въ рукахъ. Острякъ живописецъ, расписывавшій стѣну, на вопросъ графа Ангальта что̀ это значитъ, отвѣчалъ: „это я написалъ Француза, и такъ какъ у нихъ мода ежедневно мѣняется, то въ настоящее время я не знаю, какого покроя Французы носятъ свое платье.“ На этой же стѣнѣ, по приказанію графа Ангальта, нарисованы были его похороны: кадеты несутъ гробъ, а могилу ему роютъ кролики. Что̀ за мысль была сочинить такую картину, Богъ его знаетъ.

„Какъ любитель садоводства, я дѣлалъ выписки изъ ботаническихъ книгъ, записывалъ, что̀ могъ услышать по этому предмету, переводилъ съ французскаго все, что̀ касалось до садоводста, и такимъ образомъ составилось у меня нѣсколько довольно толстыхъ тетрадей. Графъ Ангальтъ узналъ объ этомъ, велѣлъ тетради мои переплесть въ кожанный корешокъ и подарилъ мнѣ. На переплетѣ вытѣсненъ золотой орелъ, листы съ золотымъ обрѣзомъ, а на корешкѣ напечатано золотомъ: „Новый совершенный Русскій садовникъ“, и моя фамилія. *

„На здоровье кадетъ обращалось особенное вниманіе, и потому разъ каждый мѣсяцъ, и ужъ непремѣнно всѣмъ поголовно, давали чистительное. Чтобы кадеты не сопротивлялись и не было бы имъ противно принимать лекарство, чистительное имъ давали въ разварномъ черносливѣ, который очень часто подавали намъ въ ужинѣ въ видѣ супа. Ничего не подозрѣвая, кадеты ѣли сладкое кушанье.... и только ужь ночью, когда начиналась страшная бѣготня по галлереямъ догадывались, что надъ ними подшутили.

* Книга эта теперь хранится у меня.

„Графъ Ангальтъ былъ нѣсколько педантъ. Одѣвался всегда въ Прусскій мундиръ и имѣлъ длинную косу. Одна ботфорта была со шпорой, другая безъ шпоры. Вотъ какъ объясняли это. Когда Фридрихъ Великій потерялъ сраженіе при Коллинѣ, то, повстрѣчавъ при отступленіи графа Ангальта, который командовалъ какою-то частью его войскъ, сказалъ: Sie haben ein Spor verloren! Графъ Ангальтъ, въ память словъ его, скинулъ одну шпору, и уже не надѣвалъ ее.

„Онъ былъ безъ руки, потерявъ ее въ сраженіи; но это нельзя было почти замѣтить, такъ хорошо была сдѣлана искусственная рука на пружинѣ, которую онъ то держалъ впереди, то отбрасывалъ на сторону, ударивъ ее нѣсколько разъ другою рукою по искусственнымъ пальцамъ въ перчаткѣ, въ которыхъ держалъ золотую табакерку съ табакомъ. При пріѣздѣ его въ корпусъ, кадеты встрѣчали его съ восторгомъ и любовью. Bon jour, mes enfants, bonjour, mes enfants; il est temps de se lever! кричалъ онъ, проходя по спальнямъ, если случалось пріѣзжать рано утромъ; и конечно, тѣ, которые еще хотѣли спать, особенно шалуны, при этомъ случаѣ начинали его ругать: Чортъ тебя принесъ! ишь тебѣ не спится и пр.... Иногда графъ слышалъ это; но, какъ будто не понимая по русски, оставался и ласковъ и привѣтливъ. Разъ шалуны на Muraille Parlante нарисовали портретъ Ангальта въ каррикатурѣ, съ огромнымъ краснымъ носомъ и предлинною косою. Графъ, проходя мимо, остановился, долго смотрѣлъ и обратясь къ провожавшимъ его офицерамъ и кадетамъ, сказалъ: „Какъ мнѣ пріятно, что меня такъ любятъ кадеты, что даже нарисовали мой портретъ, чтобы чаще видѣть меня хоть въ изображеніи. Мнѣ это очень, очень пріятно. Пожалуйста не стирайте и не велите стирать!...“ и чтожъ? кадеты со слезами, какъ милости, просили графа, чтобы позволилъ стереть.

„Да что ужь говорить о графѣ Ангальтѣ: — сама-то Императрица, бывало, какъ пріѣдетъ въ корпусъ, маленькіе кадеты бросались къ ней, какъ къ матери, лѣзли къ ней на колѣни, когда она садилась въ кресла, чтобы отдохнуть, и она была такъ милостива, что ласкала ихъ и ни подъ какимъ видомъ не позволяла ихъ отъ себя отгонять.

„Учителя у насъ, говорилъ отецъ, были самые лучшіе во всемъ Петербургѣ; вотъ хоть, напримѣръ, Княжнинъ — писатель училъ у насъ словесности. Княжнинъ одѣвался очень скромно, но необыкновенно чисто и опрятно; руки у него были полныя, бѣлыя и замѣчательно красивы. Кадеты чрезвычайно его любили и уважали.

„— Однако, какъ слышно было, и онъ не миновалъ рукъ Шишковскаго?

„— Кадеты узнали это и сговорились отомстить, сговорились высѣчь Шишковскаго. Случай скоро открылся. Не помню по какому только случаю, — было ли это гулянье — только и Шишковскій появился у насъ въ саду; какъ теперь помню его небольшую мозглявую фигурку, одѣтую въ сѣрый сюртучекъ, скромно застегнутый на всѣ пуговицы, и съ заложенными въ карманы руками. Человѣкъ 40 кадетъ нарѣзали жидкихъ хлыстовъ, заткнули ихъ подъ спинки мундировъ и стали слѣдить Шишковковскаго въ аллеяхъ сада. Вѣроятно онъ замѣтилъ что-нибудь недоброе, сталъ торопливо пробираться къ воротамъ и уѣхалъ. Когда онъ вышелъ изъ воротъ, кадеты, видя свою неудачу, выхватили хлысты и, махая въ воздухѣ, кричали ему въ догонку: „Счастливъ твой Богъ, что ушелъ.“

— „А у насъ, перебилъ Андрей Николаевичъ, въ Пажескомъ корпусѣ его таки и высѣкли, какъ слѣдуетъ высѣкли: поймали, растянули и высѣкли розгами. Государыня была очень недовольна. Нѣсколько пажей наказали жестоко и исключили изъ корпуса. Страшный человѣкъ былъ этотъ Шишковскій; бывало, подойдетъ такъ вѣжливо, такъ ласково, попроситъ пріѣхать къ себѣ объясниться....да ужъ и объяснится!....

—„Конечно, страшный человѣкъ, а все таки, проговорилъ мой отецъ, при Екатеринѣ какъ-то всѣ были довольны и забывали даже и объ Шишковскомъ. Вотъ хоть бы опять обращусь къ корпусу. Послѣ графа Ангальта, директоромъ корпуса былъ сдѣланъ Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ. Переворотъ былъ такъ крутъ, жестокія наказанія сдѣлались до того невыносимы, что, какъ я слышалъ, двое кадетъ бросились изъ оконъ съ верхняго этажа на мостовую и, конечно, расшиблись до смерти.

—„Екатерина была мудрая Государыня, говорилъ Андрей Николаевичъ. И странная вещь: когда она скончалась, и вѣсть эта дошла до Москвы, съ какою радостью вся знать поѣхала въ Петербургъ съ поздравленіемъ къ новому Императору. Поѣхали-то туда, Богъ вѣсть, съ какими надеждами, а возвратились съ опущенными головами....

—„Да, помню.... какже.... помню, говорилъ мой отецъ: съ кончиною Императрицы все пошло на вонтараты. Служба при Екатеринѣ была спокойная: бывало, отправляясь въ караулъ (тогда въ караулѣ стояли безсмѣнно по цѣлымъ недѣлямъ), берешь съ собою и перину съ подушками, и халатъ, и колпакъ, и самоваръ. Пробьютъ вечернюю зорю, поужинаешь, раздѣнешься и спишь, какъ дома. Въ особенности мнѣ нравилось стоять въ караулѣ у главнокомандующаго князя Прозоровскаго, который лѣтомъ всегда живалъ въ Петровскомъ. Встанешь, бывало, съ солнцемъ и пойдешь себѣ, не одѣваясь, а такъ въ халатѣ и колпакѣ, въ лѣсъ за грибами. Я это очень любилъ. Чай, кофе, завтракъ, все приносилось на гаубтвахту отъ князя, а обѣдать караульные офицеры всегда приходили къ нему. Смѣшно вспомнить, какъ я, по неопытности, раза два попалъ въ просакъ на этихъ обѣдахъ. Былъ, видишь ли ты, какой-то постный день, когда я по обыкновенію обѣдалъ у князя. Подаютъ кушанья, я вижу скоромное и отказался, и думалъ, что никто не замѣтитъ; но князь замѣтилъ, понялъ причину и со всевозможной заботливостію приказалъ подавать мнѣ постное. Я сильно сконфузился, да дѣлать было нечего. Тѣмъ же лѣтомъ случилось мнѣ опять быть въ караулѣ у Прозоровскаго. Это было уже Успенскимъ постомъ. Когда сѣли за столъ, подходитъ ко мнѣ человѣкъ и спрашиваетъ, что̀ я кушаю—постное или скоромное? Ну теперь буду умнѣе, думаю себѣ, и чтобы снова не отличиться отъ другихъ, отвѣчалъ: скоромное. Вотъ мнѣ и подали скоромное,—а я.... глядь.... другимъ-то всѣмъ подаютъ и рыбу и уху,—всѣ ѣдятъ постное.

„Да, со вступленіемъ на престолъ государя Павла, служба сдѣлалась тяжелая, строгая, а мундиры при Павлѣ все-таки много были удобнѣе и покойнѣе теперешнихъ *. Теперь несчастнаго солдата тянутъ, тянутъ, такъ что жалко смотрѣть; а тогда мундиры были широкіе, просторные, съ запасомъ и застегивались по сезонамъ. Въ зимній сезонъ подъ мундиръ надѣвался полушубокъ, и лацканы были застегнуты на всѣ пуговицы. Чтобы мундиръ спокойно надѣвался на полушубокъ, по швамъ выпускались запасы. Весною полушубокъ снимался, запасы ушивались, лацканы отворачивались, хотя и оставались застегнутыми на всѣ крючки. Также и осенью. Въ лѣтній сезонъ лацканы были стянуты на серединѣ груди только крючка на два или на три. По моему, это было очень хорошо; но за то ужь пукли, да косы доходили несчастныхъ солдатъ. Бывало, когда готовятся въ караулъ, или въ парадъ, еще съ вечера начнется причесываніе головъ; сколько сала вымазывалось, сколько муки высыпалось на головы! Для солдатъ, вмѣсто пудры, отпускалась простая ржаная мука. Причешется солдатъ съ вечера, и ужь всю ночь лечь ему нельзя: спитъ сидя, чтобы не измять буклей. Много бывало случаевъ, что и крысы отъѣдали косы у сонныхъ. Особенно чаще всего

* Разсказъ относится ко времени Александра 1-го (началу 20-хъ годовъ)

случалось это несчастіе въ Красныхъ Казармахъ: такая тамъ была бездна крысъ. Безобразны и неудобны до крайности были также на солдатахъ огромныя треугольныя шляпы. Бывало, на ученье скомандуютъ на плечо, или пойдутъ въ штыки бѣглымъ шагомъ, такъ шляпы и летятъ съ головъ. Нарочно наряжались команды для подбиранія шляпъ

— „А помнишь ты, спросилъ Андрей Николаевичъ, когда послѣдовало повелѣніе, чтобы всѣ, встрѣчавшіеся съ Императоромъ на улицѣ проѣзжающіе, выходили изъ экипажей?

— „Какъ не помнить! Мущины должны были выходить совсѣмъ на мостовую, а дамамъ дозволялось становиться на приступкѣ.... Сколько изъ этого и смѣху-то и горя было!!

„Разъ, ѣдемъ мы съ матушкой въ каретѣ, вдругъ человѣкъ кричитъ намъ: Государь ѣдетъ, Государь ѣдетъ! Кучеръ остановилъ лошадей, лакей отворилъ дверцы и откинулъ приступки;...и матушка блѣдная, дрожащая бросилась вонъ и сѣла на приступкѣ. Я кричу матушкѣ: пустите, матушка, пустите! а она сидитъ, какъ мертвая.—Я вижу, что дѣло-то плохо, перепрыгнулъ черезъ нее и сталъ во фронтъ.

„Къ счастію, это былъ не Государь, а пустой экипажъ съ конвоемъ.

— „А Далоко-то, Далоко-то, помнишь его?

— „Далоко? какой же это Далоко?—говорилъ Андрей Николаевичъ, припоминая былое. Далоко-вотъ что училъ у твоихъ Нестеровыхъ музыкѣ и пѣнію Варвару Александровну? Какъ же....помню....помню!—Онъ всхлебнулъ горячку отъ такой встрѣчи“.

—Какимъ же это образомъ?

—Вотъ это какъ. Ѣхалъ онъ на дрожкахъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ давать уроки (онъ всегда одѣвался щегольски)....а было очень грязно.... Вдругъ у Красныхъ Воротъ на встрѣчу ему Государь. Онъ глядь,—грязно. Башмаковъ марать не захотѣлось, онъ и сталъ на приступочкѣ дрожекъ по дамски. Это увидѣли, сочли за неуваженіе и приказали обвести Далоку кругомъ Красныхъ Воротъ по колѣна въ грязи три раза. Разумѣется ужь, послѣ этого было не до уроковъ: возвратился домой, да и слегъ.

„А дядюшку Сергѣя Николаевича такъ, кажется, и посѣкли въ Тайной. Бѣдный старикъ, послѣ того, былъ такъ напуганъ, что если заслышитъ, бывало, колокольчикъ, такъ и затрясется и поблѣднѣетъ. Все ему казалось, что фельдъегерь ѣдетъ взять его. Да тогда и не онъ одинъ приходилъ въ ужасъ и блѣднѣлъ при звукѣ колокольчика... Смѣшно,—когда къ нему пріѣхалъ Эртель, чтобы отвезть его въ Тайную. Чего онъ тутъ не обѣщалъ: и корову-то англійскую, и какихъ, какихъ подарковъ не обѣщалъ, а какъ выпустили, такъ и обманулъ!

— „Да за что же его взяли въ Тайную?

— „Лакей донесъ, что онъ говорилъ о курносыхъ.

„Богъ знаетъ, какъ и объяснить это? вѣдь сердцемъ-то Павелъ былъ предобрый и превеликодушный. Вотъ какой, напримѣръ, случай былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, когда Государь узналъ моего батюшку-тестя и полюбилъ его.

„Когда Государь изволилъ ѣхать по Нижегородской губерніи, то на пути къ Нижнему—на гатяхъ, проложенныхъ по болотамъ—встрѣтили Государя огромныя толпы народа и, при приближеніи экипажа, упали всѣ на колѣна. Государь приказалъ остановиться, вышелъ изъ экипажа и милостиво спросилъ, чего они отъ него просятъ? Защити, Государь! кричалъ народъ. Исправникъ замучилъ насъ совсѣмъ: поголовно и день и ночь работали на дорогѣ; дома свои позабыли, какъ стоятъ. Государь страшно вспылилъ.—Гдѣ исправникъ? подать его сюда!—Исправникъ ни живъ, ни мертвъ явился предъ разгнѣваннымъ Государемъ, блѣдный, трепещущій, оправдываться ужь куда тебѣ, и не думалъ.—Повѣсить его сейчасъ... вскричалъ Государь...повѣсить на первой соснѣ! Всѣ были въ

ужасѣ. Исполненіе должно было послѣдовать немедленно, но кто-то изъ приближенныхъ къ Императору осмѣлился замѣтить, что по законамъ русскимъ безъ суда не наказуютъ. Народъ также, какъ услыхалъ такой приговоръ, приступилъ къ Государю съ моленіемъ о милости: говорили, что исправникъ до нихъ всегда былъ добръ, но что онъ и самъ подъ началомъ, и Государь взмиловался.

„По пріѣздѣ въ Нижній Новгородъ, Государь былъ сильно недоволенъ губернаторомъ, и когда всѣ почетныя лица изъ служащихъ въ городѣ были приглашены къ столу Государя, губернаторъ приглашенъ не былъ. Батюшка-тесть въ то время командовалъ въ Нижнемъ гарнизоннымъ батальономъ, и хотя былъ только въ чинѣ маіора, однако удостоился и онъ чести быть тоже приглашеннымъ. За столомъ Государь вспомнилъ о губернаторѣ...глаза засверкали, и изъ устъ раздались гнѣвныя рѣчи... Всѣ молчали, потупя глаза, никто не смѣлъ взглянуть на Государя. Одинъ только батюшка-тесть рѣшился говорить. Государь! сказалъ онъ: Корабль, пускающійся по волнамъ морскимъ всегда надѣется достигнуть желанной пристани; но достигнетъ-ли онъ ее, Богу только извѣстно; одна буря, и корабль разбитъ о подводный камень. Также и нашъ достойный губернаторъ думалъ сдѣлать тебѣ угодное, и вмѣсто милости, заслужилъ гнѣвъ. Прости меня, Государь, за мое дерзкое слово!

„Всѣ присутствовавшіе еще болѣе потупили глаза, всѣ съ трепетомъ ожидали новаго порыва гнѣва... Нѣсколько секундъ длилось томительное молчанье. Государь съ удивленіемъ озиралъ маіора, смотрѣвшаго на него съ покорностію и спокойствіемъ честнаго человѣка.

— „Ты добрый старикъ, сказалъ Государь.... спасибо тебѣ. Есть у тебя сыновья?

— „Никакъ нѣтъ, Ваше Величество! у меня только дочери.

— „Ну все равно: когда у тебя будетъ зять, отдай его мнѣ.

„Скоро послѣ того, Архаровъ впалъ въ немилость, а батюшка-тесть сдѣланъ былъ шефомъ 10-ти батальоннаго Московскаго гарнизоннаго полка, и до конца жизни Государь не измѣнилъ къ нему своего благоволенія.

— „Ну, ты и не воспользовался милостію Государя, когда женился на Александрѣ Петровнѣ? спросилъ Андрей Николаевичъ.

— „Нѣтъ, отвѣчалъ мой отецъ, я женился, а Государя не стало. Такъ и погибла открывавшаяся мнѣ, счастливая будущность. Впрочемъ, я и самъ набрался страху не мало.—Какъ это?

— „А вотъ какъ. На другой день по прибытіи Государя Павла для коронованія въ Москву, мнѣ досталось быть за дежуръ-маіора. По новому уставу надобно было ввечеру рапортовать лично Государю; но порядка этого у насъ въ Москвѣ еще не знали. (У насъ еще продолжался порядокъ Екатерининскаго времени). Не смотря на это, я таки отправился къ коменданту Гессе, чтобы узнать отъ него, что̀ мнѣ дѣлать? А комендантъ Гессе и самъ ничего не зналъ: думалъ, думалъ, да и не велѣлъ мнѣ безпокоить Государя. На другой день, послѣ смѣны карауловъ, требуютъ меня къ Государю. Онъ имѣлъ тогда свое мѣстопребываніе въ Слободскомъ дворцѣ. При входѣ въ залу, меня окружили и генералъ-адъютанты и всякіе другіе генералы, ужь я теперь и не помню кто... видѣлъ я только ленты, да звѣзды, и всякой мнѣ замѣчалъ: „какъ же я могъ не прійдти съ вечернимъ рапортомъ къ Государю?“—Да объ этомъ никто мнѣ не говорилъ, отвѣчалъ я.“—„Этого не могите говорить Государю, не могите.... слышите ли?“ твердили мнѣ... Вскорѣ вышелъ камеръ-лакей, ввелъ меня въ другую залу и оставилъ одного. Вотъ и стою я посреди комнаты, а сердце такъ и замираетъ. Прямо предо мною притворенная дверь. Смотрю—вотъ кто-то пріотворилъ ее и чьи-то глаза озираютъ комнату; вотъ остановились на мнѣ..... и дверь снова притворена. Чрезъ нѣсколько минутъ опять

повторилось тоже самое, опять глаза озираютъ комнату, опять смотрятъ на меня, и чувствую я, что отъ этихъ глазъ сердце у меня леденѣетъ... Все это продолжалось съ добрыхъ ½ часа. Дверь то пріотворялась, то опять затворялась раза четыре. Наконецъ дверь совсѣмъ отворилась, и Государь входитъ. Глаза его были налиты кровью и онъ пыхтѣлъ что̀, какъ извѣстно, было признакомъ затаеннаго гнѣва. Онъ подошелъ ко мнѣ молча, обошелъ нѣсколько разъ кругомъ, осматривая меня съ ногъ до головы, и, остановившись противъ меня, грозно спросилъ: „Какъ ты смѣлъ, щенокъ, не придти ко мнѣ съ вечернимъ рапортомъ?“ Я едва могъ выговорить „виноватъ...“—„Щенокъ, повторилъ Государь, продолжая меня осматривать, если ты впередъ осмѣлишься не исполнять своей обязанности, ты улетишь туда, куда и воронъ костей не заносилъ...“ Далѣе ужъ я и не помню ничего... и когда Государь вышелъ, я упалъ безъ памяти на полъ. Воды, воды! слышалось мнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ спрыски холодной воды на лицѣ, и, когда открылъ глаза, увидалъ, что около меня суетился Великій Князь Александръ Павловичъ, стараясь привести меня въ чувство!

Вотъ такъ-то, бывало, бесѣдовали пріятели, вспоминая былое. Я сидѣлъ и слушалъ, и хотя въ послѣдствіи случалось мнѣ часто слыхать отъ отца разсказы, приведенные мною; но никогда эти разсказы не производили на меня такого впечатлѣнія, и никогда эти разсказы не были передаваемы такъ опредѣленно, такъ плавно и спокойно, какъ въ маленькой гостинной Андрея Николаевича, оклееной малиновыми съ золотыми звѣздочками бумажками русскаго издѣлія, бумажками, продававшимися по 20 к. асс. за кусокъ въ 3 аршина.

Странное дѣло! Началъ я разсказывать про Ольховскую улицу и про ея обитателей, а свелъ на разсказы объ отцѣ, объ его воспитаніи, да о службѣ при Павлѣ. Какая бы, казалось, тутъ связь? А между тѣмъ связь существуетъ. На Ольховцѣ въ то время доживали свой вѣкъ личности одной эпохи съ батюшкою. Разсказами этими дополнялся характеръ всѣхъ остальныхъ лицъ, которые, болѣе или менѣе, унесли изъ протекшей жизни и до могильной доски духъ времени своего прошедшаго.

Кажется, что въ разсказѣ своемъ отецъ мой коснулся коменданта Гессе *). Объ Гессе я слыхалъ отъ отца много смѣшнаго. Это былъ вполнѣ нѣмецъ-служака, но добродушный и слабый до невозможности. Кто не знаетъ, что при Павлѣ военные всѣ носили прусскія косы. „Разъ у меня была горячка, и волосы всѣ вылѣзли, разсказывалъ мой отецъ. Когда я выздоровѣлъ и явился по службѣ къ Гессе, онъ вдругъ спрашиваетъ: „а гдѣ вашъ косъ?“ У меня была горячка, ваше превосходительство, и волосы вылѣзли!—Это не отговоркъ,-гдѣ вашъ косъ?

„Напрасно я ссылался на болѣзнь: Гессе приставалъ неотступно, стращалъ гаубтвахтою, арестомъ и только едва, едва я отъ него отдѣлался.

Первый его врагъ въ архаровскомъ полку былъ поручикъ Юни—повѣса съ ногъ до головы. Разъ Юни приходитъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ онъ былъ коротко знакомъ со всѣми плацъ-адъютантами; взошелъ и видитъ, что кто-то у стола стоитъ къ нему задомъ, нагнувшись, и что-то пишетъ. Юни, полагая, что это кто-либо изъ плацъ-адъютантовъ, пожелалъ поиграть въ чехарду, разбѣжался, сѣлъ къ стоящему у стола верхомъ на спину, схватилъ косу въ руки—и ну пришпоривать, приговаривая и подергивая за косу: ну! ну! Долго барахтался несчастный подсѣдельный; но когда ему удалось повернуть лицо, Юни съ ужасомъ увидѣлъ, что это былъ комендантъ Гессе.

---

*) Объ этомъ Гессе см. въ Запискахъ Болотова въ Р. Архивѣ 1864, стр. 706. Гессе оставался комендантомъ Московскаго Кремля и въ 1812 году, см. Записки С. Н. Глинки. Спб. 1836, стр. 53.

Разумѣется, ѣздокъ сейчасъ соскочилъ со спины коменданта и, вытянувшись въ струну, могъ только проговорить: „Виноватъ, ваше превосходительство!“

— А! вскричалъ Гессе. Это ви, ви ѣздитъ на московскій камедіантъ, пошалюйте со мной?!.

Пошелъ Юни вслѣдъ за Гессе. Сѣли въ карету молча и поѣхали къ военному генералъ-губернатору Салтыкову.

Пріѣхали. Гессе велѣлъ о себѣ доложить, что ему нужно видѣть генералъ-губернатора, которому имѣетъ сообщить очень важное дѣло. Салтыковъ не заставилъ себя дожидаться, бросилъ занятіе и вышелъ въ пріемную, озабоченный тѣмъ, что̀ предстоитъ ему услышать.

— Что вамъ угодно мнѣ сказать, генералъ? спросилъ онъ у Гессе.

Я привезъ, ваше сіятельство, къ вамъ съ мой жалобъ: вотъ этотъ господинъ офицеръ, что изволитъ ѣздить на Московскій комедіантъ.

—Какъ ѣздить! Что вы говорите, генералъ?

—Мой стояль, писаль, а поручикъ Юни пригъ на спина, взялъ косъ, и ну! ну! ну!

Салтыковъ взглянулъ на Юни, всего сжавшагося и стоявшаго съ потупленною внизъ головою,. какъ какой несчастный, взглянулъ на коменданта и не могъ удержать порыва смѣха. Выхватилъ изъ кармана платокъ, зажалъ имъ себѣ ротъ, махнулъ рукою и, фыркнувъ, убѣжалъ вонъ изъ залы.

Не помню чѣмъ, какъ разсказывалъ отецъ мой, кончилось это дѣло; но, кажется, что Юни просидѣлъ трое сутокъ на гаубтвахтѣ и былъ выпущенъ.

Другой разъ, тотъ же Юни стоялъ въ караулѣ на гаубтвахтѣ. Соскучился и, узнавъ, что въ домѣ генералъ-губернатора балъ, оставилъ караулъ и отправился на балъ.

Увидалъ его Гессе танцующимъ и подошелъ къ нему, чтобы поймать, когда тотъ окончитъ танецъ. Юни замѣтилъ, и лишь только танецъ кончился, онъ юркнулъ чрезъ толпу въ другую комнату, поддѣпилъ даму, и когда комендантъ отыскалъ его , онъ уже преисправно вытанцовывалъ съ другою дамою. Опять сталъ дожидаться Гессе, и опять Юни состряпалъ такую же штуку. Гонялся, гонялся Гессе и вдругъ потерялъ Юни изъ вида; искалъ, искалъ, наконецъ рѣшился ѣхать домой.

Проѣзжая мимо гаубтвахты, зашелъ онъ въ нее, глядитъ, а ужь Юни, какъ ни въ чемъ не бывалъ, сидитъ въ караульной комнатѣ.—А, ви тутъ! А кто это въ шолкова шулочки на башмачки пригъ, пригъ?

—Не знаю и не понимаю, ваше превосходительство, что̀ изволите говорить.

—О! мой видѣль, мой видѣль самъ у генералъ-губернаторъ, ви въ шолкови шулочки на башмачки пригъ! пригъ!

—Никогда, ваше превосходительство! я стою въ караулѣ, какъ же можно, чтобъ я прыгалъ на балѣ?

—Ну такъ шортъ, діяволь тамъ биль!

—Можетъ быть, ваше превосходительство, только не я. И Гессе, не могши уличить его, ушелъ.

Юни умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Я зналъ его лично уже въ глубокой старости и въ чинѣ статскаго совѣтника, доживавшаго свой вѣкъ на Покровкѣ. До конца жизни онъ умѣлъ сохранить веселость и юморъ въ разговорѣ.

В. Селивановъ.

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Посвящается Дмитрію Гавриловичу Бибикову.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шляпѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой:
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ, къ ногамъ коня,

И сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

„Богъ мой!“ онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать:
„Насъ завидѣлъ непріятель
„И спѣшитъ намъ честь отдать.“

II.

И Кутузовъ предо мной,
Вспомню-ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средъ полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ уже пробитомъ,
Пламя юное зажглось—

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ.

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

Отъ вождя, къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватаетъ на-лету!

Противъ насъ дружины—ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;

Славой блещущія лица,
И—въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,
Гордымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.

Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой:
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.

И впервыя въ грудь счастливца
Недовѣрья хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Сѣдовласый ученикъ.

Къ острову святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святыя стѣны
Въ казнь себѣ усвоитъ врагъ.

День насталъ! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.

И, на пиръ веселый словно,
Каждый радостно летитъ:
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой;

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ:
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ,
Снова свѣжіе ряды.
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды.

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрать.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ:
Въ этотъ день рѣшить-бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй растетъ она:
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно:
Славься *битвой исполинской,*
Славься ввѣкъ, Бородино!

III.

Головешкой въ этомъ адѣ
Кто-бы могъ признать меня?
Я-ль въ воинственномъ нарядѣ,
Всадникъ борзаго коня?

Полно, я-ли? вотъ задача!
На себя гляжу-ль во снѣ?
Мой двойникъ, меня дурача,
Не мерещится-ли мнѣ?

Нѣтъ, нагрянула невзгода,
И я—баричъ и Москвичъ—
Я услышалъ гласъ народа,
Божій гласъ и Царскій кличъ.

Полно шляндать по бульвару
И по Прѣсненскимъ прудамъ,
И—Макарову подъ пару—
Быть поэтомъ *милыхъ дамъ.*

Риѳмы прочь, и перья въ папку,
И долой мой модный фракъ:
Я надѣлъ медвѣжью шапку,
Я Мамоновскій казакъ;

Я съ приволья прямо въ сѣчу,
Съ лона нѣги молодой
Прямо ядрамъ я на-встрѣчу,
Прямо въ Бородинскій бой!

Но мундиръ мой небывалый,
Но медвѣжій мой нарядъ—
Хоть красивый, ходь удалый,—
Чуть не вышли мнѣ въ-накладъ.

Князь *Московскій* смотритъ *Принцемъ*,
И Донецъ на всемъ скаку
Мчится съ роковымъ гостинцемъ
Къ самозванцу-козаку. *)

Но вступилось Провидѣнье,
И тутъ кто-то въ, добрый часъ
Объяснилъ недоумѣнье
И меня отъ смерти спасъ.

Чтобъ избѣгнуть доли тяжкой,
Киверъ я съ себя сорвалъ:
Тутъ-же форменной фуражкой
Жизнь свою застраховалъ.

Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
Гдѣ-жъ красавецъ боевой?
Женскихъ клятвъ и поцѣлуевъ,
Женскихъ слезъ кумиръ младой?

Гдѣ-же онъ—веселой рѣчью,
Радость дружескихъ пировъ,
Витязь смѣлый подъ картечью
Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?

Новобранца наградилъ онъ
Талисманомъ въ день борьбы,
Но себя не оградилъ онъ
Отъ таившейся судьбы.

Между ядеръ пролетѣло
Развѣ нѣсколько минутъ,
Въ немъ ужъ сердце онѣмѣло,
И огонь его задутъ.

*) См. ниже на стр. 06 разсказъ автора о Бородинской битвѣ.

Окровавленный онъ сброшенъ
Съ опустѣвшаго сѣдла;
Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
Жизнь внезапно отцвѣла.

Ужъ давно молва забыла,
Что онъ жилъ, что былъ убитъ:
Безъимянная могила
Неизвѣстный прахъ таитъ.

Кто отъищетъ въ полѣ битвы,
Смертью вспаханномъ кругомъ,
Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
И любви пролить о немъ?

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Но твой образъ, витязь юный,
Возстаетъ передо мной,
И созвучьемъ сердца струны
Окликаются съ тобой.

Въ темномъ царствѣ смерти злобной
Тѣнь твою я отъискалъ:
Будь мой стихъ тебѣ надгробной,
Гдѣ-бы прахъ твой ни лежалъ!

IV.

И тебя-ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?
Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Бородинскій сослуживецъ,
Нашъ безрукій ветеранъ,
Ты—отмѣченный счастливецъ
Блескомъ почестей и ранъ.

Дружно за кровавой чашей
Побратались мы давно,
И въ преданьяхъ дружбы нашей
Врѣзалось: „Бородино“.

Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ—
Скрѣпой крови, скрѣпой славы
Росписался на тебѣ.

Бородинскою грозою
Изувѣченный боецъ,
Уцѣлѣвшею рукою
Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.

За отчизну раны святы:
И счастливъ, кто съ юныхъ дней
Подвигъ, въ жертву ей подъятый,
Окрестилъ въ крови своей.

Помнишь, какъ средь перепалки
Пуль и ядеръ хлынулъ дождь?
А Суворовской закалки
Милорадовичъ, нашъ вождь,

Подъ картечью былъ, какъ дома,
Иль съ красавицей вдвоемъ:
Такъ давно ему знакома
Встрѣча съ пулей и ядромъ!

Ты, обстрѣленная пташка,
Тутъ порхалъ, головорѣзъ!
Я-жъ, смиренная букашка,
Самъ дивлюсь, какъ къ вамъ залѣзъ.

Подъ огнемъ неугомоннымъ
И мой конь не уцѣлѣлъ:
„Пѣшій не товарищъ коннымъ“,
Молвилъ я—и на́-мель сѣлъ.

Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ-же выручилъ меня:
Что въ бою дороже злата,
Ты въ-займы мнѣ далъ коня.

Былъ и тотъ не долговѣченъ,
И какъ-разъ ядромъ однимъ
Былъ Бахметевъ въ ногу встрѣченъ;
Конь мой палъ, и я подъ нимъ.

Тѣмъ покончился смиренно
Мой воинственный походъ!
Но въ преданьяхъ незабвенно
Святъ двѣнадцатый мнѣ годъ.

Съ той поры умчало время
Много лицъ, событій лѣтъ;
Разрослось другое племя,
И чего не видѣлъ свѣтъ!

Но въ полетѣ быстрокрыломъ
Время избранныхъ щадитъ:
Бородинскимъ, юнымъ пыломъ
Грудь твоя еще горитъ.

Въ день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадилъ,
А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.

И къ отчизнѣ и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,

Вѣрный совѣсти глаголу,
Шелъ ты съ ней ея путемъ.

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.

Часто, и съ двумя руками,
Мѣстъ и почестей ловецъ
Не сведетъ концовъ съ концами,
Обезсиленный дѣлецъ.

Разъ принявшися за дѣло,
Не боялся ты трудовъ
И одной рукой смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый—
„Двѣ огромныя руки“ *)
На себя служить готовы,
И проворны, и легки;

А на выручку страдальца,
Если въ помощь ихъ зовешь,
Не найдешь живаго пальца,
Полмизинца не найдешь.

Цѣлый міръ имъ будь поставщикъ;
А радѣть-ли о другомъ—
Каждый пальчикъ и суставчикъ
Въ нихъ разбитъ параличомъ.

Если-жъ гдѣ тобой замѣченъ
Случай пользѣ дань принесть—
Позабывъ, что ты увѣченъ,
Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
Съ другомъ связь твоя крѣпка:
И на дружбу и на службу
Горяча твоя рука.

*) Стихъ въ балладѣ Жуковскаго „Адельстанъ“. *П. Б.*

ВОСПОМИНАНІЯ О 1812 ГОДѢ.

Написанное мною стихотвореніе: „Поминки по Бородинской битвѣ“ дало мнѣ мысль перебрать въ головѣ моей все, что сохранилось въ ней изъ воспоминаній о томъ времени. 1812 годъ останется навсегда знаменательною эпохою въ нашей народной жизни. Равно знаменательна она и въ частной жизни того, кто прошелъ сквозь нее и ее пережилъ. Предлагаю здѣсь скромные и старые пожитки памяти моей.

I.

Пріѣздъ Императора Александра I въ Москву изъ арміи 12 іюля 1812 года былъ событіемъ незабвеннымъ и принадлежитъ исторіи. До сего война, хотя и ворвавшаяся въ нѣдра Россіи, казалась вообще войною обыкновенною, похожею на прежнія войны, къ которымъ вынуждало насъ честолюбіе Наполеона. Никто въ московскомъ обществѣ порядочно не изъяснялъ себѣ причины и необходимости этой войны; тѣмъ болѣе никто не могъ предвидѣть ея исхода. Только позднѣе мысль о мирѣ сдѣлать недоступною русскому народному чувству. Въ началѣ войны встрѣчались въ обществѣ ея сторонники, но встрѣчались и противники. Можно сказать вообще, что мнѣніе большинства не было ни сильно потрясено, ни напугано этою войною, которая таинственно скрывала въ себѣ и тѣ событія и тѣ историческія судьбы, которыми послѣ ознаменовала она себя. Въ обществахъ и въ англійскомъ клубѣ (говорю только о Москвѣ, въ которой я жилъ) были, разумѣется, разсужденія, пренія, толки, споры о томъ, что происходило, о нашихъ стычкахъ съ непріятелемъ, о постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ во внутрь Россіи. Но все это не выходило изъ круга обыкновенныхъ разговоровъ, въ виду подобныхъ-же обстоятельствъ. Встрѣчались даже и такіе люди, которые не хотѣли или не умѣли, признавать важность того, что совершалось почти въ ихъ глазахъ. Помнится мнѣ, что на успокоительныя рѣчи такихъ господъ одинъ молодой человѣкъ—кажется, Мацневъ—забавно отвѣчалъ обыкновенно стихомъ Дмитріева:

„Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ". [1])

Но никто, и, вѣроятно, самъ Мацневъ не предвидѣлъ, что этотъ Миловзоръ-Наполеонъ скоро будетъ *тутъ*, то-есть въ Москвѣ. Мысль о сдачѣ Москвы не входила тогда никому въ голову, никому въ сердце. Ясное понятіе о настоящемъ рѣдко бываетъ удѣломъ нашимъ: тутъ ясновидѣнью много препятствуютъ чувства, привычки, то излишнія опасенія, то непомѣрная самонадѣянность. Не одинъ Русскій, но вообще и каждый человѣкъ, крѣпокъ заднимъ умомъ. Пора дѣйствія и волненій не есть пора суда. Въ то время равно могли быть правы и тѣ, которые желали войны, и тѣ, которые ея опасались. Окончательный исходъ и опытъ утвердили торжество за первыми. Но можно-ли было, по здравому разсудку и по строгому исчисленію вѣроятностей, положительно предвидѣть подобное торжество?—это другой вопросъ.

Съ пріѣзда Государя въ Москву, война приняла характеръ войны народной. Всѣ колебанія, всѣ недоумѣнія исчезли; все, такъ-сказать, отвердѣло, закалилось и одушевилось въ одномъ убѣжденьи, въ одномъ святомъ чувствѣ, что надобно защищать Россію и спасти ее отъ вторженія непріятеля. Уже до появленія Государя въ собраніе Дворянства и Купечества, созванное въ Слободскомъ Дворцѣ [2]) все было рѣшено, все было готово, чтобы на дѣлѣ оправдать вѣру Царя въ великодушное и неограниченное самопожертвованіе народа въ день опасности. На вызовъ Его единогласнымъ и единодушнымъ отвѣтомъ было—принести на пользу Отечества поголовно имущество свое и себя. Настала торжественная минута. Государь явился въ Слободской Дворецъ предъ собраніемъ. Наружность Его была всегда обаятельна. Тутъ Онъ былъ величаво-спокоенъ, но видимо-озабоченъ. Въ выраженіи лица Его обыкновенно было замѣтно, и при улыбкѣ, что-то задумчивое на челѣ. Это отличительное выраженіе мѣтко схвачено Торвальдсеномъ въ извѣстномъ бюстѣ Государя. Но на сей разъ сочувственная и всегда привѣтливая улыбка не озаряла лица Его; только на челѣ Его темнѣлось привычное облачко. Въ краткихъ и ясныхъ словахъ Государь опредѣлилъ положеніе Россіи, опасность, ей угрожающую, и надежду на содѣйствіе и бодрое мужество своего народа. Послѣдствія и приведеніе въ дѣйствіе мѣръ, утвержденныхъ въ этотъ день, достаточно извѣстны, и мы на нихъ не остановимся. Главное вниманіе наше обращается на духовную и народную сторону этого событія, а не на вещественную. Оно было не мимолетной вспышкой возбужденнаго патріотизма, не всеподданнѣйшимъ угожденіемъ волѣ и требованіямъ Государя. Нѣтъ, это было проявленіе сознательнаго сочувствія между Государемъ и народомъ. Оно во всей своей силѣ и развитости продолжалось не только до изгнанія непріятеля изъ Россіи, но и до самаго окончанія войны, уже перенесенной далеко за родной рубежъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ яснѣе обозначалась необходимость разсчесться и покончить съ Наполеономъ не только въ Россіи, но и гдѣ-бы онъ ни былъ. Первый шагъ на этомъ пути было вступленіе Александра въ Слободской Дворецъ. Тутъ невидимо, невѣдомо для самихъ дѣйствующихъ, Провидѣніе начертало свой планъ: начало его было въ Слободскомъ Дворцѣ, а окончаніе въ Тюильерійскомъ.

Самое назначеніе предъ тѣмъ Графа Ростопчина Главнокомандующимъ въ Москву на мѣсто Фельдмаршала Гр. Гудовича, который былъ изнуренъ годами и, слѣдовательно, не достаточно бдителенъ и дѣятеленъ, было уже предвѣстникомъ новаго настроенія, новаго порядка. Ростопчинъ могъ быть иногда увлекаемъ страстною натурою своею, но на ту пору онъ былъ именно человѣкъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ. На-

[1]) Изъ „Модной Жены". *П. Б.*

[2]) Нынѣ Ремесленное Учебное Заведеніе *П. Б.*

полеонъ это понялъ и почтилъ его личною ненавистью. Карамзинъ, поздравляя Гр. Ростопчина съ назначеніемъ его, говорилъ, что едва-ли не поздравляетъ онъ *Калифа на часъ*; потому-что онъ одинъ изъ немногихъ предвидѣлъ паденіе Москвы, если война продолжится. Какъ-бы то ни было, но на этотъ *часъ* лучшаго калифа избрать было невозможно. Такъ-называемыя „афиши“ Гр. Ростопчина были новымъ и довольно знаменательнымъ явленіемъ въ нашей гражданской жизни и гражданской литературѣ. Знакомый намъ „Сила Андреевичъ“ 1807 года нынѣ повышенъ чиномъ. Въ 1812 году онъ уже не частно и не съ Краснаго Крыльца, а словомъ властнымъ и воеводскимъ разглашаетъ свои *Мысли вслухъ* изъ своего Генералъ-Губернаторскаго дома, на Лубянкѣ. Карамзину, который въ предсмертные дни Москвы жилъ у Графа, разумѣется, не могли нравиться ни слогъ, ни нѣкоторые пріемы этихъ летучихъ листковъ. Подъ прикрытіемъ оговорки, что Ростопчину, уже и такъ обремененному дѣлами и заботами первой важности, нѣтъ времени заниматься еще сочиненіями, онъ предлагалъ ему писать эти листки за него, говоря въ-шутку, что тѣмъ заплатитъ ему за его гостепріимство и хлѣбъ-соль. Разумѣется, Ростопчинъ, по авторскому самолюбію, тоже вѣжливо отклонилъ это предложеніе. И признаюсь, по-мнѣ, поступилъ очень хорошо. Нечего и говорить, что подъ перомъ Карамзина эти листки, эти бесѣды съ народомъ были-бы лучше писаны, сдержаннѣе, и вообще имѣли-бы болѣе правительственнаго достоинства. Но за то лишились-бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламенительной силы, которая въ это время именно возбуждала и потрясала народъ. Русскій народъ—не Аѳиняне: онъ, вѣроятно, мало былъ-бы чувствителенъ къ плавной и звучной рѣчи Демосѳена и даже худо понялъ-бы его.

II.

Въ романѣ, или исторіи: „Война и миръ“, знаменательные дни 12—18 іюля 1812 года представлены съ другой точки зрѣнія и расцвѣчены другими красками. Отдавая полную справедливость живости разсказа въ художественномъ отношеніи, смѣю думать, что и мои впечатлѣнія, какъ очевидца этого событія, могутъ быть приняты въ соображеніе: едва-ли они не вѣрнѣе и ближе къ истинѣ, хотя слишкомъ полустолѣтнее разстояніе могло, разумѣется, ослабить и притупить эти впечатлѣнія. Мимоходомъ наткнувшись на упоминаемую книгу, не могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣтокъ на содержаніе ея, особенно-же по тому предмету, котораго я коснулся выше. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ остаюсь въ 1812 году: слѣдовательно, не выхожу изъ круга, который я себѣ предначерталъ. Книга: „Война и миръ“, за исключеніемъ раманической части, не подлежащей нынѣ моему разбору, есть, по крайнему разумѣнію моему, протестъ противъ 1812-года; есть апелляція на мнѣніе, установившееся о немъ въ народной памяти и по изустнымъ преданіямъ и на авторитетѣ русскихъ историковъ этой эпохи: школа отрицанія и униженія исторіи подъ видомъ новой оцѣнки ея, разувѣренія въ народныхъ вѣрованіяхъ,—все это не ново. Эта школа имѣетъ своихъ преподавателей и, къ сожалѣнію, довольно много слушателей. Это уже не скептицизмъ, а чисто нравственно-литературный матеріализмъ. Безбожіе опустошаетъ небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и невѣріе опустошаютъ землю и жизнь настоящаго отрицаніемъ событій минувшаго и отрѣшеніемъ народныхъ личностей. Лѣтъ 30 тому и болѣе, видѣлъ я въ Саратовскомъ острогѣ раскольника, принадлежавшаго толку *Нѣтовщины*. Сектаторы убивали другъ-друга. Обрекающій себя на смерть клалъ голову свою на деревянный чурбанъ, и очередной отрубалъ ее. Видѣнный мною уцѣлѣлъ одинъ отъ побіенія болѣе 30-ти человѣкъ въ одну ночь на деревенскомъ гумнѣ. Въ числѣ убитыхъ были мужчины, женщины, старики, дѣти. Предъ кончиной своей каждый говорилъ: *Прекрати меня, ради Хри-*

ста! Не знаю, ради чего или кого дѣйствуютъ историческіе *прекращатели;* но не мѣшало-бы и этому толку присвоить себѣ прозваніе: *Нѣтовщина,*

Возвратимся къ нашему предмету.

Сей протестъ противъ 1812 года, подъ заглавіемъ: „Война и миръ“, обратилъ на себя общее вниманіе и, судя по нѣкоторымъ отзывамъ, возбудилъ довольно-живое сочувствіе. Въ этомъ изъявленіи, вѣроятно, уплачивается заслуженная дань таланту писателя. Но чѣмъ выше талантъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ быть осмотрителенъ. Къ тому-же, признаніе дарованія не всегда влечетъ за собой, не всегда застраховываетъ и признаніе истины того, что̀ воспроизводитъ дарованіе. Таланту сочувствуешь и покланяешься; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можешь дозволить себѣ и оспаривать сущность и правду разсказовъ, когда онѣ кажутся сомнительными и положительно-невѣрными. Тутъ даже, можетъ-быть, возлагается и обязанность оспаривать ихъ. Я именно нахожусь въ этомъ положеніи. Такъ мало осталось въ живыхъ не только изъ дѣйствовавшихъ лицъ въ этой народной эпической драмѣ, громко и незабвенно озаглавленной: „1812 годъ“; такъ мало осталось въ живыхъ и зрителей ея, что на долю каждаго изъ нихъ выпадаетъ долгъ подавать голосъ свой для возстановленія истины, когда она нарушена. Новыя поколѣнія забывчивы; а читатели легковѣрны, особенно же, когда увлекаются талантомъ автора.

Вотъ почему я, одинъ изъ немногихъ, переживщихъ это время, считаю долгомъ своимъ изложить, по воспоминаніямъ моимъ, то, что̀ было, и какъ оно было.

III.

Начнемъ съ того, что въ упомянутой книгѣ трудно рѣшить и даже догадываться, гдѣ кончается исторія и гдѣ начинается романъ, и обратно. Это переплетеніе, или, скорѣе, перепутываніе исторіи и романа, безъ сомнѣнія, вредитъ первой и окончательно, передъ судомъ здравой и безпристрастной критики, не возвышаетъ истиннаго достоинства послѣдняго, то-есть романа. Встрѣча историческихъ именъ или именъ извѣстныхъ, но отчасти искаженныхъ и какъ-будто указывающихъ на дѣйствительныя лица, съ именами неизвѣстными и вымышленными, можетъ-быть, неожиданно и пріятно озадачиваетъ нѣкоторыхъ читателей, мало знакомыхъ съ эпохою, мало взыскательныхъ и простодушно поддающихся всякой приманкѣ. Но истинному таланту не должно было-бы выгадывать подобные успѣхи и подстрекать любопытство читателей подобными театральными и маскарадными продѣлками. Вальтеръ-Скоттъ, создатель историческаго романа, могъ *поэтизировать и романизировать* историческія событія и лица: онъ бралъ ихъ изъ дальней старины. Къ тому-же, и въ вымыслахъ, онъ всегда оставался вѣренъ исторической истинѣ, т. е. ея нравственной силѣ. Пушкинъ, въ исторической своей драмѣ, многое выдумалъ: напримѣръ, сцену Дмитрія съ Мариной въ саду. Но эта сцена *могла быть* и, во всякомъ случаѣ, именно такъ и *могла быть*. Когда знаешь исторію, то убѣждаешься, что поэтъ остался вѣренъ ей въ изображеніи характеровъ пылкаго самозванца и честолюбивой полячки [1]) Событія-же и лица историческія, намъ современныя, или почти-современныя, такъ-сказать не остывшія еще на почвѣ настоящаго, требуютъ въ возсозданіи своемъ гораздо большей осмотрительности и точнѣйшаго соблюденія сходства.

Если нельзя всегда быть фотографомъ, то должно, по-крайней-мѣрѣ, быть строгимъ историческимъ живописцемъ (peintre d'histoire), а не живописцемъ фантастическимъ и юмористическимъ.

Съ исторіей надлежитъ обращаться добросовѣстно, почтительно и съ любовью. Не святотатственно-ли да и не противно-ли всѣмъ условіямъ литературнаго благоприличія и вкуса низводить историческую картину до каррикатуры и

до пошлости? Есть доля пошлости въ натурѣ человѣка: не споримъ. Нѣтъ великаго человѣка для камердинера его, говорятъ французы: и это правда. Но писатель не камердинеръ. Онъ можетъ и долженъ быть живописцемъ и судьею историческаго лица, если оно подвертывается подъ его кисть. Онъ долженъ смотрѣть ему прямо въ глаза и проникать въ умъ и душу его, а не довольствоваться однимъ улавливаніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ его слабостей и промаховъ, вдоволь шпыняя надъ ними. Презрѣніе есть часто лживый признакъ силы. Оно иногда просто доказываетъ одно непониманіе того, что̀ выше и чище насъ. Новѣйшая литература наша, по слѣдамъ французской — т. е. по слѣдамъ ея второстепенныхъ писателей, — любитъ *опошлять* жизнь, дѣйствія, событія, самыя страсти общества. Она все низводитъ, все сплющиваетъ, съуживаетъ. Пора людямъ съ талантомъ нѣсколько возвысить общій уровень умозрѣнія и творчества. Нѣкоторые повѣствователи и драматурги любятъ выводить на-показъ личности посредственныя, слабоумныя, слабодушныя или производить такихъ чудаковъ, которыхъ образа и подобія въ обществѣ не встрѣчается. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ на авторѣ никакой нравственной и логической отвѣтственности. Это не живыя лица, а какія-то привидѣнія прихотливаго или больного воображенія. Съ ними много церемониться нечего. Относительно-же первыхъ, съ высоты авторства своего, повѣствователи до пресыщенія трунятъ надъ своими находками и добиваютъ ихъ до окончательнаго ничтожества. Во первыхъ, лежачаго не бьютъ: людей, уже избитыхъ природою, незачѣмъ добивать перомъ. Нѣтъ, попробуйте силы свои — а въ нѣкоторыхъ изъ васъ этихъ силъ довольно, — попробуйте справиться съ личностями умными, съ характерами возвышенными и благородными, хотя и волнуемыми страстью, — однимъ словомъ, съ личностями, выходящими изъ среды дюжинныхъ: а, воля ваша, въ нашихъ рядахъ отъищутся и такія личности. Не оставайтесь на лощинахъ, на плоскостяхъ, гдѣ, разумѣется, дѣйствовать легче и вольнѣе, и гдѣ разгулу болѣе простора. Потрудитесь всходить на пригорки и насъ самихъ взводите на нихъ. Тамъ воздухъ чище, благораствореннѣе; тамъ болѣе свѣта; тамъ небосклонъ обширнѣе; тамъ яснѣе и дальше смотришь; тамъ и вы и лица, вами выводимыя, будутъ болѣе на виду. Предъ вами жизнь со всѣми своими таинствами, глубокими пропастями, свѣтлыми высотами, со своими назидательными уроками; предъ вами исторія съ своими драматическими событіями и так же со своими уроками, еще болѣе наставительными, чѣмъ первая. А вы изъ всего этого выкраиваете однихъ Добчинскихъ, Бобчинскихъ и Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ. Къ чему такое недовѣріе къ себѣ, къ своимъ силамъ, къ своему дарованію? Къ чему такое презрѣніе къ читателямъ, какъ-будто имъ не по глазамъ и не по росту картины болѣе величавыя, болѣе исполненныя внутренняго и нравственнаго достоинства? Къ тому-же, не забывайте, что Гоголь уже геніально разработалъ и истощилъ до самой сердцевины поле нашей пошлости. Какъ послѣ Гомера нечего писать новую Иліаду, такъ послѣ „Ревизора„ и „Мертвыхъ Душъ“ нечего гоняться за *Ильями Андреичами*, за *Безухими* и за *старичками-вельможами*, у которыхъ въ такую минуту, когда дѣло, или, по-крайней-мѣрѣ, слово шло о спасеніи отечества, одно выражалось въ нихъ — что *имъ очень жарко*. Не спорю, можетъ-быть, были тутъ и такіе; но не на нихъ должно было остановиться вниманіе писателя, имѣющаго несомнѣнное дарованіе. Къ-чему, въ порывѣ юмора, впрочемъ, довольно-сомнительнаго, населять собраніе 15-го числа, которое все-таки оста-

[1]) Въ „Капитанской дочкѣ“ есть также соприкосновеніе исторіи съ романомъ; но соприкосновеніе естественое и вмѣстѣ съ тѣмъ мастерское. Тутъ исторія не вредитъ роману; романъ не дурачитъ и не позоритъ исторію.

нется историческимъ числомъ, *стариками подслѣповатыми, беззубыми, плѣшивыми, оплывшими желтымъ жиромъ,* или *сморщенными, худыми?* Конечно, очень пріятно сохранить въ цѣлости свои зубы и волоса: намъ-старикамъ даже и завидно на это смотрѣть. Но чѣмъ-же виноваты эти старики, изъ коихъ нѣкоторые, можетъ-статься, были—да и, навѣрное, были—сподвижниками Екатерины; чѣмъ-же виноваты и смѣшны они, что Богъ велѣлъ имъ дожить до 1812 г. и до нашествія Наполеона? Можно, пожалуй, если есть недостатокъ въ сочувствіи, не преклоняться предъ ними, не помнить ихъ заслугъ и блестящаго времени; но, во всякомъ случаѣ, можно и должно, по-крайней-мѣрѣ, изъ благоприличія, оставлять ихъ въ покоѣ.

Воля ваша, нельзя описывать историческіе дни Москвы, какъ Грибоѣдовъ описывалъ въ комедіи своей ея ежедневную жизнь. Да и въ самой комедіи есть уже замашки каррикатуры. Могли быть Фамусовы и въ Москвѣ 1812 года, но были и не одни Фамусовы. А въ книгѣ „Война и миръ“ все это собраніе состоитъ изъ лицъ подобнаго калибра. Это лица вымышленныя: авторъ воленъ въ вымыслахъ своихъ—пожалуй; но зачѣмъ тогда выводить тутъ-же, напримѣръ, Ст. Ст. Апраксина, лицо очень дѣйствительное и въ то время извѣстное въ Московскомъ обществѣ? Къ-чему выводить en toutes lettres, Гр. Ростопчина, лицо еще болѣе извѣстное и въ Москвѣ и въ исторіи 1812 года? И, выводя эту энергическую и рѣзко выдающуюся личность, можно-ли ограничиться нѣкоторыми внѣшними примѣтами, какъ въ видѣ, выданномъ отъ полиціи, или отмѣткою, что онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ и съ лентой чрезъ плечо? Да, онъ и былъ генералъ и слѣдовательно, не могъ быть иначе, какъ въ генеральскомъ мундирѣ. Въ чрезвычайномъ собраніи и въ присутствіи Государя долженъ былъ онъ быть неминуемо и съ лентой чрезъ плечо, какъ и всѣ прочіе, имѣвшіе орденскіе знаки. Что это за характеристика? А, между тѣмъ, тутъ обнаруживается притязаніе или поползновеніе придать картинѣ историческій оттѣнокъ. Вотъ, что̀ должно сбивать легковѣрнаго читателя, и что̀, по моему мнѣнію, нехорошо и непростительно.

А въ какомъ видѣ представленъ Императоръ Александръ въ тѣ дни, когда Онъ появился среди народа Своего и вызывалъ его ополчиться на смертную борьбу съ могущественнымъ и счастливымъ непріятелемъ? Авторъ выводитъ Его передъ народъ—глазамъ своимъ не вѣришь, читая это—съ „бисквитомъ, который Онъ доѣдалъ“.—„Обломокъ бисквита, довольно большой, который держалъ Государь въ рукѣ, отломившись, упалъ на землю. Кучеръ въ поддевкѣ (замѣтьте, какая точность во всѣхъ подробностяхъ) поднялъ его. Толпа бросилась къ кучеру отбивать у него бисквитъ. Государь подмѣтилъ это и (вѣроятно, желая позабавиться?) велѣлъ подать Себѣ тарелку съ бисквитами и сталъ кидать ихъ съ балкона....“

Если отнести эту сцену къ исторіи, то можно сказать утвердительно, что это басня; если отнести ее къ вымысламъ, то можно сказать, что тутъ еще болѣе исторической невѣрности и несообразности. Этотъ разсказъ изобличаетъ совершенное незнаніе личности Александра I. Онъ былъ такъ размѣренъ, разсчетливъ во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ и малѣйшихъ движеніяхъ; такъ опасался всего, что̀ могло показаться смѣшнымъ или неловкимъ; такъ былъ во всемъ обдуманъ, чиненъ, представителенъ, оглядливъ до мелочи и щепетливости: что, вѣроятно, Онъ скорѣе бросился-бы въ воду, нежели-бы рѣшился показаться предъ народомъ, и еще въ такіе торжественные и знаменательные дни, *доѣдающимъ бисквитъ.* Мало того: Онъ еще забавляется киданьемъ съ балкона Кремлевскаго Дворца бисквитовъ въ народъ,—точь-въ-точь какъ въ праздничный день старосвѣтскій помѣщикъ кидаетъ на драку пряники деревенскимъ

мальчишкамъ! Это опять каррикатура, во всякомъ случаѣ совершенно неумѣстная и несогласная съ истиной. А и сама каррикатура—остроумная и художественная—должна быть правдоподобна. Достоинство исторіи и достоинство народнаго чувства, въ самомъ пылу сильнѣйшаго его возбужденія и напряженія, ничего подобнаго допускать не могутъ. Исторія и разумныя условія вымысла тутъ равно нарушены....

Не идемъ далѣе: довольно и этой выписки, чтобы вполнѣ выразить мнѣніе наше.

IV.

Теперь, спускаясь съ общихъ соображеній о событіяхъ, смиренно обращаюсь къ самому себѣ. Постараюсь припомнить частные случаи и личныя впечатлѣнія, собственно до меня касающіяся. Гр. Канкринъ говорилъ мнѣ однажды, что въ обществѣ гражданскомъ и въ совокупности государственнаго устройства всѣ люди песчинки, изъ коихъ образуется и возвышается гора: разница только въ томъ, что одна песчинка выше, другая ниже. Вотъ и я, незамѣтная и очень нижняя песчинка, заявляю существованіе свое въ эпохѣ 1812-го года.

Въ самый день состоявшагося собранія, и когда положено было образовать народное ополченіе, Гр. Мамоновъ подалъ чрезъ Гр. Растопчина Государю письмо, въ которомъ онъ всеподданнѣйше предлагалъ вносить, во все продолженіе войны, на военныя издержки весь свой доходъ, оставляя себѣ 10,000 руб. ежегодно на прожитіе. Мамоновъ былъ богатый помѣщикъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ. Государь, приказавъ поблагодарить Графа за усердіе его и значительное пожертвованіе, призналъ полезнѣе предложить ему составить конный полкъ. Такъ и было сдѣлано. Дѣло закипѣло. Вызвалъ онъ изъ деревень своихъ нѣсколько сотъ крестьянъ, началъ вербовать за деньги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировалъ, посадилъ на коней, вооружилъ: исправно и скоро полкъ началъ приходить въ надлежащее устройство. Были и другія отъ частныхъ лицъ предложенія и попытки ставить полки на собственныя издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова окончательно достигъ предназначенной цѣли. Мамоновъ, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ, былъ тогда Оберъ-Прокуроромъ въ одномъ изъ Московскихъ Департаментовъ Сената. Военное дѣло было ему совершенно неизвѣстно. Онъ надѣлъ генеральскій мундиръ, но чувствуя, что одного мундира недовольно для устройства дѣла, предложилъ мѣсто Полковаго Командира Князю Четвертинскому—тогда въ отставкѣ, но извѣстному блестящему кавалерійскому офицеру въ прежнихъ войнахъ. За нимъ послѣдовали многіе молодые люди, въ томъ числѣ и я. Я уже однажды говорилъ*), что никогда не готовился къ военной службѣ. Ни здоровье мое, ни воспитаніе, ни наклонности мои не располагали меня къ этому званію. Я былъ посредственнымъ ѣздокомъ на лошади, никогда не бралъ въ руки огнестрѣльнаго оружія. Въ пансіонѣ учился я фехтованью, но послѣ того раззнакомился и съ рапирою. Однимъ словомъ, ничего не было во мнѣ воинственнаго. Смолоду былъ я довольно старообразенъ, и казацкій мундиръ и военная выправка были, вѣроятно, очень мнѣ не къ лицу. Когда Гр. Левъ Кириловичъ Разумовскій, пріятель отца моего, и послѣ всегда оказывавшій мнѣ дружеское расположеніе въ первый разъ встрѣтилъ меня въ моемъ новомъ нарядѣ, онъ говорилъ, что я напоминаю ему старыхъ казаковъ, которыхъ онъ у Гетмана, отца своего, видѣлъ въ Батуринѣ. Къ тому-же, я только-что предъ тѣмъ женился и только-что начиналъ оправляться отъ болѣзни въ легкихъ, которая угрожала мнѣ чахоткою. Но все это было отложено въ сторону предъ общимъ движеніемъ и важностью обстоятельствъ. Полкъ нашъ, или зародыши нашего полка стояли тогда около Петровскаго Двор-

*) Р. Архивъ 1866. стр. 231.

ца. Туда былъ наряжаемъ и я на дежурства, дѣлалъ смотры, переклички и самъ себѣ не вѣрилъ, глядя на себя.

Между-тѣмъ Милорадовичъ былъ проѣздомъ въ Москвѣ и обѣдалъ у пріятеля своего и моего свояка Князя Четвертинскаго. Я также былъ на этомъ обѣдѣ. Милорадовичъ предложилъ мнѣ принять меня къ себѣ въ должности адъютанта. Разумѣется, съ охотою и признательностью принялъ я это предложеніе. Онъ тогда долженъ еще былъ ѣхать въ Калугу для устройства войскъ, но вскорѣ затѣмъ, пріѣхавъ въ дѣйствующую армію, вызвалъ меня изъ Москвы. Первыя мои военныя впечатлѣнія встрѣтили меня въ Можайскѣ. Тамъ былъ я свидѣтелемъ зрѣлища печальнаго и совершенно для меня новаго. Я засталъ тутъ многихъ изъ своихъ знакомыхъ по Московскимъ баламъ и собраніямъ, и всѣ они, болѣе или менѣе, были изувѣчены послѣ битвы, предшествовавшей Бородинской,—24 августа. Между прочими былъ Гр. Андрей Ивановичъ Гудовичъ, коего полкъ въ этотъ день мужественно и блистательно дрался и крѣпко пострадалъ.

По пріѣздѣ своемъ на мѣсто, гдѣ расположена была армія, долго искалъ я Милорадовича. Въ этомъ исканіи, проходилъ я мимо избы, которая, кажется, была занята Кутузовымъ. Много военныхъ и много движенія было около нея. Я разслышалъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ давали кому-то разныя порученія, вѣроятно, для закупки у маркитанта. Когда я поровнялся съ ними, одинъ изъ нихъ громко сказалъ: „да не забудь принести вяземскихъ пряниковъ!“ На мое-ли имя отпущено было это порученіе, можетъ-быть, шуткою кѣмъ-нибудь изъ знавшихъ меня, или было оно сказано случайно—не знаю. Но помню еще и теперь, что это меня—новичка въ военномъ званіи — нѣсколько смутило и озадачило. Благоразуміе однако взяло верхъ, и, не доискиваясь прямого объясненія этихъ словъ, пошелъ я далѣе. Наконецъ нашелъ я Милорадовича и засталъ его на бивуакѣ, предъ разведеннымъ огнемъ. Принялъ онъ меня очень благосклонно и ласково: много разспрашивалъ о Москвѣ, о нравственномъ и духовномъ расположеніи ея жителей и о Гр. Ростопчинѣ, который, хотя и заочно, распоряженіями своими и воинственнымъ перомъ, воюющимъ противъ Наполеона, такъ сказать, принадлежалъ дѣйствующей арміи. Поздравивъ меня съ пріѣздомъ совершенно кстати, потому-что битва на другой день была почти несомнѣнна, онъ отпустилъ меня и предложилъ мнѣ для отдыха переночевать въ его избѣ, ему ненужной, потому-что онъ всю ночь намѣревался оставаться въ своей палаткѣ. На другое утро, съ разсвѣтомъ, разбудила меня вѣстовая пушка, или говоря правдивѣе, разбудила она не меня, заснувшаго богатырскимъ сномъ, а вѣрнаго камердинера моего, болѣе меня чуткаго. На-скоро одѣлся я и пошелъ къ Милорадовичу. Всѣ были уже на коняхъ. Но, на бѣду мою, верховая лошадь моя, которую отправилъ я изъ Москвы, не дошла еще до меня. Всѣ отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Я остался одинъ. Минута была ужасная. Меня обдало холодомъ и уныніемъ. Мнѣ живо представились вся несообразность, вся комическо-трагическая неловкость моего положенія. Пріѣхать въ армію, какъ-нарочно, ко дню сраженія, и въ немъ не участвовать! Мысль объ ожидавшихъ меня насмѣшкахъ, подозрѣніяхъ, толкахъ меня преслѣдовала и удручала. Невольно говорилъ я себѣ: „къ-чему было выскочкой изъ ополченія кидаться въ воинственные, дѣйствующіе ряды?“ Мнѣ тогда казалось, что если до конца сраженія не добуду себѣ лошади, то непремѣнно застрѣлюсь. Не знаю, исполнилъ-ли-бы я свое намѣреніе, но, по крайней-мѣрѣ, на ту пору крѣпко засѣло оно у меня въ головѣ. По-счастью, незнакомый мнѣ адъютантъ Милорадовича, Юнкеръ, случайно подъѣхалъ и, видя мое отчаяніе, предложилъ мнѣ свою запасную лошадь. Обрадовав-

шись, и какъ-будто спасенный отъ смерти, выѣхалъ я въ поле и присоединился къ свитѣ Милорадовича. Я такъ былъ неопытенъ въ дѣлѣ военномъ и такой мирный московскій баричъ, что свистъ первой пули, пролетѣвшей надо мной, принялъ я за свистъ хлыстика. Обернулся назадъ и, видя, что никто за мной не ѣдетъ, догадался я объ истинномъ значеніи этого свиста.

Вскорѣ потомъ ядро упало къ ногамъ лошади Милорадовича. Онъ сказалъ: „Богъ мой! видите, непріятель отдаетъ намъ честь.“ Но, для сохраненія исторической истины, долженъ я признаться, что это было сказано на французскомъ языкѣ, на которомъ говорилъ онъ охотно, хотя часто весьма забавно-неправильно.

На полѣ сраженія встрѣчался я также со многими своими городскими знакомыми и, между прочими, съ генераломъ Капцевичемъ, который такъ-же. какъ Милорадовичъ, враждебно, но охотно, обращался съ французскимъ языкомъ. Помню, что онъ привѣтствовалъ меня смѣшною французскою фразою, отъ которой я невольно и внутренно улыбнулся.

Хотя здѣсь и не у мѣста, но не могу не замѣтить нашимъ непреклоннымъ *языколюбцамъ*, что привычка говорить пофранцузски не мѣшала генераламъ нашимъ драться совершенно порусски. Не думаю, чтобы они были храбрѣе, болѣе любили Россію, вѣрнѣе и пламеннѣе ей служили, еслибъ не причастны были этой маленькой слабости.

Странны были мнѣ эти встрѣчи на полѣ сраженія. Впрочемъ, всѣ эти господа были, болѣе или менѣе, какъ у себя, или въ знакомомъ домѣ. Я одинъ былъ тутъ новичкомъ и неловкимъ провинціаломъ въ блестящемъ и многолюдномъ столичномъ обществѣ. Къ сожалѣнію, не встрѣтился я на полѣ сраженія съ Жуковскимъ, который такъже, какъ и я, былъ на скорую руку посвященъ въ воины. Онъ съ Московскою дружиною стоялъ въ резервѣ, нѣсколько поодаль. Но былъ и онъ подъ ядрами, потому-что Бородинскія ядра всюду долетали. Кажется, вскорѣ послѣ сдачи Москвы онъ причисленъ былъ къ Штабу Кутузова, по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Едвали даже не написано было имъ нѣсколько приказовъ и реляцій. Въ Вильнѣ схватилъ онъ тифозную горячку и долго пролежалъ въ больницѣ. Но лучшимъ и незабвеннымъ участіемъ его въ отечественной войнѣ остался „Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ“.

Мой казацкій мундиръ Мамоновскаго полка, впрочемъ, несовсѣмъ казацкій, былъ неизвѣстенъ въ арміи. Онъ состоялъ изъ синяго чекменя съ голубыми обшлагами. На головѣ былъ большой киверъ съ высокимъ султаномъ, обтянутый медвѣжимъ мѣхомъ. Не умѣю сказать, на какой, но были мы съ Милорадовичемъ на баттареѣ, дѣйствовавщей въ полномъ разгарѣ. Тутъ подъѣхалъ ко мнѣ незнакомый офицеръ и сказалъ, что киверъ мой можетъ сыграть на до мной плохую шутку. „Сейчасъ“, продолжалъ онъ: „остановилъ я летѣвшаго на Васъ казака, который говорилъ мнѣ: „посмотрите, Ваше Благородіе, куда врѣзался проклятый французъ!“ Поблагодарилъ я незнакомца за доброе предостереженіе, но сказалъ, что нельзя-же мнѣ бросить киверъ и разъѣзжать съ обнаженной головой. Тутъ вмѣшался въ нашъ разговоръ молодой Петръ Петровичъ Валуевъ, блестящій кавалергардскій офицеръ, и, узнавъ, въ чемъ дѣло, любезно предложилъ мнѣ фуражку, которая была у него въ запасѣ. Киверъ мой былъ сброшенъ и остался на полѣ сраженія. Можетъ-быть, послѣ попалъ онъ въ число принадлежностей убитыхъ и въ общій ихъ итогъ внесъ свою единицу. Но бѣдный Валуевъ вскорѣ потомъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ убитъ. Видно, въ Бородинскомъ дѣлѣ суждено мнѣ было быть принятымъ за француза. Во время сраженія, разнесся слухъ у насъ, что взятъ былъ въ плѣнъ Мюратъ; но послѣ оказалось,

что принятъ былъ за него генералъ Бонами. Не помню, съ кѣмъ ѣхалъ я рядомъ: мой спутникъ спросилъ ѣхавшаго къ намъ навстрѣчу офицера, знаетъ-ли онъ, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ?—Знаю", отвѣчалъ тотъ.

„А это кого ты ведешь?" спросилъ онъ про меня.

Данная мнѣ адъютантомъ Юнкеромъ лошадь была пулею прострѣлена въ ногу и такъ захромала, что не могла уже мнѣ служить. И вотъ я опять сталъ въ тупикъ, по образу пѣшаго хожденія. А за Милорадовичемъ, на полѣ сраженія, пѣшкомъ угнаться было невозможно: онъ такъ и леталъ во всѣ стороны. Когда ранили лошадь подо мною, неизъяснимое чувство то радости, то самодовольствія пробудилось во мнѣ и меня воодушевило. Мнѣ въ эту минуту сдалось, что я недаромъ облачился въ казацкій чекмень. Я понялъ значеніе французскаго выраженія: „le baptême de feu" Хотя собственно былъ раненъ не я, а только неповинная моя лошадь; но все-же былъ я въ опасности и также могъ быть раненъ. Я даже жалѣлъ, что эта пуля не попала мнѣ въ руку, или ногу, хотя—каюсь—и не желалъ-бы глубокой раны, а только, чтобъ закалилась на мнѣ память о Бородинской битвѣ. Когда былъ я въ недоумѣніи, что́ дѣлать, опять явился ко мнѣ добрый человѣкъ и выручилъ меня изъ бѣды. Адъютантъ Милорадовича, Д. Г. Бибиковъ, сжалился надо мной и далъ мнѣ свою запасную лошадь. Но и ему за оказанное одолженіе не посчастливилось: вскорѣ затѣмъ ядромъ оторвало у него руку. Спустя немного времени послѣ сдѣланной ему операціи видѣлъ я его: онъ былъ спокоенъ духомъ и даже шутилъ.

Милорадовичъ велъ въ дѣло дивизію Алексѣя Николаевича Бахметева, находившуюся подъ его командою. Подъ Бахметевымъ была убита лошадь. Онъ сѣлъ на другую. Спустя нѣсколько времени, ядро раздробило ногу ему. Мы остановились. Ядро, упавъ на землю, зашипѣло, завертѣлось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметевѣ. Съ трудомъ уложили мы его на мой плащъ и съ нѣсколькими рядовыми понесли его подалѣе отъ огня. Но и тутъ, путемъ, сопровождали насъ ядра, которыя падали направо и налѣво, предъ нами и позади насъ. Жестоко страдая отъ раны, генералъ изъявлялъ желаніе, чтобы мѣткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до мѣста перевязки. Это тотъ самый Бахметевъ, при которомъ позднѣе Батюшковъ находился адъютантомъ. Но, кажется, Бахметевъ, лишившись ноги, уже не возвращался въ армію: онъ изъ Нижняго-Новгорода, гдѣ лежалъ больной, и гдѣ также находился Батюшковъ, отправилъ его къ генералу Раевскому, при которомъ Батюшковъ былъ въ походѣ до самаго Парижа.

Не помню, по какому случаю, уже позднимъ вечеромъ, попалъ я въ избу, гдѣ лежалъ тяжело-раненый Кн. Багратіонъ. Шуринъ мой, кн. Ѳ. Гагаринъ, былъ при немъ адъютантомъ. Онъ меня, голоднаго и усталаго, накормилъ, напоилъ и уложилъ спать. Не только мое частное, неопытное впечатлѣніе, но и общее между военными, тутъ находившимися мнѣніе было, что Бородинское дѣло нами не проиграно. Всѣ еще были въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, всѣ были такими живыми свидѣтелями отчаянной храбрости нашихъ войскъ, что мысль о неудачѣ, или даже полуудачѣ не могла никому приходить въ голову. Къ утру эта пріятная самоувѣренность нѣсколько ослабѣла и остыла. Мы узнали, что дано было приказаніе къ отступленію. Помню, какая была тутъ давка; кажется, даже и не обошлось безъ нѣкотораго безпорядка. Артиллерія, пѣхота, кавалерія, обозы—все это стѣснилось на узкой дорогѣ. Начальники кричали и распоряжались; кажется, дѣйствовали и нагайки. Между рядовыми и офицерами отступленіе никому не было по вкусу.

Когда мы пришли въ Можайскъ, городъ казался уже опустѣвшимъ. Нѣкоторые дома были раззорены; выбиты и вынесены были окна и двери. Милора-

довичъ увидѣлъ солдата, выходящаго изъ одного дома съ разными пожитками. Онъ его остановилъ и далъ приказаніе его разстрѣлять. Но, кажется, это было болѣе для острастки, и казнь не была совершена. Мы расположились въ какомъ-то домѣ, оказавшемся нѣсколько болѣе удобнымъ. Генералъ продиктовалъ мнѣ приказы по отдѣленію войскъ, находившихся подъ его начальствомъ и остававшихся еще въ Подольскѣ. Тутъже пригласилъ онъ меня съ нимъ отобѣдать, извиняясь, что худо меня накормитъ, когда могли-бы мы хорошо пообѣдать у Гр. Маркова, начальника Московскихъ Дружинъ, который звалъ его и перенесъ на поле сраженія свое московское хлѣбосольство и гостепріимство. Милорадовичъ былъ обыкновенно невзыскателенъ въ своихъ житейскихъ потребностяхъ. Да къ тому-же, щедрый и расточительный на деньги, иногда оставался онъ безъ гроша въ карманѣ. Разсказывали, что, во время походовъ, бывало, воротится онъ въ свою палатку послѣ сраженія и говоритъ своему слугѣ: „Дай-ка мнѣ пообѣдать!“

—„Да у насъ ничего нѣтъ“, отвѣчаетъ тотъ.

„Ну, такъ дай чаю!“

—И чаю нѣтъ.

„Такъ трубку дай!“

—Табакъ весь вышелъ.

„Ну, такъ дай мнѣ бурку!“ скажетъ онъ, завернется въ нее и тутъ-же заснетъ богатырскимъ сномъ. Онъ былъ весьма пріятнаго и плѣнительнаго обхожденія, внимателенъ и привѣтливъ къ своимъ подчиненнымъ.

Многимъ уже извѣстно было на другой день, что я лишился двухъ лошадей, и меня поздравляли съ этимъ почином. Дѣло въ томъ, что Милорадовичъ самъ разсказывалъ объ этомъ въ Главной Квартирѣ Кутузова. Послѣ этого минутнаго знакомства, мы всегда съ нимъ оставились въ хорошихъ отношеніяхъ.

Вотъ и вся моя Иліада! Разумѣется, могъ-бы я, не хуже другихъ, справляясь съ реляціями и описаніями войны, войти въ болѣе подробный разсказъ о положеніи разныхъ отрядовъ войска и о движеніи ихъ на Бородинскомъ полѣ. Но я никогда и ни въ чемъ не любилъ шарлатанить. Да, кажется, еслибъ и захотѣлъ, не съумѣлъ бы. Во время сраженія я былъ, какъ въ темномъ, или, пожалуй, воспламененномъ лѣсу. По природной близорукости своей, худо видѣлъ я, чтò было предъ глазами моими. По отсутствію не только всѣхъ военныхъ способностей, но и простого навыка, ничего не могъ я понять изъ того, чтó дѣлалось. Разсказывали про какого-то воеводу, что, при докладѣ ему служебныхъ бумагъ, онъ иногда спрашивалъ своего секретаря: „а это мы пишемъ, или къ намъ пишутъ?“ Такъ и я могъ-бы спрашивать въ сраженіи: „а это мы бьемъ, или насъ бьютъ?“ Благодаря генерала Богдановича, узналъ я изъ книги его, что генералъ Бахметевъ потерялъ ногу (а, слѣдовательно, я лошадь свою) въ 2 часа пополудни, когда „Коленкуръ повелъ въ атаку дивизію Ватье, между-тѣмъ-какъ продолжалась усиленная канонада, чтó заставило нашу пѣхоту перестроиться въ карэ подъ жесточайшимъ огнемъ непріятельскихъ баттарей.“ [1])

V.

Жуковскій вынесъ изъ Бородинской битвы „Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ“. Какой-же будетъ мой итогъ за этотъ день? Самый прозаическій. На повѣрку выходитъ, что поплатился я одною кошкою и двумя лошадьми. Въ избѣ, которую уступилъ мнѣ Милорадовичъ, нашелъ я кошку. Я къ этому животному имѣю неодолимое отвращеніе. Предъ тѣмъ, чтобы лечь спать, загналъ я ее въ печь и крѣпко-на-крѣпко закрылъ заслонку. Не знаю, чтó съ нею послѣ было: выскочила-ли она въ трубу, или тутъ скончалась. Нерѣдко послѣ совѣсть моя напоминала мнѣ это звѣрское малодушіе. Тогда еще не былъ я

[1]). „Исторія Отеч. войны 1812-го года“, соч. Генерала Богдановича. т. II. стр. 210.

членомъ Общества Покровительства Животныхъ, и объ этомъ покровительствѣ мало кто думалъ. Что касается до лошадей, то разскажу слѣдующее. Однажды пріѣхалъ ко мнѣ изъ внутренней губерніи сосѣдъ мой по деревнѣ. Я не зналъ, о чемъ вести съ нимъ разговоръ. Благо, была предъ тѣмъ холера въ этой сторонѣ, и я спросилъ его, не много-ли пострадала деревня его? „Нѣтъ", отвѣчалъ онъ мнѣ: „благодаря Бога, пожертвовалъ я только одной старухой." А мнѣ нельзя даже похвалиться и такимъ пожертвованіемъ, потому-что павшія подо мной лошади не мнѣ принадлежали. Стало-быть, въ эти достопамятные дни самоотверженія, частныхъ и общихъ жертвъ, я ни собою, ни крѣпостною собственностью моею не пожертвовалъ.

VI.

Въ дополненіе ко всему сказанному считаю не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ о Гр. Ростопчинѣ.

Въ исторической или гражданской жизни его есть одна темная страница: темная и по печальному событію, которымъ ознаменована; темная и по сбивчивымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся о ходѣ и подробностяхъ сего событія. Каждому ясно, что мы говоримъ о смерти Верещагина.

Вотъ что̀ сохранилось въ памяти моей изъ этого эпизода 1812 года, и что̀ разсказывалось о немъ въ Москвѣ. Купеческій сынъ Верещагинъ знакомъ былъ съ сыномъ Московскаго Почтъ-Директора Ключарева. Вслѣдствіе этого знакомства имѣлъ онъ возможность читать запрещенные цензурою нумера иностранныхъ газетъ. Оно переводилъ изъ нихъ на русскій языкъ то, что̀ касалось до Россіи и до намѣреній Наполеона. Можетъ-быть, иное и самъ сочинялъ въ этомъ смыслѣ; но положительно извѣстно то, что предосудительные, особенно по̀ важности и смутности тогдашнихъ обстоятельствъ, листки были перехвачены полиціей. Гр. Ростопчинъ не могъ не обратить на это дѣло бдительнаго и строгаго вниманія. По легкомыслію-ли поступалъ Верещагинъ, по злому-ли умыслу—онъ все-же былъ виновенъ передъ закономъ. Гр. Ростопчинъ приказалъ задержать его и предалъ суду. Соучастіе въ этомъ сына Ключарева—также легкомысленное, или задуманное—было, во всякомъ случаѣ, не менѣе предосудительно, особенно-же—не должно терять это изъ виду—въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Подозрѣнія, павшія на Почтовое Вѣдомство, должны были быть разъяснены, ибо тайныя и неблагонамѣренныя дѣйствія его могли имѣть вредныя послѣдствія для безопасности государства. Москва не находилась дѣйствительно и законно въ осадномъ и на военномъ положеніи; но нравственно не была она въ мирныхъ условіяхъ обыкновеннаго порядка. Почтъ-Директоръ Ключаревъ, допустившій, по-малой-мѣрѣ, недостаточною бдительностью, нарушеніе закона, по которому запрещенные нумера газетъ должны оставаться тайными, былъ удаленъ отъ своего мѣста и отправленъ въ Воронежъ. Нѣкоторые полагали, что принадлежность его къ масонству была одна изъ причинъ неблаговоленія къ нему Ростопчина. Едва-ли можно согласиться съ этимъ предположеніемъ. Тутъ дѣло шло не о масонствѣ. Къ тому-же, другіе масоны не были потревожены. Для пылкаго и властолюбиваго Гр. Ростопчина достаточно было, что Ключаревъ, вѣдомо или невѣдомо, допустилъ злоупотребленіе въ своемъ вѣдомствѣ, и къ-тому-же совершенное сыномъ его; а еще болѣе, что присланный для производства первоначальнаго слѣдствія, полицеймейстеръ Дурасовъ встрѣтилъ сопротивленіе въ Почтамтѣ и былъ допущенъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Почтъ-Директора. Въ то-же время выраженіе Ростопчина въ одной изъ его афишъ, что у него болѣлъ глазъ, а теперь смотритъ онъ въ *оба*, относилось, по общему отзыву, къ удаленію Ключарева. Въ книгѣ: „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, за ок-

тябрь—декабрь 1866 г.“, напечатаны довольно обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія и описанія всего этого происшествія. Не имѣя предъ глазами подлинныхъ документовъ, на которые ссылается авторъ описанія, не могу ни убѣдиться въ достовѣрности всѣхъ свѣдѣній, ни оспаривать ихъ. Извѣстно, что производимыя слѣдствія содержатъ въ себѣ вообще нерѣдко много сбивчивыхъ и даже невѣрныхъ показаній. Въ одномъ изъ этихъ извѣстій авторъ, оспаривая сужденія Фарнгагена и М. А. Дмитріева о смерти Верещагина, говоритъ, что *эта жертва принесена Гр. Ростопчинымъ единственно для личнаго спасенія, въ самой рѣшительный моментъ. отъ этой буйной, стоявшей лицомъ-къ-лицу черни и пр.* (стр. 253). Тутъ-же несчастный Верещагинъ названъ *юнымъ мученикомъ* и прибавлено, *что настаетъ пора, когда безпристрастный судъ исторіи, произнося свой приговоръ о личности и бывшихъ сильныхъ міра и братій малыхъ, воздастъ коемуждо по дѣломъ его.* (Дѣло о Верещагинѣ и Мѣшковѣ. стр. 258.).

Начнемъ съ того, что мученикомъ обыкновенно называемъ мы человѣка, который претерпѣваетъ и погибаетъ за правое дѣло. Какова ни была-бы участь Верещагина, нельзя признать, что пострадалъ онъ за правое дѣло; и слѣдовательно, безпристрастному суду исторіи нечего входить здѣсь въ личности сильныхъ міра и братій малыхъ. Къ тому-же, не должно позабывать, что *юный мученикъ* и одинъ изъ *братій малыхъ*, о коемъ идетъ рѣчь, былъ впослѣдствіи законно признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ тому, чтобы „заклепавъ въ кандалы, сослать его въ Нерчинскъ, вѣчно на каторжную работу“.

Нельзя такъ вольно и произвольно обращаться съ исторіей и вносить свои догадки въ число положительныхъ указаній или истинъ. Самая смерть Верещагина могла пасть скорбнымъ и тягостнымъ воспоминаніемъ на Ростопчина. Не нужно еще отъ себя прибавлять къ тому малодушное, позорное и даже преступное побужденіе. Многіе въ то время и—откровенно сознаюсь—въ числѣ непослѣднихъ и я, осуждали сей поступокъ Ростопчина. Но никому изъ насъ не приходило въ мысль отнести сей поступокъ къ его трусости, или чувству самохраненія. Мы всѣ знали, что Московскій Главнокомандующій могъ 20 разъ въ день выѣхать изъ города, не подвергая себя нареканію или насильственнымъ нападеніямъ черни, которая впрочемъ, никогда и не помыслила-бы напасть на него. Ростопчинъ въ афишахъ своихъ увѣрялъ народъ, что *злодѣй въ Москву не будетъ:* но онъ тутъ только подтверждалъ завѣренія самого Кутузова. Во всякомъ случаѣ ни тотъ, ни другой не обманывали народъ умышленно, а развѣ обманывали они сами себя.

Позднѣе мнѣ самому случалось нерѣдко слышать отъ *очевидцевъ*, или причислявшихся къ очевидцамъ, подробные разсказы о смерти Верещагина. Но разнорѣчивые и, нерѣдко, противорѣчивые разсказы о томъ не оставили во мнѣ убѣжденія о достовѣрности подробностей всего происшествія. Очныя ставки и свидѣтельства, дѣланныя подъ присягою, въ законныхъ слѣдствіяхъ, доказываютъ намъ, различіемъ указаній, что и сами очевидцы нерѣдко смотрятъ совершенно различно на одно и то-же дѣло.

По моимъ личнымъ воспоминаніямъ и внутреннему убѣжденію, прихожу къ слѣдующему заключенію: Гр. Ростопчинъ виновенъ тѣмъ, что онъ превысилъ и во зло употребилъ власть свою и поступилъ внѣ закона, предавъ Верещагина расправѣ черни, а не окончательному приговору законнаго суда. Законность такое святое дѣло, что ни въ какомъ случаѣ нарушать ее не слѣдуетъ. Законъ долженъ быть охраной частной личности и общества—равно въ мирное, какъ и въ смутное время. Чрезвычайныя обстоятельства могутъ вынудить потребность временныхъ и чрезвычай-

ныхъ законовъ, провозглашаемыхъ государственною властью. Въ настоящемъ случаѣ этого не было. Но въ поступкѣ Ростопчина ничего не было преднамѣреннаго, обдуманнаго и—тѣмъ болѣе—не было удовлетворенія личныхъ выгодъ. Нисколько не сравнивая одного поступка съ другимъ, скажу, что Ростопчинъ въ минуту великой скорби, великаго раздраженія, предалъ Верещагина на жертву народу, какъ послѣ предалъ онъ огню свой домъ въ селѣ Вороновѣ. Ни въ томъ. ни въ другомъ случаѣ онъ не приносилъ никакой пользы общественному дѣлу. Существеннаго вреда непріятелю онъ также этимъ не наносилъ. Но въ нравственномъ, или политическомъ отношеніи могло побудить его желаніе тѣмъ и другимъ дѣйствіемъ озадачить и напугать непріятеля. Въ этомъ соображеніи можно согласиться съ Фарнгагеномъ, что Гр. Ростопчинъ принесъ Верещагина въ жертву для *усиленія народнаго негодованія.* А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ давалъ Наполеону и французамъ какъ-будто предчувствіе того ожесточенія, съ которымъ будутъ встрѣчены они въ *гостепріимной* Москвѣ. Когда одно подозрѣніе въ измѣнѣ законному Государю и Отечеству и въ сочувствіи къ непріятелю могли побудить народъ на такое дѣло, то непріятель могъ ясно постигнуть народное чувство и дальнѣйшія послѣдствія его. Такое предположеніе подкрѣпляется и тѣмъ, что Ростопчинъ избавилъ отъ казни француза Mouton, который могъ ожидать той-же участи. Если предполагать, что Ростопчинъ приготовилъ эту трагическую сцену *ради личнаго спасенія своего*, то, разумѣется, для выигранія времени и бóльшаго развлеченія народа, онъ долженъ былъ бы и другую жертву предать черни. Но вмѣсто того онъ отпустилъ его, говоря ему: „Поди, разскажи твоему царю, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ“.

Въ этихъ словахъ едва-ли не заключается разгадка и объясненіе поступка Ростопчина.

Князь Вяземскій.

Царское Село
Сентябрь 1868 г.

Стихотворенія КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

Вышла вторая книга

ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р., съ Русскимъ Архивомъ 1869 г. съ пер. и доставкою 10 р.)

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. М. 1865. 8°. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 рубля.

Воспоминанія графа *Соллогуба*. М. 1866. мал. 8°. Цѣна 50 к. съ пер. 75 к.

Записки *гр. Бассевича* о Россіи при Петрѣ Великомъ. М. 1866. бол. 8°. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1869

и

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой. № 7. и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая стоитъ 2 р. 50. к. съ пер. 3 р.; вторая — 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Желающіе получить **Русскій Архивъ и Осмнадцатый Вѣкъ**, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) — 4 р.,1865, 1866 (съ портретомъ имп. Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) — по 5 р.; 1868 г. — 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покупающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ шесть лѣтъ вмѣстѣ*, т. е. еще и 1869 годъ,высылаютъ съ пересылкою 29 р., а выписывающіе при томъ и *двѣ книги* **Осмнадцатаго вѣка** — платятъ съ пересылкою за всѣ восемь книгъ 34 руб.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

☛ Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, надписываютъ свои требованія въ Москву, П. И. Бартеневу или въ Берлинскій почтамтъ и высылаютъ на Русскія деньги за *Р. Архивъ* 1869 года: въ Германію 8 р., во Францію и Бельгію 8 р. 50, въ Англію 9 р. въ Швейцарію и Италію 10 р. и въ томъ же размѣрѣ платятъ за доставку «Осмнадцатаго Вѣка»

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

2. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Записки *Екатерины II й* къ Аннѣ Никитичнѣ Румянцевой.
2. Письмо *Екатерины II-й* къ митрополиту Димитрію Сѣченову съ примѣчаніями *Н. И. Григоровича*. 1763—1766.
3. Письма *Екатерины II-й* къ гр. Н. П. Румянцову о невѣстѣ для великаго князя Александра Павловича. 1792.
4. Для біографіи гр. Ланжерона. Замѣтка *Екатерины II-й*.
5. Письмо *Екатерины II-й* къ гр. В. П. Мусину-Пушкину.
6. Письмо *Екатерины II-й* къ С. А. Колычеву. 1796.
7. Два письма *Суворова* къ С. А. Колычеву. 1799.
8. Письмо (кн.) *А. А. Безбородко* къ С. С. Зиновьеву о нашихъ сношеніяхъ съ Испаніею. 1785.
9. Письмо *М. П. Нарышкиной* къ С. А. Колычову. 1788.
10. Два письма *Г. Н. Теплова*.
11. Дневникъ свитскаго офицера (*С. Г. Хомутова*). 1813 годъ.
12. Историческая замѣтка о запискѣ Карамзина: „Мнѣніе Русскаго гражданина".
13. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея) *Ѳ. Н. Фортунатова*, бывшаго директора Олонецкой гимназіи.
14. Письма *М. И. Глинки* къ К. А. Булгакову, съ нотами и съ примѣчаніями *М. Н. Лонгинова* и *князя В. Ѳ. Одоевскаго*.
15. Неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго*.
16. Изъ Крымскихъ воспоминаній послѣдней войны * * *.
17. Книжныя заграничныя вѣсти.
18. Пріобрѣтенія Чертковской библіотеки.

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Войекова.

1869.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію, *Дука де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.

III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:
- а) Собственноручная записка Императрицы.
- б) Указъ Кабинету.
- в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича.
- г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ
- д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова*.
- е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.

IV. Густавъ Биренъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.

VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*, съ примѣч. *Н. И. Григоровича*.

VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.

VIII. Масонскія бумаги:
- а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.
- б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковнину.
- в) Письма *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*.
- г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).

IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II:
- а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину.
- б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщено *княземъ М. А. Оболенскимъ*).

XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ЗАПИСКИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ АННѢ НИКИТИШНѢ НАРЫШКИНОЙ.

(Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся у Николая Андреяновича Дивова).

1.

„Желаю вамъ здравствовать. Будешь ли на куртагѣ? Прошу послѣ куртага ко мнѣ побывать отужинать и съ Александромъ Александровичемъ (1). А раздѣваться вамъ должно у меня, въ короткой юбкѣ и въ мантильи. Я сама не иначе одѣнусь. Тысячу лѣтъ тебя не видала, и ты мнѣ сегодня очень надобна.“

Писано на лоскуткѣ бумаги карандашомъ. Эта записка, какъ и другія, относится, можетъ быть, еще къ тому времени, когда Екатерина была великою княгинею.

2.

„Матушка Анна Никитишна. Сердечно сожалѣю, что вы не очень здоровы и что я васъ давно не видала. Пожалуй, матушка, прикажи своей Катеринушкѣ сдѣлать корнеты (2), сколько выйдетъ изъ приложенныхъ кружевъ, да еще изъ блонды одинъ; и какъ возможно, чтобъ оный кудрявѣе былъ. Прощай, голубушка. Ужасть какъ скучно, что давно тебя не видала“.

Писано карандашомъ.

3.

„Mes belles amies. Voici mon billet pour sans pareil que je vous recommande à toutes les deux. L'une pour le faire passer à l'autre, et celle-ci pour le faire aller plus loin. Adieu, mes chères amies, portez vous bien et aimez moi autant que je vous aime. Adieu, princesse, adieu, comtesse. Je vous embrasse de tout mon coeur“. *На оборотѣ*: „Государынѣ моей Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной“.

4.

„Душа моя Анна Никитишна. Скажи Александру Александровичу, чтобъ онъ пожаловалъ сходилъ отъ меня къ Ивану Ивановичу Шувалову и сказалъ бы ему отъ меня, что я приказала ему напоминать его прошлогодское (sic) обѣщаніе о графѣ Брюсѣ, чтобъ его къ намъ въ камеръ-юнкеры. Я просила тогда, и Иванъ Ивановичъ обѣщалъ при случаѣ сдѣлать, а нынѣ случай очень хорошій. Et qu'il lui dise qu'il m'obligera par-là. Adieu, la belle aux yeux bleux! Que votre mari aille là-bas et qu'il vienne me porter la reponse. Je vous embrasse.“

5.

„Comme je sais que vous étes une d'ames très charitables, que vous fréquentez aux dépens de votre santé les morts et les malades, j'éspère que vous étendrez vos bonnes oeuvres jusqu'à moi. Je suis tombée malade et prête à recevoir l'extrême onction; ne serait ce que pour vous voir, je me la ferais donner. Daignez donc m'honorer de votre visite, si des saignées, des purgations, des lavemens et sudorifiques ne vous retiennent à la maison. En fin, je vous veux à corps et à cris, et malgré les brouillards et le mauvais temps, venez, ne serait ce que pour faire rire Gyon

(1) Мужемъ Анны Никитишны.
(2) Коробочки для конфетъ, въ видѣ рожковъ.

qui est témoin de ce testament que je vous adresse (3). *Et n'oubliez pas de m'apporter de quoi rire*, car une personne qui se purge est toujours mélancolique.

Писано карандашемъ на длинной бумагѣ.

6.

Анна Никитишна. Желая оказать вамъ опытъ моего особливаго къ вамъ благоволенія, посылаю при семъ знаки ордена святыя Екатерины, которые вы на себя возложите и будьте увѣрены, что я навсегда пребуду вамъ доброжелательная „Екатерина".

Въ Кіевѣ. 20 Марта 1787 года.

Только подпись собственноручная; остальное писано гр. А. А. Безбородкою.

Объ услугахъ, которыя А. Н. Нарышкина оказала Екатеринѣ въ 1789 году, см. Записки Храповицкаго подъ 18, 19, 21, 23 числами Іюня и 2 Іюля сего года. Изъ Кіева Государыня посылала ей парчи (т. же, стр. 23), а 19 Мая 1788 г. Храповицкій записалъ: „Выведенъ совѣтъ, чтобъ очистить комнаты Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной (въ Царскомъ Селѣ), но такъ расположено, чтобъ не было комнатъ для княгини Дашковой. „Съ одною хочу проводить время, а съ другою нѣтъ, онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли". 24 Іюня 1791 Екатерина заѣзжала къ ней на дачу ея по Петергофской дорогѣ. — А. Н. Нарышкина дѣтей не имѣла и, овдовѣвъ, жила съ двоюроднымъ племянникомъ своимъ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ на Англійской набережной, въ домѣ бывшемъ Румянцевскаго Музея; здѣсь она и скончалась въ глубокой старости, въ Февралѣ 1820 г. Она была дочь, если не ошибаемся, Никиты Ивановича Румянцова.

---

(3) Гіонъ—извѣстный при Елизаветѣ врачъ.

Четыре письма императрицы Екатерины II-й къ Димитрію (Сѣченову), митрополиту Новгородскому. (1763—1766 г.)

Екатерина II глубоко цѣнила дѣятельность окружавшихъ ее лицъ, которыя были достойными сподвижниками ея славы, и къ числу которыхъ безъ сомнѣнія принадлежитъ Димитрій, митрополитъ Новгородскій, скончавшійся въ Москвѣ въ 1767 г. 14 Декабря (1). Когда стало извѣстно Государынѣ о кончинѣ архипастыря, то она поручила тайному совѣтнику Теплову (2), чтобы онъ объявилъ преосвя-

---

(1) Считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь о кончинѣ и погребеніи святителя. Іеромонахъ Вассіянъ, находившійся при митрополитѣ въ Москвѣ, въ 1767 году, 15 Декабря, доносилъ Св. Сvноду о смерти святителя такъ: „Минувшаго Ноября съ 22 числа сего 1767 года означенный сvнодальный членъ, преосвященный Димитрій, митрополитъ Новгородскій заболѣлъ, а сего Декабря 14 дня пополудни, въ третьемъ часу въ половинѣ, волею Божіею умре". О погребеніи почившаго архипастыря мы находимъ слѣдующее извѣстіе изъ доношенія Св. Сvноду, отъ 3 Генваря 1768 г., архимандритовъ: Юрьевскаго Іоанникія и Хутынскаго-Лаврентія, Духовскаго игумена Германа и Софійскаго протоіерея Дометія: „Викарій (Новгородскій) преосвященный Антоній, епископъ Олонецкій, въ Новгородъ прибылъ и тѣло преосвященнаго Димитрія, митрополита Новгородскаго (которое въ Новгородъ привезено 28 числа въ вечеръ), его преосвященствомъ съ находящимися въ Новгородѣ и въ близости онаго, также и нѣкоторыми пріѣхавшими при означенномъ преосвященномъ епископѣ Антоніѣ Олонецкой епархіи архимандритами, игуменами и прочими градскими священно-служителями сего Генваря 2 числа въ Новгородскомъ соборѣ, подлѣ прочихъ онаго преосвященнаго митрополита антецессоровъ, по примѣру покойныхъ Новгородскихъ архіепископовъ Ѳеофана и Амвросія, по надлежащему церковноположенію погребено".

(2) Григорій Николаевичъ Тепловъ, членъ Коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, одинъ изъ секретарей Екатерины II. Онъ находился въ короткихъ связяхъ съ Орловыми и былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, содѣйствовавшихъ вступленію на престолъ Екатерины. Умеръ въ 1780 году.

щенному Иннокентію, епископу Псковскому, присутствовавшему тогда въ Сνнодѣ, ея желаніе относительно похоронъ почившаго архипастыря и оставшагося послѣ него имущества. Изъ предложенія его Св. Сνноду отъ 17-го Декабря 1767 года мы узнаемъ о желаніяхъ Императрицы слѣдующее:

„1) чтобы тѣло покойнаго сνнодальнаго члена, преосвященнаго Димитрія, митрополита Новгородскаго, со всякою великолѣпною погребальною церковною церемоніею, до пристойнаго здѣсь, по разсужденію Святѣйшаго Сνнода, мѣста отправлено было".

„2) Потомъ оное покойнаго тѣло, для совершеннаго и надлежащаго погребенія, отправить въ Новгородъ, при одной изъ духовныхъ, по распоряженію Святѣйшаго Сνнода, персонъ: при чемъ и всѣмъ тѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, кои при ономъ покойномъ преосвященномъ Димитріѣ здѣсь находились, тудажь слѣдовать".

„3) Какъ на здѣшніе всѣ принадлежащіе къ той церемоніи расходы, такъ и на отправку показанной свиты изъ Москвы деньги держать изъ наличныхъ оставшихся послѣ того покойнаго денегъ и изъ надлежащаго ему по штату Святѣйшаго Сνнода заслуженнаго жалованья".

„4) И о всемъ ономъ распоряженіе учинить Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ и о долгахъ, если какіе на ономъ преосвященномъ покойномъ оказаться могутъ, мнѣ жь разсмотрѣвъ, донесть Ея Императорскому Величеству обстоятельно (3)".

Исполняя это Высочайшее повелѣніе, преосвященный Иннокентій (4), при разборѣ бумагъ покойнаго архипастыря, между прочимъ нашелъ и четыре собственноручныхъ письма Императрицы, по докладѣ о которыхъ Екатеринѣ, она повелѣла „отослать въ Новгородскую духовную Консисторію для храненія, въ незабвенную память къ нему, преосвященному".

Николай Григоровичъ.

I.

„Преосвященной Димитрій! Между поселянами нынѣ сюда въ Россію пріѣжжающими явились депутаты Гернгутскіе (5), которые просили меня,

---

(3) Въ Январѣ 1768 года, въ Москвѣ, преосвященный Иннокентій представилъ Государынѣ: „Реэстръ, кому и сколько долженъ остался покойный преосвященный Димитрій, Митрополитъ Новгородскій:

«1. Въ канцелярію Святѣйшаго Сνнода, взятыми подъ росписку тысяча рублей — 1000 р.»

Противъ этого долга Екатерина собственноручно написала слѣдующее „*сихъ сνнодальныхъ денегъ не взыскивать*". *Екатерина.*

„2) Архимандриту Ростовскому Іаковлевскаго монастыря Павлу, съ даннымъ отъ его преосвященства своеручнымъ письмомъ, пять сотъ рублей—500 р."

„3) Московскому купцу Щелягину за взятой подъ шубу полупесцовой мѣхъ и за китайку на покрышку оной. шубы, о чемъ засвидѣтельствовали келейные, двадцать пять рублей — 25 р."

„4) Келейныхъ регистратора Поликарпа и Павла, держанныхъ въ болѣзнь и прежде болѣзни преосвященнаго на домашніе его преосвященства расходы и на лекарства, о чемъ засвидѣтельствовали домовой конторы служители, двѣсти пятьдесятъ два рубля—252 р." Всего 1777 рублевъ.

На уплату онаго долгу состоитъ въ наличности собственной его преосвященства суммы 778 рублей; недостаетъ 999 рублей.

Иннокентій, епископъ Псковскій".

(4) Въ 1763 году Иннокентій переведенъ съ Тверской каѳедры на Псковскую; скончался въ С.-Петербургѣ въ 1799 году, 24 Января, и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. Надъ гробницею его вырѣзаны стихи Державина:

„Витія о тебѣ не возгласитъ похвалъ:
Гласъ краснорѣчія для праведника малъ".

(5) Гернгутеры—одна изъ сектъ реформатской церкви, два депутата которой Павелъ Лайрицъ и Иванъ Лорецъ пріѣхали въ Россію просить, до времени, поселиться въ ней.

„Сего Декабря 3 дня, пишетъ митрополитъ Димитрій въ предложеніи Св. Сνноду, 22 Декабря 1763 г., Всепресвѣтлѣйшая, Самодержавнѣйшая, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская именнымъ своимъ, объявленнымъ мнѣ чрезъ ге-

чтобъ имъ позволено было Сѵноду или архіерею, кого я означу, предложить догматы ихъ вѣры, которые лишь (какъ они сказываютъ) разнствуютъ отъ лютеранскихъ одними обрядами; а сіи послѣдніи говорятъ, что они нигдѣ терпимы быть не должны; того ради извольте, ваше преосвященство, выслушать ихъ и потомъ дать мнѣ знать ваше мнѣніе. Одинъ изъ сихъ депутатовъ умѣетъ по-латыни и по-гречески и кажется весьма ученъ. Впрочемъ въ ожиданіи Вашего отвѣта, препоручая себя молитвамъ Вашимъ, есьмъ къ Вамъ съ отличнымъ благоволеніемъ доброcклонная *Екатерина.*

Дек. 3-го ч. 1763 г.

II.

Преосвященный Димитрій! Вручителя сего, князя Вяземскаго ([6]), посылаю къ вамъ для объясненія нѣкотораго сумнительства, касающагося до раскольниковъ; прошу прислать чрезъ него ко мнѣ отвѣтъ ([7]). *Екатерина.*

III.

Преосвященный Владыко! Купца Тарусскаго Андрея Квасникова ([8]), который по безумію своему пророчествуетъ, извольте затворить въ монастырь епархіи Вашей Іверской и тамъ содержать его не токмо неисходно, но и приказать, чтобъ никого къ нему, а особливо изъ простыхъ людей, не допускать; пера, бумаги и чернилъ не давать и ничѣмъ ему писать не дозволять, дабы онъ сумозбродными своими разговорами и письменными сказками не могъ никого приводить въ соблазнъ.

Чего ради и нынѣ при немъ найденныя бумажки и сумозбродныя рукописныя книги огню предайте келейно. Для лучшей же осторожности приставте къ нему двухъ гарнизон-

---

нералъ-адьютанта и кавалера, графа господина Орлова, указомъ повелѣть соизволила съ вышедшими сюда изъ за границы иноземцами, Гернгутами имянуемыми, имѣть разговоры, дабы узнать состояніе ихъ вѣры и обрядовъ и донести Ея Императорскому Величеству, по которому Высочайшему указу я со оными Гернгутами, изъ коихъ двое: одинъ архидіаконъ, а другой ассесоромъ называющійся, ко мнѣ и присланы были, разговоры троекратно имѣлъ, и письменныя о состояніи секты ихъ на латинскомъ языкѣ извѣстія, отъ нихъ мнѣ объявленныя, разсматривалъ, и изъ того примѣчено мною, что ученіе ихъ сходствуетъ съ лютеранскимъ, а паче реформатскимъ ученіемъ, съ малою токмо нѣкоторою отмѣною. А что касается до обрядовъ и честнаго христіянскаго обхожденія, то уподобляютъ они себя первенствующимъ христіанамъ и называются обще Братствомъ Евангелическимъ. О чемъ я персонально и Ея Императорскому Величеству донесть счастіе имѣлъ; а сегожь Декабря 18 дня, чрезъ означеннаго графа, господина Орлова, объявлено мнѣ паки именное Ея Императорскаго Величества Высочайшее повелѣніе, чтобъ о ономъ о всемъ предложить мнѣ письменно къ общему разсужденію Святѣйшему Правительствующему Сѵноду, что можноль допустить ихъ къ населенію и жительству въ Россіи, о чемъ бы по тому жь представить Ея Императорскому Величеству отъ Святѣйшаго Сѵнода докладомъ".

Въ тотъ же день Св. Сѵнодъ приготовилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ повторилъ почти то же, что̀ предложилъ Св. Сѵноду преосвященный Димитрій; что̀ же касается до поселенія ихъ въ Россіи, доносилъ: „На поселеніе къ жительству въ Россіи позволить можно, такъ какъ и протчіе лютеранской и реформатской и прочихъ религій люди свободнымъ здѣсь жительствомъ безпрепятственно пользуются, точію притомъ крѣпкое учинить имъ должно подтвержденіе, чтобы они во всю въ Россіи бытность никого изъ подданныхъ Вашему Императорскому Величеству ни подъ какимъ видомъ, въ силу указовъ, своей секты учинить и во оную совращать отнюдь не могли".

Результатъ этого дѣла былъ самый благотворный, какъ для Гернгутеровъ, такъ и для другихъ чужестранныхъ народовъ, которымъ разрѣшено „приходить въ подданство и селиться на земляхъ въ Имперіи Ея Императорскаго Величества." Сл. Р. Архивъ 1868, стр. 1391 о томъ, какъ поступлено съ Гернгутерами при Елизаветѣ Петровнѣ.

([6]) Князь Александръ Андреевичъ Вяземскій, Генералъ-Прокуроръ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ,—умеръ въ 1793 году.

([7]) Числа, мѣсяца и мѣста, откуда писано письмо, не означено.

([8]) О личности Андрея Квасникова мы сообщить никакихъ свѣдѣній не можемъ.

ныхъ солдатъ безсмѣнно, и какъ ему Квасникову производить пищу и содержаніе братское изъ Коллегіи Экономіи, такъ и солдатамъ, къ нему опредѣленнымъ, обыкновенную дачу гарнизонную отъ того мѣста, откуда они до сего получали. О чемъ Вы сами извольте снестися какъ съ Коллегіею Экономіи, такъ и съ Губернаторомъ Новгородскимъ (⁹). *Екатерина.*

Марта 13 дня 1765 года.

IV.

Преосвященный Владыко! Неприличныя въ гражданскомъ житіи поступки и непослушаніе Графа Андрея Бестужева (¹⁰) принудили отца его просить меня о посланіи его на усмиреніе въ Свирскій монастырь (¹¹): чего ради Ваше преосвященство извольте отъ себя дать повелѣніе къ архимандриту того монастыря, чтобъ онаго Бестужева туда принявъ, содержали по предписанію отцовскому подъ началомъ до тѣхъ поръ, доколѣ новаго повелѣнія о свободѣ его не послѣдуетъ. Вамъ доброжелательная *Екатерина.*

Въ 31 день Генваря 1766 года.
Въ С.-Петербургѣ.

Дмитрій Сѣченовъ имѣлъ цѣну въ глазахъ Государыни, какъ усердный пособникъ правительства при отобраніи церковныхъ имѣній. *П. Б.*

(⁹) На оборотѣ письма адресъ: Митрополиту Димитрію Новгородскому.

(¹⁰) Графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ, сынъ знаменитаго Канцлера, Графа Алексѣя Петровича Бестужева. —Какіе именно „поступки и непослушаніе“ были причиною, что отецъ просилъ Императрицу „на усмиреніе“ посадить сына въ монастырь, намъ неизвѣстно. Что же касается до времени, проведеннаго графомъ Андреемъ Алексѣевичемъ въ монастырѣ, оно было весьма не продолжительно: онъ освобожденъ былъ Высочайшимъ указомъ 1766 года 27 Мая.

Въ вѣдѣніи Прав. Сената Св. Сvноду читаемъ: „Имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, даннымъ Сенату Мая отъ 27 дня сего года за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, между прочимъ, всевысочайше повелѣно: находящагося подъ началомъ въ Свирскомъ Александровскомъ монастырѣ графа Андрея Бестужева-Рюмина изъ монастыря освободить, а отъ генералъ-аншефа, сенатора и кавалера князя Михаила Никитича Волконскаго Сенатъ увѣдомленъ, что о содержаніи онаго, графа Бестужева-Рюмина свѣдѣніе имѣетъ Св. Прав. Сvнода членъ, преосвященный митрополитъ Новгородскій Димитрій, а для присмотру при немъ, графѣ, въ томъ монастырѣ находится маіоръ съ командою; и во исполненіе того имяннаго Ея Императорскаго Величества указа Прав. Сенатъ приказали: о свободѣ означеннаго графа Андрея Бестужева-Рюмина изъ монастыря въ Св. Прав. Сvнодъ сообщить вѣдѣніе, а къ находящемуся при немъ, графѣ, въ ономъ монастырѣ маіору съ нарочнымъ курьеромъ послать указъ, предписавъ въ немъ, чтобъ оной маіоръ съ нимъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ изъ того монастыря ѣхалъ въ С.-Петербургъ и представилъ его въ Сенатъ“.

(¹¹) Свирскій, или Троицко-Александро-Свирскій монастырь, находится въ уѣзд. г. Лодейное Поле, въ 35 в. отъ Олонца.—нынѣ общежительный 2-го класса. Основанъ, какъ говоритъ преданіе, въ XV вѣкѣ препод. Александромъ Свирскимъ (См. Полн. Собр. Истор. Свѣдѣн. о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣчат. церквахъ въ Россіи. Сост. А. Ратшинымъ. Москва 1852 г. стр. 417).

Собственноручное письмо императрицы Екатерины II-й къ графу Н. П. Румянцову.

Monsieur le comte Roumenzoff. J'ai reçue par le dernier courrier que vous nous avez expedié de Coblence votre lettre du $\frac{1}{12}$ Mai concernant vos excursions à Carlsrouhe. J'y ai vue avec contentement que d'après mes derniers ordres vous avez fait les démarches que vous avez jugé convenable pour mettre en train l'affaire que me tient à coeur; que ces ordres vous sont venu à tems, et que vous avez eu celui de prévenir toute autre vue d'arrangement qui aurait pu contrecarrer mes intentions. Les details dans lesquels vous entrez au sujet des deux princesses, Louise et Frederique de Bade, sont infiniment intéressants et ne laissent rien à souhaiter. Vous n'avez rien dit de trop à la Princesse

Héréditaire de Bade de ma part. J'ai toujours eue pour elle une affection particulière, et je sais que la sienne pour la Russie et pour moi ne s'est jamais démentie. Je suis enchantée de l'empressement qu'elle a montré à faciliter vos ouvertures et à aplanir les difficultés sur le changement de religion. J'attends avec impatience les portraits de deux princesses que vous promettez de m'envoyer. L'embaras qui s'est présenté au sujet de voyage de la Princesse Héréditaire qui ne saurait quitter son epoux pour m'amener ses filles, comme vous l'avez prévu, n'en est pas un essentiel à la chose même et au quel l'on ne puisse remédier. Il me prive à la vérité du plasir de revoir encore une fois Madame la Princesse Héréditaire que j'aime et estime; mais j'entre parfaitement dans sa situation et ne puis qu'approuver ses raisons. D'ailleurs, la confiance qu'elle me témoigne en me donnant ses deux filles me dédommage en quelque façon de cette privation. Aussi j'ai crue qu'il convenait d'y repondre avec célérité, et quoique assurement l'age des princesses pourroit faire remettre encore d'une couple d'année leur venue en Russie, j'ai pensée qu'en y venant dès ces heures, que ce même age rendrait l'une ou l'autre d'autant plus propre à s'accoutumer au pays dans le quel elle était prédestinée à passer le reste de ses jours et que l'autre ne manquerait pas pour cela d'un établissement convenable à sa naissance. En consequence de cette reflexion j'ai prise la résolution de vous prescrire de demander, le plutot que faire ce pourra, à Madame la Princesse Héréditaire de Bade ses deux filles les princesses Louise et Frederique. Vous lui direz que je me charge volontiers d'achever leur éducation et de les établir toutes les deux. L'inclination de mon petit fils Alexandre guidera son choix; celle qui restera, je chercherai à l'établir dans son tems. Pour racourcir les formes, la comtesse douairière Schouvaloff partira ces jours-ci, sous pretêxte d'aller prendre les eaux d'Aix-la Chapelle, accompagnée de l'ancien ami de la maison, le conseiller privé Strekaloff. Si la Princesse Héréditaire, comme elle l'a proposée elle même, son mari et son beau père consentent de me remettre les jeunes princesses, vous conviendrez avec la susdite comtesse et le conseiller privé Strekaloff du lieu où il sera de leur convenance et de celle de Princesse Héréditaire de recevoir les jeunes princesses. La comtesse Schouvalow voyage sous son propre nom, et les princesses garderont l'incognito jusqu'aux frontières de Russie. Arrivées à Pétersbourg, les deux princesses demeureront dans mon palais, dont l'une j'espère ne sortira jamais et l'autre pour être mariée convenablement. Je n'ai que faire de vous dire qu' elles y seront fournies et entretenues à mes depens: cela va sans dire et est hors de doute pour vous. Vous ferez bien de laisser passer le tems du couronnement de l'Empereur et la bagarre à cette occasion de Francfort avant que les Princesses, se mettent en chemin, afin que l'incognito et le secret de voyage en soyent mieux gardé. Par là on évitera quantité de choses incommodes de par le chemin, aux quelles la comtesse Schouvalof et sa famille ne seront point exposées si le secret est gardé. Adieu. Portez vous bien. Catherine.

à Czarsco Celo le 4 Juin 1792.

Переводъ. Господинъ графъ Румянцовъ. Съ послѣднимъ курьеромъ я получила письмо ваше изъ Кобленца отъ 1 (12) Мая, касательно вашихъ поѣздокъ въ Карлсруэ. Съ удовольствіемъ усмотрѣла я, что, согласно съ послѣдними моими приказаніями, вы приняли мѣры, какія нашли нужными, для того, чтобы дать ходъ дѣлу, которое близко моему сердцу; что приказанія сіи дошли до васъ во-время, и что вы могли поэтому

устранить всякій иной способъ дѣйствія, который послужилъ бы помѣхою моимъ намѣреніямъ. Сообщаемыя вами подробности, относящіяся до двухъ Баденскихъ княженъ Луизы и Фредерики, необыкновенно какъ занимательны и вполнѣ удовлетворительны. Вы не сказали лишняго наслѣдственной княгинѣ Баденской отъ моего имени. Я всегда особенно любила ее, и знаю, что она постоянно оказывала приверженность къ Россіи и ко мнѣ. Я восхищена ея готовностью помогать вамъ и уладить затрудненія относительно перемѣны религіи. Жду съ нетерпѣніемъ обѣщаемыхъ вами портретовъ обѣихъ княженъ. Вы предугадали, что найдено будетъ неловкимъ самой наслѣдственной княгинѣ покинуть супруга и везти ко мнѣ дочерей своихъ; но это затрудненіе не важно, и ему легко пособить. Правда, я лишаюсь удовольствія еще разъ увидать любимую и уважаемую мною наслѣдственную княгиню; но положеніе ея для меня вполнѣ понятно, и я раздѣляю ея доводы. Въ лишеніи моемъ я нѣкоторымъ образомъ вознаграждена тѣмъ довѣріемъ, которое она мнѣ оказываетъ, отдавая мнѣ двухъ своихъ дочерей. И такъ я нахожу приличнымъ не замедлять дѣла съ нашей стороны, и, хотя конечно, судя по возрасту княженъ, можно бы отложить ихъ прибытіе въ Россію еще на годъ или года на два; но мнѣ кажется, что если онѣ пріѣдутъ теперь же, то самый этотъ возрастъ скорѣе поможетъ имъ привыкнуть къ той странѣ, въ которой одной изъ нихъ суждено остаться навсегда. (Судьба сестры ея будетъ устроена, и не въ ущербъ ея происхожденію). На основаніи этихъ доводовъ, я рѣшилась предписать вамъ, чтобы вы просили у наслѣдственной княгини Баденской дочерей ея, княженъ Луизу и Фредерику, елико возможно скорѣе. Скажите ей, что я охотно берусь довершить ихъ воспитаніе и устроить ихъ обѣихъ. Внукъ мой Александръ выберетъ ту, которая ему болѣе понравится; сестру ея, когда придетъ время, я устрою. Чтобы упростить дѣло, на дняхъ отправится отсюда вдовствующая графиня Шувалова, подъ предлогомъ поѣздки на Ахенскія воды; ее сопровождаетъ старинный другъ дома, тайн. сов. Стрекаловъ. Если наслѣдственная княгиня (согласно ея собственному предложенію), ея мужъ и свекоръ согласны будутъ отпустить ко мнѣ молодыхъ княженъ, то вы съ вышеупомянутою графинею и съ тайнымъ совѣтникомъ Стрекаловымъ уговоритесь, гдѣ будетъ приличнѣе принять молодыхъ княженъ. Графиня Шувалова путешествуетъ подъ собственнымъ именемъ, а княжны сохранятъ инкогнито до предѣловъ Россіи. По прибытіи въ Петербургъ, обѣ княжны поселятся въ моемъ дворцѣ, въ которомъ одна изъ нихъ, какъ надѣюсь, будетъ жить всегда, а другая выѣдетъ изъ этого дворца для приличнаго замужества. Остается прибавить, что все содержаніе ихъ будетъ на мой счетъ; это само собою разумѣется, и вы въ этомъ не сомнѣваетесь. Лучше подождать, когда кончится коронація императора, и Франкфуртъ поуспокоится. Это нужно для того, чтобы не произошло лишней огласки въ путешествіи княженъ. И дорога будетъ гораздо покойнѣе для графини Шуваловой и ея семейства, при соблюденіи тайны. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина. Царское Село 4 Іюня 1792.

Наслѣд. Княгиня Баденская была сестра покойной Великой Княгини Натальи Алексѣевны. Сл. все это письмо съ Осмн. Вѣкомъ, кн. I, стр. 339—342. *П. Б.*

ДЛЯ БІОГРАФІИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА.

Собственноручная замѣтка Екатерины II.

„J'ai lue avec d'autant plus de plaisir la lettre que Monsieur de Langeron m'a écrit de Vienne que j'ai crue y reconnaitre l'espri et les maximes de cette illustre noblesse Françoise à la tete de laquelle les Roys et nomement Henri IV et Louis XIV se disoit invincible et l'étoit en effet, le premier

ayant reconquis son Royaume avec quatre cens Gentilhommes Français donnant l'exemple à quelques troupes Allemandes et Suisses, et le second ne resista-t-il pas à l'Europe entière liguée contre lui? La splendeur de ce regne due presque toute entière au courage, à la capacité, a l'habilité et aux autres belles, grandes et aimables qualités de la Noblesse qui l'entouroit et qu'il employoit, a durée jusqu'à nos jours dans l'opinion publique. Je souhaite et je désire que mes chevaliers de S-te George rendent au plutôt la paix et la tranquilité à leur patrie et à leur Roy ce qui lui appartient de droit pour la prosperité du Royaume et le bien de ses sujets. Je pense qu'il ne seroit ni difficile ni guère meme risqueux de renvoyer quelques certaines d'Abbés, de Procureurs et d'Avocats dans leurs galetas; l'opinion publique aisement, surtout chez un peuple leger, ce rangeroit du coté de la valeur et de la justice, et comme la magnanimité accompagne toujours le grand ouvrage en diminueroit par elle le nombre des coupables, et on ne s'appliqueroit qu'à ramener l'ordre et la discipline en detruisant l'Anarchie, cause de tous les malheurs".

Переводъ. Письмо господина Ланжерона, которое онъ написалъ ко мнѣ изъ Вѣны, я прочла съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности потому, что въ письмѣ этомъ, какъ мнѣ кажется, выражены духъ и правила того славнаго Французскаго дворянства, стоя во главѣ котораго, короли, а именно Генрихъ IV и Людовикъ XIV, почитали себя непобѣдимыми, и дѣйствительно были таковыми: ибо первый изъ нихъ, съ четырьмя стами Французскихъ дворянъ, увлекавшихъ примѣромъ своимъ немногія Нѣмецкія и Швейцарскія войска, успѣлъ возвратить себѣ свое королевство; а Людовикъ XIV противостоялъ цѣлой Европѣ, соединившейся противъ него. Блескъ сего царствованія сохранился въ общественномъ мнѣніи до нашихъ дней, а этимъ блескомъ оно почти исключительно одолжено мужеству, талантливости, пригодности и другимъ прекраснымъ, великимъ и любезнымъ качествамъ дворянъ, коими окружалъ себя и черезъ которыхъ дѣйствовалъ Людовикъ XIV. Мое намѣреніе и воля, чтобы мои кавалеры св. Георгія (*) доставили скорѣе своему отечеству міръ и спокойствіе, а королю своему то, что ему принадлежитъ по праву, для процвѣтанія королевства и во благо подданныхъ. По моему мнѣнію, можно бы безъ труда и даже безъ всякой опасливости спровадить домой на чердакъ—нѣсколько сотенъ аббатовъ, прокуроровъ и адвокатовъ. Общественное мнѣніе, и особливо въ народѣ удобоподвижномъ, легко преклоняется на сторону внутренней силы и правды. Къ тому же съ великимъ дѣломъ неразлучно великодушіе, въ силу котораго виновныхъ окажется не очень много. Забота должна быть одна—возстановить порядокъ и повиновеніе, подавивъ анархію, причину всѣхъ несчастій.

(*Сообщено В. И. Ламанскимъ*).

Письмо Екатерины II къ фельдмаршалу графу В. П. Мусину-Пушкину.

(*Собственноручное*).

„Графъ Валентинъ Платоничъ. Есть-ли судить по морскому дѣлу о сухопутномъ, то великое вѣроятье есть, что вы имѣете дѣло съ весьма вѣтренными людьми. Вицъ-адмиралъ Шведской рѣдкой вертопрахъ, я его послала на житье къ Москвы (sic). Въ сей древней столицѣ, услыша, что здѣшной городъ добровольно подпискою собралъ до 700 рекрутъ, начали подписку и тамъ: графъ Шереметьевъ подписалъ одинъ 500, графъ Панинъ со сто душъ по одному; графы Орловы съ 25 душъ по одному, болѣе того

(*) Т. е. Французскіе эмигранты.

еще неизвѣстно; только по тому судить, много соберутъ изъ единаго усердія къ общему дѣлу. Татищевъ довелъ три баталіоны гвардіи и три эскадроны до Краснаго Села. Теперь отъ васъ зависитъ ихъ обратить, куда полѣзны быть могутъ. Я писала къ Вел. Кн., чтобы онъ Татищеву послалъ на встрѣчу кавалерію Святыя Анны. Отовсюду приходятъ извѣстіи, что поступки Короля Шведскаго не только порочатъ, но признаваютъ ихъ за сумашедшими (sic). Старайтеся узнать отъ Шведскихъ плѣнныхъ, гдѣ Король, и не знаютъ ли убитъ, раненъ, или здоровъ ли герцогъ Сюдерманландской; подозрѣваютъ, что едва не струхнулъ ли; его корабль первой Шведскую линію баталію (sic) разорвалъ.

Прощайте, Богъ съ вами; желаю всякое благополучіе и пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

С. П. іюля 16, 1788 г.

(*Сообщено А. А. Васильчиковымъ*).

Письмо Екатерины II къ С. А. Колычову.

(*Собственноручное*).

„Степанъ Алексѣевичъ. При семъ прилагаю полученное письмо; изъ онаго усмотрите чего требуетъ отъ меня какой-то Берлинской живописецъ именемъ Граль. Но какъ я не получила миніатюрный портретъ королевы Англійской и не знаю, какому Герману онъ оный ввѣрилъ, то прошу съ нимъ о семъ изъясниться и ко мнѣ отписать. У насъ въ службѣ есть генералъ-поручикъ Германъ, тотъ въ Литвѣ, а иного не знаю. Пребываю къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Марта 3 числа. 1796 года».

(*Сообщено, какъ и два письма Суворова, барономъ М. Л. Боде*).

Два письма Суворова къ С. А. Колычову.

1.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ! Графъ Блаказъ С. Аулиза явился у меня съ почтеннѣйшимъ вашего превосходительства письмомъ, и желаніе его вступить въ корпусъ принца Конде удовлетворить не оставлю. Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорный слуга „К. Італійскій Г. А. Суворовъ-Рымникскій".

Октября 13 дня 1799 года Г. Линдау.

2.

Милостивый государь мой Степанъ Алексѣевичъ! При семъ для свѣдѣнія вашего превосходительства препровождаю переписку мою съ герцгерцогомъ. Неудовольствіе его, что я не соглашаюсь на его требованія, обнаруживается довольно въ сихъ бумагахъ; но слава и честь высочайше ввѣреннаго мнѣ войска для меня священнѣе, и всѣ замыслы Тугута не вовлекутъ меня въ разставленныя имъ сѣти; я твердое принялъ намѣреніе дать войскамъ нашимъ нужный отдыхъ, снабдить ихъ всѣми потребностями, и потомъ уже расположить свои дѣйствія. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга „К. Італійскій, Г. А. Суворовъ-Рымникскій".

Г. Линдау Октября 17 дня 1799 года.

Письмо графа (князя) А. А. Безбородка къ С. С. Зиновьеву (посланнику въ Испаніи).

Милостивый государь мой Степанъ Степановичъ. Прежде нежели приступлю бесѣдовать съ вами, милостивый государь мой, о дѣлахъ до службы ка-

сающихся, дозвольте мнѣ принести вамъ искреннее поздравленіе по случаю пожалованія васъ кавалеромъ ордена св. Анны, коего знаки съ симъ нарочнымъ доставляются. Ваше превосходительство будьте увѣрены, что съ перваго знакомства нашего, возымѣвъ отличное почтеніе къ преизящнымъ свойствамъ вашимъ, приму я всегда нелицемѣрное участіе вездѣ, гдѣ дѣло будетъ итти о пользѣ или удовольствіи вашемъ.

Письма ваши ко мнѣ о торговлѣ нашей съ Гишпаніею были представлены ея императорскому величеству. Заключеніе съ сею державою коммерческаго трактата не токмо не встрѣчаетъ у насъ ни малаго препятствія, но еще напротивъ того представляется весьма полезнымъ и нужнымъ. Мы собственно съ Гишпаніею не имѣемъ такихъ взаимныхъ интересовъ, кои бы насъ другъ противъ друга поставляли; ибо я не считаю, по тѣмъ выгоднымъ описаніямъ, кои ваше превосходительство о графѣ Флорида-Бланкѣ и о прочемъ дѣлаете, чтобъ Мадритской дворъ, по крайней мѣрѣ впредь, былъ вездѣ тѣнью Версальскаго, какъ то у насъ доселѣ въ политическихъ картинахъ, министрами сообщаемыхъ, сказано было. Ея величество имѣетъ особливое благоволеніе и склонность къ Гишпанской націи, и не отречется конечно ободрять ея торговлю; но надобно, чтобъ тутъ было взаимство выгодъ. Сей послѣдній пунктъ донынѣ былъ подверженъ разнымъ сомнѣніямъ. Г. Нормандесъ (*) изъяснялся со мною, будто бы положеніе ихъ съ другими державами противополагаетъ тутъ препятствія; но вы сами примѣчаете, что безъ равенства и заплаты въ пользу нашей коммерціи ничто и насъ не обязываетъ фаворизировать торгъ Гишпанскій. Большая часть нашихъ продуктовъ служатъ къ замѣнѣ первыхъ ихъ нуждъ; напротивъ того, вещи, отъ нихъ получаемыя, принадлежатъ къ тѣмъ, кои намъ для прихотей надобны, и которыми мы отъ другихъ себя довольствовать можемъ. Ваше превосходительство согласитеся, что главныя выгоды отъ насъ въ трактатахъ дозволяемыя, и имянно: 1-е, право платить пошлины вмѣсто ефимковъ въ натурѣ ходячею монетою, дѣлающее разницы отъ 8 и до 12 процентовъ; 2-е, убавка четвертой части пошлины въ трехъ портахъ Черноморскихъ; и 3-е, ничего незначущій сборъ съ Гишпанскихъ винъ, — заслуживаютъ взаимство и въ пользу нашего торга. Императоръ призналъ необходимость сего равенства, какъ то́ усмотрите изъ копіи торговаго съ нимъ постановленія, недавно заключеннаго, и къ коему пріобщаются наши непремѣнныя правила, каковыя вручилъ я г-ну Нормандесу. Доставляю вамъ при томъ и списокъ съ проэкта торговаго трактата съ Неаполитанскимъ дворомъ, на который, яко на сущій ультиматъ нашъ, ожидаемъ мы вскорѣ рѣшительнаго отвѣта. Нѣтъ надобности вамъ дѣлать формальнаго какого либо подвига у тамошняго министерства; но надѣется ея императорское величество, что вы, милостивый государь мой, пользуяся довѣренностью графа Флорида-Бланки, приличными внушеніями доведете его до того, что Мадритской дворъ снабдитъ нужными наставленіями г-на Нормандеса на сію негоціацію: ибо не прежде какъ на точномъ откровеніи ихъ желанія мы можемъ приступить къ составленію проэкта коммерческаго трактата; когда составленъ будетъ, довольно одной посылки курьера, чтобъ рѣшительно все распорядить и кончить.

Курьеръ настоящій поѣдетъ въ Лиссабонъ для увѣдомленія графа Нессельрода о данномъ ему отпускѣ. Вы можете его на возвратномъ пути продержать хотя и до двухъ недѣль, буде вамъ то будетъ нужно. Неизлишнимъ почитаю примѣтить вашему превосхо-

(*) Испанскій посланникъ въ Россіи.

дительству, что все сіе дѣло такъ производить нужно, чтобъ оно не имѣло ни малаго вида настоянія съ нашей стороны; но шло бы оно, какъ служащее и собственнымъ пользамъ Гишпаніи, и Мадритскимъ дворомъ прямо желаемое. Есмь всегда съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнымъ слугою графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ. Сентября 28. 1785 года.

Печатается съ подлинника, хранившагося въ богатомъ собраніи автографовъ у покойнаго сенатора князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго. *П. Б.*

Письмо Маріи Павловны Нарышкиной къ Степану Алексѣевичу Колычеву (1).

13/24 іюля 1788 году. Изъ Санктпетербурга.

Государь мой братецъ Степанъ Алексѣевичъ! Получила я пріятное письмо ваше отъ 20 іюня / 1 іюля, въ которомъ вы пишете ко мнѣ, что кромѣ увѣдомленія моего о пожалованіи васъ камергеромъ никакого извѣстія ни отъ кого не получали; и я сколько радуюсь, что первая васъ съ симъ чиномъ могла поздравить, столь же и удивляюсь о долговременномъ неполученіи вами надлежащаго извѣщенія и при семъ случаѣ не преминула я вамъ попенять, что вы ко мнѣ такъ рѣдко пишете: ибо не только всѣ наши знакомые меня объ васъ спрашиваютъ, но и самъ графъ Александръ Андреевичъ (2) желаетъ вѣдать, сколь вы ко мнѣ благодарны; но я не знаю, чтó имъ на то отвѣчать. Да и въ нынѣшнемъ письмѣ своемъ поспѣсивилися вы изъяснить и того признанія, что все это плоды моего объ васъ попеченія. Я съ того самаго времени, какъ назначенъ былъ вамъ орденъ и не посланъ, безпокоилась и всюду мѣталась до полученія вами упомянутой Высокомонаршей милости, и въ то самое время имѣла счастіе благодарить за васъ Всемилостивѣйшую Государыню, при которомъ случаѣ княгиня Катерина Романовна ошибкою доложила, что я благодарю за Кошелева, но сама Ея Величество, примѣтивъ ту ея ошибку, изволила подтвердить, что мнѣ братъ двоюродный Колычевъ, а не Кошелевъ. Примѣтно мнѣ и то, что вы меня не столь помните какъ я васъ, когда пріѣзжающимъ сюда чужестранцамъ не объясняете того, что я вамъ сестра двоюродная и не рекомендуете мнѣ, думая, что я не умѣю ихъ принять; но я съ моей стороны, желая показать, что вы у насъ не бобыль, принимаю ихъ отъ васъ и потчую, которые, узнавъ про наше родство, весьма удивляются, что вы ихъ не упредили. А изъ сего я понимаю, что вы повидимому ни о комъ больше не думаете и почитаете единственными умницами жеманку свою графиню Софью Степановну, которая, живучи теперь въ Парижѣ, только что жеманится и улыбается, а другую кривобокую Наталію Кириловну (3). Но мы въ отмщеніе вамъ имѣемъ здѣсь при себѣ совершеннаго умницу

(1) *Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ* род. 15 іюля 1746 года, ум. 14 марта 1805 г., погребенъ въ Невской Лаврѣ. Россійскій вице-канцлеръ, дѣйств. тайный совѣтникъ, былъ посланникомъ въ Гагѣ, въ Берлинѣ и посломъ въ Вѣнѣ и въ Парижѣ. Женатъ былъ на Натальѣ Захаровнѣ Хитрово.— М. П. Нарышкина, ур. Балкъ-Полева, супруга славнаго егермейстера Семена Кириловича Нарышкина, и съ молодыхъ лѣтъ близкая къ Екатеринѣ особа. Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 29 маемъ 1793 г. отмѣчено: «Вчера ввечеру умерла Марья Павловна Нарышкина. Ея величество сказала мнѣ о томъ съ сожалѣніемъ, вспомня, что въ молодыхъ лѣтахъ вмѣстѣ съ нею рѣзвились.» — Мы помѣщаемъ это письмо съ подлинника, хранящагося въ богатомъ семейномъ архивѣ барона М. Л. Боде. *П. Б.*

(2) Безбородко, начальникъ Колычева.

(3) Загряжскую, ур. гр. Разумовскую.

Степана Степановича Колычева ([4]), который знаетъ, какъ меня почитать и для того имѣетъ намѣреніе ѣхать со мною вмѣстѣ къ Голандію васъ бранить. Онъ, живучи съ нами вмѣстѣ, какъ въ городѣ такъ и на приморской дачѣ, дѣлаетъ намъ весьма пріятную компанію, и всѣмъ даетъ тоны, и Татьяна Александровна съ Агаѳьей Петровной не могутъ на него наглядѣться, и вы повѣрить не можете, какъ онъ раздородничалъ и похорошѣлъ. Притомъ же мы его привели совсѣмъ на истинный путь: нашли ему невѣсту преизрядную дѣвицу, совершенную красавицу, въ которую онъ влюбленъ и намѣренъ жениться; почему вы можете ожидать, что скоро будете у него кумомъ, и для того заблаговременно просимъ васъ назначить, кому вмѣсто васъ при купели стоять. Еще я васъ не преминула увѣдомить объ графѣ Петрѣ Кириловичѣ ([5]), что онъ теперь находится подъ Шведскими пушками, и трусить изо всей своей мочи; а я съ домашними моими, имѣя пребываніе на приморской моей дачѣ, нахожусь слава Богу здорова. Объ водѣ зельтерской присланный коносаментъ ([6]) я уже съ мѣсяцъ какъ получила, но корабль тотъ, на коемъ оная вода отправлена, по сіе число въ Петербургъ еще не бывалъ. И за тѣмъ съ искреннимъ расположеніемъ пребываю на всегда вашего превосходительства государя моего покорная услужница Марья Нарышкина

([4]) *Степанъ Степановичъ Колычевъ* род. 8 марта 1756, ум. 6 мая 1810, погребенъ въ Невской Лаврѣ. Былъ гофмаршаломъ при имп. Екатеринѣ II, тайный совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ.

([5]) Разумовскомъ, который, по матери своей гр. Екатеринѣ Ивановнѣ ур. Нарышкиной, приходился родственникомъ мужу писавшей это письмо.

([6]) Накладная.

ПИСЬМА Г. Н. ТЕПЛОВА.

1. Къ неизвѣстному лицу.

Мил. гос. мой князь Михайло Михайловичъ! Будучи вашего сіятельства истиннымъ другомъ и почитателемъ вашихъ добродѣтелей, сердечно сожалѣю, что вы больны, тѣмъ паче что и причина прискорбія вашего (обойденіе чиномъ) меня столько же обременяетъ, какъ и ваши васъ неудовольствія. Весьма ложною я нахожу пословицу: за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ. Служба моя для меня при жизни моей была суетна; но не малымъ утѣшеніемъ служитъ, когда бѣдствующему есть товарищи. Трудъ и усердіе, даже до потерянія своего здоровья, мнѣ ваши извѣстны, а за соединенные таланты съ способностію и честною душою дорого всегда платить долженствуетъ отечество. Но не такъ дѣлается, м. г.; часто таковые таланты и качествы за безцѣнокъ идутъ въ свѣтъ, и мнѣ кажется счастливъ тотъ, кто самъ для себя проворствуетъ о пріобрѣтеніи имѣнія, только бы огражденъ былъ друзьями и покровителями. Не будетъ ему никогда на пути его ни препинанія, ниже оскорбленія. Совѣсть его не угрызаетъ потому, что онъ ея не имѣетъ, а съ богатствомъ чести сами за нимъ гонятся, оскакивая всѣхъ по пути порядочно идущихъ. Богомолы говорятъ, что все сіе судьбою устроивается, а разумные стѣсненнымъ духомъ воздыхаютъ и часто кончатъ жизнь свою поспѣшнѣе отъ сокрушенія. Стяжатели всѣ молятся прилежно и помолившись смѣло и дерзко грабятъ и отнимаютъ; а послѣ думаютъ, что молитва ихъ за Богомъ не пропала..... Я дни и ночи нераздѣльно употребилъ чрезъ 15 лѣтъ на службу([1]). Некогда ни грабить, ни богатиться ду-

---

([1]) Тепловъ считаетъ службу свою при Екатеринѣ.

шѣ моей, и безъ того безкорыстной; теперь, изнуренъ будучи, состарѣлся и почувствовалъ такія болѣзни, которыя повсядневно заставляютъ меня умирать. Не родился я ни богатъ, ни знатенъ, и вижу, что въ ту же нищету потомки мои возвращаются, въ которой я родился. Ветхозавѣтные пророки предсказали намъ будущую жизнь воздаяніемъ за наши добродѣтели, а истолкователи ихъ предсказанія въ Новомъ Завѣтѣ, такъ какъ Павелъ Апостолъ, дефиницію лестную сказалъ будущаго блаженства, что оное ни ухо не слышало, ни око не видѣло, да и на сердце человѣку не всходило (2). Сіи поучители дѣлаютъ должность свою искусно, ибо ежели бы они за добродѣтель обѣщали воздаянія на семъ свѣтѣ (а казалось бы награждать чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше), то бы стократно ложь ихъ обличалася, и вы бы и я собою то доказали по теперешнему; но они сіе дѣлаютъ для того, что съ того свѣта никто еще у насъ не бывалъ съ извѣстіемъ, и мы не знаемъ, кто изъ тѣхъ тамъ награжденъ, который любилъ государя и отечество, служилъ безкорыстно, вѣрно и честно. Вотъ, милостивый государь мой и любезный другъ, какъ за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ! Однакожь утѣшеніемъ остается то, что добродѣтельный человѣкъ, дѣлая благое, собственное въ себѣ изъ того удовольствіе чувствуетъ и всякими препятствіями въ первомъ своемъ только движеніи оскорбляется, доколѣ къ разуму обратится, а обратившися напрягаетъ путь свой по той же дорогѣ, по которой честная душа его отъ рожденія повела. За симъ сей податель письма есть зять мой, за которымъ большая моя дочь Анна Григорьевна, г. полковникъ Семенъ Александровичъ Неплюевъ. Онъ характеру благороднаго и честной души, способности имѣетъ къ службѣ не площадныя. Скучилъ быть членомъ въ Малороссійской коллегіи, сидя съ дураками Малороссіянцами и ябедниками, чрезъ шесть лѣтъ. Я, зная нужду въ людяхъ для намѣстничествъ и зная его способность и многое чтеніе, которое природный его разумъ весьма украшаетъ, и перомъ дѣйствовать (такъ какъ имѣющаго уже великую практику въ дѣлахъ) много подкрѣпляетъ, посовѣтовалъ ему искать мѣста въ намѣстничествѣ Орловскомъ, гдѣ онъ испомѣщенъ, и въ томъ адресоваться по порядку къ вашему сіятельству. Молодому человѣку, не изъ корысти, но изъ чести служащему, первое побужденіе есть самая честь. Примите его въ свою протекцію и, сколько сила ваша дѣйствовать можетъ, помогите сему честному человѣку представленіемъ вашимъ, когда дѣло дойдетъ до Орловской губерніи. Октября 17, 1777 года.

(2) Слышенъ воспитанникъ Ѳеофана Прокоповича.

2. Къ графу Никитѣ Ивановичу Панину.

Вчера я на загородномъ дворѣ у Марьи Павловны (3) обѣдалъ, гдѣ была и Марья Степановна (4). Наканунѣ былъ я тощъ, безъ аппетита и о кушаньи думать не могъ, что̀ ужь и давно со мною дѣлается. Столъ нашелъ жирный: щи богатыя и другія похлебки русскія столь густы и вкусны, что половину ѣсть, а другую хлѣбать должно; теленокъ въ аршинъ и больше городскаго, весь сокомъ молочнымъ напоенъ, грибы въ разныхъ горшкахъ, пироги мягкіе и пузатые, блины легкіе и толстые, сливки, въ которыхъ ложка торчкомъ стоитъ, все сіе и мертвому аппетитъ подастъ. Хотя всѣ три (5)........ стола въ одинъ рядъ поставлены были, однакожь изобразить вамъ не могу, сколь пріятнаго

(3) Нарышкиной, письмо которой выше напечатано.

(4) Перекусихина.

(5) Неразобрано.

вида былъ сей столъ. Не шутя говорю, что сей столъ пирующимъ въ язычествѣ богамъ только приличенъ былъ. Я столь много ѣлъ, что прежній свой вѣкъ здоровья помянулъ съ удовольствіемъ. Откуда взялись языкъ, веселыя мысли, забвеніе всѣхъ скукъ и досадъ: словомъ, сѣлъ я за столъ близехонько къ столу, но силою упругости чрева моего очутился подъ конецъ стола на четверть нечувствительно отодвинутый. Не узналъ я себя въ немощи; но что счастливѣе всего! Все съ рукъ сошло хорошо, и со всякимъ кушаньемъ, которое по .... на вѣки простился. О когда бы вся жизнь наша была такого сложенія! не знали бы мы ни скорби ни печали.

Сообщено профессоромъ С. М. Соловьевымъ; первое письмо писано вѣроятно къ историку кн. М. М. Щербатову, который тоже находился въ числѣ недовольныхъ Екатериною. Теплова же Государыня должна была отдалить отъ себя вслѣдствіе жалобъ, поступившихъ на него отъ его крестьянъ.

ДНЕВНИКЪ СВИТСКАГО ОФИЦЕРА.

1813 ГОДЪ.

(*Посвящено другу и сестрѣ А. Г. Хомутовой*).

Дневникъ этотъ веденъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Хомутовымъ. Онъ сохранился въ бумагахъ сестры его Анны Григорьевны (біографическое извѣстіе о ней и выдержки изъ ея Записокъ помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1867 года) и полученъ нами отъ Екатерины Ивановны Розе, которой принадлежитъ русскій переводъ этого Дневника, писаннаго въ подлинникѣ по французски. Ею же сообщены и нижеслѣдующія свѣдѣнія объ авторѣ Дневника. *П. Б.*

Сергѣй Григорьевичъ Хомутовъ, родной братъ Анны Григорьевны Хомутовой, родился въ 1792-мъ году въ Москвѣ, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ окончивъ курсъ, поступилъ на службу въ 1811-мъ году подпоручикомъ, въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части; дѣлалъ кампаніи 1812 и 1813 г., участвовалъ въ сраженіяхъ: Бородинскомъ, при Красномъ, подъ Лейпцигомъ, Бауценомъ и другихъ, состоя въ распоряженіи генерала Толя; въ 1814-мъ году былъ съ арміей въ Парижѣ, вернулся изъ кампаніи въ чинѣ капитана, кавалеромъ нѣсколькихъ орденовъ, и продолжалъ службу по свитѣ. Съ отрядомъ свитскихъ офицеровъ онъ находился, нѣсколько лѣтъ, для съемки въ Литвѣ; во время пребыванія въ Вильнѣ, женился на дочери бригаднаго генерала, Натальѣ Александровнѣ Энгельгардтъ. Въ 1824-мъ году произведенъ былъ въ полковники, но долженъ былъ оставить службу по слабости здоровья, въ особенности по болѣзни въ ногахъ, которыми въ скоромъ времени совершенно перссталъ владѣть. Всѣ медицинскія пособія остались безуспѣшны, и въ 1827-мъ году онъ, съ семействомъ, переселился на жительство въ свое имѣніе Ярославской губерніи, гдѣ и прожилъ 25 лѣтъ, не двигаясь съ кресла, но занимаясь по возможности устройствомъ имѣнія и воспитаніемъ дѣтей. До конца жизни зрѣніе ему не измѣняло, и онъ, лишенный возможности двигаться, цѣлые дни проводилъ въ чтеніи, усердно слѣдя за политикой и литературой, но отдавая преимущество книгамъ духовнаго содержанія.

Въ постоянномъ физическомъ страданіи и мученической, однообразной жизни, Сергѣй Григорьевичъ, безъ малѣйшаго ропота, истиннымъ христіаниномъ, подавая дѣтямъ поучительный примѣръ терпѣнія и кротости, переносилъ грустную свою участь и до конца жизни сохранилъ свѣтлый пріятный умъ и превосходную память. Часто, съ интересными подробностями, разсказывалъ онъ своимъ приближеннымъ о своихъ походахъ и о пребываніи въ Парижѣ. Разговоръ его былъ живъ и занимателенъ, въ немъ виденъ былъ природный его умъ, глубокія познанія и многосторонняя образованность, и чувствовалась возвышенность прекрасной души. Въ 1852-мъ году С. Г. Хомутовъ скончался въ имѣніи своемъ, селѣ Лытаревѣ, Ярославской губерніи, гдѣ и похороненъ на семейномъ кладбищѣ.

1-го января.

Я сидѣлъ у Бровкова, когда пробило двѣнадцать часовъ; мы другъ друга поздравили съ новымъ годомъ, и я пошелъ домой, читая молитвы, благодаря Бога за то, что благополучно провелъ протекшій годъ и вспоминая васъ всѣхъ, дорогихъ и

близкихъ моему сердцу. Сегодня мы перешли Нѣманъ съ мыслью и прискорбіемъ, что можетъ быть надолго оставляемъ отечество. Погруженный въ эти мысли я тащился съ Емельяновымъ въ обозѣ. Въ полдень мы пріѣхали въ Лейпуны, гдѣ намъ отведена была большая корчма. Теперь мы за границей, и намъ строго запрещено брать съ собой фуражъ, а надо получать его отъ коммиссаровъ. На сегоднишній день, намъ принесли довольно много фуража; но какъ онъ былъ разобранъ безъ всякаго порядка, иному досталось слишкомъ много, а другимъ ничего. Въ арміи сдѣлалась перемѣна; нашъ князь Волконскій назначенъ Начальникомъ главнаго штаба, а полковникъ Селавинъ дежурнымъ генераломъ, на мѣсто Коновницина, который поѣхалъ въ Петербургъ. И такъ весь генеральный штабъ состоялъ изъ нашихъ офицеровъ, чтó придало много блеска квартирмейстерской части.

3-го января.

Пришли въ Краснополь, гдѣ намъ дали порядочныя квартиры. Жиды вышли съ ковчегомъ на встрѣчу Императору и были намъ очень рады. Поляки тоже казались довольными; вѣроятно они видятъ всѣ обманы Французовъ; однако намъ извѣстно, что въ Варшавѣ всѣ противъ насъ вооружаются и поговариваютъ, что мы пойдемъ усмирить этотъ предполагаемый бунтъ и разсѣять народную милицію, которая далеко не то, чтó наше Русское ополченіе.

4-го января.

Пришли въ Сувалки. Вашутинъ, Вишняковъ, Мейендорфъ, Перовскій(*) и я стояли на одной квартирѣ и сами всѣ вмѣстѣ приготовляли себѣ обѣдъ.

5-го января.

Сегодня Сочельникъ, мы ничего не ѣли до трехъ часовъ и сами пѣли вечерню. Емельяновъ мнѣ далъ много порученій, Бровковъ просилъ написать за него нѣкоторыя бумаги: все это помѣшало мнѣ быть у всенощной.

6-го января.

Пришли въ Роски. Жиды приняли насъ съ большой радостью, а тотъ Жидъ, у котораго мы стояли, напился пьянъ, чтобъ лучше доказать намъ свое удовольствіе и надоѣлъ намъ своими росказнями и похвалами. Противъ нашего дома былъ ровъ, мимо котораго шла большая дорога, и какъ было очень скользко, экипажи раскатывались, и многіе упали въ ровъ, между прочими князь Кудашевъ больно ушибся.

7-го января.

Намъ велѣно идти въ Ликъ; я взялъ ближайшую дорогу и пріѣхалъ туда въ полдень. Ликъ первый Прусскій городъ, и жители намъ очень рады; они поставили для Императора тріумфальныя ворота, выбѣжали всѣ къ нему на встрѣчу съ радостными криками. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Добрые Пруссаки всегда были нашими друзьями, съ прискорбіемъ шли драться съ нами и всегда желали обратить оружіе на Французовъ. Теперь ихъ желаніе исполнено; всѣ увѣряютъ, что ихъ король нашъ союзникъ и даетъ намъ пятьдесять тысячъ войска. Въ Ликѣ мы простояли два дня. Мейендорфъ посланъ къ великому князю вмѣсто Глазова, который опять къ намъ вернется.

11-го января.

Рано прибыли въ Іоганнисбургъ и пошли съ Вашутинымъ смотрѣть, какъ Пруссаки встрѣчали нашего Императора. Инвалиды выстроились въ двухъ линіяхъ отъ заставы до квартиры Его Величества, дѣлали различные маневры и кричали виватъ. Когда Государь сошелъ съ лошади, къ нему подошли двѣ молодыя дѣвицы и надѣли на него вѣнки изъ цвѣтовъ. Народъ окружилъ его квартиру съ восторженными криками, которые раздавались по всему городу.

(*) Левъ Алексѣевичъ

Вечеромъ, передъ домомъ Императора, поставленъ былъ транспарантъ, на которомъ было написано: Александру Великому, Избавителю Европы.

Когда Государь подошелъ къ окну, громкій крикъ и радостный виватъ оглушили насъ. Императоръ принужденъ былъ послать князя Волконскаго благодарить народъ и просить чтобъ разошлись. Въ Іоганнисбургѣ мы простояли два дня, и народъ, все время, окружалъ квартиру Императора и кричалъ виватъ, какъ только онъ подходилъ къ окошку.

12-го января.

Анрепъ изъ корпуса вышелъ въ лейбъ-гусары.

13-го января.

Слушали обѣдню въ придворной церкви, т. е. походной, Государя. Перовскій захворалъ и принужденъ здѣсь остаться.

18-го января.

Пришли въ Сановъ; погода скверная. Толя ожидаемъ завтра.

19-го января.

Въ Млавѣ всѣ квартиры были уже захвачены нашими офицерами, которые нарочно встаютъ съ зарею, чтобъ пріѣхать первыми. Я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать, но Емельяновъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ комнату на верху у себя, и я довольно удобно расположился въ ней, со своими товарищами. Млава опять въ Польшѣ, и жители намъ не такъ рады; хотя они и вышли на встрѣчу Императору и иллюминовали городъ, но примѣтно, что они дѣлаютъ это все изъ трусости, а не отъ души.

20-го января.

Въ Млавѣ былъ отдыхъ, мнѣ поручили принять фуражъ, а вечеромъ генералъ приказалъ получить для него деньги, но какъ я ни старался, не могъ ничего добиться. Обѣщали выдать завтра.

21-го января.

Офицеры наши уѣхали, но какъ генералъ еще оставался, и я долженъ былъ быть при немъ. Вашутинъ и Вишняковъ остались со мной, и Вишняковъ, который пріѣхалъ изъ Москвы, разсказывалъ намъ о славномъ каруселѣ, въ которомъ онъ самъ участвовалъ въ кадрилѣ съ Всеволодской. Къ вечеру я получилъ деньги и отдалъ ихъ генералу.

23-го января.

Весь день простояли въ Раціензѣ. Императоръ велѣлъ всей арміи выдать половинное жалованье, и мнѣ приказали принять деньги, но коммиссія еще не пріѣзжала, и я отложилъ это дѣло до Плоцка, гдѣ, говорятъ, мы пробудемъ нѣсколько времени.

24-го января.

Пришли въ Плоцкъ и простояли цѣлую недѣлю. Я все бѣгалъ по коммиссіямъ, для полученія жалованія, но мнѣ было столько вездѣ затрудненія, что Толь вышелъ изъ терпѣнія и пожаловался свѣтлѣйшему князю, который позвалъ Тихонова, управляющаго коммиссіей, и сдѣлалъ ему выговоръ за неисправность, и онъ тотчасъ же выдалъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ. Страшно мнѣ было имѣть у себя такую большую сумму, и я просилъ Толя взять ее; но онъ не согласился, а я такъ объ ней безпокоился, что безпрестанно считалъ деньги, изъ за нихъ боялся уходить изъ дома и даже ни разу не былъ въ театрѣ, куда всякой вечеръ ходили мои товарищи.

28-го января.

Сегодня узнали о взятіи Варшавы и усердно молились за благодарственнымъ молебномъ, который служили съ большимъ великолѣпіемъ, какъ только получили радостное это извѣстіе.

1-го февраля.

Намъ приказано идти впередъ, но мы не могли тронуться съ мѣста, оттого что принуждены были перемѣнять экипажи: снѣгъ сошелъ, весна въ полномъ блескѣ, и наши сани не

могутъ болѣе намъ служить, а за повозки съ насъ взяли ужасно дорого.

2-го февраля.

Вышли изъ Плоцка. Погода прекрасная. Мы ѣхали верхомъ и вполнѣ наслаждались чуднымъ временемъ и оживающей природой. Переѣхавъ Вислу, товарищи мои остались отдыхать, а Вашутинъ и я сдѣлали еще двадцать верстъ.

3-го февраля.

Пріѣхали въ Кладово, гдѣ Вишняковъ приготовилъ намъ хорошія квартиры. Повозка Ватушина, не смотря на дороговизну, изломалась; онъ цѣлый вечеръ возился съ ней, а я считалъ деньги, раскладывалъ ихъ, снова пересчитывалъ; а товарищи смѣялись надо мной

5-го февраля.

Пришли въ Коло. Жиды устроили великолѣпный балдахинъ для Императора, и многіе поѣхали къ нему на встрѣчу въ богатыхъ одеждахъ. Въ квартирахъ большое затрудненіе.

7-го февраля.

Пришли въ Конинъ, квартиры дурны, и сами должны себѣ готовить кушанье, кто какое умѣетъ. Время дивное, все зелено, все цвѣтетъ, намъ Русскимъ это удивительно: мы привыкли видѣть въ февралѣ снѣгъ, морозъ и не цвѣты рвать, а кататься съ ледяныхъ горъ.

8-го февраля.

Узнали, что Винценгероде одержалъ побѣду близъ Калиша надъ Саксонцами.

9-го февраля.

Все еще стояли въ Конинѣ, дѣлать было нечего, и мы ходили осматривать развалины какого-то древняго замка, названія его не помнятъ, но судя по развалинамъ, онъ долженъ былъ быть великъ. Съ уцѣлѣвшей, хотя и довольно поврежденной, башни видъ открывается восхитительный.

10-го февраля.

Мы были на готовѣ идти въ Пинзернъ, но когда я зашелъ къ Емельянову за планомъ, узналъ, что дирекція перемѣнена, и назначено идти въ Ставичинъ. Я пришелъ сказать объ этомъ товарищамъ, но они долго думали, что я шучу и не хотѣли вѣрить. Мы поѣхали всѣ вмѣстѣ, на дорогѣ встрѣтили князя Волконскаго съ Толемъ и слѣдовали за ними.

11-го февраля.

Пришли въ Калишъ и, сколько ни бѣгали за комендантомъ, сколько ни упрашивали, не могли добиться хорошихъ квартиръ. Должны были удовольствоваться самыми посредственными, хотя и знали, что долго придется въ нихъ жить. Вашутинъ и Вишняковъ предложили мнѣ сдѣлать складчину, чтобъ держать вмѣстѣ столъ, я на это съ удовольствіемъ согласился, и мы еще болѣе подружились и все время жили въ ладу. Постараюсь ихъ описать тебѣ, чтобъ ты знала моихъ товарищей, любезная сестра. Вашутинъ очень тихъ, разсчетливъ, серьезенъ, любитъ заниматься, вообще его характеръ очень сходенъ съ моимъ; Вишняковъ, напротивъ, свѣтскій человѣкъ, никого не боится, говоритъ чтò думаетъ, веселый, серьезная мысль никогда и въ голову не приходитъ, но такъ добръ и милъ, что я и самъ съ нимъ избаловался, и одинъ день, когда нечего было дѣлать, все время повѣсничали и проказничали. Калишъ довольно хорошій городъ, окрестности очаровательны, садъ и бульваръ красивы, но изъ строеній, только кадетскій корпусъ, гдѣ живетъ Императоръ, достоинъ примѣчанія.

По воскреньямъ я ходилъ въ придворную церковь и открылъ еще одну Греческую церковь, въ которой говѣлъ на первой недѣлѣ великаго поста. Эта церковь построена и содержана десятью Греческими купцами, которые живутъ въ Калишѣ; она нравится мнѣ своей простотой и тѣмъ, что она какъ будто въ забвеніи, посреди католиковъ; священникъ, почтенный, доб

рый старичекъ, служитъ одинъ. Греки, которыхъ обыкновенно нельзя отличить отъ другихъ Поляковъ, тихо собираются въ этой церкви по праздникамъ и воскресеньямъ, и каждый что нибудь приноситъ, кто свѣчи, кто книги, вино и просфоры, и поютъ и читаютъ сами. Маленькое это общество православныхъ, посреди народа другаго исповѣданія, совершающее собственное богослуженіе, напоминаетъ мнѣ собраніе древнихъ христіанъ.

На масляницѣ у насъ было много праздниковъ, но я не былъ ни на одномъ.

На первой недѣлѣ всѣ веселія прекратились: Императоръ говѣлъ, и Поляки удивлялись его набожности. Вспоминая, какъ Наполеонъ и его генералы были безбожны, они поняли, что Богъ явилъ Свое милосердіе надъ Русскими, а каралъ Французовъ, невѣрующихъ и поносившихъ святое Его Имя.

Въ первое воскресенье поста, Государь поѣхалъ въ Бреславль видѣться съ Прусскимъ королемъ, пробылъ тамъ пять дней и возвратился въ армію.

Въ это время изъ Петербурга пріѣхали двѣ княжны Волконскія и г-жа Солданъ, племянница фельдмаршала. Калишъ не походилъ на главную квартиру, а скорѣе на маленькую резиденцію, гдѣ всѣ жили очень пріятно и весело. Въ Калишѣ мы праздновали взятіе Гамбурга.

21-го марта.

Былъ славный парадъ и большой праздникъ для пріѣзда Короля Прусскаго, который пробылъ съ нами три дня. Лейбъ-гусарскій полкъ присоединился къ арміи, и братъ (*) пробылъ у меня двое сутокъ.

26-го марта.

Мы выступили въ походъ. Въ Калишѣ со мной случилось большое несчастіе, по моему нерадѣнію, или скорѣе, отъ несчастной звѣзды моей. Ты вѣрно догадалась, что я хочу сказать, что потерялъ деньги.

Это такъ меня поразило, что нѣсколько дней я не могъ придти въ себя, однако имѣлъ присутствіе духа скрыть это отъ всѣхъ, объявилъ только горе свое моимъ друзьямъ и товарищамъ Вашутину и Вишнякову.

Изъ разныхъ способовъ, которые представлялись мнѣ возмѣстить мою потерю, я выбралъ самый вѣрный: во всемъ признаться батюшкѣ и, хотя мнѣ это и очень тяжело, просить его убѣдительно о помощи. Отвѣта еще я не получалъ и не могу описать тебѣ невыразимыхъ моихъ мученій. Боюсь, что огорчилъ батюшку, сдѣлалъ ему большой убытокъ и потерялъ хорошее мнѣніе, которое онъ имѣлъ обо мнѣ. Къ облегченію моего горя, я имѣлъ счастье получить Владиміра 4-ой степени и поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ батюшку, чтобъ радостью ослабить горе, которое я ему причинилъ. Брату я тоже ничего не говорилъ о моей потерѣ. Ему нужны были деньги, и я далъ ему сколько могъ, но съ тѣхъ поръ сталъ такъ скупъ, что во всемъ себѣ отказываю. Товарищи мои, даже люди мои, меня за это бранили, я же нимало этого не стыжусь и буду продолжать свою экономію, пока не наверстаю убытокъ батюшки.

Вотъ, любезная сестра, мои похожденія; журналъ мнѣ надоѣлъ, но обѣщаю тебѣ писать письма всякій разъ, что́ буду имѣть время. Это, надѣюсь, будетъ веселѣе и для тебя и для меня.

20-го апрѣля.

Герингсвальдъ въ Саксоніи.

26-го марта мы выступили изъ Калиша. Погода была чудная. Мы всѣ вмѣстѣ ѣхали верхомъ за княземъ Волконскимъ и Толемъ; но ихъ лошади были такъ хороши и бѣжали такъ скоро, что мы не могли за ними

(*) Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, впослѣдствіи атаманъ Донскаго войска.

поспѣть и пристали къ генералу Селавину, ѣхавшему шагомъ и забавлявшему насъ разсказами о путешествіяхъ, которыхъ онъ, на своемъ вѣку, сдѣлалъ много. Этотъ Селавинъ исправлялъ должность дежурнаго генерала; онъ былъ очень добръ и исполнялъ свои обязанности съ большой точностью, но былъ такой страшный трусъ, что мнѣ никогда и нигдѣ не случалось видѣть ничего подобнаго. Особенно онъ боится лошадей, но какъ всѣ обыкновенно переѣзжаютъ верхомъ, то и онъ принужденъ ѣхать со всѣми, но ѣдетъ такъ тихо, что у насъ недостало бы терпѣнія, ежели бы не интересные его разсказы. Онъ такъ слабо держитъ поводъ, что лошадь не чувствуетъ, есть ли на ней сѣдокъ и съ нимъ вмѣстѣ ложится на землю и отдыхаетъ, посреди дороги, а онъ не смѣетъ заставить ее встать, ударивъ шпорами. Къ вечеру мы пріѣхали въ Рожково. Вишняковъ—адъютантъ Селавина, и потому получилъ порядочную квартиру. Мы всѣ трое расположились въ ней, но погода была чудная, и мы почти всю ночь провели на дворѣ. 27-го опять пустились въ дорогу и поѣхали опять съ Селавинымъ, чтобъ слушать его разсказы и забавляться различными его приключеніями съ лошадью. Въ полдень прибыли въ Кроточинъ. Жители намъ обрадовались и вечеромъ иллюминовали городъ. Императоръ взошелъ въ него въ тріумфальные ворота, нарочно для него устроенные, и громкое ура раздавалось цѣлый день. Наша квартира была противъ самой гауптвахты, и музыка играла до самой поздней ночи. Гуляя я встрѣтилъ двухъ княженъ Волконскихъ, подъ руку съ какимъ-то военнымъ; я поклонился имъ и хотѣлъ посторониться, чтобъ дать мѣсто дамамъ и зацѣпилъ шпагою за ихъ кавалера, котораго совсѣмъ не узналъ; онъ отвелъ мою шпагу и поклонился мнѣ рукой. Представь себѣ мое замѣшательство, когда я увидѣлъ въ немъ Императора. Я пишу тебѣ это за тѣмъ, чтобъ ты видѣла, какъ просто живетъ Государь, и какъ совсѣмъ не надо чиниться, когда встрѣтишься съ нимъ. 23-го я получилъ приказъ состоять при генералѣ, чему, сказать откровенно, очень радъ. Въ 10 часовъ мы выѣхали. Въ этотъ день мы должны были вступить въ Силезію. На границѣ намъ была сдѣлана славная встрѣча. Дорога на версту покрывалась народомъ съ обѣихъ сторонъ. Всѣ желали видѣть любимаго нашего Монарха; молодыя дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ, въ вѣнкахъ, бросали передъ нимъ гирлянды и цвѣты; молодые люди стрѣляли изъ ружей, музыка играла, и восторженные виватъ не умолкали. Ожидая князя Волконскаго, Толь разговаривалъ съ добрыми Пруссаками, а когда онъ пріѣхалъ, мы вступили въ Силезію. Вся дорога до Милича была усыпана жителями, принимавшими насъ съ радостными восклицаніями. Въ полмилѣ отъ города Государь догналъ насъ, и вмѣстѣ съ нимъ мы въѣхали въ Миличь съ большой церемоніей. Намъ отведена была квартира у одного Прусскаго офицера, который, отъ радости, не зналъ какъ угостить насъ, и безпрестанно т. е. всякіе полчаса, подавалъ кушанья, разные напитки и дорогія вина. Императоръ стоялъ въ богатомъ замкѣ одного вельможи, который нѣкогда былъ посланникомъ въ Россіи. Вечеромъ садъ, примыкающій къ замку, былъ великолѣпно иллюминованъ, и мы долго гуляли и любовались иллюминацией. 30-го марта въ Воскресенье устроили церковь въ замкѣ, я былъ у обѣдни; между тѣмъ князь и Толь уѣхали, и я поспѣшилъ догнать ихъ. На половинѣ дороги мы остановились у Коновницина, угостившаго насъ прекраснымъ обѣдомъ, послѣ котораго тотчасъ же мы опять пустились въ дорогу. Князь, узнавъ, что въ лѣсу, чрезъ который мы долж-

ны были проѣзжать, множество дикихъ козъ и зайцевъ, пожелалъ поохотиться и просилъ Дурнова и меня поѣхать впередъ — взглянуть, въ самомъ ли дѣлѣ много дичи. Только что мы въѣхали въ лѣсъ, встрѣтили трехъ козъ и поспѣшили объявить это князю. Онъ поскакалъ въ лѣсъ, стрѣлялъ нѣсколько разъ, но ничего не убилъ. Пріѣхали въ Ташенбургъ и очень обрадовались, узнавъ, что назначенъ отдыхъ, потому что лошади изнемогали отъ усталости послѣ неудачной охоты. Товарищи мои ожидали меня съ нетерпѣніемъ, потому что никакъ не могли растолковать Нѣмцамъ, чего желали и слѣдоват. голодали. 31-го пересматривалъ съ Емельяновымъ карты и планы все утро, а вечеромъ ходилъ къ Воейкову; его кирасиры расположились въ одной верстѣ отъ насъ.

6-го мая.
Рейхенбахъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я писалъ тебѣ, любезная сестра, что̀ мы дѣлали до 1-го апрѣля; слушай продолженіе. У Воейкова мы разговаривали о Петербургѣ и Москвѣ; онъ давно не получалъ писемъ и былъ грустенъ. У него я видѣлъ Тимирязева и познакомился съ Ротомъ, кирасирскимъ капитаномъ. Послѣ завтрака я поѣхалъ въ Винцигъ, нашелъ тамъ корпуснаго моего товарища Лопухина, служащаго въ Измайловскомъ полку. Съ нимъ вмѣстѣ я пошелъ смотрѣть на великолѣпную встрѣчу, приготовленную нашему Императору. Но я не буду болѣе описывать тебѣ эти встрѣчи, потому что онѣ почти одинакія въ каждомъ маленькомъ городкѣ: молодыя дѣвицы бросающія цвѣты, ружейные выстрѣлы, крики ура, тріумфальные ворота, украшенные гирляндами и, посреди ихъ, пасторъ останавливаетъ Императора торжественной рѣчью, которую онъ повидимому слушаетъ очень внимательно. Вотъ что̀ повторяется всякій день и уже надоѣло своей однообразностью. Одинъ разъ только была маленькая перемѣна. За нѣсколько миль отъ Милича, насъ встрѣтила толпа мальчиковъ отъ 6 до 10 лѣтъ, подъ предводительствомъ старшаго мальчика, лѣтъ 12, держащихъ каждый зеленую вѣтку съ пестрымъ бантомъ и кричащихъ изъ всѣхъ силъ: Ура Александру. Мнѣ это очень понравилось, и какъ это случилось въ самое вербное воскресенье (по Лютеранскому году) то напоминало мнѣ Осанна въ Іерусалимѣ при входѣ Спасителя.

Теперь въ маломъ видѣ почти такія же обстоятельства. Господь пришелъ спасти міръ отъ ига дьявола, нашъ Монархъ приходитъ спасти Европу отъ ига послѣдователя демона. 2-го мы продолжали нашъ путь, и какъ въ этотъ же день, мы должны были переходить Одеръ, узнали, что король Прусскій насъ тамъ ожидаетъ, поэтому я не отставалъ отъ князя и Толя, и за нѣсколько верстъ до Одера Императоръ присоединился къ намъ. На мосту, по которому мы должны были проходить, насъ встрѣтилъ Прусскій король съ двумя сыновьями, очень красивыми молодыми людьми. Императоръ остановился, поговорилъ съ королемъ и принцами и поѣхалъ далѣе. Мы прошли мостъ при крикахъ ура и пушечныхъ выстрѣлахъ и остановились въ Штейнау, гдѣ видѣли Прусскую гвардію. Она показалась намъ очень красивою и отлично одѣтою. Хозяинъ нашей квартиры принялъ насъ очень радушно и весь день не переставалъ угощать насъ разными яствами и напитками.

3-го мы отправились въ Любенъ. Погода была прекрасная, и мы ѣхали тихо, чтобъ наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ, представлявшимся намъ со всѣхъ сторонъ. Силезія, въ которой мы теперь находимся, очень живописна: на всякомъ шагу величе-

ственныя горы, красивыя деревеньки изъ выбѣленныхъ домиковъ, съ возвышающимися колокольнями, поля и лѣса покрывающіеся молодой зеленью, и запахъ фіалокъ, которыми они усыпаны, все восхищало насъ, привыкшихъ видѣть у себя еще снѣгъ въ это время. Въ Любенѣ мы расположились въ довольно порядочной квартирѣ и вечеромъ отправились въ театръ. Можешь представить себѣ, какъ онъ хорошъ въ такомъ маленькомъ городкѣ. Одни актеры вовсе не знали роли и говорили безъ умолку, что̀ приходило имъ въ голову; другіе кашляли все время, что̀ имъ слѣдовало говорить; жара была нестерпимая, и я предпочелъ прогулку и пошелъ къ дому занимаемому Императоромъ, предъ которымъ цѣлый вечеръ играла музыка. 4-го мы поѣхали въ Гейнау. Генералъ Канкринъ обратилъ наше вниманіе на великолѣпное зрѣлище, открывающееся передъ нами съ лѣвой стороны дороги: вершины величественныхъ горъ Силезіи, покрытыя снѣгомъ, блистали отъ лучей солнца; красивые лѣсочки, хорошенькій городокъ Гейнау, и позади его на высокой горѣ между свѣжей зелени, древній замокъ, или лучше развалины его съ нѣсколькими уцѣлѣвшими башнями. Въ Гейнау былъ отдыхъ, но къ несчастью хозяинъ нашъ былъ скупъ и непріятенъ, и чтобы получить отъ него, что намъ было необходимо, намъ стоило многихъ хлопотъ, не смотря на деньги, которыя мы давали ему не скупясь. Въ Гейнау мнѣ показывали какъ рѣдкость, церковь, построенную въ XIV вѣкѣ и замѣчательную готической архитектурой и вышиной колокольни. Я взлѣзалъ на нее нѣсколько разъ, чтобъ любоваться прекрасными видами и встрѣтилъ на самой вышинѣ двухъ княженъ Волконскихъ, восхищающихся тоже великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое я уже описалъ тебѣ; только съ колокольни, онъ еще лучше. Вечеромъ я пошелъ въ походную церковь, которую только что устроили, потому что завтра Вербное Воскресенье, и Императора ждали ко всенощной. Прекрасно было видѣть церковь, когда Государь, вся его свита и всѣ присутствующіе держали въ рукахъ вербы, уже совершенно зеленыя, съ зажжеными свѣчами. Великолѣпіе службы, величіе мѣста, прелесть пѣнія придворныхъ пѣвчихъ, восхитили добрыхъ Нѣмцевъ, пришедшихъ посмотрѣть церемонію; да я и самъ никогда, кажется, не чувствовалъ такъ глубоко всю красоту нашей религіи, которая, даже внѣшними формами, умѣетъ трогать сердца и, какъ говорится, хватать за душу.

6-го. Мы получили приказъ выступать, но какъ Императоръ остался, чтобъ быть у обѣдни, то я тоже остался помолиться, уговорилъ даже товарищей. Въ ожиданіи Государя, мы разговаривали съ г-жей Солданъ и любовались на проходившихъ кирасировъ. Императоръ долго не приходилъ, товарищи мои потеряли терпѣніе и уѣхали. Послѣ обѣда я поскакалъ въ Бюнцлау. Погода была прескверная, и я очень торопился; вообрази мое удивленіе, когда при въѣздѣ въ Бюнцлау, Толь и товарищи мои догнали меня. Они останавливались на половинѣ дороги, чтобъ видѣть колонію Гернгутеровъ, и я очень сожалѣлъ, что и самъ не остановился тамъ, потому что давно уже желалъ видѣть эту секту, но не зналъ, что она у насъ на дорогѣ. По пріѣздѣ въ Бюнцлау, погода, которая прояснилась было, опять испортилась къ пріѣзду Императора и фельдмаршала. Поднялся вѣтеръ, дождь, градъ и снѣгъ, все шло вмѣстѣ и, казалось, предсказывало намъ несчастіе, которое должно было случиться въ этомъ городѣ. Мы печально сидѣли въ своей горенкѣ; вѣтеръ, дождь и градъ стучали въ стекла; Шрамъ и Ловейка пришли насъ извѣстить и разсказали

намъ, что только что видѣли представленіе Страстей Господнихъ. Мы полюбопытствовали тоже посмотрѣть, и мнѣ довольно понравилось. Машины были устроены просто, но представляли вѣрно всѣ замѣчательнѣйшія черты.

7-го назначенъ былъ походъ, когда мы получили извѣстіе, что фельдмаршалъ захворалъ. Князь Волконскій и Толь остались, а намъ приказано было выступать. Передъ отъѣздомъ, Вашутинъ и я пошли къ обѣднѣ, потому что сегодня начинается страстная недѣля. Прямо изъ церкви пустились въ путь, прошли границы Силезіи, вступили въ Саксонію и остановились въ маленькомъ городкѣ Лобанѣ. Саксонцы встрѣтили насъ съ такою же радостью, какъ и Пруссаки и, не смотря на то, что король ихъ еще нашъ непріятель, народъ насъ любитъ и гораздо болѣе желалъ бы сражаться за насъ, чѣмъ за Французовъ, зная, что свобода ихъ отъ того зависитъ. Чтобъ доказать свою радость нашему Императору, они вздумали, кромѣ народной встрѣчи, поставить на башню множество музыкантовъ, которые играли, какъ могли громче, и музыка эта раздавалась по всему городу. Хозяинъ нашей квартиры такъ былъ радъ, что не только самъ напился пьянъ, но и напоилъ всю свою многочисленную семью, и всѣ они пѣли, безпрестанно перебивая свои пѣсни, громкими криками: ура Александру! плясали и шумѣли, такъ что мы заперлись въ крошечную комнатку, оставя ихъ на просторѣ радоваться приходу Русскихъ.—8-е устроили походную церковь, и я пошелъ къ обѣднѣ. Въ ожиданіи Императора, разговаривалъ съ г-жей Солданъ. За службой я стоялъ очень близко отъ Государя и не могъ довольно надивиться его набожности и усердію въ молитвѣ. Нѣмцы, которые наполняли церковь, не вѣрили своимъ глазамъ, видя такого великаго монарха, такъ смиренно повергающагося передъ Всевышнимъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „О ежели бы чудовище Наполеонъ „былъ такъ богомоленъ, какъ вашъ „Императоръ, я увѣренъ, что онъ те„перь обладалъ бы Россіей!"

Я посмѣялся надъ странной этой идеей. Послѣ обѣдни Императоръ вышелъ изъ церкви, и весь народъ бросился на лѣстницу, по которой онъ долженъ былъ сходить, такъ что онъ съ трудомъ могъ пройдти, а г-жа Солданъ попала въ самую толпу и закричала мнѣ; я поспѣшилъ къ ней на помощь и, послѣ долгихъ усилій, благополучно привелъ ее домой. Послѣ обѣдни мы поѣхали въ Рейхенбахъ. Я слѣдовалъ за Императоромъ, желая видѣть, какъ его встрѣтятъ въ Герлицѣ, чрезъ который мы должны были проѣзжать. Встрѣча была великолѣпна, и хотя онѣ всегда и вездѣ почти однѣ и тѣ же, но какъ городъ большой, то и стеченіе народа было велико. Императоръ остановился въ городской думѣ, вышелъ на балконъ и оттуда благодарилъ народъ, потомъ поѣхалъ далѣе. Я не могъ слѣдовать за нимъ, потому что лошадь моя очень устала, и я поѣхалъ одинъ потихоньку. Городъ Герлицъ великъ и очень хорошо выстроенъ, и я удивлялся, почему главная квартира не была тамъ назначена. Мнѣ кажется, что ей тамъ было бы гораздо удобнѣе, чѣмъ въ Рейхенбахѣ, гдѣ не нашлось ни одного дома, годнаго для Государя, и онъ занялъ, за полмили отъ городка, домъ одного помѣщика, а мы помѣстились въ маленькомъ домикѣ одного добраго человѣка, который насъ угощалъ очень радушно, но все скоромнымъ, такъ что я, желая поститься на страстной недѣлѣ, ничего не ѣлъ.—9-е мы пробыли въ Рейхенбахѣ. Государь очень рано поѣхалъ въ Гернгутъ за милю отсюда, посмотрѣть на извѣстную секту, которая получила отъ города свое названіе. Государь возвратился въ началѣ 12 часа, и я не преминулъ пой-

ти въ домъ, гдѣ онъ квартировалъ, къ обѣднѣ; но весьма раскаялся, что пошелъ, во-первыхъ потому, что очень усталъ прошедъ пѣшкомъ, во-вторыхъ потому что церковь была устроена подлѣ царскаго кабинета и хотя всѣхъ пускали въ нее, но тамъ было только нѣсколько генераловъ, и я былъ между ними весьма некстати. Мнѣ кажется, что даже Государь замѣтилъ, что я былъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; однако я отстоялъ всю обѣдню и возвратился домой въ совершенномъ изнеможеніи. Князь Волконскій и Толь пріѣхали изъ Бауцена и сказали намъ, что фельдмаршалъ отчаянно боленъ. Извѣстіе это опечалило насъ и всю армію. 10-го мы пошли въ Бауценъ. Мнѣ ужасно хотѣлось быть у обѣдни, но, вспоминая вчерашнюю, я не рѣшился идти къ церковь и поѣхалъ съ Вашутинымъ. Въ полдень мы уже были въ Бауценѣ, на хорошенькой квартирѣ у добраго хозяина, который угостилъ насъ очень порядочно и удивилъ тѣмъ, что говорилъ по-русски, чему выучился въ Петербургѣ. Бауценъ изрядный городокъ, выстроенный въ древнемъ вкусѣ. Магазиновъ и лавокъ довольно много. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. 11-го страстная пятница; мнѣ очень хотѣлось быть у заутрени, зная, что Государь долженъ былъ присутствовать, и я бѣгалъ по всему городу, стараясь узнать, гдѣ будетъ поставлена церковь. Она была устроена въ самомъ дворцѣ, и я отправился туда, но не посмѣлъ взойти, увидавъ въ полуотворенную дверь, что тамъ только Государь, даже очень немного генераловъ. Печально я побрелъ домой и поѣхалъ съ товарищами въ Рейхсбергъ. 12-го мы должны были взойти въ Дрезденъ. Въ полномъ парадѣ мы пошли къ князю, но въ ту самую минуту, какъ мы собирались выступить, я увидалъ Императора, идущаго въ церковь и никакъ не могъ удержаться, чтобъ не попытаться идти за нимъ, и на этотъ разъ мнѣ удалось хорошо отслушать обѣдню великой субботы. Князя я догналъ послѣ службы подъ самымъ Дрезденомъ, но завтра я разскажу тебѣ о нашемъ входѣ; сегодня прощай, усталъ и спать хочется.

Рейхсбергъ 7-го мая.

Я оставилъ тебя у воротъ Дрездена, любезная сестра, вотъ тебѣ продолженіе. Пріѣхавъ къ воротамъ города, мы нашли уже тамъ гауптвахту и 3-й корпусъ гренадеровъ, ожидающихъ насъ. Князь выстроилъ ихъ по дорогѣ; но, зная, что Императоръ пріѣдетъ только черезъ два часа, я поѣхалъ въ городъ, и мы за нимъ. Наша квартира была въ гостинницѣ Берлинъ, на лучшей площади, и не только наша комната, но даже и обѣдъ былъ порядочный. Не было только помѣщенія нашимъ лошадямъ; я взялся отыскать имъ конюшню, но не могъ заняться этимъ тотчасъ же, потому что князь поѣхалъ на встрѣчу Императору, и мы должны были слѣдовать за нимъ. Князь объѣхалъ всѣ войска и остановился во главѣ ихъ, ожидать Государя. Видъ этого побѣдоноснаго войска, разставленнаго больше чѣмъ на версту, по дорогѣ, въ самомъ дѣлѣ былъ достоинъ такого великаго Монарха, какъ нашъ. Толпа народа вышла къ воротамъ и была такъ велика, что съ трудомъ могли сберечь маленькое мѣстечко для Императора, и насъ князь отослалъ, чтобъ мы не затрудняли еще прохода, такъ какъ насъ было много. Императоръ скоро пріѣхалъ, сдѣлалъ смотръ войскамъ и съ тріумфомъ въѣхалъ въ городъ, при звукахъ музыки, звонѣ колоколовъ, пушечныхъ выстрѣлахъ и радостныхъ крикахъ публики. Посреди города, на большой площади (Неймарктъ), гдѣ была наша квартира, Государь сталъ совсѣмъ противъ нашихъ оконъ, войска проходили мимо него парадомъ, что продолжалось около двухъ часовъ. Послѣ парада Императоръ поѣхалъ на свою квартиру, но народъ не далъ ему

покоя восторженными своими криками. Ура и виватъ раздавались вокругъ дворца и заставляли Государя по нѣскольку разъ выходить на балконъ, или показываться у окна. Послѣ парада я искалъ по всему городу помѣщенія для нашихъ лошадей и, послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, нашелъ хорошій сарай въ томъ же домѣ, гдѣ квартировали, но который нашъ хозяинъ тщательно со всѣхъ сторонъ закрылъ, сберегая его для путешественниковъ, которые могли бы у него остановиться. Устроивъ нашихъ лошадей, я поспѣшилъ отдохнуть, чтобъ быть бодрымъ и свѣжимъ у заутрени (ты помнишь вѣдь, что я описываю тебѣ 12-го апрѣля, слѣдовательно завтра Свѣтлое Воскресенье 13-го). Ровно въ 12 часовъ, Емельяновъ, Селавинъ, нѣсколько офицеровъ и я были во дворцѣ. Служба началась и, когда кончилась заутреня, мы всѣ пошли поздравить Его Величество, и онъ каждаго изъ насъ поцѣловалъ три раза. Послѣ христосованья началась обѣдня. Изъ церкви мы пошли поздравить князя. Въ 10 часовъ утра былъ опять парадъ, по случаю прихода кирасировъ и гвардейскихъ гусаровъ. Государь поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, и они прошли мимо него церемоньяльнымъ маршемъ по нашей площади. Остальную часть дня я провелъ съ знакомыми, которыхъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. Братъ тоже пришелъ и провелъ со мной два дня, также Чаплинъ и Молоствовъ, старинный, пансіонскій мой товарищъ. Въ Дрезденѣ мы пробыли только три дня, и все время прошло въ праздникахъ и иллюминаціяхъ. Два раза я былъ въ театрѣ, вообще всѣ три дня были только балы, спектакли и всякаго рода увеселенія, и мы очень удивились, когда среди этихъ веселостей мы получили, во вторникъ вечеромъ, приказъ выступать на слѣдующій день. Всѣ бросились къ своимъ полкамъ, и братъ, который былъ у меня, не зналъ, какъ ему доѣхать до своего полка; я долженъ былъ предложить ему моихъ лошадей, хотя и зналъ, что вернувшись въ ночь, онѣ очень устанутъ. Къ счастью мнѣ приказали остаться на нѣсколько дней, для полученія денегъ коммиссіи, и Емельяновъ, остававшійся съ багажемъ, желалъ, чтобъ я былъ при немъ. Однако я скоро его оставилъ, потому что коммиссія тоже уѣхала. Я выѣхалъ изъ Дрездена въ пятницу утромъ. Забылъ сказать, что намъ запретили брать съ собой экипажи, но мы понадѣялись, что ежели они поѣдутъ сзади и нѣсколько времени послѣ насъ, никто ихъ не замѣтитъ, и велѣли имъ ѣхать.

14 мая 1813 г.

18-го апрѣля я поѣхалъ изъ Дрездена въ моей каретѣ догонять армію и надѣялся застать и коммиссію, чтобъ получить деньги. Въ Вальдгеймѣ я ночевалъ и нашелъ тамъ карету Вашутина и письмо отъ него. Онъ писалъ, что имѣть съ собой каретъ невозможно, и что они отсылаютъ свои въ Дрезденъ; я принужденъ былъ отослать туда же и мою, а самъ поѣхалъ съ Гернгроссомъ въ почтовой каретѣ. 19-го я засталъ коммиссію въ Рахлицѣ, и какъ она отправлялась въ Герингсвальдъ, принужденъ былъ вернуться туда же и по обыкновенію добивался денегъ два дня, когда могъ получить ихъ въ два часа. Мнѣ было ужасно скучно, особенно когда я услышалъ сильную пушечную пальбу и узналъ, что 20-го было большое сраженіе подъ Люценомъ, а я не могъ принимать въ немъ участія. Тутъ же я получилъ извѣстіе, что мы лишились фельдмаршала, умершаго въ Бюнцлау, и эта грустная новость еще увеличила мою тоску. Одно утѣшеніе писать тебѣ, любезная сестра, и надѣюсь, что ты довольна мною. Наконецъ, 21-го утромъ, я окончилъ дѣла съ коммиссіей, съ большимъ удовольствіемъ покинулъ Герингсвальдъ и возвратился въ армію, сильно боясь потерять по-

лученныя мною сорокъ тысячъ. Проѣхавъ Рахлицъ, я встрѣтилъ Бровкова, верхомъ передъ каретой, окруженной нѣсколькими нашими офицерами. Первая моя мысль была, что въ каретѣ Толь раненный, но Бровковъ успокоилъ меня, сказавъ, что Толь не раненъ, но что у него лихорадка и что онъ ѣдетъ въ Дрезденъ лечиться, а я опять вернулся въ Рахлицъ, гдѣ Толь остановился отдыхать. Принявъ отъ меня отчетъ въ данномъ мнѣ имъ порученіи, генералъ сначала приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Дрезденъ, но раздумалъ и послалъ меня въ армію роздать тамъ деньги, которыя я получилъ. Въ Рахлицѣ товарищи разсказали мнѣ вчерашнее дѣло. Оно кончилось безъ урона съ нашей стороны, но, не смотря на то, армія наша отступаетъ, и никто изъ нихъ не знаетъ тому причины. Когда Толь уѣхалъ, я отправился тоже, не зная совершенно, гдѣ найду главную квартиру. Въ Геллыгау нашелъ нашъ обозъ со множествомъ солдатъ, и думая, что главная квартира не замедлитъ придти, остался ночевать. 22-го утромъ мимо насъ все шло войско, и я узналъ, что главная квартира въ Рахлицѣ; опять я вернулся, но не нашелъ никого; мнѣ сказали, что она въ Пенигѣ, за милю оттуда и, не теряя ни минуты, я отправился въ Пенигъ. На дорогѣ встрѣтились мнѣ товарищи и сказали, что Императоръ и князь Волконскій уѣхали въ Дрезденъ на почтовыхъ, что князь Витгенштейнъ сдѣланъ главнокомандующимъ, и что во время болѣзни Толя, Гартингъ исправляетъ его должность, и что они ѣдутъ въ Рахлицъ, куда будетъ главная квартира. Опять я поѣхалъ назадъ съ ними въ Рахлицъ, гдѣ было много затрудненій и безпорядковъ въ квартирахъ; я нашелъ себѣ порядочную и расположился въ ней съ Лукашевскимъ и Муравьевымъ, только что пріѣхавшими изъ Петербурга. Вашутинъ и Вишняковъ были въ Дрезденѣ при князѣ. Явившись къ Гартингу, я поспѣшилъ раздавать деньги всѣмъ, кого могъ найдти. 23-го мы опять начали ретироваться и пришли въ Герсдорфъ, гдѣ ночевали. Дорогой я встрѣтилъ брата, который сказалъ мнѣ, что въ послѣднемъ дѣлѣ былъ раненъ, слава Богу, легко. Вечеромъ Гартингъ далъ мнѣ писать нѣсколько бумагъ, желая оставить меня при себѣ, но я не могъ исполнить его желанія, имѣя порученіе отъ Толя; написалъ ему бумаги, роздалъ офицерамъ почти всѣ деньги и поспѣшилъ къ Толю въ Дрезденъ, гдѣ онъ приказалъ мнѣ остаться. Вашутинъ и Вишняковъ мнѣ очень обрадовались; они думали, что я раненъ или убитъ, потому что давно меня не видали и ничего про меня не слыхали.

Прощай, любезная сестра; товарищи пришли и мѣшаютъ мнѣ писать.

Деревня Гределицъ въ Силезіи.
20 мая 1813 г.

24-го Апрѣля я остался при Толѣ въ Дрезденѣ; мнѣ было скучно, потому что нечего было дѣлать, но я радъ былъ быть съ добрымъ моимъ генераломъ, и утѣшалъ себя мыслью, что когда Толь только выздоровѣетъ, то при немъ всегда будетъ много работы. 25-го вечеромъ получили приказъ ѣхать въ Бишофсверду, и я отправился съ Вашутинымъ и Вишняковымъ. Печально выѣхали мы изъ города и, проѣзжая мостъ, вспомнили, съ какимъ тріумфомъ, такъ еще недавно, вступали въ него; теперь темнота ночи, родъ таинственности, окружающій отступленіе нашихъ войскъ, безпорядокъ обоза, прискорбіе и уныніе во всѣхъ сердцахъ и на всѣхъ лицахъ, дѣлали наше путешествіе очень печальнымъ. Всю ночь мы проѣхали и съ разсвѣтомъ прибыли въ Бишофсверду. Послѣ отдыха, мы всѣ собрались пить чай, какъ пришелъ Аполлонъ Ивановичъ Козловъ; я ему очень обрадовался, а также и извѣстіямъ о всѣхъ васъ. 27-го получили приказъ

идти въ Пильницъ. Весь день мы слышали пушечные выстрѣлы; князь Волнконскій и Толь, несмотря на болѣзнь, поѣхали туда и вечеромъ когда возвратились, сказали намъ, что непріятель перешелъ Ельбу. Это извѣстіе заставило насъ еще скорѣе отступать. 28-го утромъ мы пошли въ Бауценъ, гдѣ были только къ вечеру и остановились на прежнихъ своихъ квартирахъ, но теперь не было болѣе празднествъ и иллюминацій; грусть и печаль встрѣтили насъ въ городѣ, всѣ почитали насъ совершенно разбитыми, а мы и сами не знали, чему приписать поспѣшную нашу ретираду. Все 29-е мы провели въ Бауценѣ, а 30-е утромъ Толь поѣхалъ выбирать позицію; я хотѣлъ ѣхать съ нимъ, но онъ приказалъ мнѣ отправляться въ Вюршенъ занять помѣщеніе для главной квартиры и для него самаго.

Вюршенъ, маленькая деревенька, за позиціею, которую мы выбрали. Я нашелъ довольно хорошую квартиру для Толя, а мы всѣ помѣстились въ сараѣ, хотя и должны были оставаться около пяти дней. Найдти чего нибудь съѣстнаго не было никакой возможности, мы должны были довольствоваться тѣмъ, что̀ привезли съ собой. Толь всякій день ѣздилъ на позицію и опять захворалъ, что̀ заставило его опять возвратиться въ Рейхенбахъ. Онъ взялъ меня съ собой.

21-го мая 1813 г.

Въ Рейхенбахъ мы пріѣхали 5-го мая и расположились въ старыхъ своихъ квартирахъ. Мнѣ было ни весело, ни скучно. Я писалъ, читалъ, гулялъ, часто ходилъ къ генералу, здоровье котораго поправлялось. Онъ обѣщалъ какъ скоро узнаемъ, что назначено будетъ сраженіе, мы поѣдемъ въ армію. 6-го я ѣздилъ въ Герлицъ и провелъ тамъ цѣлый день съ Аполлономъ Ив. Козловымъ, 8-го опять поѣхалъ въ Герлицъ съ Вишняковымъ, который за мной заѣхалъ, чтобъ сдѣлать кое-какія покупки. Онъ разсказалъ мнѣ, что Барклай одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, взялъ въ плѣнъ три тысячи человѣкъ и нѣсколько пушекъ. Вечеромъ мы услыхали сильную канонаду и, думая, что непріятель напалъ на нашу позицію, очень торопились вернуться въ Рейхенбахъ, боясь не застать тамъ Толя; но къ счастью нашли его только собирающимся, въ надеждѣ, что завтра будетъ сраженіе. На слѣдующее утро мы услышали частые пушечные выстрѣлы и поѣхали съ Толемъ въ Вюршенъ. Тамъ все уже было въ волненіи; князь уѣхалъ на поле сраженія. Толь сейчасъ туда же отправился, и я за нимъ. На маленькомъ пригоркѣ стоялъ Императоръ, мы встали туда же и могли видѣть все прекрасно. Сраженіе было очень жарко, непріятель сперва аттаковалъ нашъ лѣвый флангъ, но его отбили, потомъ онъ бросился въ центръ, но также былъ отбитъ; все шло хорошо, и мы начали думать, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ. Вдругъ въ 4 часа пополудни мы узнали, что непріятель бросился на нашъ правый флангъ, и мы принуждены были ретироваться. Отступленіе сдѣлано было въ величайшемъ порядкѣ, что̀ довольно удивительно въ подобныхъ случаяхъ. Во время сраженія, Толь по обыкновенію былъ вездѣ, и я всюду за нимъ слѣдовалъ, и онъ давалъ мнѣ различныя порученія; могу сказать, что никогда еще не бывалъ въ такихъ опасностяхъ; между прочимъ мы пробыли съ полчаса на батареѣ, гдѣ ядра сыпались со всѣхъ сторонъ, каждую минуту, и много людей было убито и ранено въ нашихъ глазахъ; насъ Богъ помиловалъ. При генералѣ Толѣ новый офицеръ на ординарцахъ, Орловской. Къ вечеру, когда сраженіе кончилось, г. Толь со мной поѣхалъ на дрожкахъ въ Рейхенбахъ, куда должна была придти армія.

10-го мы встали очень рано, а г. Толь уже уѣхалъ. Вашутинъ и я поспѣши-

ли его догнать и, узнавъ, что главная квартира назначена была въ Лобанѣ, поѣхали туда; въ Герлицѣ нашли Толя отдыхающаго, и сами остановились. Пока мы съ Вашутинымъ пили чай, Толь поѣхалъ дальше; я поскакалъ за нимъ, но вообрази мое удивленіе и испугъ, когда, проѣхавъ нѣсколько верстъ, я увидѣлъ его лежащаго на травѣ, и узналъ отъ Бровкова, что онъ упалъ съ дрожекъ, которыя чрезъ него переѣхали. Толь очень страдалъ, мы бережно положили его въ коляску и тихонько повезли въ Лобань, гдѣ докторъ осмотрѣлъ его, скоро помогъ ему и успокоилъ насъ, сказавъ, что генералъ скоро поправится.

11-го мы поѣхали и прибыли въ Лöвенбергъ, гдѣ намъ дали прескверныя квартиры, а лошадямъ нашимъ и совсѣмъ не было мѣста. Опять мы въ Силезіи, и не знаю, куда мы теперь пойдемъ; нельзя сказать, чтобъ мы были разбиты, напротивъ всякой день ознаменованъ какой нибудь выгодой, однакоже мы все ретируемся; въ арміи безпорядокъ, Витгенштейнъ потерялъ голову, прочіе генералы сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ, всѣ хотятъ командовать, всѣ хотятъ умничать, оттого страшная сумятица; одинъ Толь, хотя онъ теперь и совсѣмъ почти здоровъ, ни во что не входитъ, и мнѣ кажется онъ отлично дѣлаетъ. Говорятъ, Барклай де Толли будетъ сдѣланъ главнокомандующимъ.

23-го мая 1813 г.

12-го мая мы должны были выступить изъ Лöвенберга. Генералъ, почти совершенно здоровый, хотѣлъ ѣхать со мной на дрожкахъ; я болѣе двухъ часовъ его дожидался, наконецъ онъ объявилъ, что будетъ дожидаться гр. Витгенштейна и просилъ насъ ѣхать впередъ. Въ три часа мы были въ Голдбергѣ. Первый, кого я встрѣтилъ, былъ Емельяновъ, квартира его была у самыхъ воротъ, и я прямо пошелъ къ нему, и съ нимъ вмѣстѣ разсматривали гидравлическую машину, посредствомъ которой пропускается вода маленькой рѣчки, текущей въ самомъ городѣ, построенномъ на высокой горѣ. Потомъ я пошелъ въ свою квартиру, гдѣ уже нашелъ товарищей и Чаплина, дежурнаго офицера при Великомъ Князѣ. 13-го мая мы пошли въ Іозеръ.

Я тебѣ не говорю ничего обо всѣхъ городахъ, черезъ которые мы проходимъ, потому что описывалъ ихъ, когда мы шли въ Силезію; всѣ они на одинъ манеръ, всѣ обнесены одной или двумя стѣнами, всѣ хорошо выстроены; здѣсь каждая деревня могла бы быть у насъ порядочнымъ уѣзднымъ городомъ.

14-го мая въ Іозерѣ былъ отдыхъ; въ этотъ день раздавали награды за Люценское сраженіе: Дурновъ получилъ чинъ и Владиміра 4-й ст., Вашутинъ тотъ же крестъ, Созоновъ Анну 2-й ст. всѣ, которые были при князѣ Волконскомъ награждены, кромѣ бѣднаго Вишнякова, которому ничего не дали. Нашъ Бровковъ тоже ожидалъ награжденія и чрезвычайно осердился, что ничего не получилъ.

Мы весь день поздравляли новыхъ кавалеровъ и пировали съ ними. 13-го мая пошли въ Стригау; я ѣхалъ съ генераломъ и когда устроилъ его на квартирѣ, пошелъ въ свою и долго спорилъ съ хозяевами объ обѣдѣ, но ни къ чему не повелъ нашъ споръ: мы должны были удовольствоваться однимъ вареным картофелемъ.

16-го мая пошли въ Шведницъ, я опять поѣхалъ съ г. Толемъ, на дорогѣ встрѣтилъ брата и сказалъ ему пріятную новость, что для него есть на почтѣ деньги, чтобъ онъ пріѣзжалъ ихъ получить. Въ Шведницѣ мы скоро нашли квартиру генерала, но наша была занята, и мнѣ стоило много труда отыскать другую порядочную. Шведницъ довольно большой городъ, фортификаціи сдѣланы вокругъ всего города, и многіе полагаютъ, что мы здѣсь долго останемся.

17-го мая я имѣлъ счастье получить письмо отъ батюшки, въ которомъ онъ мнѣ прощаетъ мой проступокъ и такъ милостивъ, что обѣщаетъ заплатить за меня деньги, которыя я потерялъ. Все безпокойство мое кончилось, и я не съумѣю разсказать, какъ велика моя радость. Послѣ обѣда пріѣхалъ братъ съ Аполлономъ Ивановичемъ, и мы провели время очень весело.

19-го мая армія заняла позицію позади города, и главная квартира была переведена въ деревню Гредицъ, гдѣ, несмотря на то, что деревушка маленькая, квартиры были очень не дурны.

21-го мая вечеромъ поѣхалъ въ Рейхенбахъ, взять деньги для генерала.

22-го возвратился и узналъ, что армія уже выступила, что главная квартира Барклая де-Толли, который сдѣланъ главнокомандующимъ, еще въ Гредицѣ, но что мы не замедлимъ идти въ передъ; однако же сегодня 23-го мая, мы все въ Гредицѣ, и ничего не слышно о походѣ.

Рейхенбахъ 30-го іюня.

24-го мая получили извѣстіе, что перемиріе подписано на шесть недѣль, поэтому можно ожидать скораго мира, но желать его нельзя; можно предвидѣть, что ежели Наполеонъ и согласится на такой миръ, какъ мы хотимъ, то это будетъ только обманъ, чтобъ выиграть время, собраться съ новыми силами и нанести намъ жестокій ударъ; но не мнѣ разсуждать о политическихъ дѣлахъ; я желаю только, чтобъ война кончилась благополучно, къ умноженію славы нашего отечества.

25-го мы оставили Гредицъ, я поѣхалъ съ генераломъ и нашли въ Рейхенбахѣ хорошія квартиры. Императоръ занялъ Петерсвальдъ, прекрасный за̀мокъ на горѣ въ двухъ верстахъ отъ города. Въ Рейхенбахѣ мы будемъ ждать конца перемирія, которое назначено до 8 іюля. Мы уже здѣсь четыре дня; я гуляю, хожу къ товарищамъ, чаще всѣхъ вижу Аполлона Иван., который здѣсь живетъ; братъ пріѣзжалъ два раза на ординарцы къ Великому Князю, былъ нѣсколько разъ у меня, сегодня онъ уѣхалъ въ свой полкъ; вчера пришла сюда гвардейская резерва, и я очень обрадовался Татищеву. Вотъ тебѣ, любезная сестра, распредѣленіе должностей моихъ товарищей. Дурновъ, Перовскій и Рамбургъ, при князѣ Волконскомъ, начальникѣ главнаго штаба; у генерала Толя своя канцелярія, при которой Щербининъ, Вашутинъ, Данилевскій, Бровковъ и я, всѣ прочіе при Гартингѣ. Дѣла у насъ не было вовсе. Наша квартира была на лучшемъ мѣстѣ въ городѣ, противъ насъ квартира Барклая де-Толли, князя Волконскаго и почти всѣхъ генераловъ, такъ что очень оживлено, и еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала жена Барклая, и еще нѣсколько дамъ. Денегъ, полученныхъ изъ коммиссіи, я роздалъ уже очень много и мало объ нихъ безпокоился, какъ вдругъ замѣтилъ, что мнѣ не достаетъ тысячи пяти сотъ рублей; въ первый разъ, я думалъ, что самъ ихъ потерялъ, но теперь увѣренъ въ противномъ; не имѣя ни на кого подозрѣнія, я не желаю дѣлать скандала и никому не говорю объ этихъ деньгахъ кромѣ тебя одной, любезная сестра. Буду экономничать и надѣюсь замѣнить эту утрату своими деньгами; это возможно тѣмъ болѣе, что отчетъ потребуютъ только по окончаніи войны, но даже еслибы и потребовали, я легко могъ бы занять столько. Не забудь, что ты одна объ этомъ знаешь; воображаю, какъ ты меня бранишь и прошу снисхожденія. Въ Рейхенбахѣ мы не скучно проводимъ время, много гуляемъ по горамъ, насъ окружающимъ, но почти не стоитъ на нихъ взбираться, потому что онѣ покрыты густымъ лѣсомъ, который заслоняетъ намъ красивые виды. Иногда мы ходимъ въ колонію Гернгу-

товъ, но большую часть времени проводимъ дома съ товарищами. Столъ у насъ хорошъ, и въ изобилiи земляника и вишни. По воскресеньямъ я хожу въ Петерсвальдъ въ дворцовую церковь къ обѣднѣ. Въ Троицынъ день былъ великолѣпный праздникъ, для Измайловскаго полка. Государь присутствовалъ съ королемъ Прусскимъ. Въ половинѣ iюня Императоръ уѣхалъ въ Богемiю и пробылъ тамъ недѣлю. Говорили, что будетъ свиданiе съ Австрiйскимъ императоромъ, но оно не состоялось. По возвращенiи Государь дѣлалъ великолѣпный парадъ для Австрiйскаго посланника, но это ничего не рѣшило, и никто не знаетъ, за кого стоятъ Австрiйцы.

27 iюня Императоръ опять уѣхалъ на свиданье съ Шведскимъ принцемъ Бернадатомъ. Онъ еще не вернулся; говорятъ, что его прiѣздъ долженъ рѣшить что нибудь, такъ какъ перемирiе кончается. Должно ожидать скорѣе войны, чѣмъ мира. Нашъ князь Волконскiй и Толь теперь состоятъ при Его Величествѣ, я остался при Толѣ; и мнѣ и товарищамъ рѣшительно дѣлать нечего.

Рейхенбахъ 1813 г. 30 iюля.

Перемирiе еще продолжено до 4-го августа. Это надоѣло намъ, и мы не понимаемъ, какая можетъ быть этому причина, потому что слышимъ о новыхъ побѣдахъ надъ Французами въ Испанiи, и говорятъ, что Наполеонъ самъ туда поѣхалъ и что здѣшняя его армiя очень ослабла, такъ какъ онъ отправилъ туда большое число войска. Можетъ быть, будетъ миръ, но это еще неизвѣстно, и война кажется вѣроятнѣе.

Вотъ все о политическихъ дѣлахъ что̀ я знаю, поговоримъ о моихъ собственныхъ. Я ничего не работаю, только гуляю и читаю. Козловъ уѣхалъ въ Варшаву, брата давно не видалъ, все не могу рѣшиться поѣхать къ нему; 14-го числа этого мѣсяца я съ товарищами ѣздилъ въ Люндекъ, знаменитый минеральными водами и большимъ собранiемъ высшаго общества. Мы провели тутъ цѣлый день очень весело. Городокъ хорошенькiй, мѣстоположенiе чудное, время проводятъ въ гуляньи, осмотрѣ стекляннаго завода, находящагося по близости и не подчиняются никакому этикету. Я купилъ здѣсь кой-какiя бездѣлюшки и очень бы желалъ переслать ихъ вамъ, но не знаю, какъ это мнѣ удастся.

Теплицъ 1-го сентября.

Послѣ 15-го iюля мы пробыли еще двѣ недѣли въ Рейхенбахѣ, и не было ничего интереснаго. Все еще не знали, что̀ будетъ, война или миръ. Наконецъ, въ концѣ iюля, намъ объявили, что перемирiе кончилось и что Австрiйскiй императоръ нашъ союзникъ. Мы начали готовиться къ походу и 31-го iюля получили приказъ идти въ Богемiю. Генералъ приказалъ мнѣ выѣхать 30-го и какъ главная квартира должна была на другой день придти въ Глатцъ, то я, не смотря на разстоянiе шести миль, былъ тамъ къ вечеру. Глатцъ стоитъ среди горъ, вся дорога къ нему идетъ по красивымъ мѣстамъ, но я такъ торопился, что не имѣлъ времени любоваться великолѣпiемъ природы. Я прiѣхалъ въ одинадцать часовъ вечера и очень долго отыскивалъ квартиры, наконецъ занялъ что-то въ родѣ кабака, и тому былъ чрезвычайно радъ. 31-го всталъ очень рано и скоро увидалъ прiѣзжающихъ товарищей; они должны были быть еще вчера, но разсудили ночевать дорогой и сдѣлали лучше чѣмъ я. Квартирмейстеры тоже прiѣхали и начали раздавать квартиры, но не могли скоро кончить, потому что Прусскiй командиръ города не хотѣлъ помогать, а жители вмѣсто того, чтобъ показывать свои дома, запирали ихъ и никого не впускали, такъ что послѣ пятичасовой бѣготни по городу, могли только найдти квартиру для Императора; когда прiѣхали князь Волконскiй и генералъ Толь,

для нихъ не было еще квартиры, и они остановились въ харчевнѣ. Князь послалъ за комендантомъ и разбранилъ его, хотѣлъ даже арестовать. Потомъ онъ уѣхалъ съ Государемъ и генераломъ въ Прагу на почтовыхъ, а мы остались въ Глатцѣ. Вечеромъ мы гуляли по городу и осматривали крѣпость, которая считается лучшей въ Силезіи: по одну сторону гора, а по другую рѣка Нейсъ, дѣлаютъ ее неприступной.

1-го августа мы снова пошли въ походъ и сдѣлали переходъ въ шесть миль. Въ 9 часовъ вечера были въ Калишѣ и опять встрѣтили большія затрудненія съ квартирами, потому что много было занято г. Барклаемъ де-Толли; на нашу долю оставалось такъ мало, что нѣсколько генераловъ поѣхали ночевать въ сосѣднія деревни, а намъ пришлось довольствоваться всѣмъ однимъ сараемъ. Мы вступили въ Богемію, жители чрезвычайно бѣдны, и очень чувствительна разница съ Силезіей, которая самый изобильный край Германіи. Серебра почти не видать, а бумажекъ множество, и къ нашему удивленію курсъ изрядный. За серебряный крейцеръ даютъ полторы и двѣ бумажки. Жители принимаютъ насъ такъ дурно, что и сами непріятели не могли съ нами хуже обходиться. Они почти не пускаютъ насъ въ домы и за все, что̀ мы ни попросимъ, требуютъ страшныя цѣны. Все это надо приписать ихъ бѣдности и тому, что Французы не научили ихъ еще тому, что̀ значитъ война.

2-го августа опять пошли въ походъ. Погода была скверная, грязь по колѣна, и къ несчастію намъ надо было сдѣлать восемь миль; мы смертельно устали, перемокли, перезябли и проклинали Прагу, Богемію, Австрійцевъ и весь свѣтъ. Въ Штолицѣ, куда мы пришли опять, пошли хлопоты съ квартирами; та, которая была намъ назначена, была наполнена Прусскими солдатами; они не хотѣли уступить ее, дождь шелъ проливной, намъ не оставалось ничего дѣлать, какъ помѣститься въ маленькой горенкѣ, гдѣ былъ унтеръ-офицеръ Прусскихъ солдатъ, занявшихъ нашу квартиру, но и онъ насъ не хотѣлъ пустить, началъ шумѣть, и мы послали уже за однимъ изъ офицеровъ, чтобъ его усмирить, но нашимъ посчастливилось найдти другую квартиру, которую мы тотчасъ же заняли, оставя въ покоѣ Пруссаковъ. Они хорошіе союзники, но отмѣнно не учтивы и не знаютъ никакой дисциплины.

Новая наша квартира такъ была тѣсна, что когда мы пятеро въ нее вошли, то насилу могли повернуться. Хозяинъ принялъ насъ очень хорошо, угощалъ насъ всѣмъ, что̀ имѣлъ, и мы было забыли, что находимся въ Богеміи, но онъ напомнилъ намъ объ этомъ, подавая счетъ, по которому намъ пришлось заплатить ему три червонца.

3-го августа мы пришли въ Лиссу, гдѣ, слава Богу, не надо было хлопотать о квартирахъ, которыя были розданы въ совершенномъ порядкѣ. Вечеромъ я ходилъ гулять и любовался прекрасными окрестностями этого города.

4-го августа мы пошли въ Прагу; я поѣхалъ впередъ, чтобъ занять получше квартиры, но, сколько ни бѣгалъ по городу, ничего не могъ добиться; намъ дали горницу безъ столовъ, безъ стульевъ, безъ кроватей, и мы принуждены были ей довольствоваться.

Прага хороша, но неправильно выстроена и немного напоминаетъ Москву. Мостъ на Молдавѣ, первый въ Европѣ послѣ Дрезденскаго. Въ Прагѣ я встрѣтилъ много знакомыхъ и ходилъ во дворецъ къ адъютантамъ князя Волконскаго. Архитектура дворца замѣчательно хороша и напоминаетъ нашъ Кремль. Австрійская гвардія стояла на караулѣ.

5-го августа мы пробыли весь день въ Прагѣ, я видѣлъ Австрійскаго императора и двухъ славныхъ генераловъ: Моро и Жомини, которые вступили въ нашу службу. Вечеромъ князь Волконскій уѣхалъ съ генераломъ Толемъ, а мы пробыли еще 6-е и, какъ этотъ день праздникъ Спаса Преображенья, я былъ у обѣдни въ придворной церкви, потомъ гулялъ по опустѣвшей вдругъ Прагѣ и встрѣтилъ только одного доктора, жившаго тридцать лѣтъ въ Москвѣ и хорошо знавшаго батюшку.

7-го августа мы съ удовольствіемъ оставили Прагу, гдѣ насъ дурно приняли и дурно кормили въ дурныхъ квартирахъ.

Намъ надо было идти въ Милникъ, и я отправился по большой дорогѣ, думая, что она приведетъ меня туда, но ѣхалъ уже болѣе четырехъ часовъ и все еще не видалъ Милника, отстоявшаго только три мили отъ Праги. Распросивъ мужиковъ, я узналъ, что Милникъ совсѣмъ въ другой сторонѣ и хотѣлъ уже туда отправиться, какъ одинъ Прусскій офицеръ догналъ меня и началъ увѣрять, что сегодня же главная квартира будетъ въ Вендрусѣ, именно на той дорогѣ, которую я взялъ нечаянно; я былъ въ недоумѣніи, чтò дѣлать, куда ѣхать; но, получивъ приказаніе быть въ Милникѣ, рѣшился туда ѣхать, взялъ проселочную дорогу, съ большимъ трудомъ переправился черезъ Молдаву и на той сторонѣ рѣки встрѣтилъ товарищей, которые сказали мнѣ, что въ самомъ дѣлѣ главная квартира будетъ въ Вендрусѣ. Сожалѣя, что не послушался Прусскаго офицера, я опять переправился черезъ Молдаву и только къ вечеру притащился въ Вендрусъ. Государь и князь Волконскій пріѣхали очень поздно.

8-го августа Императоръ, князь Волконскій и генералъ Толь уѣхали рано, оставя намъ приказъ итти въ Лоонъ; но когда мы пришли туда, Императоръ уже уѣхалъ опять съ княземъ и генераломъ; оставался только Селавинъ, нашъ дежурный генералъ, о странностяхъ котораго я, кажется, уже тебѣ говорилъ.

Не получивъ никакого приказанія на завтрашній день, я пошелъ къ нему и самымъ учтивымъ манеромъ спросилъ, чтò дѣлать на слѣдующій день; но онъ страшно разсердился, что ему надоѣдаютъ и такой поднялъ шумъ, что я поспѣшилъ удалиться.

Это письмо давно уже начато, но Французы насъ безпрестанно тревожатъ, и я съ трудомъ могъ сегодня его докончить.

Теплицъ 1-го сентября 1813 г.

9-го августа утромъ мы узнали, что Императоръ, князь Волконскій и генералъ Толь находятся въ Грушевани, а главная квартира должна быть къ вечеру въ Комотау. Не имѣя никакого приказанія, мы пустились въ путь далѣе, сами по себѣ, не зная куда ѣхать. На дорогѣ встрѣтили адъютантовъ князя: Муравьева и Перовскаго точно въ такомъ же недоумѣніи какъ и мы; въ одной деревнѣ, гдѣ дорога раздѣлялась, мы остановились и начали совѣтоваться, чтò дѣлать. Вишняковъ рѣшился ѣхать въ Комотау, а мы трое въ Грушевань; я полагалъ, что пріѣхать оттуда въ Комотау не будетъ большой крюкъ. Въ Грушевани мы застали Императора и генераловъ еще занимающихся, но всѣ экипажи уже были готовы ѣхать въ Комотау. Я тотчасъ же поспѣшилъ туда же, занялъ квартиру для генерала и для себя и пошелъ на площадь дожидаться ихъ; громкій говоръ поразилъ меня, и я увидѣлъ нашего комендата Ставрикова, очень горячо спорившаго съ Австрійскимъ офицеромъ, стоящимъ на караулѣ у императорской квартиры, подошелъ къ нимъ изъ любопытства и чтó же оказалось: они оба выходятъ изъ себя, потому что не понимаютъ другъ друга, одинъ говоритъ по русски, дру-

гой по нѣмецки и кричатъ, что́ есть силъ, сами не зная чего хотятъ. Мнѣ было и смѣшно и жалко ихъ, и я предложилъ служить имъ переводчикомъ, тогда они очень скоро согласились и помирились.

Ставриковъ преуморительный; съ тѣхъ поръ какъ мы взошли въ Германію, съ нимъ всякій день исторія: не понимая языка, онъ бранится со всѣми; полковникомъ онъ всегда ходилъ въ шинели и ни сколько собой не занимался, но какъ пожалованъ былъ въ генералы, то и въ холодную погоду гуляетъ безъ шинели, всѣмъ показываетъ свои эполеты и кресты и очень обижается, ежели кто ему не поклонится; впрочемъ онъ очень добрый человѣкъ. Генералъ Толь пріѣхалъ, я явился къ нему, но видя, что онъ занятъ, ушелъ гулять по городу; вечеромъ былъ на площади слушать австрійскую музыку, играющую зорю у императорской квартиры. Тутъ я встрѣтилъ многихъ нашихъ офицеровъ и Бровкова, который сказалъ мнѣ, что у него была ссора съ генераломъ, но кончилась безъ дурныхъ послѣдствій. Генералъ давно его не терпитъ и желаетъ съ нимъ развязаться, но Бровковъ упрямъ и безъ настоящей ссоры отъ него не отстанетъ. Мы всѣ давно уже ожидали размолвки, и ты увидишь, что мы не ошиблись. Зорю пробили, всѣ разошлись и скоро легли спать. Ночью меня разбудили и послали къ генералу и что́ мы предвидѣли, исполнилось. Генералъ отослалъ отъ себя Бровкова и велѣлъ мнѣ принять его должность. Я тотчасъ пошелъ къ Бровкову взять отъ него всѣ бумаги и онъ, видя, что это вовсе не шутка, увѣрялъ меня, что самъ просилъ генерала его уволить отъ этой должности. Я притворился будто вѣрю ему, и мы разстались пріятелями. Бровковъ добрый человѣкъ, мы съ нимъ всегда жили въ ладу, и онъ въ разныхъ случаяхъ оказалъ мнѣ много услугъ. Жаль его, а должность его, которую мнѣ поручили, совсѣмъ не завидна: кромѣ непріятностей и трудовъ ничего не выиграешь; она лестна мнѣ только тѣмъ, что доказываетъ довѣріе генерала. По приказу его я извѣстилъ о перемѣнѣ всѣхъ нашихъ офицеровъ, и былъ готовъ къ отъѣзду въ четыре часа утра.

10-го августа очень рано мы выступили; такъ какъ намъ надо было проѣзжать Богемскія горы, то всѣ экипажи остались въ Комотау, вьючныя лошади пошли съ нами. Генералъ поѣхалъ съ княземъ Волконскимъ и велѣлъ намъ слѣдовать за ними. Мы ѣхали съ Щербининымъ, Вашутинымъ и другими товарищами и благополучно проѣхали черезъ дефилеи Богемскихъ горъ, но въ Бозбергѣ уже не застали Императора: онъ поѣхалъ въ Маріенбергъ, и мы туда же отправились, но и тамъ никого не нашли. Умирая съ голода, мы вошли въ трактиръ, гдѣ встрѣтили генерала Тильмана и славно съ нимъ отобѣдали. Онъ тоже не могъ сказать, гдѣ найдти главную квартиру и послѣ многихъ разспросовъ у каждаго встрѣчнаго, мы наконецъ узнали, что Императоръ въ Зоблицѣ, и тотчасъ же туда поѣхали. Дорога была прескверная, надо было безпрестанно подниматься и спускаться со страшныхъ горъ, наши лошади замучились, и только къ вечеру мы попали въ Зоблицъ, гдѣ по счастью нашли главную квартиру. Я ходилъ къ генералу за приказаніями и потомъ, не смотря на усталость, гулялъ, любуясь великолѣпнымъ видомъ и высокими горами, которыя насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ. Мы всѣ довольны, что перешли границы Богеміи и вступили въ Саксонію. Французы были сегодня здѣсь по близости и поспѣшно ретируются къ Дрездену; я думаю, мы пойдемъ за ними и, можетъ быть, будемъ опять въ Дрезденѣ.

На слѣдующій день мы получили приказъ идти въ Рейхенбергъ, и гене-

ралъ Толь велѣлъ мнѣ послать Шрамовъ занять квартиры.

Австрійская армія, шедшая съ нашей, прибрела только ночью въ Зоблицъ и чрезмѣрно утомилась.

11-го августа весь день погода была отвратительная. Шрамы отправились утромъ занимать квартиры въ Рехенбергѣ, а мы дожидались генерала, чтобъ ѣхать вмѣстѣ; но въ одинадцать часовъ утра, диспозиція была перемѣнена, и походъ назначенъ въ Митель-Сайду, куда и генералъ Толь самъ сейчасъ же отправляется. Я сказалъ ему, что Шрамы уже уѣхали въ Рехенбергъ; онъ пожалѣлъ, что они напрасно проѣздятся и что онъ въ Митель-Сайдѣ будетъ безъ квартиры; я предложилъ ему и поскакалъ верхомъ. Дорога еще болѣе испортилась отъ дождя, шедшаго безпрестанно, и я насилу тащился и очень скучалъ одинъ; на мое счастье меня догналъ адъютантъ графа Ожаровскаго, Зыбинъ, и мы поѣхали вмѣстѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что бывалъ въ Москвѣ, очень знаетъ тебя, сестра, часто съ тобой танцовалъ у Апраксиныхъ и въ другихъ домахъ. Помнишь ли ты его? Онъ тогда служилъ въ гусарахъ Изюмскихъ. Пріѣхавъ въ Митель-Сайду, мы заняли квартиры для своихъ генераловъ, и нашли Дурнова и другихъ офицеровъ, тоже хлопотавшихъ о квартирахъ. Дурновъ пришелъ ко мнѣ просить ѣсть, и я далъ ему сыру и вина. Ты вѣдь знаешь, что у моихъ Павла и Егора всегда есть для меня провизія, хотя не возможно достать и имѣть съ собой ничего съѣстнаго: ужь они умудрятся имѣть все, что̀ можетъ мнѣ понадобиться. Пріѣхалъ генералъ Толь и объявилъ мнѣ, что впредь будетъ состоять при князѣ Шварценбергѣ, который теперь командуетъ всѣми арміями. Вечеромъ Дурновъ и Щербининъ пришли ко мнѣ пить чай и разсказывали, что князь Волконскій поссорился съ генераломъ Толемъ. Это съ ними часто случается, потому что послѣдній вспыльчивъ и горячъ, но они скоро мирятся; вѣрно и нынѣшняя ссора не долго продолжится.

12-го августа мы получили приказъ идти въ Рейхштадтъ, и генералъ велѣлъ мнѣ приготовить ему квартиру возлѣ князя Шварценберга. Пришлось мнѣ разставаться съ моими товарищами, и всѣмъ намъ это было очень прискорбно, мы такъ дружно и хорошо жили, но дѣлать было нечего. Пріѣхавъ въ Рейхштадтъ, я взялъ для насъ квартиру на Австрійской половинѣ, а товарищи стояли совсѣмъ на другомъ концѣ города. Я пробылъ у нихъ цѣлый день и, съ грустью простясь съ ними, только вечеромъ пришелъ въ свою квартиру, которую занималъ вмѣстѣ съ Щербининымъ. Князь Шварценбергъ всегда находится въ главной квартирѣ Императора; генералъ Толь будетъ состоять при немъ, а у него насъ шесть человѣкъ: полковникъ Хоментовскій, Щербининъ, Трескинъ, два Шрама, Орловскій и я. Надо бы поговорить о всѣхъ нихъ, но свѣча догорѣла.

Прощай, любезная сестра.

Теплицъ, 3-го сентября 1813 г.

13-го августа въ одинадцать часовъ утра мы поѣхали съ генераломъ и княземъ Шварценбергомъ дѣлать рекогносцировку около Дрездена, гдѣ непріятель укрѣпился и, казалось, хотѣлъ защищаться; объѣзжая окрестности города, мы осматривали издали батареи, которыя поставили Французы. Фельдмаршалъ дѣлалъ свои диспозиціи и, въ ожиданіи Государя, мы всѣ встали на возвышеніе, съ котораго видна была вся позиція и Дрезденъ. На этой горкѣ мы оставались почти цѣлый день, вспоминая, глядя на городъ, какъ мы тутъ веселились: ожидали ли мы тогда, что черезъ четыре мѣсяца, мы придемъ отнимать его у непріятеля? Императоръ пріѣхалъ вечеромъ съ генералами Моро и Жомини, собрали совѣтъ и по голосу Моро рѣшились окружить городъ нашими

войсками, но не дѣлать никакихъ попытокъ брать его. Съ этимъ рѣшеніемъ мы оставили возвышеніе, на которомъ стояли, и генералъ прямо оттуда послалъ меня въ деревню Бонневицъ, гдѣ назначена была главная квартира. Тамъ я нашелъ уже Орловскаго, мы взяли порядочныя квартиры, но совершенно пустыя и ничего еще не успѣли приготовить, какъ пріѣхалъ генералъ. Ничего съѣстнаго не достали, но Егоръ всѣхъ насъ накормилъ, и Толь очень меня благодарилъ, особенно за чай, которому мы всѣ были очень рады.

14-го августа все было покойно. Генералъ поѣхалъ осмотрѣть расположеніе войска, а насъ оставилъ дома. Мы долго ждали его, но когда услышали пушечные выстрѣлы, сѣли на лошадей и поѣхали искать генерала. Онъ былъ съ Императоромъ на томъ же возвышеніи, гдѣ мы наканунѣ такъ долго стояли. Наши батареи начали стрѣлять со всѣхъ сторонъ, и мы не понимали, отчего вдругъ сдѣлалась такая перемѣна въ диспозиціи. Непріятель почти не отвѣчалъ намъ изъ города, а мы не переставали бросать имъ ядра и бомбы. Предмѣстье начало горѣть. Ночь наступила, Императоръ все еще стоялъ на горѣ, но когда почти совсѣмъ стемнѣло, Государь хотѣлъ уже ѣхать въ свою квартиру, какъ неожиданно непріятель напалъ на ближайшую къ намъ батарею. Мы сейчасъ туда поскакали, Императоръ отъѣхалъ немного назадъ, чтобъ не подвергать себя опасности. Пріѣхавъ къ батареѣ, мы нашли страшный безпорядокъ, который еще увеличивала темнота ночи: ядра, бомбы, гранаты сыпались со всѣхъ сторонъ и чуть не убили генерала Толя. Онъ сколько ни просилъ, бывшую тамъ австрійскую кавалерію аттаковать французскую колонну, она никакъ не соглашалась безъ особеннаго повелѣнія ихъ главнокомандующаго, и въ ожиданіи этого повелѣнія, батарея была бы взята, ежели бы наши храбрые егеря не удержали непріятельскую колонну, чѣмъ дали время увезти пушки. Тогда мы возвратились къ Императору и съ нимъ вмѣстѣ поѣхали домой.

15-го августа въ четыре часа утра мы уже были съ генераломъ Толемъ на вчерашнемъ возвышеніи. Дѣло уже началось, со всѣхъ сторонъ были слышны пушечные выстрѣлы, но войска не могли драться отъ сильнаго дождя и грязи, которая была по колѣна; солдаты стояли покойно съ обѣихъ сторонъ. Генералъ Толь по своему обыкновенію леталъ съ одного фланга на другой, разсылалъ насъ во всѣ стороны, но такъ было грязно, что лошади съ трудомъ бѣжали. Императоръ давно уже былъ тоже на полѣ; въ одинадцать часовъ, съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано нѣсколько аттакъ, но всѣ онѣ были неуспѣшны, дурная погода мѣшала дѣйствовать, только батареи не умолкали ни на минуту, ядра сыпались вокругъ насъ. Императора упрашивали отъѣхать, но онъ не согласился, и у него въ глазахъ ядро оторвало обѣ ноги несчастному Моро, и этотъ доблестный воинъ, послѣ стольких бѣдствій и опасностей присоединился къ врагамъ своего притѣснителя, чтобъ быть убитымъ, потому что хотя онъ въ ту минуту и не умеръ, но никто не могъ отвѣчать за его жизнь, и всѣ были увѣрены, что лишатся генерала, не смотря на всѣ усилія и старанія сохранить его. Сраженіе продолжалось еще четыре часа, дождь не переставалъ ни на минуту, мы промокли до костей, и ты, любезная сестра, не сможешь представить себѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи мы находились. Наши лошади утопали въ грязи, дождь лилъ, наши руки одервенѣли отъ стужи и едва могли держать поводья, вѣтеръ рѣзалъ глаза. Императоръ продрогъ и приказалъ разложить огонекъ, но страшный вѣтеръ не допустилъ этого

сдѣлать. Солдаты не могли тронуться съ мѣста, особенно Австрійцы въ башмакахъ. Батареи переставали стрѣлять, и сраженіе скоро прекратилось безъ всякой пользы и для насъ и для Французовъ, но въ нашемъ совѣтѣ рѣшено было ретироваться, и армія получила приказъ идти той же дорогой, по которой она пришла. Главная квартира была назначена въ Рейхштадтѣ; одна гвардейская дивизія, стоящая на Пирнской дорогѣ, должна была идти черезъ Пирну въ Теплицъ, гдѣ назначено было соединиться всей арміи, для прикрытіи Богеміи и чтобъ остановить непріятеля въ горахъ. Я очень обрадовался, когда генералъ Толь послалъ меня въ Рейхштадтъ, занять его прежнюю квартиру. Дурновъ получилъ такое же приказаніе отъ князя Волконскаго, и мы съ нимъ поскакали изъ всѣхъ силъ: менѣе чѣмъ въ часъ, мы были въ Рейхштадтѣ. Прежняя квартира Толя была занята, я досталъ ему другую и съ неописаннымъ наслажденіемъ снялъ промокшее платье и легъ въ постель.

16-го августа, въ восемь часовъ утра, генералъ Толь еще не пріѣзжалъ. Я пошелъ къ князю Шварценбергу, потомъ во дворецъ и узналъ, что главная квартира переведена въ Альтенбергъ. Полагая, что генералъ Толь проѣхалъ туда прямо, я дождался Орловскаго съ нашими вьючными лошадьми и отправился въ Альтенбергъ. Дорога шла посреди высокихъ горъ, проселкомъ, и была совершенно испорчена дождями и множествомъ войскъ, которыя по ней проходили. Съ трудомъ доѣхали мы до Альтенберга и еще съ бо́льшимъ трудомъ я могъ получить квартиру, потому что Великій Князь стоялъ въ Альтенбергѣ и занялъ всѣ лучшіе дома. Генералъ Толь пріѣхалъ, пошумѣлъ, что квартира такъ далеко, но успокоился, когда узналъ, что Его Высочество тому причиной. Большая часть арміи пришла къ вечеру въ Альтенбергъ, но гвардейскую дивизію, идущую по Пирнской дорогѣ, не прежде ожидали, какъ на другой день и, какъ по этой дорогѣ были слышны пушечные выстрѣлы, мы полагали, что непріятель аттаковалъ гвардію и что вѣрно будетъ серьезное дѣло; кирасиры пришли, а легкая кавалерія не бывала, и мнѣ сказали, что она пошла на подкрѣпленіе гвардіи. Я не могъ не чувствовать безпокойства на счетъ брата и, слава Богу, оно прошло, когда выстрѣлы умолкли.

17-го августа мы получили приказъ отступать къ Теплицу, и главная квартира была назначена въ Дюксѣ, въ полмили отъ этого города; дорога была такъ дурна, что нельзя ни описать, ни даже представить себѣ. Надо было проѣзжать черезъ высокія скалы, черезъ дремучіе лѣса, всѣ наши лошади расковались и хромали, когда мы наконецъ пріѣхали въ Дюксъ. Императоръ тоже скоро прибылъ, и мы узнали, что Французы принудили гвардію отступить къ Теплицу. Она жестоко сражалась версты за четыре отъ города и ежели войско не подоспѣетъ къ ней на помочь, то всѣ наши обозы пропадутъ, и часть арміи, которая была еще въ дорогѣ, погибнетъ. Это извѣстіе распространило уныніе во всемъ городѣ, оно еще усилилось при видѣ множества гвардейцевъ, которыхъ приносили безпрестанно ранеными. Я былъ въ ужасномъ безпокойствѣ на счетъ брата, и оно еще удвоилось, когда принесли Молоствова, опасно раненаго, и онъ сказалъ мнѣ, что о братѣ ничего не знаетъ, но что полкъ ихъ очень пострадалъ. Я спрашивалъ всѣхъ, кто приходилъ, но никто не могъ сказать ничего вѣрнаго. Около полудня пріѣхалъ нашъ генералъ и сказалъ, что гвардія совершила славное и достопамятное дѣло, удержавъ своею храбростью непріятеля за двѣ версты отъ Теплица, до тѣхъ поръ, пока пришла армія, что́ заставило непріятеля уда-

литься, и что теперь нечего бояться. Это извѣстіе успокоило всѣхъ, но я не переставалъ тревожиться за брата. Генералъ Толь сказалъ мнѣ, что такъ какъ армія вся собрана, онъ бы желалъ, чтобы мы аттаковали непріятеля, но что всѣ противъ его мнѣнія и что завтра мы опять ретируемся. Вообрази себѣ мое удивленіе, когда 18-го утромъ мы узнали, что генералъ Толь одинъ уѣхалъ ночью въ Теплицъ, не оставя намъ никакихъ приказаній. Одни говорили, что будетъ сраженіе, другіе утверждали, что не будетъ, и послѣднее мнѣніе было правдоподобнѣе, потому что не слышно было пушечныхъ выстрѣловъ. Императоръ и князь Шварценбергъ тоже уѣхали въ Теплицъ; но по справкамъ, которыя мы наводили, мы узнали, что къ вечеру они будутъ въ Лаонѣ, и что уже послано туда занять квартиры. Это извѣстіе казалось тѣмъ болѣе вѣрнымъ, что мы узнали его отъ самого генерала Радецкаго, и заставило насъ рѣшиться тоже идти въ Лаонъ, куда, мы видѣли, идетъ и войско. Орловскій одинъ съ нами не соглашался и поѣхалъ въ Теплицъ, а мы всѣ собрались у полковника Хоментовскаго и поѣхали вмѣстѣ въ Лаонъ. Около четырехъ часовъ, мы туда пріѣхали и нашли тамъ всѣхъ генераловъ и принца Англійскаго, который только что пріѣхалъ, ожидающихъ Императора. Мы долго хлопотали о квартирахъ, наконецъ расположились въ нихъ, а Императора все не было. Наконецъ къ вечеру мы узнали, что было сраженіе и что наши одержали побѣду. Эти извѣстія, хотя еще и глухія, заставили насъ очень сожалѣть, что мы не были въ сраженіи. Да будетъ воля Божія!

19-го Императоръ все еще не пріѣзжалъ, и мы ничего не знали вѣрнаго. Братъ меня ужасно безпокоилъ, никто не могъ сказать мнѣ объ немъ ничего вѣрнаго. Нѣсколько разъ я порывался ѣхать въ главную квартиру, но товарищи меня отговаривали. Вечеромъ пріѣхалъ Орловскій и сказалъ намъ, что, въ самомъ дѣлѣ, наши одержали побѣду и что нашъ генералъ Толь очень отличился. Это заставило насъ еще болѣе сожалѣть, что мы при немъ не были.

20-го Орловскій и я поѣхали на дрожкахъ; въ Теплицѣ были большія празднества и всеобщая радость по случаю послѣдней побѣды. Былъ торжественный молебенъ и парадъ гвардіи, которую Императоръ благодарилъ за оказанную храбрость. Генералъ сказалъ мнѣ, что очень сожалѣлъ, что меня не было во время сраженія, а мнѣ самому такъ это жаль и обидно, что я и сказать тебѣ не могу. Въ Теплицѣ мы пробыли пять дней. Братъ, слава Богу, живъ и невредимъ, онъ жилъ у меня, и мы провели время и весело и счастливо съ товарищами и со многими знакомыми. Одного только намъ не доставало: съѣстныхъ припасовъ. Отъ множества войскъ бывшихъ въ Теплицѣ, мы должны были платить за все ужасныя деньги, а хлѣба невозможно было достать ни за какую цѣну.

25-го получили приказъ выступить, армія двинулась впередъ по дорогѣ къ Дрездену, а одинъ корпусъ австрійскаго войска посланъ былъ въ Бауценъ. Князь Шварценбергъ, командиръ этого корпуса, долженъ былъ ѣхать 26-го въ Лейтмерицъ, и мы, какъ состоящіе при немъ, поѣхали туда же. Императоръ остался въ Теплицѣ и съ нимъ Семеновскій полкъ, болѣе всѣхъ пострадавшій въ послѣднемъ дѣлѣ. Вся гвардія ушла.

И такъ мы разстались съ главной квартирой Императора. Ночевали въ Ловозицѣ и 26-го прибыли въ Лейтмерицъ, гдѣ довольно скоро получили порядочныя квартиры. Пока Орловскій ѣздилъ въ Лаонъ за экипажами, я поѣхалъ въ Терезіенштадтъ за фуражемъ и по милости генерала Шателе, котораго тамъ нашелъ, имѣлъ фуражу, сколько хотѣлъ.

Этотъ генералъ Шателе извѣстенъ по своей дружбѣ къ нашему знаменитому Суворову. Возвратясь оттуда, я гулялъ по городу. Онъ выстроенъ на правомъ берегу Ельбы, которую вчера мы прошли въ седьмой разъ, и Богъ знаетъ сколько разъ еще пройдемъ черезъ нее. Около двухъ часовъ пріѣхалъ генералъ Толь, и я очень долго у него занимался, ожидая съ нетерпѣніемъ фельдмаршала, чтобъ знать, куда идти на слѣдующій день. Здѣсь царствуетъ тишина и спокойствіе, которыхъ не было въ императорской квартирѣ; здѣсь мы окружены иностранцами, не видимъ ни одного Русскаго, и ты можешь себѣ представить, какъ мы скучаемъ и сожалѣемъ о главной нашей квартирѣ. Вечеромъ намъ пришли сказать, что фельдмаршалъ не будетъ и прислалъ приказъ возвратиться въ Теплицъ. Генералъ Толь долго не хотѣлъ вѣрить этому и не зналъ, чему приписать это возвращеніе. Что касается до меня, то я былъ очень радъ быть опять въ Теплицѣ, не смотря на то, что тамъ всѣ жаловались на голодъ.

Причиной нашему возвращенію было соединеніе всѣхъ силъ непріятеля въ окрестностяхъ Пирны. Ожидали аттаки со стороны Французовъ, и потому было необходимо, чтобъ австрійскій корпусъ соединился съ арміей. 28-ое прошло покойно, а 29-го, когда армія сосредоточилась въ окрестностяхъ Теплица, непріятель показалъ видъ, что нападаетъ на нее и слышна была канонада, что̀ распространило страхъ въ городѣ. Обозу было приказано идти въ Лаонъ, и Орловскій опять долженъ былъ туда ѣхать. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ генералъ Толь, а съ нимъ и мы всѣ поѣхали къ войскамъ, но непріятель скоро прекратилъ аттаку, а мы, не сходя съ коней, цѣлый день изучали мѣстность. 30-е мы провели весь день въ полѣ, ожидая аттаки, но непріятель оставался покойнымъ, исключая нѣсколькихъ маленькихъ стычекъ въ аванпостѣ. Генералъ Толь не переставалъ наблюдать за позиціей, боясь, чтобъ непріятель не сдѣлалъ какого нибудь обхода и не напалъ бы на насъ въ тылъ, и при каждомъ его движеніи посылалъ насъ съ донесеніемъ къ Императору и князю Волконскому. На мою долю пришлось ѣздить два раза, и при каждомъ извѣстіи Государь, смѣясь, говорилъ, что Наполеонъ вѣроятно хочетъ поздравить его съ имянинами. Впрочемъ поздравленія не было, и вечеромъ мы разъѣхались по домамъ.

31-го, нѣсколько батальоновъ, открытыхъ въ горахъ, къ которымъ былъ прислоненъ нашъ лѣвый флангъ, дѣлали на него нападенія, и потому мы съ нашимъ генераломъ пробыли весь день на полѣ, но сраженія не было. Возвратясь домой, мы узнали что Бернадотъ одержалъ побѣду, по случаю которой у насъ былъ вечеромъ молебенъ съ пушечной пальбой.

11-го сентября.

Съ перваго до пятаго числа ничего не было замѣчательнаго. Непріятеля не было ни видно, ни слышно; только дезертеры, которые часто приходили, разсказывали, что въ ихъ лагерѣ сильный голодъ и что опять начали питаться кониной, какъ дѣлали это въ Россіи. Я проводилъ дни бо̀льшею частью дома, приводя въ порядокъ канцелярію, которую генералъ поручилъ мнѣ послѣ Бровкова. Генералъ Толь всегда былъ добръ ко мнѣ, и теперь у меня, съ нимъ собственно, гораздо болѣе дѣла, но онъ всегда обходится со мной какъ нельзя лучше. Щербининъ и я почти всякій вечеръ проводимъ у него, разговаривая о прошедшихъ сраженіяхъ. Надо тебя познакомить съ теперешними моими товарищами. Полковникъ Хомѐнтовскій добръ и имѣетъ прекрасный характеръ, но страшный суета, и при выдачѣ фуража у него всегда ужасная

путаница. Трескинъ живетъ съ нимъ, очень хорошій товарищъ. Съ Щербининымъ я болѣе всѣхъ друженъ, онъ отличный малый, любимецъ всѣхъ генераловъ и нисколько тѣмъ не гордится. Орловскій добрякъ, но не такъ уменъ, какъ Щербининъ. Генералъ такъ часто посылалъ его въ Лаонъ за каждой бездѣлицей, что онъ у насъ извѣстенъ подъ именемъ графа Лаонскаго. Розенбахъ, племянникъ генерала Толя, еще почти ребенокъ, подъ опекой дяди. Гальбе назначенъ адъютантомъ къ генералу, кажется добрый малый; но я еще не знаю его хорошенько. Старые мои товарищи Вашутинъ и Вишняковъ живутъ теперь подлѣ насъ, и я часто съ ними вижусь, также съ Дурновымъ и прочими адъютантами князя Волконскаго, которые живутъ въ одномъ домѣ съ нами. Я много гуляю въ прелестныхъ окрестностяхъ Теплица, не смотря на страшную грязь, и часто бываю въ лагерѣ у брата, Воейкова и другихъ знакомыхъ. Вотъ, милая сестра, какъ провожу я время въ Теплицѣ, гдѣ мы находимся уже три недѣли. Фуражу и провизіи здѣсь очень мало, и достать ихъ стоитъ многихъ трудовъ. Что касается до денегъ, то очень часто у меня ихъ совсѣмъ нѣтъ, но за то я почти собралъ всѣ украденные полторы тысячи и имѣю должниковъ, потому что я никакъ не умѣю отказать тѣмъ, которые у меня просятъ, а получу ли съ нихъ? Богъ вѣсть.

5-го сентября кавалерійскіе офицеры давали обѣдъ Пруссакамъ, и Государь удостоилъ его присутствіемъ, и за обѣдомъ сдѣлалъ тревогу пѣхотѣ. Всѣ прочіе гвардейскіе офицеры тоже хотятъ дать обѣдъ и назначили его 15-го числа. Государь обѣщалъ присутствовать. Вечеромъ непріятель напалъ на нашу позицію, но былъ прогнанъ, и три тысячи человѣкъ взяты были въ плѣнъ, между ними одинъ генералъ. Цѣлый день 6-го мы съ генераломъ провели на аванпостѣ, ожидая нападенія. Меня онъ часто посылалъ къ князю съ донесеніемъ, но все было покойно. Говорятъ, что непріятель опять ретируется къ Дрездену.

15-го сентября. Теплицъ.

У насъ все покойно и благополучно. Кавалерію перевели за нѣсколько миль отсюда, почему я вижусь съ братомъ гораздо рѣже. 12-го я получилъ повѣстку съ почты, и 14-го, день моего рожденія, послѣ обѣдни въ придворной церкви, получилъ двѣ тысячи, присланныя мнѣ матушкой. Я очень имъ радъ, но мнѣ ужасно совѣстно, что батюшка такъ недавно еще заплатилъ большую сумму за мою неосторожность, а матушка такъ добра, что еще присылаетъ мнѣ денегъ. Не знаю, какъ и благодарить ихъ за это и прошу тебя, любезная сестра, скажи имъ, что я чрезвычайно имъ благодаренъ, не смотря на то, что я и самъ пишу имъ. 15-го гвардейскіе офицеры давали праздникъ Пруссакамъ. Утромъ мы парадомъ и съ Государемъ пошли въ церковь, поставленную на склонѣ горы Шлосбергъ. Погода была восхитительная. Войска выстроились кругомъ церкви. Послѣ обѣдни они дефилировали передъ тремя Государями, а мы пошли въ приготовленную для обѣда залу. Она была великолѣпно украшена гирляндами, и столъ убранъ роскошно. Когда Императоръ занялъ свое мѣсто, кругомъ залы раздались музыка, пѣсни и пушечные выстрѣлы. Кушанья, плодовъ и вина было въ изобиліи, и праздникъ, въ полномъ смыслѣ слова, великолѣпный. Маленькое приключеніе встревожило его немного, но, слава Богу, кончилось благополучно. Загорѣлась избушка, въ которой была устроена кухня, и какъ она была близка къ залѣ, гдѣ обѣдали, то и она легко могла вспыхнуть, но Эртель и Ставриковъ скоро потушили огонь. Музыка нарочно играла очень громко, чтобъ заглушить шумъ, неизбѣжный въ подобныхъ случаяхъ. Государь сдѣ-

лалъ видъ, что его не слышитъ. Послѣ обѣда мы разошлись по домамъ. Я пишу тебѣ при свѣтѣ иллюминаціи и трескѣ фейерверка и тороплюсь идти смотрѣть на Англійскую церемонію по случаю полученія ордена Подвязки, которую только что привезли Императору.

Баварцы объявили себя за насъ. Черезъ три дни мы отсюда уходимъ.

25-го сентября.

Съ послѣдняго моего письма изъ Теплица, я не могъ писать тебѣ, потому что мы въ безпрестанномъ движеніи. Сегодня цѣлый день отдыхъ, и я имъ пользуюсь, чтобъ писать тебѣ. 21-го сентября мы вышли изъ Теплица по дорогѣ въ Комотау съ главной квартирой князя Шварценберга. Императоръ остался въ Теплицѣ, и рѣшено, что впредь главная его квартира всегда будетъ однимъ переходомъ позади нашей. Я пріѣхалъ рано въ Комотау и долго хлопоталъ и спорилъ съ квартирмейстеромъ кн. Шварценберга, для полученія порядочныхъ квартиръ для генер. Толя и для насъ. Остальную часть дня мы провели въ прогулкахъ и воспоминаніяхъ всего, что̀ случилось здѣсь въ первый разъ нашего пребыванія, и паденія Бровкова.

22-го. Мы прошли черезъ горы въ Саксонію. Входъ нашъ не былъ такъ блестящъ, какъ первый разъ, въ присутствіи Императора и при звукахъ музыки и барабанномъ боѣ; нѣтъ, теперь входъ нашъ былъ такъ скроменъ, что мы и не замѣтили маленькую рѣчку, отдѣляющую Саксонію отъ Богеміи; надѣюсь, что въ этотъ разъ мы будемъ счастливѣе и не вернемся опять въ Богемію. Генералъ оставилъ свой багажъ въ Комотау, канцелярія тоже осталась тамъ, и Орловскому поручено было присоединить ихъ къ багажу Императора, бывшему въ Лаонѣ. Такимъ образомъ бѣдный нашъ графъ Лаонскій опять принужденъ былъ ѣхать въ свое графство.

Щербининъ, Трескинъ, Гальбе и я поѣхали въ Маріенбергъ, гдѣ мы простояли 23, 24 и 25-е, потому что непріятель расположился въ окрестностяхъ Фрейберга и не хотѣлъ выходить изъ нихъ. Фельдмаршалъ и генералъ Толь всякій день дѣлали рекогносцировку, но я не могъ быть съ ними, потому что имѣлъ много порученій: квартиры, проводники, казаки, почта; сношенія съ главной квартирой Императора, которая была въ Комотау, и куда надо было безпрестанно ѣздить, и неимовѣрныя хлопоты съ фуражемъ, отнимали у меня почти всѣ дни, а когда оставалось немного свободнаго времени, я обозрѣвалъ рудники, которыхъ много въ здѣшнихъ горахъ и даже спускался по совсѣмъ перпендикулярной лѣстницѣ въ самую глубину. Не описываю тебѣ этихъ рудниковъ, потому что есть много печатанныхъ описаній, и ты легко можешь достать и прочитать, ежели желаешь. Наконецъ 26-го упрямство непріятеля всѣмъ надоѣло, и рѣшили аттаковать его, не смотря на то, что онъ имѣлъ очень выгодную позицію близъ за̀мка Аугустенбурга. Этотъ за̀мокъ расположенъ на горѣ, и непріятель началъ уже дѣлать укрѣпленія. Австрійское войско выступило въ ночь съ 25-го на 26-е и приблизилось къ этого рода крѣпости, чтобъ заставить непріятеля покинутъ позицію. Князь Шварценбергъ выѣхалъ въ три часа ночи, генералъ Толь и я послѣдовали за нимъ и, какъ до Аугустенбурга было не менѣе двухъ миль, мы скакали все время галопомъ. На половинѣ дороги генералъ Толь послалъ меня и Гальбе, который догналъ насъ, къ генералу Радецкому, дѣлать рекогносцировку. Проѣздивъ довольно долго по полямъ, мы еще успѣли присоединиться къ фельдмаршалу за полмили отъ Аугустенбурга; онъ скоро открылся нашимъ взорамъ и представилъ великолѣпное зрѣлище красотой своего положенія

и готической архитектурой своихъ строеній. При видѣ за́мка, фельдмаршалъ поѣхалъ скорѣе, мы за нимъ, думая, что будетъ сильный бой; но вообрази наше удивленіе, когда, подъѣхавъ къ за́мку, Апраксинъ объявилъ намъ, что непріятель еще вчера вечеромъ покинулъ его, узнавъ, что мы имѣемъ намѣреніе дѣлать аттаку, и мы взошли очень покойно въ за́мокъ, который надѣялись взять приступомъ. Фельдмаршалъ сейчасъ же пошелъ на самую высокую башню, узнать, какую дирекцію взялъ непріятель, мы же напали на привратника и такъ убѣдительно его просили, что онъ досталъ намъ препорядочный завтракъ. Фельдмаршалъ все еще не приходилъ, и мы пошли осматривать залы и покои за́мка; все въ рыцарскомъ вкусѣ. Потомъ я тоже пошелъ на башню посмотрѣть, что́ тамъ дѣлается и былъ пораженъ сценой, представившейся моимъ глазамъ. Представь себѣ башню, какія описываются въ рыцарскихъ романахъ; фельдмаршалъ,посреди,опершись на трость, стоялъ въ глубокомъ раздумьи; лѣстница, ведущая на эспланаду, которая была вверху башни, была усыпана генералами, сидящими на каждой ступенькѣ. Они писали свои распоряженія, адъютанты ихъ стояли подлѣ нихъ, храня глубокое молчаніе; я долго смотрѣлъ на нихъ издали; вдругъ тишина эта и безмолвіе были прерваны Вильсономъ, который, не обращая ни на кого вниманія, пришелъ въ башню, свистя и размахивая хлыстикомъ; даже фельдмаршалъ не могъ удержаться отъ улыбки, и молчаніе, царствовавшее до того, замѣнилось шумомъ и говоромъ; всѣ генералы, развлеченные безцеремонностью Вильсона, окончили свои деспозиціи и спѣшили показать ихъ фельдмаршалу. Рѣшили преслѣдовать непріятеля какъ можно скорѣе. Всѣ австрійскія войска, пришедшія въ Аугустенбургъ, получили приказаніе выступить въ Хемницъ. Фельдмаршалъ и генералъ Толь туда же поѣхали, а меня послали къ Императору съ депешами, изъ которыхъ онъ долженъ былъ узнать, что́ происходило. Генералъ велѣлъ мнѣ возвращаться какъ можно скорѣе. Къ вечеру я былъ въ Хемницѣ, гдѣ мы пробыли 27-е. Этотъ городъ довольно великъ и довольно красивъ, но въ старинномъ вкусѣ. Около полудня пріѣхалъ Государь, и я цѣлый вечеръ провелъ съ старыми моими товарищами. 28-е Государь остался въ Хемницѣ, а мы пошли въ Альтенбургъ. Императоръ догналъ насъ и пріѣхалъ съ нами, почему наши квартиры были на самомъ концѣ города. Генералъ Толь поѣхалъ дѣлать рекогносцировку и взялъ меня съ собой. Въ Борнѣ мы обѣдали у графа Витгенштейна и съ нимъ вмѣстѣ отправились къ Лейпцигу осматривать положеніе непріятеля; онъ соединилъ подъ Лейпцигомъ почти всѣ свои силы, и это давало поводъ думать, что онъ ожидалъ сраженія. Наше войско приходило со всѣхъ сторонъ такимъ образомъ, что непріятель былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Рѣшили дѣлать аттаку, но она была отложена на нѣсколько дней, чтобъ дать время собраться всѣмъ нашимъ войскамъ, а мы до тѣхъ поръ старались узнавать силы непріятеля. Для того двинули Австрійскій корпусъ подъ начальствомъ генера Клейнау, и рекогносцировка была назначена на слѣдующій день. Диспозиція сдѣлана гр. Витгенштейномъ, а мы съ ген. Толемъ объѣзжали аванпосты, потомъ возвратились въ Борну, оттуда на почтовыхъ поѣхали въ Альтенбургъ; домой вернулись часу въ десятомъ вечера, совершенно измученные. Ночью меня разбудили и позвали къ генералу, который сказалъ мнѣ, что опять поѣдетъ на аванпостъ, желая быть при рекогносцировкѣ, и велѣлъ мнѣ выѣхать въ три часа утра и ждать его въ Еспенгайнѣ у графа Палена.

1-го октября я пріѣхалъ въ Еспенгайнъ цѣлымъ часомъ ранѣе генерала; въ одной деревушкѣ, почти совершенно раззоренной, оставили козаковъ и поѣхали съ графомъ Паленомъ на аванпосты; тутъ цѣлый часъ смотрѣли на бой фланкеровъ и очень имъ забавлялись; наконецъ пріѣхалъ графъ Витгенштейнъ и мы двинулись объѣзжать поле, но рекогносцировки не было, она отложена на завтра, причинъ тому я не знаю. Къ вечеру возвратились въ Еспенгайнъ; генералъ поѣхалъ ночевать въ Альтенбургъ, но какъ онъ увѣрилъ насъ, что вернется завтра утромъ и оставилъ даже лошадей своихъ, мы предпочли не ѣхать съ нимъ. Егоръ, который никогда со мной не разставался, хлопоталъ, чтобъ состряпать намъ какой нибудь ужинъ, но, не смотря ни на какія усилія, досталъ только картофелю, и мы должны были имъ удовольствоваться, хотя и не обѣдали; за то съ величайшимъ удовольствіемъ напились чаю, который совершенно насъ оживилъ. Не понимаю, какимъ манеромъ у Егора всегда найдется чай и всѣ принадлежности къ нему, только товарищи и я очень ему за то благодарны. 2-го только что мы проснулись, Егоръ объявилъ намъ, что у него скоро будетъ готовъ отличный супъ, которому мы очень обрадовались. Время шло, десять часовъ, одинадцать, генералъ не пріѣзжалъ; въ полдень мы услышали канонаду, изъ чего заключили, что рекогносцировка началась, а генерала все не было. Около двухъ часовъ пушечные выстрѣлы все еще продолжались, а мы не имѣли никакихъ извѣстій отъ генерала Толя. Щербининъ и Гальбе поѣхали узнать, что̀ бъ это значило. Часа въ четыре они вернулись и сказали, что нашли генерала Толя въ сраженіи, и что онъ самъ ѣздилъ за нами, но ошибся деревней, въ которой искалъ насъ и вообразилъ, что мы уѣхали. Маленькая схватка кончилась въ нашу пользу, и генералъ хотѣлъ пріѣхать ночевать къ графу Витгенштейну, очень близко отъ насъ. Мы отправились къ нему, но онъ уже перемѣнилъ намѣреніе и поѣхалъ въ Альтенбургъ къ Императору, донести о всемъ, что̀ происходило, а намъ велѣлъ ночевать въ Борнѣ, куда на слѣдующій день должна была придти главная квартира, въ случаѣ же если бы она не приходила, онъ пришлетъ намъ приказаніе. Изъ бывшей сего дня рекогносцировки мы узнали, что непріятель имѣлъ передъ собой всѣ свои силы, состоящія по крайней мѣрѣ изъ 150 тысячъ человѣкъ; можно было полагать, что мы воспользуемся этимъ случаемъ аттаковать его, но не знали когда. 3-го къ полудню мы получили письмо отъ генерала Толя съ приказаніемъ идти въ Пегау. Мы были уже готовы и тотчасъ же отправились; по дорогѣ безпрестанно встрѣчали войска, двигавшіяся къ Лейпцигу. Въ Пегау мы нашли всѣ главныя квартиры и узнали, что рѣшительная минута настала, дѣло назначено на завтра. Вечеромъ генералъ Толь позвалъ къ себѣ и сообщилъ намъ всѣ диспозиціи для завтрашней аттаки и просилъ насъ дѣлать хорошо все, что̀ отъ насъ зависитъ. Мы были въ восторгѣ отъ довѣрія, какое онъ намъ показалъ, сообщивъ диспозиціи, которыя были тайной для всѣхъ другихъ. Тебѣ я ничего не буду говорить объ этомъ, потому что ты ничего не поняла бы изъ военныхъ распоряженій; скажу только, что вся непріятельская армія была сосредоточена, наша окружала ее со всѣхъ сторонъ, Блюхеръ со стороны Скендица, мы со стороны Борны, Королевскій Принцъ и Беннигсенъ съ резервой подступали тоже съ каждой стороны, и сраженіе должно было быть ужасно.

4-го едва разсвѣло, мы были уже на коняхъ. Я поручилъ себя милосердію Божію и поѣхалъ за генералами; въ Ротѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, посреди

нашей позиціи, оставили Орловскаго съ богажемъ и лошадьми и велѣли ему присоединиться къ обозу Императора, имѣвшему проходить мимо, и поѣхали на позицію. Сраженіе еще не началось; наши колонны приближались со всѣхъ сторонъ въ глубокой тишинѣ. Небо было покрыто тучами, и обширное поле, простирающееся передъ нашими глазами, было печально и зловѣще; каждому приходила въ голову мысль: не останусь ли я здѣсь на вѣки? Мы объѣхали всю позицію, генералъ разговаривалъ со всѣми коммандирами и пріѣхалъ къ правому крылу, гдѣ командовалъ Австрійскій генералъ Клейнау. Генералъ Толь сказалъ намъ, что во время всего сраженія мы съ нимъ останемся подлѣ него; вѣроятно онъ получилъ секретное порученіе присматривать за поведеніемъ генерала Клейнау и помогать ему совѣтами, потому что тутъ былъ главный пунктъ позиціи. Атака началась, первый пушечный выстрѣлъ невольно заставилъ насъ вздрогнуть, то былъ сигналъ смерти ста тысячъ человѣкъ. Клейнау двинулся нѣсколько сотенъ шаговъ, и сталъ передъ возвышеніемъ, которое господствовало надъ всей позиціей. Генералъ Толь и Клейнау заняли его, и мы оставались на немъ, не смотря на бомбы и ядра, которыя такъ сюда и летѣли. При каждомъ движеніи непріятеля, Толь посылалъ одного изъ насъ съ донесеніями къ Императору. Моя очередь не замедлила придти и, преодолѣвъ тысячу опасностей, я имѣлъ счастье найти Государя и исполнилъ порученіе, возложенное на меня. Государь послалъ меня же съ отвѣтомъ. Я долженъ былъ возвращаться на наше возвышеніе, черезъ маленькій лѣсокъ, гдѣ дрались наши стрѣлки, и проѣзжалъ такъ близко, что ядро убило одного несчастнаго совсѣмъ подлѣ меня, и я былъ облитъ его кровью. Толь испугался, увидавъ меня окровавленнаго и съ участіемъ распрашивалъ, не раненъ ли я? Никого изъ товарищей моихъ не было при немъ, потому что онъ всѣхъ разослалъ съ порученіями, и я долженъ былъ опять ѣхать къ Императору, увѣдомить его, что непріятель сдѣлалъ движеніе насъ аттаковать. Я даже не имѣлъ времени вычиститься и опять поѣхалъ черезъ тѣ же опасности, отыскивать Государя, который встрѣтилъ меня вопросомъ: „Не раненъ ли ты?“

Исполнивъ порученіе, я перемѣнилъ лошадь и поѣхалъ обратно; но возвышеніе, на которомъ оставилъ ген. Толя, было уже занято непріятелемъ, а Австрійцы въ совершенномъ разстройствѣ; ядра падали со всѣхъ сторонъ, пули свистали, и непріятель былъ въ двухъ шагахъ. Зная навѣрно, что ген. Толь тамъ, гдѣ опасность сильнѣе, я бросился въ средину бѣгущихъ и спрашивалъ у каждаго, гдѣ ген. Клейнау, гдѣ ген. Толь?

—Первый сейчасъ же убѣжалъ, отвѣчали мнѣ. Про втораго никто ничего не зналъ. Вообрази мое положеніе; окруженный опасностями, совершенно одинъ, я могъ быть раненымъ и убитымъ, и никто бы не узналъ этого! Непріятель уже сходилъ съ горы съ нашей стороны; я еще разъ поручилъ себя милосердію Божію и, творя молитву поѣхалъ впередъ, полагая, что генералъ тамъ, ежели съ нимъ ничего не случилось; скоро я встрѣтилъ Трескина, тоже искавшаго генерала. Мы обѣщали другъ другу не разставаться посреди опасности со всѣхъ сторонъ и поѣхали вмѣстѣ искать генерала; черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли храбраго нашего ген. Толя, во главѣ колонны, которую ему удалось собрать, и присоединились къ нему; но не смотря, ни на его, ни на наши усилія, мы ничего не могли сдѣлать съ проклятыми Австрійцами, которые только открывали насъ непріятелю и бѣжали, изъ всѣхъ силъ крича: Franzosen, Franzosen! Генер. Толь видя, что тщетно

подвергается опасности, принужденъ былъ отступить и занялъ довольно хорошую позицію, которую мы имѣли позади, собралъ бѣгущихъ и устроилъ изъ нихъ колонну, безъ чего мы потеряли бы и эту позицію, потому что Клейнау былъ уже очень далеко. Французы, увидавъ позицію, которую мы захватили, остановились, а Толь воспользовался этимъ временемъ, чтобы сдѣлать диспозиціи. Въ тоже время мы узнали, что непріятель старался поколебать нашъ центръ и сбилъ полки гусаръ и драгуновъ, но былъ остановленъ гвардейскими гусарами, а казаки, которыхъ Императоръ послалъ изъ своего конвоя, заставили его ретироваться; нашъ центръ тоже былъ принужденъ взять позицію назадъ, и эта битва, которая обѣщала кончиться въ нашу пользу, казалось, брала весьма дурной оборотъ; только Блюхеръ имѣлъ кой-какія выгоды и взялъ нѣсколько пушекъ. Однако день былъ еще великъ, можно было надѣяться поправить дѣло. Толь послалъ меня сдѣлать рекогносцировку за нашимъ крыломъ, гдѣ было нѣсколько полковъ, которые онъ принялъ за непріятельскіе, но я привезъ ему извѣстіе, что это были казаки Платова, и мы туда поѣхали отыскивать Клейнау, скоро нашли его за позиціей и уговорили приказать своему корпусу двинуться впередъ. Онъ взялъ одну деревню, занятую непріятелемъ, и имѣлъ бы еще больше успѣха, ежели бы темнота наступившей ночи не положила конца сраженію.

Нашъ генералъ, видя, что мы одерживаемъ верхъ, поѣхалъ самъ къ Императору доложить о томъ и условиться, какія принять мѣры, меня же и всѣхъ нашихъ офицеровъ, которыхъ мы нашли съ Клейнау, оставилъ при немъ и приказалъ соединиться съ нимъ у Императора, ежели бы онъ не вернулся къ ночи, и хорошенько замѣтить, какую позицію возметъ наше правое крыло при концѣ сраженія. Ночь наступила, ген. Толь не возвращался, мы поѣхали съ Клейнау въ его главную квартиру и тамъ совѣтовались что́ дѣлать. Большая часть товарищей, утомленные до нельзя, хотѣли остаться въ этой деревнѣ, но Щербининъ и я были противнаго мнѣнія и желали отыскать Императора, какъ г. Толь приказалъ намъ. Графъ Потоцкій, находящійся при Клейнау, далъ намъ диспозицію своего корпуса отвезти Государю, и мы поѣхали вдвоемъ. Не зная, гдѣ Императоръ, мы поѣхали на удачу по дорогѣ въ Роту, гдѣ имѣли счастіе найти его съ нашимъ генераломъ. Усталые, измученные, мы сейчасъ же легли спать. На другой день генералъ разбудилъ насъ очень рано; пока Щербининъ сообщалъ ему диспозицію Клейнау, я съ Егоромъ схлопотали чаю, и я угощалъ имъ генерала, который очень былъ доволенъ выпить чашку, другую и благодарилъ насъ. Пріѣхавъ на позицію, мы увидѣли, что непріятель уже занялъ возвышеніе, которое захватилъ вчера, а намъ оставалась позиція, съ которой мы должны были отступить. Деревня Гассе, въ центрѣ, была взята непріятелемъ, но наши храбрые егеря отняли и занимали ее въ сегодняшнее утро. Я ужаснулся, проходя деревней, при видѣ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ, которое все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ аванпостамъ. Неизвѣстность насчетъ брата, и извѣстіе что вчера полкъ ихъ очень пострадалъ, весьма меня безпокоили.

Пріѣхавъ къ генер. Клейнау, Толь разговаривалъ долго о состояніи нашихъ силъ. Изъ ихъ рѣчей мы поняли, что непріятель не хочетъ насъ аттаковать, понеся вчера большія потери и имѣя нужду собраться съ силами; мы тоже не будемъ его аттаковать, ожидая арміи Беннигсена и корпуса Коллоредо, долженствующихъ

соединиться съ нами. Все было покойно съ обѣихъ сторонъ, и войско, готовое къ сраженію, запасалось силами. Клейнау послалъ графа Потоцкаго на встрѣчу Беннигсену, просить его подвигаться какъ можно скорѣе. Генер. Толь приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ и привезти извѣстіе, на какомъ разстояніи, приблизительно, онъ находится. Мы съ гр. Потоцкимъ сдѣлали галопомъ около десяти верстъ и встрѣтили Беннигсена съ авангардомъ въ маленькой деревушкѣ. Гр. Потоцкій написалъ записочку, содержащую все, что надо было знать объ арміи; и я опять отправился галопомъ тѣ же десять верстъ, нашелъ Толя, лежащаго на травѣ съ Клейнау. Когда онъ прочиталъ привезенную мною записку, онъ велѣлъ мнѣ поскорѣе отвезти ее къ Государю, и я, не смотря на крайнюю усталость бѣдной моей лошади, на ней же опять пустился въ путь и довольно скоро нашелъ Императора. Онъ прочелъ записку, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и милостиво сказалъ:

„Твоя лошадь устала, отдохни!" и послалъ съ отвѣтомъ одного изъ своихъ адъютантовъ. Егоръ былъ съ багажемъ Государя, накормилъ меня и далъ мнѣ другую лошадь. Я возвратился къ генералу Толю и нашелъ его съ Клейнау, сидящихъ у вѣтренной мельницы, защищающей ихъ отъ вѣтра и дождя, гдѣ и я пріютился съ Австрійскими адъютантами. Мы тутъ пробыли около трехъ часовъ, отдыхали, спали и наблюдали за непріятельскими колоннами, которыя были совершенно спокойны. Наконецъ около четырехъ часовъ прибылъ Беннигсенъ со своей арміей и сталъ по правую сторону корпуса Клейнау. Коллоредо тоже пришелъ, и у насъ было довольно войска, чтобъ противустать непріятелю. Было уже поздно предпринимать что бы то ни было до завтра, какъ вдругъ Императоръ прислалъ приказаніе генералу Беннигсену начинать аттаку своимъ правымъ крыломъ. Всѣ генералы взволновались, потому что аттака не дала бы намъ никакой выгоды, только открыла бы всѣ наши силы непріятелю. Беннигсенъ, Толь, Клейнау и многіе другіе генералы употребили всѣ усилія, чтобъ отговорить Императора, но напрасно старались, и князь Волконскій и Уваровъ пріѣхали и привезли рѣшительное повелѣніе начинать аттаку. Беннигсенъ еще сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія, но видя, что все безполезно, рѣшился исполнить приказаніе, сдѣлалъ нужныя распоряженія и уставилъ батарею, которая должна была начинать пальбу и хотѣлъ уже скомандовать стрѣлять, какъ мы увидѣли ѣдущаго во всю прыть флигель-адъютанта и кричащаго изъ всѣхъ силъ: „Стой, стой! Императоръ приказалъ отложить аттаку на завтра". Это извѣстіе успокоило и обрадовало всѣхъ генераловъ. Толь поѣхалъ съ нами въ квартиру Беннигсена разсуждать о завтрашнемъ сраженіи и сказалъ намъ, что проведетъ ночь у Клейнау, а намъ предложилъ ѣхать въ Роту и привести оттуда его лошадей. Мои люди и лошади тоже были тамъ, и я радъ былъ провести покойно ночь. Въ Ротѣ я заѣхалъ въ конногвардейскій полкъ, и Воейковъ успокоилъ меня на счетъ брата.

6-го, съ разсвѣтомъ, Трескинъ, Орловскій и я ѣхали въ деревню Дрену, гдѣ генералъ Толь проводилъ ночь; но какъ, во время нашей ѣзды, солнце уже взошло, мы рѣшили, что не найдемъ его въ деревнѣ и поѣхали прямо на поле сраженія, которое должно было быть начато, судя по выстрѣламъ, слышаннымъ нами вдали. У вѣтренной мельницы, служившей намъ убѣжищемъ наканунѣ, мы оставили лошадей и пошли отыскивать генераловъ. Нашли Клейнау, но Толь уѣхалъ дѣлать рекогносцировку. Возвышеніе, стоившее намъ такъ дорого третьяго дня, было покинуто непрія-

телемъ; онъ увелъ все свое лѣвое крыло и, казалось, не могъ долго держать свою позицію, которую Беннигсенъ началъ атаковать и старался повернуть своимъ правымъ крыломъ. Графъ Потоцкій сказалъ намъ, что генералъ Толь скоро пріѣдетъ и послалъ меня къ Императору съ извѣстіемъ, что непріятель ретируется. Я долго искалъ Государя, потому что онъ былъ въ безпрестанномъ движеніи, наконецъ встрѣтилъ Великаго Князя, который мнѣ указалъ, гдѣ Его Величество. Я нашелъ его занимающимся установкой резервовъ. Извѣстіе о томъ, что́ происходило на правомъ крылѣ, очень обрадовало его. Пріѣхавъ обратно, я нашелъ Клейнау расположившагося на томъ возвышеніи, которое онъ не съумѣлъ сохранить, и остался при немъ въ ожиданіи генерала Толя. На всѣхъ пунктахъ сраженіе было очень жарко, непріятель, казалось, остановился и хотѣлъ держаться въ одной деревнѣ; но Толь, пріѣхавъ, убѣдилъ Клейнау двинуть свои войска, пошелъ самъ уставить батареи и дать дирекцію колоннамъ. Мы слѣдовали за нимъ въ самый сосредоточенный огонь съ нѣсколькихъ батарей, и всякіе полчаса онъ посылалъ одного изъ насъ съ докладомъ Государю. Намѣреніе Беннигсена обойти непріятеля правымъ крыломъ вполнѣ удалось, и онъ совершенно его разстроилъ. Генер. Толь замѣтилъ это и, не слушая Клейнау, приказалъ одной батареѣ слѣдовать за нимъ, заставилъ непріятеля покинуть деревню, помѣшалъ воспользоваться возвышеніемъ, которое находилось позади деревни и поставилъ нашу батарею такъ выгодно, что непріятель былъ принужденъ бѣжать; Толь преслѣдовалъ его и двигалъ пушки, а Великій Князь, пріѣхавъ съ кавалеріей, докончилъ пораженіе непріятеля совершенно. Онъ остановился совсѣмъ только подлѣ Лейпцига, гдѣ его резервы заняли позицію. Ген. Толь послалъ меня увѣдомить объ этомъ Государя, я встрѣтилъ его сіяющимъ отъ удовольствія, при видѣ бѣгства непріятеля. Едва я успѣлъ сообщить ему порученную мнѣ новость, какъ ген. Толь самъ пріѣхалъ, поздравилъ Императора и сейчасъ же уѣхалъ исполнить приказанія, которыя Его Величество далъ ему. Я поѣхалъ за нимъ черезъ все правое крыло Беннигсена, къ ген. Клейнау. Сраженіе все еще продолжалось, непріятель слабо держался въ своей позиціи, но, не смотря на это, ядра всякую минуту падали подлѣ насъ, убили одного изъ адъютантовъ Клейнау и унесли лошадь изъ подъ нашего казака. Всѣ наши товарищи были разсѣяны повсюду; Гальбе и я только, были при генералѣ. Непріятель не хотѣлъ оставить своей позиціи, и Толь поѣхалъ увѣдомить о томъ Императора, который далъ ему нѣсколько инструкцій для Клейнау. Мы поѣхали къ нему и, слава Богу, нашли подлѣ него всѣхъ товарищей. Выстрѣлы возобновились съ новой силой, непріятель съ трудомъ держался въ деревнѣ и еслибы наступавшая ночь не положила конца сраженію, мы вѣроятно имѣли бы еще болѣе выгодъ. Такъ какъ битва была почти кончена, мы съ ген. Толемъ возвратились къ Государю. Онъ былъ въ восторгѣ и поцѣловалъ насъ всѣхъ. Радость была очень велика, и всѣ другъ друга поздравляли, а шесть Саксонскихъ батальоновъ, которые сдались, еще увеличили ее, разсказывая намъ подробно весь уронъ, понесенный Наполеономъ въ этотъ достопамятный день. Съ неописаннымъ удовольствіемъ, мы поѣхали въ Роту, благодаря Бога за дарованную намъ побѣду и за сохраненіе нашей жизни среди столькихъ опасностей. Пріятно было подумать и о покоѣ, котораго давно уже были лишены. Императоръ былъ въ отличномъ расположеніи духа во время всего путешествія и разговаривалъ со всѣми. Ген. Толь, показывая дорогу,

ѣхалъ впереди, мы за нимъ, и потому находились часто подлѣ Его Величества и, не видя ничего въ темнотѣ, случалось даже и задѣть Государя. Я слышалъ его разговоръ съ Уваровымъ на счетъ его лошадей, и никогда еще мнѣ не случалось слышать Императора, разговаривающаго такъ дружески, а Уварова говорящаго такъ смѣло. Однако Толь, предводительствуя всѣми ѣдущими, скоро объявилъ, что въ потьмахъ потерялъ дорогу и не знаетъ куда ѣхать. Долго совѣтовались, наконецъ рѣшили ѣхать на свѣтъ, виднѣвшійся вдали. Этотъ огонекъ былъ въ маленькой избушкѣ, хозяинъ которой вывелъ насъ на большую дорогу, и мы благополучно прибыли въ Роту. Я забылъ сказать, что ген. Толь былъ легко раненъ въ бедро, эта рана не помѣшала ему присутствовать въ сраженіи, но къ ночи боль усилилась, и онъ провелъ ее безпокойно.

7-го. Узнавъ, что Государь опять поѣхалъ на поле сраженія, Толь, не смотря на рану, и мы поѣхали туда же. Непріятель совершенно отступилъ и занималъ только городъ Лейпцигъ; раненыхъ, которыхъ мы нашли на позиціи, было безчисленное множество. Французы много взорвали муниціонныхъ повозокъ, остатки которыхъ мы безпрестанно находили, а раненые показывали намъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ зарытыя пушки; ихъ откапывали десятками. Такимъ образомъ одержанная нами побѣда имѣла огромныя выгоды. Сдѣлали распоряженія аттаковать Лейпцигъ, и Императоръ назначилъ свою главную квартиру въ Пегау. Генералъ Толь послалъ насъ туда, и мы рады были отдохнуть.

Въ Пегау мы заняли старыя наши квартиры, и добрый хозяинъ обрадовался намъ. Весьма пріятна минута встрѣтиться съ знакомыми послѣ кровопролитной битвы, видѣть себя здоровымъ послѣ стольких опасностей и насладиться покоемъ послѣ трудовъ и усталости. Безпокоила меня только мысль о братѣ; вечеромъ ихъ полкъ долженъ былъ проходить мимо; я пошелъ на встрѣчу въ страхѣ и надеждѣ; темнота не позволяла хорошенько узнавать лица, я отнесся съ вопросомъ о братѣ къ первому офицеру и, представь себѣ мою радость, когда въ этомъ офицерѣ узналъ брата. Онъ не менѣе былъ радъ видѣть меня, и мы вмѣстѣ возблагодарили Господа Бога. Ко мнѣ онъ зашелъ только на минутку.

8-го утромъ генералъ еще не пріѣзжалъ, нѣкоторые офицеры, пришедшіе къ намъ, разсказывали намъ, что̀ было вчера: взятіе Лейпцига, союзъ съ Саксонцами, поспѣшное бѣгство Наполеона и торжественный въѣздъ Государя въ Лейпцигъ, гдѣ онъ провелъ ночь и долженъ былъ остаться и весь день. Генералъ Толь былъ тоже въ Лейпцигѣ, и я очень сожалѣлъ, что не былъ съ нимъ, хотѣлъ ѣхать сегодня, уговаривалъ товарищей отправиться вмѣстѣ, но они не только не согласились, но старались отговорить и меня, увѣряя, что генералъ сейчасъ возвратится; они были въ правѣ это думать, потому что князь Шварценбергъ, Барклай де-Толли и многіе другіе генералы уже пріѣхали. Я былъ твердъ въ моемъ рѣшеніи и хотя рисковалъ встрѣтить генерала Толя на дорогѣ, поѣхалъ одинъ въ Лейпцигъ, гдѣ нашелъ всеобщее ликованье.

Толь сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ и былъ очень доволенъ, всѣ прочіе генералы получили тоже награды. Я гулялъ по городу, обѣдалъ у Вашутина, хотѣлъ сдѣлать нѣсколько покупокъ, но когда пришелъ къ генералу, онъ собирался ѣхать въ Пегау и велѣлъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Не смотря на быстроту нашей ѣзды, мы пріѣхали только ночью; съ нами ѣхалъ князь Оболенскій, мужъ твоей Агрипины Нелединской, и я съ нимъ познакомился; конечно, говорили про тебя.

9-го армія взяла дирекцію къ Веймару, чтобъ дѣйствовать на непріятельскій флангъ. Князь Шварценбергъ еще наканунѣ поѣхалъ въ Ленцъ, мы выѣхали туда же очень рано.

Я приготовилъ въ Ленцѣ квартиру для своего генерала, но когда онъ прибылъ, мы узнали, что фельдмаршалъ отправлялся далѣе, что́ заставило и насъ сейчасъ же идти въ Ейзенбергъ, а въ Ленцѣ мы только отобѣдали. Императоръ опять остался однимъ походомъ позади.

10-го мы пришли въ Іену и оставались цѣлый день. Я гулялъ по городу, смотрѣлъ университетъ и великолѣпный дворецъ, въ которомъ жила Великая Княгиня Марья Павловна. Этотъ дворецъ приготовленъ для Императора.

11-го намъ приказано было идти въ Веймаръ. Трескинъ, Орловскій и я поѣхали впередъ и очень удивлялись, что не встрѣчали войскъ по дорогѣ, которая обыкновенно ими покрыта. Въ Веймарѣ не нашли квартирмейстеровъ и, узнавъ, что князь Шварценбергъ будетъ только на слѣдующій день, обратились за квартирами въ магистратъ; онъ далъ намъ великолѣпныя. Щербининъ, пріѣхавъ, подтвердилъ, что князь Шварценбергъ будетъ завтра и генералъ Толь тоже. Наша хозяйка г-жа Шопенгауеръ, очень важной фамиліи и дама высшаго тона; мы провели у нея вечеръ въ очень пріятномъ обществѣ. Она представила насъ своимъ гостямъ: дамамъ и мужчинамъ и, какъ она была придворная Великой Княгини Марьи Павловны, то разсказала намъ много про эту добрую принцессу и про многихъ знаменитыхъ людей Германіи, которыхъ всѣхъ знала и сама была очень учена и до чрезвычайности любезна.

12-го. Генералъ Толь пріѣхалъ очень рано и привезъ намъ пріятное извѣстіе, что награды за Лейпцигское сраженіе подписаны. Я получилъ чинъ поручика и очень былъ радъ.

Государь пріѣхалъ около полудня и былъ принятъ герцогомъ Веймарскимъ въ великолѣпномъ герцогскомъ дворцѣ. Мы пробыли въ Веймарѣ два дни; городъ красивъ, великъ, но неправильно выстроенъ. Хозяйка наша продолжаетъ быть съ нами очень любезна, давала намъ отличный обѣдъ, а вечеромъ мы пошли, съ ней и ея обществомъ, въ театръ.

14-го. Въ день рожденья Императрицы-матери, пѣли благодарственный молебенъ въ дворцовой церкви, устроенной для Великой Княгини; но я не могъ присутствовать, потому что мы должны были идти въ Еллебень, предурную деревеньку, гдѣ мы провели весь вечеръ. Еллебень на самой прямой дирекціи къ Франкфурту, куда мы направлялись, чтобъ отрѣзать дорогу непріятелю и преслѣдовать его. Императоръ остался въ Веймарѣ и поѣдетъ только на слѣдующій день по большой дорогѣ въ Вюрцбургъ и Ашафенбургъ и соединится съ нами только во Франкфуртѣ. Генералъ Толь получилъ приказаніе увѣдомлять Его Величество обо всякомъ малѣйшемъ приключеніи и какъ дорога, по которой онъ ѣхалъ, была отдѣлена отъ нашей высокими, почти непроходимыми, горами и Тюрингскимъ лѣсомъ, намъ стоило величайшаго труда доставлять ему свѣдѣнія и содержать комуникацію съ его главной квартирой.

15-го мы пошли въ Мюльбургъ; ген. Толь пріѣхалъ къ вечеру, не сердился за квартиры, вообще старался казаться въ хорошемъ расположеніи духа, но мы уже нѣсколько дней замѣчали, что у него есть какая-нибудь печаль и приписывали ее тому, что онъ не получилъ никакого награжденія отъ Австрійскаго императора за Лейпцигское дѣло, и это потому, что князь Шварценбергъ часто дѣлаетъ ему непріятности, касающіяся

нашего войска: князь хочетъ всегда выставлять свое, а генералъ не даетъ нашего въ обиду, и потому у нихъ безпрестанныя несогласія, которыя еще усилились съ 18-го числа. Правда, что это дѣлаетъ честь нашему генералу, но причиняетъ ему много неудовольствія, и намъ тоже непріятно за него. Нельзя вообразить себѣ, какъ скучно жить съ Австрійцами: ихъ гордость и чванство дѣлаютъ ихъ несносными; особенно они невыносимы съ тѣхъ поръ, какъ Государя нѣтъ съ нами.

16-го мы пришли въ Томбохъ, маленькое мѣстечко посреди Тюрингскаго лѣса, окруженное непроходимыми горами. Дорога, ведущая къ нему, одна изъ самыхъ неудобопроходимыхъ, и войско прошло ее съ величайшимъ трудомъ. Намъ дали скверныя квартиры; ген. Толь былъ очень недоволенъ, на бѣду казаки съѣли приготовленный ему обѣдъ, но за это онъ вспылилъ одну минуту, а потомъ самъ первый тому смѣялся. Я цѣлый день исполнялъ коммиссіи, а Шрама послали къ Императору съ докладомъ. Ему надо было проѣзжать черезъ Тюрингскій лѣсъ, и Трескинъ, желая его напугать, разсказывалъ ему такіе страхи и сказки, что мы хохотали изо всѣхъ силъ, даже генералъ не могъ удержаться отъ смѣха.

17-ое мы провели въ Шмалькальденѣ. Императоръ Австрійскій туда же пріѣхалъ, а нашъ Императоръ продолжалъ свой путь. Всякій день разстояніе между его дорогой и той, по которой мы шли, увеличивалось, и сообщеніе между двухъ главныхъ квартиръ все дѣлалось мудренѣе. Г. Толь былъ принужденъ послать двухъ Шрамовъ съ нѣсколькими казаками впередъ, держать середину дороги и, когда у насъ были какія депеши, ихъ возили къ Шрамамъ, а они доставляли къ Императору.

18-го въ Дернбохѣ, деревнѣ совершенно раззоренной непріятелемъ; квартиры дурныя, и невозможно ничего достать ѣсть, ни за какія деньги.

19-го мы шли дорогой, по которой ретировался непріятель, и она представляла намъ тоже зрѣлище, какъ отъ Смоленска до Вильны: на каждомъ шагу, мы встрѣчали мертвыхъ и умирающихъ; ежели бы было похолоднѣе, можно было бы подумать, что мы опять въ Россіи. Въ Гюнфельдѣ были большія хлопоты съ квартирами, ген. Толю дали одну, которая была уже занята, и я не могъ переувѣрить квартиргера, что это невозможно. Когда пріѣхалъ ген. Толь, я принужденъ былъ жаловаться, и генералъ приказалъ дать себѣ особую квартиру, а квартиргера арестовалъ; авось это научитъ ихъ болѣе имѣть уваженія къ Русскимъ.

20-е мы были въ Фульдѣ, довольно хорошемъ городкѣ, но въ самомъ старинномъ вкусѣ; 22-го наконецъ въ Гельнгаузенѣ, послѣдней станціи до Франкфурта, куда ужасно желали дойти поскорѣе, потому что по всей дорогѣ, раззоренной Французами, мы ничего не могли найти, и Австрійцы намъ страшно надоѣли.

23-го октября очень рано я пріѣхалъ во Франкфуртъ, получилъ порядочныя квартиры и расположилъ свою канцелярію. Жилъ я съ Щербининымъ, Трескинымъ и Орловскимъ. Нашъ хозяинъ, богатый купецъ, г. Шмидтъ трактовалъ насъ очень хорошо, мы были чрезвычайно довольны почтеннымъ этимъ старичкомъ и подружились съ его племянникомъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ.

24-го Императоръ имѣлъ торжественный въѣздъ во Франкфуртъ съ конногвардіей. 25-го пріѣхалъ Австрійскій Императоръ, и было молебствіе въ Католической церкви, потомъ парадъ для прибытія гвардіи, потомъ короля Прусскаго, и всю первую недѣлю мы провели въ страшной ажитаціи. Никогда Франкфуртъ не былъ

въ такомъ блистательномъ видѣ. Всякій день пріѣзжалъ какой нибудь король или принцъ, стеченіе народа было неимовѣрное, городъ наполненъ войсками всѣхъ націй. На улицахъ было такъ тѣсно, что съ трудомъ можно было пройти, а въ театрѣ почти невозможно достать порядочнаго мѣста. Я проводилъ время довольно пріятно: днемъ исполнялъ коммиссіи, которыя генералъ поручалъ мнѣ, рисовалъ карты, снималъ планы, гулялъ по городу, разсматривалъ его рѣдкости; а вечеромъ ходилъ въ казино, который почти тоже, что̀ Московскій Англійскій клубъ: можно играть въ карты, бильярдъ, читать газеты, разговаривать о новостяхъ, почти всегда невѣрныхъ, толковать о политикѣ, въ которой ничего не понимаютъ, и такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Ничего вѣрнаго мы не знаемъ, непріятель перешелъ Рейнъ и, кажется, въ очень критическомъ положеніи, однако нельзя предполагать, чтобъ онъ согласился заключить миръ; хотя объ немъ и говорятъ, но приготовленія, которыя дѣлаются, доказываютъ совсѣмъ противное.

28-го ноября. Франкфуртъ.

21-го ноября, день праздника Семеновскаго полка, была обѣдня и парадъ. Когда пріѣхалъ Австрійскій императоръ, нашъ Императоръ, какъ шефъ Семеновцевъ, провелъ мимо него полкъ церемоньяльнымъ маршемъ; потомъ былъ обѣдъ во дворцѣ для офицеровъ, а солдатамъ раздавали водку. Всѣ жители Франкфурта въ восторгѣ отъ нашего Государя и не могутъ довольно имъ нахвалиться. Всякій разъ на разводѣ даютъ ему какое нибудь доказательство своей приверженности. Нѣсколько дней я очень безпокоился о моемъ бѣдномъ Егорѣ, который вдругъ очень занемогъ; однакоже докторъ меня увѣрилъ, что онъ выздоровѣетъ, но 23-го проснувшись, я узналъ, что онъ умеръ. Это меня чрезвычайно огорчило, тѣмъ болѣе, что, по настоянію доктора, я у него не остался ночью. Онъ такъ любилъ меня, такъ хорошо служилъ мнѣ! Я позвалъ священника и схоронилъ вѣрнаго моего Егора, котораго мудрено будетъ замѣнить.

25-го и 26-го мы начали собираться въ походъ; главная квартира князя Шварценберга уже выступила, онъ одинъ оставался во Франкфуртѣ. Нашъ генералъ все откладывалъ отъѣздъ; я думаю, что онъ съ намѣреніемъ мѣшкалъ, въ надеждѣ, что Императоръ оставитъ его при себѣ; но наконецъ 28-го, онъ сказалъ намъ, что на слѣдующій день мы двинемся впередъ и послалъ Орловскаго занять квартиры въ Фрейбургѣ. Я цѣлый день хлопоталъ о принятіи жалованья, котораго генералъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Ему самому было совѣстно, что онъ причинилъ мнѣ столько хлопотъ и трудовъ; онъ извинялся передо мной и благодарилъ, когда я принесъ ему полученныя деньги. Узнавъ, что завтра мнѣ надо ѣхать очень рано, я весь вечеръ провелъ въ приготовленіяхъ, но прежде чѣмъ оставить Франкфуртъ, мнѣ хочется еще поговорить съ тобой объ этомъ городѣ. Онъ великъ, богатъ и славно выстроенъ. Во время нашего пребыванія было нѣсколько концертовъ и два бала: одинъ давалъ городъ, другой генералъ Уваровъ; я не былъ ни на одномъ, но слышалъ, что оба были прекрасны. Театръ не великъ, но очень хорошенькій, актеры всѣ изрядные, а есть и такіе, что были бы замѣчены и въ любой столицѣ; великолѣпныя декораціи, отличный оркестръ. Г-нъ Медеръ и г-жа Шродеръ и многіе другіе, знаменитые актеры, пріѣхавшіе изъ Гамбурга и Вѣны, украшали Франкфуртскую сцену. Театръ былъ rendez vous всего высшаго общества; я былъ нѣсколько разъ, но не такъ часто, какъ товарищи, особенно Орловскій: онъ не пропускалъ ни одного раза и хотя ни слова не понималъ по нѣмецки,

возвращался всегда въ восторгѣ и забавлялъ насъ, описывая, по своему, пьесу и игру актеровъ. Братъ, Воейковъ и другіе мои знакомые пріѣзжали нѣсколько разъ ко мнѣ погостить; словомъ, все время, которое мы пробыли во Франкфуртѣ, было очень весело и пріятно, только потеря Егора набросила черную тѣнь на свѣтлую жизнь въ этомъ городѣ. Что касается до политическихъ дѣлъ, то, кажется Наполеонъ не намѣренъ заключать мира: онъ собираетъ новыя силы, и война неизбѣжна, покрайней мѣрѣ еще на годъ. Ежели намъ удастся занять Швейцарію и принудить Итальянскаго вицекороля ретироваться со своей арміей, тогда мы можемъ надѣяться войти во Францію. Всѣ наши союзныя войска пошли уже въ Базель, главная квартира переведена во Фрейбургъ. Императоръ ѣдетъ 30-го, а мы завтра. Очень намъ жаль разстаться съ Щербининымъ, котораго князь Волконскій хочетъ оставить при себѣ. Онъ всегда былъ добрый и хорошій товарищъ.

27-го ноября.

29-го ноября, простясь съ моимъ добрымъ хозяиномъ и съ его племянникомъ, я оставилъ Франкфуртъ. Погода была чудная; дорога, по которой я ѣхалъ, извѣстная подъ именемъ Бергстрассе, представляетъ на каждомъ шагу очаровательные виды и все новыя картины, которыя лѣтомъ должны быть восхитительны, но теперь прекрасныя долины, луга, виноградники, сады безъ зелени являли печальное зрѣлище и усугубляли мою грусть. Я едва удерживался отъ слезъ всякій разъ, что оборачивался назадъ и не видалъ моего Егора. Пускай осудятъ меня, пускай примутъ за слабость привязанность мою къ нему: я никогда не перестану жалѣть о немъ и, когда потерялъ изъ вида послѣднюю башню города, гдѣ оставилъ его въ могилѣ, горькая слеза медленно скатилася въ его память. Черныя мысли бродили у меня въ головѣ, я размышлялъ о бренности человѣческой жизни, о непостоянствѣ земныхъ благъ, въ которыхъ меня удостовѣряли развалины старинныхъ замковъ, мимо которыхъ я проѣзжалъ. Пріѣхавъ въ Дармштадтъ, я не могъ добиться квартиръ, потому что главная квартира Австрійскаго императора и корпусъ генер. Сакена стояли въ этомъ городѣ. Я былъ принужденъ занять загородный домъ, гдѣ и провелъ вечеръ съ товарищами. Ген. Толь пріѣхалъ въ ночь. Дармштадтъ хорошъ и дуренъ вмѣстѣ: въ одной части города видишь широкія улицы, большія площади и прекрасныя строенія, въ другой, напротивъ, маленькіе домики, узенькія нечистыя улицы, точно жидовскія. Мнѣ сказывали, что въ Дармштадтѣ хорошій театръ и довольно рѣдкостей, но я такъ усталъ, что предпочелъ лечь спать.

30-го генералъ позвалъ меня къ себѣ очень рано и совѣтовался, куда намъ идти ночевать; послѣ долгаго колебанія, мы рѣшили провести ночь въ Гейдельбергѣ, семь миль отъ Дармштадта. Я поѣхалъ въ девять часовъ, погода была прекрасная, но немножко холодно, т. е. пять или шесть градусовъ, что казалось очень много для здѣшнихъ мѣстъ. Бергстрассе продолжалась, я любовался высокими горами, обширными долинами, старинными замками и читалъ ихъ исторію въ книгѣ, которую нарочно досталъ. Но скоро это мнѣ надоѣло; я ѣхалъ болѣе десяти часовъ, совершенно молча и подумалъ съ сожалѣніемъ о своемъ Егорѣ, который бы развеселялъ меня разговорами, или пѣлъ бы пѣсни, напоминающія мнѣ мою родину; я задумался, но вдругъ прекрасное зрѣлище поразило меня. Гейдельбергъ, освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца, съ своими старинными башнями, отражался въ рѣкѣ Неккеръ, текущей у подошвы горъ, окружающихъ этотъ городъ; вда-

ли разбросаны монастыри и развалины; я долго глядѣлъ съ восхищеніемъ на прелестную эту картину. Пріѣхавъ въ городскую думу, я радъ былъ встрѣтить тамъ Тизенгаузена, пріѣхавшаго приготовлять квартиры для Императора, котораго ожидаютъ на слѣдующій день. Квартиры я получилъ скоро, но съ фуражемъ возился очень долго. Генералъ пріѣхалъ, и я пошелъ къ себѣ, въ надеждѣ скорѣе лечь отдохнуть; но хозяинъ мой пригласилъ меня къ себѣ ужинать, продержалъ меня два часа за столомъ и принудилъ отвѣдывать всѣхъ кушаньевъ, а мнѣ ѣсть нисколько не хотѣлось. Послѣ ужина онъ началъ разговаривать о политикѣ и никогда бы не кончилъ, но я чуть не заснулъ; онъ замѣтилъ это и пожелалъ мнѣ покойной ночи.

1-го декабря я рано уѣхалъ изъ Гейдельберга и не могъ видѣть всѣхъ рѣдкостей города; всего больше мнѣ было жаль огромной бочки, о которой такъ много слышалъ; дорога до Брюксаля показалась мнѣ и длинна и скучна.

2-го декабря очень рано я опять пустился въ путь. Густой туманъ и снѣгъ шедшій большими хлопьями мѣшали мнѣ видѣть прекрасное мѣстоположеніе. На половинѣ дороги меня догналъ полковникъ Скобелевъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ ѣхали до Дюрбаха, гдѣ онъ остался готовить квартиры для Императора, а я поѣхалъ въ Раштадтъ; засталъ его въ большомъ смятеніи: ожидали Австрійскаго императора. Это мнѣ не помѣшало получить хорошія квартиры, гдѣ, сидя съ Трескинымъ у окна, мы видѣли, какъ Францъ II въѣхалъ въ городъ въ скверной почтовой каретѣ, нагруженной съ верху до низу. Онъ никому не показывался и хотя народъ окружалъ его и бѣжалъ за нимъ съ радостными криками, никто не могъ сказать, что его видѣлъ. Ген. Толь позвалъ меня, и мы стали разсчитывать, куда намъ идти завтра ночевать; я полагалъ, что Императоръ будетъ въ Офенбургѣ, но Толь увѣрялъ, что онъ пробудетъ нѣсколько дней въ Карлсруэ, и мы рѣшили имѣть ночлегъ въ Офенбургѣ.

3-го декабря, съ первымъ свѣтомъ, я уже былъ готовъ, пошелъ пѣшкомъ, потому что было очень холодно, и вспоминалъ кампаніи Тюренња, которыми прославилась эта земля. Когда мы проѣзжали деревню Созбахъ, гдѣ онъ былъ убитъ, мнѣ очень хотѣлось сходить на его могилу, поклониться праху этого великаго воина, но я не имѣлъ времени: надо было поскорѣе занять квартиры въ Офенбургѣ. Дали довольно скоро и порядочныя. Хозяева звали меня къ себѣ и были довольно любезны. Жители великаго герцогства Баденскаго никогда не видали Русскихъ и, судя насъ по описаніямъ французскихъ журналовъ, думаютъ, что мы невѣжи и грубіаны, безъ всякаго воспитанія и не хотятъ вѣрить, что мы Русскіе, когда мы говоримъ съ ними по-французски, или по-нѣмецки; они никогда не начинаютъ съ нами разговора сами, въ полной увѣренности, что мы ихъ не понимаемъ; это не нравится моимъ товарищамъ, особенно Трескину, который любитъ поболтать. Надѣюсь, что въ Швейцаріи намъ будетъ лучше: тамъ знаютъ Русскихъ по Суворовскимъ кампаніямъ.

4-го декабря въ пять часовъ я выѣхалъ. Погода была холодная, снѣгъ опять шелъ довольно крупный, но скоро небо прояснилось и такъ сдѣлалось тепло, что я принужденъ былъ снять шинель: поэтому ты можешь судить, какой здѣсь климатъ. Мнѣ было очень скучно, горы и долины прискучили, развалины почти всѣ одинакія, но одна забавная сцена развеселила меня. Когда мы проѣзжали черезъ городъ Еммедингенъ, мимо квартиры генер. Вреде, Баварцы, стоявшіе у него на караулѣ, увидя моихъ казаковъ, вздумали закричать имъ ура; собралась

толпа народа, всѣ насъ окружили, и мы съ трудомъ могли пробраться сквозь эту толпу. У самыхъ воротъ Фрейбурга я встрѣтилъ казака Орловскаго, который проводилъ меня прямо въ трактиръ, гдѣ онъ занялъ квартиры тѣсныя и холодныя, но дѣлать было нечего; а досадно, потому что здѣсь мы будемъ отдыхать двѣ недѣли.

Вмѣсто пятнадцати дней мы простояли въ Фрейбургѣ всего три. Генералъ давалъ мнѣ безпрестанныя порученія и часто посылалъ къ Государю. Сегодня 6-е, а у обѣдни я быть не могъ. Вечеромъ пошелъ въ театръ, но онъ такъ дуренъ, что я выслушалъ только первый актъ.

Фрейбургъ замѣчателенъ своей башней, которая, говорятъ, также высока какъ Стразбургская. Сверху этой башни я любовался Альпійскими горами и Рейномъ, очень живописно протекающимъ по прекраснымъ долинамъ. Сегодня 7-го, воскресенье, я слушалъ обѣдню въ католической церкви, потомъ смотрѣлъ, какъ Баварская армія дефилировала передъ Австрійскимъ императоромъ. Вечеромъ Трескинъ пріѣхалъ изъ главной квартиры Императора и привезъ намъ Барша, дядю Щербинина. Онъ умный и пріятный человѣкъ, и мы съ нимъ дѣлали на завтра разные планы, какъ пришли намъ сказать отъ генерала, что завтра мы идемъ въ походъ; это такъ было неожиданно и такъ насъ смутило, что мы не знали за что приняться; я побѣжалъ къ каретнику упрашивать его, чтобъ повозка моей канцеляріи была починена къ слѣдующему дню и началъ укладываться, пошелъ за приказаніями къ генералу, который сказалъ мнѣ, что мы идемъ въ Лёррахъ съ главной квартирой князя Шварценберга, и послалъ Галле съ этимъ извѣстіемъ къ князю Волконскому.

8-го оставилъ я своего писаря ожидать повозку, а самъ отправился съ Орловскимъ. Дорога была скверная, войска, шедшія со всѣхъ сторонъ, портили ее еще болѣе, погода ужасная. Въ Лёррахѣ было такъ много военныхъ, что насъ помѣстили въ семинаріи. Генералу дали комнату директора, а намъ у другихъ почетныхъ членовъ.

9-го ген. Толь поѣхалъ съ княземъ Шварценбергомъ дѣлать рекогносцировку, а мы цѣлый день пробыли дома. Хозяинъ показывалъ намъ коллекцію картинъ, вообще старался насъ занимать. Полковникъ Гартингъ пріѣхалъ къ намъ курьеромъ и провелъ весь день. Генералъ послалъ меня за диспозиціей, изъ которой мы узнали, что пойдемъ въ Швейцарію, въ Бернъ, и Гартингъ уѣхалъ съ этой диспозиціей, но походъ былъ отложенъ и назначенъ не въ Бернъ, а въ Базель. Сегодня 18-е, мнѣ дѣлать нечего и хочется поговорить съ тобой, хотя и нечего нѣтъ новаго. Австрійцевъ мы все также не любимъ, но съ нѣкоторыхъ поръ, они стали поучтивѣе, и со временемъ мы ихъ сформируемъ, какъ сформировали Пруссаковъ. Я знакомъ съ нѣкоторыми, но мало бываю въ ихъ обществѣ. Генер. Толь всегда былъ ко мнѣ очень милостивъ, а съ нѣкоторыхъ поръ сталъ еще лучше; съ товарищами я живу хорошо, но далеко не такъ друженъ, какъ былъ съ Вашутинымъ и Вишняковымъ. Щербинина всѣ очень сожалѣемъ, и всѣ желаемъ поскорѣе соединиться съ главной квартирой Императора; тамъ все такъ живо, такъ весело, здѣсь скучно, все будто спитъ, Австрійцы даже никогда не усмѣхнутся. Мы все еще въ Лёррахѣ и не можемъ двинуться, пока не возмемъ или не блокируемъ крѣпости Гюнингъ. На дняхъ князь Волконскій насъ всѣхъ очень перепугалъ, пріѣхалъ ночью и пробылъ нѣсколько часовъ съ княземъ Шварценберомъ. Дурновъ оставался все время съ нами. Въ Лёррахѣ такое множество военныхъ, что не

знаютъ, куда ихъ помѣстить; жители отягчены постоями, жаль смотрѣть на нихъ. Сегодня у нихъ Рождество Христово и, вмѣсто празднованья, слышишь только жалобы и вздохи. У нихъ даже не было обѣдни для такого великаго дня, потому что ихъ церкви превращены въ магазины. Россія теперь счастлива, забыла ужасы войны, въ обновленныхъ своихъ храмахъ воспѣваетъ хвалы Богу.

Россія тоже страдала подъ игомъ непріятельскимъ, ей грозила погибель, но Небо сжалилось, вѣрные сыны отмстили за отечество и перенесли всѣ ужасы войны на берега Рейна.

Сегодня мы ѣздили въ Базель, за полмили отсюда; генералы Толь, Нейдгардтъ и Багрѣевъ тоже поѣхали, и мы, всѣ вмѣстѣ, заказали себѣ отличный обѣдъ въ гостинницѣ Трехъ Королей. Городъ довольно великъ, но кажется очень скучнымъ, жители къ намъ нехорошо расположены, на улицѣ мы буквально никого не встрѣтили, лавки и магазины всѣ были заперты, и мы не видали ничего замѣчательнаго, только соборную церковь, прекрасно выстроенную въ готическомъ вкусѣ. Рейнъ довольно широкъ, берега его очень красивы, съ одной стороны они покрыты горами, съ другой, прекрасными долинами, усыпанными селами и деревнями. Канонада, которую мы услышали въ Гюнингѣ, возбудила наше любопытство. Мы сѣли на коней и подъѣхали къ самой крѣпости, которая отъ Базеля всего въ одной верстѣ.

Французы сдѣлали вылазку, но Баварцы скоро ихъ прогнали, однако же съ нашей стороны было нѣсколько раненыхъ, и мы были въ опасности: граната, упавшая посреди насъ, чуть не наказала насъ за любопытство и неосторожность. Мы такъ близко подъѣхали къ непріятелю, что казакъ, бывшій съ нами, выстрѣлилъ изъ пистолета и просилъ патроновъ у Баварцевъ, желая гнать Французовъ, которые ретировались къ Гюнингу. Эта крѣпость не велика, но кажется хорошо укрѣплена и вѣроятно долго продержится. Когда пушечные выстрѣлы прекратились и солнце начало садиться, мы возвратились домой.

14-го декабря вечеромъ къ намъ пріѣхали два офицера Австрійской службы, Поляки, которые довольно хорошо говорятъ по-русски. Они очень пріятные, молодые люди, играли на фортепіано и пѣли. Ландскоръ сдался союзникамъ. О походѣ ничего не слышно.

16-го Трескинъ уѣхалъ въ главную квартиру Императора, прочіе товарищи тоже были разосланы по различнымъ порученіямъ; ген. Толь отправился осматривать крѣпость, я одинъ былъ дома и надѣялся позаняться, но пріѣхалъ князь Щербатовъ, которому надо было показать квартиры ген. Радецкаго; потомъ Икскуль, нашъ офицеръ, присланный за размѣщеніемъ Барклаевой арміи, и въ ожиданіи генерала, я долженъ былъ сидѣть съ нимъ и занимать его. Вечеромъ адъютантъ г. Радецкаго привезъ г. Толю диспозиціи, изъ которыхъ мы узнали, что намѣреніе идти черезъ Швейцарію отмѣнено и что мы, перейдя Рейнъ, отправимся въ Парижъ. Богъ знаетъ, благополучно ли дойдемъ до столицы Франціи. Мы приписывали перемѣну операцій объявленію Неаполитанскаго короля нашимъ союзникомъ, потому что у него достаточно войска принудить вицекороля Итальянскаго отступить во Францію, или тоже перейти на нашу сторону. Ежели бы это случилось, у Наполеона болѣе никого не останется, но и одинъ онъ еще долго будетъ намъ противиться. Въ одиннадцать часовъ вечера генералъ Толь и мы поѣхали верхомъ на Тюллингерскую гору смотрѣть на бомбардировку Гюнинга. Канонада была очень сильна во всѣхъ сторонахъ, наши бомбы сдѣлали пожаръ во многихъ мѣ-

стахъ, изъ крѣпости намъ отвѣчали слабо, потому что тамъ не ожидали этой атаки. Съ горы это зрѣлище было очень великолѣпно, хотя довольно густой туманъ мѣшалъ видѣть его во всей красѣ.

18-го декабря, все утро писали диспозиціи, переписывали, исправляли планъ Гюнинской атаки; всѣмъ было дѣло; въ 12 часовъ Шрамъ поѣхалъ во Фрейбургъ со всѣми этими бумагами, а къ намъ пришелъ Муравьевъ, пріѣхавшій въ Лёррахъ занять квартиры для корпуса графа Платова, котораго ожидаютъ завтра. По всему вѣдно, что мы скоро пойдемъ въ походъ и на дняхъ будемъ во Франціи.

19-го Трескинъ и я поѣхали на Тюллингерскую гору смотрѣть на крѣпость и батареи, которыя безпрестанно стрѣляли, но опять густой туманъ помѣшалъ намъ, и мы скоро возвратились. Трескинъ поѣхалъ въ Базель, Орловскаго послали въ Альткирхъ къ князю Щербатову, я одинъ остался дома; сначала было много дѣла, а потомъ взгрустнулось по родинѣ: праздники наступаютъ, а я одинъ, такъ далеко отъ всѣхъ васъ, дорогихъ моему сердцу, на чужой сторонѣ и вѣроятно даже не попаду ни къ обѣдни, ни къ заутрени въ день Рождества Спасителя міра. Трескинъ пріѣхалъ вечеромъ и разогналъ печальныя мои мысли.

20-го декабря новый годъ у Нѣмцевъ. Генер. Толь со всѣми нами ходилъ поздравлять князя Шварценберга. Онъ не хотѣлъ оставаться въ долгу и, только что генералъ успѣлъ придти домой, къ нему явился отъ фельдмаршала ген. Коллеръ съ Австрійскими офицерами поздравить съ новымъ годомъ, который для насъ еще не пришелъ. Австрійцы за-просто ничего; но въ парадѣ они уморительны: мундиры самыхъ странныхъ цвѣтовъ, я даже всѣмъ и названій не приберу, красные панталоны, маленькіе, гусарскіе сапожки и очень высокія шляпы. Послѣ церемоніальнаго пріема и любезностей съ обѣихъ сторонъ, мы поѣхали въ Базель, чтобъ купить игрушекъ дѣтямъ нашего хозяина и слышали тамъ, что намъ дали Прусскій орденъ (pour le merite). Хотя вѣсть эта и очень пріятна, но мудрено ей вѣрить, пока генералъ намъ не объявитъ.

21-го оставили Лёррахъ, ночлегъ назначенъ былъ въ Альткирхѣ, но князь Шварценбергъ остановился въ Базелѣ, и нашъ генералъ тоже разсудилъ тутъ же ночевать. Я получилъ для него и для себя отличныя квартиры у одного знатнаго и богатаго господина, который былъ съ нами очень добръ и любезенъ, но за то мы должны были съ нимъ все время любезничать. Завтра навѣрно походъ, и мы вступаемъ во Францію. Мнѣ жаль, что я не увижу Швейцаріи; ежели можно судить по одному городу, то Швейцарцы кажутся добрымъ, простымъ народомъ, чистоплотны въ жилищахъ и одеждѣ, реформатскаго закона и очень привязаны къ своей вѣрѣ, никогда не работаютъ ни въ праздникъ, ни въ воскресенье и молятся Богу, садясь за обѣдъ и выходя изъ-за стола. Это мнѣ напомнило нашу матушку-Россію. Вѣря всѣмъ разсказамъ Наполеона, они принимали насъ за злодѣевъ и очень насъ боялись, но теперь очень насъ полюбили и удивляются, что мы обходимся съ ними лучше, нежели Французы. Они не сомнѣваются, что будутъ вознаграждены за издержки и не могутъ нахвалиться нашимъ Императоромъ за то, что онъ не нарушилъ ихъ нейтралитета, хотя и могъ легко это сдѣлать, и обѣщалъ имъ свое покровительство. Всѣ арміи перешли Рейнъ и дожидаются на границахъ Франціи приказанія, куда идти. Резервный корпусъ, состоящій изъ нашей арміи и Прусской гвардіи, переправляется черезъ Рейнъ. Союзныхъ монарховъ всякій день ожида-

ютъ сюда. Князь Волконскій пріѣхалъ въ Базель; но когда мы къ нему явились, онъ уже уѣхалъ въ Лёррахъ.

22-го декабря мы вступили во Францію и остановились въ Альткирхѣ— ничтожный городишка, гдѣ намъ дали, всѣмъ вмѣстѣ, прескверную квартиру. Всѣ жители спрятались, и во всѣхъ домахъ мы находимъ только или ключницъ, или старыхъ управителей, недурно впрочемъ насъ принимающихъ. Они очень удивляются, что мы хорошо и учтиво съ ними обходимся, когда ожидали отъ насъ всевозможныхъ злодѣяній. Я видѣлъ, съ какимъ страхомъ народъ смотрѣлъ на казаковъ Платова, когда они проходили черезъ городъ; вѣроятно онъ скоро къ намъ привыкнетъ и не будетъ отъ насъ бѣгать; это вѣдь не Русскій бросающій свое имущество, сожигающій свои жилища, только чтобъ оно не досталось непріятелю: это Французы, которымъ все равно, кого имѣть господиномъ. Вечеръ провели въ скверной своей квартирѣ. Ген. Толь объявилъ намъ, что намъ дали орденъ pour le merite, и мы ожидаемъ его съ нетерпѣніемъ. Узнавъ, что генералъ намѣренъ послать курьера къ Императору съ извѣстіемъ о взятіи Женевы, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ быть въ церкви и просилъ, чтобъ онъ послалъ меня, и взялъ всѣ бумаги и депеши. Здѣсь почта несравненно лучше нашей, экипажи маленькіе, но удобные, крытые, защищающіе отъ вѣтра и дождя. Лошади, правда, не бѣгутъ такъ скоро, какъ наши, но я обѣщалъ на водку почтальону, и мы скоро доѣхали до Базеля. Здѣсь мнѣ не хотѣли давать лошадей, но какъ у меня были бумаги къ ген. Ольдекопу и генералъ-аншефу Барклаю де-Толли, они мнѣ выдали бумагу, по которой уже меня болѣе нигдѣ не задерживали. Дождь былъ сильный, почему съ крѣпости Гюнингъ не стрѣляли, и мы благополучно пріѣхали во Фрейбургъ въ 7 часовъ утра. Я остановился у Дурнова, отнесъ бумаги князю Волконскому и остался у него смотрѣть на парадъ гвардейской кавалеріи. Послѣ парада Императоръ пошелъ въ церковь и я за нимъ, но какъ въ ней никого не было кромѣ Шишкова и Аракчеева, то я старался, какъ можно, скрыться въ амбразурѣ окна, и тогда только успокоился, когда пришли еще многіе другіе. Мнѣ было очень пріятно слышать церковную службу, и я усердно молился. Императоръ стоялъ посреди церкви вмѣстѣ со своими подданными, и царь земной приносилъ теплыя свои молитвы Небесному Царю.

25-го рано утромъ пріѣхалъ Трескинъ и торопилъ меня ѣхать обратно. Я былъ еще у заутрени и хотя очень грустно было остаться безъ обѣдни въ такой большой праздникъ, поспѣшилъ ѣхать къ генералу, не посмѣлъ даже зайдти къ брату, полкъ котораго стоялъ въ Кротчингенѣ, деревнѣ, черезъ которую я проѣзжалъ. Въ два часа ночи пріѣхалъ въ Альткирхъ, но главная квартира была уже переведена въ Монтбельярдъ, куда я тотчасъ же и отправился съ однимъ Австрійскимъ офицеромъ въ прескверной какой-то фурѣ.

26-го пріѣхалъ въ одиннадцать часовъ утра, явился къ генералу съ отвѣтами на порученія, а остальное время провелъ съ Орловскимъ и Дистомъ, присланнымъ къ князю Шварценбергу за Нейгдарта, который боленъ. Трескинъ пріѣхалъ къ вечеру и объявилъ о прибытіи князя Волконскаго. Мы приготовили ему квартиру и послали казаковъ ему на встрѣчу.

27-го много было хлопотъ достать лошадей для князя и дать ему конвой казаковъ, но наконецъ онъ уѣхалъ. Погода дурная, дѣла нѣтъ. Въ Монтебельярдѣ намъ довольно пріятно. Городъ этотъ много потерпѣлъ во время революціи, жители эмигрировали; многіе долго жили въ Россіи и изрядно говорятъ по-русски.

28-го Декабря мы оставили Монтебельярдъ и, самой прямой дорогой, пошли въ Везулъ; первая станція была въ Араи, но деревня эта такъ мала, что мы заняли квартиры въ сосѣдней деревнѣ, Ешенасъ; генералъ не пріѣхалъ, онъ предпочелъ остаться въ городѣ и сдѣлать лучше на другой день десять верстъ лишнихъ, чѣмъ ночевать въ дурной деревнѣ, гдѣ ничего нельзя было достать. 29-го пришли въ городъ Виллересексъ. Съ квартиргеромъ у насъ всякій разъ непріятности, и я радъ былъ, когда онъ никакъ не хотѣлъ дать квартиру ген. Толю въ городѣ, а отвелъ ему ее въ ближайшей деревнѣ Сентъ - Сюльписъ; это такъ разсердило генерала, что онъ сейчасъ написалъ письмо къ ген. Ланжерону съ жалобой на квартиргера. Въ Везулѣ опять исторіи съ квартирами и кромѣ того еще грубости со стороны квартиргера; тогда ужъ генералъ сказалъ это князю Шварценбергу, и квартиргеръ арестованъ, а намъ префектъ далъ отличныя квартиры, чему мы очень рады, потому что простоимъ здѣсь нѣсколько дней. Говорятъ, армія Наполеона ретируется къ Парижу, чтобъ прикрыть свою столицу. Наши партизаны находятъ сопротивленіе со стороны Нанси, и это доказываетъ, что Лотарингія не совсѣмъ очищена и, какъ она должна быть у насъ въ тылу, намъ нельзя идти впередъ, пока въ ней будутъ войска. Полагаютъ, что въ Шампаньи у насъ будетъ кровопролитное сраженіе, и бѣда Наполеону, ежели онъ его проиграетъ. Объ Голландской арміи и объ Веллингтонѣ ничего не слышно. Блюхеръ понемногу приближается къ Мецу. Прощай, любезная сестра, кончаю это письмо, пожелавъ тебѣ счастливаго года.

ЗАМѢТКА.

17 октября 1819 года, въ Царскомъ Селѣ, Карамзинъ прочелъ императору Александру Павловичу свою Записку о Польшѣ или *Мнѣніе Русскаго Гражданина*, которое уже въ наше время напечатано въ книгѣ: „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина“, Спб. 1862, стр. 3—8. На другой день Государь переѣхалъ на житье въ Петербургъ (см. письма Карамзина къ Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 273); но предъ отъѣздомъ онъ показалъ Записку Карамзина директору Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардту, который и списалъ ее. Списокъ этотъ сохранился у сына его Владиміра Егоровича. Противъ печатнаго, никакихъ отмѣнъ нѣтъ, но въ концѣ листа рукою Е. А. Энгельгардта написано слѣдующее:

Das Original dieses Briefes gab mir der Kaiser am 18 October 1819 nach einem Gespräch über die Wiedergeburt Pohlens. Er behauptete, ich müsste mich mit Karamsin verabredet haben, weil wir beide so ganz einer Meinung seyen. Es hat mich viel Mühe gekostet Ihn zu überzeugen daß wir beide nie über den Gegenstand gesprochen hätten und daß die übereinstimmende Meinung bloß daher rühre, daß: il n'y a qu'une verité und daß also zwei sogar ganz mit einander unbekannte Menschen ganz füglig einerlei Meinung über einen Gegenstand haben könnten. Er hat hernach auch gegen Karamsin dasselbe geäussert und dieselbe Antwort erhalten.

Т. е. Подлинникъ этого письма (1) далъ мнѣ Императоръ 18 октября 1819 года послѣ разговора о возстановленіи Польши. Онъ утверждалъ, что я сговорился съ Карамзинымъ, такъ какъ оба мы были совершенно одного мнѣнія (2). Мнѣ стоило большаго труда убѣдить его, что мы съ Карамзинымъ никогда не говорили объ этомъ предметѣ, а одинаковое мнѣніе происходитъ просто отъ того, что истина одна, и что слѣдоват. два незнакомые между собою лица могутъ быть одного мнѣнія о предметѣ. Потомъ онъ тоже самое выразилъ Карамзину и получилъ тотъ же отвѣтъ.

(1) Е. А. Энгельгардтъ полагалъ, что Карамзинъ изложилъ свои мысли въ видѣ письма къ Государю, тогда какъ Записку свою онъ читалъ ему, въ его Царскосельскомъ кабинетѣ.

(2) Карамзинъ никогда никому не сообщалъ своей Записки, кромѣ какъ супругѣ своей и черезъ два года императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ О С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

за 1830—1833 годы.

(Писано въ Ноябрѣ 1868 г.)

Посвящено старымъ университетскимъ товарищамъ.

8-го Февраля 1869 года исполнится 50 лѣтъ съ того времени, какъ Главный Педагогическій Институтъ, по мысли и ходатайству попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, незабвеннаго въ лѣтописяхъ Русскаго просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова, преобразованъ въ С. Петербургскій университетъ. Къ этому 50-ти лѣтнему юбилею профессоръ Спб. университета В.В. Григорьевъ составляетъ, по избранію и постановленію Совѣта, исторію С. Петерб. университета: архивъ университета, преданія университетскія и собственныя воспоминанія доставятъ, безъ сомнѣнія, г-ну Григорьеву богатый матеріалъ для его труда. Какъ ни скудны мои воспоминанія о томъ, чтò было за сорокъ почти предъ этимъ лѣтъ во время моего образованія въ Петербургскомъ университетѣ, какъ ни блѣдны по этому должны быть самыя краски описанія: но мнѣ желательно почтить пятидесятилѣтіе университета моими воспоминаніями о времени моего студенчества. Они относятся преимущественно до историко-филологическаго факультета, въ которомъ я находился съ Февраля 1830 по Іюнь 1833, а также до быта вообще казеннокоштныхъ студентовъ. Недосказанное мною, или ошибочно переданное, могутъ пополнить и исправить остающіеся въ живыхъ мои товарищи; а современное поколѣніе студентовъ, коль скоро нѣсколько подобныхъ разсказовъ о прошлой жизни университета явится въ печати, будетъ имѣть возможность сравнить настоящее съ прошедшимъ и прослѣдить исторію университета не по однимъ архивнымъ документамъ.

Въ половинѣ Января 1830 г. пріѣхалъ я въ Петербургъ съ покойною матерью моею изъ Вологды. Ни въ числѣ наставниковъ Вологодской гимназіи, въ которой я учился, ни въ цѣломъ городѣ Вологдѣ не было тогда никого изъ окончившихъ курсъ въ Петербургск. университетѣ. За годъ до меня поступилъ туда В. С. Покровскій, окончившій курсъ въ Вологодской семинаріи. Я его зналъ, такъ какъ онъ жилъ, во время семинарскаго своего ученья, въ качествѣ гувернера дѣтей въ знакомомъ мнѣ семействѣ губерн. прокурора Ал. Ал. Зубова (1). Покровскаго прежде всего отыскалъ я въ университетѣ: онъ былъ казеннокоштнымъ студентомъ. Другихъ знакомыхъ лицъ у насъ въ Петербургѣ не было. Второе отысканное нами лице былъ секретарь университетскаго правленія Грацилевскій (2); онъ далъ намъ указаніе, что о принятіи меня въ университетъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою къ ректору университета Антону Антоновичу Дегурову (*), жившему на

---

(1) Вен.Ст.Покровскій, прослуживъ по минист. нар. просв. слишкомъ 18 лѣтъ, въ началѣ 1851 г. вышелъ въ отставку по болѣзни изъ директоровъ Могилевской гимназіи.

(2) Грацилевскій окончилъ курсъ ученія въ Петерб. унив. въ 1823 г. и оставленъ былъ сначала при университетѣ; онъ былъ старшимъ учителемъ С.Петерб. высшаго училища (чтò нынѣ 2-я Петерб. гимназія въ Большой Мѣщанской улицѣ).

(*) Про Дегурова, занимавшаго у насъ такое видное мѣсто, разсказываютъ, что онъ нѣкогда былъ секретаремъ Робеспьера и орудіемъ терроризма во Франціи, но бѣжалъ на канунѣ казни своего страшнаго патрона. Любопытно бы подтвердить это преданіе болѣе положительными свѣдѣніями. Царскосельскихъ лицеистовъ учитъ братъ Марата; воспитаніемъ юношества въ Петербургѣ руководитъ подручникъ Робеспьера — все это черты знаменательныя и несомнѣнно важныя. *П. Б.*

Фонтанкѣ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами въ квартирѣ нанимаемой отъ университета: это былъ, какъ очень хорошо помню, домъ Штерича въ 3-й Адмиралтейской части ([3]). Странно было встрѣтить ректоромъ университета Француза, не говорившаго порусски. Первый вопросъ, съ которымъ обратился онъ ко мнѣ, былъ: quel est votre nom? Принявши отъ насъ просьбу и выслушавъ о желаніи моемъ вступить въ число казенныхъ студентовъ, онъ сказалъ, что о назначеніи мнѣ вступительнаго испытанія я буду увѣдомленъ; но принять меня въ казенные студенты онъ не обѣщалъ по недостатку помѣщенія, а равно и потому, что оканчивающіе университетскій курсъ казенные студенты не скоро еще будутъ размѣщены, а до тѣхъ поръ будутъ они жить въ университетѣ, и свободныхъ вакансій до выхода ихъ открыться не можетъ. Въ это время (въ Январѣ) шли годичныя испытанія, такъ какъ университетъ открытъ былъ 8-го Февраля 1819 года, и учебный годъ оканчивался въ немъ тогда Январемъ, а новый начинался съ Февраля. Въ университетской канцеляріи, помѣщавшейся въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ ректоръ, оставилъ я свой адресъ. Между тѣмъ меня озабочивало вступительное испытаніе, котораго избѣгнуть я никакъ не надѣялся, потому что прошло уже тогда три съ половиною года, какъ я окончилъ гимназическій курсъ (въ Августѣ 1826 г.) и съ того времени до начала 1830 г. оставался въ Вологдѣ, потому что ранѣе 16 лѣтъ вступить въ университетъ было нельзя, а въ аттестатѣ моемъ значилось, что я былъ 12 лѣтъ при окончаніи гимназическаго курса. Сверхъ всякаго ожиданія, принятъ я былъ въ студенты безъ испытанія.

([3]) Въ квартирѣ Дегурова первая за переднею комната служила залою для университетскихъ совѣтовъ, а слѣдующая за нею большая гостинная уставлена была по стѣнамъ шкапами съ обширною библіотекою Дегурова.

Начался курсъ университета. Прошло нѣсколько недѣль, въ теченіи которыхъ мать моя пріискала для меня помѣщеніе въ одномъ семействѣ и готовилась уже къ отъѣзду въ Вологду, боясь наступающей распутицы. На канунѣ ея отъѣзда мы повстрѣчались съ субъ-инспекторомъ студентовъ Александромъ Ив. Брутомъ, который порадовалъ насъ извѣстіемъ, что я уже принятъ въ казенные студенты ранѣе другихъ, по случаю выбытія изъ университета своекоштнаго студента Баскакова. На слѣдующій день, проводивъ мать, переселился я въ университетъ. Этотъ памятный для меня день былъ 8-е Марта, суббота 3-ей недѣли великаго поста.

Университетъ помѣщался тогда на углу Кабинетной улицы противъ Семеновскихъ казармъ. Это узкое, двухэтажное, продолговатое зданіе въ видѣ литеры П, занимаемое теперь синодальнымъ подворьемъ, не можетъ идти ни въ малѣйшее сравненіе съ настоящимъ великолѣпнымъ и обширнымъ помѣщеніемъ Петербургскаго университета (съ 1838 г.), въ зданіи 12 коллегій. Нашъ тогдашній домъ перестроивался нѣсколько лѣтъ, перестройка стоила огромныхъ суммъ, но самое зданіе не возможно было приспособить съ удобствомъ для помѣщенія высшаго учебнаго заведенія, при которомъ еще находился институтъ казенныхъ студентовъ. Петербургскій университетъ тѣснился въ немъ съ 1823 по 1838 годъ: здѣсь лѣпились аудиторіи, университетскіе кабинеты и музеи, камеры для казенныхъ студентовъ, квартиры для двухъ субъ-инспекторовъ, для нѣсколькихъ адъюнктовъ, для эконома и прислуги университетской. Для квартиры инспектора студентовъ и для помѣщенія цензурнаго комитета нанимался сосѣдній домъ, состоявшій въ связи съ университетскимъ зданіемъ. Въ верхнемъ этажѣ зданія помѣщалось, сколько помню, четыре или пять аудиторій; да въ нижнемъ этажѣ двѣ аудиторіи, изъ

которыхъ одна служила и для химической лабораторіи. Въ университетѣ было три факультета: историко-филологическій, физико-математическій и философско-юридическій. Въ Январѣ 1830 г. былъ седьмый выпускъ студентовъ съ открытія университета. 26 человѣкъ окончили тогда университетскій курсъ, изъ нихъ 16 со степенью кандидата и 10 дѣйствительными студентами. Изъ нихъ кандидатъ математическаго факультета П. А. Назарьевъ назначенъ въ Вологду учителемъ естественной исторіи вмѣсто дѣда моего двоюроднаго, Алексѣя Ѳед. Фортунатова, умершаго 4-го Дек. 1828 г. Это былъ первый въ Вологодской гимназіи наставникъ изъ Петерб. университета, занявшій учительское мѣсто, бывшее вакантнымъ болѣе года ([4]).

Во всѣхъ трехъ факультетахъ въ 1830 г. было студентовъ до 170 человѣкъ, между тѣмъ, какъ въ 1826 г. общее число студентовъ доходило только до 30-ти. Точно также и число окончившихъ въ 1830 г. унив. курсъ (26 ч.) было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году: въ 1829 году вышли изъ университета 4 кандидата и 6 дѣйств. студентовъ, всего 10 человѣкъ.

Лекціи назначено было въ то время читать по два часа каждую; но многіе профессора приходили въ аудиторію спустя полчаса, а иные уходили изъ аудиторіи ранѣе положеннаго получасомъ, и лекціи у тѣхъ и у другихъ продолжались не болѣе полутора часа. Ежедневно утромъ отъ 8 до 12 часовъ назначалось по двѣ лекціи, а послѣ обѣда лекціи продолжались отъ двухъ до шести часовъ вечера. Сверхъ того въ 1830 году съ шести часовъ вечера два раза въ недѣлю адъюнктъ-профессоръ Тихомировъ преподавалъ ариѳметику на тройныхъ счетахъ; въ томъ же 1830 г. явилось въ свѣтъ его сочиненіе подъ названіемъ: *Ариѳметика на счетахъ, или легчайшій способъ производить всѣ ариѳметическія дѣйствія на счетахъ, усовершенствованный генералъ-маіоромъ Слободскимъ, изданный Петромъ Тихомировымъ.* Тихомировъ былъ адъюнктъ по каѳедрѣ астрономіи и скончался въ половинѣ 1831 года. Послѣобѣденныя лекціи назначались по преимуществу на языки, а также и лекціи по закону Божію были послѣ обѣда два раза въ недѣлю отъ 2-хъ до 4-хъ по вторникамъ и четвергамъ, во всѣ три съ половиною года моего студенчества.

Курсъ, начатый въ Февралѣ 1831 г. оконченъ былъ въ Іюнѣ 1832 года и былъ вмѣсто годоваго полуторагодовый: съ одной стороны годичныя испытанія съ Января перенесены были на Іюнь для того, чтобъ курсы университета Петербургскаго совпадали съ курсами другихъ университетовъ и подготовляющихъ къ университету среднихъ учебныхъ заведеній, каковы гимназіи ([5]); а съ другой стороны поводомъ къ продленію курса 1831 г. выставлены были продолжительныя каникулы этого года по случаю холеры, явившейся тогда въ Петербургѣ. Такимъ образомъ прибавка лишнихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ этого курса съ избыткомъ наверстывала болѣе продолжительное въ 1831 г. каникулярное время. Вообще же тогда и лѣтнее и зимнее вакаціонное время въ университетѣ не было такъ продолжительно, какъ нынѣшнее; такъ на прим. въ 1830 г. у насъ въ историко-филологическомъ факультетѣ Петербургск. университета лекціи продолжались до 20 Іюня, а съ половины Августа началось продолженіе курса. Также точно въ при-

([4]) П. А. Назарьевъ въ 1831 г. перемѣстился въ учители математики, по смерти отца моего, занимавшаго эту должность въ Вологодской гимназіи; преподаваніе же естественной исторіи вовсе прекращено было съ преобразованіемъ Вологодской гимназіи въ 1832 году по новому 1828 года уставу. Должность свою оставилъ П. А. Назарьевъ въ 1849 г. по болѣзни.

([5]) Впрочемъ въ гимназіяхъ, по уставу 1828 г. экзамены назначались не предъ каникулами, а послѣ каникулъ, въ Августѣ мѣсяцѣ.

мѣръ менѣе продолжительнаго прекращенія лекцій, чѣмъ нынѣ, во время святокъ, могу указать на то, что послѣдняя лекція латинскаго языка предъ святками 1832 была 21 Декабря, а слѣдующая за нею въ 1833 г. 9 Января. Уставъ университетскій 1835 г. узаконилъ болѣе продолжительное вакантное время зимою, съ половины Декабря до половины Января.

Въ историческо-филологическій факультетъ входили, въ мое время, слѣдующія науки: 1) Богословскія науки; 2) языки древніе: латинскій и греческій; 3) русская словесность; 4) исторія всеобщая и русская; 5) древняя географія; 6) статистика всеобщая и русская; 7) языки новые, изъ которыхъ французскій и нѣмецкій были обязательными для каждаго студента историко-филологическаго факультета, а англійскій и италіянскій преподавались только для желающихъ. Нѣкоторые предметы, какъ напр. теорія изящныхъ наукъ и археологія, значились у насъ только въ росписаніи учебныхъ предметовъ, но не преподавались за недостаткомъ преподавателей. Философія и политическая экономія причислялись тогда къ юридическому факультету, который и назывался поэтому философско-юридическимъ; а въ составъ филологическаго они тогда не входили, какъ нынѣ.

I. Преподаваніемъ богословскихъ наукъ занимался тогдашній настоятель университетской церкви, Василій Борисовичъ *Бажановъ*, нынѣшній протопресвитеръ Московскаго Благовѣщенскаго собора, духовникъ Государя Императора и главный священникъ гвардейскихъ корпусовъ. Онъ читалъ въ университетѣ лекціи богословія съ половины 1827 до 1836 года и былъ преемникомъ протоіерея Павскаго, какъ по университетской каѳедрѣ, такъ и по преподаванію закона Божія съ 1834 года Наслѣднику Всероссійскаго престола, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Православные студенты всѣхъ курсовъ и факультетовъ обязаны тогда были слушать богословскія науки. Распредѣленіе преподаванія этого предмета при мнѣ было слѣдующее: въ 1830 году читалось студентамъ догматическое богословіе, съ 1831 по Іюнь 1832 г. нравоучительное, или, какъ чаще называли его у насъ, нравственное богословіе, а въ $183^2/_3$ церковная исторія. Въ введеніи къ догматическому богословію, на первыхъ лекціяхъ по этому предмету, изложены были общія понятія о богословіи, о религіи и ея важности, о раздѣленіи богословія на общее и частное. Показавъ недостаточность религіи естественной, профессоръ перешелъ къ изложенію понятія объ откровеніи вообще и указалъ на признаки божественнаго откровенія, а за тѣмъ перешелъ къ религіи христіанской. Записокъ объ этомъ отдѣлѣ богословія намъ тогда не выдавалось, а потому нѣкоторые изъ насъ записывали лекціи эти за словами профессора. Въ послѣдствіи уже, по выходѣ моемъ изъ университета, явились литографированныя записки по естественному богословію. Онѣ въ сокращеніи вошли въ изданную В. Б. Бажановымъ въ 1862 г. книгу *О религіи* (81 стр.); здѣсь только латинскія цитаты, приводимыя изъ нѣкоторыхъ писателей, переведены на русскій языкъ для бóльшей вразумительности и доступности каждому читателю. Собственно по догматическому богословію профессоръ выдавалъ записки, составлявшія конспектъ его лекцій. Также точно выдавалъ онъ намъ записки и по нравственному или нравоучительному богословію. Эти послѣднія начинались общимъ понятіемъ о христіанскихъ обязанностяхъ, а за тѣмъ излагались обязанности наши къ Богу (внутреннее и внѣшнее богопочтеніе), обязанности наши къ ближнимъ и, въ заключеніе, обязанности человѣка къ самому себѣ. Записки эти, съ нѣкоторыми исправленіями по мѣстамъ и дополненіями въ концѣ ихъ, имѣли нѣсколько изданій; и книга эта, подъ названіемъ

Объ обязанностяхъ христіанина служитъ учебнымъ руководствомъ въ высшемъ классѣ женскихъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи.

Преподаваніемъ церковной исторіи заключился при мнѣ курсъ богословскихъ наукъ; съ особенною полнотою изложено было профессоромъ о послѣднихъ дняхъ земной жизни Богочеловѣка. Лекціи объ этомъ приходилось Василью Борисовичу читать намъ въ 1833 году на Ѳоминой недѣлѣ; особенно много, сколько помню я, собралось къ нему студентовъ не только православныхъ, но и другихъ исповѣданій на лекцію 11 Апрѣля ([6]); а наканунѣ этого дня, 10 Апрѣля, Государь Императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ сосѣднюю съ нами первую гимназію во время послѣобѣденныхъ уроковъ, долгое время оставался въ классѣ В. Б. Бажанова, и слушалъ его объясненія учащимся съ особеннымъ вниманіемъ.

По окончаніи годичныхъ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ, въ число которыхъ входилъ Законъ Божій, назначался еще особый день на испытаніе въ богословскихъ наукахъ; изъ студентовъ выбиралось профессоромъ до 12 человѣкъ къ этому испытанію, производившемуся въ присутствіи высшихъ духовныхъ лицъ, министра нар. просвѣщенія и попечителя С.Петерб. учебнаго округа. Впрочемъ въ мое время ни на одномъ изъ этихъ испытаній не было ни тогдашняго С.Петерб. митрополита Серафима (сконч. 1843), ни присутствовавшаго тогда въ Сѵнодѣ Московскаго митрополита Филарета (сконч. 19 Ноября 1867 г.); а обыкновенно посѣщали изъ духовныхъ лицъ викарные епископы, а также нѣкоторые члены св. Сѵнода, изъ числа коихъ упомяну объ архіеп. тогда Тверскомъ, Григоріи ([7]). Когда по прибытіи его къ намъ въ 1831 г. на испытаніе, представленъ ему былъ списокъ студентовъ, первымъ вызвалъ онъ меня и долго продержалъ, предлагая вопросы и возраженія, а отвѣчать мнѣ приходилось тогда о грѣхопаденіи прародителей. Министръ нар. просв., кн. Ливенъ, сидѣлъ во все время испытанія безмолвнымъ, но внимательнымъ слушателемъ. Возраженія отъ студентовъ на лекціяхъ Василій Борисовичъ выслушивалъ съ терпѣніемъ и не оставлялъ безъ отвѣтовъ; неосновательность возраженій нѣкоторыхъ изъ совопросниковъ профессоръ умѣлъ искусно обличать, для чего иногда прибѣгалъ къ совопросительному способу вразумленія. Усилившіяся въ одно время, эти возраженія были поводомъ къ произнесенію профессоромъ въ университетской церкви въ воскресный день, по окончаніи литургіи, проповѣди къ студентамъ, въ которой изложены были причины невѣрія. Вообще Василій Борисовичъ время отъ времени произносилъ поученія студентамъ, отличавшіяся особенною простотою и въ то же время согрѣтыя теплотою любви; они имѣли цѣлію врачевать душевные недуги его слушателей и раскрывать предъ ними безконечное милосердіе Божіе, являемое всѣмъ и каждому. Въ 1831 г. вышло въ свѣтъ 1-е изданіе его проповѣдей, подъ названіемъ *Поучительныя слова и рѣчи*, а въ 1837 году 2-е изданіе, умноженное и посвященное его Вѣнценосному Ученику.

И горемъ и радостію дѣлились мы съ нашимъ законоучителемъ, обращаясь къ нему въ часы недоумѣній и тревогъ душевныхъ. И за стѣнами университета, черезъ много, много лѣтъ, бывшіе его ученики находили у него благо-

---

([6]) Большое число слушателей на лекцію 11 Апрѣля привлечено было разсказами студентовъ, слушавшихъ объ этомъ одушевленныя лекціи профессора въ 1829 году: во время этихъ лекцій В. Б. Б. познакомилъ студентовъ съ статьями нашего знаменитаго духовнаго витіи Иннокентія, помѣщенными въ Христіанскомъ Чтеніи 1828 года (ч. XXIX).

([7]) Преосв. Григорій, докторъ богословія и ученикъ митр. Филарета по С.-Петерб. духов. академіи (онъ былъ перваго выпуска), въ послѣдствіи былъ митрополитомъ Петербургскимъ (1856—1860 г.).

временную помощь въ разныхъ невзгодахъ житейскихъ.

II. *Латинскій и греческій языки.* Оба древніе языка читались при мнѣ одновременно въ трехъ отдѣленіяхъ, которыя избирали для себя студенты по степени своихъ познаній. Въ высшемъ отдѣленіи преподавалъ тотъ и другой языкъ ординарный профессоръ и академикъ Ѳ. Б. Грефе, въ среднемъ отдѣленіи—тоже оба языка экстр. проф. Дмитрій Прок. Поповъ, въ низшемъ отдѣленіи преподаваніе латинскаго языка возложено было на адъюнктъ-профессора Алек. Ив. Брута, а греческій языкъ преподавалъ лекторъ (а съ 1831 г. адъюнктъ-профессоръ) Иванъ Яковл. Соколовъ.

Студенты филологическаго факультета обязаны были на послѣднемъ курсѣ слушать языки древніе у профессора высшаго отдѣленія. Вмѣстѣ съ филологами слушали во всѣхъ трехъ курсахъ латинскій языкъ и юристы, но для нихъ не было обязательно при окончаніи курса подвергаться испытанію въ высшемъ отдѣленіи у проф. Грефе. Во все при мнѣ время, латинскій языкъ преподавался по два раза въ недѣлю, а именно: по понедѣльникамъ и средамъ отъ 4 до 6 часовъ по полудни, а греческій языкъ тоже по два раза въ недѣлю, по вторникамъ и четвергамъ отъ 8 до 10 час. утра. Прибавлю къ этому: во все время моего студенчества проф. Грефе пропустилъ только лекціи двѣ, или три весною, когда шелъ по Невѣ ледъ и не было сообщенія между частями города (Грефе жилъ въ домѣ Акад. наукъ въ 7 линіи Васильев. остр., а университетъ помѣщался, какъ сказано, по другую стороны Невы въ Кабинетной улицѣ). Мало этого: онъ не опустилъ ни одной минуты, являясь въ университетъ постоянно ранѣе времени назначеннаго для его лекціи. Ему старались подражать въ этомъ отношеніи, ближайшіе его сотрудники, Поповъ, Брутъ и Соколовъ: и потому не опаздывали приходомъ на лекціи, какъ это водилось у другихъ профессоровъ, такъ какъ для многихъ двухчасовое непрерывное преподаваніе было тяжело; уставъ университетскій 1835 года двухчасовыя лекціи измѣнилъ на полуторачасовыя, а послѣдній университетскій уставъ ввелъ часовыя лекціи, также точно, какъ теперь въ гимназіяхъ часовые уроки. Уже въ Январѣ 1851 года, когда я былъ въ Петербургѣ, зашелъ у меня разговоръ съ Грефе о необыкновенно-точномъ посѣщеніи имъ лекцій такъ, что онъ не позволялъ себѣ опоздать ни минуты; Грефе отвѣчалъ мнѣ на это: „Когда приближается время лекціи моей въ университетѣ, или педагогическомъ институтѣ, я чувствую себя неспокойнымъ и для собственнаго успокоенія отправляюсь на лекцію заранѣе.“

Не могу безъ глубочайшаго душевнаго умиленія и благоговѣйнаго уваженія къ памяти уже почившаго профессора нашего, говорить о Ѳедорѣ Богдановичѣ Грефе, составлявшемъ честь и украшеніе Петербургскаго университета. Говорить о немъ отъ полноты души я не стѣсняюсь, потому что его нѣтъ уже въ живыхъ, и слова мои, какъ полагаю, подтвердятъ всѣ знавшіе хорошо Грефе. Не только образъ выраженія, даже самые при этомъ жесты любимаго нами профессора невольно перенимали мы у него. Лекціи свои по той и другой каѳедрѣ древнихъ языковъ читалъ намъ Грефе полатини; да и вообще объяснялись мы съ Грефе не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Одна уже его наружность внушала студентамъ невольное къ нему чувство уваженія. Грефе былъ ученикомъ знаменитыхъ филологовъ Гейне и Германа; онъ былъ товарищемъ по филологическимъ занятіямъ подъ руководствомъ Германа, не менѣе извѣстныхъ филологовъ Тирша (Мюнхенскаго профессора, столь ревностнаго защитника классическаго образованія противъ нападеній реалистовъ), Пассова (Бреславскаго профессора, издателя греко-нѣмецкаго словаря) и многихъ

другихъ лицъ, замѣчательныхъ трудами своими по филологіи.

Грефе прибылъ въ Россію 30-ти лѣтъ отъ роду въ 1810 году ([8]), и тогда же вступилъ преподавателемъ греческаго и нѣмецкаго языковъ въ новоустроенную Петербургскую дух. академію, а въ слѣд. 1811 г. въ Педагогическій институтъ на каѳедру древнихъ языковъ. Службу въ духовной академіи оставилъ онъ въ 1819 г.; но за то съ 1820 года вступилъ въ число членовъ Академіи Наукъ. Болѣе 40 лѣтъ, до самой кончины своей (1851 г.) трудился въ Россіи Грефе неутомимо и добросовѣстно на педагогическомъ поприщѣ, съ полнымъ знаніемъ дѣла, обладая основательнымъ знакомствомъ съ древними языками и классическими писателями, съ проницательнымъ умомъ соединяя тонкій вкусъ. По-латыни объяснялся онъ съ такою же свободою и непринужденностію, какъ бы на своемъ природномъ языкѣ; языкъ его былъ не только правиленъ и точенъ, но вмѣстѣ и изященъ. Съ восторгомъ узналъ онъ въ 1833 году о вступленіи С. С. Уварова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія; сорока-лѣтнюю дружбу свою съ Грефе засвидѣтельствовалъ Сергій Семеновичъ въ особомъ письмѣ къ секретарю академіи, П. Н. Фуссу, посвященномъ воспоминанію о Грефе вскорѣ по его кончинѣ; оно читано было въ засѣданіи академіи наукъ 6 Февраля 1852 года: „Мои личныя сношенія, писалъ гр. Уваровъ, съ академикомъ Грефе, продолжавшіяся сорокъ лѣтъ, его вліяніе на мои собственныя занятія, и глубокое уваженіе, которое питалъ я къ этому ученому эллинисту, возлагаютъ на меня обязанность принести, предъ лицемъ Академіи, послѣднюю дань его памяти".

Вступленіе Уварова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія привѣтствовано было Грефе стихотвореніемъ, начинавшимся гораціанскими словами, которыми открывается его

([8]) Бывшій лютеранскій генералъ-суперинтендентъ Беттихеръ сказывалъ мнѣ, что онъ указалъ на вызовъ Грефе въ Россію для преподаванія греческаго языка въ С.-Петерб. духовной академіи. Личность самаго Беттихера весьма замѣчательна. По прибытіи въ Россію, былъ онъ наставникомъ въ семействѣ гр. Панина; я узналъ его въ Вологдѣ, гдѣ жилъ онъ подъ надзоромъ полиціи. За что-то былъ онъ посланъ на жительство въ Вятку, отсюда переведенъ въ одинъ сѣверный городъ Сибири, и за тѣмъ, въ видѣ смягченія наказанія, въ Вологду. Во время изгнанія своего, продолжавшагося много лѣтъ, занимался онъ главнѣйшимъ образомъ двумя предметами: 1) изученіемъ медицины, и началъ было лѣчить простой народъ въ Вяткѣ, пока не получилъ на то запрещенія по ходатайству врачебной управы, такъ какъ у него не было ученаго медицинск. диплома; 2) другой предметъ, постоянно занимавшій его, было изученіе различій между христіанскими исповѣданіями; онъ написалъ большое сочиненіе, въ 6 томахъ: *О примиреніи церквей*, оставшееся по смерти его въ рукописи. Беттихеръ обладалъ обширною начитанностію; съ жаромъ слѣдилъ онъ за всѣми новыми явленіями въ духовной литературѣ, нашей и иностранной. Помню, какъ онъ хвалилъ рукописныя замѣчанія проф. дух. ак. Ѳ. А. Голубинскаго на книгу Штрауса о жизни Іисуса Христа; замѣтки эти давалъ ему прочесть пріѣзжавшій тогда для духовныхъ требъ лютеранъ, изъ Москвы въ Вологду, пасторъ Зедергольмъ. — Беттихеръ высоко чтилъ нашу православную церковь, и былъ хорошо знакомъ съ нашими богослужебными книгами. Предсмертная болѣзнь его постигла въ Вологдѣ, въ самый день его рожденія, когда исполнилось ему ровно 70 лѣтъ; это было 4 Декабря 1847 года; я привозилъ къ нему въ этотъ день познакомить съ нимъ одного моего пріятеля, П. И. Ш.; у него открылось въ этотъ день кровотеченіе носомъ, и Беттихеръ тогда же замѣтилъ мнѣ, что это его предсмертная болѣзнь. 2 Янв. 1848, онъ скончался, пригласивъ предъ кончиною хозяина своей квартиры, священника Зосимовской церкви, прочесть ему отходную молитву. Онъ просилъ, чтобъ священникъ этотъ сопроводилъ его тѣло до могилы; желаніе его было исполнено 5 Января. Распоряжался погребеніемъ его тогдашній управл. палатою госуд. имущ. въ Вологдѣ Б. И. Нагель. Не смотря на значительное ежемѣсячное пособіе (сто руб.), получаемое негласно Беттихеромъ отъ одного изъ его бывшихъ учениковъ, графа Виктора Никитича Панина, Беттихеръ, привыкшій къ удобствамъ житейскимъ, постоянно нуждался въ деньгахъ. Хорошо, еслибъ отыскалась рукопись Беттихера, упомянутая мною, изъ которой читалъ онъ мнѣ нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ.

шестая сатира во 2-й книгѣ, обращенная къ Меценату, его другу и благодѣтелю: *Hoc erat in votis*. (У М. А. Дмитріева, въ стихотворномъ переводѣ этой сатиры на русскій языкъ: „Вотъ въ чемъ желанія были мои"). Сближеніе именъ Мецената и Уварова очень естественно, не только по сходству соотношеній Римскаго поэта къ Меценату и проф. Грефе къ Уварову, но и по ожидаемой отъ Уварова пользѣ для распространенія просвѣщенія Россіи и по покровительству его словесности и наукамъ. Въ стихотвореніи поэтъ-профессоръ воспѣваетъ наступленіе золотаго вѣка для наукъ въ нашемъ отечествѣ.

Я былъ свидѣтелемъ въ 1838 году, какъ доступъ къ С. С. Уварову во всякое время свободенъ былъ для Грефе, и какъ исполнялись охотно министромъ нар. просвѣщенія желанія его бывшаго руководителя по занятіямъ древнею греческою литературою. Мнѣ довелось быть въ сентябрѣ 1838 года вмѣстѣ съ Грефе у тогдашняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, кн. М. А. Дондукова-Корсакока. Грефе просилъ попечителя, чтобъ оставлено было за мною, съ полнымъ окладомъ жалованья, преподаваніе греческаго языка въ Вологодской гимназіи, введенное въ ней мною съ конца 1836 года; напрасно попечитель доказывалъ профессору невозможность совмѣстить это преподаваніе за жалованье съ должностью инспектора гимназіи, занимаемою мною тогда въ Вологодской гимназіи; напрасно въ подтвержденіе словъ своихъ ссылался попечитель на недавнее циркулярное предписаніе министра, воспрещающее денежное вознагражденіе директорамъ и инспекторамъ гимназій за преподаваніе какихъ либо предметовъ во ввѣренныхъ имъ гимназіяхъ,—Грефе настаивалъ на своемъ. Тогда попечитель сказалъ ему: «Обратитесь сами съ просьбою вашею къ Сергію Семеновичу, и въ чемъ откажетъ онъ мнѣ на законномъ основаніи, то исполнитъ для васъ; потому что у Серг. Сем. нѣтъ для васъ закона". Отъ попечителя отправился Грефе со мною къ министру нашему, безъ всякаго доклада прошелъ въ кабинетъ его, и я немедленно былъ приглашенъ туда же. Серг. Сем. сначала объяснилъ Ѳедору Богдановичу поводъ къ своему распоряженію ([9]), вслѣдствіе котораго не могъ я совмѣщать преподавательской за деньги обязанности съ должностью инспектора гимназіи; но тотчасъ же прибавилъ, что, по желанію его, онъ дѣлаетъ для меня исключеніе съ тѣмъ, чтобъ жалованье, назначаемое учителю греческаго языка, получалъ я въ видѣ платы. Отъ попечителя кн. Дондукова-Корсакова до министерской квартиры шли мы съ Грефе пѣшкомъ; ни одного бѣднаго, встрѣчавшагося съ нами по дорогѣ и просившаго о подаяніи, не миновалъ Ѳед. Богд., не надѣливъ его мелкою серебряною монетою. Привожу и эту черту человѣческаго достоинства.

Въ 1838 году былъ первый мой пріѣздъ въ Петербургъ по окончаніи университетскаго курса. Въ Августѣ, отправился я въ университетъ, переведенный уже тогда на Васильевскій островъ. Съ Грефе первое свиданіе мое было въ аудиторіи университетской; мы крѣпко обнялись: наставникъ встрѣтилъ бывшаго ученика своего со слезами радости. Вотъ еще черта человѣческаго достоинства въ академикѣ и профессорѣ Грефе. Эту душу, это живое чувство, всегда ему присущее, постоянно вносилъ онъ въ лекціи свои, которыя потому насъ и увлекали.

Въ 1838 году Грефе преподавалъ въ университетѣ одинъ греческій языкъ, а латинская каѳедра была тогда уже замѣщена извѣстнымъ знатокомъ древнихъ языковъ и издателемъ первыхъ пѣсней Иліады съ обширнымъ коммен-

---

([9]) Обязанность преподавать за деньги въ гимназіи считалъ министръ Уваровъ несовмѣстною съ должностью директора или инспектора, на томъ основаніи, что они сами должны смотрѣть за точнымъ исполненіемъ должностныхъ обязанностей наставниковъ.

таріемъ, проф. Фрейтагомъ. Я попалъ на его лекцію; Фрейтагъ коментировалъ то мѣсто стихотворенія Горація, въ которомъ Римскій поэтъ говоритъ, что онъ не принадлежитъ никакой философской школѣ исключительно, но пользуется тѣмъ, что̀ встрѣчается ему лучшаго по мнѣнію его у каждаго философа, кто бы онъ ни былъ, и по этому случаю называетъ имя малоизвѣстнаго намъ теперь философа. Фрейтагъ назвалъ его ученикомъ Платона; какой-то студентъ возразилъ профессору, что это былъ ученикъ Сократа. Профессоръ продолжалъ утверждать свое; тогда студентъ читаетъ бывшій у него въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ коментарій этого мѣста, что философъ, о которомъ шла рѣчь, былъ дѣйствительно ученикъ Сократа. И въ отвѣтъ на это Фрейтагъ заявляетъ, что философа можно развѣ въ томъ случаѣ назвать ученикомъ Сократа, такъ какъ онъ ученикъ Платона, а Платонъ Сократа. Сознаться въ своей ошибкѣ Фрейтагу не хотѣлось (¹⁰).

Ничего подобнаго не запомню на лекціяхъ Грефе; когда бъ онъ и ошибся въ чемъ либо при объясненіяхъ своихъ, онъ не затруднился бы сознаться въ ошибкѣ своей, если ему на нее было указано: потому что errare humanum est (ошибаться свойственно человѣку). При чтеніи трудныхъ, испорченныхъ переписками мѣстъ въ Греческихъ и Римскихъ классикахъ, Грефе указывалъ, какъ бы полагалъ онъ исправить эти мѣста̀, но въ то же время съ радостію и вниманіемъ принималъ каждую поправку, предлагаемую кѣмъ либо изъ насъ, студентовъ; и еслибъ такая поправка была ближе къ истинѣ, чѣмъ его собственная конъектура, онъ не стоялъ бы за свое мнѣніе; во всякомъ случаѣ тому студенту, котораго догадка (conjectura) не могла быть по чему либо принята, онъ говорилъ въ одобреніе: hoc per se speciosum est, tamen..... (это самое по себѣ благовидно, но), и послѣ этого tamen слѣдовалъ деликатное опровердженіе предложенной догадки.

Уже будучи академикомъ, слѣд. когда ему было за сорокъ лѣтъ, Грефе принялся ревностно за изученіе санскритскаго языка, и не смотря на многоразличныя служебныя занятія свои, находилъ время заниматься этимъ языкомъ, сходство граматическихъ формъ котораго съ языками греческимъ и латинскимъ обращало на себя пытливое его вниманіе. Слѣдствіемъ этого явилось нѣсколько разсужденій, читанныхъ имъ въ засѣданіяхъ академіи наукъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ историко - филологическаго отдѣленія оной. Изъ числа ихъ нѣкоторыя подарилъ онъ и мнѣ, когда я пріѣзжалъ въ Петербургъ, при жизни его, въ половинѣ 1838 г. и концѣ 1850 г. Послѣ Сентября 1838 не былъ я въ Петербургѣ до Декабря 1850 г. Постоянной переписки съ Грефе я въ это время не велъ; а если встрѣчалась надобность, писалъ къ нему въ полной увѣренности, что онъ не потяготится по возможности исполненіемъ моей просьбы.

Приведу названіе *одного* изъ сохранившихся у меня сочиненій Грефе, подаренныхъ мнѣ. Это: Récueil des actes de la séance publique, tenue le 30 Dec. 1838; надпись на книжкѣ рукою Грефе: Seinem theueren Freunde Fortunatoff, sein alter Lehrer Prof. Gräfe; здѣсь помѣщено его разсужденіе: Ueber Sprachbildung und Sprachvergleichung (этотъ любопытный и замѣчательный для своего времени трактатъ по сравнительному языкознанію перевелъ подъ наблюденіемъ моимъ ученикъ Волог. гимн. Алексѣй Ник. Бѣляевъ, нынѣшній директоръ 5-й С.-Пет. гимназіи; переводъ впрочемъ остался неизданнымъ). На отдѣльномъ оттискѣ его ученыхъ изысканій, читанныхъ въ

(¹⁰) Если память меня не обманываетъ, объяснялось Фрейтагомъ 1-е письмо 1 книги Горація; и въ такомъ случаѣ рѣчь шла объ Аристиппѣ, послѣдователѣ Киринейской школы, поставлявшемъ верховное благо для человѣка въ чувственныхъ удовольствіяхъ.

академіи наукъ, надпись его руки: Fortunato suo Frid. Gräfe.

Подробный перечень сочиненій Грефе помѣщенъ въ Ученыхъ Запискахъ акад. наукъ по I и III отдѣленіямъ, 1852 года, на стр. 38—41; но едва ли въ это перечисленіе вошли всѣ сочиненія Грефе; по крайней мѣрѣ я не нашелъ въ немъ того печатнаго стихотворенія на вступленіе въ управленіе мин. нар. просв. Уварова, о которомъ говорено было мною выше. Большая часть этихъ сочиненій небольшаго объема. Обширнѣйшее предпринятое имъ изданіе сочиненій Нонна Паннопольскаго, напечатано въ двухъ томахъ въ Лейпцигѣ. Нѣсколько лѣтъ огромную поэму Нонна Поннопольскаго (Походъ Діонисія въ Индію), читалъ Грефе съ гр. Уваровымъ; это занятіе, начавшееся еще въ то время, какъ Сергій Семеновичъ былъ попечителемъ С.-Петерб. учеб. округа (1810—1821), продолжалось и тогда, какъ Уваровъ, вслѣдствіе непріятныхъ отношеній къ М. Л. Магницкому и приверженцамъ его, покинулъ должность попечителя и тѣмъ съ бо́льшею свободою и удобствомъ предался любимому занятію своему древними языками. Между прочимъ, плодомъ этихъ занятій былъ трактатъ Уварова: Nonnos von Pannopolis der Dichter, составляющій введеніе къ изданію сочиненій Нонна академикомъ Грефе.

Въ послѣдній пріѣздъ мой, при жизни Грефе, въ Петербургъ, нашелъ я въ немъ мало перемѣнъ через 12 слишкомъ лѣтъ, послѣ того, какъ я его видѣлъ: онъ по прежнему былъ бодръ, свѣжъ и веселъ.

Послѣдній день 1850 года звалъ онъ меня съ женою моею къ себѣ обѣдать въ кругу его родныхъ (11); радушный хозяинъ былъ очень веселъ и много шутилъ; когда налили шампанское въ бокалы, мы поздравили его съ полученною имъ тогда наградою (св. Станислава 1-й степени), а онъ въ свою очередь возгласилъ тостъ за процвѣтаніе Вологод. гимназіи, въ которой былъ я инспекторомъ. Такъ какъ не привезъ я съ собою къ обѣду жены моей, то взято было обѣщаніе быть снова съ нею черезъ день вечеромъ. Это обѣщаніе было мною исполнено; Грефе, знакомя супругу свою съ женою моею, разсказывалъ, что онъ принимался было учить ее греческому языку, но скоро оставилъ это по горячности своей. 3 Января (1851) мы вмѣстѣ сошлись у попечителя округа, Мих. Ник. Мусина-Пушкина, котораго благодарилъ онъ за исходатайствованную ему Высочайшую награду. Это было послѣднее свиданіе мое съ Грефе. Онъ звалъ было меня поѣхать съ нимъ къ нашему министру, но я отказался. Въ самый день отъѣзда моего въ Вологду, 14 Янв. 1851 г. заѣзжалъ я съ нимъ проститься, но не засталъ его дома, и потому, въ кабинетѣ у него записалъ свою фамилію по-гречески, по-латыни, по-нѣмецки и по-русски.

30 Ноября 1851 года не стало Грефе. Онъ читалъ въ этотъ день лекцію въ педагогич. институтѣ, объясняя любимую свою Софоклову піэсу *Аякса* (12),

(11) Одна дочь Ѳед. Богд. за Штейнманомъ, нынѣшнимъ директоромъ филологическаго института, а другая за акад. Бетлингомъ, съ которымъ вспоминали мы у Грефе время нашего студенчества въ Петерб. университетѣ.

(12) О Софокловой піэсѣ Аяксъ писалъ я разсужденіе на латинскомъ языкѣ, предъ окончаніемъ университетскаго курса; оно было представлено проф. Грефе министру Уварову, и это было причиною назначенія моего во 2-й Дерптскій профес. институтъ, даже безъ согласія моего на то; узнавъ объ этомъ назначеніи, я, по семейнымъ обстоятельствамъ, ни мало не медля, отказался; убѣжденія инспектора университета были напрасны; тогда Серг. Семеновичъ пригласилъ меня къ себѣ и уговаривалъ къ поѣздкѣ тѣмъ, что во время нахожденія въ Дерптѣ и за границею, могу я помогать семьѣ денежно, а получивъ мѣсто профессора, буду для нея полезнѣе, чѣмъ отправляясь тотчасъ учителемъ въ Вологду. «Вы будете потомъ инспекторомъ, и когда нибудь директоромъ; а положеніе профессора гораздо обезпеченнѣе», говорилъ мнѣ Уваровъ. Я согласился. Но, узнавъ потомъ, что для семьи не столько нужна матеріальная помощь, сколько непосредственный призоръ за

остановился въ объясненіяхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: „не знаю, что̀ принесетъ мнѣ сегодняшній день, жизнь, или смерть“ (13); изъ института проѣхалъ онъ въ Императорскій эрмитажъ, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ въ занятіяхъ, и прибывъ оттуда въ конференцію академіи наукъ, скоропостижно скончался, лишь только вошелъ въ переднюю. Миръ праху твоему, незабвенный наставникъ мой, остававшійся до самаго послѣдняго дня жизни вѣрнымъ совѣстливому и неутомимому исполненію своихъ обязанностей слишкомъ сорока-лѣтней службы!

Въ такъ называемомъ среднемъ или 2-мъ отдѣленіи древнихъ языковъ преподавалъ экстра-ординарн. проф. Дмит. Прок. Поповъ, ученикъ Грефе; онъ прослужилъ въ университетѣ съ 1822 до конца 1835 г.; съ должностью профессора соединялъ онъ и должность библіотекаря университетскаго; эта послѣдняя обязанность двукратно, во время студенчества моего, отвлекала Попова на продолжительное время отъ чтенія лекцій: сначала онъ былъ командированъ въ Полоцкъ для доставленія оттуда бывшей іезуитской библіотеки; вторая командировка была въ Варшаву для перевоза въ Петербургъ, послѣ польскаго мятежа 1831 года, Варшавской публичной библіотеки (14).

Д. П. Поповъ не владѣлъ способностью свободно объясняться по-латини, и при томъ нѣсколько заикался, а потому преподаваніе его нельзя назвать вполнѣ удовлетворительнымъ; были у него стереотипныя любимыя выраженія, которыя наскучивали намъ отъ частаго ихъ повторенія, напр. nolite negligere grammaticam Butmani и тому подобныя.

Поповъ извѣстенъ своимъ переводомъ на рус. яз. греческой грамматики Бутмана (15), латинской грамматики Цумпта, а также объяснительными примѣчаніями, переведенными имъ съ нѣмецкаго на рус. языкъ къ греческой хрестоматіи Якобса, и пр. На лекціяхъ у него, кромѣ перевода съ греч. на латинскій, и латинскаго перифраза при чтеніи Римскихъ писателей, объясняемое мѣсто съ греческаго или латинскаго прежде всего переводимо было на русскій языкъ. По выходѣ изъ унив. Дмитрій Прокофьичъ продолжалъ свою службу при Императорской публичной библіотекѣ и скончался въ недавнее время.

Александръ Ивановичъ Брутъ, читавшій латинскій языкъ въ низшемъ отдѣленіи, и Иванъ Яковлевичъ Соколовъ, преподававшій въ немъ греческій языкъ, были кандидаты перваго выпуска С.-Пет. унив. 1823 года, и оставались съ того времени при университетѣ: Брутъ до преобразованія университета въ 1835 г. по новому уставу, а Соколовъ до кончины своей, послѣдовавшей въ 1848 году. Объ Брутѣ буду я говорить въ послѣдствіи, какъ о преподавателѣ въ унив. древней географіи; латинскаго языка я у него не слушалъ, поступивъ

нею, я снова отказался отъ проф. института, хотя уже выдержалъ для того испытаніе въ академіи наукъ. Грефе, по порученію министра, хотѣлъ было разубѣдить меня; я отвѣчалъ ему Гораціанскимъ стихомъ: «coelum, non animum mutant, qui trans mare currunt».

(13) Слышалъ я объ этомъ отъ студ. Спб. унив. Гревеница, пріѣзжавшаго на святки 1851 года къ родителямъ въ Вологду.

(14) Съ богатствами этихъ библіотекъ имѣлъ я случай немного познакомиться, когда привезены они были въ Петербургъ и помѣщены временно въ нашу униерс. библіотеку. Поповъ просилъ меня помочь ему въ разборкѣ ихъ. Іезуитская библіотека была еще въ Полоцкѣ значительно расхищена, по удаленіи іезуитовъ изъ Россіи. (Слышалъ я объ этомъ отъ обучавшагося въ Полоцкомъ коллегіумѣ, въ послѣдствіи моего товарища по Петерб. универ., католическаго священника Стацевича, извѣстнаго сочинителя католическаго катихизиса на рус. языкѣ, употребляемаго въ учебныхъ заведеніяхъ для воспитанниковъ-католиковъ. Стацевичъ нынѣ пріоромъ церкви св. Екатерины въ Петерб. на Невскомъ просп.),

(15) Грамматика Бутмана пользовалась у насъ въ 30-хъ годахъ большою извѣстностью; а теперь она почти забыта и замѣнена Курціусомъ и Кюнеромъ. И къ ней примѣнимо: habent sua fata libelli.

прямо во 2-е отдѣленіе къ Д. П. Попову. А греческій языкъ довелось мнѣ начать у Соколова; познанія пріобрѣтенныя мною по этому языку въ Вологод. гимназіи, были недалеки, и при этомъ приходилось въ университетѣ перемѣнить Рейхлиновское чтеніе (котораго держались наши Вологод. гимназическіе учителя Н. И. Дружининъ и Ник. Ив. Добряковъ) на Эразмовское.

И. Я. Соколовъ, хотя и могъ быть очень полезнымъ преподавателемъ, но имѣлъ несчастную привычку отвлекаться отъ унив. лекцій своихъ, равно какъ и отъ уроковъ въ 3-й гимназіи, посторонними разговорами и разсказами. Двѣ причины содѣйствовали, какъ кажется, къ тому, что въ 1830 году, Ив. Яковл. дѣломъ своимъ занимался усерднѣе: 1) одинъ изъ учениковъ седьмого класса 3-й гимн. мой сотоварищъ по университету, Кашинъ, цѣлый годъ записывалъ за Соколовымъ его не идущіе къ дѣлу разсказы; къ концу года Ив. Яков. увидѣлъ эту толстую тетрадь у Кашина, и ему, какъ видно стало стыдно убивать время попусту (да это было и небезопасно для него, еслибъ узналъ о томъ Грефе); 2) мы сами, студенты, всевозможно старались не давать ему пускаться въ разсказы.

Въ первую половину года мы хорошо познакомились у него съ грамматикою, при чемъ переводили съ греческаго на русскій и латинскій, кромѣ грамматическихъ упражненій въ 1 части хрестоматіи Якобса, помѣщенные въ ней миѳологическіе разсказы. Во второе полугодіе, послѣ каникулъ, перешли мы ко 2-й и 4-й частямъ хрест. Якобса: изъ двухъ-недѣльныхъ уроковъ въ одинъ читали Геродота, а въ другой Гомера по приведеннымъ въ хрестоматіи отрывкамъ.

Долго спустя послѣ нашего времени, Соколовъ, утвержденный въ началѣ 1831 года адъюнктомъ по каѳедрѣ греч. языка, хвалился своими усердными занятіями съ нами передъ новыми слушателями, какъ передавали мнѣ это наши бывшіе Вологод. гимназисты, вступавшіе въ филолог. факультетъ Спб. университета. У насъ извѣстно изданное Соколовымъ руководство къ переводамъ съ рус. на греческій языкъ, составленное по Росту и Вюстеману, 1833 г.

У Дм. Пр. Попова на 2-мъ курсѣ принялись мы за Ѳукидида, начавъ съ той главы, на которой остановились предшественники наши, а именно съ 67 главы 1-й книги т. е., съ осады Потидеи; къ концу года переведено и прокоментировано было съ нами до 60 главъ; тогда послѣдовала командировка Попова въ Варшаву, а потому съ началомъ 1832 г. сталъ посѣщать я лекціи Грефе по греческому языку; съ нимъ, въ теченіи полутора года, прочли мы три Софокловы трагедіи: Антигону (по Сентябрь 1832 года), Аякса (по конецъ года) и Эдипа-Царя (въ первой пол. 1833 года. Студентъ, желавшій у Грефе переводить съ греческаго на латинскій, обыкновенно заявлялъ о желаніи своемъ въ концѣ предыдущей лекціи. У Соколова и частію у Попова преобладалъ при объясненіяхъ элементъ этимологическій, а объясненія Грефе были филологическія въ обширномъ значеніи этого слова. Предъ чтеніемъ Софокла, въ 1830 и 1831 годахъ Грефе занимался объясненіемъ рѣчей Демосѳена; онъ имѣлъ тогда въ виду жившихъ съ нами въ университетѣ шестерыхъ студентовъ Московской и Петерб. духовныхъ академій, готовившихся къ пріобрѣтенію ученыхъ степеней по законовѣдѣнію; седьмымъ съ ними былъ Кранихфельдъ, кончившій курсъ въ 3-й Петерб. гимназіи и присоединенный къ шестерымъ, дабы они имѣли возможность пріучиться разговаривать по-нѣмецки, готовясь къ заграничному путешествію.

А. И. Брутъ въ низшемъ отдѣленіи переводилъ со студентами Юлія Цесаря. Поповъ объяснялъ намъ Тита Ливія (о 2-й Пунич. войнѣ), до поѣздки его въ

Полоцкъ въ половинѣ 1830 года; тогда одни изъ насъ перешли къ Бруту, другіе къ Грефе, объяснявшему рѣчи Цицерона. Въ выборѣ этихъ рѣчей Грефе руководствовался преимущественно потребностію упомянутыхъ выше семерыхъ будущихъ законовѣдовъ, причисленныхъ къ II-му отд. собственной канцеляріи Его Величества, и состоявшихъ подъ особеннымъ покровительствомъ Сперанскаго. Въ первой половинѣ 1831 года Грефе избралъ для чтенія и объясненія Горація; когда я былъ на второмъ курсѣ, имъ прочитаны были съ нами всѣ оды Горація, за исключеніемъ немногихъ, эротическаго содержанія. Въ $18^{32}/_{33}$ учебнаго года, онъ объяснилъ намъ обѣ книги сатиръ Гораціевыхъ, и въ Апрѣлѣ 1833 принялся за первую книгу писемъ Горація.

III. Когда я поступилъ въ университетъ, преподаваніе отечественнаго языка и словесности далеко не могло сравниться съ преподаваніемъ древнихъ языковъ. Въ 1 и 2 курсахъ читалъ экстр. проф. Никита Иван. Бутырскій, а въ 3-мъ курсѣ орд. пр. Яковъ Васильевичъ Толмачевъ. Въ 1-мъ курсѣ обыкновенно проходилась теорія прозы, во 2-мъ теорія поэзіи, а въ 3-мъ пр. Толмачевъ долженъ былъ занимать студентовъ этимологическими изслѣдованіями языка. Толмачевъ читалъ свои лекціи по два раза въ недѣлю въ послѣобѣденное время; такъ какъ самъ онъ нисколько не готовился къ лекціямъ и у него не было никакой системы въ преподаваніи, то лекціи его весьма мало посѣщались студентами; мнѣ только разъ довелось быть, изъ любопытства, на его лекціи, и она оставила во мнѣ тяжелое впечатлѣніе; это, какъ помню, приходилось въ жаркій Августовскій день; проф. говорилъ полусонно, безъ всякой связи и безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому, вставляя вовсе незанимательные анекдоты и разсказы, мало идущіе къ дѣлу. Страсть Толмачева къ корсловію и производству словъ въ иностранныхъ языкахъ отъ славянскихъ корней извѣстна была тогда всѣмъ. Приведу для курьеза одинъ примѣръ его корнесловія; это производство слова *хлѣбъ* на разныхъ языкахъ. Сначала, говорилъ онъ, когда мѣсятъ хлѣбъ, дѣлается хлябь; отсюда наше *хлѣбъ;* эта хлябь начинаетъ бродить, отсюда нѣмецкое Brod; перебродивши хлябь опадаетъ на *низъ*, отсюда латинское *panis*, за тѣмъ поверхъ ея является пѣна, откуда французское *pain*.—*Кабинетъ* производилъ онъ отъ словъ *какъ бы нѣтъ* и при этомъ говорилъ: человѣка, который удаляется въ кабинетъ, какъ бы нѣтъ.

Толмачевъ нажилъ себѣ очень хорошее состояніе изданіемъ многоразличныхъ учебниковъ. Капитальнымъ его сочиненіемъ была *Теорія Словесности* въ 4-хъ книгахъ, составленная главнѣйшимъ образомъ по Блеру и Бате (16). Толмачевъ воспитывался сначала въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а потомъ въ Александроневской семинаріи.

Н. И. Бутырскій, по окончаніи курса наукъ въ Педагогическомъ институтѣ, слушавшій за границей Бутервека, былъ собственно профессоромъ Политической Экономіи, для изученія которой онъ отправляемъ былъ за границу. Имѣя у себя нѣсколько обязанностей, будучи секретаремъ университетскаго совѣта и давая уроки въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ не имѣлъ времени готовиться къ лекціямъ; а потому, не смотря на его живость, даръ слова и развитый эстетическій вкусъ, лекціи его мало доставляли намъ пользы. Въ Февралѣ 1830 года онъ прочелъ намъ лишь нѣсколь-

(16) *Теорія Словесности* Толмачева была наполнена примѣрами изъ классическихъ писателей въ переводѣ ихъ на русскій языкъ; мнѣ эти переводы очень пригодились, когда я готовился къ вступленію въ университетъ: сдѣлавши письменный переводъ каждаго мѣста изъ латин. писателей, встрѣчающагося у Ливія, я исправлялъ его потомъ по переводу Толмачева.

Кромѣ Теоріи Словесности, извѣстно еще *Военное краснорѣчіе Толмачева* въ двухъ томахъ.

ко лекцій; которыя главнѣйшимъ образомъ касались общаго взгляда на словесныя науки и показанія различія прозы отъ поэзіи. Цѣль оратора, по ученію древнихъ, говорилъ онъ, docere, movere et delect*are*, а цѣль поэта можно опредѣлить словами movere delect*ando*. Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ самъ рѣшился отказаться отъ преподаванія словесности въ 1 курсѣ, такъ какъ занятія его увеличились въ это время отъ того, что онъ еще получилъ должность цензора.

Вмѣсто Бутырскаго назначенъ былъ въ Мартѣ 1830 лекторомъ Николай Герасимовичъ Устряловъ, но преподаваніе свое началъ онъ послѣ каникулъ. Первыя 8 или 10 лекцій его, тщательно имъ приготовленныя, посвящены были критическому обозрѣнію источниковъ Русской Исторіи и главнѣйшихъ историческихъ Русскихъ писателей прошедшаго столѣтія. Такимъ образомъ онъ подробно разсмотрѣлъ труды по Русской Исторіи Ломоносова, кн. Щербатова, Миллера, Шлецера, Татищева и другихъ. Эти первыя лекціи Н. Г. Устрялова были очень для насъ любопытны и привлекали многихъ слушателей. А за тѣмъ изъ двухъ недѣльныхъ лекцій, которыя читалъ онъ по послѣобѣдамъ, одну назначалъ для практическихъ упражненій студентовъ въ русскомъ языкѣ (читались и разбирались собственныя сочиненія студентовъ) а другую лекцію въ недѣлю употреблялъ онъ на теорію слога, руководствуясь печатною книгою пр. Толмачева.

На 2-мъ курсѣ слушали мы теорію Рус. Словесности у Ник. Ив. Бутырскаго; чтенія свои онъ сопровождалъ разборомъ разныхъ любимыхъ имъ стихотвореній; разборъ нѣкоторыхъ стиховъ Державина, какъ на пр.: Пляска Харитъ, и др. намъ приходилось выслушивать нѣсколько разъ. Для чтеній своихъ не имѣлъ Бутырскій печатнаго руководства; коспектомъ для нихъ служили его записки, у меня, къ сожалѣнію, не сохранившіяся. Бутырскій кромѣ мелкихъ стихотвореній, въ особенности сонетовъ, извѣстенъ переводомъ на русскій языкъ Тридцатилѣтней Войны Шиллера.

Въ Сентябрѣ 1832 года явились въ Петерб. университетѣ новые преподаватели русской словесности, замѣнившіе собою прежнихъ. Это были—Плетневъ и Никитенко.

Петръ Александровичъ Плетневъ опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ, а Александръ Васильевичъ Никитенко адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ русскаго языка и литературы.

Съ нами началъ П. А. Плетневъ свой *первый* курсъ русской литературы въ Петербургскомъ университетѣ. Вышедши изъ бывшаго Педагогическаго института, Плетневъ сдѣлался скоро извѣстенъ въ кругу тогдашнихъ литераторовъ. Близость его съ Жуковскимъ открыла ему мѣсто наставника русской словесности у Наслѣдника Всероссійскаго Престола. У насъ читалъ Плетневъ два раза въ недѣлю отъ 8 до 10 час. утра; сколько помню, на субботнюю лекцію свою являлся онъ къ намъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, а въ 10 часовъ отправлялся онъ отъ насъ въ придворной каретѣ къ Вѣнценосному Ученику своему.

Прежде, чѣмъ приступить съ нами къ исторіи рус. литературы, онъ предпослалъ этому курсу общія замѣчанія о литературѣ и языкѣ вообще. Во вступленіи къ исторіи литературы у него заключалось рѣшеніе вопросовъ: 1) что должна содержать исторія литературы; 2) въ какомъ отношеніи исторія литературы относится къ исторіи политической; 3) какъ надобно опредѣлять въ исторіи литературы эпохи и изображать періоды; 4) какому выбору должно подвергать всѣ матеріалы изъ исторіи литературы. На этихъ вступительныхъ лекціяхъ Плетнева видно вліяніе Фридр. Шлегеля, котораго *Исторія древней и новой литературы* въ переводѣ на рус. языкъ вышла у насъ въ свѣтъ въ 1830 году. Исторію рус. литературы успѣлъ съ нами довести Плетневъ только до Ломоносова. Онъ долго останавливался

съ нами на томъ, что̀ должно было имѣть главнѣйшее вліяніе на ходъ нашей древней литературы.

Вотъ какъ опредѣлялъ Плетневъ исторію литературы. Она есть изслѣдованіе, до какой степени совершенства достигъ какой-либо извѣстный народъ въ разныхъ умственныхъ направленіяхъ, пользуясь всѣми способами, которые доставили ему обстоятельства.

Четыре рода обстоятельствъ признавалъ Плетневъ содѣйствующими главнымъ образомъ къ успѣхамъ умственной жизни: 1) Содѣйствіе внѣшней природы, куда онъ относилъ; а) климатъ, б) произведенія природы, в) образъ жизни; г) народные промыслы; д) удобства сообщеній внутреннихъ и внѣшнихъ ([17]). 2) Вліяніе религіи. 3) Главнѣйшія политическія событія (внѣш. сношенія и важнѣйшія внутреннія правительствен. распоряженія). 4) Самый языкъ.

Главныхъ направленій въ литературѣ признавалъ Плетневъ четыре: религіозное, патріотическое, ученое и политическое.

Главнымъ источникомъ, на который ссылался Плетневъ почти на каждой лекціи, была хорошо ему знакомая Исторія Государства Россійскаго Карамзина. Плетневъ постоянно слѣдилъ за текущею литературою, и лишь только являлось какое нибудь замѣчательное произведеніе, изъ лекцій Петра Александровича мы видѣли, что оно ему знакомо, наприм. говоря объ употребленіи словъ провинціальныхъ и встрѣчающихся въ старинныхъ пословицахъ, онъ сослался на пословицу, вычитанную имъ въ лишь только вышедшихъ тогда сказкахъ Казака Луганскаго (В. И. Даля): „иногда рыба идетъ на *блёвку*, иногда на *блёску*“ ([18]).

Записокъ Плетневъ намъ не выдавалъ, но записывать за нимъ было очень свободно, потому что читалъ онъ неспѣшно, останавливаясь на каждомъ словѣ. По окончаніи годичныхъ экзаменовъ по его предмету, въ Іюнѣ 1833 года, прощаясь съ нами, онъ обратился къ намъ съ нѣсколькими словами, произнесенными съ теплотою душевною: „Мнѣ очень жаль, сказалъ онъ, что я такъ недалеко дошелъ съ вами въ исторіи рус. литературы: она представляетъ еще непроходимый лѣсъ, въ которомъ мнѣ приходилось впервыя прокладывать дорогу; я знаю, прибавилъ онъ по скромности, что одушевленныя лекціи по древнимъ языкамъ Ѳ. Б. Грефе были для васъ гораздо увлекательнѣе моихъ и побуждали васъ по преимуществу къ усидчивымъ занятіямъ по древней филологіи. Первая любовь бываетъ самая крѣпкая (прибавилъ онъ въ заключеніе, разставаясь съ нами): я желалъ бы, чтобы вы сохранили воспоминаніе обо мнѣ также, какъ сохраню я навсегда воспоминаніе объ васъ, моихъ первыхъ университетскихъ слушателяхъ.“ И дѣйствительно онъ не забывалъ насъ. Пишущій эти строки, пріѣзжая въ Петербургъ, каждый разъ встрѣчалъ у него радушный пріемъ. Въ послѣдній разъ довелось мнѣ съ нимъ видѣться въ началѣ Февраля 1858 года. По его приглашенію имѣлъ я удовольствіе быть на 39-й годовщинѣ Пет. университета, 8 Февраля. Здѣсь встрѣтился я съ нѣкоторыми, немногими впрочемъ, сотоварищами университетскими, видѣлся съ очень немногими изъ своихъ наставниковъ по университету и познакомился съ нѣкоторыми изъ новыхъ дѣятелей по историко-филологическому факультету. Передъ тѣмъ еще два раза былъ я

---

(17) Желѣзныя дороги, начинавшія въ то время входить въ употребленіе въ Запад. Европѣ, считалъ Плетневъ непримѣнимыми къ Россіи по условіямъ нашего климата и огромному протяженію государства.

(18) Ник. Ив. Бутырскій, читая, по обязанности цензора, вновь выходящія на рус. языкѣ сочиненія и переводы съ иностран. языковъ, тоже знакомилъ насъ съ ними, даже при случаѣ указывалъ на переводные на рус. яз. романы Поль-де-Кока, каковы: Монфермельская молочница; это приводилъ онъ въ примѣръ либо удачнаго, либо неумѣстнаго перевода какой-нибудь французской остроты.

на университетскихъ актахъ, въ первый и послѣдній годъ моего студенчества, я потому коснусь ихъ здѣсь подробнѣе.

На актѣ 21 Іюня 1830 года читаны были: 1) секретаремъ совѣта Бутырскимъ отчетъ за 1829 годъ не только по университету, но и по управленію Петерб. учебнымъ округомъ, зависѣвшимъ до 1835 г. отъ университета, что́ имѣло свою хорошую сторону для насъ, служившихъ въ округѣ. 2) Проф. Ос. Ив. Сеньковскій читалъ на франц. языкѣ разсужденіе о послѣднемъ великомъ переворотѣ на Востокѣ (Considération sur la dernière grande revolution de l'Orient). Была еще приготовлена къ произнесенію рѣчь профес. философіи Пальмина съ нѣсколько - страннымъ названіемъ: *Объ истребленіи роскоши познаній.* Но ректоръ Дегуровъ объявилъ, что рѣчь эта не будетъ читана по болѣзни г. Пальмина.

Актъ 31 Августа 1833 года былъ въ присутствіи С. С. Уварова, управлявшаго тогда министерствомъ народнаго просвѣщенія, и раздававшаго намъ, казеннокоштнымъ студентамъ, окончившимъ унив. курсъ, шпаги ([19]). На актѣ, секр. совѣта Бутырскій прочелъ краткое обозрѣніе дѣйствій университета и его округа за 1832 годъ. Петръ Алекс. Плетневъ читалъ тогда, какъ вновь вступившій профессоръ, рѣчь свою: *О народности въ литературѣ,* напечатанную въ первой книжкѣ лишь только начавшаго въ 1834 году выходить въ свѣтъ Журн. мин. нар. просв. Кромѣ Плетнева читалъ еще на этомъ актѣ проф. Шармуа на французскомъ языкѣ: о пользѣ восточныхъ языковъ при изученіи русской исторіи.

Петръ Александровичъ былъ доступенъ во всякую пору студентамъ, желавшимъ получить отъ него совѣтъ, или какое либо содѣйствіе. Мнѣ довелось къ нему обращаться въ Декабрѣ 1832, когда узналъ я, что въ родной мнѣ Вологод. гимназіи можетъ открытьси вакантное мѣсто учителя русск. словесности вмѣсто тамошняго наставника, пожелавшаго было перемѣститься въ Западный край, куда былъ вызовъ учителей. Плетневъ пообѣщалъ мнѣ, что мѣсто останется вакантнымъ до окончанія мною унив. курса; съ полнымъ участіемъ и вниманіемъ выслушавъ побужденія мои проситься на мѣсто въ Вологду, онъ при этомъ далъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ совѣтовъ житейской мудрости о томъ, чтобъ провинціальная среда не могла имѣть вреда для продолженія университетскаго образованія; онъ же совѣтовалъ мнѣ не сближаться съ устарѣвшими преподавателями. Плетневъ былъ тогда вдовъ послѣ перваго супружества; онъ жилъ у Обухова моста. Плетневъ, написавшій великое множество біографій современниковъ и сослуживцевъ своихъ, изъ которыхъ стоитъ на первомъ мѣстѣ обширная, отъ души написанная имъ біографія Жуковскаго, самъ Плетневъ, говорю, не нашелъ еще для себя біографа. Петерб. университету, его замѣчательный профессоръ и ректоръ въ продолженіе многихъ лѣтъ (до временнаго закрытія университета въ 1861 году) оставилъ между прочимъ прекрасные

([19]) При отдачѣ мнѣ шпаги, С. С. Уваровъ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими привѣтственными словами по поводу предполагавшейся моей поѣздки въ Дерптъ и за границу. Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ, стоявшіе вблизи министра, стали меня поздравлять; Гречъ попросилъ у меня шпагу, и вынувъ изъ клинка лезвіе, увидѣлъ, что оно ржавое (видно, экономъ универ. поскупился купить для насъ новыя шпаги). «Плохо вамъ защищаться будетъ въ пути вашемъ», сказалъ мнѣ Гречъ, а Булгаринъ тотчасъ въ отвѣтъ ему съострилъ: «онъ будетъ защищаться противъ нападающихъ не мечемъ, а здравымъ смысломъ». Шпаги эти какъ мнѣ, такъ и товарищу моему Григ. Ив. Лапшину, готовившемуся къ отправленію вмѣстѣ со мною въ Дерптъ, пригодились въ слѣдующемъ Октябрѣ мѣсяцѣ; мы ихъ надѣвали на себя каждый разъ, какъ отправлялись на испытаніе въ академію наукъ. Третій назначавшійся къ заграничной поѣздкѣ по Петерб. унив., нынѣ тайный совѣтникъ, Домонтовичь, служившій по духовно-учебному управленію, не получилъ согласія отца своего на поѣздку и остался въ Петербургѣ.

ежегодные отчеты о его дѣятельности и описаніе перваго двадцатипятилѣтія университета, читанное имъ на юбилейномъ актѣ 8-го Февр. 1844 г. (20).

П. А. Плетневъ скончался въ Парижѣ 29 Декабря 1865 г., 73 лѣтъ отъ роду. Приведу предсмертныя слова его, сказанныя имъ, послѣ напутствія Св. таинствами, дѣтямъ своимъ: „Дѣти, я разстаюсь съ вами, и въ эту великую минуту завѣщаю вамъ положить страхъ Божій въ основу вашихъ мыслей, словъ и дѣлъ.“ За тѣмъ онъ далъ перевести младшему сыну текстъ Св. Писанія: initium sapientiae est timor Domini; объяснилъ этотъ текстъ, и еще въ послѣднее напутствіе прибавилъ дѣтямъ: „Гордость и кичливость приносятъ только тревоги, а смиреніе даетъ миръ“. Все это передалъ напутствовавшій его въ навечеріе Рождества Христова протоіерей І. Васильевъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому (см. Сѣв. Почта 1866 за Январь). Для дополненія нравственной характеристики Плетнева прибавимъ еще, что Петръ Александровичъ тогда же просилъ протоіерея Васильева найти случай передать Государю предсмертную его благодарность за всѣ милости, оказаныя ему. Оглядываясь на прошлую жизнь, Плетневъ признавалъ себя, по скромности, счастливымъ выше достоинствъ.

Лекціи Ал. Вас. Никитенко, вступившаго въ одно время съ Плетневымъ въ унив. на каѳедру рус. словесности, хотя и не приходилось мнѣ слушать ex officio, но я бывалъ на нихъ нѣсколько разъ изъ любопытства. Очень хорошо памятна мнѣ его вступительная лекція, читанная имъ послѣ обѣда въ Сентябрѣ 1833 года въ присутствіи величайшаго множества посѣтителей, какого до того времени мнѣ не доводилось еще видѣть на лекціяхъ; особенно много собралось военныхъ офицеровъ; не только всѣ скамьи и подоконники заняты были слушателями, но множество ихъ густою толпою стояло вплоть до каѳедры (21). Было въ аудиторіи очень жарко и удушливо. Вмѣсто двухъ тогдашнихъ часовъ лекція не продолжалась и трехъ четвертей часа. Намъ казалось, что это чрезмѣрное людство смутило нѣсколько профессора. У даровитаго и краснорѣчиваго преподавателя, привыкшаго къ импровизаціи въ женскихъ учебн. зав., былъ въ рукахъ конспектикъ въ нѣсколько строкъ; но въ 1833 году свою вступительную лекцію онъ помѣстилъ въ двухъ нумерахъ Сына Отечества, и въ тоже время вышла она отдѣльно. Въ послѣдствіи Никитенко занимался редакціей Сына Отеч. (въ 1840 и 1841 годахъ); онъ же редактировалъ Современникъ въ 1847 и первую половину 1848 и помѣщалъ въ томъ и другомъ изданіи критическіе и біографическіе труды свои. Онъ занимался такъ же редакціей Жур. мин. нар. пр., принявъ редакцію этого журнала въ 1837 или 8-мъ году отъ Конст Ст. Сербиновича, и передалъ ее въ послѣдствіи К. Ушинскому. Долго бы было поименовывать всѣ его литературныя произведенія, назову только первую читанную имъ въ унив. актовую рѣчь: *О творящей силѣ поэзіи* (1838), а также вышедшій въ 1848 году первый выпускъ его *Опыта исторіи русс. литературы*, котораго къ сожалѣнію, онъ потомъ не продолжалъ, остановившись на одномъ введеніи.

Вспоминая о преподаваніи русской словесности въ Петербургскомъ университетѣ, не могу не сказать и о тѣхъ произведеніяхъ изящной русской словесности, которыя, являясь въ свѣтъ

(20) О десятилѣтіи Петерб. университета, непосредственно слѣдовавшемъ за 1844 годомъ любопытныя и драгоцѣнныя свѣдѣнія можно почерпать во второмъ томѣ Историко-статистическаго обозр. учебныхъ заведеній Петерб. учеб. округа, составленнаго Андр. Степ. Вороновымъ (1854 года.)

(21) Въ числѣ посѣтителей находился К. М. Бороздинъ, незадолго до того оставившій должность попечителя С. Петербургскаго округа. Къ Бороздину А. В. Никитенко былъ очень близокъ, служа правителемъ дѣлъ его канцеляріи.

въ ту пору, не оставались безъ вліянія и на студентовъ университета.

1) Во главѣ всего долженъ стоять XII томъ исторіи государства Россійскаго, изданный Блудовымъ въ 1829 г.

2) Послѣднія главы Онѣгина вышли въ свѣтъ въ эту же пору; VII-ая въ 1830, а VIII-ая въ 1832 году.

Въ посвященіи Онѣгина П. А. Плетневу поэтъ мастерски его изобразилъ:

«Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.....

3) Борисъ Годуновъ Пушкина, явившійся въ 1831 году, не оцѣненъ былъ на первыхъ порахъ по достоинству. Отъ этой драмы, изъ которой извѣстны были ранѣе немногія сцены, ожидали чего-то другаго.

4) Повѣсти Бѣлкина, замаскированныя Пушкинскимъ къ нимъ предисловіемъ, хотя и изумляли насъ совершенствомъ литературной отдѣлки, но не скоро узнали мы имя ихъ автора. По крайней мѣрѣ, при чтеніи ихъ въ каникулы 1831 года, мы не знали еще, что они принадлежатъ перу Пушкина.

5) Гоголь также скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ въ изданныхъ имъ тогда повѣстяхъ своихъ, подъ названіемъ: Вечера на хуторѣ близь Диканьки, Рудаго Панька. Но скоро узнали мы настоящее имя автора этихъ повѣстей отъ одного студента, товарища Гоголя по Нѣжинскому лицею.

6) Иліаду Гомера, въ переводѣ Гнѣдича, нѣкоторые студенты, любители древнихъ языковъ, не выпускали изъ рукъ на первыхъ порахъ по выходѣ ея въ свѣтъ (1829); особенно любилъ ее читать въ слухъ молодый поэтъ, студентъ Шкляревскій, рановременно скончавшійся въ Дерптѣ, куда поступилъ онъ въ первый профессорскій институтъ до окончанія имъ университетскаго курса.

7) Въ стихотвореніяхъ Языкова (1833) увлекались мы описаніемъ студентской жизни въ Дерптѣ.

8) Въ стихотвореніяхъ Козлова (1833) нравилось намъ грустное настроеніе лиры поэта, уже въ то время лишившагося зрѣнія. Сынъ Козлова былъ въ наше время студентомъ.

9 и 10) Романы Загоскина: Юрій Милославскій (1830) и Рославлевъ (1831) привлекали къ себѣ вниманіе наше по ихъ патріотическому настроенію. Намъ тогда передавали, что послѣдняя часть Рославлева писана Загоскинымъ въ карантинѣ между Москвою и Петербургомъ.

11) Монастырка, вышедшая подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго (1830), вмѣсто настоящаго имени Перовскаго, на первыхъ же страницахъ завлекала письмами институтки Смольнаго монастыря, писанными ею къ подругѣ, немедленно по прибытіи въ Малороссію, по окончаніи институтскаго воспитанія. Еще изъ романовъ, нравившихся намъ въ то время, могу назвать: 12) Дочь купца Жолобова, Калашникова, съ картинами южной Сибири; 13) Поѣздку по Германіи Греча; 14) Семейство Холмскихъ въ 6 томахъ Бѣгичева, съ дагеротипнымъ изображеніемъ дворянскаго быта Воронежской губерніи, въ которой Бѣгичевъ былъ тогда губернаторомъ.

Доставать книги было намъ тогда не такъ легко, какъ нынѣшнимъ студентамъ. Богатства публичной библіотеки были тоже для насъ недоступны. Мы могли пользоваться только Румянцовскимъ Музеемъ, въ которомъ новыхъ книгъ по текущей литературѣ не находилось. Желавшіе изъ насъ слѣдить за политическими извѣстіями по иностраннымъ газетамъ отправлялись для того въ такъ называемое *Справочное мѣсто* на Гороховой улицѣ, платя за каждый разъ по гривеннику......

Ѳ. Фортунатовъ.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ К. А. БУЛГАКОВУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письма, предлагаемыя читателямъ „Русскаго Архива“, представляютъ интересъ и какъ матеріялъ для біографіи Глинки, и какъ документы для исторіи Русской музыки, заключающіе въ себѣ сужденія объ искусствѣ геніальнаго ея представителя. Самый языкъ этихъ писемъ, чистый, правильный, при всей его простотѣ и нерѣдко небрежной своеобразности, довольно замѣчателенъ, какъ доказательство того, каково было образованіе въ этомъ отношеніи людей Глинкинскаго поколѣнія, даже не бывшихъ литераторами, но жившихъ съмолоду около кружковъ тогдашняго не обширнаго, но избраннаго литературнаго міра.

Воспоминанія моего отрочества представляютъ мнѣ живо то время, когда Глинка, пріобрѣтшій извѣстность нѣкоторыми превосходными романсами, въ полной порѣ зрѣлой молодости, поставилъ на сцену „Жизнь за Царя“ (въ пятницу 27 Ноября 1836; ему было тогда 32 года). Помню хорошо то колебаніе, тотъ разладъ, которые появленіе ея произвели въ Петербургскомъ артистическомъ мірѣ и въ тогдашней публикѣ. Музыкальные педанты, пользовавшіеся тогда большимъ авторитетомъ, говорили о новой оперѣ, презрительно пожимая плечами, и лишь немногіе безпристрастные любители и знатоки утверждали, что Глинка большой, самородный талантъ. Публика, „le gros du public“, не знала, кому вѣрить (А). Многое въ оперѣ Глинки казалось ей, по непривычкѣ и рутинѣ, страннымъ. Едва ли кто нибудь въ средѣ ея осмѣлился бы, не усомнясь и громогласно, объявить, что эта опера не хуже напримѣръ „Капулетовъ и Монтеки“ и что музыкальное дарованіе Глинки не ниже таланта увлекательнаго мелодиста Беллини, который былъ тогда въ такой модѣ, что князь В. Ѳ. Одоевскій говорилъ, что наша публика не только „обеллинилась“, но и „взбѣленилась“. Но инстинктъ влекъ ее въ театръ, когда давали „Жизнь за Царя“ и, когда незабвенная А. Я. Воробьева (въ послѣдствіи супруга славнаго пѣвца О. А. Петрова) пѣвала: „Ахъ не мнѣ бѣдному“, то почти у всѣхъ въ залѣ навертывались на глазахъ слезы, и слышны были въ разныхъ мѣстахъ всхлипыванья. Видно, нервы теперь стали крѣпче у людей, хотя тогда меньше было слышно про нервныя болѣзни, чѣмъ нынѣ.

Года три спустя, бывши 17 лѣтнимъ студентомъ, я узналъ Глинку лично. Вскорѣ послѣ того мы сошлись очень близко, не смотря на разительную въ такіе годы разницу возраста. (Глинка былъ 18 лѣтъ старше меня). Извѣстность и авторитетъ его успѣли значительно укрѣпиться. Это было время появленія новыхъ его романсовъ (преимущественно на слова Кукольника), работы надъ оперой „Русланъ и Людмила“ и впослѣдствіи самой постановки ея на сцену (въ пятницу, 27 Ноября 1842, ровно 6 лѣтъ послѣ „Жизни за Царя“ и на той же сценѣ). Въ эту зиму и особенно въ слѣдующую, я видѣлъ его без-

---

(А) Одинъ изъ тогдашнихъ аматеровъ, который славился въ гостиныхъ исполненіемъ разныхъ ходячихъ романсовъ, сопровождая свой голосъ фальшивымъ бренчаньемъ на фортепьянахъ, говорилъ про великое произведеніе, что оно «*чѣмъ тебя я огорчила* съ барабанами.»— Эта пошлость повторялась въ партерѣ во время представленій. Статьи, печатавшіяся тогда въ Сѣверной Пчелѣ Булгарина, были наполнены хотя вполнѣ невѣжественными, но весьма язвительными отзывами о Глинкѣ; помню, что г. Булгаринъ, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о музыкѣ, вѣроятно, съ непонятыхъ словъ какого-нибудь музикуса, печаталъ во всеуслышаніе, что Глинка не знаетъ и оркестровки, ибо въ Жизни за Царя оркестръ написанъ слишкомъ *низко* (?). Эта нелѣпость никого не удивила. К. В. О.

престанно, и много ночей проводилъ нашъ дружескій кругъ въ веселыхъ бесѣдахъ, оживленныхъ импровизаціями и пѣніемъ Глинки (онъ превосходно и охотно пѣлъ свои романсы, но изъ чужихъ романсовъ пѣлъ только одинъ: „Любила я твои глаза", графа М. Ю. Віельгорскаго). Много можно бы разсказать про это веселое и любопытное время, но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Біографы и критики недавней эпохи, не жившіе въ тотъ періодъ времени и вообще узнавшіе Глинку гораздо позднѣе, а слѣдовательно измѣнившимся отъ лѣтъ и болѣзней, говорятъ во многихъ случаяхъ не точно о постановкѣ и исполненіи „Руслана" и вообще о взглядахъ Глинки на искусство и нѣкоторыхъ музыкантовъ въ лучшую пору его дѣятельности. Я наприм. гдѣ-то читалъ, будто онъ въ грошъ не ставилъ Рубини, между тѣмъ, какъ я самъ видалъ его въ восторгѣ отъ этого величайшаго пѣвца своего времени, котораго я, кромѣ концертовъ и вечеровъ, имѣлъ счастіе слышать на сценѣ въ продолженіи двухъ зимъ сряду по два и по три раза въ недѣлю (петербургскіе сезоны итальянской оперы 1843—1844 и 1844—45 годовъ). Надо замѣтить также, что Глинка любилъ нерѣдко парадоксы въ разговорахъ, и ловить на лету его отрывочныя сужденія, придавая имъ значеніе рѣшительныхъ его приговоровъ, было бы крайне опрометчиво. Такъ напр., помню, что я однажды ему похвалилъ одно музыкальное произведеніе, а онъ отвѣчалъ мнѣ именно этими словами, перемѣшивая русскую фразу съ французской, что̀ дѣлывалъ часто: „Что̀ „ты говоришь? да ты посмотри: онъ, „тутъ обокралъ Мейербера, comme si „Meyerbeer n'était pas assez mauvais comme „cela". Между тѣмъ Глинка чтилъ геній Мейербера, и оказалось, что даже онъ вовсе не пренебрегалъ произведеніемъ, которое называлъ выкраденнымъ у него. Также увѣряютъ, будто съ Глинкой торговались при постановкѣ Руслана, дѣлали ему непріятности, будто опера не имѣла успѣха и т. п. (Б) Правда, Глинку огорчали: требованіе урѣзокъ, болѣзнь Петровой, (въ чемъ не кого было винить), отчего партію Ратмира надобно было въ первое представленіе исполнять ея соименницѣ, но ни какъ не соперницѣ, воспитанницѣ театральной школы Анѳисѣ Петровой 2-й. Но дирекція сдѣлала для постановки оперы почти невозможное. Костюмы были верхъ роскоши и изящества и всѣ съ иголочки, а въ 4 актѣ, подданные Черномора, женщины-бабочки, колдуны, арапы, феи, лезгины—были точно чудными обитателями какого-то волшебнаго царства (В). Декораціи (числомъ 9) всѣ

(Б) Я былъ тяжело боленъ предъ постановкою Руслана и потому не знаю, что̀ по этому случаю происходило. Вѣроятно, шестилѣтній успѣхъ Жизни за Царя улучшилъ отношенія между дирекціей и знаменитымъ сочинителемъ; но по поводу постановки Жизни за Царя, Глинка мнѣ говорилъ, что съ него была взята подписка—никогда не требовать ни малѣйшаго вознагражденія за представленія этой оперы. — Помню также, что послѣдняя генеральная репетиція «Жизни за Царя» производилась при стукѣ работниковъ, околачивавшихъ ложи большаго театра. Глинка наружно высказывалъ ко всему этому и другому многому большое хладнокровіе, но внутренно онъ глубоко огорчался такимъ пренебреженіемъ и къ искусству вообще и къ нему лично. Онъ полагалъ, что при такихъ условіяхъ Жизнь за Царя не выдержитъ и трехъ представленій. Я радовался его твердости и желѣзному терпѣнію и замѣчалъ, что ему, какъ Ванѣ, предстоитъ.

«въ крѣпкой правдѣ послужить»

ибо, независимо отъ новаго шага въ искусствѣ, его Жизнь за Царя имѣла и политическое значеніе: она должна была противодѣйствовать тому тяжелому впечатлѣнію, которое еще живо оставалось въ умахъ послѣ продѣлокъ Аракчеевыхъ и Магницкихъ, своимъ самоуправствомъ и презрѣніемъ къ законности нанесшихъ столько вреда самымъ чистымъ и святымъ народнымъ убѣжденіямъ. К. В. О.

(В) Замѣтимъ здѣсь одно обстоятельство, которое можетъ пригодиться и для декораторовъ вообще и для будущихъ постановокъ Руслана. Глинку очень занимала декорація Черноморова сада. Пришедши навѣстить больнаго князя Одоевскаго, онъ говорилъ ему: «боюсь, что мнѣ нарисуютъ балкончиковъ съ розанчиками; мнѣ бы хотѣлось *небывалыхъ* деревьевъ, цвѣтовъ....»

были новыя. Роллеръ превзошелъ самого себя, въ 4 актѣ, изображеніемъ замка и садовъ Черномора, въ концѣ 3-го видомъ сѣвернаго лѣса, а самый первый „lever de rideau", представлявшій пиръ въ теремѣ Свѣтозара, былъ такъ ослѣпительно-великолѣпенъ, что самые старые и взыскательные театралы были поражены. Ничего и издали подобнаго не видывали мы ни въ „Фенеллѣ", ни въ „Робертѣ", ни въ „Жидовкѣ", ни въ балетахъ Тальони. Все это теперь давно сгорѣло. Что касается до успѣха „Руслана", скажу слѣдующее. Я былъ на генеральной его рецетиціи и тогда же видѣлъ, что присутствовавшіе, которыхъ было много, недоумѣвали и находили многое страннымъ, непривычнымъ, непонятнымъ, длиннымъ, а слѣдовательно скучнымъ. Но потомъ публика болѣе и болѣе входила во вкусъ этой музыки съ каждымъ представленіемъ; многія мѣста оперы сдѣлались вскорѣ популярными. На сценѣ больше всего производила впечатлѣніе сцена Ратмира въ 3 актѣ, превосходно исполнявшаяся Петровою 1-ю и особенно страстное стретто въ концѣ: „Чудной сонъ живой любви". Успѣхъ оперы былъ таковъ, что хотя не всякое представленіе давало блистательные сборы, но все таки они были таковы, что дирекція нашла выгоднымъ дать „Руслана и Людмилу" съ 27 Ноября 1842 по 25 Февраля 1843 (конца карнавала), т. е. въ 3 мѣсяца, 35 разъ. Въ моихъ тогдашнихъ замѣткахъ, которыхъ я теперь не имѣю подъ рукою, обозначены особенности почти каждаго изъ представленій, изъ которыхъ я не пропустилъ ни одного. Хотя въ послѣдствіи оперу играли рѣже, но причиной этому было уже постепенное распаденіе русской оперной труппы, когда Рубини, Тамбурини, Віардо и итальянская опера (съ конца Октября 1843 года) поглотили все вниманіе восторженной петербургской публики.

На столѣ у князя Владиміра Θеодоровича лежала раскрытая книга Эренберга съ рисунками микроскопическихъ растеній и животныхъ. «Что это такое?» спросилъ Глинка.—Твой Черноморовъ садъ, отвѣчалъ князь В. Θ. Такъ и вышло. Выбраны были нѣкоторые изъ рисунковъ, и декорація Черноморова сада (сгорѣвшая) вся составилась по книгѣ знаменитаго энтомолога изъ *микроскопическихъ растеній*, разумѣется, увеличенныхъ до чудовищнаго размѣра,—и дѣйствительно *небывалыхъ* на сценѣ. Это преданіе, на бѣду, потерялось у декораторовъ, или вовсе осталось для нихъ неизвѣстнымъ. *Ред.*

Помнится, въ 1844 году Глинка уѣхалъ изъ Петербурга въ Парижъ, и съ этого времени началась его странническая жизнь. Мы встрѣтились послѣ этого лишь черезъ много лѣтъ по возвращеніи его изъ Испаніи и на весьма короткое время, но сохранили до конца и въ разлукѣ самыя пріязненныя отношенія. Признаюсь откровенно: я не люблю вспоминать Глинку въ эту новую эпоху его жизни, съ происшедшими въ немъ на то время перемѣнами, съ наперсникомъ его, какимъ-то Дономъ Педро или Дономъ Алонзо и прочими (Г), хотя въ то время онъ уже въ самомъ дѣлѣ сдѣлался безспорною знаменитостью и у насъ, гдѣ большинство ждало, для ея признанія, чтобы Парижъ и Берлинъ высказали о немъ свое мнѣніе. Въ сердцѣ и къ памяти моей живъ другой Глинка, котораго физическое сходство, въ лучшую пору его дѣятельности, поразительно схвачено на *единственномъ* вѣрномъ портретѣ его, завѣщанномъ мнѣ умиравшимъ общимъ другомъ нашимъ Булгаковымъ. Для меня Глинка есть Глинка той поры, когда онъ былъ въ полной жизненной силѣ, безпечный, нерѣдко странный и пародоксальный, но живой, остроумный, добродушный, какъ подобаетъ быть генію, Глинка— временъ Степановскихъ каррикатуръ, но вмѣстѣ и творчества „Руслана"

(Г) Справедливость заставляетъ меня замѣтить, что Донъ Педро не только былъ очень хорошій музыкантъ, но страстно любилъ Глинку и ухаживалъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Онъ былъ Глинкѣ дѣйствительно полезенъ, а не вреденъ. К. В. О.

и самыхъ вдохновенныхъ его романсовъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На масляницѣ 1857 года я былъ въ покинутомъ мною за три года до того Петербургѣ. Въ одно утро, на Маріинскомъ театрѣ возобновленная русская оперная труппа давала „Линду де Шамуни" Донидзети. Въ ожиданіи увертюры, я стоялъ у оркестра. Вдругъ входитъ въ оркестръ капельмейстеръ и даровитый композиторъ К. Н. Лядовъ, обливаясь слезами, идетъ прямо ко мнѣ и говоритъ: „Знаете ли, М. Н., какое горе, какое „несчастіе? Сейчасъ получено письмо „изъ Берлина: Глинка умеръ!" Болѣе намъ не было времени перемолвить ни слова, потому что К. Н. Лядову нужно было начинать увертюру; но нечего говорить, что мы оба перечувствовали въ эти минуты (Д).

Люди, не жившіе съ Глинкой въ эпоху, о которой я говорилъ, полагаютъ, что они первые такъ сказать *открыли* Глинку, до пониманія котораго будто бы тогда *никто* не доросъ. Я сказалъ истину на этотъ счетъ. Правда, долго не многіе рѣшались „смѣть свое сужденіе имѣть" и понимать его музыку. Но существовали же тогда: кружокъ Брюлова, общество кн. Одоевскаго и т. п. Да позволено же будетъ именовать послѣ этого и нашъ молодой кругъ, хотя составленный по большой части изъ людей мало или почти незнавшихъ музыки, но который Глинка любилъ и и даже не пренебрегалъ его мнѣніемъ, зная, что тамъ любятъ искусство и имѣютъ вкусъ. Мы хорошо знали его музыку, какъ бы инстинктивно признавали Глинку геніемъ и не задумывались называть его этимъ именемъ, не ожидая санкціи Герцевой залы въ Парижѣ или камеръ-музикусовъ Берлина и Дрездена. Намъ перепѣлъ онъ безчисленное число разъ безсмертныя свои пѣсни, и только мы, слышавшіе ихъ отъ него самого, внимая имъ теперь, можемъ вполнѣ чувствовать то, что̀ сказалъ о нихъ поэтъ:

Какъ будто въ нихъ вошла всецѣло
Для новой жизни безъ конца,
Душа оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца (*).

(Д) Я видѣлъ въ послѣдній разъ Глинку проѣздомъ чрезъ Берлинъ въ 1856 г. Онъ уже былъ боленъ; за нимъ ухаживали В. Н. Кашперовъ, о которомъ Глинка такъ сочувственно говоритъ въ своихъ письмахъ, и какія-то двѣ Нѣмочки; онъ весь встрепенулся, услышавъ русскую рѣчь, и обрадовался мнѣ несказанно.—«Всякій день тебя благодарю, говорилъ онъ мнѣ, что надоумилъ познакомиться съ Деномъ; что за человѣкъ! я думалъ, что я что нибудь въ музыкѣ смыслю, но когда я поговорилъ съ Деномъ, то припомнились мнѣ твои слова, что мы въ музыкѣ кромѣ вершковъ ничего не знаемъ. Я сказалъ Дену: вы забудьте, что передъ вами сочинитель двухъ оперъ; трактуйте меня, какъ ничего незнающаго школьника и начните со мною музыку съ самаго начала.» Глинка разсказалъ мнѣ о своихъ контрапунктическихъ работахъ съ Деномъ и о томъ, что весь погрузился въ церковную музыку; не смотря на мое противодѣйствіе, Глинка всталъ съ постели, утверждая, что у него только минутное нездоровье, и сыгралъ мнѣ свою небольшую новую піеску въ строгомъ церковномъ стилѣ, разумѣется западномъ. Какъ жаль, что я не догадался тогда списать этотъ листокъ,—но я не ожидалъ, что вижу Глинку въ послѣдній разъ. Чрезъ двѣ недѣли, будучи въ Веймарѣ, я узналъ, что прислали изъ Берлина за русскимъ священникомъ—похоронить Русскаго, котораго имя Нѣмцы, по обычаю, коверкали всѣми возможными и невозможными способами. Скоро я убѣдился, что этотъ русскій человѣкъ—былъ Глинка!... При мысли объ этой невозвратимой потерѣ, нельзя не вспомнить, что съ его смертію погибъ, можетъ быть, цѣлый новый періодъ нашей церковной музыки, къ которой Глинка готовился.—Денъ, величайшій изъ музыкальныхъ теоретиковъ и археологовъ, какихъ только привелось мнѣ встрѣтить въ жизни, отзывался о Глинкѣ съ непритворнымъ, глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Кстати позволю себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ моего Путеваго Дневника 1856, нынѣ уже не лишенныхъ интереса. Подъ $\frac{23\ \text{Янв.}}{4\ \text{Февр.}}$ (въ Берлинѣ) у меня записано: «Былъ у «Глинки—онъ въ постелѣ. *Онъ подружился съ «Мейерберомъ*; отрывки изъ «Жизни за Царя» «были здѣсь исполнены (въ это время Мейер «беръ былъ, кажется капельмейстеромъ въ Бер«линѣ); на репетиціяхъ Глинка простудился и теперь боленъ.» К. В. О.

(*) А. Н. Майковъ, въ стихахъ «На кончину М. И. Глинки».

Предлагаемыя письма Глинки относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ его жизни. Они писаны въ Москву къ покойному общему другу нашему Константину Александровичу Булгакову (род. 17 Апрѣля 1812, ум. 8 Декабря 1862), который завѣщалъ ихъ мнѣ, какъ сокровище, вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ портретомъ Глинки, какъ единственному изъ бывшихъ тогда въ Москвѣ и одному изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ друзей, составлявшихъ кружокъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Кто не зналъ въ свое время Булгакова, этого любезнаго, даровитаго, добраго „Костю", какъ называли его въ свѣтѣ издавна и до конца? Онъ не развилъ далеко своихъ блестящихъ дарованій, но былъ по природѣ артистъ, отличный музыкантъ и пѣвецъ по призванію. Онъ страстно былъ привязанъ къ искусству, любилъ горячо все изящное и своихъ друзей, которые его никогда не забудутъ.

Орелъ, 10 Февраля 1868. *Михаилъ Лонгиновъ.*

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ.

I.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя за твою память обо мнѣ и за присылку портрета *шалуна* (¹) Бетховена. Въ свою очередь посылаю тебѣ: 1-е) портретъ Бетховена, который, полагаю, долженъ быть похожъ. 2-е) неизданную мазурку моего сочиненія, которую усовершенствовалъ нарочно для тебя. 3-е) дѣтскую польку съ комментаріями. Все это пришлется къ тебѣ на домъ.

Вмѣсто Андалузіи я провелъ два года въ мѣстечкѣ (²) Парижъ, гдѣ хотѣлъ было написать Симфонію Украинскую: *Тарасъ Бульба*, но мнѣ не удалось. Въ прошломъ году я возвратился изъ за-границы и провелъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Тамъ началъ я писать записки (Mémoires) и довелъ ихъ до 1854, считая со дня моего рожденія т. е. съ Мая 1804. Я ихъ кончилъ зимою, и вышло болѣе 50 листовъ, уютно исписанныхъ (*). Переложилъ на оркестръ Nocturne de Hummel à 4 mains F dur (Opus 99). Слыша исполненіе этой пьесы на репетиціи Филармоническаго концерта, я остался ею доволенъ. Переложилъ также на оркестръ нѣсколько романсовъ. Весною написалъ на оркестръ торжественный польскій, который постараюсь имѣть счастіе посвятить Государю Императору ко дню коронаціи. Недавно положилъ я также на два голоса романсъ твоего однофамильца (³)

(¹) (²) „Шалунъ-Бетховенъ", „мѣстечко - Парижъ". Выраженія эти и тому подобныя были очень свойственны Глинкѣ. Послѣднее было, кажется, имъ же и изобрѣтено когда-то и потомъ было въ большомъ ходу.

(*) Записки М. И. Глинки напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ томъ XLIV (1863), стр. 793—818.

(³) Однофамилецъ этотъ (впрочемъ вовсе не родственникъ корреспондента Глинки) былъ Александръ Ивановичъ Булгаковъ, молодой преподаватель Русскаго языка въ Театральной школѣ, умершій въ 1837 году. Онъ обладалъ стихотворческимъ даромъ и написалъ нѣсколько водевилей, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ, каковы: „Дебютантъ", „Жена сосѣда", „Тише ѣдешь, дальше будешь" и др., особенно „Артистъ", въ которомъ былъ неподражаемъ въ ролѣ съ переодѣваньями покойный Н. О. Дюръ, а потомъ В. В. Самойловъ. Слова романса, о которомъ говоритъ Глинка, написаны Булгаковымъ. Вотъ начало его:

Прости меня, прости, прелестное созданье!
Упрекомъ, можетъ быть, тебя я оскорбилъ;
Я выслушалъ твое съ восторгомъ оправданье,
Я счастливъ снова сталъ, я снова полюбилъ.

Стихи эти и вообще память о Булгаковѣ неразрывны съ романомъ, который всѣ знали въ наше время. У старыхъ театраловъ и теперь сохраняются портреты очень милой пѣвицы и istой красавицы Анны Матвѣевны Степановой въ ролѣ „Пеки" въ оперѣ Обера „Бронзовый конь". Когда она еще была въ Театральной школѣ, въ нее страстно былъ влюбленъ Булгаковъ и къ ней написалъ стихи приведеннаго выше романса. Она имѣла множество поклонниковъ и въ креслахъ, и за кулисами, и въ

(полагаю): „Прости меня, прости, прелестное созданье“, музыка Θедорова([4]). Не въ продолжительномъ времени онъ будетъ въ печати.

Теперь можно найти всѣ мои романсы въ печати, ихъ до 62. Скажу однако же, что изданія многихъ невѣрны. Г. С. въ особенности заслуживаетъ менѣе другихъ довѣренности публики и позволяетъ себѣ дѣлать искаженія ни съ чѣмъ не сообразныя, таковы Баркаролла и Сомнѣніе ([5]) передѣланныя на 2 голоса и *сокращенная* Молитва, названная въ каталогѣ *Молитва* Лермонтова для контральто, безъ хора. Если желаешь имѣть эту Молитву, напиши, я не полѣнюсь и пришлю ее тебѣ съ исправленными ошибками. Эту Молитву исполняли весною въ театральномъ училищѣ съ хоромъ и оркестромъ; слушатели остались *многодовольны* ([6]).

Не смотря на это, N. (нѣкогда пріятель) возстаетъ противъ этой Молитвы и защищаетъ искаженія Г. С. Странно кажется, а вотъ въ чемъ дѣло: онъ, сердитъ на меня отчасти за то, что я *не пришелъ въ восторгъ*, когда онъ съ самодовольною улыбкою и прихваливая себя, читалъ мнѣ разборъ моей оперы Жизнь за Царя. Что же дѣлать, всякій воленъ думать, какъ хочетъ: я никогда не считалъ N глубокимъ музыкантомъ. Разборы его не только не убѣждаютъ меня въ противномъ, но ясно изобличаютъ, что взглядъ его на музыку остался также поверхностенъ и однообразенъ, какъ былъ прежде. Куда ему до Н. Н. Норова ([7]) и графа М. Ю. Вельегорскаго ([8])!

стѣнахъ школы и дирекціи. Въ числѣ послѣднихъ, кромѣ Булгакова, былъ на первомъ планѣ преподаватель Французскаго языка въ Школѣ, остроумный, просвѣщенный и веселый собесѣдникъ, обрусѣвшій Французъ Θедоръ Николаевичъ Оберъ, большой мой пріятель, нынѣ умершій. Булгаковъ мучительно ревновалъ къ нему Степанову. Помню слѣдующіе, относящіеся къ этому обстоятельству стихи покойнаго поэта Бахтурина, изъ большаго и гдѣ нибудь вѣроятно хранящагося у меня, стихотворенія его, гдѣ описаны всѣ театралы и предметы ихъ обожанія въ то время:

Любви и прелести расцвѣтъ,
Цвѣтокъ роскошный Юга!
Съ Оберомъ за тебя поэтъ
Грызутся другъ на друга.
Елена новая зажечь
Хотя не можетъ Трои,
(Не обнажать свой статскій мечъ
Учителя-герои)
Но царствуетъ межъ нихъ давно
Раздора пламень страшный,
И все боюсь я за одно,—
За вызовъ рукопашный.

Но эти комически-преувеличенная сторона дѣла имѣла печальную изнанку. Булгаковъ такъ страдалъ сердечно и душевно отъ своей страсти, что наконецъ и заболѣлъ опасно и, такъ какъ натура его была физически не изъ сильныхъ, вскорѣ былъ побѣжденъ недугами. Въ наше время общее повѣрье было, что Булгаковъ „умеръ отъ любви“. Свидѣтельство тому сохранилось въ одномъ стихотвореніи пріятеля его, тоже страстнаго театрала того времени, Димитрія Петровича Сушкова: „Памяти Булгакова“, напечатанномъ въ 1 изданіи его стихотвореній. (С.-Пб., 1838).

Что касается до исхода романа А. М. Степановой, то онъ былъ также крайне грустенъ. Надъ всѣми прочими соперниками умершаго вскорѣ восторжествовалъ одинъ. Но Степанова, вышедши изъ Школы, недолго пережила Булгакова. Она умерла въ концѣ 1838 года, двадцати лѣтъ отъ роду, среди самыхъ печальныхъ обстоятельствъ, таинственныхъ и даже трагическихъ, о которыхъ тогда говорили между собою только конфиденціяльно и теперь, почти черезъ 30 лѣтъ, неудобно распространяться.

(4) Прелестная музыка этого романса (на одинъ голосъ) была напечатана въ „Репертуарѣ“ 1839 или 1840 года. Написалъ ее Павелъ Степановичъ Θедоровъ, нынѣ начальникъ репертуарной части Петербургскихъ театровъ. Онъ авторъ множества прекрасныхъ водевилей съ остроумными куплетами, для которыхъ самъ часто сочинялъ или удачно подбиралъ музыку. П. С. Θедоровъ отличный музыкантъ, и его стараніями успѣшно возстановлена въ Петербургѣ Русская опера, не смотря на опасное соперничество Итальянцевъ.

(5) Слова Нестора Васильевича Кукольника

(6) Еще одно изъ обычныхъ выраженій Глинки.

(7) Николай Николаевичъ Норовъ, нынѣ сенаторъ, всегда считался по справедливости однимъ изъ первыхъ знатоковъ музыки въ Петербургскомъ обществѣ.

(8) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій (род. 31 Окт. 1787, ум. 28 Августа 1856), незабвенный для всѣхъ артистовъ, и самъ отличный виртуозъ.

Я бы охотно навѣстилъ тебя, но опасаюсь не *питушества* (съ Бахусомъ я въ разладѣ) а желѣзной дороги: она жестоко дразнитъ мои нервы. Притомъ же приступаю къ новому труду, къ оперѣ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, *Двумужницѣ*.

Если когда будешь въ Питерѣ, заверни ко мнѣ; постараюсь угостить музыкой, а если прикажешь и превосходнымъ хересомъ.

Гейденрейхъ ([9]) тебѣ кланяется. Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный Мишка ([10]) Глинка.

Мой адресъ: въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой.

С.-П.бургъ 8 Іюня
1855 года.

II.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

До сихъ поръ я не отвѣчалъ на два твои посланія, не отъ лѣности, а по причинѣ болѣзни. Здѣсь въ Питерѣ лѣтомъ—*адъ*; въ комнатахъ душно какъ въ теплицѣ, ночей нѣтъ, на дачахъ же *сыро* и, избѣгая городскаго жара, я вѣроятно простудился на островахъ и хотя мнѣ легче, но все еще страдаю.

Мод. Коньяру ([11]) и Сергѣю Ивановичу Штуцману ([12]) мой усердный поклонъ и приношу искреннюю признательность за ихъ ласковыя строки.

Прежде, нежели сообщу мое мнѣніе о программѣ предполагаемаго концерта, нужнымъ считаю сдѣлать нѣкоторыя объясненія о *Молитвѣ*. Молитва эта съ воплемъ вырвалась изъ души моей въ 1847 году въ Смоленскѣ во время жесточайшихъ нервныхъ страданій. Я написалъ ее тогда для фортепьяно безъ словъ. Она была весьма немногимъ извѣстна до нынѣшняго года. Въ Генварѣ настоящаго года посовѣтовали мнѣ прибрать къ ней слова Лермонтова: *Въ минуту жизни трудную*; я попробовалъ, и оказалось, что они подходятъ къ мелодіи и вообще къ музыкѣ какъ нельзя лучше. Требовалось объема голоса, двѣ октавы отъ нижняго до верхняго *la*; *Леонова* ([13]), артистка (contralto) русской оперы, въ то время училась уже у меня пѣнію по рекомендаціи Петрова ([14]) и В. В. Самойлова ([15]). Не полагая, чтобы голосъ ея (хотя свѣжій и звонкій) могъ удовлетворительно выполнить эту Молитву, я для пробы сначала написалъ на лоскуткѣ бумаги самыя трудныя мѣста, и такъ вышло хорошо, что я написалъ партитуру для оркестра, прибавя хоръ для усиленія эффекта и отдохновенія главнаго голоса. Эту партитуру, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, отдалъ Леоновой для ея концер-

---

([9]) Людвигъ Андреевичъ Гейденрейхъ, врачъ при дирекціи театровъ, страстный любитель музыки. Ему посвятилъ Кукольникъ драму свою „Іоаннъ-Антонъ Лейзевицъ" (1839).

([10]) Глинка вообще любилъ уменьшительныя, особенно въ собственныхъ именахъ. Одно время онъ усердно ухаживалъ за очень хорошенькой воспитанницей Театральной Школы, но плохой пѣвицей, Каролиной К., которую называли „Линочкой". Я какъ-то сказалъ ему, что странно такому отличному музыканту плѣняться такой плохой музыкантшей, которая должна бы этимъ недостаткомъ разочаровать его. Глинка отвѣчалъ, что она ему все-таки очень нравится и прибавилъ: „замѣть, что мы созданы другъ для друга; она Линочка, а я—Глиночка". Такъ его прозывали часто въ нашемъ пріятельскомъ кругу.

([11]) Модестъ Маврикіевичъ Коньяръ, нынѣ Вологодскій вице-губернаторъ, музыкантъ и любитель искусства.

([12]) Сергѣй Ивановичъ Штуцманъ, нынѣ умершій. Онъ памятенъ Москвѣ, какъ капельмейстеръ Московской оперы.

([13]) Дарья Михайловна Леонова, ученица Глинки, прекрасно исполнявшая партіи „Вани" и „Ратмира" въ его операхъ. О ней часто говорится ниже.

([14]) Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, знаменитый и любимѣйшій пѣвецъ нашъ, воплотившій въ себѣ типъ „Сусанина" и создавшій потомъ роль „Руслана".

([15]) Василій Васильевичъ Самойловъ, славный актеръ нашего времени, началъ сценическое свое поприще какъ оперный артистъ и, обладая пріятнымъ теноромъ, съ успѣхомъ исполнялъ партіи „Рембо" въ „Робертѣ" и др.

та, долженствовавшаго быть 20 Февраля. Программа концерта была такъ ловко составлена, что было расчитано на всѣ возможные вкусы, и билеты были проданы, когда кончина Императора Николая I-го прекратила всѣ публичныя представленія. Чтобы вознаградить съ моей стороны бѣдную бенефиціантку за неудачу, я отдалъ *ей въ собственность* партитуру Молитвы и другихъ моихъ пьесъ, переложенныхъ для ея концерта.

Теперь обращаюсь къ предполагаемому вами концерту. Здѣсь естественно возникаютъ три вопроса:

1. *когда* предполагаетъ С. И. Штуцманъ дать его?

2. *какія средства* имѣетъ онъ въ своемъ распоряженіи?

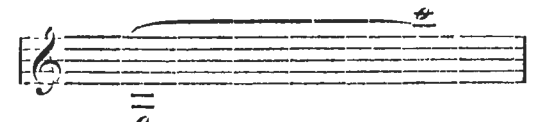
3. для какой цѣли предполагаетъ С.И. Штуцманъ дать свой концертъ?

Во время-оно, въ проѣздъ мой чрезъ Москву, мнѣ случилось быть на концертѣ, устроенномъ Геништою,—онъ весь состоялъ изъ однѣхъ только классическихъ пьесъ Моцарта, Бетховена и Генделя. Онъ былъ данъ въ очень небольшой залѣ и не могъ принести значительныя выгоды Геништо. Предполагаю, что С. И. Штуцману угодно соединить пріятное съ полезнымъ, или яснѣе, угождая искреннимъ любителямъ музыки, не пренебречь и денежными выгодами; въ такомъ случаѣ придется измѣнить программу, о чемъ успѣемъ списаться.

Предполагаю также, что по причинѣ тѣхъ же матеріальныхъ выгодъ, С. И. Штуцманъ не пожелаетъ дать своего концерта лѣтомъ, а осенью или зимою.

Предположивъ, что концертъ будетъ осенью (чего бы я желалъ), я могу принять въ немъ тогда болѣе дѣятельное участіе.

Леонова владѣетъ обширнымъ, звонкимъ голосомъ: двѣ октавы съ половиною, отъ нижняго *соль* до верхняго *до*.

Занимаясь со мною болѣе полугода пѣніемъ съ примѣрнымъ постоянствомъ, она сдѣлала примѣчательные успѣхи. Я ее мучу ненавистною итальянскою музыкою (16), чтобы выработать голосъ; она же самородный русскій талантъ и поетъ въ особенности хорошо русскія пѣсни съ нѣкоторымъ цыганскимъ шикомъ, что весьма по нутру русской публикѣ. Хорошо исполняетъ вообще русскую музыку, въ особенности мою Молитву, пригнанную мною по ея голосу.

Если начальство позволитъ, вышепоименованная Леонова намѣрена *осенью* быть въ Москвѣ и дать тамъ концертъ или два. Во всякомъ случаѣ, я намѣренъ былъ ее тебѣ рекомендовать, зная, что ты просто за удовольствіе поставишь себѣ сдѣлать мнѣ пріятное. Теперь болѣе, чѣмъ когда, ты можешь быть ей полезенъ, упросивъ С. И. Штуцмана принять участіе въ ея концертѣ. Она же отслужила бы ему пѣніемъ *Молитвы* и другихъ пьесъ по взаимному соглашенію.

Не разглашай объ этомъ, а, потолковавъ келейно, извѣсти.

Новыхъ пьесъ у меня нѣтъ. Теперь я весь погруженъ въ либретто новаго труда (17). Жаръ и болѣзнь не позволяютъ еще заняться дѣломъ.

---

(16) Выраженія „ненавистная" не должно тутъ принимать безусловно и въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Глинка конечно не былъ партизаномъ итальянской музыки; но я самъ слыхалъ его восторженныя похвалы представленіямъ итальянскихъ оперъ, когда онѣ игрались въ Петербургѣ такою труппою, какая была тамъ во время Рубини. Я самъ видѣлъ слезы на его глазахъ во время финала 1 акта „Сонамбулы" и т. п. Впрочемъ все это относится къ гораздо болѣе ранней эпохѣ.

(17) Дѣло тутъ идетъ о либретто „Двумужницы". Надъ либретто „Руслана", которое писалось по частямъ, сколько помнится, Н. В. Кукольникомъ, покойнымъ М. А. Гедеоновымъ и другими, тоже работалъ отчасти самъ Глинка.

Твоя пьеска интересна; не смотря на нѣкоторыя неловкости, все-таки лучше канители N.

На слѣдующей недѣлѣ вышлю Молитву; надобно внимательно пересмотрѣть, а силъ нѣтъ. Страшно, говорю, въ Питерѣ жаръ одолѣваетъ; довольно!

Обнимаю тебя отъ души, весь твой М. Глинка.

С.-Петербургъ, 23 Іюня 1855 года.

III.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя за твой подарокъ, равно какъ за твои дружескія строки. Благодарю равнымъ образомъ пріятелей твоихъ, коимъ угодно было обо мнѣ вспомнить.

4 Августа обѣдалъ у меня *Аркаша*[18], вечеромъ была хорошая музыка; я былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. 5-го рано утромъ захворалъ и теперь едва только начинаю оправляться, и такъ не сѣтуй за мое долгое молчаніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что главною причиною моихъ жестокихъ страданій здѣшній суровый климатъ. Собирался осенью ѣхать въ Варшаву, но обстоятельства не допустили. Зимую здѣсь; меня утѣшаетъ мысль, что можетъ быть ты вздумаешь навѣстить насъ.

Извини, что плохо пишу, я еще слабъ, и рука плохо повинуется. Пиши чаще, твои письма меня всегда радуютъ.

Искренно любящій тебя М. Глинка.

28 Августа 1855 года.

IV.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что не сейчасъ же отвѣчалъ на твое письмо. (Замѣчу мимоходомъ, не знаю почему, писанное на французскомъ діалектѣ). Дѣло въ томъ, что я едва только что начинаю оправляться и даже не могу еще сказать *духъ бодръ*, а *плоть немощна*; весь я въ какомъ-то оглумѣ, т. е. хандрѣ. Настоящее мерзко, а о будущемъ не смѣю загадывать.

Хотѣлъ было я поѣхать въ Варшаву:—c'est le paradis des hommes vieux ou de ceux qui sont sur le retour [19]. Разстройство здоровья и *обстоятельства* задержали меня здѣсь. Я зимую въ Петербургѣ, а ежели будетъ самомалѣйшая возможность, раннею весною отправлюсь въ Германію.

Искренно жалѣю, что ты хвораешь, а почти столько же (если еще не болѣе), что лѣчишься. Въ 1851 году правая рука, а въ прошломъ 1854 году правая нога у меня разшалились; къ счастію я не лѣчился, а теперь и та, и другая въ порядкѣ.

Въ непродолжительномъ времени вышлю кое-что изъ моихъ музыкальныхъ шалостей.

У меня прекрасная зала для квартетовъ и другихъ музыкальныхъ продовольствій [20], но я ничего не затѣваю: душа къ музыкѣ не лежитъ, а сверхъ того я не выношу не токмо сигаръ, но и самыхъ легкихъ папиросокъ.

Желаю тебѣ скорѣйшаго выздоровленія. Кланяйся всѣмъ тѣмъ, кои меня помнятъ и любятъ. Не стѣсняясь, пиши, когда вздумаешь.

Всегда любящій тебя М. Глинка.

9 Сентября 1855 г.
Питеръ.

V.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ!

Получилъ твое письмо и искренно благодарю; не писалъ же тебѣ такъ

(18) Тутъ говорится о любезномъ пріятелѣ нашемъ графѣ Аркадіѣ Павловичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ (род. 1809, ум. 1859), который принадлежалъ къ числу пѣвцовъ-любителей и дилетантовъ музыки.

(19) Забавно, что Глинка, попрекая Булгакову за французское письмо, самъ по привычкѣ вставляетъ тутъ же французскую фразу.

(20) Еще одно изъ любимыхъ выраженій Глинки.

давно по причинѣ болѣзни. Оная болѣзнь еще въ началѣ 1844 года названа была рыжимъ Нѣмцемъ (21): *Artritis vage hemmoroidaria*, по-русски: *геммороидальный летучій ревматизмъ*, котораго боли *sont une partie de plaisir* въ сравненіи съ замираніемъ, тоскою, sensation de *luxation* (вывиха) и другими гадостями. Довольно!

Странно! странно! говорю, что человѣкъ, одаренный тонкимъ слухомъ и *изящнымъ пупкомъ* (22) для вбиранія или лучше всасыванія въ себя всего прекраснаго, странно! повторяю, что оный могъ назвать (и что́ хуже того, восклицаю) писать о двухъ именахъ, и что еще хуже, о музыкѣ ихъ. Странно! дѣйствительно, что въ письмѣ К. Булгакова я встрѣтилъ слова: *Шпоръ* и *Бортнянскій*. Полагаю, что ты просто захотѣлъ подшутить надо мною.

И. Е. Колмаковъ спросилъ бы: что такое Шпоръ?

Шпоръ—*дилижансъ прочной, нѣмецкой работы*; по моему, работящій нѣмецкій лошакъ—идолъ германской посредственности.

Что такое Бортнянскій?

Сахаръ Медовичъ Патокинъ—довольно!

У васъ, въ вашей бѣлокаменной, процвѣтали два нѣмецкихъ мужа нѣкогда, а именно *Геништа* и *Гебель*; съ обоими я былъ коротко знакомъ. У Геништы была довольно опрятная библіотека. Справься, цѣла ли она?

Цѣла ли она или нѣтъ?

Въ наказаніе тебѣ посылаю слѣдующій рецептъ:

№ 1. Для драматической музыки:

Глюкъ первый и послѣдній, безбожно обкраденный Моцартомъ, Бетговеномъ etc. etc.

№ 2. Для церковной и *органной*:

Бахъ. Seb. H-moll-Messe и Passion's-Musik.

№ 3. Для концертной:

Гендель, Гендель и Гендель.

NB. Хоръ, наприм., Бортнянскаго такъ schwach въ сравненіи съ Генделемъ, что 80 человѣкъ Бортнянскаго, у Генделя représentent au moins 200.

Генделя рекомендую:

Messias.

Samson. Въ этой есть арія soprano съ хоромъ H moll, когда Далила убаюкиваетъ Сампсона, чтобъ надуть его, похожая на мою изъ Руслана: *О мой Ратміръ, любовь и миръ* (23), только во сто разъ свѣжѣе, умнѣе и забористѣе.

Jephta.

Надѣюсь, что послѣ этакой *cure radicale*, уже не встрѣтятся въ письмахъ твоихъ Шпоры и Бортнянскіе. Pour dorer la pilule, на дняхъ вышлю тебѣ романсъ Леоновой: *Слеза*; она сочинила мелодію, а я ее обработалъ. И потомъ дуэтъ: *Прости, прости*, музыка Ѳедорова, арранжировка моя.

---

(21) Такъ названъ здѣсь докторъ Л. А. Гейденрейхъ. См. прим. 9.

(22) Это слово Глинка употреблялъ часто и въ разныхъ значеніяхъ. Напр. онъ говаривалъ: „эту ноту, если не хватаетъ голоса, можно взять всегда пупкомъ" и т. п.

(23) Эта каватина Гориславы съ удивительнымъ акомпанементомъ, въ которомъ большую роль играетъ фаготъ, находится въ 3-мъ актѣ „Руслана" и есть одно изъ самыхъ свѣжихъ и увлекательныхъ вдохновеній Глинки. Она отличается характеромъ необыкновенной страстности. Между тѣмъ при постановкѣ „Руслана" партія Гориславы была отдана молоденькой и прехорошенькой пансіонеркѣ Школы Э. И. Шифердскеръ, носившей на афишахъ имя Лилѣевой, которая очень мило исполняла роли игривыя и веселыя въ родѣ Ритты—въ „Цампѣ", Адины въ „Любовномъ Напиткѣ" и т. п., соотвѣтствовавшія и ея наружности, и ея голоску, чистенькому, гибкому, но вовсе непригодному для выраженія страсти. Глинка былъ въ отчаяніи особенно отъ холодности, съ которой Лилѣева произносила восклицаніе: „О!" передъ словами: „мой Ратміръ". Онъ требовалъ для него хоть жизни, если не огня, а Лилѣева никакъ не могла перенять его урока. На одной изъ послѣднихъ репетицій Глинка, какъ самъ мнѣ тогда разсказывалъ, подкрался сзади къ Лилѣевой и, дождавшись несчастнаго такта, неожиданно ущипнулъ ее за руку, такъ что она вскрикнула и, неудававшееся ей и пропадавшее: „О!", раздалось, полное неподдѣльной жизни. Глинка сказалъ пѣвицѣ: „вотъ видите, что можно дать этому восклицанію выраженіе; старайтесь произносить его и впередъ хоть такъ, какъ сейчасъ".

По пословицѣ долгъ платежемъ красенъ, вмѣсто 2-хъ пришли мнѣ 6 московскихъ саекъ—я ихъ очень люблю.

Прощай. Кланяйся нашимъ общимъ знакомымъ. Весь твой М. Глинка.

С.П.Бургъ 8 Ноября 1855 года.

VI.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Письмо твое получилъ и премного благодарю. Въ свою очередь поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю всего лучшаго въ мірѣ, въ особенности же, чтобы твое здоровье поправилось.

Очень радъ буду, если въ присланныхъ мною музыкальныхъ бездѣлкахъ отыщется что-нибудь по твоему вкусу. Приводя въ возможный порядокъ мои сочиненія, я обрѣлъ *Bolero* и на дняхъ надѣюсь обрѣсти *Valse-Fantaisie*, игранные въ Павловскѣ въ 1840 г. ([24]) Если пожелаешь, сообщу тебѣ копіи этихъ пьесъ для фортепьяно; полагаю, что ты ихъ помнишь.

Я отъ холода и скуки впалъ въ апатію, и единственною отрадою служитъ мнѣ надежда: раннею весною уѣхать въ Германію; это путешествіе я предприму не только для поправленія плохаго моего здоровья, но и для нѣкоторыхъ музыкальныхъ справокъ; въ Берлинѣ же, гдѣ собираюсь зимовать, могу услышать Глюка, Баха и Генделя.

На дняхъ обѣдалъ у меня Петръ Степановъ ([25]) съ женою; очень о тебѣ вспоминали.

Пиши чаще и крупнѣе и вѣрь моей неизмѣнной дружбѣ. Весь твой

М. Глинка.

2 Января 1856 года.

VII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Я не спѣшилъ отвѣчать на письмо твое, поджидая, чтобы набѣжало что-нибудь интересное.

Князь Левъ Григорьевичъ Голицынъ ([26]) своимъ пріѣздомъ чрезвычайно обрадовалъ меня. Онъ слышалъ у меня и у Лоди ([27]) *Леонову* (актрису, которая у меня учится уже болѣе года) и остался ею очень доволенъ. Онъ обѣщалъ ей свое содѣйствіе, когда она пріѣдетъ въ Москву давать концерты. Если ничто не помѣшаетъ, *Леонова* будетъ къ вамъ въ Москву въ самомъ началѣ поста. Она намѣрена дать 2 концерта: одинъ пополамъ съ дирекціей, а другой для себя въ частной залѣ.

Надѣюсь, что по старой дружбѣ ты не откажешь моей ученицѣ въ твоемъ содѣйствіи, тѣмъ болѣе, что она его вполнѣ заслуживаетъ. Мою Молитву: *Въ минуту жизни трудную*, она поетъ весьма удовлетворительно, и оная Молитва съ ея звонкимъ голосомъ и оркестромъ производитъ нарочитый эффектъ и многія мѣста съ *сильной вонью*, какъ говорилъ Ѳирсъ ([28]).

([24]) Помню, какъ эту превосходную пьесу (о которой много говорится ниже) разыгралъ въ первый разъ въ Павловскомъ вокзалѣ извѣстный оркестръ Германа. Это было въ 1839 году, сколько могу припомнить.

([25]) Даровитый карикатуристъ, издававшій въ послѣдствіи „Искру". Въ числѣ тогдашнихъ карикатуръ его альбома, былъ между прочимъ рядъ презабавныхъ рисунковъ подъ названіемъ: „День изъ жизни Глинки", гдѣ онъ изображался въ разные часы дня и ночи.

([26]) Князь Левъ Григорьевичъ Голицынъ, большой любитель музыки.

([27]) Г. Лоди, пѣвецъ-любитель, поступилъ на Петербургскую сцену въ 1838 году. Онъ съ успѣхомъ пѣлъ нѣкоторыя теноровыя партіи, какъ напр. „Сабинина", „Полліона" (въ Нормѣ), но вскорѣ прекратилъ свое артистическое поприще.

([28]) Подъ прозвищемъ „Ѳирса" издавна извѣстенъ въ обществѣ остроумный и даровитый князь Сергѣй Григорьевичъ Голицынъ, дилетантъ и стихотворецъ. Глинка написалъ музыку на переведенныя имъ изъ Мицкевича стихи: „Когда, въ часъ веселый, откроешь ты губки" и на другія слова его сочиненія. *Позднѣйшее примѣчаніе.* Недавно пришло печальное

A propos de Өирсъ, съ нимъ и его братомъ Львомъ я провелъ очень пріятно вечеръ у Д. И. Нарышкина ([29]); тамъ были всѣ Бартеневы ([30]); пѣли, играли на цитрѣ и пр. Я имъ проигралъ нѣсколько моихъ *опытовъ* (essais) въ русской церковной музыкѣ, чѣмъ они остались многодовольны.

Знакомъ ли ты лично съ Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ ([31]) (авторомъ повѣстей Ятаганъ и пр.)? Если такъ, то усердно поклонись отъ меня ему и попроси, чтобъ онъ позволилъ доброму пріятелю моему, дѣйствительному статскому совѣтнику Г. И. Кузьминскому, напечатать сочиненный имъ романсъ на его (Павлова) слова, кои при семъ прилагаю. Я обѣщалъ Павлову самъ написать музыку; но здѣсь въ Питерѣ холодъ, сплетни и скука одолѣли шибко, и вдохновеніе улетѣло.

Если же ты съ Н. Ф. Павловымъ лично незнакомъ, то постарайся сообщить мнѣ его адресъ.

Отыскиваются многія изъ моихъ пьесъ для фортепьяно, но не *Valse-Fantaisie* (что играли въ 1839—1840 годахъ въ Павловскѣ), но я усердно ищу эту пьесу и когда обрѣту, сообщу тебѣ копію. Vale. Весь твой Михаилъ Глинка. Пиши покрупнѣе.

С.П.Бургъ. 2 Февраля 1856 г.

извѣстіе о кончинѣ этого достолюбезнаго человѣка. Онъ умеръ въ Польшѣ, въ имѣніи своемъ, 19 Ноября 1868, на 63 году отъ роду.

([29]) Дмитрій Ивановичъ Нарышкинъ, недавно умершій, памятный всѣмъ знавшимъ его своею любезностію.

([30]) Супруга Д. И. Нарышкина Марья Арсеньевна принадлежитъ къ артистическому семейству Бартеневыхъ. Старшая сестра ея, фрейлина Прасковья Арсеньевна Бартенева, была одна изъ очаровательнѣйшихъ пѣвицъ своего времени.

([31]) Николай Филипповичъ Павловъ (род. 1803, ум. 29 Марта 1864), даровитый публицистъ и критикъ, извѣстный также своими повѣстями, написалъ когда-то нѣсколько очень хорошихъ стихотвореній. Изъ нихъ между прочимъ положены на музыку романсы: „Не говори: ни да, ни нѣтъ"—Верстовскимъ и „Не называй ее небесной"—Глинкой.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Романсъ.

Не говори, что сердцу больно
Отъ ранъ чужихъ;
Что слезы катятся невольно
Изъ глазъ твоихъ.

Будь равнодушна, какъ могилы,
Кто ни страдай;
И за невинныхъ Бога силы
Не призывай.

Твоей души святые звуки,
Твой дѣтскій бредъ,—
Перетолкуетъ все отъ скуки
Безбожный свѣтъ.

Н. Павловъ.

VIII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Подательница этой записки, Дарья Михайловна Леонова, извѣстная артистка С.П.бургскихъ театровъ, моя ученица, намѣрена дать нѣсколько концертовъ въ Москвѣ. Талантъ ея самъ за себя постоитъ, а тебя, какъ стараго и добраго друга, прошу принять ее подъ твое особенное покровительство. Что нужно будетъ сдѣлать, самъ смекнешь, а барыня желаетъ, чтобы достать залу дворянскаго собранія для ея концерта.

Я боленъ, какъ собака, а все-таки, понатужась, окончу инструментовку *Valse-Fantaisie*, которую тебѣ посвящаю. Vale. Весь твой М. Глинка.

IX.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Податель этой записки, Владиміръ Никитичъ Кашперовъ ([32]), *мой сынъ*, (какъ его называю), талантливый, образованный etc. etc. человѣкъ, желаетъ познакомиться съ тобою. Прими же его, *во имя мое*, съ свойственнымъ тебѣ

([32]) Владиміръ Никитичъ Кашперовъ, нынѣ профессоръ Московской Консерваторіи и авторъ недавно игранной въ Москвѣ оперы „Гроза".

радушіемъ, чѣмъ весьма обяжешь твоего вѣрнаго стараго друга Мишку.

NB. Гриппъ вельми зѣло одолѣваетъ меня.

X.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Я послалъ къ тебѣ на дняхъ двѣ записки, одну съ Леоновой, а другую съ Кашперовымъ. Получилъ ли ты ихъ? и что съ тобою? сдѣлай милость увѣдомь.

Я все еще хвораю, но вчера, не смотря на недугъ, окончилъ инструментовку *Valse-Fantaisie* (помнишь?—Павловскъ—около 42, 43 годовъ etc.—довольно), вчера же отдалъ переписывать и, когда копія партитуры будетъ готова, сейчасъ же вышлю на твое имя. Тебя же прошу немедля приказать росписать партитуру на голоса и похлопочи, чтобы *оный Scherzo* (Valse-Fantaisie) былъ исполненъ въ концертъ Леоновой. Пьеса сія (повторяю) была исполнена въ Парижѣ въ залѣ Герца съ большимъ успѣхомъ въ апрѣлѣ 1845 года; можно надѣяться, что и вашей публикѣ она понравиться можетъ. Я ее переинструментовалъ въ 3-й разъ съ нарочитымъ усовершенствованіемъ и ухищреніемъ злобы (33); трудъ посвящаю тебѣ, а партитуру отдаю въ собственность г-жи Леоновой.

Если наши надежды на миръ осуществятся (34), весною отправлюсь на Западъ: сперва въ Берлинъ, гдѣ у меня есть кой-какія музыкальныя дѣлишки, а потомъ, вѣроятно, въ мѣстечко Парижъ, гдѣ мнѣ привольно и спокойно.

Болѣзнь заставляетъ меня сидѣть дома; день скучно тянется за днемъ, а потому писать болѣе нечего. Ты же живешь на юру, а потому умоляю, пиши подробнѣе и вѣрь смиренной дружбѣ твоего вѣрнаго друга М. Глинки.

Прилагаемое письмо потрудись доставить Леоновой.

10 Марта 1856 г. Питеръ.

XI.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Александровичъ.

Сегодня посылается мой Valse-Fantaisie на имя Зиберта (35) къ тебѣ. По полученіи этого письма пошли сейчасъ же къ нему Зиберту справиться и не откажи мнѣ въ моей просьбѣ, сейчасъ же по полученіи нотъ приказать какъ можно скорѣе оную партитуру росписать на голоса. Духовыхъ требуется по одному, а смычковыхъ сирѣчь 1 и 2 скрипокъ по 3, альтовъ 2 и віолончелей съ контрабасами по 3; впрочемъ спроси объ этомъ у капельмейстера театра.

Хотя я вовсе не расчитываю на дружеское содѣйствіе В, но все-таки желаю, чтобъ этотъ *Valse-Fantaisie* былъ исполненъ въ концертѣ г-жи Леоновой, сколько для ея выгоды, столько или еще болѣе потому, что эта музыка напомнитъ тебѣ дни любви и младости.

Віолончели остались, измѣнилъ (т. е. усовершенствовалъ) я инструментовку только въ *форте* и въ послѣднемъ *crescendo*.

Наконецъ я узналъ, гдѣ пропадаетъ Дарья Михайловна: она съ *Ферзингомъ* (36) (помнишь ли ты его) даетъ концерты въ городахъ возлѣ Москвы, а именно: Новгородѣ, Тулѣ,

---

(33) „Злоба", „злобный"; слова эти употреблялись Глинкой для обозначенія, что то или другое обработано тщательно, оригинально и т. п.

(34) Строки эти писаны были въ ту минуту, когда заключался Парижскій миръ.

(35) Самуилъ Ивановичъ Зибертъ, экзекуторъ Московскаго Почтамта, извѣстный много лѣтъ жителямъ Москвы своею предупредительностію оказывать услуги всякому, кто имѣетъ дѣло въ Почтамтѣ. Скончался въ Декабрѣ 1868 г.

(36) Ферзингъ былъ отличный басъ Нѣмецкой оперной труппы, существовавшей въ Петербургѣ съ 1834 по 1843 годъ. Онъ пѣлъ тамъ съ большимъ успѣхомъ множество партій и былъ

Орлѣ и пр., въ Москву же она съ Ферзингомъ будетъ въ концѣ поста. Во всякомъ случаѣ прошу на это не расчитывать, а сейчасъ же прикажи приступить къ перепискѣ партій. Партитура Valse-Fantaisie состоитъ изъ 6 тетрадей, и ты можешь заставить работать нѣсколько писцовъ въ одно время. Издержку за переписку беру на себя и что̀ ты истратишь, будетъ тебѣ немедленно выслано съ искренней признательностію.

У меня вчера былъ старый знакомый Аладьинъ (37), я его давно не видалъ, и онъ мнѣ кажется страшный *Fanatico per la musica.* Онъ описалъ мнѣ твой бывшій Atelier, и я теперь понимаю твою тоску переселяться въ другой домъ (38). Скажу однакожъ въ утѣшеніе, что сколько я тебя помню, ты всегда былъ великій мастеръ устроить и убрать самую дрянную квартиру; сверхъ того, кто тебя любитъ,

особенно хорошъ въ „Каспарѣ", („Фрейшицъ „Вебера), въ „Бертрамѣ" („Робертъ"—Мейербера) и „Кардиналѣ Брони" (Жидовка—Галеви). Потомъ онъ уѣхалъ за границу, а черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Россію и вступилъ опять на сцену, въ Итальянскую труппу, но конечно уже на второстепенныя роли. Затѣмъ онъ совершалъ артистическое путешествіе по Россіи съ Д. М. Леоновою, о чемъ здѣсь и говорится.

(37) Абрамъ Семеновичъ Аладьинъ, Московскій диллетантъ.

(38) Въ началѣ 1856 года отецъ Булгакова, Александръ Яковлевичъ (род. 23 Ноября 1781, ум. 1863) много лѣтъ занимавшій должность Московскаго Почтъ-Директора, пожалованъ былъ Сенаторомъ. Поэтому онъ и жившій съ нимъ сынъ переѣхали тогда изъ обширнаго помѣщенія, которое они занимали въ зданіи Почтамта, на наемную квартиру, въ домъ Гундіуса, на Яузскомъ бульварѣ, близь Красныхъ воротъ. А. С. Аладьинъ разказывалъ Глинкѣ объ „atelier" Константина Булгакова, который составлялъ его квартиру въ Почтамтѣ и заключалъ въ себѣ между прочимъ двѣ огромныхъ комнаты, загроможденныхъ инструментами, разными мебелями и пр., а всѣ стѣны ихъ до потолка были увѣшаны портретами и рисунками. Помѣщеніе это было въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно оригинально и пріятно само по себѣ, не говоря уже о томъ, какъ бывало тамъ весело и какъ тамъ „музицировали".

тотъ не посмотритъ на степень великолѣпія пепелища.

Я радъ, что Молитва моя не была исполнена у Штуцмана: 1) Леонова поетъ ее по моему, 2) я постою за свою инструментовку; слышалъ ее въ исполненіи и остался самъ многодоволенъ.

Напрасно полагаешь, что я духовые предпочитаю смычковымъ; совсѣмъ напротивъ, я на духовые нарочито скупъ.

Гейденрейхъ тебѣ усердно кланяется.

Прощай, мой милый другъ, пиши чаще и крупнѣе. Vale. Твой Мишка Глинка.

14 Марта 1856 г. С.П.бургъ.

XII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ.

Я получилъ письмо твое, въ коемъ объявляешь о прибытіи Леоновой въ Москву; не отвѣчалъ же сейчасъ потому, что по наслѣдственному отъ отца предразсудку по понедѣльникамъ ничего не предпринимаю.

Безъ сомнѣнія, ты уже получилъ партитуру Valse-Fantaisie и если учинилъ такъ, какъ я въ письмѣ просилъ тебя, то вѣрно можно будетъ оный Valse прокинуть въ концертѣ Леоновой. Если только партіи переписаны, пьеса эта по своему устройству не потребуетъ многихъ репетицій. Досадно, что въ послѣднемъ письмѣ я не написалъ, чтобы, по полученіи вальса, ты собралъ полковыхъ копистовъ музыки. Человѣкъ 6 отодрали бы тебѣ въ теченіе сутокъ всѣ партіи и дешево бы взяли. Контора же театральная .... пишетъ черезчуръ размашисто.

Впрочемъ дѣлай все, какъ знаешь, въ пользу моей protegée, я заранѣе благодарю тебя.

Потрудись въ отвѣтъ на это письмо увѣдомить меня о днѣ концерта и пришли программу.

Черновую статью получилъ, но разобралъ плохо; притомъ я съ вашей московской публикой незнакомъ вовсе.

Я болѣнъ, хоть брось; живу единственно надеждой удрать на Западъ въ концѣ Апрѣля.

Кланяйся Леоновой, а также и Ферзингу.

Гейденрейхъ поручилъ мнѣ усердно тебѣ поклониться. Vale. Твой вѣрный другъ Миша Глинка.

20 Марта 1856 года.
С.-Петербургъ.

XIII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя, Келя ([39]) и Аладьина, что вы поддержали Д. М. Леонову. Изъ твоего письма вижу, что дѣйствительно (принимая въ соображеніе наводненіе концертами въ нынѣшній постъ и..... концертъ можно считать почти удачнымъ. Болѣе всего мнѣ понутру то, что Дарья Михайловна произвела *симпатическое* впечатлѣніе.

Очень бы радъ былъ, если бы концертъ ея съ Ферзингомъ удался, сирѣчь, чтобы былъ оркестръ хоша самый скромненькій.

Молитва и Valse-Fantaisie иструментованы по новому; никакого расчета на виртуозность (кою рѣшительно нетерплю) ни на огромность массы оркестра. Всего требуется:

1 скрипокъ	отъ 4 до 5
2 —	— 4
альтовъ.	2
віолончелей и басовъ	отъ 2 до 3 кажд.
Флейты	2
гобоя	2
кларнета : . . .	2
Фагота	2
corni	2
трубы	2
тромбонъ	1
итого	27 до 31

([39]) Яковъ Карловичъ Кель, молодой музыкантъ съ большими дарованіями, жившій у Булгакова.

Примѣчаніе. Въ Молитвѣ Фаготъ 1-й и тромбонъ должны быть разсматриваемы (considérés) какъ солисты, хотя замысловатыхъ пассажей у нихъ вовсе нѣтъ.

Въ Valse-Fantaisie надобно обратить особенное вниманіе на corni, кои въ разстрой, т. е. 1-й въ одномъ, а другой настроенъ въ иномъ тонѣ.

Молитва требуетъ исполненія строгаго (sevère), Valse же Fantaisie нужно играть манерно (un peu exagéré).

Пишу сіе потому, что надѣюсь, что ты самъ приложишь все стараніе, чтобы услышать Молитву и Valse-Fantaisie. Хору достаточно 16 человѣкъ: 3 баса, 3 тенора и по 5 малыхъ; можно тоже взять полковыхъ, какъ и для переписки партій.

Когда Кель пріѣдетъ въ Питеръ и застанетъ меня, онъ можетъ быть увѣренъ, что я приму его съ любовію.

Партитуру вальса ты вѣрно уже получилъ отъ Зиберта; я ее отослалъ на почту въ субботу на прошедшей недѣлѣ, и у меня есть квитанція.

Обнимаю тебя отъ всей души, твой вѣрный другъ Мишка Глинка.

Прилагаемую цидулу потрудись доставить Дарьѣ Михайловнѣ.

23 Марта 1856 года. С.-П.бургъ.

XIV.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Я послалъ къ тебѣ афишу на концертъ Леоновой, а не писалъ до сихъ поръ по причинѣ болѣзни и хлопотъ. Теперь спѣшу увѣдомить, что концертъ удался совершенно. Оркестръ исполнилъ дѣло свое какъ нельзя лучше, хористки маленько подгадили въ хорѣ изъ Руслана. Леонова была принята отлично и собрала не мало денегъ. Сильно апплодировали Молитвѣ и Вальсу. Я въ концертѣ самъ не былъ, а мнѣ говорила сестра моя ([40]) и Леонова о томъ, что́ сообщилъ тебѣ.

([40]) Людмила Ивановна Шестакова.

Погода у насъ мерзѣющая; я избитъ и замученъ, пишу мало—нездоровится и хлопотно. Твой неизмѣнный другъ Миша Глинка.

10 Апрѣля 1856 года.

XV.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Что же касается до *запоя*, то безъ хлѣбныхъ и виноградныхъ питей, отъ онаго, сирѣчь, *запоя* въ Питерѣ не отдѣлаешься. Какъ тебѣ самому извѣстно, здѣсь пожираютъ блины, ходятъ въ церковь, шатаются по концертамъ и пр. и пр. все по программѣ, все вдругъ, все однимъ, словомъ, въ родѣ нашествія Татаръ. Довольно!

Черезъ три дня я ѣду за границу; паспортъ и карета уже есть. А потому на это письмо не отвѣчай, а самъ къ тебѣ буду писать изъ Берлина, гдѣ останусь недѣли двѣ. Оттуда предполагаю въ нѣкое мѣстечко *Парижъ*.

Не откажи, прошу тебя, въ моей убѣдительнѣйшей просьбѣ: кланяйся отъ меня Н. Ф. Павлову и настоятельно упроси его прислать на имя сестры моей *Людмилы Ивановны Шестаковой въ Эртелевомъ переулкѣ въ домѣ Томиловой* нѣсколько экземпляровъ печатнаго романса (слова Павлова). А также напомни ему, что я отнюдь не отказываюсь отъ благостыни, что-де мнѣ платятъ обыкновенно по 50 р. сер. за каждый романсъ, а 50 р. с. составляютъ около 200 франковъ.

Довольно на этотъ разъ. Идея путешествія сильно радуетъ.
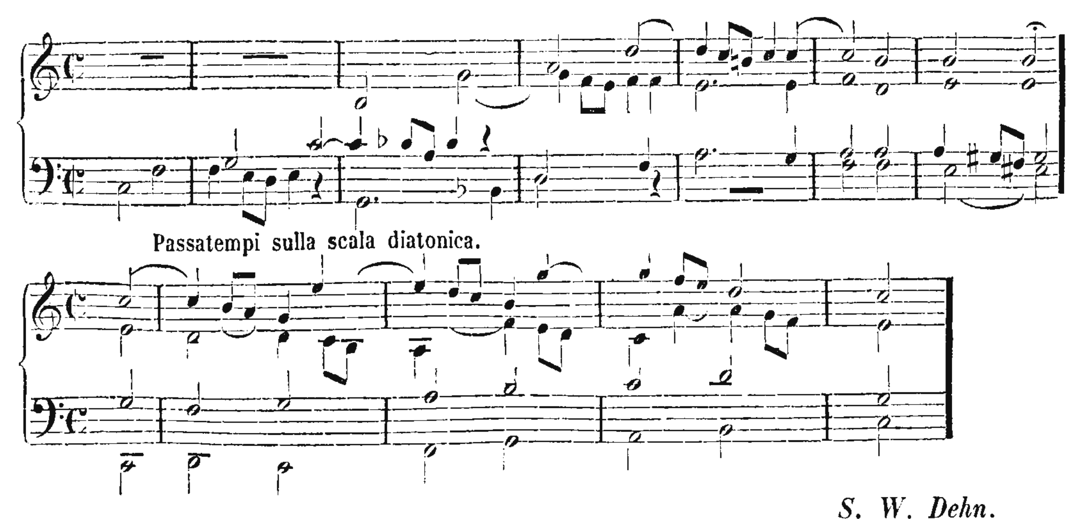
Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный другъ М. Глинка.

На прошедшей недѣлѣ былъ маленькій музыкальный вечеръ у насъ; на немъ былъ твой племянникъ князь Долгорукій ([41]).

([41]) Князь Николай Александровичъ Долгорукій, нынѣ Полтавскій губернскій предводитель дворянства, родной племянникъ Булгакова, надѣленный разнородными артистическими дарованіями, такъ сказать семейными у Булгаковыхъ.

XVI.

Imitazione nella quarta con cadenza nel modo phrygico.

S. W. Dehn.

à Berlino 5 Junio. 1856.

Милый и добрый старый другъ Костя!

Пишу тебѣ измученный отъ путешествія, зане старъ бо есмь. Вмѣсто Парижа остаюсь въ *Берлинѣ*, гдѣ, не смотря на жестокую усталость, уже прилежно работаю съ моимъ учителемъ, профессоромъ *Деномъ*, первымъ знахаремъ въ свѣтѣ. Письмо твое сестра уже прислала сюда. Прилагаемый при семъ документъ, надѣюсь, доставитъ тебѣ нѣсколько минутъ пріятныхъ—ты пупкомъ поймешь эти гармоніи, недоступныя орангъ-утангамъ.

Пиши ко мнѣ *à Berlin poste restante.*, или à Berlin, Marienstrasse № 6, гдѣ моя фатера.

Желалъ бы еще поболтать, но силъ не *фитаетъ*.

Твой неизмѣнный

6 Іюня 1856.
Берлинъ.

Поклонъ всѣмъ добрымъ пріятелямъ.

XVII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ: путешествіе въ почтовой каретѣ 6 сутокъ (безъ сна), а потомъ три дня проклятой и ненавистной желѣзной дороги меня жестоко избили и изломали, такъ что до сихъ поръ съ раздраженіемъ нервъ справиться не могу; притомъ же отъ раздраженія воспалился лишай на правой рукѣ, и я не могъ держать пера въ оной. Скажу тебѣ также, что не могу изъ Берлина столь же часто писать какъ изъ Питера: жизнь здѣсь крайне единообразна, а занятія *дѣльнаго* больше.

Жалкую, но отлично сдѣланную твою каррикатуру получилъ; что же дѣлать, другъ мой, пожито было,—надобно, какъ на Руси говорится, и честь знать. У тебя ноги, у меня руки въ лишаяхъ, и я часто отъ слабости рукъ, желудка и зрѣнія принужденъ только поститься или скучать.

Впрочемъ мнѣ здѣсь хорошо, привольно и спокойно. *Хорошо*, потому что есть дѣло. *Привольно*, потому что кормы хороши. (Много и по дешевой цѣнѣ дикихъ козъ, оленей и фазановъ, до коихъ я очень лакомъ; есть и хорошая морская рыба, дичь, овощи etc.), вина хорошія (Мозель въ особенности) и по умѣренной цѣнѣ.... *Покойно*, потому что я живу домосѣдомъ и новыхъ знакомствъ не ищу.

Объ нашихъ музыкальныхъ занятіяхъ буду писать подробнѣе, обождавъ маненько. Съ Деномъ бьемся съ церковными нотами и канонами разнаго рода—дѣло трудное, но нарочито занимательное, а, дастъ Богъ, и вельми полезное для русской музыки.

Увѣдомь, когда Дворъ пріѣдетъ въ Москву (42) и, узнавъ, сообщи мнѣ адресъ Прасковьи Арсеньевны Бартеневой.

Князю Алексѣю Дмитріевичу Салтыкову (43) усердно кланяюсь.

Пиши подробно и крупно по прилагаемому адресу: Monsieur Michel Glinka Berlin, Marienstrasse № 6. Обнимаю тебя отъ души, желаю тебѣ всего лучшаго и остаюсь твой неизмѣнный другъ.

По словамъ Дена *Францъ* дѣйствительно Dreck, что по русски .....

Берлинъ 9 Іюля / 27 Іюня 1856 года.

XVIII.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Давно уже собираюсь писать къ тебѣ, но все какъ-то не приходилось: сперва замучили жары, кои здѣсь

---

(42) Дворъ ѣхалъ тогда въ Москву для торжества коронованія Государя Императора.

(43) Князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ (род. 1806, ум. 1858), извѣстный по роскошно изданному имъ путешествію въ Индію.

столько же несносны, какъ и въ Питерѣ, градъ бо на низменныхъ мѣстахъ расположенъ; потомъ я прихворнулъ, а когда хвораю, то обыкновенно страдаютъ руки, и я пишу съ трудомъ.

Впрочемъ моя *пріятно-тихая* жизнь въ Берлинѣ однообразна и не представляетъ ничего особеннаго для описанія.

Недавно я получилъ оффиціальное письмо изъ канцеляріи Министра Двора за подписью самого министра графа Адлерберга, въ коемъ изъяснено, что Ихъ Императорскія Величества соблаговолили милостиво принять посвященіе моего Польскаго, и Государь приказалъ, чтобъ оный Польскій былъ исполненъ на балахъ, во время коронаціи, начиная съ того, который будетъ данъ въ Грановитой Палатѣ.

Все это мнѣ устроила П. А. Бартенева, чрезъ графа Александра Владиміровича Адлерберга.

На дняхъ я ожидаю партитуру моего Польскаго; вскорѣ послѣ коронаціи онъ будетъ исполненъ здѣсь въ королевскомъ театрѣ—Opern-haus. Оркестръ чудо: 12 первыхъ, 12 вторыхъ скрипокъ, 7 альтовъ 9 *віолончелей* съ приличнымъ числомъ контрабасовъ и проч.

Поговариваютъ даже о постановкѣ Жизни за Царя на сцену; покамѣстъ однакожъ это еще не рѣшено.

У меня есть до тебя *важная* просьба, а именно: тебя всѣ любятъ и навѣщаютъ, слѣдственно ты можешь всѣмъ мало-мальски меня знающимъ лично или по наслышкѣ (преимущественно же придворнымъ) вбить въ голову, что Глинка-де *не въ Парижѣ, а въ Берлинѣ*, и что-де окромя здоровья онъ проживаетъ въ Берлинѣ ради музыкальныхъ продѣлокъ.

Такъ какъ я думалъ ѣхать въ Парижъ, то можетъ быть найдутся люди, которые полагаютъ, что я уже тамъ. Между тѣмъ вышло, что, пріѣхавъ въ Берлинъ, я почувствовалъ *непреодолимое отвращеніе* отъ Франціи и по справкамъ оказалось, что работа съ Деномъ труднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный другъ.

Берлинъ 16/4 Августа 1856 года.

XIX.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Только что хотѣлъ я отвѣчать на письмо твое, какъ я получилъ другое отъ тебя съ прискорбнымъ извѣстіемъ о кончинѣ графа М. Ю. Вьельгорскаго (44). Хотя я уже и зналъ, что онъ разрушался, но это извѣстіе меня тронуло: графъ М. Ю. принадлежалъ именно къ разряду тѣхъ немногихъ людей, которымъ, кажется, никогда умирать не слѣдовало. Нашихъ мелкихъ недоразумѣній и воспоминать не хочу (45), а помню только его дружбу и доброжелательность ко мнѣ. Миръ праху его!

Здоровье мое плохо: желудокъ, а въ особенности печень очень разстроены, и нервы часто и шибко пошаливаютъ, не смотря на то, что я стараюсь помнить, что я уже зѣло не молодъ (объ этомъ можешь справиться у фотографа *Левицкаго*, который нынѣшней весною снялъ съ моей хари удивительнѣйшій портретъ и, буде пожелаешь, чрезъ твоихъ знакомыхъ можешь получить экземпляръ онаго) и воздерживаюсь, елико возможно, отъ всѣхъ излишествъ.

Каникулярные жары заставили меня временно прекратить мои весьма занимательныя, но трудныя работы

---

(44) Онъ скончался 28 Августа 1856 года. См. прим. 8.

(45) Недоразумѣнія эти касаются нѣкоторыхъ обстоятельствъ, относящихся къ эпохѣ окончанія партитуры „Руслана" и постановки его на сцену. Но изъ самаго этого письма видно, какъ любилъ Глинка графа и какъ послѣдній былъ достоинъ любви своихъ собратьевъ по искусству.

съ Деномъ. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва ли совладаемъ съ церковными тонами, двойною фугою и канонами въ теченіи зимы. Во всякомъ случаѣ дѣло рѣшено: до Мая будущаго года остаюсь здѣсь. Если же Богъ продлитъ мнѣ жизнь и обстоятельства позволятъ мнѣ продолжить путешествіе, я не прочь завернуть въ мѣстечко Парижъ, гдѣ я люблю въ особенности весну, лѣто и часть осени; la saison du monde élégant, или какъ это называютъ la grande saison de Paris, т. е. отъ Ноября до Апрѣля, для меня невыносима. Всего болѣе мнѣ нравятся *звѣринцы*: le jardin des plantes et le boulevard des Italiens avec les environs. Время все изглаживаетъ: на будущій годъ воспоминанія войны будутъ тусклѣе, а слѣдственно жить въ Парижѣ будетъ сноснѣе, а можетъ быть даже пріятно ([46]).

Кашперовъ тебѣ кланяется; онъ здѣсь съ молодой женою — милою и очень образованною женщиною. Онъ поселился по сосѣдству со мною до весны, желая съ одной стороны насладиться спокойствіемъ послѣ различныхъ треволненій; работаетъ каждый день съ Деномъ и, мнѣ кажется, что онъ съ музыкальнымъ талантомъ.

Оперы еще не начались — примадонны въ разгонѣ, давать же будутъ вещи превосходныя; на дняхъ у меня квартетъ.

Если Яковлевъ ([47]), Аркаша и Ѳирсъ еще въ Москвѣ, усердно имъ отъ меня кланяйся.

([46]) Всякому Русскому не можетъ не быть пріятно видѣть въ знаменитомъ соотечественникѣ такую черту искренняго патріотизма и выраженіе чувства такъ сказать политическаго или „международнаго" приличія. Глинка, черезъ полгода послѣ заключенія Парижскаго мира, не полагалъ возможнымъ считать залеченными раны, нанесенныя намъ при геройской защитѣ Севастополя и жить какъ ни въ чемъ не бывало среди народа, столь недавно намъ враждебнаго, забывая такъ скоро кровавые счеты Россіи съ вчерашними непріятелями.

([47]) Иванъ Алексѣев. Яковлевъ, одинъ изъ первыхъ богачей въ Европѣ См. также прим. 18 и 28.

Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный

NB. Если можешь, пиши еще крупнѣе. Мой новый адресъ: Französische Strasse № 8.

Берлинъ. 22/10 Сентября 1856 г.

XX.

Любезнѣйшій другъ, Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что не сейчасъ по полученіи отвѣчаю на твои дружескія письма. Причина—не лѣнь, а вообще говоря, я не большой охотникъ писать. Къ тому же моя совершенно отшельническая жизнь въ Берлинѣ не даетъ повода — *плодить матерію* (какъ говаривала блаженной памяти моя няня).

Въ одномъ изъ твоихъ писемъ ты рекомендовалъ мнѣ завернуть въ мѣстечко Парижъ. Я, однакожъ, остался здѣсь и не раскаяваюсь.

Окромѣ разнаго рода продовольствій, а *наипаче* скромной и тихой жизни, которая мнѣ зѣло по нутру, одни *музыкальныя наслажденія* уже достаточны, чтобы приковать меня къ Берлину въ зимніе мѣсяцы.

Перечень слышаннаго мною, въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ, объяснитъ это дѣло лучше:

Въ Opernhause:

1. *Фиделіо* Бетховена съ двумя увертюрами E dur и C dur.
2. *Орфей* Глюка.
3. *Clemenza di Tito* Моцарта съ *басетъ-горномъ*! (NB).

NB означаетъ, что у насъ въ не сносномъ Питерѣ *басетъ-горнъ* всегда замѣняютъ кларнетомъ, а разница огромная.

4. *Nozze di Figaro* Моцарта.
5. Zauberflöte Моцарта.

Эти двѣ послѣднія оперы были даны весьма зѣло удовлетворительно. Оркестръ и хоры чудо! *Не нашимъ чета*!

Окромѣ того: Въ Singverein:

Знаменитая *Missa* Баха H moll: въ оной же чудеса поэзіи и изобрѣтенія.

Предстоятъ еще: a) *Въ театрѣ*:

На будущей недѣлѣ *Альцеста* Глюка — важная вещь. b) *Въ* Singverein: Баха Мотетъ и *Requiem* Керубини!

Дальнѣйшее окажется въ послѣдствіи.

Медленно, но прочно идутъ мои занятія съ Деномъ, все бьемся съ фугами. Я почти убѣжденъ, что можно связать фугу западную *съ условіями нашей* музыки узами законнаго брака.

Извини, что больше не пишу, скажу только, что мнѣ здѣсь хорошо, что̀ не мѣшаетъ, однако, любить по прежнему тѣхъ, которыхъ я любилъ, какъ тебя. Твой неизмѣнный другъ М. Мимоза ([48]).

Берлинъ. 15/3 Ноября 1856 г.

([48]) Это было прозвище, не помню по какому случаю, данное когда-то Глинкѣ. Строки эти, писанныя Глинкой за два съ небольшимъ мѣсяца до кончины, даютъ понятіе о томъ, какъ трудился онъ для искусства и какія сокровища собиралъ онъ для будущей своей дѣятельности, прерванной столь преждевременною кончиною.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ МАРІИ НИКОЛАЕВНѢ

ПРИВѢТСТВІЕ ОТЪ РУССКИХЪ, ВСТРѢТИВШИХЪ ЕЕ ВЪ БАДЕНѢ.

Посланникомъ отъ нашихъ добрыхъ Русскихъ
Я выбранъ, чтобъ, въ цвѣтахъ благоуханныхъ
Полудня, Вамъ, благословенной Гостьѣ
Ихъ Сѣвера, привѣтъ ихъ передать.
Благодарю соотчичей моихъ
За этотъ выборъ; онъ глубоко мнѣ
По сердцу; весело начужѣ мнѣ
Предъ дочерью Царя Россіи нашей,
Мнѣ, устарѣлому ея поэту,
Сказать за нихъ и за себя, что мы
Свою Царевну здѣсь встрѣчаемъ съ тою
Любовію, какая согрѣваетъ
Такъ душу намъ, когда мы помышляемъ
О нашемъ славномъ, мирномъ и могучемъ
Отечествѣ, и о его Великомъ
Царѣ. Въ живыхъ цвѣтахъ здѣсь подношу я
Вамъ, Русская Великая Княгиня,
Встрѣчальный Русскій нашъ привѣтъ. А самъ
Съ растроганной душею (послѣ долгой
Съ отечествомъ разлуки) Вамъ смотрю
Въ лице, столь мнѣ знакомое, которымъ
Отъ колыбели Вашей до цвѣтущихъ
Лѣтъ милой младости, день за день, я
Такъ любовался. Тамъ въ Царевомъ домѣ,
Въ Его семьѣ, подъ тайнымъ обаяньемъ
Той Прелести, которая была
Мнѣ и поэзіей и сердца идеаломъ,
Какъ быстро для меня промчались годы!
Но Жизнь изъ свѣтлаго того предѣла
Перевела меня въ уединенный
Пріютъ семейный, далекò отъ шума
Мірскàго. И со мною на просторѣ
Тамъ милое *Минувшее* мое,
Въ воспоминаніи дружася съ *Настоящимъ*,
Въ отечество чужбину превращая,
Всегда присутственною невидимкой
Спокойно жило. Но теперь внезапно,
Здѣсь въ очарованномъ явленьи Вашемъ,
Оно лицемъ къ лицу передо мною
Явилось вновь, прекрасное, какимъ
Бывало нѣкогда. Въ часъ добрый! Я,
Имъ вдохновенный, за себя, за всѣхъ
Здѣсь собранныхъ Царя любящихъ Русскихъ,
И за мою жену съ двумя моими
Дѣтьми, молитву приношу къ Святому

Хранившему Вашъ путь далекій Богу,
Чтобъ до конца его Онъ сохранилъ,
Чтобъ съ Вашего страдающаго сердца
Отеческой рукой тревоги сгладилъ,
И чтобъ, при радостномъ на Русь святую
Моемъ возвратѣ, я Царю и Царству
Могъ вѣсть сказать, что Божьей благодатью
Вамъ все то спасено, въ чемъ Ваше сердце
Свои сокровища земныя заключило.

1851 $\frac{1}{13}$ Іюля.
Баденъ-Баденъ.

Стихотвореніе это, доселѣ неизвѣстное въ Россіи, было напечатано на отдѣльныхъ четырехъ страничкахъ (синими чернилами, съ изображеніемъ лавроваго вѣнка въ заголовкѣ). Эти четыре печатныя странички были подарены В. А. Жуковскимъ протоіерею И. И. Базарову, которому мы обязаны за сообщеніе ихъ въ Русскій Архивъ. П. Б.

ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНѢ.

Сѣверозападная часть Крыма—сторона не веселая. Куда ни взглянешь, всюду степь гладкая, ровная, пыльная; не на чемъ глазу остановиться, и даже курганы, которые хотя сколько нибудь разнообразятъ физіономію Новороссійскихъ степей, здѣсь встрѣчаются весьма рѣдко.

Въ то время, когда мы вступали въ Крымъ, сторона эта была еще печальнѣе, еще безотраднѣе. Изрѣдка встрѣчавшіеся по пути аулы были оставлены возмутившимися татарами; въ деревняхъ, населенныхъ русскими, мы находили однѣхъ бабъ и ребятишекъ, да и тѣ встрѣчали насъ съ какими-то безпокойными, запуганными лицами. Безпрестанно попадавшіяся команды козаковъ наводили еще большую тоску, придавая странѣ характеръ враждебный и негостепріимный.

По мѣрѣ приближенія къ Симферополю, картина военной дѣятельности принимала болѣе широкіе размѣры. Воинскія команды встрѣчались чаще, а еще чаще встрѣчались транспорты съ фуражемъ, продовольственными припасами и артиллерійскими снарядами. Въ сторонѣ дороги, по садамъ, бивакировали войска; дымившіеся костры и разбросанныя по этимъ бивуакамъ въ безпорядкѣ палатки придавали всей мѣстности сходство съ обширнымъ военнымъ лагеремъ. Нерѣдко встрѣчали мы большія отары овецъ, отбитыхъ козаками у возмутившихся татаръ, и партіи рабочихъ, возвращавшихся изъ Севастополя. Послѣдніе насъ крайне интересовали; но разсказы ихъ о положеніи Севастополя были до такой степени не вѣроятны, что не удовлетворяли насъ даже и въ то время, когда вѣрили всему и все считали возможнымъ и вѣроятнымъ.

Въ Симферополь пришли мы поздно вечеромъ. Здѣсь я въ первый разъ услышалъ о бомбардировкѣ 5-го Октября и о смерти Корнилова. На другой день батарея наша выступила по маршруту въ Дуванку; но, не доходя до этого селенія, получила приказаніе ночевать въ Бакчисараѣ. Времени до вечера оставалось еще много, и я пошелъ бродить по городу. Осмотрѣвъ ханскій дворецъ, такъ много прославленный и такъ часто описанный, я купилъ татарской работы бурку, сафьянныя туфли, яблоковъ и винограду и отправился домой на квартиру; болѣе купить было нечего, кромѣ развѣ баранины—этимъ продуктомъ Бакчисарай изобиловалъ и изобилуетъ даже болѣе, нежели бурками, яблоками и сафьянными туфлями.

На другой день, т. е. 11-го Октября, часа въ 4 утра, батарея выступила далѣе и прибыла въ Дуванку въ полдень. Здѣсь насъ ожидалъ уже унтеръ-офицеръ Балаклавскаго греческаго батальона для указанія дороги въ отрядъ ге-

нералъ-лейтенанта Липранди, расположенный около Чоргуна.

Переходъ изъ Дуванки въ Чоргунъ былъ и продолжителенъ и труденъ. Насъ повели не дорогами, а какими-то тропинками и ущельями, по которымъ не только артиллерія, но даже пѣхота съ трудомъ могла слѣдовать. Пройдя верстъ 10-ть, мы нагляднымъ образомъ могли замѣтить близость непріятеля, ибо вступили на ту самую дорогу, на которой, послѣ Альмскаго дѣла, была уничтожена половина парка № 8-го. Обломки повозокъ, ядра, осколки гранатъ, разбросанные ранцы и солдатскіе мундиры, все это ясно говорило, что тутъ не задолго до насъ разыгралась одна изъ печально-занимательныхъ сценъ войны. Поздно ночью мы остановились у спуска съ Мекензіевой горы, а въ отрядъ генерала Липранди батарея пришла часа въ два. Ночь была темная, костры въ отрядѣ уже потухали, и всѣ мы были утомлены до крайности. Установивъ кой-какъ артиллерію, я легъ подъ зарядный ящикъ и заснулъ мертвымъ сномъ.

Свѣжесть октябрьской ночи заставила меня рано проснуться, и я, отдохнувъ не болѣе трехъ часовъ, не чувствовалъ однакожъ никакой усталости. При свѣтѣ ранняго и яркаго солнца, отрядъ представлялъ картину живописную. Небольшая котловина, обставленная со всѣхъ сторонъ крутыми горами, въ которой едвали могъ съ удобствомъ размѣститься одинъ пѣхотный полкъ съ батареею артиллеріи, была наполнена войсками до невозможности. На этомъ небольшомъ пространствѣ помѣщались въ то время четыре полка пѣхоты, съ четырьмя батареями артиллеріи, стрѣлковый батальонъ и еще, кажется, одинъ кавалерійскій полкъ. Куда ни взглянешь, вездѣ видны составленныя въ козла ружья, орудія, зарядные ящики, лошади и разнообразныя группы солдатъ, спавшихъ у потухшихъ, но еще дымившихся костровъ.

Въ военное время на бивуакахъ просыпаются рано; здѣсь жизнь начинается съ восходомъ солнца. Вскорѣ спавшія группы зашевелились, костры задымились сильнѣе, и проснувшійся отрядъ опять зажилъ своею обычною бивачною жизнью.

Часовъ въ 10 утра пришелъ на бивуакъ отрядный начальникъ генералъ Липранди; поздоровавшись съ войсками и поздравивъ нашу батарею *съ прибытіемъ на квартиры*, онъ обратился къ стрѣлковому батальону, стоявшему позади нашей батареи, съ слѣдующими словами: „Здорово стрѣлки! Завтра намъ, „можетъ быть, придется поработать; „смотрите жь — ни одной пули на вѣ„теръ!“

Всѣмъ было извѣстно, что около Чоргуна сосредоточиваются войска для начатія наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны; но никто не зналъ достовѣрно, когда именно эти дѣйствія начнутся. Слова генерала Липранди разъяснили загадку, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ знали въ отрядѣ, что завтра будетъ дѣло.

Наступательныя дѣйствія предполагалось начать занятіемъ передовой непріятельской позиціи на Кадыкіойскихъ высотахъ, съ тою цѣлью, чтобы, утвердившись на ней, безпокоить непріятеля въ сообщеніяхъ его съ Балаклавою. Впрочемъ цѣль эта, какъ оказалось впослѣдствіи, не совсѣмъ была достигнута, ибо Балаклавская дорога пролегала отъ Кадыкіойской позиціи гораздо далѣе чѣмъ на пушечный выстрѣлъ.

Лишь только въ отрядѣ сдѣлалось извѣстно, что на другой день предполагается дѣло, какъ толпы любопытныхъ съ зрительными трубами, отправились на близь лежащія высоты для обозрѣнія непріятельской позиціи. Со стороны Чоргуна позиція эта казалась почти неприступною. Четыре довольно большихъ редута были устроены на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ, командовавшихъ надъ окружающею мѣстностью. Мелкій кустарникъ покрывалъ всю эту мѣстность и доставлялъ болѣе выгодъ непріятелю нежели намъ, за-

трудняя свободное движеніе артиллеріи. Глядя на эту позицію, мы расчитывали на упорное сопротивленіе и на большія съ нашей стороны потери. Но слѣдующій день доказалъ противное: сопротивленіе мы встрѣтили далеко не упорное; потери хотя и были значительны, особенно въ Азовскомъ полку, но далеко не такъ велики, какъ мы ожидали, да и самая позиція на дѣлѣ оказалась вовсе не такъ неприступною. Впрочемъ легкость занятія этой позиціи я отношу къ энергической и предусмотрительной распорядительности генерала Липранди и къ тому, что укрѣпленія защищали не Французы или Англичане, а Турки, съ которыми конечно сладить было гораздо легче. Вообще канунъ каждаго сраженія, особенно на первыхъ порахъ войны, когда еще армія не успѣла свыкнуться съ опасностями, приноситъ много ощущеній, и на этотъ разъ канунъ 13-го Октября не былъ исключеніемъ. Весь день мы провели въ самыхъ оживленныхъ разговорахъ и въ самыхъ разнообразныхъ предположеніяхъ о результатахъ слѣдующаго дня. Всѣ говорили о трудностяхъ, но никто не говорилъ о неудачѣ, не потому, полагаю, что всѣ были увѣрены въ успѣхѣ, но потому, что, наканунѣ дѣла, какъ-то непріятно не только говорить, а даже и думать о неудачахъ.

Послѣ полудня погода перемѣнилась; пошелъ небольшій дождь, потянулся туманъ съ горъ, и ясный южный день смѣнился сѣвернымъ, осеннимъ, сумрачнымъ вечеромъ.

Мнѣ хотѣлось провести эту ночь съ бо̀льшимъ комфортомъ нежели прошлую, и потому я ранѣе другихъ отправился устраивать себѣ постель. Дѣло было очень просто: поднявъ оглобли заряднаго ящика и растянувъ на нихъ молдованскую попону, я разостлалъ на сырую землю съ полъ-пуда сѣна и, такимъ образомъ устроившись довольно удобно, легъ спать, но заснуть не могъ: —мысли одна другой непріятнѣе, какъ на зло, тѣснились въ голову, а между тѣмъ мелкій дождикъ все барабанилъ въ мою молдаванскую попону. Что если неудача? думалъ я. Что если, вмѣсто ожидаемаго успѣха, мы будемъ завтра разбиты? Какія страшныя послѣдствія можетъ повлечь за собой это несчастіе? Малочисленная наша Севастопольская армія, разбитая подъ Альмой, теряла бодрость; она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала подкрѣпленій, и вотъ наконецъ подкрѣпленія пришли, пришли съ тѣмъ, чтобы начать наступательныя дѣйствія; взоры всѣхъ теперь обращены на насъ, всѣ ждутъ отъ насъ подвиговъ,—и что жъ, если мы не выполнимъ этихъ ожиданій, не осуществимъ надеждъ?..

Я всегда былъ такого мнѣнія, что дѣло 13-го Октября не принесло намъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ; — напротивъ, оно принесло даже вредъ въ разсужденіи нашихъ дальнѣйшихъ военныхъ операцій: ибо съ отрядомъ, который былъ въ распоряженіи генерала Липранди, нельзя было продолжать наступательныхъ дѣйствій далѣе Кадыкіойскихъ высотъ; даже, и въ случаѣ успѣха, мы бы должны были остановиться и ждать новыхъ подкрѣпленій, а между тѣмъ обнаруживали преждевременно предъ непріятелемъ наши намѣренія, указывали слабые пункты и давали ему время укрѣпить эти пункты и исправить свои ошибки (1). Послѣ сраженія на Кадыкіойскихъ высотахъ, въ арміи ходили слухи, будто бы генералъ Липранди не совѣтовалъ князю Меньшикову начинать дѣла 13-го Октября; говорили, будто бы онъ докладывалъ главнокомандующему о необходимости подождать прибытія всего 4-го

(1) Дѣйствительно, непріятельская позиція противъ Кадыкіойскихъ высотъ на Сапунъ-горѣ до 19-го Октября вовсе не была укрѣплена. На другой день занятія нами этихъ высотъ, мы уже видѣли, что войска начали рыть Сапунъ-гору, а 24-го Октября, во время Инкерманскаго сраженія, означенная позиція непріятеля имѣла уже весьма значительную оборону.

корпуса, и потомъ уже энергически начать наступательныя дѣйствія. Не знаю, дѣйствительно ли это мнѣніе принадлежало генералу Липранди, или это было общее мнѣніе и только приписано ему, въ слѣдствіе очень обыкновеннаго закона все хорошее приписывать людямъ, пользующимся популярностью. И такъ матеріальныхъ выгодъ дѣло генерала Липранди не принесло; но, не смотря на это, оно имѣло громадную важность для всей Крымской арміи и огромное вліяніе на ходъ всей кампаніи. Не то важно, что мы заняли позицію, почти уничтожили въ этотъ день Англійскую кавалерію и отбили 9-ть орудій; но важно то, что успѣхъ 13-го Октября пробудилъ упадавшую бодрость арміи, увѣрилъ ее въ возможности сопротивленія и подвинулъ на тѣ труды и лишенія, которые въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ такъ геройски переносили защитники Севастополя. Въ этомъ отношеніи дѣло 13-го Октября такъ важно, что едва ли какое нибудь другое событіе изъ всей Крымской войны, не исключая даже и отраженія штурма, можетъ сравниться съ нимъ.

Но и эта важность не можетъ, кажется, оправдать торопливости князя Меньшикова. Не слѣдовало такъ рано начинать наступательныхъ дѣйствій; не было ни причины, ни необходимости съ ничтожными силами, преждевременно, обнаруживать свои намѣренія. Хорошо, что мы 13-го Октября имѣли успѣхъ; но вѣдь могла быть и неудача,—тогда какія бы были послѣдствія этой неудачи? Окончательный упадокъ духа въ арміи, глубокое сознаніе въ своемъ безсиліи и въ превосходствѣ непріятеля и наконецъ твердое убѣжденіе въ невозможности защищаться;—вотъ эти послѣдствія, и конечно всякій согласится, что они весьма достаточны для того, чтобы сдѣлать даже и многочисленную армію неспособною не только къ веденію энергической войны, но даже и къ посильной оборонѣ.

Не то было бы, если бы наступательныя дѣйствія были начаты, когда весь 4 корпусъ сосредоточился въ Крыму. Тогда князь Меньшиковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи не одну дивизію, а цѣлый корпусъ свѣжихъ войскъ, могъ бы рѣшительнѣе начать наступательныя дѣйствія; могъ бы не останавливаться въ исполненіи задуманныхъ плановъ и пользоваться всѣми ошибками непріятеля, не давая ему времени опомниться и исправить эти ошибки (2).

Часа два лежалъ я подъ зряднымъ ящикомъ, но заснуть не могъ; наконецъ усилившійся дождь, отъ котораго молдаванская попона уже не защищала болѣе, заставилъ меня отказаться отъ надежды уснуть спокойно; я всталъ и пошелъ къ ближайшему костру. Здѣсь я увидѣлъ двухъ англичанъ, только что взятыхъ въ плѣнъ въ Байдарской долинѣ козаками. Это были, кажется, или коммиссіонеры, или просто маркитанты; но только не изъ военныхъ. Не понимая совершенно по-русски и весьма мало по-французски, они находились въ самомъ плачевномъ положеніи, стараясь всѣми силами объяснить, что они прозябли и промокли и что желали бы попробовать русской водки. Съ помощію нѣсколькихъ французскихъ словъ, а болѣе жестовъ, они успѣли наконецъ растолковать свое желаніе,—имъ дали по стакану водки и повели къ генералу Липранди.

— Что это за плѣнные? французы или англичане? спросилъ я стоявшихъ около костра солдатъ.

— Должно быть англичане, ваше благородіе, отвѣтилъ пѣхотный унтеръофицеръ. Козачки сейчасъ захватили въ Байдарахъ.

— Да ты почему знаешь, что это англичане, а не французы?

(2) Это не мое личное мнѣніе;—таково было мнѣніе всей арміи послѣ Инкерманскаго сраженія. Вѣрно оно или невѣрно, я не берусь доказывать.

— А какъ же, ваше благородіе: съ французомъ сейчасъ разговоришься— это народъ понятливый; а вотъ съ этими почитай часъ бьешься, а все не въ домёкъ, чего имъ сердечнымъ хочется.

Было уже часа два ночи. Дождикъ пересталъ, и я, подъ полушопотъ дремавшихъ около костра солдатъ, самъ сладко задремалъ.

Черезъ часъ отрядъ зашевелился; каша была готова, и солдатъ звали къ винной порціи. Я всталъ и пошелъ къ батарейному командиру.

— Что, Н... М...., получена диспозиція?

— Получена.

— Можно посмотрѣть?

— Можно;—вотъ она.

Я взялъ кругомъ исписанный листъ сѣрой бумаги и съ нетерпѣніемъ началъ читать. По диспозиціи весь отрядъ раздѣлялся на три части. Одна, подъ начальствомъ генер.-маіора Гриббе, должна была занять сел. Комары; другая, подъ начальствомъ генер.-маіора Семякина, должна была аттаковать самый главный редутъ, на правомъ флангѣ непріятельской позиціи; а третья, не помню подъ чьей командой, составляла боевой резервъ и назначалась для дѣйствія противъ остальныхъ пунктовъ позиціи. Наша батарея ни въ одинъ изъ этихъ отрядовъ не попала;—она, какъ только что пришедшая съ похода, назначена была съ батальономъ украинскаго полка прикрывать вагенбургъ и защищать Чоргунское ущелье.

— Что жъ, Н.... М...., сказалъ я, обращаясь къ батарейному командиру, батарея-то наша въ резервъ назначена?

— По диспозиціи-то въ резервъ; да вѣдь Богъ знаетъ какъ пойдетъ дѣло,— можетъ быть и въ первую линію попадешь: заранѣе ни на что нельзя разсчитывать.

— А скоро мы тронемся?

— Часа черезъ полтора, я полагаю; намъ торопиться некуда—пойдемъ послѣ всѣхъ.

Разсвѣтало. Артиллерія запрягала лошадей, солдаты надѣвали аммуницію. Густой туманъ, носившійся въ воздухѣ, не обѣщалъ яснаго дня.

Часовъ въ 6-ть выступила и наша батарея. Не успѣли еще вытянуться мы изъ селенія и занять назначенную батареѣ позицію, какъ услышали въ далекѣ выстрѣлъ,—это непріятель замѣтилъ войска генер. Гриббе, подходившія къ Комарамъ. Минутъ черезъ 10-ть раздался другой выстрѣлъ, за нимъ третій, и дѣло началось.

Подробности этого дѣла болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Донесеніе объ немъ князя Меньшикова было напечатано во всѣхъ газетахъ и производило всеобщій восторгъ въ тогдашнее тревожное время. Дѣйствительно результаты дѣла были блестящи и въ реляціи генерала Липранди нисколько не преувеличены, какъ это большею частію дѣлается всегда и вездѣ, гдѣ только война ведется; но, какъ очевидецъ, я долженъ сказать, что и эта реляція не совсѣмъ непогрѣшима относительно правды подробностей. Я говорю объ отступленіи нашей кавалеріи, конечнымъ результатомъ котораго было совершенное пораженіе Англійской кавалеріи.

Начать съ того, что это отступленіе вовсе не входило ни въ предварительные планы генерала Липранди, ни въ планы командовавшаго нашей кавалеріей генерала Халецкаго, а было просто одною изъ тѣхъ военныхъ случайностей, которыя нельзя предусмотрѣть заранѣе, нельзя своевременно предотвратить никакимъ геніемъ и которыя, однакожь, часто даютъ неожиданный и неотразимый оборотъ сраженію, блестящій или гибельный, смотря по обстоятельствамъ, слагающимся, опять таки большею частію случайно, во время самого сраженія.

На самомъ дѣлѣ отступленіе нашей кавалеріи и пораженіе кавалеріи непріятельской вотъ какъ происходило.

Часа въ три по полудни, когда непріятельская позиція на высотахъ была уже сбита, укрѣпленія заняты нашими войсками и всѣ полагали, что сраженіе кончено, вдали, противъ центра нашей позиціи, показались небольшія массы непріятельской кавалеріи. Въ этомъ пунктѣ, по широкой лощинѣ, служащей какъ бы продолженіемъ Чоргунскому ущелью и раздѣляющей на двѣ части высоты лѣваго берега рѣки Черной, расположена была наша кавалерія, — два полка гусаръ и два полка козаковъ, съ двумя, кажется, конными батареями. Лѣвѣе находилось 8-мь орудій 7-й легкой пѣшей батареи съ двумя батальонами Одесскаго полка. Непріятель, встрѣченный нашей артиллеріей, сталъ быстрѣе подвигаться и, не смотря на картечный и батальный огонь, смѣло понесся въ карьеръ на нашу кавалерію. Все это случилось такъ неожиданно и такъ быстро, что никто еще не успѣлъ даже достаточно уяснить себѣ, что̀ именно такое совершается въ нашемъ центрѣ, какъ наша кавалерія была уже смята. Гусары первые не выдержали натиска, за ними козаки, и всѣ четыре полка, бросивъ артиллерію, которую прикрывали, начали безпорядочно отступать. Суматоха произошла страшная. Въ пять разъ сильнѣйшая наша кавалерія, смѣшавшись еще болѣе при отступленіи, торопливо и въ безпорядкѣ направлялась къ Чоргуну. За нею по пятамъ, проскакавъ линію нашихъ войскъ, безумно неслась уцѣлѣвшая отъ картечнаго и батальнаго огня Англійская кавалерія. У перевязочнаго пункта всѣ эти безпорядочныя массы остановились, потому что отступать далѣе нельзя было. Украинскій полкъ и наша батарея, прикрывавшіе Чоргунское ущелье, энергически не допускали дальнѣйшаго отступленія. Тутъ все перемѣшалось, и суматоха еще болѣе усилилась. На маленькомъ пространствѣ, у самаго входа въ Чоргунское ущелье, гдѣ расположенъ былъ перевязочный пунктъ, тѣснились четыре полка гусаръ и казаковъ и между ними, какъ рѣдкія пятна, виднѣлись красные мундиры Англичанъ, вѣроятно тоже не менѣе насъ изумленныхъ тѣмъ, что̀ такъ неожиданно случилось.

Но дѣло конечно не могло такъ оставаться. Генералъ Липранди, находясь въ это время не подалеку отъ перевязочнаго пункта и видя, что Одесскіе батальоны устояли, успокоился за послѣдствія этой безумной аттаки. Не расчитывая болѣе на растерявшихся гусаръ и козаковъ, онъ немедленно приказалъ находившимся тутъ-же въ резервѣ 6-ти эскадронамъ своднаго уланскаго полка Еропкина аттаковать англичанъ во флангѣ и отрѣзать имъ отступленіе.

Англичанамъ, казалось, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ положить оружіе, и всѣ этого ожидали; однакожь вышло совсѣмъ не такъ. Аттака уланъ почему-то не удалась. Разсказывали въ то время, что будто бы одинъ изъ батальоновъ Одесскаго полка, принявъ уланъ за непріятеля, открылъ по нимъ огонь, въ слѣдствіе чего уланы съ полъдороги повернули назадъ. Между тѣмъ англичане, замѣтивъ эту неудавшуюся аттаку и не опасаясь серьезнаго преслѣдованія со стороны разстроенныхъ гусаръ и казаковъ, рѣшились на то, что̀ исполнить, по видимому, было совершенно невозможно; — они рѣшились прорваться черезъ линію нашихъ войскъ, по той-же самой дорогѣ, по которой наступали и слѣдовательно еще разъ пройдти, такъ сказать, сквозь строй картечнаго и батальнаго огня.

Трудный, почти невозможный, подвигъ предстояло исполнить этой сумашедшей кавалеріи. Потерявъ не менѣе четвертой части еще во время наступленія, она наскоро, кое-какъ, устроила свои порѣдѣвшіе эскадроны и быстро понеслась по прежней дорогѣ, усѣянной теперь убитыми и ранеными и оставляя съ каждымъ шагомъ новыя жертвы. Съ какой-то отвагой отчаянія, неслись на проломъ эти безумные храбрецы, и ни

одинъ изъ живыхъ, не раненыхъ тяжело, не положилъ оружія.

А гусары и козаки еще долго не могли опомниться. Они были убѣждены, что ихъ преслѣдовала по крайней мѣрѣ вся непріятельская кавалерія и сердито не хотѣли вѣрить, что были смяты ничтожною, сравнительно, горстью смѣльчаковъ.

Когда вся эта суматоха кончилась, козаки первые опомнились, и вѣрные своему характеру, принялись немедленно за сподручное имъ дѣло. Они переловили всѣхъ Англійскихъ лошадей и тотчасъ же открыли торговлю ими. Дорогія, кровныя лошади продавались тогда за три, много за четыре полуимперіала, а можно было купить за два и даже за одинъ. Впрочемъ почти всѣ эти прекрасныя лошади не перенесли суровостей зимы и пропали; но тѣ, которыя пережили зиму, продавались потомъ за дорогую цѣну, рублей за 300, 400 и даже дороже.

Поздно вечеромъ приказано было нашей батареѣ занять позицію на высотахъ въ первой линіи. Усталые отъ восьмисотверстнаго форсированнаго марша и утомленные впечатлѣніями только что минувшаго дня, мы и на этотъ разъ не ожидали спокойной ночи. Дѣйствительно, впереди былъ непріятель и непроглядная темь, заряженныя картечью орудія и засѣдланныя лошади какъ-то непріятно напоминали о недавней безумной аттакѣ Англичанъ, а доносившійся изъ-подъ Севастополя гулъ выстрѣловъ внушительно твердилъ объ осторожности.....

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ (*).

Исторія Семилѣтней войны, соч. Шефера. (Geschichte des Siebenjährigen Krieges, v. Schaefer, Berlin. Hertz. Bd. 1). Появился первый томъ этого сочиненія, о которомъ критика отзывается съ большою похвалою. Авторъ воспользовался множествомъ неизданныхъ документовъ изъ русскихъ и прусскихъ архивовъ. Онъ великій почитатель Фридриха II и видимо старается находить оправданія всѣмъ его дѣйствіямъ во время Семилѣтней войны.

Обзоръ управленія Польской республики, соч. г. Гюппе. (Verfassung der Republik Polen. Berlin. Schneider. 1868). Авторъ предпринялъ это изслѣдованіе о конституціи Польской республики, съ цѣлью предупредить своихъ соотече-

(*) Въ «Книжныхъ Вѣстяхъ», помѣщенныхъ въ прошломъ 1868 году, вкралась ошибка. На стр. 321. VII сказано: «другому французскому ученому Г. Лескюру посчастливилось найти въ Импер. Публич. библіотекѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи Маріи Антуанеты и французскаго двора при Людовикѣ XVI». Это—невѣрно. Обозрѣватель введенъ былъ въ ошибку заглавіемъ сочиненія: Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville de 1770 à 1792 publiée par M. De Lescure. 1864.

Французскому ученому принадлежатъ только введеніе, очень ничтожныя замѣчанія и указатель въ концѣ 2-го тома. Самая переписка рукописи, составившая большой трудъ, изданіе и полный указатель принадлежатъ дѣятельности русскаго ученаго, бывшаго профессора Политич. Экономіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ В. С. Порошина.

На стр. III своего предисловія г. Лескюръ такъ выражается: Un ancien professeur de l'université de St.-Pétersbourg, M. V. de Porochine, se voua, dans l'intérêt de l'histoire, à la tâche laborieuse de la copie du volumineux manuscrit, et voulut bien ensuite nous confier la mission de la préparer pour l'impression, c'est à dire de l'annoter, et de la présenter au public. C'est à lui que nous devons également les renseignements bibliographiques qui vont suivre, et où sa part d'informations est indiquée par le signe de la citation.

Къ этому я могу добавить только, что В. С., въ свой пріѣздъ въ Россію въ 1864 году, посѣщалъ Публичную библіотеку и собственноручно списалъ эти случайно доставшіяся Россіи, но дѣйствительно драгоцѣнныя извѣстія о придворной и общественной жизни французовъ въ самый разгаръ страстей и политическихъ стремленій революціоннаго періода. *В. Ведровъ.*

ственниковъ противу политическихъ ошибокъ, коихъ извѣстнымъ образцемъ служитъ польское правленіе: ошибки эти состоятъ въ томъ, что интересы и силы государства легкомысленно приносятся въ жертву интересу и свободѣ отдѣльнаго гражданина, коимъ дается несоразмѣрное преобладаніе надъ государствомъ. Обращая на этотъ предметъ все свое вниманіе и излагая ясно и послѣдовательно выводы свои изъ множества мелкихъ явленій государственной жизни польскаго народа, авторъ объясняетъ паденіе Польши исключительно недостатками ея правленія и мало обращаетъ вниманія на другія существенныя причины политическихъ бѣдствій, постигнувшихъ Польшу—на недостатокъ военной организаціи, отсутствіе средняго сословія, пренебреженіе къ массѣ народной, невѣжество массы, религіозные раздоры и несчастное положеніе между сосѣдей.

Воспоминанія съ 1803 по 1837 годъ. Амеліи Мюррей. (Recollections from 1803 to 1837, with a Conclusion in 1868. By the Hon. Amelia Murray. London. 1868. Longmans et C⁰). Эти воспоминанія старой фрейлины Великобританскаго двора содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о придворныхъ обычаяхъ описываемой эпохи и анекдотовъ, относящихся къ современнымъ политическимъ событіямъ. Въ разсказахъ автора встрѣчаются имена русскихъ царственныхъ особъ; особенно любопытны подробности о пребываніи въ Лондонѣ великой княгини Екатерины Павловны, разсказъ о томъ, какъ, при ея содѣйствіи, разстроился предполагавшійся бракъ принцессы Шарлотты съ принцемъ Оранскимъ (впослѣдствіи супругомъ Великой Княжны Анны Павловны); разсказъ о крещеніи нынѣшней Англійской королевы. Изъ этого разсказа видно, что воспріемникомъ ея былъ Русскій императоръ, и по волѣ Принца-Регента дано было ей имя Александра, совсѣмъ неупотребительное въ Англіи. Это имя считалось главнымъ, и принцесса, только по восшествіи своемъ на престолъ, пожелала замѣнить это имя вторымъ своимъ именемъ Викторіи.

Выдержки изъ дневника и переписки княгини Голициной (Mittheilungen aus dem Tagebuch und Briefwechsel der Fürstin von Gallitzin. 1868. Stuttgart). Русское имя, помѣщенное въ этомъ заглавіи, можетъ привлечь русскаго читателя, но въ книгѣ нѣтъ для него интереса. Вся она наполнена отрывками изъ дневника и переписки, по большей части мистическаго содержанія, съ Германскими учеными и литераторами послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Въ книгѣ есть портретъ кн. Голицыной; но нѣтъ ни предисловія, ни примѣчаній, изъ коихъ можно было бы узнать, кто такая была княгиня Голицына. За этими свѣдѣніями надлежитъ обратиться къ ея біографіи, изданной лѣтъ десять тому назадъ также на нѣмецкомъ языкѣ. Отсюда можно узнать, что кн. Голицына была по происхожденію нѣмка фонъ Шметау, въ замужествѣ за кн. Д. А. Голицынымъ Русскимъ посланникомъ въ Голландіи, и славилась своимъ bel esprit.

*

Вышли слѣдующіе (23-й и 24-й) томы издаваемой французскимъ правительствомъ Корреспонденціи Наполеона I (Correspondance de L'Empereur Napoléon I). 23-й томъ содержитъ въ себѣ переписку о распоряженіяхъ и приготовленіяхъ къ походу въ Россію. Въ 24-мъ читатель можетъ прослѣдить по документамъ исторію обманутыхъ надеждъ завоевателя; письма и записки Наполеона изъ Россіи показываютъ, какъ заботливо старался онъ скрыть отъ своихъ подданныхъ во Франціи бѣдствія французской арміи послѣ пожара и оставленія Москвы. Одна изъ интересныхъ записочекъ Наполеона—записочка его изъ Витебска къ библіотекарю Барбье съ приказаніемъ прислать немедленно какихъ нибудь книгъ для занимательнаго чтенія: „Мнѣ здѣсь

дѣлать нечего—пишетъ императоръ—множество времени, котораго дѣвать некуда". Черезъ три недѣли послѣ того какъ эти строки были написаны, императоръ не зналъ, куда дѣваться отъ мучительныхъ заботъ о спасеніи.

Вокругъ Кремля или **картины жизни въ Москвѣ**, соч. Лоуса (Around the Kremlin, or Pictures of Life in Moscou, by Lowth. Lond. 1868. Hurft and Blackett). Описаніе Москвы, изданное въ Лондонѣ подъ этимъ заглавіемъ, принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ книгъ о Москвѣ, писанныхъ иностранцами. Авторъ, г. Лоусъ, извѣстный уже въ литературѣ описаніемъ Аравіи, и знатокъ восточной жизни и природы, плѣнился, какъ видно, Москвою и описываетъ ее съ любовью и съ талантомъ. Съ Воробьевыхъ горъ рисуетъ онъ читателю общій видъ города, который, по мнѣнію автора, представляетъ оригинальное сочетаніе таинственной поэзіи Востока съ практическою энергіей Европейскаго міра; въ самой Москвѣ онъ описываетъ подробно Кремль, Китай-Городъ, улицы и бульвары, монастыри, больницы, рынки, фабрики и пр., останавливаясь на чертахъ и явленіяхъ общественнаго быта, которыя наиболѣе поражаютъ его. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на тѣ перемѣны въ бытѣ русскаго общества, которыя произошли вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, и приводитъ нерѣдко свои бесѣды объ этомъ предметѣ съ русскими своими знакомыми. Книга г. Лоуса читается въ Англіи съ большимъ интересомъ.

Очерки обрядовъ и обычаевъ Грекороссійской церкви, соч. г-жи Романовой (Sketches of the Rites and Customs of the greco-russian Church, by H. C. Romanoff. With Introduction by the author of „The Heir of Redclyffe". London, 1868. Livingstons). Авторъ этой книги —Англичанка по рожденію, сдѣлалась Русскою по браку съ Русскимъ и, полюбивъ, какъ видно, новое свое отечество, пожелала ближе познакомить съ нимъ англійскую публику. Проживъ довольно долгое время въ одной изъ сѣверныхъ русскихъ губерній (на Воткинскомъ заводѣ, Вятской губ.) г-жа Романова имѣла случай близко познакомиться съ народнымъ бытомъ и поняла по видимому вполнѣ, какъ неразрывно связанъ народный характеръ и домашній бытъ въ Россіи съ церковью, ея вѣрованіями и обрядами. Какъ нельзя болѣе вѣрна и удачна мысль ея—показать иностранцамъ Русскій народъ въ религіозной и церковной его жизни, и она исполнила свою задачу успѣшно, потому что книга ея, съ предисловіемъ извѣстной писательницы г-жи Йонгъ,—встрѣчена единодушною похвалой англійской критики. Сочиненіе г-жи Романовой представляетъ рядъ очерковъ и разсказовъ, въ которыхъ очень живо и наглядно для иностранца, весьма хорошимъ литературнымъ языкомъ, описаны обряды Русской церкви; но цѣль автора была двоякая: съ одной стороны—разъяснить для иностранца эти обряды, рѣдко понимаемые за-границей, въ церковномъ ихъ значеніи; съ другой стороны — представить въ связи съ этими обрядами, живую картину домашняго быта въ среднемъ сословіи и въ духовенствѣ. Такъ, въ первомъ разсказѣ, подъ названіемъ: Roman the Reader (дьячокъ Романъ) описана извѣстная у насъ всякому, но для иностранца совсѣмъ чуждая и новая обстановка быта, въ которой выростаютъ, женятся и получаютъ мѣста сыновья священно и церковно-служителей въ Россіи. Англичане съ особеннымъ интересомъ читаютъ подробное и живое описаніе обрядовъ крещенія въ Русской церкви, помѣщенное въ книгѣ г-жи Романовой. Нѣтъ сомнѣнія, что эта книга принадлежитъ къ числу лучшихъ описаній русскаго быта, изданныхъ за-границею. Объясненія принадлежностей богослуженія заимствованы авторомъ изъ книги священника Михайловскаго и изъ Новой Скрижали о. Веніамина.

Все сочиненіе состоитъ изъ разсказовъ, къ которымъ пріурочены—такъ сказать въ лицахъ—предметы богослуженія. Вотъ содержаніе книги: 1) Романъ-дьячокъ (рѣчь идетъ объ обрядахъ крещенія, мѵропомазанія и освященія церкви). 3) Посвященіе. 4) Вѣнчаніе. 5) Елеосвященіе, похороны и поминовеніе умершихъ. 6) Церковный звонъ и освященіе колокола. 7) Молебствіе въ память 4 Апрѣля. 8) Мѵропомазаніе присоединяемыхъ (здѣсь описанъ обрядъ мѵропомазанія Высоконарѣченной Невѣсты Государя Наслѣдника, Маріи Дагмаръ). 9) Церковный обрядъ усыновленія. 10) Поѣздка архіерея по эпархіи и посѣщеніе церквей.

Черты общественнаго развитія въ прибалтійскомъ краѣ и въ Россіи за два столѣтія, соч. Эккарта. (Baltische und Russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten v. Julius Eckardt. Leipzig. 1869). Книга состоитъ изъ ряда статей въ двухъ отдѣленіяхъ: одно касается исключительно прибалтійскаго края, и его отношеній къ Имперіи и Западной Европѣ; другое относится исключительно до Великой Россіи. Первая статья перваго отдѣленія озаглавлена *Нѣмецко-Русскія Остзейскія провинціи*, и содержитъ въ себѣ отвѣтъ автора Кильскому профессору Трейтшке, автору сочиненія объ Орденскихъ прусскихъ земляхъ. Въ этомъ сочиненіи Трейтшке, проводя параллель между рыцарскою политикой въ Пруссіи и въ прибалтійскомъ краѣ, доказывалъ, что послѣдняя не исполнила своей исторической задачи, оставшись въ разобщеніи съ угнетеннымъ туземнымъ племенемъ, надъ которымъ господствовали рыцари, насильственно удерживая феодальное устройство; тогда какъ въ Пруссіи, германскіе владѣльцы успѣли благоразумною политикой пріобщить къ себѣ и онѣмечить туземное племя. Это мнѣніе опровергаетъ Эккартъ. Вторая статья: *Изъ исторіи города Дерпта*. Третья, и весьма интересная: *Выходцы изъ Балтійскаго края и въ Балтійскій край*, интересна особенно потому, что въ ней говорится о многочисленныхъ выходцахъ изъ Балтійскаго края, поступившихъ въ русскую службу съ 16-го по 19-е столѣтіе, объ ученыхъ, переселившихся въ Россію, о переселеніяхъ Латышей и Эстонцевъ. Въ четвертой статьѣ описано путешествіе ученаго Бернулли по Лифляндіи и Курляндіи въ 1771 г. Изъ послѣдующихъ статей замѣчательны біографическія статьи объ уроженцахъ Балтійскаго края, одна—о героѣ Семилѣтней войны, Австрійскомъ фельдмаршалѣ Лаудонѣ, другая — о скончавшемся въ 1868 году Альбертѣ Голландерѣ, извѣстномъ педагогѣ и директорѣ воспитательнаго заведенія въ Биркенруэ.

Статьи втораго отдѣленія относятся къ вопросамъ, въ недавнее время поднятымъ въ Русской жизни и литературѣ. Первая статья — о Волынскомъ, составлена по сочиненію г. Шишкина; вторая—о княжнѣ Таракановой; третья — о православной церкви и расколѣ, вызвана извѣстною книгою о русскомъ черномъ и бѣломъ духовенствѣ (Лейпцигъ 1866) и статьями Русскаго Вѣстника о расколѣ. Четвертая, объ общинномъ владѣніи въ Россіи, писана по поводу прежнихъ и новыхъ сочиненій Гакстгаузена, но авторъ не согласенъ съ его идеями и относится критически и подозрительно къ общинному владѣнію и крестьянскому надѣлу. Пятая статья—о Тургеневѣ и его сочиненіяхъ. Шестая статья — имѣетъ предметомъ жизнь польскаго шляхтича Варѳоломея Михайловскаго, по Запискамъ его, недавно изданнымъ Ржевускимъ.

Другое сочиненіе того же Эккарта о томъ же предметѣ вышло въ 1868 году подъ заглавіемъ: „Балтійскія провинціи Россіи — политическіе и историческіе очерки“ (Die baltischen Provinzen Russlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Leipzig. 1868. 483 стр.) Содержаніе книги слѣдующее:

1) Земля и жители Остзейскаго края. 2) Морицъ Саксонскій въ Митавѣ—разсказъ о неудачной претензіи Морица

на Курляндское герцогство. 3) 1765 годъ; здѣсь описано проявленіе новыхъ философскихъ идей 18-го вѣка въ Балтійскомъ краѣ; по этому поводу авторъ представляетъ замѣчательную характеристику нѣкоторыхъ дѣятелей, именно: Гавріила Меркеля, маркиза Паулуччи, живописца Грасса, актера и писателя Громана, публициста Яхнака и тайнаго совѣтника Фитингофа. 4) *Польская Лифляндія*; въ этой главѣ авторъ, вообще пристрастный къ германской цивилизаціи, старается показать, что вездѣ гдѣ она была подавлена или переродилась въ своихъ началахъ, послѣдствія бываютъ бѣдственныя. Это убѣжденіе свое онъ доказываетъ примѣромъ и характеристикою извѣстнаго въ русской литературѣ—Ф. Ф. Вигеля. 5) Въ слѣдующей главѣ „Изъ нашего времени" описывается вліяніе Дерптскаго университета на общественное образованіе въ Балтійскихъ губерніяхъ. 6-я глава содержитъ очерки домашней жизни въ Лифляндіи; въ 7-й помѣщена біографія и характеристика двор. предводителя Фелькерзама; въ 8-й главѣ описываются событія 1855 и 1856 годовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

*

Путешествія и приключенія въ территоріи Аляскѣ, бывшей Русской Америкѣ, и въ разныхъ частяхъ сѣвернаго берега Тихаго океана соч. Фредерика Уимпера (Travel und Adventures in the territore Alaska, formerly Russian America and in the various Parts of the North Pacific. With Map and Illustrations, by Wimper. London. 1868. Murray). Г. Уимперъ, въ качествѣ рисовальщика, состоялъ въ числѣ членовъ экспедиціи, отправленной въ 1865 году компаніей союзнаго американскаго телеграфа для розысканій по берегамъ Тихаго океана. Розысканія эти, на пространствѣ 6000 миль, производились для предполагаемаго проведенія большой телеграфной линіи между старымъ и новымъ свѣтомъ. Розысканія эти, стоившія до 3 милліоновъ долларовъ, не привели къ желанной цѣли и были оставлены въ 1867 году. Въ теченіе этой экспедиціи г. Уимперъ совершилъ поѣздку по Камчаткѣ, по Восточной Сибири и по Русскимъ сѣверо-американскимъ колоніямъ. Изданное имъ описаніе поѣздки по всѣмъ этимъ мѣстностямъ живо написано, и наполнено подробностями о нравахъ и обычаяхъ мѣстнаго населенія. Съ особеннымъ интересомъ авторъ присматривался къ Русской Америкѣ, которую почитаетъ выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для своего отечества. Къ книгѣ приложено много прекрасно исполненныхъ рисунковъ.

*

Востокъ, Черное море и Дунай, соч. Артура Арнольда (From Levant the Black Sea and the Danube, by Arth. Arnold. 2 vls. London. 1868. Chapinan and Hall). Для русскихъ читателей въ этой книгѣ замѣчательно описаніе Севастополя въ нынѣшнемъ видѣ его разрушенія, съ разсказомъ объ осадѣ, въ которой самъ авторъ принималъ участіе.

*

Англичане, всесвѣтные туристы, давно жаловались, что не имѣютъ хорошаго путеводителя по Россіи, которая въ послѣдніе годы стала привлекать къ себѣ больше и больше любопытныхъ изъ Западной Европы. Англійскіе указатели, статистическіе и тому подобные сборники отличались особенною неточностію показаній и невѣжествомъ во всемъ, что̀ относилось до Россіи. Даже въ изданіяхъ, славящихся точностью, можно было встрѣтить грубѣйшія ошибки, когда доходило дѣло до Россіи. Такъ напр. въ классическомъ указателѣ желѣзныхъ дорогъ Брадшау до сихъ поръ путь на Москву показанъ такъ: желѣзная дорога отъ Берлина до Варшавы, отсюда дилижансы до Смоленска и до Москвы; а въ статистикѣ Русскаго населенія означено 6 сословій: 1) дворяне, 2) духовные, 3) граждане, 4) крестьяне,

5) крѣпостные и 6) рабы. Въ 1849 г. появился въ Лондонѣ первый, плохой и неполный путеводитель Мюррея. Но три года тому назадъ туристы утѣшены были появленіемъ обстоятельнаго путеводителя, составленнаго г. Мичелемъ. Въ нынѣшнемъ году появилось второе изданіе этой книги (Handbook for Travellers in Russia, Poland and Finland. Lond. J. Murray), значительно исправленное и дополненное. Между тѣмъ первое изданіе книги Мичеля доставило главнѣйшій матеріалъ для французскаго путеводителя, изданнаго въ прошломъ году въ Петербургѣ г. Бастѐномъ (Bastin).

*

Въ 1868 году вышло 2 новыхъ выпуска (9 и 10) извѣстныхъ разсужденій Шедо-Ферротти *О будущности Россіи*. (Etudes sur l'avenir de la Russie. Berlin. 1868). Въ десятомъ выпускѣ авторъ разсуждаетъ *О нигилизмѣ въ Россіи*; десятый носитъ заглавіе: *Le Patrimoine du peuple* (народное достояніе), и содержитъ въ себѣ разсужденіе объ общинномъ владѣніи, къ которому г. Шедо-Ферротти относится критически и подозрительно, опровергая его защитниковъ.

*

Изданы за границею переводы Русскихъ сочиненій: *Oblomow*, von Gontscharow, übers. v. Horsky. Leipz. 2 Bände. *Petersburger Enthüllungen* (Петербургскія трущобы, Крестовскаго) Berlin. 4 Bände.

Pouchkine. Eugène Onégine, traduit du Russe par Paul Béesau. Paris. Libr. Franck. 1868. Переводъ сдѣланъ прозою и *вольно*, какъ всѣ французскіе переводы.

Ratch. La question polonaise dans la Russie occidentale. Materiaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863. Trad. du russe par le C-te Jarowsky et L. Hernouche-Sbroiewsky. Paris chez Maillet.

*

Въ 6-мъ выпускѣ Лейпцигскаго изданія: Hausschatz der Länder und Völkerkunde, помѣщены описанія великорусскаго и малороссійскаго быта, именно: *Коля* о церкви и нравахъ въ Россіи; *Гакстгаузена и Кастрена* о старовѣрахъ; *Аксакова* о купцахъ и торговлѣ; *Мармье* Петербургъ и Нева; *Блазіуса* Кремль Московскій и Кіевъ; *Бульмеринка* Нижегородская ярмарка; *Базинера* рынокъ въ Оренбургѣ; *Петцольда* Прикаспійская степь; *Вагнера* воды Кавказа; *Ганстена* Чудеса природы въ Ширванѣ; *Коха и Вагнера* Донскіе казаки; *Коля* Черноморская степь и соляные промыслы; *Гамма* саранча; *Коха* Одесса; *Миллера и Гакстгаузена* Кіевскія пещеры.

*

Melgunoff G. Das südliche Ufer des Kaspischen Meeres oder die Nordprovinzen Persiens. Leipzig Voss. 1868. Книга эта заключаетъ въ себѣ нѣмецкій переводъ статей: „Замѣчанія о южномъ берегѣ Каспійскаго моря", напечатанныхъ въ 1863 году въ Петербургѣ на счетъ Академіи наукъ, и прибавленій къ симъ статьямъ, помѣщенныхъ въ XXXII отчетѣ о Демидовскихъ преміяхъ. Путешествіе г. Мельгунова было въ 1860 г.

*

Г. Петцольдъ издалъ второй томъ своего большаго сочиненія о Кавказѣ и его обитателяхъ (Der Kaukasus). Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ этнографическія свѣдѣнія о племенахъ, населяющихъ Кавказскій край и статьи объ условіяхъ и о состояніи сельскаго хозяйства на Кавказѣ.

*

Въ Вѣнѣ предпринято Беромъ и Гохеггеромъ изданіе подъ заглавіемъ: *Успѣхи по учебной части въ образованныхъ странахъ Европы* (Beer und Hochegger— Die Fortschritre des Unterrichtswesens in den Culturstaaten Europas). Недавно вышедшій второй томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ исторію и описаніе нынѣшняго состоянія учебной части въ Россіи.

*

Появилось нѣсколько романовъ, коихъ содержаніе взято изъ русской жизни. Въ Лейпцигѣ изданъ романъ въ 4 частяхъ подъ названіемъ: *Дочь крѣпостнаго* (Die Tochter des Leibeigenen. Roman mit Anlehnung an die nationalen und socialen Verhältnisse Russlands und Polens, v. Alfred Steffens).

*

Сетерландъ Эдуардсъ, уже извѣстный въ англійской литературѣ своими сочиненіями о Россіи, издалъ новый романъ изъ Русской жизни, подъ названіемъ: *Губернаторская дочь* (The Governor's Daughter, by Sutherland Edwards. 2 vols. Lond. Tinsley). Авторъ жилъ въ Польшѣ во время послѣдняго мятежа, бывалъ не разъ и въ Россіи. Содержаніе послѣдняго его романа взято изъ эпохи польскаго мятежа, а интригу составляетъ любовь Русской, дочери генерала и губернатора въ польскомъ краѣ, къ Поляку, графу Конрадину. Авторъ впрочемъ далеко не фанатикъ польскаго дѣла и смотритъ на него, какъ на дѣло проигранное и рѣшенное исторіей безвозвратно.

*

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ (въ настоящее время житель Москвы), г. Ѳ. Вешняковъ, года два тому назадъ, началъ издавать въ Парижѣ выпусками сочиненіе подъ слѣдующимъ, нѣсколько изысканнымъ, заглавіемъ: *De l'économie de travaux scientifiques et esthetiques* par Théodore Wechniakoff. Paris, Victor Masson (Объ экономіи ученыхъ и эстетическихъ работъ). Въ этомъ сочиненіи авторъ изслѣдуетъ вліяніе напряженной умственной дѣятельности на нервную систему. Недавно вышедшій второй выпускъ (или fascicule, какъ выражается авторъ) содержитъ въ себѣ выводы, относящіеся къ философской дѣятельности. Авторъ доказываетъ, что умственная дѣятельность этого рода особенно разрушительна для жизненной силы. Онъ подкрѣпляетъ свои выводы статистическими данными, вычисляя, что въ 27 случаяхъ 14 философовъ умерли, не достигнувъ 60-лѣтняго возраста, а изъ остальныхъ 13 только двое достигли 66-лѣтняго возраста. Авторъ доказываетъ еще, что въ философской дѣятельности полнота умственныхъ силъ и напряженія сохраняется лишь въ теченіе весьма краткаго періода.

*

Одинъ изъ Русскихъ, проживающихъ за-границею, г. Глинка (имя уже не въ первый разъ появляющееся во французской литературѣ) издалъ во Парижѣ сочиненіе *О наукѣ человѣческаго общества* (La Science de la société humaine par Dimitry de Glinka. Paris. Hachette). Въ этой книгѣ авторъ предположилъ изслѣдовать законы общественнаго устройства съ метафизической точки зрѣнія: основная мысль автора утвеждается на идеальномъ различіи права и свободы. Право, по мнѣнію его, есть отрицаніе свободы; все общественное устройство зависитъ отъ борьбы между идеями права и свободы въ обществѣ; установить равновѣсіе между правомъ и свободою — существенная загадка законодателя. Мысли эти не новыя, и авторъ выражаетъ ихъ въ отвлеченномъ разсужденіи, не соображаясь съ практическими данными.

*

Въ Revue positive, издающемся въ Парижѣ, появляются статьи самого редактора, г. Вырубова и г. Петра Боборыкина, по предметамъ философіи и новой общественной науки или *соціологіи*, которой посвященъ журналъ. Петръ Боборыкинъ, кромѣ участія своего во французскомъ журналѣ, пишетъ и по-англійски. Въ нѣкоторыхъ книжкахъ Англійскаго журнала: Fortnightly Review (Двухнедѣльное обозрѣніе) напечатана статья его „О нигилизмѣ въ Россіи.“

Въ послѣднее время критика иностранныхъ журналовъ и газетъ стала обращать особенное вниманіе на русскую литературу. Часто появляются статьи о новыхъ книгахъ выходящихъ въ Россіи; нѣкоторыя изданія (какъ напр. Athenaeum въ Лондонѣ) завели постоянныхъ корреспондентовъ, сообщающихъ извѣстія (не всегда впрочемъ вѣрныя) и сужденія (не всегда удачныя) о текущей литературѣ въ Россіи. Изъ числа статей этого рода, появившихся въ 1868 году, къ лучшимъ принадлежатъ: статьи Ральстона о Крыловѣ и его басняхъ (The Russian Fabulist) помѣщенныя въ журналѣ Good Words и потомъ отпечатанныя отдѣльною книгой, и статья о сочиненіяхъ Островскаго (The Modern Russian Drame) въ Іюльской книжкѣ Эдинбургскаго Обозрѣнія. Авторъ послѣдней статьи заканчиваетъ ее такими словами: „Главное достоинство русской драмы состоитъ вовсе не въ искусствѣ интриги. Въ русской драмѣ дѣйствіе развивается съ простотою, которая напоминаетъ читателю первобытныя эпохи искусства, и похожа на простоту, встрѣчаемую въ драматическихъ произведеніяхъ Индіи или Китая. Въ картинахъ, которыя рисуетъ художникъ, весьма мало композиціи, и онѣ слѣдуютъ одна за другою на подобіе панорамы. Но русская драма любопытна въ особенности какъ изображеніе русскаго домашняго быта.“

О НѢКОТОРЫХЪ ПРІОБРѢТЕНІЯХЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

ВЪ 1868 ГОДУ.

ВЪ ТЕЧЕНІИ ПРОШЛАГО 1868 ГОДА ПОСТУПИЛИ ВЪ ЧЕРТКОВСКУЮ БИБЛІОТЕКУ КНИЖНЫЯ И РУКОПИСНЫЯ ПРИНОШЕНІЯ ОТЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИХЪ ЛИЦЪ, КОИМЪ ЗДѢСЬ ИЗЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ:

Отъ **М. Л. Бибикова**. Полные переплетенные экземляры недоставшихъ у насъ Московскихъ Вѣдомостей, Русскаго Инвалида и Сѣверной Почты 1853—1858 годовъ, всего 17 томовъ.

Отъ него же портретъ масляными красками П. Я. Чаадаева.

Отъ графини **А. Д. Блудовой**. Три портрета къ сочиненію Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время“, и не пущенная въ продажу брошюра: „Мысли и замѣчанія гр. Д. Н. Блудова“, Спб. 1866.

Отъ генералъ-маіора **Михаила Лукьяновича Джоліо**. Аттестатъ выданный въ 1779 году изъ Общества Благородныхъ Дѣвицъ (Смольнаго монастыря).

Отъ **Михаила Михаиловича Евреинова**. Современная гравюра, изображающая засѣданіе Вѣнскаго Конгресса съ картинны Изабе; отъ него же два рисунка перомъ, изображающіе Петра Великаго и импер. Елизавету Петровну въ младенчествѣ.

Отъ **Егора Васил. Кокорева**. Литографированный портретъ *императора* Константина Павловича.

Отъ **А. А. Майкова**. Двѣ рукописныя книги неизданнаго сочиненія *П. П. Свиньина*: „Исторія Петра Великаго“.

Отъ **Ивана Ильича Маслова**. Двѣ переплетенныя рукописныя книги, содержащія въ себѣ хозяйственныя и другія записки И. А. Заборовскаго, извѣстнаго Екатерининскаго генерала.

(Дочь Заборовскаго была за г. Дуровымъ, на дочери Дуровыхъ былъ женатъ И. Н. Скобелевъ, въ семействѣ котораго и сохранились эти записки).

Отъ **Е. П. Паціентова**. Рукопись въ листъ, конца XVIII вѣка: „Трагедія Борисъ Годуновъ или наказанная страсть безмѣрнаго честолюбія въ четырехъ дѣйствіяхъ", въ стихахъ, посвященная Голутвинскимъ архимандритомъ и ректоромъ Семинаріи Варлаамомъ неизвѣстному архіерею.

Рукописи и книги полученныя отъ **П. П. Пекарскаго** въ обмѣнъ на наши дублеты:

1. Проблемата, сирѣчь гананіа, или сопрошенія различная отъ книгъ философа Аристотеля и иныхъ мудрыхъ, якоже естественныя, такожде и врачевскія хитрости о свойствѣ и расположеніи членовъ человѣческихъ и иныхъ животныхъ со прилежаніемъ собранная и на три части раздѣленная, къ поощренію разума человѣческаго зѣло потребная. Въ Краковѣ у Станислава Сранферберберга (читай: Шафенбергера), 1567. Въ 4°.

2. Географія и синопсисъ. Списаны около 1730 г.; на переплетѣ вытиснены двуглавые орлы съ Андреевскими крестами на груди. Въ 4°.

3. О рожденіи и воспитаніи Петра Великаго. Извѣстная рукопись, сочиненіе которой приписывается то Зотову, то Крекшину. Въ 4°.

4. Книга, глаголемая Зерцало Богословія, списана съ соч. Транквиліона. Въ началѣ и концѣ есть русскія приписки латинскими буквами и записка Богдана Даниловича (?). Въ 4°.

5. Сборникъ съ статьями: a) о примиреніи церкви великороссійской съ церковью римской; b) чинъ и обычаи служенія обѣдни папежскія, и c) краткое сказаніе и описаніе о градѣ Римѣ и всей Италіи.

6. Не напечатанныя письма къ **Михаилу Даниловичу Де-Ла-Рю**: отъ А. С. Пушкина, Дельвига, Баратынскаго и И. И. Дмитріева.

7. Письма къ профессору Дмитрію Ивановичу Мейеру отъ Т. Н. Грановскаго, Ѳ. Л. Морошкина и др.

8. Разные автографы современныхъ писателей.

9. Нѣмецкіе печатные стихи на бракъ Лестока, 1747 г.

10. Urania vaticinaten, кантата, пѣтая на праздникѣ велик. кн. Петра Ѳедоровича, 1757.

11. Рукопись актера Носова о Русскомъ театрѣ.

Отъ **С. Д. Полторацкаго:** трудно-находимый въ продажѣ полный экземпляръ извѣстнаго сочиненія Керара: Supercheries littéraires. Paris 1847—1860. 8°. 5 томовъ.

Отъ **С. А. Райковскаго.** Рѣдкая книга: „Карманный Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка, издаваемый Николаемъ Кириловымъ". Спб. 1845 и 1846. 16°. 2 выпуска (до слова *орденъ*). 2-й выпускъ посвященъ Великому Князю Михаилу Павловичу. Книга цензурована А. Крыловымъ.

Отъ доктора **Сергѣева** 12 масонскихъ сочиненій, напечатанныхъ въ первой четверти нашего столѣтія.

Отъ г. уѣзднаго стряпчаго города **Черни** Тульск. губ., по предписанію министерства юстиціи отъ 2 Іюля 1868, за № 10439-мъ, С.-петерб. Сенат. Вѣдомости старыхъ годовъ, всего 21 годъ, принадлежавшихъ упраздненной Чернской городской Ратушѣ.

Отъ **Владиміра Дмитріевича Яковлева.** Синопсисъ. 1746. Спб. изданіе не имѣвшееся въ нашемъ собраніи Синопсисовъ.

Отъ него же Артиллерія Морская. Рукопись прошлаго вѣка, со многими, прекрасно исполненными

чертежами. Принадлежала „лейбъ-гвардіи преображенскаго полка солдату Николаю Алексѣеву сыну Ермолову".

Отъ него же патентъ на пергаменѣ Петру Семикову на чинъ полковника. Подписанъ Екатериною II, 29 Дек. 1763, въ Спб.

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ Русскаго Архива 1868 года полный Азбучный Указатель всѣхъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этомъ изданіи. Собранные въ одну книгу экземпляры Русскаго Архива 1868 года поступили въ продажу (6 р. съ перес.)

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія: 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.

III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).

IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.

VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга во Францію о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).

IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.

X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.

XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешихинымъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Курдиловѣ. 6) О баронѣ фонъ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукербекерѣ.

XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.

XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ*.

XIV. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.

XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

Получать можно въ Чертковской библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г. — 10 р. и съ пересылкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка 10** р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ: первая по 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.; вторая по 3 р. 50 к. съ пер. 4 рубля.

☞ Лица, выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р., а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** или **Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края **цѣна** XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

3. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Письма изъ Вѣны отъ князя *Александра Борисовича Куракина* къ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1807 года. Французскіе подлинники съ русскимъ переводомъ.
2. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка *В. В. Андреева.*
3. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ *князя Н. В. Репнина.* Статья *М. Ѳ. Де Пуле,* по ново-найденнымъ бумагамъ.
4. Письмо *князя Кантемира* къ Ѳеофану Прокоповичу о насторѣ Мильярдѣ, обратившемся въ Православіе (1734) съ предисловіемъ *Н. И. Григоровича.*
5. Переписка *графа Г. Г. Орлова* съ Ж. Ж. Руссо, съ предисловіемъ *В. В. Андреева.* 1767
6. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. И. Иловайскаго.*
7. Письма *Н. М. Карамзина* къ графу С. П. Румянцову и В. В. Измайлову.
8. Изъ бумагъ Н. И. Греча (Письма *А. С. Стурдзы, А. С. Пушкина, С. Н. Глинки, А. А. Бестужева* и стихи *А. Е. Измаилс*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

1869.

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дюка де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева.*

II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.

III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:
  а) Собственноручная записка Императрицы.
  б) Указъ Кабинету.
  в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Θеодоровича.
  г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ
  д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. И. Петрова.*
  е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Θеодоровича.

IV. Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова.*

V. Житіе Θедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева,* съ послѣсловіемъ Издателя.

VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*, съ примѣч. *Н. И. Григоровича.*

VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.

VIII. Масонскія бумаги;
  а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву.
  б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковнину.
  в) Письмо *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова.*
  г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).

IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II:
  а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину.
  б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщены *княземъ М. А. Оболенскимъ*).

XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою,

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ПИСЬМА

ИЗЪ ВѢНЫ ОТЪ КНЯЗЯ А. Б. КУРАКИНА КЪ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.

1807 ГОДЪ. *)

XX.

Vienne, le $\frac{2}{14}$ d'Août 1807.

Madame,

Dès le lendemain de mon arrivée, j'ai cherché l'occasion de rencontrer la Princesse Lignofska, c'étoit-elle qui d'après la lettre de M-me de Merfeldt que j'avois à lui remettre devoit me faciliter le moyen de me bien acquitter des ordres que V: M-té I-le m'avez donnés, pour lui envoyer d'ici une ou deux pièces de beau crèpe blanc et quelques douzaines de gants, auquels V: M-té est accoutumée; mais à mon très grand regret M-me de Lignofska tout en m'assurant qu'elle auroit été parfaitement heureuse de pouvoir donner ce léger témoignage de son respectueux dévouement pour la personne de V: M-té, m'a déclaré qu'elle ne pouvoit me procurer ici ni crèpe, ni gants, que les dames de Vienne faisoient venir elles-mêmes ces objets de Paris et qu'ici, il ne lui était pas possible de mieux satisfaire à la demande que je lui fesois qu'en me donnant une adresse du marchand de Paris qui m'enverra le meilleur crèpe et les meilleurs gants si je voudrais les lui demander directement. C'est là ce que je m'empresserai de faire et dès que j'aurai reçu de Paris ce crèpe et ces gants, je profiterai du départ de mes courriers, ou de telle autre occasion sûre qui pourra se présenter pour les faire parvenir à V: M-té en deux ou trois envois.

Ayant appris que M-gr l'Archiduc Palatin étoit à présent ici, mais craignant que peut-être, il voudra retourner à Bude avant que je ne sois admis à l'audience de S: M-té I-le et R-le Apostolique et par conséquent avant que je ne puisse lui faire ma cour personnellement, je me suis décidé à lui écrire hier, pour lui envoyer les deux lettres à son adresse de la part de V: M-té et de celle de M-me la grande Duchesse Cathérine dont j'étois le porteur. J'ai crû qu'il lui seroit plus agréable de les recevoir au plutôt, surtout après les trois mois qu'a duré mon voyage, et j'ose me flatter que V: M-té daignera m'approuver de l'avoir fait. Il y a une heure que S: A: I-le a bien voulu me répondre de main propre. Je prends la liberté de présenter ci-

*) См. Русскій Архивъ 1868. стр. 23 86 и 161—240, гдѣ помѣщены письма кн. Куракина къ Импер. Маріи Ѳеодоровнѣ съ дороги въ Вѣну и изъ Тильзита.

joint à V: M-té la copie de cette réponse de M-gr l'Archiduc Palatin, qui m'a infiniment flatté par toutes les expressions, qui y ont rapport à V: M-té et par toutes celles qui me regardent individuellement. Il m'a semblé qu'il était un devoir pour moi de profiter de la permission flatteuse que m'accordoit S: A: I-le sans y mettre aucun délai et ce sera déjà demain, avant les 11 heures du matin que je me rendrai chez Elle. C'est aussi demain à 1 heure après midi, que je ferai ma première visite de cérémonie, avec toutes les observances de l'ancienne étiquette, au ministre des affaires etrangères qui d'abord après viendra se rendre chez moi et de la même manière. J'ai déjà vû le C-te Stadion deux fois particulièrement et il m'a dit ce matin, qu'il étoit probable que j'aurai mon audience mardi prochain.

Vienne dans ce moment est fort désert. On y souffre beaucoup de l'excessive chaleur qui n'est pas ordinaire et dont tout le monde se plaint. Quant à moi et en souffrant plus que tout autre, je souffre aussi beaucoup de l'odeur méphitique qui s'y éxhale dans toutes les rues et qui m'est insoutenable. Ce soir la curiosité de voir le Caliphe de Bagdad en allemand, m'a conduite au Théâtre National. Je n'y ai eu d'autre satisfaction, que celle d'y revoir la loge où se tenoit V: M-té et celle où j'étois moi même habituellement; mais au reste ce théâtre étoit si mal éclairé, il y faisoit si chaud, j'y ai été si peu content de ma loge, les acteurs jouoient si mal, qu'à peine ai-je pû y rester pendant deux scênes et je doute que l'envie me reprenne d'y retourner de sitôt. J'avais besoin de respirer un air plus frais, j'ai été le chercher à l'Augarten: je m'y suis trouvé parfaitement à mon aise et comme je le desirois, car j'y étois seul, éclairé à la fin de ma promenade par le plus beau clair de lune possible. Ce jardin que je n'avois pû parcourir autrefois dans tous ses détails a produit en moi satisfaction et admiration complètes. Il est impossible d'en trouver un autre plus beau et de voir de plus beaux peupliers, de plus beaux tilleuls et en général de plus beaux arbres, que ceux qu'on y voit à chaque pas. La belle végétation de l'Au-Garten m'a donnée une pleine jouissance, aussi en suis je sorti avec la ferme intention d'y retourner le plus souvent que je pourrai.

C'est par l'organe de V: M-té que je me mets au pieds de S: M-té L'Empereur et que j'ose renouveller l'assurance de mon attachement à M-gr le Grand Duc Constantin et à M-me la Grande Duchesse Cathérine et en suppliant V: M-té de me donner enfin de ses nouvelles, dont je suis privé depuis mon passage par Merzericz, je suis avec le respect le plus profond, etc.

XX.

Вѣна, $\frac{2}{14}$ Авг. 1807.

Государыня.

На другой-же день по моемъ пріѣздѣ, я постарался встрѣтиться съ княгинею Лигновскою; ибо она, по письму г-жи Мерфельдтъ, мнѣ порученному, должна была облегчить мнѣ удачное исполненіе приказаній В. И. В-ва на счетъ присылки куска или двухъ лучшаго бѣлаго крепа, и нѣсколькихъ паръ тѣхъ перчатокъ, къ которымъ привыкли В. В-во; но къ крайнему моему сожалѣнію, княгиня объявила мнѣ, что какъ-бы она ни была осчастливлена случаемъ представить это слабое свидѣтельство своей почтительной преданности къ особѣ В. И. В-ва, ей невозможно достать здѣсь ни крепа, ни перчатокъ; что Вѣнскія дамы сами выписываютъ эти вещи изъ Парижа, и что здѣсь у нея нѣтъ средствъ лучше

исполнить мою просьбу, какъ доставивъ мнѣ адресъ Парижскаго торговца, который пришлетъ мнѣ лучшій крепъ и лучшія перчатки, если я обращусь къ нему прямо. Это я и поспѣшу сдѣлать, и какъ только получу я изъ Парижа этотъ крепъ и эти перчатки, я воспользуюсь отъѣздомъ моихъ курьеровъ, или всякою иною вѣрною оказіею, чтобы доставить В. В-ву эти вещи въ двухъ или трехъ посылкахъ.

Узнавъ, что г. Эрцгерцогъ Палатинъ здѣсь, но опасаясь, чтобы онъ быть можетъ не захотѣлъ вернуться въ Буду прежде чѣмъ я буду допущенъ на аудіенцію къ Его Императорско-Королевскому Апостольскому Величеству и прежде слѣдовательно, чѣмъ можно будетъ мнѣ къ нему представиться лично, я рѣшился написать къ нему вчера и послать ему два письма, адресованныя на его имя В. В-вомъ и Государынею Великою Княгинею Екатериною Павловною, и мнѣ порученныя. Я подумалъ, что ему будетъ пріятнѣе получить эти письма при первой возможности, въ особенности послѣ трехмѣсячнаго моего путешествія, и смѣю льстить себя надеждою, что В. В-во удостоитъ мой поступокъ своего одобренія. Часъ тому назадъ, Его Императорское Высочество удостоилъ меня собственноручнаго отвѣта. Осмѣливаюсь представить въ приложеніи Вашему Величеству копію съ этого отвѣта г. Эрцгерцога Палатина, безконечно для меня лестнаго по тѣмъ выраженіямъ, которыя относятся до В. И. В-ва, а также по тѣмъ, которыя относятся лично ко мнѣ. Мнѣ показалось моимъ долгомъ воспользоваться лестнымъ дозволеніемъ, даннымъ мнѣ Его Императорскимъ Высочествомъ, безъ всякого замедленія, и я явлюсь къ нему уже завтра, до одиннадцати часовъ утра. Завтра-же, въ часъ пополудни, сдѣлаю я первый церемоніальный визитъ, по всѣмъ правиламъ старииннаго этикета, министру иностранныхъ дѣлъ, который тотчасъ за тѣмъ, и съ тѣми-же формальностями явится ко мнѣ. Я уже два раза повидался частнымъ образомъ съ графомъ Стадіономъ, и онъ сказалъ мнѣ нынъче утромъ, что я вѣроятно буду имѣть аудіенцію въ будущій вторникъ.

Вѣна въ настоящую минуту очень пуста. Въ ней очень страдаютъ отъ крайняго жара, здѣсь необычнаго, и на который всѣ жалуются. Я болѣе всякого другого страдаю отъ этого жара, а кромѣ того отъ удушливаго запаха, разлитаго по всѣмъ улицамъ и для меня невыносимаго. Нынче вечеромъ, любопытство увидѣть Калифа Багдадскаго на нѣмецкомъ языкѣ, завлекло меня въ Народный Театръ. Тамъ единственнымъ моимъ удовольствіемъ было увидѣть ложу, въ которой сидѣли В. И. В-во и въ которой обыкновенно бывалъ и я; впрочемъ, этотъ театръ былъ такъ дурно освѣщенъ, въ немъ было такъ жарко, я былъ такъ недоволенъ моею ложею, актеры играли такъ плохо, что я едва высидѣлъ двѣ сцены, и едва-ли мнѣ въ скоромъ времени захочется повторить мое посѣщеніе. Я чувствовалъ потребность подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ, и отправился за нимъ въ Аугартенъ. Тутъ мнѣ было совершенно хорошо, ибо я былъ одинъ, и подъ конецъ прогулки, меня озарилъ великолѣпный лунный свѣтъ. Этотъ садъ, котораго до тѣхъ поръ я не имѣлъ случая осмотрѣть въ подробностяхъ, вполнѣ удовлетворилъ и восхитилъ меня. Невозможно найти что-либо лучшее, и видѣть болѣе великолѣпные тополи, липы, и вообще деревья, чѣмъ тѣ, которыя тутъ попадаются на каждомъ шагу. Роскошная растительность Аугартена доставила мнѣ полное наслажденіе, и я оставилъ его съ твердымъ намѣреніемъ возвращаться въ него какъ можно чаще.

Черезъ посредство В. В-ва повергаюсь къ стопамъ Государя Императора, и осмѣливаюсь возобновить увѣреніе въ моей преданности Государю Великому Князю Константину Павловичу и Государынѣ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Умоляя Ваше Величество наконецъ дать мнѣ о себѣ вѣсти, коихъ я лишенъ со времени проѣзда моего черезъ Мержерицы, честь имѣю быть, и т. д.

XXI.

à Vienne, le $\frac{6}{18}$ d'Août, 1807.

Madame,

Samedi passé dans la matinée, je suis resté chez M-gr l'Archiduc Palatin pendant plus d'une heure et demie. Il m'a reçu d'une manière privée dans sa chambre à coucher. Aux bontés avec lesquelles il a daigné m'accueillir, il m'a été facile de reconnoître la grande part qu'y avoient celles dont m'honorent V: M-té I-le et M-me la grande Duchesse Cathérine. Toute notre conversation n'a roulé que sur V: M-té, sur ses vertus, sur son attachement à ses amis, à ses devoirs, sur les établissemens d'utilité publique que protège et fait fleurir sa bienfaisance; sur sa manière de vivre en ville et à la campagne, sur Pawlovsk, sur la beauté de ce lieu qu'Elle a crée; sur le bonheur qu'il a éprouvé pendant tout le tems qu'il a passé près d'Elle; sur le désir qu'il auroit d'aller encore la voir; sur ses regrets que le grand éloignement et l'administration qui se trouve entre ses mains l'en empéchent; sur L'Empereur son fils; sur feu L'Empereur dont il venère toujours la mémoire, sur les jeunes Grands Ducs et leur éducation, et surtout sur le Grand Duc Michel, qu'il prétend ressembler beaucoup en tout à feu son père, et il n'a pas tort de le croire. En me bornant à indiquer ainsi les objets principaux qui nous ont occupés, je puis dire à V: M-té que l'Archiduc Palatin m'a conquis; je le trouve bon, affable, instruit, poli; son extérieur est beaucoup plus agréable, et il a pris plus d'embonpoint, que je ne le croyois; son air est celui de la santé et de la fraicheur; la moustache même, que son costume Hongrois l'a forcé d'adopter, ne le défigure pas; enfin il est à mes yeux charmant; tel, que je ne m'étonne plus qu'il a su inspirer tant d'attachement pour lui à feuë la Grande Duchesse sa femme. Il se considère toujours comme un des enfants de V: M-té, et ne parle d'Elle que comme d'une mère tendrement cherie. Ayant appris que je possédais un nouveau portrait de M-me la Grande Duchesse Cathèrine, dont on connoit la grande ressemblance, il a désiré que je le lui envoye le lendemain, et en a été fort content.

Avant-hier j'ai été admis à l'audience de S: M-té L'Empereur François, qui pour me la donner au plutôt a eu l'extrême bonté de venir expressement en ville le lundi, qui n'est pas le jour de la semaine où il quitte habituellement Laxembourg. C'est une distinction qu'il a voulu sans doute me faire. Hier j'ai eu mes audiences chez les Archiducs Charles, Antoine, Jean et Louis. Demain je serai reçu par M-me l'Archiduchesse Beatrix, Douairière de feu l'Archiduc Ferdinand de Milan, et samedi par M-me l'Archiduchesse Elisabeth et le cadet des Archiducs, Rodolphe, coadjuteur de l'archevêque d'Olmutz.

L'Empereur François a le teint plus coloré et semble se porter mieux, qu'on ne peut l'attendre après les fortes secousses que sa sensibilité vient d'essuyer. Il m'a beaucoup questionné sur le compte de V: M-té en me disant qu'il savoit, et étoit persuadé, qu'Elle lui vouloit du bien. Je lui ai répondu qu'il ne se trompoit pas; que je savais de la manière la plus certaine, ayant le bonheur d'approcher V: M-té de près depuis un grand nombre d'années, combien Elle lui étoit attachée et reconnoissante pour les soins qu'il avoit eu de rendre parfaitement heureuse M-me sa soeur, l'Archiduchesse, sa première femme.

J'ai été diner dimanche chez le C-te Louis Cobentzl à une jolie petite mai-

son de campagne qu'il possède à Hitzingen; j'ai vu chez lui, M-me de Rombec sa soeur, et le comte Philippe son cousin; les traces de l'âge se font remarquer sur leurs physionomies, mais tous les trois sont toujours les mêmes et avec toute l'originalité de leur ancienne amabilité. De là j'ai fait ma visite à la C-sse de Chanclos, qui est dans le voisinage dans une maison qu'elle a achetée pour la belle saison près de Schoenbrunn. Celle-là est méconnoisable, tant elle a vieilli, mais les qualités de son esprit ne changent pas, et elle est penétrée envers V: M-té d'un grand attachement et d'une reconnoissance profonde.

Je me deshabitue à présent de la méridienne, et au lieu de la faire je vais chaque après diner en calèche ouverte au Prater, la plus belle et la plus fréquentée des promenades publique que je connais. Je jouis en plein du beau tems, de la belle végétation, des beaux fruits, des beaux arbres, et entr'autres des superbes maronniers, peupliers et tilleuls, dont les jardins et les environs de Vienne sont remplis.

Je supplie V: M-té de dire à ma bonne amie M-lle de Nélidoff, que j'ai exactement fait parvenir à une des dames de Munich le petit pacquet qu'elle m'a confiée à son adresse.

Dans quelques jours je profiterai du départ du major de Thuylen pour écrire encore à V: M-té et completter ce que j'ai à lui dire.

Je me mets aux pieds des Augustes enfants de V: M-té et je suis avec le plus profond respect.

XXI.

Вѣна, $\frac{6}{18}$ Авг. 1807.

Государыня.

Въ прошлую субботу утромъ, я пробылъ у г. Эрцгерцога Палатина болѣе полутора часа. Онъ принялъ меня частнымъ образомъ, въ спальной. По благосклонности, съ которою онъ удостоилъ меня принять, мнѣ легко было догадаться, что этимъ пріемомъ я обязанъ милостямъ, которыхъ удостоиваютъ меня В. И. В-во и Государыня Великая Княжна Екатерина Павловна. Весь разговоръ нашъ вращался только около В. В-ва: мы говорили о Вашихъ добродѣтеляхъ; о Вашей привязанности къ Вашимъ дѣтямъ, къ Вашимъ друзьямъ, къ Вашимъ обязанностямъ; объ общеполезныхъ учрежденіяхъ, процвѣтающихъ подъ покровомъ Вашей благотворительности; о образѣ жизни Вашемъ въ городѣ и въ деревнѣ, о Павловскѣ и о красотѣ этого мѣста Вами созданнаго; о счастьи, испытанномъ имъ во все время пребыванія своего съ Вами; о желаніи его еще разъ посѣтить Васъ; о сожалѣніи его, что разстояніе и находящееся въ его рукахъ управленіе тому препятствуютъ; о Государѣ Вашемъ сынѣ; о покойномъ Государѣ, память коего ему навсегда священна; о юныхъ Великихъ Князьяхъ и объ ихъ воспитаніи, въ особенности-же о Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, по его мнѣнію весьма и во всемъ схожемъ съ покойнымъ своимъ родителемъ, въ чемъ онъ и не ошибается. Ограничиваясь такимъ образомъ указаніемъ на главные предметы, насъ занимавшіе, могу присовокупить, что Эрцгерцогъ Палатинъ очаровалъ меня; нахожу его добрымъ, привѣтливымъ, свѣдущимъ, учтивымъ; наружность его стала гораздо пріятнѣе, и онъ болѣе пополнѣлъ, чѣмъ я предполагалъ: видъ его здоровый и свѣжій; самые усы, которые онъ обязанъ носить при своемъ венгерскомъ платьи, не обезображиваютъ его; словомъ онъ въ глазахъ моихъ очарователенъ, таковъ, что я уже не удивляюсь той привязанности, которую съумѣлъ онъ внушить покойной Великой Княгинѣ своей супругѣ. Онъ продолжаетъ считать себя сыномъ В. И. В-ва, и говоритъ о Васъ не иначе, какъ о нѣжно-любимой матери. Узнавъ, что у меня есть новый портретъ Великой Княж-

ны Екатерины Павловны, извѣстный по своему разительному сходству, онъ пожелалъ, что-бы я на другой день прислалъ ему этотъ портретъ, и остался имъ очень доволенъ.

Третьяго дня, я былъ допущенъ къ аудіенціи у Е. В. Императора Франца, который, что-бы дать мнѣ ее раньше, имѣлъ крайнюю милость пріѣхать нарочно въ понедѣльникъ, хотя это не тотъ день, въ который онъ обыкновенно оставляетъ Лаксенбургъ. Это конечно вниманіе, которое онъ хотѣлъ оказать мнѣ. Вчера, я имѣлъ аудіенціи у эрцгерцоговъ Карла, Антона, Іоанна и Лудвига. Завтра, я буду принятъ эрцгерцогинею Беатрисою, вдовою покойнаго эрцгерцога Фердинанда Миланскаго, а въ субботу, эрцгерцогинею Елизаветою и младшимъ изъ эрцгерцоговъ, Рудольфомъ, коадъюторомъ архіепископа Ольмюцкаго.

Императоръ Францъ имѣетъ цвѣтъ лица болѣе румяный и кажется здоровѣе, чѣмъ можно было ожидать послѣ сильныхъ потрясеній, которымъ недавно подверглись его чувства. Онъ много разспрашивалъ меня на счетъ В. В-ва и сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ и убѣжденъ, что В. В-во желаете ему добра. Я отвѣчалъ ему, что онъ не ошибается, что я, имѣвъ счастіе въ теченіи многихъ лѣтъ быть приближеннымъ къ В. И. В-ву, вполнѣ знаю, сколько Вы къ нему привязаны и признательны, за счастіе имъ доставленное Вашей сестрѣ, эрцгерцогинѣ, первой его супругѣ.

Въ воскресенье, я обѣдалъ у графа Лудвига Кобенцля на хорошенькой его дачѣ въ Гицингенѣ; я видѣлъ у него его сестру, г-жу Ромбекъ, и его двоюроднаго брата, графа Филиппа; слѣды годовъ замѣтны на ихъ лицахъ, но они остались все тѣми-же, и сохранили туже своеобразную любезность. Оттуда я отправился съ визитомъ къ г-жѣ Шанкло, живущей по близости въ домѣ, который она купила себѣ для лѣтнихъ мѣсяцевъ около Шёнбрунна. Ее узнать нельзя, дотого она состарѣлась, но качества ея ума неизмѣнны, и она проникнута къ В. В-ву глубочайшею привязанностію и признательностію.

Я отвыкаю теперь отъ послѣобѣденнаго сна, и вмѣсто его я каждый день послѣ обѣда отправляюсь въ открытой коляскѣ въ Пратеръ, самое красивое и людное изъ извѣстныхъ мнѣ общественныхъ гуляній. Наслаждаюсь вполнѣ прекрасною погодою, прекрасною растительностію, прекрасными плодами, прекрасными деревьями, между прочимъ великолѣпными каштанами, тополями, и липами, которыми наполнены сады и окрестности Вѣны.

Прошу Ваше Величество сказать моему доброму другу, Е. И. Нелидовой, что я въ точности доставилъ одной изъ Мюнхенскихъ дамъ маленькій пакетъ, ею мнѣ порученный.

Черезъ нѣсколько дней, воспользуюсь отъѣздомъ г. майора Тюилена, что-бы еще написать къ В. В-ву и дополнить то, что я имѣю вамъ сказать.

Повергаюсь къ стопамъ Августѣйшихъ дѣтей В. В-ва, и съ глубочайшею преданностію остаюсь, и. т. д.

XXII.

à Vienne, le $\frac{13}{25}$ d'Août, 1807.

Madame,

J'ai à m'amender devant V: M-té I-le. Quand on s'est trompé, et qu'on reconnoit l'erreur que l'on a pu partager avec d'autres, il faut en convenir, et c'est là ce que je fais à présent, en remplissant d'après ma conscience et tous mes devoirs envers V: M-té et son auguste famille, les obligations sacrées de la tache difficile qu'elle m'a imposée par sa lettre du $\frac{11}{23}$ de Juillet. Plus la confiance dont elle m'a honoré me flatte, et plus je dois m'en rendre digne, en ne lui cachant rien de tout ce que j'ai pû apprendre de l'objet qui l'intéresse. Je lui crayonne avec les couleurs les plus vraies le tableau qu'elle

m'a demandé, et je ne me tais pas sur les sentimens et les conclusions qu'il produit en moi. Sans être le seul, j'ai été un des premiers à croire, que L'Empereur François devenu veuf, offroit le plus beau et le plus grand des établissements pour M-me la Grande Duchesse Cathérine. Le prestige des grandeurs, l'éclat du trône d'une des plus anciennes et des plus puissantes monarchies de l'Europe, me donnoient cette conviction. Mais arrivé ici, ayant approché et vu l'Empereur François, ayant appris avec soin tout ce qui regarde ses qualités, ses habitudes, la manière dont il a vécu avec feuë l'Imperatrice sa femme, et l'état de l'entretien qui étoit fixé à cette Princesse, j'ose dire avec franchise à V: M-té que ce n'est pas là le parti qui convient à M-me la Grande Duchesse, quand même l'article de la religion n'y serviroit pas d'obstacle, ce qui est encore à résoudre, vû les préjugés invéterés de ce pays-ci, les règles d'observance qui y sont consacrées et la circonstance que les souverains de l'Autriche s'y étant toujours strictement soumis, n'y ont jamais dérogé.

L'Empereur François a des moeurs éxemplaires, jamais vertu n'a été plus pure et plus prononcée que la sienne, il est religieux, doux et bon; il ne manque pas d'ésprit, et doit avoir des connoissances; il est bon père, il a été toujours époux fidèle et le sera toujours; mais la faiblesse et l'apathie de son caractère, cette mélancolie que les désastres de son règne lui ont donnée, ce gout pour la retraite, cette habitude qu'il a contractée pour des habitudes qui n'appartiennent pas à son rang, enlèvent aux bonnes qualités dont il est rempli le mérite et l'attrait qu'elles pouroient avoir. Sa figure n'est pas dèsagréable, mais avec l'air d'une santé faible et usée; il est fort maigre, déjà vouté et entièrement privé de fraicheur dans sa physionomie et de graces dans son maintien; père de huit enfants vivans, parmi lesquels l'Archiduchesse sa fille ainée est déjà dans sa dix-septième année, il a vingt ans de plus que M-me la Grande Duchesse Cathérine, et sous aucun rapport il ne lui convient pas et ne pourroit la rendre heureuse. Elle a une étendue et une activité d'esprit qu'elle n'auroit pas trouvé en lui; son exterieur n'auroit pu lui plaire et l'attacher et en l'épousant elle n'auroit certainement eu à éprouver son propre coeur que par ses regrèts sur la gène et la nature de ses devoirs.

Indépendament des considérations produites par les qualités personnelles de l'Empereur François, M-me la Grande Duchesse Catherine n'auroit absolument rien gagné à lier son sort au sien, ni pour le présent ni pour l'avenir. Elle auroit eu à comprimer en elle ce ressort sublime, ces élans énergiques de son âme qui la distinguent si particulièrement. Le genre de vie solitaire et monotone auquel elle auroit dû condamner ses plus beaux jours l'auroient privée de tous les charmes de la société, dont elle s'est toujours vue l'ornemeut principal; elle ne seroit devenue Impératrice d'Autriche, que pour renoncer à la représentation de ce rang élevé et à tous ces accessoires qui ont à flatter l'amour propre et à récompenser de la gène qu'on y éprouve; que pour passer sa vie solitairement dans son appartement privé du Bourg, ou du chateau de Laxembourg, vis-à-vis d'un époux qui ne pourroit satisfaire, ni sa vue, ni son coeur, et qui par l'attachement que je connais à cette adorable P-sse à ses devoirs, lui auroit rendu nécessaires à chaque instant des efforts de raison et des victoires pénibles sur elle-même; que pour ne pas être tran-

quille sur la déstinée des enfants que la Providence auroit pù lui accorder; que pour avoir qu'un entretien modique de $^{50}/_{m.}$ flo: par an, tandis qu'actuellement au sein de sa famille, la Russie fournit à sa depense annuelle quatre fois davantage.

Je n'ai pas manqué d'informer V: M-té qu'on m'a parlé en Gallicie des vues de l'Empereur François sur la fille unique du roi de Saxe, ces bruits étoient vrais. Il l'a effectivement demandée en mariage; le Duc Albert leur oncle commun doit en avoir ménagé en secret la négociation, mais on dit que la P-sse l'a refusé, parcequ'elle le trouvoit trop agé, et qu'il avoit trop d'enfans. Ces raisons qui ont motivé la négative de la P-sse de Saxe doivent agir bien puissament sur une Drande Duchesse de Russie, plus belle, plus aimable et moins agée de près de dix ans qu'elle.

Avant-hier il m'est revenu qu'il étoit question d'un autre choix qu'avoit fait l'Empereur, celui de sa cousine germaine, fille cadette de feu l'Archiduc Ferdinand, qu'on assure être fort belle et parfaitement bien élevée. J'ai taché d'en avoir des renseignemens positifs, et depuis j'ai appris que ce mariage étoit finalement arrété, qu'on le couvroit du plus grand mystère jusqu'à la réception des dispenses du Pape, qu'alors on le rendroit public et en attendant l'Empereur à ce qu'on m'a assuré vient incognito de Laxembourg, pour faire de fréquentes visites à l'Archiduchesse Béarix.

Ce sera une de ces alliances d famille très usitées dans la maison d'Autriche, et l'Archiduchesse Béatrix a trop d'esprit pour n'avoir pas contribué de son côté à assurer à sa fille cet hymen, qui procure à ses fils l'existence qu'il ne leur a pas accordée jusqu'àprésent, et dont ils ont tant besoin pour se consoler de la perte du Duché de Modène et de leurs belles possessions dans la Lombardie.

A tous ces détails V: M-té voit que l'Empereur François, non seulement n'est pas un parti assorti et convenable pour M-me la Grande Duchesse, sa fille, mais aussi qu'il a songé déjà à se remarier, qu'il a été occupé depuis quelque tems avec impatience du soin de se choisir une femme, que si je lui avois remis la lettre confidentielle de V: M-té qu'elle n'auroit pu produire l'effet désiré et qu'il est fort à propos et fort heureux que V: M-té a jugé nécéssaire de m'ordonner après mon départ de Tilsit, de ne pas en faire usage jusqu'à ce qu'Elle se soit determinée à me le prescrire de nouveau. J'ose donc croire et attendre que n'ayant plus à songer à la réussite du projet qui la lui avoit fait écrire, et qu'ayant plutôt à l'oublier, qu'Elle daignera maintenant me donner l'ordre de lui renvoyer cette lettre que je garde toujours en depot chez moi.

Je supplie V: M-té d'accorder quelque attention aux notices que j'ai rassemblées et que j'ai l'honneur de lui présenter ci-joint sur la personne et la manière de vivre de l'Empereur François, elles contiennent des détails assez curieux; je les ai amplifiées de tout ce que j'ai pu apprendre de l'Archiduc son fils ainé et des modiques pensions que reçoivent les Archiducs ses frères.

XXII.

Вѣна 13/25 Авг. 1807.

Государыня.

Я долженъ повиниться передъ В. В-вомъ. Когда впадаешь въ ошибку, и за тѣмъ сознаешь заблужденіе, которое быть можетъ раздѣляли и другіе, надобно въ

немъ покаяться; такъ я и поступаю теперь, исполняя по совѣсти и по долгу моему относительно В. В-ва и Вашего Августѣйшаго семейства священныя обязательства трудной задачи, возложенной на меня вашимъ письмомъ отъ $\frac{1}{2}\frac{1}{3}$ Іюля. Чѣмъ лестнѣе для меня довѣріе, коимъ Вы меня почтили, тѣмъ болѣе долженъ я сдѣлаться его достойнымъ, не скрывая отъ Васъ ничего изъ того, что̀ могъ я узнать по предмету Васъ интересующему. Черчу Вамъ самыми вѣрными красками картину, которой Вы отъ меня требуете, и не скрываю тѣхъ чувствъ и заключеній, которыя она во мнѣ возбуждаетъ. Не я одинъ, но я изъ первыхъ полагалъ, что императоръ Францъ, овдовѣвъ, представляетъ самую лучшую и самую блестящую партію для Великой Княжны Екатерины Павловны. Обаяніе почестей, блескъ престола одной изъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ державъ въ Европѣ, поддерживали во мнѣ это убѣжденіе. По пріѣхавъ сюда, приблизившись къ Императору Францу и увидавъ его, тщательно разъузнавъ все, что̀ касается его качествъ, привычекъ, способа, которымъ онъ жилъ съ покойною Императрицею, своею супругою, и штатнаго содержанія ей асигнованнаго, осмѣливаюсь сказать откровенно В. В-ву, что это не есть партія, желательная для Великой Княжны, даже если-бы не служилъ препятствіемъ вопросъ о вѣроисповѣданіи, который еще предстоитъ разрѣшить, принявъ въ соображеніе закоснѣлые предразсудки этой страны, освященныя здѣсь правила, и то обстоятельство, что Австрійскіе государи всегда строго имъ подчинялись, никогда отъ нихъ не отступая.

Императоръ Францъ имѣетъ нравы примѣрные, нѣтъ ничего чище и строже его добродѣтели; онъ благочестивъ, кротокъ и добръ; онъ не лишенъ ума, и долженъ имѣть свѣдѣнія; онъ хорошій отецъ, онъ всегда былъ вѣрнымъ супругомъ и всегда будетъ имъ; но слабость и апатія его характера, но меланхолія, наведенная на него бѣдствіями его царствованія, но вкусъ къ уединенію, но приверженность его къ привычкамъ, не соотвѣтствующимъ его сану, отъимаютъ у добрыхъ качествъ, которыми онъ исполненъ, достоинство и прелесть, которую они могли-бы имѣть. Лицо его нельзя назвать непріятнымъ, но при видѣ болѣзненномъ и изношенномъ, онъ весьма худощавъ, уже сгорбленъ, и совершенно лишенъ свѣжести въ физіономіи и граціи въ манерахъ. Отецъ осьми живыхъ дѣтей, изъ которыхъ эрцгерцогиня его старшая дочь уже вступила въ семнадцатый годъ, онъ двадцатью годами старше Великой Княжны Екатерины Павловны, и ни въ какомъ отношеніи ей не пара и не могъ-бы ее сдѣлать счастливою. Ея обширный и дѣятельный умъ не нашелъ-бы отвѣта въ его умѣ; его наружность не могла-бы ее прельстить и привязать, и вступая съ нимъ въ бракъ, она подверглабы свое сердце тяжелому испытанію и вѣчнымъ сожалѣніямъ, по свойству и тяжести принятыхъ ею на себя обязанностей.

Независимо отъ соображеній, возбуждаемыхъ личнымъ характеромъ Императора Франца, Великая Княжна Екатерина Павловна, связывая свою судьбу съ его судьбою, ничего не выиграла-бы, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Ей пришлось-бы сдерживать въ себѣ тотъ высокій полетъ мысли, тѣ могучіе порывы души, которыми она такъ особенно отличается. Одинокій образъ жизни, на который были-бы обречены лучшіе ея годы, лишилъ-бы ее всѣхъ прелестей общества, коего она всегда чувствовала себя лучшимъ украшеніемъ. Она-бы сдѣлалась императрицею Австріи лишь для того, что-бы отказаться отъ внѣшняго блеска этого высокаго сана, и отъ всей той обстановки, которая польстила-бы ея самолюбію и вознаградила-бы ее за стѣсненіе, съ нимъ сопряженное, лишь для того, что-бы проводить одинокую жизнь въ частномъ аппартаментѣ Бурга, или Лак-

сенбургскаго замка, съ глазу на глазъ съ супругомъ, который не могъ-бы удовлетворить ни ея сердца, ни ея взоровъ, который при извѣстной мнѣ привязанности обожаемой Великой Княжны къ ея обязанностямъ, ежеминутно возлагалъ-бы на нее необходимость умственныхъ усилій и тяжкихъ побѣдъ надъ собственнымъ сердцемъ, лишь для того, что-бы не быть спокойною на счетъ судьбы дѣтей, которыхъ могло-бы даровать ей Провидѣніе; лишь для того, что-бы довольствоваться скромнымъ содержаніемъ въ 50 т. флориновъ въ годъ, между тѣмъ какъ теперь, въ лонѣ ея семейства, Россія предоставляетъ на ея личныя издержки вчетверо болѣе.

Я не преминулъ извѣстить В. В-во о томъ, что̀ говорили мнѣ въ Галиціи о видахъ Императора Франца на единственную дочь короля Саксонскаго; слухи эти были основательны. Онъ дѣйствительно сватался къ ней. Герцогъ Альбертъ, ихъ общій дядя, по слухамъ, втайнѣ велъ о томъ переговоры; но говорятъ, что принцесса отказала ему, потому что нашла его слишкомъ пожилымъ и потому что у него слишкомъ много дѣтей. Эти причины, служившія поводомъ къ отказу Саксонской принцессы, должны дѣйствовать еще сильнѣе на Русскую Великую Княжну, болѣе прекрасную и любезную, и которая моложе на десять лѣтъ.

Третьяго дни до меня дошелъ слухъ о другомъ выборѣ Императора, а именно о его двоюродной сестрѣ, младшей дочери покойнаго Эрцгерцога Фердинанда, какъ увѣряютъ, красавицѣ и очень хорошо воспитанной. Я постарался получить на этотъ счетъ положительныя свѣдѣнія, и узналъ, что этотъ бракъ окончательно рѣшенъ, что его окружаютъ величайшею тайною до полученія разрѣшенія отъ Папы, послѣ котораго онъ будетъ объявленъ; покуда, какъ увѣряютъ меня, Императоръ часто пріѣзжаетъ инкогнито изъ Лаксенбурга, что-бы посѣщать Эрцгерцогиню Беатрису. Это будетъ однимъ изъ семейныхъ браковъ, столь обычныхъ въ Австрійскомъ домѣ, и Эрцгерцогиня Беатриса столь умна, что конечно содѣйствовала съ своей стороны устройству этого союза, который доставитъ ея сыновьямъ положеніе, коего они до сихъ поръ не добились, и въ коемъ столь сильно нуждаются, что-бы утѣшиться въ утратѣ Герцогства Моденскаго и великолѣпныхъ своихъ помѣстій въ Ломбардіи.

По всѣмъ этимъ подробностямъ В. В-во видите, что Императоръ Францъ не только не есть приличная и желательная партія для Великой Княжны, Вашей дочери, но также, что онъ уже думалъ о новомъ бракѣ, что онъ уже нѣкоторое время нетерпѣливо занятъ выборомъ супруги; что если-бы я вручилъ ему конфиденціальное письмо В. В-ва, оно не могло-бы возъимѣть желаемаго дѣйствія, и что В. В-во къ счастію и весьма кстати сочли нужнымъ по отъѣздѣ моемъ изъ Тильзита приказать мнѣ, что-бы я не пускалъ его въ ходъ, пока В. В-во не рѣшитесь дать мнѣ объ этомъ новое предписаніе. И такъ, смѣю думать и надѣяться, что, не имѣя болѣе повода думать объ осуществленіи предположенія, вызвавшаго это письмо, имѣя даже причины забыть объ этомъ планѣ, В. В-во соблагоизволите предписать, что-бы я возвратилъ вамъ это письмо, все еще хранящееся у меня.

Умоляю В. В-во подарить нѣкоторое вниманіе собраннымъ мною замѣткамъ, которыя при семъ имѣю честь препроводить, объ особѣ и образѣ жизни Императора Франца: въ нихъ заключаются довольно любопытныя подробности; я дополнилъ ихъ всѣмъ тѣмъ, что̀ мнѣ удалось узнать объ Эрцгерцогѣ, старшемъ его сынѣ, и о скудномъ содержаніи, получаемомъ Эрцгерцогами его братьями.

XXIII.

à Vienne, le $\frac{13}{25}$ d'Août, 1807.

Madame,

Je suis trop convaincu de la bienveillance dont m'honore V: M-té I-le,

des droits que je puis y avoir par mon constant attachement pour Elle, de la part vive et particulière qu'Elle daigne prendre à mon bien-être et surtout à ma réputation dans le monde, pour ne pas recourir avec une entière confiance, et sans aucun détour à Sa protection et à Ses bontés dans une circonstance qui me touche de près du coté qui m'a été de tout tems le plus sensible, en un mot qui regarde mon honneur.

Rien ne pouvoit-être plus heureux et plus flatteur pour moi que d'être appellé par S: M-té L'Empereur pour travailler à Son rapprochement et à Sa paix avec la France. C'est sous Sa direction immédiate que j'ai négocié et signé le traité de paix de Tilsit, glorieux pour Son règne et aussi honorable qu'avantageux pour la Russie. C'est un mérite de plus, et j'ose le dire, que j'ai acquis près de mon maître et près de ma patrie, qui par cette paix a cessé de gémir sous les calamités d'une guerre meurtrière et ruineuse. L'Empereur a été content de moi et me l'a témoigné de differentes manières. Après son départ de Tilsit dans la lettre qu'il a daigné m'adresser de main-propre de Tauroggen en date du 28 de Juin, v: st: il me dit entre autres: «Recevez «encore une fois l'expression de ma «reconnaissance pour les soins que vous «avez donnés à une négociation aussi «épineuse, et qui nous a couté tant de «peines. Je m'empresserai de vous en «témoigner tout mon contentement *d'une* «*manière ostensible*; en attendant, croyez «à l'estime et à l'attachement que je «vous ai voués pour la vie.» Il y a six semaines que j'ai eu le bonheur de recevoir cette assurance flatteuse, qui remplissoit tout ce que j'avois à désirer; mais jusqu'à présent elle reste sans effet, tandis que le P-ce Dmitrii Labanoff, second Plénipotentiaire de l'Empereur pour la paix de Tilsit, a déjà été avancé au grade de général d'infanterie, tandis qu'en France le P-ce de Bénévent qui a signé notre traité de paix, et le P-ce de Neuchatel, qui a signé notre armistice, ont été élevés pour ces deux actes, l'un au rang de vice-grand Electeur, et l'autre à celui de vice-Connetable; tandis que de notre tems, de notre mémoire, ceux qui ont été employés à la confection des traités de paix de la Russie, dont nous avons été les témoins, ont tous obtenus des recompenses authentiques et signalées, et celles-là s'accordent ordinairement, dans tous les pays, autant pour recompenses à celui qui les reçoit, que pour illustrer le règne du souverain qui les distribue et l'événement, qui en donne l'occasion. Je vais le prouver en rappellant à V: M-té, que pour le traité de Cainardji le P-ce Repnine a été fait général en chef et a reçu le don de $^{50}/_{m.}$ rbl:; pour le traité de Werèla le général d'Igelstrohm a reçu l'ordre de St. André et des terres; pour le traité de paix de Yassi le P-ce Bezborodko a reçu pareillement le cordon bleu et des terres très considérables. La paix de Tilsit, et le moment où elle a été si heureusement conclue, sont bien plus importants pour la Russie, que ces trois paix avec la Turquie et la Suède que je viens de citer. Ayant travaillé à celle de Tilsit, l'ayant signée, mon nom y étant amalgamé à jamais, pourquoi devrois-je être moins heureux que les P-ces Repnin et Bezborodko et le général d'Igelstrohm, et ne pas recevoir comme eux à cette occasion un témoignage public de l'approbation et de la bienveillance de mon auguste maître. Il a daigné me le promettre; je ne puis donc que l'attendre en toute justice; mais le temps s'écoule sans que je le reçoive, et je crains que mon absence y contribue en me fai-

sant oublier. C'est à cet oubli que je supplie V: M-té de vouloir bien rémédier, en parlant à S: M-té L'Empereur de moi, de l'éspérance qu'il a daigné m'accorder; des titres que j'ai par les exemples des paix précédentes, pour la voir réalisée! Je me flatte que V: M-té me connoit trop, sait trop bien apprécier mon désintéressement pour croire que je désire obtenir des terres, ou quelque sommed'argent; si l'Empereur en avoit même l'idée, j'en serais inconsolable! Je suis riche des bienfaits de feu l'Empereur, que je ne dois qu'à la générosité de son coeur magnanime sans les avoir jamais provoqués; ils me suffiront pour achever le reste de mes jours avec aisance et tranquillité. Ce n'est qu'à l'honneur seul que je suis sensible, qui a toujours été le mobile de toutes mes actions, et ce n'est qu'un témoignage, une marque *honorifique* de la bienveillance de l'Empereur que j'ose souhaiter. Il faut que j'attache un grand prix, une grande importance à ce voeu, puisque je me permets de l'avoir, et que pour son accomplissement je prends la liberté de le placer sous la protection et les auspices de V: M-té. Je ne désire aucune place, aucune grace, qui pourroit gèner l'Empereur dans les effets de sa volonté,ou dans les habitudes de sa confiance. Je ne me souviens de ce, qui m'étoit déstiné en Mars de 1801, que pour me défendre de le souhaiter jamais. Mais l'Empereur ne pourroit-il pas me nommer au rang de la I-ère classe; ce ne seroit qu'un simple titre, qui sans changer essentiellement ma situation actuelle, seroit pourtant pour moi ce témoignage public des bontés de l'Empereur que je me crois obligé de réclamer à présent; et si j'ai deux ou trois de mes collégues dans mon rang actuel plus anciens que moi, comme le vieux Stroganoff et Zawadowski, qui pourroient s'en formaliser, mon absence les empêchera d'y être sensible, et puis y a-t-il un seul d'entr'eux qui ait signé un traité de paix, qui ait été pendant toute sa vie l'ami du père de son maître, qui jouisse des bontés et des attentions de son maître comme moi?

J'ai ouvert mon coeur à V: M-té; j'ai été plus prolixe, que je ne l'ai voulu pour lui expliquer le sentiment, qui m'affecte, j'ai rempli ce que ma franchise et mon devoir envers Elle me prescrivoient: je m'y borne, et le reste je l'attends de Sa justice et de Sa bienfaisance!

XXIII.

Вѣна 13/25 Авг. 1807.

Государыня,

Я слишкомъ убѣжденъ въ благосклонности, коей удостоиваетъ меня В. И. В-во, въ тѣхъ правахъ, которыя я могъ пріобрѣсти на оную постоянною моею привязанностію къ Вамъ, въ живомъ и особенномъ участіи, которое Вы благоволите принимать въ моемъ благосостояніи и въ особенности въ моей репутаціи, что-бы не прибѣгнуть, съ совершеннымъ довѣріемъ и безъ всякихъ околичностей, къ Вашему покровительству и Вашимъ милостямъ въ обстоятельствахъ, близко касающихся меня съ той стороны, которая у меня всегда была самая чувствительная, однимъ словомъ, относящихся до моей чести.

Ничто не могло быть для меня счастливѣе и лестнѣе, какъ порученіе Государя Императора трудиться надъ примиреніемъ и сближеніемъ Его съ Франціею. Подъ Его непосредственнымъ руководствомъ велъ я переговоры въ Тильзитѣ и подписалъ мирный трактатъ, умножающій славу Его царствованія, почетный и вмѣстѣ выгодный для Россіи. Смѣю сказать, что это—новая заслуга передъ моимъ Государемъ и моимъ отечествомъ, которое перестало стенать подъ бременемъ кровопролитной и раззорительной войны. Государь остал-

ся мною доволенъ, что и выразилъ мнѣ различными способами. По отбытіи своемъ изъ Тильзита, въ собственноручномъ письмѣ, изъ Тауроггена, отъ 28 Іюня ст. ст., коего Онъ меня удостоилъ, Онъ между прочимъ пишетъ: „Пріймите еще разъ выраженіе моей признательности за ваши труды по переговорамъ столь щекотливымъ, и стоившимъ намъ столькихъ усилій. Не замедлю выразить вамъ *явнымъ образомъ*, сколько я Вами доволенъ. Покуда вѣрьте уваженію и дружбѣ, связывающимъ насъ на всю жизнь“. Вотъ уже шесть недѣль, какъ я имѣлъ счастіе получить это лестное увѣреніе, удовлетворявшее всѣмъ моимъ желаніямъ; но до сихъ поръ оно остается безъ дѣйствія, между тѣмъ, какъ кн. Димитрій Лобановъ, второй уполномоченный Государя при заключеніи Тильзитскаго мира, уже произведенъ въ генералы отъ инфантеріи, между тѣмъ какъ во Франціи князь Беневентскій, подписавшій нашъ мирный трактатъ, и князь Нёшательскій, подписавшій наше перемиріе, были возведены по этимъ двумъ случаямъ, одинъ въ санъ вице-курфирста, другой въ санъ вице - коннетабля; между тѣмъ какъ въ наше время, на нашей памяти, тѣ, которымъ поручалось заключеніе мирныхъ трактатовъ Россіи, коихъ мы были свидѣтелями, всѣ получили награды блестящія и дѣйствительныя—такія награды, какія обыкновенно, и во всѣхъ странахъ, раздаются столько же для того, что-бы возблагодарить получающаго ихъ, какъ и для того, что-бы прославить царствованіе раздающаго ихъ Государя и событіе, подавшее къ нимъ поводъ. Докажу это, напомнивъ В. В-ву, что за Кайнарджійскій трактатъ кн. Репнинъ былъ сдѣланъ генералъ аншефомъ и получилъ въ даръ 50 т. рублей; что за Верельскій трактатъ генералъ Игельстромъ получилъ орденъ св. Андрея и помѣстья; что за Ясскій трактатъ кн. Безбородко точно также Андреевскую ленту и весьма значительныя имѣнія. Тильзитскій миръ и моментъ, въ который онъ былъ столь благополучно заключенъ, несравненно важнѣе для Россіи, чѣмъ упомянутые мною три трактата съ Турціею и съ Швеціею. Почему-же мнѣ, трудившемуся надъ Тильзитскимъ трактатомъ, подписавшему его, связавшему съ нимъ навсегда мое имя, быть менѣе счастливому, чѣмъ князья Репнинъ и Безбородко и чѣмъ генералъ Игельстромъ, и не получить, какъ они, по этому случаю, явное свидѣтельство одобренія и благоволенія моего Августѣйшаго Повелителя? Оно мнѣ обѣщано, я слѣдовательно имѣю полное право ожидать его, но время проходитъ, и я его не получаю, и я опасаюсь, что бы тому не содѣйствовало мое отсутствіе, заставляющее забывать обо мнѣ. Это-то забвеніе прошу я В. И. В-во разсѣять, поговоривъ съ Государемъ Императоромъ обо мнѣ, о надеждахъ, которыя онъ соблагоизволилъ во мнѣ возбудить; о тѣхъ правахъ на ихъ исполненіе, которыя даютъ мнѣ примѣры предъидущихъ мирныхъ трактатовъ. Льщу себя надеждою, что В. В-во слишкомъ хорошо знаете меня, слишкомъ умѣете цѣнить мое безкорыстіе, что-бы подумать, что я желаю получить помѣстья или деньги. Я былъ-бы безутѣшенъ, если-бы эта мысль могла прійти Государю Императору. Я богатъ щедротами покойнаго Государя, коими я обязанъ лишь великодушію Его и на которыя я никогда не напрашивался: ихъ достаточно, что-бы обезпечить остатокъ дней моихъ спокойствіемъ и довольствомъ. Лишь къ чести чувствителенъ я; она всегда была побужденіемъ моихъ дѣйствій, и лишь *почетнаго* свидѣтельства, знака благоволенія ко мнѣ Государя, смѣю я желать. Я придаю большую цѣну, великую важность этому желанію; только потому и дозволяю я себѣ питать его и осмѣливаюсь поручать его исполненіе покровительству и усмотрѣнію В. В-ва. Я не желаю никакого сана, никакой милости, которая могла-бы стѣснить Государя въ исполненіи Его воли, или въ привычкахъ Его довѣріи. Я вспоминаю о томъ, что пред-

назначалось мнѣ въ Мартѣ 1801-го года лишь для того, что-бы отречься отъ возможности когда-либо этого пожелать. Но не могъ-ли бы Государь пожаловать мнѣ чинъ перваго класса? Это было-бы лишь простымъ титуломъ, который, не измѣняя существенно моего настоящаго положенія, былъ-бы однакоже для меня тѣмъ явнымъ свидѣтельствомъ милости ко мнѣ Государя Императора, котораго я считаю долгомъ теперь требовать; и если два или три изъ моихъ товарищей по сану старше меня, какъ старикъ Строгановъ и Завадовскій, и могли-бы этимъ оскорбиться, то отсутствіе мое смягчитъ это чувство, и наконецъ, кто изъ нихъ когда-либо подписывалъ мирный трактатъ, кто изъ нихъ всю жизнь былъ другомъ отца своего монарха, кто наравнѣ со мною пользуется вниманіемъ и милостями самого Государя?

Я открылъ мое сердце В. В-ву; я объяснилъ Вамъ многословнѣе, чѣмъ того желалъ-бы, волнующія меня чувства; я исполнилъ то, что предписываютъ мнѣ моя откровенность и мои обязанности къ Вамъ. Остальное предоставляю Вашей справедливости и Вашему милосердію!

XXIV.

à Vienne, le $\frac{1}{1}\frac{8}{3}$ d'Août 1807.

Madame,

Avant-hier étant déjà seul chez moi et occupé à écrire, je fus bien agréablement surpris à dix heures du soir par l'apparition soudaine de M-gr le Duc Ferdinand, frère de V: M-té I-le qui vint me voir avant que j'eusse appris son arrivée. Je n'ai pu entendre qu'avec une grande peine le récit qu'il voulut bien me faire de l'accueil impératif et peu fraternel qu'il a reçu du Roi son frère, et de tous les embarras où il s'est trouvé pendant sa courte apparition à Ludwigsbourg. Il n'a pas à se louer aussi de M-gr le Duc Louis, qui possédant l'entière bienveillance du Roi, le soutient dans toutes ses prétentions de famille. Le Roi éxige que tous les Princes ses frères quittent les ordres étrangers pour ne porter que les siens, et qu'ils abandonnent aussi le service des puissances étrangères pour retourner dans ses états. C'est là ce que le Duc Ferdinand a cru ne pouvoir faire; ce qui a été cause de la scène, qui a eu lieu entre le Roi et lui, de la continuation du séquestre de son apanage, et de son prompt retour ici. Il m'a assuré qu'il n'a entrepris cette course que par les conseils de l'Empereur François, qui l'a dirigé également dans le voyage inutile qu'il a fait à Paris, et ensuite dans ceux de Varsovie et de Berlin. Après son séjour à Paris il n'a vu l'Empereur Napoléon qu'à son passage par Dresde; il ne l'y a vu qu'à un seul entretien, auquel il a obtenu simplement la promesse qu'il s'intéresseroit en sa faveur près du Roi son frère. Le Duc Alexandre doit avoir reçu également l'intimation de quitter le service de Russie et de revenir dans sa patrie, mais je crois qu'il préférera de rester là où il est si bien, en conservant son agréable existance à Riga et la jouissance de sa belle possession en Courlande. M-gr le Duc Ferdinand m'a protesté qu'il a toujours regulièrement écrit à V: M-té chaque semaine, et que ce n'étoit que depuis le commencement de la guerre qui vient de finir, que par crainte de l'importuner il avoit cessé de Lui donner de ses nouvelles. Il croit que s'il avoit consenti à quitter le service d'Autriche quand il étoit à Paris, qu'alors il auroit eu par la protection de la France une souveraineté en Allemagne et qu'il auroit été admis parmi les membres de la ligue du Rhin. Mais à présent que tous ses voyages, et toutes ses tentatives depuis la paix de Presbourg ont

entièrement échoué, qu'il n'a rien obtenu de la France, qu'il ne s'est pas réconcilié et qu'au contraire il se trouve plus désuni que jamais avec le Roi son frère, que pour les démarches auxquelles il s'est décidé par la pénurie de ses ressources, il s'est attiré le blame et les conclusions défavorables de beaucoup de monde, qu'il n'a pas d'autre soutien que la pension provisoire de $^{30}/_{m.}$ fl. que lui a accordée l'Empereur François au moment qu'il a quitté le gouvernement de Vienne, il est véritablement à plaindre. Il a voulu savoir mon opinion sur ce qu'il avoit à faire. Comme il est toujours compris dans le tableau du service et que son régiment lui est conservé, j'ai crû devoir lui conseiller de demander uniquement et simplement, pour tenir au moins à quelque chose, d'être remis en activité d'une manière conforme à son grade de Feld-maréchal. Quoiqu'il a été parfaitement bien reçu de l'Empereur, et des Archiducs Charles et Joseph, je ne crois pas cependant qu'il lui sera facile d'y réussir bientôt, parce que tous les grands commandemens dans l'intérieur de la monarchie et sur les frontières sont distribués, et qu'on aura de la répugnance à faire une destitution quelconque en sa faveur. Toutefois il restera en attendant à Vienne, et ce sera un plaisir particulier pour moi de le voir souvent, car en le voyant je ne pourrai que me rappeller par son nom et par ses traits qu'il est du même sang que ma bienfaitrice, qu'il a le bonheur d'être son frère et je me croirai encore à Pavlowskoi, où nous nous sommes vus tous les jours étant ensemble près de V: M-té. Par ces détails je ne fais qu'ébaucher ceux qu'il m'a donnés dans sa conversation confidentielle, m'imaginant qu'il les aura amplifiés dans la lettre qu'il m'a prié d'envoyer de sa part à V: M-té, et que je joins ici.

Tous mes moments me sont encore tellement enlevés depuis la quinzaine, que je suis à Vienne, qu'il m'a été impossible encore d'écrire à M-lle de Nélidoff, et je supplie V: M-té de vouloir bien le lui dire en l'assurant de tout mon attachement.

Je suis avec le plus profond respect.

P: S: J'ai l'honneur de présenter ci-joint à V: M-té deux lettres à son adresse, l'une du Duc Ferdinand que je lui ai annoncée, et l'autre de la Comtesse de Schouvaloff, mère, que sa santé très détériorée et au point que j'en ai été étonné, oblige d'aller éprouver les bienfaits du climat d'Italie, et qui Lui demande la permission de prolonger par ce motif son absence de Sa cour. Si V: M-té daigne lui répondre, comme je le crois, je la supplie de lui faire passer par mon entremise la réponse dont Elle l'honorera.

Le major de Thuylen que j'envoie en courrier avec cette éxpédition, n'ayant pas à passer par Riga, je prends la liberté de prier V: M-té d'y faire parvenir à M-gr le Duc Aléxandre, son frère, qui s'y trouve, la lettre dont m'a chargé pour lui le Duc Ferdinand, et que je joins également ici.

XXIV.

Вѣна $\frac{13}{25}$ Авг. 1807.

Государыня,

Третьяго дни, въ десять часовъ вечера, когда я уже сидѣлъ одинъ у себя, занятый письмами, я былъ пріятно изумленъ появленіемъ герцога Фердинанда, брата В. И. В-ва, посѣтившаго меня прежде, чѣмъ я узналъ о его пріѣздѣ. Я съ огорченіемъ выслушалъ разсказъ, коего онъ меня удостоилъ, о повелительномъ, небратскомъ пріемѣ, сдѣланномъ ему королемъ, его братомъ, и о всѣхъ затрудненіяхъ, въ которыхъ находился онъ во время краткаго своего появленія въ Лудвигсбургѣ. Онъ не

имѣетъ также повода быть довольнымъ герцогомъ Лудвигомъ, который, пользуясь полною благосклонностію короля, поддерживаетъ его въ его семейныхъ притязаніяхъ. Король требуетъ, что-бы всѣ принцы его братья отказались отъ иностранныхъ орденовъ и носили-бы только его ордена, а также что-бы они оставили иностранную службу и возвратились въ его владѣнія. На это-то герцогъ Фердинандъ не счелъ возможнымъ согласиться, что̀ и послужило поводомъ къ сценѣ, происшедшей между королемъ и имъ, къ продолженію секвестра, положеннаго на его удѣлъ, и къ быстрому его возвращенію сюда. Онъ увѣрялъ меня, что предпринялъ эту поѣздку лишь по совѣтамъ Императора Франца, который также присовѣтовалъ ему напрасное его путешествіе въ Парижъ, а затѣмъ въ Варшаву и въ Берлинъ. Послѣ пребыванія своего въ Парижѣ, онъ видѣлъ Императора Наполеона лишь въ проѣздъ его черезъ Дрезденъ, имѣлъ съ нимъ лишь одинъ разговоръ, въ которомъ добился только обѣщанія, что королю его брату будетъ замолвлено слово въ его пользу. Герцогъ Александръ должно быть также получилъ приказаніе оставить Русскую службу и вернуться въ отечество; но я полагаю, что онъ предпочтетъ остаться тамъ, гдѣ ему такъ хорошо и не откажется отъ пріятнаго своего существованія въ Ригѣ и пользованія прекраснымъ своимъ Курляндскимъ помѣстьемъ. Герцогъ Фердинандъ завѣрялъ меня, что онъ съ неизмѣнною правильностію писалъ къ В. В-ву каждую недѣлю, и что лишь съ начала войны только что кончившейся, пересталъ онъ давать Вамъ о себѣ вѣсти, опасаясь сдѣлаться докучливымъ. Онъ думаетъ, что если-бы въ бытность свою въ Парижѣ, онъ согласился оставить Австрійскую службу, онъ по протекціи Франціи получилъ-бы владѣніе въ Германіи и былъ-бы допущенъ въ Рейнскій союзъ. Но теперь, когда всѣ его путешествія, всѣ его попытки со времени Пресбургскаго мира кончились совершенною неудачею, когда онъ ничего не добился отъ Франціи, не успѣлъ примириться съ королемъ своимъ братомъ, а напротивъ, разошелся съ нимъ болѣе, чѣмъ когда-либо; когда хлопотами, вызванными скудостію его средствъ, онъ навлекъ на себя осужденіе и невыгодное мнѣніе многихъ; когда у него не остается иной поддержки, кромѣ временной пенсіи въ 20 т. флориновъ, дарованной ему Императоромъ Францомъ —онъ дѣйствительно достоинъ сожалѣнія. Онъ захотѣлъ узнать мое мнѣніе о томъ, что̀ слѣдуетъ ему дѣлать. Такъ какъ онъ все еще числится на Австрійской службѣ, и его полкъ остается за нимъ, то я счелъ нужнымъ посовѣтовать ему, что-бы онъ просто и прямо, для того, что-бы быть къ чему нибудь привязаннымъ, попросилъ о дѣйствительномъ назначеніи, сообразномъ съ его фельдъмаршальскимъ саномъ. Хотя онъ и былъ отлично принятъ Императоромъ и эрцгерцогами Карломъ и Іосифомъ, я однако-же не думаю, что-бы онъ скоро въ этомъ успѣлъ, ибо всѣ высокія военныя должности во внутренности имперіи и на границахъ заняты, и едва-ли захотятъ кого-либо смѣстить въ его пользу. Однако-же онъ останется покуда въ Вѣнѣ, и для меня будетъ особеннымъ удовольствіемъ видѣть его часто, ибо при каждомъ свиданіи, его имя, его черты будутъ напоминать мнѣ, что онъ одной крови съ моею благодѣтельницею, что онъ имѣетъ счастіе быть Ея братомъ, и мнѣ будетъ казаться, что я въ Павловскѣ, гдѣ мы видались съ нимъ ежедневно у В. В-ва. Эти указанія передаютъ лишь очеркъ того, что̀ онъ сообщилъ мнѣ въ откровенномъ разговорѣ; полагаю, что приложенное при семъ письмо, которое онъ просилъ мнѣ доставить В. В-ву, послужитъ дополненіемъ къ моему.

Въ теченіи двухъ недѣль, проведенныхъ мною въ Вѣнѣ, все мое время такъ мало мнѣ принадлежало, что я не имѣлъ еще возможности написать Е. И. Нелидовой: умоляю Ваше Величество передать ей это и увѣрить ее въ моей неизмѣнной привязанности.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

P. S. Честь имѣю препроводить при семъ В. В-ву два письма, адресованныя на Ваше имя; одно отъ герцога Фердинанда, мною уже упомянутое, другое отъ гр. Шуваловой-матери, которую здоровье разстроенное въ степени меня удивившей, принуждаетъ искать помощи въ Италіянскомъ климатѣ: это просьба о дозволеніи ей продлить свое отсутствіе отъ двора. Если В. В-во, какъ я полагаю, удостоите ее отвѣта, умоляю Васъ переслать этотъ отвѣтъ черезъ меня.

Такъ какъ маіоръ Тюиленъ, котораго я посылаю курьеромъ съ этимъ письмомъ, не проѣдетъ черезъ Ригу, осмѣливаюсь просить В. В-во доставить туда герцогу Александру Вашему брату, письмо къ нему, порученное мнѣ герцогомъ Фердинандомъ, и также при семъ приложенное.

XXV.

Vienne le 23 d'Aout / (4 de Septembre) 1807.

Madame,

Le comte de Béroldingen envoyé extraordinaire de Wurtemberg en me faisant part de la mort de la C-sse d'Uxkull m'a remis par ordre de S: M-té Wurtembergeoise une lettre de ses parents pour V: M: I., que j'ai l'honneur de lui présenter ci-joint, et les marques de l'ordre St: Catherine de la 2-de classe dont cette dame étoit revétue, que j'adresse à m-r d'Archenewsky, trésorier du chapitre des ordres de Russie.

Ce que je n'ai pu dire à V: M-té par la poste au sujet de M-gr le Duc Ferdinand est, que dans la dernière audience que lui a accordé l'Empereur François il en eut pour réponse aux instances qu'il lui renouvella pour être remis en activité à l'armée, que malgré toute la bienveillance qu'il lui conservoit, il ne lui étoit pas possible de le faire, non seulement parcequ'il n'avoit pas de commandement militaire vacant; mais aussi parceque connaissant la volonté très prononcée du Roi son frère à son égard, il ne vouloit rien faire par attention pour lui, qui put lui être désagréable, et qu'en même tems il lui faisoit l'aveu, qu'il craignoit de mécontenter aussi par là l'Empereur Napoléon. V: M: voit que cette réponse, donnée par le souverain lui-même a son beau frère, à un Prince toujours honoré de ses bontés et qui sert sa maison depuis 27 ans, est si claire et précise, qu'elle ôte tout éspoir à M-gr le Duc Férdinand de réussir, et qu'il ne feroit que se compromettre en réiterant ses demarches. J'ai déjà informé V: M-té que dans son chagrin il prenoit la resolution de donner son entière démission, et vouloit se borner à l'unique pension de 1500 roubles qu'il reçoit de V: M-té, mais comme heureusement il a souhaité que je lui dise mon avis, j'ai taché de l'en detourner, en lui representant qu'il devoit éviter toute précipitation, que dans la circonstance où il se trouve il ne pouvoit rien faire de mieux que de se tenir parfaitement tranquile en se contentant jusqu'à ce que les événements le favorisent davantage, de voir son nom conservé dans le tableau militaire, et de jouir de la pension considérable de 20000 florins en argent, qu'il a obtenue ici, et dont en vérité il ne peut se passer, son apanage étant séquestré et n'ayant pas d'autres revenus. Je ne puis taire pareillement à V: M: qu'on assure généralement à Vienne qu'il est sur le point d'épouser la fille du P-ce de Metternich. Je me suis permis de lui en parler. Il est convenu que c'étoit là son intention, que les dispenses pour ce mariage venoient d'arriver de-

puis peu, mais qu'il ne l'accompliroit pas, et ne pouvoit le faire, tant qu'il seroit aussi gêné qu'il l'est du côté de sa fortune; qu'en se remariant il n'étoit pas en état de tenir une maison convenable; que mademoiselle de Metternich ne pouvoit lui apporter au plus que 8000 florins de rente; et que les promesses de l'Empereur faites en différentes occations de lui donner des terres héréditaires n'étant pas éxécutées il devoit renoncer malgré lui à cette union qui auroit fait son bonheur.

Je profite de mon expédition d'aujourd'hui pour communiqur aussi à V: M: en original la seconde lettre que M-gr le Duc Louis a bien voulu m'écrire. Je la supplie de me la restituer en daignant me faire connoître ce qu'Elle pense des plaintes du Duc contre les dispositions faites et ordonnées maintenant dans sa terre de Wurtzau, par la chancrie de finance de Courlande. Je n'ai pu répondre encore à S: A: R: et quand je le ferai ce ne sera qu'en termes généraux jusqu'à ce que V: M-té ne daigne par sa réponse me mettre à même, comme j'ose le désirer, de lui dire quelque chose de plus positif. En attendant je pourrai lui marquer seulement que je ne manquerai pas d'écrire en Russie pour avoir des renseignemens détaillés sur toutes ses reclamations. J'ignore jusqu'à ce moment quelle a été la décision de l'Empereur, mon maitre, sur la possession et les revenus de Würtzau et sur le mobilier de M-gr le Duc Louis, au moment qu'il a mis S: M: I-le dans le cas d'ordonner qu'il soit éxclu du service avec les Princes ses fils; et comme il m'est très nécéssaire de le savoir pour ma direction, je supplie V: M-té d'avoir la bonté de m'en informer.

Le translateur Frohman que j'ai trouvé attaché à mon ambassade, filleul de feu l'Empereur, wurtembergeois de naissance, tenant à une famille distinguée, et que la protection de V: M-té a fait agréger au departement des affaires étrangères, est un jeune homme fort appliqué et très employé dans ma chancellerie. Il donne beaucoup d'éspérances, et la preuve de son éxcellente moralité est que n'ayant pour vivre que ses modiques appointemens de 400 roubles avec la bonification du change, il les partage avec sa mère, soeur du gen. Pfuhl, femme éstimable et très valétudinaire qui périroit de misère sans cet acte de pieté filiale de son fils unique. Ce que je dis du jeune Frohman le rend véritablement digne, que V: M: lui continue Ses bontés et cet intérêt qu'Elle a daigné prendre autrefois à son sort. Je prends donc la liberté de Lui adresser mon humble et instante prière qu'Elle puisse engager le G-al de Budberg à lui faire augmenter ses appointemens qu'il employe d'une manière si louable. Je n'aurais certainement reçu de M-r de Budberg qu'une réponse négative, en l'en priant seul; mais il ne pourra refuser à V: M: dès qu'il apprendra d'Elle les raisons qui L'engagent à procurer ce bienfait à Son ancien protégé.

Dans ce moment M-gr le Duc Ferdinand vient de sortir de chez moi. Il a écrit sur ma table son incluse à V: M: et n'ayant pas avec lui son cachet, il l'a fermée avec des oublies. Il m'a conté avec une grande sensibilité que M-r de Béroldingen l'a fait avertir, que le Roi son frère venoit de lui défendre de le recevoir dans sa maison, d'aller chez lui et de le saluer, ou de lui parler, quand il le rencontreroit en lieu tiers.

XXV.

Вѣна $\frac{23 \text{ Авг.}}{4 \text{ Сент.}}$ 1807.

Государыня.

Графъ Берольдингенъ, чрезвычайный посланникъ короля Виртембергскаго, сообщая мнѣ о смерти графини Икскюль,

передалъ мнѣ, по повелѣнію его Виртембергскаго Величества, письмо отъ ея родныхъ въ В. И. В-ву, которое я имѣю честь при семъ приложить, и знаки ордена Св. Екатерины второй степени, которые были на нее возложены, и которые я посылаю г. Аршеневскому, казначею капитула Россійскихъ орденовъ.

То, чего я не могъ сказать В. В-ву по почтѣ относительно герцога Фердинанда, заключается въ слѣдующемъ: въ послѣднюю аудіенцію, данную ему Императоромъ Францомъ, въ отвѣтъ на его просьбы о дѣйствительномъ назначеніи по арміи, Императоръ отвѣчалъ ему, что, не смотря на всю свою къ нему благосклонность, онъ не можетъ исполнить его просьбы, не только за недостаткомъ вакансій; но также потому, что, зная весьма опредѣленную волю короля его брата на его счетъ, онъ не хочетъ изъ вниманія къ королю сдѣлать что-либо ему непріятное; при этомъ Императоръ признался, что онъ боится также возбудить неудовольствіе императора Наполеона. В. В-во видите, что этотъ отвѣтъ, данный самимъ монархомъ его шурину, принцу, постоянно удостоиваемому его милостей, служащему его дому въ теченіи 27 лѣтъ, столь ясенъ и опредѣлителенъ, что отнимаетъ у герцога Фердинанда всякую надежду на успѣхъ, и что онъ лишь уронилъ-бы свое достоинство, возобновляя свои исканія. Я уже извѣстилъ В. В-во о томъ, что въ своемъ горѣ онъ рѣшался вовсе выйти въ отставку, и хотѣлъ довольствоваться одною пенсіею въ 1500 рублей получаемою имъ отъ В. В-ва; но такъ какъ онъ, къ счастію, пожелалъ узнать мое мнѣніе, то я постарался отговорить его отъ этого шага, представляя, что онъ долженъ воздерживаться отъ всякой поспѣшности, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, всего лучше ему держаться совершенно спокойно и довольствоваться, пока событія не примутъ болѣе благопріятный для него оборотъ, тѣмъ, что его имя остается въ военнослужебныхъ спискахъ и выхлопотанною имъ здѣсь значительною пенсіею въ 20000 флориновъ серебромъ, безъ которой онъ по истинѣ не можетъ обойтись, такъ какъ удѣлъ его подъ секвестромъ, и иныхъ доходовъ у него нѣтъ. Не могу также скрыть отъ В. В.-ва, что всѣ увѣряютъ въ Вѣнѣ, что онъ собирается жениться на дочери кн. Меттерниха. Я позволилъ себѣ заговорить съ нимъ отъ этомъ. Онъ сознался, что таково было его намѣреніе, что разрѣшеніе на этотъ бракъ недавно получено, но что совершить онъ его не можетъ, пока онъ такъ стѣсненъ денежными обстоятельствами; что женившись, онъ не былъ-бы въ состояніи держать приличный домъ; что княжна Меттернихъ могла-бы принести съ собою много что 8000 флориновъ дохода; и что такъ какъ неоднократныя обѣщанія Императора пожаловать ей наслѣдственныя помѣстья не осуществлялись, онъ долженъ поневолѣ отказаться отъ этого брака, который содѣлалъ-бы его счастіе.

Пользуюсь сегодняшнимъ курьеромъ, чтобы также сообщить В. В.-ву въ оригиналѣ второе письмо, которого удостоилъ меня герцогъ Лудвигъ. Умоляю васъ возвратить мнѣ его и сообщить мнѣ, что думаетъ В. В.-о о жалобахъ герцога на распоряженія, сдѣланныя въ его имѣніи Вюрцау Курляндскою казенною палатою. Я не могъ еще отвѣтить Е. К. В.-у, и когда я это сдѣлаю, это будетъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, пока В. В.-во, снисходя къ моему желанію, не дадите мнѣ возможности сказать ему что-либо болѣе положительное. Пока, могу только отвѣтить ему, что я не премину написать въ Россію, чтобы получить подробныя справки по всѣмъ его требованіямъ. Я еще не знаю, каково было рѣшеніе Государя Императора на счетъ имѣнія Вюрцау и доходовъ съ него, а также на счетъ движимости герцога Лудвига, послѣ того, какъ онъ подалъ Его Императорскому Величеству поводъ исключить его

изъ службы съ принцами его сыновьями; и такъ какъ мнѣ весьма нужно объ этомъ знать для руководства, то умоляю В. В-во меня объ этомъ извѣстить.

Переводчикъ Фроманъ, котораго я нашелъ состоящимъ при моемъ посольствѣ, крестникъ покойнаго Государя, Виртембержецъ по рожденію, принадлежащій къ хорошему семейству, и по покровительству вашего Величества причисленный къ департаменту иностранныхъ дѣлъ — молодой человѣкъ весьма прилежный и весьма полезный въ моей канцеляріи. Онъ подаетъ большія надежды, и доказываетъ свою прекрасную нравственность тѣмъ, что, имѣя на жизнь лишь скудное содержаніе въ 400 рублей (при курсовой потерѣ) онъ дѣлитъ его съ матерью, сестрою генерала Пфуля, женщиною почтенною и весьма больною, которая погибла-бы отъ нужды безъ этой помощи отъ единственнаго своего сына. То, что̀ я говорю о молодомъ Фроманѣ, по истинѣ дѣлаетъ его достойнымъ того, чтобы В. В-во сохранили ему свои милости и то участіе, которое Вы нѣкогда соизволили принять въ его судьбѣ. И такъ осмѣливаюсь покорнѣйше и настоятельно просить В. В-во, чтобы Вы склонили генерала Будберга увеличить ему жалованіе, изъ коего онъ дѣлаетъ столь похвальное употребленіе. Я-бы, конечно, прося отъ себя г-на Будберга, могъ-бы только получить отрицательный отвѣтъ; но ему нельзя будетъ отказать В. В-ву, когда онъ узнаетъ отъ Васъ причины, побуждающія Васъ доставить это новое благодѣяніе человѣку, Вами уже облагодѣтельствованному.

Въ эту минуту, герцогъ Фердинандъ только что вышелъ отъ меня. Онъ написалъ на моемъ столѣ включенное тутъ письмо, и не имѣя при себя печати, онъ запечаталъ его облаткою. Онъ разсказалъ мнѣ съ крайнимъ огорченіемъ, что г. Берольдингенъ далъ ему знать, что король его братъ запрещаетъ ему принимать его въ своемъ домѣ, бывать у него, кланяться ему или говорить съ нимъ при встрѣчѣ въ третьемъ мѣстѣ.

XXVI

à Vienne, le $\frac{2}{14}$ de Septembre 1807.

Madame,

Je suis en possession à la fois de deux lettres de V: M: I:, de Peterhoff du 27 de Juillet, et de Pavlovskoi du 3 d'Aout. Les expressions flatteuses de bienveillance, dont elles sont remplies, me rendent parfaitement heureux. D'après le sentiment qui m'a engagé à écrire mon № 25 à V: M: pour invoquer Sa protection et me mettre en ce que j'avais de plus cher sous Ses auspices, Elle pourra facilement juger de la joie que j'ai eue d'apprendre, quand je ne pouvais m'en flatter encore, la grace distinguée que S: M: l'Empereur a daigné m'accorder en me conférant le rang de la 1-re classe. Je ne l'ai appris que par la voie de la poste ordinaire, il y a trois jours, par les félicitations particulières que j'en ai reçues, et par le peu de mots que V: M: a bien voulu m'en dire. Je Lui fais l'aveu sincère que ne changeant pas Sa manière d'envisager l'événement, auquel j'ai eu à contribuer et qui m'a procuré ce témoignage public de la satisfaction et de la haute approbation de mon Auguste Maître, Elle m'enlève la plus grande partie du bonheur dont j'aurais dû jouir maintenant. Je Lui ai dépeint progressivement, et avec tant d'exactitude et d'impartialité tout ce dont j'ai été le témoin, tout ce que je parvenais à savoir de source, à Tilsit, que je me permettais d'éspérer qu'Elle auroit une autre conviction, qu'Elle auroit celle que l'état de notre armée, de nos finances, et de nos forces, que l'abandon, que nous éprouvions de nos alliés et en général que toutes nos circonstances éxigeaint impérieusement que sans per-

dre plus de tems, l'Empereur se décidat à la résolution salutaire qu'il a prise; qu'en s'obstinant à soutenir une lutte, où la balance penchoit déjà si visiblement contre nous, il auroit seulement compromis sa propre gloire, l'intégrité et les interéts de son Empire; et qu'en fin il ne pouvoit faire rien de mieux et de plus avantageux pour la Russie, rien qui y fut plus unanimement désiré, que ce qu'il a fait. Notre génération actuelle le bénit; nos générations futures le béniront; que le Ciel le conserve! A l'ombre de la paix, par les fruits qu'il en recueillera, il préparera de nouvelles destinées à la Russie, elles seront brillantes, quand il pourra la rendre heureuse et tranquille au dedans et formidable au dehors, et la reconnoissance de tous ses sujets qui les attendent augmente déjà leur amour et leur attachement pour lui. Est-il donc possible que V: M-té ait résisté à toutes les explications que lui ont sans doute données S: M: l'Empereur et M-gr le Grand Duc Constantin! En mon particulier il m'est éxtrémement douloureux, je dirai plus, je suis inconsolable, de voir V: M: que je chéris comme ma Bienfaitrice, que je venère dans tous Ses sentimens, dans toutes Ses actions, aussi divergeante qu'Elle l'est avec moi sur des objets clairs et convainquants qui me parroissent ne pas avoir besoin d'être discutés longtems pour fixer en leur faveur l'opinion qu'on doit en avoir. Mais je me console encore par l'éspérance que les événemens méme me justifieront bientôt près de V: M-té: Elle conviendra alors, que je n'ai pas eu tort, que je n'ai été qu'impartial, que j'ai bien jugé par la constance de mes principes politiques de ce qui avoit à favoriser le mieux, et avec le plus de durée la puissance et les intérêts de ma patrie. Ce qui est arrivé dans la Méditerranée, ce que se passe à présent dans la Baltique et le Sund, révolte toutes les âmes généreuses et magnanimes, et doit faire revenir des prédilections, ou des préventions d'habitude quelques fortes qu'elles soyent. Je n'ai jamais été ni anglois, ni françois, je suis trop attaché à l'honneur et à la prosperité de mon pays, pour être l'un ou l'autre; je ne suis que Russe, et c'est en ma qualité de Russe que je prends la liberté de parler avec une entière franchise à V: M-té. Ce que j'ose lui dire, je le dirais à la face de l'Eternel si j'avais à comparoître devant Lui dans ce moment.

Je ne me pardonne pas les inquiétudes et la précipitations que j'ai eue, en me décidant à écrire ma lettre № 25 à V: M-té. Quand je l'ecrivois, tout ce que je désirais, tout ce que je voulois devoir à l'intervention de V: M: étoit déjà accompli, mes voeux étoient remplis avant d'avoir été connus. Je n'étais pas oublié comme je craignois de l'être. S: M: L'Empereur m'avoit spontanément accordé la grace que je croyois pouvoir en obtenir. Je me juge à présent avec cette sévérité que V: M: a si souvent employée envers moi; je me condamne pour mon impatience et les doutes qu'elle a pû m'inspirer; et en le faisant j'ai d'autant plus raison de me livrer à la joie et à la reconnaissance que me causent la bienveillance de mon maitre, et la distinction honorable que je lui dois. C'est la dernière de toutes celles que je pourois en recevoir; mais mon attachement pour sa personne et mon zêle pour son service, n'ont pas besoin d'être encouragés, et j'en serai déjà amplement recompensé, dès qu'il daignera ne pas me priver du moyen de pouvoir les lui témoigner toujours.

Je pouvais croire que m-r le général de Budberg auroit voulu me montrer

l'attention (ce qui est assez d'usage entre des personnes liées entre elles, comme je le suis avec lui, par des relations immédiates de service) de me communiquer officiellement la grace peu commune que m'accordoit S: M: l'Empereur, et non seulement il ne l'a pas fait, mais jusqu'à présent je n'ai pas encore reçu une seule ligne de sa part, pas même la copie du traité que j'ai négocié et signé, et que je lui ai demandée avec instance, en le quittant à Tilsit, comme m'étant très nécéssaire. Je ne le dis à V: M: que parceque je ne Lui cache rien, et ne m'en plaignant pas, parceque je dois avoir l'air de ne pas le remarquer, je La supplie de le garder pour Elle seule.

J ai écrit à M-gr le Duc Louis en lui faisant parvenir la lettre de V: M:, pour la Duchesse son épouse, de même qu'à M-gr le Duc Eugène en lui envoyant le pacquet du P-ce son fils. M-gr le Duc Ferdinand est presque toujours à Maydlingen, petit bourg dans les environs de Vienne, pour y retablir sa santé; deux fois je l'ai invité à diner, sans avoir eu l'honneur de le posséder chez moi; il me semble que les désagrémens de sa situation lui donnent une grande mélancolie, et qu'il évite avec soin de se montrer dans le monde.

M-me l'Archiduchesse Béatrix, quand j'ai été admis chez elle, la P-sse François de Lichtenstein, et la C-sse de Chanclos, m'ont parlé avec le plus vif intérêt de V: M: I: et de la vénération qu'elles Lui portent. Les deux premières se sont très bien conservées et ont peu changé, dans les vingt-cinq ans que je ne les ai pas vues. Quant à la C-sse de Chanclos, elle a beaucoup engraissé et vieilli, mais au reste il paroit qu'elle jouit d'un état d'aisance et de prospérité. Elle habite à présent une très-jolie maison qu'elle a achetée à Schoenbrunn, et s'occupe beaucoup d'une nièce fort jolie, qui a épousé un C-te Esterhazy, jeune homme assez aimable et fort riche.

Vienne n'est plus ce qu'elle étoit autrefois, sous le règne de l'Empereur Joseph, au tems où je me suis vû à la suite de V: M:. C'est bien le même local, les mêmes rues, les mêmes maisons, et celles-là n'ont ni diminué, ni augmenté; mais ce n'est plus le même ton, ce ne sont plus les mêmes sociétés, les mêmes spectacles: tout y est froid, monotone, languissant. Ce séjour, tel qu'il est à présent, ne peut véritablement plaire et convenir qu'à un âge aussi avancé que le mien, quand on ne cherche et qu'on ne connoit plus d'autres attraits que sa tranquillité et un climat temperé. M-me l'Archidnchesse Elisabeth, P-sse remplie d'ésprit et d'amabilité et qui à l'âge de 70 ans conserve une tournure à Elle et une vivacité pareille à celle de son frère Joseph II., me disoit dernièrement à un spectacle de société que le C-te Louis Cobenzl a donné le jour de St. Alexandre, vieux style, à sa campagne pour célébrer la fête de l'Empereur mon maître:—je désire que Vous soyez le troisième àmbassadeur de Russie, qui preniez racine à Vienne; vous n'y serez pas géné; un chacun y vit comme il veut, mais ne vous attendez pas à y trouver une cour, il n'y en a pas, ce n'est plus ce que c'étoit du tems de ma mère; on se rappelle d'elle toujours ici, et peut-être encore dans d'autres pays.

L'Empereur François est parti depuis quelques jours pour faire une tournée à Gratz, Laubach et Saltzbourg, c'est principalement pour y inspecter les tribunaux. Les regrêts qu'il donnoit à la perte de feue l'Imperatrice, sa femme,

sont entièrement calmés; on le dit fort amoureux de la jeune Archiduchesse, sa cousine germaine, qu'il va épouser; pour la prouver, on conte, qu'il se rase, et qu'il va la voir, ou lui écrit tous les jours. Ce mariage n'est plus un mystère, on en parle publiquement, il doit se faire déjà à la fin de Novembre à cause de l'impatience du Promis, et pour le declarer on attend seulement que les six mois après le déçès de feue l'Impératrice soyent écoulés.

J'ai été interrompu ici par le courrier de Bagration, qui m'a apporté la lettre de V: M: du 19 d'Août. Je suis bien faché que mon voyage m'a empéché de Lui donner regulièrement de mes nouvelles; d'après la nature de la commission de confiance, dont Elle m'avoit honorée, je puis me représenter les inquiétudes que Lui causoit mon silence, et j'y ai souvent songé avec peine; mais à présent Elle doit avoir entre Ses mains toutes mes lettres écrites de Merzericze, de Cracovie, et dans les premières semaines de mon séjour ici. Ma grande expédition faite avec le major de Thuylen lui sera déjà sans doute parvenue. Celle-là Lui attestera le zêle et l'activité que j'ai mis à me bien aquitter de Ses ordres, je ne Lui ai rien tû de tout ce que mon devoir et ma conscience me prescrivoient de porter à Sa connaissance; et j'ose me flatter que tout ce qu'Elle aura appris de moi l'empéchera de regretter qu'un certain projet dont nous nous sommes tant occupés avant mon départ de Pétersbourg, n'a pas été abordable et qu'il faut l'oublier.

Ce que j'apprends journellement m'oblige à Lui répéter, que si même il auroit pû réussir, jamais il n'auroit produit aucun des avantages que nous en attendions, quand nous n'en jugions que d'après des données générales et dans l'éloignement. Je supplie V: M-té de communiquer cette nouvelle conclusion que je fais à Son égard à M-me la Grande Duchesse Catherine, en me rappellant à Son souvenir et à Ses bontés avec tout cet attachement et ces voeux qu'Elle me connoit pour Elle, et qui ne changeront jamais.

J'avoue à V: M: que le P-ce Bagration m'embarrasse beaucoup en voulant que je lui envoye sa femme. Quelque soit le langage que j'employerai, je doute fort que j'y réussisse. Je ne l'ai plus trouvée ici; elle était déjà à Carlsbad, où le vieux Duc de Weymar s'est beaucoup occuppé d'elle; on m'a dit aujourd'hui, qu'elle veut par réciprocité aller le voir dans sa résidence, et qu'après y être restée un ou deux jours, elle retournera immédiatement à Vienne. Cappellini, qui est aussi son medecin, trouve son état de santé très alarmant; sa maladie consiste dans un grand derangement dans les intestins; elle en souffre à présent et doit en craindre de très mauvaises suites pour l'avenir. Je veux employer Cappellini pour m'aider à lui faire naître l'envie de ne plus apporter de délai à son retour en Russie. Mais je crains qu'elle ne nous écoutera pas; alors il faudra l'y forcer en coupant court au crédit qu'elle a pu se former ici et en ne lui envoyant plus d'argent. Il est très vrai qu'elle fait des dépenses extravagantes dont tout le monde s'étonne et rit; elle tient maison ouverte et donne des fêtes, sans y être forcée, et personne ne lui en a aucune obligation.

Disant tout à V: M:, je ne puis passer sous silence la conduite ridicule et vraiment impardonnable de Razoumoffsky envers moi. J'ai été en tout au devant de lui avec les procédés les plus délicats et les plus empressés; je ne demandais pas mieux que d'avoir à les lui continuer; mais comment y-a-t'il

repondu? Il n'est venu me voir que le lendemain de mon arrivée, et après ma troisième missive pour la lui annoncer. Depuis j'ai diné trois fois chez lui, sans qu'il ait jugé à propos de venir une seule fois chez-moi. Deux fois je l'ai invité à diner, sans qu'il ait voulu venir. Cependant je l'ai encore invité une troisième fois avec tous les Russes qui se trouvent ici, à un grand diner que j'ai donné pour celebrer la fête de S-t Alexandre, en marquant sur mes cartes que je faisois cette invitation à l'occasion de la fête de l'Empereur, mon Auguste Maître. Ce jour là 60 personnes ont diné chez moi. De nouveau il n'est pas venu, ce qui a été remarqué à son désavantage par tout le monde; la veille il revint d'une maison de chasse où il étoit, il m'écrivit un billet d'excuses très froid, et alla diner chez Mylord Pembrock, sans penser à la politesse qu'il auroit pu avoir de passer pour un instant chez moi, pour me dire lui même que le lendemain je ne devais pas le compter parmi le nombre de mes convives. Le jour de la S-t Louis, M-me de Rombeck donnoit une fête, où nous nous rencontrâmes; je l'abordai dès que je le vis, mais pendant la soirée, en parlant souvent à mes voisins, il ne me dit pas le mot et ne m'approcha pas. Ceci fut encore remarqué, et on l'en a blamé généralement. Après avoir reçu de lui trois refus, je ne m'exposerai pas à en recevoir d'autres; je ne l'inviterai plus, je n'irai plus chez lui quand même la fantaisie pourroit lui revenir de m'inviter encore. Je lui ai toujours connu de la morgue, mais jamais je n'en ai été l'objet, et je ne m'imaginais pas que ce seroit ici que j'aurois à le devenir. Les réminiscences qu'il doit avoir, et les dispositions que j'avais de ne lui témoigner que les plus grandes attentions, me donnoient le droit de m'attendre à une autre conduite et à d'autres égards de sa part. Je me crois audessus de tout ce qu'il peut faire d'irrégulier envers moi. Jamais je ne lui en montrerai de mauvaise humeur, il ne pourra pas la provoquer, et je me contente à trouver que s'il ne sait pas vivre et se conduire, que ce n'est pas de moi de le corriger, et tant pis pour lui.

Je ne m'étonne pas que V: M: malgré le beau tems, soit restée si peu cette année-ci à Péterhoff, car Elle avoit perdu deux mois de son séjour ordinaire à Pavlowskoé, et il étoit bien naturel à Elle de vouloir en jouir ensuite le plus qu'Elle pouvoit. J'ose lui demander, si le monument de feu l'Empereur est fort avancé, si la partie de boston a recommencé pendant les soirées de l'automne, si les bals du dimanche ont toujours lieu pour la jeune famille. Espérant que M-grs les Grands Ducs Nicolas et Michel et M-me la Grande Duchesse Anne ne m'ont pas encore entièrement oublié, j'ose prier V: M-té de daigner leur présenter mon respectueux hommage.

Sans le vouloir et bien contre mon gré, je suis toujours en faute, vis-à-vis de mon ancienne et très chère amie, M-lle de Nélidoff. Jusqu'á présent je n'ai pu encore lui écrire. Dix fois j'ai pris la plume à la main pour la faire, et toujours des incidens inattendus m'en ont empeché. Mais elle doit être trop sûre de mon attachement et de ma reconnaissance pour m'en vouloir; qui mieux qu'elle peut savoir que ce n'est pas mon coeur qui se tait envers elle; que mon silence ne vient que des circonstances et de mes occupations; et puis V: M-té lui communiquant comme je le crois mes lettres, elle y trouve tout ce que j'aurais eu à lui écrire sur mon compte. Je ne me trompe pas sans doute

en supposant qu'elle est restée avec deux ou trois dames de la communauté à Pavlovskoé, pendant le voyage de Péterhoff. J'éspère que sa santé est enfin entièrement rétablie, et qu'elle passe les mêmes heures de la journée près de V: M-té, comme par le passé. Parfaitement persuadé qu'elle aura pris une grande part à la paix de Tilsit, et après à mon avancement, je me formalise de ce qu'elle n'a pas voulu trouver un instant de loisir, pour me le dire en peu de mots elle même. J'y aurais été bien sensible; je l'aurais été tout autant que je le suis à l'indifférence qu'elle semble me témoigner au sujet de ces deux événemens, qui me regardent si particulièrement. V: M-té me faira une grace en daignant le lui dire.

Je demande pardon à V: M-té, de l'avoir fatiguée aujourd'hui par la lecture d'une aussi longue lettre que l'est celle-ci. Mais Elle connoit le premier besoin et la première des satisfactions de mon coeur, et en les Lui rappellant je Lui indique en même tems, ce qui a fait ma faute, et ce qui doit être mon excuse.

Je suis avec le plus profond respect.

XXVI.

Вѣна $\frac{2}{14}$ Сент. 1807.

Государыня.

Я получилъ разомъ два письма отъ В. И. В-ва, одно изъ Петергофа отъ 27-го Іюля, другое изъ Павловска отъ 3-го Августа. Лестныя выраженія благосклонности, коими они наполнены, вполнѣ осчастливили меня. По чувствамъ, побудившимъ меня написать В. В-ву мое письмо подъ N° 25. взывающее къ Вашему покровительству и помощи въ томъ, что̀ для меня всего дороже, Вы легко можете судить о радости, испытанной мною, при извѣстіи, предварившемъ мои ожиданія, объ особенной милости, которой удостоилъ меня Государь Императоръ, возводя меня въ чинъ перваго класса. Я узналъ объ этомъ лишь путемъ обыкновенной почты, черезъ частныя поздравленія, полученныя мною, и черезъ тѣ немногія строки, которыя соблаговолили написать мнѣ В. В-во. Но сознаюсь чистосердечно, что В. В-во, оставаясь при Вашемъ воззрѣніи на событіе, въ которомъ пришлось мнѣ участвовать и которое доставило мнѣ явное свидѣтельство высокаго одобренія моего Августѣйшаго Повелителя, тѣмъ самымъ отъимаете у меня бо̀льшую долю счастія, коимъ я долженъ былъ-бы теперь наслаждаться. Я описывалъ Вамъ последовательно, съ полною точностію и безпристрастіемъ все то, чего былъ я свидѣтелемъ въ Тильзитѣ, все то, что̀ могъ я узнать изъ самыхъ источниковъ. Я по этому позволялъ себѣ надежду, что В. В-во прійдете къ иному мнѣнію, и убѣдитесь, что состояніе нашей арміи, нашихъ финансовъ, нашихъ силъ, что отступничество нашихъ союзниковъ и вообще всѣ наши обстоятельства повелительно и безъотлагательно требовали спасительнаго рѣшенія, къ которому пришелъ Государь Императоръ; что, упорствуя въ борьбѣ, въ коей вѣсы уже такъ видимо склонялись не въ нашу сторону, онъ только подвергъ бы опасности собственную свою славу, цѣлость и интересы своихъ владѣній; что наконецъ онъ не могъ сдѣлать ничего болѣе выгоднаго для Россіи, ничего, что̀бы болѣе соотвѣтствовало ея единодушнымъ желаніямъ. Нынѣшнее поколѣніе благословляетъ его, грядущія поколѣнія его благословятъ; да сохранитъ его Небо! Подъ сѣнію мира, пользуясь плодами его, онъ уготовитъ новыя судьбы для Россіи, и онѣ будутъ блистательны, когда ему удастся сдѣлать ее счастливою и спокойною внутри и страшною извнѣ и благодарность всѣхъ его подданныхъ, чающихъ отъ него этихъ великихъ судебъ, уже увеличиваетъ къ нему ихъ привязанность и любовь. Возможно-ли, что-бы В. В-во устояли противъ всѣхъ объясненій, безъ сомнѣнія Вами полученныхъ отъ Государя Импе-

ратора и отъ Великаго Князя Константина Павловича? Для меня лично крайне прискорбно, скажу болѣе, я не могу утѣшиться въ томъ, что В. В-во, которую я обожаю какъ мою благодѣтельницу, которой я поклоняюсь во всѣхъ ея чувствахъ, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, настолько расходитесь со мною насчетъ вещей убѣдительныхъ и ясныхъ, повидимому не требующихъ долгаго обсужденія для того, чтобы объ нихъ установилось надлежащее мнѣніе. Но еще утѣшаюсь надеждою, что самыя событія оправдаютъ меня передъ В. В-омъ; Вы признаете тогда, что меня винить не въ чемъ, что я только былъ безпристрастенъ, и что твердость моихъ политическихъ правилъ дала мнѣ возможность судить о томъ, что̀ могло принести наибо̀льшую и самую прочную пользу интересамъ моего отечества. То, что̀ произошло на Средиземномъ морѣ, то, что̀ происходитъ теперь на Балтійскомъ и въ Зундѣ, возмущаетъ всѣ благородныя души, и должно разсѣять всѣ пристрастія, всѣ привычные предразсудки, какъ-бы ни были они сильны. Я никогда не былъ ни Англичаниномъ, ни Французомъ, я слишкомъ дорожу честью и благополучіемъ моей родины, чтобы быть тѣмъ или другимъ; я только Русскій, и лишь въ качествѣ Русскаго осмѣливаюсь я говорить съ В. В-вомъ съ такою полною откровенностію. То же, что̀ осмѣливаюсь я говорить Вамъ, я сказалъ-бы и передъ лицомъ Всевышняго, если-бы мнѣ теперь-же пришлось предстать предъ Нимъ.

Не могу простить себѣ той безпокойной поспѣшности, которая побудила меня написать В. В-ву мое письмо подъ № 25. Когда я писалъ его, все то, чего я желалъ, чѣмъ я хотѣлъ быть обязаннымъ В. В-ву, уже было мнѣ дано. Желанія мои были исполнены прежде, чѣмъ о нихъ узнали. Я не былъ забытъ, какъ я этого опасался. Государь Императоръ по собственному движенію оказалъ мнѣ милость, которую я хотѣлъ у Него выпросить. Я теперь сужу о себѣ съ тою строгостію, которую такъ часто оказывали мнѣ В. В-во, осуждаю себя за мое нетерпѣніе и за тѣ сомнѣнія, которыя оно могло во мнѣ возбудить, и тѣмъ болѣе имѣю я поводовъ къ радости и благодарности къ моему Повелителю за его благосклонность, за почетную милость, имъ мнѣ оказанную. Это послѣдняя изъ всѣхъ тѣхъ, которыя я могъ получить отъ него; но моя привязанность къ его особѣ и ревность къ его службѣ не нуждаются въ поощреніяхъ, и для меня будетъ достаточною наградою возможность постоянно выказывать эти чувства.

Я могъ надѣяться, что г. генералъ Будбергъ соизволитъ оказать мнѣ вниманіе (довольно обычное между лицами связанными подобно намъ непосредственными служебными отношеніями) оффиціяльнымъ сообщеніемъ о несовсѣмъ обычной милости, оказанной мнѣ Государемъ Императоромъ; и не только онъ этого не сдѣлалъ, но я до сихъ поръ не получилъ отъ него ни единой строки, ни-же копіи съ трактата, мною подписаннаго, о которой я, разставаясь съ нимъ въ Тильзитѣ, просилъ его настоятельно, ибо она мнѣ весьма нужна. Говорю объ этомъ В. В-ву лишь потому, что ничего отъ Васъ не скрываю, и, не жалуясь на эти поступки, которыхъ я, для виду, не долженъ замѣчать, умоляю В. В-во объ этомъ не говорить.

Я написалъ къ Герцогу Лудвигу, отсылая ему письмо Вашего Величества къ Герцогинѣ его супругѣ, и точно также къ Герцогу Евгенію, отправляя къ нему посылку отъ принца его сына. Герцогъ Фердинандъ почти постоянно живетъ въ Майдлингенѣ, мѣстечкѣ въ окрестностяхъ Вѣны, для поправленія своего здоровья; я два раза приглашалъ его обѣдать, но не имѣлъ чести видѣть его у себя; повидимому, непріятности его положенія наводятъ на него сильную грусть, и онъ тщательно избѣгаетъ выѣздовъ въ свѣтъ.

Эрцерцогина Беатриса, когда я былъ у нея принятъ, княгиня Лихтенштейнъ,

и графиня Шанкло, съ самымъ живымъ участіемъ говорили мнѣ о В. В-вѣ, и о своей къ Вамъ преданности. Двѣ первыя очень хорошо сохранились и мало измѣнились въ теченіи двадцати пяти лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ. какъ я ихъ видѣлъ. Что̀ касается до гр. Шанкло, то она очень пополнѣла и состарѣлась, впрочемъ она имѣетъ видъ счастливый и довольный. Она живетъ теперь въ очень красивомъ домѣ, купленномъ ею въ Шёнбруннѣ, и очень занята хорошенькою своею племянницею, вышедшею за мужъ за графа Эстергази, молодаго человѣка довольно любезнаго и очень богатаго.

Вѣна теперь уже не то, чѣмъ была прежде, въ царствованіе Императора Іосифа, въ то время когда я находился при свитѣ Вашего Величества. Это таже мѣстность, тѣ-же улицы, тѣ-же дома, и ихъ не убавилось и не прибавилось; но нѣтъ уже прежняго тона, прежнихъ обществъ, прежнихъ зрѣлищъ, все стало холодно, однообразно, безжизненно. Жизнь здѣшняя въ томъ видѣ, какой она приняла теперь, по истинѣ можетъ прійтись по вкусу и по нраву лишь въ мои преклонныя лѣта, когда не ищешь и не знаешь иныхъ удовольствій, кромѣ спокойствія и умѣреннаго климата. Эрцерцогиня Елисавета, принцесса, исполненная ума и любезности, не смотря на свои семдесять лѣтъ сохранившая своеобразный складъ ума и живость, напоминающую ея брата Іосифа II, говорила мнѣ недавно, на домашнемъ спектаклѣ, данномъ графомъ Лудвигомъ Кобенцлемъ на его дачѣ, въ день Св. Александра, по старому стилю (въ ознаменованіе имянинъ Государя Императора): „желаю, что-бы вы были третьимъ Русскимъ посланникомъ, пускающимъ корни въ Вѣнѣ; вы тутъ не будете стѣснены ни въ чемъ, всякій здѣсь живетъ, какъ хочетъ; но не ожидайте, что найдете здѣсь дворъ; его нѣтъ, теперь не то, что̀ во времена моей матери. Ее все еще вспоминаютъ здѣсь, а быть можетъ и въ другихъ странахъ.“

Императоръ Францъ уже нѣсколько дней какъ выѣхалъ въ Грацъ, Лайбахъ и Зальцбургъ, главнымъ образомъ для того, чтобы обозрѣть судебныя мѣста. Печаль его о покойной Императрицѣ совершенно успокоилась; говорятъ, что онъ очень влюбленъ въ юную Эрцгерцогиню, свою двоюродную сестру, на которой онъ женится; въ доказательство, разсказываютъ, что онъ ежедневно брѣется, и посѣщаетъ ее, или пишетъ къ ней. Этотъ бракъ уже не тайна, объ немъ открыто говорятъ; онъ долженъ совершиться въ концѣ Ноября, по нетерпѣнію жениха, и чтобы объявить о немъ, только ждутъ, чтобы прошло шесть мѣсяцевъ со смерти покойной Императрицы.

Тутъ меня прервалъ курьеръ отъ Багратіона, привезшій мнѣ письмо В. В-ва отъ 19-го Августа. Я крайне огорченъ тѣмъ, что мое путешествіе помѣшало правильному полученію моихъ писемъ. По свойству конфиденціяльнаго порученія, коего удостоили меня В. В-во, могу себѣ представить безпокойство, причиненное моимъ молчаніемъ, и я часто съ огорченіемъ думалъ объ этомъ; но теперь въ рукахъ В. В-ва должны находиться всѣ письма, посланныя мною изъ Мержерицы, изъ Кракова, и въ первыя недѣли моего пребыванія здѣсь. Мое большое письмо, отправленное съ майоромъ Тюиленомъ, конечно теперь уже дошло до Васъ. Оно засвидѣтельствуетъ о ревніи и дѣятельности, приложенныхъ мною къ точному исполненію Вашихъ приказаній; я не умолчалъ ни о чемъ, что̀ по долгу и совѣсти я былъ обязанъ довести до свѣдѣнія В. В-ва; и смѣю надѣяться, что все сказанное мною отъиметъ у Васъ всякое сожалѣніе о томъ, что извѣстный проэктъ, которымъ мы столько были заняты до отъѣзда моего изъ Петербурга, оказался неисполнимымъ и что слѣдуетъ о немъ забыть.

То, что̀ я узнаю ежедневно, обязываетъ меня повторить В. В-ву, что даже если-бы онъ удался, никогда-бы изъ него не проистекли тѣ выгоды, коихъ мы

ожидали, судя издали, и по общимъ даннымъ. Умоляю В. В-во сообщить Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ это новое заключеніе, къ которому я пришелъ на Ея счетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручить меня ея воспоминанію и Ея милостямъ, съ выраженіемъ той привязанности и преданности, которыя Ей извѣстны, и которыхъ ничто не измѣнитъ.

Признаюсь В. В-ву, что кн. Багратіонъ ставитъ меня въ большое затрудненіе своимъ желаніемъ, чтобы я прислалъ къ нему его жену. Какимъ языкомъ я ни говорилъ бы съ нею, сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Я не засталъ ея здѣсь; она была уже въ Карльсбадѣ, гдѣ старый герцогъ Веймарскій сильно занимался ею; сегодня мнѣ сказали, что она изъ признательности хочетъ посѣтить его въ его резиденціи, и что, пробывши тамъ день или два, она немедленно вернется въ Вѣну. Капеллини, который ее лѣчитъ, находитъ состояніе ея здоровья весьма опаснымъ; болѣзнь ея состоитъ въ значительномъ разстройствѣ кишокъ; она имъ страдаетъ теперь, и должна опасаться въ будущемъ весьма дурныхъ послѣдствій. Хочу воспользоваться Капеллини, чтобы внушить ей мысль не откладывать болѣе своего возвращенія въ Россію. Но боюсь, что она насъ не послушается; тогда нужно будетъ ее къ этому принудить, пресѣкая кредитъ, который она могла себѣ здѣсь составить, и не высылая ей болѣе денегъ. Совершенно справедливо, что она дѣлаетъ безумныя издержки, которымъ всѣ удивляются и смѣются; она держитъ открытый домъ и даетъ праздники, не будучи къ тому принуждена, и никто ей за это не благодаренъ.

Такъ какъ я говорю В. В-ву все, то не могу умолчать о смѣшномъ и поистинѣ непростительномъ поведеніи со мною Разумовскаго. Я во всемъ пошелъ къ нему навстрѣчу самымъ деликатнымъ и предупредительнымъ образомъ; я только и желалъ продолжать въ томъ-же смыслѣ наши отношенія; но какъ отвѣтилъ онъ на мою предупредительность? Онъ посѣтилъ меня лишь на другой день по моемъ пріѣздѣ, и послѣ третьяго моего о томъ извѣщенія. Съ тѣхъ поръ я три раза обѣдалъ у него, онъ-же не счелъ нужнымъ быть у меня ни разу. Два раза я приглашалъ его обѣдать, но не дождался его. Однакоже я пригласилъ его еще въ третій разъ, вмѣстѣ со всѣми Русскими здѣсь находящимися, на большой обѣдъ, который я далъ, чтобы отпраздновать день Св. Александра, причемъ въ приглашеніяхъ было сказано, что они разсылаются по случаю имянинъ Государя Императора. Въ этотъ день обѣдало у меня 60 человѣкъ. Опять онъ не пріѣхалъ, что̀, къ его невыгодѣ, и было замѣчено всѣми; наканунѣ онъ вернулся съ охоты, написалъ мнѣ извинительную записку, весьма холодную, и отправился обѣдать къ милорду Пемброку, не подумавши о томъ, чтобы изъ учтивости заѣхать ко мнѣ на минутку и сказать мнѣ лично, что я на другой день не долженъ расчитывать на его присутствіе въ числѣ моихъ гостей. Въ день Св. Лудвига, г-жа Ромбекъ давала праздникъ, на которомъ мы встрѣтились; я тотчасъ подошелъ къ нему, но въ теченіи вечера, часто говоря съ моими сосѣдями, онъ не сказалъ мнѣ ни слова и ни разу не подходилъ ко мнѣ. Это опять было замѣчено, и навлекло на него всеобщее порицаніе. Получивши отъ него три отказа, я не стану подвергать себя новымъ, я не стану болѣе приглашать его, и не стану къ нему ѣздить, даже если ему прійдетъ фантазія снова приглашать меня. Я всегда зналъ его спѣсь, но никогда ей не подвергался и не воображалъ, что мнѣ прійдется испытать ее здѣсь. Воспоминанія, которыя онъ долженъ хранить, и мое расположеніе оказывать ему во всемъ крайнее вниманіе, давали мнѣ право ожидать отъ него иного поведенія, иной предупредительности. Считаю себѣ выше всѣхъ неправильностей, которыя онъ можетъ себѣ позволить относительно меня. Никогда не покажу

я ему неудовольствія, да онъ и не можетъ возбудить его во мнѣ; я довольствуюсь тѣмъ, что нахожу, что онъ не умѣетъ жить и обращаться съ людьми, и тѣмъ хуже для него.

Я не удивляюсь тому, что Ваше Величество, несмотря на хорошую погоду, такъ мало прожили въ этомъ году въ Петергофѣ, ибо Вы пропустили два мѣсяца Вашего обычнаго пребыванія въ Павловскѣ, и естественно пожелали за тѣмъ какъ можно долѣе насладиться имъ. Осмѣливаюсь спросить Васъ, подвигается-ли памятникъ покойному Государю, возобновилась-ли по осеннимъ вечерамъ бостонная партія, все-ли происходятъ по воскресеньямъ балы для юнаго семейства. Надѣясь, что Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи и Великая Княжна Анна Павловна еще не совсѣмъ забыли меня, смѣю просить Ваше Величество передать имъ мой почтительнѣйшій поклонъ.

Противъ воли и желанія, я все еще виноватъ противъ моего стариннаго и дорогаго друга Е. И. Нелидовой. До сихъ поръ, я не могъ еще написать ей. Разъ десять, я бралъ въ руки перо, чтобы это сдѣлать, и каждый разъ мнѣ мѣшалъ какой-либо неожиданный случай. Но она должна быть слишкомъ убѣждена въ моей привязанности и въ моей признательности, чтобы сѣтовать на меня. Кто лучше ея можетъ знать, что сердце мое не участвуетъ въ этомъ молчаніи; что оно лишь слѣдствіе занятій и обстоятельствъ, а за тѣмъ В. В-во, какъ полагаю я, сообщаете ей мои письма, и она находитъ въ нихъ все то, что я могъ-бы написать ей о себѣ. Я конечно не ошибаюсь, предполагая, что во время путешествія въ Петергофъ, она оставалась въ Павловскѣ съ двумя-тремя монастырскими дамами. Надѣюсь, что ея здоровье наконецъ совершенно поправилось, и что она проводитъ съ В. В-вомъ тѣ-же часы, какъ и въ прежнія времена. Совершенно убѣжденный въ томъ, что она приняла самое живое участіе въ Тильзитскомъ мирѣ и затѣмъ въ моемъ повышеніи, я обижаюсь тѣмъ, что она не удосужилась сама сказать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ. Я былъ-бы очень чувствителенъ къ такому вниманію; настолько-же, насколько я чувствителенъ къ равнодушію, которое она повидимому выказываетъ относительно этихъ двухъ событій, столь близко касающихся меня. В. В-во крайне одолжите меня, передавъ ей это.

Прошу извиненія у В. В-ва въ томъ, что утомилъ Васъ сегодня чтеніемъ столь длиннаго письма. Но вамъ извѣстны первая потребность и первое счастіе моего сердца; напоминая о нихъ, я указываю въ одно время и на источникъ моей вины, и на поводъ къ извиненію. Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, и т. д.

XXVII.

à Vienne le 23 de Septembre / (5 d'Octobre) 1807.

Madame,

J'éxpédie aujourd'hui en courrier le jeune Schilling, neveu de feue m-me de Benkendorf, en cédant aux instances qu'il m'en a faites pour arriver plutôt à Pétersbourg, où il va chercher sa soeur, élévée par la générosité et sous les auspices de V: M: I:; et c'est lui que je charge de cette lettre. Je viens de recevoir celle dont V: M: m'a honoré en date du 25 d'Aôut; je la suppose écrite au Palais Taurique, et non à Pavlovskoé, puisqu'Elle daigne me dire, qu'après s'en être occupée Elle va voir entrer les gardes. Je suis d'autant plus sensible à ce témoignage de grande bonté de Sa part, qu'Elle a bien-voulu me l'accorder en m'écrivant dans un moment, où Elle étoit pressée et ne pouvoit disposer de Son tems à volonté. Mais ce qui m'afflige, ce qui augmente mes inquiétudes jusqu'à ce que j'aurai appris d'Elle-même, comment Elle envisagera tout ce que j'ai eu l'hon-

neur de lui dire, avec des détails aussi clairs que positifs, dans ma lettre du 13/25 d'Août; c'est que V: M: ayant été satisfaite de mes premières nouvelles d'ici, l'attente que celles-là semblent lui avoir données, sur ces informations qu'Elle avoit encore à recevoir de moi, n'a pû être remplie.—Ce que j'ai dû Lui dire n'étoit certainement pas ce que je désirois, ni ce qui pouvait répondre au désir et à l'attente de V: M-té et à ceux de M-me la Grande Duchesse. Mais j'avois à Les informer de la vérité, telle que j'ai pû la connoître; tout m'en imposoit le devoir, et je m'en suis acquitté. Quand même j'aurois été en état de Lui présenter un tablean plus agréable, la démarche que j'avois à soigner ne pouvant plus être faite à propos, n'auroit pû que compromettre sans aucun succès quelconque; car j'ai la preuve qu'avant mon arrivée, et d'abord après le refus de la Princesse de Saxe, le choix de l'Empereur s'étoit déjà fixé sur sa cousine germaine la jeune Arhiduchesse Béatrix. — On prétend qu'il en est fort amoureux, et ce mariage, d'après son caractère, et ses habitudes connues, et par quantité de considérations de famille, doit lui convenir plus que tout autre. Puisqu'il faut donc renoncer au projet que son veuvage avoit fait naître pour l'établissement de M-me la Grande Duchesse, ce n'est pas selon moi une raison pour revenir à l'un des deux projets antérieurs, formés pour Elle, car ayant fait la connaissance personnelle des deux Princes, de Bavière et de Prusse, j'ai pris la liberté de représenter à V: M: de Tilsit, qu'indépendament de l'inconduite envers la Russie du père du premier d'entr'eux, et du peu de fortune du second, leurs extérieurs et leurs qualités morales ne sont pas tels, qu'ils puissent être dignes de la main d'une Princesse aussi accomplie, et encore moins lui plaire et mériter les sentimens de son coeur. L'Archiduc Jean, quatrième frère de l'Empereur, est d'une figure si intéressante et si agréable, il a tant de belles qualités, il est si aimable, et s'applique tant au métier qu'il a embrassé, il fixe tant l'affection et l'éspérance générale du public, que s'il avoit déjà un sort pareil à celui de ses frères ainés les Archiducs Charles et Joseph, ou, si on pouvoit lui en former un, qui le rendit plus indépendant en assurant le bienêtre de sa postérité, j'ose croire, qu'alors il n'y auroit pas de Prince en Europe qui par sa naissance, sa figure et ses qualités solides et aimables, put convenir autant à M-me la Grande Duhesse Catherine et être plus digne d'elle que lui. Je n'ose en parler qu'il cause du voeu ardent que je forme à chaque instant que M-me la Grande Duchesse puisse enfin être établie, et qu'elle doive aux soins maternels de V: M: ce bonheur parfait et durable, auquel personne n'a plus de droits qu'elle.

En suppliant V: M: de me rappeller aux bontés de M-gr le Grand Duc Constantin et de M-me la Grande Duchesse Catherine et de faire mes compliments à m-mes de Liewen et de Nélidoff, je Lui renouvelle l'assurance de l'attachement sans bornes et du profond respect avec lesquels je suis etc.

XXVII.

Вѣна 23 Сент./5 Окт. 1807.

Государыня.

Я сегодня посылаю курьеромъ молотаго Шилинга, племянника покойной г-жи Бенкендорфъ, уступая его просьбамъ о доставленіи ему возможности быть поскорѣе въ Петербургѣ, куда онъ ѣдетъ за сестрою, воспитанной щед-

ротами и подъ покровительствомъ В. В-ва, и ему поручаю я это письмо. Я только что получилъ то, коего удостоили меня В. В-во отъ 25-го Августа: предполагаю, что оно написано изъ Таврическаго Дворца, а не изъ Павловска, ибо Вы изволите говорить, что, окончивши его, Вы будете смотрѣть разводъ. Я тѣмъ болѣе чувствителенъ къ этому свидѣтельству Вашей ко мнѣ милости, что В. В-во соизволили оказать мнѣ его въ минуту, гдѣ Вы были заняты и не могли располагать вполнѣ своимъ временемъ. — Но что̀ меня огорчаетъ, что̀ увеличиваетъ мое безпокойство, пока я не узнаю отъ Васъ самой Вашего воззрѣнія на все, что̀ я имѣлъ честь сказать Вамъ, съ полною подробностію и ясностію въ письмѣ моемъ отъ $\frac{13}{25}$ Августа, это то, что В. В-во, оставшись довольны первыми извѣстіями, мною посланными, могли основать на дальнѣйшихъ ожидаемыхъ отъ меня свѣдѣніяхъ надежды, которыя не сбылись. То что̀ я долженъ былъ сказать Вамъ, конечно не было тѣмъ, чего я желалъ, ни тѣмъ, что̀ могло соотвѣтствовать желаніямъ и надеждамъ, какъ В. В-ва, такъ и Государыни Великой Княжны. Но мнѣ приходилось писать Вамъ истину, на сколько я могъ ее узнать; все налагало на меня эту обязанность, и я ее исполнилъ. Даже если бы я былъ въ состояніи представить В. В-ву картину болѣе пріятную, шагъ, мнѣ порученный, могъ-бы только уронить насъ, не приводя ни къ какому успѣху; ибо я имѣю доказательства тому, что до моего пріѣзда и тотчасъ послѣ отказа принцессы Саксонской, выборъ Императора уже остановился на его двоюродной сестрѣ, молодой эрцгерцогинѣ Беатрисѣ. — Увѣряютъ, что онъ оченъ влюбленъ, и этотъ бракъ, судя по его характеру и по извѣстнымъ его привычкамъ, и въ силу многихъ семейныхъ соображеній, долженъ быть ему по сердцу болѣе всякаго другаго. Но если нужно слѣдовательно отказаться отъ плана, вызваннаго для Великой Княжны вдовствомъ Императора, то это не есть, по моему мнѣнію, причина, чтобы вернуться къ одному изъ двухъ прежнихъ, сдѣланныхъ для нея предположеній; ибо, познакомившись лично съ двумя принцами, Баварскимъ и Прусскимъ, я осмѣлился представить В. В-ву изъ Тильзита, что независимо отъ дурнаго поведенія относительно Россіи отца перваго изъ нихъ, и отъ малаго состоянія втораго, ихъ наружность и ихъ нравственныя качества не таковы, чтобы они могли считаться достойными руки столь прелестной принцессы, и еще менѣе понравиться ей и заслужить ея привязанность. Эрцгерцогъ Іоаннъ, четвертый братъ Императора, имѣетъ лицо столь интересное и пріятное, у него столько прекрасныхъ качествъ, онъ такъ любезенъ, и такъ дѣятеленъ по той части, которую онъ избралъ, онъ настолько сосредочиваетъ на себѣ вниманіе и надежды общества: что еслибы онъ имѣлъ уже положеніе, подобное занимаемому его старшими братьями, эрцгерцогами Карломъ и Іосифомъ, или, если-бы ему можно было доставить таковое, дѣлающее его независимымъ черезъ обезпеченіе его потомства, — то смѣю думать, что тогда не нашлось-бы принца въ Европѣ, который по рожденію, по наружности, по своимъ основательнымъ и любезнымъ качествамъ могъ-бы болѣе понравиться Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и быть болѣе ея достойнымъ. Смѣю говорить о немъ лишь въ силу пламеннаго и постояннаго моего желанія видѣть Великую Княжну наконецъ пристроенною, и обязанною материнскимъ попеченіямъ В. В-ва тѣмъ полнымъ и прочнымъ счастіемъ, на которое никто болѣе ея не имѣетъ правъ.

Умоляя В. В-во поручить меня милостямъ Великаго Князя Константина Павловича и Великой Княжны Екатерины Павловны и передать мой поклонъ графинѣ Ливенъ и Е. И. Нелидовой, повторяю увѣренія въ безграничной преданности и глубочайшемъ почтеніи, и т. д.

XXVIII

à Vienne, le 27 de Septembre (9 d'Octobre) 1807

Madame,

Le courrier qui m'a été éxpédié pour me porter la reponse, dont V: M: I-le m'a honorée en date du 4 de Septembre à ma lettre du 13 d'Août, est arrivé et me l'a remis hier. Ce que je craignois tant d'avance, s'est donc éffectivement accompli. Toutes les éxplications que j'ai eu a faire, tous les détails dont j'ai instruit V: M:, n'ont pû être accueillis par Elle et par M-me la Grande Duchesse Catherine comme j'avois à le souhaiter! Mais en tout ce que je Lui ai dit, je n'ai parlé que d'après le devoir de ma conscience, que d'après mon attachement pour V: M: et Son auguste famille, que d'après la plus éxacte vérité, que d'après tout ce que j'ai vu, entendu et pu juger moi-même; et j'ose répéter encore une fois que très certainement la non-réussite du projet que j'avais à soigner n'est pas à regretter. Je ne disconviens pas que nous connaissions déjà à Pétersbourg les principaux traits du caractère, des qualités, et des habitudes de l'Empereur François; mais leur impression sur nous dans l'éloignement ne pouvoit pas être celle qu'ils ont produits sur moi ici, quand je les ai connus de plus près et plus particulièrement. Je suis persuadé que M-me la Grande Duchesse n'auroit pas éprouvé d'autres sentimens, et n'auroit pas vu avec d'autres yeux que moi.—L'assiduité et la nature des soins auxquels elle avoit à se vouer, l'insipide monotonie de l'emploi de son tems, la mesquinerie du service et des objets qui l'eussent entourée, n'auroient jamais pû la satisfaire et la rendre heureuse. J'en ai la conviction et ne puis penser autrement. Il est très vrai que si les circonstances m'avoient permis d'arriver ici deux mois plutôt, que j'aurais trouvé alors le choix de l'Empereur François encore non déterminé, et que peut être j'aurois eu la possibilité de lui remettre la lettre de V: M: I-le, mais quand même je l'eus fait, la question de la religion Grecque, toute neuve pour les souverains de l'Autriche, auroit été inabordable, je le sais par toutes les informations que j'en ai prises; et si même par le plus grand et le plus inattendu des hazards, elle eut pû être applanie, ce que je ne crois pas, je reviens toujours à soutenir que la personne et les habitudes de François I-er ne pouvoient convenir à M-me la Grande Duchesse, et que son hymen avec lui, en l'enlevant au bonheur que le coeur maternel de V: M: désire lui procurer, n'auroit eu qu'à lui faire exercer journellement les efforts de sa raison.

L'Empereur François est décidement fort amoureux de sa promise, et j'ai eu l'honneur de le dire déjà à V: M-té. Rien ne le prouve mieux, que les grandes dépenses dont il s'est chargé pour former son trousseau, malgré son goût connu pour l'épargne, et le propos qu'il doit avoir tenu souvent, qu'en se mariant pour la troisième fois il devoit avouer, que les deux premières fois il ne l'avoit été que par la politique, et que ce n'étoit que cette troisième fois qu'il alloit se marier par le choix et le voeu de son propre coeur. La jeune Archiduchesse Béatrix doit être véritablement fort intéressante, ayant de l'esprit, de l'instruction, et beaucoup de fraicheur et d'agrément dans sa figure. Son éducation a été fort austère, et c'est au point qu'elle n'a jamais paru en public et n'a pas même été à aucun spectacle jusqu'à présent, et on prétend que cette innocence parfaite de sa part

lui subjugue encore davantage l'Empereur. V: M-té peut conclure de là, s'il est possible de le décider à rompre un engagement aussi avancé, et s'il peut m'être convenable, avec cette grande certitude de ne pas réussir, de tenter à cet effet des insinuations, ou des démarches quelconques, quelque bien amenées qu'elles puissent être? Il ne nous reste qu'à condamner à un oubli profond l'existence de ce projet, auquel j'ai été un des premiers à me complaire, tant que je n'ai pas été sur les lieux où il avoit à s'accomplir.

Il n'y a pas de doute que tout engage V: M: et S: M: l'Empereur, Son fils, à avoir d'autres vues pour l'établissement de M-me la Grande Duchesse Catherine. Ne pouvant contredire aux raisons de la répugnance que M-me la Grande Duchesse a d'accorder sa main au P-ce Royal de Bavière, et ne le trouvant pas moi-même assez aimable pour Elle, quoiqu'il soit doué d'un excellent coeur et qu'il est déstiné à devenir un des plus puissants souverains de l'Allemagne, je m'arrête aux trois Princes que V: M: daigne me nommer comme ceux qu'Elle juge être dignes de M-me Sa fille et pouvoir maintenant lui convenir. Je ne manquerai pas de prendre sur chacun d'eux les renseignemens les plus vrais et les plus détaillés; les notions que j'ai à rassembler sur le P-ce Royal de Würtemberg me seront les plus difficiles; mais en attendant, V: M-té me permettra de Lui émettre éxposées sur le compte de ces Princes mes reflexions suivantes.

Le P-ce Royal Son neveu a sans doute le sort le plus brillant d'entr'eux; on loue sa figure et son ésprit, mais je ne puis supposer que dans ses goûts et ses principes il soit ausse pûr et aussi sévère que les deux archiducs. La passion qu'il a euë pour la D-lle Abel, son opiniâtreté à vouloir l'épouser, la conduite peu régulière qu'il a tenue envers le roi son père me donnent cette opinion, et puis son alliance éloigneroit trop M-me la Grande Duchesse de son pays natal, et ne seroit pas aussi utile et conforme aux interêts politiques de la Russie que celle de la maison d'Autriche.

Le jeune Archiduc Ferdinand, avec cette belle réputation de bravoure qu'il s'est acquise pendant la campagne de 1805, avec toutes ses qualités distinguées, et même avec cet éxtérieur agréable qu'il doit avoir, n'est que le second de la branche de troisième géniture de sa famille, n'a pas de fortune, n'a aucun appanage, n'a d'autres ressources que celles que lui offre le service qu'il a embrassé, et ne peut jamais aspirer à être aussi bien traité que peuvent l'être les archiducs frères de l'Empereur.

C'est l'archiduc Jean seul, je l'avouë, qui est l'objet de mes voeux, parceque d'après l'impression qu'il a produit sur moi, quand il m'a donné audience, j'ai la persuasion que sa beauté mâle et son amabilité peuvent lui mériter le coeur de m-me la Grande Duchesse, autant qu'il est digne de sa main par son mérite et sa naissance. Je suis enchanté de voir que le bien, que je n'ai pû m'empêcher d'en dire déjà, a pû lui attirer l'attention de V: M: et celle de l'Empereur mon maître. Je le suis d'autant plus que dans ma dernière lettre à V: M: j'ai pris la liberté de le lui recommander, comme le plus digne, selon moi, d'entre tous les jeunes princes de l'Europe qui peuvent prétendre à présent à l'honneur d'épouser M-me la Grande Duchesse Catherine.

Pour que ce souhait ardent que je forme pour elle ne reste pas aussi cette fois inutile et sans effet, et pour satis-

faire d'une manière sûre aux questions que V: M: m'a faites sur le sort futur, qui peut être accordé à l'Archiduc Jean, désirant d'y contribuer de mon mieux, et ayant bien reflêchi aux moyens que je pouvois en avoir, j'ai trouvé qu'il falloit absolument que ceux là fussent soutenus par le zêle et la bonne volonté du c–te de Stadion, et je me suis décidé à m'ouvrir confidentiellement envers lui. Voici comment je l'ai fait.

Je lui ai demandé pour ce matin un entretien particulier. Après avoir glissé pour la forme sur differents événemens diplomatiques, j'allai droit à mon but en lui disant que j'avois à lui faire un aveu, auquel il ne s'attendoit pas, mais qui lui seroit la plus forte preuve de la grande confiance que je place en lui, et de ma sollicitude personnelle à resserer encore plus les liens de l'alliance et de l'intimité qui subsistent entre nos deux Empires; qu'en tout ce que j'avois à lui communiquer je n'agissais que de mon chef, de mon propre mouvement et qu'il seroit seul à le savoir; que je désire vivement apprendre de lui ce qu'il peut penser d'une idée qui m'est venue, que je n'ai encore fait connoître à personne, et qui ne cesse de m'occuper, parceque je la crois également avantageuse à la Russie et à l'Autriche; que s'il l'approuve et en porte le même jugement que moi, qu'alors j'éspère qu'il m'assistera avec zêle pour la réaliser, et qu'il m'accordera préalablement ses conseils pour la fixer dans le vague où je la tiens encore; que je lui avoue, qu'en venant ici, je me livrais à l'éspoir que par son entremise je pourrais engager l'Empereur à demander en mariage M–me la Grande Duchesse Catherine, dont il connoit lui-même les belles qualités et les perfections, mais que bientôt après mon arrivée j'avois dû y renoncer avec le plus vif regret, ayant eu le chagrin de savoir que l'hymen de l'Empereur étoit finalement arrangé avec la jeune Archiduchesse, sa cousine germaine; que j'avais longtems hésité, et qu'enfin je m'étois décidé à ne pas le lui cacher, en le priant de me dire avec la même franchise, et sous le sceau du secret, si un des Archiducs ne pourroit pas remplacer l'Empereur, et quel seroit celui d'entr'eux qui par son établissement et son mérite pouvoit le plus espérer que M–me la Grande Duchesse pût lui être accordée. Après avoir compléttement abondé dans mon sens et dans mon désir, et après s'être étendu en témoignages de reconnaissance pour mes dispositions favorables envers l'Autriche, il me répondit qu'il croyoit que l'union avec l'Empereur auroit rencontré des difficultés pénibles, et peut-être insurmontables à cause de la difference de religion (ce que je savois avant lui) et qu'il alloit me nommer l'un après l'autre tous les Archiducs afin que nous puissions nous concerter ensemble sur celui d'entr'eux qui nous parroitroit le plus conforme à nos intentions communes.

Au nom de l'Archiduc Ferdinand, grand duc de Wurtzbourg, je dis que depuis longtems le bruit circuloit qu'il alloit se remarier, et qu'il me sembloit que son âge n'approchoit pas assez de celui de M–me la Grande Duchesse.

Au nom de l'Archiduc Palatin, dont il prétendoit connoître la prédilection particulière pour M–me la Grande Duchesse depuis son dernier séjour à Pétersbourg, je dis que les rites de notre Eglise ne permettoient pas que deux soeurs épousassent le même mari.

L'Archiduc Antoine, déjà grand-maître de l'ordre Teutonnique, nous le passâmes malgré la probabilité de la sécularisation prochaine de sa principauté.

Enfin nous nous arrètames à l'Archiduc Jean, dont la figure et les qualités sont si distinguées; il donna des éloges à son caractère, à son application, à sa douceur, à ses principes, en ajoutant que tous les enfants de l'empereur Léopold avoient été très bien élevés, qu'ils avoient tous de l'instruction et beaucoup de religion. C'est beaucoup, mais ce n'est pas tout, lui repondis-je; quel est son sort actuel, quel est l'établissement qu'on pourra lui donner à l'occasion de son mariage, quel sera le bien-être qu'il pourra assurer à sa postérité, car ce n'est pas avec sa pension actuelle du $^{24}/_{т.}$ fl., qu'il pourroit se présenter pour devenir l'époux d'une Grande Duchesse de Russie?—Le traitement ordinaire d'un Archiduc qui s'établit, dit Stadion, est de 50 à 60 mille florins par an.—Cette somme là, repliquai-je, est aussi bien insuffisante; mais entre les regles de l'arithmétique ne compte-t'on pas la multiplication, et ne pourroit on pas l'employer dans ce cas?—Oh, oui, et même en triplant ces $^{50}/_{т.}$ fl:, me repondit Stadion.—Fort bien, dis-je, un revenu de $^{150}/_{т.}$ fl: pourroît être acceptable, mais il faudroit y réunir une place de gouverneur-général avec une résidence agréable et convenable, car le jeune couple seroit gené et ne pourroit pas se considérer bien établi en ne quittant jamais Vienne; et qu'il me sembloit qu'on pourroit choisir à cet usage la Bohème, et que l'Archiduc y resideroit à Prague, ou les deux Gallicie, et qu'il pourroit y habiter Lemberg ou Cracovie; que je trouvois pour lui le séjour de Prague préférable à cause du grand et beau château qui s'y trouve, mais que lui et M-me la Grande Duchesse préfereroient peut-être celui de Lemberg à cause du voisinage de la Russie. Le c-te Stadion m'objecta que depuis la perte des Pays-Bas et du Milanez l'Empereur n'avoit plus de places de gouverneurs-généraux à distribuer, et qu'il seroit embarrassé pour en créer une nouvelle, parceque toutes les provinces qui composent à présent la monarchie Autrichienne sont reunies en un seul et même corps et assujeties à une seule et même administration; et qu'au reste que l'archiduc Charles avoit déjà prouvé l'intérêt qu'il prenoit au sort de ses frères en cedant volontairement la grande maitrise de l'ordre Teutonique à l'archiduc Antoine, et qu'il ne me parroissoit pas probable, que lui, étant généralissime et ministre de la guerre et de la marine, s'opiniâtre à ne pas céder à un autre de ses frères le poste purement honorifique de gouverneur-général de la Bohême en faveur de l'occasion, si favorable aux intérêts de la maison d'Autriche pour laquelle on pourroit lui demander cette céssion; qu'il dépendoit uniquement de la volonté de l'Empereur de limiter l'autorité du nouveau gouverneur-général, et de la constituer de façon qu'elle n'intervertisse pas la marche qu'il avoit établie pour l'administration uniforme de ses états; et qu'il me parroissoit que ce mariage que nous projettions pour l'archiduc Jéan ne pouvoit avoir lieu, qu'autant qu'on lui auroit accordé une pension, qui ne fut pas audessous de $^{150}/_{m}$ flo: dont il m'a fait mention, un grand gouvernement et une autre résidence que Vienne. Stadion finit par se ranger de mon avis sur tous ces points, en m'assurant de l'empressement qu'aura son maître de cimenter davantage son alliance avec la Russie, en fesant épouser à son frère M-me la Grande Duchesse, et qu'il étoit persuadé d'avance du plaisir avec lequel il voudra arranger le mariage de l'archiduc Jéan, en améliorant son sort dès que Stadion

lui en feroit la proposition de lui-même, qu'il ne vouloit pas en écrire à l'Empereur, qui retourne de Saltzbourg avant 15 jours, mais qu'il lui en parleroit avec instance, et comme d'une idée de sa part, d'abord après son retour; que ce ne seroit qu'à son premier travail qu'il pourra connoître la décision de l'Empereur sur la manière de donner cours à l'idée du mariage de l'archiduc Jéan, et surtout ce qu'il jugeroit à propos de faire pour améliorer son sort et lui donner un établissement convenable; qu'alors il m'en instruiroit pour que j'y fasse de nouvelles remarques, si elles me paraitraient nécéssaires; qu'il n'y avoit rien de plus aisé, que d'envoyer l'hyver prochain l'archiduc à Pétersbourg, qu'on pourroit trouver plusieurs prétêxtes plausibles pour ce voyage; mais qu'il lui sembloit impossible qu'il ne dévinat pas le but, pour lequel on l'y forçait aller, et qu'en attendant, il se permettoit de désirer que je puisse sonder sur cette idée V: M: et savoir d'avance quelles seront à son égard Son opinion et Ses dispositions, de même que celles de S: M: l'Emreur mon maître. Je lui ai promis de le faire, mais très légérement et pas autrement qu'avec les plus grands ménagemens par le respect que je suis accoutumé d'observer dans toutes mes relations avec V: M: I. Il m'a fait aussi de grandes instances pour que j'engage V: M: à ne pas dire un mot de ce projet qu'il formoit avec moi à l'Archiduc-Palatin, qu'il devoit absolument l'ignorer, et que s'il l'apprenoit qu'il tacheroit certainement d'en entraver l'accomplissement. Quand je lui marquai mon étonnement qu'il ne me nommoit pas aucun des trois archiducs, fils de feu l'archiduc Ferdinand, il me répondit qu'en convenant de toutes les bonnes qualités dont ils étoient doués, il ne les croyoit pas en état d'être comptés parmi ceux qui peuvent espérer la main de M-me la Grande Duchesse, que l'archiduc François, l'ainé d'entr'eux, a perdu le Brisgau qui avoit été devolu à son père comme une indémnité pour le duché de Modène; que pas un d'eux ne possédoit de grands biens ou de grands revenus, et que jamais aucun d'eux n'auroit le moyen et le droit d'obtenir tout ce que l'Empereur pourroit accorder pour l'établissement d'un de ses frères, et qu'étant fils et frères d'Empereurs ils sont plus rapprochés du Trone, et jouissent du titre d'Altesses Imperiales que les autres n'ont pas.

En éxécutant les ordres de V: M:, je Lui restitue ci-joint Sa lettre autographe à cachet volant, déstinée pour François I-er, que j'avois conservé en dépot chez moi, depuis que l'Empereur mon maitre a daigné me la confier à Tilsit.

J'ai été tellement animé par le sentiment qui m'attache à V: M: et à M-me la Grande Duchesse, qu'insensible à la fatigue du corps, et sans ménager mes yeux, je n'ai pas quitté mon bureau depuis du soir jusqu'à sept heures du matin pour achever d'emblée cette lettre, qui contient le rapport détaillé de tout ce que j'ai pû déjà faire, ayant appris Ses dernières intentions, pour La tranquilliser et pour servir de mon mieux M-me la Grande Duchesse Catherine. Il n'y a rien que je ne fasse pour lui prouver le vif intérêt qu'elle m'inspire, et que je prends à son bonheur; je chéris en elle le souvenir, le génie et les traits de la physionomie de feu l'Empereur mon Bienfaiteur.

Je serai parfaitement heureux, si V: M: ne sera pas mécontente de la prétendue confidence que j'ai crû devoir faire à Stadion et de la tournure dont je l'ai enveloppée; et si Elle daigne me

dire, que dans tout ce que j'ai fait et dit, j'ai pû mériter Son approbation. Il n'y a pas d'événement dans ma vie où Sa bienveillance ne m'ait été et ne me soit nécéssaire pardessus tout.

Je suis avec le plus profond etc.

XXVIII.

Вѣна $\frac{27\ Сент.}{9\ Окт.}$ 1807.

Государыня,

Курьеръ, отправленный съ отвѣтомъ, коего удостоили меня В. И. В-во отъ 4-го Сентября на письмо мое отъ 13-го Августа, прибылъ сюда вчера. И такъ, то, чего я напередъ боялся, сбылось на дѣлѣ! Всѣ объясненія, которыя я долженъ былъ представить, всѣ подробности, сообщенныя мною В. В-ву, не имѣли желаннаго дѣйствія ни на Васъ, ни на Великую Княжну Екатерину Павловну! Но во всемъ, что я сказалъ, я руководствовался только долгомъ моей совѣсти, только моею преданностію къ В. В—ву и Вашему Августѣйшему семейству, только точною истиною, только тѣмъ, что я видѣлъ, слышалъ и могъ обсудить лично; и смѣю повторить еще разъ, что неудача проэкта, мнѣ порученнаго, не должна возбуждать сожалѣнія. Я не отрицаю, что уже въ Петербургѣ намъ были извѣстны главныя черты характера, качествъ и привычекъ Императора Франца, но впечатлѣніе произведенное ими на насъ издали, не могло быть тѣмъ-же, какое я получилъ здѣсь, когда я узналъ ихъ вблизи и болѣе подробно. Я убѣжденъ, что Великая Княжна не испытала-бы иныхъ чувствъ, и не посмотрѣла-бы на дѣло иными глазами, чѣмъ я. – Усидчивость и свойство заботъ, которымъ Она должна была-бы посвятить себя, скучное однообразіе, въ которомъ протекало-бы Ея время, скудость окружающаго Ее штата и обстановки, никогда не могли-бы удовлетворить Ее и дать Ей счастіе. Я въ этомъ убѣжденъ и иначе думать не могу. Конечно, если-бы обстоятельства позволили мнѣ прибыть сюда двумя мѣсяцами раньше, пока выборъ Императора Франца еще не опредѣлился, я быть можетъ имѣлъ-бы возможность передать ему письмо В. В—ва, но даже если- бы я это сдѣлалъ, вопросъ о православномъ исповѣданіи, совершенно новый для Австрійскихъ монарховъ, остался-бы неприступнымъ: я это знаю по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, и если даже, сверхъ всякаго чаянія, его удалось бы уладить, чего я не предполагаю, я все таки возвращаюсь къ выраженному мною мнѣнію, что личность и привычки Франца I го не могли прійтись по сердцу Великой Княжнѣ и что Ея бракъ съ нимъ могъ-бы только лишить Ее счастія, которое желаетъ Ей доставить материнское сердце В. В—ва, обрекъ бы Ее лишь на ежедневныя усилія разума.

Императоръ Францъ рѣшительно очень влюбленъ въ свою невѣсту, и я уже имѣлъ честь говорить объ этомъ В В—ву. Лучшимъ доказательствомъ тому служатъ значительныя издержки, производимыя имъ для ея приданаго, не смотря на извѣстную его бережливость, и часто, какъ говорятъ, повторяемое имъ изрѣченіе, что, „вступая въ третій бракъ, онъ долженъ признаться, что первые два были дѣломъ политики" и что „лишь въ этотъ третій разъ онъ женится по выбору и по желанію сердца." Молодая эрцгерцогиня Беатриса дѣйствительно, по слухамъ, очень привлекательна: она умна, образована и лицомъ очень свѣжа и миловидна. Воспитаніе ея было весьма строгое, и это въ такой степени, что она еще ни разу не являлась въ обществѣ и даже до сихъ поръ никогда не была въ театрѣ, и увѣряютъ, что эта ея совершенная невинность еще болѣе покоряетъ ей сердце Императора. В. В-во можетъ отсюда заключить, возможно-ли ему рѣшиться на разрывъ столь подвинувшагося сватовства, и прилично-ли мнѣ, при

такой увѣренности въ неудачѣ, попытаться на внушенія или на какой-либо шагъ, какъ бы ни былъ онъ хорошо подведенъ? Остается намъ только обречь на совершенное забвеніе самое существованіе этого проэкта, который мнѣ изъ первыхъ улыбался, пока я не былъ на мѣстѣ, гдѣ пришлось-бы его осуществить.

Нѣтъ сомнѣнія, что все должно навести В. В—во и его В—во Государя Императора на иные виды для супружества Великой Княжны Екатерины Павловны. Не имѣя возможности опровергать причины, по которымъ Великой Княжнѣ было-бы тягостно отдать свою руку королевскому принцу Баварскому, и не находя самъ, чтобы онъ былъ достаточно для нея любезенъ, хотя онъ и имѣетъ отличное сердце и ему предстоитъ сдѣлаться однимъ изъ самыхъ могущественныхъ владѣтелей Германіи, я останавливаюсь на тѣхъ трехъ принцахъ, которыхъ В. В—во соблагоизволили назвать мнѣ, какъ могущихъ быть достойными Вашей Августѣйшей дочери и прійтись Ей по сердцу. Не премину собрать о каждомъ изъ нихъ самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія; всего труднѣе будетъ собрать мнѣ ихъ о королевскомъ принцѣ Виртембергскомъ; но пока В. В—во позволите мнѣ изложить Вамъ на счетъ этихъ принцевъ слѣдующія замѣчанія:

Королевскій принцъ, Вашъ племянникъ, конечно изъ всѣхъ трехъ имѣетъ самое блестящее положеніе; хвалятъ его наружность; но не могу предполагать, что-бы въ своихъ вкусахъ и правилахъ, онъ былъ столь-же чистъ и строгъ, какъ оба эрцгерцога. Страсть, которую онъ питалъ къ дѣвицѣ Абель, упорство, съ которымъ онъ настаивалъ на бракѣ съ нею, несовсѣмъ правильное его поведеніе относительно короля, его отца, внушаютъ мнѣ это мнѣніе; а затѣмъ бракъ съ нимъ слишкомъ-бы отдалилъ Великую Княжну отъ Ея родины, и не былъ-бы столь согласенъ съ политическими интересами Россіи, какъ брачный союзъ съ Австрійскимъ домомъ.

Молодой эрцгерцогъ Фердинандъ, при блестящей репутаціи храбрости, которую онъ стяжалъ во время кампаніи 1805-го года, при всѣхъ своихъ отличныхъ качествахъ, наконецъ при красивой наружности, которую ему приписываютъ, есть лишь второй въ вѣтви третьяго колѣна въ своемъ семействѣ, не имѣетъ ни состоянія ни удѣла; у него нѣтъ иныхъ средствъ кромѣ службы, и онъ не можетъ имѣть притязаній на такое-же положеніе, какъ эрцгерцоги братья Императора.

Одинъ эрцгерцогъ Іоаннъ, признаюсь, составляетъ предметъ моихъ желаній, ибо по впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на меня, когда онъ далъ мнѣ аудіенцію, я убѣжденъ, что его мужественная красота и его любезность могутъ тронуть сердце Великой Княжны, въ той-же мѣрѣ, какъ онъ достоинъ Ея руки по рожденію и по заслугамъ. Я съ удовольствіемъ вижу, что добро, которое я сказалъ о немъ, уже привлекло на него нѣкоторое вниманіе со стороны В. В—ва и Государя Императора. Я тѣмъ болѣе тому радуюсь, что въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ В. В—ву, я осмѣлился рекомендовать его, какъ наидостойнѣйшаго, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ принцевъ Европы, которые могутъ теперь имѣть притязаніе на руку Великой Княжны Екатерины Павловны.

Для того, что-бы это желаніе не осталось, подобно прежнему, недѣйствительнымъ и безплоднымъ, для того, что-бы отвѣчать достовѣрно на вопросы В. В—ва на счетъ будущей судьбы эрцгерцога Іоанна, я, желая по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея устройству, и по зрѣломъ размышленіи о мѣрахъ, которыя могу для этого употребить, нашелъ, что мнѣ необходимо усердное содѣйствіе со стороны графа Стадіона, и рѣшился открыться ему конфиденціально. Вотъ какъ я это сдѣлалъ.

Я попросилъ у него на сегодняшнее утро частнаго разговора; коснувшись, для формы, разныхъ дипломатическихъ событій, я приступилъ прямо къ цѣли, сказавъ, что я долженъ ему сдѣлать

признаніе, котораго онъ не ожидаетъ, но которое будетъ для него лучшимъ доказательствомъ моего къ нему довѣрія и моей личной заботливости о дальнѣйшемъ укрѣпленіи тѣхъ дружелюбныхъ связей, которыя существуютъ между двумя имперіями; что во всемъ томъ, что я имѣю ему сообщить, я дѣйствую отъ собственнаго лица, по собственному своему движенію, и объ этомъ узнаетъ только онъ; что я очень желаю отъ него узнать, что онъ подумаетъ о мысли, которая пришла мнѣ въ голову, и которую я еще не сообщалъ никому; которая постоянно занимаетъ меня, ибо я считаю ее одинаково выгодною и для Россіи, и для Австріи, и что если онъ ее одобритъ и согласится съ моимъ мнѣніемъ, то я надѣюсь, что онъ ревностно поможетъ мнѣ въ ея исполненіи, и что онъ предварительно не откажетъ мнѣ въ своихъ совѣтахъ, что-бы вывести ее изъ той неопредѣленности, въ кокоторой она пока носится въ моемъ умѣ; что, пріѣзжая сюда, я предавался надеждѣ черезъ его посредство подвинуть Императора къ тому, что-бы онъ посватался къ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, прекрасныя качества и совершенства которой ему извѣстны, но что вскорѣ по прибытіи моемъ сюда, я долженъ былъ отказаться, съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, отъ этого плана, узнавъ, къ крайнему своему прискорбію, что бракъ Императора съ молодою эрцгерцогинею окончательно улаженъ; что я долго колебался, и наконецъ рѣшился не скрывать отъ него моего намѣренія, и что прошу его сказать мнѣ съ тою-же откровенностью, и подъ безусловнымъ секретомъ, не могъ-ли-бы замѣнить Императора который-либо изъ эрцгерцоговъ, и кто изъ нихъ, по своему положенію и заслугамъ, могъ бы скорѣе всего надѣяться получить руку Великой Княжны. Отвѣтивъ мнѣ совершенно въ смыслѣ моихъ желаній, распространившись въ свидѣтельствахъ благодарности за мое благопріятное Австріи расположеніе, онъ присовокупилъ, что бракъ съ Императоромъ встрѣтилъ-бы затрудненія, тягостныя и быть можетъ непобѣдимыя, по причинѣ разности въ исповѣданіи (что было мнѣ и безъ того извѣстно) и что онъ назоветъ мнѣ одного за другимъ всѣхъ эрцгерцоговъ, для того, что-бы мы могли сговориться на счетъ того изъ нихъ, котораго мы найдемъ наиболѣе соотвѣтствующимъ нашимъ общимъ намѣреніямъ.

При имени эрцгерцога Фердинанда, Великаго Герцога Вюрцбургскаго, я сказалъ, что уже давно ходитъ слухъ о его намѣреніи вступить во второй бракъ, и что, какъ мнѣ кажется, его лѣта не довольно подходятъ къ лѣтамъ Великой Княжны.

При имени эрцгерцога Палатина, о которомъ онъ увѣрялъ, что знаетъ объ особенной его привязанности къ Великой Княжнѣ со времени послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ, я сказалъ, что правила нашей церкви не допускаютъ, что-бы двѣ сестры выходили за однаго и того-же мужа.

Эрцгерцога Антона, какъ Гросмейстера Тевтонскаго Ордена, мы пропустили, несмотря на вѣроятность скорой секуляризаціи его владѣній.

Наконецъ мы остановились на эрцгерцогѣ Іоаннѣ, наружность и качества коего столь прекрасны; онъ похвалилъ его характеръ, его прилежаніе, его правила, присовокупляя, что всѣ дѣти императора Леопольда были очень хорошо воспитаны, что они всѣ имѣютъ свѣдѣнія и очень религіозны. — Это много, но это еще не все, отвѣчалъ я ему — каково его положеніе въ настоящее время, какое содержаніе можно будетъ ему дать по случаю его брака, какое благосостояніе можетъ онъ обезпечить за своимъ потомствомъ, ибо не съ пенсіею-же въ 24,000 флориновъ можетъ онъ представиться искателемъ руки Русской Великой Кнняжны? — Обыкновенное содержаніе эрцгерцога, вступающаго въ бракъ, отвѣчалъ Стадіонъ, составляетъ отъ 50 до 60 тысячь флориновъ въ годъ. — Эта сумма, возразилъ я, также

весьма недостаточна; но между правилами ариѳметики не существуетъ-ли и умноженіе, и нельзя-ли было-бы его приложить въ этомъ случаѣ?—О, конечно, и даже утроивъ эти 50 тысячь флориновъ, отвѣчалъ Стадіонъ.—Очень хорошо, сказалъ я, на доходъ въ 150 тысячь флориновъ можно-бы согласиться, но къ нему слѣдовало-бы присоединить генералъ-губернаторство съ пріятною и приличною резиденціею, ибо молодая чета была-бы стѣснена, и не могла-бы считать себя пристроенною надлежащимъ образомъ, если-бы ей нельзя было никогда оставлять Вѣну; и что для этого, по моему мнѣнію, можно было-бы избрать Богемію, и сдѣлать Прагу резиденціею эрцгерцога, или обѣ Галиціи, при чемъ онъ жилъ-бы въ Лембергѣ, или Краковѣ; что я нахожу жизнь въ Прагѣ болѣе для него удобною, по причинѣ прекраснаго и обширнаго тамошняго замка, но что онъ и Великая Княжна предпочли-бы можетъ быть жить въ Лембергѣ, по причинѣ сосѣдства съ Россіею. Гр. Стадіонъ возразилъ мнѣ, что со времени утраты Нидерландовъ и Миланской области, императоръ уже не располагаетъ никакими генералъ-губернаторскими мѣстами, и что ему было-бы затруднительно создать новое, потому что всѣ провинціи, составляющія теперь Австрійскую монархію, соединены въ одно цѣлое и подчинены одной администраціи. На это я сказалъ ему, что эрцгерцогъ Карлъ уже доказалъ участіе свое въ судьбѣ своихъ братьевъ, и что мнѣ не кажется вѣроятнымъ, что-бы онъ, будучи уже генералиссимусомъ и министромъ военнымъ и морскимъ, отказался-бы уступить другому изъ своихъ братьевъ чисто-почетное званіе генералъ-губернатора Богеміи, принявъ въ соображеніе столь благопріятный интересамъ Австрійскаго дома случай, по которому можно было-бы попросить его объ этой уступкѣ; что отъ воли Императора вполнѣ зависитъ ограничить власть новаго генералъ-губернатора, такъ что-бы она не нарушала хода однообразнаго управленія, введеннаго имъ въ его владѣніяхъ, и что мнѣ кажется, что бракъ эрцгерцога Іоанна можетъ совершиться лишь, если онъ получитъ пенсію не ниже 150 тысячь флориновъ, о которой шла рѣчь, значительное губернаторство и иную резиденцію чѣмъ Вѣну. Стадіонъ наконецъ по всѣмъ этимъ пунктамъ склонился къ моему мнѣнію, увѣрилъ меня въ радости, съ которою его государь пожелаетъ скрѣпить союзъ свой съ Россіею посредствомъ брака между своимъ братомъ и Великою Княжною; сказалъ, что онъ убѣжденъ въ готовности Императора облегчить бракъ эрцгерцога Іоанна черезъ улучшеніе его состоянія, какъ только онъ, Стадіонъ, сдѣлаетъ ему это предложеніе отъ себя; что онъ не хочетъ писать къ Императору, возвращающемуся изъ Зальцбурга менѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли, но что онъ будетъ говорить съ нимъ, настойчивымъ образомъ, объ этомъ планѣ, какъ о своемъ собственномъ, тотчасъ по его возвращеніи; что лишь при первомъ докладѣ можетъ онъ узнать рѣшеніе Императора о способѣ, которымъ нужно пустить въ ходъ мысль о бракѣ эрцгерцога Іоанна, и въ особенности о томъ, что онъ сочтетъ нужнымъ сдѣлать для улучшенія его положенія и для приличнаго его обезпеченья; что за тѣмъ онъ сообщитъ мнѣ это рѣшеніе для того, что-бы я сдѣлалъ на него мои замѣчанія, если сочту это нужнымъ; что нѣтъ ничего легче, какъ послать эрцгерцога будущею зимою въ Петербургъ, что для этого путешествія можно найти много благовидныхъ предлоговъ, но что ему кажется невозможнымъ, что-бы эрцгерцогъ не угадалъ цѣли этой посылки; и что пока, онъ позволяетъ себѣ желать, что-бы я могъ коснуться этой мысли въ письмѣ къ Вашему Величеству и выбѣдать напередъ, какъ отнесетеся къ ней Вы и Государь Императоръ. Я обѣщалъ ему это сдѣлать, но лишь очень слегка, и не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, въ силу той почтительности,

которую я привыкъ соблюдать во всѣхъ моихъ сношеніяхъ съ В. И В-вомъ. Онъ также настоятельно просилъ меня о томъ, что-бы я склонилъ В. В—во не говорить ни слова о нашемъ проэктѣ эрцгерцогу Палатину, который никакъ не долженъ узнать о немъ, иначе-же конечно постарается воспрепятствовать его осуществленію. Когда я выразилъ ему мое удивленіе тому, что онъ не называетъ мнѣ ни одного изъ трехъ эрцгерцоговъ сыновей покойнаго эрцгерцога Фердинанда, онъ отвѣчалъ мнѣ, что, отдавая справедливость прекраснымъ ихъ качествамъ, онъ не считаетъ ихъ въ рядахъ тѣхъ, которые могли-бы имѣть надежды на руку Великой Княжны; что старшій изъ нихъ, эрцгерцогъ Францъ, потерялъ Брейсгау, дарованный ему его отцомъ какъ вознагражденіе за герцогство Моденское; что ни у одного изъ нихъ нѣтъ ни значительныхъ имѣній, ни большихъ доходовъ, и что ни у одного изъ нихъ нѣтъ ни средствъ, ни права получить то, что̀ могъ-бы сдѣлать Императоръ для устроенія судьбы одного изъ своихъ родныхъ братьевъ, которые, будучи императорскими сыновьями и братьями, болѣе приближены къ престолу, и пользуются титуломъ Императорскихъ Высочествъ, котораго нѣтъ у прочихъ эрцгерцоговъ.

Исполняя приказанія В. В-ва, возвращаю Вамъ при семъ собственноручное письмо подъ открытой печатью, назначенное Францу І-му, хранившееся у меня съ тѣхъ поръ какъ Государь Императоръ изволилъ вручить мнѣ его въ Тильзитѣ.

Я такъ одушевился чувствомъ, привязывающимъ меня къ В. В-ву и къ Государынѣ Великой Княжнѣ, что, нечувствительный къ тѣлесной усталости, и не щадя своихъ глазъ, я не оставлялъ письменнаго стола отъ вечера до семи часовъ утра, что-бы разомъ окончить это письмо, содержащее подробное донесеніе о всемъ, что̀ я могъ до сихъ поръ сдѣлать, узнавъ послѣднія Ваши распоряженія, что-бы успокоить Васъ, и сослужить посильную службу Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Нѣтъ того, чего-бы я не сдѣлалъ, что-бы доказать Ей живое участіе, принимаемое мною въ Ея счастіи; я обожаю въ Ней память, геній и самыя черты покойнаго Государя, моего благодѣтеля.

Я буду вполнѣ счастливъ, если В. В-во не будете недовольны мнимою конфиденціею, которую я счелъ нужнымъ сдѣлать Стадіону, и оборотомъ, который я ей далъ и если Вы соблагоизволите сказать мнѣ, что все сказанное и сдѣланое мною удостоилось Вашего одобренія. Нѣтъ обстоятельствъ въ моей жизни, въ которыхъ я не нуждался-бы, прежде всего, въ Вашемъ благоволеніи.

Остаюсь, съ глубочайшимъ почтеніемъ и т. д.

XXIX.

à Vienne le $\frac{19}{31}$ d'Octobre 1807.

Madame,

J'avoue que la correspondance que M-gr le Duc Louis a entamé avec moi sur la situation et les circonstances où il s'est placé, si volontairement, envers la Russie, commence à m'embarrasser beaucoup. V: M: I-le verra la chaleur qu'il y met dans sa lettre du 20 d'Octobre, que je Lui présente ci-joint en original. Je l'accompagne de la copie de la réponse que j'ai faite à S: A: R:, et il me parroit que cette-là, quoique courte, n'en est pas moins claire. J'éspère que V: M: ne me blamera pas de n'avoir pas voulu me charger, comme il le désiroit, d'informer de propre mouvement l'Empereur des détails dans lesquels il est entré vis-à-vis de moi, pour sa justification. Pouvois-je parler contre ma propre conviction? m'étoit-il permis d'oser revenir près de l'Empereur sur une décision de sa part, qu'un fait public avoit motivé, et que sa dignité même avoit rendu nécéssaire? Quant

à la lettre de M-me la Duchesse que M-gr le Duc m'envoye pour mon auguste maître, je supplie V: M: de vouloir bien la lui remettre; s'il jugeoit à propos d'y répondre, je serais charmé qu'il fit passer sa réponse par mon entremise. Ce ceroit pour M-me la Duchesse une consolation, et je ne pourrois qu'être très flatté, après ma négative donnée au Duc, d'avoir à la lui faire parvenir.

Avant-hier, ayant obtenu une audience privée de l'Empereur François pour lui présenter le conseiller privé Jéan Narischkin, qui arrive de Carlsbad pour passer l'hyver ici, je ne l'ai pas fait entrer d'abord avec moi dans le cabinet de l'Empereur; j'y suis entré seul pour féliciter S: M: I-le sur son heureux retour. C'étoit mon pretêxte, mais mon but étoit de donner à ce prince une occasion de me voir et de me parler tête-à-tête. Je croyois que peut-être il me parleroit de lui-même, aumoins en termes généraux, de l'objet de ma conversation confidentielle avec son ministre; mais comme il ne m'a pas fait appercevoir qu'il la savoit, et que le c-te de Stadion ne m'en dit rien aussi jusqu'à présent, j'ai à supposer, qu'il n'a pas encore eû le tems d'en rendre compte, ou que peut-être l'Empereur balance encore sur ce qu'il doit me communiquer de ses dispositions en faveur de son frère. Après ce que j'ai fait déjà, V: M: conviendra sans doute, qu'il ne me convient pas d'être empressé ou impatient, et qu'il faut que j'attend en silence et avec tranquillité que Stadion vienne de lui-même à moi. Il ne peut me laisser longtems dans l'incertitude, et dans quelques jours il faudra absolument qu'il me dise où en sont les choses. On ne connoit pas encore au juste le jour du mariage de l'Empereur; les uns croyent que ce sera le 22 ou le 26 du mois prochain, et d'autres soutiennent que ce sera après l'Avent, au commencement de Janvier; il ne pourra être fixé que quand on saura le tems auquel les ouvriers, qui travaillent à force, acheveront la nouvelle salle et les nouveaux appartemens pour l'Impératrice future, dans le Burg. On prétend que l'Empereur veut être marié par son beau frère, nommé à l'évéché de Waitz, qui doit recevoir pour cette cerémonie l'ordre de la prétrise avant l'âge requis.

Je mets sous les yeux de V: M: la lettre que je viens de recevoir d'un certain Eserskoy, major dans le régiment de Witebsk qui est maintenant à Padoue, et je Lui transmets aussi sa supplique. Il m'a parru de mon devoir de ne pas m'en dispenser, quoique je sais fort bien qu'il ne sera pas facile à V: M: d'accorder la grace qu'il Lui demande. Il a eu le malheur de perdre sa femme pendant que son service le retenoit à Corfou; sa fille est à présent entre les mais de ses parens aussi pauvres que lui, et il y a plus de cinq ans qu'il a quitté sa patrie en suivant son régiment.

Hier à neuf heures du matin j'ai été singulièrement éffrayé par l'apparition soudaine du c-te de Komarovsky chez moi. *) Je ne me rappellois que de l'état malheureux dans lequel je l'avais laissé; j'ignorais entiérement sa guérison et son départ pour les pays étrangers. Je ne voulais pas croire que c' étoit lui qu'on m'avoit annoncé. Je le trouvai avec étonnement; mais en même tems avec satisfastion tel que je

*) Графъ Е. Θ. Комаровскій, коего Записки помѣщены въ Р. Архивѣ 1867 года. Тяжкая болѣзнь поражала на нѣкоторое время его умственныя способности; но сколько намъ извѣстно, кн. Куракинъ ошибается, приписывая Крейтону его излѣченіе: графа Комаровскаго вылѣчилъ одинъ простолюдинъ какими то простыми средствами. *П. Б.*

l'ai toujours connu, parfaitement retabli, et son regard et son maintien n'avoient rien qui put indiquer le genre de maladie dont il a eu à souffrir. Il m'a dit qu'il étoit venu avec sa famille pour consulter les médecins de Vienne, et qu'il comptoit s'arreter ici jusqu'au retour de la belle saison pour aller prendre ensuite les eaux qu'on lui conseillera. Sa cure fait grand honneur à mon ami Crighton; j'ai seulement à regretter qu'il n'a pû dompter de même cette vilaine goutte qui m'a tant tourmentée l'hiver passé pour avoir eu trop de liberté à faire ses ravages et à passer d'une partie de mon corps dans l'autre.

Je supplie V: M: de me rappeller au souvenir de M-gr le Grand Duc Constantin et M-me la Grande Duchesse Catherine, et d'agréer l'hommage de l'inviolable attachement et du respect profond avec lequel je suis etc.

XXIX.

Вѣна, $\frac{19}{31}$ Октября 1807.

Государыня,

Признаюсь, что переписка, которую завелъ со мною Герцогъ Лудвигъ на счетъ положенія и обстоятельствъ, въ которыя онъ поставилъ себя, столь добровольно, относительно Россіи, начинаетъ сильно затруднять меня. В. В-во увидите, съ какимъ жаромъ онъ изъясняется въ письмѣ своемъ отъ 20-го Октября, прилагаемомъ при семъ въ оригиналѣ. Присовокупляю къ нему копію съ моего отвѣта Его Кор. В-ву, и мнѣ кажется, что этотъ отвѣтъ, хотя краткій, тѣмъ не менѣе ясенъ. Надѣюсь, что В. В-во не осудите меня за то, что я не согласился, какъ онъ того желалъ, извѣстить отъ себя Государя Императора о тѣхъ подробностяхъ, въ которыя онъ вошелъ передо мною для своего оправданія. Могъ-ли я говорить противъ собственнаго убѣжденія? Позволительно-ли мнѣ возвращаться передъ Государемъ къ рѣшенію Его, вызванному общеизвѣстнымъ фактомъ и вынужденному собственнымъ Его достоинствомъ? Что́-же касается до письма Герцогини къ Государю Императору, посылаемому мнѣ Герцогомъ, умоляю В. В-во передать его; и если Онъ сочтетъ нужнымъ отвѣчать, я былъ-бы очень доволенъ, если-бы отвѣтъ былъ посланъ черезъ меня. Это было-бы утѣшеніемъ для Герцогини, и мнѣ было-бы отрадно, послѣ моего отказа Герцогу, его ей доставить.

Третьяго дни, испросивши себѣ частную аудіенцію у Императора Франца, для того, что-бы представить ему тайнаго совѣтника Ивана Нарышкина, пріѣхавшаго изъ Карлсбада, что-бы провести здѣсь зиму, я не ввелъ его прямо въ кабинетъ Императора, но вошелъ туда одинъ, что-бы поздравить Его В-во съ счастливымъ возвращеніемъ. Таковъ былъ мой предлогъ, но цѣлію моею было дать этому Государю случай видѣть меня и говорить со мною наединѣ. Я думалъ, что, быть можетъ, онъ самъ заговоритъ со мною, по крайней мѣрѣ въ общихъ выраженіяхъ, о предметѣ моего конфиденціяльнаго разговора съ его министромъ, но такъ какъ онъ не далъ мнѣ замѣтить, что-бы онъ о немъ зналъ, и какъ графъ Стадіонъ также до сихъ поръ ничего не говоритъ мнѣ объ этомъ, я долженъ предполагать, что графъ до сихъ поръ не успѣлъ передать о нашемъ разговорѣ, или что, быть можетъ, Императоръ еще колеблется на счетъ того, что́ онъ долженъ сообщить мнѣ относительно своихъ распоряженій въ пользу брата. Послѣ того, что́ я уже сдѣлалъ, В. В-во конечно согласитесь, что мнѣ не прилично настаивать, или выказывать нетерпѣніе, я что и долженъ ожидать въ молчаніи и спокойствіи, чтобы самъ Стадіонъ ко мнѣ обратился. Онъ не можетъ оставлять меня долго въ неизвѣстности, и черезъ нѣсколько дней по необходимости долженъ будетъ сказать мнѣ, въ какомъ положеніи дѣло. Еще не извѣстенъ навѣрное день брака Импера-

тора; иные думаютъ, что это будетъ 22-го или 26-го будущаго мѣсяца, а другіе утверждаютъ, что это будетъ послѣ Адвента, въ началѣ Января. День этотъ можетъ быть окончательно назначенъ лишь тогда, когда узнаютъ срокъ, къ которому работники, трудящіеся безъ устали, окончатъ новую залу и новые аппартаменты для будущей Императрицы, въ Бургѣ. Увѣряютъ, что Императоръ желаетъ быть повѣнчаннымъ своимъ шуриномъ, назначеннымъ епископомъ въ Вайцъ, который по этому случаю будетъ рукоположенъ въ священники раньше требуемаго возраста.

Посылаю В. В-у письмо, которое я только что получилъ отъ нѣкоего Езерскаго, майора Витебскаго полка, который теперь въ Падуѣ, и прилагаю также его прошеніе. Я счелъ моимъ долгомъ отъ этого не уклониться, хотя я очень хорошо знаю, что В. В-ву будетъ нелегко оказать ему милость, о которой онъ проситъ. Онъ имѣлъ несчастіе лишиться жены въ то время, какъ служба удерживала его въ Корфу; дочь его теперь на попеченіи родственниковъ, столь-же бѣдныхъ, какъ и онъ, и вотъ уже болѣе пяти лѣтъ, какъ онъ оставилъ родину вмѣстѣ съ своимъ полкомъ.

Вчера, въ девять часовъ утра, я былъ немало испуганъ внезапнымъ появленіемъ у меня гр. Комаровскаго. Я помнилъ только о несчастномъ состояніи, въ которомъ я его оставилъ; я совершенно не зналъ о его выздоровленіи и отъѣздѣ въ чужіе краи. Я не повѣрилъ, когда мнѣ о немъ доложили. Къ удивленію моему и вмѣстѣ удовольствію, я нашелъ его такимъ-же, какимъ всегда зналъ его, совершенно здравымъ, и ничего въ его взглядѣ и въ его пріемахъ не указывало на тотъ родъ болѣзни, которому онъ подвергался. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ съ семьею посовѣтоваться съ Вѣнскимъ врачами, и что онъ думаетъ остановиться здѣсь до лѣта что-бы потомъ отправиться на воды, которыя ему присовѣтуютъ. Его излѣченіе дѣлаетъ великую честь моему другу Крейтону; мнѣ остается только пожалѣть, что ему нестолько-же посчастливилось съ скверною подагрою, которая такъ измучила меня прошлою зимою своими безпрестанными переходами изъ одной части тѣла въ другую.

Умоляю В-е В-во напомнить обо мнѣ Вел. Кн. Константину Павловичу и Вел. Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и принять увѣреніе въ непоколебимой привязанности и глубокомъ почтеніи, съ коимъ остаюся и т. д.

XXX.

à Vienne le $\frac{\text{3 de Novembre,}}{\text{22 (d'Octobre)}}$ 1807.

Madame,

Je suis outré, je suis affligé, je puis dire que je suis inconsolable de devoir renoncer à l'éspérance, qui m'étoit si agréable, et dont je me nourissais depuis mon entretien confidentiel avec le c–te de Stadion. La manière empressée dont il y avoit partagé mes sentimens, et la considération des avantages mutuels qui auroient éxistés pour la Russie et l'Autriche si les liens qui les unissent actuellement avoient encore pû être fortifiés par le noeud de la parenté entre leurs monarques, me fesoit éspérer que mon idée seroit saisie au vol; qu'on tâcheroit de l'éxécuter sans delai, en me satisfaisant, comme je l'entendais, sur tous les articles que j'avois éxpliqué comme des objets de doute, ou d'inquiétude pour moi, que je n'aurois à donner à V: M: I. que des rapports agréables; et enfin, que j'étois sur le point d'atteindre à l'accomplissement de mon voeu le plus cher, celui de contribuer à l'établissement et au bonheur futur de M–me la Grande Duchesse Catherine. Je jouissais d'avance de la satisfaction que j'avois à en ressentir. J'attendois avec impatience le retour de l'Empereur, et ce que j'avois à

apprendre de Stadion après qu'il l'auroit vû. Mais l'Empereur François étaut déjà ici depuis, huit jours, et Stadion ne me disant rien, impatienté de cette reserve de sa part, qui ne pouvoit m'être de bonne augure, et par zêle pour M-me la Grande Duchesse désirant de réussir au plutôt dans ce que j'avois entrepris pour elle, ou au moins de savoir sans m'abuser plus longtems ce qui devoit m'y faire renoncer, je mis de côté ma résolution de rester en silence jusqu'à ce que Stadion ne le rompe de lui même. Me trouvant hier d'après son invitation à une conférence chez lui, pour des communications d'affaires de sa cour qu'il avoit à me faire, et prêt à le quitter, voyant qu'il s'y bornoit, je l'abordai en lui demandant, s'il n'avoit pourtant rien à me dire des représentations qu'il avoit voulu faire à son maître à la suite de notre conversation. Ma question le jetta dans un embarras visible.—Oui, me répondit-il, je les ai faites, je n'y ai pas manqué, mais l'Empereur trouve très difficile tout arrangement nécéssaire pour assurer le sort et le bien-être de la postérité de son frère; il dit que les loix de l'état, les régles et les loix établies pour sa famille s'y opposent; il croit qu'au lieu de l'Archiduc Jéan, il vaudroit mieux songer à l'Archiduc Charles, qui a la perspective certaine d'une fortune immense par l'héritage qui l'attend. J'arretai à ces mots Stadion, en lui observant que nous avions trouvés que l'Archiduc Jéan, par son âge, sa figure, et son mérite, étoit celui des Archiducs qui convenoit le mieux à M-me la Grande Duchesse; qu'il ne pouvoit être question que de lui; que les raisons qui nous ont engagées à passer l'Archiduc Charles étoient toujours éxistantes, que sa fortune lui avoit été léguée par sa tante et son oncle et n'étoit pas un don ou un éffet de la générosité de l'Empereur; qu'il étoit fort douteux qu'il voulut se marier, ou que M-me la Grande Duchesse put vouloir de lui, à cause de la différence d'âge et de santé entr'eux; que j'avois désiré savoir ce qui pourroit être fait en faveur de l'Archiduc Jéan pour lui faciliter un mariage, aussi illustre pour lui et aussi utile aux intérêts de la maison d'Autriche; et que je devois avouer que ce que j'entendois des dispositions de l'Empereur, ne repondant pas dutout à l'attente que j'en avois eu entravoit entièrement l'éxécution de notre idée. Stadion ajouta, que l'Empereur lui avoit confirmé ce qu'il n'avoit pas sû d'une manière positive, que la pension annuelle de chaque Archiduc est de ⁵⁰/ₘ. fl., et que l'Archiduc Jéan avoit à réunir encore au traitement que lui procuroit sa naissance les appointemens de ses differentes places. Je repliquai: tout ce que l'Archiduc possède à présent et son éxistence actuelle ne suffisent pas pour lui faire obtenir la main de M-me la Grande Duchesse; mais aumoins l'Empereur penche-t-il à lui accorder un gouvernement et une résidence particulière, qui soyent convenables, se décide-t-il à l'envoyer sous quelque pretêxte en Russie, ce qui est indispensable, pour que le connoissant personnellement M-me la Grande Duchesse et ses augustes parents puissent d'autant mieux se décider en sa faveur. —Non, me dit Stadion, je n'ai pas touché ces deux articles, je n'en ai pas eû même le loisir, tant l'Empereur s'est occupé de ses moyens et de ses calculs, sur ce que ses frères devoient avoir de droit, et sur ce qu'il pouvoit faire de plus pour l'un ou l'autre d'entr'eux. Mais, continua Stadion, vous m'avez promis de communiquer votre idée à l'Impératrice-Mère, vous avez

donc à recevoir Sa réponse, et je me flatte que vous ne me la laisserez pas ignorer.

—Ah, m'écriai-je, il est vrai que j'attends cette réponse, mais c'est avec la plus grande inquiétude; je ne puis être sûr que S: M: L'Impératrice-Mère approuve mon idée; peut-être en me blâmant, me témoignera-t-Elle son mécontentement de l'avoir ëue, et si même Elle daignoit l'approuver, Son approbation ne peut-être que subordonnée aux informations que j'ai à Lui faire parvenir; et de fait, par toutes les circonstances, que j'avois peu prévues et dont vous venez de m'instruire, je devrai la considerer comme n'ayant pas eû lieu. En proférant ces mots je tachai de mettre fin à une entrevue où j'ai été plus contrarié dans mes voeux et mes intentions que je ne pouvais le croire, et piqué au vif je n'eus plus d'autre soin que de quitter Stadion avec un air serein et indifférent. Il est clair par ce compte fidèle que je rends à V: M: I-le, que l'Empereur François ne sait pas apprécier l'utilité et les avantages pour sa maison d'une alliance plus étroite avec la famille impériale de Russie; qu'il n'est pas du tout disposé à aucun sacrifice, ou à aucun arrangement éxtraordinaire quelconque pour mettre son frère en état d'aspirer à la main de M-me la Grande Duchesse; qu'il n'est pas porté pour son voyage à Pétersbourg; qu'ayant beaucoup d'enfans de son second lit à établir, et que se préparant à voir leur nombre augmenté par son troisième hymen, il veut borner ses frères à leur stricte legitime, afin de ne pas se mettre à la gêne sur tout ce qu'il pourroit être obligé de faire un jour pour ses propres enfans; que je suis forcé malgré moi de revenir de mon idée sur l'Archiduc Jéan et de la proposition que j'avais hazardée en sa faveur; et par conséquent que V: M: ne doit plus compter sur lui pour les vues, auxquelles Elle auroit pû le déstiner.

Si le peu de fortune et la situation dépendante de l'Archiduc Jéan lui ôtent la possibilité de se placer sur les rangs pour devenir l'époux de M-me la Grande Duchesse, à plus forte raison l'Archiduc Ferdinand, malgré sa bravoure reconnue, n'étant ni frère, ni fils d'Empereur, n'étant que le second frère d'une troisième géniture, et étant encore plus éloigné du trône et plus gêné dans ses ressources, ne peut pas en être digne.

Le P-ce Royal de Würtemberg a une très jolie figure, beaucoup d'ésprit et d'amabilité, mais on ne fait pas l'éloge de son coeur: il est à une école et a des éxemples de dureté qui ne le préparent pas à une conduite différente de celle du Roi son père; son coeur n'est pas plus neuf, ses moeurs ont toujours été celles de ce siècle. Sa liaison avec M-lle Abel, dont on prétend qu'il a eu deux enfants, n'est pas la seule qu'on lui connoisse, et par toutes ces raisons il me semble que V: M: ne peut pas penser à lui.

Le Duc de Saxe-Cobourg, dont on dit du bien, petit souverain d'un très petit duché, convient aussi peu que le P-ce Héréditaire de Meklembourg Strelitz.

Le P-ce Royal de Bavière, qui a l'ouïe dure et de la difficulté dans son parler, qui n'est pas beau, étant roux et légérement marqué de petite vérole, que je n'ai vû 'que pour détruire ma prédilection pour lui, que pour trouver qu'il ne pouvoit plaire à M-me la Grande Duchesse, que pour le dépeindre à V: M: tel qu'il s'est offert à mes yeux, a cependant le coeur excellent, une judiciaire saine, des connaissances, un caractère ferme et loyal, il est aimé et

réspecté pour ses bonnes qualités dans son pays; on lui rend la justice qu'il a été brave à la guerre, et si M-me la Grande Duchesse pouvoit seulement lui pardonner les torts de son père envers la Russie, et la malheureuse nécéssité où il s'est trouvé de porter les armes contre nous, je suis persuadé qu'elle oublieroit le peu d'agrément de son éxtérieur et ne seroit sensible qu'à son mérite réel et à sa moralité. Alors en considérant les obstacles qui s'accumulent pour empêcher son établissement, j'oublierais aussi tout ce que j'ai écrit contre ce prince après avoir fait sa connaissance à Tilsit, et retournant à mon ancienne opinion, j'oserais dire que dans ce moment-ci il est toujours le meilleur parti pour Elle. Je serais fort heureux si V: M: daignoit m'informer de ce qu'elle en pensera actuellement; car en vérité je souffre de la résignation à laquelle M-me la Grande Duchesse doit se soumettre pour son avenir, du peu de fruits que j'ai retiré de ma tentative, et de tout ce que je suis obligé de porter aujourd'hui à la connaissance de V: M-té.

XXX.

Вѣна $\frac{\text{3 Ноября}}{\text{23 Октября}}$ 1807.

Государыня.

Я взбѣшенъ, я огорченъ, могу сказать, я безутѣшенъ въ томъ, что долженъ отказаться отъ столь пріятной надежды, которою питался я со времени моего конфиденціяльнаго разговора съ графомъ Стадіономъ. Радушіе, съ коимъ онъ раздѣлялъ мои чувства, соображеніе взаимныхъ выгодъ и для Россіи и Австріи, ожидаемыхъ отъ скрѣпленія союза, нынѣ между ними существующаго, узами родства между ихъ монархами, все возбуждало во мнѣ надежду, что мысль моя будетъ схвачена на лету; что ее постараются осуществить безотлагательно, давъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ на счетъ всѣхъ пунктовъ, возбудившихъ во мнѣ сомнѣніе или безпокойство, что мнѣ прійдется писать В. В-ву лишь пріятныя донесенія; наконецъ, что я близокъ къ исполненію любимаго моего желанія, и что мнѣ удастся содѣйствовать устроенію будущей судьбы и счастія Великой Княжны Екатерины Павловны. Я радовался напередъ тому удовольствію, которое я при этомъ-бы испыталъ. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Императора, и того, что скажетъ мнѣ Стадіонъ, повидавшись съ нимъ. Но такъ какъ уже прошла недѣля съ пріѣзда Императора, а Стадіонъ все молчалъ, то выведенный изъ терпѣнія этою сдержанностію съ его стороны, не предвѣщавшей ничего добраго, и движимый усердіемъ къ Великой Княжнѣ, желая успѣть какъ можно скорѣе въ томъ, что я для нея предпринялъ или по крайней мѣрѣ узнать, что можетъ заставить меня отказаться отъ моего предпріятія, я отступилъ отъ своего намѣренія хранить молчаніе, пока его не прерветъ самъ Стадіонъ. Находясь вчера у него, по его приглашенію, на совѣщаніи по дѣламъ его Двора, о которыхъ ему нужно было мнѣ сообщить, и видя при прощаніи, что онъ ими и хочетъ ограничиться, я обратился къ нему съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ сказать мнѣ чего-либо о представленіяхъ, которыя онъ хотѣлъ сдѣлать своему Государю по поводу нашего послѣдняго разговора? Мой вопросъ привелъ его въ видимое смущеніе. — Да, отвѣчалъ онъ мнѣ, я ихъ сдѣлалъ, я не преминулъ исполнить мое обѣщаніе; но Императоръ находитъ весьма затруднительною всякую мѣру, которая моглабы обезпечить судьбу и благосостояніе потомства его брата: онъ говоритъ, что государственные законы, семейныя правила и постановленія тому препятствуютъ; онъ полагаетъ, что вмѣсто эрцгерцога Іоанна, лучше подумать объ

эрцгерцогѣ Карлѣ, имѣющемъ вѣрные виды на громадное наслѣдство. На этихъ словахъ я остановилъ Стадіона, замѣтивъ ему, что мы пришли къ заключенію, что эрцгерцогъ Іоаннъ, по возрасту, наружности и заслугамъ, тотъ изъ эрцгерцоговъ, который всего лучше приходится Великой Княжнѣ; что только о немъ и можетъ идти рѣчь, что причины, заставившія насъ пропустить Эрцгерцога Карла, продолжаютъ существовать; что его состояніе завѣщано ему его дядею и тёткою, а не есть даръ, или слѣдствіе щедротъ Императора; что весьма сомнительно, что-бы онъ хотѣлъ жениться, или что-бы Великая Княжна согласилась за него выйти, по причинѣ разности ихъ возрастовъ и здоровья; что я пожелалъ узнать, что̀ можетъ быть сдѣлано въ пользу эрцгерцога Іоанна, что-бы облегчить ему бракъ, столь же блестящій для него, какъ и полезный интересамъ Австрійскаго дома и что я долженъ признаться, что слышанное мною о расположеніи Императора, не соотвѣтствуя вовсе моимъ ожиданіямъ, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе нашего плана. Стадіонъ присовокупилъ, что его Государь подтвердилъ ему, чего онъ прежде не зналъ положительно, что годовой окладъ каждого изъ эрцгерцоговъ составляетъ 50 тысячь флориновъ и что къ этому содержанію, принадлежащему ему по рожденію, слѣдуетъ присовокупить жалованіе, по разнымъ занимаемымъ имъ должностямъ.

Все то, возразилъ я, чѣмъ теперь обладаетъ эрцгерцогъ Іоаннъ, и теперешнее его положеніе, недостаточно, что-бы дать ему право на руку Великой Княжны; но, по крайней мѣрѣ, склоненъ-ли Императоръ даровать ему губернаторство и особую резиденцію, которыя были-бы приличны; рѣшается-ли онъ послать его подъ какимъ-либо предлогомъ въ Россію, для того, что-бы, узнавъ его лично, Великая Княжна и Ея Августѣйшіе родственники могли тѣмъ рѣшительнѣе склониться въ его пользу? — Нѣтъ, отвѣчалъ Стадіонъ, я не коснулся этихъ двухъ пунктовъ, я даже не имѣлъ къ тому времени, до того Императоръ занялся своими средствами, и расчетами о томъ, что̀ долженъ получить каждый изъ его братьевъ по праву, и о томъ, что̀ можетъ онъ сверхъ того сдѣлать для одного, или другого, или третьяго изъ нихъ. Но, продолжалъ Стадіонъ, вы мнѣ обѣщали сообщить вашу мысль Императрицѣ-матери, вы слѣдовательно должны получить отъ Нея отвѣтъ, и надѣюсь, что вы его отъ меня не скроете.—Ахъ! воскликнулъ я; конечно ожидаю я этого отвѣта, но съ крайнимъ безпокойствомъ; я не могу быть увѣреннымъ, что-бы Ея В во Императрица-мать одобрила мою мысль; быть можетъ, Она выразитъ мнѣ за нее свое неудовольствіе, и даже если-бы Она соблагоизволила ее одобрить, одобреніе Ея не можетъ не зависѣть отъ свѣдѣній, которыя прійдется мнѣ Ей сообщить; а на дѣлѣ, въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ я не предвидѣлъ и которыя вы только что мнѣ сообщили, я долженъ буду принять такое одобреніе какъ недѣйствительное. Этими словами я постарался положить конецъ разговору, въ которомъ мои намѣренія и желанія были обмануты въ бо̀льшей степени, чѣмъ я могъ того ожидать; и, раздраженный до нельзя, я могъ только постараться о томъ, что-бы оставить Стадіона съ видомъ равнодушнымъ и яснымъ. Изъ этого правдиваго отчета, передаваемаго мною В. В-ву, ясно, что Императоръ Францъ не умѣетъ цѣнить пользъ и выгодъ, представляемыхъ его дому болѣе тѣснымъ сближеніемъ съ Русскимъ Императорскимъ семействомъ, что онъ нисколько не расположенъ ни къ какой жертвѣ, ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ для того, что-бы дать своему брату возможность искать руки Великой Княжны Екатерины Павловны; что онъ не склоняется къ его путешествію въ Петербургъ; что, имѣя на рукахъ устройство судьбы многихъ дѣтей отъ второго брака, и ожидая еще приращенія семейства отъ третьяго, онъ хочетъ

ограничить содержаніе своихъ братьевъ тѣмъ, чего онъ не можетъ ихъ лишить по закону, для того, что-бы не стѣснять себя на счетъ того, что онъ со временемъ захочетъ сдѣлать для своихъ дѣтей; что я противъ воли принужденъ отказаться отъ моего плана на счетъ Эрцгерцога Іоанна и отъ предложенія, на которое я рѣшился въ его пользу; и что слѣдовательно В. В-во не должны болѣе расчитывать на него въ тѣхъ видахъ, которые Вы могли на него имѣть

Если скудное состояніе и зависимое положеніе Эрцгерцога Іоанна отнимаютъ у него возможность искать руки Великой Княжны, то тѣмъ менѣе ея достоинъ Эрцгерцогъ Фердинандъ, не смотря на всѣми признанную его храбрость: ибо онъ ни Императорскій сынъ, ни братъ, а только второй братъ въ третьемъ колѣнѣ, и еще болѣе удаленъ отъ престола и стѣсненъ въ средствахъ.

Королевскій Принцъ Виртемберскій имѣетъ красивую наружность, очень уменъ и любезенъ, но сердца его не хвалятъ; онъ проходитъ такую школу, видитъ передъ собою такіе примѣры жестокосердія, которые заставляютъ ожидать отъ него поведенія, подобнаго отцовскому; онъ не отличается свѣжестію чувствъ, и нравы его всегда были нравами вѣка. Его связь съ дѣвицею Абель, отъ которой, какъ говорятъ, у него двое дѣтей, не есть единственная, которую за нимъ знаютъ; и по всѣмъ этимъ причинамъ мнѣ кажется, что В. В-во не можете о немъ думать.

Герцогъ Саксенъ-Кобургскій, котораго хвалятъ, маленькій владѣтель весьма малаго герцогства, столь-же не пара Великой Княжнѣ, какъ и наслѣдный Принцъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій.

Королевскій Принцъ Баварскій, который тугъ на ухо и имѣетъ недостатокъ въ выговорѣ, который не красивъ, такъ какъ онъ рыжъ и рябоватъ, котораго я увидѣлъ лишь для того, что-бы разочароваться въ моемъ къ нему пристрастіи, и что-бы найти, что онъ не можетъ понравиться Великой Княжнѣ, и описать его таковымъ, какимъ онъ представился моимъ глазамъ, имѣетъ однако-же прекрасное сердце, здравый разсудокъ, свѣдѣнія, твердый и честный характеръ; онъ любимъ и уважаемъ на родинѣ за свои хорошія качества; отдаютъ справедливость его храбрости на войнѣ; и если-бы Великая Княжна только могла простить ему вину его отца противъ Россіи и несчастную необходимость, заставившую его поднять противъ насъ оружіе, я убѣжденъ, что она забыла-бы о непривлекательности его наружности и была-бы чувствительна лишь къ истиннымъ его заслугамъ и къ его нравственности.

Тогда, принявъ въ соображеніе препятствія къ устройству ея судьбы, возникающія со всѣхъ сторонъ, я забылъ бы также все то, что я написалъ противъ этого Принца, познакомившись съ нимъ въ Тильзитѣ; и возвращаясь къ прежнему моему мнѣнію, я осмѣлился-бы сказать, что въ настоящую минуту онъ все таки лучшая для нея партія. Я-былъ-бы очень счастливъ, если бы В. В-во соизволили извѣстить меня о томъ, что Вы объ этомъ думаете въ настоящее время; ибо по истинѣ, я страдаю отъ безнадежности, въ которую облекается будущность Великой Княжны, отъ малой пользы, извлеченной мною изъ моей попытки, и отъ всего того, что я сегодня принужденъ довести до свѣдѣнія В. В-ва.

XXXI.

à Vienne, le 1/13 de Novembre, 1807.

Madame,

J'ai eu le bonheur de recevoir par courrier les trois lettres dont V: M: I: m'a honorée de Gatshina le 28 d'Octobre. L'ostensible étoit parfaite; en remplissant entièrement son but, elle m'a donnée l'envie, le courage, la possibilité de revenir sur une affaire, qu'avec

chagrin et dépit j'avois crû devoir abandonner et que je considérois déjà, quoiqu'elle me tint fortement à coeur, comme non avenue et comme ne devant plus m'occuper. Mais avant de rendre compte à V: M. de ce que je viens de tenter encore, je dois commencer par me justifier à Ses yeux des reproches pleins de bonté qu'Elle me fait. Si mes premières ouvertures, confiées au c-te de Stadion, comme des idées spontannées, ne venant que de moi seul, ont pû parroître à V: M: trop précipitées, il est très vrai que je ne me suis déterminé à les faire que par zêle et attachement pour M-me la Grande Duchesse Catherine et par l'impatience de mon désir de la voir enfin bien établie; il est vrai aussi que la manière et les précautions avec lesquelles je me suis éxpliqué vis-à vis de Stadion, ont dû le persuader pleinement que je ne lui ai parlé que de mon propre chef, sans y être aucunement attaché, et qu'il est impossible qu'il ait pû avoir des soupçons du contraire. J'en ai la preuve par la réponse, à laquelle je l'ai forcé après le retour de l'Empereur, réponse si peu conforme à mon espérance et qui m'a tant affligée! Je ne disconviens, que ma confidence du projet que je m'étois permis, sur le choix et le mariage de l'Empereur François a été assez gratuite; mais je ne l'ai faite qu'en mon seul et privé nom, pour convaincre Stadion d'autant plus du prix que j'attachois à un nouveau lien de parenté entre notre maison impériale et celle d'Autriche, et parceque j'ai voulu essayer, si peut-être je ne réussirai pas par cette insinuation à faire tourner encore les vuës de l'Empereur sur M-me la Grande Duchesse comme V: M-té le souhaitoit également. Alors on n'étoit pas généralement aussi persuadé, qu'on l'est à présent, du goût et de l'attachement de l'Empereur pour sa jeune promise, et il m'étoit pardonnable de croire qu'il ne lui seroit pas difficile encore, puisque son mariage ne faisoit que se divulguer sans être annoncé publiquement, de lui en préférer une autre qui par ses qualites distinguées avoit à lui assurer son bonheur domestique, et qui par sa naissance avoit à convenir beaucoup plus aux intérêts de sa monarchie. Je me disois aussi, que si même je rencontrais de la difficulté à produire en lui ce changement, que cette circonstance suffisoit pour faire accueillir davantage et rendre plus instant le désir que j'ai ensuite énoncé, qu'il put au moins pour cimenter l'union des deux Empires être suppléé par un des princes de son sang. Telles sont les véritables causes qui m'ont portées à cette confidence. Je respectais trop les noms que j'avais à ménager, et la délicatesse des personnes augustes que je voulais servir, pour n'avoir pas soigneusement évité tout ce qui pouvoit les compromettre; je crois n'avoir compromis personne, puisque je n'ai parlé que de ma propre part, que comme d'une idée qui me séduisoit par les avantages réciproques qu'elle offroit aux deux Empires dont j'avais à entretenir l'amitié, et si j'ai failli en cette occasion, ce n'est certainement que par trop de zêle et avec les meilleures intentions.

Je n'ai pû dire du jeune archiduc Ferdinand que ce que j'en ai dit. Je savais seulement la conduite brillante qu'il avoit tenue à la guerre, que ses grands talents militaires inspiroient pour lui une grande considération et donnoient de belles éspérances; qu'il étoit aimé et respecté par ses subalternes, que sa conduite étoit affable, sage et reservée; qu'il n'avoit pas de fortune; qu'il n'en avoit pas à attendre; et que sa réputation comme son éxistence dans

le monde étoient tout-à fait dépendantes de la carrière qu'il avoit embrassée; mais je ne le connaissois pas encore personnellement; il étoit à Brün, où il commande, et je n'avois pû rien aprendre de précis et de bien détaillé sur sa vie privée et ses inclinations. Comme il étoit arrivé ici pour quelquetems et que j'avois à présenter ce matin à m-me l'archiduchesse sa mère et à sa famille quelques-uns de mes compatriotes; c'est aujourd'hui que je l'ai vû pour la première fois, et que j'ai fait sa connaissance. Il est très bien fait, fort poli, fort causant, le son de sa voix et toute sa tournure intérressent et sont fort agréables; il est celui des enfants de m-me l'archiduchesse Béatrix qui lui ressemble le plus. Il a tout ses traits, son profil, son sourire, ses yeux, ses cheveux; son teint est celui d'un militaire, toujours exposé à l'air et au soleil, mais ayant cependant un air de santé, de la fraicheur et des couleurs, et je puis dire que sa phisionomie et sa figure peuvent plaire, et qu'il appartient à ce très petit nombre de princes qui ont à intérresser par la réunion des qualités de leur ésprit à celles de leur éxtérieur. Des objets de service le rappellent à Brün, il part après demain pour retourner ici, à ce qu'il m'a dit, vers l'epoque fixée pour le mariage de l'archiduchesse sa soeur. Son éxtérieur et sa conversation, très prevenants en sa faveur, annoncent un bon caractère et des moeurs douces, et on ne sauroit en supposer d'autres, par l'ésprit reconnu de m-me l'archiduchesse Béatrix et les soins particuliers qu'elle a pris de l'éducation et de la morale de ses fils; l'archiduc Ferdinand, qui lui ressemble tant, doit être son enfant chéri. Jusqu'à présent c'est tout ce que je suis en état d'en dire à V: M:; mais il me parroit que ce que j'en dis suffit déjà pour La disposer très favorablement pour lui. Je ne me permets pas la comparaison entre les deux archiducs Jéan et Ferdinand; tous les deux sont remplis de grandes et de belles qualités; tous les deux ont des figures très agréables, et chacun d'eux m'a beaucoup plû; quand V: M: et m-me la Grande Duchesse les verront ensemble, ce sera à Elles à les apprécier mieux, que je ne puis le faire, et ce n'est pas d'ici qu'il me convient d'oser préjuger de l'impréssion qu'ils feront sur M-me la Grande Duchesse de même que de l'opinion et du sentiment que l'un ou l'autre d'entr'eux pourra mériter d'elle de préférance.

La lettre ostensible de V: M:, je l'avoue, m'a fait le plus grand plaisir parcequ'elle m'accordait une grande latitude et de nouveaux moyens pour repprendre l'affaire qui en étoit l'objet, et à laquelle je ne songeois plus, à cause du dépit et du mécontentement que m'avoit causée la reponse de Stadion. J'ai été longtems indécis, si je ferois usage de cette lettre ostensible de V: M: ou non, si j'avois à m'en servir d'abord, ou si je devois avant attendre Sa reponse sur le rapport détaillé que je Lui ai fait de mon dernier entretien avec Stadion sur le même sujet. Enfin considérant que l'irrésolution et le peu de bonnes dispositions pour l'établissement futur de son frère, que l'Empereur François avoit témoigné à son ministre, ne provenoit que de vues rétrécies, d'un calcul de finance et de lézine, de la peine qu'il avoit d'augmenter la pension et d'améliorer le sort de son frère; considérant aussi que V: M: insistoit le plus, comme de raison, sur les qualités morales, sans s'arrêter à quelques milliers d'écus de revenu de plus ou de moins; qu'il falloit voir et traiter la chose en grand, et ne pas

contester dès le commencement sur des minuties qui pouvoient la faire échouer; que pour moi le point principal à obtenir et la grande difficulté à vaincre, consistoient à présent à porter l'Empereur François à désirer et à permettre, que son frère et son cousin fassent le voyage de Pétersbourg, et que c'étoit là, à quoi se bornoit pour ce premier moment le désir de V: M:; je me suis décidé à la produire immédiatement, étant persuadé que ma démarche, sans faire aucun mal, n'étoit qu'une suite naturelle des représentations que j'avois annoncées à Stadion vouloir adresser à V: M:, et pouvoit au contraire faire beaucoup de bien; voici de quelle manière je m'y suis pris.

Hier, conférant avec Stadion sur les affaires générales, je tachai de lui faire bien sentir la verité du tableau que je lui traçoi du besoin que l'Autriche avoit de la Russie; que la Russie ne pouvoit jamais avoir l'intention de diminuer sa puissance et ses possessions et que dans tous les cas c'étoit la Russie qui avoit toujours à être son principal égide; et à la fin de la conférance, au moment que je me levais pour le quitter, je lui dis: il faut pourtant que je vous donne de grands regrêts; nous voilà assis dans la même chambre et sur la même place, où nos deux entretiens confidentiels ont eû lieu; je n'ai pas besoin de vous faire l'apologie des sentiments qui m'y ont animés et qui certainement étoient bien sincères; vous n'avez qu'à vous rappeller de la reticence que vous aviez à me répondre après avoir vû l'Empereur, et de la réponse peu satisfaisante que vous avez été enfin dans le cas de me donner; vous ne doutez pas sans doute que j'en ai été aussi étonné qu'affligé, vous ne pouvez avoir oublié que j'ai voulu communiquer légerement à S: M: l'Imperatrice-Mère l'idée qui m'étoit venue et que nous avions debattu ensemble; je vous ai promis de ne pas vous laisser ignorer la réponse dont Elle m'honoreroit; le courrier d'hier m'a apporté cette réponse, je ne voulais plus vous la montrer puisque l'affaire qu'elle regarde a cessé de nous occuper et que surtout moi personnellement je n'y dois plus songer; cependant je me suis déterminé à vous la faire lire, et en vérité ce n'est que pour vous faire regretter le peu de facilité que vous avez eu à m'annoncer pour l'accomplissement d'un projet que je considérois devoir être également utile et avantageux à nos deux cours; eh bien, tenez, voyez; lisez-la! Stadion la lut à haute voix; à chaque ligne il faisoit des pauses pour n'éxprimer que sa satisfastion; après en avoir achevé la lecture il s'ecria: mais pourquoi comptez vous donc que l'affaire dont il a été question entre nous soit entièrement terminée et qu'il n'y a plus à y revenir; ce n'est pas mon opinion, je crois au contraire qu'avec quelques modifications et quelques éxplications de plus, elle doit réussir; je vous demande la permission de dire à l'Empereur que vous avez reçu cette réponse de S: M: l'Imperatrice-Mère et que je l'ai lue; je suis persuadé que le voyage des deux archiducs dont il y est fait mention ne subira pas de grands obstacles: rien n'est plus naturel que de les faire aller à votre cour comme Monseigneur le Grand Duc Constantin a déjà été deux fois à Vienne, et comme ils appartiennent tous les deux au métier des armes que l'Empereur Aléxanre affectionne tant, le prétexte de leur voyage sera tout trouvé quand ils iront en Russie le printems prochain pour y assister à l'exércice des troupes. Je repliquai à Stadion: Fort bien, je consens que vous portiez à la connaissance de

l'Empereur votre maître le contenu de cette réponse que m'a faite S: M: l'Imperatrice-Mère, mais en le fesant ne dites plus rien sur tout ce qui nous a antérieurement occupé pour fixer d'avance l'établissement futur de celui des deux archiducs qui pourra obtenir la main de M-me la Grande Duchesse, puisque c'est là ce qui a tant embarrassé l'Empereur; bornez-vous à lui faire désirer cette nouvelle union, de même que le voyage de son frère et de son cousin à Pétersbourg, pour qu'ils s'y fassent connoître individuellement; si l'un d'eux fixera le choix de M-me la Grande Duchesse, et celui de l'Empereur Son frère et de Son Auguste Mère, et qu'ils se conviendront mutuellement, alors il y aura toujours assez de tems pour que nos deux cours s'entendent et s'arrangent entr'elles sur tout ce qui a rapport à l'établissement et au sort des nouveaux epoux et de leur postérité; mais si ce voyage des archiducs doit avoir lieu, pourquoi le differer jusqu'au printems, plutôt il pourra se faire et mieux cela sera: le carnaval est ordinairement très brillant chez nous et seroit au moins aussi pour eux une excellente occasion d'aller à Pétersbourg pour en profiter d'abord après les fêtes du mariage de l'Empereur; mais il faudroit qu'ils y arrivent tous les deux ensemble, ou au moins qu'il n'y ait pas un grand intervalle entre l'arrivée de l'un et de l'autre.—Tout ce que vous m'éxpliquez par rapport à ce voyage sera facile à arranger, me dit Stadion; mais comment sauver à l'archiduc, qui ne seroit pas choisi, l'humiliation qu'il auroit de ne l'avoir pas été?—Ah! je vous entends, répondis-je, votre remarque est juste; mais j'éspère pouvoir l'annuler par une idée qui me vient; souvenez-vous que nous avons en Russie deux Grandes Duchesses à marier, que M-me la Grande Duchesse Anne qui est la cadette a déjà treize ans, qu'elle est très formée et très grande pour son âge, que dans quinze mois, ou deux ans, elle pourra être aussi établie, et qu'elle pourra fort bien convenir par tous les grands avantages de sa naissance, de sa fortune et de ses qualités personnelles à celui des archiducs, qui n'aura pas obtenu le coeur et la main de m-me sa soeur ainée.—Oui, certainement, repliqua Stadion, c'est un excellent éxpédient que vous proposez-là; mais comment marier deux archiducs à la fois, quand nous en avons déjà tant qui sont à la charge de l'état, et que leur nombre doit sant doute s'augmenter encore par le troisième mariage de l'Empereur? Mais comment faire consentir l'archiduc Ferdinand à ce voyage, lui qui est si attaché à son métier et aux règles les plus strictes du service, dans un moment, où il commande toutes les troupes en Moravie et en Silesie, et où nous avons à surveiller les mouvements de l'armée Françoise qui s'obstine à ne pas quitter dans le voisinage les provinces Prussiennes. Je ne pû m'empêcher de l'interrompre.—Mais on passe, dis-je, sur bien des considérations, quand il est question de former des doubles noeuds de parenté avec un monarque aussi puissant que l'Empereur de Russie; on ne voit que les avantages qui doivent en resulter, et tout doit y céder; c'est là ce que j'ai à vous répondre à vos deux remarques, et j'y ajoute que le voyage de l'archiduc Jéan seul ne peut suffire, qu'il ne remplira pas le but que je vous éxplique, qu'il faut absolument que l'archiduc Ferdinand soit à Pétersbourg, en même tems que lui, et dans ce moment-ci, puisque vous me faites consentir à m'occuper de nouveau d'un objet que je regardois

déjà comme non avenu, je me borne à souhaiter et à vous demander uniquement que les deux archiducs aillent se présenter à ma cour et qu'ils le fassent avant la fin de cet hiver. Il faut que le ton dont je proférai ces paroles fut si positif ou convainquant, que Stadion se desista de toutes ses objéctions et me déclara que sans perdre de tems il informeroit son maître de la réponse dont V: M: m'avoit honorée, et que dans ses représentations il insisteroit près de lui pûrement et simplement sur le voyage des deux archiducs à Pétersbourg. Il a senti qu'il ne me seroit pas indifférent de faire savoir à V: M-té par le courrier que j'ai à reéxpedier, le résultat qu'aura produit sa réponse et m'a promis de m'en informer dans deux ou trois jours. Je suis à l'attendre; ce que j'en saurai formera le contenu d'une lettre separée que j'adressai à V: M:, en attendant je Lui éxpose, dans celle-ci, le narré de mon entretien d'hier avec Stadion et ce que j'ai à repondre à V: M: à tout ce qu'Elle a daigné m'écrire en date de 28 d'Octobre.

Je suis avec le plus profond respect etc.

XXXI.

Вѣна 16/28 Ноября 1807.

Государыня,

Я имѣлъ счастіе получить черезъ курьера три письма, которыми В. И. В-во почтили меня изъ Гатчины, отъ 28-го Октября. Открытое письмо превосходно, и вполнѣ соотвѣтствуя своей цѣли, оно дало мнѣ желаніе, смѣлость, возможность возвратиться къ дѣлу, отъ котораго, къ огорченію моему и досадѣ, я считалъ себѣ вынужденнымъ отказаться, и которое я считалъ уже (хотя я сильно принималъ его къ сердцу) несбывшимся и непоправимымъ никакими усиліями. Но прежде, чѣмъ дать отчетъ В. В-ву въ моихъ новыхъ попыткахъ, я долженъ оправдаться передъ Вами въ исполненныхъ милости упрекахъ, которые Вы мнѣ дѣлаете. Если первыя мои предложенія, сообщенныя графу Стадіону, лично отъ меня, какъ собственныя мои мысли, могли показаться В. В-ву слишкомъ поспѣшными, то прошу Васъ быть увѣренною, что я рѣшился на нихъ лишь изъ усердія и преданности къ Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и изъ нетерпѣливаго желанія видѣтъ Ея судьбу наконецъ устроенною: увѣряю Васъ также, что осторожный способъ, которымъ я объяснился съ графомъ Стадіономъ, долженъ былъ убѣдить его, что я говорилъ съ нимъ по собственному побужденію и что нѣтъ возможности, что-бы онъ подозрѣвалъ противное. Я имѣю тому доказательство въ его отвѣтѣ, къ которому я принудилъ его по возвращеніи Императора, отвѣтѣ, столь мало соотвѣтствовавшемъ моимъ надеждамъ, такъ сильно меня огорчившемъ! Не отрицаю, что откровенность моя на счетъ предположеннаго мною брака съ Императоромъ Францомъ не была вызвана ничѣмъ со стороны графа; но это признаніе было сдѣлано лично отъ меня, для того, что-бы еще болѣе убѣдить Стадіона въ цѣнѣ, придаваемой мною новымъ родственнымъ узамъ между нашимъ Императорскимъ домомъ и Австрійскимъ и потому, что я хотѣлъ попытаться, не удастся ли мнѣ этимъ намекомъ снова обратить виды Императора на Великую Княжну, какъ того желали и В-е В-во. Тогда не всѣ, въ той-же степени, какъ теперь, были убѣждены въ привязанности Императора къ его молодой невѣстѣ, и мнѣ было простительно думать, что ему не будетъ трудно (такъ какъ о его бракѣ лишь говорилось, но не было объявлено) предпочесть другую невѣсту, которая по отличнымъ своимъ качествамъ обезпечила-бы его семейное счастіе, и въ то-же время, по рожденію своему, гораздо бо-

лѣе соотвѣтствовала-бы интересамъ монархіи. Я говорилъ себѣ также, что даже если мнѣ не удастся произвести въ немъ эту перемѣну, выраженнаго мною желанія будетъ достаточно, что-бы придать болѣе внушительности, болѣе шансовъ на успѣхъ высказанному мною за тѣмъ предложенію о замѣнѣ его (для скрѣпленія узъ между двумя Имперіями) однимъ изъ принцовъ его крови. Вотъ истинныя причины, побудившія меня къ такой откровенности. Я слишкамъ уважалъ имена, съ которыми я обращался, и чувства Августѣйшихъ особъ, для которыхъ я трудился, что бы не избѣгать самымъ тщательнымъ образомъ всего, что̀ могло поставить ихъ въ ложное положеніе; я думаю, что я въ этомъ успѣлъ, ибо я говорилъ лишь отъ своего лица, лишь какъ о планѣ, подкупившемъ меня взаимными выгодами, которыя онъ обѣщалъ двумъ Имперіямъ, между которыми я призванъ поддерживать дружбу; и если въ этомъ случаѣ я впалъ въ ошибку, то конечно только изъ лишняго усердія и съ лучшими намѣреніями.

О молодомъ эрцгерцогѣ Фердинандѣ я сказалъ все, что̀ могъ сказать. Мнѣ только и было извѣстно, что на войнѣ онъ выказалъ себя самымъ блестящимъ образомъ, что его военные таланты внушаютъ къ нему большое вниманіе и подаютъ большія надежды; что онъ любимъ и уважаемъ своими подчиненными, что его поведеніе снисходительно, умно и сдержано; что у него нѣтъ состоянія, что ему неоткуда его ждать; и что его репутація какъ и его положеніе въ свѣтѣ находятся въ совершенной зависимости отъ избранной имъ карьеры; но я еще не зналъ его лично, онъ былъ въ Брюннѣ, при ввѣренномъ ему войскѣ, и я не могъ узнать ничего подробнаго и точнаго о его частной жизни и о его наклонностяхъ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько времени, а мнѣ пришлось сегодня представлять эрцгерцогинѣ его матери и ея семейству, нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ, то я сегодня увидѣлъ его въ первый разъ, и съ нимъ познакомился. Онъ очень хорошо сложенъ, очень учтивъ, очень разговорчивъ, звукъ его голоса и всѣ его пріемы весьма пріятны и внушаютъ сочувствіе; это тотъ изъ дѣтей эрцгерцогини Беатрисы, который наиболѣе походитъ на нее. У него всѣ ея черты, ея профиль, ея улыбка, ея глаза, ея волосы; онъ имѣетъ цвѣтъ лица воина, всегда подверженнаго воздуху и солнцу; впрочемъ, онъ имѣетъ видъ здоровый, свѣжій и румяный, и я допускаю, что лицо его и физіономія могутъ нравиться, и что онъ принадлежитъ къ тому весьма малому числу принцевъ, которые возбуждаютъ сочувствіе по соединенію умственныхъ качествъ съ привлекательною наружностію. Дѣла службы требуютъ его присутствія въ Брюннѣ, и онъ уѣзжаетъ послѣ-завтра, что-бы вернуться сюда, какъ онъ мнѣ сказалъ, около времени назначеннаго для бракосочетанія эрцгерцогини, его сестры. Его наружность и разговоръ, столь предрасполагающіе въ его пользу, указываютъ на добрый характеръ и кроткіе нравы, да иныхъ и ожидать нельзя, при извѣстномъ умѣ эрцгерцогини Беатрисы и особенномъ стараніи ея о воспитаніи и нравственности ея сыновей; эрцгерцогъ Фердинандъ, столь похожій на нее, считается ея любимцемъ. До сихъ поръ, вотъ все, что̀ я въ состояніи сказать Вашему Величеству; но мнѣ кажется, что сказаннаго мною достаточно, что-бы расположить Васъ къ благосклонному о немъ сужденію. Я не позволю себѣ сравненія между эрцгерцогами Іоанномъ и Фердинандомъ; оба исполнены прекрасныхъ и высокихъ качествъ; оба имѣютъ очень привлекательную наружность, и оба мнѣ весьма понравились. Когда В. В-во и Великая Княжна увидите ихъ вмѣстѣ, Вы оцѣните ихъ лучше, и не мнѣ, отсюда, судить напередъ о впечатлѣніи, которое они произведутъ на Великую Княжну, и о томъ мнѣніи или чувствѣ, которое можетъ возбудить въ ней одинъ изъ нихъ преимущественно передъ другимъ.

Открытое письмо В. В-ва, признаюсь, очень обрадовало меня, ибо отверзаетъ мнѣ широкое поприще и новыя средства для возобновленія дѣла, о которомъ въ немъ рѣчь, и о которомъ я болѣе не думалъ, вслѣдствіе неудовольствія и досады, причиненной мнѣ отвѣтомъ Стадіона. Я долго оставался въ нерѣшимости, воспользоваться-ли мнѣ этимъ открытымъ письмомъ В. В-ва или нѣтъ, пустить ли мнѣ его въ ходъ тотчасъ-же, или дождаться мнѣ прежде Вашего отвѣта на подробный отчетъ, представленный мною о моемъ послѣднемъ разговорѣ съ Стадіономъ по тому-же предмету; но наконецъ, принявъ въ соображеніе, что нерѣшимость и нежеланіе заручиться на счетъ будущей судьбы своего брата, обнаруженныя Императоромъ въ разговорѣ съ его министромъ, происходили отъ узости взглядовъ, отъ мелочнаго, денежнаго расчета, вызваннаго затрудненіями въ увеличеніи содержанія и обезпеченіи судьбы его брата; принявъ также въ соображеніе, что В. В-во, какъ и слѣдовало ожидать, настаиваете всего болѣе на нравственныхъ качествахъ, не останавливаясь за нѣсколькими тысячами недостающихъ дукатовъ; что слѣдуетъ вести дѣло въ общихъ чертахъ, и не спорить съ самого начала о мелочахъ, которыя могутъ его испортить; что для меня главная цѣль и главное затрудненіе теперь состоятъ въ томъ, что-бы склонить Императора Франца къ желанію и дозволенію поѣздки его братьевъ, роднаго и двоюроднаго, въ Петербургъ; и что лишь въ этомъ, въ настоящее время, заключается желаніе В. В-ва; я рѣшился пустить письмо въ ходъ немедленно, убѣжденный, что этотъ шагъ, не принося никакого вреда, покажется лишь естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ представленій, съ которыми я обѣщалъ Стадіону обратиться къ В. В-ву, и напротивъ можетъ принести большую пользу. Вотъ, какъ я принялся за дѣло.

Вчера, совѣщаясь съ Стадіономъ о дѣлахъ государственныхъ, я постарался ясно дать почувствовать ему, насколько Австрія нуждается въ Россіи; что Россія никогда не можетъ имѣть намѣренія уменьшить могущество и владѣнія Австріи, и что во всякомъ случаѣ, Россіи всегда прійдется быть ея главною защитницею; и въ концѣ совѣщанія, въ ту минуту, какъ я вставалъ что-бы его оставить, я сказалъ: „Прійдется мнѣ однако-же возбудить въ васъ сильныя сожалѣнія: вотъ мы сидимъ въ той-же комнатѣ и на томъ-же мѣстѣ, на которомъ происходили наши два конфиденціяльные разговора, и мнѣ нѣтъ надобности извиняться въ тѣхъ чувствахъ, которыя меня тогда одушевляли, и были совершенно искренни. Стоитъ вамъ только вспомнить ваше нежеланіе отвѣчать мнѣ, послѣ вашего свиданія съ Императоромъ, и мало удовлетворительный отвѣтъ, который вы наконецъ были вынуждены дать мнѣ. Вы конечно, не сомнѣваетесь, что я былъ имъ столько-же удивленъ, какъ и огорченъ. Вы не могли забыть, что я хотѣлъ сообщить слегка Императрицѣ-матери мысль, которая пришла мнѣ въ голову и которую мы разработывали вмѣстѣ, и я обѣщалъ вамъ не скрыть отъ васъ отвѣта, коего она меня удостоитъ: вчерашній курьеръ привезъ мнѣ этотъ отвѣтъ, и я хотѣлъ-было не показывать его вамъ, потому что дѣло, котораго онъ касается, перестало занимать насъ, и мнѣ въ особенности нечего о немъ болѣе думать: однако-же я рѣшаюсь дать вамъ его прочесть, и право, только для того, что-бы заставить васъ пожалѣть о тѣхъ затрудненіяхъ, которыми былъ встрѣченъ проэктъ, по моему крайнему разумѣнію, полезный и выгодный для обоихъ нашихъ дворовъ; и такъ, читайте!“ Стадіонъ прочелъ письмо вслухъ; на каждой строкѣ онъ останавливался, что-бы выражать свое удовольствіе: окончивши чтеніе, онъ воскликнулъ: — Но почему-же считаете вы дѣло, о которомъ шла рѣчь между нами, совершенно поконченнымъ и невозобновимымъ? Я не того мнѣнія. Я напротивъ думаю, что при нѣкото-

рыхъ дополнительныхъ объясненіяхъ и видоизмѣненіяхъ, оно должно удасться; прошу у васъ позволенія сказать Императору, что вы получили этотъ отвѣтъ отъ Е. В-ва Императрицы матери, и что я читалъ его. Я увѣренъ, что путешествіе двухъ эрцгерцоговъ, о которомъ въ немъ рѣчь, не встрѣтитъ большихъ препятствій; нѣтъ ничего естественнѣе, какъ послать ихъ къ вашему двору точно такъ же, какъ Великій Князь Константинъ Павловичь уже два раза былъ въ Вѣнѣ, и такъ какъ оба принадлежатъ къ военной профессіи, столь уважаемой императоромъ Александромъ, то если они поѣдутъ въ Россію будущею весною что-бы присутствовать при ученіяхъ войскъ, нечего намъ искать иного предлога для ихъ путешествія.

—Очень хорошо, отвѣчалъ я Стадіону, соглашаюсь на то, что-бы вы довели до свѣдѣнія вашего Государя содержаніе этого отвѣта Императрицы-матери, но при этомъ не говорите ему больше ничего о всемъ томъ, о чемъ мы толковали прежде относительно предварительнаго опредѣленія будущихъ средствъ того изъ эрцгерцоговъ, который могъ-бы удостоиться руки Великой Княжны, ибо это-то и затруднило Императора: ограничтесь тѣмъ, что-бы заставить его желать этого новаго союза, а также путешествія его братьевъ въ Петербургъ, для того, что-бы ихъ тамъ узнали лично; если одинъ изъ нихъ остановитъ на себѣ выборъ Великой Княжны, Императора Ея брата и Ихъ Августѣйшей матери; если они понравятся другъ другу, то оба двора всегда успѣютъ договориться и согласиться на счетъ обезпеченій для судьбы молодыхъ супруговъ и ихъ потомства; но если это путешествіе эрцгерцоговъ должно совершиться, зачѣмъ откладывать его до весны; чѣмъ раньше состоится оно, тѣмъ лучше; масляница у насъ обыкновенно очень блестяща; это было-бы прекраснымъ случаемъ для нихъ, что-бы поѣхать въ Петербургѣ тотчасъ послѣ свадьбы императора; но желательно, что-бы они прибыли туда вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ, что-бы не было долгаго промежутка между пріѣздомъ одного и другого.—Все то, что̀ вы излагаете мнѣ на счетъ этого путешествія, легко устроить, отвѣчалъ Стадіонъ; но какъ избавить того эрцгерцога, который не будетъ избранъ, отъ неловкости такого положенія?—А! понимаю васъ, отвѣчалъ я;—ваше замѣчаніе справедливо; но надѣюсь успокоить васъ соображеніемъ, которое приходитъ мнѣ въ голову; вспомните, что у насъ въ Россіи двѣ Великія Княжны, что младшей, В. К. Аннѣ Павловнѣ, уже тринадцать лѣтъ, что она по лѣтамъ очень развита и высока ростомъ; что черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, или два года, и она можетъ выйти за-мужъ, и что она по всѣмъ преимуществамъ рожденія, богатства и личныхъ качествъ можетъ составить прекрасную партію для того изъ эрцгерцоговъ, который не удостоится руки и сердца ея старшей сестры.—Да, конечно, возразилъ Стадіонъ,—вы предлагаете прекрасный исходъ изъ затрудненія; но какъ женить намъ разомъ двухъ эрцгерцоговъ, когда ихъ уже такъ много на государственномъ иждивеніи, и число ихъ безъ сомнѣнія еще возрастетъ вслѣдствіе третьяго брака императора? Но какъ уговорить на это путешествіе эрцгерцога Фердинанда, столь привязаннаго къ своему дѣлу и къ строгимъ правиламъ службы, въ минуту, когда онъ командуетъ всѣми войсками въ Моравіи и Силезіи, и когда намъ приходятся слѣдить за движеніями Французской арміи, упорно держащейся въ сосѣднихъ Прусскихъ провинціяхъ? — Но, невольно прервалъ я его, можно опустить многія соображенія, когда дѣло идетъ о томъ, что-бы заключить двойной родственный союзъ съ монархомъ, столь могущественнымъ, какъ Русскій Императоръ; тутъ смотришь только на выгоды, отъ этого проистекающія, и все должно уступить этому соображенію. Вотъ все, что̀ могу я сказать на ваши два замѣчанія, и присовокуплю, что путешествіе одного

эрцгерцога Іоанна недостаточно, что оно не соотвѣтствовало-бы цѣли, мною указанной, что необходимо также и въ то-же время, присутствіе въ Петербургѣ эрцгерцога Фердинанда, и въ настоящее время, такъ какъ вы снова вовлекли меня въ дѣло, которое я уже считалъ не состоявшимся, ограничиваюсь желаніемъ и просьбою, что-бы оба эрцгерцога поѣхали представиться къ моему двору, и что-бы они это сдѣлали до конца этой зимы.—Должно думать, что тонъ, которымъ я произнесъ эти слова, былъ положителенъ и убѣдителенъ, ибо Стадіонъ отказался отъ своихъ возраженій и объявилъ, что, не теряя времени, онъ извѣстить своего Государя объ отвѣтѣ, котораго удостоили меня В. В-во, и будетъ просто и исключительно настаивать на томъ, что-бы оба эрцгерцога поѣхали въ Петербургъ. Онъ понялъ, что мнѣ не лишнее дать знать В. В-ву, черезъ перваго курьера о результатѣ Вашего отвѣта, и обѣщалъ извѣстить меня объ ономъ черезъ два, три дня. Жду этого извѣщенія, и то что̀ я узнаю, составитъ содержаніе особаго письма къ В. В-ву; пока ограниваюсь этимъ отчетомъ о моемъ разговорѣ съ Стадіономъ и отвѣтомъ на все то, что̀ В-е В-о изволили написать мнѣ отъ 28 Октября.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ, и т. д.

XXXII.

à Vienne le 21 Novembre, / 3 Decembre 1807.

Madame,

L'archiduc Palatin étant retourné à Bude, par conséquent n'ayant pû lui remettre en mains propres la lettre que V: M: I: m'avoit envoyée pour lui, comme Elle me l'avoit ordonnée, je me suis décidé, ne pouvant remplir mieux et autrement les ordres de V: M:, de l'inserer dans une lettre que j'ai adressée à l'archiduc pour la lui faire parvenir et dont j'ai chargé le secretaire-interprête de mon ambassade Frohman, le filleul de feu l'Empereur; c'est lui qui par la volonté et la protection de V: M: a été placé à notre service, et que j'ai éxpédié d'ici en courrier. Frohman revenu hier de Bude m'a apporté de la part de l'archiduc le pacquet ci-joint à l'adresse de V: M: et une réponse pour moi, que je me fais un devoir de Lui présenter ici en original. Il faut que m-gr l'archiduc ait été bien content de l'envoi que je lui ai fait puisqu'indépendemment de l'accueil plein de bonté qu'il a accordé à Frohman, il lui a fait remettre encore le cadeau d'une bague de brillant de cinq à six cent florins.

J'en viens à présent à m-gr le duc Ferdinand; il a été au comble de la joie en voyant que V: M: se rappelloit de lui et lui conservoit toujours Sa bienveillante affection, et Sa lettre a été véritablement pour lui la plus grande des consolations. J'ai l'honneur de présenter à V: M: ses deux lettres de différentes dates. Comme j'ai déviné que la première ne pouvoit contenir tous les détails de sa triste situation, je lui ai conseillé, j'ai éxigé même, qu'il en écrive une autre pour rendre à V: M: un compte éxact et fidèle de toutes les circonstances facheuses, où il se trouve et des causes qui les ont produites, étant persuadé que V: M: en les apprenant le plaindera plus qu'Elle ne le blamera, et en général qu'Elle conviendra, que la conduite qu'il a tenu pendant ces deux dernières années est très malheureuse pour lui, par les apparences, et que dans le fond elle n'est pas aussi repréhensible qu'elle paroit l'être. On ne peut être plus humilié, qu'il l'est dans son service, et il est impossible d'avoir moins de ressources et plus de gênes dans ses moyens de subsistance que lui. V: M: daignera me pardonner

ma franchise, mais je ne puis ne pas Lui avouer, que je combattis du fond de mon coeur au sort rigoureux qu'il doit supporter: je sais avec certitude, qu'il s'abuse en croyant qu'il peut être remis encore en activité d'après son grade; quand même il y auroit des places vacantes, qui eussent pû lui convenir, ce ne sera pas lui, à qui on songera pour les remplir. L'Empereur semble avoir pris le parti de ne plus l'employer et de le considérer comme n'étant plus déjà dans le cas d'y aspirer et de pouvoir l'être. Le voyant donc humilié, abandonné, sans aucun autre éspoir fondé, que celui, que les bontés de V: M: peuvent entretenir dans Son coeur serré, j'ai été de l'opinion qu'il valloit beaucoup mieux pour lui de se choisir un autre séjour et de ne plus rester à Vienne où il ne peut qu'éxister d'une manière inconvenable à sa naissance et à son grade militaire. Il vouloit encore faire une dernière tentative près de l'Empereur, pour lui demander s'il vouloit l'employer ou non; je lui ai fait sentir que cette demarche n'auroit certainement pas plus de succès que les précédentes, et dans la difficulté du choix d'un endroit dans les états de la monarchie Autrichienne où il pourroit se fixer, il ne s'est arrêté qu'à Gorcie et à l'idée qu'il pouvoit obtenir la permission d'aller en Italie pour y retablir par le bienfait du climat sa santé qui effectivement est tout-à-fait derangée. Malade depuis deux mois d'une très forte fièvre, il n'en est pas encore guéri, et sa faiblesse, sa maigreure et l'air souffrant de sa physiognomie indiquent parfaitement combien toutes ses forces sont faibles. Il n'a pour vivre que les vingt mille florins en argent de la pension temporaire que lui a accordé l'Empereur, et encore a-t-il le désagrément de ne pas pouvoir l'employer en entier pour son usage, ayant une dette de conscience à payer à son banquier de Sudtgard pour les avances que celui-là lui a faites sur ses appanages que le roi son frère vient de sequestrer retroactivement. La pension qu'il reçoit, qui est son unique assistance et sans laquelle il n'auroit absolument pas de quoi subsister, lui pèse infiniment par les accessoires amères, dont elle est accompagnée. Pour faire une idée à V: M: des besoins qu'il éprouve, je me contenterai de Lui dire que sa maison n'est composée que d'un valet de chambre, d'un chasseur et d'un cuisinier; dans son état de detresse il n'a pû me câcher qu'il seroit au comble de ses voeux et qu'il ne se permettroit jamais d'en former d'autres, si V: M: I: lui fesoit la grace d'obtenir pour lui de l'Empereur Son auguste fils, un asile dans une de ses villes de province quelque part qu'il fut, avec une pension purement alimentaire; il dit que c'est tout ce qu'il désire; que s'il avoit le bonheur de l'obtenir qu'il ne chercheroit alors, qu'à rester paisiblement dans la retraite, qui lui auroit été accordée, qu'il n'aurois plus rien à demander, ni place dans le service de Russie ni aucun bienfait de plus, et qu'il éviteroit soigneusement de venir dans la capitale pour ne pas gêner par sa personne et ne pas avoir l'air de se préparer à quelque nouvelles demandes; mais en même tems il sent aussi que l'inconduite de son frère le duc Louis ne peut que lui être très nuisible, en entravant les dispositions que V: M: pourroit avoir en sa faveur, et en diminuant à S: M: l'Empereur l'envie de lui accorder des témoignages de sa bienveillance et de sa générosité. Que V: M: daigne me le pardonner encore une fois, mais j'ose La supplier d'être bien persuadée, que dans aucune occasion la bonté et la sensibilité de

Son coeur ne peut être mieux employé que dans celle-ci, où il s'agit de tendre une main secourable à un frère qui Lui est tendrement dévoué et qui est victime de la dureté et de l'ingratitude de ceux sur lesquels il avoit le plus à compter. Je le pense et j'ose le répeter: personne ne mérite plus que m-gr le duc Ferdinand, par les malheurs, dont il est accablé, de devenir l'objet de l'intérêt particulier, de la sollicitude et des bienfaits de V: M.

Tout ce que V: M: a bien voulu me dire, sur le compte de m-gr le duc Louis est parfaitement vrai. C'est là ce que j'ai toujours pensé et dit moi-même. Il est sans excuses. Ce n'est pas moi qui a pu provoquer le ton amical des lettres qu'il m'a écrites. Mes réponses très courtes, quoique très respectueuses, en étoient fort éloignées, et je crois que n'ayant eû rien à lui dire de ce qu'il pouvoit souhaiter, il s'en impatientera, et notre correspondance finira d'elle-même.

A mon très grand regret, je suis obligé d'importuner aussi V: M: en Lui transmettant une lettre de la c-sse d'Equevilly, dont le mari a été g-l major du corps de Condé au service de Russie et au quel S: M: l'Empereur a permis d'en porter l'uniforme; je ne connois pas m-me d'Equivilly, mais m-me de Schouvaloff et le p-ce de Ligne qui la connaissent beaucoup m'on fait le tableau de tout le revers de la fortune qu'elle et son mari, jadis fort riche en France, ont essayés, et je n'ai pû me refuser à leur prière réunie de faire passer à V: M: I: la suplique qu'elle m'a envoyée en Son nom.

XXXII.

Вѣна 21 Ноября (3 Декабря) 1807.

Государыня!

Такъ какъ эрцгерцогъ Палатинъ вернулся въ Буду, и такъ какъ я, вслѣдствіе этого, не могъ передать ему въ собственныя руки письмо, которое ему прислали черезъ меня В. И. В-во, то я рѣшился, не имѣя возможности исполнить лучше и иначе приказаніе В. В-ва, вложить его въ письмо адресованное къ эрцгерцогу, которое я и поручилъ переводчику при моемъ посольствѣ, Фроману, крестнику покойнаго Императора, тому самому, который вступилъ въ нашу службу по волѣ и подъ покровительствомъ В. В-ва, и я отправилъ его отсюда курьеромъ. Фроманъ, возвратившись вчера изъ Буды, привезъ мнѣ отъ эрцгерцога приложенный при семъ пакетъ, адресованный В. В-ву, и отвѣтъ мнѣ, который считаю долгомъ тоже представить В. В-ву въ оригиналѣ. Надобно полагать, что эрцгерцогъ былъ очень доволенъ полученною черезъ меня посылкою, ибо, независимо отъ милостиваго пріема сдѣланнаго Фроману, онъ подарилъ ему брилліантовый перстень цѣною отъ пяти до шести сотъ флориновъ.

Возвращаюсь теперь къ герцогу Фердинанду. Онъ былъ обрадованъ, видя, что В. В-во его помните и сохраняете къ нему благосклонную привязанность, и Ваше письмо по истинѣ было для него величайшимъ утѣшеніемъ. Имѣю честь представить В. В-ву два его письма отъ разныхъ чиселъ. Такъ какъ я догадался, что въ первомъ не могутъ быть изложены всѣ подробности его печальнаго положенія, я посовѣтовалъ ему, я даже потребовалъ, что-бы онъ написалъ другое, что-бы отдать В. В-ву вѣрный и точный отчетъ о всѣхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находится, и о причинахъ, которыя ихъ произвели, въ увѣренности, что В. В-во, узнавши ихъ, болѣе пожалѣете о немъ, чѣмъ его осудите, и вообще согласитесь, что поведеніе его въ теченіи этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, весьма несчастное для него по наружности, въ сущности не столь предосудительно, какъ кажется. Нельзя быть болѣе униженнымъ, чѣмъ онъ, въ дѣлахъ службы, и невозможно нахо-

диться въ болѣе стѣсненномъ и безпомощномъ денежномъ положеніи. Да проститъ мнѣ В. В-во, мою откровенность, но я не могу Вамъ не признаться, что я отъ глубины сердца соболѣзную о жестокой судьбѣ, которую онъ переноситъ; я знаю навѣрное, что онъ заблуждается, полагая, что еще можетъ быть принятъ на службу сообразно съ своимъ чиномъ; если-бы даже были незанятыя мѣста, которыя могли-бы ему прійтись, не о немъ подумаютъ, что-бы замѣститъ ихъ. Императоръ повидимому рѣшился болѣе не давать ему должностей и смотрѣть на него какъ на человѣка, не имѣющаго и права питать подобныя надежды. И такъ, видя его униженнымъ, оставленнымъ всѣми, безъ иныхъ на чѣмъ-либо основанныхъ надеждъ, кромѣ тѣхъ, которыя можетъ поддержать въ его уязвленномъ сердцѣ милость В. В-ва, я пришелъ къ заключенію, что для него гораздо лучше избрать себѣ иное мѣсто жительства, и не оставаться долѣе въ Вѣнѣ, гдѣ онъ можетъ существовать лишь способомъ, несоотвѣтствующимъ его рожденію и его военному чину. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ попытаться попросить Императора о должности, но я далъ ему почувствовать, что эта попытка будетъ столь-же безуспѣшна, какъ и предъидущія; и затрудняясь въ выборѣ мѣстажительства, онъ остановился лишь на Горицѣ и на мысли, что онъ можетъ испросить себѣ позволеніе поѣхать въ Италію, что-бы поправить тамъ, благодаря климату, свое здоровье, дѣйствительно совершенно разстроенное. Больной уже два мѣсяца весьма сильною лихорадкою, онъ до сихъ поръ не можетъ отъ нея избавиться, и его слабость, его худоба, его болѣзненный видъ, ясно показываютъ, что его силы совершенно истощены. Онъ живетъ только двадцатью тысячами флоринами серебромъ временной пенсіи, дарованной ему Императоромъ, и къ тому-же не имѣетъ возможности пользоваться ею вполнѣ, вслѣдствіе долга, который онъ долженъ уплатить своему Штутгардскому банкиру за помощь, оказанную ему подъ обезпеченіе удѣла, на который король его братъ наложилъ обратный секвестръ. Пенсія, получаемая имъ здѣсь, безъ которой онъ не могъ-бы существовать, чрезвычайно тяготитъ его по непріятностямъ, съ которыми сопряжено ея полученіе. Что-бы дать В. В-ву понятіе о нуждѣ, которую онъ испытываетъ, достаточно сказать Вамъ, что прислуга его состоитъ лишь изъ каммердинера, егеря и повара. Въ своемъ бѣдственномъ положеніи, онъ не скрылъ отъ меня, что всѣ желанія его были-бы исполнены и онъ не позволилъ-бы себѣ желать ничего бо́льшаго, если-бы Ваше В-во оказали ему милость испросить для него у Императора, Вашего Августѣйшаго сына, убѣжище въ одномъ изъ его провинціяльныхъ городовъ съ пенсіею, только достаточною на поддержаніе его существованія. Онъ говоритъ что болѣе онъ ничего не желаетъ, и что если онъ будетъ имѣть счастіе этого достигнуть, онъ только и будетъ думать о томъ, что-бы оставаться спокойно въ убѣжищѣ, ему назначенномъ, что ему не останется просить ничего бо́льшаго, ни должности на Русской службѣ, ни иного благодѣянія, и что онъ будетъ тщательнно избѣгать пріѣздовъ въ столицу, что-бы не стѣснять двора своимъ присутствіемъ и не подавать вида, что готовится къ новымъ просьбамъ; въ то-же время онъ сознаетъ, что дурное поведеніе его брата Лудвига не можетъ не повредить ему очень сильно, противодѣйствуя расположенію В. В-ва въ его пользу, и отъимая у Государя Императора желаніе изливать на него свидѣтельства своего благорасположенія и щедрости. Еще разъ, да проститъ меня В. В-во, но смѣю просить Васъ быть увѣренною, что ни въ какомъ случаѣ доброта и чувствительность Вашего сердца не можетъ быть лучше приложена, какъ именно въ этомъ, гдѣ приходится протянуть руку помощи брату, Вамъ нѣжно преданному, и сдѣлавшемуся жертвою жестоко сердія и неблагодарности тѣхъ, на кото

рыхъ ему всего естественнѣе было расчитывать. Я въ томъ убѣжденъ, и осмѣливаюсь повторить, что никто, болѣе герцога Фердинанда, по несчастіямъ, его подавляющимъ, не достоинъ сдѣлаться предметомъ особого участія, заботливости и благодѣяній В. В-ва.

Все что В. В-во изволили сказать мнѣ на счетъ герцога Лудвига, совершенная правда. Это то-же, что я всегда думалъ и говорилъ. Ему нѣтъ извиненій. Не я вызывалъ дружескій тонъ писемъ, имъ мнѣ написанныхъ. Мои весьма краткіе, хотя и почтительные, отвѣты не могли подать къ тому повода, и я думаю, что такъ какъ я не могъ сказать ему ничего для него желательнаго, онъ потеряетъ терпѣніе, и наша переписка прекратится сама собою.

Къ крайнему моему сожалѣнію, я вынужденъ также обезпокоить В. В-во передачею письма отъ графини Эквильи, мужъ который былъ на Русской службѣ, генералъ-майоромъ въ корпусѣ Конде, и получилъ отъ Государя Императора позволеніе носить Русскій мундиръ. Я не знаю г-жи Эквильи, но гр. Шувалова и князь де Линь, весьма близко съ нею знакомые, начертили мнѣ картину бѣдствій испытанныхъ ею и ея мужемъ, людьми когда-то во Франціи очень богатыми: я не могъ устоять противъ ихъ соединенныхъ просьбъ, и посылаю Вашему Величеству прошеніе, присланное мнѣ ею на Ваше имя.

XXXIII.

à Vienne, $\frac{\text{22 de Novembre}}{\text{4 de Decembre}}$ 1807

Madame,

Avant hier j'ai eu un entretien de 3 heures avec le c–te de Stadion. V: M: I: a vû par ma lettre du $\frac{16}{28}$ de Novembre, № 43, avec quelle confiance fondée, je devois attendre les résultats de ma conférence précédente. Mais il étoit écrit dans les déstinées, que le désir le plus ardent de mon coeur, le voeu particulier du ministre, rencontreroient des obstacles insurmontables, parceque des maximes d'état surannées des considérations de religion, de géniture et d'ainesse, la crainte de heurter des frères en place et en crédit, l'emportent sur l'intérêt politique, naturel, évident de cette union.

Je vais détailler nos éxplications avec cette éxactitude scrupuleuse, qui dans toutes les occasionts de ma vie caractérisera mes rapports à V: M: I:.

Des objets importans avoient éxigé une éspèce de comité entre le c–te de Stadion, le general d–te de Grün, directeur de la chancellerie du minisre de la guerre, et moi. Ces discussions fixées, le général se rétira, et je demeurai seul avec le ministre. Je résumai avec lui tous les points de la conférence, ceux des événemens publics; je voulais de cette manière le conduire naturellement à ce qu'il pouvoit avoir à me dire du succès de son travail avec l'Empereur, à la suite de ce qui avoit été dit entre nous à l'égard du voyage des deux archiducs. Cependant la conversation d'affaires s'épuisoit.—N'avez-vous rien oublié, demandois-je au ministre?—Il me semble que non, fut sa réponse, et cette réponse me présageant le résultat de ses démarches, j'étouffai le mouvement, qui s'élevoit en moi, et du ton le plus calme je lui dis: N'avez vous rien à m'apprendre de nos voyageurs?—Hélas, réprit le c–te de Stadion, avec embaras et peine, les dispositions de l'Empereur sont invariables. Il sent tout le prix de ce qu'il pouvoit arriver d'heureux aux princes de sa maison; mais il persevère dans le systême, que l'établissement des cadets est contre l'intérêt des monarchies, sous les rapports de la postérité qui provient de ces unions; parcequ'une union pareille avec une Grande Duchesse de Russie

donneroit à des cadets un établissement fait pour être jalousé par les ainés, que cet établissement ne seroit point compatible avec l'ordre proportionnel où les a placés leur naissance dans la famille même, et qu'il éxigeroit pour la progéniture future des appanages aux frais de l'état; c'est par toutes ses considérations que l'Empereur ne croit point pouvoir ou devoir consentir à établir ses frères cadets ou ses cousins. — Je vois, dis-je, qu'on en revient toujours, à des calculs arithmétiques. Je crois cependant vous avoir suffisamment observé que ce n'étoit point un obstacle qui put arrêter.—Non, me repliqua Stadion, ce n'est point là ce qui arrête; ce sont les raisons que je vous ai éxposées et qui portent l'Empereur à croire, qu'il seroit inconvenable d'établir les cadets avant les ainés, qui ont une fortune faite et une fortune proportionnée à cet etat. Il proposa de nouveau l'archiduc Charles.—Vous oubliez, lui dis-je, la conversation, que nous avons eue à son sujet avant que vous eussiez lû la lettre, qui vous a si vivement penétré. Vous oubliez, qu'il n'est pas encore question d'un mariage, mais qu'il ne s'agit que d'un voyage en Russie. La Mère auguste et tendre qui préfère le bonheur de Sa fille à toute autre considération, ne la donnera qu'au prince qui aura sçû l'interésser. Il faudroit donc supposer ici un mariage par procuration, et cela n'entrera jamais dans les intentions de l'Imperatrice-Mère. D'ailleurs veuillez vous rappeller des accidents auxquels la santé de l'archiduc Charles est soumise; n'oubliez point, que dans le tems même, votre cour a désiré que pour M-me la Grande Duchesse Alexandrine on preférat l'archiduc Joseph; et convenez que si la popularité dont jouit le généralissime, le pouvoir dont il est investi, sa vie militaire, ses talents, ses connaissances et son ésprit pouvoient intéresser une princesse à la fleur de l'âge, dans tout l'éclat de la fraicheur, instruite et parfaite en tout, des refléxions de crainte se méleroient cependant à son éxistence. —Cela pouvoit être vrai autrefois, reprit le c-te de Stadion, mais aujourd'hui que l'archiduc est entièrement rétabli, ces inquiétudes ne seroient plus fondées. Le peu de chemin que ses refléxions faisoient dans mon opinion le décida à passer au second frère, au grand-duc de Würtzbourg. Je rappellai de nouveau nos entretiens antérieurs. Il est vrai, continua le c-te de Stadion, qu'il ne possède aucune qu. ''té éxtérieure, séduisante; mais il a toutes celles du coeur, il a prouvé qu'il étoit susceptible d'attachement, et puis il a une souveraineté. Je coupai une seconde fois court à ces remarques, pour revenir au voyage des archiducs Jéan et Ferdinand. Oubliez, dis-je, qu'il s'agit d'une alliance, que les princes voyent la Russie:—Oui, mais sous quel prétexte?—Sous celui de faire la connaissance de l'Empereur, de voir une cour brillante, une des plus belles capitales de l'Europe, une armée qui a de la réputation; qu'ils aillent à St-Pétersbourg, comme Monseigneur le Grand Duc Constantin est venu à Vienne. —Assurement, reprit Stadion, ce seroit un prétexte plausible et apparent, mais le but véritable du voyage ne pouvant pas être admis, ce seroit éxposer inutilement le coeur de ces jeunes princes, leur montrer une félicité à la quelle ils n'osent point aspirer, ce seroit même compromettre les cours.—J'ai donc fini avec le ministre, repris-je, je m'adresse à prèsent au c-te de Stadion, à l'ami. Vous avez lû la lettre de l'Impératrice. Vous êtes cause, par la manière, dont vous avez abondé dans mon sens, que j'ai osé primitivement présen-

ter cet objet à l'attention de S: M: I: Quoique j'ai très bien saisi tout ce que vous avez voulû me faire comprendre, et que je ne pourrai pas l'oublier, dites moi pourtant quelle est la réponse, que je dois, que je puis Lui faire?—Je sens, repliqua le c–te de Stadion avec peine, tout l'embarras de cette situation. Je le sens d'autant plus vivement, que jai tenu et que je tiens même fortement moi-même à l'idée, qui me paroissoit d'un si grand intérêt pour l'Autriche; mais la volonté de l'Empereur ne change pas, et l'on ne l'attribuera qu'a ce qu'il croit devoir irrévocablement à ses frères ainés et à l'intérêt pécuniaire de la monarchie, quand il compte les nombreux rejettons déjà éxistants de la maison impériale.

C'est la seconde fois que dans une affaire qui présentoit, de premier abord, le succès le plus intéréssant, j'ai à remplir une tâche également pénible à mon ésprit et à mon coeur. Mais l'éxposé fidéle de tout ce qui s'est passé dans ces deux conférances servira du moins à prouver à V: M: que la dignité de notre cour ne fut jamais compromise; que c'est Stadion qui a été audevant de tout; que c'est lui, qui lorsque je lui déclarai que je ne voulois lui donner que des regrêts, que j'avois entièrement perdu de vue l'objet qui nous avoit occupé, que c'est lui, dis-je, qui lorsqu'il eut vû la lettre de V: M: I:, me dit que j'avois tort de croire la chose comme rompue; et qui m'assuroit que la modification que nous avions à y apporter, pour le premier moment, en ne préparant que sous un prétexte simple et naturel le voyage des deux archiducs rencontreroit probablement l'approbation de l'Empereur. J'abrège des détails, qui séroient superflus: je me borne à une seule prière, que je supplie V: M: I. d'honorer d'un moment d'attention. Ce que j'ai annoncé dans mon № 43 de ma première conversation avec le c–te de Stadion, étoit un tableau fidèle et éxact de tout ce que ce ministre m'avoit dit. J'ai apporté la même éxactitude dans ma relation ci-jointe du $\frac{16}{28}$ de 9-bre. Que Votre Majesté juge d'après cela, que Son auguste fils juge de même si mes premières démarches furent légères ou inconsidérées?

L'uniformité des témoignages du c–te de Stadion, dans mon avant-dernier entretien avec lui, l'initiative, qu'il reprit sur le tout, ne portent ils pas le même caractère, le même empressement, le même voeu? Le chemin, pour moi, au souverain étoit par le ministre qui a bondé dans mes plus vagues indications; il désire que je les fixe d'avantage, je le fais; mais il ne réussit point à faire agréer un projet dans le quel il se complaisoit lui-même; et il ne me reste, aumilieu de mes plus vifs regréts, que la satisfaction de n'avoir pas aucune avance, pas aucun de ces mouvements qu'auroit pû provoquer en moi l'attachement tendre et respectueux pour mes maitres, qui forme l'ame de mon éxistence, de n'avoir, dis-je, montré dans ces occasions aucun impatience, aucune prévenance qui n'eussent pas été en mesure avec la nature même de l'objet délicat que j'avais à traiter avec la dignité et l'élévation du trône de mon maître et de son auguste famille.

Le peu de succès de ma première tentative m'avoit déjà chagriné; celle que je viens de faire à prèsent avec une éspérance nouvelle et sous une autre forme, m'ayant réussi aussi peu, le chagrin et le dépit, que j'en ai me donnent, je l'avoue, du dégout pour Vienne, et pour tous ceux avec qui j'ai à y cultiver mes relations d'office.

XXXIII.

Вѣна $\frac{22 \text{ Ноября}}{4 \text{ Декабря}}$ 1807.

Государыня,

Третьяго дни, я имѣлъ трехчасовой разговоръ съ гр. Сатадіономъ. В-е И-ое В-во видѣли, по письму моему отъ $\frac{16}{28}$ Ноября, подъ № 43, съ какою основательною надеждою я долженъ былъ ожидать результатовъ предъидущаго совѣщанія. Но было написано въ книгѣ судебъ, что самое пламенное желаніе моего сердца и предметъ особенныхъ стараній министра встрѣтятъ непреодолимыя препятствія, потому что устарѣлыя государственныя правила, соображенія первородства и старшинства, опасенія оскорбить братьевъ, имѣющихъ положеніе и вѣсъ, перевѣшиваютъ естественныя, очевидныя политическія выгоды этого союза. Изложу нашъ разговоръ съ тою совѣстливою точностію, которою, во всѣхъ случаяхъ моей жизни, будутъ отличаться мои донесенія В. И. В-ву.

Важные вопросы заставили собраться, въ нѣкотораго рода комитетъ, гр. Стадіона, генерала гр. Грюна, директора канцеляріи военнаго министерства, и меня. По окончаніи совѣщанія, генералъ удалился, и я остался одинъ съ министромъ. Я резюмировалъ съ нимъ всѣ разобранные нами пункты, желая такимъ образомъ естественно перевести его отъ дѣлъ обще-государственныхъ къ тому, что̀ могъ онъ мнѣ сказать объ успѣхѣ своего доклада Императору, по поводу сказаннаго между нами о путешествіи двухъ Эрцгерцоговъ. Между тѣмъ предметъ разговора истощился. —Не забыли-ли вы о чемъ нибудь? спросилъ я министра. —Кажется, ни о чемъ, отвѣчалъ онъ, и такъ какъ этотъ отвѣтъ давалъ мнѣ предчувствовать результатъ его попытокъ, я сдержалъ досаду, подымавшуюся во мнѣ, и сказалъ ему самымъ спокойнымъ тономъ: —Вамъ нечего сказать мнѣ о нашихъ путешественникахъ?—Увы! —отвѣчалъ гр. Стадіонъ, съ видомъ печали и смущенія, —расположеніе Императора неизмѣнно. Онъ сознаетъ всю цѣну того счастія, которое могло-бы выпасть на долю одного изъ принцовъ его дома; но онъ не можетъ отказаться отъ систематическаго убѣжденія, что браки младшихъ братьевъ противны интересамъ Монархій, въ соображеніи потомства, происходящаго отъ этихъ союзовъ; что подобный бракъ съ Русскою Великою Княжною далъ-бы младшимъ Эрцгерцогамъ положеніе, возбуждающее зависть старшихъ; что такое положеніе не было-бы сообразно съ тѣмъ относительнымъ порядкомъ, въ которомъ они расположены въ семействѣ самымъ своимъ рожденіемъ, и требовало-бы для будущаго потомства новыхъ удѣловъ, на счетъ государственныхъ средствъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, Императоръ не считаетъ, что-бы онъ могъ или долженъ былъ согласиться на браки своихъ братьевъ. —Я вижу, —сказалъ я, —что постоянно возвращаются къ ариѳметическимъ расчетамъ. Мнѣ кажется однако, я разъяснилъ достаточно, что за этимъ препятствіемъ останавливаться нечего. —Нѣтъ, возразилъ мнѣ Стадіонъ, —не это останавливаетъ дѣло; останавливаютъ его причины, изложенныя мною и заставляющія Императора думать, что не слѣдуетъ женить младшихъ прежде старшихъ, имѣющихъ состояніе обезпеченное и сообразное своему положенію. Онъ снова предложилъ Эрцгерцога Карла. —Вы забываете, —сказалъ я ему, —разговоръ, который мы имѣли на его счетъ прежде чѣмъ вы прочли письмо, столь глубоко тронувшее васъ. Вы забываете, что еще нѣтъ рѣчи о бракѣ, а только о путешествіи въ Россію. Августѣйшая и нѣжная мать, ставящая счастіе Своей дочери выше всѣхъ прочихъ соображеній, отдастъ ее лишь принцу, съумѣющему ей понравиться. Тутъ былъ бы нуженъ бракъ черезъ повѣреннаго, а это никогда не войдетъ въ виды Императрицы. Впрочемъ, извольте вспомнить о припадкахъ, которымъ подвержено здоровье Эрцгерцога Карла. Не забывайте, что было

время, когда вашъ дворъ пожелалъ, чтобы для Великой Княжны Александры Павловны предпочли Эрцгерцога Іосифа; и согласитесь, что если-бы популярность, которою пользуется генералиссимусъ, власть, которою онъ облеченъ, его военные подвиги, его таланты, свѣдѣнія и умъ могли бы привлечь юную, свѣжую образованную и вполнѣ прелестную Великую Княжну, къ этому чувство примѣшалось бы невольное чувство страха.—Это могло быть справедливо прежде,—отвѣчалъ гр. Стадіонъ,—но теперь, когда Эрдгерцогъ совершенно выздоровѣлъ, эти опасенія не имѣли-бы основанія. Малое впечатлѣніе, которое дѣлали на меня его замѣчанія, заставили его перейти ко второму брату, Великому Герцогу Вюрцбургскому. Я снова напомнилъ ему наши прежніе разговоры —Правда,—продолжалъ гр. Стадіонъ,—что у него нѣтъ привлекательныхъ наружныхъ качествъ; но за то онъ имѣетъ всѣ сердечныя качества; онъ доказалъ, что онъ способенъ на привязанность, и затѣмъ онъ имѣетъ владѣнія. Я во второй разъ прервалъ эти разсужденія, что-бы возвратиться къ путешествію Эрдгерцоговъ Іоанна и Фердинанда. — Забудьте — сказалъ я, — что дѣло идетъ о брачномъ союзѣ. Пусть принцы повидаютъ Россію.—Да, но подъ какимъ предлогомъ?—Для того, что-бы познакомиться съ Императоромъ, увидѣть блестящій дворъ, одну изъ красивѣйшихъ столицъ въ Европѣ, славную армію; пусть они поѣдутъ въ Петербургъ, какъ Великій Кн. Константинъ Павловичъ пріѣзжалъ въ Вѣну.—Конечно,—возразилъ Стадіонъ,—это былъ-бы благовидный и простой предлогъ, но такъ какъ истинная цѣль путешествія не можетъ быть допущена, это значило бы подвергать сердца этихъ двухъ юныхъ принцевъ напрасной опасности, показать имъ счастіе, которого они требовать не въ правѣ; это значило бы даже поставить оба двора въ неловкое положеніе.—И такъ, я съ министромъ покончилъ—отвѣчалъ я:—обращаюсь теперь къ графу Стадіону, къ моему другу. Вы читали письмо Императрицы; вы, тѣмъ способомъ, которымъ вы первоначально вошли въ мои виды, внушили мнѣ смѣлость представить этотъ предметъ на усмотрѣніе Ея В-ва. Хотя я вполнѣ усвоилъ себѣ все то, что вы хотѣли дать мнѣ почувствовать и не могу о томъ забыть, скажите мнѣ однакоже, какой отвѣтъ могу, долженъ я дать Ей?—Я съ прискорбіемъ,—отвѣчалъ гр. Стадіонъ—сознаю всю затруднительность положенія. Я сознаю ее тѣмъ живѣе, что я дорожилъ и до сихъ поръ сильно дорожу этою мыслью, казавшеюся мнѣ столь выгодною для Австріи: но воля Императора неизмѣнна; и пусть ее припишутъ лишь его понятіямъ о непремѣнныхъ его обязанностяхъ относительно старшихъ братьевъ и государственныхъ финансовъ, въ виду уже теперь столь многочисленныхъ отпрысковъ Императорскаго дома.

Вотъ уже второй разъ, какъ въ дѣлѣ, представлявшемся мнѣ на первый взглядъ въ самомъ интересномъ свѣтѣ, мнѣ приходится исполнять долгъ, равно тягостный для ума моего и для сердца. Но вѣрный отчетъ о всемъ томъ, что происходило въ этихъ двухъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ послужитъ къ тому, чтобы убѣдить В. В-во, что достоинство нашего двора ни разу не было уронено; что первый шагъ во всемъ принадлежалъ Стадіону. Онъ, когда я сказалъ ему, что хочу лишь возбудить его сожалѣнія, что совершенно отказался отъ занимавшаго насъ предмета, онъ, говорю я, увидѣвъ письмо В. И. В-ва, сказалъ мнѣ, что напрасно считаю я дѣло несостоявшимся; онъ увѣрилъ меня, что видоизмѣненіе нашего проэкта, по которому на первый разъ слѣдуетъ только подготовить подъ простымъ и естественнымъ предлогомъ путешествіе Эрцгерцоговъ, встрѣтитъ одобреніе со стороны Императора. Опускаю излишнія подробности: ограничиваюсь одною просьбою, которую умоляю В. И. В-во удостоить минутнаго вниманія. То, что я изложилъ въ моемъ № 43 о первомъ моемъ разговорѣ съ гр. Стадіономъ, бы-

ло точною и вѣрною картиною всего того, чтò сказалъ мнѣ этотъ министръ. Я приложилъ ту-же точность въ при семъ прилагаемой моей реляціи отъ $\frac{16}{28}$ Ноября. Пусть Ваше В-во, пусть Августѣйшій сынъ Вашъ по нимъ посудятъ, были-ли первые мои шаги отъ имени В. В-ва легкомысленны и необдуманны? . . . . Среди живѣйшихъ моихъ сожалѣній мнѣ остается только то удовлетвореніе, что я никакою поспѣшностію, никакимъ изъ тѣхъ движеній, которыя могла-бы мнѣ внушить нѣжная и почтительная привязанность къ моимъ Повелителямъ, наполняющая мою душу, не показалъ въ этихъ обстоятельствахъ никакой настойчивости, никакой предупредительности, не соотвѣтствующей деликатному предмету, который приходилось мнѣ обработывать со всѣмъ достоинствомъ и величіемъ, подобающимъ Русскому трону и Царской семьѣ.

Плохой успѣхъ первой моей попытки уже огорчилъ меня; послѣ того, какъ вторая, предпринятая съ новою надеждою и подъ иною формою, оказалась столь-же неудачною, признаюсь, что происходящія отъ того огорченіе и досада внушаютъ мнѣ отвращеніе къ Вѣнѣ и ко всѣмъ тѣмъ, съ которыми мнѣ въ ней приходится поддерживать служебныя отношенія.

РАЗСКАЗЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА О ВИДѢНІИ ЕМУ ПЕТРА I-го.

Трудно найти для психолога и физіолога другую натуру, заслуживающую болѣе обстоятельнаго и внимательнаго изученія чѣмъ императоръ Павелъ I: воображеніе въ немъ было такъ сильно, что онъ представляемые предметы принималъ какъ за дѣйствительно существующіе. Въ немъ, еще десятилѣтнемъ мальчикѣ, особенность эта была уже замѣчена воспитателемъ его, Порошинымъ. Онъ остался тѣмъ же до конца жизни. Онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія. Вспомнимъ сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискѣ Растопчина: тутъ ему снилось, что его три раза поднимаетъ къ верху невѣдомая сила*). Армфельдтъ передаетъ слова Павла о снѣ, который ему привидѣлся наканунѣ дня его смерти: ему снилось, что ему на спину натягивали узкій парчевой кафтанъ и съ такимъ усиліемъ, что онъ готовъ былъ вспрыгнуть отъ боли. Постройка Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ послѣдніе мѣсяцы жилъ и умеръ императоръ, находится также въ прямой связи съ этой вѣрой въ видѣнія и предзнаменованія. Иначе солдату, объявившему о видѣніи ему Архангела Михаила на мѣстѣ нынѣшняго зàмка, конечно бы не повѣрили.

Въ настоящее время медицинская наука въ напряженномъ воображеніи, въ видѣніи призраковъ и т. д. видитъ результатъ разстройства пищеварительной системы и, перечитывая напримѣръ „Записки Порошина", врачъ найдетъ въ нихъ прямое подтвержденіе этой теоріи. Десятилѣтній Павелъ, сила воображенія котораго изумляла наставниковъ, постоянно страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Рвота и головная боль были въ немъ постояннымъ недугомъ. Порошинъ, не зная чѣмъ объяснить это явленіе, приписываетъ его тому, что, обыкновенно не любивши долго сидѣть за столомъ, великій князь глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ.

Приводимый здѣсь разсказъ великаго князя о видѣніи ему Петра I въ связи съ другими данными въ томъ же родѣ ближе раскрываетъ намъ психическія особенности этой замѣчательной личности.

Въ 1782 г. Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ молодой супругой своей Маріей Ѳеодоровной путешествовалъ за границей. Не мало подробностей объ этой поѣздкѣ находимъ мы въ Запискахъ баронессы Оберкирхъ. [1]) Баронесса Обер-

*) Должно припомнить и то, что императоръ Павелъ принадлежалъ къ масонству. *П. Б.*

[1]) Memoirs of the baroness Oberkirch, London, 1852, 3 v.

кирхъ, подруга дѣтства принцессы Доротеи Виртембергской (послѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны) путешествовала вмѣстѣ съ русскою великокняжескою четою по Франціи, Бельгіи и Германіи. Павелъ Петровичь очень уважалъ баронессу, къ которой великая княгиня, его супруга, сохраняла прежнія чувства теплой дѣвической привязанности. Подаренные разъ баронессѣ великимъ княземъ фрукты бросили даже мимолетный колоритъ легкой ревности на отношенія между супругами; но это былъ порывъ тойже почти шуточной ревности, которою напримѣръ встрѣтила великая княгиня разсказы супруга о королевѣ Маріи Антуанетѣ, очаровавшей его въ Парижѣ.

10 Іюля 1782 въ Брюсселѣ, Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Du Nord, ужиналъ въ обществѣ. Великая княгиня, утомившись путешествіемъ и театромъ, который путешественники тотчасъ посѣтили по пріѣздѣ въ Брюссель, не была за столомъ. Ужинъ ли, жаркій ли лѣтній вечеръ, далъ особенное направленіе разговору, только бесѣда скоро обратилась къ чудесному, къ явленію призраковъ и т. д. Каждый разсказалъ что нибудь чудесное изъ собственнаго опыта; лишь одинъ великій князь хранилъ молчаніе. Слѣдующее заимствуемъ мы буквально изъ Записокъ Оберкирхъ (II, 94—100). Запискамъ баронессы смѣло можно довѣриться: все интересное, слышанное ею, она тотчасъ же передавала бумагѣ. Такъ, незадолго предъ тѣмъ, она записала разсказъ принца Де-Линя, тотчасъ послѣ того какъ слышала его. Великая княгиня Марія Ѳеодоровна сдѣлала тогда тоже самое, хотя въ сущности разсказъ принца о томъ, какъ онъ въ платьѣ монашенки и подъ вуалью присутствовалъ при постриженіи дѣвушки, оставившей въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, не представлялъ ничего особенно интереснаго.

— А что же вы, ваше высочество? обратился принцъ Де-Линь къ Павлу. Или вамъ нечего разсказать? Развѣ въ Россіи нѣтъ чудеснаго? Или злымъ духамъ и колдунамъ не удалось разставить вамъ чары?

Великій князь поднялъ голову.

— Куракинъ знаетъ—сказалъ онъ—что и мнѣ было бы кой о чемъ поразсказать, какъ и другимъ. Но есть воспоминанія, которыя я стараюсь удалить изъ памяти. Я и такъ уже вынесъ отъ нихъ не мало.

Въ комнатѣ господствовало молчаніе. Великій князь посмотрѣлъ на Куракина, и во взорѣ его выразилось грустно-тяжелое чувство.

— Неправда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое-что очень странное?—спросилъ онъ.

— Столь странное, ваше высочество, что, при всемъ довѣріи моемъ къ вамъ, я могу лишь приписать оное порыву вашего воображенія.

— Нѣтъ, это была правда, сущая правда, и если M-me Оберкирхъ дастъ слово, что не скажетъ ничего моей женѣ, я передамъ вамъ, въ чемъ было дѣло. Но позвольте, господа, и всѣхъ васъ просить держать мой разсказъ въ тайнѣ,—прибавилъ великій князь, смѣясь—потому что очень непріятно было бы, если бы по всей Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, въ которой я играю роль.

Мы всѣ дали обѣщаніе, и покрайней мѣрѣ что́ касается меня, — говоритъ баронесса Оберкирхъ —я сдержала свое слово. Если эти мемуары будутъ когда нибудь обнародованы, то не прежде какъ нынѣшнее поколѣніе сойдетъ со сцены, и не останется въ живыхъ никого, кого могъ бы интересовать этотъ разсказъ (?) Передаю его отъ слова до слова, какъ слышала отъ самого великаго князя.

Разъ вечеромъ, или пожалуй уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ вмѣстѣ [2] у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали для освѣженія

[2]) Т. е. съ Куракинымъ.

сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодна; это было въ лучшую пору нашей весны, конечно впрочемъ весны не южныхъ климатовъ. Разговоръ нашъ шелъ не о религіи и ни о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, а Куракинъ слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что при немъ можно было читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ странный звукъ—точно какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ и, обратясь къ Куракину, сказалъ:

— Судьба намъ послала страннаго сопутника

— Какого сопутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, производимому имъ.

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленіи и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны.

— Какъ? Ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною?

— Ваше высочество идете возлѣ самой стѣны, и физически невозможно, чтобы кто нибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и точно ощупалъ камень. Но все таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и подъ шляпой его блеснули глаза столь блестящіе, что такихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили на меня какое-то околдовывающее дѣйствіе.

— Ахъ! — сказалъ я Куракину — я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ, не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало всѣ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзаетъ въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и механически отвѣчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще бо̀льшимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный князь !

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего — отвѣчалъ тотъ — рѣшительно ничего.

Что̀ касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнамомца — кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ и кто хочетъ, чтобы ты особенно не при-

вязывался къ этому міру, потому что ты долго не останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти; для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И какъ я остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимость пойти за нимъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь шелъ впереди. Это продолжалось болѣе часу. Гдѣ мы шли, я не зналъ. Куракинъ не хочетъ вѣрить ничему этому. Посмотрите, онъ смѣется. Онъ думаетъ, что все это было не болѣе какъ сонъ.

Наконецъ пришли мы къ большой площади, между мостомъ чрезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ прямо пошелъ къ одному какъ бы заранѣе отмѣченному мѣсту площади; я конечно слѣдовалъ за нимъ — и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ! — сказалъ онъ. — Ты еще увидишь меня опять, здѣсь и кой-гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною.

На этомъ самомъ мѣстѣ императрица возводитъ монументъ, который скоро будетъ удивленіемъ всей Европы. Это конная статуя изъ гранита, представляющая царя Петра и помѣщенная на скалѣ. Не я совѣтовалъ моей матери избирать это мѣсто, выбранное, или скорѣе угаданное, призракомъ. И я не знаю, какъ описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидалъ эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться,* что̀ бы ни говорилъ кн. Куракинъ, увѣряющій, что все это было не болѣе какъ сонъ. видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Малѣйшая подробность этого видѣнія памятна мнѣ и, я по прежнему утверждаю, что это было видѣніе и все связанное съ нимъ представляется мнѣ также ясно, какъ бы это случилось вчера. Придя домой, я нашелъ, что мой лѣвый бокъ положительно окаменѣлъ отъ холода, и я почувствовалъ нѣкоторую теплоту лишь нѣсколько часовъ спустя, хотя тотчасъ же легъ въ теплую постель и закрылся какъ можно теплѣе.

Надѣюсь, что вамъ понравилась моя исторія и что если я васъ заставилъ подождать, то было изъ-за чего.

— Знаете, что это значитъ, ваше высочество? спросилъ принцъ де Линь.

— Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ.

— Извините, если я не сойдусь съ вами во мнѣніи. Я полагаю, что это доказываетъ неоспоримо двѣ вещи. Во первыхъ, что не надобно выходить ночью, когда клонитъ ко сну и во вторыхъ, что не слѣдуетъ ходить слишкомъ близко къ домовымъ стѣнамъ, промерзшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у васъ. Другаго заключенія изъ этого я не могу вывести. Призракъ вашего знаменитаго прадѣда существовалъ лишь въ вашемъ воображеніи, и я не сомнѣваюсь, что на верхней одеждѣ вашей осталась пыль отъ домовыхъ стѣнъ.

Этотъ разсказъ (говоритъ баронесса Оберкирхъ) произвелъ, вы можете быть увѣрены, сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Мало кто слышалъ его, потому что великій князь никогда не желалъ придавать ему огласки. Великая княгиня не слыхала его по сей день [3]; онъ бы перепугалъ ее. Удалясь къ себѣ, я подробно записала его, какъ всегда дѣлала съ тѣмъ что̀ находила особенно важнымъ, ограничиваясь относительно предметовъ меньшей важности одними замѣтками, которыя бы помогали моей памяти.

Читая далѣе мемуары баронессы, мы видимъ, что Павелъ послѣ какъ бы раскаявался, что сдѣлалъ повѣреннымъ своей

[3]) Мемуары оканчиваются 1789 годомъ.

тайны друга своей жены. Онъ старается убѣдить ее, что все разказанное имъ было выдумано, съ цѣлью разсказать что нибудь страшное въ свою очередь (II, 119-120). Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не такъ легко было увѣрить и разувѣрить. $\frac{28}{17}$ Августа того же года Павелъ Петровичъ и его супруга была въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Θеодоровны, когда тамъ получено было письмо изъ Петербурга, извѣщавшее, что 18 числа того же мѣсяца памятникъ Петру I былъ торжественно открытъ въ присутствіи императрицы. Когда читали письмо, Павелъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая этимъ знакъ баронессѣ. Баронесса наблюдала внимательно и видѣла, какъ великій князь старался улыбаться, хотя мертвенная блѣдность покрыла лицо его (II, 146-147). Это объяснило ей окончательно, шутилъ, или не шутилъ Павелъ въ памятную ночь въ Брюсселѣ.

В. Андреевъ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

при императорѣ Павлѣ Петровичѣ. (*)

Съ 5-го на 6-ое ноября 1796 г. не стало Екатерины II. Россія лишилась государыни, довершившей ея величіе; русское общество — великой преобразовательницы, которая сообщила ему новыя формы жизни, успѣвшіе обрости костьми и плотію свѣжей юношеской силы. Не всѣ, конечно, реформы удались не всякое сѣмя, брошенное въ русскую почву, дало плодъ; но въ общемъ, въ цѣломъ, *екатерининскій вѣкъ* остался замѣчательнѣйшею эпохою въ нашей исторіи. Мрачныя стороны въ петровскихъ и екатерининскихъ преобразованіяхъ, въ нихъ самихъ и въ ихъ послѣдствіяхъ, были неизбѣжнымъ результатомъ положенія, въ которомъ находились преобразователя и преобразуемые, слѣдствіемъ предшествующаго и современнаго имъ положенія страны и народа. Страшно дорого обошлись Россіи петровскія преобразованія, не дешево стоили екатерининскія; но смотрѣть на однѣ траты и жертвы, не видя плодовъ, возиться въ подонкахъ и осадкахъ того соціальнаго процесса, который является результатомъ великихъ преобразованій, немыслимыхъ безъ жертвъ и страданія, выставлять на показъ только эти послѣднія, только общественныя язвы и раны, — такой обличительно-сатирическій пріемъ не достоинъ серьезной исторіи. И однакоже, Петръ и Екатерина подвергались и подвергаются обличительнымъ истязаніямъ со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей, отожествляющихъ скандалезную хронику съ исторіей. Екатеринѣ достается больше всего; за что же? За распространеніе крѣпостнаго права, за раздачу крестьянъ тысячами и десятками тысячъ своимъ любимцамъ; мрачная картина Пугачевскаго бунта представляется какъ оборотная сторона медали, какъ страшная язва блестящаго (будто бы) только по наружности вѣка. Объ вымершемъ историческомъ явленіи позволительно разсуждать sine irâ et studio; исторія, покрайней мѣрѣ, не знаетъ никакихъ страховъ, — даже передъ современностію, ея пріемами и кумирами.

Ужасы Пугачевскаго бунта никакъ нельзя считать явленіемъ, исключительно принадлежащимъ екатерининской эпохѣ; подобные же удары слышались въ XVII

(*) Завѣдуя редакціей „Виленскаго Вѣстника“ и благодаря просвѣщенной благосклонности графа Э. Т. Баранова, я имѣлъ возможность просмотрѣть нѣкоторыя изъ дѣлъ Виленскаго генералъ-губернаторскаго архива, откуда извлечены документы, послужившіе матеріаломъ для предлагаемой статьи.

столѣтія и гораздо ранѣе. Бунтъ Стеньки Разина, страшный не менѣе Пугачевскаго, антиобщественныя движенія крестьянскихъ массъ въ смутное время, бунты стрѣлецкіе при Петрѣ, до него—выдѣленія изъ общества казачества и повсемѣстное броженіе этого послѣдняго, разнаго рода броженія въ самомъ этомъ обществѣ, тамъ, гдѣ, повидимому, должна бы быть крѣпость и твердость, какъ въ войскѣ,—вся эта картина видимаго шатанія и кажущагося распаденія, хаотическая картина созиданія громаднѣйшаго въ мірѣ государственнаго организма, которую представляла Россія до Петра и Екатерины, только близорукимъ историкомъ можетъ быть объясняема, какъ слѣдствіе правительственнаго деспотизма и помѣщичьяго насилія. Помѣщичій произволъ, во всякомъ случаѣ, не идетъ такъ далеко. До Петра и при Петрѣ само тогдашнее правительство, при скудости тогдашнихъ финансовъ, *насильно* дѣлало служилыхъ людей помѣщиками, *испомѣщало*,—и эти *испомѣщенные* (родоначальники тѣхъ тирановъ, противъ которыхъ неистовствовалъ Пугачевъ) не только не пользовались данными имъ правами, но *брели розно*, разбѣгались, т. е. плыли тѣмъ же потокомъ *движенія* и броженія. Остановить его, заставить осѣсть, привязаться къ землѣ и окрѣпнуть, для этого у русскаго правительства не было другихъ средствъ, кромѣ закрѣпощенія, которое, поэтому, и пало на долю всѣхъ, а не однихъ крестьянъ. Даже при прогрессивныхъ правительственныхъ мѣрахъ, не посягавшихъ на свободу, приходили въ движеніе народныя массы,—спокойныя, повидимому, волны вздымались великою бурею: достаточно указать на нововведенія Никона и Петра, породившія расколъ, внесшій смущеніе съ одной и пробужденіе народной мысли съ другой стороны, всегда пособлявшій потомъ каждому антиобщественному движенію. Послѣднее, начиная съ XVII вѣка, уже ничего не имѣло въ себѣ демократическаго, народоправнаго, въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова: наши революціонеры, государственные бунтовщики, возставая противъ государства, поднимали его же стягъ, дѣйствуя всегда во имя царя (самозванца) или церкви. При оцѣнкѣ событій нашего XVIII вѣка никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду такого состоянія древняго русскаго общества: оно если не оправдываетъ, то объясняетъ самыя прискорбныя явленія петровскаго и екатерининскаго времени. Только въ эту эпоху являются русскіе помѣщики съ теперешнимъ ихъ значеніемъ, какъ сословіе. Существованіемъ своимъ они обязаны реформѣ Петра; они являются европейскими его воспитанниками, русской интелигенціей. Екатерина II завершаетъ общественное образованіе русскаго дворянства и своими учрежденіями воспитываетъ его болѣе духовно. Духъ этого политическаго воспитанія намъ теперь почти не понятенъ; часто мы называемъ раболѣпствомъ то, въ чемъ не было и тѣни этого постыднаго чувства,—какъ въ проникновеніи государственнымъ величіемъ Россіи всѣхъ и каждаго, отъ царедворца до степняка. Что же мудренаго, что Екатерина II, съ ея трезвымъ и смѣлымъ взглядомъ на русскую дѣйствительность, прошлую и настоящую, довѣрилась исключительно сословію, которое воспиталось въ ея школѣ и духѣ. Вѣдь на собственномъ опытѣ она неоднократно убѣждалась въ несостоятельности чужихъ пріемовъ, въ непримѣнимости и неприложимости къ тогдашней Россіи всѣхъ либеральныхъ идей, выработанныхъ временемъ. Помѣщичье право, естественно, казалось ей лучшимъ ручательствомъ въ прочности сдѣланныхъ ею преобразованій, а въ просвѣтительно-европейской реформѣ, каковой подвергалась при ней Россія, кому же было и довѣриться, какъ не сословію, во всякомъ случаѣ болѣе просвѣщенному, чѣмъ другія? Примѣры чужіе, примѣры свои, прежняго стараго времени, не могли подсказать ей другого отвѣта. При томъ же, крѣпостное

право, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ своемъ значеніи, нигдѣ не возбуждало еще въ ту пору ужасовъ; ибо *либеральныя начала* были сами по себѣ, а дѣйствительность продолжала существовать по прежнему сама собою. Ужасы, и „мерзости" крѣпостного права едва ли чѣмъ были меньше тѣхъ страданій, той общественной тяготы, которую испытывали низшіе классы народа, закрѣпощенные государству и церкви; возбуждать страданія, производить вещи, наводящія черезъ сто лѣтъ неподдѣльный ужасъ, выпадало на долю не одного русскаго помѣщика, но и чиновника, фабриканта, заводчика, нерѣдко духовенства. Намъ, болѣе чѣмъ кому-нибудь, ничто не давалось даромъ, за все платились мы дорогою цѣною огрубѣнія, одичанія, если угодно, варварства,—за все, начиная отъ необходимости сѣсть на мѣстѣ, привязаться къ территоріи. Чиновничество екатерининскаго времени, еще помнившее приказные порядки и отъ приказныхъ дьяковъ и служителей происшедшее, было несравненно невѣжественнѣе и грубѣе, чѣмъ тогдашнее помѣщичье сословіе, все же, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, полировавшееся корпуснымъ воспитаніемъ, военною и вообще столичною службой. Если и до настоящаго времени признается за несомнѣнное, что чѣмъ помѣщикъ былъ богаче и многодушнѣе, тѣмъ лучше жилось его крестьянамъ; то, стало быть, въ раздачѣ Екатериною *тысячами* и *десятками тысячъ* крѣпостныхъ душъ, съ точки зрѣнія ея времени, ровно ничего нельзя видѣть преступнаго: эта щедрая, возмущающая теперь насъ, раздача могла происходить, по тогдашнимъ взглядамъ на экономическое положеніе страны, въ интересѣ государственнаго благоустройства и благочинія, какъ это ни нелѣпо теперь намъ кажется. Не сомнѣнно одно, что эта раздача не была прихотью произвола или чего инаго: это была система, ложная, фальшивая, но послѣдовательная, вѣрная одной заданной себѣ мысли, - система, обнявшая все государство, Малороссію, Бѣлоруссію, Литву и Остзейскій край. Но какъ бы то ни было, со временъ Екатерины II начинается второй, болѣе тяжелый періодъ крѣпостного права, и Пугачевскій бунтъ несомнѣнно не принялъ бы такихъ страшныхъ размѣровъ, если бы это было иначе. Подавленное возстаніе не успокоило народныя массы; духъ свободы, повѣявшій сверху, дунулъ и на нихъ,— и вотъ съ этого времени зарождается въ нихъ мысль о неизбѣжности и скорости освобожденія; съ каждымъ новымъ царствованіемъ закрѣпощенный народъ начинаетъ толковать, что Государь его освободитъ, что освобожденію препятствуютъ только помѣщики. Преемникъ Екатерины былъ встрѣченъ такими надеждами, почти повсемѣстно заколыхавшими народныя массы.

И. И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ сообщаетъ любопытныя подробности о передрягѣ, которая случилась съ нимъ 25 декабря 1796 г. По пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, Дмитріевъ поселился на Гороховой улицѣ, гдѣ жилъ также бывшій его сослуживецъ, штабсъ-капитанъ Лихачевъ. Однимъ изъ находившихся при нихъ слугъ былъ сдѣланъ доносъ, будто бы они умышляютъ на жизнь государя. Тогдашній петербургскій военный губернаторъ Архаровъ, на руки котораго были отданы самимъ государемъ Дмитріевъ и Лихачевъ, обыскивая ихъ служителей, нашелъ въ сюртучномъ карманѣ одного изъ нихъ письмо, заготовленное имъ въ деревню къ своимъ родителямъ. Въ этомъ письмѣ говорилось о молвѣ, будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ свобода, а если этого не случится (добавлялъ сочинитель письма) „я надѣюсь получить вольность и другою дорогою." Изъ Записокъ Дмитріева извѣстно, какъ благородно поступилъ Павелъ съ напрасно обвиненными: убѣдившись въ ихъ невинности, онъ въ присутствіи всего двора обнялъ ихъ; и этому случаю И. И. Дмитріевъ много былъ обязанъ своими служебными успѣхами. Между тѣмъ какъ все это происходило,

правительство уже начало получать съ разныхъ сторонъ тревожныя извѣстія о крестьянскомъ движеніи. Сколько извѣстно, первое таковое извѣстіе было получено въ Петербургѣ 22 декабря о бунтѣ крестьянъ въ Олонецкой губерніи Лодейнопольскаго уѣзда, въ вотчинѣ помѣщика Алексѣя Полѣнова [1]). Генер.-прокуръ А. Б. Куракинъ тогоже числа доложилъ объ этомъ государю, который приказалъ разсмотрѣніе этого дѣла поручить Н. П. Архарову. Затѣмъ, съ января 1797 г., вѣсти о неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ стали приходить чаще; въ Пензенской губерніи взволновались и казенные крестьяне. Въ тайной экспедиціи, гдѣ производилось дѣло объ этихъ движеніяхъ (за № 21-мъ, начатое 22 декабря 1796 г. и конченное 4 марта 1797.), по 20-е января помѣчено только тринадцать рапортовъ, извѣщающихъ о крестьянскомъ неповиновеніи и безпорядкахъ въ губерніяхъ Орловской, Московской, Псковской, Новгородской, Новгородъ-Сѣверской, Ярославской, Нижегородской, Пензенской, Калужской, Костромской и Вологодской; но слухи о новыхъ безпорядкахъ приходили и позднѣе. Означенныя донесенія по настольному реестру не сообщаютъ подробностей, въ чемъ состояли эти неповиновенія крестьянъ; только въ двухъ говорится о разграбленіи господскаго имущества и о „великихъ дерзновеніяхъ и своевольствѣ" крестьянъ помѣщика Поздѣева, возставшихъ въ числѣ 3 тысячъ въ Вологодской губерніи. Донесеніе о послѣднемъ возстаніи получено въ Петербургѣ 19-го января. До сихъ поръ къ подавленію возстанія предписывалось мѣстной администраціи посылать для усмиренія крестьянъ военныя команды; но на донесеніи о вологодскихъ происшествіяхъ положена такого рода резолюція: „Мѣры для укрощенія ихъ дѣяній Его Величество принять изволилъ на себя." [2]) Къ счастію, сохранились подлинные документы, относящіеся до Поздѣевскаго дѣла, съ которымъ мы имѣемъ возможность познакомить читателей.

На стеклянномъ заводѣ помѣщика Поздѣева, при церкви Архангела Михаила, что на Кубенницѣ, находилась въ это время келья, гдѣ жила въ черничкахъ одна старуха, крѣпостная г-жи Поздѣевой. Въ эту келью крестьяне Поздѣевой зазвали ночью 4 января 1797 г. ученика вологодской семинаріи Григорія Коропацкаго, пріѣхавшаго на рождественскіе святки къ отцу своему, дьячку той же церкви Ивану Коропацкому, для приложенія руки къ написаннымъ отъ нихъ на высочайшее имя двумъ прошеніямъ, одного и тогоже содержанія, написаннымъ отъ имени выборныхъ крестьянъ, старостъ и сотскихъ Поздѣевской вотчины. 16-лѣтній Григорій Коропацкій, по просьбѣ ихъ и по приказанію отца своего, находившагося въ той же кельѣ, приложилъ, за безграмотствомъ просителей, свою руку. На другой день праздника Богоявленія, въ домъ дьячка Коропацкаго явились: староста г-жи Поздѣевой Яковъ Яковлевъ, выборный Андрей Осиповъ и крестьянинъ Аѳанасій Алексѣевъ, и упросили Григорія Коропацкаго, въ отсутствіе отца его, написать *проходное* письмо (подорожную) до Петербурга, для Яковлева и Алексѣева, „дабы ихъ въ городахъ и на учрежденныхъ заставахъ безъ задержанія пропустили, а въ Петербургѣ, *до исправленія ихъ надобностей*, держали безъ опасенія." Подъ прошеніемъ на высочайшее имя подписались свидѣтелями 24 человѣка понятыхъ, старостъ, сотскихъ и крестьянъ, принадлежащихъ

[1]) Сличи Р. Архивъ 1865, стр. 511—540. А. Я. Полѣновъ, тридцать лѣтъ передъ тѣмъ, представлялъ въ Вольное Экономич. Общество свои соображенія объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. *П. Б.*

[2]) Бывшій морякъ Поздѣевъ, Осипъ Алексѣевичъ, былъ масонъ, и вѣроятно государь зналъ его лично и по морской службѣ. Сличи о немъ выше, стр. 157. 158. Любопытно, что ходятъ преданія о крутомъ обращеніи съ крестьянами и главы масоновъ Н. И. Новикова. Это разсказывалъ между прочимъ его сосѣдъ по бронницкому имѣнію Д. П. Бутурлинъ (авторъ Исторіи смутнаго времени), человѣкъ одностороннихъ мнѣній, но въ отзывахъ правдивый и осторожный. *П. Б.*

слѣдующимъ помѣщикамъ: кн. Касаткиной, Логовчиной, Огареву, гр. Головкину, Игнатьеву, Еропкину, Вакселевой, Бологовскому, Макшеевой, Суровцову, Извѣкову, Тайдалову, Воейкову, д-цѣ Измайловой, г-жѣ Шишковой, Медвѣдевой, Бибикову (И. А.). Вотъ это прошеніе:

„Всепресвѣтлѣйшій, самодержавнѣйшій, великій государь нашъ, императоръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ Всеросійскій, государь всемилостивѣйшій.

„Просятъ Кадниковской округи, Михайловской волости, вотчины полковника Осипа Алексѣевича Поздѣева, староста Яковъ Яковлевъ, выборные — Андрей Осиповъ, Гаврила Прокопьевъ и всѣ той вотчины крестьяне, а о чемъ наше прошеніе,—о томъ значитъ ниже сего."

„Дошедшіе мы, именованные, во владѣніе означенному господину Поздѣеву по купчей, тому уже 18 лѣтъ, то онъ первые годы и бралъ съ насъ оброки, да къ тому бралъ отъ нашей вотчины въ Москву, въ топорную работу, человѣкъ по 9-ти и болѣе, да въ тѣ же самые годы и въ нашей вотчинѣ строенія господскаго было не малое число, т. е. господскіе домы для пріѣзду его. Да въ нашей же вотчинѣ приказалъ построить заводъ стеклянный [3]), тому уже 10 лѣтъ; да въ тожь самое время, когда заводъ строили, въ то время онъ, господинъ нашъ, разорилъ цѣлое селеніе, деревню Нелюбовскую, жителей поселилъ въ другія селенія, а на той деревнѣ приказалъ построить житные дворы и избы, а поля приказалъ пахать на себя, равножъ и покосы; да и въ другихъ мѣстахъ приказалъ надѣлать усадебъ не малое число,—то бы (безъ этого) по нашей вотчинѣ и довольно было господской работы пашенной, сѣнокосной и строенія. Да онъ же, господинъ нашъ, сверхъ оныхъ работъ, на стеклянный заводъ нарядилъ съ каждаго человѣка мущинъ, отъ 15-ти лѣтъ и до 70-ти, на каждый годъ по 30-ти сажень дровъ, да по 30-ти четвертей золы. То мы, покамѣстъ были въ силахъ и люди были всѣ при вотчинѣ, такъ мы оные уроки всѣ и отправляли. Но какъ онъ, господинъ нашъ, свезъ въ другія мѣста 15 человѣкъ мужескаго пола, да многихъ продалъ въ рекруты, да многіе отъ таковыхъ несносныхъ работъ и отъ тяжчайшаго наказанія разбѣжалися, отъ чего въ нашей вотчинѣ и стало людей великое умаленіе, а на заводъ требуетъ надобность какъ золы, такъ и дровъ; такъ онъ господинъ нашъ наложилъ на насъ уроки тяжчае и первыхъ: съ каждаго человѣка помянутаго возраста, на каждую недѣлю, по 3 четверти золы и по 3 сажени дровъ; а мы онаго урока уже выработать никакимъ способомъ и не можемъ, за то каждую недѣлю работныхъ людей и сѣчетъ (онъ) немилосердно".

„Равно и нынѣ, минувшаго декабря 31 дня 1796 года, прибылъ онъ, господинъ нашъ, на стеклянный заводъ и насъ, работныхъ людей, сталъ головы обривать, и при немъ (были) пучки палокъ и кнутья, и намѣренъ (былъ) всѣхъ пересѣчь. И мы поклонилися ему и прочь отъ него отошли; только ему сказали, что „мы изъ силъ своихъ вышли и вашихъ уроковъ сработать не можемъ, потому что мы хлѣба уже для пропитанія не имѣемъ, также одежи и обутки на насъ нѣту, а всегда и съ женами нашими на вашей господской работѣ непремѣнно день и ночь работаемъ, отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только-только, какъ маленькія ребята наши, ходя въ міръ, напросятъ и насъ питаютъ!" И, поклонившись ему, прочь отъ него отошли, о чемъ черезъ сотскаго (ими) объявлено и земскому суду сего 1797 года генваря 9 дня."

„Но какъ, по объявленіи, г. Кадниковскій исправникъ Иванъ Ивановичъ Торбѣевъ, прибывъ къ нашей церкви въ 1-й день сего генваря, т. е. въ праздничный воскресный день, приводилъ нашей волости всѣхъ людей къ присягѣ (государю?); и, по приведеніи, во время службы божественныя литур-

[3]) Химія, какъ извѣстно, входила въ составъ масонскихъ упражненій. *П. Б.*

гіи, всѣхъ нашей волости разныхъ вотчинъ людей изъ храма Божія выславъ, а насъ, Поздѣевыхъ, оставя въ Божіемъ храмѣ, и съ обою страну поставя военную строгость (команду) съ обнаженными тесаками и заряжеными ружьями, и самъ исправникъ, обнажа свой тесакъ, стоя въ храмѣ, и насъ 15 человѣкъ связалъ невѣдомо за что (или по просьбѣ господина нашего,—о томъ мы неизвѣстны), не объявя соцкому никакого дѣла. И повели насъ связанныхъ къ господину нашему въ домъ; и мы, убояся смертельнаго наказанія и безвиннаго, другъ друга распутали и отъ него, исправника, отошли и ничего ему не противорѣчили, въ чемъ мы и ссылку имѣемъ на всю нашу волость, которые (люди) были у церкви и присяги, равножъ и другихъ волостей, прилучившихся у нашей церкви, также и священника и другихъ священно-церковнослужителей."

„Того ради, и пріемлемъ смѣлость трудить Ваше Императорское Величество, дабы благоволено-бъ было сіе всенижайшее прошеніе всемилостивѣйше принять и погибающихъ отъ мраза и глада обиженныхъ людей въ ваши всемилостивѣйшія нѣдра принять; а мы, нижайшіе, желаемъ какъ Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству, служить. Генваря 5 дня 1797 года".

Свидѣтели, удостовѣрявшіе справедливость того, что̀ говорится въ этомъ прошеніи, присовокупляютъ, что Поздѣевскіе крестьяне „пришли въ крайнюю бѣдность, неимѣющи у себя дневнаго пропитанія, равножь одѣянія и обувенія, скитающіеся въ мірѣ, лишающіеся своихъ крестьянскихъ работъ, домы и поля у нихъ пришли въ запустѣніе", и что стеклянный заводъ завелъ Поздѣевъ тамъ, „гдѣ прежде были церкви святыя, т. е. Цьевецкая пустыня, церкви святыя сжегъ, а на томъ мѣстѣ построилъ хлѣвы скотскіе".

Теперь послушаемъ, что̀ говоритъ другая сторона, заинтересованная въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что пишетъ подполковникъ Поздѣевъ въ Петербургъ къ Ивану Владиміровичу (Лопухину) отъ 7-го января, одновременно съ составленіемъ семинаристомъ Коропацкимъ *проходнаго* письма для его крестьянъ:

„По распространившейся въ здѣшнемъ краю сильной молвѣ, что дѣлаемая нынѣ присяга государю для того (происходитъ), чтобы впредь не быть за помѣщиками, при случаѣ взятья мною, для отлучки въ Москву, безъ всякаго наказанія, одного изъ крестьянъ жены моей, побуждающаго паче прочихъ къ ослушанію, ночью, наканунѣ новаго года, изъ крестьянъ жены моей до 70-ти человѣкъ вломились съ полѣньями въ домъ мой и убили бы вѣрно меня и дворовыхъ моихъ людей до смерти, естлибы Богъ не даровалъ мнѣ безбоязненнаго духа вытти къ нимъ прямо, что̀ ихъ нѣсколько остановило. Я, употребя на успокоеніе ихъ едиными словами чрезъ цѣлой часъ, чтобы они себя самихъ не губили, насилу, съ Божіею помощію, довелъ вытти изъ моего дома. А когда они разошлись по избамъ; то я, опасаясь на другой день вторичной отъ нихъ сцены, уѣхалъ въ городъ Кадниковъ, и взявъ оттуда исправника и двухъ токмо старыхъ солдатъ, коихъ и въ городѣ больше нѣтъ, пріѣхалъ въ деревни жены моей, гдѣ исправникъ, по своей должности, при приводѣ цѣлую волость къ присягѣ, въ которой слишкомъ тысяча душъ, хотѣлъ взять начинщиковъ бунта; то вся волость, взбунтовавшися, взятыхъ отняли и едва исправника самого не убили до смерти, еслибы онъ отъ нихъ уходомъ не спасся. И къ оному бунту и еще двѣ волости присоединились, въ коихъ всѣхъ около трехъ тысячь душъ; и естли не присланъ будетъ цѣлый полкъ въ губернію Вологодскую для квартированія, то это разовьется далеко. И кромѣ сихъ волостей, въ крестьянахъ видимъ явно готовящійся бунтъ, *весьма похожій на Пугачевскій* (!), ибо всѣ крестьяне имѣютъ оставшагося отъ времени Пугачева духа—*дабы не было дворянъ*, да и теперь же у нихъ слышится, что

и городовъ не будетъ (*) (?!): что есть точно иллюминантической духъ (!!) безначальства и независимости, распространившійся, какъ знаете, по всей Европѣ; естли не будетъ скоро утишаемъ, можетъ здѣшнему глухому краю крайне быть истребителенъ. Здѣсь въ Вологдѣ нѣтъ военныхъ людей, чѣмъ бы оный утишить, почему прошу васъ употребить ходатайство у государя, что, я думаю, здѣшній губернаторъ рапортомъ не упуститъ, дабы скорѣе хотя одинъ баталіонъ былъ посланъ для наведенія страху и на протчихъ (крестьянъ) здѣшняго краю, а взбунтовавшихся для приведенія въ надлежащее повиновеніе. Который бунтъ, по таковой всеобщей молвѣ, можетъ разлиться далеко и подвергнуть истребленію невинныхъ дворянъ таковому же, каковое было отъ Пугачева, изъ числа которыхъ и я теперь съ женою моею и двумя маленькими дѣтьми, немогущій скоро выѣхать, по економическимъ моимъ нуждамъ; хотя губернаторъ вологодской прислалъ мнѣ трехъ человѣкъ солдатъ для охраненія, что онъ только могъ, а вы сами знаете, сколь это мало значитъ! Спокойство здѣшняго краю требуетъ такова екзекутнаго духа, каковъ есть государевъ, для присылки помянутой команды. Желаю вамъ добраго здоровья и всякаго благословенія Божія; поручая себя въ вашу любовь, есмь вамъ съ моею искренною привязанностію и съ почтеніемъ покорнѣйшимъ и усерднымъ слугою Іосифъ Поздѣевъ."

P. S. „Въ таковыхъ случаяхъ отъ неуваженія одна искра можетъ произвести великій пожаръ, какъ то было въ низовыхъ губерніяхъ при злодѣѣ Пугачевѣ. И теперь, сыщись какой-нибудь предпріимчивый злодѣй, то крестьяне, напоенные желаніемъ безначальства, уже готовы; нашъ же простой народъ охочій къ грабежамъ, изъ коего много сыщется охотниковъ грабежемъ понажиться. Здѣсь же, въ Вологодской, Ярославской, Костромской и Архангелогородской губерніяхъ, нѣтъ ниже какихъ командъ, коими бы можно было затушить, естли оное сумасбродство разольется. И здѣсь, въ Вологдѣ, въ новый годъ, въ соборѣ и внѣ онаго, великое было, какого никогда не запомнятъ, стеченіе простаго народу и *поповъ, кои,* т. е. *деревенскіе, тѣже мужики, только что грамотные,* — въ ожиданіи, что читать будутъ указы о вольности крестьянъ и яко бы соль будетъ дешевле и вино (будетъ) продаваться по два рубля ведро, — пріѣхали слушать изъ селеніевъ, верстъ за сто отъ Вологды отстоящихъ. Крестьяне, въ ожиданіи таковой мнимой вольности, во многихъ мѣстахъ не платятъ оброковъ своимъ господамъ, а особливо дожидались этакого указа о вольности въ новый годъ; и безразсудство черни до такой крайности (дошло), что думаютъ, будто въ Вологдѣ нарочно не распечатываютъ таковыхъ о вольности крестьянъ указовъ".

Участіе сельскаго духовенства въ крестьянскихъ движеніяхъ прошлаго вѣка не сомнѣнно: это видно изъ матеріаловъ, относящихся до самозванцевъ — предшественниковъ Пугачева, Кремнева и Монацкаго, напечатанныхъ нами въ „Воронежской Бесѣдѣ"; это очевидно изъ самой исторіи Пугачевскаго бунта. Не входя въ объясненіе этого факта, нельзя допустить, что Поздѣевъ, только въ виду собственныхъ владѣльческихъ интересовъ, приводитъ въ связь сельское духовенство съ крестьянскимъ движеніемъ; не съ одною этою цѣлію онъ пишетъ къ вологодскому епископу Арсенію слѣдующее письмо, проливающее нѣкоторый свѣтъ какъ на самое происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и на тогдашнее сельское духовенство:

„Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и мой архипастырь!

„По случаю воспослѣдовавшаго въ здѣшнихъ волостяхъ бунту, обязанъ я до-

(*) Замѣчательная антигосударственная фраза, если она только дѣйствительно была сказана крестьянами. Не секретъ что и теперь многія мѣстности нашего отечества, по патріархальности своего быта, не сочувствуютъ нѣкоторымъ либеральнымъ учрежденіямъ.

нести, что изъ крестьянъ жены моей присланною командою съ совѣтникомъ губернскаго правленія, нѣкоторые начинщики взяты и домашнимъ наказаніемъ наказаны, другіе жъ изъ оныхъ отданы подъ законное наказаніе, вмѣстѣ съ соцкими другихъ волостей и понятыми, кои возстали на исправника и команду его и убили бы его до смерти при семъ ихъ всѣхъ заговорѣ, когда они отважились (побуждаяся отъ злонамѣреннымъ людей слухомъ, что у помѣщиковъ крестьянъ не будетъ, называя мужичьимъ словомъ, что *все будетъ государщина*) сочинять и послать просьбу, мимо всѣхъ учрежденныхъ присутственныхъ мѣстъ и начальствъ, къ самому Его Императорскому Величеству. Взбунтовавшіеся крестьяне жены моей, собравшись ночью, дали, безъ вѣдома моего и жены моей, выборъ во священники сыну дьячка церкви Михаила Архангела, что̀ на Кубенницѣ, вологодской семинаріи ученику Григорью Коропацкому, который, обольстясь симъ выборомъ и четырьмя рублями денегъ, данными ему, подписалъ дерзкое прошеніе къ особѣ Его Императорскаго Величества и далъ четыремъ мужикамъ жены моей фальшивые пашпорты, въ чемъ онъ, при совѣтникѣ губернскаго правленія, при мнѣ, исправникѣ и секретарѣ нижняго земскаго суда, и признался. И подлинное прошеніе къ Его Императорскому Величеству, подписанное имъ, взято у посланныхъ въ Вологду двухъ изъ бунтующихъ мужиковъ, съ коего копію г. губернаторъ вологодской и прислалъ сюда съ нарочнымъ курьеромъ, а подлинное находится въ губернскомъ правленіи. О чемъ симъ вашему преосвященству донеся, прошу, хотя присланный сюда для усмиренія совѣтникъ и я, сжалясь на юность помянутаго штудента, не отдали его съ прочими преступниками въ тюрьму, для поступленія съ нимъ по законамъ; — но долгъ обязанности моей побуждаетъ меня покорнѣйше васъ просить: — естли кто представитъ къ вамъ помянутой его выборъ, оному не вѣрить, и впредь отъ крестьянъ и людей жены моей и моихъ никакихъ выборовъ и прошеніевъ, безъ моей и жены моей подписи, въ церковнослужители къ церкви Михаила Архангела, что̀ на Кубенницѣ, не принимать; а отца помянутаго ученика Коропацкаго, дьячка Ивана Иванова, за согласіе его и позволеніе на такое беззаконное дѣло (ибо точно, какъ слышу, и онъ въ ономъ-же согласіи былъ и сыну своему позволялъ) прошу, какъ вы заблагоразсудите, примѣрно и протчимъ церковнослужителямъ, приказать наказать, — въ чемъ надѣюсь по сему моему прошенію, для воздержанія церковниковъ здѣшней глухой (около рѣки Кубены) стороны, ваше преосвященство, яко любящіе ввѣренную вамъ отъ Бога и государя паству, не упустите. Поручая себя вашимъ архипастырскимъ молитвамъ, есмь, съ моимъ истиннымъ почтеніемъ и т. д. — Стеклянный заводъ, генваря 18, 1797 года.“

Этотъ отзывъ и, несомнѣнно, доходящія и изъ другихъ мѣстъ вѣсти объ участіи сельскаго духовенства въ крестьянскомъ движеніи заставили вологодскаго преосвященнаго обратиться къ нему съ слѣдующимъ пастырскимъ посланіемъ:

„Къ крайнему сожалѣнію моему, въ епархіи моей, въ противность Божіихъ и государственныхъ узаконеній, повелѣвающихъ *рабамъ быть во послушаніи у господей своихъ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открылись неповиновенія у крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ, причемъ оказались нѣкоторые изъ церковнослужителей (забывъ даваемыя ими, при производствѣ въ священно-церковнослужительскія степени, обязательства) въ составленіи и рукоприкладствѣ отъ тѣхъ крестьянъ на высочайшее имя Его Императорскаго Величества дерзкихъ прошеній. Крайне сожалѣя духомъ о таковомъ заблужденіи и имѣющемъ неминуемо постигнуть виновныхъ, по суду Божію и государственнымъ узаконеніямъ, временномъ и вѣчномъ наказаніи, долгомъ поставляю всѣмъ епархіи моей

священно и церковно-служителямъ и ихъ дѣтямъ подтвердить: 1) дабы они внимали только тому званію, въ которое Промысломъ Божіимъ призваны,— чтобъ проходить оное по закону Божію, по святымъ правиламъ и по государственнымъ установленіямъ безпорочно. 2) Ежели бъ гдѣ и еще, паче чаянія, начали оказываться подобныя вышесказаннымъ, въ невѣжествующихъ крестьянахъ непослушанія; въ таковыхъ не только бъ не принимали ни малѣйшаго съ ними участія, но и паче, по долгу званія своего, старались бы таковыхъ невѣждъ всемѣрно отъ того удерживать, вразумляя ихъ, что они и закономъ Божіимъ обязаны повиноваться *владыкамъ своимъ во всякомъ страсѣ, не только благимъ и кроткимъ, но* (ежели бы, паче чаянія, то было) *и строптивымъ*, и высочайшее на то изволеніе, какъ прежде бывшихъ въ Россіи благочестивѣйшихъ монарховъ, такъ и нынѣ благополучно владѣющаго Всероссійскимъ скипетромъ, благочестивѣйшаго великаго государя нашего императора Павла Петровича, самодержца Всероссійскаго, было и есть. И что, наконецъ, собственная польза ихъ къ тому обязываетъ; ибо безначаліе неминуемо пагубными сопровождаемо бываетъ послѣдствіями, какъ то: междоусобіемъ и взаимнымъ другъ друга разореніемъ и истребленіемъ. Слѣдовательно, таковыя ослушанія противны и установленію Божію, и высочайшей волѣ Его Императорскаго Величества; и потому какъ виновные въ таковой продерзости, такъ и участвующіе въ оной согласіемъ, подстреканіемъ, послабленіемъ и, что всего горше, составленіемъ отъ нихъ (крестьянъ) продерзкихъ просьбъ и къ нимъ (просьбамъ) рукоприкладствомъ, подвергаютъ себя какъ Божію, такъ и высочайшія власти жесточайшему гнѣву и наказанію; ибо *сущія власти*, какъ говоритъ Павелъ Апостолъ, *отъ Бога учинены суть: тѣмъ же и противляйся власти, Божію повелѣнію противляется.* Дано въ Вологдѣ 1797 года, генваря въ 31-й день. Арсеній, епископъ вологодскій".

Еще сильнѣе обнаружилось участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ движеніи въ Псковской и Калужской губерніяхъ, гдѣ послѣднее приняло обширные размѣры. Въ первой волненія крестьянъ прежде всего обнаружились въ уѣздахъ Порховскомъ и Печерскомъ и отсюда уже перешли въ Холмскій и разгорѣлись пожаромъ: здѣсь почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне не только отказались повиноваться, но, собираясь по погостамъ и вооружившись ружьями, дубинами, топорами и т. п., открыто возстали, „предводимые къ тому и попами," какъ гласитъ официальное извѣстіе. Такъ въ одномъ мѣстѣ этого уѣзда, въ церкви, они поставили аналой: священники вышли изъ алтаря въ полномъ облаченіи и вынесли крестъ и евангеліе, которые положили на аналой; крестьяне прикладывались къ св. иконамъ, ко кресту и евангелію и клялись „въ единодушномъ до смерти стояніи." Присланная для усмиренія ихъ команда, подъ начальствомъ земскаго засѣдателя, была побита; „крайнія неистовства и озорничества", которыя они стали повсемѣстно дѣлать, были слѣдствіемъ такого успѣха. Въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, почти поголовно возставшемъ противъ помѣщиковъ, главными виновниками были священникъ села Кулишева Григорій и еще какихъ-то два попа, разглашавшіе о мнимыхъ манифестахъ и сочинявшіе прошенія къ государю.— Высочайшій манифестъ, приводимый ниже, косвеннымъ образомъ подтверждаетъ участіе сельскаго духовенства въ крестьянскомъ возстаніи. Въ одномъ мѣстѣ Минской губерніи, впрочемъ, по слуху, какъ говоритъ официальное извѣстіе „одинъ дерзкій попъ вралъ, что у насъ (де) государя нѣтъ, потому что онъ не короновался."

Какъ бы то ни было, а въ продолженіи всего января 1797 г. приходили въ Петербургъ все болѣе тревожныя извѣстія о крестьянскомъ движеніи почти

отовсюду. Новый императоръ, пылкій и раздражительный, ревнивый поборникъ власти, и далеко уступавшій своей матери въ трезвомъ пониманіи русской дѣйствительности, увидѣлъ въ нихъ заговоры и бунты. Извѣстно, что императоръ Павелъ [4]) считалъ помѣщиковъ лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ, лучшей земской полиціей; извѣстно его отвращеніе къ французской революціи и мѣры, какія онъ употреблялъ для уничтоженія порядка, созданнаго въ западной Европѣ событіями 1789 г. Поэтому, нечего удивляться, что этотъ государь, для успокоенія движенія, шедшаго въ интересахъ *государщины*, прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Не довольствуясь строгими предписаніями мѣстнымъ губернаторамъ о подавленіи возстанія, отправленіемъ на мѣсто его значительныхъ военныхъ командъ, собственноручными высочайшими рескриптами къ ихъ начальникамъ, безпрестанными посылками курьеровъ, императоръ 20-го января 1797 г. назначаетъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, генералъ-фельдмаршала князя Репнина, спеціально для усмиренія *взбунтовавшихся* крестьянъ, а 29-го издаетъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею милостію мы, Павелъ 1-й, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. объявляемъ всенародно:

„Съ самаго вступленія нашего на прародительскій нашъ императорскій престолъ, предложили мы за правило наблюдать и того взыскивать, дабы каждый изъ вѣрноподданнаго намъ народа обращался въ предѣлахъ, званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя его обязанности и удалялся всего, тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ. Нынѣ увѣдомляемся, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьяне, помѣщикамъ принадлежащіе, выходятъ изъ должнаго имъ послушанія, возмечтавъ, будто бы они имѣютъ учиниться свободными, и простираютъ упрямство и буйство до такой степени, что и самымъ прощеніямъ и увѣщаніямъ отъ начальствъ и властей, нами поставленныхъ, не внемлютъ. Соболѣзнуя милосердно о таковыхъ развращающихся съ пути истиннаго и полагая тутъ виною болѣе заблужденіе внемлющихъ лживымъ внушеніямъ и огласкамъ, отъ людей праздныхъ по легкомыслію или и корыстнымъ видамъ разсѣеваемымъ, восхотѣли мы, предварительно всякимъ усиленнымъ мѣрамъ, къ укрощенію буйства подобнаго, влекущимъ обыкновенно за собою самыя бѣдственныя и разорительныя для непокорныхъ послѣдствія, употребить средства кроткія и человѣколюбивыя. Почему монаршимъ и отеческимъ гласомъ нашимъ взываемъ всѣхъ и каждаго: да обратятся къ должному законамъ и власти повиновенію, вѣдая, что законъ Божій поучаетъ повиноваться властямъ предержащимъ, изъ коихъ нѣтъ ни единой, которая бы не отъ Бога поставлена была. Повелѣваемъ, чтобы всѣ, помѣщикамъ принадлежащіе крестьяне, спокойно пребывая въ прежнемъ ихъ званіи, были послушны помѣщикамъ своимъ въ оброкахъ, работахъ и словомъ — всякого рода крестьянскихъ повинностяхъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе и своевольство неизбѣжнаго по строгости закона наказанія. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройствомъ въ вѣдѣніи, ему ввѣренномъ, долженствуетъ, въ противномъ случаѣ, подавать руку помощи, и крестьянъ, кои дерзнутъ чинить ослушаніе и буйство, подвергать законному сужденію и наказанію. Духовные, наипаче священники приходскіе, имѣютъ обязанность предостерегать прихожанъ своихъ противъ ложныхъ и вредныхъ разглашеній, и утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ, памятуя, что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ

[4]) Сл. Р. Архивъ 1864, стр. 781. *П. Б.*

семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ передъ страшнымъ судомъ Божіимъ во вредѣ, отъ небреженія ихъ произойти могущемъ. Сей указъ нашъ прочитать во всѣхъ церквахъ всенародно. Данъ въ С. Петербургѣ генваря 29 дня 1797 г. Павелъ.

Впрочемъ, правительство не могло оставаться равнодушнымъ, такъ какъ крестьянское движеніе, начавшееся съ толковъ о волѣ, о томъ, что новый государь освободилъ крестьянъ, но помѣщики и власти скрываютъ это отъ народа, дѣйствительно стало принимать характеръ возмущенія и сопровождаться значительными безпорядками. Манифестъ императора, для прекращенія этихъ безпорядковъ, категорически указываетъ на мѣры кротости и человѣколюбія; отъ лицъ, исполнявшихъ волю государя, зависѣлъ какъ выборъ этихъ мѣръ, такъ и самая постановка вопроса (какъ мы говоримъ теперь) объ усмиреніи. Мѣры для подавленія крестьянскаго движенія, какъ увидитъ читатель, принимались нерѣдко очень крутыя; но мы имѣемъ полное право утверждать, что это движеніе легко могло бы сдѣлаться народнымъ бунтомъ, если бы вмѣсто князя Репнина, былъ назначенъ другой, болѣе воинственный, генералъ.

Одновременно съ Псковскимъ, обнаружилось волненіе крестьянъ въ Полоцкомъ намѣстничествѣ, въ пяти уѣздахъ —Себѣжскомъ, Невельскомъ, Городецкомъ, Суражскомъ и Несвижскомъ; здѣсь возстаніе имѣло тотъ же самый характеръ, что и во Псковѣ. Усмиреніе возстанія крестьянъ въ этомъ краѣ поручено было государемъ минскому генералъ-губернатору М. М. Философову, который въ письмѣ своемъ къ Репнину, причину крестьянскихъ волненій объясняетъ „глупыми сослухами жителей одной губерніи отъ другой и глупыми подражаніями однихъ другимъ, *безъ заговоровъ вообще*.“ Замѣчательно, что въ Литвѣ и въ остальной Бѣлоруссіи, недавно присоединенныхъ, въ тоже самое время, когда въ одномъ изъ городовъ первой, въ Гроднѣ, еще имѣлъ свое пребываніе бывшій польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ, когда уже зрѣлъ во мракѣ заговоръ ксендза Домбровскаго,—въ тогдашнихъ губерніяхъ Литовской и Минской, по свидѣтельству того же Философова, „нигдѣ ничего нѣтъ, и противу государя нигдѣ ничего не открыто.“

Самые серьезные безпорядки произошли въ южныхъ губерніяхъ — въ Орловской, Тульской и Калужской; южнѣе ихъ движеніе между помѣщичьими крестьянами, кажется, не распространялось, о чемъ мы заключаемъ по тому обстоятельству, что, напр., изъ Тамбовской губерніи (Липецкаго у.) вызывались войска въ Калужскую губернію для прекращенія безпорядковъ. Въ Орловской губерніи волненія крестьянъ обнаружились въ Сѣвскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бригадирши княгини Голицыной, въ мѣстечкѣ *Радогощи* и въ селѣ *Брасовѣ*, имѣніи Апраксина. Въ первомъ изъ нихъ, крестьяне возстали вооруженною силою и рѣшились или овладѣть всѣмъ, принадлежащимъ ихъ помѣщицѣ и раздѣлить между собою, или быть побитыми; какіе размѣры приняло движеніе Апраксинскихъ крестьянъ, объ этомъ можно судить по обстоятельствамъ ихъ усмиренія, въ слѣдствіи которыхъ, какъ увидитъ читатель, село Брасово получило печальную извѣстность въ этихъ прискорбныхъ событіяхъ. Кромѣ этихъ друхъ мѣстъ, крестьянскіе безпорядки обнаружились также въ имѣніи помѣщиковъ Хлющина и Бодиски, въ селѣ Алешенкахъ. Число возставшихъ крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ во всякомъ случаѣ было болѣе десяти тысячъ. Въ Тульскомъ намѣстничествѣ волненія обнаружились въ Алексинскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ и въ деревняхъ Сонинкѣ, Лѣсновкѣ и Хрущовой. Здѣсь предводителемъ возстанія былъ Хрущевскій староста Василій Семеновъ, а подстрекателемъ ка-

кой-то бѣглый изъ дворовыхъ, называвшійся Никитою Прокофьевымъ. Возмутившіеся крестьяне не хотѣли слушать высочайшаго манифеста отъ 29 января, считая его подложнымъ, ударили, въ присутствіи исправника, въ набатъ, избили людей, преданныхъ помѣщику, и кричали: „Умремъ, а не хотимъ быть за помѣщикомъ! Желаемъ остаться казенными". Въ Калужской губерніи самое сильное движеніе обнаружилось между крестьянами Медынской округи (уѣзда). Такъ, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, въ имѣніи помѣщицы Давыдовой, возставшіе еще въ прошломъ году крестьяне всѣ разбѣжались, кромѣ женщинъ и малолѣтныхъ дѣтей, такъ что, по наивному выраженію офиціальной бумаги, и усмирять было не кого: этотъ побѣгъ, какъ надобно думать въ окрестныя селенія, также волнующіяся, произошолъ послѣ того, когда земская полиція, въ слѣдствіи манифеста 29 января, хотѣла привести крестьянъ въ повиновеніе ихъ помѣщицѣ. Въ томъ же уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ братьевъ Воейковыхъ и ихъ сосѣдки Никифоровой, крестьяне возстали поголовно, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ. Во Владимірской губерніи, близъ города Петровска, въ имѣніяхъ Демидова и Рудакова, и въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ у помѣщика Карцева и Макарова, крестьяне также отказались отъ повиновенія; тоже произошло и въ Александровскомъ уѣздѣ. Крестьяне этихъ помѣщиковъ причину своего непослушанія объясняли чрезмѣрно тяжелыми работами. Въ этой же губерніи, въ имѣніяхъ гр. Апраксина и кн. Голицина, съ помѣщичьими соединились экономическіе крестьяне и общими силами умертвили, какъ сказано въ донесеніи, „многихъ вотчинныхъ начальниковъ, денежный и хлѣбный заборъ какъ кн. Голицина, такъ и Апраксина разграбили, разоряя всякого рода господскія заведенія".

Источники, которыми мы пользуемся, не сообщаютъ дальнѣйшихъ подробностей о крестьянскомъ движеніи, какъ видитъ читатель, начинавшемъ переходить въ вооруженное возстаніе, если не противъ государственной власти, то противъ одного изъ ея органовъ. Идя отъ слуховъ, возбужденныхъ вступленіемъ на престолъ новаго государя, не имѣя организаторовъ и предводителей, крестьянское движеніе не успѣло далеко распространиться, не могло вспыхнуть такимъ же пламенемъ бунта, какъ назадъ тому 25 лѣтъ, при Пугачевѣ. Но уже кровь полилась; общественный порядокъ нарушался; выступили наружу самыя дурныя страсти, угрожавшія знакомыми тогда всѣмъ потрясеніями. Вспомнимъ, что въ эту эпоху еще не успѣло сойдти въ могилу поколѣніе, современное Пугачеву; что новое, смѣнявшее его, отъ крестьянской избы до господнихъ палатъ, наизусть знало всѣ подробности страшнаго пугачевскаго бунта, — и мы если не можемъ, съ нынѣшней точки зрѣнія, оправдать строгость и даже жестокость мѣръ, употребленныхъ для подавленія возстанія, покрайней мѣрѣ, онѣ могутъ быть объяснимы.

Современный читатель, мало знакомый съ исторіей нашего XVIII вѣка, въ которомъ въ одно и тоже время и завершался процессъ нашего государственнаго организма и входила въ него новая, производящая сильное броженіе, закваска европейской жизни и цивилизаціи, пожалуй не прочь будетъ приписать всѣ крутыя мѣры человѣку, распоряжавшемуся подавленіемъ крестьянскаго движенія; ибо князь Репнинъ, самолично усмиряя крестьянъ въ селѣ Брасовѣ, сдѣлалъ изъ этого настоящее *военное дѣло*, съ пушечной и ружейной пальбою, съ убитыми и ранеными, съ побѣдителями и побѣжденными. Побѣдители получили высочайшую награду; побѣжденные, кромѣ страшныхъ матеріальныхъ потерь, подвергнулись тяжкимъ нравственнымъ испытаніямъ: трупы 20-ти крестьянъ, павшихъ въ Брасовскомъ дѣлѣ, по приказанію князя Репнина, лишены были христіянскаго погребенія и зарыты въ одной ямѣ, укра-

шенной надписью, свидѣтельствовавшей, что эти люди были недостойны погребенія со всѣми! И эти сцены, возмущающія теперь наше человѣческое чувство, дѣлаетъ человѣкъ, которому несомнѣнно принадлежитъ одна изъ начальныхъ страницъ въ исторіи нашего гуманизма!

Въ это время общественное положеніе, которое занималъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ *), было очень высоко. Въ послѣдніе годы царствованія покойной императрицы, Репнинъ былъ, въ чинѣ генералъ-аншефа, генералъ-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій и Литвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующимъ войсками, въ нихъ расположенными. Новый императоръ, на другой день вступленія своего на престолъ, пожаловалъ его генералъ-фельдмаршаломъ и оказывалъ ему болѣе душевное расположеніе, чѣмъ покойная императрица, не долюбливая Репнина, какъ масона, хотя высоко цѣнившая его заслуги. Мы мало знакомы съ людьми XVIII вѣка, и, кажется, еще не подготовились къ этому знакомству, по недостатку спокойствія, мѣшающаго видѣть, что русскій человѣкъ прошлаго вѣка постоянно стоялъ не только между двухъ, но и промежъ трехъ огней, въ двойственномъ и тройственномъ положеніи, созданномъ всею русской исторіей: обвинять или восхвалять его не возможно, не разсмотрѣвъ всѣхъ этихъ сторонъ историческаго положенія современнаго ему общества. Князь Репнинъ не былъ замѣчательнымъ полководцемъ въ родѣ Румянцева, не говоря уже о Суворовѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ людей, которыми поистинѣ прославился екатерининскій вѣкъ, и между коими онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Профессоръ Соловьевъ въ своей книгѣ *Исторія Паденія Польши* блистательнымъ образомъ представляетъ его дипломатическія способности, въ качествѣ нашего резидента въ Варшавѣ. Эти способности, точнѣе болѣе духовная сторона ихъ, т. е. живое, непосредственное отношеніе къ живой, а не отвлеченной жизни, еще блистательнѣйшимъ образомъ обнаружились въ Репнинѣ на новомъ мѣстѣ, которое онъ занялъ послѣ 3 го раздѣла Польши, — на мѣстѣ литовскаго генералъ-губернатора, чуть не начальника Сѣверо-западнаго края, какъ бы мы теперь сказали. Что ни говорятъ теперь о древней русской исконности этого края, но въ прошломъ вѣкѣ она, по многимъ причинамъ, плохо замѣчалась, покрайней мѣрѣ не отъ нея начинали дѣло и не къ ней, не дождавшись конца, возвращались: идеалъ всероссійской имперіи, въ грандіозности его величія — вотъ откуда шли и къ чему возвращались государственные люди того времени; за этимъ идеаломъ не замѣтно было все народное, этнографическое, ибо все государственное отожествлялось тогда съ народнымъ. Россіи достался край *Польскій* (по тогдашнимъ понятіямъ), съ польской государственностію, языкомъ, цивилизацією, законами, нравами и обычаями. Устройство этого края, управленіе имъ, почти на другой день его присоединенія, введеніе русскихъ государственныхъ формъ жизни, вмѣсто сгнившихъ польскихъ, пощада тѣхъ, которыя нисколько не мѣшали первымъ, меткіе, искусные удары въ слабыя, но добрыя струны человѣческой природы, мудрое примѣненіе пословицы: *бей рублемъ, а не бей дубьемъ*, — на все это мало одпихъ административныхъ способностей, простаго исполненія чужой, непродуманной или отвлеченной мысли. Здѣсь, на управленіе Литвою, князь Репнинъ смотрѣлъ съ орлиной дальнозоркостію, отличающею всѣхъ екатерининскихъ питомцевъ: то, чѣмъ теперь мы такъ гордимся и изъ-за чего пролито столько чернилъ и желчи, *обрусѣніе края*, было имъ понято никакъ не уже нашего, начиная отъ необходимости поднятія мѣстныхъ русскихъ силъ до приглашенія людей изъ внутреннихъ губерберній на службу и до водворенія рус-

*) Родился 1734, умеръ 1801 года.

скихъ землевладѣльцевъ. Обрусѣніе Литовскаго края въ государственномъ смыслѣ — дѣло Репнина, его историческая заслуга. Словомъ, репнинское управленіе Литвою, смѣемъ думать, поучительно въ высшей степени для настоящаго времени. Въ немъ, между прочимъ, выразилась вполнѣ спокойная, подобающая государству сила, увѣренная въ самой себѣ, и стало быть въ успѣхѣ. Это всего лучше доказывается возможностію пребыванія въ томъ же литовскомъ, недавно присоединенномъ, краѣ короля Станислава Понятовскаго, который со ступеней варшавскаго трона прямо очутился въ скромномъ гродненскомъ дворцѣ и съ которымъ Репнинъ возился два года. Добровольно отказавшись отъ престола, ех-король все же смотрѣлъ въ лѣсъ волкомъ, и нужно было имѣть зоркое недремлющее око, чтобы не упустить подобнаго звѣря; всего легче было струсить. Уже одни отношенія Репнина къ послѣднему польскому королю представляютъ его личность въ самомъ выгодномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, свѣтѣ. Вполнѣ русскій, крѣпко и восторженно, какъ всѣ екатерининцы, держащій государственное знамя Россіи, славу и ея величіе, князь Н. В. Репнинъ, управляя Нѣмцами и Поляками, умѣлъ заставить уважать себя не одною грозою и страхомъ. Князь Репнинъ принадлежалъ къ обществу масоновъ, которое едва ли неболѣе всѣхъ учрежденій смягчало наши нравы, воспитывало, цивилизовало общество *). Прочтя множество черновыхъ бумагъ, его рукою исписанныхъ, его резолюцій, замѣтокъ, писемъ, мы не могли не убѣдиться, что въ этой личности было много обаятельнаго, — не въ этомъ ли надобно искать тайны его дипломатическихъ и административныхъ успѣховъ *межи Нѣмцы и Ляхи?* Отправляясь для подавленія крестьянскаго движенія, кн. Репнинъ положительно настаиваетъ на необходимости *самыхъ кроткихъ мѣръ.* Такъ въ его ордерѣ къ одному изъ военно-начальниковъ мы читаемъ: „Противъ крестьянъ не должно оказывать никакой строгости, ни крайности, а просто объявя имъ только высочайшую Его Императорского Величества волю, чтобъ крестьяне должное послушаніе имѣли къ помѣщикамъ, для чего точно (именно) я и посланъ, чтобы объявить о семъ высочайшемъ сонзволеніи. Почему и требовать отъ нихъ должнаго къ помѣщикамъ повиновенія; въ прочемъ (въ остальномъ) по всему, до сего относящемуся, гражданскому производству (властямъ) оставить полную свободу,—нижнему земскому суду и исправнику". Его царь—долгъ, его Богъ—правда...

Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ,

Вотъ какъ выражается Державинъ о Репнинѣ въ стихотвореніи „Памятникъ Герою" (изд. Я. К. Грота. Т. I. стр. 431). И. В. Лопухинъ въ своихъ *Запискахъ* превозноситъ его похвалами, называя его *великимъ мужемъ.* Съ его дѣятельностію въ иныхъ сферахъ мы еще будемъ имѣть случай познакомиться. Въ концѣ этой статьи мы помѣщаемъ собственноручный дневникъ кн. Репнина, веденный имъ во время пути, предпринятаго для подавленія крестьянскаго движенія. Онъ познакомитъ читателей съ нѣкоторыми любопытными подробностями, относящимися до этого дѣла (которые мы по этому опускаемъ въ нашемъ разсказѣ) и, между прочимъ, послужитъ нагляднымъ доказательствомъ неутомимой дѣятельности этого человѣка, несомнѣнно не желавшаго играть роль въ скорбныхъ событіяхъ при подавленіи крестьянскаго возстанія.

Получивъ 20-го января высочайшее повелѣніе и сдѣлавъ нужныя распоряженія, на время своего отсутствія, по управленію Остзейскаго края и Литвы, на другой день, 21-го числа, князь Репнинъ отправился въ путь прямо на сѣверъ, въ Вологду, по поздѣевскому дѣ-

*) Впрочемъ, отношенія О. А. Поздѣева въ своимъ крестьянамъ нисколько не говорятъ въ пользу гуманности этого масона.

лу. Зима въ этомъ году была снѣжная; отъ сугробовъ почти не было проѣзду. 27-го князь прибылъ въ Вологду, гдѣ прожилъ до 3-го февраля. Поздѣевское дѣло удалось ему покончить самымъ миролюбивымъ образомъ: крестьяне принесли повинную и просили прощенія у помѣщика; военныя команды, которыя притянулъ было Репнинъ къ мѣсту своего пребыванія, пришлось отсылать обратно. Пребываніе фельдмаршала въ Вологдѣ и кроткія мѣры, употребленныя имъ для успокоенія поздѣевскихъ крестьянъ, имѣли большое вліяніе на волновавшихся крестьянъ Ярославской и Владимірской губерній, гдѣ все пришло въ надлежащій порядокъ, безъ употребленія военной силы и кровопролитія, одними лишь распоряженіями мѣстной администраціи. Перемѣнивъ лошадей въ Ярославлѣ, князь Репнинъ на ночь съ 4-го на 5-е февраля прибылъ въ Ростовъ. Здѣсь нагналъ его курьеръ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 января отправиться немедленно въ Орелъ, куда фельдмаршалъ и прибылъ въ ночь 9-го числа.

Между тѣмъ орловскія событія, какъ видно, особенно тревожили императора Павла. Того же 30-го января онъ пишетъ шефу гусарскаго полка генералъ-маіору фонъ-Линденеру слѣдующій рескриптъ.

„Господинъ генералъ-маіоръ Линденеръ! Съ полученіемъ сего вступите въ распоряженіе гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ по Орловской губерніи. Употребите на прекращеніе волненія крестьянъ полкъ вашъ и мушкатерскій Ряжскій, о чемъ генералъ-маіору князю Горчакову отъ насъ предписано. *) Извѣстите насъ какъ о мѣрахъ, вами принятыхъ, такъ обо всемъ, произойти могущемъ. Употребите силу и заставьте повиноваться власти гражданской и уважать войска наши. Пребываю вамъ благосклонный. Павелъ.“

*) При Павлѣ всѣ генералы, отъ фельдмаршала, подѣланы были шефами полковъ, которые, сверхъ своего, носили и имена этихъ шефовъ.

И такъ Орловская губернія ставилась какъ бы въ военное положеніе, хотя на самомъ дѣлѣ этого и не было. Въ то время, какъ князь Репнинъ приближался къ предѣламъ возстанія, тамъ вотъ что происходило. Ряжскій полкъ кн. Горчакова замедлилъ прибытіемъ въ Сѣвскій уѣздъ; между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что ослушные крестьяне княгини Голицыной, собиравшіеся обыкновенно въ мѣстечкѣ Радогощѣ, назначали 10-е февраля срокомъ для приведенія въ исполненіе своего намѣренія броситься на усадьбу помѣщицы и разорить ее. Орловскій губернаторъ Воейковъ и генералъ Линденеръ рѣшились, не дожидаясь князя Горчакова, предупредить мятежниковъ. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу утра, они подошли съ полкомъ Линденера къ селу Радогощѣ и, остановившись у околицы, требовали, чтобы крестьяне принесли повинную своей помѣщицѣ и выдали бы главныхъ зачинщиковъ. Получивъ отказъ, Воейковъ и Линденеръ приказали стрѣлять изъ двухъ оружій и зажечь въ двухъ мѣстахъ село. Отъ сильнаго вѣтра пожаръ распространился, причемъ сгорѣло нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и господскій хлѣбный магазинъ, впрочемъ, почти опустошенный мятежниками. Крестьяне смирились. Заводчикъ возмущенія Куркинъ и нѣсколько его товарищей, засѣвшихъ было на колокольнѣ, должны были сдаться. Донося Государю объ этомъ дѣлѣ и отдавая честь распорядительности губернатора Воейкова, Линденеръ распространяется съ похвалою о дѣятельномъ участіи подполковника Уварова, совершенно случайно проѣзжавшаго чрезъ Радогощь и принявшаго команду надъ лейбъ-эскадрономъ и распоряженіе орудіями. Кн. Репнинъ получилъ извѣстіе объ этомъ усмиреніи на другой день, уже находясь въ Кромахъ; 12-го февраля онъ былъ на самомъ мѣстѣ происшествія. Изъ Радогощи фельдмаршалъ отправилъ въ село Брасово, къ апраксинскимъ крестьянамъ, съ приложеніемъ высочайшаго манифеста, свое приказа-

ніе представить къ нему главныхъ зачинщиковъ возмущенія; но получилъ на это дерзкій отвѣтъ: „Пусть-де пріѣдетъ самъ!“ Отсылая читателей за подробностями этого дѣла, о которомъ упомянуто выше, къ репнинскому журналу, здѣсь приводимъ приказъ фельдмаршала теперь соединившимся полкамъ Линденера и кн. Горчакова.

„Отъ генералъ-фельдмаршала кн. Репнина приказъ.

Завтра походъ въ село Брасово, для покоренія тамошнихъ крестьянъ генералъ-лейтенанта Апраксина.

1. Выступить отсель въ 8 часовъ по утру. Впереди идти г. генералъ-маіору Линденеру съ четырьмя ескадронами его полку.

2. За ними двѣ гранадерскія пушки Ряжскаго мушкатерскаго полку; потомъ полковыя пушки; за ними четыре единорога брянскіе; затѣмъ первый баталіонъ; за нимъ одна полковая пушка, а за ней второй баталіонъ; потомъ же, въ замкѣ, четыре ескадрона Линденерова полку.

3. Никому отъ своихъ мѣстъ не отлучаться, ни подъ какимъ предлогомъ.

4. Найстрожайше подтверждается, чтобы никто не дерзалъ ни малѣйшаго грабежа дѣлать, подъ опасеніемъ неминуемаго и строгаго наказанія, за что отвѣчаютъ командиры.

5. Никому нигдѣ и ничего не зажигать, безъ моего особеннаго и точнаго на сіе повелѣнія.

6. Какъ дѣйствовать должно будетъ, по прибытіи въ Брасову, о томъ на мѣстѣ приказано будетъ. Но г. генералъ-маіору Линденеру, подходя къ тому селу, обхватить оное четырьмя ескадронами, которые впередъ идутъ, чтобы всѣ изъ онаго выходы вполнѣ заграждены были, дабы преступники уйдти не могли. А какъ передовая кавалерія такимъ образомъ раздѣлится, то пѣхота, чрезъ то, откроется для продолженія дѣйствій; задніе же два ескадрона, за пѣхотой слѣдующіе, тогда пойдутъ на правое и лѣвое крыло пѣхоты, по одному ескадрону, а послѣдніе два слѣдуютъ въ резервѣ. Но все сіе начинать не прежде, какъ отъ меня повелѣно будетъ.

7. Два ескадрова Линденерова полку и двѣ орловскія пушки остаются здѣсь въ селѣ Радогощѣ, которымъ быть въ осторожности.

8. Въ походѣ, гдѣ положеніе мѣста потребуетъ и нужно будетъ, имѣть отъ кавалеріи боковые патрули.

9. Ружья, карабины и пистолеты зарядить пулями; равномѣрно и пушки имѣть заряженными ядрами; картечи же имѣть готовыми; также фитили заряженные; палительныя трубки и свѣчи въ готовности держать.

10. Никакой толпы, ближе ста шаговъ, къ фрунту ни къ которому не подпускать; а коли пойдутъ ближе, то по нихъ стрѣлять и дѣйствовать, какъ противъ непріятеля“. 12 февр. 1797 г.

Брасовское дѣло продолжалось два часа. Крестьяне не имѣли огнестрѣльнаго оружія и дѣйствовали цѣпами и дубинами: имъ удалось поранить только двухъ гусаръ, но зато шефу полка, Линденеру, крѣпко досталось по спинѣ дубиной. За Брасовское дѣло кн. Горчаковъ получилъ анненскую ленту, а полкъ его высочайшую благодарность и по рублю на человѣка; полку же Линденера, при паролѣ, велѣно объявить строгій выговоръ Государя.

Въ Сѣвскомъ уѣздѣ кн. Репнинъ пробылъ до 17 февраля, а въ Орловской губерніи по 25-е. Во все это время онъ заботился о возстановленіи спокойствія между крестьянами, оставаясь вѣренъ разъ принятымъ правиламъ. Такъ въ одномъ его приказѣ Малороссійскому кирасирскому полку, отъ 16 го февраля, мы читаемъ:

“Ежели бы, паче всякаго чаянія, крестьяне гдѣ-либо дерзнули противиться и упорствовать войскамъ, въ такомъ неожиданномъ случаѣ войски должны сохранить къ себѣ отъ народа почтеніе и уваженіе; и таковыхъ дерзкихъ ослушниковъ наказать и принудить къ повиновенію силою оружія. Но

г. *полковой командиръ отвѣчать за то станетъ по всей строгости законовъ, что подобное крайнее дѣйствіе строгости вынуждено было отъ него самою послѣднею необходимостію*—(т. е.) чрезъ оказаніе отъ крестьянъ дерзкаго неуваженія къ войскамъ, тоже явнаго, наглаго и упорнаго сопротивленія повелѣніямъ гражданскимъ, отъ войскъ даваемымъ,—*и что,* прежде сего принужденнаго (вынужденнаго) поступка, *истощены были всѣ мѣры и увѣщанія кротости,* дабы ослушники образумились и пришли въ повиновеніе законной власти".

„Войска", требуемыя гражданскою властію для усмиренія крестьянъ, говорится въ приказѣ тому же полку, недѣлю спустя, „во всякихъ таковыхъ случаяхъ должны держать себя въ почтеніи у обывателей и соблюсти слѣдующее (должное) отъ нихъ къ себѣ уваженіе, но, однакожъ, *обывателей не обижать и спокойно живущихъ отнюдь не притѣснять,* наблюдая строгую дисциплину."

Въ день окончанія брасовской катастрофы, 15-го февраля, князь Репнинъ пишетъ слѣдующее письмо орловскому губернатору:

„Благоволите, ваше превосходительство, въ извѣстіе всѣмъ обывателямъ Орловской губерніи, вамъ ввѣренной, приказать объявить, что село Брасово съ деревнями крестьянъ г. генералъ лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, отъ высочайшей власти установленному, и ихъ помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту Его Императорскаго Величества, отъ 29 января сего 1797 года, и за ихъ упорственное сопротивленіе войскамъ Его Императорскаго Величества, наказаны силою оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; что тѣла ихъ, справедливо погибшія отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму, съ надписью, для всегдашняго омерзительнаго презрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что „тутъ лежатъ преступники противъ Бога, Государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божію и Государеву" (*) и, наконецъ, что домы ихъ и перваго начальника въ семъ богомерзкомъ преступленіи, деревни Ивановой крестьянина, Емельяна Чернодырова, истребленъ до основанія, такъ что и остатковъ онаго не видно. Дабы всѣ, о томъ бывъ извѣстны, въ подобныя пагубныя злодѣянія не впадали."

Но страхъ, возбужденный жестокостію наказанія, былъ такъ великъ, что всѣ мѣры излишней предосторожности оказались не нужными, и самъ фельдмаршалъ нашелъ возможнымъ вывести, черезъ четыре дня, всѣ военныя команды, расположенныя въ бунтовавшей мѣстности.

Въ то время, когда происходили разсказанныя нами событія въ Орловской губерніи, въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской, въ имѣніи помѣщика Юрина, въ селѣ Никольскомъ, Лаптево тожъ, взбунтовавшихся крестьянъ усмирялъ преміеръ-маіоръ князь Шаликовъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ полка имени генералъ-лейтенанта Шевича. Съѣхавшись съ алексинскимъ земскимъ исправникомъ, маіоромъ Колюбакинымъ, 19 февраля, кн. Шаликовъ немедленно отправился въ село Лаптево. Не доѣзжая до него версты за двѣ, они остановились. Исправникъ, съ ротмистромъ Еліатовымъ и шестью гусарами, отправились въ село. Здѣсь собралось народу изъ окрестныхъ деревень человѣкъ полтораста. Исправникъ и ротмистръ прочли высочайшій манифестъ 29-го января, начали было уговаривать крестьянъ повиниться помѣщику; но они не хотѣли и слушать, крича: „За помѣщикомъ быть не хотимъ!" Своего предводителя, старосту Василья Семенова, взять они не позволили. Узнавъ объ этомъ, князь Шаликовъ съ своимъ эскадрономъ въѣхалъ въ село. Онъ также пробовалъ было увѣщевать крестьянъ, но также безуспѣшно; ве-

(*) См. ниже въ репнинскомъ журналѣ, стр. 570

лѣлъ, для острастки, зарядить ружья и обнажить сабли, но и это не испугало крестьянъ, вскричавшихъ въ одинъ голосъ: „умремъ, а за помѣщикомъ быть не хотимъ!" Тогда Шаликовъ, по согласію съ помѣщикомъ, приказалъ зажечь плетневый сарай и около него стоящій дворъ, гдѣ обыкновенно собирались возмутившіеся крестьяне; но и пожаръ ихъ не остановилъ. Вооруженные дубинами и вилами, крестьяне бросились къ фронту. Староста Семеновъ бросился на кн. Шаликова, одною рукою схватилъ лошадь его за повода, а другою за ногу, — вѣроятно, съ намѣреніемъ повалить его на землю; но ударомъ сабли былъ отбитъ. Гусары сдѣлали атаку, ранили 6 человѣкъ и схватили 90, въ томъ числѣ и Семенова. Бѣгствомъ остальныхъ окончилось дѣло; двадцать человѣкъ изъ схваченныхъ преданы гражданскому суду, остальные прощены помѣщикомъ.

Въ Калужской губерніи усмиреніемъ крестьянъ распоряжался вице-губернаторъ Митусовъ. Онъ хотя и располагалъ военными командами (эскадрономъ полка генерала Шевича; полкъ Линденера также ожидался въ губерніи) но къ счастію, до оружія дѣло не доходило. Съ наиболѣе упорствующими крестьянами помѣщицы Давыдовой, разбѣжавшимися, какъ мы видѣли, изъ деревни, Митусовъ поступилъ своебычливымъ образомъ: „по прибытіи туда, говоритъ онъ во всеподданѣйшемъ рапортѣ, не нашедъ никого изъ крестьянъ, пересѣкъ кнутьемъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей... Въ страхъ другимъ... дабы вызвать ихъ (старостъ и начинщиковъ возмущенія) изъ скрытности, сожегъ особо стоящую клѣть; но и изъ-за сего никого изъ скрывающихся не явилось". Въ имѣніи Воейковыхъ, Митусовъ, какъ кажется, человѣкъ добродушный, встрѣтилъ было упорное сопротивленіе, подобно кн. Шаликову; но дѣло было уже 23 февраля: слухъ о брасовскомъ происшествіи уже успѣлъ дойти до крестьянъ; не могло быть тайной скорое прибытіе въ губернію самого Репнина, поэтому крестьяне склонились на увѣщанія Митусова. „И не столько мои увѣщанія и угрозы, говоритъ онъ въ донесеніи, сколько высочайшая Вашего Императорскаго Величества воля, въ высочайшемъ манифестѣ изображенная, возмогла подѣйствовать на развращенные ложными на какіе-то яко бы указы дѣлаемыми, разсудки ихъ. Повергшись всѣ передо мною съ раскаяніемъ и испросили у помѣщиковъ прощенія". „Развратителей крестьянъ", сельскихъ священниковъ, Митусовъ предалъ суду духовнаго правленія, препроводивъ ихъ чрезъ депутата отъ духовенства, а остальныхъ „начинщиковъ" представилъ въ уѣздный судъ. 26-го февраля прибылъ въ Калугу самъ фельдмаршалъ; но губернія уже вся была успокоена, что лично подтвердилъ ему вице-губернаторъ, распустившій по домамъ военныя команды. Изъ Калуги кн. Репнинъ разсчитывалъ ѣхать прямо на Смоленскъ; но полученныя изъ Петербурга бумаги заставили его обратиться въ Москву.

Подавленіе крестьянскаго движенія въ Псковскомъ и Полоцкомъ намѣстничествахъ было поручено государемъ генералу отъ инфантеріи М. М. Философову, но подъ главнымъ наблюденіемъ тогоже князя Репнина. Когда происходили въ Холмѣ выше разсказанные нами безпорядки, въ это время проходилъ черезъ городъ Бѣлозерскій полкъ, на пути слѣдованія своего въ постоянныя квартиры, въ Новгородъ. Кипѣвшій въ уѣздѣ мятежъ принудилъ командира полка, кн. Долгорукова, остановиться въ Холмѣ и подать помощь тамошнему гражданскому начальству. Отряженный имъ, на помощь капитанъ-исправнику Черткову, съ отрядомъ гренадеръ маіоръ Лисаневичъ отправился на усмиреніе какого то погоста; но мятежники встрѣтили ихъ, не допустивъ до погоста, напали и принудили къ ретирадѣ. Въ происшедшей схваткѣ несчастный Чертковъ былъ схваченъ крестьянами и, исколотый рогатиной, брошенъ замертво: одинъ капралъ и четыре гренадера были ранены;

потеря крестьянъ состояла изъ одного убитаго и четырехъ раненыхъ. Узнавши объ этомъ происшествіи, генералъ Философовъ тотчасъ же послалъ на мѣсто возмущенія подполковника, имени своего Московскаго гренадерскаго полка, Тучкова, прославившагося своею храбростію при виленской ретирадѣ, давъ ему полномочіе казнить на мѣстѣ, и для того палача, подробную инструкцію и (говоримъ словами Философова) „какъ бунтъ больше предводимъ былъ неистовствующими попами,—одного добраго священника съ полновластною надъ попами духовной властію по отлученью". Тучковъ, взявъ три роты Бѣлозерскаго полка и одну пушку, въ пять дней усмирилъ волненіе, безъ кровопролитія, какъ говорится въ донесеніи; но, однакоже, на мѣстѣ 80-ти крестьянамъ произведены „легкія казни безъ дальнихъ судовъ, по выраженію Философова, батоги и плетьми". Впрочемъ, главные возмутители, десять человѣкъ поповъ и дьяконовъ, и четверо крестьянъ были преданы гражданскому суду. Тучковъ получилъ отъ государя орденъ Анны 2 степени. Отъ крестьянскихъ волненій въ губерніи, въ слѣдствіи распоряженій Тучкова, „ниже и слѣда безпокойствія не осталось", увѣряетъ официіальное донесеніе. Въ Полоцкомъ намѣстничествѣ мятежъ усмиренъ дней въ восемь, безъ кровопролитія, а одними передвиженіями полковъ Псковскаго драгунскаго и С. Петербургскаго. Здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ развѣ того, что крестьяне въ одномъ мѣстѣ посадили подъ караулъ исправника и засѣдателя и заарестовали военную команду изъ 50-ти человѣкъ, вмѣстѣ съ ея капитаномъ.

Въ нашихъ источникахъ не находится болѣе никакихъ свѣдѣній, относящихся до крестьянскаго движенія при императорѣ Павлѣ. Въ слѣдующихъ поденныхъ запискахъ князя Репнина, веденныхъ имъ во все время поѣздки своей въ Вологду, Орелъ и Калугу, читатель найдетъ нѣкоторыя подробности, опущенныя въ нашемъ разсказѣ:

Журналъ Князя Репнина.

„1797 г. генваря 21-го. Выѣхалъ я изъ С. Петербурга по утру въ 10-мъ часу, ночевалъ въ Шельдихѣ, отъѣхавъ 91 версту. Дорога была ухабистая, съ раскатами, отчего ѣхать скоро было нельзя, и оглобли ломались.

22. — Выѣхалъ въ 6 часовъ по утру, ночевалъ въ Воскресенскомъ погостѣ, отъѣхавъ 119 верстъ. Отъ большихъ снѣговъ по сторонамъ и отъ узкой дороги, лошади были запряжены гусемъ.

23. — Отправляясь изъ Воскресенскаго погоста ровно въ 6 часовъ утра и отъѣхавъ 111 верстъ, при весьма дурной и ухабистой дорогѣ, ночевалъ въ Чущахъ. Въ проѣздъ черезъ городъ Тихвинъ, отдалъ тамошнему почтмейстеру, для отправленія на естафетѣ, пакетъ къ генералъ-прокурору [1], съ извѣщеніемъ о дорогѣ.

24. — Изъ Чущовъ выѣхалъ въ ¼ седьмаго часа утра и, проѣхавъ 125 верстъ весьма дурной дороги, при почти безпрерывно ненастномъ времени, ночевалъ въ Долоцкѣ, куда пріѣхалъ около полуночи.

25. — Выѣхалъ изъ Долоцка въ 6 часовъ поутру и, весь день ѣхавъ, отъ вьюги и снѣжныхъ надувовъ, переѣхалъ только 93 версты и остановился ночевать въ селѣ Николѣ Старомъ. Ѣхалъ все гусемъ, отъ чрезмѣрно узкихъ дорогъ. Перемѣняя лошадей въ селѣ Лентьевѣ, князя Владиміра Ивановича Щербатова, узналъ, что большая часть сей деревни пришла въ непослушаніе помѣщику и послала къ государю отъ себя людей на него жаловаться на разореніе, что, сверхъ оброка, на тяжбу противъ (съ) одного господина Досадина, съ которымъ та тяжба мировою прекращена за 10 тысячъ, которыя (деньги) тоже деревня платитъ. Я призывалъ къ себѣ нѣсколько изъ тѣхъ ослушныхъ крестьянъ и, побожась имъ именемъ Христовымъ, объявилъ милость государеву тѣмъ, которые помѣщикамъ послушны и что го-

[1] Кн. А. Б. Куракину (1759—1829).

сударь то усердіе отъ крестьянъ себѣ желаетъ и признаетъ, чтобы они оставались спокойно въ законномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, а противники бы остерегались надлежащаго наказанія; и что Его Величество, по своей милости къ народу, меня послать изволилъ—въ осторожность, объявить всѣмъ таковымъ, дабы они знали его отеческое о нихъ попеченіе. Крестьяне тѣ, выслушавъ все съ тишиной, признались, что они, по глупости, вѣря обманчивымъ разглашеніемъ, будто государь противъ помѣщиковъ за нихъ стоитъ, благодарили меня, что я имъ правду сказалъ, и обѣщались тотчасъ войти въ послушаніе и передъ помѣщикомъ повиниться.

26. — Изъ села Стараго Николы отправясь по утру въ 6 часовъ, съ невѣроятнымъ затрудненіемъ переѣхать можно было 97 верстъ до деревни, въ Вологодской губерніи, въ Грязовецкомъ уѣздѣ лежащей. Отъ вчерашней вьюги, дорогу, и безъ того претѣсную, такъ задуло, что ежеминутно вязли лошади и погружались сани въ преглубокомъ снѣгѣ.

27. — Выѣхавъ въ 7 часовъ поутру, пріѣхалъ въ 3 часа пополудни въ Вологду, переѣхавъ 63 версты. Тотчасъ по пріѣздѣ, посланъ совѣтникъ правленія Станиславскій за г. Поздѣевымъ и за крестьянами его и окружными, которые въ ослушаніи главное участіе имѣли. Въ Петербургъ отправленъ курьеромъ фельдъегеръ Павелъ Корсаковъ въ 10-мъ часу по полудни, съ донесеніемъ къ Его Величеству и съ письмами къ Николаю Петровичу Архарову и къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину.

28. — По полудни въ 5 часовъ возвратился изъ Володиміра курьеръ, фельдъегеръ Кабановъ, и, по небытности тамъ вицъ-губернатора Граве, привезъ обратно пакетъ, съ нимъ къ нему посланный, который онъ никому тамъ не отдалъ, объявляя, что и курьеръ его императорскаго величества, туда же (въ Владиміръ) отправленный, возвратился въ Петербургъ, не отдавъ своего пакета. По таковому обстоятельству, посланъ въ 9 часовъ сего же вечера другой курьеръ, фельдъегерь Морозовъ, прямо въ Владиміръ, чрезъ Кострому, съ тѣмъ же самымъ пакетомъ, прибавя къ тому, чтобы главный въ Володимірѣ начальникъ тотъ пакетъ открылъ и по оному исполненіе учинилъ. И какъ жаловался упомянутый фельдъегерь Кабановъ, что ему по дорогѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ трудомъ лошадей давали и его въ ѣздѣ замедляли; то писано въ Москву, въ Ярославль, въ Кострому, въ Володиміръ, къ тамошнимъ начальникамъ, а равно и къ здѣшнему, вологодскому г. губернатору, чтобы лошади курьерамъ были даваемы безъ задержанія и чтобы ни малѣйшей имъ остановки не дѣлали. Наконецъ, тотъ же фельдъегерь Кабановъ привезъ рапортъ отъ московскаго военнаго губернатора Архарова, отъ 24-го сего мѣсяца, №20, о томъ, что баталіонъ его полку, съ двумя полковыми орудіями, подъ командою маіора Сомова, выступилъ сюда изъ Москвы 24-го того же числа. Почему, я, дабы имѣть коль можно болѣе извѣстій отъ помянутаго московскаго военнаго губернатора Архарова о томъ, что дѣлается въ Володимірѣ съ баталіономъ гренадеръ, изъ Москвы туда отправленнымъ подъ командою подполковника Дельгама, послалъ къ нему въ тотъ же часъ курьеромъ фельдъегеря Крепиша, сообща ему содержаніе моего въ Володиміръ предписанія; а притомъ прошено, коль ему извѣстно, что дѣлается въ Комоpичахъ противъ помѣщика Степана Степановича Апраксина? Фельдъегерь же Кабановъ объявилъ словесно, что въ Володимірской губерніи все покойно, но баталіона гренадеръ и подполковника Дельгама онъ нигдѣ не видалъ.

29. — Ничего не происходило.

30. — Были приведены въ 6 часовъ по полудни крестьяне ослушные г. Поздѣева и окрестные другихъ помѣщиковъ, въ томъ ослушаніи участіе имѣющіе,—

при чемъ былъ и самъ г. Поздѣевъ, коимъ была истолкована вся важность ихъ преступленія и строгость законнаго наказанія, которому они себя подвергли, съ объявленіемъ высочайшаго повелѣнія, чтобы они непремѣнно оставались въ законномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ и отнюдь не дерзали изъ онаго выходить, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго наказанія по всей строгости закона, въ чемъ, по милосердію его величества, повелѣлъ онъ мнѣ ихъ остеречь. По сему объявленію, крестьяне всѣ бросились на колѣни и валялись въ ногахъ, прося всемилостивѣйшаго помилованія; а равномѣрно, тѣмъ же образомъ, и у г. Поздѣева прощенія просили и обѣщаніе давали быть вѣрными и послушными. Почему, видя ихъ искренное раскаяніе, я, высочайшимъ именемъ его императорскаго величества, ихъ простилъ, съ подтвержденіемъ, чтобы они не забывали милости государевой и своего обѣщанія быть повинными, дабы, въ противномъ случаѣ, сами на себя не навлекли неминуемаго несчастія, объявя имъ притомъ, что и войска сюда уже наряжены были и шли для приведенія ихъ въ надлежащее повиновеніе и порядокъ. Г. Поздѣевъ также своихъ крестьянъ простилъ, а они всѣ молили Бога за государя и благодарили за оказанное имъ его императорскимъ величествомъ милосердіе. Послѣ чего отпущены они съ тѣмъ, чтобы имъ формально сія высочайшая милость объявлена была въ губернскомъ правленіи и чтобы они свободно и немедленно были отпущены въ ихъ домы.

31. — Предъ обѣдомъ отправлены были курьеры: къ его имп. величеству фельдъегерь Ѳедоровъ, со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о происшедшемъ накануне, а къ г. маіору Сомову, на встрѣчу, фельдъегерь Кабановъ съ предписаніемъ, чтобы онъ, съ порученнымъ его командѣ баталіономъ, возвратился въ Москву; о чемъ къ г. генер.-лейтенанту и московскому военному губернатору, для извѣстія, писано.

ФЕВРАЛЬ.

1. — Читано было въ соборѣ всемилостивѣйшее прощеніе крестьянамъ Поздѣевскимъ; болѣе же сего ничего не происходило.

2. — Получено письмо изъ Владиміра отъ дѣйств. тайнаго совѣтника Заборовскаго, послѣ обѣда въ 5-мъ часу, съ фельдъегеремъ Морозовымъ, о содержаніи коего донесено его импер. величеству симъ же вечеромъ, съ фельдъегеремъ Крепишемъ. Фельдъегерь Кабановъ посланъ въ Переяславль-Залѣсскій для заготовленія лошадей. Съ нимъ о томъ писано Ярославскому губернатору, и ордеръ посланъ къ маіору Сомову. Такожъ посланъ естафетъ въ Москву къ генералу отъ инфантеріи, ко князю Долгорукому *), съ извѣщеніемъ, что подполковникъ Дельгамъ съ баталіономъ не нуженъ въ Володимірской губерніи, на основаніи помянутаго письма г. Заборовскаго.

3. — Въ 7-мъ часу утра отправился изъ Вологды и, переѣхавъ 114 верстъ безъ всякаго достопамятнаго происшествія, ночевалъ въ Даниловскомъ яму.

4. — Выѣхавъ въ 3-мъ часу съ полуночи изъ Даниловскаго яму, пріѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни въ Ярославль, гдѣ перемѣнилъ лошадей и отправился до Ростова, гдѣ остановился ночевать, переѣхавъ всего 135 верстъ.

5. — Передъ разсвѣтомъ пріѣхалъ фельдъегерь Поповъ съ высочайшимъ именнымъ указомъ, отъ 30 января, повелѣвающимъ ѣхать въ Орелъ, вслѣдствіе коего отправленъ тотчасъ нарочный съ письмами къ начальникамъ Московской, Тульской и Орловской губерній о заготовленіи лошадей. Равномѣрно отправленъ и въ С. Петербургъ курьеръ съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ его импер. величеству о получе-

*) Юрію Владиміровичу, командующему московской дивизіей, подобно тому, какъ кн. Репнинъ, называвшійся при Екатеринѣ *главнокомандующимъ арміей, въ Лифляндіи и Литвѣ расположенной*, теперь, при Павлѣ, назывался *главнокомандующимъ Литовской дивизіей.*

ніи рѣченнаго повелѣнія и о томъ, что, для прекращенія оказавшагося въ нѣкоторыхъ деревняхъ Владимірской и Ярославской губерніи непослушанія крестьянъ противу ихъ помѣщиковъ, оставленъ въ Переяславлѣ-Залѣскомъ маіоръ Сомовъ съ пѣхотнымъ батальономъ, которому и велѣно расположиться нѣкоторыми частями въ тѣхъ, вышедшихъ изъ повиновенія, деревняхъ, для содѣйствія земской полиціи, *самыми кроткими мѣрами*, для приведенія въ должную подчиненность всѣхъ тѣхъ непослушныхъ [1]). А по исполненіи всего сего, въ половинѣ 2-го часа по полуночи выѣхалъ изъ Ростова и, доѣхавъ до Переяславля-Залѣсскаго, 60 верстъ, остановился на нѣсколько часовъ въ семъ городѣ.

6. — Въ 3 часа утра оттоль выѣхалъ, доѣхалъ въ Москву въ 8 часовъ въ вечеру, переѣхавъ безъ всякаго приключенія 126 верстъ. Пріѣхавъ въ Москву, нашелъ курьера съ высочайшимъ его импер. величества указомъ отъ 31-го генваря, [2]) на который всеподданнѣйше въ тотъ же часъ и съ тѣмъ же курьеромъ отвѣтствовано. При самомъ же выѣздѣ получено еще высочайшее повелѣніе отъ 3-го февраля, [3]) на которое всеподданнѣйшій отвѣтъ доставленъ г. генералу отъ инфантеріи и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Юрію Владиміровичу Долгорукому, для отправленія съ тѣмъ же курьеромъ, который то повелѣніе привезъ.

7. — Въ половинѣ 3-го часа по полудни отправился изъ Москвы и, при весьма дурной дорогѣ и почти безпрерывной вьюгѣ, переѣхалъ 128 верстъ, остановившись въ Видьменскомъ заводѣ ночевать.

8. — За вьюгою нельзя было ранѣе выѣхать 6-ти часовъ утра. Въ полдень наѣхалъ въ Тулѣ генерала маіора князя Горчакова и 2-ой его Ряжскаго полку баталіонъ, а въ селѣ Сергіевскомъ, что на Пловѣ, нашелъ и первый того полку баталіонъ. Сей день переѣзда было 121 верста.

9. — Изъ Сергіевскаго выѣхалъ въ 4 часа утра и пріѣхалъ въ Орелъ на ночь, переѣхавъ 123 версты.

10. — Даны повелѣнія вицъ-губернатору о доставленіи для войскъ пропитанія въ городѣ Дмитріевскѣ. 1-ый баталіонъ г. генералъ-маіора кн. Горчакова Ряжскаго мушкатерскаго полку прибылъ въ 6-мъ часу по полуночи и, отдохнувъ три часа, отправленъ въ Кромы. Отправленъ курьеръ, фельдъегерь Кабановъ, въ Сѣвскъ къ преосвященному, съ приглашеніемъ его въ Дмитріевскъ. Съ нимъ же писано къ г. губернатору о моемъ пріѣздѣ и о приготовленіи въ Дмитріевскѣ квартиръ и пропитанія для Ряжскаго полку; равномѣрно и г. генералъ-маіоръ Линденеръ ордеромъ увѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ. Въ 9-мъ часу по полудни пришелъ 2-ой баталіонъ Ряжскаго полку, которому приказано далѣе выступить, отдохнувъ 6 часовъ. Къ его императ. величеству послано донесеніе отсель на естафетѣ по утру въ 10 часовъ.

11. — По причинѣ чрезвычайнаго вѣтра и вьюги, выѣхалъ уже по разсвѣтѣ. Въ Кромахъ получилъ извѣстіе, что крестьяне княгини Голицыной генералъ-маіоромъ Линденеромъ, вкупѣ съ Орловскимъ г. губернаторомъ Воейковымъ, покорены. Въ 7 часовъ вечера прибылъ въ Дмитріевкъ, куда и 2-ой баталіонъ Ряжской въ 10-мъ часу пришелъ. Тутъ извѣстился отъ вышесказанныхъ г. г. Линденера и губернатора, что крестьяне Апраксина еще упорствуютъ. Почему приказано завтра рано полку Ряжскому слѣдовать къ соединенію съ полкомъ Линденеровымъ въ село Радогощь кн. Голицыной. Писалъ къ преосвященному, чтобы онъ уже не ѣздилъ въ Дмитріевскъ.

12. — По утру въ 8 часовъ поѣхалъ въ село Радогощь, гдѣ нашелъ полкъ Линденеровъ и куда въ полдень прибылъ и Ряжскій полкъ. Тотчасъ же по

[1]) Сличи выше стр. 552.
[2]) При дѣлѣ его нѣтъ.
[3]) Тоже.

пріѣздѣ въ Радогощь, послано мое повелѣніе, съ приложеніемъ манифеста его импер. величества, чрезъ засѣдателя нижняго земскаго суда, въ село Апраксина Брасово, приказавъ представить къ себѣ начинщиковъ-злодѣевъ; но, по упорству и неповиновенію крестьянъ, которые въ отвѣтъ велѣли сказать, *чтобъ я самъ къ нимъ пріѣхалъ*, приказалъ я обоимъ полкамъ туда на завтра слѣдовать, давъ обоимъ шефамъ приказъ, который при семъ въ копіи прилагается. *)

13. — Выступили войска повелѣннымъ порядкомъ изъ Радогощи въ 8 часовъ поутру, а прибыли къ селу Брасову въ 12 часовъ съ четвертью. И какъ, не смотря на всѣ увѣщанія, крестьяне, коихъ было болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, не сдавались и не покорялись, то силою начато ихъ покореніе. Сдѣлано во все дѣйствіе 33 выстрѣла пушечныхъ и выпалено 600 патроновъ изъ мелкаго ружья, причемъ сдѣлался пожаръ и сгорѣло 16 домовъ крестьянскихъ. Убито крестьянъ 20, ранено всякихъ ихъ же 70 человѣкъ. Линденерова полку упавшихъ съ лошадьми двухъ гусаръ и тѣхъ лошадей дубинами и цѣпами больно ранили, также и самаго шефа сзади, бывъ онъ по своему усердію между толпы народа, дубиною по спинѣ зашибли. Въ 3-мъ часу пополудни пали, наконецъ, крестьяне на колѣни и стали просить помилованія, покоряясь законной власти. Тогда все прекратилось: пожаръ стали тушить и раненыхъ крестьянъ собирать и перевязывать, начинщиковъ же злодѣянія отыскивать, изъ коихъ самый первый, крестьянинъ Емельянъ Чернодыровъ, схваченъ, скрываясь въ погребу. Всѣ преступники, для законнаго изслѣдованія по гражданской части, отданы Орловскому г-ну губернатору. Въ 9 часовъ вечеромъ отправленъ фельдъегеръ Наумовъ со всеподданѣйшимъ донесеніемъ къ его импер. величеству о всемъ бывшемъ. Съ нимъ же писано къ генералъ-прокурору.

*) См. выше стр. 555.

14. — Собраны были крестьяне всей вотчины г. генералъ-лейтенанта Апраксина въ церковь въ селѣ Брасовѣ, гдѣ имъ говорено было пристойное увѣщаніе, съ изображеніемъ всего пространства преступленія, въ которое они впали и *за которое такъ жестоко наказаны;* послѣ чего взята съ нихъ подписка въ непрекословномъ впредь помѣщику повиновеніи. Въ вечеру получено высочайше повелѣніе, отъ 7 числа, о обстоятельномъ донесеніи о всемъ томъ, что̀, по поводу непослушанія крестьянъ, въ Орловской губерніи происходитъ. Отправленъ естафетъ, чрезъ Орелъ и Москву, въ Литву, съ предписаніемъ о присылкѣ имянныхъ вѣдомостей о отлучныхъ, на основаніи его импер. величества указа, отъ 7-го сего мѣсяца.

15. — Зарыты въ особую яму тѣла убитыхъ 13 числа преступниковъ, яко недостойныхъ быть погребенными съ вѣрными подданными на обыкновенномъ кладбищѣ. Надъ той ямой приказано поставить знакъ, съ надписью: „Здѣсь лежатъ преступники противъ Бога, Государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ, по закону Божію и Государеву“. *)

16. — Получилъ рапортъ отъ Малороссійскаго кирасирскаго полка, что 17-го числа оный будетъ въ Дмитріевскѣ, а четыре ескадрона онаго ночуютъ тогожъ числа въ селеніи Упорой; почему и приказано первымъ 6-ти ескадронамъ слѣдовать до села Радогощи, а послѣднимъ 4-мъ прямо на Брасово итти и остановиться въ обѣихъ сихъ вотчинахъ, для дальнѣйшаго̀ удержанія въ нихъ тишины и покорности. Тогожъ числа ѣздилъ г. губернаторъ Воейковъ, въ препровожденіи 2-хъ Линденерова полка ескадроновъ, въ деревню Иваново, для истребленія дома начинщика неповиновенія, крестьянина Емельяна Чернодырова; также пойманъ и другой изъ начинщиковъ, Григорій Сухоруковъ, и отданъ сужде-

*) Сравн. выше стр. 558 Любопытно бы знать, какъ долго сохранялась эта надпись и помнятъ ли о ней старожилы.

нію гражданскаго правительства. Отправленъ фельдъегерь Корсаковъ со всеподданѣйшимъ донесеніемъ о всѣхъ подробностяхъ крестьянскаго неповиновенія и вчера писанное, что вѣдомости о отлучныхъ требованы изъ дивизіи.

17. — Выступили полки Ряжскій и Линденерова, взявъ маршъ свой на село Алешенки, гдѣ также начали было крестьяне не повиноваться ихъ помѣщикамъ, Хлющину и Бодискѣ; но, устрашены будучи примѣромъ наказанныхъ апраксинскихъ крестьянъ, повинились и просили еще наканунѣ помилованія. Я самъ въ село Алешенки отправился, выѣхавъ изъ Брасова въ половинѣ 2-го часа по полудни, и прибылъ въ Алешенки въ 6-мъ часу, гдѣ и остановился ночевать; переѣзда же было 40 верстъ.

18. — Поутру учинилъ г. губернаторъ Воейковъ наказаніе оказавшимся начинщиками неповиновенія крестьянамъ помѣщиковъ Бодиски и Хлющина, а потомъ и онымъ всѣмъ крестьянамъ, подобно какъ брасовскимъ, дѣлано было увѣщаніе, и такая же съ нихъ взята подписка. Въ 10-мъ же часу отправился я обратно, чрезъ Брасово и Радогощь, въ городъ Дмитріевскъ; а въ проѣздъ чрезъ тѣ два села видѣлъ полкъ Малороссійскій кирасирскій, въ нихъ расположенный, полки же Линденеровъ и Ряжскій пошли далѣе въ походъ въ ихъ непремѣнныя квартиры. Полученъ естафетъ съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 9-го февраля объ арестованіи служащихъ офицеровъ, которые безъ письменнаго вида являться станутъ.

19. — Выѣхалъ изъ Дмитріевска по утру въ 7-мъ, а прибылъ въ Орелъ пополудни въ 5-мъ часу, отколь отправленъ тогоже числа курьеромъ фельдъегерь Морозовъ съ донесеніемъ къ его импер. величеству. Равномѣрно отправленъ естафетъ чрезъ Москву въ Вильну съ предписаніемъ, на основаніи вышесказаннаго высочайшаго повелѣнія отъ 9 сего мѣсяца.

20. — Ожидая разрѣшительныхъ о себѣ высочайшихъ повелѣній,

21. — упражнялся отвѣтами на разныя письменныя дѣла, при-

22. — сланныя чрезъ Петербургъ изъ Риги и Литвы и накопившіяся въ большомъ количествѣ. 21-го отправленъ естафетъ съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о королѣ Польскомъ, съ которымъ (эстафетомъ) писано къ графу Александру Андреевичу Безбородку [1], съ письмомъ дочери Игнатія Потоцкаго; а къ фельдмаршалу графу Салтыкову и государственному казначею посланы отчеты по 1-е Генваря, въ экстраординарной суммѣ.

23. — Поутру получено высочайшее своеручное повелѣніе отъ 18-го сего мѣсяца, съ фельдъегеремъ Наумовымъ, въ слѣдствіе коего тѣмъ же утромъ, и съ нимъ же, посланъ ордеръ и лента г. генералъ-маіору кн. Горчакову, а съ здѣшнимъ губернскимъ курьеромъ Смаловскимъ ордеръ къ г. генералъ-маіору Линденеру. Послѣ обѣда отправленъ адъютантъ маіоръ Инзовъ въ Смоленскъ [2]) для заготовленія лошадей, а фельдъегерь Кабановъ съ донесеніемъ къ Государю Императору; съ нимъ же (посланы) два пакета къ г. генералъ-маіору Ростопчину и одинъ къ дѣйств. стат. совѣтнику Трощинскому. Посланъ также ордеръ къ Малороссійскому кирасирскому полку, чтобы онъ, за моимъ отъѣздомъ, болѣе ко мнѣ не относился, а въ случаѣ надобности подавалъ бы помощь, для удержанія общественнаго спокойствія гражданскому правительству, по его требованію [3]). Сей ордеръ, при письмѣ, отданъ подъ открытою печатью, для доставленія, Орловскому г. губернатору.

24. — Послѣ полудня выѣхалъ изъ Орла, а передъ отъѣздомъ полученъ отзывъ отъ генерала отъ инфантеріи кн. Долгорукаго, что онъ, по извѣстіямъ изъ Калужской губерніи, о усиливаю-

[1]) Онъ былъ тогда приставомъ при ех-королѣ Станиславѣ-Августѣ Понятовскомъ, въ Гроднѣ.

[2]) См. выше.

[3]) Извѣстный впослѣдствіи Иванъ Никитичъ.

шихся тамо, въ Медынскомъ уѣздѣ, непослушаніяхъ крестьянъ, отправилъ туда Астраханскаго гранадерскаго полку двѣ роты, съ одной пушкой, и приказалъ онымъ состоять подъ вѣдомствомъ гражданскаго правительства. Равномѣрно и отъ донскаго Ефремова казачьяго полку (полученъ) рапортъ изъ села Сокольникъ [1]), Танбовской губерніи въ Липецкой округѣ лежащаго, что онъ, по данному ему высочайшему повелѣнію, идетъ въ городъ Сѣвскъ и испрашиваетъ дальнѣйшихъ повелѣній, — и притомъ представляетъ о неимѣніи никакихъ на путевое продовольствіе суммъ полку: въ отвѣтъ тотчасъ писано, чтобы онъ шелъ прямѣйшей дорогой на Калугу, а въ казенную палату Орловскую объ отпускѣ ему двухъ тысячъ рублей сообщено, которые тотчасъ квартирмистру того полку, Миллеру, отпущены, и оный немедленно къ полку назадъ отправленъ. А при самомъ уже отъѣздѣ получены отъ Орловскаго губернатора Воейкова и отъ коллеж. совѣтника Казачковскаго рапорты, что всѣ Голицинскіе и Апраксина крестьяне совершенно уже успокоились, производя опять попрежнему всѣ господскія работы. Переѣздъ сего дня былъ до города Болхова, 56 верстъ отъ Орла.

25. — Въ шесть часовъ изъ Болхова выѣхалъ и доѣхавъ до Бѣлева узналъ, что генералъ Линденеръ съ своимъ гусарскомъ полкомъ взялъ маршъ на Козельскъ, чего ради, для нѣкоторыхъ распоряженій, по поводу выше сказаннаго въ Калужской губерніи оказавшагося неповиновенія, туда же отправился (я) и наѣхалъ рѣченный полкъ въ городѣ Козельскѣ, переѣхавъ въ сей день 78 верстъ.

26.—Въ 6-мъ часу утра выѣхалъ изъ Козельска, чрезъ Перемышль до Калуги, куда прибылъ въ 1-мъ часу по полудни, переѣхавъ 62 версты. Тотчасъ по пріѣздѣ, посланъ курьеръ къ вицъ-губернатору Митусову, отправившемуся въ Медынскій уѣздъ для приведенія въ повиновеніе крестьянъ разныхъ той округи помѣщиковъ. Полкъ гусарскій Линденера вступилъ въ городъ въ 7-мъ часу, сдѣлавъ одинъ переходъ отъ Козельска до Калуги. Въ 7 часовъ отправленъ естафетъ въ С. Петербургъ съ донесеніемъ Его Императорскому Величества о прибытіи въ Калугу и другими письмами.

27—Въ ожиданіи отвѣта отъ вицъ-губернатора, занимался отправленіемъ разныхъ бумагъ по части управленія Литовской губерніею и иныхъ и отправилъ курьера въ Смоленскъ, съ предписаніемъ къ адъютанту, маіору Инзову, ѣхать съ посылаемымъ къ г. генералу отъ инфантеріи Философову письмомъ, въ коемъ просилъ о извѣщеніи, что, по поводу безпокойствъ, около Полоцка и Себѣжа происходитъ. [1])

28.—Рано по утру получено извѣстіе отъ г. вицъ-губернатора Митусова о приведеніи въ совершенное повиновеніе всѣхъ ослушныхъ Медынской округи помѣщикамъ крестьянъ, безъ употребленія силы и оружія въ слѣдъ зачѣмъ и самъ г. вицъ-губернаторъ въ Калугу прибылъ, подтвердя словесно письменное его увѣдомленіе и прибавилъ къ тому, что онъ и роты астраханскія уже отпустилъ. Послѣ чего, тотчасъ на естафетѣ отправлено всеподданнѣйшее Его Импер. Величеству донесеніе о томъ, что въ слѣдующій день отравляюсь въ Смоленскъ.

МАРТЪ.

1. — Поутру рано прибылъ фельдъегерь Брахманъ съ высочайшимъ указомъ отъ 22 февраля, коимъ мнѣ отдается на волю ѣхать къ государю императору, а въ слѣдъ за симъ курьеромъ пріѣхалъ фельдъегерь Андреевъ и привезъ именное высочайшее своеручное повелѣніе отъ 24 февраля о томъ, чтобы неустройство, въ Медынскомъ уѣздѣ происшедшее, укротить [2]). Оба сіи

[1]) Сокольскъ бывшій городъ въ 5 вер. отъ Липецка.

[1]) Отвѣтъ Философова см. выше, стр. 561.

[2]) Этого и предыдущихъ указовъ при дѣлѣ не находится.

курьера обращены тотъ же часъ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, что немедленно въ слѣдъ за ними ѣду, понеже медынскія неповиновенія усмирены. Вицъ-губернатору объявлено, чтобы Шевичевъ ескадронъ отпустилъ и г. генералъ-маіору Линденеру—тоже, и чтобы, глядя по надобностямъ, отъ своего полку оный отмѣтилъ. На вечеръ же того дня выѣхалъ я изъ Калуги и, неостанавливаясь нигдѣ, прибылъ

2. — на вечеръ въ Москву.

3. — Послѣ обѣда выѣхалъ изъ Москвы въ С. Петербургъ".

4-мъ марта 1797 года дѣло объ открывшихся непослушаніяхъ крестьянъ значится, по настольному журналу, оконченнымъ.

*

По характеру подлинныхъ бумагъ, которыми мы пользовались, выходитъ, что въ статьѣ нашей говорится больше объ усмиреніи крестьянскаго движенія при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, чѣмъ о самомъ движеніи. Журналъ князя Репнина также сообщаетъ лишь подробности объ этомъ усмиреніи, о подавленіи движенія, но опять таки не о самомъ движеніи; при томъ же этотъ журналъ нисколько не рисуетъ въ выгодномъ свѣтѣ масона-фельдмаршала: князь Репнинъ самъ сознается въ жестокости наказанія Апраксинскихъ крестьянъ; онъ является лишь карателемъ ослушниковъ, а не правдивымъ судьею, *ниразу* не выслушавшимъ обвиняемыхъ, большая часть которыхъ была, безъ всякаго сомнѣнія, ни въ чемъ неповинна; онъ, государственный человѣкъ, князь и фельдмаршалъ, намѣстникъ императора въ обширномъ нерусскомъ краѣ, съумѣвшій заставить уважать себя всѣхъ, начиная отъ Польскаго короля и оканчивая литовскимъ паномъ и остзейскимъ барономъ,- онъ доходитъ, при объясненіи съ крестьянами, до божбы Христовымъ именемъ!. Если не *великій*, то несомнѣнно-величавый, сановитый мужъ умаляется до крайней степени... Положеніе, дѣйствительно, не завидное и несомнѣнно фальшивое; но оно нисколько не зависѣло отъ личныхъ свойствъ князя Репнина: оно объясняется сущностію государственнаго порядка, продолжавшагося до 19-го февраля 1861 года, за который историческій дѣятель не отвѣтственъ. Нельзя не сознаться, что эта роковая, поворотная въ нашей исторіи черта, славная эпоха освобожденія крестьянъ, все еще продолжаетъ слѣпитъ намъ глаза и, кажется, еще гуще наволакиваетъ непроглядный мракъ на все прошлое; естественно, что такое несвободное отношеніе къ прошлому порождаетъ тотъ раболѣпствующій передъ современностію, но кичащійся духъ, который теряетъ всякую способность безпристрастной оцѣнки по отношенію къ русскому человѣку прежняго времени. Люди, жившіе за чертою 19 февраля, не могутъ быть оцѣниваемы лишь похвальнымъ чувствомъ негодованія ко всѣмъ видамъ произвола; такой судъ будетъ не только несправедливъ, но и ограниченъ въ пониманіи, ибо онъ непремѣнно долженъ будетъ отнять у нихъ то, что всегда принадлежитъ человѣку всѣхъ временъ, и навязывать имъ другое, недоступное ихъ времени. Общественной дѣятельности, пониманія «общественныхъ интересовъ» въ нашемъ смыслѣ слова, нашего народолюбія, нашихъ симпатій и антипатій, нашего романтизма и сентиментальностей, — мы не въ правѣ требовать отъ людей, которые жили другими идеалами и вполнѣ ихъ въ себѣ воплотили; въ этой полнотѣ и законченности, безъ которыхъ немыслима нравственная сила, и заключается привлекательная, поучительная сторона подобныхъ характеровъ. Чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ черты, отдѣляющей старую Россію отъ новой, тѣмъ чаще и тѣмъ цѣльнѣе встрѣчаемъ типъ русскаго человѣка, проникнутаго государственной дѣятельностію, государственными, *всероссійскими* интересами, подобно тому какъ ревниво проникались ими древніе Римляне. Екатерининское время — ихъ живой разсадникъ: отсюда идутъ

люди этого закала и еще они выносятъ на плечахъ своихъ грозныя событія 12-года. Въ слѣдующемъ поколѣніи типъ видоизмѣняется...

Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ, какъ видитъ читатель, ничего особенно-новаго въ себѣ не заключало. Конечно, оно должно было имѣть вліяніе на образъ мыслей его преемника, какъ извѣстно, очень расположеннаго къ освобожденію крестьянъ; но сравнительно съ Пугачевскимъ оно было очень мелко, потому что не могло, или не успѣло соединиться съ элементами, всегда пособлявшими броженію и смутамъ, какъ, наприм. съ расколомъ; потому наконецъ, что элементы броженія вообще начали терять свою терпкость. Почти въ томъ же родѣ, и въ тѣхъ же размѣрахъ, крестьянскія движенія продолжались при двухъ царственныхъ сыновьяхъ императора Павла,—Александрѣ и Николаѣ. Эти движенія, повторяемъ, никогда не имѣвшія характера демократическихъ, антигосударственныхъ бунтовъ, суть не что иное, какъ обычныя, вѣковыя поднятія русской народной волны на безбрежной поверхности русскаго океана. Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, настоитъ крайняя необходимость знать всѣ подробности этихъ движеній: теперь время историческихъ счетовъ и разсчетовъ съ прошлымъ. Всѣ наши крестьянскія движенія идутъ издалека и далекимъ прошлымъ объясняются, но и сами въ свою очередь онѣ объясняютъ тѣ народныя движенія, которыя произошли не отъ одного закрѣпощенія, какъ: казачество, смутное время, самозванщина всѣхъ родовъ, расколъ и проч.

М. Де-Пуле.

С. Петербургъ.
2-го октяб. 1868 г.

ПИСЬМО

КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА КЪ АРХІЕПИСКОПУ ѲЕОФАНУ ПРОКОПОВИЧУ.

(21 декабря 1734 г.)

Въ лѣтніе мѣсяцы 1733 года пріѣхалъ въ С. Петербургъ изъ Англіи „французской націи бывшій пасторъ Михайло Мильярдъ“ и обратился къ преосвященному Ѳеофану съ просьбою присоединить его къ „православной грекороссійскаго исповѣданія закону по содержанію св. восточныя церкви.“— Неизвѣстно, для какихъ цѣлей преосвященный Ѳеофанъ нашелъ необходимымъ доложить о желаніи Мильярда Государынѣ, которая только черезъ годъ вспомнила объ этомъ докладѣ, и словесно, 10 февраля 1734 года, приказала преосвященному, „чтобы св. сунодъ по оному желанію того Мильярда въ законъ православногрекороссійскаго исповѣданія принять приказалъ.“

22 февраля Мильярдъ подалъ просьбу о присоединеніи, изъ которой видно, что, онъ „получивъ откровеніе заблужденій въ церквахъ реформатскихъ, и познавъ церкви православныя истинну, отлучился изъ Англіи, гдѣ по церкви англійской епископальной реформатской магистромъ обрѣтался“. — Въ первыхъ числахъ марта были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія для принятія новаго члена „въ лоно православной церкви,“ а для разглагольствованія съ Мильярдомъ назначены были просвѣщенные того времени монахи: Спаскаго училищнаго монастыря архимандритъ и Славяно-Латинскихъ школъ ректоръ Стефанъ Калиновскій и Кадетскаго корпуса іеромонахъ Лука Конашевичъ. Послѣдній, какъ кажется, исключительно занимался съ Мильярдомъ „разглагольствованіемъ“ о догматахъ вѣры и совершилъ надъ нимъ обрядъ присое-

диненія 9 іюня 1734 года, съ тѣмъже именемъ. Воспріемникомъ Мильярду былъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, а воспріемницею Агриппина Алексѣевна Мошкова *).

Представляемое читателямъ письмо есть отвѣтъ князя Кантемира, находившагося въ то время посланникомъ въ Англіи, на Высочайшее повелѣніе Императрицы Анны Іоанновны, объявленное ему преосвященнымъ Ѳеофаномъ. Оно интересно какъ потому, что разъясняетъ, хотя до нѣкоторой степени, біографію Мильярда до пріѣзда его въ Россію т. е. до 1733 года, и какъ твореніе знаменитаго нашего сатирика.

Николай Григоровичъ.

Преосвященнѣйшій Владыко.

Къ протчимъ обязательствамъ, которыя я имѣю къ Вашему Преосвященству, не малое Вы изволили присовокупить почтеннымъ письмомъ Вашимъ, отъ 3-го ноября, которое я съ должнымъ респектомъ получилъ въ свое время исправно. Ваше Преосвященство отставить мнѣ изволитъ, что я умедлилъ на оное отвѣтствовать; нужно было прилежно увѣдомиться о томъ, что̀ Ваше Преосвященство, имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, повелѣвать мнѣ изволили, и то столь труднѣе было, что господинъ Мильярдъ такъ архимандриту Генадію, какъ и попу Касану *) за нѣсколько токмо дней передъ своимъ отъѣздомъ знакомъ сталъ. И потому нельзя было провѣдать о его состояніи, не будучи извѣстны особы, съ которыми онъ болѣе сожительство имѣлъ. Напослѣдокъ я провѣдалъ, что: 1-е оный Мильярдъ есть одинъ изъ Французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе въ своей религіи убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ François refugiers; 2-е что по пріѣздѣ его въ Лондонъ назначенъ онъ былъ къ одной здѣшней Парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, назначенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ; 3-е что директоры суммы оной, учиня ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи надлежащихъ имъ денегъ, сей Мильярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, непріятели его будучи сильнѣе, потерялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь хлѣбъ свой доставать уча французскому языку. Что же онъ не претендентовой партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедікованы нынѣшней королевской фамиліи; а какой секты онъ былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно; долговъ же никакихъ здѣсь не оставилъ, и пороку на него никто не сказываетъ. Сколько же касается епископъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, оные безъ сумнительно суть претендентовой партіи, изъ такихъ, которыхъ здѣсь non jurere называютъ, то есть которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. И хотя такимъ умѣренные здѣшніе законы позволяютъ въ тишинѣ жить безъ всякого утѣсненія, однако же ни въ какіе чины такъ гражданскіе, какъ и церковные, употреблены быть не могутъ, и потому и оные епископы никакой епархіи не имѣютъ, и въ парламен-

*) Вѣроятно, супруга гофъ-интенданта П. И. Мошкова, о коемъ см. Р. Архивъ 1868, стр. 1861. Она покумилась тутъ съ страшнымъ начальникомъ тайной канцеляріи.

*) Этотъ греческій священникъ Касанъ (или по другимъ извѣстіямъ Варѳоломей Касино), состоя при князѣ Кантемирѣ въ Лондонѣ, обратилъ къ православію нѣсколько человѣкъ Англичанъ.

тѣ, какъ протчіе епископы, не засѣдаютъ, имена же ихъ неизвѣстны; но заподлинно надѣюся, что въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ имена ихъ и представленіе подробну имѣется. Сіе по Вашего Преосвященства приказу пространно отписавъ, смѣлость пріемлю съ моей стороны Вашему Преосвященству донести: что вышепомянутый Мильярдъ, есть ли подлинно желаетъ пріобщенъ быть къ нашей церкви, то оное здѣсь нимало въ противность принято не будетъ, каковой бы онъ партіи не былъ, понеже доброе согласіе между Ея Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ и маловажность человѣка никакого подозрѣнія оставить не могутъ; а есть ли онъ какія о соединеніи церкви представленія чинитъ, то оныя за химерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ. Въ протчемъ за Вашего Преосвященства къ нему Мильярду показанную милость покорно благодарствую, и испрося Вашего благословенія съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, Вашего Преосвященства, всепокорнѣйшій и всепослушной слуга и сынъ

к. Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Лондона.
21-го декабря 1734 года.

ПРИГЛАШЕНІЕ Ж. Ж. РУССО ГРАФОМЪ ОРЛОВЫМЪ ВЪ РОССІЮ.

Въ „Анекдотахъ о Россіи“ Ричардсона, заключающихъ въ себѣ письма изъ Россіи, относящіяся къ началу царствованія Екатерины II, и переведенныхъ съ англійскаго на разные языки, мы находимъ текстъ письма гр. Орлова къ Ж. Ж. Руссо, съ предложеніемъ послѣднему переселиться въ Россію, и отвѣтъ Руссо. Въ голландскомъ переводѣ писемъ Ричардсона, который мы имѣли подъ руками, эта переписка приведена также, во французскомъ подлинникѣ (часть II, стр. 135—137), съ котораго мы и приводимъ здѣсь дословный переводъ. Ричардсонъ даже не упоминаетъ, которымъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ было написано это письмо, и это одно уже заставляетъ предполагать, что дѣло идетъ о Григоріѣ, бывшемъ въ то время, когда писано письмо (декабрь 1766 г.) болѣе чѣмъ когда нибудь въ силѣ. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ еще и то, что подобное письмо и къ такому человѣку какъ Ж. Ж. Руссо могло быть написано только человѣкомъ близкимъ къ императрицѣ, и даже, безъ сомнѣнія, не безъ вліянія ея. Вспомнимъ отношенія Екатерины II къ Дидро, Даламберу, Вольтеру. Это приглашеніе въ Россію Руссо, въ то время бѣжавшаго изъ Франціи въ Англію, къ герцогу Ричмондскому, служитъ дополненіемъ къ тому что мы знаемъ о покровительствѣ, которое Екатерина II-я, въ началѣ своего царствованія, явно оказывала энциклопедистамъ и писателямъ-реформаторамъ, столько же можетъ быть изъ истиннаго сочувствія генію и знанію, сколько изъ желанія нанесть рядъ ударовъ самолюбію гнавшаго ихъ французскаго правительства. (Слич. *Осьмнадцатый вѣкъ* изд. Бартеневымъ, книга I, статью „Дидро“). Григорій Орловъ, человѣкъ безспорно не безъ дарованій (котораго, какъ и Потемкина, Екатерина II считала геніемъ) страстный поклонникъ физики и вообще опытныхъ наукъ, годился какъ нельзя болѣе для того, чтобы явиться посредникомъ въ этихъ переговорахъ, если мысль дать убѣжище въ Россіи славному философу дѣйствительно принадлежала Екатеринѣ.

В. Андреевъ.

Письмо графа Г. Г. Орлова.

Декабрь 1766.

Милостивый государь, вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ

вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Чрезъ газеты (par les voies publiques) я знаю и о причинахъ этого; или, можетъ быть, я плохо знаю; можетъ быть, причины извѣстныя мнѣ невѣрны. Я думаю, что вы теперь въ Англіи у герцога Ричмондскаго и полагаю, что у него вамъ хорошо. Тѣмъ не менѣе мнѣ вздумалось (il m'a pris fantaisie) сказать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга, т. е. въ 10 нѣмецкихъ миляхъ, у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятные для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни по англійски, ни по французски, еще менѣе по гречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутироватъ, ни проповѣдывать, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. И такъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ по вкусу—отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Если вы пожелаете общества, чтобы разсѣять скуку, и оно будетъ. Но вообще, и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ни чѣмъ никому обязаны. Сверхъ того, если вы пожелаете, всякая огласка о вашемъ пребываніи будетъ устранена. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переѣздъ моремъ, если вы въ состояніи вынесть его; тѣмъ болѣе что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя, если вы изберете этотъ путь, чѣмъ на сушѣ.

Вотъ, милостивый государь, что̀ я счелъ себя въ правѣ предложить вамъ изъ признательности за почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ, хотя онѣ были писаны и не для меня. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ (avec beaucoup de respect) и пр.

Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

23 февраля (1767), Хаттонъ.

Вы говорите о вашихъ странностяхъ, графъ. Оно пожалуй и дѣйствительно странность—благотворить такъ издалека и человѣку, котораго совершенно не знаешь. Ваше любезное приглашеніе, тонъ, коимъ вы дѣлаете его, и описаніе убѣжища, которое вы мнѣ предназначаете, безъ сомнѣнія заставили бы меня принять его, если бы я не былъ такъ слабъ, былъ болѣе подвиженъ, помоложе, и если бы вы были поближе къ солнцу. Сверхъ того я боюсь, чтобы при личномъ свиданіи съ тѣмъ, кому вы оказываете честь своимъ приглашеніемъ, вы не раскаялись. Вы воображаете увидѣть литератора, мастера говорить, который бы блескомъ таланта и словъ заплатилъ вамъ за ваше великодушное гостепріимство, и увидали бы предъ собою человѣка очень простаго, котораго личныя наклонности и страданія сдѣлали отшельникомъ, все удовольствіе котораго состоитъ въ сборѣ растеній съ утра до вечера и который въ этомъ сообществѣ съ растеніями находитъ столь сладкій сердцу его покой, въ которомъ отказали ему люди. Стало быть, милостивый государь, я не думаю поселиться въ вашемъ домѣ, но всегда съ признательностью буду вспоминать, что вы мнѣ предлагали его и иногда посѣтую, что я не въ немъ, чтобы заслужить расположеніе и дружбу хозяина. Примите, графъ, прошу васъ, мою самую искреннюю благодарность и мой нижайшій поклонъ.

ОБРАЗЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЫ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЭПОХУ ПАДЕНІЯ.

Въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской Публичной Библіотеки, столь богатомъ матеріалами для исторіи Западнаго края, намъ встрѣтилось, въ одномъ польскомъ литературномъ сборникѣ, нѣсколько сатирическихъ произведеній, относящихся къ концу прошлаго столѣтія, именно

ко времени Тарговицкой Конфедераціи (1792—1793). Конфедерація эта, какъ извѣстно, была составлена подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, и имѣла своею задачею отмѣнить всѣ реформы, произведенныя въ Польшѣ Конституціей 3 мая 1791 года. Слѣдующая сатира, облеченная въ форму отвѣтовъ на три загадки, направлена противъ короля Станислава Понятовскаго и трехъ главныхъ вождей Тарговицкой конфедераціи: Щенснаго (Феликса) Потоцкаго, Браницкаго и Ржевускаго.

1, Co iest zguba Polskiey?
Że Stanisław na tronie, Szczęsny możnym Panem,
Branicki wielkim, a Rzewuski polnym hetmanem.

2, Coby mogło poprawić los Polskiey?
Małachowski na tronie, Kosciuszko z buławą
Umieliby utrzymac rząd wolny ze sławą.

3, A pierwszych gdzie podziec?
Stanislswa dać na teatr Boguslawskiemu,
W domie szalonych dać mieyscie Szczęsnemu,
Branickiego osadzić w porządney piwnicy,
Rzewuskiego tam poslać, gdzie są alchimicy.

То есть:

1. Что губитъ Польшу?
То, что Станиславъ на тронѣ, Щенсный мощнымъ паномъ,
Браницкій великимъ, а Ржевускій польнымъ гетманомъ.

2. Что могло бы поправить дѣло Польши?
Малаховскій на тронѣ, Костюшко съ булавой
Съумѣли бы поддержать республику со славой.

3. А куда дѣвать первыхъ?
Станислава отдать въ театръ Богуславскаго,
Щенснаго пристроить въ домѣ умалишенныхъ,
Браницкаго посадить въ хорошій погребокъ,
А Ржевускаго отослать къ алхимикамъ.

Далѣе находимъ сатиры, направленныя уже прямо противъ Русской императрицы. Онѣ изложены въ формѣ пародій на Молитву Господню, Символъ Вѣры и Десять Заповѣдей. Насъ Русскихъ, въ настоящее время, не могутъ смутить ядовитые укоры, заключенные въ подобнаго рода произведеніяхъ. Эти постоянныя попытки сложить на сосѣдей отвѣтственность за собственные грѣхи могутъ вызвать съ нашей стороны только улыбку сожалѣнія. Приводимъ эти памятники тогдашней летучей словесности, чтобы показать, къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгала Польская, такъ называемая, патріотическая партія. Но какъ кощунство упомянутыхъ пародій дѣлаетъ ихъ неудобными для русской печати, то мы ограничиваемся сообщеніемъ ихъ въ подлинникѣ.

Pacierz.

Carowa, którаś iest w Peterburgu, swięć się Imię, przydź stotysięczne woysko twoie, bądz wola twoia, iak w Moskwie, tak i w Polszcze, assygnacye y ruble powszednie day nam dzisiay i pozwol się wzbogacić y ponoszyć, iako y my pozwalamy, y nie wodz nas do Rządu regularnego, ale nas zbaw od Konstytucyi 3-go Maia y od wszystkich iey dobrych ustaw. Amen.

Sklad konssyliarski.

Wierzę w Carową wszechmogącą, stworzycielką dawnych intryk w Polszcze, związku Targowickiego, protektorkę w wierzę; y w Szczęsnego Marszałka, przez się obranego, który się poczoł z Ducha Moskiewskiego, narodził się z pysznych aniołow, wszystko zamieszał, obywatelow wycięczył, siebie uszczęsliwił, y nic dobrego nie zrobił; wierzę w Ducha, dla generalnosci z Peterburga przydanego, y generałow Moskiewskich,—a to werze przez gwałty, ucisk i y obcowania, Rządu, spokoynosci wywrocenia, ludu wyprowadzenie, obywatelow spodlenie, głodu naprowadzenie y zatracenie wzięłosci w Europie. Amen.

Dziesięć przykazań.

Iam iest Carowa, która was z porządku y Rządu wywiodła. 1. Nie będziesz miał cudze potencye przede mną. 2. Nie będziesz brał nikogo w alians, ani odrzucisz gwarancyi nade mną. 3. Pamiętay, abyś Konstytucyą 1768 y 1775 roku zachował. 4. Cźci

brata Moskiewskiego. 5. Nie zabiiay, nie sądz zdraycow narodu. 6. Kradni skarb w zdradzonych Magistraturach. 8. Nie mów nic przeciwko Moskalom na seymie. 9. Pożąday żony obywatelskiey inne. 10. Ani wołu, ani koni nie zoszczędzay, ani żadney rzeczy, które są polskie; będsiesz miłował Carową Panią swoią ze wszystkiego serca twoiego, ze wszystkiey duszy twoiey, a żołnierza Moskiewskiego iako siebie samego. Amen.

Къ томуже разряду политическихъ сатиръ относится слѣдующее заявленіе:

Afisz komedyi nowey za beneficium Szczęsnego Potockiego na teatrze kraiowym za pozwoleniem Nayiasnieyszey konfederacyi Targowickiey oboyga narodow anterprysa.

Pruska, Moskiewska y Cesarska będą mieli honor w przyszłą wstępną strzodę dać reprezentacyą komedyi we trzech aktach oryginalney, przez Nayiasnieyszego Fryderyka II-go ułozoney, a w Polszcze od roku 1775 nie widzianey, pod tytułem: Rozbior kraiu. Akt pierwszy poprzedzać będzie tryo prsez I. WW. Konssyliarzow spiewane: Wolnosć, rownośé y niepodległość. Przed aktem drugim będzie duett spiewane przez tychże: Niezgoda y zdrada. Przed 3-cim zaś aktem będzie balet wielki pod tytułem „Szkoła waryatow“, w którym J. M. P. Sucharzewski solo tancować będzie. Teatr illuminowany będzie, przy biciu z armat, miasta y wioski palić się będą. Antre gratis,—gdyż fundusz na tę komedyą iest z maiątkow obywatelskich.

То есть:

„Афиша новой комедіи, имѣющей быть представленною въ бенефисъ Щенснаго Потоцкаго на мѣстномъ театрѣ, съ дозволенія наияснѣйшей Тарговицкой конфедараціи обоихъ народовъ (т. е. Польши и Литвы).

Пруссія, Москва и Цезарь (Австрійскій) будутъ имѣть честь въ будущую первую среду великаго поста давать представленіе оригинальной комедіи въ трехъ актахъ, сочиненной наияснѣйшимъ Фридрихомъ II и невиданной въ Польшѣ съ 1775 года, подъ заглавіемъ: Раздѣлъ края. Передъ первымъ актомъ будетъ пропѣто ясновельможными совѣтниками (Конфедераціи) тріо: „Свобода, равенство и независимость“. Передъ вторымъ актомъ они же споютъ дуэтъ: „Раздоръ и измѣна“. Передъ третьимъ актомъ будетъ большой балетъ подъ названіемъ „Школа сумасшедшихъ“, въ которомъ его милость панъ Сухаржевскій будетъ танцовать соло. Театръ будетъ иллюминованъ, при громѣ пушекъ, горящими городами и селами. Входъ даровой, потому что комедія дается на счетъ обывателей.“

Эта афиша подтверждаетъ еще разъ, что въ XVIII вѣкѣ Поляки очень хорошо знали, кто изъ сосѣдей былъ главнымъ авторомъ Польскихъ раздѣловъ.

Д. Иловайскій.

ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ ГРАФУ С. П. РУМЯНЦЕВУ.

Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся у Николая Адріановича Дивова). Какъ извѣстно, Карамзинъ не любилъ сближаться съ вельможами Александровскаго двора, посреди котораго пришлось ему провести послѣдніе годы жизни. Исключеніе въ этомъ составляли графы Румянцевы, канцлеръ Николай Петровичъ (съ которымъ могла соединять Карамзина общая любовь къ Русской исторіи) и младшій братъ его Сергѣй Петровичъ (1755—1838), человѣкъ отлично образованный. Карамзинъ писалъ о нихъ между прочимъ къ И. И. Дмитріеву 7 сент. 1822 г.: „Люблю ихъ душевно: это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего піитическаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: O Richard, o mon Roi? Нѣтъ ни чувства, ни голоса“. Въ другомъ письмѣ: „Гр. Сергѣй Петровичъ часто видался съ нами; ѣздилъ и ко двору: обѣдалъ, былъ въ спектаклѣ у императрицы, однакожь не доволенъ. Любезенъ и оригиналенъ“. „Онъ дѣйствительно менѣе другихъ старѣется — увы! и еще тоскуетъ о государственной дѣятельности, о дворѣ, тайно, про себя! О бѣдное сердце человѣческое! И въ старости мы еще худо себя знаемъ!“ (Письма Карамз. къ Дм. стр. 264, 329 и 336). Мы надѣемся сообщить читателямъ Р. Архива болѣе подробныя свѣдѣнія о гр. С. П. Румянцовѣ и обширныя выдержки изъ его бумагъ, приведенныхъ въ порядокъ и тщательно сбереженныхъ Н. А. Дивовымъ. *П. Б.*

I.

Милостивый Государь графъ Сергѣй Петровичь! Вы были такъ милостивы ко мнѣ въ Петербургѣ [1]), такъ любезно воспоминаете объ исторіографѣ въ вашемъ письмѣ къ Алексѣю Ѳедоровичу [2]), что не могу умолчать о моей искреннѣйшей благодарности. Чѣмъ болѣе узнаю ваше сіятельство, тѣмъ болѣе люблю; не говорю о почтеніи: кто васъ не почитаетъ? Развѣ какой нибудь Гуронъ или Готтентотъ Русской. Но кто истинно *любитъ*, тотъ уже выходитъ изъ толпы и бываетъ на просторѣ. И такъ могу низко кланяться вашему сіятельству, не боясь задѣть головою ни Петра ни Ивана. Въ моемъ къ вамъ чувствѣ есть даже нѣкоторое великодушіе (извините похвальбу): вы опасаетесь, чтобы я, переѣхавъ въ резиденцію, не сдѣлался *инымъ* человѣкомъ: это не обидно ли для гордости исторіографа? Однакожь улыбаюсь и не сержусь. Шутку въ сторону: люди такъ слабы и такъ много зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, что опасеніе ваше можетъ быть справедливо. Май приближается: снащу корабль свой; смотрю на море издали, а на пристань вблизи, и... жалѣю о мирной Москвѣ, гдѣ мнѣ оставалось бы только напечатать свою исторію и умереть! Но эта исторія требуетъ отъ меня послѣдней жертвы: въ Петербургѣ болѣе способовъ для ея совершеннѣйшаго, по возможности, изданія. Все *другое* зависитъ не отъ меня: не надобно ни ломать головы, ни волновать сердца. Постараемся быть тихими среди шумныхъ движеній безпокойнаго самолюбія, тщеславія etc. etc. Вы знаете мою философію: Провидѣніе! Провидѣніе! Все будетъ, какъ Ему угодно.—Жена моя, участвуя во всѣхъ моихъ душевныхъ привязанностяхъ, и собственнымъ чувствомъ оправдывая ихъ, свидѣтельствуетъ вамъ искреннее почтеніе. Простите недѣль на пять, не болѣе, какъ надѣюсь. Съ попутнымъ майскимъ вѣтромъ можете увидать бѣлый парусъ корабля моего близь Аничкова мосту. Между тѣмъ будьте здоровы, веселы и любите по старому преданнаго вашему сіятельству покорнѣйшаго слугу ***Николая Карамзина.***

Москва, 14 апрѣля 1816.

II.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за любезныя строки. Печальное извѣстіе, полученное нами о смерти добраго старца, князя Оболенскаго, нашего ближняго, замедлило отвѣтъ *сельскаго будто бы Конфутзея* [3]). Надѣюсь, что *Брюсъ* уже вамъ доставленъ: такъ-ли? — Очень хотѣлось бы знать, долго ли пробудете въ Петербургѣ, и ждете ли графа Николая Петровича. Я на колѣняхъ буду просить у него ***Московской лѣтописи Байера,*** современника Лжедимитріевъ: знаете ли ее? — Здѣшнее наше житье началось блестящимъ образомъ. Августѣйшій Хозяинъ тотчасъ посѣтилъ насъ и пробылъ съ нами часа два; а на другой день мы у Него обѣдали почти безъ гостей. Но теперь живемъ уединенно. Можемъ ли надѣяться, что вы заглянете въ Китай?

[1]) Карамзинъ только что возвратился передъ тѣмъ въ Москву изъ Петербурга, куда ѣздилъ представить свою Исторію императору Александру и устроить печатаніе оной. Теперь онъ собирался въ Петербургъ уже на жительство.

[2]) Малиновскому.

[3]) Здѣсь и ниже намеки на то, что Карамзинъ жилъ въ Царскомъ Селѣ въ одномъ изъ китайскихъ домиковъ.

Если не найдете въ немъ Конфутзея, то найдете людей душевно вамъ преданныхъ; мудрость рѣдка, но и дружба искренняя не бѣгаетъ по улицамъ. Будьте здоровы, спокойны и жалуйте всегда вашихъ Карамзиныхъ.

Царское Село.
24 мая 1822.

У насъ страшная засуха: міръ растительный гибнетъ.

III.

Царское Село, 31 мая 1822.

Русскіе Китайцы сердечно благодарятъ ваше сіятельство за любезное письмо, но почти сердиты на васъ за то, что вы никакъ не хотите заглянуть къ нимъ въ мирную пустыню.

Спѣшу исполнить порученіе Императрицы Елизаветы Алексѣевны: она доставила вамъ *Брюса*, но не читала его, и проситъ этой любопытной книги, на нѣсколько дней, у графа Николая Петровича, по скромности не обращаясь съ просьбою къ вамъ.

Сдѣлайте милость, дайте намъ знать, когда пріѣдетъ графъ Николай Петровичъ.

Царь благополучно возвратился въ 5 часовъ вечера.

Полночь вырываетъ у меня перо изъ рукъ. Будьте здоровы и всегда милостивы къ вашимъ *Карамзинымъ*.

IV.

Царское Село, 20 іюня 1822.

И такъ вы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ, поѣдете мимо Царскаго Села, и не заглянете къ намъ? Если не увижу васъ до отъѣзда изъ Петербурга, то пожалѣю сердечно. Мнѣ хотѣлось бы всегда жить съ вами въ одномъ мѣстѣ: не много людей, которымъ могу это сказать по совѣсти.

Брюсъ отданъ Императрицѣ, которая сама возвратитъ его графу Николаю Петровичу.

На сихъ дняхъ третій сынъ нашъ упалъ съ окна и разрѣзалъ себѣ лобъ до самаго черепа: это насъ испугало и огорчило. Бѣдный на всю жизнь останется съ рубцомъ.

Не ѣздите изъ Петербурга въ такой жаръ и въ такую пыль. Авось небо оросить жадную землю. Между тѣмъ освѣжаемъ себѣ душу чтеніемъ романовъ Вальтеръ-Скота, разумѣется, по вечерамъ.

Будьте здоровы тѣломъ и веселы духомъ.

Столько васъ почитая и любя, надѣемся, мужъ и жена, что вы не перемѣнитесь въ добромъ къ намъ расположеніи, пока мы живы; а на томъ свѣтѣ, что̀ Богъ дастъ.

Скажу и по-Римски: vale! На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ*.

V.

Царское Село, 26 сентября 1822.

Сердечно благодаримъ васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, за ваше доброе воспоминаніе, за письмо столь любезное, которое мы читали и перечитывали всѣмъ семействомъ. Намъ пріятно увѣрять васъ въ томъ, что̀ мы чувствуемъ живо: въ нашей душевной къ вамъ привязанности и въ благодарности за ваше милостивое къ намъ расположеніе. Какъ намъ памятны часы, проведенные съ вами въ нашемъ городскомъ уединеніи! Грустимъ, что вы не взлюбили Петербурга, гдѣ право многіе знаютъ вамъ цѣну. Пока мы живы, хорошо жить съ добрыми пріятелями, бесѣдовать отъ души, иногда и поспорить, отъ 7 часовъ вечера до 10 или 11. Свѣтской суетности уже въ насъ мало, но любви къ любезнымъ людямъ еще

довольно. Хотимъ надѣяться, что вы еще заглянете къ намъ зимою, по крайней мѣрѣ около февраля, вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ: не правда ли, что это дѣло возможное? Тогда скажу вамъ нѣчто любопытное, о чемъ не пишутъ. А между тѣмъ скажу вамъ, что Государь бралъ съ собою мои тетради о царствованіи Ѳеодора и возвратилъ ихъ мнѣ съ дороги при милостивомъ письмѣ, сдѣлавъ три или четыре замѣчанія и дозволяя печатать 10-ый томъ. Теперь пишу о гоненіи Романовыхъ; а Самозванецъ стоитъ у дверей. Предметъ любопытенъ: лишь бы удалось описать хорошенько. А вы что дѣлаете? Сочиняете ли новые планы для поэмъ и романовъ, которые не уступили бы въ занимательности Вальтеръ-Скотовымъ? Грѣхъ не работать воображеніемъ плодотворнымъ, а вы его имѣете. Или угадываете слѣдствіе Веронскаго Конгресса? Греки было умерли, но опять воскресаютъ по газетамъ: авось Богъ, вопреки *Австрійскому Наблюдателю*, поставитъ ихъ на ноги, чтобы растоптать Куршида и еще двухъ или трехъ пашей! — Мы еще въ Царскомъ Селѣ и горюемъ съ увядающею природою, которая и здѣсь все еще природа: дѣйствуетъ на воображеніе и сердце. Думаемъ переселиться въ городъ около 20 октября. Императрица Е. А. хочетъ также пробыть здѣсь до половины октября, а М. Ѳ. въ Гатчинѣ. Убѣдительно просимъ васъ не забывать преданныхъ вамъ *Карамзиныхъ*.

П. П. Всякая ваша строка будетъ для насъ знакомъ вашего истиннаго къ намъ благорасположенія.

Напомните объ насъ почтеннѣйшему графу Николаю Петровичу: молимъ Бога объ его здоровьи и надѣемся, что онъ обрадуетъ насъ своимъ пріѣздомъ въ теченіе зимы.

ПРИПИСКА Е. А. КАРАМЗИНОЙ.

Je vous remercie aussi beaucoup, Monsieur le Comte, pour votre aimable lettre qui nous a fait tant de plaisir, je vous remercie aussi pour le souvenir qui s'y trouve pour moi. Vous ne pouvez douter que toute marque de votre amitié ne soit précieuse à des personnes qui vous sont autant attachées que le couple Karamzin. Les charmantes soirées passées dans votre douce société sont toujours le sujet de nos regrets et de nos esperances pour l'avenir: ne les trompez pas, Monsieur le Comte; arrivez passer l'hiver avec nous; vous aurez assez joui de la solitude, il ne faut pas être trop égoiste.

Veuillez me rappeler au souvenir de votre aimable et respectable frère, Monsieur le Chancelier; dites lui que je conserve toujours la mémoire de ses bontés pour moi. Bien des amitiés à M-lle Catherine; mes filles se joignent à moi pour les lui faire.

VI.

С. Петербургъ, 7 генваря 1823.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за письмо столь для насъ любезное, тѣмъ болѣе, что вы обѣщаете намъ заглянуть въ Петербургъ, гдѣ если и нѣтъ *цвѣтовъ*, то есть плоды, не смотря на морозы, и плоды, за которые не *берутъ деньгами*. Боюсь продолжать аллегорію, зная, что вы не весьма любите *оріентализмы;* иначе сказалъ бы, что наша искренняя любовь къ вамъ, будучи *плодомъ* вашихъ достоинствъ и добраго къ намъ расположенія, хотя и принадлежитъ почти къ золотому вѣку, но не цѣнится драгоцѣнными металлами, и проч. Это шутка, похожая на дѣло. Но хотѣлось бы опять обратиться къ аллегоріи: *терніе*, ожидающее васъ въ Петербургѣ, лишится своей колкости, если.... надѣнете перчатку! Это говоритъ вамъ человѣкъ *не на розахъ безъ тернія:* и меня колятъ, а я еще не въ крови, по ми-

лости Божіей, перчатокъ или латъ. Впрочемъ не смѣю хвалиться; но буду васъ хвалить, когда пріѣдете къ намъ смѣяться въ нашемъ кругу семейственномъ. Право, все не такъ печально. Свѣтъ и жизнь имѣютъ условіе, conditio sine qua non: философъ (а не мистикъ!) принимаетъ его, по необходимости, и плачетъ менѣе другихъ. Вы философъ, а я не мистикъ: подадимъ руку другъ другу, на Перспективѣ или на Фонтанкѣ, и засмѣемся отъ добраго сердца. Только пріѣзжайте же, пока мы живы, или здѣсь. Увы! насъ, можетъ быть, скоро выгонятъ изъ дому: сынъ хозяики нашей [4]) женится на графинѣ Чернышевой; для молодыхъ понадобятся комнаты, и намъ придется искать другой квартиры! Это уменшитъ для насъ пріятность жизни Петербургской: я такъ лѣнивъ и неспособенъ къ исканію, даже и квартиры. А что скажете о Конгрессѣ? Мы ничего не знаемъ; говорятъ только, что новаго не будетъ, по крайней мѣрѣ долго. А что скажете... но не хочу всего писать; оставляю до свиданія. И такъ простите до свиданія, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ. Благодарю нашего Канцлера особеннымъ письмомъ за милостивое воспоминаніе. Мужъ, жена, дѣти Карамзины поручаютъ себя вашей неизмѣнной благосклонности и на вѣки *ваши Карамзины*.

VII.

Царское Село, 20 мая 1823.

Сердечно благодаримъ ваше сіятельство за любезнѣйшія строки, гораздо болѣе, нежели за возвращеніе письма, за которое однакожь также благодаримъ. Радуемся, что почтеннѣйшій нашъ Канцлеръ благополучно совершаетъ путь свой, и ждемъ теперь дальнѣйшихъ вѣстей объ немъ изъ Москвы, отъ двухъ нашихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ одинъ, князь Вяземскій, уже видѣлъ его въ Итальянской оперѣ. Графъ Николай Петровичъ доѣдетъ до Кавказа, а вы не доѣдете и до Царскаго Села, гдѣ если не воды, то воздухъ цѣлителенъ! Право, и безъ шутки, можемъ звать васъ въ нашъ Китай, гдѣ теперь все цвѣтетъ и благоухаетъ. Что дѣлаете въ городѣ? Здѣсь нѣтъ даже и пыли: смотримъ на все чистыми глазами и ничѣмъ не ослѣпляемся. Не могу только похвалиться успѣхомъ своей исторической работы: не лечу, а ползу къ потомству, взглядывая съ ласкою и на современниковъ, даже и на угрюмыхъ. Во всемъ пріятномъ есть непріятность: авторъ недешево покупаетъ свои удовольствія. Муза Исторіи, какъ женщина, прихотлива и своенравна: часто не лажу съ нею. Все наше семейство громко воскликнуло бы отъ радости, если бы васъ здѣсь увидѣло. Что на это скажете? По крайней мѣрѣ такъ мы чувствуемъ, всѣ преданные вамъ *Карамзины*.

VIII.

Приношу искреннѣйшую благодарность вопервыхъ нашему знаменитому Канцлеру, а вовторыхъ и вашему сіятельству, какъ посреднику его милостиваго обо мнѣ воспоминанія. Экзарха [5]) я также получилъ и съ такою же благодарностію.

А теперь изъявляю вамъ сердечную признательность за любезнѣйшее пись-

[4]) Никита Михаиловичь Муравьевъ на гр. Александрѣ Григорьевнѣ Чернышевой.

[5]) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, изслѣдованіе Калайдовича изданное гр. Н. П. Румянцевымъ.

мо. Въ старину я любилъ осеннюю сельскую природу; нынѣ же только не боюсь ея, и смѣло попираю ногами желтые листья на дорожкахъ Царскосельскаго сада. Мы здѣсь не при Дворѣ, а въ глубокомъ уединеніи; третьяго дни заглянули въ Гатчину, но въ первый разъ, и возвратились ночевать домой. Тамъ Дворъ, и блестящій; а здѣсь тишина и философія не модная. Живемъ въ Царскомъ Селѣ долго по привычкѣ дѣлить годъ на двѣ половины; впрочемъ и желаемъ дождаться здѣсь Царя, котораго любимъ: онъ нашъ хозяинъ, и столь привѣтливый, что хочется остаться именно для него дней десять лишнихъ.

Съ такою же искренностью скажу, что помышляемъ о городѣ съ пріятностію, воображая тамъ васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ! Дозволяю себѣ не сомнѣваться въ постоянствѣ вашей дружеской къ намъ милости, которая отвѣтствуетъ нашей сердечной къ вамъ привязанности. Увидимся и побесѣдуемъ, если Богъ дастъ. Мы почти совершенно здоровы. Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ свое душевное почтеніе, и вмѣстѣ со мною усердно кланяются вашимъ. Будьте здоровы тѣломъ и веселы духомъ. На вѣки преданный вамъ *Н. Карамзинъ.*

Царское Село. 7 октября 1824.

IX.

Сердечно благодаримъ васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій графъ! Намъ грустно было, что вы не заѣхали въ Царское Село, и я готовился писать вамъ упреки: вы предупредили меня, отъ того, что я все ждалъ лучшаго внутренняго расположенія, или лучшаго здоровья, чтобы взяться за перо. Съ самой весны таю и худѣю, однакожь не отъ придворной болѣзни, какъ вы знаете, думаю. Напротивъ, мнѣ надлежало бы жирѣть отъ Царскихъ милостей! Я почти не ѣздилъ и въ Павловское, и бѣдная моя Исторія не двигалась впередъ: въ $3\frac{1}{2}$ мѣсяца едвали написалъ 30 страницъ. Сперва считалъ я свою болѣзнь гемороидальною, а теперь не знаю. Впрочемъ все одно: не лечусь, вѣря Богу и природѣ. Жена моя стоитъ въ томъ, что надобно куда нибудь ѣхать, трястись въ каретѣ или шататься на кораблѣ; но глубокая осень передъ нами, а до весны еще далеко: много воды утечетъ. Иванъ Ивановичъ Дм. не можетъ надивиться вашей неизмѣнной любезности и живости: слѣдственно, вопреки *мостовой,* вы еще не стары. Недавно я былъ въ перепискѣ съ Сестренцевичемъ; ему 93 года, а какъ онъ молодъ еще твердою рукою и авторскимъ самолюбіемъ! Живите столько же лѣтъ, и въ половинѣ текущаго вѣка издайте свои остроумныя Басни [6]) съ веселымъ предисловіемъ, въ которомъ упомяните слегка о покойникѣ Исторіографѣ, какъ бывшемъ добромъ знакомцѣ вашей Музы!

Вы ласково зовете насъ въ городъ: надѣюсь еще до нашего переѣзда быть у васъ и у графа Николая Петровича, которому просимъ изъявить мое и жены моей душевное высокопочитаніе. Жду только, чтобы мнѣ рѣшительно стало получше. Между тѣмъ

---

[6]) Тетрадь этихъ басенъ сохранилась. Басню свою „Китайскій Исторіографъ“ (въ которой говорится, что исторіографъ обуздываетъ богдыхана угрозою занести въ свою лѣтопись его дѣянія) гр. Серг. Петровичъ оканчиваетъ такъ:

Ахъ! Если, Карамзинъ въ исторьи ты своей
Тирановъ пострамишь, безчестившихъ порфиру:
Втораго Тацита явишь тогда ты міру,
И будешь тѣмъ прямой наставникъ впредь царей.

всѣмъ семействомъ кланяемся вамъ до земли. Будьте здоровы, спокойны и милостивы къ преданному вамъ *Н. Карамзину.*

Царское Село,
3-го сентября 1825.

ДВА ПИСЬМА Н. М. КАРАМЗИНА КЪ В. В. ИЗМАИЛОВУ.

1.

Царское Село. 6 сент. 1822.

Любезный и почтенный Владиміръ Васильевичь! Сердечно благодарю васъ и за воспоминаніе и за довѣренность. Я писалъ къ князю И. Л. Шаховскому и просилъ его убѣдительно; что̀ получу въ отвѣтъ, о томъ васъ немедленно увѣдомлю. Грустно мнѣ слышась о буряхъ вашей жизни и о дѣйствіи ихъ на вашу душу. Дай Богъ вамъ успокоенія и еще охоты авторской, невинной и полезной! Я старѣюсь, но съ перомъ въ рукахъ, хотя также могъ бы жаловаться на смѣшеніе пріятнаго съ непріятнымъ въ судьбѣ моей. Иду къ ночлегу жизни съ удостовѣреніемъ, что есть Богъ — и довольно! Мысленно васъ обнимаю и желаю вамъ всѣхъ утѣшеній, свойственныхъ душамъ добрымъ. Навсегда вамъ преданный Н. Карамзинъ.

2.

Царское Село, 21 окт. 1823.

Любезный и почтенный Владиміръ Васильевичь! Съ истиннымъ, сердечнымъ удовольствіемъ исполнилъ я вашу волю, написалъ и прилагаю письмо къ князю Шаховскому, съ убѣдительною просьбою о принятіи вашего любезнаго воспитанника въ его корпусъ; если возможно, то онъ сдѣлаетъ, какъ надѣюсь. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены въ моей искренней къ вамъ привязанности.—Какъ вы поживаете? Книги и перо служатъ ли вамъ утѣшеніемъ въ житейскихъ заботахъ и горестяхъ? Я чуть было не убрался отъ суетъ земныхъ на тотъ свѣтъ; но Богъ еще оставилъ меня здѣсь для жены и дѣтей. Катерина Андр. благодаритъ васъ за доброе объ ней воспоминаніе и вмѣстѣ со мною желаетъ вамъ здоровья и спокойствія. Мысленно васъ обнимаю. Навѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Адресъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владиміру Васильевичу Измаилову, въ Вереѣ Московской губерніи.

(*Печатается съ подлинниковъ, сообщенныхъ П. Г. Кичеевымъ*).

ИЗЪ БУМАГЪ Н. И. ГРЕЧА.

1. Письмо А. С. Стурдзы.

Милостивый государь мой Николай Ивановичь. Графъ Иванъ Антоновичь, погостивъ сутки въ сельскомъ моемъ пріютѣ, на второй уже станціи отъ Устья встрѣтилъ давно ожидаемыхъ изъ Бессарабіи студентовъ, коимъ поручено практически выучиться методѣ взаимнаго обученія, для введенія оной въ употребленіе между Молдавскими моими единоземцами. Дорожа временемъ и поспѣшая къ цѣли своего путешествія, графъ Каподистрія не успѣлъ снабдить ихъ письмомъ къ вамъ, милостивый государь мой, но сію пріятную обязанность возложилъ на меня, зная, что я выполню порученіе его съ особеннымъ удовольствіемъ.

Его сіят-во проситъ васъ убѣдительно быть руководителемъ сихъ молодыхъ людей, подающихъ лучшую надежду. Содержаніе ихъ обезпечено на нѣсколько мѣсяцовъ. Ревность ихъ

примѣрна. Ваши указанія и совѣты, при содѣйствіи г. Марцеллы, конечно увѣнчаютъ желаннымъ успѣхомъ благотворныя намѣренія Государя Императора. Я съ моей стороны, дознавъ опытами пользу методы взаимнаго обученія, душевно радуюсь прибытію въ Петербургъ И. Гинкуло, Куницкаго и Бобейко, безъ котораго вещественная часть предпріятія, уже довершенная, была бы безплодною для Бессарабской Области. Остается мнѣ только предложить вамъ вопросъ: не нужно ли, въ дополненіе Молдавскаго перевода, присовокупить еще таблицы для чтенія, изданныя министерствомъ просвѣщенія народнаго? Ибо Ланкастерскую методу, подобно книгопечатанію и многимъ другимъ изобрѣтеніямъ отважныхъ Іафетовыхъ сыновъ (audax Japeti genus) можно назвать мечемъ обоюдуострымъ: спасительнымъ въ рукахъ благочестія, но опаснымъ и пагубнымъ, когда владѣетъ имъ духъ киченія и безвѣрія, столь непреоборимо распространяющійся въ смутныя времена наши. И потому люди, получившіе духовное образованіе и готовящіеся ко вступленію въ духовный санъ, болѣе другихъ кажутся мнѣ способными къ безвредному насажденію методы сей въ народѣ, уцѣлѣвшемъ отъ варварства подъ щитомъ святой нашей церкви.

Съ душевнымъ почтеніемъ, имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашъ покорнѣйшій слуга,

Александръ Стурдза.

Село Устье
іюня 26 дня
1820.

Въ 1817 году Н. И. Гречъ занимался въ Парижѣ изученіемъ возникшей въ это время Ланкастерской методы обученія. Въ 1818 составилъ онъ таблицы и руководства, въ 1819 г. учредилъ классы взаимнаго обученія въ Петерб. и Гатчинскомъ Воспитательныхъ домахъ и въ училищахъ для солдатскихъ дочерей гвардейскихъ полковъ, учредилъ также училище взаимнаго обученія для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса. *Евг. Гр.*

II. Письмо А. С. Пушкина.

Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе — доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С.О. мое посланіе къ Ч—у; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо Русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано *Глупца Философа*; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ Американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего-же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать — да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забеніе — то я имъ не пѣняю: забенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ Эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письмы (*sic*) ихъ мнѣ не нужны — такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ Отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать; хотите ли вы у меня купить весь кусокъ

поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы, разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale, *Пушкинъ*.

21 сентября
1821
Кишеневъ.

III. Поздравленіе Н. И. Греча въ день его имянинъ.

6 декабря 1827.

Прошло ужъ двадцать лѣтъ, какъ Гречь
Писать Грамматику затѣялъ;
Конецъ труду и тяжесть съ плечь!
Пусть жнетъ теперь, чтó прежде сѣялъ!

Лились чернила, лился потъ,
Теперь вино польется въ ротъ!

Явись покалъ, ты нашъ союзъ,
Склоненіе къ любви и къ славѣ,
Глаголъ сердецъ, причастье Музъ,
Знакъ удивительный въ забавѣ!

Друзья, кто хочетъ въ счастьѣ жить,
Спрягай почаще: пить, любить.

Въ отчаяньи нашъ Гречь ужъ былъ:
Грамматику чуть чуть не съѣли;
Но Царь Эгидой осѣнилъ,
И всѣ педанты присмирѣли.

И такъ молитву, сотворя,
Во первыхъ здравіе Царя!

Теперь ура, другъ Николай!
Ты нашъ жандармъ языкознанья;
Трудись, живи да поживай
Безъ всякихъ знаковъ препинанья.

Друзья! воскликнемъ наконецъ:
Ура Грамматики творецъ!

Измайловъ

IV. Письма С. Н. Глинки.

I.

20 декабря 1827 г. Москва.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Здѣсь повторяю тоже о вашей Грамматикѣ что̀ я сказалъ вамъ о семъ предметѣ на берегахъ Невы:

«Travailler sur une langue, c'est travailler plus qu'on ne croit sur les sentiments d'un peuple qui la parle et qui l'écrit.» [1])

Графъ *Фонтанъ* сказалъ истинну непреложную. Отъ ясности объясненія зависитъ ясность понятій и основательность въ дѣяніяхъ. Слѣдственно плоды многолѣтнихъ вашихъ трудовъ полезны въ трехъ отношеніяхъ. Они проясняютъ и выраженія и понятія и дѣйствія.

Касательно практической вашей Грамматики упомяну изреченіе *Демарсе*: «Peu de règles, beaucoup de raisonnements, encore plus de routine.» [2]) Вотъ, что̀ вы умѣли согласить: честь вамъ и слава!

Честь и слава и Ѳадею Венедиктовичу! Онъ первый подалъ примѣръ благодарности къ Русскому нашему *Вальи* и *Оливету*.

«Il voit son rival et il court l'embrasser. [3])»

Такъ бы и надлежало всѣмъ жить на поприщѣ словесности.

Я объяснюсь на первый разъ одними намеками о безсмертномъ вашемъ трудѣ. Служа въ цензурномъ комитетѣ, я закиданъ теперь рукописями. Читая оныя, часъ отъ часу болѣе убѣждаюсь въ очевидной пользѣ вашихъ трудовъ. Стыдно будетъ впредь не знать правилъ Грамматическихъ. Обозрѣвъ и сообразивъ на досугѣ всѣ подробности вашихъ произведеній, снова повторю вамъ мою признательность.

Привѣтствую васъ съ наступающими праздниками. Живите несчетные годы для пользы отечества! Надѣюсь,

---

[1]) Воздѣлывать языкъ значитъ воздѣлывать чувства того народа, который говоритъ и пишетъ на этомъ языкѣ. Это вѣрнѣе нежели обыкновенно о томъ думаютъ.

[2]) Мало правилъ, много разсужденій, еще больше навыка.

[3]) Онъ видитъ своего соперника и бѣжитъ обнять его.

что ласка ваша учинитъ меня и 1828 годъ читателемъ Сѣверной Пчелы. Душевно вамъ преданный *С. Глинка.*

2.

Почтеннѣйшему Николаю Ивановичу Гречу.

„Чѣмъ движется сей свѣтъ,
Хоть за одинъ билетъ,
Пришлите *снадобья* того.—
Семейства моего
Бытъ въ горѣ исчезаетъ,
А даромъ ничего
Оно не получаетъ."

P. S. Странное дѣло! Изъ отчетовъ Русскаго Вѣстника явствуетъ, что черезъ мои руки тысячи переходили къ бѣднякамъ. А мой молитвенный голосъ въ пустынѣ раздается. Еслибъ не жаль было юной моей хозяйки, то мнѣ преутѣшно бы было пѣть Русовскаго Лазаря на улицахъ Мосcовскихъ. Ѳемистоклъ за то былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, что, въ дни забвенія его заслугъ, посвятилъ памятникъ: «богинѣ доброй памяти.» А потому я изъ прошедшаго ничего не вызываю. А въ настоящемъ очень буду благодаренъ за всякое дружеское пособіе. Жаль юной хозяйки! А когда навѣстите ее съ Практическою Грамматикою? Tout à vous

С. Глинка.

6 іюня 1833 г.
Москва.

3.

Почтеннѣйшему Николаю Ивановичу Гречу отъ семейства С. Н. Глинки, вмѣсто хлѣба-соли при отъѣздѣ его въ Петербургъ.

Съ дорожными ты днями,
Не хочешь въ дружбѣ жить,
Но съ нашими сердцами
Умѣлъ себя сроднить.
Привѣтливостью милой
Мой небосклонъ унылой
Не разъ ты золотилъ.
Въ моей семьѣ печальной
Изъ стороны ты дальной
Радушнымъ гостемъ былъ.
И пусть же надъ тобою
Твоя звѣзда блеститъ!
Ты насъ мирилъ съ судьбою;
Пусть Богъ тебя хранитъ!

11 іюня 1833 года
Москва.

4.

Toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de là qu'il faut nous relever, non de l'espace. Вы, любезный Николай Ивановичъ, осуществили эту истинну *своевременнымъ* помѣщеніемъ моей статьи.

Умомъ ты и душой прелестной
Оставилъ съ нами мысль свою,
И пусть же комитетъ небесной
Еще удвоитъ жизнь твою.

Si vous serez à Paris, veuillez bien faire mes complimens au respectable Charles Nodier. Je l'estime pour son esprit, et je l'aime pour sa belle âme. La simpathie n'est pas une chimère.

Мысленно обнимаю васъ. А поэтъ-младенецъ дремлетъ. Разбудите его. Уже ли Русскій Вѣстникъ въ новой колыбели своей долженъ *мелькнуть* и *промелькнуть?* Tout à vous de coeur et d'ame Serge Glinka.

P. S. Сыновняя рука *святыя* деньги выдастъ.

24 іюля 1841 г.

V. Письмо Бестужева (Марлинскаго) къ А. М. Андрееву.

г. Дербентъ.
9 апр. 1831.

Прежде всего благодарю васъ за доставленіе Поѣздки въ Германію [4]),

[4]) Романъ, соч. Николая Ивановича Греча.

почтеннѣйшій Ардаліонъ Михайловичь: она заставила меня смѣяться и плакать—двѣ вещи очень рѣдкія для моего изношеннаго сердца. Въ толпѣ лицъ, авторомъ описанныхъ, я встрѣтилъ и знакомцевъ; вообще простота, равно какъ истинна описаній и чувствъ, плѣнительна. Это не мой родъ, но я тѣмъ не менѣе чувствую его красоты. Изъ приложенной записки знакомой руки я впервыя получилъ дѣльное наставленіе на щетъ сочиненій моихъ: мнѣ необходимо руководство, вопервыхъ потому, что я не имѣю, благодаря Бога, слѣпой самонадѣянности, а во вторыхъ потому, что въ теченіи слишкомъ 5 лѣтъ не живу на свѣтѣ, не только въ свѣтѣ. И вотъ почему мнѣ хотѣлось бы, чтобъ г-да издатели сказали мнѣ: «намъ нужны вотъ какія статьи — публика любитъ то и то.» Мнѣ даже совѣстно, что вы взяли съ Николая Ивановича дорого за Наѣзды: какъ журналисту ему можно бы уступить и дешевле, а какъ учителю моему это было бы и должно. Онъ, такъ сказать, выносилъ меня подъ мышкой изъ яица; первый ободрилъ меня и первый оцѣнилъ. Ему обязанъ я грамматическимъ знаніемъ языка, и если рѣже прежняго ошибаюсь въ ятяхъ—тому виной опять онъ же. Нравственнымъ образомъ одолженъ я имъ неоплатно, за прежнюю пріязнь и добрые совѣты; онъ прибавляетъ теперь къ этому капиталу еще болѣе, великодушно вызываясь на всѣ хлопоты по изданію романа (если я напишу его) и отворяя двери въ свой журналъ для скитающихся статей моихъ. Засвидѣтельствуйте ему полную за то благодарность—я должникъ его по сердцу и по перу. Охотно пополню недостатокъ до 10 листовъ при первомъ досугѣ. Продолженіе Вечера на Кавк. водахъ еще не писалъ, но теперь же примусь. На щетъ блестокъ, замѣчаніе весьма справедливое — но это въ моей природѣ: кто знаетъ мой обыкновенный разговоръ, тотъ вспомнитъ, что я невольно говорю фигурами, сравненіями, и мои выходки Николай Ивановичь не даромъ назвалъ Б-ми каплями [5]). Впрочемъ иное дѣло повѣсть, иное романъ. Мнѣ кажется, краткость первой, не давая мѣста развернуться описаніямъ, завязкѣ и страстямъ, должна вцѣпляться въ память остротами. Если бы улыбаетесь читая ее, я доволенъ, если смѣетесь—вдвое. Въ романѣ можно быть безъ курбетовъ и прыжковъ: въ немъ занимательность послѣдовательная изъ характеровъ, изъ положеній; дай Богъ, чтобы мой Сивка-бурка не зашалился и тамъ. Это однакожь еще будущее.

Уполномочиваю васъ охотно въ полученіи денегъ по сотрудничеству, ибо матушка моя недолго живетъ въ Петербургѣ. Я получилъ за полгода 1830-го и полгода 1831 г. 800 р. ассигнаціями. Но, можетъ быть, сестра моя получила что нибудь послѣ, и потому вы возмете на себя сей трудъ съ 1-го Іюня, узнавъ сколько уплачено, и сколько осталось до 1-го Іюля (начало моего чернильнаго года) уплатить.—Снова прося засвидѣтельствовать уваженіе и признательность мою Николаю Ивановичу, равно какъ всему его семейству, съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть вамъ покорный, *Александръ Бестужевъ*.

(Письма эти печатаются съ дозволенія Евгеніи Ивановны Гречь, вдовы Н. И. Греча).

---

[5]) Бестужевскими каплями.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.
II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.
III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).
IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.
V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.
VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова*.
VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).
VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).
IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*.
X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.
XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешихинымъ*. 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ фонъ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8 О Гастѣ и Цукербекерѣ.
XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.
XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ*.
XIV. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова*.
XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ**, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ **одной только книгѣ Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII **вѣка продаются по одиначкѣ**: первая по 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.; вторая по 3 р. 50 к., съ перес. 4 рубля.

☞ Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** или **Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

4. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Объясненіе *императора Александра Павловича* съ канцлеромъ его графомъ Н. П. Румянцевымъ (собственноручная записка въ Апрѣлѣ 1812 года.)
2. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*)
3. Разсказы князя С. М. Голицына, записанные *М. П. Полуденскимъ*
4. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ графу М. Ю. Вьельгорскому.
5. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, графа *А. А. де Бальмена*. 1818 годъ.
6. Частное письмо о происшествіи 14 Декабря 1825 года (государственнаго секретаря *А. Н. Оленина*.)
7. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ", замѣтка *М. И. Семевскаго*.
8. Переписка между *С. А. Масловымъ* и *П. Х. Граббе* о подвигѣ Ермолова въ Бородинской битвѣ.
9. О библіотекѣ А. С. Норова. Э С.
10. Черта изъ жизни А. С. Норова, *М. Н. Лонгинова*.
11. Памяти А. С. Норова, стихотвореніе *князя П. А. Вяземскаго*.
12. Библіографическія замѣтки (Два неизвѣстныхъ стихотворенія Пушкина и Эпиграмма Крылова.) *И. И. Ханенки*.
13. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Павловичемъ Смоленскаго кладбища въ Спб. *Н. И. Григоровича*.
14. Надпись на иконѣ графа Аракчеева.
15. Поправка и объясненіе.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

1869.

ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма о Россіи въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.
II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.
III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія: а) Собственноручная записка Императрицы. б) Указъ Кабинету. в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича. г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова*. е) Вѣдомость челобитенъ, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича.
IV. Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.
V. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.
VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.
VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Карновича* 1765 года.
VIII. Масонскія бумаги: а) Посланіе Симбирскихъ Масоновъ въ Москву. б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П Соковнину. в) Письмо *Кауница Ритберта* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*. г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).
IX. Семейство Разумовскихъ. I. Графы Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.
X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.
XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину. б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщены *княземъ М. А Оболенскимъ*).
XII. Procès-verbal du décès de l'Impératrice Catherine II. (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. съ пер. 3 р. 50 к., вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ПИСЬМО

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

КЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ ГРАФУ Н. П. РУМЯНЦОВУ.

Je vois avec regret, Monsieur le Comte, qu'un moment d'humeur vous porte à être injuste envers moi. J'ignore quels sont les chagrins et les mortifications dont vous avez été abreuvé. Je ne connais que tout l'attachement et les égards que je me plaisais à vous temoigner en toute occasion.—J'ai peine à comprendre comment l'incident qui vient de se passer aye pu produire sur vous l'effet que j'en vois resulter. N'étions nous pas tombés d'accord hier, qu'une lettre se redigerait comme je l'entendais? Ne vous étes vous pas chargé vous-même de la faire faire?—Je m'attendais donc de voir paraître cette lettre sous la forme que je desirais.—Y réflechissant la nuit, vos raisons ont fait impression sur moi et j'ai voulu y renoncer. Mais au lieu de la lettre telle que je la voulais j'en ai vu une que Nesselrode a écrite d'après ce que vous lui avez dit hier soir, et qui est bien differente de ce que je voulais.—J'ai donc pensé que c'est une lettre qui vous conviendrait et je vous en ai demandé votre opinion, de même que sur la mienne à l'Emp. Nap. Voilà le fait tel qu'il a été. Y avoit-il de quoi se facher?—Vous auriez pu me dire ce que vous pensez de cette lettre, mais certes tout cela n'était pas fait pour motiver la demarche que vous venez de faire.

Au reste il y a une chose qui demande à être rectifiée entre nous. Qu'y a-t-il de plus simple que nous puissions être d'une opinion differente? Si j'ai des raisons pour tenir à la mienne, quel moyen aurais-je pour la voir mise à l'exécution, si mes ministres se refusent de signer des reponses telles que je crois devoir les faire donner? S'agit-il ici de lettres particulières? Et n'ai-je pas droit d'après ma place, d'indiquer quelle reponse je veux que mon ministère fasse?—Ce cas arrive tous les jours dans tous les autres ministères; quand je ne me trouve pas d'accord avec un de mes ministres, je change moi-même ou je leurs fournis une autre redaction et ils la signent. J'ose dire qu'ils y sont tenus par leur devoir.—Pardonnez moi, Monsieur le Comte, si je vous afflige; mais quand il s'agit du service et de ses devoirs, je ne puis parler que le langage qu'ils me prescrivent.—Votre signature n'est donc pas aux ordres d'un talent étranger; mais, étant Chancelier de mon Empire et moi ayant besoin de faire une reponse au ministère d'une Cour étrangère, mon Chancelier doit y mettre sa signature.—Voilà, Monsieur le Comte, la manière unique dont je puis envisager ces choses. Il me coute infiniment d'en être venu à des explications que je croyois tout-à-fait inutiles envers le Comte Romantzoff. Je croyois que des choses de ce genre-là ne pouvaient jamais survenir entre nous. Cela me coute doublement dans un moment où j'avais tant de désirs de vous ménager soit moralement, soit physiquement. Mais quand mon intime conviction me dit que je suis tenu de faire une chose, je ne dois pas y renoncer; en outre le cas presse, puisque j'ai dit à M. de Narbonne que je vais l'expédier cet après-diner; ainsi je me trouve dans la necessité d'exiger, Monsieur le Comte, que la reponse que je crois devoir donner à une communication faite par le ministère français, soit signée par mon Chancelier.

Quant à votre demande, permettez moi que j'y réponde demain matin avec cette amitié, qui a fait et fera toujours la base de nos relations individuelles.

Переводъ. Съ сожалѣніемъ вижу я, что минутное неудовольствіе увлекаетъ васъ, графъ, до того, что вы несправедливы ко мнѣ. Я не знаю, какою печалью и огорченіями были вы удручены. Знаю только, что при всякомъ случаѣ мнѣ пріятно было выражать вамъ мою привязанность и внимательность. Я не постигаю, какимъ образомъ случившееся обстоятельство могло произвести на васъ таковое впечатлѣніе. Не вчера ли мы согласились въ томъ, что будетъ сочинено письмо, такъ какъ я разумѣлъ? Не вы ли сами взялись распорядиться о написаніи онаго? Поэтому, я ожидалъ этого письма въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ я желалъ. Ночью, когда я соображалъ ваши доводы, они на меня подѣйствовали, и я хотѣлъ отказаться отъ письма. Но вмѣсто письма, такого какъ я желалъ, я получилъ написанное Нессельродомъ по вашему указанію вчера вечеромъ и далеко не въ такомъ видѣ, какъ было мое желаніе. Поэтому я подумалъ, что такое письмо вамъ нравится и спросилъ о немъ вашего мнѣнія, также какъ и о моемъ письмѣ къ императору Наполеону. Вотъ какъ было дѣло: за что же тутъ сердиться? Вы могли бы мнѣ сказать, что̀ вы думаете объ этомъ письмѣ; но конечно все это не могло послужить поводомъ къ вашему поступку. Впрочемъ есть обстоятельство, относительно котораго намъ необходимо объясниться. Что можетъ быть проще того, что мы держимся не одинаковыхъ мнѣній? Если я имѣю основанія не отказываться отъ мнѣнія моего, то какое буду я имѣть средство видѣть осуществленіе онаго, коль скоро мои министры не захотятъ подписывать отвѣтныя письма въ томъ видѣ, въ какомъ я нахожу нужнымъ, чтобы они были посланы? Развѣ это письма частныя? И по моему положенію, не имѣю ли я права указывать, какой отвѣтъ хочу я, чтобы данъ былъ моимъ министерствомъ? Это случается всякій день во всѣхъ другихъ министерствахъ. Какъ скоро я не согласенъ съ кѣмъ либо изъ моихъ министровъ, я мѣняю самъ или доставляю имъ бумагу въ другомъ видѣ написанную, и они ее подписываютъ. Смѣю сказать, что они побуждаются къ тому своимъ долгомъ. Простите мнѣ, графъ, если я васъ огорчаю; но когда идетъ дѣло о службѣ и ея обязательствахъ, я не могу говорить иначе какъ сообразуясь съ тѣмъ, что̀ они мнѣ предписываютъ. Стало быть, вашею подписью вы не подчиняетесь постороннему вліянію; но такъ какъ вы—канцлеръ моей имперіи, а я имѣю нужду дать отвѣтъ министерству иностраннаго двора, то канцлеръ мой долженъ скрѣпить оный своею подписью. Вотъ, графъ, единственная точка зрѣнія, съ которой я могу смотрѣть на эти вещи. Мнѣ чрезвычайно тяжело прибѣгать къ такимъ объясненіямъ, которыя полагалъ я совершенно излишними въ отношеніи графа Румянцева. Я думалъ, что ничего подобнаго никогда не могло произойти между нами. Вдвойнѣ тяжело мнѣ это въ настоящую минуту, когда такъ желалъ бы я оберегать васъ и нравственно и физически. Но коль скоро что либо мнѣ предписывается внутреннимъ убѣжденіемъ, я не долженъ дѣйствовать иначе; въ добавокъ, дѣло не терпитъ отлагательства, такъ какъ я сказалъ г-ну Нарбонну, что отпущу его сегодня послѣ обѣда. И такъ, графъ, я нахожусь въ необходимости требовать, чтобы канцлеръ мой подписалъ отвѣтъ, который по моему мнѣнію долженъ быть данъ на сообщеніе Французскаго министерства. — Что касается до вашей просьбы, позвольте мнѣ отвѣчать на то завтра поутру съ тѣмъ дружескимъ чувствомъ, которое было и всегда будетъ основаніемъ нашихъ личныхъ сношеній.

Подлинная записка писана карандашемъ и была запечатана. Мы помѣщаемъ ее съ современнаго списка, сохранившагося у Н. А. Дивова, къ которому перешли по наслѣдству многія Румянцевскія бумаги

и который съ обязательною готовностью предоставилъ ихъ намъ для прочтенія и выписокъ. Имя Нарбонна, упоминаемое въ запискѣ императора Александра Павловича, даетъ возможность опредѣлить, когда именно она писана. Наполеонъ изъ Дрездена посылалъ къ нашему Государю, въ Вильну, графа Нарбонна именно въ исходѣ апрѣля 1812 г., когда уже гроза нашествія совсѣмъ нависла надъ Россіею, и Наполеонъ смотрѣлъ на насъ, какъ на готовую жертву, съ которою ему вздумалось еще разъ поиграть дипломатическою ложью. Несбыточныя предложенія, привезенныя Нарбонномъ, были отвергнуты Государемъ, вопреки внушеніямъ графа Н. П. Румянцева, который, какъ извѣстно, полагалъ спасеніе Россіи въ уступчивости Наполеону. Нечего прибавлять, какъ важна печатаемая записка для характеристики Александра Павловича, этого Государя, который, по словамъ графа Местра, вставалъ и кланялся человѣку, подносившему ему стаканъ воды и который въ тоже время обнаруживалъ непоколебимую твердость въ огнѣ сраженій и въ труднѣйшія минуты житейскихъ сношеній. Спокойствіе, коимъ проникнута эта записка, касающаяся обстоятельствъ чрезвычайной важности, напоминаетъ намъ ту величавую тишину, въ которой пребывала Августѣйшая бабка Александра Павловича въ минуты столь часто угрожавшихъ ей опасностей. Что касается до графа Румянцева, то его пристрастіе къ Наполеону можетъ быть объяснено дипломатическою службою его во время революціи на границахъ Франціи: гр. Румянцевъ принужденъ былъ бѣжать изъ Кобленца отъ нападенія демократической толпы. Наполеонъ, возстановитель порядка и охранитель тихаго житія, къ коему по ученымъ своимъ занятіямъ такъ привер жeнъ былъ гр. Румянцевъ, сохранялъ надъ нимъ до самаго 1812 года силу своего обаянія. *П. Б*

ИСТОРІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СОЧИНЕНІЯ КОЦЕБУ:

„Свитригайло, Великій Князь Литовскій."

Пользовавшійся въ свое время общею извѣстностію какъ сочинитель безчисленнаго множества драмъ и романовъ, Августъ Коцебу, занимался иногда также и историческими работами. „Въ 1813-мъ году — разсказываетъ онъ въ одномъ изъ своихъ предисловій — я, пріѣхавъ въ Кенигсбергъ, нашелъ тамъ ученаго архиваріуса, доктора Генинга, который, по порученію дворянства Остзейскихъ губерній, выписывалъ изъ Кенигсбергскаго тайнаго архива всѣ документы касательно исторіи этого края. Когда я замѣтилъ съ удивленіемъ, что Генингъ откладываетъ многіе изъ этихъ документовъ въ сторону не переписанными, коль скоро они касаются исторіи Литовскаго великаго князя Свитригайлы, онъ, на разспросы мои о причинахъ такого пропуска, отвѣчалъ, что нашелъ между архивными бумагами столько новаго и важнаго объ упомянутомъ князѣ, что рѣшается напечатать всѣ относящіяся къ нему письма и извѣстія въ особомъ сочиненіи, и потому не хочетъ преждевременно оглашать ихъ. Какъ, два года спустя (1815), Генингъ умеръ безъ осуществленія своего намѣренія, то я немедленно обратился къ прусскому правительству и испросилъ позволеніе списать всю Генингову коллекцію."

На основаніи этихъ документовъ, Коцебу написалъ историческое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Switrigail, ein Beitrag zu den Geschichten von Litthauen, Russland, Polen und Preussen", рукопись котораго, по близкому отношенію исторіи Свитригайлы къ исторіи Россіи, прислалъ въ 1817-мъ году нашей Академіи Наукъ, изъяснивъ въ своемъ предисловіи, что думаетъ выразить тѣмъ Академіи свою благодарность за избраніе его въ ея члены-корреспонденты.

Академія Наукъ поручила разсмотрѣніе означенной рукописи одному изъ сочленовъ своихъ, извѣстному историку Кругу, который далъ о ней слѣдующій отзывъ (на французскомъ языкѣ):

„Г. Коцебу уже въ своей „Исторіи Пруссіи“ старался оправдать великаго князя Свитригайлу, котораго полякъ Стрыйковскій, а съ его словъ и іезуитъ Кояловичъ, изобразили въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Думаю, что тѣсная связь этого князя съ русскими, вмѣстѣ съ частою помощью, которую онъ отъ нихъ получалъ, и были причиною суровыхъ сужденій о немъ Стрыйковскаго (секретаря короля Сигизмунда-Августа). Но г. Коцебу отыскалъ въ кенигсбергскомъ архивѣ множество документовъ, выставляющихъ Свитригайлу въ гораздо болѣе выгодномъ видѣ; по этому онъ нашелся въ возможности исправить, въ своемъ изслѣдованіи, то неблагопріятное мнѣніе, которое до сихъ поръ существовало о Свитригайлѣ. Нѣсколько легкихъ ошибокъ, проскользнувшихъ у автора, должны быть приписаны недостаточному знанію имъ русскаго языка и легко могутъ быть исправлены; но гораздо труднѣе задача: разрѣшить противорѣчія, существующія между тѣмъ, что̀ говорятъ русскіе и польскіе писатели.“ Къ этому Кругъ прибавилъ, что государственный канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, расположенъ велѣть перевести на русскій языкъ изслѣдованіе г. Коцебу и напечатать его на свой счетъ, если Академія изъявитъ на то свое согласіе.

Конференція Академіи, „сочувствуя намѣреніямъ великодушнаго двигателя всякаго полезнаго литературнаго предпріятія, съ удовольствіемъ согласилась передать ему на нѣкоторое время нѣмецкую рукопись,“ что̀ и возложила на того же академика Круга ([1]).

Графъ Румянцевъ поручилъ переводъ нѣкоему коллежскому ассессору Нестеровичу; но работа его замедлилась, а между тѣмъ, въ 1820-мъ году, напечатанъ былъ нѣмецкій оригиналъ сочиненія Коцебу подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, въ Берлинѣ ([2]), у Павла Готхельфа Куммера, и только въ это же время, т. е. въ томъ же 1820 году русскій переводъ былъ представленъ въ петербургскій цензурный комитетъ отъ переводчика, не пожелавшаго впрочемъ выставить своего имени на книгѣ. Примѣчательно, что, по неизвѣстнымъ намъ теперь причинамъ, самъ графъ Румянцевъ оставался при этомъ въ тѣни, хотя по всей вѣроятности, посредствомъ своего вліянія, онъ могъ бы облегчить всѣ цензурныя трудности. Послѣдствіемъ было, что цензурный комитетъ призналъ нужнымъ переводъ сочиненія Коцебу представить на усмотрѣніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, который съ своей стороны передалъ рукопись на просмотръ знаменитому впослѣдствіи въ нашей исторіи митрополиту Филарету, тогда еще архіепископу Тверскому, временно находившемуся въ Петербургѣ.

Филаретъ 20-го Марта 1820 года сообщилъ князю слѣдующія соображенія о „Свитригайлѣ“.

„Герасимъ не былъ законный митрополитъ Россійскій. Должно думать, что онъ, подобно Григорію Цимблаку, поставленъ былъ литовцами по причинѣ политической, т. е. чтобы покоренные ими православные не относились къ Россійскому духовному начальству. Но и при семъ сомнительно, правду ли говорилъ Болеславъ, увѣряя Папу, что Герасимъ готовъ покориться Римскому престолу. Напротивъ того, Платонъ (Церковная Исторія, гл. XXXIX), основываясь на нѣкоторыхъ лѣтописцахъ, сказываетъ, что Герасимъ, за православіе и ревность по немъ, сожженъ папистами въ Витепскѣ (sic).

„Сіе примѣчаніе полезно-бы, по моему мнѣнію, напечатать при папскихъ буллахъ, если онѣ допущены будутъ къ напечатанію.

([1]) Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de S-t Pétersbourg. 1822, tome VIII p. 46—47.

([2]) Не можемъ не упомянуть здѣсь, что въ эту, сравнительно отдаленную эпоху, когда западныя типографіи еще почти совсѣмъ не знали русской азбуки, въ нѣмецкомъ текстѣ Коцебу многое было напечатано русскимъ шрифтомъ, какъ то: заглавія разныхъ русскихъ историческихъ сочиненій, собственныя имена и т. д.

„Я замѣтилъ еще относящееся къ тому же предмету выраженіе на стран. 153-й (я отмѣтилъ сіе мѣсто карандашемъ), которое показалось мнѣ и несправедливымъ и не довольно благоприличнымъ. Тамъ сказано, что Свитригайло искалъ соединенія Россійской церкви съ Римскою не по политикѣ, но болѣе по убѣжденію своего благочестія. Напротивъ того, весьма ясно, что онъ дѣлалъ сіе по политикѣ: ибо: 1, ему лучше было бы управлять народомъ одного исповѣданія, нежели двухъ различныхъ; 2, ему нужно было угодить Папѣ, чтобы тѣмъ удобнѣе утвердиться въ союзѣ со многими католическими государями и народами, для надежнѣйшаго продолженія своей междоусобной войны; 3, ему надобно было отвратить отъ себя подозрѣніе въ невѣрности Римской церкви, возникшее по случаю связи его съ Гусситами.

„Сіи свѣдѣнія и замѣчанія предаю на усмотрѣніе Вашего Сіятельства“.

Но князь Голицынъ, не довольствуясь этими замѣчаніями, пожелалъ еще имѣть мнѣніе Карамзина, къ которому и обратился съ слѣдующимъ письмомъ отъ 6-го Апрѣля 1820-го года:

„Препровождая при семъ къ Вамъ рукописный переводъ съ историческаго сочиненія г. Коцебу, подъ названіемъ: „Свитригайло, Великій Князь Литовскій“, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь мой, войтить въ нѣкоторое разсмотрѣніе сего творенія, и сообразить находящіяся въ ономъ важнѣйшія обстоятельства съ имѣющимися у Васъ историческими о Россіи свѣдѣніями, наипаче же по тѣмъ мѣстамъ, на кои сдѣланныя замѣчанія (Филарета) препровождаю у сего въ копіи. Мнѣ весьма желательно знать мнѣніе Ваше въ разсужденіи сихъ мѣстъ, признаете ли Вы со своей стороны заслуживающими какого либо уваженія, чтобъ быть имъ допущенными къ напечатанію, хотя не иначе, какъ съ присовокупленіемъ представленныхъ на нихъ замѣчаній, и притомъ не примете ли Вы на себя трудъ присовокупить къ тому собственныхъ Вашихъ примѣчаній на мнѣнія, расходящіяся отъ католическихъ писателей, а потому могущія въ семъ случаѣ быть пристрастными. О послѣдующемъ по сему буду ожидать Вашего увѣдомленія, вмѣстѣ съ возвращеніемъ самой рукописи“.

Не далѣе, какъ черезъ пять дней, и именно 11-го Апрѣля, Карамзинъ отвѣчалъ:

„Прочитавъ рукопись о Свитригайлѣ, имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству мое мнѣніе.

„Сочиненіе само по себѣ любопытно выписками изъ бумагъ Кенигсбергскаго Архива и безъ сомнѣнія достойно напечатанія, хотя неистовый, пьяный Свитригайло и не стоитъ похвалъ, какими честитъ его Коцебу. Думаю, что можно напечатать и папскія буллы, безъ малѣйшаго для насъ соблазна. Въ нихъ говорится о сношеніяхъ Россійскаго Митрополита Герасима съ Папою; но сей Митрополитъ былъ не нашъ, а Литовскій. Предмѣстникъ его и предмѣстники считались у насъ пастырями незаконными, чуждыми нашей церкви, Уніатами. Однакожь не худо прибавить къ Евгеніевой буллѣ, стр. 197, замѣчаніе о Герасимѣ и Россіянахъ, о коихъ въ ней говорится; т. е. сказать, что это были не мы, православные Россіяне, а подданные Литовскіе, то гонимые за ревность къ Православію, то ласкаемые за невольное уваженіе къ Папамъ.—Прилагаю и другое замѣчаніе къ стр 153“.

Упомянутыя „замѣчанія“ Карамзина заключались въ слѣдующемъ:

Къ стр. 153. „Свитригайло, будучи Римскимъ католикомъ, могъ искренно предпочитать Латинское исповѣданіе Греческому; но и политика могла участвовать въ его ревности къ соединенію вѣръ, чтобы угодить Папѣ, коего доброжелательство было ему весьма нужно въ раздорахъ его съ Польшей и съ Витовтовымъ братомъ, Сигмундомъ (или Сигизмундомъ)“.

Къ стр. 197. „Герасимъ, Епископъ Смоленскій, о коемъ въ сей грамотѣ упоминается, былъ Митрополитомъ не Всероссійскимъ, а только Литовской Россіи, и преемникомъ Григорія Цимблака, отверженнаго нашею Православною церковію (ср. Исторію Государства Росс., V, 234, втораго изданія, годъ 1425). Въ угодность Литовскимъ Князьямъ они имѣли дружелюбное сношеніе съ Римомъ и злословили духовенство Московское, которое видѣло въ нихъ измѣнниковъ Православію, лжепастырей, отщепенцевъ. Надобно вспомнить, что въ сіе время и Смоленскъ и Кіевъ, со всею нынѣшнею южною Россіею, принадлежали къ Литвѣ, которая съ 1415-го года имѣла свою особенную Митрополію. Уклончивые святители ея, повинуясь князьямъ-папистамъ, бывали и жертвою гнѣва ихъ: на примѣръ, Герасимъ былъ въ 1435 г. сожженъ Свитригайломъ въ Витебскѣ, не за ревность къ Православію, какъ сказано въ Церковной исторіи Платоновой и въ каталогахъ (не въ лѣтописяхъ), а за связь его съ противникомъ Свитригайловымъ, Княземъ Сигмундомъ (см. Ист. Госуд. Росс., V, примѣч. 295)".

Послѣ этого отзыва князь Голицынъ, 17-го Апрѣля 1820 г., предписалъ тогдашнему Попечителю С. Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову, поручить цензурному комитету, снесясь съ переводчикомъ, войти въ разсмотрѣніе „какимъ образомъ учиненныя г. Карамзинымъ примѣчанія, и также другія у сего прилагаемыя (т. е. замѣчанія Филарета), пріобщить къ сему сочиненію, буде оно издастся въ печать, и въ какомъ мѣстѣ оныя включить".

Комитетъ цензурный нашелъ (рапортъ Уварова отъ 21-го Мая): 1, что рукопись „Свитригайло, Великій Князь Литовскій"—одобрена къ печатанію (какъ показано въ донесеніи за Мартъ) бывшимъ цензоромъ Яценковымъ за исключеніемъ приложенныхъ въ концѣ онаго сочиненія папскихъ буллъ, по тому уваженію, что грамоты сіи, хотя и были давно извѣстны, но у насъ нигдѣ напечатаны не были, вѣроятно для того, дабы не подать повода къ кривымъ и предосудительнымъ толкамъ о семъ важномъ предметѣ; 2, что цензурный комитетъ съ своей стороны находитъ, что печатать на русскомъ языкѣ вышеозначенныя буллы папскія при частной исторіи князя Свитригайлы, даже и съ присовокупленіемъ примѣчаній, не совмѣстно, полагая притомъ, что настоящее ихъ мѣсто могло бы быть только въ церковной исторіи, съ приличными объясненіями".

Но дѣло на этомъ не остановилось: по своему ли собственному желанію, или по приказанію стоявшаго за кулисами графа Румянцева, Нестеровичъ, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ Уварова изъ Петербурга, вошелъ съ новою просьбою къ исправлявшему его должность, непремѣнному секретарю Академіи Наукъ Фусу, который за тѣмъ, въ рапортѣ отъ 24-го Сентября того же 1820-го года, написалъ князю Голицыну:

„Переводчикъ сочиненія Коцебу „Свитригайло", коллежскій ассессоръ Нестеровичъ, обратился нынѣ въ цензурный комитетъ съ прошеніемъ о дозволеніи напечатать двѣ папскія грамоты къ князю Свитригайлѣ и митрополиту Герасиму, хотя на томъ самомъ языкѣ, на коемъ онѣ писаны, т. е. на латинскомъ, по тому уваженію, что грамоты сіи имѣютъ неразрывную связь съ цѣлымъ сочиненіемъ. Цензурный комитетъ соглашался, что ихъ можно напечатать „безъ малѣйшаго опасенія кривыхъ и предосудительныхъ толковъ, предположеніе которыхъ побудило запретить печатаніе тѣхъ грамотъ на языкѣ Россійскомъ".

Но на это министръ опять отвѣчалъ (2-го Октября), что нельзя измѣнять прежняго мнѣнія, основаннаго на отзывѣ Карамзина и заключеніи комитета: „ибо лживость этихъ буллъ, могущая быть извѣстною только весьма знающимъ историкамъ, для многихъ другихъ послужитъ поводомъ къ кривымъ толкамъ

и несправедливымъ предположеніямъ, и кои тѣмъ паче не слѣдуетъ нынѣ издавать въ свѣтъ, что оныя доселѣ нигдѣ напечатаны не были".

Съ тѣхъ поръ прошло почти *три* года, какъ вдругъ графъ Румянцевъ, уже сошедшій съ служебнаго поприща и посвятившій остатокъ своей жизни на пользу наукъ, рѣшился прекратить свою пассивную роль относительно „Свитригайлы" и 19-го Марта 1823-го года написалъ князю Голицыну слѣдующее письмо:

„Благосклоннѣйшее Вашего Сіятельства посѣщеніе, каковымъ меня удостоить изволили, меня много порадовало и подаетъ надежду, что Вы, какъ Министръ Просвѣщенія, отвратите отъ меня цензурою мнѣ причиненную печаль.

„Удалившись отъ службы, я пожелалъ не вовсе остаться безполезнымъ, и между разными занятіями, къ тому ведущими, поставилъ себѣ въ предметъ изданіе полезныхъ книгъ. Мнѣ давно было извѣстно, что ученые по всей Европѣ желали видѣть изданіе на Татарскомъ языкѣ Монгольской и Татарской хронологической исторіи, коей сочинитель извѣстный Абулгази-Ханъ, и тужили, что два напечатанные ея переводы, одинъ нѣмецкій, а съ него другой французскій, были совершенно искажены и неправильны;—я рѣшился общему просвѣщенію принесть таковую услугу и приступилъ къ напечатанію сего сочиненія въ Казанской, при университетѣ тамошнемъ существующей, азіятской типографіи, былъ къ тому допущенъ, деньги были приняты; но по истеченіи нѣкотораго довольнаго времени дано знать моему коммиссіонеру, что министерство не допускаетъ таковаго напечатанія, и чтобы я возвратно деньги принялъ. Опечаленъ до крайности страннымъ таковымъ событіемъ, я съ полною моею на справедливость Вашу, Милостивый Государь мой, довѣренностью обращаюсь съ вопросомъ, какой вредъ можетъ быть въ изданіи историческаго о Татарахъ сочиненія, по переводамъ своимъ всѣмъ уже извѣстнаго, и въ которомъ, если не ошибаюсь, въ двухъ только строкахъ и всего дважды упоминается объ Русскихъ, потому что Абулгази-Ханъ мало объ нихъ свѣдущъ былъ, да и почему же меня не допускаютъ издать сіе сочиненіе Татарскими буквами, когда въ Россіи русскій ея переводъ давно существуетъ напечатаннымъ въ 1768-мъ году, и плодъ трудовъ и полезныхъ занятій знаменитаго Татищева.

„Въ другомъ такого-же рода обстоятельствѣ понесъ я опять огорченіе. Получа отъ самого покойнаго г. Коцебу прелюбопытное его на Нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе о Литовскомъ великомъ князѣ Свитригайлѣ, коего дѣянія столь тѣсно соплетены съ современными происшествіями Россійскими, и свѣдавъ, что Императорская Академія напечатала сіе Нѣмецкое сочиненіе, удостоивъ его помѣщеніемъ въ академическіе свои акты, я пожелалъ передать Русскій переводъ нашей словесности; сіе исполнилось, цензура никакого инаго замѣчанія не сдѣлала, какъ только что воспретила мнѣ прибавить двѣ папскія буллы къ одному изъ Литовскихъ нашихъ Архіереевъ, а прошу Ваше Сіятельство замѣтить, что на нихъ въ самомъ сочиненіи ссылка сдѣлана и что онѣ существуютъ въ Актахъ Академіи нашей;—покажите мнѣ и то благодѣяніе, чтобъ отстранить отъ меня сію странную помѣху. Ежели Вамъ угодно, я безъ перевода въ Латинскомъ подлинникѣ при Русскомъ изданіи ихъ помѣщу; я даже готовъ и на то согласиться, чтобы не были онѣ напечатаны, лишь-бы въ предисловіи допустили сказать, что ихъ недостаетъ по препятствіямъ, которыхъ издатель не могъ отстранить.

„Я точно у Вашего Сіятельства прошу единственно справедливаго и согласнаго съ самыми строгими правилами воздержности въ печатаніи книгъ; услышьте мое прошеніе, порадуйте меня тѣмъ, чтобы обѣ сіи помѣхи отъ меня совершенно отстранены были; а ежели Ваша Министерская власть къ

тому покажется недостаточною, явите мнѣ ту милость, что доведите до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества содержаніе сего письма, ходатайствуйте предъ освященнѣйшими Его стопами за просьбу мою; я жизнь веду счастливую воспоминаніемъ безпредѣльныхъ Его ко мнѣ милостей и щедротъ".

Это письмо побудило князя Голицына немедленно потребовать объясненій отъ Президента Академіи Наукъ—Уварова, и отъ Попечителя Казанскаго учебнаго округа, печальной памяти, Магницкаго.

Уваровъ отвѣчалъ, что Академія Наукъ никогда не печатала Нѣмецкаго оригинала Коцебу, и что онъ до сихъ поръ находится въ архивѣ конференціи; Магницкій же (жившій, какъ извѣстно, почти постоянно въ Петербургѣ и отсюда управлявшій своимъ далекимъ округомъ), почти въ одно время съ Уваровымъ отвѣчалъ министру слѣдующимъ рапортомъ:

„Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства отъ 11-го сего Апрѣля, честь имѣю донести слѣдующее. Рукопись, на Татарскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Исторія о Монголахъ и Татарахъ, сочиненіе Абулгази-Багадуръ-Хана, препровождена въ Казанскій университетъ, въ 1820 году, академикомъ Френомъ, по порученію Его Сіятельства, графа Николая Петровича Румянцева, для напечатанія, на счетъ 1000 рублей, въ томъ-же году доставленныхъ.

„При разсмотрѣніи оной въ цензурномъ комитетѣ, оказалось, что на ней нѣтъ опредѣлительной надписи и, какъ бы слѣдовало, скрѣпы по листамъ. Почему надлежало-бы подвергнуть ее цензурѣ. Но поелику въ Казанскомъ университетѣ, кромѣ лектора Хальфина, никто не знаетъ основательно Татарскаго языка, да и Хальфинъ исповѣдуетъ Магометанскую вѣру, то не было возможности исполнить сего.

„Между тѣмъ лекторъ Хальфинъ, по личной просьбѣ академика Френа, переводилъ уже на Россійскій языкъ первыя тетради сей рукописи.

„Совѣтъ Университета, представя мнѣ означенный переводъ, испрашивалъ разрѣшенія: какимъ образомъ поступить съ сею рукописью?

„Изъ перевода сего я увидѣлъ: 1, что въ заглавіи рукописи графъ Николай Петровичъ названъ главою христіанскихъ князей; 2, что въ ней искажены восточнымъ фанатизмомъ многія важнѣйшія истины, заимствованныя изъ книги Бытія; 3, что въ ней распространеніе Исламизма приписывается даже Патріарху Ною; 4, что, по сему извороту ея, она принадлежитъ не столько къ книгамъ историческимъ, сколько къ тѣмъ, кои косвеннымъ образомъ нападаютъ на Библію.

„И такъ, полагая, что христіанскому университету ни почему не свойственно распространять такія книги, я запретилъ печатаніе помянутой рукописи, предложивъ Совѣту университета возвратить по принадлежности и присланныя для сего деньги. Ибо ежели мы терпимъ печатаніе Алкорана, то потому только, что Правительство не возбраняетъ сего, а вновь выходящихъ сочиненій, служащихъ къ подкрѣпленію магометанства и ослабленію главнѣйшихъ Библейскихъ истинъ, по моему мнѣнію, печатать не слѣдуетъ. И потому въ правѣ почитаю себя сказать при семъ случаѣ, что Россійскому академику и христіанину Френу не надлежало бы принимать на себя обязанности распространять подобныя сочиненія.

„При чемъ честь имѣю представить переводъ первой тетради вышеозначенной рукописи".

Если въ это время Магницкій уже не пользовался болѣе въ глазахъ своего министра прежнимъ авторитетомъ, то онъ продолжалъ еще быть силенъ покровительствомъ могущественнаго графа Аракчеева, и это побудило князя Голицына дѣло объ обѣихъ книгахъ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ Магницкаго, довести сперва до свѣдѣнія Государя; послѣ чего, сдѣлавъ на докладѣ своемъ 17-го Іюня 1823 года, отмѣтку: „Высочайше указать со-

изволилъ дозволить напечатать Татарскую рукопись, а объ сочиненіи Коцебу переговорить съ г. Карамзинымъ", — онъ сообщилъ такую Высочайшую волю (30-го Іюня) и графу Румянцеву, который счелъ долгомъ отблагодарить князя слѣдующимъ письмомъ изъ Кіева, отъ 9-го Сентября 1823-го года:

„Окончивъ пребываніе свое у Кавказскихъ водъ, я рѣшился объѣхать весь Крымъ, что и исполнилъ, и потому только вчерашняго числа, по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, получилъ я то письмо, каковымъ Ваше Сіятельство меня удостоить изволили отъ 30-го Іюня. Премного Васъ, милостиваго государя моего, благодарю за то, что, ходатайствуя за меня, изволили испросить отъ Государя Императора милостиваго разрѣшенія, чтобы при Казанскомъ университетѣ напечатано было, на моемъ иждивеніи, на языкѣ Татарскомъ, сочиненіе Абулгази-Багадуръ Хана. Вы меня, милостивый государь мой, несказанно симъ одолжить изволили, и родили во мнѣ довѣренность, что, ходатайствуя за меня и въ отношеніи полнаго изданія Свитригайловой исторіи, усугубите благодѣяніе Ваше.

„Не поставьте мнѣ въ вину и дерзость, что не скрываю предъ Вами, сколь сильно я желаю, чтобы, по возвращеніи Государя Императора, Вы-бы ручались предъ Монархомъ за то чувство моей преглубочайшей благодарности, съ каковымъ принялъ я то всемилостивѣйшее вниманіе, съ каковымъ Его Императорское Величество принять изволилъ прошеніе мое о разрѣшеніи того препятствія, которое встрѣтилъ я, приступя къ напечатанію вышеупомянутой Татарской рукописи".

Послѣ этого, исторія Абуль-Гази была напечатана въ 1825-мъ году, въ Казани, подъ заглавіемъ: „Abul-ghasi-Bagadur-Chan, Historia Mongolorum et Tartarorum".

Что же касается Свитригайла, то его участь рѣшилась окончательно еще не скоро. Князь Голицынъ или забылъ или не захотѣлъ вновь переговорить объ этой книгѣ съ Карамзинымъ, а въ 1824-мъ году, 15-го Мая, былъ уволенъ отъ должности Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Такъ дѣло и продолжало лежать безъ всякаго движенія, тѣмъ болѣе что не было болѣе въ живыхъ графа Румянцева. Уже только 8-го Февраля 1826-го года, при новомъ царствованіи, возбудившемъ всѣ вѣдомства къ оживленной дѣятельности, преемникъ Голицына, А. С. Шишковъ, ссылаясь на прежнюю переписку, написалъ къ Карамзину: „Для исполненія Высочайшаго повелѣнія, я поставляю обязанностью покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сообщить мнѣ мысли Ваши въ разсужденіи дозволенія напечатать означенныя буллы, донынѣ нигдѣ еще у насъ не напечатанныя, при сочиненіи Коцебу, согласно желанію покойнаго графа Николая Петровича".

Но отвѣта отъ Карамзина не послѣдовало: онъ умеръ 26-го Мая 1826-го года.

Самому дѣлу не суждено однако было замереть. Имъ заинтересовался Д. Н. Блудовъ, въ то время Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія. 21-го Іюня 1827-го года онъ подалъ новому Министру князю Ливену слѣдующую записку: „Я знаю это дѣло по слухамъ: мнѣ про него говорили и покойный канцлеръ (графъ Н. П. Румянцевъ) и незабвенный нашъ исторіографъ (Н. М. Карамзинъ); но самъ я не читалъ ни буллъ, ни книги. Если г. Министру угодно поручить мнѣ, но только мнѣ, Блудову, а не Товарищу Министра, разсмотрѣть найденныя или изобрѣтенныя цензурою затрудненія, а буде можно сочинить и примѣчаніе для отстраненія оныхъ, то я готовъ за это взяться, изъ уваженія къ памяти Карамзина и Румянцева и изъ любви къ исторіи; разумѣется однако же, что мнѣ для сего будетъ нужно свободное время, котораго я теперь не имѣю. За тѣмъ пусть цензурный комитетъ разсмотритъ мою работу, какъ работу посторонняго. Если онъ и тог-

да будетъ упрямиться, то рѣшатъ или Министръ, или Государь".

Не смотря на такое заявленіе, дѣло пролежало снова цѣлыхъ два почти года безъ всякаго движенія, и не прежде какъ въ 1829-мъ году отъ Департамента Министерства былъ представленъ князю Ливену докладъ, въ которомъ, послѣ изложенія хода всего дѣла и добровольнаго вызова Блудова, прибавлялось: „но какъ Дмитрію Николаевичу не было досуга, то дѣло сіе остается нерѣшеннымъ".

Вслѣдствіе того князь Ливенъ, 5-го Марта 1829-го года, передалъ остававшійся столь долго нерѣшеннымъ вопросъ на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, которое обратилось опять къ Блудову, съ просьбою: „сообразить, какимъ образомъ замѣчанія митрополита Филарета и г. Исторіографа могутъ быть включены въ русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу въ приличныхъ мѣстахъ". Тогда уже Блудовъ приступилъ къ разсмотрѣнію рукописи, и въ засѣданіи Главнаго Управленія 20-го Марта сообщилъ, что̀, по его мнѣнію, для того чтобъ сочиненіе могло быть напечатано, надо прибавить къ предисловію переводчика и какія примѣчанія (вышеприведенныя замѣтки Карамзина) сдѣлать при буллахъ Папы Евгенія. По изъявленному и со стороны Главнаго Управленія на то согласію, послѣдовало наконецъ (3-го Апрѣля 1829-го года) разрѣшеніе: дозволить, при сочиненіи Коцебу въ Русскомъ переводѣ, напечатать и обѣ буллы Папы Евгенія, съ присоединенными къ нимъ объясненіями.

Такимъ образомъ послѣдняя преграда къ изданію книги, по видимому, переставала существовать, но надъ нею по прежнему тяготѣла какая-то особенная судьба. Отъ матеріальныхъ ли затрудненій, или по какой другой причинѣ, только переводъ Нестеровича (безъ имени переводчика) предварительно одобренный цензурою въ 1820-мъ и потомъ окончательно пропущенный упомянутымъ разрѣшеніемъ князя Ливена, въ 1829-мъ году, появился въ свѣтъ не прежде 1835-го. Онъ напечатанъ, подъ заглавіемъ: „Свитригайло, Великій Князь Литовскій, или дополненіе къ исторіямъ: Литовской, Россійской, Польской и Прусской, сочиненіе Августа Коцебу". Къ этому переводу приложенъ и переводъ всѣхъ буллъ и документовъ, находящихся въ Нѣмецкомъ оригиналѣ. Примѣчанія же Карамзина помѣщены на стран. 208 и 301 (приложенія).

(Сообщено барономъ М. А. Корфомъ)

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ СЕРГІЯ МИХАИЛОВИЧА ГОЛИЦЫНА,

записанные М. П. Полуденскимъ.

Между бумагами, поступившими въ Чертковскую библіотеку отъ покойнаго Михаила Петровича Полуденскаго (см. о немъ въ Р. Архивѣ 1868, стр. 1483—1488) находится тетрадка, въ которую онъ записывалъ достопамятные разсказы, слышанные имъ отъ старыхъ людей. Приводимъ извлеченные изъ этой тетради 33 разсказа большею частью князя С. М. Голицына, къ коему М. П. Полуденскій былъ съ дѣтства близокъ, благодаря старинной дружбѣ съ княземъ отца его, Петра Семеновича. Со словъ сего послѣдняго записаны первые семь анекдотовъ. Мы не знаемъ, на сколько измѣняла память разсказчикамъ; но за вѣрность передачи могутъ поручиться знавшіе М. П. Полуденскаго, во всѣ дѣйствія котораго входила крайняя точность и добросовѣстность. *П. Б.*

1.

Потемкинъ, почувствовавъ себя однажды не очень хорошо, послалъ своего адъютанта князя Циціанова за шубой. Циціановъ разсказывалъ, что онъ привезъ шубу, сжавши ее въ кулакѣ. Когда онъ явился, Потемкинъ

спросилъ: «гдѣ шуба?» — «Вотъ она!» отвѣчалъ князь Циціановъ, разжимая кулакъ.

2.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II-й Симоновъ монастырь былъ запечатанъ, а кельи превращены въ казармы; одна церковь была оставлена, въ которой полковой священникъ служилъ по праздникамъ. Купечество московское жалѣло о монастырѣ; градской глава Аѳанасій Ивановичъ Долговъ по совѣщаніи съ другими купцами рѣшился просить Императрицу перевести казармы; онъ увѣрялъ Императрицу, что въ ночь на свѣтлое Христово Воскресеніе, не смотря на то, что церковь была запечатана, въ ней видѣли освѣщеніе. Императрица согласилась перевести казармы, монастырь былъ снова открытъ, Аѳан. Иван. Долговъ обновилъ его и положилъ 200 т. капиталу на его содержаніе.

3.

Однажды у раскольниковъ, въ царствованіе Петра I-го, шла обѣдня; послѣ обѣдни, ихъ архимандритъ Никонъ, которому они вѣрили какъ пророку, говорилъ проповѣдь; въ это время вошелъ въ церковь Петръ со свитою. Архимандритъ остановился и сказалъ: «Отнынѣ нѣтъ обѣдни, Нѣмчинъ пришелъ!» Съ этого времени и образовалась секта Безобѣденныхъ, которые не служатъ обѣдни, убѣжденные, что она не нужна.

4.

Петръ I-й издалъ указъ, запрещавшій хоронить въ колодахъ: для сбереженія лѣсовъ, ибо изъ одной колоды можно напилить досокъ на нѣсколько гробовъ.

5.

Въ Звѣнигородѣ былъ городничій Макшѣевъ, который сгонялъ священника съ амвона, когда онъ хотѣлъ говорить проповѣдь: «Пошелъ, я самъ скажу», говаривалъ онъ и становился передъ налоемъ; проповѣдь его обыкновенно состояла въ обращеніи къ будошникамъ; иныхъ онъ называлъ мошенниками, другихъ выставлялъ какъ-бы въ примѣръ.

6.

Когда открыли мощи Димитрія Ростовскаго, то раскольники, не признавая его за святаго, подослали поставить свѣчу къ мощамъ, начиненную порохомъ. Случайно это было открыто.

7.

Въ царствованіе Екатерины II-й, Сенатъ положилъ рѣшеніе, которое Императрица подписала. Этотъ подписанный приказъ перешелъ отъ генерала-прокурора къ оберъ-прокурору, отъ этого къ оберъ-секретарю, отъ этого къ секретарю, и такимъ образомъ онъ перешелъ въ экспедицію. Въ этотъ день въ экспедиціи былъ дежурнымъ какой-то приказный подъячій; когда онъ остался одинъ, то послалъ сторожа за виномъ и напился пьянъ. При чтеніи бумагъ попалось ему въ руки подписанное Императрицею рѣшеніе. Когда онъ прочелъ «быть по сему», онъ сказалъ: «врешь, не быть по сему». Онъ взялъ перо и исписалъ всю страницу этими словами: «врешь, не быть по сему», и легъ спать. На другое утро онъ пошелъ домой, въ экспедиціи нашли эту бумагу и обмерли со страха. Поѣхали къ генералъ-прокурору (тогда князю Вяземскому); онъ съ этой бумагой поѣхалъ къ Импе-

ратрицѣ и бросился ей въ ноги: «Что такое?» спросила она. «У насъ несчастіе», сказалъ Вяземскій. «Пьяный дежурный испортилъ вашъ приказъ.» «Ну чтожъ?» сказала Государыня. «Я напишу другой, но я вижу въ этомъ перстъ Божій: должно быть мы рѣшили не правильно; пересмотрите дѣло». Дѣло пересмотрѣли, и на самомъ дѣлѣ оно было неправильно рѣшено.

8.

Когда при Императорѣ Наполеонѣ былъ Русскимъ посланникомъ графъ Петр. Александр. Толстой, то однажды Наполеонъ сказалъ ему: Въ Москвѣ и Петербургѣ есть католическія церкви, въ которыхъ поминаютъ Русскаго Императора, то почему не поминаютъ меня въ Русской церкви, находящейся въ Парижѣ? Я хочу, чтобъ за меня молились и въ Русской церкви, какъ въ католической Московской и Петербурской молятся за Русскаго Государя. Результатъ этихъ словъ былъ тотъ, что въ Русской церкви въ Парижѣ за большимъ выходомъ поминали послѣ Александра Павловича и царской фамиліи—Наполеона.

9.

Когда везли въ Москву тѣло Александра I., то для принятія его были присланы кн. Юсуповъ и кн. Куракинъ. Они хотѣли поставить тѣло въ Успенскомъ соборѣ, въ которомъ чрезъ нѣсколько времени послѣ должна была совершиться коронація. Кн. С. М. Голицынъ былъ въ то время въ Петербургѣ; онъ собирался уже въ Москву и пришелъ проститься съ Государемъ Николаемъ, который велѣлъ ему придти къ себѣ на другой день. На другое утро кн. С. М. отправился во дворецъ; тамъ встрѣтилъ онъ Серафима, митрополита. Государь позвалъ кн. С. М. и говоритъ ему: «Ты знаешь, Юсуповъ повздорилъ въ Москвѣ съ Филаретомъ. Юсуповъ татаринъ, а Куракинъ недалекъ». Юсуповъ хотѣлъ въ Архангельскомъ соборѣ надъ мощами и гробницами царей сдѣлать полъ, на который поставить катафалкъ. Государь сказалъ кн. С. М.: «Ты ѣдишь въ Москву, тамъ можетъ быть бунтъ, скажи князю Дмитрію Владим. Голицыну, чтобъ онъ принялъ мѣры. Когда ввезутъ тѣло въ Москву, если захотятъ отпрягать лошадей у колесницы, то не позволять, а дозволить только купцамъ 1-й гильдіи нести гробъ. Въ Москву привезенъ изъ Калуги образъ чудотворный къ какому-то купцу, стеченіе народа бываетъ ужасное, то прекратить стеченіе и образъ взять; развѣ Филаретъ не знаетъ, что въ чуму за образъ убили архіерея? Въ третьихъ, въ Москвѣ въ домѣ Исленьева есть прачка, которая проповѣдуетъ, что будетъ бунтъ, убьютъ Государя и будетъ царствовать мой сынъ Александръ, то схватить прачку. Гр. Петру Алекс. Толстому скажи, чтобы, когда повезутъ по улицамъ тѣло, то чтобы войска стояли бы только по одной сторонѣ, дабы въ случаѣ бунта можно бы было стрѣлять. Когда присягнутъ войска, то тотчасъ прислать мнѣ курьера.» Кн. С. М. Голицынъ уѣхалъ въ Москву и исполнилъ порученіе Государя. Князь Дм. Влад. сказалъ, что бунта быть не можетъ, а гр. Толстой то же сказалъ: «Пустое, бунта не будетъ.»

Когда Государь пріѣхалъ короноваться въ Москву, онъ жилъ въ Александріи. Императрицѣ Маріи Ѳедор. не было мѣста во дворцѣ, ей искали нанять дачу, но не нашли. Когда она умерла, Николай Павловичъ горько плакалъ, говоря, что ее убила Турец-

кая война, которой она умоляла Государя не начинать. Константина Павловича очень любила и называла его отреченіе весьма благороднымъ поступкомъ, любила и жену его Ловичь и дѣлала ей подарки, а въ завѣщаніи оставила ей бриліантовую діадему, написавъ: *à ma belle fille.*

10.

Въ царствованіе Императора Павла въ Петербургѣ была Іезуитская коллегія, начальникомъ ея (маршаломъ) былъ аббатъ Груберъ, котораго Павелъ любилъ, и онъ входилъ къ нему безъ доклада и во всякое время.

Разъ Государь съ Императрицей пошелъ гулять въ садъ; встрѣтился Груберъ, Павелъ разговорился съ нимъ: «Eh bien, vous avez beaucoup d'élèves?» спросилъ онъ его. «Oui, Sire, et beaucoup des premières familles».—«Est-ce que vous les menez à notre Eglise? Notre prêtre vient-il chez vous?»—«Comment donc, Sire, quelquefois nos frères étant occupés, ils vont à l'Eglise Catholique et plusieurs d'entre eux voyant les rites de notre religion voudraient même se faire catholiques». Павелъ отскочилъ отъ него, взмахнулся тростью и сказалъ: «Si vous avez de pareilles intentions, savez vous qu'il n'y aura pas assez de place pour vous en Siberie», затопалъ ногами: «вонъ его, вонъ его!»

11.

Князь С. М. Голицынъ, припоминая сегодня кончину Павла Петровича, разсказывалъ, что наканунѣ Государь ужиналъ въ половинѣ девятаго. Въ этотъ день въ кабинетъ поставили три новыхъ зеркала. Государь ходилъ и шутилъ съ ужинавшими. «Какія мнѣ зеркала повѣсили! Куда ни посмотрю, все у меня лицо кривое, все на боку»—C'est en attendant, Votre Majesté, отвѣчалъ Юсуповъ [1]). За ужиномъ Великій Князь Александръ чихнулъ. Павелъ всталъ и сказалъ: Que Dieu vous bénisse, Monseigneur [2]). Ужинъ, какъ обыкновенно, кончился въ половинѣ десятаго. Заведено было, что всѣ выходили въ другую комнату, и прощались съ Государемъ, который въ 10 часовъ бывалъ уже въ постели. Въ этотъ вечеръ онъ также вышелъ въ другую комнату, но ни съ кѣмъ не простился, а сказалъ только: «Чему быть тому не миновать!» Вотъ какое предчувствіе имѣлъ императоръ Павелъ.

12.

Д. С. Совѣтникъ Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ (дѣдъ кн. С. М. Голицына) присутствовалъ при вскрытіи мощей св. Димитрія царевича и видѣлъ сжатую руку святаго, державшую орѣхи, которыми младенецъ игралъ передъ смертью.

13.

Д. С. С. Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ находился при кончинѣ Петра Великаго. Петръ I собралъ весь синодъ и сказалъ ему, что онъ умираетъ, не будучи виновенъ въ смерти царевича Алексѣя Петровича и что послѣдній умеръ ударомъ, которымъ Богъ наказалъ его за его дѣйствія. Святѣйшій Синодъ спросилъ Государя: кого онъ назначаетъ въ наслѣдники престола? Петръ отвѣчалъ, что Богъ самъ назначитъ. Послѣ его смерти Меншиковъ и Екатерина со-

[1]) Т. е. Это на время.—Дворецъ еще не былъ совсѣмъ отдѣланъ.

[2]) Т. е. Да благословитъ Васъ Богъ, Ваше Высочество.

чинили и обнародовали мнимое желаніе Государя назначить Императрицу наслѣдницею престола.

14.

Императрица Екатерина II нюхала только тотъ табакъ, который сѣяла сама въ Царскомъ Селѣ и никогда не носила съ собой табакерки, а онѣ лежали на всѣхъ столахъ и окошкахъ.

15.

Когда король Польскій Станиславъ Августъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то его встрѣчали у дачи княгини Литты; въ числѣ посланныхъ къ нему навстрѣчу былъ и кн. С. М. Голицынъ. Всѣ ѣхали въ восьмистекольныхъ каретахъ; передъ тѣмъ, какъ выѣхать за нимъ, Имп. Павелъ вѣлѣлъ проѣхать мимо дворца, чтобы видѣть поѣздъ. При встрѣчѣ, камергеръ NN, въ аннинской лентѣ, на колѣняхъ подалъ королю кофей; онъ былъ въ синемъ мундирѣ, съ бархатнымъ воротникомъ и въ андреевской лентѣ. Короля привезли во дворецъ. Имп. Павелъ сошелъ нѣсколько ступеней, и Императрица также; тутъ они обнялись, потомъ король обѣдалъ у нихъ. На выходахъ Императрица давала одну руку Императору, а другую Королю. Онъ жилъ слишкомъ четыре года въ Петербургѣ. Однажды въ Эрмитажѣ былъ театръ. Король опоздалъ. Император. Павелъ разсердился на него, и съ тѣхъ поръ начались неудовольствія. Во время совершенія обряда коронаціи, король, удрученный подагрою, сѣлъ. Императоръ Павелъ велѣлъ ему встать. Когда король умеръ, то его хоронили съ тѣмиже почестями, какъ и Императрицу Екатерину: Павелъ самъ командовалъ войскомъ, чтобъ отдать честь покойному; схоронили его въ католической церкви, въ С. Петербургѣ, тамъ же, гдѣ впослѣдствіи положенъ Моро̀.

16.

Послѣ Тильзитскаго мира посланникомъ отъ Французскаго двора былъ присланъ Савари. Во дворцѣ былъ маскерадъ. Императрица Марія Ѳед. играла въ карты, у ея стула сидѣлъ кн. С. М. Голицынъ; въ сосѣдней комнатѣ очень зашумѣли. Императрица послала кн. Гол. посмотрѣть что̀ такое. Онъ вышелъ и видитъ, что около Савари собрался кружокъ. Князь возвратился и докладываетъ, что Савари разговариваетъ. На другой день Императрица призываетъ князя и говоритъ ему: Pourquoi ne m'avez-vous dit la vérité hier à propos de Savary? [3]) Онъ отвѣчаетъ, что онъ ничего особеннаго не знаетъ; Императрица ему говоритъ: Il est entré dans la chambre; en me voyant jouer, il a demandé ce que c'était; on lui dit: l'Imperatrice joue aux cartes. Alórs il a dit: «Ce n'est que la vieille», et il s'en alla [4]). Императрица обидѣлась этимъ, позвала Императора Алекс. Павл. и сказала ему: Voilà ce que Savary a dit; je veux que vous le renvoyez. Императоръ сказалъ: Maman, pardonnez lui; viendra bientôt le temps où nous nous vengerons [5]).

17.

Гр. Разумовскій жилъ въ Батуринѣ; разъ скакалъ курьеръ мимо, его дома съ извѣстіемъ о кончинѣ Румян-

---

[3]) Отчего вы мнѣ не сказали правду о Савари?

[4]) Онъ вошелъ въ комнату, и видя, что я играю, спросилъ, что̀ это̀ значитъ. Ему сказали: „Императрица играетъ въ карты“. Тогда онъ сказалъ: „Это старая!“ и ушелъ.

[5]) Вотъ что сказалъ Савари; я хочу, чтобъ вы его отослали.—Простите ему, матушка; наступитъ скоро время, когда мы отплатимъ за себя.

цева и заѣхалъ къ нему, спрашивая, не будетъ ли какихъ порученій къ Императору: «Скажи, что и я умеръ», сказалъ старикъ.

18.

Когда скончалась Екатерина, смерть ея не произвела на народъ никакого впечатлѣнія, и когда унимали извощиковъ, игравшихъ передъ дворцомъ, они говорили: «Пора ей умереть, вишь сколько процарствовала!»

19.

Когда должны были везти изъ Москвы тѣло Государя Александра Павловича, то въ тотъ день утромъ была обѣдня; во время обѣдни, народъ требовалъ позволенія везти колесницу на себѣ (это было запрещено Государемъ Николаемъ). Тогда кн. Дм. Влад. Голицынъ и Петръ Александр. Толстой вышли къ народу и уговорили ихъ тѣмъ, что это дозволятъ имъ отъ заставы до Петровскаго дворца; и дѣйствительно, за заставой по 800 человѣкъ впрягивались въ колесницу и везли на себѣ. Кучеръ Илія сидѣлъ на козлахъ; такая была тишина, что муха пролетѣла бы, было бы слышно.

Тѣло Государя Александра Павловича должно было быть поставлено въ Царскомъ Селѣ. Государь Николай Павловичъ отправился на встрѣчу въ деревню за Царское Село, гдѣ со свитой ожидалъ поѣзда и когда онъ сталъ видѣнъ, то онъ вдвоемъ съ Принцемъ Оранжскимъ пошелъ пѣшкомъ на встрѣчу. Это было въ Февралѣ. Передъ кортежомъ ѣхалъ Левашовъ верхомъ. Государь махнулъ рукой, кортежъ остановился; онъ подошелъ къ колесницѣ, упалъ на снѣгъ и горько плакалъ; хотѣли поднять его, но онъ не соглашался. Потомъ Принцъ Оранжскій обнялъ гробъ и рыдалъ надъ нимъ; это продолжалось съ полчаса. Государь пошелъ пѣшкомъ за гробомъ, въ деревнѣ къ нимъ присоединилась свита, въ Царскомъ Селѣ онъ принялъ тѣло; послѣ обѣда всѣхъ выслали и открывали гробъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, но она увидѣла одну перчатку; просила, чтобъ ее сняли, но и этого не могли сдѣлать.

20.

Императрица Екатерина очень испугалась Французской революціи, призвала Петербургскаго оберъ-полицеймейстера Рылѣева и сказала ему, что во Франціи есть партія Якобинцевъ въ красныхъ колпакахъ, то чтобъ онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли въ Петербургѣ такихъ. Рылѣевъ вышелъ изъ дворца и ѣдетъ разъ по адмиралтейской площади, на которой въ третьемъ этажѣ жилъ отставной Французской генералъ; этотъ генералъ въ халатѣ и въ красномъ колпакѣ сидѣлъ у окна. Рылѣевъ остановился и прямо пошелъ къ нему, велѣлъ ему одѣться и ѣхать съ нимъ во дворецъ; старикъ испугался, но поѣхалъ. Рылѣевъ привелъ его къ Императрицѣ; она изумилась, спрашиваетъ, что̀ такое; Рылѣевъ объяснилъ, что онъ сидѣлъ въ красномъ колпакѣ, и потому онъ его взялъ. Императрица, разбранивъ Рылѣева, удвоила получаемую генераломъ пенсію: вмѣсто 2000 назначила 4000 и отпустила его.

21.

По середамъ и по пятницамъ Императрица Екатерина кушала постное и въ эти дни обѣдала въ маленькихъ апартаментахъ съ весьма немногими. Разъ пріѣхалъ въ Петербургъ братъ Императрицы Маріи Ѳедоровны. Ека-

терина пригласила его и кн. Николая Васильевича Репнина обѣдать. Идя въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ, въ дверяхъ Репнинъ хотѣлъ сперва пропустить Виртембергскаго Принца, а Принцъ (потому что былъ чиномъ ниже Репнина) не хотѣлъ пройдти первый; но, видя, что Репнинъ не идетъ, а Императрица дожидается, прошелъ первый и сѣлъ возлѣ нея. За обѣдомъ она разговаривала съ Принцемъ, а съ Репнинымъ ни слова; князь Н. В. это замѣтилъ. Такъ кончился обѣдъ. Вечеромъ Императрица позвала Репнина и сказала ему: «Зачѣмъ Вы сперва пустили Принца; вы генералъ-аншефъ и старше его: Вы должны были пройдти первый, это потому что онъ братъ Великой Княгини? Я этихъ подлостей не люблю.»

22.

При императрицѣ Екатеринѣ была шутовка Матрена Даниловна, чрезъ которую она узнавала все, чтò дѣлалось въ Петербургѣ. Эта шутовка все жаловалась на оберъ-полицеймейстера Рылѣева, который дѣйствительно былъ не далекъ. Императрица позвала Рылѣева и сказала ему: «На тебя Матрена Данил. все жалуется; пошли ей на праздникъ куръ и гусей.» Чрезъ нѣсколько времени шутовка является и не нахвалится Рылѣевымъ. Императрица сказала: «Знаю, знаю, что онъ тебѣ прислалъ куръ и гусей.»

23.

Былъ при дворѣ балъ; кн. С. М. Голицынъ танцовалъ Польской, всѣ должны были проходить мимо Павла. Когда Польской кончился, Павелъ подозвалъ князя. «Знаешь ли ты, чтò этотъ старикъ сдѣлалъ?» — «Я не знаю, о комъ Вы изволите говорить, Ваше Величество», отвѣчалъ князь.—«Ну вонъ этотъ (старикъ), знаешь, чтò онъ сдѣлалъ?» — «Я танцовалъ и ничего не видалъ», отвѣчалъ князь.— «Онъ танцовалъ съ Великой Княжной и не снялъ шпаги; поди скажи ему, что онъ дуракъ и спроси его, на какомъ основаніи онъ это сдѣлалъ». Князь подошелъ къ старику и говоритъ ему: «Mr le comte, je dois remplir une triste commission, mais l'Empereur est très courroucé contre vous.... Тотъ испугался: Qu'ai-je donc fait?—Vous aves dansé avec une des Grandes Duchesses sans oter l'épée et Il m'a chargé de vous demander par quel motif vous l'avez fait. Старикъ отвѣчалъ: Je ne sais que Lui répondre, mais j'ai entierement oublié. На другой день Павелъ спросилъ: Avez vous rempli ma commission?—Oui, sire, mais seulement à moitié.—Pourquoi?—Quand je lui ai dit que Votre Majesté était mecontent de lui, il a tellement changé, que j'ai craint qu'il n'ait un coup. Павелъ взялъ его за руку и сказалъ: «Ну спасибо, а все при случаѣ скажи ему, что онъ дуракъ» [6]).

24.

Въ 1795 году, кн. С. М. Голицынъ былъ капитанъ гвардіи. Разъ онъ былъ дежурный и стоялъ вечеромъ въ дверяхъ бриллiантовой комнаты, гдѣ императрица играла въ карты съ Александр. Сергѣев. Страгоновымъ, Ник. Петров. Архаровымъ и графомъ Стакельбергомъ. Играли по имперіалу.

---

[6]) Графъ, я долженъ выполнить печальное порученіе; но государь очень на васъ прогнѣванъ. Что-жъ такое я сдѣлалъ?—Вы танцовали съ Великою Княжною не снявши шпагу, и онъ приказалъ мнѣ спросить, за чѣмъ вы такъ поступили. - Я не знаю чтò ему отвѣчать, но я совсѣмъ забылъ.—Исполнили вы мое порученіе?—Да, государь, но только вполовину. Почему?—Когда я сказалъ, что Ваше Величество недовольны имъ, онъ измѣнился въ лицѣ и я боялся, что съ нимъ сдѣлается ударъ.

Строгоновъ проигрывался, сердился, наконецъ бросилъ карты, и сталъ ходить по комнатѣ. «Съ вами играть невозможно, вамъ легко проигрывать, а мнѣ каково!» говорилъ онъ Н. П. Архаровъ испугался и всплеснулъ руками. Императрица сказала ему: «Не пугайтесь, Николай Петровичь, 50 лѣтъ таже исторія!» Графъ Строгоновъ, походивши немного, опять сѣлъ. Немного погодя, императрица спросила его: Qui estce jeune capitaine dela garde à la porte?—C'est le prince Galitzin, le fils d'un tel.—Ah oui, j'aurai dû le reconnoitre par sa ressemblance avec son père; велѣла подать князю кресло и посадила его, а проходя мимо сказала ему: Y a-t-il longtemps que vous avez des nouvelles de votre père? Quand vous lui écrirez, rappelez moi à son bon souvenir [7]). Всю эту ночь князь пробѣгалъ то къ Зубову, который жилъ на одномъ концѣ дворца, то къ Павлу, который жилъ на другомъ, давая извѣстія о повышеніи Невы; послѣ этой ночи, онъ просился быть переведенымъ въ камеръ-юнкеры, чтò и было сдѣлано.

25.

Императоръ Николай не любилъ Louis Philippe и въ 1848 году радовался Французской революціи, онъ говорилъ: Je préfére une république à un gouvernement constitutionnel [8]). Въ это время онъ очень полюбилъ Ламартина.

26.

Петръ III не позволялъ Императрицѣ Екатеринѣ нюхать табакъ и носить табакерки, потому она просила кн. Голицына (отца кн. Сергія Мих.) садиться за обѣдомъ возлѣ нея и угощать ее табакомъ тихонько подъ столомъ. Разъ Петръ III замѣтилъ это и ужасно разсердился на Голицына, позвалъ его послѣ обѣда къ себѣ и разбранилъ.

27.

Послѣ обѣда, описаннаго въ Запискахъ княгинею Дашковой, гдѣ Петръ III обидѣлъ Императрицу, Екатерина ушла къ себѣ и очень плакала. Петръ послалъ къ ней кн. Голицына (отца кн. Сергія Мих.) утѣшать ее и просить прощенія. Кн. Голицынъ пошелъ къ ней и долго утѣшалъ ее: она все плакала и не рѣшалась простить мужа, говоря: Aujourd'hui je le pardonnerai, et demain il recommencera ses avanies [9]). Наконецъ Петръ прислалъ къ ней за Голицынымъ; тутъ она велѣла ему сказать, что проститъ его. Петръ пришелъ, сталъ на колѣни и поцѣловалъ у нея руку.

28.

По смерти Императрицы Екатерины II, кабинетъ ея былъ запечатанъ нѣсколько дней; императоръ Павелъ Петровичь позвалъ Вел. Кн. Александра Павловича, князя Александ. Борисов. Куракина и (кажется) Ростопчина и велѣлъ имъ открыть кабинетъ и разобрать бумаги. Александръ Павловичь съ Куракинымъ и Растопчинымъ втроемъ отправились въ кабинетъ; тамъ нашли они между прочимъ дѣло о Петрѣ III, перевязанное черною ленточкою и завѣщаніе Екатерины, въ которомъ она говорила о совершенномъ отстраненіи отъ пре-

[7]) Кто это у дверей молодой гвардейскій капитанъ?—Это князь Голицынъ, сынъ такаго-то.—Ахъ да. Я должна была его узнать: онъ такъ похожъ на отца своего!—Давно ли имѣете вы извѣстія отъ батюшки? Когда будете ему писать, скажите, что я ему посылаю мой привѣтъ.

[8]) Я предпочитаю республику ограниченному правленію.

[9]) Нынче я прощу его, а завтра онъ возобновитъ свои оскорбленія.

стола Вел. Кн. Павла Петровича, вступленіи на престолъ Вел. Кн. Александра Павловича, а до его совершеннолѣтія назначала регентшею Вел. Княгиню Марію Ѳеодоровну. Александръ Павловичь по прочтеніи сего завѣщанія обратился къ Куракину и Ростопчину и взялъ съ нихъ клятву, что они объ этомъ завѣщаніи умолчатъ; послѣ этого онъ бросилъ завѣщаніе въ топившуюся печку. По возвращеніи къ Павлу Петровичу, онъ спросилъ ихъ что они нашли; они сказали ему. Потомъ онъ спросилъ: «Нѣтъ ли чего обо мнѣ?» — «Ничего нѣтъ», отвѣчалъ Александръ Павловичь. Тогда Павелъ перекрестился и сказалъ: «Ну, слава Богу!»

29.

Императоръ Александръ Павловичь уѣзжалъ въ Таганрогъ, съ намѣреніемъ прислать оттуда свое отреченіе.

30.

Виртембергскій король прислалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ костыль, осыпанный брилліантами; императрица никогда не употребляла этотъ костыль, но его всегда возили изъ Петербурга въ Гатчину. Камеръ-юнферы Императрицы по вечерамъ въ Гатчинѣ гуляли съ гусарами; они разъ взяли этотъ костыль съ собою, неизвѣстно какъ потеряли этотъ костыль и свалили на кучеровъ, что будто они украли при перевозкѣ. Императрица позвала своего шталмейстера Сергѣя Ильича Муханова и говоритъ ему, что у него вотъ какіе кучера воры. Мухановъ разсердился и отвѣчалъ Императрицѣ: Я за своихъ кучеровъ отвѣчаю, а костыль потеряли ваши дѣвицы, я это разъищу». И дѣйствительно нѣсколько времени спустя, нашли въ кабакѣ обломанную ручку костыля безъ каменьевъ.

31.

Въ первый годъ восшествія Императора Павла на престолъ, 6-го Января былъ крестный ходъ на Іордань на Неву; въ этотъ день было 17 градусовъ мороза съ вѣтромъ; всѣ шли въ однихъ мундирахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ; многіе этого не вынесли: князь Адамъ Чарторижскій упалъ во время церемоніи, многіе переболѣли. Въ тотъ же день вечеромъ былъ куртагъ, и Павелъ сказалъ: «Я слышалъ, что сегодня многіе не вынесли мороза, а мнѣ было жарко».

32.

Въ день коронаціи Павла вечеромъ онъ заставилъ всѣхъ стариковъ танцовать менуетъ въ Грановитой Палатѣ.

33.

По смерти Екатерины, Павелъ хотѣлъ вырыть Петра III и послалъ спросить объ этомъ Митрополита Гавріила, который ему сказалъ, что этого не слѣдуетъ на основаніи словъ: чти отца и матерь твою. Не смотря на то, Павелъ приказалъ вырыть, но никто не зналъ гдѣ именно схороненъ Петръ; одинъ старожилъ-монахъ Невской Лавры указалъ на одну могилу: должно быть тутъ. Покойника отрыли и понесли въ дворецъ, и всѣ должны были прикладываться къ почти истлѣвшимъ костямъ.

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО КЪ ГРАФУ М. Ю. ВІЕЛЬГОРСКОМУ *).

1844. 4. февр. н. с. Дюссельдорфъ.

Мой милый Михаилъ, ты, Вяземскій, Карамзины и всѣ мои друзья Петербургскіе конечно думаете, что

*) Печатается съ подлинника, хранящагося у графа В. А. Соллогуба.

я умеръ; анъ нѣтъ, вы ошибаетесь: живъ курилка! Можетъ быть, вы думаете, что я васъ забылъ или какъ нибудь менѣе вашъ, какъ то было въ старину, анъ нѣтъ опять ошибаетесь: не забылъ и вашъ, вашъ, по старому и въ мирной моей семейной жизни память о васъ и о вашей дружбѣ тепла въ моемъ сердцѣ, можетъ быть еще и теплѣе прежняго, ибо въ этомъ сердцѣ отъ жизни прошлой осталось только ея лучшее, отборное; а все пустое, не стоющее ни любви, ни воспоминанія, изъ него вывалилось. Правда, другое заступило мѣсто этого пустаго валежнику, и это другое носитъ святое имя жены, дочери и всего, что составляетъ ихъ необходимый кортежъ; но это *новое*, наполняя сердце, не стѣсняетъ его, напротивъ даетъ въ немъ гостепріимный просторъ всему лучшему, милому прежнему: вотъ почему ты и твои, Вяземскій и его, мои безцѣнные Карамзины, съ воспоминаніемъ или лучше сказать съ религіею воспоминанія о *немъ*, чистомъ сердцемъ, видящемъ теперь Бога—вы, мои друзья, мое прежнее доброе, живы у меня въ сердцѣ, и вамъ тамъ просторнѣе прежняго. Мнѣ весело, сладко вспоминать о васъ, глядя на добрую жену мою, нося на рукахъ дочку свою или собесѣдуя съ моимъ удивительнымъ Гомеромъ. А писать къ вамъ я еще не научился. Да и вы сами этой науки не знаете. Ты, мой любезнѣйшій сіятельный тюфякъ, не увѣдомилъ меня даже о пребываніи твоихъ въ Ниццѣ; а я узналъ объ этомъ отъ Гоголя, который тамъ съ ними дѣлитъ солнце, обращающееся здѣсь ежедневно въ туманъ при своемъ восхожденіи. Вяземскій не пишетъ не только ко мнѣ, но даже и къ Тургеневу, къ которому не писать нельзя, ибо онъ стрѣляетъ въ него пудовыми эпистольными ядрами. Отъ Карамзиныхъ нѣтъ ни строки давно, давно... но передъ ними я болѣе виноватъ нежели предъ вами, ибо ихъ прелестныя, одинъ разъ порадовавшія меня письма оставлены мною безъ отвѣта. Но все это ничего не значитъ относительно, такъ сказать, нашей взаимной любви; а жаль только того, что самъ себя голодать заставляешь. Скажи имъ обо мнѣ; а самъ принудь себя, понатужься и порадуй дружескимъ письмомъ, не письмецомъ, а письмомъ и скажи, что со всѣми вами дѣлается. Толкни и Вяземскаго, чтобы онъ великодушно написалъ ко мнѣ не въ отвѣтъ на мое письмо, а на отвѣтъ отъ меня. И Карамзинымъ бы не худо полакомить мою душу: я разумѣю Е. А. и С. Н.; но этого не будетъ. Уже не толкнуться ли тебѣ къ Н. Я. Плюсковой? И передъ нею на душѣ моей грѣхъ. Но попробуй, авось она окажется великодушною. А я помню объ ней неизмѣнно.

О своихъ похожденіяхъ писать мнѣ тебѣ нечего. Всѣ дни мои, слава Богу, похожи одинъ на другой—идутъ свѣтло и тихо. Туманитъ ихъ иногда болѣзнь жены, которая все еще не миновалась: боль въ боку, наслѣдство родовъ. Я возилъ ее въ Эмсъ; онъ отчасти сдѣлалъ добро, но вѣроятно надобно будетъ еще разъ къ нему прибѣгнуть; эта необходимость побуждаетъ меня переселиться во Франкфуртъ, гдѣ отдамъ жену на руки доктору Коппу. Въ Апрѣлѣ моя резиденція будетъ во Франкфуртѣ. Впрочемъ Коппъ успокоиваетъ меня на счетъ болѣзни жены. И дѣйствительно, противъ прежняго года ей гораздо лучше. За то дочка моя цвѣтетъ и будетъ прелесть: вся въ меня по словамъ жены. И младшая сестра ея

Одиссея не ударитъ лицемъ въ грязь: надѣюсь обѣими похвастать по пріѣздѣ моемъ къ вамъ.

Родіоновъ отдастъ тебѣ экземпляры Наля и Дамаянти, слѣдующіе къ поднесенію Царской Фамиліи. Возьми на себя этотъ трудъ. Экземпляры Императрицѣ и Александрѣ Николаевнѣ отдашь при письмахъ, которыя здѣсь прилагаю. Остальные: Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Константину, Михаилу и Николаю Николаевичамъ. Такъ же В. К. Михаилу Павловичу, Еленѣ Павл. и тремъ ихъ Великимъ Княжнамъ. Надобно ли Императору? Сдѣлай это самъ. Очень обяжешь, если возьмешь на себя эти хлопоты.

Еще просьба: здѣсь есть артистъ-скульпторъ съ великимъ талантомъ и съ великою пустотою кармана; имя ему Нордгеймъ. Ему бы хотѣлось побывать въ Италіи и поклониться антикамъ въ Ватиканѣ и Капитоліи, и во Флоренціи, и въ Неаполѣ. А ѣхать туда не съ чѣмъ Онъ вздумалъ сдѣлать мой бюстикъ по приложенному рисунку, въ круглой рамѣ, такъ что можетъ быть повѣшенъ на всякой стѣнѣ: словомъ, онъ-хочетъ сдѣлать изъ меня висѣльника и за это нажить денегъ. Нельзя ли тебѣ кликнуть въ Петербургѣ кличь между своими и моими знакомыми, собрать подписку и, что̀ важнѣе, деньги и прислать мнѣ эти деньги. Цѣна бюсту три рубля серебромъ, или простѣе 10-ть ассигнаціями. Можешь вѣрно набрать подписчиковъ 50; а Великимъ Князьямъ и Княжнамъ шепни, чтобъ дали по 50 руб. асс. Императрица дастъ и болѣе. Увѣдомь, возмешься-ли это сдѣлать? Тогда сто̀итъ только собрать деньги и ихъ мнѣ прислать, назначивъ сколько экземпляровъ бюстиковъ въ свое время доставить тебѣ. Доставленіе—мое дѣло.

Отвѣчай немедленно и увѣдомь о своихъ Ниццкихъ.

Императрицѣ поднеси экземпляръ безъ письма. Возми у Фишера экземпляры для себя, Вяземскаго, Екатерины Андреевны и Натальи Яковлевны и раздай отъ меня.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА ДЕ БАЛЬМЕНА,

Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ на островѣ Святыя Елены. *)

MISSION DE S-te HÉLÈNE.

1818 годъ.

I.

S-te Hélène ce 8 Janvier 1818 n. st. Par le Phaéton frégate. Capt. Steanfield.

Au commencement d'Octobre dernier, le gouverneur, ainsi que je l'ai mandé dans mon rapport sub № 21, étendit les limites de Longwood et donna aux Français plus de liberté. Depuis, il s'est relâché sur divers autres points. Il a consenti à ce que Bonaparte sortit de son enceinte sans être accompagné d'un officier Anglais; mais sous condition expresse qu'il le préviendrait la veille de l'endroit où il voudrait aller. Il lui a offert aussi d'ajouter à son

*) См. Русскій Архивъ 1868.

habitation la campagne de Miss Masson, qui n'en est distante que d'une mille et où il y a de l'ombre. Enfin tout allait le mieux du monde, lorsque Bertrand représenta, que, du temps de l'amiral Cockburn, les invitations et autres billets de l'Empereur aux voyageurs, militaires, habitants de l'ile, étaient remis à leur adresse cachetés, que personne n'en prenait connaissance, et demanda que cela fut retabli également. Ceci brouilla les affaires de Longwood, car le gouverneur rejeta bien loin cette proposition et, comme on répondit vertement à son refus, il perdit patience et menaça Bertrand de le chasser. Alors Bonaparte, outré de colère et de dépit, déclara positivement qu'il ne bougerait pas de sa chambre et écrivit au dos de la dernière lettre de sir Hudson Lowe une apostille que j'ai transcrite ci-après et qui mit fin à ces débats.

«Cette lettre, celles du 26 Juillet et du 26 Octobre derniers sont pleines de mensonges. Je me suis renfermé dans mon appartement depuis dix huit mois pour me mettre à l'abri des outrages de cet officier. Aujourd'hui ma santé est affaiblie, elle ne me permet plus de lire de si degoûtants écrits. Ne m'en remettez plus. — Soit que cet officier se croie autorisé par des instructions secrètes et verbales de son ministre, comme il l'a fait entendre, soit qu'il agisse de son propre mouvement, ce que l'on pourrait arguer du soin qu'il prend à se déguiser, je ne puis le traiter que comme mon assassin; si l'on eut envoyé dans ce pays un homme d'honneur, j'aurais éprouvé quelques tourments de moins sans doute, mais on se fut épargné bien des reproches de l'Europe et de l'histoire que le fatras d'écrits de cet homme astucieux ne saurait tromper. 23 Novembre 1817.“

V. E. trouvera ci-joint la copie de deux lettres détachées ayant relation à la même affaire. Je n'ai pas pu encore avoir les autres, non plus que celles du gouverneur.

I.

Св. Елена, 8 Янв. 1818 н. ст., съ фрегатомъ Фаэтонъ, капитанъ Стенфильдъ.

Въ началѣ прошлаго Ноября губернаторъ, какъ уже сказано въ моемъ донесеніи подъ № 21, расширилъ границы Лонгвуда и далъ Французамъ болѣе свободы. Съ тѣхъ поръ, онъ смягчился относительно разныхъ другихъ пунктовъ. Онъ согласился на то, чтобы Бонапартъ выходилъ изъ своей ограды, не будучи сопровождаемъ Англійскимъ офицеромъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, что-бы ему давали знать наканунѣ, въ какое мѣсто онъ намѣренъ отправиться. Онъ предложилъ ему также присоединить къ его жилищу дачу Миссъ Массонъ, отстоящую отъ него лишь на милю, и при которой есть тѣнь. Словомъ, все шло какъ нельзя лучше, какъ вдругъ Бертранъ представилъ, что, во время адмирала Кокбурна, приглашенія и иныя записки императора къ путешественникамъ, къ военнымъ, къ жителямъ острова отдавались по адресу запечатанными, что никто ихъ не просматривалъ, и потребовалъ, что-бы и этотъ порядокъ былъ возстановленъ. Это запутало Лонгвудскія дѣла, ибо губернаторъ безусловно отвергъ это предложеніе, и такъ какъ на этотъ отказъ былъ полученъ рѣзкій отвѣтъ, то онъ потерялъ терпѣніе и погрозилъ Бертрану, что онъ его прогонитъ. Тогда Бонапартъ, раздосадованный и разгнѣванный, объявилъ положительно, что онъ не выйдетъ изъ своей комнаты, и написалъ на оборотѣ послѣдняго письма сэра Гудсона Лоу приписку, которую я тутъ переписываю и которая положила конецъ этимъ препираніямъ.

„Это письмо, и письма отъ 26 Іюля и 26 Октября прошлаго года исполнены

лжи. Я, вотъ уже осемнадцать мѣсяцовъ, заперся въ моихъ комнатахъ, что-бы оградить себя отъ оскорбленій этого офицера. Теперь мое здоровье ослабѣло; оно не позволяетъ мнѣ болѣе читать такія отвратительныя писанія. Болѣе мнѣ ихъ не вручайте. Считаетъ-ли себя этотъ офицеръ уполномоченнымъ секретными, изустными инструкціями своего министра, какъ онъ давалъ это понять, или онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію, что̀ можно было бы заключить изъ тщательнаго его притворства, во всякомъ случаѣ не могу обращаться съ нимъ иначе, какъ съ моимъ убійцею. Если-бы послали сюда честнаго человѣка, я конечно испыталъ-бы нѣсколько менѣе мученій, но за то избѣгли-бы многихъ упрековъ отъ Европы и отъ исторіи, которую не обманетъ весь ворохъ нелѣпыхъ писаній этого лукаваго человѣка. 23 Ноября 1817".

В-е С-во найдете при семъ копіи съ двухъ отдѣльныхъ писемъ, относящихся къ тому-же дѣлу. Я не могъ еще получить остальныхъ, а также писемъ губернатора.

II.

S-te Hélène ce 15 Janvier 1818 n. st. Par le Leveret brig, capt. Theed.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E un bulletin etc. M-r Farquhar, gouverneur de l'Ile de France, se rendant en congé à Londres est arrivé à S-te Hélène le 3 de ce mois et en est reparti le 8. Il y sollicita avec instance une entrevue à Longwood et fit à l'exemple de tous ses compatriotes la visite d'usage au C-te Bertrand; mais celui-ci, ne voulant pas même l'annoncer à Bonaparte, lui répondit sèchement, que l'Empereur était malade, ennuyé, dégouté et ne voyait personne. Ce procédé humilia M-r Farquhar et déplut fort à sir Hudson Lowe. Il en est encore tout en colère.

Depuis environ quatre mois, Bonaparte a changé deux fois de train de vie. En Octobre et Novembre il dînait à 9½ heures et se couchait à 10. Maintenant, il dîne à 3 heures et ne fait qu'un repas pas jour. Le Dimanche il invite ses Français à dîner. Les autres jours il dîne seul et comme il n'a plus de soirées, M-mes Bertrand et Montholon ne le voient presque pas. La nuit, Marchand, son valet de chambre, lui fait la lecture, et il la passe moitié au lit, moitié dans un bain chaud. Le jour, quand il n'est pas assoupi, il écrit, joue aux échecs, essaie de tout, ne s'arrete à rien, baille et s'ennuie.

Dans mes notes sur la lettre de Montholon du 23 Aout 1816, j'ai dit que Bonaparte lisait tous les journaux, qu'on lui en envoyait autant qu'il en arrivait d'Europe. Je tenais cette information des autorités Anglaises. Mais j'ai su après, qu'on ne lui donnait ni les journaux de France ni ceux de l'opposition en Angleterre, hors quelques numéros détachés du Morning Chronicle. Ceci ne fait que l'irriter davantage.

On a dit en Europe que Lord Amherst avait remis au Prince Régent une lettre de Bonaparte; cela est faux. Il n'y a eu de lettre envoyée de Longwood que celle à Lord Liverpool, dont il est fait mention dans mon rapport sub № 22. L'Empereur, me dit Bertrand à ce sujet, a l'âme fière, élevée. Il est entier en ses opinions et, ayant à se plaindre du P-ce Régent, il ne s'abaissera pas à lui écrire. C'est à l'Empereur Alexandre, si l'occasion s'en présentait, qu'il ferait un tableau de nos malheurs, car il aime ce Prince. Il a grande confiance en son secours et lui reconnait de belles qualités. Bertrand voulait m'insinuer qu'on me chargerait volontiers d'une lettre pour notre Auguste Maitre. Mais je feignis de ne par deviner sa pensée

et gardai un sérieux qui le déroula. Ce qui est vrai, c'est que Bonaparte eut un long entretien avec Lord Amherst sur les affaires de Longwood. Il lui dépeignit le caractère du gouverneur, lui fit lire sa correspondance et les restrictions du 9 Octobre 1816.

Si vous étiez à ma place, lui demanda-t'il, sortiriez vous, verriez vous du monde? que feriez vous? Parlez franchement, en homme d'honneur? Le C-te Montholon m'a assuré que le noble Lord répondit: «Je ferais comme vous».

Lorsqu'on raconta à Bonaparte l'affaire du colonel Latapie, il n'en voulut rien croire et dit: C'est un fait qu'on a controuvé pour autoriser les vexations de sir Hudson Lowe.

II.

Св. Елена 15 Янв. 1818 н. ст. съ бригомъ Леверетъ, кап. Тидъ.

Честь имѣю препроводить при семъ бюллетень и т. д. Г. Фаркюгаръ, губернаторъ Иль-де-Франса, отправляясь въ отпускъ въ Лондонъ, прибылъ на Св. Елену 3-го сего мѣсяца и выѣхалъ отсюда 8-го. Онъ настоятельно ходайтатствовалъ о допущеніи въ Лонгвудъ, и по примѣру своихъ соотечественниковъ, сдѣлалъ обычный визитъ графу Бертрану; но этотъ послѣдній, не согласившись даже доложить о немъ Бонапарту, сухо отвѣтилъ ему, что Императоръ боленъ, раздраженъ, утомленъ и никого не принимаетъ. Этотъ способъ дѣйствія оскорбилъ г-на Фаркюгара и очень не понравился сэру Гудсону Лоу. Гнѣвъ его по этому поводу до сихъ поръ не прошелъ.

Въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцовъ, Бонапартъ два раза измѣнялъ образъ жизни. Въ Октябрѣ и Ноябрѣ онъ обѣдалъ въ 9½ часовъ и ложился въ 10. Теперь, онъ обѣдаетъ въ 3 часа и ѣстъ только разъ въ день. Въ воскресенье онъ приглашаетъ къ обѣду своихъ Французовъ. Въ прочіе дни, онъ обѣдаетъ одинъ, и такъ какъ онъ болѣе не даетъ вечеровъ, то г-жи Бертранъ и Монтолонъ почти его не видятъ. Ночью, Маршанъ, его каммердинеръ, читаетъ ему въ слухъ, и онъ проводитъ ночь на половину въ постели, на половину въ теплой ваннѣ. Днемъ, когда онъ не дремлетъ, онъ пишетъ, играетъ въ шахматы, принимается за все, ни на чемъ не останавливается, зѣваетъ и скучаетъ.

Въ моихъ замѣткахъ на письмо Монтолона отъ 23-го Августа 1816-го года, я сказалъ, что Бонапартъ читаетъ всѣ журналы, что ему посылаютъ ихъ столько, сколько ихъ приходитъ изъ Европы. Эти свѣдѣнія были получены мною отъ Англійскихъ властей. Но впослѣдствіи я узналъ, что ему не даютъ ни Французскихъ журналовъ, ни оппозиціонныхъ Англійскихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ номеровъ Morning Chronicle. Это лишь еще болѣе раздражаетъ его.

Въ Европѣ говорили, что лордъ Амгерстъ вручилъ Принцу-Регенту письмо отъ Бонапарта; это несправедливо. Изъ Лонгвуда только и было отправлено письмо къ лорду Ливерпулю, о которомъ упоминается въ моемъ донесеніи подъ № 22. „У императора, говорилъ мнѣ Бертранъ по этому поводу, душа гордая, возвышенная. Онъ цѣленъ въ своихъ убѣжденіяхъ и, имѣя поводъ быть недовольнымъ Принцемъ-Регентомъ, онъ не унизится до того, что-бы писать къ нему. Если-бы представился на то случай, то онъ начертилъ-бы картину нашихъ бѣдствій Императору Александру, ибо этого Государя онъ любитъ. Онъ сильно довѣрнетъ его заступничеству и признаетъ его высокія качества.“ Бертанъ хотѣлъ дать мнѣ понять, что мнѣ охотно поручили-бы письмо къ нашему Августѣйшему Повелителю. Но я притворился, что не угадываю его мысли и сохранилъ сдержанность, которая сбила его съ толку. Правда то, что Бонапартъ имѣлъ длинный разговоръ съ лордомъ Амгерстомъ о Лонгвудскихъ

дѣлахъ. Онъ описалъ ему характеръ губернатора, далъ ему прочесть его переписку и стѣснительныя правила 9 Октября 1816 года.

„*Если-бы вы были на моемъ мѣстѣ,* спросилъ онъ его, *стали-бы вы выѣзжать, принимать гостей? Говорите откровенно, какъ честный человѣкъ?* Графъ Монтолонъ увѣрялъ меня, что благородный лордъ отвѣчалъ: „Я поступалъ-бы, какъ вы.“

Когда разсказали Бонапарту дѣло полковника Латапи, онъ не хотѣлъ вѣрить, и сказалъ: „*Это фактъ, который выдумали для того, что-бы оправдать притѣсненія сэра Гудсона Лоу.*“

III.

S-te Hélène ce 25 Janvier 1818 n. st. Par le Leveret brig, capt. Theed.

J'ai reçu ce matin un bulletin de Longwood etc. Etant malade depuis environ quinze jours, je n'ai vu personne, ni rien appris de nouveau. On m'a dit seulement que Gourgaud, ne pouvant s'accorder avec Montholon, a demandé à Bonaparte la permission de retourner en Europe et que celui-ci a répondu:

Ce n'est pas la peine, mon ami. Patientez un peu. Encore douze mois, et vous m'enterrerez.

III.

Св. Елена, 25 Янв. 1818 н. ст. съ бригомъ Леверетъ, кап. Тидъ.

Я получилъ ныньче утромъ бюллетень изъ Лонгвуда, и т. д. Будучи боленъ вотъ уже около двухъ недѣль, я никого не видѣлъ и ничего новаго не узналъ. Мнѣ сказали только, что Гурго́, не съумѣвши сладить съ Монтолономъ, попросилъ у Бонапарта позволенія вернуться въ Европу, и что этотъ послѣдній отвѣчалъ:

Не стоитъ, другъ мой. Потерпите немного. Еще двѣнадцать мѣсяцовъ, и вы меня схороните.

IV.

S-te Hélène ce 18 Fevrier 1818 n. st. Par le William Pitt de la C. des Indes. Capt. Grame.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. deux bulletins etc. Le général Gourgaud, qui depuis longtemps est en querelle avec le C-te Montholon, fit ces jours derniers la sottise de l'appeler en duel. Bonaparte défendit à celui-ci de se battre et voulut faire arrêter l'autre. Il y eut bien du vacarme à ce sujet. Enfin Gourgaud, désespérant de donner à Montholon un coup d'épée, quitta brusquement Longwood le 13 de ce mois. Le gouverneur l'a établi dans une petite maison de campagne près de Plantation-House. Il y déclame contre son ancien maitre d'une manière indécente. On ne parle pas encore de son retour en Europe. Bonaparte ne regrette pas cette perte. Gourgaud est un peu mauvaise tête; c'est un vrai soldat qui ne se retient sur rien. Ne connaissant pas encore tous les détails de son affaire avec Montholon, je me réserve d'en écrire longuement à la prochaine occasion. V. E. trouvera sous ce pli la copie de plusieurs lettres qu'il vient de me communiquer.

Les menées des Bonapartistes à Fernambouc donnent de vives alarmes à sir Hudson Lowe. Il travaille sans relâche aux fortifications de S-te Hélène, place de nouveaux télégraphes et batteries en divers endroits et a doublé les postes à Longwood. Je le vois toujours à cheval, entouré d'ingénieurs et courant à bride abattue de tous côtés. On ne saurait le blâmer de son extrême vigilance, mais il la pousse aussi trop loin et tombe dans le ridicule, car il n'y a aucun danger réel. Que ferait-il de plus s'il était en présence de l'ennemi? Un objet essentiel et dont il ne s'occupe guère, c'est l'ap-

provisionnement des troupes. Depuis environ un mois le soldat est à demie-ration de pain, et les chevaux n'ont plus de fourrage. Nous manquons de tout sur ce rocher, nous y sommes comme au bivouac, vivant au jour le jour, et il ne s'en inquiète point, car il n'a qu'une idée en tête: la garde de Bonaparte.

IV.

Св. Елена, 18 Февр. 1818 н. ст., съ Вилліамъ Питтомъ Остъинд. комп., кап. Гремъ.

Честь имѣю препроводить два бюллетеня и т. д. Генералъ Гургò, который давно въ ссорѣ съ гр. Монтолономъ, на дняхъ сдѣлалъ глупость вызвать его на дуэль. Бонапартъ запретилъ графу драться и хотѣлъ, что-бы другаго арестовали. Много было шума изъ-за этого дѣла. Наконецъ Гургò, видя, что ему не удастся пронзить своею шпагою Монтолона, вдругъ оставилъ Лонгвудъ 13-го этого мѣсяца. Губернаторъ помѣстилъ его на маленькой дачѣ близъ Плантешенъ-Гоуза. Тутъ онъ самымъ неприличнымъ образомъ ораторствуетъ противъ своего прежняго господина. Еще не говорятъ о его возвращеніи въ Европу. Бонапартъ не жалѣетъ объ этой утратѣ. Гургò нѣсколько сорви-голова, это настоящій солдатъ, ни въ чемъ себя не сдерживающій. Не зная еще всѣхъ подробностей его дѣла съ Монтолономъ, предоставляю себѣ написать о немъ подробнѣе при ближайшемъ случаѣ. В-е С-во найдете въ этомъ конвертѣ копіи съ нѣсколькихъ писемъ, которыя онъ только что мнѣ сообщилъ.

Происки бонапартистовъ въ Фернамбукѣ сильно озабочиваютъ сэра Гудсона Лоу. Онъ безъ устали трудится надъ укрѣпленіями Св. Елены, ставитъ въ разныя мѣста новые телеграфы и баттареи, и удвоилъ караулы въ Лонгвудѣ. Я постоянно вижу его верхòмъ, окруженнаго инженерами и мчащагося галопомъ то туда, то сюда. Нельзя порицать его крайней бдительности, но онъ таки заходитъ въ ней слишкомъ далеко и впадаетъ въ смѣшное, ибо никакой истинной опасности нѣтъ. Чтò могъ-бы онъ сдѣлать бòльшаго, если бы онъ былъ передъ лицомъ непріятеля? Вещь весьма существенная и которою онъ вовсе не занимается, это подготовка провіанта для войскъ. Вотъ уже около мѣсяца, какъ солдаты сидятъ на полу-порціи хлѣба, и какъ у лошадей нѣтъ корма. Мы на этой скалѣ во всемъ терпимъ недостатокъ, мы на ней какъ на бивакѣ, живемъ со дня на день, а онъ объ этомъ не заботится, ибо у него въ головѣ лишь одна мысль—устеречь Бонапарта.

V.

S-te Hélène ce 27 Fevrier 1818 n. st. Par le Camden de la C. des Indes. Capt. Larkins.

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. un bulletin etc. Le docteur O'Meara et M-me Bertrand m'ont donné sur l'affaire du général Gourgaud les détails suivants. Il y a longtemps que Bonaparte le voit de mauvais oeil et l'a éloigné d'auprès de lui. L'humeur inquiète et chagrine de cet officier l'en ont dégouté. Il l'a même pris en aversion et trouve du plaisir à le vexer, à le bien mortifier et à le pousser à tout. Gourgaud, désolé de sa disgrace, ne cessait de s'en plaindre à Bonaparte.

«Je vous ai servi, lui dit-il un jour, avec zèle et fidélité. Je vous ai sacrifié ma liberté, mon existence entière, et vous m'abandonnez.»

«Bah! répondit l'autre, où sont vos pertes, vos malheurs? Votre sort est heureux. J'ai perdu mon Empire, ma gloire. Voilà des revers, et je ne dis mot. Mais vous êtes mou, faible. Vous me faites pitié.»

Gourgaud eut beau pleurer et se lamenter: il ne rentra plus en faveur et tomba dans le désespoir. Il s'en prit

d'abord à Bertrand de ce qui lui arrivait, puis à Las Cases, enfin à Montholon et les appela l'un après l'autre en duel. Jaloux de Bonaparte comme de sa maitresse, il s'attaquait à tous ceux qui en étaient bien vus et mieux traités que lui. Il accusa jusqu'aux valets de cabaler, d'intriguer contre lui, de conspirer sa perte. Nul Français à Longwood n'échappa à son humeur noire et mélancolique. On a cru un moment que sa tête s'embarassait, qu'il devenait fou. On avait peur de lui, aussi n'est-il pas regretté du tout.

Avant de s'en séparer, Bonaparte lui offrit 500 liv. sterg. d'argent de voyage, 12,000 francs de pension et lui dit:

«Si le sort me ramène en France ou quelque part en Europe, venez m'y trouver. Je vous accueillerai.»

—«Oui, s'ecria Gourgand, j'irai à la rencontre de V. M., mais avec un fusil à deux coups.» C'est une incartade bien extravagante.

Le gouverneur fait un pompeux éloge de Gourgaud. Il l'élève jusqu'aux nues. «C'est un homme, dit-il, de grand jugement, incapable d'intrigues, de bassesse et qui jamais n'a violé les réglements.» Que n'ajoute-t'il: «un homme qui, étant brouillé avec Bonaparte et en querelle avec ses compatriotes, parait approuver ma conduite illibérale envers eux, me donner raison sur tout, être ma créature?» Voilà au fond ce qui lui fait aimer, estimer, prôner ce général.

V.

Св Елена, 27 Февр. 1818 н. ст., съ Камденомъ, Остъинд. комп., кап. Ларкинсъ.

Честь имѣю препроводить при семъ В-у С-у бюллетень, и т. д. Докторъ О'Меара и г-жа Бертранъ сообщили мнѣ о дѣлѣ генерала Гурго̀ слѣдующія подробности. Наполеонъ уже давно смотритъ на него непріязненно и удалялъ его отъ себя. Безпокойный и тоскливый характеръ этого генерала надоѣлъ ему. Онъ даже возненавидѣлъ его и находилъ удовольствіе въ томъ, что-бы оскорблять, унижать его, доводить его до крайностей.

„Я служилъ вамъ - сказалъ онъ ему однажды—съ усердіемъ и вѣрностію. Я пожертвовалъ вамъ своею свободою, всѣмъ моимъ существованіемъ, и вы меня покидаете.“

„*Ахъ*! отвѣчалъ тотъ, *гдѣ-же ваши утраты, ваши несчастія? Ваша судьба завидна. Я утратилъ мою Имперію, мою славу. Вотъ несчастія, а я не говорю ни слова. Но вы дряблы, слабы. Вы мнѣ жалки.*“

Напрасно Гурго плакалъ и жалобился, онъ не вошелъ болѣе въ милость и впалъ въ отчаяніе. Сперва онъ обвинялъ Бертрана въ томъ, что̀ съ нимъ дѣлается, затѣмъ Ласъ-Каза, наконецъ Монтолона, и одного за другимъ вызывалъ на дуэль. Ревнивый къ Бонапарту, какъ къ любовницѣ, онъ накидывался на всѣхъ тѣхъ, кто у него на хорошемъ счету и съ кѣмъ онъ обходился лучше, чѣмъ съ нимъ. Онъ даже и лакеевъ обвинялъ въ томъ, что они строятъ козни, интригуютъ, хотятъ его погубить. Ни одинъ Французъ въ Лонгвудѣ не избѣжалъ его мрачныхъ подозрѣній. Одну минуту думали, что его мысли путаются, что онъ сходитъ съ ума. Его боялись, и по этому о немъ нисколько не жалѣютъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, Бонапартъ предложилъ ему 500 ф. стерл. на дорогу, 12,000 франковъ пенсіи, и сказалъ ему:

„*Если судьба приведетъ меня во Францію или куда-либо въ Европу, явитесь ко мнѣ. Я васъ пріиму.*“

—„Да, воскликнулъ Гурго̀, я пойду на встрѣчу къ В-у В-ву, но съ двуствольнымъ ружьемъ.“ Какова выходка!

Губернаторъ пышно восхваляетъ Гурго̀. Онъ превозноситъ его до небесъ. „Это человѣкъ, говоритъ онъ, съ здравымъ сужденіемъ, неспособный на ин-

триги, на низости, никогда не нарушавшій постановленій.“ Зачѣмъ не прибавитъ онъ: человѣкъ, который, перессорившись съ Бонапартомъ и со всѣми своими соотечественниками, по видимому одобряетъ мое нелиберальное поведеніе относительно ихъ, во всемъ соглашается со мною, становится моею креатурою?“ Вотъ, въ сущности, что заставляетъ его любить, уважать, превозносить этого генерала.

VI.

S-te Hélène ce 14 Mars 1818 n. st. Par le Camden de la C. des Indes. Capt. Larkins.

Le g-l Gourgaud est parti ce matin pour l'Angleterre à bord d'un vaisseau de la comp-e des Indes. On ne l'a pas envoyé préalablement au Cap de Bonne Esperance. C'est une faveur toute particulière. On croit à S-te Hélène qu'il a une mission secrète de Bonaparte, que sa brouillerie à Longwood n'est qu'une pure comedie, un moyen adroit de tromper les Anglais et qu'on devrait s'en méfier davantage. Je ne suis point de cet avis-là. Gourgaud est imprudent, il connait peu les hommes et encore moins les affaires. On ne pourrait, sans risquer infiniment, le charger d'un rôle difficile. Il se trahirait lui-même à chaque instant.

Le sieur Cipriani, Corse de nation et maitre d'hôtel à Longwood, vient de mourir d'une inflammation d'entrailles. Bonaparte en est vivement affecté. Il l'aimait beaucoup, s'en amusait quelquefois et s'entretenait familièrement avec lui. C'etait un favori. «Si on l'enterrait dans mon enceinte, dit-il en soupirant, j'aurais la consolation d'assister à ses funérailles.» Cipriani de son côté le servait avec un zèle, un dévouement sans exemple. Il l'avait suivi à l'ile d'Elbe.

VI.

Св. Елена, 14-го Марта 1818 н. ст., съ Камденомъ Остъинд комп. кап. Ларкинсъ.

Генералъ Гурго уѣхалъ сегодня утромъ въ Англію на кораблѣ Индійской компаніи. Его не послали предварино на Мысъ Доброй Надежды. Это особенная милость. На Св. Еленѣ думаютъ, что у него есть тайное порученіе отъ Бонапарта, что ссора въ Лонгвудѣ — чистая комедія, ловкій способъ обмануть Англичанъ, и что слѣдовало-бы менѣе довѣрять ему. Я не того мнѣнія. Гурго неостороженъ, онъ не знаетъ людей, еще менѣе знаетъ дѣла. Нельзя было-бы, безъ крайняго риска, поручить ему трудную роль. Онъ ежеминутно выдавалъ-бы самого себя.

Господинъ Чипріяни, Корсиканецъ по рожденію и метръ-дотель въ Лонгвудѣ, умеръ на дняхъ отъ воспаленія въ кишкахъ. Бонапартъ этимъ живо огорченъ. Онъ очень любилъ его, иногда забавлялся имъ и запросто съ нимъ разговаривалъ. Онъ былъ изъ любимцевъ. „*Если-бы его похоронили въ моей оградѣ*, сказалъ онъ вздыхая, *я имѣлъ-бы утѣшеніе присутствовать при его похоронахъ*“. Чипріяни съ своей стороны служилъ ему съ безпримѣрнымъ усердіемъ и преданностію. Онъ ѣздилъ за нимъ на островъ Эльбу.

VII.

S-te Hélène ce 16 Mars 1818 n. st. Par le Bombay de la Comp-e des Indes. Capt. Hamilton.

Lorsque le g-l Gourgaud quitta l'ile de S-te Hélène, il n'avait que 17 liv. sterg. en poche. Bonaparte, ainsi que je l'ai mandé à V. E. dans mon rapport sub № 6, lui en offrit 500 ou 12000 francs. Mais il les refusa net en disant: «Je ne veux devoir à V. M. que sa pension de 12000 fr., qui me sert à entretenir ma famille.» Bertrand voulut aussi lui en prêter 200, l'il les refusa également.

J'eus beau lui représenter, qu'en donnant trop d'essor à sa mauvaise humeur et à son ressentiment, il risquait de rester à sec en Angleterre.

«Les 500 liv. sterg., me disait-il, sont trop pour mes besoins et pas assez pour mon honneur. L'Empereur en a donné autant à son piqueur, à des valets, qui retournaient chez eux, et Las Cases en a obtenu $^{200}/_{m}$ fr. Je vendrai ma montre, mes habits, mais je ne ferai pas de bassesse. Pour le C-te Bertrand, priez le de me rendre les 20 liv. qu'il me doit, je ne lui en demande pas davantage, et rappelez lui surtout que je suis dans une position à jouer l'Empereur par dessous jambe, que je puis révéler ses secrets, que mon journal de Longwood vaut à Londres $^{15}/_{m}$ liv. sterg. et qu'il est important de ne pas me pousser à bout.»

Trois jours avant son départ, n'ayant pas de quoi payer ses gens, son équipement, il devint sombre, mélancolique, baissa furieusement de ton et se décida enfin à écrire au G-d Maréchal la lettre que V. E. trouvera ci-jointe en copie. Bertrand lui fit répondre que la maison Balcombe et Comp. serait autorisée à lui délivrer 500 liv. st., que s'il s'obstinait à les refuser, personne ne lui prêterait le sou, ou que ce serait manquer à l'Empereur. Il lui renvoya en même temps sa dette de 20 liv.

Gourgaud, ne sachant où donner de la tête, alla à cheval jusqu'au grand poste de Longwood et pria le lieutenant Jackson, son surveillant, d'entrer chez Bertrand, de lui faire mille protestations d'amitié et de le lui amener. Mais celui-ci refusa de le voir, de l'entendre, de lui écrire et fut inéxorable. V. E. trouvera sous ce pli la copie d'un rapport de Jackson, relatif à ce fait. Réduit à la derniere extrémité, Gourgaud accepta les 500 liv. de Bonaparte, courut incontinent chez Balcombe, ne le trouva pas à son comptoir, le chercha inutilement en ville, à la campagne, de tous côtés et partit le même jour sans savoir ni où, ni quand il toucherait son argent.

Le lendemain Bonaparte, en les lui assignant sur un banquier de Londres, dit à Bertrand:

«Qu'on ne me parle plus de cet homme. C'est un fou. Il était jaloux, amoureux de moi. Que diable, je ne suis pourtant pas sa femme et ne puis coucher avec lui. Il écrira contre nous. Je le sais et m'en moque. Si on le revoit en France, il sera enfermé, pendu ou fusillé.»

Il est sûr que Gourgaud, quand il a la tête montée, peut courir à sa perte. «A Waterloo, me disait-il un jour, j'ai voulu tuer l'Empereur, lui tirer un coup de pistolet. Je ne sais ce qui m'a arrêté. A Paris en 1814 j'étais parmi les tapageurs. J'ai crié: Vive Napoléon! et me suis battu en duel avec les étrangers.» Ceci achève de le peindre.

Après son éloignement de Longwood, il eut toute liberté de nous voir et était fort assidu auprès de M-r de Stürmer. Il lui parlait sans cesse, souvent à tort et à travers, de Bonaparte et de sa suite. Le commissaire d'Autriche a pris note de tous ses entretiens, et voici mot pour mot ce qu'il en écrit au P-ce Metternich.

—Qu'a dit Bonaparte de la mort de la P-sse Charlotte?

Gourgaud. «Il la regarde comme un malheur de plus dans sa position. Tout le monde sait que la P-sse de Galles a pour lui une admiration presque fanatique. Il espérait que lorsque sa fille serait montée sur le trône, elle profiterait de l'empire qu'elle avait sur elle pour le faire transporter en

Angleterre. Une fois là, disait-il, je suis sauvé. Il m'a dit en apprenant cette nouvelle: Eh bien, voilà encore un coup imprévu. C'est ainsi que la fortune déjoue tous nos projets.

—«Parle-t-il quelquefois de son avenir?»

Gourgaud. «Il est persuadé qu'il ne restera pas à S-te Hélène et s'obstine à croire que le parti de l'opposition parviendra à l'en tirer.»

—Que pense-t'il des Bourbons?»

Gourgaud. «Il prétend que Louis XVIII est révolutionnaire et que par sa conduite il s'expose aux plus grands dangers. Ce n'est pas ainsi, dit-il, que s'opèrent les changements de dynastie. La prudence voulait qu'il se défit de tous mes maréchaux. Il fallait mettre hors d'état tout ce qui n'était point de son parti. La Bédoyère et le Maréchal Ney n'étaient pas les seuls dangereux.

—«Parle-t'il de sa femme et de son fils?

Gourgaud. «Il se plaint de Marie Louise. Selon lui elle n'aurait jamais dû quitter Paris en 1814. Au lieu de M-me Montebello, c'était, dit-il, M-me Beauveau que j'aurais du placer auprès d'elle: elle l'aurait dirigée autrement, et les choses n'en seraient pas là. Il est persuadé qu'il serait encore sur le trône s'il avait épousé une G-de Duchesse de Russie. Il parle sonvent de son fils, surtout depuis quelque temps.»

—«Pensez vous qu'il puisse s'échapper d'ici?»

Gourgaud. «Il en a eu dix fois l'occasion, et il l'a encore au moment même où je vous parle.»

—«Je vous avoue que cela me parait impossible.»

Gourgaud. «Et que ne fait on pas quand ou a des millions à sa disposition? Au reste, quoique j'aie à me plaindre de l'Empereur, je ne le trahirai jamais. Je le répète, il peut s'évader seul et aller en Amérique quand il le voudra. Je n'en dirai pas davantage.

—«S'il le peut, que ne le fait-il? L'essentiel est d'être hors d'ici.»

Gourgaud. «Nous le lui avons tous conseillé. Il a toujours combattu nos raisons et y a résisté. Quelque malheureux qu'il soit ici, il jouit secrètement de l'importance qu'on met à sa garde, de l'intérêt qu'y prennent toutes les Puissances de l'Europe, du soin que l'on met à receuiller ses moindres paroles etc. Il nous a dit plusieurs fois: Je ne peux plus vivre en particulier. J'aime mieux être prisonnier ici, que libre aux Etats Unis.

—«Continue-t-il à écrire son histoire?»

Gourgaud. Il en écrit des fragments, mais il est probable qu'il ne l'achèvera jamais. Quand on lui demande s'il ne veut pas que l'histoire le peigne tel qu'il a été, il répond qu'il est souvent plus avantageux de se laisser deviner que de se mettre trop à découvert. Il parait aussi que ne regardant pas ses grandes destinées comme finies, il ne veut pas dévoiler des plans, dont l'exécution n'a pas été entièrement achevée et qu'il peut reprendre un jour avec succès».

—«Qui de vous a rédigé les observations sur le discours de Lord Bathurst?»

Gourgaud. «L'Empereur lui même. Il nous en a dicté la plus grande partie. Il serait heureux qu'il s'en fut tenu là; mais vous verrez incessamment paraitre à Londres de prétendues lettres écrites par des capitaines de vaisseaux marchands et dans lesquelles on parle beaucoup de l'Empereur. Elles

sont de lui. Le styte en est plat, les détails puérils, la conception mauvaise. Vous aurez peine à croire, par exemple, que l'ouvrage publié sous le nom de Santini soit de lui.»

—«Comment est-il dans son intérieur?»

Gourgaud. «Excellent avec ses domestiques, cherchant à donner du relief à tout ce qui l'entoure, élevant très haut les petits talents de ceux qui en ont et en prêtant à ceux qui n'en ont point.»

—«Quelle est son attitude avec les personnes de sa suite?»

Gourgaud. «Celle d'un souverain absolu. Je l'ai souvent vu jouer cinq heures de suite aux échecs et souffrir que nous fussions debout pendant tout ce temps à le regarder».

Gourgaud, qui a assuré au baron Stürmer que Bonaparte avait eu dix fois l'occasion de s'èvader de S-te Hélène, a fait à d'autres personnes la même confidence et leur a dit en outre: que Bonaparte pouvait s'échapper dans un panier de linge sale, dans un tonneau de bière, une caisse de sucre, que ce moyen avait été proposé et mis en délibération à Longwood. Il a répété ces sottises à tous les coins de rue, en assurant toujours qu'il ne trahirait pas l'Empereur. Mais il n'a rien su dire de plus, et on s'est moqué de lui.

A Varsovie Bonaparte disait: «du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas». A S-te Hélène il répète deux fois par jour: «du Capitole à la roche Tarpéienne il n'y a qu'un pas.» Quand il est de bonne humeur et fort en train de causer, ce qui ne lui arrive pas souvent, il fait signe à Bertrand ou à Montholon de s'asseoir près de lui et ne manque jamais de leur dire: «Prends un siège, Cinna, prends et sur toute chose» etc. Il aime la tragédie française et déclame assez bien. Quand il est d'humeur chagrine ou seulement ennuyé, il se promène autour de son billard, s'exerce à en chasser les billes de la main et chante un petit air Italien: «Fra Martino, fra Martino, suona la campana, suona la campana.» Quelquefois aussi il fait parler Marchand, son valet de chambre, et lui parle des nouvelles et caquets de la ville ou bien de détails de la cuisine et du ménage.

P. S. Le Gouverneur m'envoie à l'instant même la copie ci-jointe d'une lettre qu'il a écrite au Marquis de Montchenu pour lui recommander le g-l Gourgaud et faciliter son retour en France.

VII.

Св. Елена, 16 Марта 1818 н. ст., съ Бомбеемъ Остъинд. комп. Кап. Гамильтонъ.

Когда генералъ Гурго оставилъ островъ Св. Елены, у него въ карманѣ было только 17 ф. стерл. Бонапартъ, какъ я писалъ в-му с-ву въ моемъ донесеніи подъ № 6, предлагалъ ему ихъ 500 или 12000 франковъ. Но онъ отказался на отрѣзъ, говоря: „Хочу быть обязаннымъ В-у В-ву лишь пенсіею въ 12000 франковъ, необходимою мнѣ для содержанія моего семейства.“ Бертранъ также хотѣлъ дать ему въ займы 200 фунтовъ, и онъ также отказался.

Напрасно представлялъ я ему, что, слишкомъ давая волю своей досадѣ и своему гнѣву, онъ рискуетъ въ Англіи сѣсть на мель.

„Эти 500 ф. стерл.,—возражалъ онъ мнѣ,—слишкомъ много для моихъ нуждъ и не довольно для моей чести. Императоръ давалъ столько-же своему охотнику, лакеямъ, возвращавшимся домой, а Ласъ-Казъ получилъ отъ него 200 тысячь франковъ. Я продамъ мои часы, мое платье, но унижаться не стану. Чтó до графа Бертрана, то попросите его отдать мнѣ 20 фунтовъ, которые онъ мнѣ долженъ; большаго я отъ него не требую, и главное, напомните ему,

что въ моей власти съиграть съ Императоромъ плохую шутку, что я могу раскрыть его тайны, что мой Лонгвудскій дневникъ стоитъ въ Лондонѣ 15 тысячь фунтовъ и что весьма важно не доводить меня до крайностей".

Три дня до своего отъѣзда, не имѣя чѣмъ расплатиться съ своими людьми, чѣмъ сдѣлать необходимыя для путешествія покупки, онъ сталъ мраченъ, тоскливъ, сильно понизилъ тонъ и рѣшился наконецъ написать къ оберъ-гофъ-маршалу письмо, которое В-е С-во найдете присемъ въ копіѣ. Бертранъ велѣлъ отвѣчать ему, что фирма Балькомбъ и Ко. будетъ уполномочена выдать ему 500 ф. стерл; что если онъ будетъ упорствовать въ отказѣ, никто не дастъ ему въ займы ни гроша, ибо это значило-бы оказать неуваженіе Императору. Въ тоже время онъ отослалъ ему долгъ въ 20 фунтовъ.

Гурго, не зная что̀ дѣлать, отправился верхомъ до главнаго Лонгвудскаго караула, и попросилъ надзирателя въ немъ, лейтенанта Джаксона, зайти къ Бертрану, передать ему тысячу увѣреній въ дружбѣ, и привести его къ нему. Но этотъ послѣдній отказался видѣть его, слушать его, писать къ нему, и былъ неумолимъ. В. с-во найдете въ этомъ конвертѣ копію съ донесенія Джаксона, относящагося къ этому факту. Доведенный до послѣдней крайности, Гурго принялъ 500 фунтовъ отъ Бонапарте, тотчасъ побѣжалъ въ Балькомбу, не засталъ его въ его конторѣ, напрасно искалъ его по городу, на дачахъ, повсюду, и уѣхалъ въ тотъ-же день, не зная ни гдѣ, ни когда онъ получитъ свои деньги.

На другой день, Бонапартъ, ассигнуя ихъ ему на Лондонскаго банкира, сказалъ Бертрану:

Пусть мнѣ не говорятъ болѣе объ этомъ человѣкѣ. Онъ сумасшедшій. Онъ меня ревновалъ, онъ былъ въ меня влюбленъ. Чортъ возми! Не жена-же я ему, не могу-же я спать съ нимъ. Онъ будетъ писать противъ насъ, знаю это, и смѣюсь его писаніямъ. Если онъ явится во Францію, его посадятъ въ тюрьму, повѣсятъ или разстрѣляютъ.

Вѣрно то, что Гурго, когда у него голова разгорячена, можетъ погубить себя. «При Ватерлоо, сказалъ онъ мнѣ однажды, я хотѣлъ убить Императора, выстрѣлить въ него изъ пистолета. Не знаю, что̀ удержало меня. Въ Парижѣ, въ 1814-мъ году, я былъ изъ забіякъ. Я кричалъ, да здравствуетъ Наполеонъ! и дрался на дуэли съ иностранцами». Это дорисовываетъ его портретъ.

Послѣ своего удаленія изъ Лонгвуда, онъ имѣлъ полную свободу насъ видѣть, и усердно посѣщалъ г. Штюрмера. Онъ говорилъ съ нимъ постоянно, часто безъ всякаго толку, о Бонапартѣ и его свитѣ. Австрійскій коммиссаръ записалъ всѣ его разговоры, и вотъ слово въ слово, что̀ онъ пишетъ о нихъ кн. Меттерниху.

„Что̀ сказалъ Бонапартъ о смерти принцессы Шарлотты?

Гурго̀. Онъ смотритъ на нее какъ на новое для себя несчастіе. Всѣмъ извѣстно, что принцесса Вельская почти фанатически восхищалась имъ. Онъ надѣялся, что когда ея дочь вступитъ на престолъ, она воспользуется своимъ вліяніемъ на нее, что-бы выхлопотать его перемѣщеніе въ Англію. *Однажды тамъ*, говорилъ онъ, — *я спасенъ.* Онъ сказалъ мнѣ, узнавъ эту новость: *Вотъ опять неожиданный ударъ. Такъ-то судьба разстроиваетъ всѣ наши планы.*

„Говоритъ онъ иногда о своемъ будущемъ?"

Гурго̀. Онъ убѣжденъ, что не останется на Св. Еленѣ и упорствуетъ въ надеждѣ, что оппозиціонной партіи удастся извлечь его отсюда.

„Что̀ думаетъ онъ о Бурбонахъ?"

Гурго̀. Онъ увѣряетъ, что Людовикъ XVIII революціонеръ, и что онъ своимъ поведеніемъ подвергаетъ себя большимъ опасностямъ. Не такъ, говоритъ онъ, совершаются перемѣны династій. Осторожность требовала, что-бы онъ отдѣлался отъ всѣхъ моихъ маршаловъ.

Надобно было отнять возможность дѣйствовать у всѣхъ тѣхъ, которые не принадлежатъ къ его партіи. Лабедойеръ и маршалъ Ней не одни были опасны.

„Говоритъ-ли онъ о женѣ и о сынѣ?"

Гурго. Онъ жалуется на Марію-Луизу. По его мнѣнію, она ни въ какомъ случаѣ не должна была-бы оставить Парижъ въ 1814 году. Вмѣсто г-жи Монтебелло—говоритъ онъ—мнѣ слѣдовало-бы приставить къ ней г-жу Бово, она-бы иначе руководила ею, и тогда дѣла не дошли-бы до такой крайности. Онъ убѣжденъ, что сидѣлъ бы еще на престолѣ, если-бы женился на Русской Великой Княжнѣ. Онъ часто говоритъ о своемъ сынѣ, въ особенности въ послѣднее время.

„Думаете вы, что онъ можетъ бѣжать отсюда?"

Гурго. Ему на это десять разъ представлялся случай, и еще теперь онъ имѣетъ на то возможность.

„Признаюсь, что это кажется мнѣ невозможнымъ."

Гурго. Чего не сдѣлаешь, когда располагаешь милліонами? Впрочемъ, хотя я имѣю поводъ жаловаться на Императора, я никогда его не выдамъ. Повторяю, онъ можетъ бѣжать *одинъ* и уплыть въ Америку, когда захочетъ. Больше ничего не скажу.

„Если онъ можетъ бѣжать, отчего-же онъ этого не сдѣлаетъ? Главное для него—выбраться отсюда."

Гурго. Мы всѣ совѣтовали ему это сдѣлать. Онъ всегда возражалъ на наши доводы и устоялъ противъ нихъ. Какъ-бы онъ ни былъ несчастенъ здѣсь, онъ втайнѣ наслаждается тою важностію, которую придаютъ надзору за нимъ, интересомъ, который въ этомъ принимаютъ всѣ Европейскія державы, тщаніемъ, съ которымъ подхватывается малѣйшее его слово, и т. д. Онъ говорилъ намъ не разъ: *„Не могу больше жить частнымъ человѣкомъ. Лучше быть узникомъ здѣсь, чѣмъ свободнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ"*.

„Продолжаетъ-ли онъ писать свою исторію?".

Гурго. Онъ пишетъ ее отрывками, но вѣроятно никогда ея не окончитъ. Когда его спрашиваютъ, не желаетъ ли онъ, что-бы исторія изобразила его таковымъ, каковымъ онъ былъ, онъ отвѣчаетъ, что часто выгоднѣе давать себя угадывать, чѣмъ слишкомъ разоблачаться. Повидимому онъ также, не считая свои великія судьбины законченными, не хочетъ разоблачать своихъ плановъ, осуществленіе которыхъ имъ не довершено, и за которые онъ еще можетъ съ успѣхомъ приняться.

„Кому изъ васъ принадлежитъ редакція замѣчаній на рѣчь лорда Батурса?

Гурго. Самому Императору. Большую часть ихъ онъ намъ продиктовалъ. Хорошо было-бы, если-бы онъ этимъ ограничился; но въ непродолжительномъ времени въ Лондонѣ явятся письма. будтобы написанныя капитанами торговыхъ судовъ, и въ которыхъ много говорится объ Императорѣ. Эти письма написаны имъ. Слогъ ихъ плосокъ, подробности ребячливы, и замыселъ неудаченъ. Вы едва повѣрите. напримѣръ, что сочиненіе, изданное подъ именемъ Сантини, написано имъ.

„Каковъ онъ въ частной жизни?"

Гурго. Необыкновенно добръ съ своими слугами. Онъ старается придавать значеніе всѣмъ тѣмъ, которые его окружаютъ, ставитъ очень высоко маленькіе таланты въ тѣхъ, которые ими обладаютъ, и приписываетъ ихъ тѣмъ, которые ихъ лишены.

„Каково его обращеніе съ лицами его свиты?"

Гурго. Обращеніе неограниченнаго монарха. Часто при мнѣ игрывалъ онъ по пяти часовъ сряду въ шахматы, и допускалъ, чтобы мы все время смотрѣли на игру стоя."

Гурго, увѣрявшій барона Штюрмера, что Бонапартъ десять разъ имѣлъ случай бѣжать изъ св. Елены, то-же самое сказалъ по секрету и другимъ лицамъ, присовокупляя, что Бонапартъ можетъ совершить свое бѣгство въ корзинкѣ съ грязнымъ бѣльемъ, въ пивной бочкѣ, въ

сахарномъ ящикѣ, что это послѣднее средство было предложено и обсуждаемо въ Лонгвудѣ. Онъ повторялъ эти глупости на всѣхъ перекресткахъ, все время увѣряя, что онъ Императора не выдастъ. Но больше онъ ничего не сумѣлъ разсказать, и надъ нимъ насмѣялись.

Въ Варшавѣ Бонапартъ говорилъ: „*отъ высокаго до смѣшнаго только шагъ*". На св. Еленѣ онъ дважды въ день повторяетъ: „*Отъ Капитолія до Тарпейской скалы только шагъ*". Когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа и склоненъ къ разговору, что съ нимъ случается рѣдко, онъ дѣлаетъ Бертрану или Монтолону знакъ, что-бы они сѣли возлѣ него, и никогда не преминетъ сказать имъ: „*Prends un siége, Cinna, prends, et sur toute chose*". Онъ любитъ французскую трагедію и довольно хорошо декламируетъ. Когда онъ тоскуетъ или только скучаетъ, онъ ходитъ около своего билліарда, перекатываетъ шары рукою, и поетъ италіянскую пѣсенку: „*Fra Martino, fra Martino, suona la campana, suona la campana*". Иногда также онъ заставляетъ болтать Маршана, своего каммердинера, и говоритъ съ нимъ о городскихъ сплетняхъ и новостяхъ, или о подробностяхъ хозяйства и кухни.

P. S. Губернаторъ сейчасъ прислалъ мнѣ прилагаемую при семъ копію съ письма, которое онъ написалъ маркизу де Моншеню, что-бы рекомендовать ему генерала Гурго и облегчить его возвращеніе во Францію.

VIII.

S-t Hélène ce 27 Mars 1818 n. st. Par le Bombay de la Comp-e des Indes. Capt. Hamilton.

J'ai l'honneur d'envoyer ci-joint à V. E. deux bulletins etc. La famille Balcombe a quitté l'ile de S-te Hélène et va, dit on, s'établir en Angleterre.

Bonaparte, en prenant congé de Betsy sa favorite, lcele dont les journaux de Londres ont tant parlé, l'embrassa, se coupa une touffe de cheveux et la lui donna. Balcombe est regretté à Longwood. Sa conduite envers les Français a toujours été extrêmement délicate; il leur rendait en outre toutes sortes de bons offices.

VIII.

Св Елена, 27 Марта 1818. н.с., съ Бомбеемъ Остъинд. комп. Кап. Гамильтонъ.

Честь имѣю при семъ препроводить В-у С-ву два бюллетеня, и т. д. Семейство Балькомбъ оставило островъ св. Елены и, какъ говорятъ, поселится въ Англіи.

Бонапартъ, прощаясь съ Бетси, своею любимицею, тою, о которой столько говорили Лондонскіе журналы, поцѣловалъ ее, отрѣзалъ у себя клокъ волосъ и далъ его ей. О Балькомбѣ жалѣютъ въ Лонгвудѣ. Его поведеніе относительно Французовъ всегда было крайне деликатно, и онъ кромѣ того оказывалъ имъ разныя услуги.

IX.

S-t Hélène ce 10 Avril 1818 n. st. Par le Dispatch vaisseau marchand. Capt. Hurbert.

J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. un bulletin etc. Ces jours derniers, le C-te Bertrand me fit une étrange proposition. En me parlant des souffrances et des malheurs de Bonaparte, il me dit tout à coup: «L'Empereur accablé d'ennuis, traité inhumainement sur ce rocher, abandonné de l'univers entier, veut écrire à l'Empereur Alexandre, son seul appui. Chargez vous de sa lettre, je vous en conjure», et il fit un mouvement pour la tirer de sa poche.

—«Non, lui repondis-je, cela m'est impossible. Ce serait manquer à mon devoir.»

—«Nullement, reprit-il, car l'Emp. Napoleon fait à l'Emp. Alexandre des révélations importantes. Il ne s'agit

pas uniquement de protéger un grand homme opprimé, mais de servir la Russie. On y lira cet écrit avec plaisir, empressement, on en sera ravi; ne pas l'envoyer à votre cour est négliger, perdre de vue ses intérêts ou plutôt les sacrifier aux Anglais. Je vous observe en outre, qu'on a fait de vous un portrait, qui va pousser votre fortune.

—«Je vous promets, lui dis-je, de rapporter fidelement à ma cour ce que vous me communiquerez de vive voix, mais je ne puis me charger d'aucune lettre; je n'en ai pas le droit, et si je le faisais, on me désavouerait.»

—«Bah, s'écria-t-il, on vous désavouera à S-te Hélène pour la forme, et en Russie on vous récompensera. J'en suis sûr, enfin pensez y mûrement.» Là-dessus il me quitta.

IX.

Св. Елена, 10-го Апр. 1818. н. ст, съ купеч. кораблѧ. Дискачемъ, кап. Гюробертъ.

Честь имѣю препроводить при семъ В-у С-ву бюллетень, и т. д. На этихъ дняхъ, гр. Бертранъ сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе. Говоря со мною о страданіяхъ и несчастіяхъ Бонапарта, онъ вдругъ сказалъ мнѣ: „Императоръ, удрученный горемъ, подверженный на этой скалѣ безчеловѣчному обращенію, всѣми оставленный, хочетъ написать къ Императору Александру, единственному своему заступнику. Возьмитесь доставить его письмо, умоляю васъ объ этомъ“, и онъ сдѣлалъ движеніе, что-бы вынуть письмо изъ кармана.

—„Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, это мнѣ невозможно. Это значило-бы нарушать мои обязанности.“

—„Нисколько, возразилъ онъ, ибо Имп. Наполеонъ раскрываетъ Имп. Александру важныя тайны. Дѣло идетъ не только о томъ, что-бы защитить великаго человѣка, подвергающагося притѣсненіямъ, но и о томъ, что-бы сослужить службу Россіи. Тамъ это письмо прочтутъ съ удовольствіемъ, съ жадностію, имъ будутъ восхищены. Не посылать его вашему двору значило бы пренебречь его интересами, упустить ихъ изъ виду или, точнѣе, пожертвовать ими Англичанамъ. Сверхъ того замѣчу вамъ, что вы въ немъ описаны способомъ, который подвинетъ васъ впередъ.“

—„Обѣщаю вамъ, отвѣчалъ я, въ точности передать моему двору то, что вы сообщите мнѣ изустно, но не могу взять на себя доставленіе писемъ. Я не имѣю на то права, и если-бы я это сдѣлалъ, отъ меня-бы отреклись.“

—„Ба! воскликнулъ онъ, отъ васъ отрекутся на Св. Еленѣ для формы, а въ Россіи васъ наградятъ. Я въ этомъ убѣжденъ, подумайте объ этомъ хорошенько.“ Затѣмъ, отъ меня оставилъ.

X.

S-t Hélène ce 15 Avril 1818. n. st. Par le Baring, bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Depuis deux ans et demi la maison Balcombe, Cole and Fowler était chargée de toute la conduite des affaires de Longwood; elle en faisait le service et payait aux Français leurs lettres de change. Balcombe, par ses manières agréables, obligeantes, son caractère original et ses bonhommies plaisait beaucoup à Bonaparte et le voyait souvent.

Le gouverneur, soit qu'il ait pris ombrage de cette faveur, de ces visites trop fréquentes, soit qu'il ait eu ordre d'en agir ainsi (ce qui n'est guère probable), vient d'ôter à la maison Balcombe et C. le service de Longwood et l'a confié au sieur Ibbetion, commissaire des vivres. Ceci mortifie extrêmement les Français et leur fait jeter les hauts cris. Ces jours passés, Bertrand eut à ce sujet de longues explications avec le major Gorrequer, premier aide-de-camp du gouverneur. On m'en a donné un précis, que je m'em-

presse d'envoyer ci-joint au Ministère Impérial.

X.

Св. Елена, 15 Апр. 1818 н. ст., съ куп. судномъ Барингъ, кап. Ламбъ.

Вотъ уже два года, какъ торговому дому Балькомбъ, Коль и Фоулеръ было поручено веденіе всѣхъ Лонгвудскихъ дѣлъ. Онъ исполнялъ всѣ порученія Французовъ и выплачивалъ ихъ векселя. Балькомбъ своимъ пріятнымъ, обязательнымъ обращеніемъ, своимъ оригинальнымъ характеромъ и добродушіемъ очень нравился Бонапарту и часто видѣлся съ нимъ.

Губернаторъ, оттого-ли, что эта милость, эти слишкомъ частыя посѣщенія возбудили въ немъ подозрѣнія, или потому, что получилъ приказаніе такъ поступить, что весьма невѣроятно, на дняхъ отнялъ у дома Балькомбъ и комп. веденіе дѣлъ Лонгвуда и поручилъ его Г. Иббетіонну (?), коммиссару по продовольствію. Это чрезвычайно огорчаетъ Французовъ и возбудило вопли съ ихъ стороны. На этихъ дняхъ, Бертранъ имѣлъ на этотъ счетъ длинныя объясненія съ майоромъ Горрекеромъ, старшимъ адъютантомъ губернатора. Мнѣ сообщили изъ нихъ извлеченіе, которое спѣшу препроводить при семъ Императорскому Министерству.

XI.

S-t Hélène ce 15 Avril 1818 n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

J'ai toujours cru que le docteur O'Meara était l'espion des Anglais auprès de Bonaparte. On le disait à S-te Hélène. Des personnes dignes de croyance me l'ont assuré positivement. Le gouverneur lui-même me l'a laissé entendre bien des fois, et je sais aujourd'hui de source certaine que cela est faux. O'Meara ne s'est jamais dégradé à ce point-là. Il donnait aux Anglais des nouvelles de Longwood par manière de conversation et comme il m'en donne à moi qui suis un étranger. On l'a engagé, excité par de belles paroles, de vives instances et toutes sortes de moyens à faire ce honteux métier, mais inutilement. Il s'est tiré de cette affaire en galant homme. V. E. trouvera sous ce pli la copie de cinq lettres qui en font foi. Le gouverneur est devenu son ennemi; depuis dix mois il le chicane impitoyablement sur des vétilles, lui fait des scènes, des avanies à tout propos et veut, en le soumettant à des restrictions dures, humiliantes, l'assimiler en tout aux prisonniers Français, ce qui l'a forcé de donner sa démission. Je crois pouvoir affirmer, qu'on n'a rien à lui reprocher. Il est en règle avec son gouvernement et n'a manqué en aucun point à son devoir. Ce qui lui arrive doit être imputé à blâme au gouverneur, qui s'est fait un principe, une règle, une loi de chicaner impitoyablement et à tout propos ceux que Bonaparte.... Témoins-ses sorties ridicules sur l'amiral Malcolm et sa conduite indécente envers les commissaires des Puissances Alliées.

XI.

Св. Елена, 15 Апр. 1818 н. ст., съ купеч. судномъ Барингъ, кап. Ламбъ.

Я всегда думалъ, что докторъ О'Меара играетъ при Бонапартѣ роль Англійскаго шпіона. Такъ говорили на Св. Еленѣ; лица, достойныя довѣрія, положительно подтверждали мнѣ это. Самъ губернаторъ не разъ давалъ мнѣ это понять, но я теперь достовѣрно знаю, что это неправда. О'Меара никогда не унижался до такой степени. Онъ передавалъ Англичанамъ извѣстія о Лонгвудѣ, какъ онъ сообщаетъ ихъ мнѣ, иностранцу, когда приходилось къ слову. Его подстрекали, возбуждали льстивыми словами, настоятельными просьбами къ этому постыдному ремеслу, но напрасно. Онъ вышелъ изъ этого дѣла честнымъ чело-

вѣкомъ. В-е С-во найдете въ этомъ конвертѣ пять писемъ, это доказывающихъ. Губернаторъ сдѣлался его врагомъ; вотъ уже десять мѣсяцовъ, какъ онъ нещадно преслѣдуетъ его изъ-за пустяковъ, дѣлаетъ ему на всякомъ шагу сцены и непріятности и хочетъ, подвергая его грубымъ и унизительнымъ стѣсненіямъ, во всемъ поставить его на одну ногу съ французскими узниками, что и принудило его подать въ отставку. Считаю себя въ правѣ утверждать, что его ни въ чемъ упрекнуть нельзя. Онъ правъ передъ своимъ правительствомъ, и ни въ чемъ не измѣнялъ своему долгу. То, что съ нимъ случилось, должно быть поставлено въ вину губернатору, который поставилъ себѣ въ правило, въ законъ, нещадно и на всякомъ шагу, преслѣдовать тѣхъ, которыхъ Бонапартъ.... Ссылаюсь на его смѣшныя выходки противъ адмирала Малькольма и на его неприличное поведеніе относительно коммиссаровъ союзныхъ державъ.

XII.

S-t Hélène ce 22 Avril 1818. n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Ces jours derniers, le gouverneur fit au docteur O'Meara une sevère reprimande:

1-mo. Sur ce qu'il avait donné sa démission sans en consulter préalablement avec lui.

2-do. Sur ce qu'il osait adresser une lettre au C-te Bertrand à l'insu des autorités Anglaises.

O'Meara lui écrivit à ce sujet une note extrêmement forte, bien raisonnée et qui d'un bout à l'autre est la pure verité. V. E. la trouvera ci-jointe en copie. On ne peut prévoir encore le résultat de cette affaire, mais elle produit un grand scandale à S-te Hélène et fait crier contre le gouverneur.

Selon toute apparence, nous serons privés pendant quelque temps de bulletins de Longwood, car O'Meara ne veut plus s'en mêler. Il s'est enfermé dans sa chambre et ne voit aucun malade.

Voici en attendant ce que Montholon m'a dit de la santé de Bonaparte: depuis le 10 de ce mois il est constipé et souffre de la tête et du foie, il a de plus des palpitations, du malaise et ne dort pas du tout. Il est inquiet, chagriné et répète souvent: «On chasse, on persécute mes amis, ceux en qui je prends confiance. On m'isole entièrement. Cela cache un dessein perfide. On veut m'empoisonner». Le mercure étant un remède souverain pour les obstructions, O'Meara était parvenu, à force de prières, d'instances, à lui en faire prendre. Il l'eut par degrès et insensiblement guéri de sa maladie ou du moins en eut empêché les progrès. Maintenant, elle va reprendre son cours et peut-être empirer.

XII.

Св. Елена. 22 Апр. 1818 н. с. съ купеч. судномъ Барингомъ, кап. Ламбъ.

На дняхъ, губернаторъ сдѣлалъ доктору О'Меара строгій выговоръ.

1-е за то, что онъ подалъ въ отставку, не переговоривши съ нимъ предварительно.

2-е за то, что онъ посмѣлъ написать гр. Бертрану письмо безъ вѣдома англійскихъ властей.

О'Меара по этому поводу написалъ ему записку очень сильную, весьма логическую, вполнѣ правдивую съ начала до конца. В-е С-во найдете ее при семъ въ копіи. Нельзя еще предвидѣть конца этого дѣла, но оно на св. Еленѣ производитъ большой скандалъ, и заставляетъ всѣхъ кричать противъ губернатора.

По всей вѣроятности мы на время будемъ лишены бюллетеней изъ Лонгвуда, ибо О'Меара не хочетъ болѣе имѣть

съ ними дѣла. Онъ заперся въ своей комнатѣ, и не видитъ никого изъ своихъ больныхъ.

Вотъ, покуда, что́ сказалъ мнѣ Монтолонъ о здоровьи Бонапарта. Начиная съ 10-го сего мѣсяца, онъ страдаетъ запоромъ, у него болитъ голова и разстроена печень; сверхъ того у него сердцебіенія, дурнота, и онъ совсѣмъ не спитъ. Онъ безпокоенъ, тоскуетъ, и часто повторяетъ: *Моихъ друзей, тѣхъ, къ которымъ я имѣю довѣріе, гонятъ, преслѣдуютъ. Меня совершенно уединяютъ. Подъ этимъ скрывается коварное намѣреніе. Хотятъ меня отравить.* Такъ какъ ртуть превосходное средство противъ заваловъ, то О'Меара удалось, усиленными настояніями и просьбами, уговорить его принимать это лѣкарство. Онъ бы постепенно и нечувствительно излѣчилъ его болѣзнь, или по крайней мѣрѣ, остановилъ бы ея развитіе. Теперь, она пойдетъ своимъ чередомъ, и быть можетъ, ухудшится.

XIII.

S-te Hélène ce 26 Avril 1818 n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Hier 25 de ce mois, à $6\frac{1}{2}$ hrs du matin, l'employé du télégraphe de S-t James vint m'annoncer que le «Rürick,» brig de guerre Russe, L-t Kotzebue, était en vue de l'île et que ce dernier demandait à me voir. J'en fis sur le champ prévenir le gouverneur et le priai instamment de m'autoriser à recevoir ce compatriote chez moi ou de me faire conduire à son bord. Je n'en obtins aucune réponse directe, mais son adjudant-général me déclara vaguement que nul étranger n'osait approcher de la côte, encore moins y mettre pied à terre et que je pouvais profiter de cette occasion pour écrire en Europe. Je lui repondis qu'étant fort impatient, après deux années d'exil, de revoir des Russes, je renouvelais ma demande d'être conduit au L-t Kotzebue. Il me promit d'en parler à l'amiral, me pria d'attendre le retour d'un officier Anglais, qui devait inspecter le «Rürick» et me dit qu'il ne serait pas long à arranger cette affaire et disparut. Le gouverneur et l'amiral étaient à la campagne. Je ne tardai pas à voir arriver celui-ci accompagné de l'adjudant-général. Il s'arrêta un quart d'heure, donna des ordres aux officiers de la marine, puis se rendit droit au port, toujours accompagné de l'adjudant-général. J'y courus cinq minutes après eux et les manquai. Ils se rendaient à bord du «Conqueror», et je restai seul à terre, ne sachant trop plus où j'irai ni à qui recourir. Le vaisseau amiral levait en ce moment l'ancre et cingla vers l'endroit où se tenait le petit vaisseau Russe, qui ne tarda pas à s'éloigner en tirant un coup de canon. J'ignore entièrement ce qui s'est passé entre le L-t Kotzebue et les autorités Anglaises. On met un soin extrême à me le cacher, et personne, hors l'employé du télégraphe, ne m'a averti de son passage. On m'assure maintenant qu'il n'a jamais demandé à me voir, qu'on lui a fait un signal d'attendre deux paquets de lettres que je devais lui envoyer et qu'il n'y a même pas répondu. L'amiral parait honteux de ce qui m'est arrivé et en rejette le tort sur le gouverneur, qui devait, en sa qualité de commandant en chef de l'île, me donner un permis d'embarquement. Il me proteste en outre, que l'adjudant-général ne lui a rien dit de mon désir d'aller à bord du «Rürick.» Je n'ai pas voulu entrer en débat avec ce dernier, car il y a dans toute cette affaire de l'intrigue, du louche, un dessous que je ne vois pas encore. Néanmoins, je parierais (et je ne suis pas le seul) que c'est le gouverneur qui, sans y paraître, m'a joué ce tour-là.

J'espère, Monsieur le Comte, que vous ne doutez plus de la mauvaise volonté des Anglais pour les commissaires des Puissances Alliées. Ceci en est un exemple frappant. On ne parle sur ce rocher que de nos devoirs envers eux, mais on dirait qu'ils n'en ont aucun à remplir envers nous. Ils font de nous tout ce qu'ils veulent. J'avoue de bonne foi, que je recevrais avec une satisfaction inexprimable l'ordre de ne pas toujours céder à leurs fantaisies.

P. S. Lorsque Bonaparte apprit mon aventure, il en rit aux éclats: «Ah! Ah! s'écria-t-il, je ne suis donc pas le seul qui essaie des affronts. En voilà un sanglant et public que Sir Lowe, l'homme de l'Europe et du monde entier, fait à la Russie, à un souverain puissant et formidable.

XIII

Св. Елена, 26 Апр. 1818 н. ст., съ купеч. судномъ Барингомъ, кап. Ламбъ.

Вчера 25-го числа сего мѣсяца въ 6½ часовъ утра, чиновникъ при Сентъ-Джемскомъ телеграфѣ пришелъ извѣстить меня, что „Рюрикъ“ военный бригъ, лейтенантъ Коцебу, сталъ въ виду острова, и что этотъ послѣдній желаетъ меня видѣть. Я тотчасъ извѣстилъ о томъ губернатора и настоятельно попросилъ его разрѣшить мнѣ принять у себя этого соотечественника, или доставить меня на бортъ его корабля. Я не добился отъ него никакого прямаго отвѣта, но его старшій адъютантъ объявилъ мнѣ въ общихъ выраженіяхъ, что никакой иностранецъ не имѣетъ права приблизиться къ берегу, еще менѣе ступить на него, и что я могу воспользоваться этимъ случаемъ, что-бы написать въ Европу. Я отвѣтилъ ему, что, ощущая крайнее желаніе, послѣ двухлѣтняго изгнанія, вновь увидѣть Русскихъ, я возобновляю свою просьбу о томъ, что-бы меня доставили къ лейтенанту Коцебу. Онъ обѣщалъ мнѣ поговорить объ этомъ съ адмираломъ, попросилъ меня дождаться возвращенія англійскаго офицера, который долженъ былъ осмотрѣть „Рюрика“, сказалъ, что быстро уладитъ это дѣло, и исчезъ. Губернаторъ и адмиралъ были за городомъ, Вскорѣ я увидѣлъ, что этотъ послѣдній пріѣзжаетъ, въ сопровожденіи старшаго адъютанта. Онъ пробылъ въ городѣ съ четверть часа, отдалъ приказанія морскимъ офицерамъ, а затѣмъ отправился прямо въ гавань, все таки въ сопровожденіи старшаго адъютанта. Я побѣжалъ туда пять минутъ послѣ ихъ и уже ихъ не засталъ. Они плыли на бортъ Конкерора, и я остался на берегу, не зная, куда мнѣ идти и къ кому обратиться. Въ эту минуту, адмиральскій корабль снялся съ якоря и двинулся къ тому мѣсту, гдѣ стояло маленькое русское судно, которое не замедлило удалиться, давъ одинъ пушечный выстрѣлъ. Мнѣ совершенно неизвѣстно, что́ произошло между лейтенантомъ Коцебу и англійскими властями. Это отъ меня тщательно скрываютъ, и никто, кромѣ чиновника при телеграфѣ, и не извѣщалъ меня о его проѣздѣ. Теперь меня увѣряютъ, что онъ никогда и не изъявлялъ желанія меня видѣть, что ему сдѣлали сигналъ, что-бы онъ дождался двухъ пачекъ писемъ, которыя я хотѣлъ ему послать, и что онъ даже не отвѣчалъ. Адмиралъ повидимому стыдится того, что́ со мною случилось и сваливаетъ вину на губернатора, который долженъ былъ, въ качествѣ главнокомандующаго островомъ, дать мнѣ позволеніе посѣтить корабль. Кромѣ того онъ увѣряетъ, что старшій адъютантъ ничего не сказалъ ему о моемъ желаніи отправиться на бортъ „Рюрика.“ Я не хотѣлъ входить въ препирательства съ этимъ послѣднимъ, ибо во всемъ этомъ дѣлѣ есть интрига, двусмысленность, заднія мысли, которыхъ я еще не проникъ. Тѣмъ не менѣе, я готовъ (и не я одинъ) побиться о закладъ, что эту штуку, и не подавая виду, съигралъ со мною губернаторъ.

Надѣюсь, графъ, что вы не сомнѣваетесь болѣе въ дурномъ расположеніи Англичанъ къ комиссарамъ союзныхъ державъ. Вотъ тому разительный примѣръ. На этой скалѣ только и рѣчи, что о нашихъ обязанностяхъ къ нимъ, но подумаешь, что они къ намъ ихъ не имѣютъ. Они дѣлаютъ изъ насъ, что хотятъ. Сознаюсь откровенно, что съ несказаннымъ удовольствіемъ получилъ-бы приказаніе не всегда уступать ихъ прихотямъ.

P. S. Когда Бонапартъ узналъ о моемъ приключеніи, онъ расхохотался: *„А! а!* воскликнулъ онъ, *такъ не одинъ я подвергаюсь оскорбленіямъ. Вотъ оскорбленіе, публичное и кровавое, нанесенное сэромъ Лоу, человѣкомъ Европы и всего міра, нанесенное Россіи, ея могущественному и грозному государю!*

XIV.

Ste Hélène, ce 4 Mai 1818 n. st. Par le Baring bâtiment marchand. Capt. Lamb.

Depuis le 19 de ce mois la correspondance de Longwood et de Plantation-House, sur l'affaire du docteur O'Meara, a grossi de sept énormes lettres que je n'ai pu me procurer encore. Mais je reçois à l'instant même, le vaisseau étant dejà sous voile, la copie d'une apostille remarquable, dictée par Bonaparte et mise en marge d'une de ces lettres. Je m'empresse de l'envoyer ci-joint au Ministère Impérial.

XIV

Св. Елена 4 Мая 1818 н. ст., съ купеч. судномъ Барингомъ, кап. Ламбъ.

Съ 19-го прошлаго мѣсяца переписка между Лонгвудомъ и Плантешенъ-гоузомъ, по дѣлу доктора О'Меара, умножилась семью огромными письмами, которыхъ я еще добыть не могъ, но я только что получилъ, въ ту минуту, когда корабль уже подъ парусами, копію съ замѣчательной приписки, продиктованной Бонапартомъ и помѣщенной на поляхъ одного изъ этихъ писемъ. Спѣшу препроводить ее при семъ Императорскому Министерству.

XV.

S-te Hélène ce 11 Mai 1818 n. st. Par le Charles Miles bâtiment marchand. Capt. Beadle.

Après que l'affaire du docteur O'Meara eut fait l'entretien de toutes les sociétés et boutiques de S-te Hélène, le gouverneur se décida, non sans peine et sans beaucoup d'efforts, à m'en parler. Voici à peu près ce qu'il m'en dit:

«Il y a un vaisseau qui part pour l'Angleterre, écrivez au C-te Lieven. Moi, je ne puis plus vous donner de bulletins. O'Meara est hors de service. Baxter est en disgrace auprès de M-rs les Français. Bonaparte a le diable au corps, ainsi point de bulletins. Je ne puis non plus rien vous dire de sa santé. Il ne voit plus personne, et je n'ai qu'une certitude morale de son existence. Que pensez vous de sa maladie?»

«On m'assure, lui répondis-je, qu'il souffre de la tête, du foie, des entrailles, que Montholon passe des nuits entières à côté de son lit et lui applique des serviettes chauffées sur l'estomac, qu'il a l'esprit inquiet, chagrin, le visage pâle et les yeux creux.»

Le gouv-r. Bertrand et Montholon vous ont-il parlé du D-r O'Meara?

«Oui, sans doute. Ils m'ont dit que vous le teniez en séquestre à Longwood et que Bonaparte ne veut pas d'un médecin, dépendant, prisonnier et qui n'est plus entièrement à lui.»

Le gouv-r. Le D-r O'Meara a commis des fautes irrémissibles. Il informait ces gens-là de ce qui se passe en ville, à la campagne, à bord des vaisseaux; il se mettait pour eux en quête de nouvelles et leur faisait bassement la cour; puis, il a remis à un Anglais,

de la part de Bonaparte et en cachette, une tabatière. Quelle infamie! Et n'est ce pas honteux à ce grandissime Empereur de manquer ainsi aux réglements?

«Croyez vous que cela tienne à un complot, à des trames sourdes, à quelque projet d'évasion, ou bien n'est ce que misère et bagatelle?»

Le gouv-r (vivement). «Bagatelle? Un héros, un prodige—user de ces petits moyens pour séduire et corrompre des Anglais! C'est une abomination, cela n'a pas de nom.

Voici le fait; je le tiens de bonne part. Lors de l'enterrement de Cipriani, Bonaparte chargea Montholon et non pas O'Meara de donner 25 liv. sterlg. aux pauvres et une tabatière en or au Sieur Brice, prêtre de S-te Hélène, qui d'abord l'accepta, mais s'en repentit une heure après et la renvoya à Longwood avec un billet adressé à O'Meara. Le gouverneur est mal informé ou cache la vérité.

«Le D-r O'Meara, lui demandai-je, a donc violé les réglements?»

Le gouv-r. Non, pas précisement.

«L'avez vous interrogé sur ce fait et l'a-t-il avoué?»

Le gouv-r (embarassé). Je ne l'ai pas fait encore. J'ai mes raisons.

«Me permettez-vous de vous parler sincèrement, de vous dire mon avis là-dessus, non comme commissaire de Russie, je n'en ai pas le droit, mais en ami?»

Le gouv-r. Je vous y engage fortement.

«Si le D-r O'Meara est coupable, accusez le et jugez le publiquement afin qu'on sache bien à Ste Hélène, à Longwood et en Europe ce qu'il a fait et pourquoi vous l'avez puni. Mais s'il est innocent, si on ne lui reproche que des vétilles, étouffez cette affaire et rendez lui sa liberté. Songez que si Bonaparte meurt d'apoplexie ou d'une inflammation de foie, sans voir de médecins, comme il y est bien résolu, on imputera aux Anglais de l'avoir empoisonné, fait mourir à petit feu. Les Bonapartistes en France et partout accréditeront ces calomnies, publieront des écrits diffamatoires, produiront de faux témoignages contre vous. Ceux qui savent la vérité ne pourront pas la dire à tout monde, et vous passerez dans l'esprit d'un million d'hommes pour son assassin. Ainsi croyez-moi, ne précipitez rien. C'est une affaire trop délicate».

Cette observation frappa le gouverneur. Il devint sombre, rêveur, me remercia beaucoup de ma franchise et se retira. Deux jours après cet entretien, le Dr. O'Meara fut remis en pleine liberté et rétabli dans tous ses droits. Bonaparte l'a revu avec joie, empressement, et il a déjà pris une dose de mercure.

P. S. Le C-te Bertrand me prie de le rappeler au souvenir du P-ce Wolchonsky, aide-de-camp-géneral de S. M. Il désire également faire savoir de ses nouvelles à un général de division Français, nommé Morand, marié à une Polonaise et établi à Varsovie. C'est un militaire d'une grande distinction. Bonaparte l'affectionne fort et le croit au service de Russie.

XV.

Св. Елена 11 Мая 1818 н. ст. съ купеч. кораблемъ Чарльсъ Миль, кап. Бидль.

Послѣ того, какъ дѣло доктора О'Меара сдѣлалось предметомъ разговоровъ во всѣхъ кружкахъ, во всѣхъ лавочкахъ Св. Елены, губернаторъ рѣшился, не безъ труда и не безъ великихъ усилій надъ собою, заговорить о немъ со мною. Вотъ, приблизительно, что̀ онъ сказалъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ:

„Есть корабль, отъѣзжающій въ Англію, напишите графу Ливену. Я-же не

могу болѣе сообщать вамъ бюллетеней. О'Меара оставилъ службу. Бакстеръ въ немилости у господъ Французовъ. Бонапартъ взбѣленился, и такъ бюллетеней нѣтъ. Не могу также сказать вамъ ничего о его здоровьи. Онъ больше ни съ кѣмъ не видится, и въ его существованіи я имѣю лишь нравственное убѣжденіе. Что думаете вы о его болѣзни?"

„Увѣряютъ меня, отвѣчалъ я, что онъ страдаетъ головою, печенью, кишками, что Монтолонъ проводитъ у его постели цѣлыя ночи, прикладывая ему къ животу грѣтыя салфетки, что онъ въ тоскливомъ, безпокойномъ расположеніи духа, что лицо его блѣдно, глаза впалы.

Губернат. Говорили-ли съ вами Бертранъ и Монтолонъ о докторѣ О'Меара?

„Да, конечно. Они сказали мнѣ, что вы держали его въ Лонгвудѣ подъ стражею, и что Бонапарту не нуженъ медикъ зависимый, связанный, и не вполнѣ ему принадлежащій."

Губернаторъ. Докторъ О'Меара провинился непростительно. Онъ извѣщалъ этихъ людей о томъ, что происходитъ въ городѣ, на дачахъ, на корабляхъ. Онъ набиралъ для нихъ новости и униженно ухаживалъ за ними. Далѣе онъ передалъ одному Англичанину, отъ Бонапарта и тайкомъ—табакерку. Какая гадость! И не стыдно ли этому великому Императору такъ нарушать постановленія!

„Думаете-ли вы, что это имѣетъ отношеніе къ какому-либо заговору, къ таинственнымъ кознямъ, къ попыткѣ бѣгства или это только мелочь и пустяки?"

Губернаторъ (съ живостію). Пустяки? Герой, геній, прибѣгающій къ этимъ маленькимъ средствамъ, чтобы обольстить и подкупить Англичанъ! Это возмутительно, это не имѣетъ имени!

Вотъ фактъ, онъ мнѣ извѣстенъ изъ достовѣрнаго источника. Во время похоронъ Чипріяни, Бонапартъ поручилъ Монтолону, а не О' Меара, раздать нищимъ 25 ф. стерл. и передать золотую табакерку г. Брису, здѣшнему священнику, который сначала ее принялъ, но часъ спустя, раскаялся и отослалъ ее въ Лонгвудъ съ запискою на имя О' Меара. Губернаторъ поддался обману или скрываетъ истину.

„И такъ, спросилъ я его, О' Меара нарушилъ постановленія?"

Губернаторъ. Нѣтъ, этого прямо сказать нельзя.

„Допрашивали вы его на этотъ счетъ, и сознался-ли онъ?"

Губернаторъ (смущенный). Я этого еще не сдѣлалъ. Я имѣю на то свои причины.

„Позволите ли вы говорить съ вами откровенно, сказать вамъ на этотъ счетъ мое мнѣніе, не въ качествѣ Русскаго коммиссара—я на это не имѣю права—но въ качествѣ пріятеля?"

Губернаторъ. Очень прошу васъ объ этомъ. „Если докторъ О' Меара виновенъ, обвините его и судите его гласно, для того, чтобы на св. Еленѣ, въ Лонгвудѣ и въ Европѣ было вполнѣ извѣстно, что онъ сдѣлалъ и за что вы его наказали. Но если онъ невиненъ, если его упрекаютъ лишь въ бездѣлицахъ, затушите это дѣло и возвратите ему свободу. Подумайте о томъ, что если Бонапартъ умретъ отъ удара или отъ воспаленія въ печени, не призвавъ медика, на что онъ рѣшился, то Англичанъ обвинятъ въ томъ, что они его отравили, исподоволь уморили. Бонапартисты во Франціи и повсюду поддержатъ эту клевету, будутъ издавать пасквили, приводить лжесвидѣтельства противъ васъ. Тѣмъ, которымъ извѣстна истина, не будетъ возможности сообщить ее всѣмъ, и вы во мнѣніи милліоновъ людей прослывете его убійцею. И такъ, вѣрьте мнѣ, не спѣшите. Это дѣло слишкомъ щекотливое."

Это замѣчаніе поразило губернатора. Онъ сдѣлался задумчивымъ, мрачнымъ, очень благодарилъ меня за мою откровенность и удалился. Два дня послѣ этого разговора, доктору О' Меара были возвращены свобода и всѣ его права. Бонапартъ свидѣлся съ нимъ съ удовольствіемъ и предупредительностію,

и уже принялъ дозу меркуріяльнаго лѣкарства.

P. S. Графъ Бертранъ проситъ меня напомнить о немъ князю Волконскому, генералу адъютанту Е. И-го В-ва. Онъ также желалъ-бы дать вѣсть о себѣ Французскому дивизіонному генералу, по имени Морану, женатому на Полькѣ и поселившемуся въ Варшавѣ. Это отличный офицеръ. Бонапартъ очень любитъ его и полагаетъ, что онъ состоитъ на Русской службѣ.

XVI.

S-te Hélène ce 24 Mai 1818 n. st. Par le Général Kid de la Comp. des Indes. Capt. Nairue.

M-me Bertrand m'a dit ce matin, que dans la nuit d'avant-hier Bonaparte a eu de violents accès de sa maladie. Il souffrait de la tête, avait de grandes nausées et une palpitation de coeur continuelle. Bertrand et Montholon le veillèrent alternativement. Le Dr O'Meara lui ayant ordonné des remèdes, qui le firent beaucoup transpirer, il se trouvait mieux hier et n'est aujourd'hui que pâle et abattu. On m'a dit aussi qu'il devenait bien lourd et ne pouvait plus se promener, aller d'une chambre à l'autre, ni monter un degré sans s'essouffler.

Le commissaire d'Autriche a demandé au gouverneur de Ste Hélène des nouvelles de la santé du Prisonnier de l'Europe; il lui a répondu qu'il ignorait entièrement ce qui se dit, se fait et se passe à Longwood.

XVI.

Св. Елена, 24 Мая 1818 н. ст., съ Генераломъ-Кидомъ, Остъ.-инд. ком. кап. Нерю.

Г-жа Бертранъ сказала мнѣ нынче утромъ, что третьяго дня ночью съ Бонапартомъ сдѣлались сильные припадки его болѣзни. Онъ страдалъ головною болью, сильною тошнотою и безпрестанными сердцебіеніями. Бертранъ и Монтолонъ поперемѣнно сидѣли надъ нимъ. Докторъ О'Меара предписалъ ему лѣкарства, которыя произвели сильную испарину, и вчера онъ почувствовалъ себя лучше, и сегодня только блѣденъ и слабъ. Мнѣ сказали также, что онъ становится очень тяжелъ и не можетъ болѣе ни гулять, ни переходить изъ комнаты въ комнату, ни взойти на ступеньку не задыхаясь.

Австрійскій коммиссаръ освѣдомлялся у губернатора Св. Елены о здоровьи Узника Европы. Онъ отвѣчалъ ему, что совершенно не вѣдаетъ, что̀ говорится, творится и происходитъ въ Лонгвудѣ.

XVII.

S-te Hélène ce 26 Mai 1818 n. st. Par le Général Kid de la Comp des Indes. Capt Nairue.

Le gouverneur de St. Hélène vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées une note officielle, que j'ai l'honneur de transmettre ci-jointe à V. E. en original. C'est l'affaire du Dr. O'Meara, qui lui en a donné l'idée, et j'y ai répondu ce qui suit:

«Monsieur le gouverneur.

J'ai reçu la note que vous me fites l'honneur de m'écrire le 23 de ce mois et m'empresse de vous déclarer, que je n'ai nulle connaissance des communications illicites, par lettres, messages et autres de ce genre que les habitants de Longwood ont entretenues ou peuvent entretenir encore à St. Hélène et en Europe. Si j'étais parvenu à en découvrir quelques unes capables de compromettre ou même d'intéresser la sureté de leur détention, je n'eus pas tardé un instant, conformément à la lettre de mon Instruction: «Vous observerez tout et rendrez compte de tout» à en donner avis à ma cour, et je me serais fait un devoir de vous en prévenir également.

J'ai l'honneur d'être etc.»

Les commissaires d'Autriche et de France ont répondu dans le même sens. V. E. trouvera sous ce pli une proclamation de sir Hudson Lowe, qui a été lue, par l'ordre de ce dernier à tous les domestiques Anglais de Longwood, ce qui étant parvenu à la connaissance de Bonaparte, il a déclaré net, qu'il n'en voulait plus à son service et vient de les congédier indistinctement.

XVII.

Св. Елена, 26 Мая 1818 н. ст. съ Генераль-Кидомъ, Остъинд. комп. кап. Нерю.

Губернаторъ Св. Елены только что разослалъ коммиссарамъ Союзныхъ Державъ оффиціальную записку, которую честь имѣю при семъ сообщить В-у С-ву въ оригиналѣ. Мысль это сдѣлать подало ему дѣло доктора О'Меара, и я отвѣчалъ на нее слѣдующимъ образомъ:

„Господинъ губернаторъ,

Я получилъ записку, коей вы удостоили меня отъ 23-го сего мѣсяца, и спѣшу объявить вамъ, что я не имѣю никакихъ свѣдѣній о непозволительныхъ сношеніяхъ посредствомъ писемъ, пересылокъ или инымъ путемъ, которыя произошли-бы или еще происходили между Лонгвудомъ и жителями Св. Елены или Европою. Если бы мнѣ удалось открыть подобныя сношенія, могущія подать поводъ хотя-бы къ малѣйшимъ опасеніямъ на счетъ вѣрности ихъ охраны, я бы ни на минуту не замедлилъ, согласно буквѣ моей инструкціи: *„Вы будете наблюдать за всѣмъ и во всемъ отдавать отчетъ“* донести о томъ моему двору, да и васъ счелъ-бы долгомъ объ этомъ предъупредить.

Честь имѣю быть и т. д.“

Коммиссары, Французскій и Австрійскій, отвѣчали въ томъ-же смыслѣ. В-е С-во найдете въ этомъ конвертѣ прокламацію сэра Гудсона Лоу, которая была читана, по приказанію этого послѣдняго, всѣмъ служителямъ-Англичанамъ въ Лонгвудѣ. Когда это дошло до свѣдѣнія Бонапарта, то онъ объявилъ на отрѣзъ, что не хочетъ болѣе, что-бы они оставались у него въ службѣ, и всѣхъ ихъ безъ различія отпустилъ.

XVIII.

S-te Hélène ce 28 Mai 1818 n. st. Par le Général Kid de la Comp. des Indes. Capt. Nairue.

Mes trois années de séjour à Ste Hélène devant expirer le 18 Juin 1819, je crois devoir profiter de la première occasion qui se présentera vers ce temps là pour retourner en Europe et ne puis omettre d'informer V. E. que loin de m'acclimatiser sur cet affreux rocher, j'y souffre constamment des nerfs. De l'aveu de tous les médecins, la chaleur excessive, insupportable des tropiques est nuisible à ma santé et l'a déjà abimée.

XVIII.

Св. Елена 28 Мая 1818 н. ст. съ Генер. Кидомъ Остъинд. комп. кап. Нерю.

Такъ какъ трехгодичный срокъ моего пребыванія на Св. Еленѣ долженъ истечь 18-го Іюня 1819-го года, считаю нужнымъ воспользоваться первымъ случаемъ, который представится около этого времени, что-бы вернуться въ Европу, и не могу преминуть донести В-му С-ву, что вмѣсто того чтобы приживаться къ этой ужасной скалѣ, я здѣсь безпрестанно страдаю нервнымъ разстройствомъ. По свидѣтельству всѣхъ медиковъ, крайній, нестерпимый жаръ тропиковъ вреденъ для моего здоровья и уже подточилъ его.

XIX.

S-te Hélène ce 5 Juin 1818 n. st. Par le General Kid de la Comp. des Indes. Capt. Nairue.

Hier Bonaparte a eu un accès de fièvre nerveuse et la tête extrêmement

embarassée. On lui fait avaler des sudorifiques qui le soulagent beaucoup. Il est mieux ce matin, mais ses jambes, ses lèvres et ses gencives sont fort enflées, et il a mal aux dents. Il souffre aussi de l'estomac et des entrailles. Tous les jours il se purge avec des sels.

C'est le gouverneur qui nous a communiqué ces détails. Il nous a déclaré en même temps que les tenant du Dr. O'Meara, un homme suspect et dévoué aux Français, il n'osait en garantir la véracité. Sa conduite peu conciliante envers tout le monde l'a réduit à n'être sûr de rien et à se faire des ennemis partout. Les commissaires des Puissances Alliées n'ont également aucun moyen de s'assurer de l'état des choses. Il les éloigne de Bonaparte, de son entourage et de Longwood autant que possible, et il en résulte que parce que Mr. Lowe ne peut s'arranger avec personne et ne voit partout que traitres et trahison, l'Europe doit ignorer ce que fait son Prisonnier.

XIX.

Св. Елена, 5-го Іюня 1818 г. н. ст., съ Генер. Кидомъ Остънид. комп. кап. Нерю.

Вчера съ Бонапартомъ былъ припадокъ нервной лихорадки, и голова его была очень тяжела. Его заставляютъ принимать потогонныя, которыя очень его облегчаютъ. Ныньче утромъ ему лучше, но его ноги, его губы и десны очень распухли, и у него болятъ зубы. Онъ также ощущаетъ боль въ желудкѣ и въ кишкахъ. Каждый день онъ принимаетъ слабительныя соли.

Эти подробности сообщилъ намъ губернаторъ. Въ то-же время онъ объяснилъ намъ, что, узнавъ ихъ отъ доктора О'Меара, человѣка подозрительнаго и преданнаго Французамъ, онъ не смѣетъ ручаться за ихъ достовѣрность. Его необщительное поведеніе со всѣми окружающими привело его къ тому, что онъ не можетъ быть ни въ чемъ увѣренъ и надѣлалъ себѣ повсюду враговъ. Коммиссары Союзныхъ Державъ также не имѣютъ никакихъ средствъ узнать положеніе вещей. Онъ удаляетъ ихъ отъ Бонапарта, отъ его свиты и отъ Лонгвуда, насколько это ему возможно, и изъ этого выходитъ, что потому что г. Лоу не умѣетъ ни съ кѣмъ ладить и видитъ повсюду лишь предателей и предательство, Европа должна оставаться въ невѣдѣніи на счетъ того, что̀ дѣлается съ ея Узникомъ.

XX.

S-te Hélène ce 18 Juin 1818 n. st. l'Ocean Storeship. Capt. Johnson.

Napoléon a toujours son mal de côté. Depuis six semaines il n'est pas sorti de son cabinet et personne, excepté son entourage, ne l'a vu. Il passe sa journée en robe de chambre ou bien reste au lit. Tous les Dimanches on lui apporte un bulletin de sa santé qu'il lit attentivement, approuve ou rectifie et qu'il remet ensuite à Bertrand.

Le gouverneur a declaré ces bulletins nuls, mensongers; il m'a dit que jamais il n'en prendrait connaissance et qu'il en avait défendu la publication. On en fait, malgré cela, circuler à Ste Hélène et V. E. trouvera ci-inclus tous ceux qui ont paru jusqu'à ce jour. Comme ils ne sont pas officiels, je ne les transmets au Ministère Impérial que pour compléter ma correspondance. Je les crois un peu exagérés: O'Meara est ami des Français et veut intéresser l'Europe au sort de son Prisonnier; mais on le dit incapable d'en rédiger de faux, de manquer à ce point à l'honneur et à sa conscience. Napoléon est réellement malade, sa constitution est affaiblie, ce n'est que trop certain. Ces bulletins et les deux autres pièces de Longwood seront tôt ou tard insérés dans les journaux Anglais.

P. S. On assure que Bonaparte dit à qui veut l'entendre que si Marie Louise et son fils devaient lui être présentés par sir Hudson Lowe, il ne les recevrait pas.

XX.

Св. Елена, 18 Іюня 1818 н. ст., съ кор. Океаномъ, кап. Джонсонъ.

У Наполеона все еще болитъ бокъ. Вотъ уже шесть недѣль, какъ онъ не выходилъ изъ своего кабинета, и какъ никто, кромѣ приближенныхъ, его не видалъ. Онъ проводитъ дни въ халатѣ или лежа въ постели. Всякое Воскресенье ему приносятъ бюллетень о его здоровьи, который онъ внимательно прочитываетъ, одобряетъ или поправляетъ, а за тѣмъ передаетъ Бертрану.

Губернаторъ объявилъ, что эти бюллетени недѣйствительны, ложны, сказалъ мнѣ, что онъ никогда не приметъ ихъ къ свѣдѣнію, и что онъ запретилъ ихъ обнародованіе. Но несмотря на то, ихъ распространяютъ по Св. Еленѣ, и В-е С-во найдете при семъ всѣ тѣ, которые вышли до сихъ поръ. Такъ какъ они не оффиціальны, то сообщаю ихъ Императорскому Министерству лишь какъ дополненіе къ моимъ донесеніямъ. Я полагаю, что они немного преувеличены: О'Меара другъ Французовъ и хочетъ заинтересовать Европу судьбою ея Узника; но какъ говорятъ, онъ не способенъ сочинять ложные бюллетени, поступать до такой степени противъ чести и совѣсти. Наполеонъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, его организмъ потрясенъ, это слишкомъ вѣрно. Эти бюллетени и два другіе документа изъ Лонгвуда рано или поздно будутъ помѣщены въ Англійскихъ журналахъ.

P. S. Увѣряютъ, что Бонапартъ говоритъ всякому, кто хочетъ слушать, что если-бы Марія-Луиза и его сынъ явились къ нему съ сэромъ Гудсономъ Лоу, онъ-бы ихъ не принялъ.

XXI.

S-te Hélène ce 11 Juillet 1818 n. st. Par le Northumberland de la Comp. des Indes. Capt. Mitchell.

Le Baron Stürmer vient de recevoir son rappel. Le terme de son séjour à Ste Hélène, qui avait été fixé à deux ans, est expiré le 18 Juin dernier. Il est nommé consul général aux Etats Unis et fera voile aujourd'hui pour l'Europe. J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. sa lettre de congé au gouverneur et la réponse qu'il en reçue. Le Marquis de Montchenu est chargé provisoirement et jusqu'à ce qu'il plaise à la cour de Vienne de'nvoyer un autre commissaire, d'en remplir les fonctions et de correspondre avec le Ministère Autrichien.

Ne voulant pas quitter Ste Hélène sans voir Napoléon, M-r. de Stürmer pria Sir Hudson Lowe de s'employer de son mieux à lui en procurer l'occasion et promit de se soumettre à tous les réglements prescrits en pareil cas aux simples voyageurs. Celui-ci, quoique résolu de contrarier ce dessein, eut l'air de s'y prêter et se rendit avec lui à Longwood; mais au lieu de faire à Bertrand la visite d'usage, il chargea le Major Gorrequer d'arranger cette affaire avec Montholon; ce procédé peu delicat fâcha Napoléon et valut à ces messieurs la lettre ci-jointe en copie.

Ces jours passés, étant sans nouvelles de Longwood, j'essayai d'en demander au gouverneur. Je me doutais bien qu'il n'en saurait aucune; mais il m'avait écrit dans sa note du 4 Juin: «Veuillez bien croire que je serai toujours prêt et que je désire particulièrement vous donner toutes les informations possibles sur Napoléon Bonaparte chaque fois que vous me ferez l'honneur de m'en demander». Et je voulais, en le prenant au mot, me mettre par-

faitement en régle avec lui et jouir de son embarras. Il m'apporta lui même sa réponse, qui n'est d'un bout à l'autre que galimatias. V. E. la trouvera ci-jointe en copie.

Napoléon est indigné que l'Autriche ait rappelé son commissaire. Il m'a fait dire par Montholon qu'il se réjouissait de me conserver près de lui, que j'exerçais sur ce rocher un contrôle indirect et tout essentiel à sa sûreté, qu'il espérait de la magnanimité de notre Auguste Maitre, que jamais Il n'abandonnerait un Prince malheureux, qu'il Le conjurait, par le souvenir d'une ancienne amitié, de l'arracher à cet affreux exil, de lui en désigner un autre moins insalubre; qu'étant l'arbitre de l'Europe Il le pouvait aisément et que la postérité la plus reculée admirerait Sa conduite noble, sublime envers un homme qui a porté la guerre dans le sein de Son Empire. En même temps, il permit à Montholon de me communiquer divers écrits curieux et intéressants, entr'autres:

1-mo). Les anecdotes de son mariage avec Marie Louise. (Cette pièce est insérée déjà dans les journaux Anglais ou le sera incessamment).

2-do). Une relation de la bataille de Waterloo (celle que le général Gourgaud veut publier en France n'est pas la véritable).

3-tio). Une revue des campagnes de Fréderic le Grand. (C'est le héros de Napoléon).

4-to). La campagne de 1814 et les particularités secrètes de son retour à Paris en 1815.

Pour recueillir et copier tous ces écrits, il faudrait être plus libre que je ne le suis, de voir les Français à Longwood ou de les réunir chez moi.

Je ne puis fermer ce paquet sans avoir l'honneur d'informer V. E. que j'ai été grièvement malade le mois passé et que je souffre toujours des nerfs. Si le Ministère Impérial jugeait à propos de me continuer dans cet emploi au de là de trois années, je ne serais plus en état de m'en acquitter. L'air dévorant de ce rocher me tue, l'esprit même s'y affaiblit.

P. S. Je viens d'apprendre que la brochure intitulée: «Lettres écrites du Cap de Bonne Espérance», qu'on attribue à Las Cases et que V. E. a lue sans doute, est de Montholon.

XXI.

Св. Елена, 11 Іюля 1818 н. ст., съ Нортумберландомъ Остъинд. комп. кап. Мичель.

Баронъ Штюрмеръ отозванъ отъ своего поста. Срокъ его пребыванія на св. Еленѣ, опредѣленный въ два года, истекъ 18-го прошлаго мѣсяца. Онъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Соединенныхъ Штатахъ и сегодня отплываетъ въ Европу. Честь имѣю препроводить при семъ В-у С-ву его прощальное письмо къ губернатору и полученный имъ отвѣтъ. Маркизу Моншеню поручено временно, и пока Вѣнскому двору не заблагоразсудится послать другаго коммиссара, исправлять его должность и сноситься съ Австрійскимъ министерствомъ.

Не желая оставить св. Елену, не видавши Наполеона, г. Штюрмеръ попросилъ сэра Гудсона Лоу постараться о томъ, чтобы доставить ему къ тому случай, и обѣщалъ ему подвергнуться всѣмъ формальностямъ, предписаннымъ на этотъ случай простымъ путешественникамъ. Губернаторъ, хотя твердо рѣшившійся противодѣйствовать этому желанію, притворился, что хочетъ его исполнить, и отправился съ нимъ въ Лонгвудъ; но вмѣсто того, чтобы сдѣлать Бертрану обычный визитъ, онъ поручилъ майору Горрекеру уладить это дѣло съ Монтолономъ. Этотъ неделикатный способъ дѣйствія разсердилъ

Наполеона и навлекъ на этихъ господъ письмо, при семъ приложенное въ копіи.

На этихъ дняхъ, не имѣя извѣстій изъ Лонгвуда, я попытался попросить ихъ у губернатора. Я предвидѣлъ. что онъ ничего не будетъ знать; но онъ писалъ мнѣ отъ 4 Іюня: „Будьте увѣрены, что я всегда буду готовъ и особенно радъ давать вамъ всѣ возможныя свѣденія о Наполеонѣ Бонапартѣ каждый разъ, какъ вы сдѣлаете мнѣ честь обратиться за ними ко мнѣ.“ И я хотѣлъ поймать его за слово, отнять у него всякій поводъ къ нареканіямъ и насладиться его смущеніемъ. Онъ самъ принесъ мнѣ свой отвѣтъ, который съ начала до конца — галиматья. В-е С-во найдете его при семъ въ копіи.

Наполеонъ негодуетъ на то, что Австрія отозвала своего коммиссара. Онъ велѣлъ сказать мнѣ черезъ Монтолона, что онъ радуется тому, что я остаюсь при немъ, что я на этой скалѣ произвожу косвенный контроль, совершенно необходимый для его безопасности; что онъ ожидаетъ отъ великодушія нашего Августѣйшаго Повелителя, что никогда Онъ не оставитъ несчастнаго монарха, что онъ заклинаетъ Его, памятью старинной дружбы, исторгнуть его изъ этого ужаснаго мѣста изгнанія и назначить ему иное менѣе нездоровое; что Ему, рѣшающему судьбы Европы, это будетъ легко, и что самое отдаленное потомство будетъ удивляться Его благородному, возвышенному поступку съ человѣкомъ, который внесъ войну въ нѣдра Его Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ позволилъ Монтолону сообщить мнѣ разныя любопытныя и интересныя рукописи, между прочимъ:

1) Анекдоты о его бракѣ съ Маріею Луизою. (Этотъ документъ уже помѣщенъ въ Англійскихъ журналахъ или явится въ нихъ въ скоромъ времени).

2) Реляцію о битвѣ при Ватерлоо, (та, которую хочетъ напечатать во Франціи генералъ Гурго, не есть подлинная).

3) Взглядъ на кампаніи Фридриха Великаго. (Это герой Наполеона).

4) Кампанія 1814-го года и тайныя подробности его возвращенія въ Парижъ въ 1815 году.

Для того, чтобы собрать и списать всѣ эти бумаги, мнѣ нужно было-бы свободнѣе посѣщать Французовъ въ Лонгвудѣ и принимать ихъ у себя.

Не могу запечатать этого конверта, не извѣстивъ В-го С-ва, что я прошлымъ мѣсяцомъ былъ тяжко боленъ, и что я все еще страдаю нервами. Еслибы Императорское Министерство сочло нужнымъ сохранить за мною эту должность долѣе трехъ лѣтъ, я не былъ-бы болѣе въ состояніи исполнять ее. Жгучій воздухъ на этой скалѣ убиваетъ меня, самый умъ мой здѣсь слабѣетъ.

P. S. Я только что узналъ, что брошюра подъ заглавіемъ: „Письма съ Мыса Доброй Надежды“, приписанная Ласъ Казу, и которую конечно читали В-е С-во, написана Монтолономъ.

XXII.

S-te Hélène ce 11 Juillet 1818 n. st. Par le Northumberland de la Comp. des Indes. Capt. Mitchell.

Ce matin, M-r. de Stürmer a fait une nouvelle démarche à Plantation-House pour être présenté à Longwood. Il a demandé à y aller sans être accompagné d'un officier Anglais et à faire au C-te Bertrand la visite d'usage. Le gouverneur vient de lui répondre ce qui suit:

«Monsieur le Baron.

Pendant que j'étais occupé à dicter une réponse à votre lettre, j'ai reçu un rapport, qui met fin à toute question sur votre projet de voir Napoléon Bonaparte avant votre départ; car dans ce rapport, on le représente comme ayant été très malade durant la nuit; à tel point même qu'il a enfin consenti à consulter une autre personne de la faculté, et c'est le chirurgien du vaisseau amiral qu'il a fait appeler».

Le gouverneur n'a pas jugé à propos de me communiquer ce rapport de Longwood. On m'assure que Napoléon a fait répondre chaque fois qu'on lui a proposé un médecin de la part de sir Hudson Lowe: «Il n'y a qu'un fou qui prenne un médecin de la main de son ennemi».

P. S. Je fermais ce paquet lorsqu'on m'apporta de Plantation-House une note du gouverneur relative à l'indisposition de Napoléon de la nuit dernière, que je m'empresse d'envoyer ci-jointe au Ministère Impérial en original.

XXII.

Св. Елена, 11 Іюля 1818 г. н. ст. съ Нортумберландомъ Остъинд. комп. Кап. Мичель.

Ныньче утромъ, г. Штюрмеръ сдѣлалъ новую попытку въ Плантешенъ-Гоузѣ, чтобы быть представленнымъ въ Лонгвудѣ. Онъ попросилъ позволенія отправиться туда безъ Англійскаго офицера и сдѣлать графу Бертрану обычный визитъ. Губернаторъ отвѣтилъ ему слѣдующее:

«Господинъ баронъ,

Въ то время, какъ я диктовалъ отвѣтъ на ваше письмо, я получилъ донесеніе, полагающее конецъ всякому вопросу о Вашемъ желаніи видѣть Наполеона Бонапарта, до вашего отъѣзда; ибо въ этомъ донесеніи говорится, что онъ въ теченіи ночи былъ очень боленъ, и это до такой степени, что онъ наконецъ рѣшился обратиться къ другому медику, и послалъ за хирургомъ адмиральскаго корабля.“

Губернаторъ не счелъ нужнымъ сообщить мнѣ это донесеніе изъ Лонгвуда. Увѣряютъ меня, что Наполеонъ, всякій разъ, какъ ему отъ сэра Гудсона Лоу предлагали медика, приказывалъ отвѣчать ему: *только сумасшедшій возьметъ себѣ медика изъ рукъ врага.*

P. S. Я запечатывалъ этотъ конвертъ, когда мнѣ привезли изъ Плантешенъ-Гоуза записку губернатора, относящуюся къ нездоровью Наполеона нынѣшнею ночью, которую я спѣшу послать при семъ Императорскому Министерству въ оригиналѣ.

XXIII.

S-te Hélène ce 15 Juillet 1818 n. st. Par le Griffon brig. Capt. Wright.

Napoléon a décidement le foie opilé. Après un examen attentif de tous les symptômes de sa maladie, le Dr. O'Meara l'a declaré de nouveau et en termes précis, formels. Il nomme cette maladie une «Hepatkie Chronique». Le gouverneur lui même n'ose plus le nier et m'a dit ce matin d'un air assez embarassé: «que le Prisonnier de l'Europe était réellement malade, qu'il prenait beaucoup de mercure, qu'on lui recommandait l'exercice du cheval, mais qu'il ne bougeait pas de sa chambre à coucher et se tuait à plaisir».

Mr. Stokoe, chirurgien du vaisseau amiral, qui avait été appelé à Longwood le 11 de ce mois, a refusé de voir Napoleon et d'entrer en consultation avec O'Meara. Les deux lettres ci-jointes en copie, prouvent qu'il a craint de choquer Mr. Baxter, le protégé du gouverneur et de s'attirer de méchantes affaires.

Le Capt. Blakemy vient d'obtenir sa démission du poste d'officier d'ordonnance à Longwood, et Lt.-Colonel Lyster Inspecteur de la milice et ami intime de Sir Hudson Lowe l'y remplace. C'est un Irlandais avancé en age et très honnête homme. En 1793 il était Major de place à Ajaccio où il a connu la famille Bonaparte. Napoléon le déteste et lui a déjà fait refuser sa porte.

On fait dans le Journal Ministeriel «The Courrier» du 17 Avril 1818 un éloge pompeux de l'adjudant-general Sir Thomas Reade. On y assure entr'autres que ce dernier a des manières polies

et même raffinées, un très heureux et très aimable caractère, beaucoup d'instruction, qu'il sait parfaitement l'Italien et que Bonaparte le voit avec plaisir. Tout cela est faux. L'adjudant-général Sir Thomas Reade est l'ami, le conseiller intime, le confident unique du gouverneur et par cette raison ne communique avec personne à Longwood. Il sait un peu d'Italien, mais n'a nulle étude, et ce n'est pas un homme aimable, ni d'esprit, ni de bonne conversation: c'est un John Bull tout cru. Napoléon dédaigne de le voir, de lui parler, et les Anglais le craignent.

Longwood fait imprimer en Europe deux manuscrits fort intéressants:

L'un est intitulé: «Manuscrit venu de l'île d'Elbe, par le Comte *** et traite des événements de 1814 et 1815.

L'autre est un 2-me Manuscrit venu de Ste Hélène, par le Comte *** auteur du 1-er Manuscrit venu de Ste Hélène. C'est une relation de la bataille de Waterloo.

Ils sont de Napoléon lui-même. On vient de me le dire en grand secret, et je le garantis à V. E. Le 1-er Manuscrit venu de St. Hélène n'est pas de lui, mais il en adopté les idées, et le 2-me en est un supplément.

XXIII.

Св. Елена, 15-го Іюля 1818 г. н. ст. съ бригомъ Грифонъ, кап. Райтъ.

У Наполеона рѣшительно засорена печень. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ симптомовъ его болѣзни, докторъ О' Меара опять объявилъ это самымъ положительнымъ образомъ. Онъ называетъ его болѣзнь хроническимъ воспаленіемъ въ печени. Самъ губернаторъ не смѣетъ болѣе этого отрицать, и сказалъ мнѣ нынѣче утромъ, съ видомъ довольно смущеннымъ: что Узникъ Европы дѣйствительно боленъ, что онъ принимаетъ много ртутныхъ лѣкарствъ, что ему предписываютъ верховую ѣзду, но что онъ не двигается съ мѣста и сознательно моритъ себя.

Г. Стоко, хирургъ адмиральскаго корабля, котораго призывали въ Лонгвудъ 11-го этого мѣсяца, отказался видѣть Наполеона и вступать въ консультацію съ О' Меара. Приложенныя при семъ въ копіяхъ два письма доказываютъ, что онъ побоялся обидѣть г. Бакстера, любимца губернатора, и навлечь на себя непріятности.

Капитанъ Блекмей испросилъ себѣ отставку отъ должности ординарца въ Лонгвудѣ. Майоръ Листеръ, инспекторъ милиціи и близкій другъ сэра Гудсона Лоу, замѣняетъ его. Это Ирландецъ, человѣкъ пожилой и очень честный. Въ 1793 году, онъ былъ плацъ-майоромъ въ Аяччіо, гдѣ онъ зналъ семейство Бонапарта. Наполеонъ ненавидитъ его и уже велѣлъ его къ себѣ не пускать.

Въ министерскомъ журналѣ „Курьеръ“ отъ 17-го Апрѣля 1818 пышно расхваливаютъ старшаго адъютанта, сэра Томаса Рида. Въ журналѣ этомъ увѣряютъ между прочимъ, что онъ имѣетъ манеры учтивыя и даже утонченныя, открытый и весьма любезный характеръ, много свѣдѣній, что онъ отлично говоритъ по италіянски, и что Бонапартъ съ удовольствіемъ видается съ нимъ. Все это неправда. Сэръ Томасъ Ридъ — другъ, ближайшій совѣтникъ, единственный повѣренный губернатора и по этой причинѣ ни съ кѣмъ въ Лонгвудѣ не имѣетъ сообщеній. Онъ знаетъ немного по италіянски, но вообще онъ мало свѣдущъ, и онъ ни любезенъ, ни уменъ, ни пріятенъ въ разговорѣ — это необтесанный Джонъ Буль. Наполеонъ не удостоиваетъ его ни взгляда, ни слова, и Англичане его боятся.

Лонгвудъ издаетъ въ Европѣ двѣ весьма интересныя рукописи:

Одна изъ нихъ озаглавлена: „Рукопись съ острова Эльбы, графа ***“ и трактуетъ о событіяхъ 1814 и 1815-го годовъ.

Другая—„Вторая рукопись съ острова Св. Елены, графа *** автора первой рукописи съ острова Св. Елены.“ Это реляція о битвѣ при Ватерлоо.

Авторъ ихъ—самъ Наполеонъ. Мнѣ только что сообщили это подъ величайшимъ секретомъ, и я ручаюсь въ этомъ передъ В-мъ С-мъ. „Первая рукопись съ острова Св. Елены“ написана не имъ, но онъ согласился съ выраженными въ ней мыслями, и „вторая“ есть дополненіе къ ней.

XXIV.

S-te Hélène ce 20 Juillet 1818 n. st. Par le Griffon brig. Capt. Wright

Il y a querelle entre Longwood et Plantation-House à l'occasion du nouvel officier d'ordonnance, qui déplait à Bonaparte et dont il veut se défaire. Le Gouverneur le soutient vigoureusement, et de part et d'autre on s'écrit des épitres violentes. Je ne tarderai pas à envoyer les copies au Ministère Impérial.

XXIV.

Св. Елена, 20 Іюля 1818 н. ст. Съ бригомъ Грифонъ, кап. Райтъ.

Между Лонгвудомъ и Плантешенъ-гоузомъ ссора по поводу новаго ординарца, который не нравится Бонапарту и отъ котораго онъ хочетъ отдѣлаться. Губернаторъ сильно поддерживаетъ его, и они пишутъ другъ къ другу раздраженныя письма. Не замедлю прислать копіи съ нихъ Императорскому Министерству.

XXV.

S-te Hélène ce 26 Juillet 1818 n. st. Par le Griffon brig. Capt. Wright.

Il est arrivé un grand esclandre à Longwood. Le lt. colonel Lyster, qui avait à se plaindre des procédés du Cte Bertrand, l'a provoqué en duel le 24 de ce mois et menace de le rouer de coups. Il a même insulté Napoléon. V. E. trouvera ci-joint la copie de trois lettres, où le fait est raconté fort en détail. Je n'ai pas le temps aujourd'hui d'y ajouter mes observations.

En conformité d'un ordre de Mylord Bathurst du 16 Mai 1818 et communiqué hier au Dr. O'Meara, ce dernier a quitté Longwood ce matin et retourne en Europe. Il a reçu le même jour une lettre des lords de l'Amirauté, qui louent son zèle, sa conduite, rendent de bons témoignages de sa capacité et lui font espérer un autre emploi honorable et lucratif.

Le Gouverneur ayant appris qu'il tenait un journal sur la maladie de Napoléon, lui enjoignit expressément d'en laisser une copie ou des extraits au dr. Baxter, mais il ne voulut pas s'en dessaisir. «Contentez vous, lui dit-il, des bulletins non officiels déposés chez le C-te Bertrand. Ils ne sont ni faux, ni préparés, et si vous n'y croyez pas, vous ne croirez pas non plus à mon journal».

P. S. 27 Juillet. Le Docteur Verling de l'Artillerie Royale a remplacé O'Meara à Longwood. Napoléon accable Sir Hudson Lowe de reproches, d'injures. Il est dans une grande agitation d'esprit et ne veut voir aucun médecin. Le lt. colonel Lyster est redevenu Inspecteur de la milice. Le lieutenant Jackson de la Compagnie des ouvriers, est nommé provisoirement officier d'ordonnance.

M-r de Montchenu a demandé au Roi son Maître, en récompense de ses services à S-te Hélène, le brevet de lt. général, le cordon rouge, 500 liv. sterlg. d'augmentation par an et à l'Empereur François 1200 liv. st. de traitement comme commissaire d'Autriche. Il faut convenir, s'il obtient tout cela, qu'il ne sera pas à plaindre.

XXV.

Св. Елена, 26 Іюля 1818 г. н. ст. съ бригомъ Грифонъ, кап. Райтъ.

Въ Лонгвудѣ произошла большая ссора. Майоръ Листеръ, имѣвшій поводъ жаловаться на поступки съ нимъ гр. Бертрана, вызвалъ его на дуэль 24-го этого мѣсяца, и грозитъ прибить его. Онъ даже оскорбилъ Наполеона. В-е С-во найдете при семъ копію съ трехъ писемъ, въ которыхъ фактъ разсказанъ весьма подробно. Не имѣю сегодня времени присовокупить къ этому разсказу мои замѣчанія.

Согласно приказанію лорда Батурса отъ 16-го Мая 1818, сообщенному вчера доктору О'Меара, этотъ послѣдній нынче утромъ оставилъ Лонгвудъ и возвращается въ Европу. Онъ въ тотъже день получилъ письмо отъ лордовъ Адмиралтейства, которые хвалятъ его рвеніе, его поведеніе, свидѣтельствуютъ объ отличныхъ его способностяхъ, и подаютъ ему надежду на другую почетную и прибыльную должность.

Губернаторъ, узнавъ, что онъ велъ журналъ о болѣзни Наполеона, настоятельно потребовалъ, что бы онъ оставилъ съ него копію или извлеченія доктору Бакстеру, но онъ не захотѣлъ выпустить его изъ рукъ. „Довольствуйтесь — отвѣчалъ онъ — неоффиціяльными бюллетенями, хранящимися у гр. Бертрана: они ни лживы, ни поддѣльны, и если вы имъ не вѣрите, вы не повѣрите также моему журналу.“

P. S. 27 Іюля. Докторъ Верлингъ изъ Королевской Артиллеріи замѣнилъ О'Меара въ Лонгвудѣ. Наполеонъ осыпаетъ сэра Гудсона Лоу упреками, бранью. Онъ въ крайнемъ волненіи и не хочетъ видѣть никакого медика. Майоръ Листеръ снова сдѣланъ инспекторомъ милиціи; лейтенантъ Джаксонъ изъ Компаніи рабочихъ временно назначенъ ординарцемъ.

Г. Моншеню попросилъ у короля, въ награду за свою службу на Св. Еленѣ, назначенія въ генералъ-лейтенанты, красной ленты и прибавки жалованія въ 500 ф. стерл. въ годъ, а у Императора Франца 1200 ф. ст. содержанія въ качествѣ коммиссара Австріи. Если онъ все это получитъ, то надобно сознаться, что ему жаловаться будетъ не на что.

XXVI.

S-te Hélène ce 2 Aout 1818 n. st. Par le Général Harris de la Comp. des Indes. Capt. Wellstead.

Ce matin le Dr. O'Meara est parti pour l'Europe sur le brig «Griffon», capt. Wright. On ignore à Ste Hélène ce qui a décidé Mylord Bathurst à lui ôter son emploi. J'ai pris à cet égard des informations de tous les côtés et n'ai rien découvert. Le gouverneur m'a dit en termes généraux qu'O'Meara était enthousiaste de Bonaparte, et capable de lui sacrifier son honneur et ses devoirs. Les Français m'ont soutenu le contraire, et O'Meara m'a assuré qu'il se justifierait à Londres des accusations intentées contre lui, que sa disgrace venait uniquement de ce qu'il n'avait pas voulu servir d'espion au Gouverneur. J'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. la copie de trois lettres relatives à son départ.

Napoléon ne voit pas encore le Dr. Verling et a cessé de prendre du mercure. Ces jours derniers il se portait mieux et avait même assez bonne mine, mais il est presque toujours au lit, ne fait aucun exercice et s'affaiblit. On a forcé le capt. Blakemy de continuer ses fonctions d'officier d'ordonnance à Longwood. Il y est établi de nouveau et se plaint amèrement de son sort. V. E. trouvera ci-après une lettre que j'ai écrite au Gouverneur sur le rappel du Dr. O'Meara et la réponse du gouverneur à ma lettre.

Monsieur le Gouverneur,

Veuillez me permettre de recommander à vos soins obligeants mon paquet

ci-joint à M-r le C-te de Lieven. Je vous avoue que j'ai été un peu embarassé de parler du rappel du Dr. O'Meara; ne sachant s'il avait eu simplement sa démission ou si ayant commis quelque faute grave, il partait comme prisonnier pour être jugé à Londres. Les bruits de l'ile à son sujet varient beaucoup. Il est probable que son départ précipité fera sensation en Europe, et je suis fâché de ne pouvoir en expliquer à ma Cour le véritable motif. Le renvoi et l'arrestation du seul médecin en qui Napoleon aie mis sa confiance est un fait sur lequel j'aurais désiré avoir une opinion sûre et invariable. Je ne puis juger des principes et de la conduite du Dr. O'Meara que d'après mes relations personnelles avec lui, et elles sont toutes à son avantage. Je l'ai toujours trouvé sage, circonspect et surtout bon Anglais, aussi j'ai cru devoir en toute occasion lui donner les éloges qu'il méritait à mes yeux. Je vous demande pardon, Monsieur le Gouverneur, de vous importuner de détails, qui ne peuvent vous intéresser, mais obligé de rendre compte à St. Pétersbourg de ce qui se passe à Ste Hélène, j'ai voulu que vous sachiez l'incertitude où je me trouve à l'égard d'un fait assez important; car sans doute il vous a fallu, ainsi qu'à Mylord Bathurst, de fortes raisons et une faute sérieuse, prouvée à l'évidence, pour renvoyer O'Meara de l'ile si subitement et dans un moment où son assistance à Longwood a été déclarée indispensable.

Réponse de Sir Hudson Lowe.

Monsieur le comte,

J'ai cru vous avoir expliqué l'autre jour chez M-r de Montchenu que M-r O'Meara avait été retiré de son emploi à Longwood et renvoyé de cette ile par ordre direct de son gouvernement. Il est chirurgien de la marine Royale Anglaise, dans l'emploi de son propre gouvernement et ne dépendant nullement de Napoléon Bonaparte; ainsi il n'y a pas de compte à rendre. Cependant, il n'aura probablement pas été retiré de sa situation sans qu'on aie été determiné à cette mesure en Angleterre par des motifs puissants outre ce qui est connu de sa conduite dans cette ile. On a offert à Napoléon Bonaparte le choix de tous les autres médecins et chirurgiens résidant à Ste Hélène et en attendant on a placé auprès de lui le Docteur Verling, homme de mérite et du caractère le plus honorable, contre lequel on sait qu'il n'a pas eu d'objection personnelle.

XXVI.

Св. Елена 2 Авг. 1818 н. ст., съ Генераломъ Гаррисомъ Остъинд. комп., капит. Вельстедъ.

Нынче утромъ, докторъ О'Меара уѣхалъ въ Европу на бригѣ „Гриффонъ“, капитанъ Райтъ. На Св. Еленѣ не знаютъ, что побудило Милорда Батурса отрѣшить его отъ должности. Я на этотъ счетъ со всѣхъ сторонъ собиралъ справки и ничего не узналъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ въ общихъ выраженіяхъ, что О'Меара бредитъ Наполеономъ и способенъ пожертвовать ему своею честію и всѣми своими обязанностями. Французы утверждаютъ противное, а О'Меара увѣрялъ меня, что онъ оправдается въ Лондонѣ въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него, что его опала происходитъ единственно отъ того, что онъ не хотѣлъ служить шпіономъ губернатору. Честь имѣю препроводить при семъ В-му С-ву копіи съ трехъ писемъ, относящихся къ его отъѣзду.

Наполеонъ еще не допускаетъ до себя доктора Верлинга и пересталъ принимать ртутное лѣкарство. Эти послѣдніе дни, онъ чувствовалъ себя лучше и даже имѣлъ видъ довольно здоровый,

но онъ почти постоянно лежитъ въ постели, не дѣлаетъ моціона и слабѣетъ. Капитана Блекмея принудили продолжать исполненіе должности ординарца въ Лонгвудѣ. Онъ снова водворенъ тамъ и горько жалуется на свою судьбу. В-е С-во найдете ниже письмо, написанное мною губернатору по поводу отозванія доктора О'Меара и отвѣтъ губернатора на это письмо.

Господинъ губернаторъ.

Позвольте мнѣ поручить вашимъ обязательнымъ попеченіямъ приложенный при семъ пакетъ мой къ гр. Ливену. Признаюсь, что я былъ нѣсколько затрудненъ, говоря объ отозваніи доктора О'Меара; ибо я не знаю, просто-ли онъ получилъ отставку, или онъ ѣдетъ въ Лондонъ арестованный, что-бы быть судимымъ за какой либо важный проступокъ. Слухи о немъ на островѣ весьма разнообразны. Весьма вѣроятно, что его внезапный отъѣздъ произведетъ впечатлѣніе въ Европѣ, и сожалѣю, что не могу объяснить моему Двору истинную его причину. Удаленіе и арестъ единственнаго медика, снискавшаго довѣріе Наполеона, есть фактъ, относительно котораго я желалъ-бы имѣть основательное и неизмѣнное мнѣніе. Объ убѣжденіяхъ и поведеніи доктора О'Меара могу судить только по личнымъ моимъ сношеніямъ съ нимъ, и они говорятъ совершенно въ его пользу. Я всегда находилъ его благоразумнымъ, осторожнымъ, и главное ревностнымъ Англичаниномъ, и по этому считалъ долгомъ при всякомъ случаѣ упоминать о немъ съ тою похвалою, которой онъ заслуживалъ въ моихъ глазахъ. Извините меня, г. губернаторъ, за то, что утруждаю васъ подробностями, которыя не могутъ васъ интересовать; но, будучи обязанъ отдавать въ Петербургѣ отчетъ о томъ, что̀ происходитъ на Св. Еленѣ, я хотѣлъ, что-бы вы знали о недоумѣніи, въ которомъ я нахожусь относительно факта довольно важнаго, ибо конечно и вамъ и лорду Батурсу нужны были сильныя побудительныя причины и тяжкій проступокъ, несомнѣнно доказанный, для того, что-бы выслать съ острова О'Меара столь внезапно, и въ минуту, когда помощь его въ Лонгвудѣ была признана необходимою.

ОТВѢТЪ СЭРА ГУДСОНА ЛОУ.

Графъ. Я кажется объяснилъ вамъ на дняхъ у г. Моншеню, что г. О'Меара былъ отозванъ отъ своей должности въ Лонгвудѣ и высланъ съ этого острова по прямому приказанію своего начальства. Онъ хирургъ королевскаго англійскаго флота, служитъ собственному своему правительству, нисколько не зависитъ отъ Наполеона Бонапарта, и по этому ни о какихъ отчетахъ не можетъ быть рѣчи. Однако-же, весьма вѣроятно, что его не удалили-бы отъ занимаемой имъ должности, если-бы на это не было сильныхъ поводовъ, кромѣ того, что̀ извѣстно о поведеніи его на этомъ островѣ. Наполеону Бонапарту предложили на выборъ всѣхъ прочихъ медиковъ и хирурговъ, живущихъ на св. Еленѣ, и пока помѣстили при немъ доктора Верлинга, человѣка съ заслугами и самаго почтеннаго характера, противъ котораго, какъ извѣстно, онъ никакихъ личностей имѣть не могъ.

XXVII.

S-te Hélène ce 14 Aout 1818 n. st. Par le General Harris de la Comp. des Indes. Capt. Wellstead

Le Gouverneur vient de me faire une ample et exacte énumeration des fautes du Dr. O'Meara. Il le déclare atteint et convaincu:.

1-mo. D'avoir, à l'insu de l'officier d'ordonnance, remis au prêtre Brice la petite tabatière de 7 à 8 louis, dont il est fait mention dans mon rapport sub № 17, et m'a lu des documents relatifs à ce délit qui, selon moi, ne le prouvent pas suffisamment.

2-do. D'avoir, à l'insu de l'officier d'ordonnance, acheté en ville et voulu

porter à Longwood un télescope et des livres.

3-tio. D'avoir, un jour, à l'insu de l'officier d'ordonnance, averti les Français que le commissaire de Russie se promenait à cheval dans leur enceinte, ce qui les y a attirés.

4-to. D'avoir, à l'insu de l'officier d'ordonnance, parlé à Napoléon d'autre chose que de médecine ou d'obstruction au foie; enfin d'avoir commis cent fautes dans ce genre.–Je lui ai demandé s'il avait aidé à quelque projet dévasion, entretenu des correspondances suspectes etc. etc. Il ne me répondit ni oui ni non. Mais j'ai cru m'apercevoir, qu'il n'était pas tout à fait sans inquiétude sur ce que l'accusé dirait à Londres à sa justification et contre son accusateur.

Ces jours derniers, le C-te Montholon me sollicita avec toutes les instances possibles de me charger d'une lettre de Napoléon à notre Auguste Maitre. «Votre devoir, me dit-il, vous y oblige strictement, et vous y trouverez aussi votre avantage». Je ne lui repondis pas un mot.

«Le Baron Stürmer, reprit-il, s'est mal conduit à Longwood. Etant commissaire de famille, il pouvait y jouer un beau rôle. On ne lui demandait que des nouvelles de Marie Louise, et il a refusé d'en donner. Il est parti sans argent. L'Empereur désirait lui prêter 100 m. francs ou lui remettre des Mémoires historiques qu'il eut vendu 6 à 7 m. liv. sterlg. Mais il nous témoignait peu de confiance et s'est fait grand tort à lui même». On devine aisément ce que M-r Montholon voulait m'insinuer en parlant du Baron Stürmer.

«C'est, ajouta-t'il, en abandonnant le profit de nos rédactions à des voyageurs, à des officiers, à des marchands, à des capitaines de store-ships que tout passe et s'imprime en Europe. Les observations sur le discours de Mylord Bathurst y sont arrivées de cette manière, et nous avons maintenant un Manuscrit précieux qu'on veut mettre au jour. Le voulez-vous? On vous l'offre de bon coeur».

Je l'assurai, en plaisantant, que si j'étais en possession des écrits de Napoleon, je les enverrais de suite à l'Empereur Alexandre.

XXVII.

Св. Елена 14 Авг. 1818. н. ст., съ Генер. Гаррисомъ Остъинд. камп. кап. Вельстедъ.

Губернаторъ только что исчислилъ мнѣ, пространно и по пунктамъ, проступки доктора О'Меара. Онъ утверждаетъ, что докторъ уличенъ:

1) Въ томъ, что онъ, безъ вѣдома ординарца, передалъ священнику Брису маленькую табакерку (въ 7 или 8 луидоровъ), о которой говорится въ моемъ донесеніи подъ № 17. Онъ читалъ мнѣ документы, относящіеся къ этому проступку, но по моему мнѣнію, недостаточно его доказывающіе.

2) Въ томъ, что онъ, безъ вѣдома ординарца, купилъ въ городѣ и хотѣлъ повезти въ Лонгвудъ телескопъ и книги.

3) Въ томъ, что онъ однажды, безъ вѣдома ординарца, извѣстилъ Французовъ о томъ, что Русскій коммиссаръ гуляетъ верхомъ въ ихъ оградѣ, что̀ и привлекло ихъ туда.

4) Въ томъ, что онъ, безъ вѣдома ординарца, говорилъ съ Наполеономъ объ иныхъ вещахъ, чѣмъ о медицинѣ и о завалахъ въ печени; наконецъ, въ сотнѣ иныхъ, тому подобныхъ проступкахъ. Я спросилъ его, содѣйствовалъ-ли докторъ О'Меара какой либо попыткѣ къ бѣгству, велъ-ли онъ подозрительную переписку, и т. д. На это онъ не сказалъ мнѣ ни да, ни нѣтъ. Но мнѣ показалось, что онъ не совсѣмъ спокоенъ на счетъ того, что̀ скажетъ въ Лондонѣ обвиненный въ свою защиту и противъ обвинителя.

На этихъ послѣднихъ дняхъ, гр. Монтолонъ со всевозможною настоятельностію просилъ меня о томъ, чтобы я взялся доставить письмо отъ Наполеона къ нашему Августѣйшему Повелителю. „Ваша должность", сказалъ онъ мнѣ, „прямо васъ къ тому обязываетъ, и вы къ тому-же найдете въ этомъ вашу выгоду." Я не отвѣчалъ ни слова.

„Баронъ Штюрмеръ, — продолжалъ онъ — велъ себя дурно относительно Лонгвуда. Будучи коммиссаромъ родственной державы, онъ могъ-бы играть относительно насъ прекрасную роль. У него просили только извѣстій о Маріи-Луизѣ, и онъ отказалъ въ этомъ. Онъ уѣхалъ безъ денегъ. Императоръ желалъ дать ему въ займы сто тысячъ франковъ или передать ему историческія записки, которыя онъ продалъ-бы за 6 или 7 тысячъ фунтовъ стрл. Но онъ оказывалъ намъ мало довѣрія и тѣмъ сильно повредилъ самому себѣ." Легко угадать, что̀ хотѣлъ мнѣ дать понять г. Монтолонъ, говоря о баронѣ Штюрмерѣ.

„Предоставляя — прибавилъ онъ — путешественникамъ, купцамъ, капитанамъ купеческихъ кораблей, выручку съ нашихъ писаній, мы передаемъ ихъ въ Европу и тамъ печатаемъ. Замѣчанія на рѣчь лорда Батурса такимъ образомъ дошли до Европы, и у насъ теперь есть драгоцѣнная рукопись, которую желательно издать. Хотите вы ее? Она вполнѣ къ вашимъ услугамъ."

Я увѣрялъ его, шутя, что если-бы у меня были въ рукахъ писанія Наполеона, я тотчасъ-же послалъ-бы ихъ Императору Александру.

XXVIII.

S-te Hélène ce 18 Août 1818 n. st. Par le général Harris de la Comp. des Indes. Capt. Wellstead.

J'ai l'honneur d'informer V. E. qu'ayant eu de nouveau des attaques de nerfs et des spasmes à la tête réellement insupportables, je me suis décidé, après vingt-six mois de souffrances, à faire un petit voyage pour changer d'air et reprendre mes forces. Les médecins ont déclaré à l'unanimité que cela me devenait indispensable, et l'amiral Plampin m'a offert une excellente occasion d'aller à Rio Janeiro. Vers la fin d'Août il compte y envoyer un brig, qui sera de retour en Octobre. Cette navigation est facile et commode, — on la fait avec les vents alizés, — tandis que celle du Cap est longue, fatigante, périlleuse en hiver et ne me convient pas du tout. Il m'en coûte, Monsieur le Comte, de quitter mon poste de S-te Hélène et d'interrompre ma correspondance, qui amuse l'Empereur; mais en vérité je n'ai pas deux jours de santé de suite, et ma tournée ne durera que sept à huit semaines. — J'en serai revenu depuis un mois, quand V. E. recevra ce rapport.

XXVIII.

Св. Елена, 18 Августа 1818. н. ст., черезъ Генерала Гарриса Индійской компаніи, кап. Вельстедъ.

Честь имѣю извѣстить В-е С-во, что, подвергнувшись снова нервнымъ припадкамъ и судорогамъ въ головѣ, по истинѣ несноснымъ, я рѣшился, послѣ двадцатишести мѣсячныхъ страданій, сдѣлать маленькое путешествіе для перемѣны воздуха и подкрѣпленія моихъ силъ. Медики единогласно объявили, что это становится для меня необходимымъ, и адмиралъ Пламлинъ предложилъ мнѣ прекрасный случай, чтобы съѣздить въ Ріо Жанейро. Около конца Августа, онъ намѣренъ послать туда бригъ, который вернется въ Октябрѣ. Эта поѣздка легка и удобна — она совершается съ пассатами — между тѣмъ какъ поѣздка на Мысъ Доброй Надежды длинна, утомительна, опасна зимою и мнѣ вовсе не по сердцу. Мнѣ тяжело, графъ, оставлять мой постъ на св. Еленѣ и прерывать мою переписку, забавляющую Императора, — но поистинѣ, я не бываю здоровымъ и двухъ дней сряду, и моя прогулка не продлится болѣе семи или ось-

ми недѣль. Послѣ того какъ В-е С-во получите это донесеніе, чрезъ мѣсяцъ я возвращусь на Св. Елену.

XXIX.

Rio Janeiro ce 27 Septembre 1818 n. st. Par le paquebot Anglais le Duc d'Jork.

Je crois devoir informer V. E. qu'étant parti de Ste-Hélène le 22 Août dernier à bord du «David» transport Royal, capt. Hunton, je suis arrivé à Rio Janeiro le 11 de ce mois. Le 18 notre chargé d'affaires Mr Langsdorff me présenta au Roi, qui nous reçut en audience particulière et me parla des exilés de Longwood.—«L'Empereur, me dit S. M., est trop près du Brésil, cela est fort inquiétant. — Je l'assurai que l'Empereur était gardé à vue et ne pouvait s'échapper.—«J'ai oui dire, ajouta-t-il, que le gouverneur n'était pas un bon homme.»—«Au contraire, Lui repondis-je, c'est un bon homme tout à fait et qui se donne bien du mouvement pour le repos de l'ancien et du nouveau monde.»—«Oh, cela est naturel, s'écria-t-Il, et je lui en sais le meilleur gré possible». J'ai réellement été surpris de la bonhomie et surtout de l'extrême timidité de ce Monarque. Mr. Langsdorff m'a également introduit dans plusieurs salons, et partout on m'a demandé s'il était vrai que Napoléon traitait les commissaires des Puissances Alliées avec mépris et refusait absolument de les voir.—Je soupçonne M-r Chamberlain, chargé d'affaires d'Angleterre, d'avoir répandu ce bruit, et j'avoue de bonne foi que j'ai mis beaucoup d'empressement à en prouver l'absurdité.

Le «David» doit se remettre en mer incessamment, et j'espère être de retour à Ste-Hélène vers la fin du mois prochain.

XXIX.

Ріо Жанейро 27 Сент. 1818 г. н. ст. съ Англ. пакетботомъ Герцогъ Іоркскій.

Считаю долгомъ извѣстить васъ, что, выѣхавши изъ св. Елены 22-го минувшаго Августа, на „Давидѣ“ королевскомъ транспортѣ, кап. Гонтонъ, я прибылъ въ Ріо Жанейро 11-го сего мѣсяца. 18-го нашъ повѣренный въ дѣлахъ, г. Лангсдорфъ представилъ меня королю, который принялъ меня на частной аудіенціи и говорилъ со мною о Лонгвудскихъ изгнанникахъ.—Императоръ, сказалъ мнѣ Е. В-во, слишкомъ близокъ отъ Бразиліи. Это очень меня безпокоитъ. Я увѣрилъ его, что Императора стерегутъ неусыпно, и что бѣжать ему невозможно. — Мнѣ говорили, присовокупилъ Е. В-во, что губернаторъ недобрый человѣкъ.—Напротивъ, отвѣчалъ я, онъ человѣкъ очень хорошій, и не щадитъ своихъ трудовъ для спокойствія стараго и новаго свѣта.—О, это весьма естественно, воскликнулъ онъ, и я ему за это очень благодаренъ. Я поистинѣ былъ изумленъ добродушіемъ и въ особенности крайнею робостію этого Монарха. Г. Лангсдорфъ также ввелъ меня во многіе салоны, и повсюду меня спрашивали, правда-ли, что Наполеонъ обходится съ коммиссарами союзныхъ державъ презрительно, и на отрѣзъ отказывается ихъ видѣть.—Я подозрѣваю, что г. Чамберленъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ, распустилъ этотъ слухъ, и признаюсь чистосердечно, что я съ большимъ жаромъ доказывалъ его нелѣпость.

„Давидъ“ въ самомъ скоромъ времени долженъ снова выступить въ море, и я надѣюсь вернуться на Св. Елену около конца будущаго мѣсяца.

XXX.

Ste-Hélène ce 14 Decembre 1818 n. st. Remis par un des brigs en croisière à un bâtiment Anglais se rendant directement à Londres.

Aucun vaisseau n'étant parti pour l'Europe depuis environ six semaines, je n'ai pu encore avoir l'honneur d'infor-

mer V. E. de mon retour à ma triste et maussade destination ni de l'état actuel des choses à Longwood. Le Gouverneur m'a dit que Bonaparte s'obstinait à ne pas voir le D-r Verling et ne prenait plus de médecines, qu'il paraissait de temps à autres à sa fenêtre ou sur son perron, qu'on lui trouvait un air gai, content et assez bon visage, que cependant il n'osait l'affirmer.

Une personne de condition chez M-me Bertrand m'a dit que Napoléon se portait tantôt bien, tantôt mal, qu'il prenait des bains chauds, se couchait à midi, se levait à minuit, était toujours en robe de chambre et la tête enveloppée d'un cachemire.

Les C-tes Bertrand et Montholon m'ont assuré que la maladie de l'Empereur empirait à vue d'oeil et qu'il ressentait de furieuses douleurs au côté droit.

Enfin le D-r Verling m'a déclaré que n'ayant vu le Prisonnier de l'Europe qu'à la dérobée et de loin, il ne pouvait prononcer sur l'état de sa santé; que ce que le chirurgien O'Meara en avait dit et écrit était sans doute exagéré, mais qu'à ses yeux battus et creux, à son teint jaunâtre, plombé et à d'autres indices assez marquants, on le dirait atteint d'une maladie chronique.

Une partie de la correspondance du D-r O'Meara avec ses amis de Londres a été interceptée en Octobre dernier. Elle était arrivée à Ste-Hélène sous l'enveloppe de M-r Forbes, un nom emprunté, et contenait plusieurs incluses, dont une au C-te Bertrand. Le Gouverneur prétend y avoir découvert des trames, des complots et les intrigues d'un parti, qui travaille à la faire remplacer. La famille Balcombe y est compromise. Ne connaissant pas les détails de cette affaire jusqu'à présent, je me reserve, lorsque j'aurai recueilli toutes les informations nécessaires, d'en écrire à V. E. à la plus prochaine occasion.

On a commencé à bâtir un nouveau pavillon à Longwood. Il est à cent pas de l'ancien et d'une architecture régulière, élégante. Napoléon y a cinq chambres pour lui. Je crois qu'il sera habitable avant dix-huit mois.

XXX.

Св. Елена 14 Дек. 1818 н. ст. Передано однимъ изъ крейсирующихъ бриговъ Англійскому судну, отправляющемуся прямо въ Лондонъ.

Такъ какъ въ теченіи шести недѣль въ Европу не отъѣхало ни одного корабля, то я не могъ еще имѣть чести извѣстить В-е С-во о возвращеніи моемъ къ скучному и печальному мѣсту моего назначенія, ни о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Лонгвудѣ. Губернаторъ сказалъ мнѣ, что Бонапартъ упорно не допускаетъ къ себѣ доктора Верлинга и не принимаетъ болѣе лѣкарствъ; что онъ отъ времени до времени показывается у окна или на крыльцѣ, что у него, какъ говорятъ, видъ веселый, спокойный и довольно здоровый, что однако-же ручаться въ этомъ онъ не смѣетъ.

Лицо, находящееся въ услуженіи у Г-жи Бертранъ, сказало мнѣ, что Наполеонъ то здоровъ, то боленъ, что онъ беретъ тёплыя ванны, ложится спать въ полдень, встаетъ въ полночь, постоянно въ халатѣ и съ кашемировымъ платкомъ на головѣ.

Графы Бертранъ и Монтолонъ увѣряли меня, что болѣзнь Императора видимо ухудшается, и что онъ ощущаетъ страшныя боли въ правомъ боку.

Наконецъ докторъ Верлингъ объявилъ мнѣ, что, видѣвъ Узника Европы лишь украдкою и издали, онъ не можетъ высказаться положительно о состояніи его здоровья; что все о немъ сказанное и писанное хирургомъ О' Меара конечно преувеличено, но что, судя по его впалымъ и тусклымъ глазамъ, по желтоватому, свинцовому цвѣту лица и другимъ довольно явственнымъ признакамъ, мож-

но думать, что онъ пораженъ хроническою болѣзнію.

Часть переписки доктора О'Меара съ его Лондонскими друзьями была перехвачена прошлымъ Октябремъ. Она прибыла на Св. Елену по адресу г-на Форбеса (имя заимствованное) и содержала нѣсколько писемъ къ другимъ лицамъ, между прочимъ къ гр. Бертрану. Губернаторъ увѣряетъ, что открылъ въ ней козни, подкопы и интриги партіи, хлопочущей о его смѣщеніи. Семейство Балькомбъ окомпрометировано.

Не зная до сихъ поръ подробностей этого дѣла, предоставляю себѣ, когда соберу всѣ нужныя свѣдѣнія, написать о немъ В-у С-ву при первомъ имѣющемъ представиться случаѣ.

Начали строить новый павильонъ въ Лонгвудѣ. Онъ находится въ ста шагахъ отъ стараго, и архитектура его правильна и изящна. Въ немъ пять комнатъ собственно для Наполеона. Полагали, что онъ, раньше чѣмъ черезъ осемнадцать мѣсяцовъ, будетъ обитаемъ.

XXXI.

S-te Hélène, ce 20 Décembre 1818 n. st. Par le «David» transport Royal. Capt. Hunton.

Ces jours derniers étant entré en conversation avec M-r de Montholon sur les affaires de Longwood, je lui déclarai franchement que tout ce que j'en avais appris était défavorable à Napoléon et nuisait à son entourage.

«Je ne conçois rien, lui dis-je, à la conduite du D-r O'Meara, surtout après l'éloge que vous m'en avez fait et que j'ai répété partout. Je le croyais incapable de manquer à son devoir en la moindre chose, et c'est lui qui favorise, entretient des correspondances illicites.»

«Mensonge, calomnie, s'écria M-r de Montholon, on vous en fait accroire pour masquer des desseins criminels. Je vous donne ma parole d'honneur et suis prêt à la signer de mon sang qu'il n'y a eu ni trames, ni complots, ni correspondance politique, ni argent d'envoyé nulle part. O'Meara ne nous a pas plus servi que vous. Ce qu'il a fait, dit et écrit est personnel au gouverneur et dirigé contre lui seul».

«Et ce mal de foie, ajoutai-je, déclaré chronique hépatique et dangereux? On en rit maintenant ainsi que de vos bulletins officiels et non-officiels. Ceux qui ont aperçu le malade à sa fenêtre ou sur son perron assurent qu'il a bon visage».

Le même soir, cette conversation fut rapportée en propres termes à Napoléon et lui donna de l'humeur. Il accuse de nouveau le D-r Baxter de répandre de faux bulletins et se rappelant l'avoir vu peu de jours auparavant à Longwood, il lui en a fait interdire l'entrée à tout jamais. V. E. trouvera ci-joint la copie de plusieurs lettres et écrits relatifs à ses facheux débats.

Peut-être ai-je eu tort, Monsieur le Comte, de déclamer ainsi contre O'Meara, vû qu'il en est résulté une guerre de plume, qui, selon toute apparence, figurera bientôt dans les journaux Anglais. Mais, je devais, comme commissaire de Russie, blâmer hautement une infraction manifeste des réglements, et cela surtout en présence de Montholon. Le Gouverneur en est convenu lui-même.

Le «Morning Chronicle» du mois de Juin a parlé d'un matelot qui, ayant escaladé la côte inaccessible de Longwood, s'est introduit secrètement chez Napoléon. M-r de Montchenu vient d'éclaircir ce fait, et voici mot pour mot ce qu'il en écrit au Duc de Richelieu:

«Les derniers bâtiments arrivés d'Angleterre nous ont apporté les papiers publics jusqu'au 17 Septembre. Nous avons vu d'abord un événement rapporté avec beaucoup d'emphase par le «Morning Chronicle», ainsi conçu: «Un matelot,

qui avait servi sur le «Northumberland», ayant été congédié à son retour, s'était engagé sur un vaisseau de la Comp. des Indes; ayant relâché à S-te Hélène, il a trouvé le moyen de se procurer un canot et il a abordé la nuit au pied d'un rocher très-dangereux qu'il a escaladé et s'est ainsi introduit chez Bonaparte»; que là on l'avait arrêté, et il n'en dit pas d'avantage.

«Vous voyez d'abord, Monsieur le Duc, l'impossibilité à un matelot de se procurer seul un canot de son bâtiment, ceux du port sont tous enchainés entre le port et le «Conquéror». Les voiles, les cordages, matures et rames sont portées à terre avant la fermeture de la porte de la ville et déposés devant le corps de garde. Il y a en outre de la croisière perpétuelle, toutes les nuits les patrouilles de chaloupes, commandés par les officiers, rodent de ce côté le plus près possible. Voici le fait. Ce matelot s'était engagé sur un vaisseau de la Comp. des Indes. Il est parti pour l'Inde. A son retour il a relâché ici suivant leur usage. Ce matelot pendant son premier séjour avait été constamment employé aux travaux de Longwood. Il connaissait tous les gens de la maison, qui lui donnaient souvent du vin pour le faire travailler plus vite. Il eut permission de débarquer, il en profita pour aller ce jour-là à Longwood. Comme il connaissait parfaitement la maison, au lieu de prendre la grande entrée, il prit celle des gens. Le hasard fit qu'il ne rencontra personne jusqu'à la seconde grille où il y a une sentinelle qui l'arrêta. L'officier d'ordonnance l'ayant vu arriva sur le champ et lui fit toutes les questions convenables. C'était avant midi, parcequ'il fallait qu'il retournâ coucher à bord sous peine de 200 coups de fouet. Il répondit tout naïvement qu'ayant travaillé sept mois dans cet endroit, il connaissait beaucoup le maître d'hôtel, qui est mort, et qu'il venait le voir dans l'espérance de boire une bouteille de bon vin. On la ramené à son bord après l'avoir fouillé et s'être assuré de sa bonne conduite. D'ailleurs il y avait dix huit mois qu'il était parti d'Angleterre».—Je ne vous aurais jamais parlé d'un fait aussi minutieux sans le «Morning Chronicle» qui y a mis de l'importance.

Depuis que le C-te Bertrand a refusé de se battre en duel avec le l-t-colonel Lyster, il est tombé dans une telle abjection que personne ne le voit, ne lui parle, ne le salue. Etant Russe, je n'ai pas cru devoir partager l'esprit de corps des Anglais, et je continue à lui faire des politesses.

XXXI.

Св. Елена, 20 Декабря 1818 г. н. ст. Черезъ «Давида» королевскій транспортъ, кап. Гонтонъ.

На этихъ дняхъ, вступивъ въ разговоръ съ г. Монтолономъ о Лонгвудскихъ дѣлахъ, я объявилъ ему откровенно, что все то, что̀ я узналъ о нихъ, невыгодно для Наполеона и вредитъ окружающимъ его.

„Ничего не понимаю, сказалъ я ему, въ поведеніи доктора О'Меара, въ особенности послѣ вашихъ похвальныхъ о немъ отзывовъ, которые я всюду повторялъ. Я считалъ его неспособнымъ къ малѣйшему отступленію отъ своихъ обязанностей, а онъ прикрываетъ, поддерживаетъ непозволительныя переписки.

—Ложь, клевета — воскликнулъ г-нъ Монтолонъ,—васъ обманываютъ, что-бы прикрыть преступныя намѣренія. Я готовъ дать вамъ честное слово и подписаться моею кровію въ томъ, что не было ни козней, ни заговоровъ, ни политической переписки, ни денежныхъ посылокъ. О'Меара сдѣлалъ для насъ не болѣе, чѣмъ вы. Все что̀ онъ сдѣлалъ, сказалъ и написалъ, относится лично къ губернатору и относится только къ нему.

— А эта болѣзнь печени—присовокупилъ я,—объявленная опаснымъ воспаленіемъ? Надъ нею теперь смѣются, такъ же какъ надъ вашими бюллетенями, оффиціальными и неоффиціальными. Тѣ, которые видѣли больнаго у его окна или на его крыльцѣ, увѣряютъ, что онъ имѣетъ видъ здоровый"

Въ тотъ самый вечеръ этотъ разговоръ дословно былъ переданъ Наполеону и привелъ его въ дурное расположеніе духа. Онъ снова обвиняетъ доктора Бакстера въ томъ, что онъ распространяетъ ложные бюллетени и, вспомнивъ, что видѣлъ его за нѣсколько дней въ Лонгвудѣ, онъ запретилъ, что-бы его когда либо туда пускали. В-е С-во найдете при семъ копію со многихъ писемъ и записокъ, относящихся къ этимъ прискорбнымъ препираніямъ.

Быть можетъ, графъ, я былъ неправъ въ томъ, что напалъ такимъ образомъ на О'Меара, ибо изъ этого произошла письменная война, которая, по всей вѣроятности, скоро огласится въ Англійскихъ журналахъ. Но, какъ коммиссаръ Русскаго правительства, я былъ обязанъ громко порицать явное нарушеніе правилъ, и это въ особенности въ присутствіи Монтолона. Самъ губернаторъ въ этомъ со мною согласенъ.

„Morning Chronicle" въ Іюнѣ мѣсяцѣ говорилъ о матросѣ, который, будто-бы вскарабкавшись на неприступный Лонгвудскій берегъ, тайно пробрался къ Наполеону. Г. Моншеню разъяснилъ этотъ фактъ, и вотъ, слово въ слово, что онъ пишетъ о немъ герцогу Ришелье:

„Послѣднія суда, прибывшія изъ Англіи, привезли намъ газеты по 17-е Сентября. Мы сперва прочли въ Morning Chronicle" разсказъ, весьма эффектный, изложенный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Матросъ, служившій на Нортумберландѣ и по возвращеніи уволенный, нанялся на кораблѣ Остъиндской компаніи; прибывъ на св. Елену, онъ нашелъ средство добыть себѣ шлюпку, и причалилъ ночью у подножія весьма опасной скалы, на которую онъ вскарабкался, и такимъ образомъ онъ пробрался къ Бонапарту;" тамъ будто-бы его арестовали, и болѣе ничего не сказано.

„Вы видите прежде всего, г. Герцогъ, невозможность для матроса добыть одному шлюпку своего корабля — всѣ-же шлюпки гавани стоятъ на цѣпяхъ между гаванью и „Конкероромъ". Паруса, снасти и весла выносятся на берегъ прежде чѣмъ запираются городскіе ворота, и складываются передъ гауптвахтою. Сверхъ того происходитъ постоянная крейсировка; каждую ночь патруль на шлюпкахъ, подъ командою офицеровъ, подъѣзжаетъ къ этому мѣсту берега, какъ можно ближе. Вотъ фактъ. Этотъ матросъ нанялся на корабль Остъиндской компаніи. Этотъ корабль поплылъ въ Индію. На возвратномъ пути онъ, по обыкновенію этихъ судовъ, сталъ здѣсь на якорь. Этотъ матросъ, во время перваго своего пребыванія здѣсь, постоянно работалъ въ Лонгвудѣ. Онъ зналъ въ домѣ всѣхъ людей, которые часто давали ему вина, для того, что-бы онъ работалъ быстрѣе. Ему позволили выйти на берегъ, и онъ этимъ воспользовался, чтобы отправиться въ Лонгвудъ. Такъ какъ домъ былъ ему извѣстенъ въ совершенствѣ, то онъ вмѣсто того, что-бы войти съ главнаго входа, отправился черезъ людской. Случай захотѣлъ, что-бы онъ не встрѣтилъ никого до второй рѣшетки, гдѣ былъ часовой, который его остановилъ. Увидѣвъ его, ординарецъ тотчасъ прибылъ и сдѣлалъ ему всѣ нужные вопросы. Это было до полудня, ибо ему нужно было вернуться на ночь на корабль подъ опасеніемъ 200 ударовъ кнутомъ. Онъ простодушно отвѣчалъ, что, работавши въ этомъ мѣстѣ семь мѣсяцовъ, онъ хорошо знаетъ здѣшняго метръ-дотеля (который умеръ) и пришелъ къ нему въ надеждѣ выпить бутылку хорошаго вина. Его возвратили на его корабль, объискавши его и удостовѣрившись въ его хорошемъ поведеніи. Впрочемъ онъ уже осемнадцать мѣсяцевъ, какъ оставилъ Англію". — Я никогда не сталъ-бы писать вамъ о такой мелочи,

если-бы „Morning Chronicle“ не придалъ ей такой важности.

Съ тѣхъ поръ, какъ гр. Бертранъ отказался отъ дуэли съ подполковникомъ Листеромъ, онъ подвергся такому презрѣнію, что никто съ нимъ не видится, не говорить, ему не кланяется. Въ качествѣ Русскаго, я не счелъ долгомъ пристать въ этомъ случаѣ къ Англичанамъ, и продолжаю быть съ нимъ учтивымъ.

XXXII.

S-te Hélène ce 23 Décembre 1818 n. st. Par le David transport Royal. Capt. Hunton.

Le Gouverneur vient de me remettre un extrait très-confidentiel des lettres interceptées depuis le départ du D-r O'Meara. Je m'empresse de l'envoyer ci-inclus au Ministère Impérial et ne puis y faire de notes, car il est inintelligible.

Depuis environs six mois, Mylord Bathurst envoie régulièrement à Longwood le «Morning Chronicle» et le «Journal du Commerce». Napoléon a obtenu après trois années d'exil et à force de crier, d'invectiver contre le P-ce Régent, ses Ministres, le Gouverneur et tous les Anglais, ce qu'on n'aurait jamais du lui refuser.—Le mois passé, M-r et M-me Bertrand, ayant rencontré à la promenade un lieutenant du 66-me d'inf., ami intime d'O'Meara, lui dirent en passant, que c'était un bon médecin, aimé de l'Empereur et généralement regretté, qu'à Londres il se justifierait des accusations intentées contre lui et confondrait son accusateur.—Cet officier vient d'être renvoyé de l'île, pour avoir tardé cinq ou six jours seulement à redire ces propos au Gouverneur. On assure à S-te Hélène que je vais y être remplacé par M-r de Montchenu, qui sera commissaire d'Autriche, de France, de Russie et revêtu de la confiance de l'Europe entière. — Les Français sont fort alarmés de ces bruits et se croient abandonnés du ciel et de la terre.

V. E. trouvera ci-joint un plan du nouveau pavillon de Longwood. Napoléon ne se mêle point de cettes batisses et n'y prend aucun intérêt, mais il a déclaré que quand on lui en apporterait les clefs, il ne refuserait pas de s'y établir.

XXXII.

Св. Елена, 23 Дек. н. ст. 1818. Черезъ Давида, королевскій транспортъ, кап. Гонтонъ.

Губернаторъ только что передалъ мнѣ извлеченіе, *весьма конфиденціальное*, изъ писемъ перехваченныхъ со времени отъѣзда доктора О'Меара. Спѣшу послать его при семъ Импараторскому Министерству, и не могу сдѣлать на него замѣчаній, ибо оно непонятно.

Вотъ уже около шести мѣсяцовъ, какъ лордъ Батурсъ правильно посылаетъ въ Лонгвудъ „Morning Chronicle“ и „Journal du Commerce“. Наполеонъ, послѣ трехъ лѣтъ изгнанія, и благодаря своей безпрестанной брани и нападкамъ на принца-регента, его министровъ и всѣхъ Англичанъ, добился того, въ чемъ ему никогда не слѣдовало-бы отказывать. — Прошлымъ мѣсяцомъ, г. и г-жа Бертранъ, встрѣтивъ на прогулкѣ лейтенанта 66-го пѣхотнаго полка, близкаго пріятеля г. О'Меара, сказали ему мимоходомъ, что онъ хорошій медикъ, любимый Императоромъ и что всѣ о немъ жалѣютъ, что онъ въ Лондонѣ оправдается въ обвиненіяхъ на него взведенныхъ и уличитъ своего обвинителя. Этого офицера выслали съ острова, за то, что онъ, лишь пятью или шестью днями опоздалъ пересказать эти рѣчи губернатору. На св. Еленѣ увѣряютъ. что меня здѣсь замѣнитъ г. Моншеню, который будетъ коммиссаромъ Австріи, Франціи, Россіи и облеченъ довѣріемъ всей Еропы. Французы очень встревожены этими слухами и считаютъ себя оставленными небомъ и землею.

В-е С-во найдете при семъ планъ новаго Лонгвудскаго павильона. Наполеонъ не вмѣшивается въ эти постройки и не принимаетъ въ нихъ никакого участія; но онъ объявилъ, что когда ему принесутъ отъ нихъ ключи, онъ не откажется въ нихъ поселиться.

(Окончаніе въ слѣдующей тетради)

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

о происшествіи 14 Декабря 1825 года.

Письмо это писано тогдашнимъ государственнымъ секретаремъ А. Н. Оленинымъ къ дочери его Варварѣ Алексѣевнѣ и супругу ея Григорію Никаноровичу Оленину, находившимся въ то время въ Воронежѣ. Собственно оно составляетъ приписку къ письму, которымъ супруга его, Елизавета Марковна, извѣщала отсутствующихъ дѣтей своихъ о томъ, что произошло въ Петербургѣ. Мы приводимъ здѣсь самое это письмо.

Отъ 24 Декабря 1825 году.

Я ожидала, мои милые друзья, что смерть Государя Императора, ангела-хранителя нашего, поразитъ васъ, такъ какъ насъ всѣхъ поразила, и боялась очень за бѣдную Вариньку: всякія горькія ощущенія должны ее разстроивать. Господь одна моя надежда! А наши вѣсти все невеселыя, не подкрѣпятъ ея здоровья. Варварское событіе 14 числа не подкрѣпитъ здоровья ни у кого. Храбрости и неимовѣрнымъ распоряженіямъ Государя Императора и Великому Князю Михаилѣ Павловичу обязаны мы спокойствіемъ, которымъ теперь наслаждаемся. Мы стояли у двери разъяреннаго возмущенія; но такъ какъ Государь ничего не скрываетъ, *истина* во всѣхъ Его дѣлахъ и поступкахъ, то посылаемъ вамъ печатное извѣщеніе и съ именами проклятыхъ возмутителей. Оболенскій отличился такимъ неистовствомъ, что саморучно рубилъ, кто ему подъ руки попадался. И эти варвары льстили себя управлять Россіею! Но не до конца прогнѣвался на насъ Господь, не далъ имъ восторжествовать. Папинька на этихъ дняхъ несказанно былъ обрадованъ пожалованнымъ новымъ членомъ въ Совѣтъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который уже и присутствовалъ въ Совѣтѣ. Если бъ растерянная душа отъ всѣхъ происшествій могла бы насладиться покоемъ, то сколь много бы имѣла случаю восхищаться всѣмъ, что мы теперь видимъ: безпримѣрная благость Государя, порядокъ послѣ такихъ буйныхъ событій, неутомимость въ работѣ, такъ что едва бѣдный нашъ Государь имѣетъ часъ отдыху въ сутки. Успокой, охрани Его самъ Господь, какъ Онъ насъ. Прощайте, милые друзья; право силы нѣтъ болѣе писать къ вамъ: ничто на умъ не идетъ. Да буди съ вами милосердіе Господне и мое родительское благословеніе.

Государь императоръ два раза уже присутствовалъ въ Совѣтѣ.

24 Декабря 1825 Спб.

Хотя маминька вамъ пишетъ, что она къ вамъ посылаетъ печатное подробное описаніе происшествія, случившагося въ 14-й д. Декабря 1825 года, съ именами зачинщиковъ неслыханнаго предпріятія, но такъ какъ я не могъ достать экземпляра, то я здѣсь вамъ въ краткихъ, но обстоятельныхъ словахъ скажу, что въ этотъ день случилось.

Такъ какъ этотъ день предположенъ былъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для приведенія Его Величеству къ присягѣ войскъ и главныхъ правительственныхъ мѣстъ, то я, выѣхавши изъ дворца въ 2 часа утра, изъ Совѣта, въ коемъ самъ Государь присутствовалъ, въ 9-ь часовъ утра же явился къ Его Величеству съ изготовленнымъ по сему случаю журналомъ. Братъ Петръ остался дома за ужасною головною болью и шпанскою мухою на шеѣ у затыл-

ка. Пріѣхавъ во дворецъ и получивъ приказаніе отъ Государя на счетъ журнала, я сталъ нажидать членовъ для исполненія присяги въ дворцовой церкви. По полномъ же собраніи и исполненіи сего важнаго обряда, которой нынѣ иныя буйныя головы считаютъ за бездѣлицу, мы, т. е. члены Совѣта, а я за ними, по должности моей, пошли поздравить новаго нашего и много, чрезвычайно много обѣщающаго Государя и доказавшаго уже то мужественными, благоразумными и милосердными повелѣніями въ жестокій и трудный день 14-го Декабря. Итакъ мы пошли поздравить Его Величество, а потомъ къ Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Все казалось намъ въ глубокой тишинѣ и спокойствіи. Знатныя особы обоего пола стали съѣзжаться по повѣсткѣ для принесенія благодарственнаго молебна, а я изъ Совѣта пошелъ собирать членовъ въ кавалерскую. Побывъ тамъ нѣкоторое время, я опять воротился, не помню за какимъ-то дѣломъ, въ канцелярію, въ комнаты Совѣта. Тутъ я вдругъ увидѣлъ, что чиновники канцеляріи устремились къ окнамъ на большой дворцовый дворъ и смотрѣли на оной въ большомъ безпокойствіи. На вопросъ мой, что̀ они смотрятъ? въ отвѣтъ мнѣ они отвѣчали, что за нѣсколько минутъ Государь Императоръ Николай Павловичъ вышелъ къ главному караулу, говорилъ имъ что-то съ жаромъ, велѣлъ при себѣ зарядить ружья боевыми патронами и повелъ караулъ къ большимъ дворцовымъ воротамъ. Я тотчасъ побѣжалъ на другой конецъ дворца въ фонарикъ что̀ выходитъ на дворцовую площадь, и что же я вижу? Площадь покрытую волнующимся народомъ, каретами, дрожками, и Государя предъ воротами двора пѣшаго и, кажется, безъ шляпы, съ нѣсколькими генералами, стѣсненнаго толпою черни и читающаго имъ манифестъ. Въ это время отъ Адмиралтейства вижу я несущагося на конѣ во всю прыть вашего генерала Нейдгарта, который подскакалъ прямо въ толпу къ Государю и, сказавъ ему что-то, не слѣзая съ лошади, обратно туже минуту поскакалъ. Государь что-то съ жаромъ сказалъ народу, который началъ его цаловать; потомъ пошелъ впередъ къ большимъ воротамъ штаба, гдѣ стоялъ прибывшій за минуту баталіонъ гвардіи Преображенскаго полка и, сѣвши верхомъ, поѣхалъ съ ними къ площади, къ Исакію. Между тѣмъ кареты не переставали свободно пріѣзжать во дворецъ. Я опять побѣжалъ въ Совѣтъ. Встрѣчая по дворцу пріѣзжающихъ, я узналъ, что двѣ роты Московскаго гвардіи полка взбунтовались, что ими командуетъ какая-то шайка офицеровъ и фрачныхъ людей и что они уже построились въ баталіонное каре, или лучше сказать en ligne de bataille avec crochets и заняли въѣздъ въ Сенатъ на Исакіевской площади. Я опять бросился въ фонарикъ, ибо въ этомъ положеніи дѣлъ всякій долженъ былъ и умирать на своемъ мѣстѣ, а мой постъ былъ Государственный Совѣтъ и его архивъ, слѣдственно я дворца не могъ оставлять. Изъ фонарика я увидѣлъ вдоль по площади и около Исакіевскаго собора со всѣхъ сторонъ идущія пѣшія и конныя войска, а еще того лучше артиллерійскія орудія! Тутъ я сталъ спокоенъ (*).

(*) Не многимъ, можетъ быть, извѣстно, что Алексѣй Николаевичь Оленинъ, имя котораго въ потомствѣ столь неразрывно связано съ мыслію объ искусствахъ и наукахъ, служилъ нѣкогда съ отличіемъ въ службѣ военной. Получивъ образованіе въ Дрез-

Между тѣмъ пріѣзжающіе во дворецъ и посланные изъ дворца приносили намъ ужасныя вѣсти. Первое, что, когда Московскія роты взбунтовались, то командующіе ими офицеры и въ особенности какой-то князь Щепинъ-Ростовскій и адъютантъ Герцога Виртембергскаго Александръ Бестужевъ на смерть порубили генераловъ Фридрихса и Шеншина, а также и полковника Хвощинскаго; что бунтующіе стоятъ у Сената и кричатъ: ура! Константинъ! а иные: конституція! Наконецъ слышны были выстрѣлы ружейные, и вскорѣ потомъ узнали мы, что графъ Милорадовичъ, подъѣхавъ къ бунтующимъ, началъ ихъ усовѣщевать, что иные солдаты, почитая въ немъ безстрашнаго генерала, сдѣлали ему на караулъ; но въ это время дивизіонный адъютантъ князь Оболенскій прицѣлился въ него и выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета: пуля попала въ животъ, въ самое легкое; графъ опустилъ поводья; лошадь, испугавшись, въ круть назадъ поворотила, и тотъ же князь Оболенскій, какъ лютый звѣрь, выхватя ружье у солдата, нанесъ графу другую рану въ спину штыкомъ. Графъ на другой день по утру въ 4-е часа скончался отъ руки гнуснаго убійцы! Кто бы это могъ подумать отъ князя Оболенскаго? Государь, не смотря на это жестокое неистовство, продолжалъ посылать переговорщиковъ для убѣжденія бунтующихъ, стоя самъ подъ ружейными выстрѣлами и хладнокровно уговаривая народъ идти домой или въ церковь Богу молиться. Братъ его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, достойный членъ Государственнаго Совѣта, пріѣхавшій за часъ времени изъ-за Нарвы, явился въ казармы Московскаго полка и тутъ, приведя къ присягѣ остальныя шесть ротъ, поспѣшилъ съ ними на мѣсто сраженія; тутъ, не смотря на величайшую опасность, наровнѣ съ вѣрноподданными Государю Императору Николаю Павловичу, подъѣхалъ къ самому фронту бунтующихъ и сталъ ихъ уговаривать перейдти, гдѣ слѣдовало имъ стоять. Но извергъ рода человѣческаго нѣкто Кюхельбекеръ, одинъ изъ фрачныхъ бунтовщиковъ, сталъ на него пистолетомъ прицѣливаться. Едва успѣли три гренадера—и чтò всего страннѣе—изъ числа бунтующихъ, ударить штыкомъ по стволу пистолета Кюхельбекерова; а безъ того совершилось бы самое ужасное злодѣяніе. Затѣмъ крики и вопли: Ура! Константинъ! заставили Великаго Князя возвратиться къ фронту вѣрнаго войска.

Вы у меня спросите, чтò дѣлалъ нашъ Государь? — Продолжалъ употреблять всѣ возможныя мѣры кротости, стоя между предателя и умышленнаго убійцы, а именно между Якубовичемъ (который пришелъ къ Государю изъ толпы бунтующихъ, какъ раскаявшійся, и объявилъ Государю, что у него были приготовлены пистолеты и кинжалы для умерщвленія Его) и между полковникомъ Булатовымъ, который потомъ самъ пришелъ повиниться въ томъ же намѣреніи. Сіи обстоятельства могутъ вамъ показать мѣру ужаснѣйшей опасности, въ которой находились Государь Императоръ и столь же неустрашимый Его братъ (достойные потомки великихъ Романовыхъ) Великій Князь Михаилъ Павловичъ! Несмотря на увѣщанія,

---

денѣ, въ тамошнемъ артиллерійскомъ училищѣ. онъ принималъ дѣятельное участіе въ Шведской войнѣ 1789 и 1790 годовъ, а также въ усмиреніи Польскихъ конфедерацій 1792 г. Онъ строилъ укрѣпленія въ Финляндіи, возводилъ батареи и пр. (Извлечено изъ Формулярнаго списка А. Н. Оленина, обязательно сообщеннаго дочерью его В. А. Олениною, равно какъ и самое письмо о событіи 14 Декабря) *П. Б.*

бунтующіе стояли твердо въ своемъ заблужденіи. Между тѣмъ нѣкоторое значительное количество солдатъ лейбъ-гренадерскаго полка, подъ начальствомъ мятежника поручика Панова, бросилось къ крѣпости, но не могши туда войдти, кинулось къ дворцу, гдѣ на большемъ дворѣ поставленъ уже былъ саперный баталіонъ, свернутый въ густую колонну. Вдругъ мы видимъ изъ оконъ дворца вбѣгающаго барабанщика и за нимъ толпу бѣгущихъ солдатъ, принимающихъ на право, но въ то же мгновеніе вбѣгаетъ офицеръ и командуетъ: назадъ на право кругомъ! и толпа исчезаетъ съ ужаснымъ крикомъ. Говорятъ, что, по плану, бунтовщиками принятому, сей отрядъ долженъ былъ занять дворецъ и штыками его очистить отъ всего что̀ имъ въ немъ бы встрѣтилось, безъ разбора и безъ уваженія пола и лѣтъ! Какой адской замыселъ! Но Богъ и Государь не позволили его довершить! Толпа лейбъ-гренадеръ, выбѣжавъ изъ дворца, построилась на площади и пошла мимо Государя въ соединеніе къ бунтующимъ. Никакія увѣщанія самого Государя не могли ихъ остановить; напротивъ несчастный ихъ полковникъ Стюрлеръ былъ злодѣйски при фрунтѣ ихъ убитъ какимъ-то, говорятъ, морскимъ офицеромъ. Наконецъ, сверхъ сего подкрѣпленія, къ бунтующимъ присталъ и гвардейскій экипажъ и нѣкоторыя толпы буйной и пьяной черни, которыя начали въ конную гвардію бросать полѣньями. Государь хотѣлъ еще испытать бунтующихъ грозною кавалерійскою атакою полковъ коннаго и кавалергардскаго, въ которой отличился нашъ Александръ Сухаревъ, подлѣ коего ранили полковника Веліо въ руку, такъ что принуждены были на другой день ее отнять. Бунтующіе устояли противъ атаки, ибо мѣсто не позволяло ее выполнить какъ слѣдовало. При семъ нѣсколько рейтаръ побито и поранено. Между тѣмъ день сталъ уже темнѣть, и насъ многихъ во дворцѣ старыхъ военнослуживыхъ безпокоило, что пушекъ не слышимъ. Но тутъ вскорѣ явились генералы съ извѣстіемъ, что Государь Императоръ, истощивъ всѣ средства кротости и милосердія, приказалъ стрѣлять по бунтующимъ картечью. Я тотчасъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, на площадь, чтобъ вслушаться въ пальбу, и не успѣлъ я выйти въ сѣни, какъ громогласнѣйшій Ура! начавшійся на Исакіевской площади, продлился до самой внутренности дворца, гдѣ на дворѣ стоящій саперный баталіонъ повторилъ этотъ крикъ весьма усердно. Это былъ знакъ полной побѣды надъ бунтующими, которые по второму или третьему картечному выстрѣлу такъ разбѣжались, что площадь осталась вся чиста, кромѣ павшихъ въ бою довольнымъ числомъ. Вскорѣ потомъ мы увидѣли между нами Государя Императора и достойнѣйшаго его брата Великаго Князя Михаила Павловича и слѣдовали за ними въ церковь къ благодарственному молебну о восшествіи Государя на Всероссійскій престолъ. Принеся Богу искреннюю и теплую молитву за спасеніе Царя и, можно сказать, народа Русскаго, я тотчасъ бросился въ Академію Художествъ, гдѣ я боялся, чтобъ бѣгущія толпы бунтовщиковъ не засѣли. Проѣзжая изъ дворца на Васильевскій Островъ (*) чрезъ мѣсто сраженія, я былъ свидѣтелемъ

(*) Трогательная черта заботливости президента Академіи Художествъ, который, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ столькихъ тревогъ и заботъ этого и предшествовавшихъ дней, не смотря на усталость, спѣшитъ не домой, а къ любимому мѣсту своего служенія. *П. Б.*

небывалаго въ Петербургѣ зрѣлища: войска грѣющіяся у огней на бивуакахъ, какъ послѣ сраженія съ непріятелемъ. Въ Академіи я нашелъ нѣкоторыя окна по 4 линіи перебитыя картечью, у воротъ одного солдата изъ бѣгущихъ убитаго и двухъ тяжелораненыхъ. Послѣ сего я поѣхалъ домой. На другой же день поѣхалъ я въ 9-ь часовъ утра во дворецъ. Государь всю ночь не спалъ и провелъ въ горестномъ для Него занятіи: въ допросахъ пойманныхъ или самоприходящихъ бунтовщиковъ, которыхъ праведныя судьбы Божіи всѣхъ безъ изъятія сохранили для постыдной и справедливой казни, и не дали имъ умереть смертью храбрыхъ. Подлецы сіи при первомъ выстрѣлѣ разбѣжались.

Вотъ ихъ имена, какъ они напечатаны въ подробномъ описаніи происшествія, случившагося въ С.п.бургѣ 14-го Декабря 1825 года, которое конечно уже прислано или прислано будетъ и къ войскамъ, квартирующимъ у васъ, въ Воронежѣ.

ЗАЧИНЩИКИ:

1. Въ чинѣ подпоручика Кондратій Рылѣевъ, поэтъ или сочинитель.
2. Дворянинъ Орестъ Сомовъ, тоже.
3. Бывшій Вице-Губернаторъ Ст. Сов. Іосифъ Горскій.
4. Отставной поручикъ Каховскій.
5. Лейбъ-гвардіи Моск. полка Штаб. Кап. кн. Щепинъ-Ростовскій, настоящій злодѣй.
6. Лейбъ-гвардіи Моск. полка Штаб. Кап. Бестужевъ.
7. Адъютантъ Герцога Виртембергскаго Бестужевъ, поэтъ.
8. Лейбъ-гвар. гренад. пол. Штаб. Кап. Сутгофъ.
9. Лейбъ гвар. гренад. пол. поручикъ Пановъ.
10. Адъютантъ дивизіонный при Ген.-Лейт. Бистромѣ, кн. Оболенскій, бѣшеной убійца.
11. Дежурный Штабъ офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса Полковникъ кн. Трубецкой.
12. Гв. Генер. Штаб. Штаб. Кап. Корниловичъ.
13. Флота Кап. Лейт. Бестужевъ.
14. Адъютан. Адмир. Моллера Бестужевъ же.
15. Лейб. гвар. кон. пол. Корнетъ кн. Одоевскій, присягавшій того утра и нарушившій присягу.
16. Коллежскіе Совѣтники Пущинъ, пріѣхавшій изъ Москвы, и Виль-
17. гельмъ Кюхельбекеръ безумный злодѣй, безъ вѣсти пропавшій.
18. Лейбъ-Гвар. Финлянд. пол. Поручикъ Цебриковъ.

Кромѣ сихъ зачинщиковъ арестованы состоящіе подъ сильнымъ сомнѣніемъ:

19. Нижегор. драг. пол. Кап. Якубовичъ, повинившійся въ злодѣйскомъ намѣреніи.
20. Добровольно явившійся 12-го Егерскаго пол. Полковникъ Булатовъ, повинившійся въ томъ же намѣреніи.
21. Гвар. экип. Лейт. Арбузовъ.
22. — — — Вишневскій.
23. — — — Кюхельбекеръ.
24. — — — Миллеръ.
25. — — — Бодиско.
26. Лейбъ Гвар. Кон. піон. эскад. Кап. Пущинъ.
27. Л. Гв. Из. п. Подп. Малютинъ.
28. — — — — — Фоксъ.
29. — — — — — Кожевниковъ.
30. — — — — — к. Вадбольскій.

Сверхъ того многіе и многіе зараженные въ Россіи глупыми мыслями Европейской конституціи, для народа, который при восклицаніи: конституція! на вопросъ, что это такое?

отвѣчаетъ, что это имя жены Цесаревича, потому что она еще не крещена въ Русскую вѣру. О безуміе! О злодѣйство! Я говорю злодѣйство, потому что еслибъ этимъ, просто сказать, разбойникамъ удалось сдѣлать переворотъ, то они бы погрузили Россію въ потоки крови на 50 лѣтъ. Извините, что пишу сбивчиво: некогда. Прощайте, будьте здоровы.

А. Оленинъ.

АЛЬМАНАХЪ „ЗВѢЗДОЧКА“

1826 ГОДА.

Прежде нежели скажемъ нѣсколько словъ объ этой любопытной библіографической рѣдкости, заглянемъ въ Записки одного изъ дѣятелей первой четверти текущаго столѣтія и выпишемъ слѣдующія строки:

„.... Вся литературная семья нашего времени (разсказываетъ кн. Е. П. Оболенскій) собиралась разъ въ недѣлю у г. Греча. Одинъ изъ самыхъ постоянныхъ его собесѣдниковъ былъ Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ съ задушевнымъ другомъ своимъ А. А. Бестужевымъ, адъютантомъ герцога Александра Виртембергскаго. Александръ Бестужевъ выступилъ уже тогда (съ 1819 г.) на литературное поприще критиками, которыя, по живости слога и рѣзкому юмору, обѣщали блестящее развитіе, впослѣдствіи хорошо имъ оправданное. Дорогимъ собесѣдникомъ былъ общій другъ, старшій братъ Александра, капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа и начальникъ Адмиралтейскаго Музея, Николай Бестужевъ. Это былъ человѣкъ замѣчательно даровитый и прекрасно образованный. Въ числѣ остальныхъ посѣтителей были я и Александръ Осиповичъ Корниловичъ, штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, усердно и съ любовью трудившійся надъ памятниками Петровскаго времени: его историческіе разсказы читались въ наше время съ большимъ любопытствомъ“...

Кромѣ сходокъ у Греча, литературныя собранія бывали постоянно, каждую недѣлю, у К. Ө. Рылѣева. Сюда между прочими, являлись Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, поэтъ и товарищъ по лицею Ивана Ивановича Пущина, состоявшаго на службѣ въ Москвѣ, поэтъ Ө. Н. Глинка, критикъ Орестъ Сомовъ, Никита Михаиловичъ Муравьевъ, князь Сергій Петровичъ Трубецкой, Евгеній Петровичъ Оболенскій, кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій [1]) и многіе другіе. Оживленная бесѣда была чисто литературная, но не рѣдко переходила на живые, общественные вопросы того времени, по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна Рылѣева, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ и скромнымъ обращеніемъ внушала къ себѣ всеобщее уваженіе.

Большая часть участниковъ дружескихъ собраній были литераторы, и свои труды, поэтическіе и прозаическіе, помѣщали въ разныхъ журналахъ: въ „Соревнователѣ Россійской Словесности“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Сѣверномъ Архивѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“ 1825 г., „Литературныхъ Листкахъ“ и въ нѣкоторыхъ альманахахъ. Но всѣ чувствовали потребность въ собственномъ сборникѣ; между нами, продолжаетъ кн. Е. П. Оболенскій, было много истинно даровитыхъ и талантливыхъ людей; труды ихъ уже вездѣ встрѣчались публикою съ большимъ любопытствомъ. При такихъ условіяхъ изданіе альманаха было дѣло не трудное, и первая мысль о „Полярной Звѣздѣ“ родилась у К. Ө. Рылѣева.

Между прочими цѣлями предпріятія была та, чтобы дать труду литературному вознагражденіе болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившіе себя умственнымъ занятіямъ. До этого времени почти единственная награда за трудъ состояла въ напечатаніи его въ журналѣ, и многіе авторы, получая из-

[1]) Поэтъ и впослѣдствіи другъ М. Ю. Лермонтова.

вѣстность, терпѣли нужду. Предпріятіе удалось, какъ нельзя лучше. Съ перваго же, 1823 г., публика раскупила все изданіе, и встрѣтила „Полярную Звѣзду“ съ большимъ сочувствіемъ.

Издателями и редакторами были Александръ Александровичъ Бестужевъ и Конратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. Каждый изъ нихъ, по распродажѣ первой книжки, за вычетомъ всѣхъ расходовъ получилъ по 2000 р. чистаго доходу. Экземпляръ подавался по 10 р. асс., но уже въ 1826, 1827 и послѣдующихъ годахъ книжку „Полярной Звѣзды“ нельзя было достать и за 100 р. ассиг.

Полярная Звѣзда“ вышла въ трехъ томикахъ: 1823, 1824 и 1825 г. Издатели-редакторы поднесли послѣдній томъ своего сборника Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ и удостоились благосклоннаго вниманія. По словамъ тогдашнихъ газетъ, К. Ѳ. Рылѣевъ получилъ два бриліантовыхъ перстня, а А. А. Бестужевъ зодотую, прекрасной работы, табакерку и бриліантовый перстень, при самыхъ милостивыхъ рескриптахъ.

Полярная Звѣзда“ 1823—1825 г., интересная для насъ по своему содержанію, еще болѣе любопытна въ томъ отношеніи, что на ея странцахъ, за весьма немногими исключеніями, помѣщали свои труды самые даровитые люди того времени, люди передовые, честь и краса Русской литературы 20-хъ годовъ. Они соединялись вокругъ талантливыхъ редакторовъ, любимыхъ и уважаемыхъ не ими одними, но всѣмъ читающимъ Русскимъ людомъ того времени. Во всѣхъ трехъ томахъ мы находимъ произведенія до 60 человѣкъ сотрудниковъ. Въ этомъ длинномъ спискѣ читаемъ, между прочимъ, имена слѣдующихъ лицъ: Е. А. Баратынскаго, Н. А. Бестужева, А. А. Бестужева, К. Н. Батюшкова, князя П. А. Вяземскаго, А. Ѳ. Воейкова, Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Гнѣдича, А. С. Грибоѣдова, Григорьева, Д. В. Давыдова, барона А. А. Дельвига, И. И. Дмитріева, В. А. Жуковскаго, Загорскаго, А. Е. Измайлова, В. В. Измайлова, Иванчина-Писарева, А. О. Корниловича, И. А. Крылова, Княжевича, И. И. Козлова, В. К. Кюхельбекера, Лобанова, Масальскаго, Нечаева, Норова, Остолопова, Олина, Ободовскаго, В. Панаева, П. А. Плетнева, А. С. Пушкина, В. Л. Пушкина, Родзянки, К. Ѳ. Рылѣева, О. И. Сенковскаго, О. Сомова, В. И. Туманскаго, Филимонова, Хвостова, А. С. Хомякова, князя Шаховскаго, Н. М. Языкова и др. лицъ, скрывшихъ свои фамиліи подъ звѣздочками.

Въ ряду сотрудниковъ „Полярной Звѣзды“ мы находимъ только три-четыре имени, которымъ, казалось бы, вовсе не у мѣста быть въ этомъ собраніи всякаго рода талантовъ. Такъ напр. мы не безъ недоумѣнія находимъ въ „Полярной Звѣздѣ“ Ѳаддея Булгарина.

Но дѣло въ томъ, что Булгаринъ былъ еще тогда молодъ и всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее направленіе образованной молодежи, хотя ужъ и въ это время онъ ясно обнаруживалъ задатки того обрааа мыслей, которому впослѣдствіи столь неуклонно слѣдовалъ. Какъ видно изъ многихъ, имѣющихся у меня Записокъ, Булгарина въ то время терпѣли въ обществѣ только какъ балагура и остряка. Александръ Бестужевъ бывалъ у Булгарина очень часто, но у него были особенныя для этого причины....

Въ 1825 г. редакторы „Полярной Звѣздѣ“ запоздали составленіемъ и печатаніемъ IV тома альманаха на 1826 г. и рѣшились издать его въ меньшемъ объемѣ и съ болѣе скромнымъ названіемъ: вмѣсто „Полярная Звѣзда“ просто „Звѣздочка“.

Редакціей ея, по примѣру прежнихъ годовъ, преимущественно занимался А. А. Бестужевъ; было уже сверстано и отпечатано нѣсколько листовъ, какъ декабрскія событія остановили изданіе.

Ни въ одной изъ извѣстныхъ намъ библіотекъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, ни у одного (сколько намъ извѣстно) изъ нашихъ библіофиловъ

не сохранилась „Звѣздочка 1826 года", столь преждевременно потухшая. Только неутомимому розыскателю библіографическихъ курьезовъ, П. А. Ефремову удалось въ 1861 г. найти экземпляръ этого сборника (нѣсколькими листками болѣе полный, нежели мой экземпляръ) въ кладовыхъ бывшей военной Типографіи Д-та Генеральнаго Штаба. Эта находка оказалась тѣмъ болѣе для библіографа драгоцѣнною, что за нѣсколько дней до того времени, какъ попалась она г. Ефремову, всѣ листы „Звѣздочки", лежавшіе въ этихъ кладовыхъ запечатанными тридцать пять лѣтъ, сожжены именно въ 1861 г. какъ никуда негодный хламъ.

Мой экземпляръ подаренъ мнѣ покойнымъ А. Н. Креницынымъ.

По чрезвычайной рѣдкости своей, „Звѣздочка 1826 г. заслуживаетъ особенное вниманіе. Это сверстанная брошюрка, на сѣроватой, дряблой бумагѣ, въ маленькую осьмушку, въ 4 печ. листа, 64 странички. Изъ нихъ въ моемъ экземплярѣ недостаетъ 11, 12, 13 и 14 стр. Вотъ содержаніе „Звѣздочки":

I. Кровь за кровь, разсказъ *А. Бестужева*, стр. 1—36. Разсказу предпослано слѣдующее предисловіе: „Въ послѣдній походъ гвардіи, будучи на охотѣ за Нарвою, набрелъ я по берегу моря на старинный каменный крестъ; далѣе въ оставленной мельницѣ увидѣлъ жерновъ, сдѣланный изъ надгробнаго камня съ рыцарскимъ гербомъ... и наконецъ надъ оврагомъ ручья развалины замка. Все это подстрекнуло мое любопытство, и я обратился съ вопросомъ къ одному изъ нашихъ капитановъ, извѣстному охотнику до историческихъ былей и старинныхъ небылицъ. Онъ уже успѣлъ разведать подробно объ этомъ замкѣ отъ пастора, и когда насъ собралось человѣкъ пятокъ, то онъ намъ пересказалъ все что узналъ, какъ слѣдуетъ ниже. *А. Бестужевъ*". Въ концѣ разсказа сдѣлано примѣчаніе: „нравы и случаи сей повѣсти извлечены изъ Ливонскихъ хроникъ."

Разсказъ „Кровь за кровь" вошелъ въ полное собраніе сочиненій Марлинскаго (А. Бестужева), но съ измѣненнымъ заглавіемъ: „Замокъ Эйзенъ."

II. Отрывокъ изъ III-й главы Евгенія Онѣгина: ночной разговоръ Татьяны съ ея няней стр. 37—39.

со стиха: „Не спится, няня, здѣсь такъ душно!
до словъ: „И все дышало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.
. . . .

III. Княгинѣ Зенаидѣ Александровнѣ Волконской стр. 39—41.

Мнѣ говорятъ: „она поетъ—
„И радость тихо въ душу льется,
„Раздумье томное найдетъ,
„Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется"
и т. д.

Стихотвореніе это вошло впослѣдствіи въ собраніе стихотвореній Козлова: Спб. ч. II 1833 г. стр. 106—108.

IV. Отрывокъ изъ восточной повѣсти: Пустынникъ Канду (Эпизодъ изъ эпическаго стихотворенія Индѣйцевъ Брама-Пураны) стр. 41—44.

. . . .
И вотъ уже они блуждаютъ
Подъ сводами густыхъ деревъ,
Которыхъ цвѣтъ и блескъ плодовъ
Ихъ взоръ отсюду поражаютъ
И громко имъ напоминаютъ,
Всегда цвѣтущій видъ садовъ
Очаровательной Нанданы; и проч.

Ознобишинъ.

V. „Къ зарѣ" стр. 44—45.

Въ воздушныхъ высотахъ, межъ ночію и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу;
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ онъ Онъ далъ въ сопутницы денницу.
Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо дорогая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы!
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы!

Этимъ стихотвореніемъ начинается собраніе стихотвореній А. С. Хомякова, вышедшее въ свѣтъ въ 1861 г.

А. С. Хомяковъ принялъ участіе въ Полярной Звѣздѣ съ 1824 года. Во второмъ томѣ (1824 г.). альманаха помѣщено было его большое стихотвореніе: „Желаніе покоя“.

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино! и т. д.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ тщетно старается освободиться отъ „любви ко всему прекрасному и высокому: она наложила на него „цѣпи слѣпой богини“, и онъ „смиренный рабъ“—потерялъ покой, пробужденъ отъ безпечнаго мертвеннаго сна....

Но нѣтъ (заключаетъ поэтъ): мой духъ пылаетъ
Живымъ, негаснущимъ огнемъ,
И никогда чело не просіяетъ
Веселья мирнаго лучемъ.
Нѣтъ, нѣтъ! я не могу цѣпей слѣпой богини,
Смиренный рабъ, съ улыбкою влачить.
Орлу-ль полетъ свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкія пустыни,
Его скалы, его дремучій лѣсъ;
Онъ жаждетъ брани и свободы,
Онъ жаждетъ бури, непогоды
И безпредѣльности небесъ!—

„Желаніе покоя“ одно изъ юношескихъ, тѣмъ не менѣе прекрасныхъ произведеній нашего почтеннаго, нынѣ также уже покойнаго, поэта. Любопытно, что въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 г. это стихотвореніе занимаетъ почетное мѣсто между поэмою: „Братья Разбойники“—А. С. Пушкина и „Исповѣдью Наливайки“—К. Ѳ. Рылѣева.

VI. ***Пѣсня*** (стр. 45); она принадлежитъ В. Туманскому, поэту скончавшемуся въ 1860 годахъ. Въ пѣснѣ, довольно сентиментально, поется про молодаго пѣвца, прогуливавшагося подъ окнами милой, въ ожиданіи, не мелькнетъ ли ея темный локонъ.

VII. Зависть генія (стр. 46) стихотвореніе Н. М. Языкова:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея.
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась
И Бога слышала она!

***

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ:
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру—новыя свѣтила,
Дѣла избранника небесъ!

Стихотвореніе это съ измѣненіями напечатано въ изданіи сочиненій Языкова, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1858 г. ч. 1 стр. 62—63.

VIII. ***Гайдамакъ***, малороссійская быль. ***Ореста Сомова*** стр. 47—64 Глава 1-я. Эпиграфъ изъ Котляревскаго:

Такъ, вичной памяти, бувало
У насъ въ гетманьщини колись...

Глава II, эпиграфъ изъ старинной малороссійской пѣсни:

„То панъ Хмѣльницкій добре учинивъ,
Польшу засмутивъ,
Волощину побидивъ,
Гетманщину взвеселивъ“.—

О содержаніи разсказа судить нельзя, потому что уцѣлѣло всего полторы главы, но разговорный языкъ неестественъ: нигдѣ не видать козаковъ, вездѣ говоритъ за нихъ самъ авторъ. 2-я глава обрывается на слѣдующихъ словахъ:

....„Вдругъ вѣщій слѣпецъ перемѣнилъ строй: пальцы его медленно и торжественно перебѣгали по звонкимъ струнамъ бандуры; онъ молчалъ еще, но вниманіе всѣхъ было приготовлено; жадный слухъ ловилъ уже въ знакомыхъ звукахъ близкіе сердцу напѣвы и предугадывалъ смыслъ самой пѣсни. ***Прим.*** Музыка старинныхъ, такъ называемыхъ бан....“

На этихъ словахъ оканчиваются уцѣлѣвшіе листы „Звѣздочки“ 1826 г. Не сохранились ли у кого нибудь слѣдующія за тѣмъ страницы? не была ли, наконецъ, отпечатана вся книжка, прежде нежели звѣзды счастія, спокойствія и даже жизни не потухли совершенно для ея редакторовъ?

Спб. 1862 г.

М. Семевскій.

ПИСЬМО

ГЕНЕРАЛА П. Х. ГРАББЕ КЪ С. А. МАСЛОВУ.

Милостивый Государь Степанъ Алексѣевичъ. Благодарю Васъ за письмо отъ 28 Сентября и приложенную брошюру. — Всякое воспоминаніе о незабвенномъ Алексѣѣ Петровичѣ для меня дорого, какъ и о Бородинской битвѣ. Все въ разсказѣ А. П. совершенно вѣрно съ моими собственными замѣтками. — Помню минуту, когда Г. А. Бороздинъ пріѣхалъ съ донесеніемъ къ Кутузову, что К. Багратіонъ и почти всѣ главные начальники 2-й арміи убиты и ранены, и тѣ самыя слова Кутузова, съ которыми онъ отправилъ А. П. для возстановленія дѣла на лѣвомъ флангѣ. Гр. Кутайсовъ, безъ дозволенія Кутузова, поѣхалъ съ нами. Когда мы поровнялись съ центромъ за батареею Раевскаго, то вдругъ на насъ наскакали передки орудій со взятой въ тѣ минуты непріятелемъ батареи и, вслѣдъ за ними, толпы выбитой оттуда нашей пѣхоты. А. П. тотчасъ повернулъ лошадь прямо на бѣгущихъ, обратилъ двумя словами всѣхъ назадъ къ батареѣ, даже множество раненыхъ и повелъ ихъ за собою въ аттаку. Въ моей памяти врѣзалось, что все это произошло въ 11-мъ часу.—Тогда же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ батареи, убитъ подававшій великія надежды, молодой и молодецъ гр. Кутайсовъ. Скоро потомъ на батареѣ же раненъ и Алексѣй Петровичъ.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи и признательности за дорогое напоминаніе и о Фонвизинѣ. *Павелъ Граббе.*

Новочеркаскъ 17 Октября 1865 года.

ПИСЬМО

С. А. МАСЛОВА КЪ ГЕНЕРАЛУ П. Х. ГРАББЕ.

Милостивый государь Павелъ Христофоровичъ. Какъ современникъ 12 года, принимая живое участіе въ славѣ знаменитыхъ героевъ Бородинской битвы и желая, чтобъ она была незабвенна, я имѣю честь представить Вамъ мое Воспоминаніе о ней въ 1864 году.—Я имѣлъ счастіе быть близко знакомымъ съ А. П. Ермоловымъ и, посѣщая его въ подмосковной и бесѣдуя съ нимъ у себя съ глазу на глазъ, я старался наводить разговоръ на тѣ минуты его подвиговъ, которыя записаны въ исторіи-и вотъ что, раза два, я слышалъ отъ него объ отбитіи у Бонами взятой имъ батареи, или редута Раевскаго, составлявшаго ключь нашей позиціи при Бородинѣ.—Буду говорить словами А. П.

«Когда донесли Кутузову, что Багратіонъ раненъ, онъ сказалъ мнѣ: поѣзжайте А. П. на лѣвой флангъ и распорядитесь тамъ. Кутайсовъ, слышавъ это, сказалъ мнѣ: — И я поѣду съ Вами, А. П. На это я ему отвѣчалъ: «Давно ли Главнокомандующій отыскивалъ тебя, а ты опять «исчезнешь?—Нѣтъ, я поѣду съ Вами.—И мы поѣхали. Проѣзжая мимо Никитина съ его конною батареею, говорю ему: «Не выпускай меня, тес-«ка, (его также звали А. П.), изъ «вида». За тѣмъ проѣзжая близь редута Раевскаго, вижу, что онъ взятъ и Уфимскій полкъ разсѣянъ. Понимая всю важность этого пункта и притомъ принимая въ разсчетъ, что я вовсе не знакомъ во второй арміи и, не зная, буду ли тамъ полезенъ, я схватилъ Уфимскій баталіонъ или роту (не помню какъ онъ выразился)

и сказалъ: «ребята, за мною!» На редутѣ орудія не дѣйствовали, и я могъ ударить въ штыки и вытѣснить изъ него непріятеля, при чемъ и самъ Бонами получилъ много ранъ и былъ взятъ въ плѣнъ. Солдаты такъ разгорячились, что надобно было послать казаковъ, чтобы загонять ихъ назадъ, чтобъ не обратить на себя особеннаго вниманія непріятеля; я сдалъ потомъ редутъ Лихачеву.»

Этимъ разсказомъ безъ сомнѣнія пояснятся во 1-хъ недоумѣнія, съ чего А. П. явился у редута Раевскаго и началъ распоряжаться по своему. 2-е, пояснится и время, при какой атакѣ Даву и Нея раненъ Багратіонъ: при второй ли, когда Дюфуръ, по взятіи флешей передъ Семеновскимъ, перешелъ оврагъ и взялъ Семеновское, изъ котораго потомъ былъ выбитъ Коновницынымъ и Бороздинымъ и флеши опять взяты нашими? Эту атаку относятъ историки къ 12 часамъ.—Если при этомъ раненъ Багратіонъ, то и Ермоловъ взялъ редутъ Раевскаго въ 12.—Князь А. С. Меньшиковъ на дняхъ въ разговорѣ объ этомъ темномъ вопросѣ относительно времени *взятія редута* Ермоловымъ, сказалъ, что пояснить это лучше всего можете Ваше Высокопревосходительство, какъ адъютантъ Ермолова. И вотъ что заставляетъ меня обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять на себя трудъ почтить меня увѣдомленіемъ о правильности разсказа А. П. о томъ, какъ онъ попалъ къ редуту Раевскаго и въ которомъ часу это было? Поясненія этого вопроса нѣтъ, ни у Глинки, ни у Неелова, ни у Богдановича въ ихъ сочиненіяхъ о Бородинской битвѣ.

Примите увѣреніе въ глубокомъ моемъ почтеніи, которое въ душѣ питаю къ Вамъ по словамъ сердечнаго мнѣ друга Ивана Александровича Фонвизина, который чтилъ и любилъ Васъ. Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

С. Масловъ.

28 Сентября 1865 г.
Москва.

(*Сообщено С. А. Масловымъ*)

БИБЛІОТЕКА

АВРААМА СЕРГѢЕВИЧА НОРОВА (BIBLIOTHÈQUE DE MR. ABRAHAM DE NOROF). ЧАСТЬ 1-АЯ САНКТПЕТЕРБУРГЪ, ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1868. ВЪ 8-КУ, VIII И 311 СТРАНИЦЪ.

А. С. Норовъ былъ искони ревностнымъ библіофиломъ; онъ до 30 годовъ собралъ замѣчательную библіотеку, которую продалъ князю Николаю Ивановичу Трубецкому; потомъ онъ составилъ другую, которую уступилъ въ Московскій Музей за 17.000 рублей съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти были уплачены 17,000 руб. эти по его назначенію. Эта вторая библіотека описана въ настоящемъ каталогѣ, которому слѣдовало быть, по плану автора, въ 3 частяхъ. Напечатанная нынѣ первая часть содержитъ въ себѣ описаніе отдѣловъ: 1) Священное писаніе, 178 номеровъ 2) Толкованіе священнаго писанія, библейская исторія и философія, 193 номера 3) Библейская географія, преимущественно Палестины; ея исторія, карты, планы и виды, 133 номера. 4) Палестина и Синай; описанія очевидцевъ и путешествія, 401 номеръ. 5) Египетъ и вообще библейскія страны, 169 номеровъ. 6) Отцы и учители церкви, житія святыхъ, всеобщая исторія церкви, догматическая и обрядная исторія христіанскихъ церквей, церковная археологія, 431 номеръ 7) Богословія, 193 номера. 8) Философія и правоученіе, 243 номера. Въ концѣ тома приложены: а) указатель алфавитный на страницахъ 391—311. b) 4 осьмушки снимковъ fac-simile. — За смертію

Авраама Сергѣевича нельзя надѣяться на продолженіе. Каталогъ этотъ составленъ мастерски; библіографическія замѣтки въ немъ на французскомъ языкѣ; въ предисловіи объяснены тому причины, и разказано, какъ и на какихъ условіяхъ поступила библіотека въ Московскій Музей; тутъ же находимъ содержаніе неизданныхъ еще двухъ частей.

Библіотека составлена съ любовью къ дѣлу и глубокимъ знаніемъ и того, что̀ въ ней есть и того, чего въ ней недостаетъ. Отдѣлы первый, второй, шестый и седьмый изобилуютъ важными и рѣдкими книгами; отдѣлы третій, четвертый и пятый отличаются особенною полнотою; въ отдѣлѣ восьмомъ мы находимъ такое полное собраніе твореній знаменитыхъ философовъ Giordano Bruno и Campanella (всѣ эти творенія были истреблены и составляютъ теперь библіографическія рѣдкости) каковаго нѣтъ ни въ одной изъ публичныхъ или частныхъ библіотекъ Европы. Снимки въ концѣ каталога сняты съ рукописей (отчасти неизданныхъ еще) этихъ знаменитыхъ въ Исторіи просвѣщенія лицъ: Брюно былъ сожженъ за живо (въ Римѣ, 1600) инквизиціею, а Кампанелла просидѣлъ 27 лѣтъ въ ея тюрьмахъ, гдѣ его пытали 24 раза.

Мы Москвичи должны радоваться, что собраніе А. С. Норова у насъ, а вся Россія должна быть благодарна его памяти за то, что онъ не предпочелъ вывести свою библіотеку на распродажу за границею. За одни тѣ книги, которыя описаны въ 1-ой части каталога, легко бы выручить тамъ тѣ 17.000, которыя условлены были имъ за всю библіотеку; сверхъ того мы удостовѣрились въ Музеѣ, что тѣ изданія, которыя должны бы быть описаны въ неизданныхъ частяхъ каталога, стоятъ вдвое или даже втрое больше этой суммы. Самый каталогъ этотъ сталъ рѣдкою и искомою книгою; онъ напечатанъ очень красиво и, какъ слышно, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; напечатанныхъ на бумагѣ высшаго достоинства еще того меньше.

ОС

24 Февраля 1869.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ АВРААМА СЕРГѢЕВИЧА НОРОВА.

За четыре мѣсяца до кончины своей А. С. Норовъ написалъ и потомъ напечаталъ (въ № 11 „Военнаго Сборника“ 1868 года и отдѣльною брошюрою) чрезвычайно любопытную и мастерски изложенную статью „Война и Миръ“, вызванную появленіемъ романа графа Л. Н. Толстаго подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Въ статьѣ этой авторъ отвелъ, какъ и слѣдовало, видное мѣсто очерку Бородинскаго сраженія, въ которомъ онъ былъ участникомъ, будучи тогда шестнадцати-лѣтнимъ прапорщикомъ Гвардейской пѣшей Артиллеріи, второй баттареи. Извѣстно, что онъ лишился ноги въ этой страшной и знаменитой „битвѣ генераловъ“.

Разсказывая увлекательно личныя свои впечатлѣнія во время Бородинскаго дѣла, авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ упоминаетъ о томъ, какъ ему раздробило лѣвую ногу выстрѣломъ изъ внезапно демаскированной непріятельской батареи (стр. 40 и 41) и говоритъ: „мой добрый другъ и тогда начальникъ, „Аѳанасій Столыпинъ, подъѣхавъ ко „мнѣ и погоревавъ надо мною, послалъ „отыскивать ратниковъ“ (чтобы нести раненаго на перевязочный пунктъ.) Затѣмъ описано, какъ несли его туда.

Но между раной и переноской произошелъ, во время горeванья Столыпина, небольшой эпизодъ, о которомъ авторъ умолчалъ изъ скромности, но который стоитъ быть сохраненнымъ.

Покойный Аѳанасій Алексѣевичъ Столыпинъ, бывшій годами семью старше Норова, былъ тогда штабсъ-капитаномъ въ одной съ нимъ батареѣ, которою и начальствовалъ, такъ какъ настоящій командиръ ея капитанъ Гогель получилъ передъ тѣмъ сильную контузію. Столыпинъ былъ уже обстрѣленный храбрецъ, еще подъ Фридландомъ жестоко раненый. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что, подъѣхавши къ Норову, лежавшему съ раздробленной ногой, былъ глубоко огорченъ, увидя этого красива-

го, во всѣхъ отношеніяхъ, любезнаго юношу, можно сказать мальчика, изуродованнымъ навѣки и высказалъ ему невольно свою печаль о немъ. На это, продолжалъ Столыпинъ, Норовъ отвѣчалъ мнѣ, съ своимъ всегдашнимъ легкимъ заиканіемъ: „Ну что́, братъ, дѣ„лать! Богъ милостивъ! Оправлюсь и „воевать на костыляшкѣ пойду!“

Считаю долгомъ разсказать эту черту изъ жизни А. С. Норова, какъ изъ уваженія къ памяти этого достойнаго человѣка, давно бывшаго мнѣ знакомымъ, такъ и для новаго свидѣтельства о томъ, какой духъ царствовалъ въ 1812 году въ арміи, гдѣ и мальчики способны были на такое геройское самоотверженіе. Подобная черта не должна пропасть въ забвеніи.

Михаилъ Лонгиновъ.

ПАМЯТИ АВРААМА СЕРГѢЕВИЧА НОРОВА.

I.

Онъ кроткой жизнью жилъ и умеръ смертью кроткой:
Ему надгробною правдивой и короткой
Могли-бы ближніе, поминкою о немъ,
Вписать сіи слова на камнѣ гробовомъ.
Но онъ не схимникъ былъ въ тѣни уединенья:
Живой членъ общества, онъ отъ его служенья,
Отъ подвиговъ, отъ жертвъ не отклонялъ себя,
И жизни благодать и жизни крестъ любя.
Всему высокому сочувствуя сердечно,
Что̀ въ жизни временно, и то, что̀ въ жизни вѣчно,
Душой уразумѣть и оцѣнить онъ могъ:
Онъ тихъ и ясенъ былъ среди земныхъ тревогъ.
Любовью къ ближнему и вѣрой въ Провидѣнье
Порывы пылкихъ чувствъ и трезвыхъ чувствъ смиренье
Уравновѣсилъ онъ и въ стройность сочеталъ:
Онъ честно дѣйствовалъ и честно онъ мечталъ.
Ни въ полдень зрѣлыхъ лѣтъ, ни въ сумракъ ихъ вечерній,
Не зналъ онъ темныхъ чувствъ ни горечи, ни терній:
Онъ и не сѣялъ зла и зла не пожиналъ;
Была и совѣсть въ немъ прозрачна, какъ кристаллъ:
Невозмутимое и свѣжее зерцало
Все внѣшнее въ своей святынѣ очищало.
О помыслахъ другихъ судилъ онъ по себѣ:
Обезоруженный онъ предстоялъ борьбѣ,
Гдѣ явный врагъ вредилъ, иль нѐдругъ лицемѣрилъ.
Онъ зла въ себѣ не зналъ и вчужѣ злу не вѣрилъ.
Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, изъ малаго числа,
Которымъ жизнь вотще училищемъ была.
Быть-можетъ, съ жалостью или съ насмѣшкой строгой,
Относится нашъ вѣкъ къ сей братіи убогой,
Къ симъ людямъ Божіимъ, смиреннымъ и простымъ,
Дающимся въ обманъ незлобіемъ своимъ;
Но нужны на землѣ и эти Божьи люди,
Чтобы при нихъ вольнѣй дышали наши груди,

Чтобъ мы, въ бою страстей, могли на комъ-нибудь
Душой усталою съ любовью отдохнуть.
Среди житейскихъ смутъ, съ ихъ безконечнымъ споромъ,
Онъ долгій путь прошелъ, но на него укоромъ
Ни чьи-бы не могли озлобиться уста.
Была душа его младенчески-чиста,
Но и созрѣла въ немъ, какъ плодъ благоуханной,
Созрѣвшій на браздѣ Земли Обѣтованной,
Гдѣ теплый воздухъ чистъ, гдѣ чисты небеса,
И Божья благодать ложится, какъ роса.

2.

Двукратно зрѣлъ онъ край священной Палестины:
Тамъ краски свѣтлыя Евангельской картины
Еще не стерлися подъ давкою вѣковъ.
Тамъ въ почву врѣзанъ слѣдъ Божественныхъ шаговъ,
Тамъ чуешь въ воздухѣ Евангельскія рѣчи,
Тамъ съ смутнымъ трепетомъ ждешь и боишься встрѣчи,
Какъ тутъ-же нѣкогда, дорогой въ Еммаусъ,
Внезапно братьями былъ встрѣченъ Іисусъ.
Евангеліе здѣсь есть лѣтопись живая:
Ея событія поднесь переживая,
Паломникъ, съ набожнымъ вниманьемъ, день за днемъ
Таинственно слѣдитъ за этимъ дневникомъ.
Здѣсь не исчерпано чудесъ святое лоно,
Здѣсь все еще свѣжо, какъ и *во время-оно:*
Вотъ, кажется, грядетъ Невѣдомый землѣ,
Со знаменемъ любви и скорби на челѣ.
Благословляетъ Онъ, и милуетъ, и учитъ;
Онъ утѣшаетъ тѣхъ, которыхъ горе мучитъ;
Больныхъ врачуетъ Онъ прикосновеньемъ рукъ,
И, въ мудрой простотѣ, превыше всѣхъ наукъ,
Чтобъ въ міръ и жизнь вселить миръ, счастье и свободу:
„Любите ближняго!“ Онъ говоритъ народу.
Кто разъ сподобился, о Іерусалимъ,
Хоть мимоходомъ быть причастникомъ твоимъ;
Кто умирительный твой воздухъ жадной грудью
Вдыхалъ: кто твоему молчанью и безлюдью
Сочувствовать умѣлъ и въ этой тишинѣ
Съ минувшимъ и съ собой могъ быть наединѣ:
Тотъ скажетъ, что, хоть разъ, вкусилъ онъ въ жизни сладость
Унынья свѣтлаго, похожаго на радость.
И какъ забыть тебя, спасенія купель,
Тебя, живыхъ чудесъ ковчегъ и колыбель!
Васъ—Геѳсиманскій садъ и берега Кедрона!
Васъ—Елеонская гора, холмы Сіона,
Іосафатовой долины тишина!
Васъ— вѣчный блескъ небесъ и вѣчная весна,
Весь этотъ свѣтлый міръ, всю эту Іудею,
Съ своей поэзіей и скорбію своею!

Въ сей край паломникъ нашъ, какъ въ отчій домъ вступилъ:
Сей край онъ съ юныхъ лѣтъ заочно возлюбилъ;
Къ нему неслись его завѣтныя стремленья;
Онъ изучалъ его въ трудахъ долготерпѣнья.
Но глубже вѣрою своей его постигъ:
Она была ему вѣрнѣйшая изъ книгъ.
Съ Апостолами онъ духовно породнился;
Онъ съ ними вѣровалъ, и плакалъ, и молился;
Онъ почву цѣловалъ, носившую Христа;
Завидовалъ онъ вамъ, сподвижники Креста;
Онъ съ вами раздѣлить желалъ-бы вашу долю:
Гоненья, нищету и язвы и неволю.

Онъ жертвамъ доблестнымъ былъ рано обученъ.
Служенье обществу страданьемъ началъ онъ:
Но тяжкій опытъ сей, какъ рыцарскимъ обѣтомъ,
Въ немъ честь запечатлѣлъ предъ нимъ самимъ и свѣтомъ
И закалилъ ее, какъ огненной струей.
Въ дни отрочества онъ, паломникъ боевой,
Въ пылъ битвы брошенный едва созрѣвшей волей,
За родину стоялъ на Бородинскомъ полѣ
И, разомъ возмужавъ подъ ядрами въ бою,
Ей въ жертву онъ принесъ младую кровь свою.
И во всю жизнь его тѣ два воспоминанья,
Два чистые ключа, двѣ страсти, два призванья,
Двѣ радуги души на всѣхъ путяхъ, во всемъ,
Въ немъ отзывалися и оттѣнялись въ немъ.
Въ немъ и паломникъ былъ—сынъ вѣры и молитвы,
И отрокъ—пламенный какъ въ день народной битвы.
Сосудъ, очищенный огнемъ Бородина,—
Душа призванію осталася вѣрна.

Россія для него была земной святыней.
Онъ лавромъ молодымъ и взросшей въ Палестинѣ
Завѣтной пальмою, дней прежнихъ помня быль,
Былъ вправѣ обвивать свой боевой костыль.
Любили слышать мы, какъ съ молодой замашкой,
Постукивалъ нашъ другъ своею деревяшкой;
Какъ прямо отъ души душѣ онъ говорилъ,
Хоть заикался онъ и хоть разсѣянъ былъ.
Но на дѣла добра, за правду-ли вступаясь,
Умъ, въ совѣсть вслушавшись и съ ней не запинаясь,
Мысль выражалъ свою правдивымъ языкомъ.
Нѣтъ, совѣсть ни предъ кѣмъ не заикалась въ немъ.

Онъ жизнь любилъ, но въ ней не суетныя блага.
Добра святая страсть, ей сродная отвага,
Любовь къ прекрасному и этотъ чистый пылъ,
Который въ немъ питалъ очагъ духовныхъ силъ,—

Все въ старческой душѣ нетлѣннымъ уцѣлѣло,
И юный духъ бодрилъ дряхлѣющее тѣло.

Но для него и смерть не пугаломъ была:
Близъ праха милаго она его ждала
Привѣтливой звѣздой желаннаго свиданья.
Онъ руку подалъ ей съ улыбкой упованья.
Молитвой озарилъ онъ свой послѣдній часъ;
Онъ смертью кроткою и праведной угасъ,
Съ покорностью Творцу, съ любовью нѣжной къ братьямъ,
Какъ гаснетъ чистая лампада предъ Распятьемъ,
Когда, въ свой часъ, ея свѣтильня догоритъ,
И утро новое сводъ неба озаритъ. *Князь Вяземскій.*

Февраль 1869.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

I.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина пропущены два антологическія стихотворенія его, предметомъ которыхъ послужили произведенія Русскаго искусства. Перепечатываемъ эти стихи изъ Художественной Газеты 1836 (изд. Кукольника) №№ 9 и 10 стр. 141. Они помѣщены тамъ въ Обозрѣніи выставки художественныхъ произведеній Академіи Художествъ 1836 г. Авторъ обозрѣнія (вѣроятно самъ Кукольникъ) говоритъ, что печатаетъ стихи эти съ дозволенія Пушкина. Первая статуя работы Логановскаго, вторая—Пименова.

1.

На статую играющаго въ свайку.

Юноша полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ—тѣшится быстрой игрой!
Вотъ и товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать.

2.

На статую играющаго въ бабки.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другою поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся, народъ любопытный,
Врозь разступись: не мѣшай Русской удалой игрѣ.

II.

Эпиграмма Крылова.

Прочитавъ извѣстное стихотвореніе Виктора Гюго:

Enfant, si j'étais roi, je donnerais l'empire
Et mon trône, et mon sceptre, et mon peuple à genoux...
Si j'étais Dieu, je donnerais les mondes и пр.
(Les Feuilles d'Automne).

помѣщенное въ переводѣ Делярю въ Библіотекѣ для Чтенія (1835, кн. 2), и надѣлавшее въ свое время довольно шуму въ Петербургѣ, — Крыловъ написалъ карандашомъ на книгѣ два стиха:

Мой другъ, когда бы былъ ты Богъ,
Ты бъ глупости такой сказать не могъ.

(Передано мнѣ очевидцемъ покойнымъ П. А. Львовымъ, родственникомъ Олениныхъ.) *И. Ханенко.*

ПОСѢЩЕНІЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ СМОЛЕНСКАГО КЛАДБИЩА, ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, 11 НОЯБРЯ 1824 ГОДА.

Царь молвилъ:
Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать....
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.

Пушкинъ, II. 310.

Каждый разсказъ изъ жизни благословеннаго Монарха, безспорно, принадлежитъ исторіи народа, который, переживая съ своимъ Государемъ трудные дни 1812 и 1824 годовъ, легко перенесъ бѣдствія ихъ, видя въ средѣ своей Императора „какъ будто намѣренно пытавшаго себя“ поучительнымъ зрѣлищемъ преждевременной смерти.

„Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не чувствовалъ“, сказалъ Императоръ въ 1818 году, вспоминая о „бѣдственномъ, священномъ, славномъ, великомъ“ 1812 годѣ. Въ 1824 году, когда Петербургъ былъ на краю гибели, Императоръ, не оставляя своего народа, всюду являлся помощникомъ ему. Вотъ доне сеніе кладбищенскаго духовенства благочинному, изъ котораго видны заботы Государя и о пріютѣ смерти: „Сего ноября 11-го, въ 4-мъ часу по полудни Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, обозрѣвая водою раззоренныя жилища, благоволилъ милостивѣйше посѣтить и наше кладбище: взошедъ въ церковь, помолился иконамъ, оглянулъ церковь, въ болѣзни сердца поклонился покойникамъ и изволилъ пойти вонъ. Прошелъ за колокольню, посмотрѣлъ тамъ, и пошелъ назадъ. При богадѣльнѣ у богадѣленокъ спросилъ: какъ велика была вода? Тѣ отвѣчали. Послѣ сего изволилъ сказать, чтобъ онѣ много не скорбѣли: я вамъ покровитель. Изъ насъ-же ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ“.

При входѣ въ церковь Государю подана была записка о числѣ покойниковъ, какъ утопшихъ, которыхъ было болѣе ста, такъ и умершихъ отъ болѣзней.

Николай Григоровичъ.

НАДПИСЬ НА ИКОНѢ, ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Въ числѣ вещей, Высочайше дарованныхъ Новгородскому, графа Аракчеева, кадетскому корпусу (что нынѣ Нижегородская, графа Аракчеева, военная гимназія) изъ оставшагося по смерти графа Аракчеева имущества его, есть икона Нерукотвореннаго Спаса, величиною 8 вершк. длины и 6 вершк. ширины, въ богатой серебряной, вызолоченной ризѣ, изящно украшенной камнями. (Вѣсу въ серебрѣ безъ камней около 5 фунтовъ, 8 червонцевъ употреблено на позолоту, стразовыхъ камней 982.) На лицевой сторонѣ иконы, внизу, подъ ликомъ Спасителя, находится надпись, составленная, какъ видно, самимъ графомъ Аракчеевымъ и отчеканенная по его заказу. Сообщаемъ эту надпись, потому что, судя по году и мѣсяцу, выставленному въ концѣ надписи, она имѣетъ большое отношеніе къ настроенію мыслей и чувствъ графа въ указанное время.

Вотъ эта надпись:

„Господи! даждь милость ненавидящимъ мя, и враждующимъ мнѣ, и поношающимъ меня, да никто же отъ нихъ мене ради пострандетъ ни въ нынѣшнемъ ни въ будущемъ вѣцѣ, но очисти ихъ милостію Твоею и покрый ихъ благодатію Твоею, озари ихъ и просвѣти во вѣки вѣковъ. Аминь. Ноября дня 1825 г. Г. А“.

Число мѣсяца было выставлено; но, какъ замѣтно по оставшемуся знаку, кѣмъ-то уничтожено послѣ.

Икона эта находится въ настоящую пору въ церкви Нижегородской, графа Аракчеева, военной гимназіи.

(Сообщилъ священникъ Е. Мегорскій.)

ПОПРАВКА.

Въ 44 нумерѣ *Современной Лѣтописи* 1868 года (15 декабря) напечатанъ некрологъ князя Александра Ивановича Долгорукаго. Составитель некролога, г. Е. А., утверждаетъ, что съ кончиною князя А. И. Долгорукаго пресѣклась старѣйшая вѣтвь знаменитаго рода князей Долгорукихъ, имѣвшаго столь важное значеніе въ нашей исторіи въ первую четверть XVIII вѣка и особенно въ царствованіе Петра II-го. Показаніе это не вѣрно. Представительницы этой вѣтви, прямыя праправнучки славной княгини Натальи Борисовны Долгорукой и несчастнаго супруга ея князя Ивана Алексѣевича, суть двѣ дочери покойнаго сенатора князя Дмитрія Ивановича, отъ двухъ браковъ его (съ Маріею Дезвортъ и съ Софьею Никаноровною Хитровою), *княжны Наталья и Екатерина Дмитріевны Долгорукія.* У дѣда ихъ, извѣстнаго писателя, князя Ивана Михайловича, было нѣсколько женатыхъ сыновей, но только у одного изъ этихъ сыновей, князя Дмитрія Ивановича, были дѣти, именно двѣ вышеназванныя дочери, изъ коихъ старшая (носящая имя славной своей прабабки), за государственныя заслуги отца пожалована фрейлиной Высочайшаго Двора. Правда, у дочери князя Ивана Михайловича есть сыновья, но въ родословномъ счисленіи, они, какъ происшедшіе по женскому колѣну, уступаютъ старшинство лицамъ происшедшимъ отъ поколѣнія мужескаго. Такова издавна всѣми признаваемая генеалогическая лѣстница.

Петръ Бартеневъ.

5-го февраля 1869 года.

Эта „Поправка“ была напечатана въ 36 № Московскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года. Лицо, скрывающее себя подъ буквами Е. А., объявило, въ 41 № тѣхъ же Вѣдомостей, что строки эти лишены всякаго основанія. У насъ не въ обычаѣ входить въ газетныя препирательства; но для читателей Русскаго Архива замѣтимъ, что цѣлью нашею при напечатаніи вышеприведенной поправки было указать на нынѣшнихъ представительницъ старѣйшей вѣтви княжескаго Долгоруковскаго рода, такъ какъ онѣ, *т. е. княжны Наталья и Екатерины Дмитріевны Долгорукія,* а не кто другой, должны владѣть семейными и въ тоже время историческими памятниками, о коихъ упоминалось на страницахъ нашего изданія, какъ напр. перстнемъ съ изображеніемъ императора Петра Втораго; иконою, передъ которою проливала слезы знаменитая страдалица княгиня Наталья Борисовна (и на которой намъ случилось видѣть собственноручное ея завѣщаніе о томъ, чтобы икона эта всегда переходила изъ рода въ родъ ея потомковъ), разными портретами князей Долгорукихъ и наконецъ обширными доселѣ неизданными Памятными Записками князя Ивана Михайловича. *П. Б.*

Чертковская библіотека открыта для безплатнаго чтенія ежедневно отъ 10 до 3 часовъ кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

ВЪ 1833 ГОДУ.

Записки Н. Н. Муравьева-Карсскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°
8 нен., 462, 092, VII и 2 нен. стр. съ рисункомъ. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ)

I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.
II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.
III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева).
IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.
V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова.*
VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова.*
VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).
VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).
IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева.*
X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр Г. Г. Орловымъ.
XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешихинымъ.* 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ фонъ Герщторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8 О Гастѣ и Цукербекерѣ.
XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.
XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ.*
XIV. Цензурная вѣдомость 1786 – 1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова.*
XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

Получать можно въ Чертковской библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к. съ перес. 3 р. Вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 г. — 9 р. съ пересылкою. 10 р.

ТРЕТЬЯ КНИГА ОСМНАЦАТАГО ВѢКА ПЕЧАТАЕТСЯ.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію одного **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Книги XVIII в. продаются по одиначкѣ: первая по 2 р. 50 к.; съ пер. 3 р. вторая по 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.,

☞ Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ или Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: *въ Москву*, въ Чертковскую библіотеку, *Петру Ивановичу Бартеневу* Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

5. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758. Черта Русской политики Елизаветинскаго времени.
2. Императоръ Николай 1-й въ Св. Правительствующемъ Синодѣ Статья *Н. П. Григоровича.*
3. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника *К. Л. Кустодіева.*
4. Письмо гр. *Ѳ. В. Ростопчина* къ Великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ.
5. Переписка *его же* съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сообщено *Г. Н. Александровымъ*).
6. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава припервомъ Наполеонѣ. *Графа А. А. де Бальмена.* 1819.
7. Автобіографія *графа С. П. Румянцева.*
8. Письмо *графа С. П. Румянцева* къ отцу его, графу Румянцеву Задунайскому
9. Письмо *А. И. Маркова* къ графу С. П. Румянцеву.
10. Записка *А. Н. Райки* объ убіеніи графа Каподистріи.
11. Хозяйственое распоряженіе князя Потемкина.
12. Письмо *Сперанскаго* объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщено барономъ *М. П. Корфомъ.*
13. Новыя изданія о Русской библіографіи *С. А. Соболевскаго.*

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, д. № 7.

1869.

ВТОРАЯ КНИГА СБОРНИКА

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II го, въ Испанію *Дука де-Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева.*

II. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской.

III. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія: а) Собственноручная записка Императрицы. б) Указъ Кабинету. в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Θеодоровича. г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елисаветѣ д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова.* е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Θеодововича.

IV. Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова.*

V. Житіе Θедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя.

VI. Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича.*

VII. Приказъ Ярославскаго помѣщика *Кирновича* 1765 года.

VIII. Масонскія бумаги: а) Посланіе Симбирскихъ Мосоновъ въ Москву. б) Письмо *И. П. Тургенева* къ А. П. Соковнину. в) Письмо *Кауница Ритберга* къ князю А. Б. Куракину съ послѣсловіемъ и примѣчаніями *М. Н. Лонгинова*? г) Изъ донесенія *князя Прозоровскаго* Императрицѣ Екатеринѣ о Масонахъ (сообщено *С. М. Соловьевымъ*).

IX. Семейство Разумовскихъ I. Графъ Алексѣй и Кирила Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

X. «Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ». Записка Малороссіанина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

XI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину. б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *княземъ М. А. Оболенскимъ*).

XII. Procès-verbale du décès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Получать можно въ Чертковской Библіотекѣ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. съ пер. 3. р. 50 к.; вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Содержаніе 1-й книги см. на внутренней сторонѣ задней обложки.

ЭКСТРАКТЪ ИЗЪ ПРОТОКОЛА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

от 18 сентября 1758 года.

О переселеніи Сербовъ въ Россію.

Правительствующему сенату военная коммиссія, при доношеніи отъ 7 іюля сего года, представила на разсмотрѣніе вышедшаго изъ Цесаріи Сербской націи священника Петра Морочанина, со объявленіемъ его, что Турецкой области изъ Герцеговины разныхъ селъ, лежащихъ въ близости Черныхъ Горъ, живущіе тамъ Сербы отъ крайней ихъ ревности и усердія по единовѣрію желаютъ быть въ Россійской службѣ и подданствѣ. И потому ихъ желанію оный священникъ выѣхалъ для осмотра и поселенія земель въ Славяносербіи, и, бывъ тамъ, проситъ о свободномъ вышепомянутаго Сербскаго народа въ Россію пропускѣ, и чтобъ для пріема и привода ихъ командирована была пристойная команда. А коллегія иностранныхъ дѣлъ мнѣніе объявила: когда тѣ Сербы въ Турецкой области живутъ и въ подданствѣ тамошнемъ находятся, явно ихъ въ Россію препровождать и въ подданство здѣшнее принимать невозможно затѣмъ, что Турецкій дворъ, услышавъ о семъ, безъ сомнѣнія въ молчаніи не оставитъ, и оттого съ здѣшнею стороной легко до ссоры дойтить можетъ, отъ чего въ нынѣшнее время больше, нежели въ другое, весьма уклоняться надобно. А когда помянутые Сербы прямое желаніе имѣютъ въ Россію перейдтить и въ Славяносербіи на отведенныхъ земляхъ поселиться, то имъ можно чрезъ того же священника тайно объявить, чтобы они сами, при удобномъ времени, только не вдругъ многимъ числомъ, но малыми партіями изъ нынѣшнихъ своихъ жилищъ выходили, и чтобы подъ именемъ Черногорцевъ чрезъ Цесарскія и Польскія земли къ Россійскимъ границамъ проходили. А въ тѣхъ областяхъ, когда они только Черногорцами и не Турецкими подданными, но вольными называться станутъ, задержанія имъ, чаятельно, не будетъ, кромѣ обыкновеннаго въ пограничныхъ мѣстахъ карантина для осторожности отъ повѣтренныхъ болѣзней. Для пріема же и препровожденія ихъ до Россійскихъ границъ, требуемыхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и капраловъ, по вышеобъявленному обстоятельству, явно и точно съ тѣмъ послать также невозможно, развѣ оныхъ нѣсколько туда изъ Славяносербіи отпустить, подъ претекстомъ собственныхъ ихъ или какихъ полковыхъ нуждъ, съ паспортами и тайнымъ наставленіемъ, чтобы они способствовали тѣмъ Сербамъ въ прохожденіи ихъ въ областяхъ Цесарскихъ и Польскихъ подъ именемъ Черногорцевъ, какъ земляковъ своихъ и вольныхъ людей. А инако невозможно прямо требовать и получить у Вѣнскаго двора и у Республики Польской позволенія на свободный пропускъ такихъ людей, которые изъ Турецкаго подданства выходить будутъ; для того, что и сами тѣ области весьма не хотятъ у Турецкой стороны въ подозрѣніи, а наименьше въ какую ссору, придтить. Чтоже и до помянутаго священника самого касается, то, когда онъ не природный подданный въ Цесаріи, можетъ объ отпускѣ своемъ и съ фамиліею самъ тамо, у кого надлежитъ, просить и такимъ же образомъ, какъ выше означено, съ прочими Сербами въ Россію выѣхать, а со сто-

роны здѣшняго Двора объ немъ прямо домогаться неудобно, когда онъ природою изъ Турецкой области.

Напротивъ же того, военная коллегія объ отпускѣ, для пріема и препровожденія тѣхъ Сербовъ, воинскихъ людей съ паспортами и наставленіемъ не безъ сомнительства признавастъ, дабы не подать причины къ какому-либо подозрѣнію; къ тому же и тѣ посылаемые, чрезъ такую отъ команды отлучку, могутъ иногда зачѣмъ долговременно и праздно безъ службы находиться, что за не полезное жъ усматривается.

А понеже о желающихъ къ выходу въ Россійскую службу и подданство Албанцахъ на разсмотрѣніе сообщено въ учрежденную при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференцію, токмо еще опредѣленія объ нихъ не послѣдовало.

Чего ради въ сенатѣ опредѣлено и о вышеописанномъ желающемъ къ выходу сюда изъ Герцеговины Сербскомъ народѣ къ надлежащему разсмотрѣнію и опредѣленію сообщить въ учрежденную при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференцію; помянутому жъ прибывшему съ объявленіемъ отъ того желающаго къ выходу Сербскаго народа священнику Морочанинову на пропитаніе его выдано здѣсь изъ казны 100 рублей. А въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ сообщено вѣдѣніемъ, дабы онъ, до будущаго по его дѣлу разсмотрѣнія, допущенъ былъ здѣсь къ священнослуженію, гдѣ бы онъ, по его иностранству и неимуществу, имѣть могъ безнужное пропитаніе, токмо онъ въ Сенатѣ проситъ объ отпускѣ его въ отечество.

И о томъ Правительствующій Сенатъ, сообщая, требуетъ отъ учрежденной при Дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференціи опредѣленія. На подлинномъ подписали: князь Б. Юсуповъ, князь Иванъ Щербатовъ, князь Алексѣй Голицынъ, князь Иванъ Одоевскій, оберъ-секретарь Иванъ Ермолаевъ, секретарь Васильевъ.

Изъ книги по Конференціи, за № 789, присланной изъ Петербургскаго сенатскаго архива, № дѣла 129-й. Рѣшеніе конференціи намъ неизвѣстно; но мы знаемъ, что въ эту пору (въ разгаръ Семилѣтней войны), съ паденіемъ Бестужева и возобладаніемъ Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, наша политика сдѣлалась робкою.

П. Б.

(Сообщено Н. В. Калачевымъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I-Й ВЪ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СИНОДѢ.

(4-го іюня 1835 года).

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Святѣйшаго Синода связано съ освященіемъ синодской церкви, которое не лишено историческаго интереса.

Въ концѣ мая мѣсяца 1835 года, предъ наступленіемъ теплаго времени и «общей вакаціи», предположено было открыть новое синодское зданіе, безъ опасеній последствій отъ сырости. 20-го апрѣля оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, Нечаевъ, всеподданнѣйшимъ докладомъ испрашивалъ разрѣшенія, чтобы заранѣе освящена была церковь въ новомъ зданіи, какъ было сдѣлано въ Сенатѣ, а потомъ въ докладѣ выразилъ, что «приличнѣйшимъ для сего освященія днемъ могло бы быть 9-е число мая, посвященное памяти святаго, коего имя носитъ Августѣйшій Основатель сего зданія» [1].

(1) Для построенія синодальнаго и сенатскаго зданія учрежденъ былъ особый комитетъ, кото-

На слѣдующій день Государь Императоръ на докладѣ написалъ: «Освятить во имя апостола Петра, ибо Синодъ учрежденъ Петромъ I-мъ». Между тѣмъ въ февралѣ 1833 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на освященіе синодской церкви въ память Седми Вселенскихъ Соборовъ [2], почему и написаны были иконостасъ и образа святителей наиболѣе «подвизавшихся за правость вѣры на сихъ соборахъ».

рый производилъ постройку съ возможною экономіей. Вотъ цифра, показывающая стоимость этого зданія. 21 и 28 февраля 1830 г. назначено на пріобрѣтеніе отъ купеческой жены Кусовниковой дома 600.000 руб., на разломку его и возведеніе новаго зданія для св. Синода 1.400.000 рублей.

По смѣтѣ, послѣ того составленной, исчислено на разломку дома и постройку зданія 1.335.697 руб. 5 коп., т. е. съ уменьшеніемъ противъ первоначальнаго назначенія на 64.302 р. 95 коп.

Въ маѣ 1832 г. комитетъ, распоряжавшійся постройкою, доводилъ до свѣдѣнія Государя Императора, что по торгамъ, произведеннымъ въ теченіи двухъ предшествовавшихъ годовъ на разные предметы постройки, сбережено изъ смѣтной суммы 146.035 руб. 79 коп., которая съ высочайшаго разрѣшенія употреблена на предметы внутренняго устройства, смѣтою не назначенные.

Изъ сей суммы выдано:

а) За обмеблированіе синодскаго зданія съ пріобрѣтеніемъ бархата и другихъ украшеній 89.515 р. 42½ к.

б) За устроеніе въ сенатскомъ и синодскомъ архивахъ полокъ съ отдѣлкою компатъ, занимаемыхъ метрикою надъ аркой, 46.940 р. 71¾ к.

Весь расходъ по симъ двумъ статьямъ составилъ 136.456 рублей 14¼ коп., чистый остатокъ 9.579 р. 64¾ к.

Между тѣмъ, независимо отъ первоначальнаго сбереженія 146.035 р. 79 к., при совершеніи подрядовъ на окончательную отстройку и отдѣлку синодскаго зданія, оказалось еще въ сбереженіи противъ смѣтнаго назначенія 183.067 руб. 2½ коп.

Но вмѣстѣ съ этимъ, для полной соотвѣтственности зданія назначенію его, какъ равно для усугубленія прочности и удобства въ помѣщеніи, представились, по ближайшимъ соображеніямъ, совершенно необходимыми такіе расходы, которые при составленіи смѣты не могли быть предвидѣны.

Расходы эти составили 147.945 р. 75½ к. и покрылись частію отъ новаго сбереженія, т. е. 183.067 р. 2½ к.

Чистый остатокъ по сей статьѣ 35.121 руб. 27 коп.

Такимъ образомъ сбереженіе, котораго комитетъ достигнулъ дѣйствіями своими по всей операціи, представляется въ трехъ видахъ:

а) Собственно въ сокращеніи первоначальнаго назначенія (1.400.000) 109.003 р. 86¾ к.

б) Въ дѣйствительномъ остаткѣ противъ смѣтнаго назначенія (1.335.697 руб. 5 коп.) 44.700 р. 91¾ коп.

а) Въ покрытіи сверхъ смѣтныхъ расходовъ на 284.401 р. 89¾ к.

Построеніемъ зданія завѣдывалъ архитекторъ 4-го класса Штаубертъ.

(2) 18 февраля 1833 г. оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, княземъ Мещерскимъ, былъ представленъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ подробно изложена исторія учрежденія церкви при Святѣйшемъ Синодѣ, основанная въ память побѣды (28 сентября) надъ Левенгауптомъ.

Содержаніе доклада слѣдующее: «При Святѣйшемъ Синодѣ съ 1755 г. находится церковь, бывшая до того времени придѣльною въ Троицкомъ соборѣ, что̀ на Петербургской сторонѣ.

«Придѣлъ сей сооруженъ былъ во времена Петра Великаго и освященъ во имя преподобнаго Харитона, коего память празднуется 28 сентября, въ самый день побѣды надъ Левенгауптомъ, что̀ самое служитъ удостовѣреніемъ, что храмъ сей устроенъ былъ въ воспоминаніе сего событія, донынѣ ежегодно празднуемаго въ нашей церкви благодарственнымъ молебствіемъ.

«Образа въ сей церкви писаны дурно съ латинскими надписями и на шелковой матеріи, нынѣ уже обветшавшей. Вообще она не могла бы соотвѣтствовать красотѣ новаго зданія; почему и предположено устроить въ немъ новую домовую же церковь, и по высочайше утвержденной смѣтѣ назначена на сіе достаточная сумма.

Необходимость заставляла такимъ образомъ согласить эти два высочайшія повелѣнія, и потому Нечаевъ вторично представилъ Государю о двухъ повелѣніяхъ, гдѣ, между прочимъ, выразилъ: «Если

«При семъ случаѣ въ общемъ совѣщаніи членовъ Синода съ членами строительнаго комитета, со стороны коммиссіи духовныхъ училищъ разсуждено было, что нѣтъ достаточной причины освящать храмъ сей во имя того же святаго, такъ какъ нынѣшняя Харитоніевская церковь не была устроена собственно для Синода, а только случайно перенесена изъ Троицкаго собора, по признанной тогда надобности имѣть домовую церковь при синодальной канцеляріи и по случаю разобранія прежняго зданія того собора за ветхостію; напротивъ, въ новомъ синодальномъ домѣ, гдѣ, по собственному назначенію Вашего Величества, домовая церковь устрояется подлѣ самой присутственной камеры, представляется освятить сей храмъ въ воспоминаніе церковныхъ событій, соотвѣтственныхъ предмету главнаго въ семъ зданіи учрежденія. Руководствуясь сею мыслію, предполагается устроить домовую синодскую церковь въ честь празднуемыхъ издревле Седьми Вселенскихъ Соборовъ, опредѣленія коихъ составляютъ основные законы нашей церкви, и для сего, кромѣ мѣстныхъ образовъ, Спасителя и Богоматери, написать въ иконостасѣ вверху образъ Сошествія Святаго Духа, а внизу по сторонамъ на двухъ особыхъ образахъ представить тѣхъ святыхъ іерарховъ, которые наиболѣе оказали на сихъ соборахъ ревности къ защищенію и утвержденію праваго ученія о вѣрѣ.

«Пріемлю смѣлость предварительно довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, между тѣмъ какъ генералъ-лейтенанту Базену поручено отъ строительнаго комитета представить на высочайшее утвержденіе чертежъ иконостаса новой синодской церкви.»

На докладѣ этомъ, въ тотъ же день, Государь Императоръ высочайше соизволилъ карандашемъ собственноручно написать слѣдующую резолюцію:

«Согласенъ; но бывшую церковь надо сохранить въ память основателя, пріискавъ ей приличное мѣсто и подновя сколько можно».

же оставлено будетъ прежнее назначеніе объ освященіи сей церкви въ память Вселенскихъ Соборовъ, то еще можетъ быть отчасти исполнена и та мысль Вашего Величества, чтобъ съ симъ случаемъ соединено было и воспоминаніе о великомъ учредителѣ Святѣйшаго Синода. Церковь наша можетъ быть освящена ежели не въ Николинъ день, то въ Петровъ день, 29-го іюня. Только не слишкомъ ли сія отсрочка отдалитъ открытіе самого Синода, которое Ваше Императорское Величество столь милостиво обѣщали осчастливить драгоцѣннѣйшимъ Вашимъ присутствіемъ?»

Государь Императоръ на докладѣ оберъ-прокурора, 23 апрѣля 1835 г., написалъ: «Я не помнилъ, что церковь уже наречена; оставить какъ есть, освятить когда удобнѣе».

Медленный ходъ работъ, въ особенности по убранству внутреннихъ покоевъ, вновь заставилъ оберъ-прокурора испрашивать высочайшаго разрѣшенія на освященіе церкви въ день Сошествія Святаго Духа, 27 мая, который, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, имѣлъ особенное значеніе и важность для него, потому что «древніе церковные соборы начинались всегда призываніемъ Святаго Духа. И нынѣ, при избраніи новыхъ архіереевъ тоже наблюдаютъ въ Россійскомъ Синодѣ. Всѣ члены поютъ въ самомъ началѣ тропарь Св. Духу: «Царю небесный, утѣшителю, Душе истинный», и проч. И въ синодской церкви главный вверху образъ представляетъ Сошествіе Св. Духа. Все сіе вмѣстѣ заставляло остановиться на выборѣ сего важнаго дня. Долгомъ поставляю предварительно донести о семъ Вашему Императорскому Величеству».

Государь Императоръ, соглашаясь съ докладомъ, написалъ на немъ: «Весьма прилично»

Въ присутствіи знатнаго духовенства и государственныхъ сановниковъ, 27 мая [3], въ понедѣльникъ, церковь Святѣйшаго Синода освящена [4], и вслѣдъ затѣмъ, а именно 4 іюня, Государь Императоръ изволилъ посѣтить Святѣйшій Синодъ.

День этотъ останется памятнымъ для соотечественниковъ, особенно по рѣчи Августѣйшаго Монарха, въ которой онъ выразилъ и преданность къ церкви и любовь къ отечеству.

По предварительному назначенію, собрались члены Святѣйшаго Синода [5] къ 12 часамъ утра.

Пополудни изволилъ прибыть Государь Императоръ съ Государемъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Наслѣдникомъ, и встрѣченъ оберъ-прокуроромъ Синода съ чиновниками у подъѣзда, а по входѣ въ зданіе членами Синода. Преосвященные архіереи были въ мантіяхъ, первенствующій же членъ и въ омофорѣ, со святымъ крестомъ.

Цѣловавъ крестъ и принявъ окропленіе св. водою, Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ престола, въ предшествіи членовъ Синода, прибылъ въ синодальную церковь и слушалъ въ оной краткое молебствіе и возглашеніе многолѣтія Его Величеству и всему Августѣйшему Дому.

Изъ церкви Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ престола, въ предшествіи первенствующаго и въ сопровожденіи прочихъ членовъ Синода, шествовалъ въ палату синодальныхъ засѣданій, и по вступленіи въ оную, во-первыхъ благоговѣйно цѣловалъ св. Крестъ и св. Евангеліе, поставленное, по синодальному обычаю, въ началѣ присутственнаго стола; потомъ изволилъ занять мѣсто не на приготовленномъ тронѣ, но близь онаго на креслахъ, имѣя Государя Наслѣдника по правую руку, на ближайшихъ креслахъ, и повелѣлъ членамъ Синода также занять свои мѣста.

По исполненіи сего, благочестивѣйшій Государь простеръ къ Синоду императорское слово, внушенное Его Величеству, сколько священнымъ характеромъ защитника церкви и покровителя правительства ея, столько же личною Его Величества ревностію о со-

---

(3) Послѣ освященія внутреннихъ комнатъ Святѣйшаго Синода, что̀ происходило въ іюнѣ мѣсяцѣ, для лицъ въ немъ служащихъ былъ устроенъ обѣденный столъ, на которомъ, какъ разсказываютъ очевидцы, «было всего въ изобиліи и отмѣнно весело».

Кромѣ сего Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ, «въ поощреніе и пособіе чиновникамъ канцеляріи Синода и отдѣленія духовныхъ дѣлъ Грекороссійскаго исповѣданія, 20.000 р., изъ государственнаго казначейства.

(4) Въ 1837 г. церковь при Святѣйшемъ Синодѣ предположено было расширить по проекту профессора Императорской академіи художествъ, Горностаева. По мнѣнію его, «проектъ церкви вообще есть одна изъ труднѣйшихъ задачъ для архитектора; но древній стиль церкви, предполагавшейся въ высшемъ государственномъ установленіи, значительно усложняетъ работу и представляетъ такія требованія, для удовлетворенія которымъ нужно, кромѣ высшаго художественнаго знанія, и немаловажныя археологическія изысканія». За составленіе проекта Горностаеву было выдано 1000 руб., но онъ не приведенъ въ исполненіе.

(5) 4 іюня 1835 г. присутствовали члены: Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, Филаретъ, митрополитъ московскій, Іона митрополитъ, Григорій, архіепископъ тверской. Бывшій духовникъ покойной Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, московскаго Благовѣщенскаго собора протопресвитеръ, Павелъ Васильевичъ Криницкій. Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, оберъ-священникъ главнаго штаба, придворный протоіерей, Николай Васильевичъ Музовскій, и оберъ священникъ арміи и флотовъ, протоіерей Василій Ивановичъ Кутневичъ.

храненіи и распространеніи Православія, духомъ смиренія предъ Богомъ, и наконецъ попеченіемъ о благѣ церкви и государства на грядущія времена.

Его Величество изъяснялъ:

что вступилъ на прародительскій престолъ противъ ожиданія, и потому безъ предварительнаго приготовленія, и что бремя правленія, какъ бы съ неба, ниспало на рамена его;

что начало и исполняющееся десятилѣтіе царствованія Его Величества встрѣтилось съ необыкновенными трудностями и тяжкими испытаніями;

что Синоду памятно происходившее на сей самой площади, которая теперь передъ глазами, и гдѣ первенствующій членъ оказалъ Его Величеству вѣрноподданническую услугу;

что вскорѣ затѣмъ слѣдовали Персидская и Турецкая войны, впрочемъ оконченныя столь благоуспѣшно, что Россійская держава, по внушаемому христіанствомъ великодушію, враждебной прежде Турціи доставила умиротвореніе и защиту;

что потомъ надлежало усмирить мятежное возстаніе Польши, перенести бѣдствіе губительной болѣзни и бывшія, по случаю ея, внутреннія неустройства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ;

что преодолѣніе всѣхъ сихъ трудностей благочестивѣйшій Государь относитъ къ особенной помощи Божіей, на которую паче всего и впредь возлагаетъ надежду, бывъ утвержденъ въ таковыхъ чувствованіяхъ наипаче наставленіями благочестивѣйшей Родительницы;

что сообразно съ симъ убѣжденіемъ, Его Величество, какъ самъ ближайшимъ къ сердцу своему попеченіемъ полагаетъ охраненіе Православія, такъ равномѣрно увѣренъ въ таковыхъ же преемственно чувствованіяхъ Государя Наслѣдника престола, и въ семъ, какъ Родитель, и какъ Государь, свидѣтельствуетъ о Немъ предъ церковію;

что изъ дѣлъ, предлежащихъ по настоящимъ обстоятельствамъ времени Синоду (о дѣйствованіи котораго Его Величество удостоилъ при семъ отозваться со всемилостивѣйшимъ благоволѣніемъ), особеннаго вниманія требуютъ—предпринятое съ превысившимъ чаяніе успѣхомъ возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію и дѣло обращенія раскольниковъ, требующее неослабной бдительности, твердости и постоянства въ принятыхъ правилахъ, безъ всякаго вида преслѣдованія;

что простирая попеченіе о дѣлахъ церковныхъ на грядущія времена, Его Величество желаетъ предупредить испытанное затрудненіе нечаяннаго вступленія въ оныя, бывшее слѣдствіемъ того, что блаженныя памяти Императоръ Александръ не имѣлъ Наслѣдника престола въ прямой линіи;

что вслѣдствіе сего, Его Величество, по благости Божіей, имѣя сыновъ и Перворожднаго изъ нихъ приготовляя къ наслѣдованію престола, подобно тому, какъ ввелъ уже Его Высочество въ Сенатъ, и вскорѣ намѣренъ ввести и въ Государственный Совѣтъ, изволилъ признавать полезнымъ знакомить Его Высочество и съ церковными дѣлами и потому соизволяетъ, чтобы Государь Наслѣдникъ присутствовалъ иногда при занятіяхъ Синода, и подъ его руководствомъ (Его Величеству благоугодно было употребить точно сіе выраженіе) предварительно пріобрѣталъ свѣдѣнія, потребныя и по сей части для Его высокаго назначенія;

что въ семъ Его Величество совершенно надѣется на вожделѣнные успѣхи Государя Наслѣдника, и въ должномъ сему споспѣ-

шествованіи полагается на усердіе Синода и поручаетъ его молитвамъ Своего возлюбленнаго Первенца.

За симъ оберъ-прокуроромъ прочитаны были:

1) Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы для удобства въ надзорѣ за духовенствомъ и назиданіи паствъ, умножено было число викаріатствъ, и чтобы Синодъ нынѣ же вошелъ въ разсужденіе объ учрежденіи вновь до четырехъ викаріевъ въ обширнѣйшихъ епархіяхъ, съ тѣмъ чтобы, по соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ и способовъ, представлено было на высочайшее усмотрѣніе, на какомъ основаніи должны состоять сіи викаріи относительно приличнаго ихъ сану содержанія.

2) Высочайшее повелѣніе, чтобы Синодъ вошелъ въ сношенія объ оказаніи монастырямъ пособія землями свыше опредѣленнаго прежними правилами количества.

3) Объявлено высочайшее утвержденіе всеподданнѣйшаго доклада Синода, о возвращеніи самобытности, обращенному въ архіерейскій домъ, Ипатьевскому монастырю, гдѣ юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ умоленъ былъ принять державу Россійскую, и объ учрежденіи онаго монастыря первоклассным каѳедральнымъ.

По окончаніи чтенія, Государь Императоръ, всемилостивѣйше принявъ изъявленіе вѣрноподданнической благодарности членовъ Синода за благопромыслительное попеченіе Его Величества о дѣлахъ церковныхъ, отбылъ изъ присутственной палаты и изволилъ осматривать присутственную комнату коммиссіи духовныхъ училищъ и канцелярію Синода, въ сопровожденіи членовъ Синода и оберъ-прокурора. Его Величеству благоугодно было оставить членовъ Синода при выходѣ изъ комнаты; синодальный же оберъ-прокуроръ продолжалъ сопровождать Его Величество по лѣстницѣ въ расположенный въ нижнемъ этажѣ архивъ [6] и изъ онаго до подъѣзда.

Непосредственно послѣ сего члены Синода отправились въ синодальную церковь и принесли благодарственное Господу Богу моленіе съ возглашеніемъ многолѣтія благочестивѣйшему Императору и всему Августѣйшему Дому; возвратясь же въ присутственную синодальную палату, приказали:

1) Достопамятное для правительствующаго Синода событіе настоящаго дня внести обстоятельно въ журналъ.

2) Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу Наслѣднику престола поднести списокъ съ сего журнала.

3) О высочайшемъ посѣщеніи Синода и высочайшей волѣ относительно присутствованія Государя Наслѣдника престола при

(6) Мысль о помѣщеніи синодальнаго архива въ нижнемъ этажѣ, въ комнатахъ со сводами, принадлежитъ Императору Николаю Павловичу.

«Государь императоръ», записано въ журналѣ комитета о построеніи сенатскаго и синодскаго зданія, отъ 30 января 1835 г., «30 января 1835 г., въ три часа пополудни, изволилъ посѣтить новое синодское зданіе и осмотрѣть внутри всѣ три этажа съ Петровской площади и Адмиралтейскаго канала; а при томъ соизволилъ замѣтить, во-1-хъ, что охраннѣе бы было отъ пожара, вмѣсто назначенія архивовъ Святѣйшаго Синода и коммиссіи духовныхъ училищъ въ верхнемъ этажѣ, помѣстить оные въ нижнемъ, гдѣ произведено устройство для библейскаго депо; а затѣмъ сіе депо перемѣстить можно бы было въ верхній этажъ; и во-2-хъ, изъявить высочайшее Его Императорскаго Величества согласіе на предположенія комитета въ присутственной залѣ Синода поставить тронъ по срединѣ стѣны, противъ оконъ, а на противоположной сторонѣ входа сдѣлать фальшивыя двери». Комитетъ, съ своей стороны, постановилъ: сообразно съ высочайшею волею предоставить сдѣлать надлежащія распоряженія главному архитектору.

занятіяхъ Синода объявить по синодальному вѣдомству указами.

4) Относительно исполненія высочайшихъ повелѣній о викаріатствахъ и о земляхъ для монастырей; имѣть подробнѣйшее разсужденіе въ слѣдующее засѣданіе [7].

5) О возвышеніи Ипатіевскаго монастыря высочайше утвержденный докладъ объявить епископу Костромскому и вообще по вѣдомству Синода печатными указами.

По отъѣздѣ Государя Императора, члены святѣйшаго Синода выступили изъ присутственной залы пополудни, въ третьемъ часу.

Такъ кончилось это достопамятное засѣданіе Св. Синода.

Николай Григоровичъ.

ИСПАНСКАЯ КНИГА О ПОСЛѢДНЕЙ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ.

Historia contemporanea del Imperio Otomano, ó sea de la guerra de Oriente, desde la entrada del principe de Menschikoff en Constantinopla hasta el desenlace de la cuestion Turco-Rusa. Por Don Francisco de Paula Vidal. Madrid--Barcelona. 1854.

(Современная исторія Оттоманской Имперіи, или о Восточной войнѣ, со времени въѣзда князя Меньшикова въ Константинополь до разрѣшенія Турецко-Русскаго вопроса. Соч. Донъ Франциска де Пауля Видаль).

Книга эта можетъ занять очень почетное мѣсто въ библіографіи исторіи Крымской войны. Она представляетъ большой томъ in-fol. въ 686 стр. изящной убористой печати съ нѣсколькими превосходно выполненными на стали гравюрами. Не смотря на то, что книга изданіемъ обозначена 1854 годомъ, но ея разсказъ продолженъ до 1855 года и законченъ извѣстіемъ о потопленіи Русскаго флота въ Севастопольской бухтѣ. Это объясняется обычаемъ Испанцевъ издавать почти всѣ свои книги такъ называемыми *энтрегами*, т. е. тетрадями въ листъ, два или даже болѣе, смотря по тому, какъ эти листы выходятъ изъ-подъ пера автора; такъ что первые листы книги могутъ быть напечатаны въ одномъ году, послѣдніе могутъ появиться только въ слѣдующемъ, что̀ тѣмъ естественнѣе случилось съ этой книгой, которая разсказывала текущія событія.

Само по себѣ изящное изданіе книги, вѣроятно стоившее не дешево, уже говоритъ, что Испанцы были далеко не равнодушны къ Крымскимъ событіямъ. Но содержаніе книги, взгляды и мнѣнія Испанскаго автора объ этихъ событіяхъ говорятъ еще больше: они указываютъ на тогдашнее искренно-сочувственное расположеніе Испанцевъ къ намъ—Русскимъ. Это расположеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что тогда вся Европа, даже народы, съ которыми мы, повидимому, были въ дружественныхъ отношеніяхъ, была настроена противъ насъ враждебно; а съ Испаніей у насъ не было даже никакихъ дипломатическихъ сношеній, которыя тогда еще не возобновлялись съ самой той минуты, какъ покойный государь императоръ Николай Павловичъ, по смерти короля Фердинанда VII, отказался признать королевой ѐго дочь, теперь сверженную королеву Изабеллу II.

Писанная подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и законченная, когда борьба, хотя и приближалась къ концу, но далеко еще не кончилась, Испанская книга не есть и не могла быть собственно историческимъ

(7) Результаты этого высочайшаго повелѣнія помѣщены въ сочиненіи моемъ, составленномъ и напечатанномъ по распоряженію оберъ-прокурора св. Синода, графа Димитрія Андреевича Толстаго:—«Обзоръ учрежденія въ Россіи архіерейскихъ православныхъ каѳедръ и способовъ содержанія ихъ, со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству.» (1764—1866 г.), С.-Петербургъ. 1866 года.

трудомъ,—это скорѣе лѣтопись всѣмъ извѣстныхъ тогда событій, за то лѣтопись подробная, не опускавшая ничего существеннаго, могущая избавить теперь историка Крымской войны отъ лишнихъ и утомительныхъ хлопотъ возиться съ кипами газетъ и журналовъ. Впрочемъ, авторъ доходившія до Испаніи свѣдѣнія чрезъ Французскія и Англійскія газеты, воспроизводилъ въ своей книгѣ далеко не страдательно: въ свою книгу изъ этихъ источниковъ онъ беретъ голые факты; но когда ему приходится высказывать о нихъ сужденіе, не видно, чтобы онъ стоялъ въ этихъ случаяхъ подъ вліяніемъ предзанятыхъ взглядовъ и сужденій заинтересованныхъ тогда въ дѣлѣ Французовъ и Англичанъ. Напротивъ, его сужденія почти всегда противоположны сужденіямъ нашихъ враговъ и сочувственны намъ; иногда въ своемъ сочувствіи, въ своихъ оправданіяхъ Россіи, онъ доходитъ до совершеннаго паѳоса,—и тогда его рѣчь, которую нельзя подозрѣвать ни въ какомъ пристрастіи, ни въ какой закупленности, дѣлается необыкновенно увлекательною.

Авторъ въ своей книгѣ слѣдитъ параллельно какъ за дипломатическою дѣятельностію и переговорами, такъ и за военными событіями, не только въ Крыму и на Дунаѣ, но и за Кавказомъ, въ Бѣломъ морѣ и Тихомъ Океанѣ. Занеся эту книгу въ библіографію исторіи Крымской или лучше Восточной войны, мы считаемъ лишнимъ вполнѣ передавать ея содержаніе; но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать нѣкоторыя мѣста книги, чтобы по крайней мѣрѣ дать приблизительное понятіе о взглядѣ Испанскаго автора на свой предметъ и о тогдашнихъ отношеніяхъ къ намъ Испанцевъ.

Начавъ свою книгу въ то время, когда готова была открыться война на Дунаѣ, вотъ что авторъ говоритъ на первой страницѣ:

«На берегахъ Дуная два гиганта собираются возобновить зрѣлище гомеровскихъ побоищъ; одинъ еще молодой, онъ выходитъ изъ степей Сѣвера съ гордымъ челомъ, потрясая древкомъ копья, которымъ онъ начертилъ послѣднія страницы кровавой наполеоновской эпопеи; другой—уже старикъ нервный, хотя еще и живой; онъ проситъ у земли возвратить ему его потерянные соки и готовится вступить въ борьбу съ саблею Магометовъ и Солимановъ. Весьма неодинаковыя расположенія одушевляютъ этихъ двухъ атлетовъ: Россія, гордая своими геркулесовскими силами, упирающаяся своею покрытою снѣгомъ головою въ полюсъ и простирающая свои громаднѣйшія длани отъ центра Европы до дѣвственныхъ пустынь Новаго Міра, хочетъ увѣнчать свою славу на византійскихъ башняхъ; Турція, преждевременно потерявшая свою юность, хочетъ защитить остатки своей жизни и возродиться борьбою, какъ крещеніемъ крови. Понятно, западные народы не могутъ остаться равнодушными зрителями этой ужасной борьбы».

Говоря о проѣздѣ князя Меншикова въ Константинополь, авторъ раздѣляетъ то мнѣніе, что онъ явился туда съ цѣлію вызвать Турцію на борьбу. Но онъ при этомъ превозноситъ до небесъ русскую дипломатію: ее только онъ считаетъ способною разрѣшить восточный вопросъ, а не отнюдь не дипломатію Запада. «Вовсе не странно, говоритъ авторъ, что не умѣютъ разрѣшить этой проблеммы тѣ, которые такъ часто дозволяютъ себѣ ослѣпляться безпорядочными теоріями нашихъ такъ называемыхъ представительныхъ правительствъ; но если мы съ нѣкоторымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ посмотримъ на характеръ русской дипломатіи, мы тотчасъ же увидимъ гро-

мадный контрастъ, который всегда представляли съ одной стороны умѣнье московскихъ правительствъ и съ другой парадоксы нашихъ государственныхъ людей. Интрига и деньги суть агенты, которые больше всего вліяютъ на духъ нашихъ правительствъ; поэтому-то мы всюду и видимъ такія полныя и блестящія ничтожества, за немногими исключеніями, на высшихъ мѣстахъ администраціи, въ командованіи войсками, въ направленіи дипломатическихъ предметовъ и даже на каѳедрахъ нашихъ университетовъ. Русское правительство не слѣдуетъ этимъ дурнымъ примѣрамъ: оно употребляетъ въ службу всѣхъ лучшихъ людей, не обращая вниманія на ихъ политическія мнѣнія, на ихъ происхожденіе, на ихъ состояніе, на ихъ семейныя связи и независимо отъ религіозныхъ предубѣжденій; однимъ словомъ, русское правительство всегда слѣдовало въ этомъ случаѣ самой либеральной политикѣ, которой никогда не знали и вѣроятно никогда не узнаютъ наши правительства. Поэтому мѣста русскихъ представителей при иностранныхъ дворахъ всегда занимаютъ настоящія знаменитости. Русскій кабинетъ всегда хочетъ въ совершенствѣ знать все, что̀ дѣлаютъ и думаютъ другіе народы, и потому всегда дѣйствуетъ съ совершеннымъ пониманіемъ дѣла; но что̀ особенно должно поразить нашихъ мелочныхъ политиковъ—это то, что бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Россіи не превышаетъ двухъ милліоновъ рублей». Намъ нравится самое увлеченіе автора, съ которымъ онъ хвалитъ нашу дипломатію; намъ не стыдно этого увлеченія, потому что оно идетъ со стороны человѣка, совершенно намъ посторонняго. Авторъ вездѣ превозноситъ прямоту и законность императора Николая Павловича и логичность вотъ графа Нессельрода. Когда сдѣлалось очевиднымъ, что западные народы принимаютъ сторону Турціи, авторъ не можетъ надивиться странности этого заступничества. «Столько вѣковъ, говоритъ онъ, боровшаяся противъ Исламизма, христіанская Европа идетъ къ нему на помощь, беретъ его подъ свое покровительство, когда онъ уже готовъ разрушиться; и подъ предлогомъ поставить преграду деспотизму, она изощряетъ оружіе для защиты другаго деспотизма. Противорѣчіе дѣлается еще болѣе громаднымъ, когда взять во вниманіе обстоятельства, отличающія бойцовъ. И какое различіе между Россіей и Турціей? Тоже, какое между двумя народами, которые идутъ по одной и той же дорогѣ, но въ противоположныя стороны. Русскую Имперію составляетъ народъ, который быстро шествуетъ по пути цивилизаціи и славы, и въ полтора вѣка свое шествіе отмѣтилъ удивительными успѣхами; Турецкая Имперія стремится также быстро, но какая-то невидимая рука толкаетъ ее въ непроницаемую пропасть ничтожества».

Синопское пораженіе на Западѣ выставляли варварскимъ поступкомъ со стороны Россіи Авторъ, вопреки мнѣнію англійскихъ и французскихъ публицистовъ, защищаетъ право Русскихъ поступить именно такъ, а не иначе; въ фактѣ пораженія Турокъ онъ видитъ полное право Русскихъ къ самозащитѣ отъ своего врага.

Авторъ тогда еще не подозрѣвалъ, къ чему стремилась Сардинія и ея министръ Кавуръ, вмѣшиваясь въ восточную войну; но онъ смотритъ на это вмѣшательство съ точки зрѣнія права и законности международныхъ отношеній, — и не находитъ этому вмѣшательству никакого оправданія. По его мнѣнію, если это вмѣшательство не вынуждено Франціей и Англіей, находившихся въ то время въ очень затруднитель-

номъ положеніи, то поступокъ Сардиніи имѣетъ весь характеръ разбойническаго нападенія на страну, которая кромѣ добра ничего не дѣлала Сардиніи. Авторъ отдаетъ полную справедливость циркуляру, который по этому случаю былъ разосланъ графомъ Нессельродомъ.

Особенное сочувствіе автора къ Россіи выразилось въ его сужденіи о покойномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ. Мнѣніе его далеко не мнѣніе остальныхъ писателей Европы. Вотъ какими словами испанскій писатель сопровождалъ покойнаго государя въ его могилу: «Духъ предубѣжденія заставляетъ нашихъ публицистовъ говорить объ императорѣ Николаѣ, какъ о деспотѣ и о честолюбцѣ, который своимъ личнымъ капризамъ и своей необузданной гордости будто бы приносилъ въ жертву кровь своихъ народовъ, европейское равновѣсіе и благосостояніе цѣлаго міра; но на дѣлѣ, не много теперь есть такихъ государей, дѣйствительно достойныхъ похвалы какъ за свои дарованія, такъ и за свои частныя и общественныя добродѣтели. Императоръ Николай былъ преданный мужъ, нѣжный и заботливый отецъ, вѣрный другъ и монархъ, который изъ всѣхъ силъ заботился о счастіи своихъ подданныхъ. Всѣ его дѣти и внуки жили въ его дворцѣ, исключая В. К. Ольги, которая жила въ Штутгартѣ; народъ благословлялъ его имя, и нужно признаться, вся Европа ему обязана сохраненіемъ порядка, который грозитъ теперь нарушить своимъ неблагоразуміемъ и кичливостію ярый императоръ Наполеонъ III. Царствованіе императора Николая — это непрерывный рядъ доказательствъ благородства и самоотверженія, очень рѣдкихъ въ исторіи государей. И кто не удивится его необыкновенной скромности, съ которою онъ при самомъ своемъ восшествіи на тронъ поддерживалъ права своего старшаго брата, который, влюбленный въ прекрасную Польку, предпочелъ наслажденіе частной жизни магическимъ удовольствіямъ верховной власти? И въ 1829 году, когда Оттоманская Порта, безъ войскъ и безъ защиты, была вся въ рукахъ Русскихъ, что бы сдѣлали кичливыя правительства Франціи и Англіи, еслибы они были на мѣстѣ всемогущаго тогда императора Николая? Эти палачи нашей независимости [1]), или эти убійцы Типпо-Саибовъ и самого Наполеона [2])— уже ли бы они въ Адріанополѣ поступили съ такимъ же благородствомъ, съ какимъ поступилъ императоръ Николай?!!»

Въ книгѣ находятся, въ полныхъ переводахъ, почти всѣ дипломатическіе документы: ноты Меньшикова, Нессельрода, французскаго, англійскаго и сардинскаго правительствъ, ноты турецкія, всѣ манифесты императоровъ Николая и Александра II. Русскіе документы авторъ переводилъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ,—и читая ихъ на звучномъ, божественномъ языкѣ кастильскомъ (испанскомъ), исполняешься такими же патріотическими, восторженными чувствами, какъ бы читалъ ихъ въ самомъ подлинникѣ, на языкѣ нашей родины.

Между гравюрами въ книгѣ есть изображенія Севастополя, Синопа и Синопскаго сраженія, изображеніе Константинополя и др. Есть также гравюра, изображающая весьма похожимъ на бѣломъ конѣ генерала Прима, героя теперешней испанской революціи, а тогда испанскаго военнаго делегата при французской арміи въ Крыму.

Священникъ К. Кустодіевъ.

Мадритъ. 14 (26) Октября 1868.

---

[1]) Французы съ королемъ Іосифомъ Бонапартомъ.

[2]) Англичане.

ТРИ ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ ПАВЛОВНѢ.

I.

Москва 24 марта 1810 года.

Государыня!

Осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества благодарность живѣйшую за милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе. Самолюбивъ былъ бы я, если бы возмечталъ отличить себя предъ тою, коя рождаетъ удивленіе и любовь во всѣхъ Русскихъ; но преданность моя къ особѣ и къ памяти Родителя даетъ надежду, что проницательный взоръ подобной ему умомъ и сердцемъ Дочери обратится нѣкогда на того, кто до сихъ поръ движимъ единственно былъ честью и вѣрностью.

Исполняя повелѣніе Ваше, препровождаю къ Вашему Императорскому Высочеству, съ нѣкоторыми объясненіями, политическій меморіалъ и списокъ съ письма графа Орлова. Вскорѣ за симъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправлю самовѣрнѣйшую, подробную записку о послѣднемъ днѣ царствованія Императрицы Екатерины и о первомъ Императора Павла, прося Ваше Императорское Высочество удержать всѣ сіи бумаги до возвращенія моего въ Тверь.

Препорученіе вашего Императорскаго Высочества исполнено, и лестное напоминаніе Ваше обрадовало чрезмѣрно почтеннаго графа Остермана. Я нашелъ въ Москвѣ множество слуховъ о близкомъ разрывѣ съ Франціею и уныніе отъ упадка денегъ и возвышенія цѣнъ. Но должно уповать на Бога. Жена моя изъявляетъ предъ Вами чувствительную признательность за милостивое участіе, въ ней принимаемое.

А я, возвратясь къ своимъ, живу въ тишинѣ и блаженствѣ, и жду разлитія водъ, чтобы плыть по Волгѣ и ѣхать по землѣ, куда и когда Вамъ угодно будетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Императорскаго Высочества

преданнѣйшій

Графъ Ѳедоръ Ростопчинъ.

II.

30 мая 1810 года. Москва.

Государыня!

Не бывъ увѣренъ, что Императору будетъ угодно призвать меня въ Тверь, осмѣливаюсь симъ письмомъ напомнить вашему Императорскому Высочеству о милости, кою Вы обѣщать изволили графинѣ Елизаветѣ Кириловнѣ Апраксиной. Ей болѣе всего хочется имѣть при себѣ меньшаго сына, который поручикъ лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ полку. Сіе хотѣлъ испросить графъ Гудовичь, и если бы вамъ угодно было сказать ему слово, когда онъ будетъ въ Твери, то еще одна мать обяжется молить за Васъ Бога.

Осмѣливаюсь испросить милости г-ну Греве, Тверскому почмейстеру. Сей достойный и неутомимый слуга, преданный совершенно Вамъ, съ малымъ жалованьемъ, безъ надежды къ повышенію когда либо чиномъ, бывъ подъ игомъ экзамена, оживетъ Анненской лентой, и симъ отличіемъ увѣрится, что служба его удостоилась Высочайшаго вниманія.

Жаль губернатора Ланскаго; жаль, что говядина дорога; жаль, что графа Гудовича (*) опеленали мерзавцы; жаль, что идетъ снѣгъ; жаль, что живъ курилка Валуевъ; жаль, что я не буду свидѣтелемъ Вашего душевнаго счастія, достойной награды добродѣтелей, коихъ Провидѣніе отдало Вамъ во владѣніе по смерть.

Вашего Императорскаго Высочества
преданнѣйшій
Графъ Θедоръ Ростопчинъ.

III.

Государыня,

Князь Оболенскій вручилъ мнѣ книгу и письмо Вашего Императорскаго Высочества, за кое не приложу моей благодарности, чтобы не наскучить повтореніемъ чувства души Вамъ преданной.

Жена моя ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ надѣется имѣть счастіе предстать предъ Вами. А я до возвращенія ея остаюсь здѣсь доканчивать науки сына и начинать воспитаніе лошади Вами назначенной.

Находя утѣшеніе говорить откровенно, скажу, что очень мнѣ прискорбно, для чего Вы не изволили сказать слова. Я бы плылъ съ Вами. Самъ не могъ рѣшиться испросить позволенія; я ждалъ и не дождался. По крайней мѣрѣ, если глупо сдѣлалъ, то простительно.

Если бы я не былъ увѣренъ въ расположеніи Вашемъ къ добру и любви къ истинѣ, то не осмѣлился бы писать слѣдующаго.

Злость Гудовича гонитъ Ланскаго и теперь, а вина его состоитъ въ томъ, что онъ не былъ похожъ на окружающихъ и не хотѣлъ съ ними быть въ связи; я знаю Ланскаго за честнаго и благомыслящаго человѣка. Видѣлъ его дѣятельность во время милиціи, въ отсутствіе Тутолмина, а тогда много было вещей и затѣй невѣроятныхъ. Милости Государя къ Ланскому доказываютъ, что служба его удостоилась вниманія. За что же огорчать, обижать и терять навсегда значущаго чиновника? За то, что онъ по мѣсту и случайно зналъ всѣ мерзости брата Гудовичева, доктора, князя Вяземскаго и Ключарева обнаружилъ, можетъ быть, свое мнѣніе на ихъ счетъ. Я съ моей стороны очень жалѣю, что онъ не успѣлъ выпросить у Государя сенаторства, что́ бы его спасло отъ убійственнаго настоящаго положенія, и развело бы съ графомъ Гудовичемъ, который столько же мстителенъ, сколько грубъ, глупъ, гордъ и бѣшенъ.

Государыня, защитите Ланскаго! А меня простите, что я такъ горячо вступаюсь за честнаго человѣка, бывъ самъ того же разбора.

Дай Богъ, чтобы вы благополучно разрѣшились отъ бремени и возвратились здоровы и веселы въ мирное Ваше жилище, гдѣ я изъ первыхъ буду имѣть честь поздравить счастливую мать, и цѣловать руки у внука или внучки благодѣтеля моего и всѣхъ моихъ

съ глубочайшимъ почтеніемъ
Вашего Императорскаго Высочества
преданнѣйшій
Графъ Θедоръ Ростопчинъ.

Москва 1810 г. 20 іюня.

(Сообщено А. А. Васильчиковымъ).

(*) Тогдашняго московскаго главнокомандующаго.

ДВА ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

(Извлечены изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба. От. 160, св. 142).

I.

Тверь. Получено 2-го февраля 1811 г.

Государь!

Вы велики духомъ, сердцемъ и душой. Я хотя мельче, тонѣ и легче Князь Якова Александровича Голицына, но лезу съ просьбой. Не оставте ея и не поставте меня какъ рака на мели. Сынъ его, носящій милости Ваши, за болѣзнію, вышелъ въ отставку; теперь ему хотя и лучше, но старикъ и старуха боятся, чтобъ опять не занемогъ и не испортилъ себя навсегда. Примите его опять въ службу и оставте при Его Императорскомъ Высочествѣ Принцѣ. Есть ли же потребенъ будетъ въ походъ или Вамъ, то свисните богатырскимъ посвистомъ, онъ и тутъ! Въ чемъ свидѣтельствуя, подписуюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ

Вашего Императорскаго Высочества
преданнѣйшій
Графъ Ѳеодоръ Ростопчинъ.

23 Января 1811 г. Москва.

Отвѣтъ Цесаревича Константина Павловича, съ черноваго письма, писаннаго собственноручно Его Высочествомъ.

«Послано изъ Твери 2 февраля 1811 г.

Графъ Ѳеодоръ Васильевичъ!

Сегодня имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше чрезъ князя Григорія Голицына, на которое спѣшу вамъ отвѣтствовать. Мнѣ кажется, что Государь Императоръ противиться никакъ не будетъ о вступленіи князя Голицына опять въ службу, и я за это берусь, весьма радъ будучи вездѣ, гдѣ ни случится, быть полѣзнымъ всей сей семьѣ, которую люблю весьма, имѣя . . . . (двухъ словъ нельзя разобрать), дорожить и вѣрныхъ („*слугъ*“ слово зачеркнуто и другимъ не замѣнено), которые, какъ говорится, не осадятъ (¹) ни въ какомъ случаѣ. Что же касается о помѣщеніи К. Голицына въ Адъютанты къ шурину моему, то оное отъ меня не зависитъ и просить не могу, потому что я отъ него весьма часто слыхалъ, что у него Адъютантовъ весьма много.

Оставаясь по 7-е число въ Твери, надѣюсь получить еще здѣсь отвѣтъ вашъ.

Ваше Сіятельство увѣрены, надѣюсь, въ истинномъ къ вамъ уваженіи, которое пріятнымъ долгомъ себѣ поставляю здѣсь вамъ повторить.»

II.

Получено 5 февраля 1811 г.

Государь!

Получа сейчасъ рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества и пользуясь отъѣздомъ Г-на Карамзина въ Тверь, имѣю счастіе отвѣчать симъ.

Желаніе князя Голицына было непремѣнное войти опять въ службу. Но отецъ и мать, опасаясь не совсѣмъ поправленнаго здоровья, желали видѣть его Адъютантомъ у Принца; я же полагая, что сіе зависѣло

(¹) Отъ слова: осадить лошадь, и т. п. поговорка, употребляемая кавалеристами.

отъ воли его, утруждалъ и васъ моею просьбою.

Я воспользовался бы пребываніемъ Вашимъ въ Твери, дабы принесть Вамъ издавна посвященную преданность. Но природа, во-время заставивъ родить жену, удержала при ней.—Мнѣ Богъ далъ сына, коему дано имя благодѣтеля моего, а Вашего родителя. Малой сильной и драчливой, и естьли я не умру, то приправлю его къ Французамъ (¹).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ,
Вашего Императорскаго Высочества,
преданнѣйшій
графъ Федоръ Ростопчинъ.

3 Февраля 1811 года.
Москва.

(¹) Этотъ сынъ вѣроятно умеръ въ младенчествѣ.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА БАЛЬМЕНА, РУССКАГО ПРИСТАВА ПРИ ПЕРВОМЪ НАПОЛЕОНѢ НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ.

1819 годъ (*).

Mes rapports au Comte de Nesselrode.

№ 1.

S-te Hélène, ce 19 janvier 1819 n. st. Par le Towcy brig, Capt. Hill.

Monsieur le Comte,

Dans un long entretien que j'eus avec sir Hudson Lowe le mois passé sur nos affaires de service, il voulut pour m'empecher d'aller à Longwood, me prouver que j'étais le premier mobile de tout ce qu'on y faisait.

«Bonaparte, me disait-il, se croit soutenu, défendu par le commissaire de Russie. Cela le rend capricieux et intraitable».

Après avoir essayé vainement de lui prouver le contraire, je pris le parti d'acquiescer à ce qu'il souhaitait de moi et rompis avec les Français. Pendant un mois tout entier, je n'en vis aucun, pas même de loin, et je n'appris aucune nouvelle du Prisonnier de l'Europe. Je ne cessais d'en demander aux autorités Anglaises, mais on me répondait toujours: «Il existe, nous n'en savons pas d'avantage»;—et je ne pouvais rien observer, rien mander à S-t Pétersbourg. J'étais comme un secret, ne voyant que le gouverneur et son entourage et n'osant me promener que du côté de Plantation-House. Enfin j'ai découvert ce matin, par un pur hasard, que jamais il n'y avait eu autant de discussions, d'intrigues et de vacarme à Longwood que depuis qu'on n'y rencontrait plus le commissaire de Russie. Voici en gros ce qui s'y est passé:

1-mo, Napoléon, après avoir promis d'habiter sa nouvelle maison dès qu'il en aurait les clefs, déclara tout-à coup qu'elle était incommode, mal disposée et inhabitable.

2-do, Il fit écrire au gouverneur plusieurs notes officielles, fort impérieuses et défendit aux Français de les signer. Ces notes lui furent toutes renvoyées.

3-tio, Il le fit sommer impérieusement de lui restituer un portrait de famille, qui étant arrivé à S-te Hélène sous une fausse adresse, y avait été intercepté en octobre dernier.

4-to, Il protesta en termes injurieux contre la saisie des lettres de Balcombe, dont il est fait mention dans mes rapports sub № 33

(*) 1816, 1817 и 1818 годы помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1868 и 1869.

et 34, et voulut que tous les comptes de ce banquier à Longwood, fussent réglés sans plus de délai.

5-to) La nuit du 16 au 17 de ce mois, ayant ressenti un violent mal de tête et des vertiges, il fit appeler M-r Stokoe, chirurgien du vaisseau-amiral, qui lui ordonna la saignée, un bain chaud et du dose de Cheltenham-salte. Depuis ce jour il la prie en affection et veut à toute force l'avoir à son service,—or ce n'est pas là une chose facile à arranger.

Je n'ai pu encore, Monsieur le Comte, me mettre entièrement au fait de ces nouveaux débats, mais je ne tarderai pas à en écrire à V. E. plus en détail.—Croyant avoir donné au gouverneur une preuve suffisante du peu d'influence que j'ai à Longwood, je compte y retourner sous peu de jours. J'ai l'honneur etc.

Св. Елена, 19 янв. 1819 н. ст.
съ бригомъ Товси кап. Гилль.

Графъ,

Въ длинномъ разговорѣ о дѣлахъ службы, который я имѣлъ прошлымъ мѣсяцомъ съ сэромъ Гудсономъ Лоу, онъ, чтобы удержать меня отъ посѣщеній Лонгвуда, хотѣлъ доказать мнѣ, что я—главный двигатель всего, что̀ тамъ дѣлается.

— Бонапарте, говорилъ онъ, полагаетъ, что его поддерживаетъ, защищаетъ русскій коммиссаръ. Это дѣлаетъ его капризнымъ и несговорчивымъ.

Тщетно попытавшись доказать ему противное, я рѣшился исполнить его желаніе и прервалъ всѣ связи съ Французами. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца, я не видѣлъ ни одного изъ нихъ, даже издали, и не имѣлъ никакихъ извѣстій объ Узникѣ Европы. Я не переставалъ разспрашивать о немъ англійскія власти, но получалъ всегда одинъ отвѣтъ:—Онъ существуетъ; болѣе и намъ ничего не извѣстно,—и я не имѣлъ возможности что̀-либо узнать, что̀-либо донести въ Петербургъ. Я самъ словно былъ подъ стражею, видѣлъ только губернатора и его общество, и смѣлъ гулять только по направленію къ Плантешіонъ-гоузу. Наконецъ, я узналъ нынче утромъ, совершенно случайно, что никогда не было столько раздоровъ, интригъ и шуму въ Лонгвудѣ, какъ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ перестали видать русскаго коммиссара. Вотъ, вкратцѣ, что̀ тамъ произошло:

1) Наполеонъ, давъ обѣщаніе переселиться въ новый свой домъ, какъ только ему будутъ доставлены отъ него ключи, вдругъ объявилъ, что онъ неудобенъ, дурно расположенъ, что въ немъ жить нельзя.

2) Онъ велѣлъ написать къ губернатору нѣсколько оффиціяльныхъ записокъ въ весьма повелительномъ тонѣ, и запретилъ Французамъ ихъ подписать. Всѣ эти записки были ему отосланы обратно.

3) Онъ самымъ повелительнымъ образомъ потребовалъ, чтобы ему былъ возвращенъ фамильный портретъ, прибывшій на св. Елену подъ фальшивымъ адресомъ и перехваченный здѣсь въ прошломъ октябрѣ.

4) Онъ протестовалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ перехвата писемъ Балькомба, о которыхъ рѣчь въ моихъ донесеніяхъ подъ №№ 33 и 34, и потребовалъ, чтобы всѣ счеты этого банкира съ Лонгвудомъ немедленно были очищены.

5) Въ ночь съ 16-го на 17-е этого мѣсяца, почувствовавъ сильную головную боль и головокруженіе, онъ велѣлъ позвать г. Стоко, хирурга адмиральскаго корабля, который предписалъ ему кровопусканіе, теплую ванну и пріемъ Чельтенгемской соли. Съ этого дня онъ его полюбилъ и непремѣнно хочетъ, чтобы онъ былъ къ нему приставленъ, что̀ устроить нелегко.

Я не успѣлъ еще всего узнать объ этихъ новыхъ замѣшательствахъ, но не замедлю написать о нихъ подробнѣе. Полагая, что я достаточно доказалъ губернатору, сколь мало вліянія имѣю я на Лонгвудъ, намѣреваюсь отправиться туда черезъ нѣсколько дней. Честь имѣю быть и т. д.

2.

S-te Hélène, ce 25 janvier 1819 n. st. Par le Towey brig. Capt. Hill.

Monsieur le Comte,

On m'informe à l'instant même que M-r Stokoe va retourner en Angleterre. L'amiral a jugé prudent de l'éloigner de S-te Hélène. Voici quelques détails que j'ai recueilli sur ce médecin et que je m'empresse de communiquer à V. E.

Lors de la dernière crise de Napoléon, Stokoe fut appelé à Longwood à $4\frac{1}{2}$ heures du matin. Il ne put y arriver qu'à 6 et ne vit l'Illustrious Patient,—comme il l'intitule dans son bulletin non officiel,—que vers midi. Avant de le recevoir et de le consulter sur une crise qui donnait l'alarme à toute l'île, Bonaparte lui fit proposer d'entrer à son service aux mêmes conditions que le D-r O'Meara. Stokoe accepta, consentit avec joie, signa tout ce qu'on voulut et ne fit de difficultés sur rien, mais l'amiral en fait de très grandes, lui, là-dessus, et il vient de déclarer aux Français: que M-r Stokoe, étant Inspecteur des Hôpitaux de la Marine Royale, ne pouvait, sans un ordre exprès de l'Amirauté, quitter son poste à bord du «Conqueror», que par consequent il n'irait à Longwood que quand on l'y demanderait. Le gouverneur a décidé en outre qu'il n'y verrait ses malades qu'en présence d'un autre médecin Anglais, qui, sans se mêler du traitement qu'il leur faisait suivre, veillerait à ce que personne ne parle de politique et n'enfreigne les réglements. Toutes ces mesures furent rejetées par les Français avec mépris.indignation, et l'affaire en resta là.

L'amiral a interrogé M-r Stokoe sur les symptomes de «Chronique Hipatiks». Il s'est, dit-on, contredit, coupé dans ses réponses et a déclaré un jour qu'en tatant le côté droit du malade, il avait senti l'obstruction au foie et un autre jour qu'il n'avait pu la trouver. L'état de santé de Napoléon est un mystère que le temps seul découvrira.

On a quelques motifs de se défier de M-r Stokoe.

1-mo) Il est ami d'O'Meara, qui l'a recommandé aux Français et de Balcombe, dont il a voulu épouser la fille.

2-do) Parmis les lettres interceptées en octobre dernier, il y en a plusieurs à son adresse où le gouverneur est vilipendé.

3-tio) Il est du parti qui écrit, agit contre lui et tâche de le faire rappeler.

Ces jours passés le C-te Bertrand voulut persuader le D-r Verling de quitter Longwood: «Vous ne pouvez, lui dit-il, y rester en sûreté de conscience. On y commet un grand crime, et vous dépendez entièrement du bourreau de L'Empereur. Craignez d'associer votre nom à l'opprobre dont le sien sera couvert».

O'Meara a assuré deux officiers de marine que s'il eut écouté les insinuations du gouverneur, il y a long temps que Napoléon n'existerait plus. Il leur a donné à entendre qu'on veut l'empoisonner. Voilà un fait bien singulier; ce qui est bien plus singulier encore, c'est que Sir Hudson Lowe me l'a raconté lui même. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 25 янв. 1819 н. ст. съ бригомъ Товси, кап. Гилль.

Я сейчасъ узналъ, что г. Стоко отправляется въ Англію. Адмиралъ счелъ при-

личнымъ удалить его съ Св. Елены. Вотъ нѣсколько подробностей, собранныхъ мною объ этомъ медикѣ, и которыя спѣшу сообщить В—му С—ву.

Во время послѣдняго припадка, сдѣлавшагося съ Наполеономъ, Стоко былъ позванъ въ Лонгвудъ въ $4^1/_2$ часовъ утра. Онъ могъ прибыть туда лишь въ **6**, и видѣлъ «The Illustrious Patient», какъ онъ его называетъ въ неоффиціяльномъ своемъ бюллетенѣ, лишь около полудни. Прежде чѣмъ принять его и посовѣтоваться о припадкѣ, всполошившемъ весь островъ, Бонапартъ велѣлъ предложить ему поступить къ нему въ службу на тѣхъ же условіяхъ, какъ докторъ О'Меара. Стоко согласился съ радостію, подписалъ все, что̀ ему предложили, не сдѣлалъ никакихъ затрудненій. За то адмиралъ дѣлаетъ затрудненія весьма значительныя; онъ объявилъ Французамъ, что г. Стоко, будучи инспекторомъ госпиталей по королевскому флоту, не можетъ, безъ особаго разрѣшенія отъ адмиралтейства, оставить свой постъ на бортѣ «Конкерора»; что, слѣдовательно, онъ будетъ ѣздить въ Лонгвудъ лишь когда его туда потребуютъ. Губернаторъ, кромѣ того, рѣшилъ, что онъ тамъ будетъ допущенъ къ своимъ больнымъ лишь въ присутствіи другаго Англійскаго медика, который, не вмѣшиваясь въ лѣченіе, смотрѣлъ бы за тѣмъ, чтобы никто не говорилъ о политикѣ, и не нарушалъ правилъ. Всѣ эти мѣры съ презрѣніемъ и негодованіемъ были отвергнуты Французами, и дѣло на этомъ и остановилось.

Адмиралъ разспрашивалъ г. Стоко о признакахъ хроническаго воспаленія въ печени. Отвѣты его, говорятъ, были противорѣчивы и сбивчивы: одинъ день онъ сказалъ, что, изслѣдуя правый бокъ больнаго, онъ нащупалъ завалъ въ печени, а на другой день, что онъ не могъ его найти. Состояніе здоровья Наполеона есть тайна, которую раскроетъ лишь время.

Есть нѣсколько поводовъ не довѣрять г-у Стоко:

1) Онъ другъ О'Меара, рекомендовавшаго его Французамъ, и Балькомба, на дочери котораго онъ хотѣлъ жениться.

2) Между письмами, перехваченными прошлымъ октябремъ, есть нѣсколько адресованныхъ къ нему, въ которыхъ бранятъ губернатора.

3) Онъ принадлежитъ къ той партіи, которая пишетъ и дѣйствуетъ противъ губернатора и старается о томъ, чтобы онъ былъ отозванъ.

На дняхъ, графъ Бертранъ хотѣлъ уговорить доктора Верлинга оставить Лонгвудъ. —Вы не можете,—сказалъ онъ ему,—оставаться здѣсь съ чистою совѣстію. Здѣсь совершается великое преступленіе, и вы вполнѣ зависите отъ палача императора. Побойтесь сдѣлать ваше имя причастнымъ къ стыду, который покроетъ имя его».

О'Меара увѣрялъ двухъ морскихъ офицеровъ, что, еслибы онъ послушался внушеній губернатора, Наполеона давно бы уже не было. Онъ далъ имъ понять, что его хотятъ отравить. Вотъ фактъ весьма странный, а еще страннѣе то, что разсказалъ мнѣ объ этомъ самъ сэръ Гудсонъ Лоу. Честь имѣю быть, и т. д.

3.

S-te Hélène ce 30 janvier 1819 n. st. Par l'Earl of Balcarras de la Com-ie des Indes.— Capt. Jameson.

Monsieur le Comte,

Ce matin le D-r Stokoe est parti pour l'Angleterre à bord du Towcy brig, Capt. Hill. Il m'a dit avant de s'embarquer que Napoléon lui ayant recommandé très parti-

culièrement et à plusieurs reprises de me rendre compte de ses visites à Longwood, il n'hesitait point à me déclarer qu'il le croyait malade de l'esprit et du corps, qu'il lui trouvait mauvaise mine, une grande faiblesse d'estomac, les nerfs extrémement agités et de la mélancolie, que le chagrin le tuait.—Il y ajoute de plus que dans la nuit du 16 au 17 il avait pensé mourir d'un mouvement de sang à la tête, qui ressemblait à une apopléxie sanguine et qu'il avait en outre une obstruction au foie déjà fort avancée.

«En étes vous bien sur? lui ai-je demandé, ne vous a-t-on pas trompé? L'avez vous examiné soigneusement et à fond?»

Il m'a répondu que rien n'était plus vrai ni constaté par des signes les moins équivoques, mais que le gouverneur ne croirait aux souffrances de cet Illustre Patient que quand il le verrait mort dans son lit et que cela pouvait arriver d'un moment à l'autre.

Les Anglais m'ont assuré que le 18 le lendemain du jours où on le disait à l'agonie, il s'était promené autour de sa nouvelle maison, en robe de chambre de flanelle, coiffé d'un turban écarlate, s'appuyant de la main gauche sur une queue de billard, tenant de l'autre une lunette d'approche et que l'officier d'ordonnance l'avait entendu chanter «Fra Martino» dans sa chambre à coucher. On en conclut à Plantation-House qu'il se porte à merveille et que M-r Stokoe est un franc imposteur. En attendant, voilà deux médecins Anglais renvoyés de Longwood et mis hors de service. Excepté Baxter, que les Français disent être un empoisonneur, Verling qu'ils ne verront jamais et le sieur Levingstone, qui est un accoucheur, — il n'y en a plus à lui donner.

Depuis quelques jours Napoléon a pris fantaisie de se faire berger. Il achète tous les beaux agneaux de l'île et s'amuse à les nourrir lui même devant sa fenêtre. Pour les empecher de gravir les rochers et de se perdre, il leur a attaché une petite clochette au cou et les enferme la nuit dans un petit enclos.

Il y a de nouveau une grande disette de vivres, de fourage, d'argent et de toutes chose à S-te Hélène. C'est la 7-me ou la 8-me depuis que j'y suis, et ce ne sera pas la dernière, car sir Hudson Lowe n'entend rien à l'administration. Il creuse des fossés, élève des remparts, a toujours l'air de se préparer au combat et ne veut pas construire de magasins d'approvisionnement. J'ai l'honneur etc.

Св. Елена, 30 янв. 1819 н. ст.; съ Балеарскимъ Ерломъ, Остъинд. компанiи, кап. Джамесонъ.

Нынче утромъ, докторъ Стоко отправился въ Англiю на бригѣ Товси (капитанъ Гилль). Прежде чѣмъ сѣсть на судно, онъ сказалъ мнѣ, что Наполеонъ не разъ и очень настоятельно просилъ его отдать мнѣ отчетъ о своихъ посѣщенiяхъ въ Лонгвудъ. Онъ не обинуясь объявилъ мнѣ, что находитъ его больнымъ тѣломъ и духомъ, что видъ у него разстроенный, желудокъ очень слабъ, нервы чрезвычайно раздражены, что онъ страдаетъ меланхолiею, что тоска его убьетъ. Онъ присовокупилъ, что въ ночь съ 16-го на 17-е Наполеонъ едва не умеръ отъ прилива крови къ головѣ, весьма похожаго на кровяной ударъ, и что, кромѣ того, у него весьма сильные завалы въ печени.

— Убѣждены ли вы въ этомъ? спросилъ я его, не обманули ли васъ? Изслѣдовали ли вы его основательно и тщательно?

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ничто не можетъ быть несомнѣннѣе и достовѣрнѣе, но что губернаторъ лишь тогда повѣритъ страданiямъ знаменитаго больнаго, когда

увидитъ его мертваго въ постели, что̀ и можетъ случиться со дня на день.

Англичане увѣряли меня, что 18-го, на другой день послѣ того, какъ онъ будто бы былъ при смерти, онъ прогуливался вокругъ новаго своего дома, въ фланелевомъ халатѣ, съ пунцовымъ тюрбаномъ на головѣ, опираясь лѣвой рукою на билліардный кій, и держа въ другой подзорную трубку, и будто ординарецъ слышалъ, какъ онъ пѣлъ въ своей комнатѣ «Fra Martino». Изъ этого въ Плантешенъ-гоузѣ заключаютъ, что онъ совершенно здоровъ, и что г. Стоко просто обманщикъ. А между тѣмъ, вотъ уже второй Англійскій врачъ, изгнанный изъ Лонгвуда и отставленный отъ службы. Кромѣ Бакстера, котораго Французы называютъ отравителемъ, Верлинга, котораго они никогда не захотятъ видѣть, и г. Левингстона, который акушеръ,—болѣе некого назначать туда.

Въ эти послѣдніе дни, Наполеону пришла фантазія сдѣлаться пастухомъ. Онъ скупаетъ всѣхъ красивыхъ ягнятъ острова и забавляется тѣмъ, что самъ кормитъ ихъ подъ своимъ окномъ. Чтобы они не уходили въ скалы и не терялись, онъ привѣшиваетъ имъ къ шеѣ колокольчики и на ночь запираетъ ихъ въ маленькій загонъ.

На Св. Еленѣ опять большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ кормѣ, въ деньгахъ и во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ. Это уже въ седьмой или осьмой разъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, и это не въ послѣдній, ибо сэръ Гудсонъ Лоу ничего не смыслитъ въ управленіи. Онъ роетъ рвы, возводитъ укрѣпленія, словно постоянно готовится къ бою, и не хочетъ строить запасныхъ магазиновъ.

Честь имѣю быть, и т. д.

4.

S-te Hélène, ce 1-er mars 1819 n. st.—Par la Perseverance de la Comp-nie des Indes.—Capt. Templer.

Monsieur le Comte.

La dernière malle nous a apporté des journeaux de Londres des mois de septembre et d'octobre. Napoléon étant persuadé que les Souverains Alliés et surtout l'Empereur d'Autriche prendrait sa défense contre le gouverneur de S-te Hélène, les attendait avec une vive impatience et se fit traduire mot-à-mot tous les articles d'Aix la Chapelle. Il y trouva bien des mécomptes, car le «Morning Chronicle», son plus zêlé défenseur, n'en parle presque pas. Le «Courrier» l'accable de reproches et d'injures, et «l'Observer» du 12 octobre lui annonce positivement que notre Auguste Maitre le livre à sa destinée. Tout cela lui donne de l'humeur, de la mélancolie; il s'est enfermé de nouveau dans son cabinet et ne voit personne, de sorte qu'on ignore ce qu'il fait, s'il se porte bien ou mal; on n'en a aucune nouvelle.

Un extrait de lettres de Mylord Bathurst, que sir Hudson Lowe eut ordre de communiquer aux Français en réponse à leurs observations sur le discours de S. S. à la chambre des Pairs le 18 mars 1817, est assuré dans un de ces journeaux et fait sensation à S-te Hélène. L'état des choses y étant si contraire à celui que Mylord Bathurst parait vouloir y établir, il n'y a personne, qui n'en soit surpris et scandalisé.

En parlant au gouverneur de cet extrait, je lui ai demandé, s'il comptait obéir à son instruction et lever enfin la barrière impénétrable de Longwood. Il m'a répondu avec une certaine hésitation: «que les Français n'avaient pas encore fait la liste des habitants qui doivent former leur société». Or la liste

en est faite depuis le mois de juin dernier, et c'est par M-s de Montchenu, de Gors et moi qu'elle commence—«que lui même en avait présenté une de 30 individus et attendait qu'elle fut approuvée ou rejetée». On m'a positivement assuré qu'il n'en a présenté aucune, «que loin de s'opposer à des réunions, à des plaisirs si innocents, aux visites faites à son prisonnier par des voyageurs d'une classe distinguée, il ne cessait de les y engager et ne songeait nullement à l'isoler». Sa conduite avec l'amiral Malcolm et les commissaires des Puissances Alliées, qui appartiennent à cette classe et ont droit à sa confiance, contredit cette assertion.

«On m'a assuré, lui dis-je, que vous défendiez aux officiers du 66-me d'entrer en conversation, de se promener avec M-me Bertrand et qu'ils évitaient autant que possible de la rencontrer».

«Non—s'écria-t-il,—ce n'est pas vrai, c'est une calomnie. Mes officiers n'osent lui manquer à ce point ni à son mari».

Et depuis 26 mois il me chicane impitoyablement sur ces rencontres fortuites et de nulle conséquence. — L'autre jour, il me conjurait à deux genoux et par tout ce qu'il y a de plus sacré au monde, de ne pas les voir, ni de leur parler. Que penser de cette façon d'agir? Et quelle folie de vouloir une chose et de ne pas la vouloir en même temps?

La semaine passée, ayant à regler avec M-e de Montholon un compte de dépenses que j'avais faites pour elle à Rio Janeiro, je témoignai le désir de lui rendre visite. Il m'écrivit a cette occasion une demi douzaine de notes et de billets, qui mettent au jour sa politique tortueuse. V. E. les trouvera ci-joints en copie aussi que mes réponses. Je suis intimement persuadé que ses rapports à Mylord Bathurst sont de même un tissu de subtilités et d'ambiguités, où l'on ne peut rien voir, juger de rien, ni prendre aucune résolution sensée, et voilà pourquoi tout ici est en confusion. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. On vient de me dire, et la chose est assez vraisemblable, que Napoléon, se voyant abandonné du Ministère Anglais et remis à la descrétion de sir Hudson Lowe, veut porter plainte contre lui au Parlement

Mon premier billet à Sir Hudsou Lowe
le 20 février 1819.

«Monsieur le gouverneur.

Je crois avoir déjà eu l'honneur de vous prévenir que M-me la Comtesse de Montholon a témoigné le désir de me rembourser une petite dépense que j'ai faite pour elle à Rio Janeiro [1].

Je n'ai pas envie de lui en écrire [2].

— ni lui en parler sur le grand chemin [3].

— ni d'arranger cette affaire par un tiers [4].

Veuillez donc, Monsieur le gouverneur, avoir l'extrême obligeance de me faire savoir, si je puis, sans manquer à la lettre ou à l'esprit de vos réglements [5],

[1] Elle m'avait prié de lui en rapporter des souliers de Paris et 24 bouteilles d'eau de fleur d'orange pour Napoléon.

[2] Un billet à M-me de Montholon pouvait alarmer le gouverneur, il l'eut interprété Dieu sait comme! Et la fleur d'orange, dont je devais necessairement parler, n'eut été à ses yeux que la violette de 1815.

[3] Elle n'eut jamais consenti à me remettre en plein champ un sac de piastres fortes.

[4] Je ne voie pas pourquoi les aides de camp du gouverneur feraient mes affaires à Longwood. S'ils ont la permission d'y aller, je dois l'avoir aussi, surtout en pareille occasion.

[5] La lettre de ses réglements c'est l'acte du Parlement, la proclamation du 16 mai 1818,—enfin ce que la seule raison dicte à toute homme: «Vous n'aiderez pas à l'evasion de Napoléon, vous ne vous chargerez d'aucun message ni de lui ni pour

— aller chez elle à cet effet.—Je prends la liberté de vous observer à cette occasion que les C-tes Bertrand et Montholon m'ont fait plusieurs visites en ville, que je ne leur ai pas encore rendues; et je me rappele fort bien que vous en ayant fait un jour la remarque chez le Marquis de Montchenu, vous me fites l'honneur de me répondre, ce sont vos propres paroles: «Vous ne m'avez jamais demandé à les leur rendre».—D'après cela, il ne peut, ce me semble, y avoir aucune difficulté à cet égard.

Agréez, Monsieur le gouverneur, etc.»

Le jour même où je recus son dernier billet, il m'invita à diner. J'eus un long entretien avec lui sur cette correspondance, et je réussis à le calmer, à dissiper sa mauvaise humeur. Il me promit de ne plus m'envoyer de notes de son aide-de-camp ni de me tenir sur la sellette comme un criminel. Je lui fis le sacrifice de ma visite à M-me de Montholon, et nos relations personelles vont mieux que jamais.

Св. Елена, 1 марта 1819 н. ст., съ Персеверансомъ, Ост.-Инд. комп. кап. Темплеръ.

Графъ.

Послѣдняя почта привезла намъ Лондонскіе журналы за сентябрь и октябрь. Наполеонъ, въ увѣренности, что союзные государи, и въ особенности императоръ Австрійскій, примутъ его сторону противъ губернатора Св. Елены, ожидалъ ихъ съ живымъ нетерпѣніемъ, и велѣлъ перевести себѣ, слово въ слово, всѣ статьи изъ Ахена. Онъ былъ сильно обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, ибо «Morning Chronicle», самый ревностный его защитникъ, почти не говоритъ объ немъ, «Courrier» осыпаетъ его упреками и бранью, а «Observer», отъ 12 октября, положительно возвѣщаетъ ему, что нашъ Августѣйшій повелитель предоставляетъ его судьбѣ его. Все это его раздражаетъ, наводитъ на него тоску; онъ снова заперся въ свой кабинетъ, и не видитъ никого, такъ что не знаютъ, чѣмъ онъ занятъ, здоровъ-ли онъ, или боленъ; никакихъ о немъ извѣстій нѣтъ.

Извлеченіе изъ писемъ лорда Батурса, которыя приказано было сэру Гудсону Лоу сообщить Французамъ въ отвѣтъ на ихъ замѣчанія на рѣчь, произнесенную его свѣтлостію въ палатѣ лордовъ 18-го марта 1817 года, помѣщено въ одномъ изъ этихъ журналовъ, и производитъ сильное впечатлѣніе на Св. Еленѣ, такъ какъ положеніе дѣлъ здѣсь столь противоположно тому, которое лордъ Батурсъ, повидимому, хотѣлъ-бы здѣсь установить. Всѣ здѣсь изумлены и возмущены этимъ противорѣчіемъ.

Говоря съ губернаторомъ объ этомъ извлеченіи, я спросилъ его, намѣренъ-ли онъ слѣдовать своей инструкціи и наконецъ ослабить непроходимыя преграды, замыкающія Лонгвудъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ съ нѣкоторою запинкою: «что Французы еще не сдѣлали списка тѣхъ обывателей, которые должны составить ихъ общество»—но

lui» etc. etc. L'esprit de ses reglements est un mot que personne encore n'entend et n'a su définir. Lui même en détermine la signification suivant les circonstances et fantaisie. Si rien ne l'inquiéte, ne l'agite, cet esprit ne dit mot. On peut voir les Français, rire et causer avec eux, il n'en prend pas connaissance. Dès que son front se ride ou s'il est alarmé de quelque chose, on n'ose plus les rencontrer, ni les saluer, ni presque se remuer, tout devient contraire à cet esprit, et il le fourre alors partout,—c'est son cheval de bataille. Lors qu'il agrandit les limites des Français et leur permit d'entrer dans les maisons, il insinua aux habitants de l'île, qu'ils pouvaient, sans manquer aux réglements, les recevoir, mais que ce ne serait nullement conforme à l'esprit des mêmes reglements, et c'est ainsi qu'il les empecha de faire société avec eux.

списокъ этотъ составленъ еще въ прошломъ іюнѣ, и въ немъ первыми названы гг. Моншеню, Горсъ, и я — «что онъ самъ представилъ такой списокъ въ 50 именъ, и ждетъ, чтобы онъ былъ принятъ или отвергнутъ,»—меня положительно увѣряли, что онъ не представлялъ подобнаго списка— «что онъ далекъ отъ того, чтобы препятствовать столь невиннымъ удовольствіямъ или посѣщеніямъ, дѣлаемымъ его узнику иностранцами почетнаго разряда, что онъ постоянно проситъ таковыхъ посѣщать Наполеона, котораго онъ не думаетъ лишать общества». Поведеніе его съ адмираломъ Малькольмомъ и съ коммиссарами союзныхъ державъ, несомнѣнно принадлежащими къ этому разряду, противорѣчитъ этимъ увѣреніямъ.

—Меня увѣряютъ—сказалъ я ему,—что вы запрещаете офицерамъ 66-го полка вступать въ разговоръ и гулять съ г-жею Бертранъ, и что они по возможности избѣгаютъ встрѣчъ съ нею».

—Нѣтъ!—воскликнулъ онъ—это неправда, это клевета! Мои офицеры не смѣютъ быть столь неучтивыми ни съ нею, ни съ ея мужемъ».

А вотъ уже 26 мѣсяцовъ, какъ онъ безжалостно придирается ко мнѣ за эти случайныя, ничего не значащія встрѣчи. На дняхъ онъ заклиналъ меня на колѣняхъ и всѣмъ, что̀ есть для меня священнаго, не видать Французовъ, не говорить съ ними. Что̀ подумать о такомъ образѣ дѣйствій? Что̀ за безуміе, въ одно и то-же время и хотѣть и не хотѣть одного и того-же!

На прошлой недѣлѣ, имѣя надобность разсчитаться съ г-жею Монтолонъ въ издержкахъ, произведенныхъ мною для нея въ Ріо-Жанейро, я выразилъ желаніе сдѣлать ей визитъ. Онъ написалъ мнѣ по этому случаю полдюжину записокъ, обнаруживающихъ его изворотливую политику. Ваше Сіятельство найдете ихъ при семъ приложенными вмѣстѣ съ моими отвѣтами. Я совершенно убѣжденъ, что его донесенія лорду Батурсу точно также суть сплетеніе хитростей и двусмысленностей, въ которомъ ничего не разберешь, ничего не разсудишь, по которому не прійдешь ни къ какому разумному рѣшенію, и вотъ почему все здѣсь запутано.

Честь имѣю быть, и т. д.

P. S. Мнѣ только что сказали—и дѣло довольно вѣроятно—что Наполеонъ, видя себя оставленнымъ Англійскимъ министерствомъ и преданнымъ на произволъ сэра Гудсона Лоу, хочетъ подать на него жалобу Парламенту.

Первая моя записка сэру Гудсону Лоу.

20 февр. 1819.

«Господинъ губернаторъ,

Я, кажется, уже имѣлъ честь предупредить васъ, что графиня Монтолонъ выразила желаніе расплатиться со мною за маленькія издержки, сдѣланныя мною для нея въ Ріо-Жанейро (1).

Я не желаю къ ней писать (2), ни разговаривать съ нею на большой дорогѣ (3), ни уладить это дѣло черезъ третье лицо (4). Сдѣлайте-же мнѣ крайнее одолженіе,

---

(1) Она попросила меня достать ей парижскихъ башмаковъ и 24 бутылки флёръ-д'оранжевой воды для Наполеона.

(2) Записка къ г-жѣ Монтолонъ могла испугать губернатора. Богъ знаетъ, какъ бы онъ истолковалъ ее! А флёръ д'оранжъ, о которомъ я не могъ умолчать, непремѣнно представился-бы ему фіалкою 1815 года.

(3) Она никогда не согласилась-бы передать мнѣ, въ чистомъ полѣ, мѣшокъ съ піастрами.

(4) Я не вижу, почему-бы адъютанты губернатора обдѣлывали мои дѣла въ Лонгвудѣ. Если они имѣютъ позволеніе проникать туда, я также дол-

г. губернаторъ, дать мнѣ знать, могу-ли я, не нарушая ни *буквы*, ни *духа* постановленій (5), посѣтить ее съ этою цѣлію. Осмѣливаюсь при этомъ случаѣ Вамъ замѣтить, что графы Бертранъ и Монтолонъ сдѣлали мнѣ въ городѣ нѣсколько визитовъ, которыхъ я имъ еще не отдалъ; и я очень хорошо помню, что на замѣчаніе мое на этотъ счетъ, представленное у маркиза Моншеню, Вы почтили меня такимъ отвѣтомъ: «*Вы никогда не изъявили мнѣ желанія отдать эти визиты*». Это Ваши собственныя слова. Судя по нимъ, тутъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть никакого затрудненія.

Примите, г. губернаторъ, и т. д.»

Въ этотъ самый день, какъ я получилъ послѣ этого его записку, онъ пригласилъ меня обѣдать. Я имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ объ этой перепискѣ, и мнѣ удалось его успокоить и разсѣять его дурное расположеніе духа. Онъ обѣщалъ мнѣ не присылать мнѣ болѣе записокъ отъ своего адъютанта и не допрашивать меня, какъ преступника. Я пожертвовалъ ему моимъ визитомъ г-жѣ Монтолонъ, и наши личныя отношенія лучше, чѣмъ когда-либо.

5.

S-te Hélène ce 18 mars 1819 n. st.—Par le Kamtshatka frégate Russe.—Capt. Golovnine.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur et le C-te Bertrand m'ont dit ce matin que depuis quelques jours Napoléon se portait beaucoup mieux. Tous les soirs il prend l'air sur son perron et se promène un peu pour faire de l'exercice. Il a même été voir sa nouvelle maison.

Le «Redwing» brig de guerre, Capt. Hunn, est arrivé à S-te Hélène le 16 de ce mois et nous a apporté une série de journaux Anglais jusqu'au 15 decembre inclusivement. J'y ai remarqué entr'autres articles sur Longwood une lettre du C-te Bertrand au C-te Las Cases, où on lit ce qui suit dans le № du 29 octobre 1818:

«Longwood ce 16 août 1818.

Depuis le 10 avril jusqu'au 10 de mai, l'Empereur est resté sans médécin, ce que voyant, les commisaires d'Autriche et de Russie, indignés de ce traitement, firent entendre au gouverneur que si l'Empereur mourait dans cette position, ils ne sauraient vraiment pas que répondre eux mêmes en cas où l'opinion qu'il a été assasiné prévaudrait en Europe. Il parait que ceci à decidé le gouverneur à réintégrer M-r O'Meara dans ses fonctions, mais aussi il n'y a pas de mauvais traitement qu'on ne lui ait fait subir».

женъ имѣть его, въ особенности въ такихъ обстоятельствахъ.

(5) Буква постановленій: это актъ парламента, это прокламація 16-го мая 1818 г. наконецъ, это то, что̀ здравый смыслъ предписываетъ всякому. Вы не станете помогать бѣгству Наполеона, вы не возьмете на себя никакихъ пересылокъ, ни отъ него, ни къ нему и т. д. Духъ постановленій есть слово, котораго никто еще не съумѣетъ ни понять, ни объяснить. Самъ губернаторъ опредѣляетъ его смыслъ, смотря по обстоятельствамъ и по внушеніямъ собственной фантазіи. Когда ничто̀ ни волнуетъ, ни тревожитъ его, этотъ духъ молчитъ. Можно видѣть Французовъ, болтать и смѣяться съ ними, онъ этого не принимаетъ къ свѣдѣнію. Какъ только лобъ его сморщится или что̀ нибудь его встревожитъ, не смѣй уже встрѣчаться съ ними, имъ кланяться, не смѣй шевельнуться; все становится противнымъ этому духу, и онъ суетъ его всюду. Это его конекъ. Когда онъ расширилъ область, доступную Французамъ, и позволилъ имъ входить въ дома, онъ внушилъ обывателямъ острова, что они могутъ, не нарушая постановленій, принимать Французовъ, но что это отнюдь не будетъ сообразно съ духомъ тѣхъ же постановленій,—и такимъ образомъ предотвратилъ всякое сближеніе между ними.

Ceci a quelque rapport avec les représantations que j'ai faites à Sir Hudson Lowe sur l'affaire du D-r O'Meara; mais j'ose assurer V. E. que je ne suis pour rien dans cette publication. Les Français n'ont besoin ni de moi, ni des autres commissaires, ni de Sir Hudson Lowe lui-même, avec tout son Etat-Major, pour être parfaitement au fait de ce qui se passe à S-te Hélène. Ils ont quelqu'un à Plantation-House, qui les informe exactement de ce qu'on y fait, de ce dont on y parle et de ce qu'on y médite. On le voit généralement, et voici deux faits qui en donnent de grands indices:

Santini dans sa brochure intitulée: «Appel au peuple Anglais» annonce positivement que le commissaire de Russie a ordre de traiter Napoléon avec respect. Je n'avais communiqué cet article de mon instruction qu'à Sir Hudson Lowe, lorsqu'il était question de l'affaire du procès-verbal, et à cette époque je ne connaissais aucun des habitants de Longwood.—Qui donc a pu leur en parler? Et l'autre jour, je disais également à Plantation-House, que devant quitter ce rocher, cet odieux et infernal exil au mois de juin, je me proposais d'offrir un de mes chevaux de selle à M-me Bertrand. Le lendemain, Napoléon répéta ces mots à Montholon et témoigna de l'inquiétude sur mon départ.

Le commissaire de France vient de recevoir une dépèche chiffrée du Duc de Richelieu, qui lui enjoint expressement de multiplier autant que possible ses rapports avec Bertrand, Montholon etc. Il eu l'extrême obligeance de m'en faire part, et V. E. la trouvera ci-jointe en copie. Si l'on m'eut envoyé un ordre pareil, comme j'aurais fait danser M-r Lowe!

Le D-r Baxter, à qui sa disgrace de Longwood donne une espèce de célébrité, a demandé et obtenu la permission de retourner en Europe. Il souffre depuis deux ans d'une obstruction au foie et a perdu tout espoir d'en guérir à S-te Hélène.

Св. Елена, 18 марта 1819 н. ст., съ Русскимъ фрегатомъ Камчатка, капитанъ Головнинъ.

Графъ.

Губернаторъ и гр. Бертранъ сказали мнѣ нынче утромъ, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ Наполеонъ чувствуетъ себя гораздо лучше. Каждый вечеръ, онъ пользуется воздухомъ на своемъ крыльцѣ и гуляетъ немного для моціона. Онъ даже осматривалъ свой новый домъ.

«Редвингъ» военный бригъ, кап. Гуннъ, прибылъ въ Св. Елену 16-го этого мѣсяца и привезъ намъ рядъ Англійскихъ журналовъ до 15-го декабря включительно. Въ нихъ, между прочими статьями о Лонгвудѣ, я замѣтилъ письмо гр. Бертрана къ графу Ласъ-Казу, въ которомъ говорится слѣдующее:

«Лонгвудъ, 16-го авг. 1818.

Съ 10-го апрѣля по 10-ое мая императоръ оставался безъ медика; видя это, коммиссары Австрійскій и Русскій, возмущенные такимъ образомъ дѣйствій, дали понять губернатору, что коль скоро императоръ умретъ въ этомъ положеніи, они сами не будутъ знать, что̀ сказать, если въ Европѣ установится мнѣніе, что онъ былъ умерщвленъ. Это, повидимому, заставило губернатора возвратить г-у О Меара его должность, но за то нѣтъ тѣхъ непріятностей, которымъ-бы онъ не подвергся».

Это имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ представленіямъ, которыя я дѣлалъ сэру Гудсону Лоу по дѣлу доктора О'Меара; но смѣю увѣрить В—е С—ство, что я совершенно не причастенъ этой публикаціи. Французы не нуждаются ни во мнѣ, ни въ другихъ

коммиссарахъ, ни даже въ самомъ сэрѣ Гудсонѣ Лоу со всѣмъ его штабомъ, для того, что-бы имѣть вполнѣ точныя свѣдѣнія о всемъ, что̀ происходитъ на Св. Еленѣ. Они имѣютъ въ Плантешенъ-гоузѣ кого-то, кто правильно извѣщаетъ ихъ о томъ, что̀ тамъ дѣлается, что̀ тамъ говорится, что̀ тамъ задумывается. Это вообще видимо, и вотъ два факта, ясно на это указывающіе.

Сантини, въ своей брошюрѣ подъ заглавіемъ «Воззваніе къ Англійскому народу», положительно утверждаетъ, что Русскому коммиссару предписано обходиться съ Наполеономъ почтительно. Я сообщалъ эту статью моей инструкціи только сэру Гудсону Лоу, когда шло дѣло о протоколѣ, и въ то время я не зналъ ни одного изъ жителей Лонгвуда. Кто-же могъ имъ говорить объ этомъ?—И на дняхъ я говорилъ, также въ Плантешенъ-гоузѣ, что, собираясь оставить эту скалу, это ненавистное, адское мѣсто изгнанія, въ іюнѣ, я намѣренъ предложить г-жѣ Бертранъ одну изъ моихъ верховыхъ лошадей. На другой день, Наполеонъ повторилъ эти слова Монтолону и обнаружилъ безпокойство по поводу моего отъѣзда.

Французскій коммиссаръ только что получилъ шифрованную депешу отъ герцога Ришельё, который прямо предписываетъ ему по возможности учащать свои сношенія съ Бертраномъ, Монтолономъ, и т. д. Онъ имѣлъ крайнюю обязательность сообщить ее мнѣ, и В—е С—во найдете въ приложеніи копію съ нея. Если-бы подобное приказаніе прислали мнѣ, поплясалъ-бы у меня г. Лоу!

Докторъ Бакстеръ, изъ котораго Лонгвудская опала сдѣлала нѣкотораго рода знаменитость, испросилъ себѣ позволеніе вернуться въ Европу. Онъ уже два года страдаетъ завалами въ печени, и потерялъ всякую надежду излѣчиться отъ нихъ на Св. Еленѣ.

6.

S-te Hélène ce 29 mars 1819 n. st. par le Warren-Hastings de la C-e des Indes. Capt. Larkins.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur m'informe à l'instant même qu'il a reçu ordre:

1-mo) D'agrandir l'enceinte de Longwood autant que possible. Il m'a dit que l'île entière,—à l'exception des côtes, du fond des vallées et de la ville de S-t James,—y sera comprise.

2-do) D'exiger absolument que Napoléon se fasse voir à l'officier d'ordonnance deux fois par jour, le matin et le soir et, en cas de maladie, à un médecin Anglais au service du Roi ou de la Compagnie, qui doit en outre être présent à toutes les visites que lui fera son médecin particulier et en rendre compte aux autorités.

Cet ordre a été communiqué à M-r de Montholon le lendemain de l'arrivée du «Redwing» qui, je crois, l'a apporté au gouverneur. On n'y a pas encore répondu. Si cette affaire est menée brusquement ou mollement, à la façon habituelle de Plantation-House, elle aura, je le crains, une mauvaise issue.—Je ne tarderai pas à en écrire au Ministère Impérial plus en détail.

J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 29 марта 1819 н. ст. съ Варренъ-Гастингсомъ Ост. Инд. компаніи, капитанъ Ларкинсъ.

Графъ.

Губернаторъ только что извѣстилъ меня что онъ получилъ приказаніе:

1) Расширить, сколько возможно, ограду Лонгвуда. Онъ сказалъ мнѣ, что въ

нее войдетъ весь островъ за исключеніемъ береговъ, двa долинъ и города С. Джемса.

2) Непремѣнно требовать, чтобы Наполеонъ показывался ординарцу два раза въ день, утромъ и вечеромъ и, въ случаѣ болѣзни, Англійскому медику, состоящему на службѣ Короля или Компаніи. Этотъ медикъ, кромѣ того, долженъ присутствовать при всѣхъ визитахъ, которые будетъ дѣлать Наполеону его частный врачь, и отдавать о нихъ отчетъ властямъ.

Это приказаніе было сообщено г. Монтолону на другой день по прибытіи «Редвинга», которымъ, какъ полагаю я, оно было привезено губернатору. Отвѣта еще не было. Если это дѣло будетъ поведено рѣзко или вяло, по обычаю Плантешенъгоуза, оно, боюсь, будетъ имѣть дурной исходъ. Не замедлю написать объ этомъ подробнѣе министерству. Честь имѣю быть и пр.

7.

S-te Hélène ce 5 avril 1819 n. st. par le Kamtshatka, frégate Russe. Capt. Golovnine.

Monsieur le Comte.

La frégate de S. M. I. le «Kamtshatka» Capt. Golovnine a relâché à S-te Hélène le 1-er de ce mois et en est repartie le 3.

Je ne sais par quelle impulsion nouvelle, extraordinaire, Sir Hudson Lowe a tout à coup changé de conduite envers les Russes. Le capt Kotzebue n'avait pu obtenir la permission de me voir un seul instant, et le Capt. Golovnine vient de passer deux jours avec moi. Non seulement il lui a permis de mouller dans une des rades de l'île, mais il n'a mis aucun obstacle à le laisser descendre à terre et lui a envoyé l'eau, les provisions fraiches, légumes etc. dont il avait besoin. J'ai été réellement surpris et tout à fait emerveillé de sa condescendance enves lui.

Le Capt. Golovnine, étant renommé par ses voyages de découvertes et sa longue captivité au Japon, a été reçu ici avec de grands honneurs. Les capitaines de la marine royale lui firent une visite en corps le jour de son arrivée, le lendemain ils déjeunèrent à bord du «Kamtshatka». Le commissaire d'Autriche et de France l'invitèrent à diner, et le gouverneur s'excusa, à plusieur reprises, de n'être pas venu lui-même à sa rencontre, étant fort occupé de l'expidition d'un vaisseau de la Comp-nie des Indes.

Je regrette infiniment de n'avoir pu le présénter à Napoléon, qui sans doute eut été charmé de le voir et peut-être aurait voulu le charger d'une lettre à notre Auguste Maitre.

Parmis les voyageurs de distinction que la flotte des Indes nous a amené cette année-ci, il n'y a que M-r Ricketts, membre du consel de Calcutta et proche parent de Lord Liverpool, qui ait été admis à voir Napoléon. Pour en obtenir audience, il fit, à l'exemple de tous ses compatriotes, la visite d'usage au G-d Maréchal et fut introduit le 2 de ce mois chez S. M. Rien de ce qui s'est passé entre eux n'a encore transpiré. Le gouverneur et les personnes de sa suite en font mystère, et depuis une quinzaine de jours je n'ai rencontré personne de Longwood.

Bonaparte a reçu M-r Riketts dans une chambre tout à fait obscure, et après un quart d'heure de conversation, il fit apporter de la lumière et lui dit:

«Je veux pourtant vous voir». Il était au lit en robe de chambre de flanelle, coiffé d'un turban écarlate, sa barbe n'était pas rasée depuis plusieurs jours; de temps à autre il se mettait sur son séant. Le but de cette mascarade, — car c'en est une vé-

ritable—était d'attendrir en ayant l'air extrêmement malade. J'ignore s'il se portait bien ou mal. On n'a aucune nouvelle certaine sur l'état de sa santé, mais je crois qu'il aurait pu passer un pantalon, se tenir debout ou assis, sans en mourir. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 5 апр. 1819 н. ст. съ Русскимъ фрегатомъ Камчатка, капитанъ Головнинъ.

Графъ.

Императорскій фрегатъ «Камчатка», кап. Головнинъ, прибылъ въ Св. Елену 1-го числа сего мѣсяца и отплылъ 3-го.

Не знаю, по какому необычайному побужденію, сэръ Гудсонъ Лоу вдругъ измѣнилъ свое обращеніе съ Русскими. Лейтенантъ Коцебу не могъ добиться позволенія увидѣть меня и на минуту, а капитанъ Головнинъ провелъ со мною два дня. Губернаторъ не только позволилъ ему стать на якорь въ одной изъ бухтъ острова, но онъ не препятствовалъ ему сойдти на берегъ и послалъ ему воду, свѣжіе припасы, овощи и т. д., въ которыхъ онъ нуждался; я по истинѣ былъ изумленъ и не могъ надивиться его снисходительности.

Капитанъ Головнинъ, будучи извѣстенъ своими учеными путешествіями и долгимъ плѣномъ въ Японіи, былъ принятъ здѣсь съ большими почестями. Капитаны королевскаго флота въ день его пріѣзда сдѣлали ему коллективный визитъ, а на другой день завтракали на бортѣ «Камчатки». Австрійскій и Французскій коммиссары приглашали его обѣдать, а губернаторъ нѣсколько разъ извинялся въ томъ, что самъ не выѣхалъ ему на встрѣчу, будучи очень занятъ отправкою корабля Остъиндской компаніи.

Крайне сожалѣю, что не могъ представить его Наполеону, который, конечно, былъ бы очень радъ его видѣть, а быть-можетъ, захотѣлъ бы поручить ему письмо къ нашему Августѣйшему Государю.

Изъ всѣхъ именитыхъ путешественниковъ, которыхъ, въ теченіи нынѣшняго года, привозилъ намъ Индійскій флотъ, одинъ г. Рикетсъ, членъ Калькутскаго совѣта и близкій родственникъ лорда Ливерпуля, былъ допущенъ до Наполеона. Чтобы испросить аудіенцію, онъ, по примѣру всѣхъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлалъ обычный визитъ великому маршалу, и 2-го числа нынѣшняго мѣсяца былъ представленъ его величеству. Ничто изъ того, что между ними произошло, еще не огласилось. Губернаторъ и лица его свиты дѣлаютъ изъ этого тайну, и вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не встрѣчалъ никого изъ жителей Лонгвуда.

Бонапартъ принялъ г. Рикетса въ совершенно-темной комнатѣ. Поговоривши съ нимъ съ четверть часа, онъ велѣлъ подать свѣчей и сказалъ: *Хочу однакожъ васъ видѣть.*

Онъ лежалъ на постели въ фланелевомъ халатѣ и въ пунцовомъ тюрбанѣ; борода его не была брита уже нѣсколько дней; отъ времени до времени онъ приподымался. Цѣль этого маскарада, ибо иначе его назвать нельзя, состояла въ томъ, чтобы разжалобить, представляясь весьма больнымъ. Не знаю, чувствовалъ ли онъ себя хорошо или дурно. Нѣтъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій о состояніи его здоровья. Но полагаю, что онъ могъ бы надѣть панталоны, стоять или сидѣть, не подвергая своей жизни опасности. Честь имѣю быть и пр.

8.

S-te Hélène ce 12 avril 1819 n. st. Par le Warren Hastings de la Comp-e des Indes. Capt. Larkins.

Monsieur le Comte.

Avant hier j'ai vu le C-te de Montholon et ce matin le C-te Bertrand. L'un et l'autre m'ont parlé de la visite que M-r Ricketts avait faite à Longwood, et voici en substance ce qu'ils m'en ont dit:

Napoléon l'a reçu dans sa chambre à coucher. Il était au lit et souffrant. Il l'a chargé:

1-mo) De rendre compte à Lord Liverpool de l'état déplorable et lamentable dans lequel il le voyait.

2-do) De le prier avec toutes les instances possibles de lui obtenir du P-ce Régent un changement de Gouverneur et d'exil. Il s'est répandu en longs discours sur l'insalubrité du climat de S-te Hélène et sur la conduite détestable de Sir Hudson Lowe.

3-tio) De lui rappeler que les malheureux habitants de Longwood ont le plus urgent besoin d'un médecin français ou italien ou même anglais, qui soit entièrement à eux. Il le demande à des conditions à peu près semblables à celle qu'il imposait aux D-rs O'Meara et Stokoe.

4-to) De lui déclarer haut et clair que jamais il n'habiterait sa nouvelle maison et qu'on pouvait se dispenser de la bâtir. «Je veux, s'est il ecrié, mourir dans les quatre misérables chambres et sur le misérable grabat, où depuis troit années on me fait languir impitoyablement.

Il parait que M-r Ricketts s'est bien gardé de le contredire, de heurter de front ses opinions et a promis d'être son avocat à Londres, car Bertrand et Montholon en font le plus grand éloge et se félicitent d'avoir enfin rencontré un honnêtê homme parmis les Anglais.

Les nouveaux ordres de Mylord Bathurst, arrivés ici le mois passé et dont il est fait mention dans mon rapport sub № 6 ont été mal reçus à Longwood. On ne daigne pas y répondre. On répugne souverainement à s'y soumettre, et depuis quinze jours Napoléon ne s'est pas montré à l'officier d'ordonnance. Le gouverneur en est inquiet, alarmé et ne sait quel parti prendre, où donner de la tête. Tout annonce qu'il y aura du grabuge entre eux. Dès que je serai au fait de cette affaire, je ne manquerai pas d'en écrire amplement au Ministère Impérial.

M-me de Montholon est dangereusement malade d'une obstruction au foie,—tous les jours on lui fait avaler 10 grains de mercure. Son médecin la presse de retourner en Europe et l'assure qu'il n'y a plus de salut pour elle à S-te Hélène. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 12 апр. 1819, н. ст. съ Варренъ-Гастингсомъ Остъ-Инд. компаніи, капит. Ларкинсъ.

Графъ.

Третьяго дня я видѣлъ гр. Монтолона, а нынче утромъ гр. Бертрана. И тотъ и другой говорили мнѣ о посѣщеніи г. Рикетса въ Лонгвудъ, и вотъ, въ сущности, что̀ они мнѣ сказали о немъ:

Наполеонъ принялъ его въ спальнѣ. Онъ лежалъ въ постели и страдалъ. Онъ поручилъ ему:

1) Отдать лорду Ливерпулю отчетъ о печальномъ и плачевномъ состояніи, въ которомъ онъ его видитъ.

2) Просить, со всею возможною настоятельностію, Принца Регента о перемѣнѣ губернатора и мѣста ссылки. Онъ сильно распространялся о нездоровости климата и о ненавистномъ поведеніи сэра Гудсона Лоу.

3) Напомнить ему, что несчастнымъ жителямъ Лонгвуда крайне нуженъ врачъ-Французъ, Италіанецъ или даже Англичанинъ, который принадлежалъ бы имъ вполнѣ. Онъ требуетъ его на условіяхъ, приблизительно подобныхъ тѣмъ, которыя онъ налагалъ на докторовъ О'Меара и Стоко.

4) Объявить ему коротко и ясно, что никогда онъ не будетъ жить въ новомъ своемъ домѣ, и что строить его нѣтъ надобности. «*Я хочу*, воскликнулъ онъ, *умереть въ четырехъ несчастныхъ комнатахъ и на жалкой кровати, на которой уже три года меня заставляютъ томиться*!»

Повидимому, г. Рикетсъ остерегся противорѣчить ему, возстать прямо противъ его мнѣній, и обѣщалъ быть его заступникомъ въ Лондонѣ, ибо Бертранъ и Монтолонъ чрезвычайно его хвалятъ, и поздравляютъ себя съ тѣмъ, что, наконецъ, встрѣтили между Англичанами порядочнаго человѣка.

Новыя приказанія лорда Батурса, прибывшія сюда прошлымъ мѣсяцомъ, о которыхъ рѣчь въ моемъ донесеніи подъ № 6, дурно были приняты въ Лонгвудѣ. Ихъ не удостоили отвѣта. Имъ не хотятъ подчиняться, и вотъ уже двѣ недѣли, какъ Наполеонъ не показывался ординарцу. Губернаторъ этимъ встревоженъ, раздраженъ, не знаетъ на что рѣшиться, и голова у него идетъ кругомъ. Все предвѣщаетъ, что между ними произойдетъ стычка. Какъ только у меня будутъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ, не премину написать о немъ подробно императорскому министерству.

Г-жа Монтолонъ опасно больна завалами въ печени; каждый день ее заставляютъ глотать десять грановъ каломеля. Ея медикъ настаиваетъ на томъ, чтобы она вернулась въ Европу, и увѣряетъ ее, что на Св. Еленѣ для нея нѣтъ болѣе спасенія.

Честь имѣю быть, и т. д.

9.

S-te Hélène ce 22 avril 1819 n. st.— Par le Podargus, brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe ayant appris que le Marquis de Montchenu avait ordre de multiplier autant que possible ses rapports avec les C-tes Bertrand et Montholon, crut devoir protester de nouveau contre des communications qui, selon lui, sont illicites, contraires à l'esprit de ses réglements, et vient de m'adresser à cet effet deux notes officielles que V. E. trouvera ci-jointes en copie, ainsi que ma réponse.

J'ai expliqué en tant d'occasions les motifs secrets qui le font agir, et fourni tant de preuves de la fausseté de ses assertions, qu'il me semble inutile de m'etendre encore sur ce sujet. Son véritable but est de donner des degouts à l'Empereur pour le forcer à me rappeller. Il a eu outre la manie d'écrire et cette sorte d'inquiétude qui engendre le besoin de tracasser, d'être toujours en débat sur quelque chose. Si S. M. I. jugeait à propos de m'envoyer un successeur, il serait essentiel de le mettre à l'abri de ses vexations. Ma position n'est pas tenable. Je m'y suis débattu pendant trois années consecutives, sans faire d'eclat ni heurter personne; mais on ne me donne ni paix ni trêve, et je n'ai plus rien à opposer à des prétentions injustes et ridicules, qui se renouvellent tous les jours. J'ai l'honneur d'être etc.

P. S. Sir Hudson Lowe m'adresse à l'instant même une 3-me note officielle que j'ai l'honneur de transmettre ci-joint à V. E. en original. Pour mettre fin à ces écritures et vivre bien avec lui pendant les deux derniers mois de mon séjour à S-te Hélène, j'ai pris le parti de ne plus voir ses prisonniers.

Ma reponse aux deux premiers notes de Sir H. Lowe.

«Ce 15 avril 1819.

Monsieur le Gouverneur.

J'ai l'honneur de vous accuser réception de vos deux notes en date du 2 et 13 de ce mois. Pour toute réponse je m'en réfère aux nombreuses explications que j'ai eues avec vous sur un sujet déjà trop rabattu, et notamment à celle du 18 décembre dernier, où j'ai coulé cette matière à fond et vous ai déclaré en termes clairs, précis et formels, que je ne me soumettrais jamais à ce que vous exigiez de moi. Vous devez, Monsieur le Gouverneur, me croire digne de la confiance que l'Empereur, mon Auguste Maitre, daigne m'accorder et par conséquent ne rien appréhender de mes rencontres à Longwood. C'est tout ce que je puis y ajouter. Si malgré cela vous avez des plaintes à former contre moi, veuillez les adresser à votre gouvernement qui en conferera avec l'ambassadeur de Russie à Londres. Je serai toujours prêt à y repondre et sûr d'effacer d'un trait de plume les impressions défavorables qu'elles pouraient donner de ma conduite ou de mes principes. J'ai l'honneur d'être etc».

Il a dit à M-r de Montchenu un jour, qu'il était en proie à une forte agitation d'esprit, que j'étais Bonapartiste et qu'à S-te Hélène on devait étre Ultraroyaliste. Mon collègue adopta cette opinion et promit de ne jamais voir Bertrand, condamné à mort par son roi, ni Montholon, un enfant de la révolution. Peu de temps après il eut ordre d'en faire sa société habituelle.

Dans une de ses notes, le gouverneur prétend que les differentes plaintes de Bertrand et des autres Français sont calomnieuses,— selon moi elles ne le sont pas, car il n'y a rien de plus absurde, de plus impolitique, de moins généreux et delicat que la conduite des Anglais envers Napoléo. «Si nous étions en Russie, disent à Longwood maitres et valets, nous serions aussi bien qu'à Paris. L'Empereur aurait un chateau, de beaux jardins, des équipages, une société agréable, choisie. L'Empereur Alexandre est autrement généreux que ces vilains Anglais» etc. etc. On redit ces propos au gouverneur, et voilà peut-etre ce qui l'anime contre moi.

Dans une de ses notes également le gouverneur dit entr'autres que les motifs, mis en avant par moi, pour rechercher la société des Français n'etaient pas de nature à contrebalancer les désagréments et inconvenients de toutes sortes, qui en étaient résultés pour lui. Ce parallèle entre ce qui peut amuser S. M. l'Empereur de toutes les Russies et ce qui déplait à M-r Lowe et le vexe personnellement, est tout-à fait plaisant.

Св. Елена, 22 апр. 1819, н. ст., съ бригомъ Подаргусомъ, кап. Русъ.

Графъ.

Сэръ Гудсонъ Лоу, узнавъ, что маркизъ Моншеню получилъ приказаніе по возможности участить свои сношенія съ графами Бертраномъ и Монтолономъ, счелъ долгомъ снова протестовать противъ сообщеній, которыя, по его мнѣнію, непозволительны, противны духу постановленій, и только-что сообщилъ мнѣ, по этому поводу, двѣ оффиціяльныя записки, которыя при семъ прилагаю, такъ-же какъ и мой отвѣтъ.

Я уже столько разъ объяснялъ тайныя побужденія, руководящія его дѣйствіями, и приводилъ столько доказательствъ ложности его показаній, что мнѣ кажется безполезнымъ еще распространяться объ этомъ предметѣ. Его истинная цѣль заключается въ томъ, чтобы надоѣсть Государю и заставить его отозвать меня. Сверхъ того, у него страсть къ писанію и то безпокой-

ство характера, которое дѣлаетъ потребностію постоянныя препиранія и свары. Если-бы Е. И. В. нашли нужнымъ назначить мнѣ преемника, было бы необходимо оградить его отъ притѣсненій губернатора. Положеніе мое невыносимо. Я бился въ немъ три года сряду, не доводя дѣла до разрыва, ни съ кѣмъ не сталкиваясь; но мнѣ не даютъ ни минуты покоя, и мнѣ нечѣмъ оградиться отъ несправедливыхъ, смѣшныхъ притязаній, ежедневно возобновляющихся.

Честь имѣю быть, и т. д.

P. S. Сейчасъ получилъ отъ сэра Гудсона Лоу третью оффиціяльную записку, которую имѣю честь при семъ приложить въ оригиналѣ. Для того, чтобы положить конецъ этимъ писаніямъ и прожить съ нимъ въ ладахъ послѣдніе два мѣсяца моего пребыванія на Св. Еленѣ, я рѣшился не видѣть болѣе его узниковъ.

Мой отвѣтъ на двѣ первыя записки сэра Гудсона Лоу.

15 апр. 1819.

«Г. Губернаторъ,

Честь имѣю извѣстить васъ о полученіи вашихъ двухъ записокъ, отъ 2-го и 13-го сего мѣсяца. Вмѣсто всякого отвѣта, ссылаюсь на неоднократныя объясненія, которыя я имѣлъ съ вами о предметѣ, уже слишкомъ избитомъ, и въ особенности на нашъ разговоръ 18 декабря прошлаго года, въ которомъ я исчерпалъ этотъ предметъ до дна и объявилъ вамъ въ ясныхъ, точныхъ и твердыхъ выраженіяхъ, что я никогда не подчинюсь тому, чего вы отъ меня требуете. Вы должны, г. губернаторъ, считать меня достойнымъ довѣрія, коего удостоиваетъ меня Императоръ, мой Августѣйшій Повелитель, и слѣдовательно, вамъ нечего бояться моихъ встрѣчъ въ Лонгвудѣ. Вотъ все, что я могу присовокупить. Если, кромѣ того, вы имѣете поводъ къ жалобамъ на меня, соблаговолите обращаться съ ними къ вашему правительству, которое отнесется о нихъ къ Русскому посланнику въ Лондонѣ. Я всегда буду готовъ отвѣчать на нихъ, и убѣжденъ, что могу однимъ почеркомъ пера изгладить тѣ невыгодныя впечатлѣнія, которыя могли бы онѣ возбудить относительно моего поведенія или моихъ правилъ.

Честь имѣю быть, и т. д.»

Онъ однажды сказалъ г-ну Моншеню, что онъ въ сильномъ безпокойствѣ, что я бонапартистъ, а что на св. Еленѣ слѣдуетъ быть ультра-роялистомъ. Мой товарищъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и обѣщался никогда не видаться съ Бертраномъ, приговореннымъ къ смерти его королемъ, и съ Монтолономъ, этимъ исчадіемъ революціи. Спустя немного времени, ему было приказано видаться съ ними какъ можно чаще. Въ одной изъ своихъ записокъ, губернаторъ увѣряетъ, что всѣ жалобы Бертрана и прочихъ Французовъ суть клевета. По моему, это несправедливо, ибо нѣтъ ничего нелѣпѣе, неполитичнѣе и неделикатнѣе поведенія Англичанъ относительно Наполеона.

«Если-бы мы были въ Россіи—говорятъ въ Лонгвудѣ и господа, и слуги, — намъ было-бы такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ. У императора были-бы замокъ, прекрасные сады, экипажи, пріятное, избранное общество. Императоръ Александръ по великодушію не чета этимъ сквернымъ Англичанамъ» и т. д. Эти рѣчи пересказываютъ губернатору, и вотъ, можетъ быть, что возбуждаетъ его противъ меня. Въ одной изъ своихъ записокъ, губернаторъ также говоритъ, между прочимъ, что доводы, выставляемые мною въ пользу моего сближенія съ Французами, не имѣютъ достаточно важности, что-бы возмѣстить тѣ разнообразныя не-

пріятности и неудобства, которыя-бы отъ этого произошли для него. Это сопоставленіе того что̀ можетъ быть угодно Императору Всероссійскому, и того что̀ лично непріятно сэру Гудсону Лоу, въ высшей степени забавно.

10.

S-te Hélène ce 4 mai 1819 n. st.—Par le Podargus brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur m'a écrit une 4-me note officielle sur mes rencontres à Longwood. Je crois, sans oser l'affirmer, que ce sera la dernière; en attendant nous voilà de nouveau raccommodés et bons amis. Point de nouvelles de Napoléon. Je m'empresse d'envoyer ci-jointe au Ministère Impérial cette note en copie.

Depuis environ trois semaines Sir Hudson Lowe est en négociation avec le C-te Montholon pour établir à Longwood de nouveaux réglements et y faire executer les ordres de Mylord Bathurst. Il lui écrit et en reçoit des notes virulentes, qui toutes seront insérées dans les journaux Anglais; enfin il est à la veille de forcer la porte de Napoléon et n'en dit mot aux commissaires des Puissances Alliées. Si je me hasardais à lui en parler, je serai sûr d'en avoir une reponse evasive ou desobligeante.

Св. Елена, 4 мая 1819 н ст., съ бригомъ Подаргусъ, кап. Русъ.

Графъ,

Губернаторъ написалъ мнѣ четвертую оффиціяльную записку на счетъ моихъ встрѣчъ въ Лонгвудѣ. Думаю, не смѣя впрочемъ этого утверждать, что это послѣдняя; — впрочемъ, мы пока снова въ мирѣ и дружбѣ. О Наполеонѣ никакихъ вѣстей. Спѣшу переслать при семъ императорскому министерству копію съ этой записки.

Вотъ уже около трехъ недѣль, какъ сэръ Гудсонъ Лоу переговаривается съ гр. Монтолономъ на счетъ введенія въ Лонгвудѣ новыхъ постановленій и исполненія приказаній лорда Батурса. Онъ пишетъ ему и получаетъ отъ него раздраженныя записки, которыя всѣ будутъ помѣщены въ англійскихъ журналахъ; наконецъ, онъ почти готовъ ворваться насильно къ Наполеону, и обо всемъ этомъ не говоритъ ни слова коммиссарамъ союзныхъ державъ. Если-бы я вздумалъ заговорить съ нимъ объ этомъ, я навѣрное получилъ бы уклончивый или недоброжелательный отвѣтъ.

11.

S-te Hélène ce 6 mai 1819 n. st.—Par le Podargus brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Conformément à l'ordre de S. M. l'Empereur notre Auguste Maitre, je ne tarderai pas à établir une correspondance officielle avec le G-l Major Baron de Tuyel, Son envoyé auprès de S. M. le roi de Portugal et de Brésil. Je suis charmé de n'avoir rien d'alarmant à lui communiquer. L'opiniâtre et malfaisante activité des ennemis de la tranquillité générale ne s'est point encore portée de nos cotés.

Bonaparte, je l'ai déjà dit et répété, demande un changement de gouverneur et d'exil, pas autre chose. Si on le rapproche de l'Europe ou de quelque contrée civilisée, peut-être formera-t-il de plus vastes projets. Il est impossible de le prévoir; mais à S-te Hélène, voilà où il vise, et je crois que ce qui a été décidé à son égard à la dernière réunion des Souverains fera évanouir toutes ses éspérances. Mon opinion sur les affaires de Longwood est et sera toujours la même.

J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 6 мая 1819 н. ст., съ бригомъ Подаргусъ, капит. Русъ.

Графъ.

Согласно приказанію Государя Императора, не замедлю открыть оффиціальную переписку съ генералъ-майоромъ барономъ Тюйсемъ, нашимъ посланникомъ при Е. В. королѣ португальскомъ и бразильскомъ. Я очень радъ, что не имѣю сообщить ему ничего тревожнаго. Упорная и зловредная дѣятельность враговъ общественнаго спокойствія еще не направлялась въ нашу сторону. Бонапартъ, я уже говорилъ и повторяю это, требуетъ перемѣны губернатора и мѣста ссылки, и ничего болѣе. Если его приблизятъ къ Европѣ или къ какой-либо образованной странѣ, то въ немъ, быть можетъ, зародятся болѣе обширные замыслы. Невозможно ихъ предвидѣть, но на Св. Еленѣ вотъ къ чему онъ стремится, и я думаю, что рѣшенія на его счетъ на послѣднемъ съѣздѣ государей разрушатъ всѣ его надежды. Мое мнѣніе о лонгвудскихъ дѣлахъ остается и всегда останется неизмѣннымъ.

12.

S-te Hélène ce 10 mai 1819 n. st.—Par le Podargus brig. Capt. Rous.

Monsieur le Comte.

Ce matin le gouverneur de l'île de S-te Hélène m'a dit que depuis environ quinze jours, l'officier d'ordonnance voyait tous les jours le prisonnier de l'Europe aux fenêtres ou sur la terrasse du pavillon de Longwood. Je n'ai pas d'autre nouvelle à mander au Ministère Impérial.

Св. Елена. 10 мая 1819 н. ст., съ бригомъ Подаргусъ, капит. Русъ.

Графъ.

Нынче утромъ, губернаторъ Св. Елены сказалъ мнѣ, что вотъ уже около двухъ недѣль, ординарецъ каждый день видитъ узника Европы у оконъ или на терассѣ Лонгвудскаго павильона. Не имѣю сообщить императорскому министерству никакихъ иныхъ вѣстей.

№ 13.

S-te Hélène ce 26 mai 1819 n. st—Par le Regent de la Comp-e des Indes. Capt. Ripley.

Monsieur le Comte.

Bonaparte continue à se montrer tous les jours au Capitaine Nicholls officier d'ordonnance, en paraissant aux fenêtres ou sur la terrasse du pavillion de Longwood. On n'a aucune nouvelle de l'état de sa santé.

Sir George Bingham, brigadier-général à S-te Hélène, malgré l'avantage et le brillant de ce poste, a donné sa démission sous prétexte de santé et va retourner en Angleterre.

L'adjudant-général Sir Thomas Reade vient d'être nommé lieutenant de police à S-te Hélène. Je ne lui crois pas assez de sagacité ni assez intrigant, pour s'acquitter utilement de cet emploi; d'ailleurs c'est un favori de Sir Hudson Lowe qu'on n'aime pas ici. On le craint et on s'en méfie.

Le gouverneur a informé les commissaires des Puissances Alliées qu'il notifierait incessament au C-te Bertrand le protocole du congrès d'Aix la Chapelle, rélatif à Napoléon Bonaparte.

P. S. Ce 27 mai 1819 n. st. Sir Hudson Lowe m'adresse à l'instant même une note officielle que j'ai l'honneur de transmettre ci-jointe à V. E. en original.

Св. Елена. 26 мая 1819 н. ст. съ Регентомъ, Остъ-Индск. комп. кап. Риплей.

Графъ.

Бонапартъ продолжаетъ показываться ежедневно ординарцу, капитану Никольсу, по

являясь у окна или на террасѣ Лонгвудскаго павильона. Объ его здоровьи нѣтъ никакихъ вѣстей.

Сэръ Джорджъ Бингамъ, генералъ-бригадиръ Св. Елены, не смотря на выгоды и блескъ этой должности, подалъ въ отставку подъ предлогомъ нездоровья, и ѣдетъ назадъ въ Англію. Генералъ-адъютантъ сэръ Томасъ Ридъ назначенъ полицеймейстеромъ Св. Елены. Не думаю, чтобы онъ былъ достаточно уменъ и ловокъ, чтобы съ пользою исполнять эту должность; да къ тому-же, онъ любимецъ сэра Гудсона Лоу, котораго здѣсь не любятъ. Его боятся и къ нему не имѣютъ довѣрія.

Губернаторъ сообщилъ коммиссарамъ союзныхъ державъ, что онъ безъ промедленія доведетъ до свѣдѣнія гр. Бертрана протоколъ Ахенскаго конгресса относящійся до Наполеона Бонапарта.

P. S. 27 мая 1819 н. ст. Сэръ Гудсонъ Лоу сейчасъ прислалъ мнѣ оффиціяльную записку, которую имѣю честь приложить при семъ въ оригиналѣ.

14.

S-te Hélène ce 18 juin 1819 n. st.—Par Lady Campbell de la Comp-e des Indes. Capt. Marquis.

Monsieur le Comte.

J'eprouve une véritable satisfaction à pouvoir annoncer à V. E. que mes relations personnelles avec les autorités anglaises sont paisibles, amicales, que je vais à Plantation-House continuellement, qu'on m'y reçoit à bras ouverts, que les diners, bals et soirées s'y multiplient, depuis l'arrivée des dernières nouvelles de l'Europe, à l'infini, et que tout cela charme les ennuis de mon exil: mais il me peine de devoir lui declarer en même temps que ne voyant plus ni Bertrand ni Montholon, j'ignore entièrement ce qui se fait à Longwood.

J'ai demandé au gouverneur comment se portait Bonaparte, ce qu'il avait dit du protocole d'Aix la Chapelle, s'il était triste ou résigné etc. etc.

«Je ne puis que vous certifier son existance», m'a-t-il répondu. On assure en ville que les Français sont dans la consternation et répétent sans cesse: «L'empereur Alexandre a été trompé par de faux rapports, des lettres et des pièces controuvées pour avoir un prétexte de nous mettre au secret. Les Anglais, profitant de l'apathie et de l'insouciance des commissaires de France et d'Autriche, de l'absence momentanée de celui de Russie, ont fait accroire aux Souverains Alliés ce qu'ils ont voulu, ce qui pouvait justifier leur conduite barbare et criminelle. Il n'y a point eu de conjurations, ni de correspondance politique. Nous voulons être interrogés là dessus» etc.

Je devrais en ce moment aller à Lonwood, au moins deux fois par mois. On m'y communiquerait une infinité de détails, relatifs à tous ces faits, qui serviraient à les éclaircir. Je sais en outre qu'on m'y attend, que les Français me guettent matin et soir à la promenade et que Bonaparte, nonobstant ce qui a été décidé à son égard au congrès d'Aix la Chapelle, est toujours bien disposé pour moi. Mais, ne pouvant profiter de l'avantage de ma position, sans rompre en visière à Sir Hudson Lowe, je me tiens tranquille et à l'écart autant que possible.

Св. Елена. 18 іюня 1819 н. ст., съ Леди Камибель, Остъ-Индской комп., капит. Маркизъ.

Графъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу сообщить Вашему Сіятельству, что мои личныя отношенія съ англійскими властями мир-

ны и дружественны, что я безпрестанно бываю въ Плантешенъ-гоузѣ, что меня принимаютъ тамъ съ распростертыми объятіями, что обѣды, балы и вечера, со времени полученія послѣднихъ извѣстій изъ Европы, повторяются тамъ безпрерывно, и что все это услаждаетъ скуку моего изгнанія; но я долженъ присовокупить съ сожалѣніемъ, что, не видя болѣе ни Бертрана, ни Монтолона, я ничего не знаю о томъ, что̀ дѣлается въ Лонгвудѣ.

Я спросилъ губернатора, каково здоровье Бонапарта, что̀ онъ сказалъ объ ахенскомъ протоколѣ, печаленъ-ли онъ, или покоряется своей судьбѣ, и т. д.

«Могу только засвидѣтельствовать вамъ, что онъ существуетъ» отвѣчалъ онъ мнѣ.

Въ городѣ увѣряютъ, что Французы въ отчаяніи и безпрестанно повторяютъ: «Императора Александра обманули лживыми донесеніями, подложными письмами и документами, чтобы имѣть предлогъ лишить насъ всякихъ сообщеній съ остальнымъ міромъ. Англичане, пользуясь апатіею и невниманіемъ коммиссаровъ Австріи и Франціи и временнымъ отсутствіемъ русскаго коммиссара, навязали союзнымъ государямъ все, что̀ хотѣли, все, что̀ могло оправдать ихъ варварскій, преступный образъ дѣйствій. Не было ни заговора, ни политической переписки. Мы хотимъ, чтобы насъ объ этомъ допросили» и т. д.

Мнѣ слѣдовало бы теперь бывать въ Лонгвудѣ, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ. Мнѣ бы тамъ сообщили множество подробностей, относящихся ко всѣмъ этимъ фактамъ, которыя послужили бы къ ихъ разъясненію. Кромѣ того, я знаю, что меня тамъ ждутъ, что Французы утромъ и вечеромъ стерегутъ меня на гуляньи, и что Бонапартъ, несмотря на то, что̀ было рѣшено на его счетъ на ахенскомъ конгрессѣ, все еще хорошо расположенъ ко мнѣ. Но я не имѣя возможности пользоваться выгодами моего положенія, не становясь на ножи съ сэромъ Гудсономъ Лоу, и держусь по возможности спокойнымъ и въ сторонѣ.

15.

S-te Hélène ce 1-er juillet 1819 n. st.— Par Lady Campbell de la Comp-e des Indes, Capt. Marquis.

Monsieur le Comte.

Ce matin la Comtesse Montholon est partie pour l'Angleterre à bord du «Lady Campbell» de la Comp. des Indes, Capt. Marquis. Son obstruction au foie est tellement invéterée qu'elle est devenu incurable. Le mercure même n'a pu la dissoudre. Peut-etre que le climat d'Europe et les eaux sulfureuses apporteront quelque soulagement à sa maladie. C'est une femme d'esprit et de tête, extrêmement aimable et qui m'a été d'une grande ressource à S-te Hélène. Je fait là une perte irréparable. Son mari est resté auprès de Bonaparte.

V. E. trouvera ci-jointe, en copie, une note que Sir Hudson Lowe vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées pour leur annoncer le départ de M-me de Montholon. Il n'y pas du tout question de sa maladie.

Св. Елена, 1-го іюля, 1819 н. ст., съ Леди Камбель, Остъ-Индской комп., капит. Маркизъ.

Графъ.

Нынче утромъ, графиня Монтолонъ уѣхала въ Англію на бортѣ «Леди Кампбелль», Остъ-индской компаніи, кап. Маркизъ. Ея завалы въ печени до того застарѣли, что стали неизлѣчимыми. Самый каломель не имѣлъ на нихъ дѣйствія. Быть можетъ, европейскій климатъ и сѣрныя воды принесутъ нѣкоторое облегченіе ея болѣзни. Это женщина умная и дѣльная, чрезвычайно любезная, и была для меня большимъ

утѣшеніемъ на Св. Еленѣ. Это для меня невознаградимая потеря. Мужъ ея остался при Бонапартѣ.

В. С. найдете при семъ приложенную въ копіи записку, разосланную сэромъ Гудсономъ Лоу коммиссарамъ союзныхъ державъ, чтобы извѣстить ихъ объ отъѣздѣ г-жи Монтолонъ. Въ ней не сказано ни слова о ея болѣзни.

16.

S-te Hélène ce 20 juillet 1819 n. st.—Par le Phaeton, frégate. Capt. Dilon.

Monsieur le Comte.

Le Capt. Nicholls, officier d'ordonnance à Longwood, continue à voir Bonaparte tous les matins aux fenêtres ou sur la terrasse de sa prison. On n'a aucune nouvelle de son état de santé, ni de ce qu'il fait, encore moins de ses éspérances et projets actuels. Ces jours derniers, étant plus gai que de coutume, il envoya son portrait enrichi de pierreries à M-me Bertrand et une chaine d'or à la fille de cette dernière, à la jeune C-sse Hortense.

Mes relations personnelles avec Sir Hudson Lowe sont très satisfaisantes. L'adjudant-général et lieutenant de police Sir Thomas Reade a été dangereusement malade d'une obstruction au foie. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 20 іюля 1819 н. ст., съ фрегатомъ Фаэтономъ, капит. Дилонъ.

Графъ.

Г. Никольсъ, ординарецъ въ Лонгвудѣ, продолжаетъ видѣть Бонапарта всякое утро у оконъ или на терассѣ его тюрьмы. Нѣтъ никакихъ извѣстій ни о состояніи его здоровья, ни о томъ, что̀ онъ дѣлаетъ, еще менѣе о его настоящихъ надеждахъ и планахъ. На дняхъ, будучи веселѣе обыкновеннаго, онъ послалъ свой портретъ, осыпанный каменьями, г-жѣ Бертранъ и золотую цѣпь дочери этой послѣдней, молодой графинѣ Гортензіи.

Мои личныя отношенія къ сэру Гудсону Лоу весьма удовлетворительны. Генералъ-адъютантъ и полиціймейстеръ сэръ Томасъ Ридъ былъ тяжело боленъ заваломъ въ печени. Честь имѣю быть и т. д.

17.

S-te Hélène ce 5 août 1819 n. st.—Par le Redpole brig, Capt. Evance.

Monsieur le Comte.

Je puis enfin avoir l'honneur d'annoncer à V. E. que Bonaparte commence à faire de l'exercice. Tous les jours depuis le 20 du mois passé, il se promène à grands pas autour de sa maison et descend même quelquefois dans la valée de Deadwood, qui en est éloignée d'un quart de lieu. On assure qu'il a bon visage et se porte à merveille.

Le 1-er de ce mois, les 7 à 800 ouvriers Chinois, entretenus ici par la Comp-e des Indes, ayant pris querelle entre eux pour une affaire de secte, un point indécis de doctrine ou de morale, se livrèrent une sangiante bataille près de Plantation-House. Formés en trois ou quatre masses de 100 et 150 hommes, armés de bambous, de lances, de couteaux etc. ils fondirent les uns sur les autres avec un acharnement épouvantable. L'armée de Confucius jetait des cris affreux et donna l'alarme au poste de Highknoll. Au lieu d'envoyer contre elle une forte patrouille de vieux dragons anglais, qui l'eut dispersée en un instant, on lui opposa des tirailleurs de S-te Hélène, la plus part ivres, jeunes gens impatients d'en venir aux mains et qui sans attendre le commandement de personne canardèrent ces pauvres Chinois de tous les côtés. Il y en eut deux ou trois de

tués et plusieurs de blessés, le reste se débanda, et l'ordre fut rétabli. Si la suite de cet accident tragi-comique présente quelques détails intéressants, je ne manquerai pas de les communiquer au Ministère Impérial. Le gouverneur a desapprouvé la conduite de son infanterie dans cette occasion. Elle sera jugée aux premières assises.

P. S. Votre E. trouvera ci-joint l'extrait d' une lettre particulière que le Capt. de Gors, aide-camp du Marquis de Montchenu, écrit aujourd'hui à M-r de Rayneval, pour lui donner, avec quelqu'étendue, une idée juste de la position des commissaires étrangers à l'île de S-te Hélène. M-r de Montchenu laisse ignorer à sa cour tous ces détails. Il y a neuf mois, malgré l'ordre positif, chiffré du Duc de Richelieu, qu'il n'a mis le pied à Longwood.

Св. Елена, 5-го авг. 1819 н. ст., съ бригомъ Редполь, капитаномъ Эвансъ.

Графъ.

Наконецъ имѣю честь донести В—му С—ству, что Бонапартъ начинаетъ дѣлать моціонъ. Каждый день, начиная съ 20-го прошлаго мѣсяца, онъ прохаживается большими шагами около своего дома и даже спускается иногда въ Дидвудскую долину, отстоящую отъ него на четверть мили. Увѣряютъ, что лицо у него свѣжее, и что онъ совершенно здоровъ.

1-го числа нынѣшняго мѣсяца семь или восемьсотъ Китайскихъ рабочихъ, содержимыхъ здѣсь Остъ-Индскою компаніею, поссорившись изъ-за религіознаго вопроса, изъ-за темнаго пункта въ своемъ нравственномъ или догматическомъ ученіи, вступили въ кровавый бой около Плантешенъ-гоуза. Выстроившись въ три или четыре массы въ 100 или 150 человѣкъ каждая, вооруженные бамбуками, копьями, ножами и т. д., они кинулись другъ на друга съ ужасною яростію. Армія Конфуція испускала страшные крики и произвела тревогу въ Гайпольскомъ постѣ. Вмѣсто того, чтобы послать противъ нихъ сильный патруль старыхъ англійскихъ драгуновъ, который разсѣялъ бы ихъ въ одно мгновеніе, имъ противупоставили здѣшнихъ стрѣлковъ, по большей части пьяныхъ молодыхъ людей, которые, не ожидая приказанія, поспѣшили вступить въ бой и со всѣхъ сторонъ напали на бѣдныхъ Китайцевъ. Двое или трое изъ нихъ были убиты и многіе ранены; остальные разсыпались, и порядокъ возстановился. Если послѣдствія этого траги-комическаго случая представятъ какія-либо интересныя черты, не премину сообщить ихъ императорскому министерству.

Губернаторъ не одобрилъ, въ этомъ случаѣ, поведенія своей пѣхоты. Дѣло это будетъ судиться при первыхъ ассизахъ.

P. S. В—е С—ство найдете при семъ извлеченіе изъ частнаго письма, которое капитанъ де-Горсъ, адъютантъ маркиза Моншеню, отправляетъ сегодня г-ну Рейневалю, чтобы съ нѣкоторыми подробностями объяснить ему положеніе иностранныхъ коммиссаровъ на островѣ Св. Елены. Г. Моншеню не доводитъ всѣхъ этихъ подробностей до свѣдѣнія своего двора. Вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ, вопреки положительному шифрованному приказанію герцога Ришелье, нога его не была въ Лонгвудѣ.

18.

S-te Hélène ce 8 août 1819 n. st.—Par le Redpole brig. Capt. Evance.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe vient de m'envoyer une relation assez étendue et sans doute fort exacte de l'affaire des Chinois de S-te Helène.—V. E. la trouvera ci-jointe en original

Celle que j'ai faite était fondée sur les bruits, les on-dit de la ville de S-te James et sur ce que m'avaient appris à cet égard les officiers de la garnison. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 8 авг. 1819, н. ст., съ бригомъ Редполь, капитаномъ Эвансъ.

Графъ.

Сэръ Гудсонъ Лоу сейчасъ прислалъ мнѣ пространную и конечно весьма точную реляцію о дѣлѣ Китайцевъ. В—е С—ство найдете ее при семъ приложенную въ оригиналѣ. Та, которую я прислалъ Вамъ, была основана на городскихъ слухахъ, и на томъ, что сказали мнѣ объ этомъ дѣлѣ гарнизонные офицеры.

Честь имѣю быть, и т. д.

19.

S-te Hélène ce 16 août 1819 n. st.—Par le Golconde vaisseau marchand. Capt. Edwards.

Monsieur le Comte.

Le 14 de ce mois, l'officier d'ordonnance s'étant approché, comme de coutume, de la fenêtre du pavillion de Longwood pour s' assurer matériellement de l'existance de Bonaparte,—celui-ci, qui depuis une heure était au bain, en sortit tout-à-coup avec dépit et colère et se montra *in naturalibus* au Capt. Nicholls. Je n'ai pas d'autre nouvelle à mander au Ministère Impérial.

Св. Елена, 16 авг. 1819, н. ст., съ купеч. корабл. Гольконденю, капит. Эдварсъ.

Графъ.

14-го этого мѣсяца, ординарецъ подошелъ, по обыкновенію, къ окну Лонгвудскаго павильона, чтобы удостовѣриться собственными глазами въ существованіи Бонапарта. Этотъ послѣдній, который уже часъ сидѣлъ въ ваннѣ, вдругъ съ гнѣвомъ и досадою выскочилъ изъ нея и показался in naturalibus капитану Никольсу. Иныхъ извѣстій императорскому министерству сообщить не имѣю.

20.

S-te Hélène ce 25 août 1819 n. st.—Par le Lady Kenneday transport. Capt Johnson.

Monsieur le Comte.

Depuis environ quinze jours, Bonaparte a discontinué ses promenades, ne parait plus aux fenêtres de son pavillon et fait des difficultés pour se montrer à l'officier d'ordonnance. Le gouverneur, que le 42-eme protocole du congrès d'Aix la Chapeile parait avoir un peu calmé et mis de bonne humeur, évite de l'inquiéter là dessus.—On sait qu'il est à Longwood, on l'entend parler, chanter, se remuer dans sa chambre de billard, et cela suffit. La certitude morale équivaut à l'evidence.

Je viens d'apprendre, et le fait est certain,—qu'au mois de février ou mars dernier, voulant faire passer en Europe une simple lettre, à l'insu des autorités anglaises, il offrit 600 liv. sterg de récompense à un capitaine de vaisseau marchand, qui refusa de s'en charger.

Les tirailleurs du bataillon de l'île, livrés à la justice civile, lors de l'émeute des Chinois, ont été jugés aux dernières assises et déclarés à l'unanimité non coupables de meurtre volontaire. On les a remis en liberté.

Le chirurgien Stokoe a été renvoyé à S-te Hélène par les Lords de l'Amirauté pour y etre jugé sur dix chefs d'accusation. Il y est arrivé le 21 de ce mois à bord de «l'Abondance», storship de la marine Royale. On procède maintenant à l'instruction de son procès. Dès qu'il sera terminé, je ne manquerai pas d'en faire mon rapport au M. Imp

Св. Елена, 25 авг. 1819, н. ст., съ траспортомъ Леди Кеннеди. капит. Доняжонъ.

Графъ.

Уже около двухъ недѣль, Бонапартъ прекратилъ свои прогулки, не является болѣе у оконъ своего павильона и дѣлаетъ затрудненія, чтобы показываться ординарцу. Губернаторъ, котораго сорокъ второй протоколъ Ахенскаго конгресса, повидимому, успокоилъ и привелъ въ хорошее расположеніе духа, избѣгаетъ тревожить его на этотъ счетъ. Знаютъ, что онъ въ Лонгвудѣ, слышатъ, какъ онъ говоритъ, поетъ, ходитъ по своей билліардной, и этого достаточно. Нравственное убѣжденіе равносильно очевидности.

Я только-что узналъ, совершенно достовѣрно, что въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ, желая переслать въ Европу простое письмо, помимо англійскихъ властей, онъ предложилъ 600 ф. стерл. капитану купеческаго корабля, который отказался отъ этого порученія.

Стрѣлки здѣшняго баталіона, преданные гражданскому суду, по поводу схватки съ Китайцами, были судимы при послѣднихъ ассизахъ, и единогласно признаны невинными въ умышленномъ убійствѣ. Имъ возвращена свобода.

Хирургъ Стоко присланъ обратно въ Св. Елену лордами адмиралтейства, чтобы быть судимымъ здѣсь по десяти обвинительнымъ пунктамъ. Онъ прибылъ сюда на бортѣ «Абонданса», корабля королевскаго флота. По его процессу теперь производится слѣдствіе. Какъ только оно будетъ окончено, не премину донести о немъ императорскому министерству.

21.

S-te Hélène ce 2 septembre 1819 n. st.—Par le Hyena storship de la Marine Royale.

Monsieur le Comte.

J'ai l'honneur d'informer V. E. que le chirurgien Stokoe a été jugé ce matin, à bord du vaisseau amiral, par un conseil de guerre, qui était composé de M-rs Stanful Capt. du «Conqueror», Président Wauuhope Capt. de «l'Eurydice», Rennie Capt. du «Tus» Plumridge Capt du «Sapho» et Sir William Wiseman Capt. de la «Sophie»—juges.

V. E. trouvera ci-joint, en copie, l'acte d'accusation porté contre lui, tel que les Lords de l'Amirauté l'ont envoyé au Capt. Stanful.

Après quatre séances, les témoins entendus et une longue délibération, ce conseil de guerre a declaré á l'unanimité le chirurgien Stokoe coupable des faits qu'on lui impute, l'a condamné à être *dismissed*, mais l'a recommandé, en considération de ses anciens services, à la demi-paie de chirurgien de la Marine Royale.—Les autorités de l'ile, pour effrayer les habitants, qui seraient tentés d'imiter M-r Stokoe, ont fait grand bruit de cette affaire. Nous étions intimément convaincus que l'accusé révélerait tous les secrets de Longwood et serait pendu ou tout au moins deporté à Botany-Bay.—Personne, malgré ses vives instances, n'a voulu être son avocat. Il s'est défendu lui même et avec assez d'adresse et de présence d'esprit; il a avoué des fautes d'insubordination et a fait entrevoir qu'il avait peut être été la dupe, mais non le complice des ennemis de Plantation-House; il a ému de compassion ses juges, l'auditoire et n'est aujourd'hui, dans l'opinion général, qu'un homme faible, imprudent et malheureux. Ainsi, la montagne a enfanté une souris.

On ignore à S-te Hélène pourquoi le chirurgien O'Meara, que Sir Hudson Lowe dit être un grand coupable, n'a pas été traduit egalement ou devant ses juges naturels à bord du «Conqueror», ou devant un tribunal extraordinaire à Londres.

C'est l'amiral Plampin, qui m'a communiqué l'acte d'accusation. J'ai cru devoir encourager cette disposition heureuse, nouvelle, extraordinaire à la confiance, et je lui ai écrit ce qui suit:

«J'ai l'honneur de vous accuser réception de votre lettre d'aujourd'hui, et je ne manquerai pas d'envoyer au Ministère Impérial, par la plus prochaine occasion, l'acte d'accusation, qui y était joint en copie. Veuillez en recevoir tous mes remerciements et être bien persuadé que je suis sensible, au delà de toute expression, à cette marque de confiance.—Les communications que me font ici les autorités anglaises sont toujours les mieux reçues à S-t Pétersbourg et celles que je transmets avec le plus d'exactitude et d'empressement». J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 2 сент. 1819 н. ст., съ Гіенною, кораблемъ королевскаго флота.

Графъ.

Честь имѣю извѣстить В—е С—ство, что хирургъ Стоко судился нынче утромъ, на бортѣ адмиральскаго корабля, военнымъ судомъ, составленнымъ изъ гг. Станфеля капитана «Конкерора», президента Вангона капитана «Евридики», Ренни капитана «Тиса», Пломриджа капитана «Сафо» и сэра Вилльяма Вайземана капитана «Софіи»—судей. В—е С—во найдете при семъ, въ копіи, обвинительный актъ, составленный противъ него, въ томъ видѣ, въ какомъ лорды адмиралтейства прислали его капитану Станфелю.

Послѣ четырехъ засѣданій, по выслушаніи свидѣтелей и длинномъ совѣщаніи, военный совѣтъ единогласно объявилъ хирурга Стоко виноватымъ въ возводимыхъ на него проступкахъ, приговорилъ его къ увольненію, но, принявъ въ соображеніе его прежнія заслуги, представилъ его къ половинному жалованію хирурга королевскаго флота. Здѣшнія власти, чтобы напугать обывателей, которымъ вздумалось-бы подражать г-ну Стоко, надѣлали много шуму изъ за этого дѣла. Мы были вполнѣ убѣждены, что обвиненный раскроетъ всѣ тайны Лонгвуда, и будетъ повѣшенъ, или, по крайней мѣрѣ, сосланъ въ Ботани-Бей. Никто, несмотря на его настоятельныя просьбы, не захотѣлъ быть его защитникомъ. Онъ защищался самъ, не безъ ловкости и присутствія духа; онъ сознался въ проступкахъ противъ субординаціи, и далъ почувствовать, что онъ, быть можетъ, былъ орудіемъ, но отнюдь не сообщникомъ враговъ Плантешенъ-гоуза; онъ возбудилъ состраданіе судей и слушателей, и въ глазахъ общественнаго мнѣнія, остался человѣкомъ слабымъ, неосторожнымъ и несчастнымъ. И такъ гора родила мышь.

На св. Еленѣ не знаютъ, почему хирургъ О'Меара, который, по словамъ сэра Гудсона Лоу, великій преступникъ, не былъ также привлеченъ передъ своихъ естественныхъ судей, на бортѣ Конкерора, или передъ чрезвычайное судилище въ Лондонѣ.

Обвинительный актъ былъ сообщенъ мнѣ адмираломъ Пламненомъ. Я счелъ долгомъ поощрить это счастливое, новое, необычайное расположеніе къ довѣрію, и написалъ ему слѣдующее:

«Честь имѣю извѣстить васъ о полученіи вашего сегодняшняго письма, и не премину послать императорскому министерству, при первомъ случаѣ, приложенный при немъ въ копіи обвинительный актъ. Примите выраженія искренней моей благодарности, и будьте

увѣрены, что я невыразимо тронутъ этимъ знакомъ довѣрія. Сообщенія, получаемыя мною здѣсь отъ англійскихъ властей, всѣхъ лучше бываютъ приняты въ Петербургѣ, и я передаю ихъ съ особенною тщательностію и усердіемъ».

Честь имѣю быть, и т. д.

22.

S-te Hélène ce 10 septembre 1819 n. st. Par le Hyena storship de la Marine Royale.

Monsieur le Comte.

Le gouverneur de S-te Hélène vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées une note que je m'empresse d'envoyer ci-jointe, en copie, au Ministère Impérial ainsi que ma réponse.

J'ai lu, dans un libelle anonyme, intitulé: *Faits relatifs au traitement de Napoléon Bonaparte à S-te Hélène*, — qui vient de paraitre, l'article suivant:

«Le même esprit d'arrogance mélangée de mépris que Bonaparte déployait étant Empereur s'est manifesté chez lui envers les commissaires, envoyés à S-te Hélène par les différentes puissances du Continent. Les idées qu'il entretenait à leur égard s'accordaient fort peu avec celles qu'ils s'étaient formées de leur pouvoir et de leur importance, car ils ne se considéraient rien moins que comme des ambassadeurs de leurs cours respectives. La présence de ces commissaires à S-te Hélène ne semble pas le moins du monde utile» etc. etc.

Il parait que l'auteur des *Faits relatifs* est un employé du Ministère des colonies à l'Ile de France. A son passage à S-te Hélène, il était sous le poids d'une accusation grave et se rendait en Angleterre pour y subir un jugement. C'est, à ce qu'il parait, un homme d'esprit et un improvisateur, qui pour obtenir sa grace, publia tous ces mensonges. — Voilà ce qu'on en dit à Londres et à S-te Hélène. J'ai l'honneur d'être etc.

Св. Елена, 10 сент. 1819 н. ст., съ Гіеною, кораблемъ королевскаго флота.

Графъ.

Губернаторъ св. Елены только что разослалъ коммиссарамъ союзныхъ державъ оффиціальную записку, которую спѣшу доставить при семъ, въ копіи, императорскому министерству.

Я прочелъ въ только что вышедшемъ безъименномъ памфлетѣ, подъ заглавіемъ *Факты, относящіеся до обращенія съ Наполеономъ Бонапартомъ на св. Еленѣ*, слѣдующія строки:

«Тотъ-же духъ притязательности и презрѣнія къ людямъ, которымъ отличался Бонапартъ, когда былъ императоромъ, обнаружился въ немъ относительно коммиссаровъ, посланныхъ на св. Елену отдѣльными континентальными державами. Мысли его на ихъ счетъ весьма мало согласовались съ тѣмъ понятіемъ, которое они составили себѣ о своей власти и своемъ значеніи: ибо они почитали себя не менѣе, какъ посланниками своихъ дворовъ. Присутствіе этихъ коммиссаровъ на св. Еленѣ кажется намъ совершенно безполезнымъ,» и т. д.

Авторъ «Фактовъ», повидимому, есть чиновникъ министерства колоній на Иль-де-Франсѣ. Въ проѣздъ свой черезъ св. Елену, онъ находился подъ тяжкимъ обвиненіемъ, и ѣхалъ въ Англію, чтобы подвергнуться суду. Это, повидимому, ловкій человѣкъ и импровизаторъ, который печатаетъ всѣ эти небылицы, чтобы заслужить прощеніе. Вотъ что̀ говорятъ объ этомъ въ Лондонѣ и на св. Еленѣ.

Честь имѣю быть, и т. д.

23.

S-te Hélène ce 22 septembre 1819 n. st. Par la Coquette, batiment marchand. Capt. Moore.

Monsieur le Comte.

Il y a environ six semaines que Bonaparte ne fait plus d'exercice et qu'il n'a même pas passé le seuil de sa porte; mais en revanche, depuis la condamnation du chirurgien Stokoe, il se montre tous les jours à l'officier d'ordonnance, en paraissant aux fenêtres du pavillon de Longwood.

Le «Snipe», transport, Capt Swain, parti d'Angleterre le 9 juillet dernier est arrivé à S-te Hélène le 20 de ce mois. Il avait à son bord M-rs Buonavita et Vignole, prêtres, M-r Antomarchi, chirurgien; les nommés Cursor, maitre d'hôtel et Chandelier, cuisinier,—tous destinés au service de Bonaparte. Ces individus, en lui donnant quelques nouvelles éparses, insignifiantes d'Europe, adouciront ses ennuis pendant un certain temps, et si le père Buonavita, qu'on asssure être un saint personnage, parvient à le dégouter des grandeurs de ce monde et à l'en détacher entièrement et à tout jamais, il sera celui des cinq, qui lui aura été le plus utile.

Св. Елена, 22 сент. 1819, н. ст., съ Кокеткою, торговымъ судномъ, капит. Муръ.

Графъ.

Вотъ уже около шести недѣль, какъ Бонапартъ не дѣлаетъ болѣе моціона, и даже не переступаетъ порога своего дома; но за то, со времени приговора надъ хирургомъ Стоко. онъ ежедневно показывается ординарцу, являясь у оконъ Лонгвудскаго павильона.

Транспортъ «Снайпъ», кап. Суайнъ, отплывшій изъ Англіи 9 іюля, прибылъ въ Св. Елену 20 сего мѣсяца. На бортѣ его находились гг. Буонавита и Виньоль, священники, г. Антомарки, хирургъ, мэтръ-d' отель Кюрсоръ и поваръ Шанделье, всѣ присланные для того, чтобы находиться при Бонапартѣ. Эти люди, сообщая ему безсвязныя, маловажныя извѣстія изъ Европы, на первыхъ порахъ будутъ услаждать его скуку, и если отецъ Буонавита, который слыветъ святымъ человѣкомъ, съумѣетъ отвратить его отъ земнаго величія и навсегда отвязать отъ него помыслы, объ ономъ, то онъ, изъ пяти, принесетъ ему наибольшую пользу.

24.

S-te Hélène ce 1-r octobre 1819 n. st.—Par l'Eurydice frégate. Capt Wanchope.

Monsieur le Comte.

Avant-hier, 29 de ce mois, il y a eu à Deadwood une course de chevaux. Les habitants et la garnison de l'ile s'y rendirent en foule de tous les cotés. Le gouverneur et sa famille l'honorèrent de sa présence, et j'y ai vu également la suite maussade et attérrée de Bonaparte. Son chirurgien Antomarchi, s'empressa de faire ma connaissance. C'est un Corse fin et délié qui, je crois, donnera bientôt de l'embarras aux Anglais. Il m'assura que l'Empereur Napoléon, son Illustrissime Patient, avait un engagement au foie, déjà tout formé et que le climat de S-te Hélène le tuerait.

M-me Bertrand me dit qu'elle comptait retourner en Europe au mois de mars prochain; que l'ennui, la mélancolie, des spasmes et des maux de nerfs avaient abimé sa santé, que tous les Dimanches de bonne heure le père Buonavita dirait la Messe chez l'Empereur, qu'à midi le père Vignole la dirait chez elle. Elle me pria d'assister régulièrement à l'une et à l'autre.

M-r de Montholon, que Bonaparte envoie ordinairement aux commissaires des Puissan-

ces Alliées, me demanda si j'avais des nouvelles de mon successeur. «Aucune», lui répondis-je. «Quoi, s'écria-t-il, vous ignorez que vous êtes remplacé, que vous êtes mal dans l'esprit de votre Ministère et bien dans celui de votre Souverain?» — «Fable,n'en croyez rien», repartis-je brusquement. «Voici, reprit-il, ce que j'ai ordre de vous communiquer. *Si vous voyez le C-te de Balmain à la course de Deadwood,* m'a dit l'Empereur ce matin et en propres termes, *prévenez le de ma part, que son successeur se trouvait à Paris le 26 juillet dernier, que c'est un officier-général, recommandable par ses services et ses bonnes qualités, que cet officier-général, en parlant du C-te de Balmain dans les cercles de Paris, a déclaré positivement que ses querelles avec les autorités de S-te Hélène avaient nécessité son rappel, que le C-te de Nesselrode ou plutôt le Cabinet de S-t Pétersbourg désapprouvait sa conduite, mais que la Cour Impériale en était satisfaite interieurement et que l'Europe entière y avait reconnu ce principe invariable des Russes et de tout homme d'honneur: «Generosité et délicatesse envers un ennemi vaincu». Dites lui que l'Empereur Alexandre me conserve une amitié et des sentiments personnels, qui sont et seront toujours indépendants de sa marche politique. Remerciez le de l'intérêt qu'il a pris à ma santé. Je suis un captif, hors d'état de le servir, de lui prouver ma reconnaissance. Je ne puis que le perdre, qu'il m'abandonne à tout jamais et tâche de bien vivre avec mon assassin.*

Sir Hudson Lowe, à qui j'ai rendu mot pour mot ce discours de M-r de Montholon, en a été saisi d'etonnement et le croit fabriqué à dessein; qu'il a pour but soit d'entamer une nouvelle intrigue, soit de me tendre un piége.—Je ne suis pas de son avis.

Св. Елена, 1 окт. 1819, н. ст., съ фрегатомъ Еврherdикою, кап. Ванчопъ.

Графъ.

Третьяго дни, 29 сентября, въ Дидвудѣ была скачка. Обыватели и гарнизонъ острова толпою собрались на нее. Губернаторъ и его семейство почтили ее своимъ присутствіемъ, и я видѣлъ тутъ-же жалкую и запуганную свиту Бонапарта. Его хирургъ, Антомархи, поспѣшилъ со мною познакомиться. Это ловкій и тонкій Корсиканецъ, который, полагаю я, скоро введетъ Англичанъ въ затрудненія. Онъ увѣрялъ меня, что у императора Наполеона, его «знаменитѣйшаго паціента», уже вполнѣ развился завалъ въ печени, и что климатъ Св. Елены убьетъ его.

Г-жа Бертранъ сказала мнѣ, что она намѣрена вернуться въ Европу въ будущемъ мартѣ, что скука, тоска, спазмы и нервныя боли потрясли ея здоровье, что каждое воскресенье, рано утромъ, отецъ Буонавита будетъ служить обѣдню у императора, а въ полдень отецъ Виньоль у нея. Она просила меня присутствовать правильно при той и при другой.

Г. Монтолонъ, котораго Бонапартъ обыкновенно посылаетъ къ коммиссарамъ союзныхъ державъ, спросилъ меня, имѣю ли я свѣдѣнія о своемъ преемникѣ.

— Никакихъ, отвѣчалъ я ему.

— Какъ! воскликнулъ онъ, вы не знаете, что вы замѣщены, что вы на дурномъ счету у вашего министра, и на хорошемъ у вашего государя?

— Басни, не вѣрьте! отвѣчалъ я сухо.

— Вотъ, продолжалъ онъ, что приказано мнѣ передать вамъ. «*Если вы увидите графа Бальмена на дидвудской скачкѣ*», сказалъ мнѣ императоръ, и я передаю вамъ собственныя его выраженія, *то предъупредите его отъ меня, что преем-*

никъ его находился въ Парижѣ прошлаго 26 іюля, что онъ штабъ-офицеръ, уважаемый по своимъ заслугамъ и хорошимъ качествамъ; этотъ штабъ-офицеръ, говоря о графѣ Бальменѣ въ парижскихъ кружкахъ, объявилъ положительно, что ссоры его съ властями Св. Елены вынудили его отозваніе; что графъ Нессельроде, или точнѣе Петербургскій кабинетъ, не одобряетъ его поведенія, но что императорскій дворъ имъ внутренно доволенъ, и что вся Европа признала въ немъ приложеніе неизмѣннаго правила Русскихъ и всѣхъ честныхъ людей: «Великодушіе и деликатность относительно побѣжденнаго врага». Скажите ему, что императоръ Александръ сохраняетъ ко мнѣ лично дружелюбныя чувства, которыя независимы и всегда останутся независимыми отъ хода его политики. Поблагодарите его за участіе, принятое имъ въ моемъ здоровьи. Я узникъ и не могу быть ему полезнымъ, не могу доказать ему моей благодарности. Могу только погубить его. Пусть онъ разъ навсегда покинетъ меня, и постарается жить въ ладахъ съ моимъ убійцею».

Сэръ Гудсонъ Лоу, которому я передалъ отъ слова до слова эту рѣчь г-на Монтолона, былъ сю пораженъ, и полагаетъ, что она придумана нарочно, что цѣль ея—либо завязать новую интригу, либо поставить мнѣ ловушку. Я съ нимъ не согласенъ.

25.

S-te Hélène ce 25 octobre 1819 n. st. — Par le Conway sloop de guerre. Capt. Barnard.

Monsieur le Comte.

Depuis la clôture du congrès d'Aix la Chapelle, les affaires de Longwood ont pris une marche régulière et vont, comme celles de l'Europe, paisiblement. Bonaparte est moins agité. Parfois, quand il a de l'humeur ou du chagrin, il s'enferme entre quatre murs, et refuse de se montrer à l'officier d'ordonnance; mais on ne s'inquiète plus de ces inégalités, et elles disparaissent. On ne voit du reste aucun plan, aucun but dans sa conduite actuelle. Ses discussions avec Sir Hudson Lowe ont entièrement cessé. M-me Bertrand a demandé et obtenu la permission de voir un peu de société. Les pères Buonavita et Vignole exhortent les Français à l'union, à la patience, à la pratique de bonnes oeuvres. Ils ont déjà marié trois domestiques qui vivaient dans le concubinage.

Tout annonce la fin des intrigues, des bourrasques, tout fait prévoir à S-te Hélène un état de choses tel que peuvent le désirer les Puissances de l'Europe. Néanmoins, il serait téméraire à moi de répondre de l'avenir, et il est bien possible que cette résignation et ce calme apparent ne durent pas toujours.

Св. Елена. 25 окт. 1819 н. ст., съ военною шлюпкою Конвей, капит. Барнаръ.

Графъ.

Со времени закрытія Ахенскаго конгресса, дѣла въ Лонгвудѣ приняли правильный ходъ, и, какъ дѣла въ Европѣ, идутъ мирно. Бонапартъ менѣе волнуется. Иногда, когда онъ не въ духѣ или огорченъ, онъ запирается между четырьмя стѣнами и не хочетъ показываться ординарцу; но этими неровностями перестали тревожиться, и онѣ сглаживаются. Впрочемъ, въ его теперешнемъ поведеніи не видно никакого плана, никакой цѣли. Его пререканія съ сэромъ Гудсономъ Лоу совершенно прекратились. Г-жа Бертранъ испросила себѣ позволеніе видѣть не много общества. Отцы Буонавита и Виньоль проповѣдуютъ Французамъ согласіе, терпѣніе, прилежаніе къ добрымъ дѣ-

ламъ. Они уже женили троихъ служителей, которые имѣли незаконныя связи.

Все предвѣщаетъ конецъ интригъ и вспышекъ, все заставляетъ предвидѣть на св. Еленѣ такой порядокъ вещей, какого только могутъ желать европейскія державы. Тѣмъ не менѣе, съ моей стороны было-бы слишкомъ смѣлымъ ручаться за будущее, и весьма возможно, что эта видимая покорность и тишина установились не на всегда.

26.

S-te Hélène ce 5 novembre 1819 n. st.—Par le Conway, sloop de guerre. Capt. Barnard.

Monsieur le Comte.

Sir Hudson Lowe vient de me communiquer un document officiel relatif aux restrictions imposées à Longwood le 9 octobre 1816. Il assure que les Français dans leurs observations sur le discours de Mylord Bathurst à la Chambre des Pairs le 18 mars 1817 l'ont dérobé à la connaissance du public. C'est ce qui m'a décidé à le transmettre ci-inclus, en copie, au Ministère Impérial.

L'equinoxe du printemps nous a ramené les dyssenteries, les obstructions au foie, les fièvres inflammatoires. Le grand hôpital de la ville est rempli de malades du 20-me régiment d'infanterie. On n'a aucune nouvelle de la santé de Napoléon,—de temps à autre il se promène devant sa porte en habit de chasse. J'ai l'honneur d'être etc

Св. Елена. 5 ноября 1819 н. ст., съ военною шлюпкою Конвей, капит. Барнаръ.

Графъ.

Сэръ Гудсонъ Лоу только что сообщилъ мнѣ оффиціяльный документъ, относящійся къ ограниченіямъ, наложеннымъ на свободу Лонгвудскихъ жителей 9-го октября 1816 года. Онъ увѣряетъ, что Французы, въ своихъ замѣчаніяхъ на рѣчь лорда Батурса въ палатѣ лордовъ, отъ 18-го марта 1817 года, скрыли этотъ документъ отъ публики. Это и побуждаетъ меня передать его при семъ, въ копіи, императорскому министерству.

Съ весеннимъ равноденствіемъ къ намъ вернулись повальныя болѣзни, завалы въ печени, воспалительныя лихорадки. Большая городская больница наполнена больными изъ 20-го пѣхотнаго полка. Нѣтъ никакихъ извѣстій о здоровьи Наполеона. Отъ времени до времени, онъ прогуливается передъ своею дверью въ охотничьемъ платьѣ.

Честь имѣю быть, и т. д.

27.

S-te Hélène ce 26 novembre 1819 n. st.—Par le Lord Collingwood, bâtiment marchand. Capt. Parkin.

Monsieur le Comte.

Le nombre des malades, surtout parmis les soldats du 20-me régim. d'inf., augmente tous les jours. On en peut compter 20 par compagnie de 60 hommes. C'est une éspèce d'épidémie qui nous est survenue tout à coup et qui affecte principallement le foie ou l'abdomen. L'amiral a fait transporter tous les convalescents de son escadre sur une haute montagne; l'air y étant vif, contribue à les rétablir. Le Capt. de Gors, aide de camp du commissaire de France et d'Autriche, a été très dangereusement malade d'une fièvre de bile. Je souffre moi même, depuis environ cinq semaines d'une forte extension de foie qui me dessèche et m'affaiblit considérablement.

On assure que Bonaparte se porte à merveille. Il vient de convertir sa salle à manger en chapelle. Peut-être un jour donnera-t-il dans la dévotion!

Il commence à s'établir entre moi et les autorités de l'île des rapports de confiance

et d'amitié que je m'efforce de cultiver par tous les moyens imaginables.

Св. Елена. 26 ноября 1819 н. ст., съ купеч. судномъ Лордъ Коливгвудъ, капит. Паркинъ.

Графъ.

Число больныхъ, въ особенности между солдатами 20-то пѣхотнаго полка, ежедневно увеличивается. Можно ихъ считать 20 на роту въ 60 человѣкъ. Это родъ повѣтрія, вдругъ настигнувшаго насъ и поражающаго въ особенности печень и желудокъ. Адмиралъ велѣлъ перенести всѣхъ выздоравливающихъ съ своей эскадры на высокую гору, гдѣ чистый воздухъ способствуетъ возстановленію силъ. Капитанъ де-Горсъ, адъютантъ коммиссаровъ французскаго и австрійскаго, былъ опасно боленъ жолчною лихорадкою. Я самъ вотъ уже пять недѣль страдаю сильнымъ расширеніемъ печени, которое значительно истощаетъ и ослабляетъ меня.

Увѣряютъ, что Бонапартъ совершенно здоровъ. Онъ на дняхъ превратилъ свою столовую въ часовню. Ужъ не склонится-ли онъ къ набожности?

Между мною и властями острова начинаютъ устанавливаться искреннія и дружескія отношенія, которыя я всѣми средствами стараюсь поддерживать.

28.

S-te Hélène ce 1-er décembre 1819 n. st.— Par l'Ellergill bâtiment marchand. Capt. Potton.

Monsieur le Comte.

Ce matin le C-te Montholon a dit à Sir Hudson Lowe que la santé de l'Empereur Napoléon se retablissait à vue d'oeil, que déjà ses forces étaient revenues et qu'il se déciderait peut-être à faire de l'exercice à cheval. Depuis quelques jours, il s'occupe beaucoup de jardinage et y fait travailler hommes, femmes, toute sa suite et jusqu'au vieux père Buonavita.

Lord Charles Sommerset, gouverneur du Cap de Bonne Espérance, est attendu à S-te Hélène vers la fin de ce mois. Il se rend en congé à Londres à bord du «Sapho», brig, Capt. Plumridge.

Св. Елена. 1-го дек. 1819 н. ст., съ купеч. судномъ Еллергиль, капит. Поттонъ.

Графъ.

Нынче утромъ, гр. Монтолонъ сказалъ сэру Гудсону Лоу, что здоровье императора Наполеона видимо поправляется, что его силы уже возстановились, и что онъ, быть можетъ, рѣшится ѣздить верхомъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ очень занятъ своимъ садомъ, и заставляетъ работать въ немъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей—всю свою свиту, не исключая стараго отца Буонавиты.

Къ концу этого мѣсяца, ожидаютъ сюда лорда Чэрльса Соммерсета, губернатора Мыса Доброй Надежды. Онъ ѣдетъ въ отпускъ въ Лондонъ на бригѣ «Сафо», капитанъ Пломриджъ.

1820 ГОДЪ

1.

S-te Hélène le 10 janvier 1820 n. st. — Par l'Aurora, bâtiment marchand. Capt. Earl.

Monsieur le Comte.

Je n'ai rien d'intéressant ni de nouveau à mander au Ministère Impérial. Les affaires de Bonaparte sont toujours au même point. Il mène une vie tranquille, parait jouir d'une parfaite santé et ne s'occupe que de son jardin. Il y fait planter de gros arbres, semer des fleurs et les arrose lui même à la vue de tout le monde.

En conformité d'un ordre de Mylord Bathurst, Sir Hudson Lowe a agrandi la seconde enceinte de Longwood. Il y a ajouté, du côté de Plantation-House, une promenade fort agréable de 7 à 8 milles anglaises et vient d'adresser aux commissaires des Puissances Alliées, pour leur faire part de ce nouvelle arrangement, le Memorandum que V. E. trouvéra ci-joint en original.

Les fièvres et autres maladies inflammatoires continuent à faire de grands ravages parmis la garnison.

Св. Елена, 10 янв. 1820, н. ст., съ купеч. судномъ Аврора, кап. Ерль.

Графъ.

Не имѣю сообщить императорскому министерству ничего интереснаго или новаго. Дѣла Бонапарта все въ томъ же положеніи. Онъ ведетъ жизнь тихую, повидимому, совершенно здоровъ, и занятъ только своимъ садомъ. Онъ велѣлъ посадить въ немъ большія деревья, посѣять цвѣты, и самъ поливаетъ ихъ на виду у всѣхъ.

Согласно съ приказаніемъ лорда Батурса, сэръ Гудсонъ Лоу расширилъ наружную ограду Лонгвуда. Онъ включилъ въ нее, со стороны Плантешенъ-гоуза, очень пріятную прогулку въ 7 или 8 англійскихъ миль, и только-что разослалъ коммиссарамъ союзныхъ державъ, чтобы извѣстить ихъ объ этомъ распоряженіи, меморандумъ, который В—е С—ство найдете при семъ въ оригиналѣ.

Лихорадки и прочія воспалительныя болѣзни продолжаютъ производить въ гарнизонѣ большія опустошенія.

2.

S-te Hélène ce 28 janvier 1820 n. st.—Par le Sapho brig. Capt. Plumridge.

Monsieur le Comte.

Le 17 de ce mois j'ai rencontré le C-te et la C-sse Bertrand se promenant en calèche à quatre chevaux sur la grande route de Longwood. Ils m'ont dit en passant que Bonaparte se retablissait à vue d'oeil, qu'il s'adonnait entièrement au jardinage et était satisfait de la conduite actuelle de Sir Hudson Lowe. Depuis quatre à cinq jours il s'amuse à tirer sur les poules et autres animaux, qui entrent dans son jardin, et avant hier, il a tué la chèvre favorite de M-me Bertrand, croyant tuer celle de l'officier d'ordonnance.

Lord Charles Somerset, gouverneur du Cap. de Bonne Espérance, est arrivé à S-te Hélène le 25 de ce mois. Il a eu recours à M-r de Montholon pour voir Bonaparte qui n'a fait aucune réponse à sa demande. Ce matin S. S. s'est remise en mer de fort mauvaise humeur.

Св. Елена, 1820, 28 янв., н. ст., съ бригомъ Сафо, капит. Пломриджъ.

Графъ.

17-го этого мѣсяца, я встрѣтилъ графа и графиню Бертранъ, прогуливающихся въ коляскѣ четверней по большой Лонгвудской дорогѣ. Они сказали мнѣ мимоѣздомъ, что здоровье Бонапарта видимо поправляется, что онъ совершенно предался садоводству, и что онъ доволенъ теперешнимъ поведеніемъ сэра Гудсона Лоу.

Вотъ уже четыре или пять дней, какъ онъ забавляется тѣмъ, что стрѣляетъ по курамъ и другимъ животнымъ, заходящимъ въ его садъ. Третьяго дня, онъ убилъ любимую козу г-жи Бертранъ, принявъ ее за козу ординарца.

Лордъ Чэрльсъ Соммерсетъ, губернаторъ Мыса Доброй Надежды, прибылъ въ Св. Елену 25-го этого мѣсяца. Онъ обращался къ г. Монтолону, чтобы увидѣть Бонапарта, который не далъ никакого отвѣта на его просьбу. Нынче утромъ, его свѣт-

лость пустился въ море въ весьма дурномъ расположеніи духа.

Честь имѣю быть, и т. д.

3.

S-te Hélène ce 10 fevrier 1820 n. st.—Par le Mathilda de la Comp-e des Indes. Capt. Hamilton.

Monsieur le Comte.

Bonaparte se porte bien. Il est de fort bonne humeur et ne s'occupe que de son jardin,—c'est tout ce qu'on en dit.

Je comptais, à l'entrée de l'été, recommencer mes courses à Longwood pour m'assurer encore mieux de ce qui s'y passe, mais depuis environ trois mois, je suis toujours malade. Je m'affaiblie extrêmement et ne bouge presque pas de la ville.

Le Capt. Nicholls du 66-me régim. d'inf., ayant demandé et obtenu la permission de retourner à Londres, est rempacé comme officier d'ordonnance par le Capt. Lutyens du 20-me régim. d'inf.

Св. Елена, 10 февр. 1820, н. ст., съ Матильдою, Остъ-Инд. комп., капит. Гамильтонъ.

Графъ.

Бонапартъ здоровъ. Онъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и занятъ только своимъ садомъ — это все, что про него слышно. Я намѣревался, съ наступленіемъ лѣта, возобновить мои поѣздки въ Лонгвудъ, чтобы еще лучше удостовѣриться въ томъ, что тамъ происходитъ, но вотъ уже три мѣсяца, какъ я постоянно боленъ. Я очень слабѣю и почти не оставляю города.

Капитанъ Никольсъ, 66-го пѣхотнаго полка, испросилъ себѣ позволеніе возвратиться въ Лондонъ, и его замѣстилъ, въ качествѣ ординарца, капитанъ Лютьенсъ, 20-го пѣхотнаго полка.

4.

S-te Hélène ce 18 fevrier 1820 n. st. — Par le Lowther-Castle de la Comp-e des Indes, Capt. Mortlock.

Monsieur le Comte.

Le sang coule à Longwood. Bonaparte vient d'acheter un troupeau de chèvres et il en fait un horrible carnage. Il s'amuse à les tirer à balle l'un après l'autre. C'est aujourd'hui son plaisir favori.

Du reste, il est en paix avec les Anglais et se porte à merveille. Les Français attribuent sa guérison, presque miraculeuse, à la grande habileté du chirurgien Antomarchi.

Св. Елена, 18 февр. 1820 н. ст., съ Лотеръ-Кастлемъ, Остъ-Инд. компаніи, капит. Мортлокъ.

Графъ.

Кровь льется въ Лонгвудѣ. Бонапартъ купилъ себѣ стадо козъ, и производитъ въ немъ страшныя опустошенія. Онъ забавляется тѣмъ, что застрѣливаетъ ихъ пулями, одну за другою. Это теперь его любимое удовольствіе.

Впрочемъ, онъ ладитъ съ Англичанами и совершенно здоровъ. Французы приписываютъ его почти чудесное исцѣленіе необычайному искусству доктора Антомарки.

5.

S-te Hélène ce 27 fevrier 1820 n. st.—Par la Rose de la Comp-e des Indes. Capt. Faggert.

Monsieur le Comte.

Le choléra-morbus, maladie de bile des plus aigues, fait en ce moment de terribles ravages à l'Ile de France. Déjà plusieurs personnes en sont mortes au Cap de Bonne Espérance et même à S-te Hélène. L'approche de ce fleau du Ciel donne de vives inquiétudes à Sir Hudson Lowe. Pour en préserver notre petite colonie, il a soumis tous les vaisseaux venant des Indes à l'inspection de M-r Ar-

nott, médecin du 20-me régim. d'inf. V. E. trouvera ci-joint un réglement sanitaire, qu' il vient en outre de publier.

Bonaparte se porte bien et travaille constamment à son jardin.

Св. Елена, 27 февр. 1820 н. ст., съ Розою, Остъ-Инд. комп., кап. Фаггертъ.

Графъ.

Холера-морбусъ, весьма острая жолчная болѣзнь, въ настоящее время производитъ страшныя опустошенія на Иль-де-Франсѣ. Уже многія лица умерли отъ нея на Мысѣ Доброй Надежды и даже на Св. Еленѣ. Приближеніе этого бича Божьяго приводитъ сэра Гудсона Лоу въ сильное безпокойство. Чтобы оградить отъ него нашу маленькую колонію, онъ подчинилъ всѣ корабли, приходящіе изъ Индіи, осмотру г. Арнотомъ, врачомъ 20 пѣхотнаго полка. Ваше Сіятельство найдете при семъ предохранительныя правила, недавно имъ обнародованныя.

Бонапартъ здоровъ и постоянно трудится надъ своимъ садомъ.

6.

S-te Hélène ce 6 mars 1820 n. st.—Par le Loyal Briton, transport. Capt. Plunket.

Monsieur le Comte.

Ces jours passés, Bonaparte a ressenti quelque douleur à l'estomac ou aux entrailles, ce qui l'a empeché de sortir. Depuis hier il va mieux et a fait ce matin une visite à M-me Bertrand.

Le 20-me régim. d'inf. va remplacer à Deadwood le 66-me qui sera cantonné en ville et aux environs de Plantation-House.

Св. Елена, 6 марта 1820 н. ст., съ транспортомъ Лойаль Бритонъ, кап. Плюнкетъ.

Графъ.

На этихъ дняхъ Бонапартъ ощущалъ нѣкоторую боль въ желудкѣ и кишкахъ, что мѣшало ему выходить. Со вчерашняго дня ему лучше и онъ нынче утромъ сдѣлалъ визитъ г-жѣ Бертранъ.

20-й пѣхотный полкъ замѣнитъ въ Дидвудѣ 66-й, который будетъ переведенъ въ городъ и въ окрестности Плантешенъ-гоуза.

7.

S-te Hélène ce 10 mars 1817 n. st.—Par le Waterloo de la Comp-e des Indes. Capt Meager.

Monsieur le Comte.

J'ai reçu le 7 de ce mois la lettre que V. E. m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 12 septembre 1819.

Conformément à l'ordre gracieux et bienveillant de S. M. l'Empereur notre Auguste Maitre, je quitterai, dès que j'en aurai la possibilité, mon triste et orageux poste de S-te Hélène pour me rendre à S-t Pétersbourg. Le grand nombre des vaisseaux de la Comp-e des Indes, qui ne sont pas chargés de troupes, de malades et d'individus de toute espéce, a déjà passé; mais on en attend cinq ou six vers le milieu de la saison, entr'autres le «Bombay», le «Bertfordshire», le «William Pitt», dont je connais bien les capitaines et qui offrent un passage convenable à tous les égards. Le moment de mon départ depend uniquement de celui de leur arrivée. — Jusque là je continuerai à adresser des rapports au Ministère Impérial.

Св. Елена, 10 марта 1820 н. ст., съ Ватерлоо, Остъ-Индской комп., капит. Межеръ.

Графъ.

Я получилъ, 7-го сего мѣсяца, письмо, коимъ почтили меня В—е С—ство, отъ 12 сентября 1819 года.

Согласно съ милостивымъ приказаніемъ Государя Императора, моего Августѣйшаго Повелителя, я оставлю, какъ только на то представится возможность, печальный и бур-

ный постъ мой на св. Еленѣ, чтобы вернуться въ Петербургъ. Большая часть кораблей Остъ-Индской компаніи, не переполненныхъ войсками, больными и всякимъ сбродомъ, уже проѣхала, но ихъ ожидается еще пять или шесть около середины сезона, между прочимъ «Бомбей», «Бертфордшайръ» и «Вилльямъ Питтъ», капитаны которыхъ мнѣ хорошо знакомы и которые всѣ располагаютъ приличнымъ помѣщеніемъ. Время моего отъѣзда зависитъ единственно отъ времени ихъ прибытія. До тѣхъ поръ буду продолжать мои донесенія императорскому министерству.

8.

S-te Hélène ce 18 avril 1820 n. st.—Par le Lloyds, transport, Capt. Pherson.

Monsieur le Comte.

Tout est parfaitement tranquille et en bon ordre à Longwood. Bonaparte fait beaucoup d'exercice dans son jardin. Il a le teint frais, l'air gai et gaillard. C'est un autre homme tout-à fait. Le C-te Montholon et M-me Bertrand m'ont assuré cependant qu'il se ressentait encore de son mal chronique hépatique et prenait souvent du mercure, mais que, grace aux soins assidus de M-r Antomarchi, ce mal n'était plus dangereux

Св. Елена, 18 апр. 1820 н. ст., съ транспортомъ Лойдъ, капит. Персонъ.

Графъ.

Въ Лонгвудѣ спокойствіе и совершенный порядокъ. Бонапартъ дѣлаетъ много моціона въ своемъ саду. Цвѣтъ лица у него свѣжій, видъ здоровый и бодрый. Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Графъ Монтолонъ и г-жа Бертранъ увѣряютъ меня, что онъ еще чувствуетъ послѣдствія своей хронической болѣзни въ печени и часто принимаетъ каломель, но, что, благодаря усерднымъ стараніямъ г. Антомарки, эта болѣзнь перестала быть опасною.

Читатели Р. Архива (см. 1868 стр. 466), помнятъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1820 г. графъ де-Бальменъ отправился въ Петербургъ, откуда въ слѣдующемъ году долженъ былъ снова ѣхать на островъ св. Елены, но кончина Наполеона (5 мая 1821) сдѣлала эту поѣздку ненужною. Не знаемъ, когда именно, т. е. на островѣ св. Елены или позднѣе въ Лондонѣ, женился онъ на падчерицѣ Сира Гудсонъ-Лоу.—Мы напечатали (кромѣ депешъ, не содержащихъ въ себѣ ничего замѣчательнаго) все что было намъ доставлено сыномъ его, въ копіяхъ съ сохранившихся у него черновыхъ подлинниковъ. Для болѣе точнаго изданія слѣдуетъ обратиться къ бѣловымъ депешамъ, которыя должны храниться въ Архивахъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда было бы полезно извлечь и письма графа Нессельрода къ гр. де-Бальмену. Кромѣ того, слѣдовало бы сопоставить депеши графа де-Бальмена съ Записками Лазъ-Каза, Монтолона, Бертрана, Анто-Марки и съ любопытными показаніями самаго Гудсонъ-Лоу. Все это давно издано во Франціи и Англіи; но донесенія Гудсонъ-Лоу своему правительству, равно какъ и депеши приставовъ Австрійскаго и Французскаго, до сихъ поръ составляютъ государственную или вѣрнѣе архивную тайну. П. Б.

АВТОБІОГРАФІЯ ГРАФА С. П. РУМЯНЦОВА.

Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, младшій сынъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго и братъ государственнаго канцлера, принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ людямъ своего вѣка и по образованію многостороннему, и по благотворности побужденій и дѣйствій. Оба брата были пламенными патріотами и всею общественною своею дѣятельностью оправдывали то изреченіе, которое красуется на изданныхъ канцлеромъ Румянцовымъ книгахъ (этихъ краеугольныхъ камняхъ русской исторіографіи): *Non solum armis*, т. е. дѣйствовать не однимъ оружіемъ. Графы Румянцовы одушевлялись мыслію плодотворною и до нашихъ дней не утратившею обязательной силы своей, мыслію о томъ, что прославленная успѣхами воинскими Россія должна стремиться къ таковымъ же успѣхамъ въ области самопознанія и гражданскаго совершенствованія. Графъ С. П. Румянцовъ раздѣляетъ съ братомъ и другомъ своимъ, государственнымъ канцлеромъ, честь учрежденія Румянцевскаго музея, этого многоцѣннаго ученаго и художественнаго собранія, стоившаго несмѣтныхъ издержекъ и предоставленнаго имъ въ общественную собственность *на благое просвѣщеніе*. Россія не должна забыть графа С. П. Румянцова, ибо онъ первый не только заботился объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и дѣятельно подвинулъ къ разрѣшенію этотъ великій вопросъ русской исторіи, отпуская на волю собственныхъ крестьянъ и будучи главнымъ двигателемъ въ образованіи такъ называемыхъ вольныхъ хлѣбопашцевъ (1803). О личныхъ его качествахъ достаточно сказать, что Карамзинъ дорожилъ его дружбою и находилъ особенное удовольствіе въ его просвѣщенной бесѣдѣ. Съ обширною начитанностью, съ многосторонними познаніями въ исторіи и словесности всѣхъ вѣковъ и народовъ, онъ соединялъ свѣдѣнія математическія и въ то же время писалъ стихи по-французски и по-русски. До 83 лѣтъ возраста сохранялъ онъ бодрость ума и свѣжесть воображенія, и понятно, что послѣ такой дѣятельной жизни должны были остаться вмѣстѣ съ доброю памятью и слѣды письменные. По счастію, бумаги графа С. П. Румянцова перешли въ надежныя руки и не погибли отъ равнодушія наслѣдниковъ, какъ сплошь и рядомъ бываетъ. Онѣ достались его родственнику Николаю Адріяновичу Дивову, который, съ истинно-просвѣщенною заботливостью, разобралъ ихъ, передалъ часть этихъ бумагъ покойному Государю Николаю Павловичу, а все что касалось лично до обоихъ графовъ Н. и П. Румянцовыхъ привелъ въ порядокъ и сохранилъ бережно. По убѣжденію Н. А. Дивова, гр. Румянцовъ не задолго до кончины своей (1838) началъ описывать собственную жизнь. Къ сожалѣнію, автобіографія эта, нижепомѣщаемая, доведена только до 1786 года. Впрочемъ черты дальнѣйшей его жизни будутъ видны изъ разныхъ бумагъ, которыя мы располагаемъ въ порядкѣ времени, связывая ихъ дошедшими до насъ свѣдѣніями.

П. Б.

1755.

Родился графъ 17 марта сего года въ селѣ Стряпковѣ, лежащемъ нынѣ во Владимірской губ. Юрьевскаго уѣзда, данномъ въ приданое покойной его матери [1]). При семъ случаѣ замѣтить должно, что рожденіе сіе послѣдовало одиннадцать мѣсяцевъ послѣ рожденія государ. канцлера [2]), и что день сей замѣчателенъ въ самомъ народѣ по теченію съ горъ воды: слѣдственно оживленіе натуры. Также въ это же самое время сдѣлалось домашнее примиреніе по случаю раздѣла съ графинею Марьею Андреевною [3]), о чемъ здѣсь и вносится ея собственное письмо [4]).

То, что́ графъ помнитъ о своемъ ребячествѣ, есть, что онъ въ Петербургѣ былъ при кончинѣ Елисаветы Петровны [5]); потомъ воспитывался въ Москвѣ; а когда гр. П. А [6]). назначенъ былъ въ Малороссію на мѣсто Гетмана, то и графиня съ дѣтьми туда же отъѣхала. Въ это время воспитаніе графа было весьма въ плохомъ состояніи, да и присмотръ былъ такой слабый, что если бы оно продолжилось, то весьма бы худыхъ слѣдствій ожидать бы должно было. Граф. Екатерина Михайловна возвратилась съ дѣтьми въ Москву, и тутъ пеклась уже по возможности о усовершенствованіи ихъ воспитанія. Совсѣмъ тѣмъ было оно довольно плохо. Почему гр. С. П. можетъ сказать, что онъ самъ пріобрѣлъ по охотѣ своей къ познаніямъ то, чего французскіе тогдашніе учителя доставить ему не могли.

1771.

Въ семъ г. оказалась въ Москвѣ язва, и въ самое то время графъ занемогъ корью. Докторъ, который его лѣчилъ, былъ изъ числа тѣхъ, кои болѣзнь сію язвою признать не соглашались, и графъ помнитъ, что при посѣщеніяхъ своихъ они то утверждали; чѣмъ и подвергался самъ графъ довольной опасности. Наконецъ, когда получилъ онъ уже облегченіе, и въ Москвѣ болѣзнь умножаться стала: то графиня съ нимъ переѣхала въ село Аксиньино, въ десяти верстахъ отъ Москвы. Тутъ узнали о возмущеніи въ Москвѣ, убіеніи архіерея и учрежденіи по Петербургской дорогѣ карантина. Графиня рѣшилась ѣхать въ Петербургъ и прожила нѣсколько дней близь Клина, у Ивана Григор. Наумова. Потомъ, выдержавъ карантинъ въ Твери, прибыла въ Петербургъ.

1772.

Во время отсутствія кн. Орлова, Государыня избрала Васильчикова и въ тотъ самый день, въ который былъ произведенъ онъ въ камергеры, то графъ Н. П. и гр.

---

1) Мать графа С. П. Румянцова, гр. Екатерина Михаиловна, род. 25 сент. 1723, ум. 22 авг. 1779 (родная тетка жены Суворова) была дочь фельдмаршала кн. Михаила Михаиловича Голицина старшаго отъ втораго брака его съ княжн. Татьяной Борисовной Куракиной. Она принадлежала къ важнѣйшей знати, между тѣмъ какъ супругъ ея былъ человѣкъ новаго происхожденія.

2) Т. е. графа Николая Петровича Румянцева, (1754–1826).

3) Румянцевою, бабкою графа Сергѣя Петровича.

4) Вотъ это письмо:

« Невѣстушка, радость моя, здравствуй и съ ребятишками. Радуюсь, что всѣ наши хлопоты уже окончились безъ постороннихъ людей. Таперича будемъ жить такъ, какъ и прежде жили; а особливо ставлю: щастливъ Сережа, что онъ миръ съ собою принесъ, и для того онъ еще мнѣ милѣе. Поцѣлуй ихъ, свѣтъ мой, отъ меня. Мать ваша г. Марья Румянцева». С.-Петербургъ. Апрѣля 18 ч. 1755». Изъ за чего была ссора, намъ неизвѣстно.

5) Т. е. 25 декабря 1761.

6) Графъ Петръ Александровичь Румянцевъ назначенъ управлять Малороссіею на мѣсто графа Разумовскаго въ началѣ 1765.

С. П. произведены также въ камеръ-юнкеры.

1773.

Въ семъ г. Великій Князь вступилъ въ супружество съ принцессою Дармштадтскою, и гр. К. М. 7) дана была ей въ оберъ-гофмейстерины. Графъ былъ столько счастливъ, что Имп. Екат. полюбя его, открылась тогда г-ну Гримму, что она необыкновеннаго въ немъ человѣка усматриваетъ. Придумала даже она завесть въ Эрмитажѣ забаву письменную, къ которой изъ молодыхъ людей приглашались токмо два г. Р—вы. 8) Дворъ и городъ не оставилъ сего обстоятельства безъ замѣчанія, и графъ Шуваловъ 9), который далѣе, можетъ быть, въ своихъ заключеніяхъ шелъ, нежели прочіе, писалъ графу прекрасные стихи французскіе. Поводомъ къ тому было, что въ стихахъ, которые гр. С. П. самъ сочинялъ, много было мизантропическаго. Должно къ сему прибавить, что стихи сіи, гр. С. П. писанные на фр. языкѣ, были кѣмъ-то переведены по-русски, подъ заглавіемъ Духовный Сумароковъ. Г-нъ Левекъ, сочинитель Рос. Исторіи, былъ тѣмъ обманутъ такъ, что стихи сіи переложилъ онъ прозою, не знавъ отнюдь, что графомъ они сочинены. Баромъ Гриммъ, познакомясь короче съ обоими графами и видя милостивое расположеніе Императрицы къ меньшему, принялъ на себя отвезть ихъ въ Голландію для ученія при Лейденскомъ университетѣ. Оба графа ѣздили въ Молдавію для свиданія съ родителемъ 10) и возвратились въ Петербургъ.

1774.

Отъѣздъ барона Гримма въ чужіе края. Во время сего путешествія, сочинилъ гр. С. П. стихи французскіе, которые столько показались бар. Гримму, что онъ препроводилъ ихъ къ Вольтеру. Въ сочиненіяхъ послѣдняго можно видѣть, съ какимъ удивленіемъ онъ писалъ о томъ къ знакомымъ своимъ въ Парижѣ 11). Проѣзжая чрезъ Лейбцигъ, узнали мы о заключеніи Кайнарджисскаго мира.

1775.

Они пробыли въ университетѣ до 27 сентября и поѣхали въ Парижъ, дабы съ Гриммомъ путешествовать по Италіи. Проѣзжая чрезъ Женеву, видѣли Вольтера весьма уже стараго и лежащаго въ постелѣ. Впрочемъ, имѣлъ онъ также уже подозрѣніе, что бар. Гриммъ не доброхотствовалъ ему по сближенію своему съ Императрицею: слѣдственно мало ему ласки и явилъ; увидя же графа, сказалъ ему: вы, сударь, далеко пойдете.

1776.

Въ Венеціи узнали мы о смерти Великой Княгини 12) и путешествіи Великаго Князя въ Берлинъ. Мы сами также направились на сей городъ, гдѣ мы еще Его Высочество застали и нашли также при немъ покойнаго

---

7) Т. е. графиня Екатерина Михайловна, мать автора.

8) Т. е. два графа Румянцова.

9) Т. е. Графъ Андрей Петровичъ. По его примѣру гр. С. П. Румянцовъ впослѣдствіи тоже отличался опытами во Французской словесности и писалъ такъ называемыя провербы (См. Записки гр. Комаровскаго, XVIII вѣкъ, кн. 1, стр. 335)

10) Тогда шла первая Турецкая война.

11) Вольтеръ писалъ къ г-жѣ Епиналь 8 іюля 1774: «Не знаю гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ графами Румянцовыми: ему слѣдовало бы привезти ихъ въ Женеву; тѣмъ, кои рождены для того, чтобы служить опорою власти неограниченной, не мѣшаетъ взглянуть на республику».

12) Наталіи Алексѣевны.

своего отца. Бракъ Его Высочества совершился въ семъ году, и графиня К. М. принимала принцессу на границѣ.

1777.

Возвратясь въ Петербургъ, нашли они Завадовскаго, теряющаго уже фавёръ и безъ того недолговременный. Зоричъ заступалъ его мѣсто, и въ самое это же время туда же пріѣхалъ король Шведскій. При праздникѣ, ему данномъ на дачѣ Нарышкина [14]) случилось то происшествіе, гдѣ я князю Потемкину далъ почувствовать, что я подчиниться ему не намѣренъ. О семъ доказательство находится въ двухъ письмахъ оригинальныхъ гр. К. М. [13]). Князь П—нъ, сколько ни старался привесть Императрицу на гнѣвъ, она по благорасположенію своему къ г. С. П. всегда смѣялась его этому сердцу.

1778.

Графиня оставила дворъ, поѣхала въ Москву, и графъ С. П. ее туда препровождалъ.

1779.

Возвратился я въ Петербургъ, и въ августѣ получилъ я извѣстіе, что лишился я сей дражайшей для меня матери, лишеніе, которое мнѣ и теперь еще чувствительно. При крестинахъ Великаго Князя Константина, сдѣланъ былъ я камергеромъ.

1780.

Печаль, въ которую я былъ погруженъ, подвигла меня искать утѣшенія въ странствіи. Поѣхалъ я чрезъ Швецію, среди зимы, съ намѣреніемъ даже объѣхать Финской заливъ. Въ Вазѣ переѣхалъ я однакожъ оный по льду, и тѣмъ я до тысячи верстъ сократилъ пути самого труднаго. Описано все это съ подробностію въ письмахъ моихъ къ покойному моему брату. Изъ Стокгольма поѣхалъ я въ Копенгагенъ, гдѣ нашелъ Россійскую эскадру. Адмиралъ Борисовъ взялъ меня на собственный корабль и высадилъ въ Голландіи, откуда я на пакетъ-ботѣ переѣхалъ въ Англію.

1781.

При представленіи моемъ къ королю Англинскому, сей государь, въ простоуміи своемъ, счелъ меня за брата, г-на Ранцова, что̀ бы еще ничего не значило, еслибы сей Ранцовъ, родъ пострѣла, не принужденъ бы былъ уйти изъ Англіи: поелику онъ замѣченъ былъ въ числѣ той черни, которая грабила Сардинскаго посланника домъ, во время возмущенія лорда Гордона. Таковое отъ короля привѣтствіе рѣшило меня сказать нашему посланнику, что хотя я и не замѣчаю тутъ желанія меня оскорбить, однакожъ послѣ этого во дворецъ не поѣду. Между тѣмъ, имѣлъ я многихъ знакомыхъ въ знатныхъ Англичанахъ, и два брата королевскіе, которые съ нимъ были въ ссорѣ по причинѣ своихъ браковъ, меня осыпали ласканіями и всякимъ отличіемъ. Ѣздилъ я съ лордомъ Гербертомъ въ Базъ, гдѣ цѣлительныя воды ему и мнѣ были полезны. На пути пробылъ я нѣсколько дней въ Вильтонѣ, замкѣ отца его, лорда Пемброка. Возвратившись въ Лондонъ, встрѣтилъ я, у Сардинской посланницы, лэди Голдернесъ, которая была близка къ королевѣ; она хотѣла непремѣнно знать причину моего противъ двора поведенія. Когда я ей все сказалъ, то она извиняла короля въ неумышленности и увѣ-

---

[13]) Т. е. матери автора. Писемъ этихъ у насъ не имѣется.

[14]) Извѣстная дача по Петербургской дорогѣ, Александра Александровича Нарышкина, женатаго на теткѣ гр. Румянцовыхъ, см. выше, стр. 195.

ряла меня, что королева крайне о томъ сожалѣетъ и готовится удовлетвореніе мнѣ сдѣлать пріятное. Король былъ тогда въ Виндзорѣ, и по наставленію этой леди поѣхалъ я туда гулять по террассѣ, по которой и ихъ величества вседневно прогуливались. Хотя я и весьма просто былъ одѣтъ и съ чернію сидѣлъ на лавочкѣ, королева, увидѣвъ меня, тотчасъ мужа остановила, и сказала мнѣ, что она съ большимъ сожалѣніемъ не видитъ меня у двора. Чувствуя такое ея къ себѣ милостивое расположеніе, отвѣтствовалъ я, что болѣзнь одна была тому причиною. Готовился я послѣ того, при наступленіи зимы, оказать свою благодарность ея величеству, какъ между тѣмъ, получилъ я извѣстіе, что тетка моя, графиня Брюсова [15]) прибыла въ Спа. Отправился я самъ тотчасъ туда. У сихъ водъ нашелъ я собраніе многихъ значительныхъ особъ Европы. Многія французскія дамы со мною познакомились, и тѣмъ предъуготовилъ я себѣ привѣтствіе въ самомъ Парижѣ. Ѣхавъ во Францію, встрѣтилъ я г-жу А., прекрасную и имѣющую дарованіе разума и таланта. Связь моя съ нею продолжалась во все время моего во Франціи пребыванія. Пріѣдучи въ Парижъ, не судилъ я за нужное представиться королю въ Версали, почитая то за единый обрядъ, который ни къ чему иностранныхъ весть не могъ. Но какъ между тѣмъ извѣстенъ уже я былъ по вышеупомянутымъ письмамъ Вольтера, по знакомству мною сдѣланному съ французскими дамами въ Спа, равно какъ и по пріятелямъ бар. Гримма: то я вмѣстѣ удачно бесѣдовалъ съ отличными философами и съ красавицами. Къ нѣкоторымъ изъ сихъ послѣднихъ даже писалъ я стихи, которые въ Русскомъ производили удивленіе (смотр. собр. моихъ франц. стиховъ). Нѣкоторыя изъ моихъ знакомыхъ дамъ, замѣчая, что при всей моей веселости имѣю я что-то мизантропическое, предложили мнѣ играть съ ними Мольерову піесу. Графиня Діана Полиньякова, гр. Собранъ и г-жа Дандли, дочь славнаго Гельвеціуса, играли въ піесѣ; мужчины были: князь Де Пуа, баронъ Жоку и проч. Когда піеса началась, то графъ д'Артуа въ дверяхъ явился, какъ бы простой зритель; но хозяйка, которая о семъ посѣщеніи была предъувѣдомлена, пригласила его въ залу. Нѣсколько времени послѣ поѣхалъ я на маскарадъ въ оперномъ домѣ. Мужчины тогда ѣзжали безъ платья и безъ масокъ, а женщины всѣ совершенно закутанными. Одна изъ нихъ подошла ко мнѣ, приглашая меня по залѣ прогуляться. Послѣ нѣкоторыхъ веселыхъ словъ спросила она меня, почему она никогда меня не видитъ въ Версалѣ? Вопросъ сей оказалъ уже мнѣ, что не говорю я съ простою женщиною, и что тутъ есть умышленность. Отвѣтствовалъ я, что, видя къ себѣ такое благорасположеніе, не скрою я истинной тому причины. Въ Версалѣ, сказалъ я, находится у швейцаровъ обыкновенно двѣ росписи—большая и маленькая. Не считая попасть въ послѣднюю, не вижу для себя лестнаго быть въ первой. Дама сія разсмѣявшись сказала, что въ маленькую роспись никто не попадаетъ, не бывши въ большой хотя для формы; и что она мнѣ совѣтуетъ представиться королю по обыкновенію; а она уже беретъ на себя ввести меня во всѣ маленькія росписи. Не мудрено было мнѣ тогда же догадаться, что это была сама королева; и я съ чувствомъ живѣйшей благодарности сказалъ, что въ семъ ея наставленію подчинюсь. Когда былъ я представленъ, то, къ удивленію всѣхъ пословъ и знатныхъ присутствующихъ, королева съ отмѣнною веселостію

---

[15]) Графиня Прасковья Александровна Брюсъ.

сказала мнѣ, что она слово свое сдержитъ и сама представитъ меня послѣ обѣда герцогинѣ Полиньякъ, своей любимицѣ, занимающей при дворѣ первое мѣсто. Въ слѣдствіе сего приказанія пошелъ я къ герцогинѣ, гдѣ нашелъ я и королеву съ малымъ избраннымъ обществомъ. Она смѣючись сказала герцогинѣ, что представляетъ ей знакомца, сдѣланнаго ею въ маскарадѣ. Эта герцогиня отличалась не только красотою прелестною, но еще плѣняющею нравственностію. Она вставши сказала мнѣ, что весьма королевѣ обязана по этому случаю, и пригласила меня пріѣзжать и въ тѣ времена, когда королева у ней бываетъ. Потомъ открыты мнѣ были уже и прочіе случаи, гдѣ могъ я невозбранно видѣть ея величество. Все это подало поводъ одному изъ писателей жизни сей несчастной королевы поставить и меня въ числѣ приписываемыхъ ей любовниковъ; однакожь, я здѣсь объявляю, что кромѣ весьма милостиваго съ ея стороны обхожденія, ничего не случалось.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ, г-жа Лавальеръ, красавица своего времени, а тогда уже въ старости бывшая, до того меня полюбила, что звала меня всегда своимъ фаворитомъ, и во всѣхъ случаяхъ старалась доставлять мнѣ знакомыхъ и отличіе.

1782.

Ѣздилъ я вторично въ Спа, послѣ чего возвратился опять въ Парижъ, гдѣ и приготовлялся долго еще пробыть. Пріятная жизнь, которую я тамъ велъ, и отличіе, которымъ во многихъ случаяхъ я пользовался (смотр. переп. бар. Гримма съ граф. Ник. П. и донесенія Маркова изъ Парижа) не позволяли мнѣ и думать о выѣздѣ.

1783.

Но братъ мой Ник. Петр., бывши тогда во Франкфуртѣ [16]), далъ мнѣ знать, что Государыня желаетъ меня употребить, и что сіе сообщено ему такъ, чтобъ онъ то до меня довелъ. Не могъ уже я тогда съ приличностію отговориться, но не безъ печальнаго чувства рѣшился въ Россію возвратиться. Выѣхалъ я изъ Парижа 27 апрѣля; однакожь при свиданіи моемъ съ братомъ ничего болѣе отъ него узнать не могъ, какъ то, что расположенія Императрицы дѣйствительны. Пріѣхалъ я въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Княгиня Дашкова издавала тогда журналъ (Собесѣдникъ), въ которомъ вносились сочиненія Императрицы. Княгиня тотчасъ пригласила меня быть соучастникомъ, давая мнѣ знать, что будетъ то пріятно самой Государынѣ. Не бывъ расположенъ представлять просто сочинителя, рѣшился я завесть посредствомъ сего журнала переписку съ самою Императрицею (сочинительницею Россійск. Исторіи и Былей и Небылицъ). Письмо мое первое, до Россійской исторіи касающееся, было, мнѣ кажется, писано не безъ удачи; но слышалъ я, что Государыня, чувствуя искусное съ моей стороны ласкательство, сказала, что немногіе изъ Русскихъ поймутъ оное и сочтутъ противное. Едва ль сіе заключеніе Императрицы не было справедливо. Иронія, къ которой я прибѣгнулъ, однихъ остроумныхъ удовлетворяетъ. Второе мое сочиненіе, при которомъ я приложилъ отрывокъ до Государя Петра Великаго касающійся, совсѣмъ былъ неудаченъ. Императрица была крайне недовольна и препоручила княгинѣ Дашковой сдѣлать сего моего сочиненія пересмотръ строгій и мнѣ чрезъ журналъ объявить [17]). Впрочемъ имя своего я никогда не

---

[16]) Нашимъ посланникомъ.

[17]) См. Собесѣдникъ 1783, ч. VII, стр. 164—181. Журнальная дѣятельность гр. С. П. Румянцова

ставилъ, такъ тутъ мое лицо не терпѣло. Дядя мой, фельдмарш. кн. Голицынъ, умеръ въ концѣ сего года, и я, не отлучаясь отъ него, имѣлъ тутъ случай познакомиться съ Н. П. Н.

1784.

При всѣхъ обнадеживаніяхъ, мнѣ данныхъ, не усматривалъ я никакого рѣшенія, и принужденъ былъ прибѣгнуть къ просьбѣ къ ускоренію онаго. Между тѣмъ тетка моя, супруга умершаго фельдмаршала, отказала мнѣ 50 т. Принять я ихъ не хотѣлъ и писалъ о томъ къ оберъ-камергеру князю Голицыну, который отвергъ равно мое намѣреніе.

1785.

Еслибы связь сердечная, въ которую я вошелъ, не утѣшала меня достаточно, то я бы весьма негодовалъ на брата, который хотя и невинно, но вывезъ меня изъ Парижа, гдѣ я, такъ сказать, жизнь велъ совсѣмъ необыкновенную.

Въ семъ году рѣшилась наконецъ Императрица наименовать меня посланникомъ къ курфирсту Баварскому. Хотя сей дворъ и привлекалъ тогда вниманіе Европы, признаюсь однакожь, что не счелъ я для себя его столь лестнымъ. Просилъ я Императрицу письмомъ освободить меня отъ онаго назначенія, представляя, что тѣмъ отдаляюсь я отъ отечества на долгое время, проводивъ уже и такъ нѣсколько лѣтъ внѣ онаго. Для подачи сего письма избралъ я секретаря Пастухова, какъ такого, съ которомъ Императрица ни связи со мной, ни происковъ подозрѣвать не могла. Отъ Пастухова отвѣтъ мнѣ былъ сдѣланъ, что Государыня приказала мнѣ объявить, что подданныхъ своихъ употребляетъ она какъ ей угодно и какъ польза Имперіи того требуетъ. Когда желалъ я отъ него слышать, что произошло при подачѣ самаго письма, то онъ ввѣрилъ мнѣ, что Императрица очень разгнѣвалась, письмо мое разодрала и сей отвѣтъ приказала мнѣ сдѣлать; а когда уже онъ изъ комнатъ ея вышелъ, то камердинеръ его воротилъ, и Государыня ему сказала, чтобъ онъ въ письмѣ своемъ никакого такого выраженія не внёсъ, которое бы меня опечалило. Могъ бы я еще продлить нѣсколько сіе свое непріятное положеніе, высматривая случая; однакожь, рѣшился я тотчасъ повиноваться, увѣренъ будучи, что при благоволительныхъ расположеніяхъ Императрицы ничто такъ въ пользу мою не подѣйствуетъ. Просилъ я вице-канцлера представить меня, какъ назначеннаго посланника, для принесенія Государынѣ благодарности; и когда цѣловалъ я руку Императрицы, то она съ улыбкою весьма милостивою и свое удовольствіе изъявила. Графъ Безбородко, зная все, что происходило, сказалъ мнѣ, что причины печалиться я имѣть не долженъ, давая мнѣ знать, что между тѣмъ, какъ я съѣзжу проститься съ отцомъ своимъ, можетъ послѣдовать и перемѣна. Въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь уже въ Петербургъ, получилъ я въ Москвѣ эстафету, извѣщающую меня о назначеніи новомъ — въ Берлинъ. Возвратился я въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

1786.

Мартинисты начали привлекать вниманіе правительства. Императрица сама сочиняла комедіи, дабы ихъ предать поруганію. Съ своей стороны писалъ я къ сочинителю одной изъ сихъ комедій, и Государыня нашла письмо мое заслуживающимъ быть по ея

могла бы быть предметомъ историко-литературнаго разысканія. Въ статьяхъ его много остроумія.

приказанію внесеннымъ въ журналъ (Растущій Виноградъ), что̀ приказала графу Завадовскому [18]). 19 мая поѣхалъ я въ Берлинъ.

Посольство гр. С. П. Румянцова не было удачно. Еще не выѣзжая изъ Петербурга, по живости ума своего, онъ вздумалъ написать къ тогдашнему любимцу Ермолову письмо, въ которомъ разсуждалъ о своемъ назначеніи. Государыня приказала гр. Безбородкѣ выговорить ему, что съ подобными представленіями онъ могъ бы скорѣе обращаться въ иностранную коллегію и что ему пора ѣхать въ Берлинъ (Письмо 11 мая 1786). Въ Пруссіи гр. Румянцовъ еще засталъ въ живыхъ Фридриха Великаго. Съ кончиною его (17 авг. 1786) наши отношенія къ Пруссіи замѣшались, такъ что въ 1788 г. едва не дошло до явной войны. Государыня была недовольна образомъ дѣйствій графа Сергѣя Петровича и въ Августѣ этого года замѣнила его графомъ Нессельродомъ. «Румянцовъ скученъ. Велѣно скорѣе изготовить отравленіе Нессельроду», записалъ Храповицкій подъ 5 числомъ Августа 1788 г. Возвратившись въ Петербургъ, гр. Румянцовъ снова предался удовольствіямъ досужей жизни, сочинялъ проверфы, игралъ на домашнихъ театрахъ, плѣнялъ общество своимъ остроуміемъ. Сильною поддержкою были ему заслуги отца и дружба Государыни съ его теткою А. Н. Нарышкиной. Помѣщаемъ письма его къ отцу изъ Петербурга въ Малороссію, относящіяся къ этому времени.

ПИСЬМА
КЪ ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ ОТЪ СЫНА ЕГО ГРАФА СЕРГІЯ ПЕТРОВИЧА РУМЯНЦОВА.

I.

Милостивый государь батюшка!

Неожиданное пришло вдругъ сюда увѣдомленіе о прибытіи и весьма скоромъ гр. д'Артоа. Государыня, желая оказать ему уваженіе должное, приказала принять его сообразно съ наблюденнымъ въ разсужденіи принца Генриха. Меня назначить изволила къ принятію его на дорогѣ, гдѣ встрѣтить могу. Ѣду я съ провожаніемъ дворцовыхъ экипажей и всего обычайнаго служенія, и пребыть имѣю при его особѣ во все время пребыванія въ томъ же самомъ званіи, въ каковомъ былъ покойный г. Бибиковъ. Для отправленія же при немъ дежурства, назначенъ камергеръ Колычевъ и камеръ-юнкеры г. Шуваловъ и кн. Щербатовъ. Вся коммисія сія не можетъ быть долговременна. Намѣреніе его королевскаго высочества, по донесеніямъ кн. Репнина, объяснившагося съ присланнымъ отъ него, есть пробыть не болѣе какъ дней десять. Государыня изволила сказать мнѣ, что принимаетъ его она съ таковымъ отличіемъ точно только для того, что состояніе нещастное взыскиваетъ самое нѣжное съ достоинствомъ обхожденіе.

Завтрашняго числа отправляюсь я рано; но до Риги нужды ѣхать имѣть конечно не буду. Случай сей неожиданный озаботилъ крутымъ образомъ. Впрочемъ, исполняя къ благоугожденію Самодержицы таковое повелѣніе, надѣюсь, что съ окончаніемъ сего воспріиму должность важнѣе сего, и мнѣ какъ бы уже принадлежащую. Впрочемъ имѣвъ теперь доступъ безпосредственный до Ея Величества, испытываю благоволеніе высочайшее, пріобрѣтеніе котораго было предметъ всѣхъ моихъ подвиговъ.

Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и истинною сыновнею любовію, милостивый государь батюшка, вамъ покорнѣйшій и послушнѣйшій сынъ Сергій Г. Румянцовъ.

Гр. Св. Петра 28 февр. 1792.

[18]) Растущій Виноградъ 1786 г., мѣсяцъ іюль. Статья гр. Румянцова озаглавлена такъ: «Домовая записка о заразѣ новомодной ереси и о средствахъ исцѣляющихъ отъ оной», подъ псевдонимомъ Правдубаевъ.

II.

Увѣдомясь отъ г. Бока, что онъ имѣетъ случай доставить до васъ сіе письмо, пользуюсь онымъ для сообщенія вамъ, милостивый государь батюшка, нѣкоторыхъ обстоятельствъ касательно неожидаемаго и всѣхъ удивившаго Прусскихъ войскъ отступленія. Причины настоящія, какъ оказывается то изъ многаго, суть конечно недостаточность должныхъ мѣръ и неизвѣстность странная истиннаго положенія въ томъ краю дѣлъ; тогда искусство и сила лишь бремя тяжкое, въ разсужденіи отчета, котораго по нимъ любопытствующимъ дать остается.

Дошло уже конечно до васъ, какимъ образомъ всѣмъ этимъ воспользовались Французы. Гарнизоны Эльзацкихъ крѣпостей отрядили войско, которое, начавъ въ Спирѣ истребленіемъ главнаго Австрійскаго магазейна, шли въ передъ, опустошая все до самаго Дармштата. Многіе владѣтели въ семъ краю покинули свои пребыванія, между которыми курфирстъ Майнцкой. Въ самомъ Франкфуртѣ было не безъ страха, и братъ пишетъ ко мнѣ, что болѣе двухъ сутокъ онъ, выдержавъ все дѣйствіе разсѣявшагося трепета, видѣлся наконецъ дѣйствительно принужденнымъ скорѣе пробираться къ соединеннымъ войскамъ; гдѣ же точно сіи теперь и какое ихъ есть настоящее положеніе, о томъ никакихъ истинныхъ нѣтъ извѣстій. Говорятъ о недостаткѣ провіанта, распространеніи болѣзней, о великомъ несогласіи между союзниками и между начальствомъ. Но въ долгихъ сихъ объясненіяхъ видна только самая постыдная неудача.

Осмѣливаюсь почитать, милостивый государь батюшка, что все до моего счастія касающееся не можетъ не быть вамъ пріятно; за удовольствія крайнее ставлю донесть вамъ, что съ нѣкотораго времени Ея Величество благоволенія своего подаетъ мнѣ частные лестные знаки. При всякомъ случаѣ удостоивая меня разговоромъ милостивымъ, является къ употребленію меня въ службѣ благорасположенною. Когда наполнялся Сенатъ, то приказала она меня спросить, не имѣю ли я какого къ тому желанія; отвѣтствовалъ я, милостивый государь батюшка, что желанія всѣ въ повиновеніи, но что родъ службы мнѣ совсѣмъ не извѣстный и отъ настоящихъ моихъ расположеній меня отклоняющій. Такое отраженіе не только ей было не противно, но и по многому, послѣ произшедшему, имѣю я надежду, что, отказавъ важное присутствіе въ Сенатѣ, не останусь я безъ мѣста.

Имѣю честь приносить къ стопамъ вашимъ увѣреніе того глубочайшаго почтенія и истинной сыновней любови, съ которыми до конца пребуду, и проч.

Градъ Св. Петра.
Октября 17-го, 1792.

III.

Сіе есть второе мое письмо безъ нумера. Первое отправлено съ Ираклiемъ Ивановичемъ Марковымъ, но я боюсь, чтобъ онъ нѣсколько не помедлилъ въ Москвѣ. Сіе же, милостивый государь батюшка, дойдетъ до васъ изъ Кіева, гдѣ мнѣ обѣщалъ оставить его въ вѣрныхъ рукахъ отъѣзжающій сего дня бригадиръ Ланской.

Генералъ Бокъ вручилъ мнѣ ваше письмо безъ числа, которое причиною было мнѣ двухъ и сердцу моему чувствительныхъ огорченій: во-первыхъ, м-вый государь б-ка, усматриваю я изъ онаго, что состояніе здоровья вашего претерпѣваетъ отъ ненастливой и безпорядочной погоды; отъ дѣйствія ея здѣсь здоровые и молодые люди претер-

пѣвали же безпрестанно, что и доселѣ продолжается. Ни воздухъ, которымъ дышимъ, ни земля, по которой ходимъ, не въ своемъ естественномъ состояніи. По городу ни ѣздить, ни ходить почти не можно; шубы несносны, а безъ нихъ простуда неминуема.

Второе мнѣ отъ вашего, м. г. б., письма причинившееся огорченіе есть сомнѣніе ваше касательно соблюденія съ моей стороны должнаго и глубочайшаго въ разсужденіи васъ почтенія. Нѣкоторыя изъ моихъ выраженій принять изволили вы за совѣты и примѣчаете справедливо ихъ непристойность. Но, милост. г-рь б-ка, тому ли нужны совѣты, дѣла котораго суть изображеніе самой прозорливости и слѣдствія превышающаго духа? Ласкаясь по общему мнѣнію въ нѣкоторомъ сходствѣ съ вами лица, желалъ бы я, чтобъ сходство въ прочемъ было столько же чувствительно; но мнѣ совѣты нужны, а ваши особенно составляли бы притомъ еще и счастіе моей жизни, ибо служили бы они мнѣ доказательствомъ того милостиваго и нѣжнаго участія, которымъ вы меня удостоиваете. Подайте мнѣ доказательства таковыхъ расположеній чувствомъ удовольственнымъ о счастливомъ премѣненіи моего состоянія: оно столь удивительно симъ удачнымъ обстоятельствомъ, какъ бы нарочно для меня устроенное. Войду я въ нѣкоторое всего этого пространное объясненіе.

Во время пребыванія Ея Величества въ Царскомъ Селѣ, утруждалъ я еще ее просьбою о употребленіи къ дѣламъ. Письмо мое было подано графомъ Зубовымъ, который тогда же сдѣлалъ мнѣ отличіе письменнаго и благосклоннаго отвѣта. Но какъ худое состояніе здоровья моего не позволило мнѣ личныя употребить исканія и что я ни одного раза въ Царскомъ Селѣ не былъ, то я и считалъ, что просьба моя погребена съ многочисленными утрудившихъ равно со мною Ея Величество. По возвращеніи однакожъ Государыни въ городъ, всѣмъ уже явно стало, что расположенія монаршіи были ко мнѣ самыя милостивѣйшія. Ея Величество не только меня завсегда удостоивать изволитъ разговоромъ, но и еще во многихъ случаяхъ лестными выраженіями. Отказъ мѣста сенаторскаго никаковой въ томъ не причинилъ перемѣны; но напротивъ того, Государыня, великодушно вникнувъ причинамъ, изволила вскорѣ потомъ мнѣ сказать при многихъ людяхъ въ образѣ шутки, что на меня угождать трудно.

Таково со мною Ея Величества обхожденіе было ободрительно и заставило уже забывать прошедшія въ разсужденіи меня строгости. Но какое того возмогло бы быть слѣдствіе, изощряло мое и многихъ любопытство безъ всякаго успѣха: произшедшее въ Стокгольмѣ доказало, что намѣреніе Государыни было дѣйствительно наградить отличнѣ мои претерпѣнія. Гр. Стакельбергъ отчасти по нуждѣ обстоятельствъ, а отчасти и по своему поведенію, навлекъ на себя дѣйствительную жалобу; произведена она письмомъ самаго Регента къ Ея Величеству, присланнымъ сюда съ братомъ Шведскаго посла, нарочно затѣмъ пріѣхавшимъ. При прочтеніи онаго, Государыня изволила рѣшительно на отзывъ гр. Стакельберга согласиться и меня министерству своему преемникомъ его объявить, въ томъ же самомъ качествѣ посла. Желанія Ея Величества суть только, чтобъ гр. Стакельберга отзывъ былъ учрежденъ подъ образомъ его собственнаго прошенія, что и остановило публичное мое нарѣченіе. Между тѣмъ Государыня изволила мнѣ самому при всѣхъ сказать, чтобъ я старался брать видъ самый важный, что онъ мнѣ дѣлается необходимо нужнымъ и что она то мнѣ сама пове-

лѣвать изволитъ. Графъ Безбородко, графъ Зубовъ и всѣ въ дѣлахъ имѣющіе участіе меня согласно посломъ величаютъ; но еслибы о томъ уже былъ указъ, то бы еще было вѣрнѣе; хотя дѣло, кажется, сомнѣнію мало подвержено. Извините, м. г. б., если я васъ подробностями сими отягчить осмѣливаюсь. Видя еще изъ послѣдняго письма вашего, что почитаете вы меня какъ бы къ службѣ настоящей неупотребляемымъ, чувствовалъ я нѣкоторое утѣшеніе въ представленіи вамъ, что праздность моя была не столь осудительна, какъ съ перваго можетъ она казаться взгляда. Лучше ожидать отличнаго, нежели хвататься за перво-представляющееся. Впрочемъ не теряю никогда я и то изъ вида, что̀ принадлежать вамъ есть счастіе многое противъ другихъ преимущество дающее. Право мое съ сей стороны ни въ чьихъ мысляхъ несомнительно; но что̀ бы оно было, еслибы тутъ же не считали, что вы еще мнѣ отецъ милостивый и любовію своею удостоивающій: тутъ вся моя важность, превышающая отъ чиновъ или достоинствъ происходящую.

Не извѣстно мнѣ еще, милостивый государь батюшка, когда точно воспослѣдовать можетъ настоящее мое нареченіе. Позвольте мнѣ спросить у васъ, между тѣмъ, не противно ли вамъ будетъ, если я, сколь скоро могу, воспользуюсь счастіемъ пасть къ ногамъ вашимъ.

Будьте увѣрены, что заслуживать милости ваши есть не только естественный предметъ всѣхъ моихъ подвиговъ, но еще и чувствительнѣйшій долгъ моего сердца. Въ утѣшеніи мною у васъ испрашиваемомъ надѣюсь, милост. государь батюшка, что не только мнѣ не откажете, но что къ позволенію прибавить благоволите и милостивѣйшія къ тому ободренія. Повелѣній вашихъ ожидать буду съ горячимъ самымъ нетерпѣніемъ, возлагая надежду, что присутствіе при васъ, сколь краткое бы оно ни было, но подастъ мнѣ случай удостовѣрить васъ, что я выше всего ставлю вашу милость; увѣреніе же съ вашей стороны о существительности ко мнѣ оной есть счастіе и спокойствіе моей жизни.

Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ истинною сыновнею любовію, и проч.

Гр. Св. Петра.
21 февр. 1793.

IV.

Сегодняшняго числа принцесса Баденская восприняла греческій законъ и наречена Елисаветою Алексѣевною. Завтра обрученіе Ея Свѣтлости съ Его Императорскимъ Высочествомъ Александромъ Павловичемъ. Бракъ же, сказываютъ, не далѣе отложиться имѣетъ, какъ до сентября мѣсяца.

Отправленіе сихъ дѣйствій воспричинствовало переселеніе Ея Величества изъ Таврическаго дворца въ Зимній; а послѣ завтра, сказываютъ, Государыня изволитъ отъѣхать на обыкновенное въ Царское Село лѣтнее пребываніе. Нынѣшній годъ не будетъ оно по упомянутымъ причинамъ долговременно, а и впредь таковымъ же, кажется, останется въ разсужденіи удовольствія и выгодъ для Ея Величества пребывать во дворцѣ Таврическомъ. Государыня мнѣ самому изволила сказывать неоднократно, что съ приближеніемъ долгихъ вечеровъ Царское Село становится ей довольно скучнымъ.

Графъ Стакельбергъ, по письмамъ его, долженъ быть уже въ дорогѣ. Пріятнѣе бы было для меня еще, еслибы уже онъ былъ и здѣсь. Нареченіе мое отъ обстоятельства сего зависитъ единственно. Ея Величество, разговаривая со мною, называетъ меня m-r l'ambassadeur, и оказывая иногда отличія, которыя предстоящимъ могутъ по-

казаться необыкновенными, изволитъ часто прибавлять c'est que je le traitte en ambassadeur. Во все здѣсь пребываніе г. Артуазскаго и доселѣ Государыня изволитъ позволять мнѣ доступъ безпосредственный и къ счастію неизреченному испытываю я, милостивый государь батюшка, что благоволеніемъ (кое дѣлаетъ мнѣ много завистниковъ) удостоенъ я безъ всякаго съ чьей-либо стороны предстательства. Донося вамъ о томъ, не заражаюсь единымъ честолюбіемъ, но ищу болѣе дѣлаться милостями столь отличными достойнѣе вашихъ. Безъ нихъ, важнѣйшихъ преимуществъ утратится для меня цѣна.

Какъ скоро гр. Стакельбергъ пріѣдетъ, то и можно будетъ мнѣ узнать настоящее своего отправленія время, а по оному и то, въ которое позволено будетъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ лично чувства того глубочайшаго почтенія и той истинной и горячей сыновней любови, съ коими пребываю до конца. и проч.

Гр. С. Петра.
9 мая, 1793.

V.

На сихъ дняхъ получилъ я повелѣніе явиться въ Царское Село, гдѣ мнѣ гр. Зубовъ отдалъ пакетъ, содержащій знаки Бѣлаго Орла, прибавя, что Государыня позволяетъ мнѣ ихъ на себя возложить. Я тотъ же самый часъ пошелъ прямо къ Ея Величеству въ кабинетъ, такъ какъ я имѣлъ на то позволеніе, и павъ къ ногамъ ея, донесъ, что милость ея мнѣ чувствительна паче тѣмъ обстоятельствомъ, что она мнѣ сдѣлана въ родѣ surprise. Кромѣ Государыни и вѣдавшихъ о письмѣ ея къ послу нашему Сиверсу, ни одинъ человѣкъ о томъ не имѣлъ подозрѣнія. Впрочемъ гр. Зубову сказалъ я, милостивый государь батюшка, что украшенія не входятъ по образу мыслей моихъ въ предметъ моего честолюбія, и что еслибы я не боялся явиться неблагодарнымъ, то бы принялъ смѣлость отъ вручаемаго мнѣ отъ него отказаться. Онъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что даетъ мнѣ орденъ сей Государыня и имѣетъ въ томъ виды, относящіеся къ моему въ Швеціи употребленію. Если назначеніе мое не объявлено, то происходитъ оно отъ нѣкоторыхъ затрудненій, какъ слышу, по дѣламъ въ разсужденіи Французовъ; а тутъ же и графъ Стакельбергъ, употребляя разныя исканія, затрудняетъ оное. Но какъ оно ни есть, милости Ея Величества ко мнѣ не позволяютъ мнѣ опасаться никаковой перемѣны въ худшее.

Приношу къ стопамъ вашимъ увѣренія глубочайшаго почтенія и истинной сыновней любови, съ коими пребываю по конець и проч.

Гр. С. Петра.
9 Іюня, 1793.

VI.

Болѣе уже двухъ мѣсяцевъ, какъ я не имѣю отъ васъ, милостивый государь батюшка, писемъ. Безпокойство мое по сему обстоятельству есть двоякое: сумнѣніе о состояніи вашего здоровья и опасеніе претерпѣвать въ оказаніи вашихъ къ себѣ милостей: и то и другое весьма чувствительное.

Изъ приложенной здѣсь копіи письма ко мнѣ гр. Безбородки, изволите усмотрѣть, милостивый государь батюшка, какія намѣренія были Ея Величества; но какъ тутъ же худое состояніе моего здоровья столь милостиво Государынею было принято въ разсужденіе, то и доставлена была мнѣ тѣмъ свобода, принеся глубочайшую свою за таковое о мнѣ напоминаніе благодар-

ность, отъ онаго порученія невозможностію отказаться. Вслѣдствіе сего камеръ-геръ Дивовъ былъ назначенъ и въ соотвѣтствіи чину присланнаго будетъ, какъ сказываютъ, произведенъ въ тайные совѣтники.

Медвѣдевъ просилъ меня на сихъ дняхъ о письмѣ къ здѣшнему вице-губернатору, къ которому по дѣламъ вашимъ допущеніе было ему нужно. Письмо сіе имѣло скорое и полезное дѣйствіе. Медвѣдевъ самъ будетъ вамъ о томъ, милостивый государь батюшка, доносить. Знаю я только отъ него вообще, что пустошь, по экономіи его нужная, отдана была ему изъ казенной палаты за весьма умѣренную цѣну. Выгоды по сказанію его велики; но тутъ же думаю нужно будетъ предписать крестьянамъ и Медвѣдеву самому—соблюдать осторожность въ разсужденіи злоупотребленія. Но изъ донесенія его вы, милостивый государь батюшка, лучше то усмотрѣть изволите.

Большое удовольствіе производятъ здѣсь извѣстія, изъ арміи приходящія. Движенія сіи, хотя войною звать запрещено, но успѣхи именуются побѣдами; и какъ въ оныхъ соучаствуютъ люди къ сильнымъ принадлежащіе, то и заслуги прославляются. Впрочемъ ліется, кажется, тутъ кровь со стороны Поляковъ безумно: силы ихъ нашихъ конечно не превосходятъ; искусство доселѣ не извѣстно, а подкрѣпленія отъ другихъ державъ рѣшительно безнадежны. Остается власть Божія, на которую упованія съ обѣихъ сторонъ еще можетъ-быть равныя, если съ нашей и не превосходнѣе.

Гр. С. Петра.
17 іюня 1793.

Копія съ письма г. Безбородки.

По случаю надобности отправленія въ Стокгольмъ съ поздравленіемъ новаго короля Шведскаго съ вступленіемъ его на престолъ, въ соотвѣтствіе присылки отъ него генералъ-поручика барона Клингспора, Ея Императорское Величество желала бы назначить ваше сіятельство; но какъ извѣстно ей, что вы были нездоровы, то и указала мнѣ предварительно о томъ съ вами, милостивый государь мой, изъясниться. Прошу поспѣшить отповѣдью вашею, въ состояніи ли вы предпринять сіе путешествіе ко благоугодности Ея Величества. Впрочемъ Государыня щитаетъ, что ежели вамъ дней десять или недѣли двѣ надобно на то, чтобъ оправиться, она дозволяетъ вамъ непрежде какъ по прошествіи сего времени въ путь пуститься.

Іюня.

VII.

Чрезъ нарочнаго, отправляющагося отъ г. Бока, имѣю честь увѣдомлять васъ, милостивый государь батюшка, что 20 числа, то-есть въ прошедшій понедѣльникъ, Государыня изволила меня наименовать чрезвычайнымъ посломъ при Его Шведскомъ величествѣ, оставя въ награжденіе отозванному оттолѣ гр. Стакельбергу продолженіе данной ему аренды и три тысячи жалованья до опредѣленія къ мѣсту. Предмѣстникъ мой имѣлъ, какъ я слышу, надежду отдалить еще нѣсколько мое назначеніе, уповая на покровительство гр. Зубова и г. Моркова, къ нему весьма благосклонныхъ. Но прошедшее воскресеніе Государыня сама изволила лично меня обнадежить, что тому быть необходимо должно, что она однажды уже сказала, прибавя милостиво, что она меня пріучаетъ къ терпѣнію, такъ какъ къ качеству въ политикѣ нужному. Въ тотъ же самый день однакожь указъ написать приказала, а назавтра имѣлъ я счастіе ее благодарить. Донеся вамъ, милостивый государь батюшка, о сихъ подробностяхъ, уповаю, что послужатъ онѣ къ совершенному вамъ удовольствію; тогда прямо въ

благополучіи моемъ недостатка не будетъ. Въ семъ дѣлѣ, которое и по себѣ есть для меня важности особенной, такую чувствовалъ я милость монаршую, что остатокъ дней моихъ посвятиться долженъ на оказаніе могущей соотвѣтствовать тому благодарности.

Хотя я прямо еще не просился, но Ея Величество знаетъ, что намѣреніе мое есть ѣхать немедленно къ вамъ. Итакъ, въ началѣ будущаго мѣсяца, считаю отправиться, имѣя на то уже отъ васъ, милостивый государь батюшка, дозволеніе, и уповаю, что сіе присутствіе мое при васъ послужитъ вамъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ всѣхъ тѣхъ чувствъ моего къ вамъ глубочайшаго почтенія и той горячей любови, которыхъ бы желалъ я подать вамъ ежедневныя доказательства; жалѣть долженъ я только, что пребываніе мое не можетъ быть долговременно.

Вѣнскій дворъ сдѣлалъ нѣкоторыя въ разсужденіи пріобрѣтенія въ Польшѣ покушенія. Хочетъ онъ предварительно завладѣть Краковомъ. Съ симъ пріѣхалъ куріеръ отъ гр. Разумовскаго, который, угождая двору Вѣнскому, послалъ къ Сиверсу куріера, чтобъ наши въ Польшѣ распоряженія на нѣкоторое время остановить. Намѣреніямъ императорскимъ съ нашей стороны положатся преграды, а гр. Разумовскаго къ Сиверсу предложеніе сочтено самою неизвинительнѣйшею непристойностію.

Гр. С. Петра. 23 Іюня, 1793.

VIII.

Гр. Заводовскій вручилъ мнѣ принадлежащія за двѣ прошедшія трети деньги. Въ продолженіи и сего обычайнаго отъ васъ благодѣянія находилъ бы я, милостивый государь батюшка, достаточное утѣшеніе, еслибы оно сопряжено было съ тою милостію, которая всякой вещи даетъ въ глазахъ моихъ высшую цѣну; но при вашихъ ко мнѣ расположеніяхъ пища сама преобращается, такъ сказать, въ отраву. Свидѣтельствуюсь всѣми меня истинно знающими. Съ самаго того времени какъ, при невѣдѣніи причины, терплю я смертельное огорченіе, утрачивается здоровье мое до опасенія преждевременно. Дай Боже, милостивый государь батюшка, чтобъ то, что удѣлиться можетъ отъ моихъ дней, прибавлено бы было къ вашимъ для счастія остающихся у васъ еще дѣтей. Но еслибы въ продолженіи моей жизни подвигло хотя бы васъ сожалѣніе ко участію: то прошу васъ со слезами возвратить милость. Въ ней жизнь моя, какъ въ томъ что доношу истина.

Болѣе шести мѣсяцевъ, какъ я уже не выѣзжаю. Государыня, оставляя мнѣ мое мѣсто, уступаетъ всеконечно великодушію. Состояніе мое таковое, что не токмо къ службѣ, но едва къ общежитію дѣлаюсь я способнымъ.

Гр. С. Петра. 26 сентября, 1793.

P. S. Не знаю, братъ Николай Петровичъ доносилъ ли вамъ, что по причинѣ смерти Александра Александровича (*) просился онъ въ отпускъ; на что Государыня и дала ему позволеніе. Не замедлитъ онъ я думаю, милостивый государь батюшка, и пріѣхать.

Сіе послѣднее письмо отправлено было во время слуха о вступленіи въ бракъ графа Петра Александровича. *Примѣчаніе* въ современномъ спискѣ.

ПИСЬМА КЪ ГРАФУ С. П. РУМЯНЦОВУ ВЪ ШВЕЦІЮ ОТЪ А. И. МОРКОВА (**).

I.

S-t Pétersbourg, le 17 avril 1794.

J'ai été très sensible, mon cher parent, à la confiance que vous avez bien voulu me témoigner dans votre lettre du 2 avril. Je sais trop bien apprécier un sentiment aussi

(*) Нарышкина.

(**) Аркадій Иванов. Морковъ (позднѣе графъ) служилъ тогда членомъ иностранной коллегіи.

flatteur de la part d'un homme que j'estime et que j'aime autant que vous, pour ne pas chercher à le cultiver par tous les moyens qui seront en mon pouvoir et surtout en y répondant par la plus parfaite réciprocité. J'accepte avec plaisir la proposition, que vous me faites, de bannir entre nous tout protocolle, qui ne servirait qu'à gêner notre correspondance. Je suis, cependant, bien éloigné de prendre à la lettre ce que vous me faites l'honneur de me dire *du langage d'un supérieur qui prend le ton diplomatique*. Ce langage ne peut guères avoir place chez moi, car indépendamment de ce que je ne suis pas l'organe constitué des volontés de l'Impératrice, mes deux anciens, qui ont le droit de signer les dépêches n'en expédient aucune comme vous le savez qu'après s'être muni d'une approbation expresse. Aussi Vous prie-je de regarder tout ce que je vous dirai ici comme ailleurs comme de simples avis qui ne vous engagent ni ne vous authorisent à rien, mais qui doivent vous prouver le zéle et la bonne volonté qui m'animent de bonne foi au succès de votre carrière. Après ce petit préambule je vais d'abord entrer en matière.

Je lis toutes vos depêches et d'après elles je sais à peu près tout ce qui se passe chez vous. Les principaux incidens de votre drame sont les négotiations entre votre cour et celle de Stockholm, par rapport à la neutralité, le procès d'Armfelt et le projet du mariage du jeune Roi avec une de nos gr. duchesses.

Sur le premier point vos instructions sont claires et amples. Les principes de notre Cour y sont fixés d'une manière stable et irrévocable. Vous n'avez qu'à les appliquer au langage que vous serez dans le cas de tenir. Vous verrez par la depêche que le vice-chancelier vous adresse ce qu'il a dit ici à m-r de Steding, et ce que vous avez à dire là-bas. Il ne vous reste qu'à suivre et faire connaître ici l'effet de vos représentations à cet égard. Il n'y a point d'accommodement sur cette matière. On aura beau réclamer l'independence des états, les droits des traités. L'une n'est illimitée, qu'autant qu'elle ne s'exerce que dans l'interieur; du moment qu'elle s'élance au dehors, elle est assujettie à la convenance générale. L'interêt de toute l'Europe ne doit pas être sacrifié à celui des deux petites puissances, qui se sont mises en tête de profiter des calamités publiques. Les autres, c'est à dire les droits des traités ne peuvent être appliqués au cas présent. On ne peut point être neutre dans une cause comme celle dont il s'agit. Tout au plus est-il permis de rester passif ou inactif, et cela encore par le défaut absolu de moyens d'être autrement. M-r de Steding pour nous attendrir et nous faire goûter le petit plan de sa Cour, de s'enrichir par un commerce libre avec les brigands, nous disait: que c'était le seul moyen pour elle d'améliorer l'état de son pays, tandis que les autres puissances aient celui des conquettes et des vastes acquisitions. Tout cela serait admirable, s'il n'était pas de la décisive consequence à ne pas laisser prolonger une lutte aussi dangereuse. Si on ne se rend pas chez vous à des raisons aussi concluantes, on se rendra responsable de toutes les suites qui en resulteront.

Le procés d'Armfelt tournera tôt ou tard à la confusion de ceux, qui l'ont intenté, malgré l'astuce et l'animosité qu'ils mettent dans son instruction. Il est vrai que ce testament du feu roi, qui seul constitue l'autorité du régent, n'a pas été respecté dans plusieurs de ses dispositions les plus essentielles. L'infraction de ce testament, dont la destitution du gouverneur du jeune roi fournit une preuve toute récente, servira toujours de motif à des troubles. Vous pour-

riez sans choquer le régent, lui faire pressentir ce à quoi il s'expose, en continuant d'écouter les mauvais conseils qu'on lui donne. C'est à vous à voir ce que vous pouvez faire pour empêcher sur le jeune roi l'effet des mauvaises impressions, que son tuteur cherche à lui faire prendre.

Quant au mariage, en voici l'historique depuis le commencement jusqu'à ce moment-ci. Il en est question dès la mission de general Klingspore, envoyé ici pour notifier l'avénemet au trone du jeune roi. Il en a jeté quelques mots en avant. Le comte de Stackelberg a eu ordre de suivre cette idée; il a cherché à en faire naître l'envie au jeune roi lui-même par ses entours. Le comte de Stackelberg a dit y avoir pleinement réussi. Le régent dans ses lettres à l'Impératrice en a parlé à mots couverts; mais depuis l'arrivée du comte de Stenbock la chose a été tournée en negociation formelle. Le regent écrivait en termes clairs. Vous verrez par les annexes de l'expedition officielle, qu'on vous fait aujourdhui, de quelle manière l'Impératrice y répondit. Il y eut sur cela une nouvelle lettre de la part du régent, dans laquelle il disait, qu'il voudrait que ce projet de mariage devint au plutôt public, afin d'imposer silence à ceux qui prenaient à tâche de répandre que les deux états allaient se désunir tout à fait. L'Impératrice entrant dans cette idée allait proposer de son côté une entrevue entre le roi et la jeune princesse ici à S-t Pétersbourg pour l'été prochain à l'occasion d'un voyage que le roi ferait en Finlande. La lettre, qui contenait cette proposition, était non seulement dressée et signée, mais elle allait partir le lendemain du jour qu'on a reçu ici la communication de la belle convention conclue à Copenhague. L'Impératrice ordonna de supprimer sa lettre et en reçut bientôt une de la part du régent sur l'affaire d'Armfelt, qui donne lieu principalement à l'envoi de ce courrier-ci. Cette circonstance, si vous la portez adroitement à la connaissance du régent, pourra produire deux bons effets: premièrement elle rectifiera l'opinion du duc sur l'importance que l'Impératrice attache à ce mariage et en second lieu elle le retiendra sur les inconséquences ultérieurs auxquelles il croirait pouvoir se livrer impunément, en se flattant d'enchaîner toujours le ressentiment de l'Impératrice par l'appâs de cette union. En effet elle n'y voit rien de si attrayant pour sa petite fille, qu'elle dut y sacrifier d'autres considerations comme celles que présente l'enchaînement des affaires étrangeres, qui occuppent presentement le tapis. Au reste tout ce que vous connaissez à l'Impératrice de dispositions à l'égard du roi, du régent, ainsi que du royaume de Suède ne peut, en devenant public, que lui concilier la confiance de la nation Suédoise et mettre tout à fait dans le tort l'administration actuelle, en cas qu'il survienne des différends trop éclatants entre les deux états. Vous pouvez donc, ce me semble, vous prévaloir de toutes les occasions, qui se présenteront naturellement pour éclairer les esprits sur tous les prestiges dont le duc et ses adhérens pourraient chercher à les éblouir.

Pour en venir à ce qui vous regarde personellement, mon cher parent, je vous dirai, en homme vrai que je ne sais absolument rien des dispositions du comte de Zouboff à votre égard. Tout ce que je puis vous assurer c'est que je ne l'ai jamais entendu s'expliquer sur votre compte d'une manière défavorable. Je ne savais nullement les démarches auxquelles vous avez taché de l'engager en votre faveur; mais quoiqu'il ne se fut pas prêté, je vous conseillerai, si vous me le permettez, d'entrer en correspondance

avec lui et de ne pas vous y décourager. Il est froid, inattentif parfois, mais il n'est jamais malveillant. Il y avait auprès de lui une créature, qui vous avait peut-être desservi, mais elle n'y reste plus et je suis persuadé. que toute nouvelle démarche que vous feriez auprès de lui, ne pourrait que vous faire du bien. La place de Varsovie, dont non seulement on n'a pas disposé, mais qu'on est même embarassé de remplir, serait assurement celle, à la quelle vous devriez songer de préférence, lorsque celle où vous étes viendrait à vous manquer par quelqu'évenement assez vraisemblable dans les circonstances présentes. Tout ce que je puis faire de mon coté, pour vous l'assurer, autant que cela peut dépendre de moi, vous est voué de la meilleure foi du monde. Le sort de M-r Litvinoff est decidé: il ne tient plus qu'aux simples formalités. Quelque chose qui arrive, cette carrièrre, vu son peu de fortune, lui convient mieux, que celle où il est. En général, Monsieur le Comte, je vous prie une fois pour toutes d'être bien persuadé que je tiendrai à très grande satisfaction pour moi, de pouvoir vous prouver par les services les plus réels, toute l'étendue de mon estime pour vous et de mon désir, de mériter votre amitié par un attachement des plus sincères et des plus cordiales.

Morcoff.

Переводъ.

Петербургъ 17 апр. 1794.

Я очень тронутъ, любезный родственникъ, тѣмъ довѣріемъ, которое вы выказали мнѣ въ вашемъ письмѣ отъ 2 апрѣля. Я слишкомъ умѣю цѣнить столь лестное чувство со стороны человѣка столь любимаго и уважаемаго мною, какъ вы, что-бы постараться его поддерживать всѣми доступными мнѣ средствами, и въ особенности полнѣйшею взаимностію. Я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе устранить между нами всякую формальность, которая повела-бы лишь къ тому, что-бы затруднить нашу переписку. Я, однако-же, весьма далекъ отъ того, что-бы принять въ буквальномъ смыслѣ то, что вы дѣлаете мнѣ честь писать *о языкѣ старшаго, принимающаго дипломатическій тонъ.* Такой языкъ вовсе не былъ бы умѣстенъ съ моей стороны, ибо, независимо отъ того, что я вовсе не установленный истолкователь Императрицыной воли, мои два начальника, имѣющіе право подписывать депеши, не отправляютъ, какъ вамъ извѣстно, ни одной, не обезпечивъ себя прямо выраженнымъ одобреніемъ. По этому прошу васъ разсматривать все то, что я скажу вамъ и въ томъ, и въ прочихъ письмахъ, какъ простые совѣты не обязывающіе и не уполномочивающіе васъ ни къ чему, но доказывающіе усердіе и доброжелательство, искренно одушевляющія меня къ успѣху вашей карьеры. Послѣ этого маленькаго предисловія, приступаю къ самому дѣлу.

Я читаю всѣ ваши депеши, и по нимъ приблизительно знаю, что у васъ происходитъ. Главныя событія вашей драмы—переговоры между вашимъ Дворомъ и Стокгольмскимъ по поводу нейтралитета, процессъ Армфельда и проэктъ брака между молодымъ королемъ и одною изъ нашихъ Великихъ Княженъ.

Относительно перваго пункта, ваши инструкціи пространны и ясны. Начало, коихъ держится нашъ Дворъ, опредѣлены въ нихъ прочнымъ и непреложнымъ образомъ, и вамъ остается только прилагать ихъ ко всякому данному случаю. Вы увидите изъ депеши, посылаемой вамъ вице-канцлеромъ, что онъ здѣсь сказалъ г-ну Стедингу и что прійдется вамъ говорить тамъ.

Остается вамъ только слѣдить за дѣйствіемъ вашихъ представленій на этотъ счетъ и давать о немъ знать сюда. Въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть уступокъ. Напрасно стали-бы настаивать на независимости государствъ, на правѣ договоровъ. Первая безгранична лишь на столько, на сколько она выражается въ дѣлахъ внутреннихъ; какъ только она вырывается наружу, она должна подчиняться общему благу. Интересы всей Европы не должны быть принесены въ жертву выгодамъ двухъ маленькихъ державъ, которыя вздумали извлечь пользу изъ всеобщихъ бѣдствій. Вторыя, то есть права договоровъ, не могутъ быть приложены къ настоящему случаю. Въ дѣлѣ, подобномъ тому, о которомъ идетъ рѣчь, нельзя оставаться нейтральнымъ. Много, если можно остаться въ бездѣйствіи, да и то лишь по совершенному отсутствію средствъ принять иное положеніе. Г. Стедингъ, что-бы разжалобить и примирить насъ съ маленькимъ планомъ своего двора обогатиться свободною торговлею съ разбойниками, говорилъ намъ, что это единственное средство для того, что-бы улучшить состояніе его страны, между тѣмъ какъ другія державы пользуются средствомъ завоеваній и обширныхъ пріобрѣтеній. Все это было-бы прекрасно, если-бы не было такъ настоятельно необходимо прекратить столь опасную борьбу. Если у васъ не сдадутся на столь убѣдительные доводы, то навлекутъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія могущія отъ того произойти.

Процессъ Армфельда рано или поздно поведетъ къ обличенію тѣхъ, которые его возбудили, не смотря на коварство и злобу, съ которою они преслѣдуютъ это дѣло. Правда, что завѣщаніе покойнаго короля, на которомъ единственно основывается власть регента, не было уважено въ многихъ изъ самыхъ существенныхъ его распоряженій. Нарушеніе этого завѣщанія, коимъ новѣйшимъ примѣромъ служитъ удаленіе гувернера молодаго короля, всегда будетъ служить поводомъ къ смутамъ. Вы могли-бы, не оскорбляя регента, дать ему почувствовать, чему онъ подвергается, продолжая слушаться дурныхъ совѣтовъ, которые ему даютъ. Ваше дѣло усмотрѣть, что можете вы сдѣлать для того, что-бы противодѣйствовать дурному вліянію, которое старается произвести на молодаго короля его попечитель.

Что касаетя до брака, то вотъ исторія этого дѣла отъ начала до настоящей минуты. О немъ идетъ рѣчь со времени посылки генерала *Клингспора*, пріѣзжавшаго сюда съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ молодаго короля. Онъ закинулъ объ этомъ нѣсколько словъ. Графъ Стакельбергъ получилъ приказаніе разработывать эту мысль, онъ постарался возбудить къ тому желаніе въ молодомъ королѣ черезъ окружающихъ его. Графъ Стакельбергъ говорилъ, что онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ. Регентъ въ своихъ письмахъ къ Императрицѣ говорилъ объ этомъ обиняками; но со времени прибытія графа Стенбока, дѣло приняло характеръ формальныхъ переговоровъ. Регентъ писалъ въ ясныхъ выраженіяхъ. Вы увидите по приложеніямъ къ оффиціяльной депешѣ, отправляемой къ вамъ сегодня, какъ отвѣчала Императрица. За тѣмъ отъ регента было получено новое письмо, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ желаніи, что-бы этотъ брачный проектъ сталъ поскорѣе гласнымъ, для того что-бы закрыть ротъ тѣмъ, которые стараются распускать слухъ, будто между обоими государствами готовится совершенный разрывъ. Императрица,

входя въ его мысли, собиралась съ своей стороны предложить свиданіе между королемъ и юною принцессою здѣсь въ Петербургѣ, на будущее лѣто, по случаю путешествія, которое король могъ бы сдѣлать въ Финляндіи. Письмо, въ которомъ заключалось это предложеніе, не только было приготовлено и подписано, но оно должно было отправиться на другой день послѣ того, въ который тутъ было получено извѣщеніе о прекрасной конвенціи, заключенной въ Копенгагенѣ. Императрица велѣла уничтожить свое письмо, и вскорѣ получила письмо отъ регента на счетъ дѣла Армфельда, что̀ и подало главнымъ образомъ поводъ къ посылкѣ настоящаго курьера. Это обстоятельство, если вы искусно доведете его до свѣдѣнія регента, можетъ произвести двоякое доброе дѣйствіе: во-первыхъ, оно дастъ регенту болѣе правильное понятіе о степени важности, которую Императрица придаетъ этому браку; во вторыхъ, оно удержитъ его отъ дальнѣйшихъ неосторожностей, на которыя онъ могъ бы рѣшиться въ надеждѣ на безнаказанность, льстясь постоянно укрощать гнѣвъ Императрицы приманкою этого брака. Дѣйствительно, она не видитъ въ немъ ничего столь привлекательнаго для своей внучки, что-бы она должна была бы для достиженія этой цѣли пожертвовать иными соображеніями, каковы возбуждаемыя иностранными дѣлами, теперь стоящими на очереди. Впрочемъ, все что̀ вамъ извѣстно о расположеніи Императрицы къ королю, къ регенту, ко всему Шведскому королевству, можетъ лишь, сдѣлавшись гласнымъ, упрочить за Нею довѣріе Шведской націи и обнаружить несостоятельность теперешняго управленія, въ случаѣ, если между двумя государствами возникнетъ слишкомъ явное несогласіе. И такъ, вы можете, какъ мнѣ кажется, пользоваться всѣми случаями, которые представятся естественнымъ образомъ, для того, чтобы просвѣщать умы на счетъ всѣхъ обольщеній, коими герцогъ и его сторонники хотѣли-бы ихъ отуманить.

Обращаясь собственно къ вашимъ личнымъ дѣламъ, любезный родственникъ, скажу вамъ, какъ человѣкъ правдивый, что я ровно ничего не знаю о расположеніи графа Зубова относительно васъ. Все что̀ могу я вамъ сказать, это то, что я никогда не слыхалъ, что-бы онъ выражался о васъ въ невыгодномъ смыслѣ. Я ничего не зналъ о ходатайствахъ, къ коимъ вы постарались подвинуть его въ вашу пользу: но хотя онъ и не показалъ на нихъ готовности, посовѣтую вамъ (съ вашего позволенія) вступить съ нимъ въ переписку и въ ней не унывать. Онъ холоденъ, иногда невнимателенъ, но въ немъ никогда нѣтъ недоброжелательства. Была при немъ личность, которая быть можетъ вредила вамъ, но ея при немъ уже нѣтъ, и я убѣжденъ, что всякое новое обращеніе къ нему можетъ лишь принести вамъ пользу. Мѣсто въ Варшавѣ, не только не занятое до сихъ поръ, но которое затрудняются замѣстить, конечно было-бы то, о которомъ вамъ слѣдовало бы предпочтительно думать, если бы вамъ пришлось оставить то, которое вы занимаете теперь, что̀ становится довольно вѣроятнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ. Все то, что̀ могу я сдѣлать съ своей стороны, что-бы вамъ его доставить, искренно къ вашимъ услугамъ. Судьба г-на Литвинова рѣшена; остается только исполнить формальности. Что̀ бы ни случилось, эта карьера, принявъ въ соображеніе его незначительное состояніе, болѣе пристала ему, чѣмъ теперешняя. Вообще, графъ, прошу васъ разъ навсегда быть

вполнѣ увѣреннымъ, что я сочту за особенное удовольствіе доказать вамъ самыми дѣйствительными услугами всю степень моего уваженія къ вамъ и моего желанія заслужить вашу дружбу самою искреннею и горячею привязанностію.

Морковъ.

II.

S-t Petersb. Ce 29 juin 1794.

Le depart de M-r Litvinoff, monsieur le comte, étant tombé vers les fêtes de S-t Pierre, je n'ai guères le moyen de vous écrire aussi en détail, que la circonstance l'aurait peut-etre exigé; mais je ne veux pas différer d'un jour de vous dire que la conduite de la Cour où vous êtes, n'ayant pas eté envisagée ici sous un point de vue aussi grave, que vous l'avez considérée, vous n'avez rien de mieux à faire qu'à dissimuler de votre côté et à ne pas provoquer quelqu'éclat, qui après tout n'aboutirait qu'à vous faire perdre votre place. Je sais qu'elle n'est pas assez attrayante pour que vous puissiez y tenir bien fortement, mais enfin c'est quelque chose, et il convient tant à votre intérêt personnel, qu'aux affaires politiques de gagner du temps. Voilà tout ce que m-r de Litvinoff, pressé comme il est de partir, me laisse le temps de vous dire, c'est tout au plus que je puis y ajouter les assurances de mon sincère et inaltérable attachement.

Morcoff.

Переводъ.

Петербургъ 29 іюня 1794.

Графъ.

Такъ какъ отъѣздъ г-на Литвинова случился около Петрова дни, я не имѣю возможности писать къ вамъ столь подробно, какъ того, быть можетъ, требовали бы обстоятельства; но скажу вамъ, не откладывая ни на одинъ день, что на поведеніе Двора, при которомъ вы находитесь, не взглянули здѣсь съ точки зрѣнія столь серьозной, какъ вы, и что по этому вамъ нечего лучшаго дѣлать, какъ съ вашей стороны притворяться, во избѣжаніе какого либо скандала, который впрочемъ повелъ-бы лишь къ тому, что вы лишились-бы мѣста. Я знаю, что оно не достаточно привлекательно для того, что-бы вы особенно имъ дорожили, но это все-таки нѣчто, и какъ для вашего собственнаго интереса, такъ и для дѣлъ политическихъ важно выиграть время. Вотъ все что̀ оставляетъ мнѣ время сказать вамъ г. Литвиновъ, спѣшащій отъѣздомъ; едва успѣваю заключить увѣреніемъ искренней и неизмѣнной моей привязанности.

Морковъ.

III.

S-t Petersbourg le 21 juillet 1794.

L'assesseur Mittendorff, partant aujourd'hui pour vous rejoindre, monsieur le comte, je profite de cette occasion pour vous prévenir, que la permission que vous avez desiré d'obtenir, pour vous absenter de votre poste, va vous être accordée; bien entendu que vous serez le maître d'en profiter ou non. Quelque parti que vous preniez il n'en peut résulter aucun inconvenient pour vous; mais il n'en sera peut être pas de même pour m-r Litvinoff, car l'Impératrice a nommément ordonné que pendant votre absence, si elle a lieu en effet, ce soit Nottbeck qui reste comme chargé d'affaires. Si vous voulez, ramener avec vous m-r Litvinoff, je vous prie du moins de le faire en sorte que cela ne fasse pas trop d'éclat; car, entre nous soit dit, j'ai éprouvé de grandes difficultés à le faire placer et je m'exposerais au reproche de faire des emplois inutiles, s'il revenait incessament après avoir eté employé. Pour

obvier à cet embarras je vous conseillerais, monsieur le comte, de ne point faire mention à votre départ, dans vos depêches officielles, des personnes que vous laissez à Stockholm ni de celles que vous emmenez avec vous, et si vous jugez à propos de prendre avec vous m-r Litvinoff, vous n'aurez pas de peine à en obtenir l'aveu du departement des affaires étrangères après votre arrivée.

Je n'ai rien, mon cher parent, d'important à vous mander relativement à votre poste. Nous sommes ici coupés de toute communication avec nos ministres à l'occident et, au midi, manquant cinq ordinaires de suite en partie à cause des vents contraires, et en partie à cause des Polonais. Je vous renouvelle l'hommage de mon sincère et inviolable attachement.

Переводъ.

Петербургъ 21 іюля 1794.

Графъ.

Такъ какъ ассесоръ Миттендорфъ ѣдетъ сегодня къ вамъ, то пользуюсь этимъ случаемъ, что-бы предупредить васъ, что позволеніе оставить вашъ постъ, о которомъ вы ходатайствовали, вскорѣ будетъ дано вамъ; само собою разумѣется, что отъ васъ зависитъ воспользоваться симъ или нѣтъ. Какое-бы вы ни приняли рѣшеніе, отъ того для васъ не можетъ проистечь неудобства; но того-же нельзя сказать о г-нѣ Литвиновѣ, ибо Императрица именно приказала, что-бы въ вашемъ отсутствіи, если таковое случится, повѣреннымъ въ дѣлахъ оставался Нотбекъ. Если вы хотите привезти съ собою г-на Литвинова, прошу васъ покрайней мѣрѣ сдѣлать это безъ шума; ибо, между нами будь сказано, я испыталъ большія затрудненія при доставленіи ему мѣста, и я навлекъ-бы на себя упрекъ въ томъ, что я создаю ненужныя должности, если-бы онъ вернулся тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ. Для устраненія этой неловкости, я посовѣтовалъ-бы вамъ, графъ, не упоминать при вашемъ отъѣздѣ, въ оффиціальныхъ вашихъ депешахъ, ни о лицахъ, которыя вы оставляете въ Стокгольмѣ, ни о тѣхъ, которыя вы берете съ собою, и если вы сочтете нужнымъ взять съ собою г-на Литвинова, вамъ будетъ не трудно получить на то одобреніе отъ министерства иностранныхъ дѣлъ по вашемъ пріѣздѣ.

Я не имѣю, любезный родственникъ, сообщить вамъ ничего важнаго относительно вашего поста. Мы тутъ отрѣзаны отъ всякихъ сообщеній съ нашими посланниками на западѣ и на югѣ, и не получаемъ по пяти почтъ сряду отчасти по причинѣ противныхъ вѣтровъ, отчасти по милости Поляковъ. Еще разъ свидѣтельствую вамъ объ искренней и неизмѣнной моей привязанности.

***

Къ Шведской поѣздкѣ графа Румянцова относится также слѣдующая, сохранившаяся въ его бумагахъ собственноручная записка:

«1793. 28 октября гр. Румянцовъ отплылъ изъ Ревеля на катерѣ Меркуріи.

7 ноября прибылъ въ Стокгольмъ.

Сего плаванія имѣетъ гр. Румянцовъ поденной морской журналъ.

Возвращался же гр. Румянцовъ изъ Стокгольма въ 1794 году на транспортномъ суднѣ Анна Маргарита, подъ командою лейтенанта Криницына. Во время сего плаванія крейцировала Россійская эскадра: мѣра, которую присовѣтовалъ гр. Румянцовъ по случаю возмущенія послѣдовавшаго тогда въ Варшавѣ. Капитанъ г. Сиверсъ, вы-

полняя бодрственно данныя ему наставленія, требовалъ не взирая на флагъ Россійской, подъ которымъ судно шло, чтобъ подчинилось оно строгому осмотрѣнію. Лейтенантъ Криницынъ, не смотря на то, вынесъ два холостые выстрѣла; но когда пущено было уже одно ядро, то, собравъ паруса, судно остановилось. Г. Румянцовъ приказалъ тогда призвать къ себѣ присланнаго офицера на шлюбкѣ и объявилъ ему, что самъ онъ посолъ возвращается на семъ суднѣ въ Россію. Тогда, по донесенію о томъ г. Сиверсу, отданы были послу всѣ почести учрежденныя.

Въ бытность гр. Румянцова въ Петербургѣ, недоброжелательствующіе ему внушили Императрицѣ, что удержалъ онъ властно въ Стокгольмѣ сіе судно и причинилъ казнѣ тѣмъ большія издержки. Государыня собственноручную прислала тогда записку въ Адмиралтейство, требующую объясненія. Фонъ-Дезинъ подалъ оное; но императрица, удостовѣрившись, что тутъ злоба одна дѣйствовала, сказала Трощинскому, что о посылкѣ своей записки она не только жалѣетъ, но и стыдится».

Въ сентябрѣ 1795 г., графъ Румянцовъ былъ уже въ Петербургѣ, какъ видно по вышенапечатанному (VIII-му) письму его къ отцу. Указомъ 24 октября 1795 онъ замѣненъ въ Стокгольмѣ секундъ-маіоромъ Будбергомъ.

Съ той поры онъ уже не служилъ болѣе по дипломатической части.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКА ОБЪ УБІЕНІИ КАПОДИСТРІИ, СОСТАВЛЕННАЯ А. Н. РАЙКОМЪ (1).

Біографія А. Н. Райка, русскаго офицера, принимавшаго непосредственное участіе въ освобожденіи Греціи и состоявшаго въ греческой службѣ во время гибели графа Каподистріи, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1868, стр. 279 — 308. Печатаемая здѣсь записка переведена съ французскаго подлинника, сохранившагося въ семействѣ А. Н. Райка и полученнаго нами въ спискѣ, черезъ обязательное посредство Б. М. Маркевича. Записка эта имѣетъ особенную важность, какъ показаніе ближайшаго очевидца и какъ свидѣтельство человѣка высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Имя графа Каподистріи такъ тѣсно связано съ нашею исторіею, что читатели Русскаго Архива конечно не посѣтуютъ на насъ за помѣщеніе этой статьи. П. Б.

Въ воскресенье, 27 сентября 1831 года, въ прекрасный осенній день, въ 6 часовъ утра, солдаты гарнизона Навпліи (тогдашней столицы) выходили изъ своихъ казармъ и шли на обычное сборное мѣсто, на площадь, такъ называемую подъ Яворомъ, въ ожиданіи начала обѣдни. Пришедшіе изъ ближнихъ казармъ составили ружья въ козлы, а сами разсыпались по ближнимъ мѣстамъ.

По заведенному обычаю, войска молились въ церкви Св. Георгія, такъ называемомъ соборѣ Св. Георгія. Графъ Іоаннъ Антоновичъ Каподистрія, для исполненія своихъ христіанскихъ обязанностей, хаживалъ постоянно въ церковь Св. Спиридонія, несмотря на то, что она очень мрачнаго вида и стоитъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Въ праздничные дни онъ рѣдко пропускалъ божественную службу, и въ означенное число 27 сентября, въ 6 часовъ утра, онъ пошелъ въ церковь (2) съ двумя обыкновенными своими провожатыми, слугой Албанцемъ и другимъ, въ родѣ ординарца, по имени Георгіемъ Кандіотти (3). Съ давняго времени лицо графа было пасмурно, но въ этотъ день онъ казался веселѣе обыкновеннаго (4). Съ при-

вѣтливою улыбкою кланялся онъ тѣмъ, кого отличалъ изъ числа встрѣчавшихся, и, повидимому, вовсе не думалъ о возможности злодѣйскаго на него покушенія и не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія предстоявшей ему страшной гибели. Стѣна объ стѣну съ церковью Св. Спиридонія находится кофейная, извѣстная подъ названіемъ Алексѣевой. Артиллерійскіе офицеры, зашедшіе туда, явственно услышали звукъ трехъ пистолетныхъ выстрѣловъ послѣдовательно одинъ за другимъ; минуту спустя, они увидѣли стремительно бѣгущаго человѣка, кричащаго изо всѣхъ силъ, что президентъ убитъ.... Опасаясь, не вздумалъ ли кто нарочно затѣять смуту, офицеры остановили этого человѣка; но его испуганное лицо, несвязныя рѣчи, въ которыхъ онъ передавалъ подробности того, чему былъ свидѣтелемъ, не оставляли болѣе сомнѣнія въ томъ, что преступленіе совершилось.

Главный комендантъ крѣпости, полковникъ Алмейда, велѣлъ ударить тревогу и тотчасъ отрядилъ въ церковь роту (5) артиллеристовъ. Пришедши на мѣсто событія, солдаты увидѣли, что нѣкоторые изъ бывшихъ тамъ поднимаютъ тѣло президента и кладутъ на носилки; на полу валялся окровавленный ножъ; одинъ изъ офицеровъ поднялъ его. Ужасъ и скорбь выражались на лицахъ всѣхъ, присутствовавшихъ въ безмолвіи при этой сценѣ. Въ то время, когда ротный начальникъ дѣлалъ распоряженія для сохраненія въ церкви должнаго порядка, внезапно на улицахъ, пролегающихъ по высотѣ Ичь-Кале (см. примѣч. 1-е) послышались крики: «Вотъ онъ! Вотъ убійца! Бейте его! Добивайте злодѣя! Не щадите его!»—Четверо солдатъ, сержантъ и съ ними офицеръ бросились въ погоню за преступниками. Вотъ какимъ образомъ совершилось убійство.

Только-что президентъ подошелъ къ церкви, какъ съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ Константина Мавромихали и Георгія (6). Послѣдній стоялъ у входа по лѣвую, а первый по правую сторону. Графъ, зная съ давняго времени свойства этихъ людей, а также ихъ враждебные замыслы, не могъ воздержаться, чтобы при видѣ ихъ не выразить тѣлодвиженіемъ своего отвращенія; затѣмъ, какъ бы устыдившись своей неловкой нерѣшительности, онъ тотчасъ оправился, и, проходя между ними, приподнялъ шляпу, чтобы привѣтствовать напередъ Константина, а потомъ Георгія. Константинъ отвѣчалъ на его поклонъ, приподнявъ свою феску лѣвою рукою, и когда президентъ повернулся къ Георгію, онъ выпулъ правую руку изъ подъ своего плаща, въ которой былъ пистолетъ, и выстрѣлилъ не цѣля. Пуля пролетѣла мимо. Злодѣй съ неслыханною дерзостію схватилъ ножъ и вонзилъ его графу въ низъ живота, по самую рукоять. При звукѣ выстрѣла президентъ, зажавъ рукою рану, повернулъ голову направо; тогда Георгій въ свою очередь воспользовался тѣмъ же самымъ случаемъ, что его жертва отъ него отвернулась, выхватилъ свой пистолетъ, также спрятанный подъ полою, и въ упоръ выстрѣлилъ въ голову графа, такъ что черепъ разлетѣлся на части (7).

Убійцы пустились бѣжать, и одинъ изъ ихъ соучастниковъ выстрѣлилъ въ третій разъ, для того чтобы, устрашивъ народъ и заставивъ его разступиться, облегчить убійцамъ побѣгъ и затруднить преслѣдованіе.

Албанецъ, сопровождавшій графа, потерялъ голову и стоялъ какъ окаменѣлый. Георгій Кандіотти, владѣя только лѣвою рукою, подхватилъ раненнаго и тихо опустилъ его на землю; потомъ, схвативъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ, выстрѣлилъ въ Георгія, бѣжавшаго по направленію къ батареѣ

Пяти Братьевъ, которая находится направо отъ церкви (8); но пистолетъ осѣкся. Заткнувъ его за поясъ, онъ выхватилъ другой, и завидѣвъ Константина, на разстояніи 40 шаговъ взбиравшагося по дорожкѣ, ведущей къ фасаду церкви, Кандіотти прицѣлился, выстрѣлилъ и попалъ ему въ лѣвый бокъ; затѣмъ, не теряя времени, пустился за нимъ въ погоню, но не догналъ. Въ то время, когда Кандіотти преслѣдовалъ Константина Мавромихали, толпа ворвалась въ церковь съ крикомъ: «Убійцы! Убійцы!» Немедленно для поимки ихъ отрядили солдатъ. Константинъ бѣжалъ сначала съ неимовѣрною скоростію, но будучи раненъ пошелъ медленнымъ и колеблющимся шагомъ. Истекая кровью и теряя силы, онъ оглянулся назадъ и, видя приближающихся къ нему солдатъ, вскричалъ въ испугѣ: «Не убивайте меня! Не мы причиною смерти президента!» Начальникъ отряда напрасно хотѣлъ удержать разсвирѣпѣвшихъ солдатъ, которые начали бить его прикладами; чернь присоединила тутъ и свое изступленіе, истерзала тѣло его ужаснымъ образомъ и даже самое платье его изорвала въ лоскутки. Тѣмъ временемъ Георгій Кандіотти, не успѣвъ напасть на слѣдъ Георгія и его сообщниковъ, воротился назадъ и, услышавъ крикъ и проклятія толпы, бросился къ тому мѣсту, гдѣ находился Константинъ, растолкалъ толпу и выстрѣлилъ въ него вторично, при чемъ пуля раздробила ему правое плечо. Когда ярость народная утолилась, тогда истерзаннаго Константина отволокли подъ арку въ воротахъ казармъ, что̀ на площади подъ Яворомъ; тамъ онъ испустилъ духъ при всеобщихъ проклятіяхъ, въ судорожныхъ движеніяхъ, свидѣтельствовавшихъ о его жестокихъ мученіяхъ (9).

Комендантъ крѣпости и бывшіе при немъ офицеры, постигая важность настоящей минуты, раздавали въ то время войскамъ заряды и разставляли караулы въ разныхъ мѣстахъ. Вдругъ на площади появился солдатъ, тащившій другаго Мавромихали за волосы, которые онъ намоталъ себѣ на руку; четверо другихъ помогали ему тащить почти обнаженное тѣло, оставлявшее за собою окровавленные лоскутья платья и потокъ крови. Солдаты, стоявшіе на площади подъ ружьемъ, испустили яростные крики; по счастію, при нихъ были начальники, которымъ стоило не малаго труда удержать ихъ отъ того, чтобы они не растерзали въ куски безчестнаго Мавромихали.

Между тѣмъ городскіе ворота съ моря и сухаго пути были заперты; тѣло покойнаго графа перенесено въ его домъ солдатами той самой роты, которая отряжена была въ церковь; приняты были мѣры противъ всѣхъ возможныхъ безпорядковъ, послѣдствіемъ которыхъ могли быть убійства и кровопролитія; возбужденное этимъ событіемъ раздраженіе партій не знало мѣры. Легко съ перваго взгляда можно было судить о великости угрожавшей опасности: люди на такія злодѣянія не рѣшаются, если не имѣютъ надежды на сильную подпору... Такое предположеніе подкрѣплялось совпаденіемъ столькихъ обстоятельствъ, что переходило въ увѣренность. Неумолимая истина сниметъ покровъ съ этого злодѣянія, и безпристрастное потомство произнесетъ справедливый приговоръ надъ тѣми коварными людьми, которые составили этотъ планъ и привели въ исполненіе.... Стыдъ и поношеніе пособникамъ!

Окончивъ всѣ распоряженія, храбрый и достойный комендантъ Алмейда вмѣстѣ съ полковникомъ Ш... и подполковникомъ Райко отправился на площадь Трехъ Адмираловъ, куда въ то же самое время, въ сопровожденіи своего штаба, прибылъ генералъ Же-

раръ, командовавшiй регулярными войсками; сюда же собрались прочiя военныя и гражданскiя власти. Подъ сводами президентова дома стояла та самая артиллерiйская рота, солдаты которой перенесли тѣло покойнаго. Взглядъ на ихъ мундиры, покрытые кровью, приводилъ въ содроганiе; въ сѣняхъ и на лѣстницѣ кровь еще дымилась... Народъ тѣснился ко входамъ и съ воплемъ испрашивалъ, какъ особенной милости, позволенiя омочить въ ней лоскуты холста, въ благоговѣйномъ побужденiи сохранить эту каплю въ воспоминанiе о лучшемъ изъ людей, котораго привыкъ называть отцомъ своимъ. Окна домовъ, выходящихъ на площадь, были наполнены зрителями. Всѣ выражали глубокую скорбь не только безмолвными слезами, но стонами и рыданiями; такую дань добродѣтелямъ и великимъ качествамъ покойнаго платили не однѣ, по природѣ болѣе чувствительныя, женщины; нѣтъ, здѣсь скорбѣли и домовитый гражданинъ, и отецъ семейства, и старый воинъ, закаленный въ пылу сраженiй, и богатый, и бѣдный, и взрослый, и малолѣтный; всѣ говорили между собою о своемъ несчастiи и о томъ, что прошедшее невозвратимо.

Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, какое испытываешь при видѣ скорби человѣка, приближающагося къ старости. Слезы, текущiя изъ впалыхъ глазъ его, терзаютъ сердце; надобно быть очевидцемъ такого тяжкаго зрѣлища, и тогда возможно будетъ понять, какое впечатлѣнiе производитъ скорбь старца о бѣдствiи своего отечества. Его тревожитъ опасенiе, что едва закрывшiяся политическiя раны снова раскроются: каждое бiенiе сердца возобновляетъ въ памяти старца тяжкiя воспоминанiя. Я былъ свидѣтелемъ подобнаго раздирающаго зрѣлища.

Комендантъ Алмейда вмѣстѣ съ своими офицерами явился сперва къ графу Августину Каподистрiи для полученiя отъ него приказанiй; онъ признавалъ въ немъ главу правленiя, потому что графъ Августинъ еще при жизни покойнаго своего брата облеченъ былъ въ званiе полномочнаго намѣстника. Онъ былъ въ чрезвычайномъ уныцiи, но старался быть твердымъ, несмотря на то, на лицѣ его проглядывало господствующее чувство. Съ выраженiемъ прямаго достоинства и тономъ полнаго убѣжденiя онъ сказалъ офицерамъ, что довѣряетъ ихъ чести и поручаетъ имъ охраненiе тишины и порядка въ городѣ.

На площади Трехъ Адмираловъ стоялъ подъ ружьемъ полубаталiонъ войска; къ нему тѣснились сенаторы и прочiя гражданскiя должностныя лица. Солдаты съ недовѣрчивою улыбкою слушали рѣчи генерала Жерара, который, верхомъ на лошади, объѣзжалъ ряды ихъ и убѣждалъ сохранить порядокъ, потому что Францiя (такъ говорилъ онъ) беретъ отнынѣ Грецiю подъ свое особенное покровительство (10).

Когда комендантъ вышелъ отъ графа Августина, то первый, встрѣтившiйся ему человѣкъ, былъ князь Караджа, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ президента. Голосомъ дрожавшимъ отъ злобной, трудно скрываемой, радости, онъ спросилъ: «Такъ это правда? Такъ его нѣтъ болѣе? Онъ точно убитъ? Но... совсѣмъ ли? Точно ли нѣтъ надежды?»

Полковникъ Райко пришелъ въ негодованiе при видѣ человѣка, который въ такую минуту явился какъ бы для того, чтобы издѣваться надъ общею скорбiю. Онъ отвернулся отъ него и вскричалъ: «Какая непостижимая наглость! Не понимаю, какъ могутъ иные люди являться въ такое время! Полковникъ! что вы не прогоните этого негодяя?»

Такое обращеніе заставило Караджу быстро повернуть назадъ и направить свой путь въ домъ французскаго резидента; въ слѣдъ ему послышался свистъ, а потомъ крики: «Держите его! Смерть злодѣю!...» На этотъ крикъ сбѣжались вооруженные люди, и зная того, къ кому эти слова относились, побѣжали за нимъ. Въ грудь его уже былъ наведенъ пистолетъ, когда архіепископъ, подъ окнами котораго происходила эта сцена, началъ заклинать толпу, чтобы она не совершала убійства, а если онъ виноватъ, то выдала бы его властямъ. Къ этимъ увѣщаніямъ уважаемаго святителя присоединились голоса нѣсколькихъ, случайно находившихся тутъ, благонамѣренныхъ людей, и дѣло обошлось безъ крови, которая иначе вѣроятно была бы пролита, что̀ могло бы подать поводъ къ великимъ бѣдствіямъ: ибо въ эти минуты, при раздраженіи партій, отъ малѣйшей искры надлежало опасаться страшнаго политическаго взрыва. Князя Караджу отвели и заточили въ темницу въ главной караульнѣ.

Предоставивъ генералу Жерару, сколько ему угодно, проповѣдывать солдатамъ, которые, какъ явно было, отнюдь не убѣждались его доводами (11), комендантъ отправился обозрѣвать по порядку размѣщенные на весь этотъ день по разнымъ мѣстамъ караулы. Пока онъ совершалъ этотъ обзоръ и пока происходило дѣло съ Караджею, молодой Коломудгарти (одинъ изъ адъютантовъ генерала Жерара) указалъ пальцемъ сему послѣднему на Георгія Кандіотти, стоявшаго у окна въ покояхъ умерщвленнаго президента и довольно громко, съ оттѣнкомъ насмѣшливости, произнесъ: «Вонъ тотъ олухъ, который убилъ Константина Мавромихали!» Кандіотти догадался, что рѣчь шла про него. Въ мгновенномъ припадкѣ бѣшенства, онъ схватилъ ружье, прицѣлился адъютанту въ щеку и конечно убилъ бы его, если бы находившіяся тутъ лица не удержали его. Въ то же время Каломудгарти, для безопасности, былъ уведенъ въ прихожую сенаторскаго зданія или Герузіи. Долго послѣ этого онъ не смѣлъ никуда показываться.

Пока все это происходило, у русскаго резидента Рикмана собрались резиденты англійскій и французскій. Къ нимъ явился подполковникъ Пелліонъ, начальникъ штаба строевыхъ войскъ, и когда они допустили его къ себѣ, онъ объявилъ имъ отъ имени своего генерала (Жерара): «Такъ какъ съ кончиною президента нѣтъ болѣе правительства, то онъ, Жераръ, полагаетъ, что отнынѣ Греція поступила подъ защиту покровительствующихъ державъ, резиденты коихъ, въ виду настоящихъ критическихъ обстоятельствъ страны, конечно, примутъ на себя управленіе отъ имени своихъ государей. Поэтому, онъ Жераръ обращается за приказаніями къ нимъ, резидентамъ, какъ къ единственной признаваемой имъ въ эти минуты власти, и проситъ ихъ облечь его званіемъ главнокомандующаго войсками, увѣряя притомъ въ своей искренней преданности эллинскому дѣлу и пр.» Въ первую минуту, мнѣнія резидентовъ раздѣлились; но по зрѣломъ обсужденіи, они отвѣчали, что нисколько не намѣрены вмѣшиваться во внутреннее управленіе страною. Пелліонъ немедленно ушелъ назадъ объявить о таковой неудачѣ своему генералу. Разсчеты Жерара въ этотъ день вообще не отличались вѣрностью. Какъ онъ ни хитрилъ, но ему не довелось захватить въ свои руки исполнительную власть, отъ коей ожидалъ онъ себѣ великаго значенія. Онъ долженъ былъ самымъ дѣломъ удостовѣриться, что, какъ ни заискивалъ онъ общественнаго расположенія, но оно было не на его сторонѣ.

Французскiй резидентъ, баронъ Руенъ, узнавъ о заточенiи сердечнаго друга своего князя Караджи, поручилъ Пеллiону освободить его. Одинъ изъ адъютантовъ доложилъ коменданту, что начальникъ главнаго штаба неотступно требуетъ отъ караульнаго офицера, чтобы тотъ выпустилъ Караджу, и грозитъ, что ему достанется, если онъ не исполнитъ этого требованiя. Комендантъ самъ пошелъ въ караульню, и Пеллiонъ потребовалъ отъ него *именемъ Французскаго короля и по приказанiю господина барона Руена* (это были точныя слова) отпустить узника. Комендантъ извинялся тѣмъ, что Караджу взяли не по его приказу, что ему не извѣстно, почему онъ задержанъ, и что слѣдов. онъ не могъ выпустить его иначе, какъ по высшему распоряженiю. Это распоряженiе немедленно состоялось, и Караджа выданъ Пеллiону, который благополучно препроводилъ его въ домъ французскаго резидента.

Только-что комендантъ возвратился на адмиральскую площадь, какъ его позвали къ себѣ французскiй и англiйскiй резиденты, выходившiе изъ дома русскаго резидента, у котораго, какъ мы видѣли, происходило совѣщанiе. Они просили коменданта распорядиться такъ, чтобъ имъ имѣть свободное сообщенiе съ ихъ военными кораблями, находившимися въ пристани. Комендантъ приказалъ подполковнику Райкѣ взять роту, стоявшую подъ сводомъ дворца, идти къ батареѣ Пяти Братьевъ и оттуда пропустить господъ резидентовъ къ ихъ судамъ. Райко просилъ резидентовъ употреблять на посылки собственныхъ служителей или людей, принадлежащихъ къ ихъ миссiямъ, такъ какъ иначе, покамѣстъ злодѣи еще не захвачены, можетъ случиться, что кто-нибудь изъ нихъ можетъ воспользоваться льготою, дарованною резидентамъ и, предложивъ свои услуги для посылокъ, успѣетъ спастись бѣгствомъ. «Въ такомъ случаѣ— говорилъ Райко—на меня падетъ тяжкая отвѣтственность, и вы сами можете подвергнуться опасности непрiятныхъ подозрѣнiй»....«Милостивый государь,— перервалъ его резидентъ Руенъ,—и такъ вы вздумали предъявлять намъ условiя? Знайте же, что мы вовсе не намѣрены терпѣть, чтобы кто-нибудь намъ предписывалъ законы, и если вы не хотите оставить вашихъ придирокъ, то мы тотчасъ покинемъ городъ....»—«Да, прибавилъ англiйскiй резидентъ Довкинсъ, мы покинемъ городъ!»

Полковника Алмейду, человѣка прямаго, но рѣзкаго, какъ большею частiю бываютъ Португальцы, взорвало это объясненiе.—«Если вамъ угодно покинуть городъ, сказалъ онъ резидентамъ, никто не властенъ вамъ воспрепятствовать въ этомъ; но меня удивляетъ, отчего замѣчанiе подполковника Райки, столь благоразумное, могло до такой степени васъ прогнѣвить. Никто не въ правѣ ограничивать законныя мѣры предосторожности, и всякiй честный офицеръ долженъ блюсти за исполненiемъ оныхъ.»

Прибывъ на батарею Пяти Братьевъ, подполковникъ Райко разставилъ часовыхъ, учредилъ дозоры и распорядился такъ, чтобы черезъ каждыя десять минутъ знать о томъ, что̀ дѣлается на этой сторонѣ города черезъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, постоянно ходившихъ туда и возвращавшихся оттуда. Не прошло четверти часа, какъ чиновникъ, поставленный у водоёма противъ домовъ Руена и Валлiано, подозвалъ къ себѣ капрала и передалъ ему, что сквозь рѣшетчатыя ставни обоихъ этихъ домовъ ему показалось, что тамъ происходитъ что-то подозрительное. Увѣдомленный о томъ, подполковникъ Райко послалъ приказанiе офи-

церу, находившемуся съ особымъ отрядомъ на высотѣ Ичь-Калé (откуда эти дома видны были какъ на ладони) чтобы онъ слѣдилъ зоркимъ окомъ, что̀ тамъ дѣлается, и донесъ ему. Донесеніе не замедлилось. По словамъ офицера, изъ одного дома въ другой, взадъ и впередъ, украдкою пробирались какіе-то люди, оглядывались кругомъ и видимо опасались быть замѣченными. Кромѣ того по саду проходилъ кто-то въ женской одеждѣ, но по росту, ухваткамъ и шагу очевидно не женщина. Райко, передававшій обо всемъ что̀ было коменданту, совѣтывался съ нимъ, какъ бы развѣдать эту тайну; но по зрѣломъ обсужденіи рѣшено было ограничиться наблюденіемъ, ибо малѣйшая огласка могла безъ сомнѣнія взволновать весь городъ.

Все это происходило между 6 и 8 часами утра. Еще не извѣстно было, гдѣ убійцы, и уже гораздо позже, вѣроятно по нескромности офицеровъ, приходившихъ къ коменданту съ батареи Пяти Братьевъ съ донесеніями о томъ, что̀ тамъ дѣлается, распространился по городу слухъ, что убійцы нашли себѣ убѣжище въ домѣ французскаго резидента.

Въ 10 часовъ баронъ Руенъ призвалъ къ себѣ г. Аксіотти, гражданскаго губернатора Навпліи, объявилъ ему, что убійцы находятся у него, и требовалъ избавить его отъ ихъ присутствія. Губернаторъ не рѣшался дѣлать отъ себя никакихъ распоряженій, покамѣстъ сенатъ нарядилъ для управленія страною комиссію изъ трехъ членовъ, а именно: графа Августина Каподистріи, въ качествѣ председателя, Колокотрони (12) и Колетти. Губернаторъ немедленно принялъ отъ нихъ приказанія и черезъ нѣсколько минутъ (это было въ два часа съ половиною) комендантъ съ сильнымъ отрядомъ пошелъ въ домъ французскаго резидента, чтобы принять тѣхъ людей, которые объявлены виновными въ убійствѣ. Надлежало думать, что ихъ выдадутъ немедленно, такъ какъ самъ резидентъ просилъ взять ихъ. Но видно, что г. Руенъ обратился къ губернатору съ этою просьбою сгоряча, увлекшись весьма естественнымъ чувствомъ отвращенія къ убійцамъ. Когда комендантъ явился къ нему, онъ былъ очень смущенъ, путался въ словахъ, старался оттянуть дѣло и очевидно самъ не зналъ хорошенько, какъ ему быть. Сначала онъ спрашивалъ письменнаго приказа. Когда ему принесли его, онъ сталъ заминаться и сказалъ, что «Мавромихали объявилъ ему, что никакая человѣческая сила не извлечетъ его отсюда, развѣ разнимутъ по частямъ его тѣло; что онъ заявляетъ право свое не объявлять о своихъ поступкахъ никому кромѣ народнаго собранія, которое одно властно судить его за преступленіе, въ коемъ его обвиняютъ; что, какъ скоро это собраніе соберется, онъ предстанетъ предъ него, но что теперь онъ взываетъ къ праву народному, что онъ прибѣгъ подъ защиту его и надѣется пользоваться безопасностью и покровительствомъ, находясь у резидента славной націи, который долженъ и умѣетъ внушить уваженіе къ себѣ лично и къ государю, коего онъ представитель, и потому не допуститъ, чтобъ онъ былъ преданъ злобѣ и мщенію враговъ» и пр.

Передавая эти отзывы Георгія Мавромихали или тѣ слова, которыя онъ будто говорилъ, Руенъ старался увѣрить, что онъ вовсе не думаетъ отстранять отъ него руку правосудія, но боится теперешняго раздраженія народа, который можетъ поступить съ нимъ какъ съ его дядею Константиномъ, что впрочемъ съ своей стороны онъ считаетъ требованіе его быть судиму выборными изъ народа весьма разсудитель-

нымъ, такъ какъ имъ собственно принадлежитъ право рѣшенія въ столь важномъ случаѣ. Послѣ этихъ словъ Руенъ пригласилъ коменданта сойдти въ нижній ярусъ, гдѣ находился Мавромихали.

Когда вошли въ комнату, Мавромихали лежалъ небрежно развалившись на богатомъ диванѣ, а два его сообщника въ почтительномъ отдаленіи сидѣли на обыкновенномъ коврѣ. Увидавъ коменданта, они встали, а Мавромихали принялся размахивать руками и съ важностью излагать почти то же самое, что̀ уже было слышано. Онъ какъ будто заранѣе выучилъ наизусть что̀ ему говорить. Такъ какъ все это ни къ чему не вело, то полковникъ Алмейда рѣшился уйдти. Онъ уже былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, когда его опять позвали. Резидентъ предложилъ ему арестовать, если ему угодно, двоихъ, именно: *Яни Караянни и Андрея Патриноса*. Немедленно они были взяты и отведены въ Бурджи, небольшое укрѣпленіе на скалѣ въ серединѣ Навплійскаго порта. Когда ихъ провожали, народъ выражалъ удивленіе, не видя съ ними Георгія Мавромихали. Слышался ропотъ противъ французскаго резидента: говорили, что онъ держитъ убійцъ подъ своимъ покровительствомъ. Нашлись смѣльчаки, кричавшіе, что, во что бы ни стало, нужно взять Мавромихали, и кругомъ дома, гдѣ жилъ баронъ Руенъ, уже бродили вооруженные люди, на лицахъ которыхъ было написано, что они замышляютъ что-то недоброе.

Предувѣдомленный о признакахъ волненія, губернаторъ самъ пошелъ извѣстить о томъ барона и умолялъ его не упрямиться долѣе и не держать у себя Мавромихали, такъ какъ явно было, что народъ начинаетъ тревожиться. «Если виновный не будетъ преданъ въ руки властей, говорилъ онъ, то я не отвѣчаю за нынѣшнюю ночь.» Подполковникъ Пелліонъ и другія лица французскаго происхожденія, страннымъ образомъ забывавшіе въ этотъ день, что они находятся въ греческой службѣ, обращали въ шутку страшливыя рѣчи губернатора. Сей послѣдній стоялъ возлѣ полуотвореннаго балкона и замѣтилъ, что кто-то стоитъ напротивъ, у самаго водоема. «Что тебѣ нужно?» спросилъ онъ его. — «Отдадутъ намъ его? — крикнулъ тотъ во все горло,—не то мы начнемъ!» Такимъ образомъ было не до шутокъ. Баронъ Руенъ сдѣлался сговорчивѣе и обѣщался выдать Мавромихали, подъ условіемъ, что когда поведутъ его въ темницу, ему не будетъ нанесено никакого оскорбленія.

Прибывъ вторично къ дому французскаго резидента, комендантъ дожидался на улицѣ, пока выведутъ убійцу. Двери были растворены, и никто не появлялся. Тогда онъ послалъ адъютанта доложить о своемъ приходѣ. Когда сей послѣдній проходилъ мимо отворенной комнаты, гдѣ былъ Мавромихали, то замѣтилъ, какъ онъ шепталъ что-то на ухо одному изъ штабныхъ офицеровъ генерала Жерара. Черезъ нѣсколько времени, подполковникъ Пелліонъ, сошелъ внизъ, можно сказать, выволокъ Мавромихали изъ его комнаты и толкнулъ его, такъ что онъ очутился среди конвоя. На лицѣ его была смертная блѣдность; онъ дрожалъ какъ листъ, упирался и дернулся было въ ту сторону, гдѣ былъ входъ въ верхній этажъ и гдѣ находился резидентъ съ своими чиновниками; но Пелліонъ не пустилъ его, причемъ онъ судорожно хватался за его руку. Окруженный конвоемъ, онъ приведенъ былъ къ тому мѣсту, откуда надлежало переправить его въ Бурджи. Во время этой переправы, Пелліонъ то старался успокоить его, то увѣрялъ солдатъ своею честью, что Мав-

ромихали не виноватъ. По прибытіи въ Бурджи, они распрощались съ взаимною нѣжностью и поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ!! Была уже ночь. Такъ кончился этотъ роковой день.

Тѣло убійцы Константина Мавромихали, истерзанное народомъ, который волочилъ его по улицамъ, было лишено погребенія. Его бросили въ море.

На другой день, еще до разсвѣта, три арестанта, для большей надежности, были перевезены изъ Бурджи въ Паламеди. Французскій резидентъ и тутъ вмѣшался. Невозможно описать всѣхъ каверзъ, которыя были пущены въ ходъ передъ началомъ суда. Всячески хотѣлось протянуть время; но тѣмъ не менѣе арестанты были судимы военнымъ совѣтомъ въ Ичь-Кале. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, чтобы всякій могъ безъ затрудненія на немъ присутствовать. Послѣ обыкновенныхъ совѣщаній, состоялся слѣдующій приговоръ:

1. *Георгій* Мавромихали, изобличенный въ преднамѣренномъ убіеніи графа Іоанна Каподистріи, президента Греціи, осуждается на смерть.

2. *Яни Караяни*, изобличенный въ преднамѣренномъ убіеніи президента Греціи, осуждается на смерть.

3. *Андрей Патриносъ*, изобличенный въ соучастіи убіенія, но не преднамѣренно,— на 10 лѣтнюю каторжную работу.

На другой день послѣ того, какъ состоялся этотъ приговоръ, необозримая толпа собралась у скалъ Паламеди и въ тупомъ молчаніи ожидала минуты, когда совершится народная месть. Месть эта должна была постигнуть одного Мавромихали, такъ какъ Караяни обѣщался сообщить нѣкоторыя показанія, и исполненіе надъ нимъ приговора было отсрочено.

Ровно въ десять часовъ на вершинѣ Паламеди показался Мавромихали. При немъ были священникъ и стража. Ропотъ негодованія послышался въ толпѣ, когда онъ появился. Въ цѣпяхъ, онъ медленно сходилъ по крутой лѣстницѣ, и потому всякій могъ вдоволь разсмотрѣть его. Справедливость требуетъ замѣтить, что если онъ обнаружилъ робость въ то время, какъ его брали, то теперь, идучи на смерть, онъ держалъ себя бодро. Довольно высокаго роста, онъ былъ весьма красивъ собою. Сверканіе глазъ его было еще выразительнѣе отъ блѣдности, которою покрыто было лицо его. Подошедши ближе къ зрителямъ, онъ снялъ скуфью, поклонился, попросилъ прощенія, но въ отвѣтъ ему раздался глухой и грозный крикъ: *анаѳема*!... Крикъ этотъ повторялся при каждомъ его поклонѣ, что́ не помѣшало ему заявить о своей невинности.

Прибывъ на мѣсто казни, онъ снялъ съ себя поясъ, состоявшій изъ прекрасной шали, цѣною до 1,500 франковъ, и отдалъ его священнику. Завязать себѣ глаза онъ не позволилъ. Онъ произнесъ краткую рѣчь, раскрылъ свою грудь, распростеръ руки, и залпъ изъ мушкетовъ, сопровождаемый послѣднимъ, страшнымъ возгласомъ *анаѳема*, очистилъ землю отъ гнуснаго злодѣя.

***

Такова простая, но достовѣрная исторія этого злосчастнаго событія. При разборѣ обстоятельствъ открывается обширное поприще для догадокъ.

Народъ громко выражалъ негодованіе на Французовъ. Ихъ обвиняли громогласно въ томъ, что они если не сами устроили, то вызвали это преступленіе. Я не хочу думать, чтобы сыны современнаго просвѣщенія лично принимали участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ, напоминающемъ самыя варварскія времена; однако не менѣе того

вѣрно, что тутъ дѣйствовала необычайная раздражительность, и личные разсчеты превозмогали надо всѣмъ остальнымъ.

Положеніе графа Каподистріи было весьма затруднительно въ виду ненадежнаго состоянія Европы и чрезвычайныхъ событій, которыя не давали опомниться, необыкновенно быстро слѣдуя одно за другимъ и повидимому потрясали собою самыя основы правительствъ. Воля его была связана отношеніями къ тремъ покровительствующимъ державамъ, и онъ не могъ дѣйствовать по своему свободному усмотрѣнію. Въ странѣ, которою онъ управлялъ, едва доставало доходовъ, чтобы покрывать двѣ трети неминуемыхъ издержекъ. Опека державъ лишала даже возможности пользоваться всѣми источниками общественнаго богатства. Ему оказывали съ одной стороны скупость, съ другой недовѣрчивость, что̀ самое, въ борьбѣ съ нуждою, порождало ему враговъ, старавшихся заподозрить его въ глазахъ народа и выставлять послушнымъ угодникомъ иноземной власти, коей будто онъ все приносилъ въ жертву, руководясь побужденіями личными.

Сначала только осуждались дѣйствія правительства, потомъ начали подговаривать къ ослушанію и даже возмущенію. Нерѣдко употреблялись для того самыя нескромныя средства. То, что̀ въ другое время и въ другихъ мѣстахъ повлекло бы за собою тяжкую отвѣтственность, тутъ и въ это время по необходимости прощалось. Долго было бы излагать всѣ подробности. Приведу одинъ примѣръ, который случайно пришелъ мнѣ на память.

Черезъ нѣсколько дней послѣ гибели фрегата «Гелласъ», сожженнаго Міаулисомъ, подгулявшіе офицеры французскаго военнаго судна расхаживали по навплійскимъ улицамъ, пѣли возмутительныя пѣсни и кричали почти подъ самыми окнами президента: «Слава Міаулису! Прочь капоты!» Послѣднее слово, по созвучію первыхъ слоговъ съ именемъ Каподистріи, служило оскорбительнымъ намекомъ. Мнѣ возразятъ, можетъ-быть, что отсюда еще далеко до убійства. Я это самъ понимаю; но внимательный читатель конечно согласится, что подобныя, часто повторяемыя. выходки должны были содѣйствовать тому, что̀ произошло тутъ.

Много было людей, не любившихъ графа Каподистріи просто потому, что онъ заслонялъ ихъ собою, благодаря своимъ великимъ способностямъ. Имъ нужно было, во что бы ни стало, избавиться отъ него. Чтобы вѣрнѣе того достигнуть, надлежало воспламенить пылкое воображеніе Грековъ; имъ надлежало внушить, что непригодное для однихъ будетъ вредно и для нихъ самихъ, и что вредное слѣдуетъ разрушить. Наглость дошла до крайности: безъ малѣйшаго стѣсненія открыто говорили, что тотъ, кто убьетъ президента, будетъ истиннымъ героемъ и пріобрѣтетъ право на признательность отечества.

Утверждали, что въ ночь съ 26 на 27 сентября, французскія суда, стоявшія въ навплійской пристани, подвинулись къ городскимъ укрѣпленіямъ и что генералъ Жераръ взошелъ на батарею Пяти Братьевъ и подалъ сигналъ...

Положимъ, что все это справедливо, но выводимое изъ того заключеніе не довольно положительно и ясно; слишкомъ долго пришлось бы разбирать всю путаницу противорѣчащихъ показаній, записанныхъ въ слѣдствіи. Видно, что слѣдствіе производилось нелѣпымъ образомъ и съ большими опущеніями, что̀ произошло или отъ неспособности членовъ, или отъ вліянія задней мысли, или отъ боязни навлечь на себя

неудовольствіе тѣхъ, кого не хотѣли оскорбить изъ политическихъ видовъ, и можетъ, всѣ эти причины совокупно сдѣлали то, что слѣдственная коммиссія не достигла прямой своей цѣли и не удовлетворила всеобщаго ожиданія. Еслибы нѣкоторыя лица вызваны были къ отвѣту, то показанія ихъ разъяснили бы дѣло и имѣли бы неоспоримую важность, но ихъ пощадили или, лучше сказать, ихъ боялись.

Докладчикъ по уголовнымъ дѣламъ вызывалъ для показаній одного изъ адъютантовъ генерала Жерара, но послѣдній отвѣчалъ очень грознымъ письмомъ и, подъ самыми ничтожными предлогами, удержалъ вызываемаго отъ явки въ судъ. На вызовѣ болѣе не настаивали.

Видно однакожъ изъ самаго слѣдствія, что когда Георгій вмѣстѣ съ своими сообщниками спасались бѣгствомъ, то они встрѣтили артиллерійскій баталіонъ, посланный для занятія площади, который преградилъ имъ путь къ батареѣ Пяти Братьевъ, что тогда бѣглецы старались проскользнуть между солдатъ, для того чтобы пересѣчь улицу и достигнуть своей цѣли. Изъ сего можно заключить, что ихъ прямая и прежде обдуманная цѣль состояла въ томъ, чтобы укрыться въ домѣ французскаго консульства. Еслибы они не знали, что найдутъ тамъ убѣжище, то для чего было бы имъ подвергаться неминуемой опасности и не бѣжать по другому пути, гдѣ они не встрѣтились бы съ солдатами?

Изъ того же слѣдствія видно, что Георгій вмѣстѣ съ своими сообщниками вошелъ въ домъ Валліано, но когда и какъ перешли они въ домъ барона Руена, о томъ ничего тамъ не сказано. Кажется, что не хотѣли коснуться этой струны, хотя необходимо было бы разъяснить послѣднее обстоятельство.

Только въ 10 часовъ утра баронъ Руенъ объявилъ, что обвиняемые въ убійствѣ находятся у него въ домѣ, и по собственному своему побужденію предложилъ передать ихъ мѣстной власти. Когда же въ половинѣ третьяго явился комендантъ для взятія преступниковъ, то баронъ отказалъ въ выдачѣ Мавромихали, потому что послѣдній просилъ у него убѣжища и отдался подъ его покровительство, и затѣмъ, въ удовлетвореніе требованія, выдалъ двухъ сообщниковъ убійцы. Что же давало право Георгію на такое особенное покровительство? Не то ли, что руки его еще дымились кровію? Къ вечеру, уступая чувству личнаго опасенія, баронъ согласился его выдать. Г. Пелліонъ взялъ подъ руку убійцу, злодѣяніе котораго было ему извѣстно, и старался возбудить сострадание въ солдатахъ, увѣряя ихъ своею честію въ извѣстной будто ему невинности злодѣя.

Показанія Каломудгарти очень подозрительны; онъ говоритъ, что генералъ Жераръ, услышавъ отъ Ангелиса о томъ, что президентъ убитъ, поспѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ ко дворцу, но что, проходя мимо дома барона Руена, они услышали шумъ и вошли туда, желая узнать что̀ тамъ происходитъ. Лишь только баронъ увидѣлъ вошедшаго генерала, то вскричалъ: «Что мнѣ дѣлать? Преступники ворвались сюда!» Прежде всего обезоружить ихъ, отвѣчалъ Жераръ, и тогда же приказалъ Каломудгарти отобрать отъ нихъ оружіе. Георгій, передавая ему свои пистолеты, поцѣловалъ то мѣсто, на которомъ остался слѣдъ недавно сдѣланнаго выстрѣла. Не будемъ разбирать показаній часовыхъ, поставленныхъ при водоемѣ и на Ичь-Кале, такъ какъ по неизвѣстной причинѣ они пропущены въ дѣлѣ; но ясно, что баронъ Руенъ, генералъ Жераръ и Пелліонъ знали еще сначала, куда именно скрылись убійцы. От-

чего же баронъ Руенъ объявилъ о томъ только въ 10 часовъ утра? Отчего г. Жераръ и Пелліонъ, бывшіе на службѣ и на жалованьѣ правительства, хранили такое же молчаніе? Развѣ Пелліонъ не видалъ патетическаго движенія Георгія въ поцѣлуѣ убійственнаго оружія—и затѣмъ провозгласилъ преступника невиннымъ? Или, въ порывѣ страстнаго своего удивленія, онъ уже не считалъ этого преступленія преступленіемъ? Такіе поступки не возбуждаютъ ли негодованія? Я бы не кончилъ, еслибы сталъ приводить здѣсь все, что̀ подавало къ тому поводъ, что̀ разсказывали люди, вполнѣ преданные отечеству, гнушавшіеся убійствомъ (13).

Думаю. что здѣсь слѣдуетъ дать свѣдѣніе о характерѣ убійцъ и о томъ, какія причины побудили ихъ къ совершенію такого безчестнаго злодѣянія.

Семейство Мавромихали родомъ изъ Майны (древняя Спарта). Байронъ говоритъ о Майнѣ въ 7 примѣчаніи къ своему Гяуру.

Въ то время когда прочіе Греки стенали подъ ярмомъ рабства, Майноты имѣли больше независимости. Обитатели дикой и безплодной страны, они сохранили тотъ воинственный духъ, которому удивляются въ ихъ предкахъ. Ими не управляли турецкіе чиновники: бѣдность служила Майнотамъ оградою отъ хищничества Турокъ, и они думали, что не сто̀итъ труда порабощать ихъ. Но Майноты по случайному согласію признали за Высокою Портою право утверждать избираемыхъ ими самими старѣйшинъ или беевъ; члены Дивана пользовались этимъ случаемъ, чтобы взять что-нибудь съ избираемаго и нисколько не заботились о томъ, будутъ ли Майноты уважать выданный имъ фирманъ, или нѣтъ.

Съ нѣкотораго времени званіе бея стало какъ бы принадлежностью семейства Мавромихали, и народъ привыкъ уже прилагать къ нему названіе *василеа*; случалось, что возникали и споры противъ такой привилегіи, и вслѣдствіе этого, среди этого буйнаго, необщительнаго и жестокаго племени, начинались междуусобицы. Между враждующими происходили нескончаемыя побоища. Жизнь Майнота была постоянной гоньбою за случаемъ убійства. Тяжелыя домашнія работы возложены на женщинъ: онѣ засѣваютъ поля и убираютъ хлѣбъ, личность ихъ почитается неприкосновенною. Воздержность Майнота по истинѣ изумительна: пищу его составляетъ небольшое количество ячменной муки, лукъ, чеснокъ, маслины, молоко, сыръ и мясо соленыхъ куропатокъ; во время перелета этихъ птицъ Майноты запасаются ими въ огромномъ количествѣ. Живутъ они въ башенкахъ, отдѣльно одна отъ другой, но не слишкомъ въ далекомъ разстояніи; на верху башни настланъ ровный помостъ. Верхнее жилье занимаетъ женщина, а нижнее мужчина. Онъ сидитъ тамъ, съ боку у него стоитъ ружье, а въ рукахъ у него мандолина, на которой онъ наигрываетъ пѣсню и смотритъ въ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе, подстерегая своего непріятеля, т. е. приверженца противной стороны. Горе неосторожному путнику, который подойдетъ на такое разстояніе, что пуля можетъ попасть въ него: онъ непремѣнно погибнетъ отъ руки своего врага! Положивъ на мѣстѣ прохожаго путника, убійца спокойно беретъ опять свою мандолину и продолжаетъ прерванную пѣсню. Въ условные сроки даже и самыя женщины, не принимающія никакого участія въ раздорахъ мужчинъ, дѣлаютъ другъ другу вызовы, всходятъ на помосты башенъ и начинаютъ метать изъ пращей камнями, что̀ нерѣдко оканчивается смертію которой-нибудь изъ нихъ, потому что онѣ об-

ладаютъ большою ловкостью и рѣдко дѣлаютъ промахи. Въ то время когда у женщинъ идетъ побоище, мужчины соблюдаютъ между собою родъ перемирія, и спокойно смотрятъ на происходящее. Графъ Андрей Метакса, посланный президентомъ въ 1830 году для осмотра Майны, говорилъ, что нашелъ тамъ одного Майнота, который никогда не переступалъ за порогъ своего дома, денно и нощно занимаясь подстереженіемъ и убіеніемъ враждебныхъ ему людей.

Старшая и младшая линія рода Мавромихали давно враждовали между собою, изъ чего слѣдовали взаимныя нападенія другъ на друга, грабежи, убійства, и по обычаю дикарей, свойственному ихъ странѣ, кровавая месть за пролитіе крови. Во время войны за возрожденіе Греціи Майноты не сражались противъ общаго непріятеля, т. е. противъ Турокъ, но постоянно дрались между собою. Старыя вражды не прекращались, но съ того времени, когда въ Греціи возникъ какой-нибудь общественный порядокъ, они уменьшили свою свирѣпость и стали менѣе осторожны, чѣмъ и поспѣшили воспользоваться Константинъ, братъ Петра бея, и сынъ послѣдняго, Георгій: они напали на одного Мавромихали изъ младшей линіи и нанесли ему многія раны.

Пора частнаго мщенія миновала. Слабая числомъ семья израненнаго искала покровительства законовъ. Президентъ принялъ отъ нея просьбу и потребовалъ виновныхъ къ отвѣту.

Здѣсь историку предстоятъ большія затрудненія въ случаѣ, если читатель незнакомъ съ мѣстными нравами. Чтобы дать ему о нихъ понятіе, должно войдти въ подробности, превышающія объемъ этой статьи. Надобно однако сказать здѣсь, что Греки даже и въ то время, когда были еще подъ турецкимъ владычествомъ, управлялись своими выборными, которые сами собою составляли родъ внутренней мѣстной аристократіи подъ именемъ коджей, башей и приматовъ и дѣйствительно были во главѣ управленія, оставляя турецкому правителю одинъ громкій титулъ и ненавистныя дѣйствія исполнительной власти. Прощеніе кому-либо или какое снисхожденіе испрашивала всегда также аристократія, вмѣняя исходатайствованіе себѣ въ заслугу и обращая все въ свою пользу, а зло приписывая учрежденной надъ ними власти. Вслѣдствіе такой коварной системы она пріобрѣла большую силу надъ народомъ, и онъ долго еще останется подъ ея вліяніемъ; а до тѣхъ поръ пока оно продолжится, возмущенія не прекратятся противъ власти, основанной на законахъ; послѣдняя будетъ конечно дѣйствовать не согласно съ выгодами людей такого рода.

Учрежденіе судовъ было предметомъ желанія всего народа; но гдѣ было найдти истолкователей закона среди населенія, прозябавшаго подъ игомъ варваровъ? Президентъ принужденъ былъ раздавать мѣста Грекамъ съ Іоническихъ острововъ: они одни вмѣстѣ съ знаніемъ языка имѣли понятіе о порядкѣ судопроизводства. Справедливость заставляетъ сознаться, что соотечественники президента (онъ родился на островѣ Корфу) толпою собирались къ нему въ надеждѣ, что будутъ располагать мѣстами. Враги его воспользовались этимъ и не преминули обвинить его въ томъ, что онъ раздаетъ почетныя мѣста своимъ, и не допускаетъ до нихъ туземцевъ. Надобно вникнуть въ силу тамошнихъ предразсудковъ, чтобы представить себѣ, какое дѣйствіе произвелъ на нихъ вызовъ къ отвѣту сына Петро-бея! Въ судѣ засѣдали ненавистные имъ чужеземцы.

Теперь мнѣ становится еще труднѣе сдѣлать разсказъ мой понятнымъ читателю Европейцу, а между тѣмъ достовѣрно, что

учрежденіе судовъ было главнымъ поводомъ къ неудовольствію, особенно по личному ихъ составу. Греки полагаютъ, что въ судьѣ состоитъ законъ, вопреки нашимъ европейскимъ понятіямъ. Мы смотримъ на судей, какъ на истолкователей закона, съ которыми нельзя дѣлать сдѣлки, и какъ на послушныя его орудія; въ Греціи самые основательные поводы къ вызову на судъ называлисъ дѣйствіями тиранства. Люди нѣсколько болѣе образованные, казалось, должны были понять, что повиновеніе законамъ необходимо, но какъ скоро оно оказывалось несогласно съ ихъ выгодами, то начинали вторить недовольнымъ, вопіять противъ самовластія и порицать дѣйствія правительства. Замѣтимъ, что и сами чужестранцы (называемые тамъ Европейцами) не отставали отъ участія въ коварныхъ замыслахъ и, какъ только являлся къ тому предлогъ, старались унижать правительство.

Старый бей, членъ Герузіи (Сената), пришелъ въ ярость отъ самовластія президента, и своими зловредными внушеніями началъ подстрекать другихъ. Сторонники его, посланные имъ въ Майну, собрали тамъ вооруженную шайку; намѣреваясь лично предводительствовать сю, Петро-бей тайно оставилъ Навплію и отправился въ Лимекскую гавань, на кораблѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе Англичаниномъ Гордономъ. Буря заставила бея бросить якорь при Армиро, что въ Каламитскомъ заливѣ; мѣстное начальство, извѣщенное о враждебныхъ его замыслахъ, задержало его и возвратило въ Навплію, гдѣ онъ посаженъ былъ въ крѣпость Ичь-Кале, что опять назвали тиранствомъ.

Въ то время, когда Петро-бей Мавромихали сидѣлъ въ крѣпости за политическое преступленіе, а его сынъ и братъ по уголовному дѣлу, во многихъ мѣстахъ произошли возстанія. Изъ этого можно заключать, что неудовольствіе было всеобщее, но это будетъ ошибочно; говоря о Грекахъ, мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ мирныхъ жителей, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговыхъ людей, а затѣмъ разнородный сбродъ, готовый къ переворотамъ. Въ немъ конечно есть и природные Греки, но бо̀льшую часть составляютъ Греки, выѣзжіе изъ Европы, разсѣянные по всему пространству земли, и чуждые здѣшнему эллинскому семейству. Многіе изъ послѣднихъ, отличавшіеся дурными свойствами, стояли подъ знаменами возрожденія Греціи; но ими не руководили такія высокія чувства. Занимая попеременно разныя должности, они приходили и уходили, какъ имъ вздумалось; но едва только Греція получила надежду на лучшую будущность, они снова налетѣли на нее подобно стаѣ хищныхъ птицъ; каждый изъ нихъ объявлялъ свои права на признательность народа и старался увѣрить, что отечество ему одному обязано своимъ спасеніемъ. Скажемъ здѣсь о чрезвычайной несоразмѣрности требованій просителей и тѣхъ способовъ, какіе имѣлъ президентъ для ихъ удовлетворенія; сто̀итъ только припомнить, что онъ раздѣлилъ Грецію на 10 или 11 префектуръ, eclatos, или епитропій, а кандидатовъ на эти мѣста значилось по росписи 600 человѣкъ. Если сообразимъ, что на второстепенныя должности было почти такое же число искателей, то понятно, въ какомъ затрудненіи находилось правительство, чтобы удовлетворить эту толпу людей, которые старались поставить себя на видъ, для *полученія мѣста*. Вотъ ключъ къ раскрытію причинъ безпрестанныхъ возмущеній, и онѣ перестанутъ удивлять насъ, если прибавимъ, что въ Греціи было тогда слишкомъ 10,000 не регулярнаго сухопутнаго и морскаго войска, которое плохо получало жалованье и нахо-

дилось подъ распоряженіемъ ненасытныхъ корыстолюбцевъ, имѣвшихъ въ виду свои личныя выгоды. Къ этому времени, столь обильному потрясеніями, присоедините денежныя затрудненія, что понятно въ странѣ, гдѣ еще не установился порядокъ. Частыя промедленія Лондонской конференціи, отъ которой зависѣла участь Греціи, противуположность выгодъ покровительствующихъ державъ, и пр. дастъ понятіе, хотя все еще не полное, о томъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился президентъ и что было причиною возмущеній.

Уступая мнѣнію своихъ совѣтниковъ, что лучшимъ средствомъ къ умиротворенію страны и къ привлеченію умовъ будетъ пощада семейства Мавромихали, столь сильнаго на родинѣ, президентъ назначилъ дядѣ и племяннику мѣстомъ заключенія стѣну крѣпости. Здѣсь имъ дозволено было свободно прохаживаться подъ надзоромъ двухъ полицейскихъ стражей; имена послѣднихъ были: Яни Караяни и Андрей Партиносъ; они прежде служили въ домѣ Мавромихали, а потомъ случайно, а можетъ-быть и съ умысломъ, поступили въ полицію.

Люди, которые старались о разрушеніи учрежденнаго порядка, овладѣли обоими Мавромихали, уже запятнавшими себя не однимъ преступленіемъ, и слѣдовательно способными совершить новое. Они-то подстрекнули ихъ на убійство, превращая злодѣяніе въ подвигъ. Эта идея принята была тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе правленіе Каподистріи было противно людямъ такихъ свойствъ какъ Мавромихали. Ненависть послѣднихъ къ президенту была усиливаема первыми, и они особенно сошлись между собою потому, что и тѣ и другіе были личными врагами президента и не переставали возстановлять противъ него всѣхъ, кто только имѣлъ какое-нибудь вліяніе въ Греціи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Для полнѣйшаго уразумѣнія этаго повѣствованія читателю необходимо имѣть планъ Навпліи, или хорошо запомнить ея топографическое описаніе.

На скалѣ, высотою въ 750 футовъ, построена крѣпость Паламиди. Ниже простирается долина овальной формы. Отъ крѣпости она отдѣляется рвомъ, и склоняясь отъ востока на западъ оканчивается мысомъ, гдѣ находится пристань. Съ юга долина омывается моремъ, а на сѣверной сторонѣ застроена домами, поднимающимися вверхъ, по горѣ, и стоящими почти въ ровень съ стѣною крѣпости. Археологи утверждаютъ, что на этой возвышенной плоскости существовала древняя Навплія. Съ теченіемъ времени наносные пески образовали, у подошвы скалы, равнину, гдѣ явились дома и образовался городъ. Венеціане, во время владычества своего надъ Мореею, заботились объ укрѣпленіи Навпліи, воздвигли крѣпость Паламиди и стѣну, извѣстную нынѣ подъ именемъ Ичь-Кале.

Городъ можно раздѣлить на три части: первая находится въ оградѣ стѣны Ичь-Кале; остальная, растянутая по ровной плоскости, раздѣляется на-двое плотною стѣною, параллельно противъ Ичь-Кале, Пентадельфія, имя данное потому, что здѣсь нѣкогда стояли пять пушекъ, огромнаго размѣра; эта часть города оканчивается на лѣвой сторонѣ бастіона, стоящаго на твердой землѣ; отъ него идетъ люнетъ (полумѣсяцъ) вдающійся въ море; съ правой стороны бастіона находится на протяженіи 70 саженъ четвероугольное пространство и оканчивается мостомъ, который построенъ у подошвы крѣпости и ея ограды, Ичь-Кале. Это пространство

съ сухаго пути есть единственная точка для защиты города, равно какъ и для нападенія. Крѣпостной мостъ служитъ единственнымъ выходомъ изъ города на твердую землю. Съ одной стороны ограждаетъ его батарея въ три уступа (Ичь-Кале), съ другой люнетъ батареи, что̀ на твердой землѣ и другой на оконечности, вдающейся въ море. Послѣдній бастіонъ влѣво отъ перваго устроенъ такъ хорошо, что съ него удобно производить перекрестный огонь. Вторая часть города поднимается вверхъ до стѣны, ограждающей крѣпость, также отъ подошвы Ичь-Кале. Третья—отъ стѣны до набережной и составляетъ поморское предмѣстье. Войдя въ Навплію съ сухаго пути, проходишь по узкой и грязной улицѣ, слѣдуя вдоль изгибовъ Ичь-Кале, и приходишь къ батареѣ Пяти Братьевъ. На этой улицѣ стоитъ церковь св. Спиридона; входная дверь ея обращена къ переулку, поднимающемуся въ верхнюю часть города.

Не должно воображать, что наружный видъ этой церкви походитъ на видъ церквей въ другихъ мѣстностяхъ. Это мрачный, прямоугольный сарай, а входная, сбоку пробитая, дверь не шире двери въ домѣ какого-нибудь частнаго человѣка. Къ церковной стѣнѣ прислонены дома.

Съ той стороны, гдѣ находится батарея Пяти Братьевъ, море омываетъ стѣну, раздѣляющую городъ на двѣ части. Поморское предмѣстіе начинается въ порядочномъ отъ нея разстояніи съ восточной стороны. Батарея Пяти Братьевъ имѣетъ пристань и деревянный молъ (или брусяную стѣну) для огражденія судовъ всякаго рода. Входъ туда бываетъ открытъ только въ случаѣ потребности.

Идучи назадъ отъ батареи, видишь казенный домъ, выстроенный особнякомъ, который занималъ, вмѣстѣ съ своимъ штабомъ, генералъ Жераръ, начальствовавшій надъ регулярными войсками. Французскій резидентъ, баронъ Руенъ, жилъ въ домѣ г. Трикупи, ближе къ морю. Отъ этого дома, отдѣленный только садомъ, стоялъ домъ г. Валліано, маіора инженернаго баталіона. По верху упомянутой стѣны выстлана дорожка (тротуаръ) вровень съ окнами нижняго жилья Руена и Валліано. Но между этими домами и стѣною пролегаетъ улица, шириною въ 3 или 4 сажени. Дорожка по ребру стѣны ведетъ къ цистернѣ, устроенной противъ угла дома г. Валліано.

Самыя замѣчательныя мѣста въ городѣ (т. е. тѣ, о которыхъ мы говоримъ въ нашемъ повѣствованіи) суть, во-первыхъ, вышеозначенныя; затѣмъ, идучи далѣе, и поднимаясь вверхъ, приходишь на площадь Яворовъ, или на войсковую площадь. На послѣдней самое замѣчательное зданіе представляютъ казармы, съ воротами подъ сводомъ, въ боковыхъ стѣнахъ которыхъ подѣланы комнаты для виновныхъ въ нарушеніи военнаго устава; далѣе находится военное училище; затѣмъ, пройдя еще одни ворота со сводами, видишь небольшой дворецъ, или просто домъ, графа Каподистріи,—зданіе, гдѣ помѣщается герузія, жилище русскаго резидента, барона Рикмана, и другіе.

2. Европейскіе читатели, свыкшіеся съ обычаями своей страны, конечно станутъ удивляться, что литургія совершается здѣсь такъ рано. Надобно сказать, что Греки, во избѣжаніе столкновеній съ Турками, старались совершать божественную службу прежде, нежели тѣ поднимутся на ноги.

3. Президентъ не любилъ репрезентаціи; онъ едва допускалъ служившаго у

него Албанца сопровождать себя, и если кто либо изъ слугъ присоединялся къ послѣднему, то это было вовсе не по приказанію президента, а часто даже и напротивъ того. Каждый день, въ опредѣленный часъ, президентъ, въ штатскомъ платьѣ, съ палкою въ рукахъ, отправлялся на прогулку одинъ и ходилъ часъ или два, свободнымъ и легкимъ шагомъ. Онъ не очень любилъ Георгія Кандіотти, который лишился правой руки, сражаясь за отечество.

4. Президентъ, сообразно теченію дѣлъ, бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ получилъ благопріятныя вѣсти изъ Лондона, и сверхъ того я знаю изъ вѣрнаго источника, что глава недовольныхъ въ Идрѣ, Кандуріотти, препроводилъ къ нему письмо, съ изъявленіемъ своей готовности покориться, присовокупляя только просьбу пощадить его самолюбіе.

5. Греческая артиллерія устроена была по образцу Французской. Войско дѣлилось на баталіоны (въ то время былъ только одинъ), баталіонъ—на роты. Артиллеристы были вооружены такими же ружьями, какъ и пѣхотинцы.

6. Президенту сдѣланы были многіе доносы, но онъ не хотѣлъ имъ вѣрить, особливо тому, чтобы кто-либо рѣшился покуситься на его жизнь тамъ, гдѣ собственная жизнь убійцы подверглась бы неминуемой опасности. Онъ говорилъ, что на такое покушеніе скорѣе могли рѣшиться въ его кабинетѣ, откуда убійцѣ удобнѣе было бѣжать, прежде нежели узнали бы о случившемся. Многимъ, убѣждавшимъ президента принять мѣры предосторожности, онъ отвѣчалъ съ усмѣшкою: «Можно ли имѣть такъ мало здраваго смысла, чтобы вздумать убить меня на улицѣ? Вы знаете, да это и всѣмъ извѣстно, что доступъ ко мнѣ свободенъ всякому, что мои служители сидятъ въ третьей или четвертой комнатѣ отъ моего кабинета, гдѣ я занимаюсь дѣлами и гдѣ принимаю. Можетъ-быть, вы предполагаете, что ко мнѣ войдетъ такой же широкоплечій человѣкъ, какъ полковникъ Райко, подхватитъ меня руками, задушитъ, потомъ тихо опуститъ на кресло и успѣетъ выйдти, прежде нежели другіе хватятся, что я отдалъ Богу душу.»

7. Пистолеты заговорщиковъ заряжены были отличнымъ англійскимъ порохомъ и двумя пулями, связанными проволокою.

8. Съ нѣкотораго времени оба Мавромихали стали часто ходить въ церковь. Въ день убійства, предъ началомъ литургіи, они подошли къ образу, *поставили свѣчи* и усердно помолились, а потомъ приблизились къ дверямъ.

9. Тѣло Константина Мавромихали до того было обезображено, что нельзя было узнать съ перваго взгляда; его даже приняли сначала за Турка.

10. Солдаты легко смѣтили, чего хотѣлось генералу Жерару: ему хотѣлось присвоить себѣ главное начальство надъ военною силою. Они знали, что уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ согласія не было между президентомъ и генераломъ; они понимали, что смерть перваго не возмущаетъ послѣдняго и что вслѣдствіе того онъ не будетъ въ настоящую минуту дѣйствовать какъ бы слѣдовало, а потому и отвѣчали ему такъ рѣзко. Замѣчательно то, что генералъ, стараясь склонить войско на свою сторону, обратился напередъ къ своему любимому полку, носившему названіе типическаго, или образцоваго, которому онъ позволилъ носить національную одежду и испросилъ нѣкоторыя привилегіи, что̀ возбудило не-

удовольствіе въ другихъ; но и этотъ самый полкъ не измѣнилъ долгу и такимъ образомъ разстроилъ планы Жерара.

11. Онъ испробовалъ всѣ возможные способы для привлеченія на свою сторону солдатъ и офицеровъ, но никто не хотѣлъ его слушать. Пробили въ барабаны, и затѣмъ войско могло принимать приказанія только отъ высшаго, любимаго ими начальника, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Въ числѣ многихъ средствъ, употребленныхъ Жераромъ для пріобрѣтенія власти, разскажемъ слѣдующее: подъ благовиднымъ предлогомъ, что войску слѣдуетъ заявить предъ всѣмъ народомъ, что оно готово подчиниться рѣшеніямъ правительственной коммиссіи, онъ вздумалъ идти во главѣ его къ дому собранія. Безъ всякаго отношенія къ коменданту, онъ послалъ приказаніе всѣмъ офицерамъ собраться въ такой-то часъ и въ такомъ-то мѣстѣ. Не сомнѣваясь въ исполненіи послѣдними его приказа, генералъ пошелъ на сборное мѣсто, но посланные возвратились съ отвѣтомъ, что войско стоитъ подъ ружьемъ, офицеры при своихъ мѣстахъ, но что они не двинутся съ мѣста безъ распоряженія полковника Алмейды. Послѣ такого извѣщенія генералъ долженъ былъ возвратиться и послать отношеніе къ коменданту, послѣ чего офицеры по первому назначенію явились. Полковникъ, занятый другими дѣлами, особенно же взятіемъ подъ стражу Георгія, не участвовалъ въ этомъ посѣщеніи, графъ Августинъ тоже. Г. Колетти принялъ генерала и его штабъ-офицеровъ, и послѣдній предлагалъ, чтобы правительственная коммиссія для отмѣны ихъ вручила ему надлежащую власть, но тогда одинъ изъ офицеровъ сдѣлалъ противъ этого сильное и рѣзкое возраженіе, и генералъ, видя, что мнѣніе не склоняется въ его пользу, оставилъ свои попытки и нѣсколько дней не показывался въ обществѣ. Неудовольствіе солдатъ противъ Жерара было такъ сильно, что со дня убіенія президента по тотъ, когда ему прислали отставку, и рядовые и бывшіе на часахъ, упорно отказывались отдавать ему честь, какъ главноначальствующему. Выговоры и даже наказанія не дѣйствовали: они притворялись, что не видали его, когда онъ проходилъ мимо нихъ.

12. Колокотрони выбранъ былъ заочно: 27 сентября онъ находился въ Коринѳенѣ.

13. Мы говорили уже о сношеніяхъ должностныхъ лицъ, о томъ, что баронъ Руенъ объявилъ только въ 10 часовъ утра, что преступники находятся у него въ домѣ. Приведемъ показанія свидѣтелей и просимъ читателей обратить на нихъ вниманіе. Первое показаніе лейтенанта Каломудгарти, адъютанта генерала Жерара:

«При первомъ извѣстіи о печальномъ событіи, генералъ Жераръ быстрымъ шагомъ пошелъ къ площади Трехъ Адмираловъ; но, услышавъ необычайный шумъ въ домѣ, занимаемомъ французскимъ консульствомъ, постучался въ двери,» и пр. Замѣчу, что дорога, по которой надобно было идти генералу, шла совсѣмъ не мимо этого дома; она пролегала позади каменной стѣны, отдѣляющей домъ, такъ что за этой стѣной невозможно было слышать что бы тамъ ни происходило и какъ бы тамъ ни шумѣли. Къ тому же послушные и покорные имъ люди, отдавшіе по первому требованію свое оружіе, не стали бы громко шумѣть.

Второе показаніе сдѣлано баталіоннымъ командиромъ Валліано и еще однимъ лицомъ, проживавшимъ у него въ домѣ:

«Въ воскресенье, 27 сентября, прія-

тель Г. Валліано выходилъ изъ его дома и встрѣтилъ на лѣстницѣ Георгія Мавромихали, на лицѣ коего видны были испугъ и свирѣпость. Георгій сказалъ ему, чтобы онъ воротился назадъ, что у воротъ поставленъ часовой, которому велѣно стрѣлять въ каждаго, кто къ нему приблизится. Послѣ того онъ бросился въ комнату Валліано, лежавшаго еще въ постелѣ съ своей женой, и сказалъ ему: «Мы ушли. Куски и осколки.» Послѣ, на судѣ онъ постоянно отпирался отъ участія въ заговорѣ и возлагалъ всю вину на дядю; утверждалъ, что не говорилъ: «Мы ушли», а сказалъ: «ушли,» что̀ на греческомъ языкѣ имѣетъ двойной смыслъ. Да кого же вы на куски изрубили?—спросилъ у него Валліано, и узнавъ, что дѣло шло о президентѣ, не могъ удержаться и вскрикнулъ отъ ужаса. «Замолчи!» сказалъ Мавромихали, приставивъ къ груди его пистолетъ. «Если ты скажешь громко хотя одно слово, то я убью тебя.» Удостовѣрившись, что нечего опасаться жильцовъ Валліано, Георгій и его сообщники заставили входную дверь, завалили подушками и матрасами окна, затворили ставни, и въ ожиданіи нападенія приготовились къ оборонѣ. Валліано набросилъ шаль на плеча своей жены и спѣшилъ уйдти въ домъ французскаго консульства.

Когда и какимъ образомъ убійцы перешли въ домъ Руена — о томъ нѣтъ ни одного слова въ слѣдственномъ дѣлѣ.

При разсмотрѣніи этихъ показаній и подробностей, относящихся къ самому дѣлу, выясняются слѣдующія событія:

Во-первыхъ, явное противорѣчіе между показаніями Коломудгарти и Валліано. Показаніе послѣдняго, согласовавшееся съ показаніями должностныхъ лицъ, есть формальное опроверженіе показаній перваго; очевидно, что потребно было время для перехода изъ дома Валліано въ домъ французскаго консульства, слѣдовательно генералъ Жераръ при первомъ своемъ выходѣ никакъ не могъ видѣть убійцъ и взять отъ нихъ оружіе.

Во-вторыхъ, что баронъ Руенъ не былъ застигнутъ убійцами врасплохъ, но принялъ ихъ въ приготовленное для нихъ убѣжище. Повторяю это потому, что все заставляетъ думать, что убійцы имѣли цѣлію добраться до дома французскаго консульства, и что ежели они сначала и скрылись въ домѣ Валліано, то вѣроятно это сдѣлано было для того, что по этой улицѣ было удобнѣе пройдти въ консульство.

Изъ огромнаго числа фактовъ приводимыхъ въ дѣлѣ, упомянемъ объ одномъ, заслуживающемъ особеннаго вниманія.

Военный судъ, учрежденный президентомъ, вѣдомству котораго поручены были дѣла о возмущеніяхъ, о государственной измѣнѣ и разбояхъ, подвергъ допросу Георгія и его сообщниковъ, но они упорствовали въ запирательствѣ и возлагали всю вину на Константина, котораго уже не было на свѣтѣ. Въ числѣ вещей, подкрѣпляющихъ обвиненіе, представлены пистолеты Георгія и Караяни; одинъ изъ нихъ былъ заряженъ, а на другихъ оставались слѣды недавнихъ выстрѣловъ. Обвиняемые утверждали, что они выстрѣлили на воздухъ, для того чтобы передъ ними разступилась толпа и не заставила бы ихъ пострадать за преступленіе Константина. Пистолеты Партиноса оказались не заряженными, и на нихъ не оказалось слѣдовъ выстрѣла, и потому судъ призналъ его виновнымъ въ измѣнѣ и убійствѣ не предумышленномъ. Впослѣдствіи онъ однакожъ признался, что и его пистолеты также были заряжены, какъ и у прочихъ; но, несмотря на такое признаніе, чья-то благо-

склонность измѣнила заслуженный имъ смертный приговоръ на ссылку въ каторжную работу, срокомъ на 10 лѣтъ.

Караяни, выслушавъ чтеніе своего смертнаго приговора, пришелъ въ сильное отчаяніе; тутъ онъ сталъ говорить, что сообщитъ важныя открытія, и судъ имѣлъ слабость согласиться его выслушать. Это доставило преступнику возможность выиграть время до той эпохи, когда нечего уже было думать о совершеніи казни. Послѣ того, вмѣстѣ съ Партиносомъ, онъ свободно и спокойно ходилъ по городу.

ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО КЪ АРКАДІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ СТОЛЫПИНУ.

От 5-го марта 1818-го г. (Пенза)

Весьма благодаренъ вамъ за Исторію Карамзина. Что бы ни говорили ваши либиральные *врали*, а исторія сія ставитъ его на ряду съ первѣйшими писателями въ Европѣ. Скажу даже, что я ничего не знаю ни на англійскомъ, ни на французскомъ языкѣ превосходнѣе. Слогъ вообще прекрасный; духъ—и времени и обстоятельствамъ и достоинству Имперіи свойственный; богатство учености и изысканій дѣйствительно вездѣ рѣдкое, а у насъ и невиданное и небывалое. Онъ и Уваровъ у насъ суть первые ученые люди изъ Русскихъ,—первые не только по достоинству, но и по времени. Въ семъ родѣ, т. е. въ истинной учености, отъ Ѳеофана до нихъ у насъ совершенная пустота. Я говорю о Русскихъ, а не о Нѣмцахъ, кои занимались нашими дѣлами и нынѣ еще занимаются съ великимъ успѣхомъ. Можно сдѣлать нѣсколько примѣчаній и мелкихъ поправленій, но что значатъ сіи маленькія пятна! Въ посвященіи слогъ моложавъ и даже есть нѣкоторое острословіе, важности предмета несоразмѣрное,—но кто читаетъ посвященія? И Корнель, и Расинъ писать ихъ не умѣли. О предисловіи тоже можно сдѣлать примѣчаніе, но я говорю объ Исторіи, а не о фразахъ и мелочахъ. Не пріобщайтесь, ради Бога, къ толпѣ людей, къ сожалѣнію, у насъ еще многочисленной, людей, кои не умѣютъ или не хотятъ отдать справедливости самымъ истиннымъ достоинствамъ, когда не находятъ въ нихъ своихъ системъ, или своихъ предубѣжденій: совѣтъ, впрочемъ, излишній, потому что вы любите и правду, и автора, и прежде всѣхъ другихъ превозносили мнѣ и трудъ его, и образъ мыслей. Есть точка зрѣнія, съ коей можно совсѣмъ иначе и, можетъ-быть, справедливѣе смотрѣть на нашу исторію и написать се, но сей видъ должно предоставить потомству и будущимъ томамъ.

«Вотъ какъ одинъ великій историческій дѣятель отзывался о трудѣ другаго, не передъ публикою, и не для публики, а въ домашнемъ, откровенномъ письмѣ.» (*Сообщено барономъ М. А. Корфомъ*).

—

ЗАМѢТКА.

Какъ польскіе магнаты относились къ своимъ крестьянамъ и какъ на это смотрѣлъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій—показываетъ нижеслѣдующій краткій приказъ Свѣтлѣйшаго, данный имъ управлявшему имѣніемъ его, купленнымъ имъ у князя Ксаверія Любомирскаго *).

*) Князь Ксаверій Любомирскій, въ 1777 году, изъ князей Римской имперіи былъ принятъ въ Русскую службу прямо полковникомъ и состоялъ въ оной до 1797 года. Въ этомъ году онъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вслѣдствіе просьбы его объ увольненіи на нѣсколько времени отъ полка, по случаю кончины его матери и отчаянной болѣзни дочери, отставленъ, высочайшимъ приказомъ 4 іюня, отъ службы.

Ордеръ коллежскому ассесору Брзожовскому отъ 28-го января 1787 года за № 149.

«Всѣ находящіяся въ купленномъ мною у князя Любомирскаго польскомъ имѣніи *висълицы* предписываю тотчасъ приказать сломать, не оставляя и знаку оныхъ; жителямъ же объявить, чтобы они исполняли приказанія господскія изъ должнаго повиновенія, а не изъ страха казни» *).

Изъ дѣлъ князя Потемкина Таврическаго, оп. 194 кн. 409, хранящихся въ Москов. Отд. Общ. Арх Глав. Штаба.

Гр. Александровъ.

*) Вотъ—прибавимъ мы—разгадка тогдашняго вліянія нашего въ Западномъ краѣ: умственно и нравственно преобладали мы въ то время. **П. Б.**

НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

Запасъ всего того, что̀ напечатано на родномъ нашемъ языкѣ, какъ старинномъ, такъ и новомъ, гораздо меньше напечатаннаго на другихъ европейскихъ языкахъ; самое книгопечатаніе введено у насъ только тогда, когда въ другихъ странахъ Европы оно произвело уже много и много тысячъ изданій; распространилась же у насъ типографія уже въ то время, когда тамошнія изданія считались едва ли не сотнями тысячъ.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, у насъ позволительно не только желать, но и ожидать полнаго описанія всего нашего печатнаго запаса; а что желаніе это можетъ исполниться, доказывается тѣмъ, что все, понынѣ напечатанное у насъ церковнымъ шрифтомъ, уже сочтено (за исключеніемъ развѣ немногихъ книгъ или книжекъ, которыя отыскиваются въ теченіи времени въ разныхъ закоулкахъ) и отлично описано въ трудахъ Сопикова (1-ая часть его Опыта), Калайдовича, Строева, Шпряева, Сахарова, Каратаева, Ундольскаго, Бычкова и Викторова *).

*) Мы видѣли коректурные листы книги Ундольскаго: «Опытъ славяно-русской библіографіи» издаваемой А. Е. Викторовымъ. Въ ней описано 3690 книгъ, напечатанныхъ съ 1491 года по 1864; за тѣмъ слѣдуетъ дополнительный списокъ, составленный Бычковымъ и состоящій изъ 1057 названій; послѣднія касаются изданій 1865—1866 годовъ. Сверхъ того въ библіотекѣ Лукашевича оказалось нѣкоторое число книгъ, неизвѣстныхъ доселѣ.

Пекарскій и Бычковъ также хорошо и подробно описали и книги, напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ по 1725 годъ.

Слѣдовательно русскимъ книговѣдамъ остается еще желать и ожидать исчисленія и описанія книгъ, напечатанныхъ гражданскимъ же шрифтомъ съ 1725 года по настоящее время.

Основаніе такому желаемому описанію положено Сопиковымъ во второй, третьей, четвертой и пятой частяхъ Опыта Россійской библіографіи, расположеннаго имъ по азбучному порядку названій (который весьма сбивчивъ). Почтенный и скромный Сопиковъ самъ назвалъ трудъ свой Опытомъ, чувствуя и сознавая его несовершенство и неполноту. Необходимо помнить, что до изданія этого опыта, то есть до 1813—1820 годовъ, не было у насъ ни хорошо-устроенныхъ и обширныхъ собраній русскихъ книгъ, ни порядочныхъ имъ описей; самъ Сопиковъ ни воспитаніемъ, ни житейскими обстоятельствами не былъ под-

готовленъ къ труду, предпринятому изъ однаго усердія къ дѣлу; онъ записывалъ урывками книги случайно попадавшіяся ему въ руки, не зная притомъ требованій библіографіи, уже повсемѣстно принятыхъ въ другихъ странахъ, а довольствуясь исполненіемъ тѣхъ, кои успѣли дойти до него; сверхъ всего этаго онъ не успѣлъ допечатать самъ своего труда и помѣстить въ концѣ обѣщанный въ предисловіи реэстръ по именамъ сочинителей, чтò сдѣлало бы его Опытъ несравненно доступнѣе для всякаго. Не справедливо бы сѣтовать на Сопикова за неуклюжество его творенія, за переиначаніе заглавій, за мелкіе промахи всякаго рода; слѣдуетъ благодарить этого труженика (и благодарить усердно) за сдѣланную впервыя попытку и за указаніе на множество книгъ, которыя были напечатаны до его времени и которыя уже не встрѣчаются въ нынѣшнихъ собраніяхъ и не упоминается даже теперешними библіографами.

За смертью Сопикова послѣдняя часть Опыта допечатана въ 1820 году Анастасевичемъ; въ это самое время, подъ руководствомъ того же Анастасевича, составлена и издана: Роспись библіотеки для чтенія Плавильщикова. Эта роспись расположена въ систематическомъ порядкѣ; сверхъ того къ ней приложенъ азбучный указатель именъ сочинителей, то есть уже удвоено удобство къ справкамъ. Но частная библіотека, особенно же библіотека для чтенія, по существу своему, не можетъ претендовать на полноту; въ составъ ея не можетъ вмѣщаться книгъ старинныхъ или рѣдко встрѣчаемыхъ или рѣдко требуемыхъ; слѣдовательно кругъ справокъ, дѣлаемыхъ въ ея каталогѣ, не можетъ быть очень обширенъ, какъ бы впрочемъ она ни была значительна.

Библіотека Плавильщикова перешла къ Смирдину. Смирдинъ, пополнившій ее многими книгами, долженъ былъ имѣть въ виду при этомъ требованія своихъ подписщиковъ, обращенныя большею частію на вновь выходящія книги.

Въ 1828 году, значительно дополненный и исправленный каталогъ Анастасевича изданъ вновь, какъ Роспись библіотеки для чтенія Смирдина; смѣтливый издатель прибавилъ къ нему новое, то есть третье удобство для публики: указатель по азбучному порядку заглавій.

Соединеніе этихъ трехъ удобствъ къ отысканію какой либо книги (то есть систематическій порядокъ, азбучная роспись именъ сочинителей и роспись книгамъ по азбучному порядку) чрезвычайно облегчило справки и для ученыхъ цѣлей и для торговли.

Библіотека Смирдина продолжала пополняться, чтò свидѣтельствуютъ Прибавленія, изданныя въ 1829 и 1832 годахъ. Жаль, что къ этимъ Прибавленіямъ не были приложены двойные азбучные указатели; впрочемъ бóльшая часть заглавій изъ нихъ вошла въ Роспись Ольхина, изданную въ 1846 году; эта Роспись составлена совершенно по образцу Смирдинской, то есть съ такими же двойными азбучными указателями и только съ незначительнымъ измѣненіемъ систематическаго порядка.

Библіографія не есть наука, а ключъ къ знанію; скромное ея назначеніе—подавать всякому, кто ищетъ знанія и свѣдѣній, способы какъ можно легче ознакомиться съ дѣломъ и не терять времени и силъ на поиски: говоримъ: всякому, разумѣя и самаго ученаго и самаго малограматнаго, преимущественно же послѣдняго. Не входя въ оцѣнку исчисляемаго матеріала, хо-

рошъ ли онъ, дуренъ ли, библіографіи слѣдуетъ изчислить то, что̀ сдѣлала наука или создало слово человѣка. Хотя библіографія и можетъ быть примѣнена, по языку, эпохѣ, времени къ бо́льшему или меньшему кругу, но все таки она должна оставаться вѣрною своему главному предназначенію: быть удобнымъ ключемъ въ рукахъ всякаго,—ученый ли онъ, полученый ли или вовсе не ученый. Этаго совершенства у насъ едва ли не достигли Росписи Смирдина и Ольхина; скажемъ утвердительно, что всякую книгу, попавшую въ эти Росписи, нельзя не отыскать въ нихъ скоро и легко; по этому чрезвычайно практическому удобству, эти Росписи остались необходимыми для каждаго, кто на Руси занимается или намѣревается заняться чѣмъ-либо научнымъ или литтературнымъ; а такъ какъ онѣ обязаны главнымъ своимъ совершенствомъ соединенію трехъ способовъ къ изысканіямъ, то мы твердо увѣрены, что необходимо сохранять всѣ эти три удобства въ совокупности при будущихъ библіографическихъ изданіяхъ того же рода.

И такъ, по части книговѣдѣнія, мы Русскіе имѣемъ:

1, Такія пособія касательно книжнаго дѣла по 1725 годъ, какихъ въ этой же полнотѣ нѣтъ и даже не можетъ быть у другихъ. Дѣятели названы выше.

2, Очень не полные, отрывочные, часто ошибочные, настоящимъ требованіямъ библіографіи не соотвѣтствующіе перечни и описанія того, что̀ издавалось у насъ въ 18-мъ вѣкѣ съ 1725 года. Кромѣ Сопикова едвали можно назвать замѣчательнаго дѣятеля по этому періоду.

3, Образцовыя по удобству, но весьма не полныя, и въ цѣломъ и въ частностяхъ, росписи и описанія того, что̀ напечатано у насъ въ первыя сорокъ шесть лѣтъ настоящаго вѣка. Насъ подарили этимъ важнымъ матеріаломъ Смирдинъ и Ольхинъ.

Для пополненія пробѣла съ 1725 года по конецъ 18-го вѣка довольно заготовлено печатныхъ матеріаловъ, какъ то: Изданія и каталоги Академіи наукъ, Отчеты Императорской публичной библіотеки, Словари Бантыша-Каменскаго, преосвященнаго Евгенія и другихъ ученыхъ: статьи въ тогдашнихъ и нынѣшнихъ журналахъ; объявленія въ современныхъ газетахъ, книгопродавческіе каталоги, каталоги библіотекъ Черткова, Демидова, и проч. Эти источники нынѣ легко пополнить, провѣрить и исправить въ нашихъ огромныхъ книгохранилищахъ, которыя вообще сдѣлались очень доступными, приведены въ порядокъ и описаны или рукописно или даже и печатно; въ нихъ найдется и самое рѣдкое и самое обыкновенное, то есть способы къ достиженію приблизительной полноты.

Что-же касается до Русской библіографіи текущаго столѣтія, то матеріала наготовѣ еще больше: огромное число журнальныхъ статей въ изданіяхъ, собственно библіографіи посвященныхъ или въ такихъ, гдѣ библіографія изъ главныхъ отдѣловъ, тьма каталоговъ и объявленій книгопродавцевъ, труды многихъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ литературы, архивы цензурныхъ комитетовъ; къ этому въ добавокъ много и изъ приведеннаго выше матеріала; а при всемъ этомъ такіе путеводныя нити, каковы Росписи Смирдина и Ольхина.

И такъ, для описи всего того что̀ у насъ произведено печатью съ 1725 года, нуженъ только подготовившій себя, усердный работникъ. Будемъ льстить себя надеждою,

что такой найдется и найдется скоро, пока такое желаемое описаніе подъ силу одному лицу!

Что путеводныя нити въ родѣ Смирдино-Ольхинской Росписи желательно и даже необходимо имѣть за послѣднее время— доказывается недавно сдѣланными попытками. Поговоримъ о двухъ главнѣйшихъ:

а) Систематическая роспись книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Александра Ильича Глазунова. Составлена за послѣднее десятилѣтіе (1855—1866). Санктпетербургъ (8) XI и 497 страницъ. (На страницахъ 447—497 указатель именъ авторовъ, переводчиковъ и редакторовъ). Предисловіе подписано: Александръ Глазуновъ.

б) Систематическій каталогъ Русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова. Составилъ В. И. Межовъ. Санктпетербургъ. 1868 (8) XIII и 995 страницъ (на страницахъ 903—995 азбучный указатель авторовъ, составителей, критиковъ и рецензентовъ).

Владиміръ Измайловичъ Межовъ извѣстенъ публикѣ многими превосходными библіографическими монографіями и указателями.

Мы не станемъ разсматривать этихъ двухъ каталоговъ въ подробностяхъ, что̀ повело бы къ заявленію многихъ новыхъ требованій; скажемъ наше мнѣніе только о томъ, лучше ли они или хуже въ отношеніи удобствъ, признанныхъ уже публикою за Росписями Смирдинской и Ольхинской, то есть въ отношеніи справочной ихъ стороны, какъ изъясняется г. Межовъ. При этомъ считаемъ нужнымъ заявить, что, по нашему мнѣнію, всякое библіографическое изданіе не можетъ не быть преисполнено самыхъ многочисленныхъ ошибокъ и недомолвокъ: записка заглавій, (гдѣ цифры, условные знаки и тому подобное играютъ важную роль) переписка на бѣло этихъ заглавій для набора, наборъ, корректура набраннаго и промахи при исправленіи по корректурѣ—словомъ весь процессъ редакціи и печатанія каталоговъ влечетъ за собою тьму разныхъ погрѣшностей, особенно же если издатель понуждается временемъ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи до 12,000 названій. Итакъ обратимъ вниманіе единственно на справочную часть, то есть на удобства для отысканія книгъ и матеріальнаго знакомства съ ними въ этихъ двухъ росписяхъ и постараемся рѣшить вопросъ: что эти удобства лучше или хуже для публики у А. И. Глазунова и В. И. Межова, чѣмъ у Смирдина и Ольхина?

Не запинаясь ни на мигъ, отвѣчаемъ: хуже для публики. Этотъ рѣшительный отвѣтъ считаемъ себя въ правѣ дать потому, что мы—частица этой публики; особенно же въ силу слѣдующей посылки: «если намъ, привыкшимъ рыться въ кни- «гахъ, привыкшимъ къ библіографическимъ «пріемамъ, встрѣчаются при изысканіяхъ «въ каталогахъ Глазунова и Межова такія «трудности, какихъ мы встрѣчали гораздо «менѣе въ Росписяхъ Смирдина и Ольхина, «то каково же тѣмъ, кто менѣе свыченъ «съ справками такова рода?»

Постараемся изложить причины этихъ трудностей.

а) У А. И. Глазунова и В. И. Межова систематическій порядокъ, принятый Смирдинымъ и Ольхинымъ, измѣненъ и замѣненъ двумя, отличными одинъ отъ другаго, порядками. Сожалѣемъ объ этомъ, не потому чтобы эти новые порядки были хуже прежнихъ, а потому что публика уже привыкла къ старымъ. Системъ въ библіографіи нѣсколько со-

тенъ; надъ ними, въ теченіи многихъ столѣтій, работали не только библіотекари и книгопродавцы, но и ученые первой степени; всѣ эти многообдуманные порядки имѣютъ свои преимущества и свои недостатки, но ни одному изъ нихъ не посчастливилось сдѣлаться общепринятымъ. Такъ напримѣръ, у Французовъ, гдѣ издавалось и издается такое множество каталоговъ, они почти всѣ располагаются по системѣ Martin, введенной въ употребленіе за полтораста лѣтъ, вовсе не ученымъ книгопродавцамъ этого имени: его система признана очень не удовлетворительною; ученые каталографы старались замѣнить ее своими, а все-таки только этому порядку слѣдуютъ преимущественно, довольствуясь изрѣдка легкими измѣненіями, и слѣдуютъ единственно потому, что къ нему привыкла французская публика.

Въ примѣненіи систематическаго распорядка къ заглавіямъ книгъ, помѣщенныхъ въ одномъ и томъ же подраздѣленіи, мы находимъ, что эти заглавія сгруппированы у Смирдина и Ольхина по предметамъ, а у А. И. Глазунова и В. И. Межова слѣдуютъ по азбукѣ, такъ что у послѣднихъ нужно пробѣжать все отдѣльное подраздѣленіе, чтобы отыскивать книги, по одному и тому же предмету изданныя, между тѣмъ какъ у первыхъ глазъ невольно останавливается на группѣ, въ которой должна находиться искомая книга. Отъ этого происходитъ и то, что книги, служащія продолженіемъ прежде изданныхъ, совершенно не раціонально отдаляются отъ нихъ и даже предшествуютъ имъ. Такъ напримѣръ: Новый сборникъ пословицъ Снегирева (у А. И. Глазунова № 3869, у В. И. Межова № 5865) отдѣленъ отъ Русскихъ народныхъ пословицъ того же автора (у А. И. Глазунова № 3896, у В. И. Межова № 5899) тридцатью заглавіями, и у обоихъ—продолженіе упомянуто цѣлыми страницами прежде кореннаго изданія, что̀ явно затрудняетъ справляющагося и противно всякому смыслу.

б) У А. И. Глазунова и у В. И. Межова упущена роспись книгамъ по азбучному порядку, т. е. отнятъ у публики одинъ способъ (изъ трехъ) къ удобному отысканію книгъ, именно тотъ способъ, въ которомъ нуждается лице, не помнящее имени автора или ищущее книги, на которой имя автора не было выставлено, или которая издана чьими-либо общими трудами, что̀ случается очень часто. По нашему—это важный недостатокъ. Не будемъ пускаться въ доказательство словъ нашихъ ни по теоріямъ, ни примѣрами, а скажемъ только, что въ теченіи полутора вѣка лучшими каталографами принято помѣщать при систематическихъ каталогахъ роспись книгамъ по азбучному порядку или отдѣльно, или слитно съ алфавитомъ именъ писателей. Иностранцы опытнѣе насъ въ дѣлѣ книговѣдѣнія; если Смирдинъ и Ольхинъ смекнули, что хорошо имъ подражать въ этомъ, если публика одобрила это подражаніе и къ нему привыкли въ теченіи сорока лѣтъ, то отступленіе отъ него не могу я считать иначе, какъ лукавымъ мудрствованіемъ, а не полезнымъ нововведеніемъ,—шагомъ назадъ, а не прогрессомъ. Или редакторы устрашались нѣкотораго труда, а издатели лишней траты на напечатаніе четырехъ или пяти листовъ этихъ росписей?

в) У А. И. Глазунова и В. И. Межова азбучный указатель именъ не въ примѣръ хуже, чѣмъ у Смирдина и Ольхина уже и тѣмъ, что въ немъ при фамиліяхъ имена

бо̀льшею частію замѣнены начальною только буквою и вовсе нѣтъ, столь важнаго для насъ Русскихъ, отчества. Очень знаемъ, что выставлять имя и отчество дѣло хлопотливое, во многихъ случаяхъ требующее большихъ изысканій, даже иногда невозможное, если въ самой книгѣ нѣтъ на это прямаго указанія; но мы имѣемъ право требовать, чтобы всякое такое указаніе изъ книги было перенесено въ каталогъ, чего не сдѣлано почти нигдѣ у А. И. Глазунова и В. И. Межова, а сдѣлано почти вездѣ у Смирдина и Ольхина. Сверхъ того считаемъ замѣнъ имени, напечатаннаго вполнѣ, одними начальными буквами — весьма неудовлетворительнымъ для читателя, и подающимъ часто поводъ ко множеству типографскихъ ошибокъ. Для читателя буква А можетъ значить и Алексѣя, и Александра, и Анисима, и Антона, а для типографщика гораздо легче ошибиться и замѣнить ее другою, если послѣдующія буквы не обратятъ вниманія корректора на правильное чтеніе этой начальной буквы *).

г) У Глазунова и Межова принято, кажется, правиломъ не упоминать вовсе о форматѣ книгъ. Намъ *нигдѣ* не случалось встрѣтить этого правила, хотя многія тысячи библіографическихъ пособій и каталоговъ прошли у насъ подъ глазами или находятся безпрестанно у насъ въ рукахъ. Никакъ не можемъ объяснить себѣ причины столь страннаго упущенія, особенно въ росписяхъ книгъ, находящихся у торговца для продажи ихъ публикѣ, которая часто соразмѣряетъ цѣну книгъ съ ихъ объемомъ и вѣсомъ. Предисловіе А. И. Глазунова и самое заглавіе его Росписи показываютъ, что онъ имѣлъ въ виду сдѣлать за послѣднее десятилѣтіе то, что̀ осуществили Смирдинъ и Ольхинъ за прошлое время; для этого онъ включилъ въ свой каталогъ и такія книги, которыхъ у него нѣтъ на лице. Сожалѣемъ, что эта мѣра принята имъ въ немногихъ только случаяхъ, и что у него не упомянуто о многихъ важныхъ изданіяхъ, особенно о такихъ, которыя не были пущены въ продажу, а раздавались щедро отъ казенныхъ мѣстъ.

Неужели же въ каталогахъ А. И. Глазунова и В. И. Межова все хуже, чѣмъ у Смирдина и Ольхина? Нѣтъ, отвѣчаемъ мы съ радостію; въ каталогахъ В. И. Межова есть нововведеніе очень важное и чрезвычайно полезное, едва ли не имъ самимъ придуманное и введенное имъ первымъ въ такомъ значительномъ размѣрѣ. Мы говоримъ объ исчисленіи критикъ и рецензій, кои 7,200 разъ помѣщены при 12,000 заглавій. Вотъ это шагъ впередъ (и великій шагъ) на стезѣ книговѣдѣнія; вотъ примѣръ, которому должны подражать наши каталографы! Что̀ же касается росписи Глазуновской, то мы бы не нашли сказать что-либо утѣшительнаго объ ней, еслибы не получили на дняхъ перваго къ ней Прибавленія. Намъ пріятно видѣть изъ предисловія къ этому первому Прибавленію, что Глазуновъ признаетъ вполнѣ наше мнѣніе объ азбучной росписи названій книгъ, говоря: «для облегченія справокъ «будетъ изданъ въ самомъ непродолжительномъ времени алфавитный указатель всѣхъ «книгъ, помѣщенныхъ въ Росписи и въ «первомъ Прибавленіи». Мы также рады видѣть, что въ указателѣ авторовъ, пере-

---

*) Примѣръ: и у А. И. Глазунова и у В. И. Межова при фамиліи Тихменева стоитъ буква Н. поставленная по ошибкѣ наборщика вмѣсто схожей буквы П, такъ какъ историкъ Американской нашей компаніи зовется: Петръ Александровичъ Тихменевъ.

водчиковъ и редакторовъ, помѣщенномъ на страницахъ 165—184 этого Прибавленія, при именахъ часто появляются отчества.

Высказавъ наше мнѣніе объ удобствѣ для публики двухъ разсмотрѣнныхъ нами каталоговъ, мы постарались сдержать обѣщаніе и не упоминать о многочисленныхъ мелкихъ промахахъ, ошибкахъ и такъ далѣе, кои въ нихъ встрѣчаются. Скажемъ только объ одной странности, и то потому лишь, что она похожа на замысловатую эпиграмму: въ Росписи Глазунова сочиненіе П. И. Пашино: Туркестанскій край, вкралось подъ № 8447 въ отдѣлѣ романовъ, повѣстей и сказокъ. Вслѣдствіе сего мы могли бы усумниться въ достовѣрности фактовъ, приводимыхъ г. Пашино, еслибы не знали навѣрное, что *его книга вышла въ свѣтъ слишкомъ годъ послѣ объявленія объ ней въ Росписи*, какъ объ изданной.

Недавно изданы еще Матеріалы для библіографіи Якова Березина-Ширяева; они пока не закончены. Въ нихъ читатели найдутъ много полезныхъ свѣдѣній о книгахъ, пропущенныхъ или упомянутыхъ только вкратцѣ у Сопикова и другихъ, замѣчательную точность описаній, бездну трудолюбія въ исчисленіи статей каждаго сборника, но съ тѣмъ вмѣстѣ тьму странностей, неряшествъ и излишествъ. Главный недостатокъ этого изданія слѣдующій: вышедшія семь книжекъ имѣютъ каждая свою особенную помѣту по страницамъ и не связаны ни общимъ текущимъ нумеромъ, ни отдѣльными текущими нумерами по отдѣленію или книжкѣ, такъ что намъ нельзя ни предугадать ни придумать способа, къ какому прибѣгнетъ Яковъ Федуловичъ Березинъ-Ширяевъ, чтобы облегчить, или даже сдѣлать возможнымъ употребленіе Матеріаловъ, что однако же обѣщано въ предисловіи. По этой причинѣ мы считаемъ Матеріалы совершенно непрактичными и, для большинства публики, настоящими недотрогами въ родѣ какихъ-то библіографическихъ ежей. Кстати объ нихъ: изъ страницы 100-й седьмой книжки мы узнаемъ, что сборникъ газеты «Кавказъ» существуетъ въ этой библіотекѣ господина N. N. за 1846, 1847, 1848 годы; въ каталогѣ В. И. Межова, подъ № 9982, говорится только о годахъ 1847, 1848, а о 1846 не упоминается вѣроятно, потому, что этого 1846 года нѣтъ въ магазинѣ Базунова. По этому поводу намъ приходитъ на мысль слѣдующее: для пользы и наученія публики желательно, чтобы наши каталографы не упускали случая сообщать такія чисто-библіографическія свѣдѣнія объ исторіи, то есть о времени появленія или прекращенія, также и о степени полноты, упоминаемыхъ ими изданій; это важное упущеніе встрѣчается часто и у А. И. Глазунова и у В. И. Межова.

Остается желать, чтобы при будущихъ работахъ наши библіографы пользовались прекрасными примѣрами: В. И. Межова помѣщать перечень критикъ и рецензій на упоминаемыя книги, — редакторовъ Чертковскаго каталога отмѣчать число страницъ и отдѣльныхъ листовъ каждой книги, Якова Федуловича Березина-Ширяева — исчислять статьи сборниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно, чтобы они не пренебрегали, изъ единаго лукаваго мудрствованія, потребностями и удобствами публики, особенно же публики не ученой, желающей учиться, начинающей учиться; чтобы не отнимали у нея способовъ удобно и легко отыскивать то, что ей нужно, а дорожили опытомъ времени и примѣромъ предшественниковъ какъ иностранныхъ такъ и своихъ во всемъ томъ,

что̀ дѣйствительно полезнаго и практичнаго придумано вѣками. Не все же дурно то, что̀ старо!

С. Соболевскій.

20 марта 1869 года.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ «РУССКАГО АРХИВА».

М. Г. Въ январской тетради издаваемаго вами «Русскаго Архива» только-что прочелъ я съ живѣйшимъ участіемъ Воспоминанія о 1812 годѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ князя о достоинствѣ романа графа Толстаго: «Война и Миръ», изъ котораго впрочемъ мною прочтены только первыя три части, какъ Русскій благодарю его за то, что онъ заступился за память осмѣянныхъ и оскорбленныхъ отцовъ нашихъ, изъявляя ему сердечную признательность за его стараніе возстановить истину о моемъ отцѣ, характеръ котораго такъ искаженъ у графа Толстаго. Тѣмъ не менѣе считаю долгомъ исправить двѣ ошибки, вкравшіяся въ статьѣ князя.

1) Князь говоритъ, что Верещагинъ былъ признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ тому, чтобы, заклепавъ въ кандалы, сослать его въ Нерчинскъ вѣчно на каторжную работу, тогда какъ Верещагинъ былъ приговоренъ Сенатомъ къ смертной казни, и безъ всякаго сомнѣнія приговоръ этотъ получилъ бы надлежащее исполненіе, еслибы не былъ предупрежденъ народною расправою *).

2) Приведенныя княземъ слова отца моего Французу Мутону: «поди, разскажи твоему царю, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ», тоже неточны. Отецъ сказалъ Мутону: «поди разскажи твоему царю, что ты видѣлъ единственнаго измѣнника, котораго произвела Русская земля»! Слова эти имѣютъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ приводимыя княземъ, и въ нихъ заключается объясненіе факта.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью, имѣю честь быть, вашъ покорный слуга графъ *А. Ростопчинъ.*

Иркутскъ, 20-го февраля 1869 г.

---

*) Князь П. А. Вяземскій въ статьѣ своей сослался на выписки изъ подлиннаго дѣла о Верещагинѣ, напечатанныя въ Чтеніяхъ общ. ист. и др., 1866, кн. 4-я; а тамъ (на стр. 244 и 245, отд. Смѣси) именно сказано, что «по силѣ узаконеній, за отмѣною смертной казни, каковой бы онъ подлежалъ», Сенатъ 19 авг. 1812 г., опредѣлилъ: «наказавъ Верещагина 25-ю ударами и заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжную работу въ Нерчинскъ». П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

II. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. 1) О движеніяхъ хана Крымскаго. 2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. 3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.

III. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева)

IV. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ.*

V. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова.*

VI. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова.*

VII. Изъ Записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

VIII. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791).

IX. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева.*

X. Сношенія Яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ.

XI. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешихинымъ.* 1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю. 2) Распоряженія въ первые дни царствованія. 3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. 4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ. 5) О самозванцѣ Кудриловѣ. 6) О баронѣ Фонъ Гершторфѣ. 7) О возвращеніи Курляндіи Бирону. 8) О Гастѣ и Цукенбекерѣ.

XII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену.

XIII. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ.*

XIV. Цензурная вѣдомость 1786-1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова,*

XV. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.
ПЕРВЫЯ ДВѢ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ, на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ

Цѣна годовому изданію **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. с.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка 10** р., а русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою двадцать рублей. Книги XVIII в. продаются по одиночкѣ: первая по 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.; вторая по 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.,

☞ Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р., а также и тѣ, кои получили обѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль. вторыя—два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ или Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: *въ Москву*, въ Чертковскую библіотеку, *Петру Ивановичу Бартеневу*. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) г. по 5 р.. 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Въ Петербургѣ **Русскій Архивъ** прежнихъ годовъ продается, по вышеозначеннымъ цѣнамъ, *исключительно* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Ольхиной.

Тетради Русскаго Архива по одиночкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р.; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р.; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

6. ПРИ 1869.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Изъ Записокъ *Архимандрита Фотія*. 1822 годъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.
2. Письма *князя А. Н. Голицына* къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. 1822 и 1823 годы.
3. Письмо *Жуковскаго* къ графинѣ С. по случаю кончины дѣтей ея. 1850.
4. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. *И. Клингера.*
5. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С. Петербургѣ 1846—1855. Изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго.*
6. Частное письмо о взятіи Шамиля. 1859. *Гр. А. О.-Д.*
7. Два автографа *Пушкина,* съ объясненіями *М. Н. Лонгинова.*
8. Князь А. С. Меншиковъ. Некрологъ.
9. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзиныхъ) археологическая замѣтка *князя М. А. Оболенскаго.*
10. Михайло-Медвѣдь разбойничій есаулъ. Статья *Н. П. Розанова.*

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

1869.

ВЫШЛА ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ

I. Екатерина первая, статья *В. В. Андреева.*

II. Письма о Россіи въ Испанію перваго Испанскаго посланника при нашемъ Дворѣ *Дука де-Лиріи.* 1730 г. (Вступленіе на престолъ и первый годъ царствованія императрицы Анны Іоанновны). Переводъ съ Испанскаго, *священника К. Л. Кустодіева,* съ приложеніемъ подлинника одной депеши.

III. Письма *А. И. Остермана, графа Г. И. Головкина* и другихъ лицъ въ Испанію къ князю С. Д. Голицыну.

IV. Письмо *А. И. Остермана* къ неизвѣстному лицу.

V. Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоановны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

VI. Росписка *Бирона* 1725.

VII. Письмо *Бирона* изъ Митавы въ Петербургъ 1725 года.

VIII. Письмо *Бирона* къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ 1742.

IX. Русскій генералитетъ въ 1730 году, статья *М. Н. Лонгинова.*

X. Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены, съ предисловіемъ *Г. Н. Александрова.*

XI. Два доношенія *А. П. Сумарокова,* съ предисловіемъ *Л. П. Майкова.*

XII. Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора.

1) О бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ.
2) О Степанѣ Маломъ.
3) По дѣламъ, касающимся Польши.
4) О казакахъ Маркинѣ и Поцалуевѣ.
5) О магистрѣ Масковѣ.
6) По Пугачевскому бунту.
7) По Турецкой войнѣ.
8) О подаркѣ отъ Лифляндіи по случаю перваго брака В. К. Павла Петровича.
9) О Курляндцѣ Отто Германѣ фонъ-Ховенѣ.

(Извлечено Е. В. Чешихинымъ).

XIII. Ванька-Каинъ. (Изъ подлинныхъ бумагъ Сыскнаго Приказа Статья *Г. В. Есипова.*

XIV. Нѣсколько свѣдѣній о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.

Эти главы изъ Записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія получены нами въ точномъ спискѣ отъ лица, принадлежащаго къ духовному вѣдомству. Подлинная рукопись должна храниться въ Юрьевомъ монастырѣ и входить въ составъ тѣхъ 24 книгъ и тетрадей, которыя содержатъ въ себѣ собраніе сочиненій Фотія (см. Архим. Макарія, Описаніе Юрьева монастыря въ Чтеніяхъ 1858, кн. 2-я, смѣсь, стр. 59). Изъ этой рукописи доселѣ были напечатаны только два отрывка, именно въ Чтеніяхъ Ист. и Др. 1868, кн. 1-я, о тайныхъ обществахъ, и въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Люб. Духов. Просв. 1868, воспоминанія молодости и о митрополитѣ Филаретѣ.

Читатели припомнятъ, что непосредственно передъ тѣмъ, что̀ излагаетъ арх. Фотій, происходило извѣстное преслѣдованіе профессоровъ Петербургск. университета, а осенью, вскорѣ по отъѣздѣ Фотія изъ Петербурга, импер. Александръ отправился въ чужіе края на Веронскій конгрессъ, и Лабзинъ сосланъ въ ссылку. Въ этотъ 1822 годъ, въ день Пасхи, тотчасъ послѣ заутрени, государь уѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село на освященіе тамошней церкви (Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 327). Фотію тогда было около 25 лѣтъ, и онъ былъ уже извѣстенъ и въ духовной словесности Огласительнымъ Богословіемъ и Житіемъ своего учителя Иннокентія (епископа Пензенскаго), изданнымъ съ 1821 году.—Прибавимъ, что Записки свои Фотій написалъ по убѣдительной просьбѣ графини А. А. Орловой. *П. Б.*

1822 ГОДЪ

I.

Вызовъ Фотія въ С.Петербургъ, его пріѣздъ къ митрополиту Серафиму, его благословеніе властей, проповѣдь, дѣйство Фотія чрезъ духовныя бесѣды на лица знатныя и первыя.

Въ теченіи великаго поста (1822 г,) слышно было, что Господь явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ; столпы вражіи шатаются, невѣріе трепещетъ. Проходитъ Святая Пасха — и вызывается сверхъ чаянія старый ратоборецъ Фотій на подвигъ; присылается ему колесница въ даръ, и на день Пасхи присылается крестъ самый драгій на персѣхъ носить; также присылается ему сумма значительная, дабы явился немедленно въ градъ С.Петербургъ, изъ коего былъ прежде изгнанъ безславно. Новый іерархъ (1), мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ сый къ дѣлу Божію, благословляетъ пріѣздъ отцу Фотію. Прежде же нежели далъ увольненіе ему, онъ, дѣлая совѣтъ съ своимъ викаріемъ Владиміромъ (впослѣдствіи Казанскимъ Архіепископомъ), сказалъ ему тако: Дозволить ли пріѣздъ Фотію въ С.Петербургъ? Владиміръ, бывый съ начала ученія до конца начальникомъ Фотію и до монашества, сказалъ: Можно благословеніе дать пріѣхать, но тогда сбудется сіе: *и потрясется весь градъ Св. Петра отъ него*. Слышавъ сіе слово, святитель Митрополитъ Серафимъ, слагая на сердцѣ своемъ все, немедля далъ пастырское рѣшеніе быть ему въ С. Петербургѣ, жилище приготовилъ ему въ Лаврѣ. Явился онъ 28 Апрѣля прямо къ Владиміру, а той доложилъ о немъ Митрополиту Серафиму. Когда представлялся къ нему Фотій, хотя сперва грубое обраще-

(1) Серафимъ, изъ митрополитовъ Московскихъ перешелъ на Петербургскую митрополію въ предъидущемъ 1821 году.

ніе было Серафима съ нимъ, но сердце его лежало во благое, — а посему былъ званъ къ нему на трапезу въ той день. Каждодневно Авва Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о Господѣ, о Церкви, о Вѣрѣ, о спасеніи души; на бесѣду же сбирались знатные и ученые бояре и боярыни, ревностные къ слову и дѣлу Св. Церкви и Вѣры, и по бесѣдѣ въ домѣ учреждаемы были питіемъ и ястіемъ во славу Божію. Бесѣда же таковая была болѣе всего въ домѣ дѣвицы Анны, дщери Аввы Фотія, боярыни Дарьи Державиной, иногда въ Таврическомъ дворцѣ и у иныхъ православныхъ и извѣстныхъ благочестіемъ; но все слово и дѣло направляемо было къ настоящей цѣли, како враговъ одолѣть и Церкви Святой сдѣлать пособіе (*).

II.

Несогласіе Серафима Митрополита съ княземъ А. Н. Голицынымъ и средство о. Фотія между ними нѣкій миръ водворить на время.

Въ оное время Митрополитъ Серафимъ былъ въ великомъ несогласіи съ Министромъ Духовныхъ дѣлъ: овца онъ непотребная или, лучше скасказать, козлище! Хотѣлъ князь въ мірскихъ своихъ рубищахъ, не имѣя сана свыше и дара Божественной благодати, дѣлать дѣла принадлежащія Единому Архіерею Великому, образъ Христа носящему. Архіерей же Великій въ среду́ свою, сый отъ Бога, Серафимъ ему не благоволилъ. Не былъ въ особенной милости у Царя Серафимъ, но и князь Голицынъ, три министерства содержа въ себѣ единъ, былъ во время оно въ немилости. При таковыхъ обстоятельствахъ Фотій, находя нужнымъ опытъ сдѣлать надъ тѣмъ и другимъ, каковы они въ словѣ и дѣлѣ оба, воспользовался случаемъ во время шатанія княжескаго; не началъ во время благопріятно употреблять на него всѣ способы, дабы отринуть отъ дѣлъ Церкви, опасаясь, чтобы злѣйшій звѣрь кто не возсталъ на мѣсто стараго, и не сотворилъ бы послѣднюю бѣду горше первыя, положилъ же на сердцѣ своемъ сотворить согласіе между княземъ Голицынымъ и Митрополитомъ Серафимомъ, помышляя — не будетъ ли плода отъ безплодныя смоковницы, князя Голицына хотя какого нибудь. И такъ все во благо дѣлалъ, ждалъ и просилъ свыше въ томъ помощи, молился и постился непрестанно, дабы устроилъ самъ Богъ, якоже хощетъ и направилъ руки на дѣланіе правды. Свыше, а не отъ человѣкъ многія даны были средства, како устроить слово и дѣло вѣры и миръ водворить на время между Іерархомъ и Министромъ.

III.

Первое свиданіе и бесѣдованіе отца Фотія съ Голицынымъ.

Приходитъ того лѣта день Сошествія Святаго Духа, въ который положено было освященіе теплой церкви во имя Святаго Духа сдѣлать, къ чему Фотій назначенъ былъ въ служеніе съ Митрополитомъ. На такое церковное празднество въ Лаврѣ многое множество народа собралось духовныхъ и мірскихъ лицъ. Наступилъ часъ облаченія въ Святомъ алтарѣ. Фотій стоялъ на одной сторонѣ въ углу онаго; многія духовныя высшія лица также находились въ алтарѣ. Се видитъ онъ, что входитъ въ Святый алтарь вельможа, ростомъ малъ, видомъ смиренъ; то къ тому, то къ другому подходитъ благословеніе принять, и всякъ изъ духовныхъ со страхомъ

(*) Преданіе разсказываетъ, что послѣ этихъ обѣдовъ Фотій ложился на диванъ, а боярыни подходили цаловать у него руки.

и трепетомъ даютъ ему благословеніе, никтоже не смѣетъ руки давать ему для цѣлованія. Фотій же, единъ стоя, видитъ и не зная кто сей есть вовсе, токмо сердцемъ уразумѣвая, что кто нибудь сей есть великій вельможа. Узрѣвъ Фотія, сей вопрошаетъ о немъ у намѣстника Архимандрита Товіи: «кто сей есть и откуда?» Товія же говоритъ: «изъ Новгорода Архимандритъ Фотій». При сихъ словахъ тотчасъ съ благословеніемъ и страхомъ подходитъ онъ къ Аввѣ Фотію, простираетъ руку для благословенія, но Фотій прежде благословенія его вопрошаетъ: *како Святое имя твое?*, и той отвѣтствуетъ: «Александръ». Сердце тогда Фотію вѣщало абіе, не сей ли есть князь Голицынъ Александръ Николаевичъ, Министръ Духовныхъ Дѣлъ, просвѣщенія и почтъ, придворный вельможа и сильный? И благословилъ его, и ставъ, зря прямо въ очи, оный вельможа Фотію, привѣтствуя его, говорилъ: «неможно ли меня посѣтить въ домѣ, и подать мнѣ тамо благословеніе Божіе?» Фотій же сказалъ: «аще воля Господня будетъ на то, не отрекуся Бога ради придти въ домъ твой, радъ буду сотворить тебѣ все на пользу души». И тако отошелъ вельможа сей. Слышавши необычныя рѣчи Фотія съ вельможею, всѣ начали молвить по выходѣ. Посему Фотій спросилъ Товію: «кто сей есть?» Товія же со страхомъ отвѣчалъ: «князь нашъ Синодальный и Министръ А. Н. Голицынъ.» Тогда Фотій сказалъ Товіи: «Чего бояться человѣка! Что сказано, то сказано; чего бояться человѣка въ Св. алтарѣ, гдѣ Богъ Самъ присутствуетъ? Ежели достоинъ будетъ, то приду къ нему, а ежели не будетъ достоинъ, не приду.» Кончилась служба; на освященіи же носилъ Святое Евангеліе въ крестномъ ходу Фотій; замѣчено же было, что въ рукахъ у всѣхъ свѣчи погасли, а у о. Фотія ясно горѣла свѣща. Послѣ службы, когда всѣ пришли въ домъ къ Митрополиту Серафиму, князь Голицынъ пришелъ, многіе вельможи, Архіереи и Архимандриты съ нимъ пришли. Князь, возставъ съ мѣста, пошелъ въ уголъ западный покоя къ Фотію, и начиналъ съ нимъ рѣчь благую и приглашалъ его къ себѣ; довольно съ любовію поговоривъ, пришелъ къ Митрополиту. Митрополитъ же сказалъ ему, указуя на Фотія: «сей есть юный старецъ, но искусенъ и строгъ, прошу его полюбить, достоинъ есть любви.» Вотъ первый случай свиданія съ княземъ Голицынымъ, гдѣ былъ и какъ, а именно на освященіи церкви Святаго Духа во Святомъ алтарѣ, въ часъ предъ службою освященія. Сіе Фотій принялъ за дѣйство свыше, а не отъ человѣкъ —да течетъ на предлежащій подвигъ. Посему о дѣлѣ церковномъ постоянно и непрестанно Фотій началъ помышлять, какъ творить оное, ничего изъ виду не упуская нужнаго къ тому.

IV.

Особенное благоволеніе Митрополита Серафима, и миротвореніе съ княземъ Голицынымъ на время.

Вскорѣ назначенъ былъ день и часъ отъ князя Голицына явиться Фотію къ нему для посѣщенія. Благословеніе давалъ Фотію Митрополитъ, какъ, что дѣлать и говорить, а Фотій сказалъ: «Владыко Святый, ты токмо меня благослови, раба твоего, а когда дѣло наше все есть Божіе, и для Бога хотимъ творить, то благодать будетъ свыше дана, ибо речено есть въ писаніи: «дастся убо вамъ въ тотъ часъ, что возглаголати. Уповаю на благодать Св. Духа, а не на умъ свой.» На Каменный островъ во дворецъ

пріѣхалъ Фотій къ Голицыну. Графъ Чернышевъ Григорій Ивановичъ самъ изъ своего жилища проводилъ до комнаты князя Голицына. Князь принялъ съ любовью, и яко часъ съ половиною бесѣду имѣлъ; возлюбилъ Фотія и хотѣлъ чаще слышать его бесѣду. Дѣвица Анна согласилась и весьма желала въ домѣ своемъ имѣть его бесѣду; князь желалъ того же самъ. И тако началась бесѣда съ княземъ отъ Писанія Святаго, ученія церковнаго, отъ духа благочестія, и бесѣда тако продолжительна, что Господь давалъ непрестанно часа по три, по четыре, пяти, шести и даже до девяти сряду, слово и дѣло Божіе предлагать дѣвицѣ и князю. Благодать Божія услаждала сердце дѣвицы и князя, что оба болѣе и болѣе къ Фотію возгорались любовью; князь радъ былъ все дѣлать, что̀ Фотій внушитъ. Преклонивъ Фотій сердце князя къ себѣ, Бога ради всячески старался, какъ бы согласіе водворить между имъ и Митрополитомъ Серафимомъ. Когда Фотій слышалъ, что князь поносилъ Митрополита, то, являясь къ Митрополиту, говорилъ, что «князь весьма любитъ тебя, Владыко Святый;» а когда Митрополитъ поносилъ князя, то, видѣвъ князя, говорилъ ему: «о какъ Серафимъ любитъ тебя!» и пересказывалъ все благое едино. Тако, одно доброе тому и другому внушая, явно истребилъ вражду ихъ—и начали другъ друга любить, другъ къ другу вездѣ быть ласковы дѣла лучше начинали теченіе имѣть въ пользу Святой Церкви, благочестіе у царя и вездѣ. Митрополитъ Серафимъ радовался сему, какъ дѣлу Божіему, обѣщающему успѣхъ большій впредь отъ мира нежели вражды.

Здѣсь въ словѣ и дѣлѣ за Православіе, въ содружествѣ Іерарха, Фотія и князя, въ успѣхѣ бесѣдъ и взаимной любви, виденъ былъ Перстъ Божій: то кто могъ тогда сему противиться? Всѣ знали вѣрные, а зловѣрные боялись. Такая ревность Фотія была за Православіе, за благо Святой Церкви, вѣры, благочестія и отечества и изъ любви къ царю; тако о силѣ Божіей дѣйство въ пользу Церкви и благочестія видимо было предъ очами Митрополита Серафима и отца Фотія и вѣрныхъ. Князь соглашалъ Фотія, дабы онъ, хотяй въ свою обитель отправиться, не уѣзжалъ скоро, а подождалъ пріѣзда Императора Александра (*). и не отрекался его видѣть и ему подать благословеніе, и онъ князь обѣщалъ доложить ему о Фотіѣ. Фотій не соглашался. Наконецъ Фотій тако отвѣтствовалъ вмѣсто согласія: «буду молиться Богу, и что̀ Богъ возвѣститъ, то и будетъ; тебѣ же, княже, все скажу,» сказалъ Фотій и началъ ожидать свыше извѣщенія себѣ. И Митрополиту о семъ объявилъ, на что Митрополитъ согласился и одобрилъ.

V.

Первое представленіе Юрьевскаго Архимандрита Фотія Императору Александру.

Пріѣздъ Императора изъ путешествія въ С. Петербургъ и назначеніе Фотію явиться къ нему.

Во время оно изъ путешествія явился во дворецъ Императоръ Александръ, 5-го Іюня (1822 г.) въ день переложенія мощей св. Благовѣрнаго князя Ѳеодора въ Новгородѣ въ новую раку серебряную, и въ день сего праздника назначено о Фотію быть у Императора.

Митрополитъ старался его наставить, какъ и что̀ съ Царемъ говорить:

(*) 14 Мая 1822 г. Государь „выѣхалъ изъ С. П-бурга въ Витебскую, Виленскую и другія сосѣднія губерніи. для осмотра расположенныхъ тамъ полковъ гвардіи и арміи.“ (Р. Инвалидъ 1822 г. № 117).

Фотій же сказалъ ему: «Владыко Святый! Я не знаю, что Царь будетъ мнѣ говорить и какъ, а потому учиться не могу, что̀ говорить и какъ, заранѣе; даждь мнѣ лучше образъ для благословенія Царя.» Тотчасъ Митрополитъ изъ настѣннаго крестнаго изображенія древній образъ Спаса Нерукотвореннаго взялъ, далъ мнѣ и благословилъ, глаголя: «Благодать Св. Духа да дастъ тебѣ смыслъ, вѣдѣніе и крѣпость, что̀ въ славу Божію говорить и творить.»

VI.

Наставленіе Князя А. Н. Голицына, что̀ и какъ говорить съ Царемъ.

Князь о. Фотію повелѣлъ прежде Царскаго свиданія явиться къ нему. Фотій явился. Князь старался наставить, что̀ говорить и дѣлать, будучи у Царя. Фотій, считая ненужнымъ вовсе совѣтъ его на сей часъ, молчалъ и сказалъ на сердцѣ своемъ: какая вина, что князь старается наставить его? Помыслилъ, что вѣрно князь опасается, дабы чего о дѣлахъ Вѣры и Церкви не сказалъ Царю Фотій по своей ревности.

VII.

Молитва и поклоненіе о. Фотія въ Казанскомъ Соборѣ.

Наконецъ, исправився въ путь, какъ наступалъ часъ назначенный явиться лицу Цареву, прежде заѣхалъ въ соборъ Казанскій и, падши на колѣни предъ иконою Богородицы, помолился и просилъ во всемъ Ея помощи, благодати и милости. Изъ церкви Казанской прямо пріѣхалъ Фотій на коняхъ дщери духовныя дѣвицы Анны (А. А. Орловой-Чесменской) ко дворцу Цареву. Изшедъ изъ колесницы, шелъ по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тьмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражіихъ; но ежели оные, видя крестное знаменіе, избѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицемъ Царя дастъ ему благодать и преклонитъ сердце Его послушать, что̀ на сердцѣ его есть Царю возвѣстить. Введенъ былъ Фотій въ преддверіе жилища, и вскорѣ потребовалъ Царь Александръ его, о чемъ Фотій тако повѣдаю бывшее.

VIII.

Входъ отца Фотія къ Царю, обращеніе и бесѣды съ Царемъ и какую Господь далъ благодать Фотію у Царя. 1822 г. 5-го Іюня.

Се отверзаются двери, я оными вхожу въ комнату, гдѣ былъ Царь; вижу, что тотчасъ Царь грядетъ принять благословеніе. Я же, не обращая на Него вниманія, смотрю, гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву, перекрестившся поклониться прежде Царя земнаго образу Царя небеснаго. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ залахъ и трехъ стѣнахъ и близь себя, усмотрѣлъ почти назади на лѣвой сторонѣ у прага образъ въ углу, обратился я, трижды знаменался, поклонясь и предсталъ предъ Царемъ. Царь, видя меня хотѣвшаго прежде честь Богу сотворить, отступилъ въ сторону на то малое время, паки со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ ко мнѣ, пріемлетъ благословеніе, цѣлуетъ усердно десницу мою; я же тотчасъ непримѣтно открылъ ликъ Спаса и далъ Ему приложиться и Ему вручилъ оный образъ Царь принялъ и привѣтствовалъ сими словами: «Я давно желалъ тебя видѣть, отецъ Фотій, видѣть и принять твое благословеніе.» На что̀ я сказалъ Царю: «Якоже Ты хо-

щешь принять благословеніе Божіе отъ меня, яко служителя Святаго олтаря, то, благословляя Тебя, глаголю: миръ Тебѣ, Царю, спасайся, радуйся, Господь съ Тобою буди!» Царь по сихъ словахъ взялъ меня за руку и, указавъ мѣсто, посадилъ меня на стулъ; Самъ сѣлъ противу меня, возсѣвъ весьма близь меня, якоже бы можно все, тихо глаголя, слышать; я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣлъ и Царя перекрестилъ. Началъ Царь вопрошать меня о мѣстѣ моей службы въ корпусѣ (*), когда былъ я законоучителемъ и въ монастырѣ. Я же, простирая слово въ сладость, говорилъ о святой Церкви, Вѣрѣ и спасеніи души; зря въ лице Царю прямо, часто я себя знаменалъ, глаголя слово; Царь же, смотря на меня, Себя крестилъ, возведя очи Свои на небо, умъ и сердце вознося къ Богу. И колико все слово въ сладость принималъ Царь, азъ же сердцемъ чувствовалъ; толико я крестился, а Царь, простирая руку, благословеніе отъ меня принять желая, просилъ, чтобы я Его перекрестилъ.» Я же о силѣ креста и знаменія старался внушить. Вижу, что Царь весь сердцемъ прилѣпился къ услышанію слова отъ устъ моихъ; я въ помыслахъ моихъ движеніе чувствовалъ сказать Царю слово въ пользу Церкви и Вѣры. Сперва началась рѣчь о Митрополитѣ Серафимѣ. Я внушаю, что пастырь сей есть единственный по своей любви къ Святой Церкви, царству и ко благу, благодать Господня съ нимъ есть. Посемъ Царь, послушая съ сладостію, говоритъ ко мнѣ: «Не имѣешь-ли отецъ Фотій, что особенно сказать мнѣ», намекая о разныхъ нуждахъ, о каковыхъ многіе являлись утруждать Царя и просили выгодъ обителямъ своимъ. Я сказалъ Царю: «Никакихъ нуждъ я не имѣлъ земныхъ для обители и себя, и не имѣю; съ нами Богъ; съ Нимъ все у насъ есть. Едино есть Тебѣ нужно повѣдать для Тебя паче всего нужное: враги Церкви Святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостію себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святой Вѣры Христовой и царству всему,—но они не успѣютъ, бояться ихъ нечего; надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самыя столицы въ успѣхахъ немедленно остановить; какъ потокъ водный, всюду нечестіе и зловѣріе разливаются. Господь съ Тобою, о Царю! Все можешь Ты сотворить, дастся Тебѣ благодать и крѣпость все во славу Божію сотворить; праведники скорбятъ, видѣвъ успѣхи враговъ, но чаятъ, что Господня Десница воздвигнетъ Тебя, о Царю, защитить Церковь и Вѣру.» Царь все послушалъ со вниманіемъ. Многоже и долгое время о семъ бесѣдовали мы, яко часъ съ половиною. Наконецъ Фотій сказалъ: «Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступить». Все нужное къ дѣлу Вѣры Святой внушилъ Царю въ сердце Его. Когда я, глаголя слово о семъ, крестился, Царь также самъ крестился и, приказывая себя паки и паки перекрестить и оградить силою креста, многократно Онъ цѣловалъ руку, благословляющую Его, благодаря за бесѣду. Возставъ же, когда я готовился идти отъ Царя, примѣтилъ, что Царю уже время со мною бесѣду окончить. Царь палъ на колѣни предъ Богомъ и, обратясь ко мнѣ лицемъ, сказалъ: «Возложи руки твои, отче, на главу Мою, и сотвори молитву Господню о Мнѣ,

(*) Фотій былъ прежде законоучителемъ въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ.

и прости и разрѣши Меня.» Азъже, видя плодъ бесѣды моея съ Царемъ, таковое благоговѣніе къ Богу Царя втайнѣ, смиреніе Его предъ Великимъ, Святымъ Царемъ царствующихъ, возложилъ руцѣ мои на главу Цареву крестообразно, возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, просилъ, да снидетъ благодать Христова на Него, да проститъ вся прегрѣшенія Царю и исполнитъ умъ и сердце Его сотворити волю Господню въ словѣ, дѣлѣ Святой Церкви и Вѣры и сокрушитъ силы вражія вскорѣ, и прочелъ сію молитву тайно: «Царю Небесный Утѣшителю, Душе истинный, иже вездѣ сый и вся исполняяй, сокровище благихъ и жизни подателю! Пріиди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, блаже, души наши.» И посемъ, знаменовавъ главу Царя и лице, руки мои отнялъ; Царь же поклонился мнѣ въ ноги, стоя на колѣнахъ; возсталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, весьма благодаря, просилъ въ молитвахъ поминать и проводилъ самъ меня изъ дверей. Я же, видя явно благодать Божію въ лицѣ Царя ко мнѣ, благодарилъ Бога, радовался и веселился духомъ. Прежде всего проѣхалъ я въ домъ дщери дѣвицы Анны: время уже было яко часъ вечера глубока; все ей повѣдалъ. Возвратився въ лавру къ Владыкѣ Архіерею Серафиму, повѣдалъ ему все втайнѣ; онъ, объявши меня въ старческія свои объятія, лобзалъ (радуяся), что Господь благодать далъ втайнѣ предъ лицемъ Царя; уповалъ, что можетъ успѣхъ быть въ дѣлахъ въ Церкви: сила вражія вскорѣ будетъ удержана отъ успѣховъ своихъ и дѣлъ. Когда же видѣлъ князя по семъ, не повѣдалъ ему ничтоже, что̀ съ Царемъ тайное было говорено, ниже Царь никогда не повѣдалъ князю при всѣхъ его желаніяхъ испытать о существенности бывшія бесѣды. Вотъ первое свиданіе отца Фотія съ Царемъ и какую благодать далъ Господь предъ Царемъ Александромъ отцу Фотію за долговременное его подвизаніе и терпѣніе

IX.

Отъѣздъ о. Фотія въ обитель; представленіе его Царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и награда его отъ Царицы.

Устроивъ ходъ дѣлъ нѣкіихъ и расположивъ къ себѣ сердце князя какъ важную особу по всѣмъ дѣламъ, Фотій по благословенію Владыки началъ готовиться ѣхать въ Новгородъ въ обитель свою, какъ вдругъ Императрица Матерь Марія Ѳеодоровна благоволила въ Павловскомъ дворцѣ видѣть отца Фотія и принять отъ него благословеніе. Посему, отправляясь онъ въ свою обитель, остановился въ Царскомъ Селѣ у благочестивой боярыни Маріи Портеръ (*), гдѣ видѣлся прежде съ княземъ; потребованъ же былъ предстать Царицѣ, представился ей, говорилъ съ нею о Царѣ, что Господь Его хранитъ во всѣхъ опасностяхъ и впредь сохранитъ, давая всячески разумѣть о тайныхъ внутреннихъ врагахъ; о Митрополитѣ же, что онъ единственный защитникъ Церкви и Вѣры; коснулись до князя Голицына и прочихъ враговъ Вѣры, сыновъ беззаконія. Все было говорено съ тщательностію, дабы удобопріемлемо было сердцу Царицы Маріи; стоялъ Фотій за лице Іерарха Серафима болѣе всего, дабы тѣмъ внушить о немъ большое мнѣніе, какъ бы доставить вѣсъ больщій предъ царскими вельможами, врагами Церкви и Вѣры. Былъ отпущенъ

(*) Кто эта боярыня? Въ печати о ней ничего намъ неизвѣстно. Просимъ отъ знающихъ указанія.

съ великимъ благоговѣніемъ Фотій, удостоенъ Ея рескрипта въ награду, притомъ Она часы златы въ даръ прислала. Видѣлъ по семъ боярыню Ливенъ, первую довѣренную особу при дворѣ; съ нею много было говорено о Поповѣ, Тургеневѣ, Руничѣ, Кошелевѣ. Царица имѣла въ сіе время великую ненависть къ врагамъ за ихъ противозаконныя дѣйствія по всѣмъ частямъ учебныхъ заведеній; но Фотій, какъ бы поручась, за князя со всею силою и любовію стоялъ, говорилъ слово, что онъ будетъ полезенъ, что онъ несовсѣмъ виноватъ, а его окружающіе всѣ пакости дѣлаютъ. Царица и гр. Ливенъ весьма благодарили дщерь дѣвицу Анну, что она отца своего наставника духовнаго дала случай видѣть и благословеніе принять его. Сіе представленіе много дѣйствовало въ пользу Митрополита и во вредъ противныхъ партій. Прибывъ въ монастырь и войдя въ соборную Михаила Архангела церковь во время вечерней службы, услышалъ первую пѣснь: Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ.....

ПИСЬМА

КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

КЪ ГРАФИНѢ АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

въ 1822 и 1823-мъ годахъ.

Изъ сличенія Записокъ Фотія съ нижеслѣдующими письмами, содержаніемъ коихъ служитъ тотъ-же Фотій, читатели сами выведутъ заключеніе о характерѣ лицъ, дѣятельность которыхъ имѣла тогда столь важное значеніе въ судьбахъ Русского просвѣщенія. Кажется, нечего распространяться о томъ, на чьей сторонѣ было болѣе искренности. Добродушіе князя А. Н. Голицына вполнѣ здѣсь выражается. Письма эти печатаются съ своеручныхъ подлинниковъ, за сообщеніе коихъ мы обязаны признательностью П. А. Звѣгинцеву. *П. Б.*

I.

Милостивая Государыня Графиня Анна Алексѣевна. Приношу мою сердечную благодарность за доставленіе ко мнѣ цвѣтовъ отъ отца Архимандрита Фотія; его воспоминаніе обо мнѣ въ молитвѣ и при сегодняшнемъ служеніи для меня драгоцѣнно.

Встрѣтясь сегодня съ Вашимъ Сіятельствомъ, я ѣхалъ отъ него, и онъ меня предупредилъ, что я получу сей подарокъ чрезъ васъ.

Я недавно познакомился съ отцемъ Фотіемъ и сожалѣю, что сего не сдѣлалъ прежде, когда онъ имѣлъ здѣсь свое пребываніе. Его разговоръ назидателенъ и имѣетъ силу, которую единъ Господь можетъ дать.

Благодаря Ваше Сіятельство за поздравленіе меня съ праздникомъ, взаимно васъ поздравляю какъ съ нынѣшнимъ, такъ и съ наступающимъ, желая, дабы дѣйствія оныхъ вы ощущали всегда въ вашемъ сердцѣ.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою князь

Александръ Голицынъ.

Санктпетербургъ
21 Маія 1822.

II.

Милостивая Государыня Графиня Анна Алексѣевна. Вы конечно знаете, что я большое участіе беру въ отцѣ Фотіи, но онъ человѣкъ необыкновенный; слѣдовательно надобно такъ поступать, чтобъ не сдѣлать чего противно волѣ Божіей, ежели, его не спрося, доложить Государю. Для того я надѣясь сегодня у васъ быть по письму отца Фотія, который меня увѣдомляетъ, что онъ къ вамъ будетъ въ 12-ть часовъ, а я постараюсь, хотя за полчаса до него, пріѣхать къ вамъ и поговорить о его болѣзни и что̀ предпринять. Я легко могу ему не говорить, что вы мнѣ писали о его болѣзни, ибо Митрополитъ мнѣ сказалъ о семъ въ Библейскомъ обществѣ; но отецъ Фотій знаетъ, что письмо отъ васъ послано ко мнѣ, онъ мнѣ сіе пишетъ, то я нужнымъ счелъ васъ предупредить.

Господь милостивъ! Станемъ молиться, и Онъ помилуетъ и исцѣлитъ болѣзнь и научитъ насъ, что̀ намъ дѣлать. Получа письмо ваше, хотѣлъ я писать Государю, потомъ остановился, считая, что ежели отецъ Фотій имѣетъ какія причины, чтобъ чрезъ доктора не лѣчиться, то какъ взять на себя смѣлость заставлять его противъ какого нибудь чувства свыше? Ибо Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ можетъ Духомъ Своимъ исцѣлить его. И такъ, помолясь еще сего утра, я рѣшился вамъ написать сіе письмо. Будьте увѣрены, что власъ съ главы нашея не спадетъ безъ воли Господа: какъ же жизнь человѣка, особливо такого слуги Божія, будетъ оставлена случайности? На все есть Промыслъ Всевышняго (*). Ежели захочетъ Господь взять у насъ любезнаго нашего отца Фотія, никакіе врачи, ни лѣкарства не помогутъ; а молитва, можно сказать, теплая иногда по милосердію Божію отстрочитъ можетъ, даже ежели слѣдовало кому и умереть. Мы видимъ примѣры въ Священномъ Писаніи, что Господь по молитвѣ одного Царя далъ ему нѣсколько жизни болѣе, чѣмъ Его воля была.

И такъ обратите чистое сердце ваше къ Господу нашему Іисусу Христу и попросите Его для пользы душъ, коихъ онъ возбуждаетъ къ любви Господа, чтобъ исцѣлилъ раны его и продлилъ его жизнь. Я, хотя и недостойный и многогрѣшный, но готовъ молиться о томъ же, ибо Господь столь милостивъ, что и грѣшныхъ молитвы принимаетъ; а потомъ предадимъ все Его святой волѣ. Онъ пошлетъ средства и внушить можетъ отцу Фотію, что̀ ему дѣлать.

Простите мнѣ, что я васъ какъ бы учу, тогда какъ вы сами лучше знаете, какъ сильна молитва въ самоотверженіи. Желая отъ всего сердца, да Господь услышитъ нашу молитву, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ.*

Каменный Островъ
28 Іюня 1822

III.

Петергофъ 25 Іюля 1822. Вторникъ.

Имѣю честь увѣдомить Ваше Сіятельство, что я буду ночевать сегодня на Каменномъ Острову и пробуду за-

(*) Что это была за болѣзнь и почему о ней надо было докладывать государю, Фотій не объясняетъ въ своихъ Запискахъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ тетрадяхъ, которыя у насъ имѣются. Не держался ли онъ и тутъ извѣстнаго изрѣченія: ложь—конь во спасеніе? Фотій, какъ видно изъ письма VI-го, оставался въ Петербургѣ до Августа.

втрашній день въ городѣ, а въ четвергъ отправлюсь опять въ Петергофъ: то, ежели возможно Вашему Сіятельству дать мнѣ свиданіе съ отцемъ Фотіемъ у васъ завтра, и въ такомъ случаѣ прошу съ нимъ списаться. Я свободенъ буду въ часъ по полудни и ежели не противно вамъ, то я бы у васъ отобѣдалъ и посидѣлъ. сколько отцу Фотію угодно бы было. Не безпокойтесь о пищѣ: я постное ѣмъ съ удовольствіемъ; прошу меня, Графиня, увѣдомить во всякомъ случаѣ, ежели примите мое предложеніе или нѣтъ, чтобъ я могъ расположить свое время. Имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ.*

IV.

Севодняшній день совсѣмъ взялъ другой оборотъ, о чемъ нужнымъ считаю Ваше Сіятельство увѣдомить. Любезный нашему съ вами сердцу отецъ Фотій, какъ я думаю васъ онъ увѣдомилъ, служитъ сегодня съ Митрополитомъ въ Петропавловскомъ соборѣ, въ крѣпости, и на него возлагаетъ Митрополитъ крестъ, Государемъ пожалованный. Я намѣренъ ѣхать къ сей литургіи, и Ваше Сіятельство, можетъ, не будете ли туда; но обѣдать у васъ сегодня не могу, потому что у Государя обѣдъ на Каменномъ Острову, и послѣ обѣда велѣлъ къ себѣ придти. По всему сему расположенію мнѣ не возможно сегодня насладиться бесѣдою нашего Златоуста, завтра же я ѣду въ Царское Село и не прежде возвращусь, какъ къ ночи въ Воскресенье; то по возвращеніи моемъ я уже спишусь съ вами, когда бы съѣхаться, и жажду утолить чистою водою, черпаемою чистою рукою и нескудно намъ сообщающею.

Христосъ съ Вами и со мною и со всѣми во Христѣ любящими другъ друга. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ.*

Каменный Островъ
1 Августа ¼ 9-го часа.

P. S. Обѣдня начнется въ 10-ть часовъ.

V.

Царское Село, 12 Августа 1822.

Сегодняшнее утро вѣроятно, почтеннѣйшая Графиня, Вы пріобщились Святыхъ и Божественныхъ тайнъ изъ рукъ любезнѣйшаго намъ и возлюбленнаго отъ Господа преподобнаго отца Фотія, съ чѣмъ отъ всего сердца васъ поздравляю, и радуюсь, что Господь сподобилъ Васъ вкусить Его Божественныя трапезы. Коль счастливы Вы! Я соединился духомъ съ вами и съ отцемъ Фотіемъ, сегоже дня слушая Божественную литургію, и просилъ да коснется Онъ, Вездѣсущій, и моего мерзкаго, бѣднаго крова души моея. — Я, кажется, Вамъ сказывалъ, что я читаю ежедневно Священное Писаніе по порядку главъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, то сего утра мнѣ пришлось читать 9-ю главу (*) къ Евреямъ посланіе. Мнѣ показалась она къ Вамъ прилична сегодня, и прошу ее прочесть. Я просилъ отца Фотія, чтобъ въ день Успенія Божія Матери услышать мнѣ Божественную литургію, имъ совершаемую у Митрополита на сѣняхъ, то прошу Ваше Сіятельство у него спросить, въ которомъ часу онъ будетъ служить, чтобъ онъ самъ избралъ часъ по своей удобности, ибо для меня все равно; а после того, ежели Вамъ не противно бу-

(*) Въ главѣ этой говорится о причащеніи крови Христовой.

детъ, я бы въ Успеніевъ день у Васъ отобѣдалъ съ отцемъ Фотіемъ и провели бы оной въ бесѣдѣ духовной.

Устроите такъ, любезная сестра о Господѣ, и думаю, что благо намъ будетъ. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ.*

Прошу прилагаемое здѣсь письмо отослать къ отцу Фотію сегодняже, если не поздно вы получите.

VI.

Отъѣзжая въ Царское Село, я имѣю нужду, почтеннѣйшая Графиня, Вамъ сказать, что сколь для меня было примѣчательно время нынѣшней недѣли съ пріѣзда моего въ Петербургъ, особливо 15-ое и 16-ое числа. Господу благодареніемъ исполнено сердце мое, и орудіе, Имъ употребленное, любезно мнѣ. Слава Ему Царю небесному, Искупителю нашему.

При семъ случаѣ позвольте, Графиня, напомнить Вамъ о крестикѣ, который Отецъ Фотій хотѣлъ, чтобъ Вы сдѣлали для меня и въ которой ризу Спасителеву положить. Я бы просилъ, чтобъ онъ небольшой былъ, чтобъ я могъ его носить на себѣ.

По возвращеніи моемъ изъ Царскаго Села спишусь съ Вами, когда бы у Васъ съѣхаться съ любезнѣйшимъ отцемъ Фотіемъ, чтобъ мнѣ свободно было и Васъ не отяготило. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ.*

С. Петербургъ 17 Августа 1822.

VII.

КОПІЯ СЪ ПИСАНІЯ БРАТА ІОАННА КЪ БРАТУ АРКАДІЮ.

Послѣ какъ они разстались другъ съ другомъ для путешествія.

Брате, о Господѣ Іисусѣ Христѣ, Царѣ нашемъ, брате Аркадіе, земно ти кланяюсь и молю тя, да внемлешь моему повѣствованію.

Въ послѣднее свиданіе наше читали мы еще разъ житіе Святыхъ Аркадія и Іоанна, о которыхъ читалъ намъ преподобный Авва Ф.... Онъ намъ поставилъ какъ бы ихъ въ примѣръ, хотя не буквально, но духовно, и истинно благо бы намъ было, если бы, подражая имъ, каждый изъ насъ по своему состоянію, гдѣ Богъ насъ съ тобою поставилъ, могли бъ достичь въ будущей жизни того, что имъ предназначено было.

Я надѣюсь, что кровь Спасителя нашего, пролiянная за всѣхъ православныхъ Христіанъ и за насъ обоихъ, молитвами преподобнаго и любезнаго сердцу нашему Аввы Ф.... услышана будетъ Отцемъ Небеснымъ, и Духъ Святый, обновивъ насъ, сдѣлаетъ чадами Божіими.

Брате Аркадіе! Благодарю Господа, что молитвы отца уже услышаны о тебѣ, и плаваніе твое по морю жизни тихое имѣетъ направленіе. Кормчій у тебя хорошъ и святъ. Онъ молится о вѣтрѣ, чтобъ не столько спленъ былъ въ страны запада Солнца правды, а напротивъ испрашиваетъ попутныхъ вѣтровъ на востокъ, куда цѣль твоего плаванія. Чистота и строгость жизни твоей дѣлаютъ, что грузъ въ соразмѣрности и легко кораблю тѣла твоего плыти. Отъѣзжая отсюда, пристанешь ты на время у хранилища большихъ сокровищъ духовныхъ, запасешься ими на путь, укрѣпишься яствіемъ и питіемъ жизни, и получивъ наставленіе отъ кормчаго и устное и письменное, чтобъ не сбиться съ дороги, плаваніе твое будетъ благословенно. Прошу тебя, брате, не забудь меня, когда ты будешь насыщаться сею манною небесною, да мнѣ пошлется въ духѣ отъ крупицъ, падающихъ отъ богатыя трапезы, которая тебѣ предложена будетъ симъ кормчимъ.

Онъ, сказываютъ, самъ тебя не повезетъ, но испроситъ отъ Господа тебѣ столь хорошаго духа, что только слушайся его и доѣдешь благополучно, духа премудрости и разума, духа стра-

ха и любви Божіей, который завладѣетъ сердцемъ твоимъ и управитъ къ цѣли. Только не заживайся долго, и хотя у кормчаго твоего есть другъ, старецъ благочестивый, который въ случаѣ нужды готовъ содѣйствовать кормчему, и вѣрный слуга Божій, но твое мѣсто по явной должности здѣсь и, ежели воля Божія на то призоветъ тя, то не противься. Братъ твой Іоаннъ зѣло тому обрадуется, ежели онъ еще живъ будетъ или не будетъ отсутственъ. Богъ вѣсть, какое мое будетъ плаваніе; надежда моя на Господа, и сердце мое жаждетъ Его и проситъ, да чисто созиждетъ сердце мое, и да возжетъ въ немъ огнь любви чистой къ Нему, да просвѣтитъ лице на раба своего, да побѣдитъ во мнѣ всѣхъ враговъ Своихъ, да положитъ ихъ подъ подножіе ногъ Своихъ и да воцарится во мнѣ. О когда сіе бы случилось, тогда то упаду къ ногамъ Его внутри храма моего внутренняго и принесу благодареніе за молитвы всѣхъ тѣхъ, кои помогали мнѣ приплыть къ сему тихому и необуреваемому пристанищу.

Станемъ молиться и просить спасенія, а Господь нашъ Іисусъ Христосъ того только и хощетъ, конечно молитву услышитъ и пошлетъ намъ Ангела мирна, хранителя и путеводителя душамъ нашимъ. Аминь.

Братъ твой Іоаннъ, много тебя любящій въ Господѣ. (*)

Вотъ что̀ я для васъ, почтеннѣйшая Графиня, списалъ въ мое пребываніе въ Гатчинѣ; хотя вы меня не просили о сей копіи, но мнѣ показалось, что оная будетъ для васъ любопытна, зная, что вы интересуетесь сими Аркадіемъ и Іоанномъ.

Я, слава Богу, здоровъ и готовлюсь идти въ церковь: сегодня освящаютъ оную въ больницѣ, Павломъ І-мъ построенной. Для того я сюда и приглашенъ.

Не знаю, получу ли отъ многолюбезнаго письмо, чего очень хочется, что̀ вы видѣли уже въ послѣднее свиданіе наше. Впрочемъ я еще не получалъ почты изъ Петербурга. Прошу мнѣ написать слова два о полученіи сего письма.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь *Александръ Голицынъ.*

Гатчино
12 Октября
1822.

P. S. Изъ Новгорода прошу Васъ написать ко мнѣ, какъ Вы найдете здоровье отца Фотія; также не забудьте ему написать, ежели не написали, что послѣ 17-го числа было извѣстіе, что Государь, слава Богу, здоровъ.

VIII.

Въ день, въ великій день Рождества Спасителя міра, Божественнаго отроча въ ясляхъ, смиренно рождшагося, имѣю я нужду писать къ Вамъ, сестро моя о Господѣ! привѣтствовать съ сею радостью, которую благочестивое сердце Ваше не только раздѣляетъ со мною, но по чистотѣ своей и гораздо лучше чувствуетъ моего. Я увѣренъ, что Вы обо мнѣ вспомнили въ сей день и, можетъ, помолились, а объ обоихъ насъ вѣрно любезнѣйшій нашъ отецъ Фотій помолился при служеніи Божественной литургіи, которую онъ конечно совершалъ. Мы съ нимъ часто переписываемся, и назиданіе большое отъ него получаю.

Я его просилъ, чтобъ онъ мнѣ писалъ тогда, когда имѣетъ побужденіе, ибо съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, нельзя и не должно требовать, чтобъ регулярно всякую почту писалъ. Хотя мнѣ всякое его писаніе пріятно; но въ перепискѣ моей съ нимъ заключается пища духовная, которая дается въ мѣру и во время. Я и самъ

(*) Вся эта копія писана рукою князя А. Н. Голицына.

къ нему пишу, когда сердце мое жаждетъ его бесѣды и признаюсь вамъ, что не рѣдко сіе случается. Прошу Васъ, хотя изрѣдка, не оставлять меня увѣдомленіемъ, что Вы здоровы и что обо мнѣ помните.

При семъ посылаю къ Вамъ письмо официальное, которое я пишу къ доброхотнодателямъ для новой подписки, которую я дѣлаю для выкупу Грековъ плѣнныхъ у Турковъ(*). Оно давно къ Вамъ написано, но у меня пролежало для того, что я хотѣлъ къ Вамъ особо писать и послать продолженіе письма отца Фотія ко мнѣ *О смерти*, которое требовало времени по моимъ недосугамъ, чтобъ его переписать. Наконецъ кончивъ, при семъ посылаю, а другое обѣщанное, когда перепишется, то пришлю также. За симъ, поручая себя молитвамъ Вашимъ, пребуду навсегда Вамъ вѣрный о Господѣ братъ князь *Александръ Голицынъ.*

С. Петербургъ.
Въ день Рождества Христа
Спасителя 1822 года.

P. S. При семъ поздравляя Васъ съ наступающимъ годомъ, желаю Вамъ отъ всего сердца спасенія и ближайшаго и глубочайшаго соединенія съ Спасителемъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

IX.

Сестро о Господѣ! Не удивитесь сему началу, оно съ благословенія отца Фотія. Я къ нему писалъ и, получивъ отъ него разрѣшеніе, беру смѣлость васъ такъ назвать. Господу угодно было, чтобъ, въ послѣднее время вашего пребыванія здѣсь, устроить сношеніе мое съ вами не на мірскихъ основаніяхъ, но о Господѣ, и бесѣды наши вмѣстѣ съ отцемъ Фотіемъ глубокое во мнѣ сдѣлали впечатлѣніе: я видѣлъ, что вы истинно рѣшились служить Господу, и сію любовь къ Нему, столь рѣдко встрѣчаемую въ мірѣ, не могу не уважать и хотя на пути семъ и далекъ я отъ васъ, но ищу его и люблю оный, а Господь такъ Милосердъ, что всякому по мѣрѣ его сообщается, но всѣхъ въ чадство свое привлекаетъ и тѣмъ установляетъ сіе родство духовное, которое Господь да благословитъ для моего назиданія. Желаю, чтобъ вы не соблазнились братствомъ симъ, которое я не имѣлъ дерзновеніе прямо къ вамъ написать, хотя и желалъ, но спросилъ любезнаго намъ обоимъ отца Фотія. Истинно мнѣ трудно было писать къ вамъ: *Ваше Сіятельство и проч.*, еще какъ вы были здѣсь, но по отъѣздѣ рѣшился такъ сдѣлать.

Увѣдомьте меня, какъ вы пріѣхали въ Москву; я ожидалъ, что, можетъ, вы мнѣ и напишите, но до сихъ поръ ничего не зналъ. Валуева сюда возвратилась и при мнѣ, я слышалъ, разсказывала, что вы въ четыре дни пріѣхали изъ Новгорода. Думаю, что скучаете безъ отца Фотія, но вѣроятно переписка самая дѣятельная. Я не могу пожаловаться: отъ него получаю довольно часто письма и довольно длинныя, что увидите изъ копіи (съ одного) къ вамъ посылаемой. Отецъ Фотій желалъ, чтобъ я оную вамъ доставилъ, и я успѣлъ только переписать часть, а продолженіе когда перепишу, то и доставлю. Онъ и самъ прислалъ продолженіе ко мнѣ на другой почтѣ.

(*) Въ 1821 году, по циркулярнымъ письмамъ кн. А. Н. Голицына ко всѣмъ губернаторамъ, производилась подписка въ пользу спасшихся въ Россію отъ Турецкаго насилія Грековъ. Изъ имѣющагося у насъ дѣла объ этой подпискѣ, производившагося въ городѣ Мценскѣ, видно, что тамошніе дворяне пожертвовали 196 рублей.

Вы увидите, что мнѣ поручено списать и другое его письмо *О волѣ*, но прошу нѣсколько пообождать; я буду всякій день по нѣскольку переписывать; истинно не имѣю время, а другому некому повѣрить.

Въ ожиданіи отъ васъ письма, поручаю себя молитвамъ вашимъ, пребываю навсегда вѣрнымъ Вамъ братомъ о Господѣ. Кн. *Александръ Голицынъ.*

С. Петербургъ.
10 Генваря
1823.

X.

Царское Село, 15 Іюня 1823.

На письмо Ваше, любезная сестро о Господѣ, поспѣшаю отвѣчать въ разсужденіи діакона Кондрата Александрова Кокорева. Я просилъ Духовника Государынь Императрицъ Криницкаго, такъ какъ отъ него Чесменская зависитъ церковь, и какое отъ него получилъ письмо, посылаю къ вамъ въ оригиналѣ. Вы увидите, что вакансія еще не очистилась, но впредь я не оставлю на помнить, въ свое время.

Благодарилъ Господа, что Вамъ нужда была меня попросить, ибо сіе мнѣ доставило удовольствіе получить писаніе, которыми, хотя изрѣдка, но прошу меня не оставлять. Я увѣренъ, что вы меня помните, а особливо въ въ вашихъ молитвахъ; но однакоже пріятно мнѣ сообщаться съ вами письмами. Вы должны быть въ тишинѣ вашего Острова (*), и ежели у васъ такова погода какъ здѣсь, то должно быть пріятно.

Мнѣ сказали, что вы ѣдите въ Кіевъ, но мнѣ кажется, что сіе несправедливо; ничто, кажется, васъ туда не призываетъ, а на всякомъ мѣстѣ владычество Господа. Служеніе же Ему можно вездѣ и всегда творить, не переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто.

(*) Славная подмосковная графовъ Орловыхъ.

Когда-то услышу я, что вы начнете собираться къ намъ, ибо надобно, чтобъ за годъ намѣреніе было принято, а о семъ началѣ я и не слышу еще. Господь да устроитъ все по Своей Святой волѣ. Давно не получалъ я писемъ отъ нашего любезнаго отца Фотія. Я думаю, что онъ очень захлопотался; я очень радъ, что Государь обитель его обезпечилъ навсегда. Съ будущаго Генваря положено отпускать изъ казны по четыре тысячи рублей. Я писалъ къ нему въ Троицынъ день, но еще нельзя получить отвѣтъ, и извѣщалъ его, что въ Духовъ день я приготовлялся къ причащенію, котораго Господь меня и сподобилъ. Я очень пріятно провелъ Троицинъ и Духовъ день. Вы знаете, что мой храмовой праздникъ есть Троицинъ день, то желая нынѣшній годъ никого не принимать подъ предлогомъ передѣлокъ въ домѣ, я пріѣхалъ изъ Царскаго Села и, вмѣсто того чтобъ ночевать на Каменномъ Острову, я остался въ городскомъ домѣ и сіи два дни никого не принималъ съ докладами. Такимъ образомъ отъ трудовъ взялъ покой и посреди шуму града и двора сдѣлалъ себѣ пустыню. И долженъ вамъ сказать между нами, что въ Троицынъ день предъ чтеніемъ Символа Вѣры, когда возглашено было: «Возлюбимъ другъ друга», я почувствоволъ такъ живо всѣхъ тѣхъ, коихъ я люблю въ Господѣ, и ихъ имена возговорились, какъ бы такъ сказать, въ моемъ сердцѣ. Вы конечно увѣрены, любезная сестра, что въ семъ числѣ и ваше имя было произнесено. Я васъ увѣряю по истиннѣ, что тѣ лица, кои я люблю, но не о Господѣ, а натуральнымъ образомъ, мнѣ тутъ не пришли

не только въ сердце, но даже и на память. И такъ, соединясь со всѣми слугами Божьими мнѣ извѣстными, я тронутъ былъ до слезъ и, возлюбивъ всѣхъ Васъ, предалъ Господу, и въ Немъ соединяясь, просилъ, чтобъ Онъ благословилъ и спасъ Насъ всѣхъ Своею Божественною кровію. Христосъ посреди насъ да будетъ всегда, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ аминь. Вамъ преданный навсегда въ Господѣ братъ князь *Александръ Голицынъ.*

XI.

Любезная сестро о Господѣ, благодарю Васъ сердечно, что не забыли дня рожденія меня грѣшнаго и обрадовали меня писаніемъ Вашимъ послѣ столь долгаго молчанія. Болѣзнь отца Амфилохія и отъѣздъ Вашъ въ Ростовъ причиною былъ, что и я долго не писалъ къ Вамъ, не хотя безпокоить, а потомъ недосуги мои обыкновенные, съ пріѣздомъ Государя умножившіеся. Такое стеченіе обстоятельствъ пресѣкло нашу переписку, столь для меня пріятную и полезную: ибо сношеніе съ чистою душою какъ Ваша всегда оставляетъ доброе вліяніе. Надежда Васъ видѣть, любезная сестра, меня утѣшаетъ; да благословить Господь путь Вашъ, но я сборовъ опасаюсь. Вамъ что сбираться? Велите заложить карету и съ Богомъ. Я получаю довольно часто письма отъ любезнаго отца Фотія. Онъ писалъ мнѣ на сихъ дняхъ, что освятилъ придѣлъ во имя Успенія св. Анны, 9-го Декабря, на другой день моего рожденія и что воду освящалъ крестомъ, который я къ нему прислалъ къ сему дню съ большею частицею древа животворящаго креста.

Хочется мнѣ Вамъ сказать слово также о пріѣзжей новообрученной невѣстѣ Великаго Князя Михаила Павловича: удивительная Принцесса для 16-ти лѣтъ! Умна и ловка до безконечности; всѣ Ее полюбили, и Она всѣмъ старается нравиться. Какъ Она порусски старается учиться! Въ день Міропомазанія всѣ молитвы наизустъ и съ большимъ чувствомъ читала. Дай Господи, чтобъ была добрая Христіянка! Засимъ поручаю себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда вамъ вѣрнымъ о Господѣ братомъ кн. *Александръ Голицынъ.*

P. S. Царь нашъ здоровъ, слава Богу.

ПИСЬМО ЖУКОВСКАГО

КЪ ГРАФИНѢ С.

(По случаю кончины дѣтей ея)

На сихъ дняхъ, милая Софія Михайловна, получилъ я отъ П. А. Плетнева письмо, въ которомъ онъ между прочимъ, въ немногихъ словахъ, увѣдомляетъ меня о жестокомъ бѣдствіи, которое тебя постигло. Въ этомъ письмѣ нѣтъ подробностей; я не знаю, что̀ съ тобою дѣлается, какое дѣйствіе произвела на твою душу твоя потеря. Но, зная эту нѣжную, любящую душу, могу отчасти угадывать и понимать то, что̀ въ ней происходитъ и чувствую необходимость сказать тебѣ мое слово, отъ сердца; оно конечно отзовется въ твоемъ. Я не имѣю намѣренія утѣшать тебя; утѣшеніе въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ обыкновенно, есть нѣчто пошлое, можно сказать, достойное презрѣнія: утѣшиться въ такой потерѣ, какъ твоя, значило бы или перестать ее чувствовать или замѣнить потерянное бывшее чѣмъ ни-

будь новымъ—можно ли желать такого утѣшенія? Пока еще плачется о милыхъ мертвыхъ, по тѣхъ поръ они еще для насъ какъ будто живы; когда же они забыты, тогда они подлинно умерли, и ихъ для насъ нѣтъ. Такого утѣшенія не могу желать для тебя и даже его бы тебѣ не далъ, если бы имѣлъ его въ своей власти. Но я желаю тебѣ указать на утѣшеніе другаго рода. Первая инстанція горя, когда вся душа въ конвульсіяхъ и ничему не доступна, теперь для тебя кончилась. Какъ кончилась, я не знаю; но думаю, что эта бѣдная, горемъ утомленная душа, по тому самому, теперь тихо и молча можетъ посмотрѣть въ глаза своему горю и способна разглядѣть его несказанно-величественный образъ. Только не отвращай произвольно своихъ глазъ отъ этого взгляда, не упрямься мучить свою душу страданіемъ и сѣтованіемъ; увѣрь себя, что твой святѣйшій долгъ состоитъ въ томъ, чтобы благоговѣйно всмотрѣться въ лице этого повидимому грознаго и губительнаго посланника Божія. Ты не можешь еще вообразить *теперь*, сколько чуднаго выйдетъ для тебя *послѣ* изъ этого короткаго знакомства. Все будущее твоей жизни зависитъ отъ того, какъ твое теперешнее, невыразимое, материнское горе будетъ тобою принято, понято и обращено въ твою душевную, слѣдственно вѣчную, неотъемлемую собственность. Что можетъ быть безотраднѣе, какъ стоять передъ этими двумя могилами, въ которыхъ навсегда исчезло то, что̀ радовало твое сердце и было его земною надеждою! Знаю, какъ мы упорно предаемся этой губящей душу и столь естественной пыткѣ, изъ которой самъ собою вырывается ропотъ противъ Бога. Въ такомъ положеніи видѣлъ я твою бѣдную мать въ то время, когда умеръ нашъ милый Іосифъ. Тогда я самъ еще былъ *одинокимъ* бродягою міра, и для меня человѣческія страданія имѣли смыслъ болѣе матеріальный: я видѣлъ въ нихъ порчу жизни. Однако и тогда раздраженная безнадежность твоей матери меня поразила и показалась мнѣ несоотвѣтственною ея высокой, прекрасной душѣ. Теперь, когда я самъ отецъ, и когда мнѣ есть за что собственное уцѣпиться въ жизни и слѣдственно когда у меня есть сокровище, утраты котораго можно страшиться, именно теперь я постигаю, что наши утраты и самыя тяжкія—не *порча*, а *освященіе* жизни. Милосердіе Божіе еще сохранило меня отъ такого испытанія, какъ твое; и я еще не знаю, какъ встрѣчу такого посланника великой воли, какого твоя душа принять удостоилась. Но я постигаю — если не живою вѣрою (она есть даяніе свыше) то глубокимъ убѣжденіемъ — сколь велика и благотворна миссія такого посланника. Кто же этотъ посланникъ? Кто приходитъ къ намъ, облеченный въ одежду нашего горя? Это Тотъ, Который говоритъ: *Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте; пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и удрученные, и Азъ успокою вы.* Ему можно повѣрить на слово. Когда мы радуемся земною жизнью, она намъ кажется нашимъ лучшимъ благомъ; она обхватываетъ насъ вполнѣ, и ничего выше ея мы себѣ представить не можемъ. И это земное счастіе не иное что, какъ волшебный фонарь: и свѣтлыя фигуры, которыя онъ показываетъ намъ на темномъ грунтѣ, не иное что, какъ пробѣгающія тѣни; да и стекло, на которомъ написаны эти образы, можетъ каждую минуту раз

биться въ дребезги. Но когда придется положить съ воплемъ и плачемъ милыхъ дѣтей въ могилу, тогда всѣ прелести жизни намъ измѣняютъ и бѣгутъ отъ насъ, какъ отъ зачумленныхъ; за то мы тогдаже узнаѐмъ и лучшее изъ всѣхъ благъ: надъ могилой, въ которой скрылись изъ глазъ нашихъ наши дѣти, мы видимъ лицемъ къ лицу Христа, Котораго слова только на такомъ мѣстѣ получаютъ свой истинный смыслъ и дарують то утѣшеніе, которое нетолько не рознитъ насъ съ нашими потерянными, но ихъ упрочиваетъ для насъ на жизнь вѣчную. Этотъ невыразимый Христосъ—ничего не даетъ намъ въ *замѣну* того, что̀ мы потеряли; Онъ только даетъ намъ—*Самого Себя* и становится участникомъ всей судьбы нашей, и это съ Нимъ товарищество возможно только на дорогѣ испытанія. Какая же цѣна можетъ быть велика для пріобрѣтенія такого товарищества? Милая, я не философствую съ тобою, я только съ глубокимъ участіемъ къ судьбѣ твоей смотрю на то мѣсто, на которое привела тебя дорога жизни, мѣсто, на которое всякій изъ насъ рано или поздно попадаетъ, отъ котораго начинается для насъ новая дорога или ведущая въ миротворный свѣтъ или въ безотрадную тьму, смотря по тому, что̀ мы на ней увидимъ — увидимъ ли отверенными глазами вѣры Путеводителя, готоваго насъ вести, насъ поддерживать, насъ утѣшать, или, зажмуривъ произвольно глаза, пойдемъ одни, сѣтуя на свое страшное, произвольное одиночество. Блаженъ тотъ, кому дается сдѣлать такую встрѣчу еще въ молодости, когда еще душа свѣжа и полна упованія; онъ тогда рано знакомится съ истиннымъ смысломъ жизни и живо предается ея святому назначенію. А что это назначеніе? Смиренная, безтревожная покорность волѣ Спасителя и совершенное преданіе въ нее собственной нашей воли. И эта жертва, приносимая нашею душею, только въ такія минуты совершается, какія теперь тебѣ достались на благодатное испытаніе. Когда же и можетъ душа яснѣе понять Спасителя, какъ не въ такія минуты, въ которыя все милое на землѣ для насъ исчезаетъ — да! *исчезаетъ!* такъ кричитъ душа въ *первыя* мгновенія утраты; но въ *слѣдующую минуту*, когда бѣдная мать увидитъ, что ея дитя не въ гробѣ, а на рукахъ Спасителя, съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія пойметъ она, что эта утрата только для того, чтобы убѣдить душу въ *невозможности* утраты *истинныхъ* благъ нашихъ; чтобы открыть намъ тайну Спасителя, Который вдругъ становится должникомъ нашимъ и хранителемъ нашего богатства, если мы только взятое Имъ на сохраненіе сокровище наше ввѣримъ Ему произвольно и безъ залога. Эта необходимость Ему *ввѣриться* и этотъ миръ души, истекающій изъ этого ввѣренія, составляютъ для насъ высочайшее земное благо, которымъ уничтожается для насъ всякая горечь утраты, обращающейся въ нѣчто на вѣки спасенное, и болѣе наше, нежели прежде, и только невидимое для глазъ. Но за эту невидимость для глазъ мы получаемъ въ награду видимость для сердца, если оно только прижмется къ любящему сердцу Спасителя. Вотъ что неминуемо должно произойти и съ тобою, моя милая: твоя чистая душа не можетъ *не дойти къ такому результату*. То, что̀ я теперь къ тебѣ пишу, конечно не произведетъ еще большаго дѣйствія на эту израненную душу; но оно можетъ ее пробудить

изъ летаргическаго, тревожимаго страшными видѣніями, сна печали. Только не отталкивай произвольно чаши спасенія; стой съ терпѣніемъ передъ царскими дверями, еще не растворенными и задернутыми завѣсою; скоро услышишь тамъ: *Твоя отъ Твоихъ! отъ всѣхъ и за вся*; и скоро потомъ скажутъ: *со страхомъ Божіимъ и съ вѣрою приступите.* Наше горе должно быть причащеніемъ Св. таинъ не въ судъ и въ осужденіе, а въ жизнь вѣчную.—Все, что я говорилъ до сихъ поръ, есть для меня глубокое убѣжденіе; но я не хочу, чтобы ты изъ словъ моихъ заключила, что я стою самъ на той высотѣ, на которую тебѣ указываю и на которую зоветъ тебя Богъ Своимъ отеческимъ испытаніемъ. Мое убѣжденіе еще не есть этотъ внутренній миръ, производимый живою вѣрою; я вижу, въ *чемъ* состоитъ верховное, единственное благо жизни, но я слишкомъ поздно началъ это видѣть; жизнь моя прошла въ непроизвольномъ, бѣдственномъ невниманіи къ святѣйшему, и поздніе годы ея отзываются ничтожностію молодыхъ; жизнь моя прошла безъ тѣхъ сильныхъ ударовъ, которые потрясаютъ душу, *ее* расталкиваютъ и вырываютъ *ее* изъ того самодовольнаго сна, въ которомъ лелѣютъ *ее* поэтическія сновидѣнія. Вотъ почему я спѣшу сказать тебѣ: прими своею свѣжею душею твое бѣдствіе какъ даръ Божій; оно преобразитъ всю твою жизнь и сдѣлаетъ ее навсегда недоступною для истиннаго бѣдствія. Чѣмъ ранѣе святыня дѣятельнаго Христіанства овладѣетъ душею, тѣмъ легче будетъ имъ проникнута душа, и вся жизнь наконецъ сдѣлается мирною любовью. Но зачѣмъ я все это писалъ? Всего бы простѣе послать тебѣ то письмо, которое здѣсь прилагаю, нарочно для тебя переписанное. Прочитай его: одна строка его скажетъ тебѣ въ тысячу разъ болѣе всѣхъ моихъ размышленій. Графъ Штольбергъ, который его мнѣ написалъ, есть сынъ знаменитаго поэта Штольберга. Я познакомился съ нимъ въ Дюссельдорфѣ: онъ былъ женатъ на графинѣ Шпее, которая была очень дружна съ моею женою: она въ нынѣшнемъ году умерла. Изъ этого письма увидишь ты ясно, что такое земная скорбь, и что такое вѣра въ Бога Спасителя. — Прости, милая, обними за меня твою мать и скажи дружескій поклонъ сестрамъ и мужу. Жена вамъ всѣмъ посылаетъ сердечный поклонъ. *Жуковскій.*

Баденъ-Баденъ
$\frac{\text{24 Іюля}}{\text{5 Августа}}$ 1850 года.

А я опять принужденъ остаться на зиму въ Баденѣ.

Печатается съ подлинника, сохранившагося въ альбомѣ графа В. А. Сологуба.

ДВА СЪ ПОЛОВИНОЮ ГОДА

ВЪ ПЛѢНУ У ЧЕЧЕНЦОВЪ.

1847—1850.

Во время распространившейся въ 1847 году сильной холеры, командующій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, 12-го іюля командировалъ меня до г. Кизляра и обратно въ Ставрополь съ цѣлію — убѣдиться лично: исполняются ли въ станицахъ, городахъ и селеніяхъ предварительно сообщенныя предохранительныя мѣры, долженствовавшія способствовать къ возможному ослабленію и прекращенію развитія болѣзни и собрать свѣдѣнія о заболѣвшихъ,

умершихъ и выздоровѣвшихъ. Исполняя возложенное на меня порученіе, на пути я самъ заболѣлъ; но получилъ съ помощію медика въ ст. Щедринской облегченіе въ теченіи 4-хъ дней и слѣдовалъ далѣе до Кизляра.

На обратномъ пути, по выѣздѣ изъ Староглазовской почтовой станціи 24-го іюля, на полдорогѣ къ Альбецкому посту, сначала лопнула шина на правомъ переднемъ колесѣ, потомъ отломился кусокъ желѣза, далѣе отпала вся шина, и чрезъ полверсты отлетѣла половина обода со спицами. Повозка остановилась.

Былъ 2-й часъ дня, неимовѣрно знойнаго. Сильный, порывистый, еще съ утра дувшій, западный вѣтеръ, отъ котораго близъ Кизляра полноводный Терекъ прорвалъ плотину, нёсъ тучи пыли и песку.

Ямщикъ, сбросивъ возжи и отстегнувъ одну отъ правой пристяжной лошади, началъ увязывать остальную половину колеса, чтобы какъ нибудь дотащиться до бывшей недалеко на Альбецкомъ посту станціи. Я невольно обратилъ на это вниманіе, нисколько не подозрѣвая присутствія непріятеля въ близкомъ отъ дороги лѣсу, коимъ покрыто лѣвое при-теречное пространство, тѣмъ болѣе, что кромѣ постовъ по тракту, расположены еще станицы и посты по Тереку, а за нимъ укрѣпленія на Кумыкской плоскости.

Замѣтивъ, что ямщикъ увязывалъ колесо несообразно съ цѣлью, я приказалъ ему продернуть ремень иначе.

Взвившаяся порывомъ вѣтра пыль заставила его невольно поднять голову: онъ вскрикнулъ.

Оглянувшись, увидѣлъ я въ двухъ шагахъ отъ себя—непріятеля.

Я не успѣлъ вынуть шашки и соскочить съ тѣлеги, какъ на самомъ скачкѣ былъ схваченъ. Ямщикъ тоже.

Связавъ насъ по рукамъ и за шеи, увлекли въ лѣсъ съ лошадьми, тѣлегой и вещами. Тамъ Чеченцы разобрали по рукамъ вещи, 3-хъ лошадей, сломали и спрятали тѣлегу, закусывали и отдыхали всего не болѣе получаса, имѣя часовыхъ на высокой грушѣ, которыхъ тамъ ростетъ достаточно.

Я ничего не ѣлъ, хотя мнѣ предлагали кусокъ черствой, пшеничной лепешки. Я былъ спокоенъ какъ никогда, или рѣдко въ жизни, и въ моментъ, когда меня схватили, и когда я сидѣлъ въ лѣсу уже связанный.

Окинувъ взоромъ, я насчиталъ 17-ть Чеченцовъ (но ошибся однимъ—ихъ было 18) оборванныхъ, босыхъ съ ружьями, кинжалами и въ тулупахъ.

Тутъ вспомнилъ я видѣнный мною мѣсяцъ назадъ тому сонъ: «дорога, «налѣво лѣсъ, направо зеленѣющая «поляна; себя, ѣхавшаго по дорогѣ въ «каретѣ, на которую напали разбойники—и увлекли меня».

Это сновидѣніе подтвердилось на яву, кромѣ кареты, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ: лица, костюмы, мѣстность - всё какъ въ натурѣ. Карета, какъ закрытый экипажъ, по моему объясненію, означала такое положеніе мое въ моментъ вниманія на увязку колеса, которое не позволяло мнѣ ничего видѣть въ сторонѣ.

Съ воспоминаніемъ сна меня тронула серьёзность моего положенія; но думать было некогда:—всѣ поднялись и густыми чащами лѣса, рысцой, пробирались въ различныхъ направленіяхъ. Причины послѣдняго: незначительное лѣсное пространство до Терека и вдоль онаго, много остававшагося времени до вечера и погоня козаковъ, которыхъ чуть слышные

крики раза два доносило къ намъ вѣтромъ. Перебѣгая въ лѣсу поляны, Чеченцы нагинались и меня заставляли гнуться, отдавая приказаніе прикладами. Расправляли руками слѣдъ на травѣ и зигзаги бѣга всегда направляли въ сторону, противную отъ преслѣдованія козаковъ, за наблюденіемъ движеній которыхъ нѣкоторые изъ Чеченцовъ на бѣгу лазили на деревья.

На одной изъ полянъ, сумерками, встрѣтились намъ два конныхъ козака. На вопросъ ихъ: кто ѣдетъ? Чеченцы отвѣчали залпомъ изъ нѣсколькихъ ружей; но козаки ускакали. — Бѣготня по лѣсу продолжалась часовъ до 9-и вечера. Подъ конецъ я усталъ: потъ капалъ сквозь суконное платье мое, отдышка и безсиліе одолѣли—я упалъ. Приклады не помогли, и версты полторы до рѣки меня тащили подъ руки насильно. Было уже совсѣмъ темно; вѣтеръ вылъ, лѣсъ шумѣлъ; полноводный, съ версту ширины, Терекъ ревѣлъ въ полномъ смыслѣ слова.

Раздѣлись, платье уложили въ тулуки *), подвязали ихъ на спину и бросились въ бѣшеную рѣку. Меня взяли подъ руки, потому что я не умѣлъ плавать. Половину шли доставая *дна*, половину плыли; теченіемъ хотя снесло далеко, но добрались до обрывистаго берега и вкарабкались, хватаясь за сучья деревъ. Тутъ меня схватилъ страшный пароксизмъ лихорадки: одновременно явилась неодолимая жажда, за ней утоленіе, рвота и какъ ни въ чемъ не бывало: я выздоровѣлъ. — Прошло около часу, покуда всѣ собрались и одѣлись и затѣмъ отправились далѣе по направленію къ аулу Илисханъ-Юрту, шибко и всю ночь. Подойдя на разсвѣтѣ къ подошвѣ хребта Качкалыковскаго, остановились, отдыхали часа $1\frac{1}{2}$ и слѣдовали далѣе по дорогѣ чрезъ лѣсистый хребетъ. Часовъ въ 8-мь утра прошли Илисханъ-Юртъ, а въ 11-мъ прибыли въ аулъ *Оспанъ-Юртъ*, мѣстопребываніе *Тарама*, пятисотеннаго начальника и вожатаго партіи. (25 іюля 1847).

Путь отъ Качкалыка до Оспанъ-Юрта оглашался выстрѣлами изъ ружей и обычною, единственною во всѣхъ случаяхъ пѣснію: «ля-иль-ляга-иль-алла», выраженіемъ радости о пріобрѣтеніи дарованной Небомъ добычи.

Толпа старыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ съ любопытствомъ смотрѣла на насъ и завидовала счастію своихъ товарищей, которые оцѣнивали вещи и лошадей и дѣлили ихъ между собою. На лицо не оказалось денегъ и эполетъ: я видѣлъ, кто ихъ взялъ въ моментъ поимки, но не обнаружилъ, и этимъ незначительнымъ обстоятельствомъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе тѣхъ двухъ человѣкъ.

Послѣ дѣлежа, непродолжительнаго отдыха и подкрѣпленія силъ пищею, ямщикъ (изъ Кумыковъ) отправленъ былъ въ другой аулъ. Меня отвели въ саклю, куда съ народомъ пришелъ Тарамъ и, объявивъ, что онъ человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ значеніемъ, что я офицеръ, что по этому торговаться намъ не приходится, спросилъ: Что я дамъ за свободу? Услышавъ отъ меня повтореніе словъ его о неприличности торговли и согласіе: принять на себя впослѣдствіи уплату 600 р. серебр.; если только они могутъ быть выданы ему въ настоящее время, Тарамъ сказалъ мнѣ цѣну выкупа сначала 1000 р., спустя нѣсколько минутъ 2000, потомъ

*) Или бурдюкъ; это есть цѣльная шкура, преимущественно снятая съ козла; всѣ отверстія крѣпко завязываются, кромѣ одного, чрезъ которое его надуваютъ и завязываютъ. Шерсть остается въ серединѣ.

5000 р. Изумленный его фальшивостію и корыстолюбіемъ, я замолчалъ. Онъ вышелъ съ народомъ, и въ слѣдъ затѣмъ мнѣ были набиты на ноги полновѣсныя желѣзныя кандалы.

Повторивъ въ теченіи слѣдующихъ дней свои требованія и не получивъ отъ меня отвѣта, онъ велѣлъ набить еще другія такія же кандалы. На шею надѣли желѣзную цѣпь (арш. 12 длины), которой конецъ пропускался на ночь сквозь дыру въ стѣнѣ изъ моей въ его саклю, гдѣ заматывался за колъ.

Ночью у дверей, запертыхъ замкòмъ, ложились два Чеченца, и иногда на крышѣ у трубы одинъ.

Кусокъ пшеничной или кукурузной лепешки, немного посоленнаго, кислаго или прѣснаго молока для обмакиванія, замѣняемаго иногда соленымъ сыромъ и лапшою, во время лихорадки изрѣдка—Калмыцкимъ чаемъ и нѣсколько разъ въ году мясомъ, составляли пищу; сакля, войлокъ и желѣзы съ цѣпью пудоваго вѣса—помѣщеніе, постель и новую сверхъ необходимой одежду.

Въ отведенной мнѣ саклѣ я засталъ плѣнныхъ: солдата и мальчика.

Непріятель, объясняя себѣ изъ бумагъ моихъ, чрезъ грамотныхъ людей, что я адъютантъ младшаго Сардаря (Ставропольскаго, старшій у нихъ Тифлисскій), убѣжденъ былъ, что за меня можно пріобрѣсть богатый выкупъ; что рано или поздно выкупъ этотъ долженъ будетъ состояться и что, слѣдовательно, нужно только вооружиться терпѣніемъ и твердостію: ибо Русскіе, какъ говаривали мнѣ нѣкоторые въ видѣ утѣшенія, слабы словомъ и сердцемъ, изъ состраданія соберутъ сумму и согласятся. О деньгахъ же дѣло не станетъ, потому что въ Россіи ихъ много. Утѣшая себя и народъ этою мыслію, Тарамъ кромѣ увѣщаній словомъ оставлялъ меня въ покоѣ, а самъ продолжалъ по прежнему дѣлать набѣги въ наши предѣлы.

Неизвѣстность положенія моего тяготила меня въ первыя три недѣли плѣна; но потомъ я былъ совершенно покоенъ, въ слѣдствіе двухъ видѣнныхъ мною сновъ, рѣзко запечатлѣвшихся въ памяти. Въ первомъ *съ 12-го на 13 Августа* я видѣлъ: «Два невысокія возвышенія, раздѣленныя небольшимъ оврагомъ, по которому протекалъ грязный ручей. На немъ съ одного берега до другаго росли три большія зеленыя, вѣтвистыя дерева. Я съ двумя товарищами стоялъ на одномъ возвышеніи и, по какому то непреложному опредѣленію, намъ слѣдовало *непремѣнно* перейти на другое возвышеніе. Два товарища пошли прямо, перешли, но запачкали ноги. Я подумалъ, влѣзъ на одно дерево, съ него по вѣтвямъ на другое, потомъ на третье и, соскочивъ на землю, вышелъ на курганъ чистымъ».

Второй сонъ, на слѣдующую ночь, съ *13-го на 14-е августа:*

«Стою я на срединѣ роскошной, зеленой, но безлѣсной поляны, терявшейся ровно во всѣ стороны далью необозримою. Небо будто тёмное. Вдругъ разверзлось оно надъ моей головою, и въ свѣтломъ полукругѣ я увидѣлъ простертую изъ тучи руку Провидѣнія и слышалъ внятно неземной голосъ, пролившій въ мою душу высокое слово утѣшенія».

По окончаніи каждаго сна я просыпался тотчасъ, не смыкалъ глазъ до утра, разбиралъ сонъ, и душѣ моей было невыразимо сладко, легко и покойно.

Первый сонъ требовалъ нѣсколько бòльшаго соображенія, и мнѣ каза-

лось, что ручей означалъ границу между Россіей и Чечней, переходъ — предстоящее освобожденіе, деревья — значительныя лица, которыя могли вывести меня изъ моего положенія; силу я открывалъ во второмъ снѣ.

Въ этомъ благодатномъ спокойствіи прошло время до половины октября 1847 года.

Въ этомъ промежуткѣ времени судьба послала мнѣ старшаго брата Тарама—*Заура*, который принималъ во мнѣ особенное участіе.

Зауръ былъ человѣкъ пожилой, серьёзный, но очень доброй души и уважаемый въ аулѣ. Зауръ не пользовался особеннымъ значеніемъ, потому что не имѣлъ ни достатка, ни военныхъ способностей своего брата, но былъ любимъ за честность, доброту и спокойную разсудительность.

Зауръ, уважая въ братѣ достоинства военныя, не любилъ его за надменность, непомѣрное честолюбіе и корыстолюбіе, которыя въ Тарамѣ господствовали надъ всѣми страстями. Будучи болѣе покойнаго характера, при здравомъ смыслѣ, Зауръ понималъ стѣснительное положеніе своихъ соотечественниковъ и постигая, что немного времени остается независимо существовать этой части Чечни, снисходительно смотрѣлъ на Русскихъ и на слабости Чеченцовъ.

Не таковъ былъ братъ его *Тарамъ*, корыстолюбивый въ высшей степени, честолюбивый, личный врагъ Русскихъ, фанатически преданный идеямъ Шамиля, его ученію, и его ревностный поклонникъ; человѣкъ съ здравымъ смысломъ и съ сильной волей, смѣлый, рѣшительный и строгій Мусульманинъ. Онъ имѣлъ жену, 5-хъ дѣтей (старшему сыну 14 лѣтъ); одѣвался самъ опрятно и даже щеголевато. Деньги, красный товаръ, соль и плѣнные у него не переводились. Онъ считался богатымъ человѣкомъ.

Смѣлость и удача въ набѣгахъ, строгое соблюденіе требованій религіи, твердый характеръ, достатокъ и, не взирая вообще на скупость, охотно раздаваемая милостыня пріобрѣтали ему значеніе, уваженіе и свою партію приверженцовъ.

Зауръ мнѣ далъ понять, что если я дѣйствительно не въ состояніи обѣщать болѣе 600 р. сер., то онъ употребитъ всѣ средства склонить народъ и брата — согласиться на эту цѣну. Приложенный имъ къ сомкнутому рту палецъ доказывалъ, какую тайну слѣдовало въ этомъ соблюдать, чтобы избѣжать подозрѣній. Зауръ обѣщалъ заходить ко мнѣ изрѣдка, называть меня то Иваномъ *), то Андреемъ, то Митріи и, достигнувъ цѣли, будетъ считать достаточною для себя наградою, если его отрекомендуютъ Русскому начальству съ хорошей стороны; онъ желалъ этого потому, что хотѣлъ перейти на житьё къ Русскимъ: тревожная жизнь ему надоѣла.

Дѣйствительно онъ успѣлъ сдѣлать многое; дѣло убѣжденія на 600 р. сер. вёлъ очень искусно и, будучи самъ въ сторонѣ, достигъ того, что народъ и Тарамъ сами согласились наконецъ отдать меня Русскимъ за 600 р.—8-го октября рѣшено: въ ночь на 10-е число отправить по этому записку къ начальнику лѣваго фланга, въ Грозную.

О происходившемъ Тарамъ мнѣ ничего не говорилъ, да я бы ему и не повѣрилъ. Но что дѣла мои шли хорошо, я зналъ отъ Заура, который самъ радовался предстоящему моему освобожденію и исполненію своихъ

*) Иваномъ называли меня Чеченцы.

предположеній: прежде всего онъ хотѣлъ жениться *); онъ имѣлъ невѣсту, которая по уговору должна была пріѣхать къ нему на сватьбу къ 9-му октябрю; потомъ—выйти къ Русскимъ для болѣе покойной и достаточной жизни.

Въ полдень 9-го числа пріѣхала невѣста къ Зауру (онъ жилъ по сосѣдству); по этому случаю прислали мнѣ мяса, хлѣба и сыру.

Къ вечеру того же дня была приготовлена Муллою записка. Стемнѣло. Послѣ вечерняго намаза (молитвы) хотѣли ее отправить въ Грозную.

Вдругъ на дворъ взъѣхало нѣсколько всадниковъ. Вызвали Тарама, перешептались, потомъ зашли въ саклю, закусили. Хозяину осѣдлали коня и— Тарамъ, гости, а съ ними и Зауръ, исчезли.

Записка осталась неотправленною. Двое сутокъ никто не зналъ, куда и зачѣмъ поѣхали. На третьи рано утромъ пріѣхалъ на дворъ бѣглый казакъ (Моздок. полка) *Дмитрій Алпатовъ*, зашелъ ко мнѣ и расказалъ: «Вы, можетъ быть, скоро теперь освободитесь по размѣну. Чеченцы попались; я былъ съ ними и только что возвратился едва живой: такъ намъ досталось. Тарамъ будетъ домой дня чрезъ два; послѣ такихъ неудачъ стыдно скоро домой являться. Дѣло вотъ какъ было:—Съ выѣздомъ нашимъ на 10-е число изъ аула, собрали дорогой партію до 80 человѣкъ, въ туже ночь прискакали къ Тереку, переправились у дер. Парбочевой и, выѣхавъ уже поздно ночью на большую дорогу, встрѣтили съ арбой Ногайца.

«Ударивъ его плетью, Тарамъ велѣлъ ему сѣсть на коня сзади другаго сѣдока и вести къ конскимъ табунамъ; но какъ Ногаецъ не зналъ, гдѣ они пасутся и могъ указать только на ближайшее кочевье, то и отправились къ кочевью. Обычай нашъ не допускаетъ наказанія Мусульманина-непріятеля, если онъ выполнилъ требованіе; по этому, отпустивъ перваго Ногайца, взяли другаго, приказавъ ему вести въ табуны.

«Второй Ногаецъ, по невѣдѣнію, или съ умысломъ, водилъ насъ почти до самаго свѣта и даромъ. Отпустивъ и его, мы шибко поѣхали къ Тереку. Солнце уже взошло, когда мы приближались къ лѣсу. Замѣтивъ тамъ казаковъ, мы поняли ошибку свою съ 1-мъ Ногайцемъ—но поздно.

«Вмигъ предложили: разсыпаться по лѣсу и ждать вечера для ухода. «Этакъ мы погибнемъ, закричалъ Тарамъ, потому что Русскіе соберутся и всѣхъ насъ переловятъ. «За мной, кто хочетъ!» и выхвативъ шашку, быстро поскакалъ въ лѣсъ. Всё бросилось за нимъ. До самаго берега проскакали мы лѣсъ, полный казаками и, разумѣется, не безъ урона; бросились въ Терекъ, казаки били насъ на рѣкѣ и, къ великому несчастію нашему, на эту тревогу прискакали мирные Чеченцы изъ Акъ-булатъ-Юрта.

«Спасаясь кто какъ могъ, мы лишились 14-и человѣкъ взятыми въ плѣнъ, нѣсколькихъ раненныхъ и убитыхъ и болѣе 50-и своихъ лошадей.

«Тарамъ виноватъ въ этой неудачѣ: зачѣмъ онъ напрасно ударилъ плетью перваго Ногайца! Зачѣмъ мы его скоро отпустили?!...

«До сихъ поръ не собрались еще люди изъ этой партіи. Зауръ взятъ въ плѣнъ, Тарамъ сильно сконфуженъ.

«Въ войнѣ это дѣло обыкновенное,

*) Зауръ былъ лѣтъ 46 и вдовъ.

и участь наша общая; теперь вы надѣйтесь на размѣнъ. Прощайте».

Я видѣлъ Алпатова прежде нѣсколько разъ; вѣрилъ и не вѣрилъ его словамъ, и какое то тяжелое чувство овладѣло мною.

Тарамъ дѣйствительно пріѣхалъ чрезъ два дня, одинъ, тихонько, не поздоровался съ семействомъ, и на слѣдующій день, явившись ко мнѣ съ народомъ, объявилъ: «Съ нами «случилась неудача, это судьба. Одни «умираютъ, другіе въ плѣну у Рус«скихъ; ты, Иванъ, у меня»!

Народъ прибавилъ: «Теперь не«нужны миліоны; отдай намъ нашихъ «плѣнныхъ и получишь свободу»!

На отвѣтъ мой, что объ этомъ нужно обратиться къ Русскому начальству, въ рукахъ котораго находятся плѣнные Чеченцы и что мнѣ несообразно вести объ этомъ переговоры,—народъ значительно между собою переглянулся и послѣ криковъ, угрозъ, ругательствъ и толчковъ разошелся, предоставивъ, какъ кажется, убѣждать меня Тараму, въ домѣ котораго по согласію ихъ я жилъ постоянно.

Случилось до этого времени, что, по ложнымъ просьбамъ Тарама отъ имени моего, нѣкоторые воинскіе начальники изъ соболѣзнованія присылали ко мнѣ бѣлье, табакъ, матеріи на бешметъ и Калмыцкій чай.

Для жадности Чеченца достаточно видѣть одинъ разъ исполненіе своихъ цѣлей, чтобы надѣяться тогоже во второй, третій и десятый разъ, по очень натуральному сужденію: дали разъ—дадутъ и другой и еще вѣрнѣе, когда я самъ попрошу.

Мнѣ показывали съ удовольствіемъ эти вещи: давали табакъ, иногда ковшъ Калмыцкаго чаю; требовали, чтобы я писалъ и просилъ,—но я отказывался подъ разными предлогами. Боясь однакоже возбудить къ себѣ негодованіе со стороны нашего начальства за средства, хотя бы и ложныя, къ обогащенію непріятеля, я отправилъ отъ себя записки съ лазутчиками въ укр. Тамъ-Кизу, Воздвиженское и Грозную къ воинскимъ начальникамъ, которыхъ просилъ: не только не присылать мнѣ что либо на будущее время, но ничего не писать и никому ни въ чемъ не вѣрить.

Жадность Тарама не позволяла медлить, тѣмъ болѣе, что по дошедшимъ въ короткое время слухамъ изъ 14-и плѣнныхъ Чеченцовъ 3-хъ отдали жителямъ Акбулатъ-Юрта, 2-хъ разстрѣляли и 2-хъ повѣсили, такъ какъ 4-е послѣдніе оказались бѣжавшими изъ мирныхъ и многократно виновными. Въ числѣ *семи*—оставался Зауръ и другіе родственники его и прочихъ. Оспанъ-Юртовскіе жители просили Тарама особенно о скорѣйшемъ освобожденіи Заура; другіе о всѣхъ остальныхъ; а Тарамъ, для корысти котораго смерть 4-хъ чел. давала надежду получить при размѣнѣ и деньги,—радъ былъ случаю.

Въ угожденіе народу онъ явно соболѣзновалъ о плѣнномъ братѣ и о прочихъ и требовалъ отъ меня записки къ Русскому начальству о выдачѣ за меня всѣхъ плѣнныхъ; какъ корыстолюбецъ и приверженецъ Шамиля—хотѣлъ денегъ: ибо изъ большей суммы бо̀льшая доля досталась бы Шамилю, а на этомъ угожденіи основывалъ онъ прочность настоящаго своего положенія и виды на лучшее будущее.

Почти каждый день, наединѣ, требовалъ онъ записки, говоря: «многіе изъ «нашихъ гибнутъ—это судьба; пусть «пропадаетъ братъ мой и Мусуль«мане! А мнѣ подай денегъ, де-

«негъ и денегъ! Не дашь—тутъ и по«гибнешь! Развѣ я попадусь, тогда об«мѣняемся!»

А какъ только кто либо являлся, тогда рѣчь снова заводилась о запискѣ къ кому бы то ни было, вообще объ освобожденіи, но почувствительнѣе содержаніемъ, и чѣмъ болѣе будутъ въ ней выражены:—тягость и неудобства жизни, болѣзнь и проч., хотя бы и ложно,—тѣмъ результатъ ея успѣшнѣе и выгоднѣе (Декабрь 1847).

Чтобы скорѣе достичъ желаемаго, Тарамъ принялся за меня иначе. Вечеромъ явилось ко мнѣ нѣсколько Чеченцовъ, съ бумагою и карандашомъ, и требовали, чтобы я написалъ записку о выдачѣ плѣнныхъ. Я долго не соглашался; мнѣ совали бумагу и карандашъ въ руки, я молчалъ, не бралъ, и они падали на землю. Чеченцы сердились, выходили изъ себя, толкали и били меня гдѣ и чѣмъ ни попало. Тарамъ былъ у себя на половинѣ, отдѣлявшейся отъ моей—стѣною. Вошедшіе вновь два человѣка начали ласково убѣждать меня снова о запискѣ. Я молчалъ. Терпѣніе ихъ лопнуло: но я терпѣлъ и не далъ въ отвѣтъ ни полъ-звука. Тогда, замѣтивъ мнѣ, что вѣдь Русскіе вѣшаютъ Чеченцовъ, связали руки, вздернули меня къ верху ногами веревкой за кандалы къ матицѣ,—и я повисъ на воздухѣ. Вошелъ Тарамъ. Я налился кровію, на ногахъ чуть кости не треснули; но къ счастію еще кто-то вошелъ, крикнулъ, и меня сняли. Тарамъ, выхвативъ кинжалъ, бросился на меня, но его удержали и вывели на его половину. Этимъ не кончилось: дымящейся головней подкуривали носъ и глаза, тыкая въ лицо головешку и держа за усы. Какъ ни несносно было подобное обращеніе, но чтобы во первыхъ избавиться его, во вторыхъ — испытать что будетъ, если напишу записку, которая не составляла въ глазахъ моихъ особенной важности, я предположилъ себѣ написать ее, если того потребуютъ.

Развязавъ руки, снова дали мнѣ бумагу и карандашъ, съ крикомъ: «пиши»! Молча написалъ я и бросилъ её подлѣ (*). Люди вышли довольны; но изъ другой половины, я услышалъ голосъ Тарама: «дуракъ, дуракъ!»

Это меня озадачило: по тому ли я дуракъ, что не выдержалъ характера, или по тому, что допустилъ себя бить, когда, казалось, можно было избѣгнуть этого?

Но я понялъ Тарама: онъ не хотѣлъ вообще моей записки о размѣнѣ плѣнныхъ; ему нужны были деньги, и изъ нихъ, секретно, особенная часть на его долю. Въ этихъ видахъ посредничество мое вредно, потому что не могло быть скрыто отъ людей.

Послали ли мою записку, или нѣтъ, не знаю; но затѣмъ меня не безпокоили въ теченіи нѣсколькихъ недѣль.

Но за то отняли войлокъ и тулупъ, данные мнѣ прежде; не приказывали разводить огня; насѣкомыя меня одолѣли; платье превратилось въ грязныя лохмотья; я и плѣнные мерзли. На дворѣ былъ исходъ декабря и суровая зима.

Солдатъ и мальчикъ почтительно изумлялись моему терпѣнію и старались на перерывъ услужить мнѣ чѣмъ либо по возможности.

Днемъ я былъ покоенъ и молчалъ; ночью иногда плакалъ и всегда молился, часто не смыкая очей до утра. Иначе и быть не могло: кругомъ меня непріятель, а надо мною Богъ,

(*) Въ запискѣ я просилъ о возвратѣ плѣнныхъ.

и молитва къ Нему и воспоминаніе о двухъ снахъ были единственнымъ моимъ утѣшеніемъ: они скрѣпляли слабыя силы духа и тѣла вѣрою и надеждою въ лучшее, если не въ этомъ, такъ въ другомъ мірѣ.

Надзоръ за мною былъ усиленъ; кандалы тщательно осматривались каждый день два раза; конецъ цѣпи на ночь пропускали между ногъ солдата и потомъ въ хозяйскую половину. Подсылали людей склонять меня къ побѣгу, съ цѣлью вывѣдать мое намѣреніе. Я былъ остороженъ; о побѣгѣ думать было безразсудно. Посягать на свою жизнь я считалъ тяжкимъ грѣхомъ и низкимъ малодушіемъ.

Въ исходѣ 1847 года, чрезъ лазутчика получилъ я записку отъ генерала Фрейтага: «увѣдомьте меня ,какъ «поступить насчетъ размѣна за васъ «Чеченцевъ и сколько ихъ можно дать? «Я употреблю всѣ средства въ поль«зу вашу. Молчите, ничего не пред«принимайте и никому ни въ чемъ не «вѣрьте».

Отправивъ на другой день съ тѣмъ же лазутчикомъ отвѣтъ: «въ числѣ «плѣнныхъ находятся старшій братъ «Тарама Зауръ, достойный человѣкъ, «и его племянникъ Долтухо. Я ду«маю, что согласятся отдать меня за «2-хъ, 3-хъ челов. Совѣтъ вашъ по«стараюсь исполнить»—я сжегъ подлинную записку генерала Фрейтага.

Насталъ 1848-й годъ.

Тарамъ, давъ мнѣ нѣкоторый отдыхъ и желая избѣжать вѣроятно какихъ либо подозрѣній со стороны народа (*), изыскивалъ нарочно случаи, при народѣ же, добиваться отъ меня снова записки, въ слѣдствіе чего по прежнему принимался меня бить нѣсколько разъ, разновременно, — чѣмъ подъ руки попало, привязывалъ въ особой саклѣ къ столбу на нѣсколько часовъ, угрожая кинжаломъ; однажды слегка надрѣзалъ мнѣ три пальца. Разумѣется, я молчалъ какъ могила, и кончалось тѣмъ, что записки отъ меня не получали никогда и никакой.

Народъ, опасаясь за меня, ради свободы своихъ, отнималъ его и удалялъ отъ меня, а на меня плевалъ, и расходился, пожимая плечами.

А Тарамъ, послѣ каждаго побоища, по уходѣ народа, собственноручно приносилъ мнѣ мясо и Калмыцкій чай, выражая взглядомъ особенное удовольствіе за мое терпѣніе, значеніе котораго понимала его жена; но вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ за мною усиливался изъ опасенія со стороны моей самоубійства, со стороны людей подкупленныхъ и могшихъ по мнѣнію его меня выкрасть; со стороны же родственниковъ плѣнныхъ Чеченцовъ—также, чтобы меня не украли съ цѣлью избавить отъ Тарама, такъ какъ мало надѣялись на искренность его желанія къ освобожденію Чеченцевъ, которыхъ, можетъ, скорѣе бы выручили по одиночкѣ, еслибы я прежде былъ свободенъ. Тарамъ понималъ это, ибо зналъ себя и людей хорошо.

Такъ прошла первая половина 1848 г., въ теченіи которой убылъ солдатъ по размѣну, а чрезъ нѣсколько дней приведенъ другой съ двумя шашечными ранами въ руку и въ ногу, (безъ поврежденія костей).

По недостатку надзора, я его перевязывалъ; онъ пробылъ недолго, выздоровѣлъ и также убылъ (*).

(*) Равно и въ слѣдствіе слуха, что плѣнныхъ Чеченцовъ отправляютъ въ Сибирь.

(*) Подобные раны излѣчиваются скоро и такимъ образомъ: на первый разъ присыпаютъ рану мелкой солью, потомъ ветошь или корпію обмакиваютъ въ свѣжее коровье масло и прикладываютъ. Корпію въ маслѣ перемѣняютъ разъ или два въ день.

Потомъ приведены: въ маѣ мѣсяцѣ изъ Амиръ-Аджи-Юрта—солдатъ карантинной стражи *Ткачевъ*, староватый, глухой и осиплый; а въ концѣ іюня — Брагунскій житель *Ильясъ*, сильный, плечистый, здоровый и толковый.

Оба они страшно горевали: первый потому, что, будучи лѣтъ за 40, не любилъ работать, не имѣлъ табаку, водки, порядочной одежды, хотя сносной постели и достаточнаго отдыха; второй—за *своимъ семействомъ*. Каждый день брали ихъ въ поле на работы, и усталые, голодные, опаленые солнечнымъ зноемъ, возвращались къ вечеру въ саклю. Забывая горе свое въ усердной молитвѣ и крѣпкомъ снѣ, они однакоже изыскивали всѣ средства къ свободѣ.

У нихъ на ногахъ были конскія, желѣзныя путы, легкія и не совсѣмъ прочныя; поднявши повыше къ колѣнямъ, въ нихъ можно бѣгать или ходить довольно свободно.

У Ткачева были надѣтыми холщевая рубашка и такіе же дрянные штаны и затѣмъ ничего; кромѣ любви къ своему, еще болѣе ненависти къ непріятелю. Первая выражалась пріятнымъ воспоминаніемъ объ удобствахъ Амиръ-аджи-юртской жизни, вторая — ворчаньемъ и постоянною бранью.

Слухи объ отправленіи 7 Чеченцевъ на линію и въ Сибирь подтверждались. Сколько я могъ понять, это основано было вѣроятно на томъ, что когда непріятель не соглашался на размѣнъ меня за 2-хъ, 3-хъ или 4-хъ челов. и замолчалъ, то чтобы заставить его прежде просить насъ—сдѣлано было такое распоряженіе.

По слухамъ, плѣнныхъ останавливали на нѣкоторое время, въ выжиданіи просьбъ непріятеля, въ Червленной, Моздокѣ, Екатериноградѣ и Ставрополѣ.

Чеченцы узнали, поняли смыслъ этого распоряженія и не думали просить, объясняя напротивъ между собою, что Иванъ стало-быть нужный человѣкъ, когда такъ осторожно и медленно ссылаютъ нашихъ въ Сибирь. (А на этихъ пересылкахъ прошло болѣе полгода).

Но непріятель ошибался, если думалъ, что съ нимъ шутятъ; ибо изъ Ставрополя плѣнныхъ отправили далѣе въ Россію и въ Сибирь, какъ говорили.

Едва эта вѣсть достигла Чечни, какъ вдругъ исчезла гордость, разрушились разсчеты, потеряно терпѣніе. Родные плѣнныхъ неотступно приставали къ Тараму—спасти единовѣрцевъ; старики и другіе укоряли иногда Тарама за равнодушіе къ брату и прочимъ; а слово Сибирь пуще всего возмущало ихъ воображеніе, которое представляло её гдѣ-то на концѣ міра и какимъ-то чудовищнымъ мѣстомъ, гдѣ только плачь, вѣчная скорбь и вѣчно тяжкія работы (половина 1848).

Повидимому, не слишкомъ трогался этимъ Тарамъ; впрочемъ онъ былъ постоянно суровъ и холоденъ; но дѣлать оставалось нечего: уговорились, выбрали почетныхъ стариковъ и отправили депутацію къ главнокомандующему князю Воронцову въ кр. Воздвиженскую съ просьбою—возвратить 7-мь плѣнныхъ за мою свободу.

Тарамъ однакоже не пропустилъ объявить мнѣ, что онъ не могъ не согласиться на отправленіе депутаціи, ибо противъ народа идти не хотѣлъ; но если ему денегъ не дадутъ,—то размѣну не состояться. «Мнѣ подай денегъ, а безъ нихъ пропадай братъ и «прочіе»!

Надо полагать, что депутація возвратилась съ удовлетворительнымъ свѣдѣніемъ, потому что меня уже болѣе не трогали, подъ войлокъ подослали солому, улучшили пищу, дали одѣяло.

Но не облегчалось положеніе Ильяса и Ткачева, которые, какъ я уже сказалъ, изыскивали средства къ побѣгу.

Однажды Ткачевъ, будучи въ полѣ на работѣ и желая бѣжать, спрятался тутъ же въ кукурузу; его нашли, но бить—не били.

Другой разъ онъ выкинулъ такую же штуку посмѣлѣе, отошедши и спрятавшись въ кукурузѣ за $\frac{1}{2}$ версты отъ мѣста работы. Его нашли, немного побили, но Ткачевъ съ бранью кричалъ имъ: «Разумѣется я хотѣлъ «бѣжать, но не къ Русскимъ, а съ «жалобою къ Шамилю на васъ подле«цовъ, которые мучатъ работою, и не «кормятъ и аммуниціи не даютъ! Бей, «а я въ другой разъ пойду съ жало«бой къ Шамилю!»

Ильясъ и я невольно смѣялись этой выходкѣ и она была не безполезна. Народъ сталъ стыдить Тарама за дурное содержаніе Ткачева, и къ утру другаго дня ему дали папахъ, новые холщевые штаны и рубашку и поршни (мачишь) изъ сыромятой кожи. Онъ былъ очень доволенъ своей выдумкой и часто ворчалъ про себя: «надулъ подлецовъ!»

Ильясъ не отставалъ отъ Ткачева: принесши съ собою съ вечера топоръ со двора, онъ ночью, когда кромѣ меня всѣ спали, сталъ ковырять глину около дверей, которыя думалъ вынуть и бѣжать. Но неудачно. Къ утру же заснулъ, оставя топоръ въ углу за дверьми, внѣ которыхъ спалъ часовой. На разсвѣтѣ я припряталъ топоръ, и когда отворили дверь, выбросилъ его потихоньку. При осмотрѣ было замѣчено, что глину ковыряли; но особеннаго вниманія на это не обратили, потому что тамъ ставились рубленные дрова стоймя и могли концами попортить сырую нѣсколько глину и землю около порога. Однако послѣ этого случая, цѣпь съ моей шеи на ночь продѣвалась между ногъ Ильяса и Ткачева, и потомъ уже конецъ ея посылался въ хозяйскую половину для увязки за колъ.

Они призадумались, потому что къ побѣгу прибавилось однимъ затрудненіемъ болѣе.

Обстоятельство это заняло и меня. Я бы могъ въ случаѣ нужды пролѣзть между ногъ Ильяса и Ткачева, но можно ли ручаться, что при случаѣ они меня не обнаружатъ? Я спросилъ себя: какимъ образомъ, не проходя между ногъ напр. Ильяса, можно освободить его отъ цѣпи? «Нужно продернуть цѣпь между наножникомъ же«лѣзнымъ и ногою спереди, обнести «цѣпью ступню, такъ, чтобы обѣ сто«роны цѣпи обошли ногу, и вынуть «цѣпь сзади; человѣкъ отъ нея осво«бождается.» Но я объ этомъ открытіи молчалъ.

На другую ночь Ильясъ мнѣ сказалъ: «Иванъ, силъ нѣтъ оставаться, «хочу уйти. Можноли выйти въ тру«бу и какъ избавиться твоей цѣпи?».

«Иди, я тебѣ мѣшать не буду, от«вѣчалъ я; чтобы уйти въ трубу, по«лѣзь днемъ зачѣмъ нибудь на кры«шу и измѣрь трубу на крестъ отъ «одного угла до другаго. Если по «плечамъ прійдется—выйдешь; нѣтъ «—такъ оставайся. А объ цѣпи по«думай; я знаю навѣрное, что ее мо«жешь снять самъ, еслибы даже я не «трогался съ мѣста. Подумай!».

Смѣтливый Ильясъ отыскалъ этотъ

способъ и три ночи сряду дѣлалъ репетиціи.

Случилось, что Тарамъ съ вечера куда-то уѣхалъ. Насъ давно уже заперли. Слышу — Ткачевъ храпитъ, а Ильясъ подымается, освобождается отъ цѣпи и, подставивъ полѣно въ печь, лѣзетъ въ нее. Но каково его положеніе: провозившись безъ успѣха цѣлый часъ въ печи, вымазавшись въ сажу самымъ чернѣйшимъ образомъ, онъ долженъ былъ спуститься обратно на свое мѣсто. Красивъ онъ былъ на разсвѣтѣ; нельзя было не пожалѣть, но и трудно не засмѣяться.

Ильясъ однако не сконфузился. Едва утромъ взошелъ сынъ Тарама (лѣтъ 14), Ильясъ объявилъ ему, что его во снѣ одолѣлъ нечистый; что ему необходимо выкупаться, иначе и Богу молиться нельзя. Мальчикъ передалъ матери, и Ильяса отпустили на канаву проточной воды.

Онъ обмылся, нѣсколько успокоился за случай, и кажется, отчаявшись въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ, сталъ покойнѣе проводить ночи. Казалось, Ткачевъ также ничего не придумалъ; онъ постоянно храпѣлъ богатырскимъ сномъ послѣ усталости дневной.

А между тѣмъ, къ величайшему удивленію моему, спустя недѣли двѣ послѣ путешествія въ трубу Ильяса — слышу ночью: Ильясъ спитъ крѣпко, а Ткачевъ — осиплый, глухой — творитъ довольно громко усердную молитву, призывая на помощь къ себѣ всѣхъ святыхъ, потомъ онъ же, съ неимовѣрнымъ шумомъ, роетъ землю подъ стѣнку къ улицѣ.

Я молчалъ и за него молился. Менѣе нежели чрезъ часъ обдало меня сырымъ холодомъ — подкопъ былъ готовъ. Слышу — Ткачевъ будитъ Ильяса и предлагаетъ ему лѣзть прежде и убѣдиться: достаточно ли просторно? Ошеломѣвшій со сна и никогда ничего подобнаго не ожидавшій отъ Ткачева, широкоплечій Ильясъ вмигъ освободился отъ цѣпи, полѣзъ, вышелъ назадъ, и проговоривъ: «мало, мало, работай», подобралъ войлокъ и подушку, освободилъ отъ цѣпи Ткачева, и одинъ въ слѣдъ за другимъ исчезли. (Августъ 1848).

Сонъ бѣжалъ отъ меня; я думалъ о спасеніи бѣжавшихъ и призывалъ сонъ, какъ даръ Неба и непремѣнно къ утру, когда могли замѣтить бѣгство. Мнѣ казалось лучше, — если меня застанутъ спящимъ.

Дѣйствительно къ утру я заснулъ и проснулся въ слѣдствіе крика и шума людей. Всходило солнце, когда нечаянно проходившій по улицѣ замѣтилъ подкопъ.

Пѣшіе и конные отправились въ погоню: одни по слѣду отъ сакли, другіе вдоль на пограничныя мѣста.

Тарамъ и народъ между тѣмъ собрались ко мнѣ съ угрозами за содѣйствіе къ побѣгу и за спускъ съ цѣпи. Осмотрѣвъ послѣднюю, нашли её совершенно цѣлою и одинъ конецъ у меня на шеѣ, другой въ хозяйской половинѣ; удивлялись, покричали, погрозили только и разошлись.

Не знаю за что, но въ тотъ день жена Тарама, Сата накормила меня хорошо.

Я радовался роскошному Чеченскому обѣду, видя въ немъ награду судьбы за мое доброе желаніе.

Но представьте себѣ и мое удивленіе, когда съ закатомъ солнца предсталъ передо мною одинъ пойманный Ткачевъ!?.... Я чуть не лопнулъ съ досады.

Тарамъ, накричавъ на него, спросилъ меня: «какъ поступить за это съ Ткачевымъ?»

«Не трогать, теперь онъ хуже наказанъ», отвѣчалъ я.

Тарамъ его побранилъ, но не приказалъ бить; народъ и мальчишки смѣялись на Ткачева; въ вырытое мѣсто вбили обрубокъ дерева невысокаго, но аршина $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ, и засыпали землею.

Ткачева поймали потому, что онъ отъ усталости прилёгъ и заснулъ въ лѣсу, къ сторонѣ Умаханъ-Юрта.

Ильяса слѣдъ простылъ, и съ нимъ исчезли кандалы, войлокъ и подушка.

Ткачевъ послѣ этого пробылъ весьма короткое время; его размѣняли, я остался съ мальчикомъ. Объ немъ ничего не говорю, потому что онъ былъ молодъ, мало понималъ, за кусокъ мяса и пшеничной лепёшки пересказывалъ мнѣ всё, что̀ видѣлъ и слышалъ, а по робости – всегда былъ у меня въ зависимости. (Въ началѣ сентября 1848).

Но какой результатъ пріобрѣла Чеченская депутація? Гдѣ Зауръ, его невѣста и товарищи по плѣну? Предстояла ли скорая и утѣшительная развязка для тѣхъ изъ насъ, у которыхъ мысль и сердце заинтересованы положеніемъ собственнымъ?

Со времени плѣна Заура проходило около года. Невѣста его ждала, ждала, поплакала и уѣхала въ домъ отцовскій.

О Чеченской депутаціи и ея послѣдствіяхъ расказывали: генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ, сожалѣя, что Чеченцы не просили о своихъ ранѣе, покуда они были въ раіонѣ Кавказскаго корпуса (чѣмъ дѣло размѣна могло бы ускориться) изъявилъ согласіе ходатайствовать у Государя Императора о возвращеніи 7-ми плѣнныхъ изъ Россіи на размѣнъ Ивана, что̀ князь обѣщалъ имъ навѣрное но предложилъ имѣть терпѣніе, ибо Чеченцы далеко, въ разныхъ мѣстахъ, и спѣшное возвращеніе ихъ не предвидится.

Я этому вѣрилъ, потому что такое дѣло не могло быть скрыто; извѣстіе объ нёмъ подтверждалось разсказами мальчика, свободно вездѣ бывавшаго въ аулѣ, людей, моихъ лазутчиковъ и еще болѣе—оставленіемъ меня въ покоѣ и лучшимъ содержаніемъ.

Недолго я оставался одинъ. Незадолго до убыли Ткачева привели двухъ малолѣтковъ казачьихъ Шелковой станицы, братьевъ Ивановыхъ (и съ ними еще 3-хъ человѣкъ, отданныхъ другимъ хозяевамъ). Старшему было 17 лѣтъ; младшій — годомъ моложе; мальчики нѣсколько грамотные, умные и чрезвычайно нравственные. Они очень грустили о своей матери (отца лишились прежде) и маленькой сестрѣ. Со слезами на глазахъ вспоминали домашнюю жизнь свою, ласки матери и каждое малѣйшее обстоятельство ея вниманія и любви, и были очень набожны.

Мнѣ было жаль ихъ, но и отрадно ихъ присутствіе.

Они мнѣ услуживали охотно и съ любовью; вечера и ночи расказывали о своей жизни въ домѣ, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ аулѣ, потому что днемъ пользовались свободою и употреблялись на работу, а по смышлености и постоянному обращенію съ мальчиками Чеченскими очень скоро научились мѣстному языку.

Ихъ взяли передъ вечеромъ, на сѣнокосѣ, бывшемъ на одной изъ полянъ въ лѣсу, близь ст. Шелковой.

При нападеніи Чеченцовъ (съ Тарамомъ) казаки защищались, одного убили, нѣсколькихъ ранили, но отдали плѣнныхъ, потому что были малочисленны.

Случилось это кажется въ Іюнѣ

1848 г. До темной ночи Чеченцы бѣгали по лѣсу, держа направленіе вверхъ лѣваго берега Терека къ ст. Щедринской; ночью прошли мимо поста, потомъ чрезъ Терекъ, мимо дер. Брагунъ и недалеко нынѣшняго укр. Тепли-Кичу перешли р. Сунжу.

Въ этихъ ночныхъ расказахъ открылось, что мальчики Ивановы почти годъ назадъ сидѣли вечеромъ съ казаками у воротъ станицы, когда прискакали два казака (одинъ раненный въ руку, другой съ лошадью раненною) при встрѣчѣ съ пѣшей Чеченской партіей и дали знать о тревогѣ; что мальчики первые взбѣжали на колокольню и ударили въ набатъ; что въ туже ночь также дали знать о взятомъ днемъ въ плѣнъ проѣзжавшемъ офицерѣ; о найденныхъ въ лѣсу – тѣлегѣ, пустомъ погребцѣ и чемоданѣ и какихъ-то бумажкахъ съ цыфрами больныхъ, умершихъ и выздоровѣвшихъ отъ холеры; словомъ, что это былъ я, какъ оказалось по справкѣ на Староглазовской почтовой станціи и что возвращавшіеся два гонца, наткнувшіеся на партію, разводили секреты.

Я отъ души любилъ этихъ мальчиковъ; присутствіе ихъ и обоюдные расказы облегчали тягость нашего положенія; жизнь казалась намъ сносною, можетъ быть, и потому что при воспоминаніи о лучшемъ забывалось настоящее худшее; а если оно и поражало наше вниманіе, то надежда въ Промыселъ, вѣра и теплая молитва сглаживали дурную сторону жизни и, примиряя со всѣми окружающими непріятностями, возбуждали въ насъ голосъ о прощеніи и вразумленіи враговъ нашихъ. Мы даже оправдывали поступки непріятеля войною, ненавистью къ Русскимъ, всеобщею бѣдностію и жаждою къ корысти, такъ какъ она вмѣстѣ съ тѣмъ составляла для нихъ важный способъ къ поддержанію существованія, способъ, при которомъ и враги наши, если не приносятъ въ жертву жизнь свою со всѣми тягостными ея послѣдствіями, то всегда рискуютъ ею изъ-за добычи по разнымъ побужденіямъ; потому что имъ хорошо извѣстно, что въ неудачѣ набѣга выигриваетъ убитый и спасшійся, а другихъ ожидаетъ или смертная казнь, или ссылка внутрь Россіи и въ Сибирь, или вообще несвободная жизнь вдали отъ родины и отличная отъ той, въ которой провели лѣта отъ рожденія.

Мы утѣшали себя еще и тѣмъ, что не могли знать и не знали прежде, что попадемся въ плѣнъ. Это было будущее, скрытое отъ насъ, но оно случилось, сдѣлалось прошедшимъ; стало, тому такъ слѣдовало быть, и покоряться обстоятельствамъ съ смиреніемъ поставляли себѣ въ обязанность. Словомъ, для насъ не было такого горя, съ которымъ бы мы не могли примириться.

Счастливое и это время! Покрайней мѣрѣ въ воспоминаніи и оно приноситъ какую-то невыразимую, душевную сладость!

Такъ проходило время до половины 1849 года, т. е. до возвращенія мальчиковъ на родину; а между тѣмъ въ концѣ 1848 года слухи о плѣнныхъ Чеченцахъ были такіе, что дѣйствительно о возвращеніи ихъ получено разрѣшеніе, что ихъ велѣно выслать на подводахъ въ кр. Грозную и хотя послѣ каждыхъ подобныхъ слуховъ содержаніе мое улучшивалось, т. е. подстилали солому подъ войлокъ, подметали избу, дали новые штаны и рубашку, для обритія бороды предлагали услугу, въ зиму постоянно отапливали каминъ татарскій и были вообще ласковѣе, какъ хозяева, такъ и посто-

ронніе,—но всё это далеко не могло совершенно заглушить тоски по родной жизни, гдѣ утѣшительны: средства лучшія, законы, обезпечивающіе положеніе и будущность каждаго, обычаи и привычки, которыхъ свѣжая прелесть понятна въ ихъ отсутствіи.

Тотъ выразился вѣрно, кто сказалъ, что — «дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!» Я самъ ощущалъ въ этомъ дымѣ величайшую сладость и ароматъ и почти въ тоже время пряталъ голову, чтобы не задохнуться въ саклѣ отъ дыму Чеченскаго, когда порывы вѣтра не давали ему исхода въ трубу.

Въ началѣ 1849 года распространилась вѣсть о прибытіи въ Грозную двухъ Чеченцовъ и чрезъ короткое время еще одного изъ числа назначенныхъ въ размѣнъ за меня. Въ аулѣ радость была общая: родственники плѣнныхъ угощались какимъ нибудь лакомымъ кушаньемъ, дѣти плясали подъ удары въ мѣдный тазъ, женщины занялись приготовленіемъ одежды для будущихъ пришлецовъ.

Вскорѣ потомъ мнѣ мальчики сказали, что жители очень сожалѣли о какомъ-то, въ Россіи умершемъ изъ нашего аула, Чеченцѣ, котораго ожидали въ Грозную, въ добавокъ къ 3-мъ, уже прибывшимъ; что женщины ходили въ домъ оплакивать его смерть, а мужчины были очень грустны; что родственники плѣнныхъ и народъ учащаютъ къ Тараму съ просьбами о скорѣйшемъ размѣнѣ и уговорились скрывать отъ меня смерть Чеченца, чтобы не лишить меня надежды на освобожденіе, и не разстроить меня тѣмъ болѣе, что я былъ тогда сильно нездоровъ и очень слабъ.

Въ это время (въ Мартѣ или Апрѣлѣ 1849), меня во первыхъ томила страшная лихорадка *), въ жару которой я пилъ постоянно воду (до рвоты и вылечился); во вторыхъ—неимовѣрная боль подъ ложечкой и чрезвычайное стѣсненіе въ груди: я едва могъ дышать. Опасались за мою жизнь.

Но главная, періодическая болѣзнь моя въ Чечнѣ обыкновенно начиналась съ половины осени и продолжалась до половины весны съ 847 на 848, и съ 848 на 849 годы, обнаруживаясь тѣмъ, что кровь, выступая на тѣлѣ отъ поясницы до пятъ, образовала въ ладонь иные струпья. Они не были зловонны, не производили боли, но, при малѣйшемъ движеніи тѣла, отдирались отъ грязнаго бѣлья моего, къ которому присыхали и тогда были крайне непріятны. Цвѣтъ ихъ — мѣдно-красный, и съ весны до новой осени почти не сходилъ, или очень мало. Въ періодъ съ 848 на 849 годъ я совершенно лишился всякой способности двигать ногами; они были безжизненны до того, что если мнѣ предстояла необходимость сдѣлать шага три въ саклѣ, то я обыкновенно ползъ на рукахъ, волоча брюхо и ноги по землѣ. Укрѣпляясь къ веснѣ постепенно въ силахъ, я долженъ былъ сначала устаиваться на ногахъ, придерживаясь за что нибудь, потомъ въ саклѣ дѣлалъ по нѣскольку шаговъ съ помощію палки или костылей. На это время снимали съ меня только одни кандалы; другіе оставались на мнѣ.

Одно обстоятельство странно: эти раны не открывались съ осени 1849 на 1850 годъ, т. е. въ послѣднее полугодіе моего пребыванія.

*) Чеченцы отъ лихорадки принимаютъ горсть мелкой соли, распущенной въ водѣ: потомъ ходятъ до изнуренія.

Вообще въ два періода, съ осени до весны, кровь моя принимала непріятный бурый цвѣтъ и была водяниста. Тогда мнѣ было тяжело: въ груди я чувствовалъ стѣсненіе, дыханіе частое и неровное; а между тѣмъ миліоны насѣкомыхъ безпокоили неимовѣрно.

Это были періоды замирающаго состоянія тѣла, и нѣтъ сомнѣнія, что къ тому способствовали полновѣсныя кандалы и цѣпь, препятствовавшія циркуляціи крови, время года, пища, нечистота и тоска.

Къ веснѣ же я постепенно оживалъ: съ высыхающихъ струпьевъ сама собою отдѣлялась ихъ поверхность, оставляя знаки; кровь постепенно принимала розовый цвѣтъ; стѣсненіе въ груди проходило; дыханіе становилось свободнымъ и ровнымъ. Словомъ, я возрождался къ жизни вмѣстѣ съ оживающею весеннею природою.

Въ маѣ 1849 г. пронеслась молва, что изъ числа Чеченцовъ, назначенныхъ въ размѣнъ за меня, еще прибылъ въ Грозную одинъ и еще одинъ умеръ, и что непріятель сталъ сомнѣваться въ справедливости извѣстій о смерти ихъ.

Тарамъ, кажется, пользовался этими случаями, смущая умы для корыстныхъ видовъ своихъ внушеніемъ недовѣрія къ Русскимъ, будто ложно распускающимъ слухи о смерти, тогда какъ, по его убѣжденію, умершіе живы, сосланы въ Сибирь, и ихъ просто не хотятъ возвратить.

Чеченцы зашевелились. Они не трогали меня, не вѣрили вполнѣ Тараму и Русскимъ, стали наблюдать за первымъ, повѣрять слова вторыхъ, боялись и за меня потому, что со смертію моею теряли надежду на возвращеніе своихъ соотечественниковъ. И въ умѣ Тарама опять зашевелилась мысль—сгрести побо̀льше денегъ, всё равно, отъ Русскихъ или отъ своихъ.

Внушенія его могли продлить размѣнъ на неопредѣленное время, и чѣмъ упорство его было сильнѣе, тѣмъ просьбы Чеченцовъ усиливались болѣе: они набавляли ему плату за свободу своихъ, Тарамъ думалъ получить деньги и отъ Русскихъ, а чѣмъ болѣе денегъ, тѣмъ для него лучше.—«Не отдамъ Ивана, говорилъ онъ, Русскіе лгутъ! Наши живы: они «въ Сибири! Чѣмъ можно доказать, «что Чеченцы плѣнные дѣйствитель-«но умерли?«

А мѣсяцъ спустя расказывалось, что Ивановы вотъ, вотъ на дняхъ будутъ освобождены.

Съ годъ пробылъ я до прибытія этихъ мальчиковъ; годъ еще просидѣлъ съ ними. Въ теченіи двухъ лѣтъ плѣнные прибывали и убывали, а я всё оставался. Предстоитъ ли мнѣ возвращеніе когда либо?!!... Я задумался.

Съ непріятелемъ я всегда избѣгалъ лишнихъ разговоровъ; остававшійся до сихъ поръ первый мальчикъ былъ глупъ и не заслуживалъ довѣрія. Какая же смертная тоска съ уходомъ Ивановыхъ предстояла мнѣ одному? Справедливъ ли предполагаемый размѣнъ? Не можетъ ли встрѣтиться случаевъ, къ тому препятствующихъ? Не думаютъ ли меня далѣе передать куда либо въ горы?

Выйду ли я, если плѣнные будутъ умирать? Слѣдуетъ ли уходить и какъ, или оставаться и ждать конца? А если Чеченцы прійдутъ со мною разговаривать, или требовать чего бы то ни было,—что̀ дѣлать и какъ себя вести во всѣхъ случаяхъ?...

Глубокое раздумье владѣло мною? Я не чувствовалъ потребности жажды, пищи, отдыха или сна. Во мнѣ буд-

то не было тѣла; я жилъ духомъ; мыслію пробѣгалъ прошедшее отъ начала до этого момента своего существованія и, стараясь разрѣшать вопросы, въ забытьи улеталъ въ пространства надземныя, туда, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни болѣзней, ни воздыханій, но жизнь безконечная! Душа облегчалась...

Я просиживалъ цѣлые дни съ утра до вечера почти неподвижно, проводилъ иногда ночи на пролётъ безъ сна и вдохновлялся какою-то особенною силою, углубляясь мыслію во всѣ случайности, которыя мнѣ могли предстоять и которыя я могъ придумать.

Результатъ мышленія рѣшилъ мнѣ, что̀ дѣлать; его я поставилъ себѣ въ обѣтъ священный и далъ клятву исполнить, не взирая ни на какія препятствія въ настоящемъ, ради лучшей, будущей жизни, въ которую сознательно и твердо вѣрилъ.

Я помнилъ извѣстную фразу: «Жить вѣчно невозможно, и смерти не избѣгнешь». Это правда, но въ частности, для пониманія нашего видимаго различія жизни отъ смерти; вообще же въ природѣ смерти не существуетъ: жизнь духа и тѣла — безконечна, только въ разныхъ видахъ. И какъ бы она ни выразилась, отчета за неё неизбѣгнешь. Я почти отрѣшился отъ всего земнаго, — меня увлекала прелесть будущей жизни. Путь въ неё и утѣшеніе въ настоящемъ указывалъ мнѣ результатъ моего мышленія; онъ заключался въ томъ, чтобы: «не служить непріятелю ни словомъ, ни дѣломъ, ни орудіемъ; исполнять законы и приличія своего общества — и молчать».

Тяжелое время для меня настало. Помню, какъ-то передъ вечеромъ, въ іюлѣ 1849 г. мальчиковъ Ивановыхъ внезапно пришли уводить.

Когда съ нихъ снимали кандалы, у нихъ слезы брызнули изъ очей. Они молчали и, глядя на меня, качали головой!

Въ этихъ слезахъ я прочиталъ и радость великую и скорбь глубокую и внутренно благословлялъ ихъ на пути предстоящемъ. Они ушли.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ сжалось сильно мое сердце, какъ будто схватило его желѣзными щипцами. Духъ мой и воля закалились какою-то нечеловѣческою твердостію и, не смотря на ослабѣвшее тѣло, я чувствовалъ въ себѣ присутствіе особенной силы, какое-то высшее вдохновеніе. Я объявилъ непріятелю духовную войну, безъ словъ; началъ её съ вечера же по уходѣ мальчиковъ и выражалъ её только одними нѣмыми дѣйствіями, или неподвижностію.

Чтоже давало мнѣ поводъ къ этой войнѣ?

Вѣчное обращеніе Чеченцовъ съ вопросами, большею частію пустыми; вообще — плохое содержаніе, нескончаемое заточеніе въ оковахъ и частая болѣзнь, увѣренность въ знаніи средствъ и добродушія Русскихъ, что 7-ро плѣнныхъ Чеченцовъ живутъ, сравнительно со мною, гораздо лучше; желаніе — довести непріятеля до того, покуда всё это не улучшится на столько, на сколько средства имъ дозволяютъ, съ цѣлію убѣдиться положительно въ справедливости размѣна; ибо если онъ состоится, сдѣлаютъ возможное, если нѣтъ — угождать не будутъ. И потому я положилъ:

Не говорить ни слова ни днёмъ, ни ночью даже съ самимъ собою; ничего не писать; не двинуться съ мѣста ни на̀-волосъ по волѣ непріятеля, покуда на ногахъ кандалы, а если ихъ когда

либо снимутъ — не выйти изъ сакли, покуда не дадутъ приличной одежды; ибо, если 7 плѣнныхъ Чеченцовъ снабжаются у Русскихъ бѣльемъ, одеждою, обувью и пищею, хотя бы, и плохою, то для меня одного могутъ найти всё это лучшее, потому что оно составитъ расходъ въ 7-мь разъ менѣе. Если дадутъ одежду или бѣлье чужіе—не брать: оно милостыня, развѣ насильно надѣнутъ; если дастъ хозяинъ и новое, и изъ своихъ рукъ — взять; если старое, хотя бы и починенное—не брать. Если въ пищу дадутъ одинъ хлѣбъ—не ѣсть, хотя бы умеръ; а если къ нему будетъ приличная прибавка: мясо, чай, сыръ, яйца—то ѣсть, но не всё, ибо азіятское приличіе требуетъ оставлять что либо. Словомъ: во всемъ, что отъ меня потребуютъ, или мнѣ предложатъ—дѣйствовать согласно своего положенія, т. е. отвѣчать до извѣстнаго времени—молчаніемъ и неподвижностію.

Война началась.

Въ вечеръ, по уходѣ Ивановыхъ и по осмотрѣ кандаловъ, сказано мнѣ было—продѣть конецъ цѣпи въ хозяйскую половину (на день одинъ только конецъ ея съ кола отвязывался), я молчалъ и не пошевелился. Это имъ показалось немного страннымъ. Тарамъ спросилъ: «что это такое съ тобою, нездоровъ ты?»,—посмотрѣлъ на меня, молча продѣлъ конецъ цѣпи въ дыру, вышелъ и заперъ двери, оставивъ меня съ первымъ мальчикомъ, котораго молчаніе мое начало пугать.

На другой день утромъ кричатъ, что цѣпь отвязали и чтобы я ее выдернулъ; опять молчаніе и неподвижность. Вечеромъ и въ послѣдующіе дни тѣ же продѣлки.

Мальчикъ испугался и, въ слѣдствіе его просьбы, ему дозволили спать въ комнатѣ хозяйской.

За мною стали наблюдать днемъ и ночью, открыто и тайно, въ двери, въ щели, прислушивались изъ трубы—и видѣли только, что я обыкновенно утромъ и вечеромъ встаю, умоюсь, если есть вода, помолюсь Богу, потомъ сяду и сижу неподвижно, поѣмъ, когда принесутъ что либо порядочное, и молчу.

Эта необыкновенная перемѣна удивила всѣхъ, быстро разнеслась, несмотря что ее скрывали, и породила подозрѣніе на Тарама. Одни думали что я притворяюсь, другіе, что я сильно тоскую, или болѣнъ, или онѣмѣлъ, или одурѣлъ.

Тарамъ, не вѣря самъ вполнѣ, приписывалъ, кажется, перемѣну тоскѣ и отчаянію, ибо заходилъ ко мнѣ чаще, утѣшалъ скорымъ освобожденіемъ, приказывалъ иногда улучшать пищу, упрекнулъ однажды за мои къ воинскимъ начальникамъ записки, запрещавшія года два назадъ писать и присылать ко мнѣ что либо въ Чечню; наблюдалъ крѣпко и еще болѣе усиливалъ надзоръ.

Тарамъ сталъ самъ бояться за меня, потому, что теряя меня даромъ, лишался надежды удовлетворить своему корыстолюбію; но затѣмъ началъ испытывать: подсылалъ мальчишекъ, сестеръ жены, людей заводить разговоры и утѣшать, съ цѣлью — услышать хотя слово отъ меня; доставилъ табакъ, старыя газеты и одну книгу Отечественныхъ Записокъ; приводилъ людей, будто пріѣзжавшихъ съ извѣстіемъ о скоромъ размѣнѣ; иногда приказывалъ давать одинъ хлѣбъ, который я не ѣлъ по двое сутокъ, такъ что онъ и жена, подумавъ вѣроятно, что я хочу заморить себя голодомъ, давали наконецъ лучшее; въ

осень и зиму исхода 1849 года, разложивъ въ каминѣ огонь и принесши лишніе дрова, предлагали подкладывать самому для поддержанія огня,—я мерзъ и не шевелилъ рукою. Мнѣ данъ былъ тулупъ, но съ короткими рукавами (такой носятъ женщины),—я одѣвалъ его въ накидку, шерстью на верхъ; принесутъ въ избу стулъ — я сажусь и остаюсь на немъ неподвижно по цѣлымъ днямъ; нѣтъ его—лежу на подосланномъ на землѣ войлокѣ по цѣлымъ суткамъ и все молчу.

Подобное поведеніе мнѣ было и тяжело и легко; тяжело—въ выполненіи; легко—когда исполненіемъ достигалъ желаемаго.

Я былъ въ здравомъ умѣ. Воображеніемъ и мыслію то облеталъ вселенную, то спускался на землю, и случалось, что представлявшаяся мнѣ какая нибудь забавная сцена, изъ частной или общественной жизни, возбуждала смѣхъ, отъ котораго я иногда не имѣлъ силы воздержаться, но молчалъ.

О побѣгѣ я не хотѣлъ думать, потому что считалъ неумѣстнымъ нарушать общее довѣріе обѣихъ сторонъ въ то время, когда условія размѣна опредѣлены; а еслибы освобожденіе не состоялось почему либо, то во всякомъ случаѣ я предоставлялъ себя Божіему Произволу, хотя незатруднился въ отысканіи способа—самому снять съ себя цѣпь и кандалы. Отъ первой легко освободиться, разломавъ слабый замокъ на шеѣ и одну петлю; отъ вторыхъ—необходимо было только связать наружные концы наножниковъ съ концами кандальной палки, потомъ связать между собою внутренніе концы наножниковъ, продѣть въ средину палочку и вертѣть: наножники должны расшириться, и ногѣ предстоитъ свободный выходъ (другой возможности, при моемъ тѣлесномъ безсиліи, не представлялось) а сыромятные ремешки висѣли у меня въ саклѣ; времени же на это много не требуется.

Между непріятелемъ, кажется, не предполагалось съ конца осени 1849 г. ожиданія плѣнныхъ въ Грозную изъ Россіи; ибо, сколько я могъ узнать, въ народѣ разсказывалось о затрудненіи скораго размѣна, по случаю смерти нѣсколькихъ и замѣны ихъ другими, равно по возвращеніи изъ Россіи тѣлъ и костей умершихъ.

А между тѣмъ, въ одну изъ осеннихъ ночей, помню очень хорошо, что я проснулся. Въ саклѣ одна темнота. Лежа на спинѣ, я какъ-то поворотилъ голову на лѣво и вижу ясно: рядомъ со мною съ лѣвой стороны лежитъ голое, мертвое тѣло Заура. Я былъ совершенно спокоенъ; три раза отворачивалъ и поворачивалъ къ нему свою голову, смотрѣлъ на него, видѣлъ его одного только ясно отъ головы до ногъ и чтобы удостовѣриться, что это не сонъ, лѣвою рукою своею гладилъ его по тѣлу, котораго кожа казалась мнѣ чрезвычайно нѣжною. Поворачивая на лѣво свою голову въ 4-й разъ, я ничего не встрѣтилъ, кромѣ темноты; видѣніе исчезло; я былъ покоенъ: не спалъ до утра и, душевно скорбя объ его судьбѣ, молился о спасеніи его души.

Зауръ пользовался въ аулѣ славою отличнаго человѣка, и нѣтъ сомнѣнія, что вѣсть объ его кончинѣ была горестна для многихъ. Самое требованіе тѣлъ и костей умершихъ было или въ слѣдствіе недовѣрія къ слухамъ, или изъ видовъ Тарама; но, сколько я замѣчалъ, послѣдній былъ грустенъ и усердно молился. Смерть Заура скрывали отъ меня въ

величайшей тайнѣ и сказали объ ней только на канунѣ моего отбытія; но это для меня была не новость Скрыты были также отъ меня и дальнѣйшія условія Тарама.

Въ концѣ Ноября мѣсяца, или въ началѣ Декабря, въ одинъ день, прилеталъ ко мнѣ три раза очень красивый мотылекъ. Каждый разъ онъ направлялъ полетъ свой къ моимъ ногамъ, рукамъ, головѣ и постели и потомъ улеталъ. Послѣ 3-го разу болѣе не являлся; но я въ высшей степени радъ былъ этому милому гостю, который мнѣ казался вѣстникомъ освобожденія.

Прошло около 6 мѣсяцевъ со времени освобожденія Ивановыхъ и почти два съ половиною года плѣна. Зима была въ половинѣ, суровая, съ снѣгомъ и морозами.

Въ одинъ день, рано утромъ, вошли ко мнѣ нѣсколько Чеченцовъ; снявъ съ шеи цѣпь и, сказавъ, что сегодня должны меня везти на размѣнъ въ Грозную, просили встать, выйти изъ сакли и сѣсть на сани, которыя стояли у дома, чтобы свезти меня въ Гельдигенъ (аулъ въ 3-хъ верстахъ отъ Оспанъ-Юрта), въ кузницу снять кандалы.

Я не пошевелился.

На ногахъ у меня было двое тяжелыхъ кандаловъ; наготу мою прикрывала одна изорванная рубашка, да сверху въ накидку наброшенный тулупъ и—ни шапки, ни штановъ, ни обуви; а на дворѣ морозъ градусовъ 10 (по Реомюру).

Просили, убѣждали ласково, кричали, наконецъ подняли меня на руки, завернули въ бурку, вынесли и положили на сани. На дворѣ я видѣлъ много верховыхъ лошадей, спѣшенныхъ людей и Наиба Талгика. Тарамъ оставался въ избѣ.

Когда меня несли до саней, кто-то надѣлъ мнѣ старый, гадкій папахъ; я швырнулъ его о земь; еще разъ надѣли,—еще онъ полетѣлъ; сдѣлали тоже въ третій разъ — я опять бросилъ, и вышедшій въ это время Тарамъ съ яростію бросился на меня съ кинжаломъ. Народъ его отхватилъ, ввелъ въ избу, и болѣе я его не видалъ; его не пускали. Такъ и слѣдовало: онъ не могъ быть при народѣ равнодушнымъ зрителемъ моихъ дерзостей, его поступки могли еще отсрочить размѣнъ, а при умерщвленіи меня онъ бы самъ погибъ, если только освобожденіе мое—дѣло рѣшеное: рѣзня бы завязалась общая, родные плѣнныхъ не стерпѣли бы потери семи правовѣрныхъ Мусульманъ за одного невѣрнаго Христіанина.

Но какой-то смѣтливый Чеченецъ рѣшилъ дѣло: показавъ, онъ надѣлъ мнѣ на голову новый папахъ; быковъ погнали, и сани остановились у кузницы въ Гельдигенѣ. Я лежалъ неподвиженъ.

Просьбы не помогли, и меня снесли на рукахъ въ кузницу, сняли кандалы, совали въ руки штаны, тщательно зачиненные, — я стоялъ какъ истуканъ.

Штаны на меня надѣли Чеченцы и подвязали веревочкой.

Потомъ надѣли мнѣ на ноги войлочные, обшитые козломъ, сапоги азіятскіе и бурку.

Я молча повернулся, вышелъ и сѣлъ на сани. Между людьми поднялся крикъ: одни бранили, другіе смѣялись, третьи удивлялись.

Пріѣхали къ саклѣ. Я самъ сошелъ съ саней, вошелъ въ свою избу и сталъ противъ камина; въ немъ горѣлъ большой огонь, а сакля была чисто подметена.

Люди вошли съ предложеніемъ мнѣ выходить, ибо пора ѣхать.

На это молча я снялъ съ себя рубашку, показалъ изорванныя мѣста и бросилъ ее между людей. Мигомъ отнесли ее къ Сатѣ и чрезъ нѣсколько минутъ принесли зашитою — я надѣлъ.

«Пойдемъ Иванъ, не дурачься!» Я взялъ тулупъ за короткіе рукава, показалъ ихъ людямъ и бросилъ тулупъ.

Какой-то Чеченецъ подошелъ ко мнѣ, снялъ свой полушолковый бешметъ и подалъ мнѣ.

Я не взялъ. Бешметъ мнѣ надѣли.

«Пойдемъ же, а то къ вечеру не доѣдемъ въ Грозную, далеко!»

Приблизившись къ огню, я крякнулъ, показавъ видъ, что холодно. На меня надѣли бурку и завязали. Не дожидаясь напоминаній, я тотчасъ повернулся и, выйдя изъ сакли, сталъ на крыльцѣ; на мнѣ было все лучшее: новая папаха, зашитая рубашка, чистыя цѣлые штаны, полушолковый бешметъ, сапоги и бурка.

Не совсѣмъ еще потухшій блескъ впалыхъ очей моихъ, ихъ неподвижный взоръ, длинная черная борода, холодная и ровная серьезность, могильное молчаніе и то неподвижность, то произвольное движеніе, и непонятная смѣлость поступковъ — какъ будто озадачили Чеченцовъ, а ихъ было на дворѣ до сотни.

«Иванъ! Иди, вотъ недалеко лошадь, садись!»

Я остаюсь неподвиженъ.

Къ крыльцу подвели коня.

Я подошелъ къ нему и сталъ у стремени.

«Садись!»

Ни слова, ни движенія (но думалъ про себя: съ телѣги сняли, такъ на коня сажайте.) Меня посадили.

Кто-то, забросивъ поводъ, давалъ мнѣ его въ руки.

Я отбросилъ его обратно. (Въ Чечню привели, ведите же назадъ сами).

На дворѣ образовались партіи: снисходительныхъ, озлобленныхъ и зрителей; первые однако взяли верхъ и не допускали до меня вторыхъ.

Всѣ сѣли верхомъ. Талгикъ меня конвоировалъ. Тараму не довѣрили совершить размѣнъ, а задержали дома. И онъ, и люди, кажется, поняли мое умышленное поведеніе, но было поздно. Онъ выходилъ изъ себя, но по пустому.

Меня окружили; лошадь, на которой я сидѣлъ, вели въ поводу. Ѣхали довольно шибко. Отъ Оспанъ-Юрта до Ханкальской горы Чеченцы молились два раза, въ полдень и передъ вечеромъ, оставляя меня спѣшеннаго, въ центрѣ круга, составленнаго изъ партіи.

Начало смеркаться, когда у Ханкальской горы, въ лощинѣ, оставили меня съ двумя Чеченцами; партія съ Талгикомъ отправилась впередъ. Чрезъ полчаса присланный Чеченецъ приказалъ намъ шибче ѣхать.

Два Чеченца по обѣ стороны схватили почти подъ устцы мою лошадь и помчались во всю прыть.

«Тише! закричалъ одинъ, — убьется!» — «Небойсь! отвѣчалъ другой, до сихъ поръ не околѣлъ, и теперь непропадетъ!» Мы мчались по необозримой равнинѣ и похожи были на перекати-поле, несомое сильнымъ порывомъ вѣтра.

На встрѣчу къ намъ подскакали нѣсколько Чеченцовъ и съ ними азіятскій офицеръ (*), по знаку котораго мы осадили коней.

Офицеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Кто вы такой и что съ вами?» Я понялъ, что нужно вѣроятно знать начальнику лѣваго флан-

(*) Арцу-Чермоевъ.

га, нѣмъ ли я; тотъ ли я кого ожидаютъ, или кто другой, потому что въ Грозной знакомыхъ у меня не было; и я отвѣчалъ ему громко:

«Я арміи штабсъ-капитанъ Клингеръ; больше знать вамъ ненужно, убирайтесь!» Онъ принялъ въ сторону. Чеченцы вскричали отъ удивленія, услышавъ мой голосъ; мы снова помчались и врѣзались въ кружокъ Русскихъ.

Меня встрѣтилъ воинскій начальникъ крѣпости Грозной (Ф. Кульманъ) съ маленькимъ отрядомъ.

Я соскочилъ съ коня; мы обнялись, поцѣловались; я не могъ говорить, на глазахъ навертывались слезы: въ нихъ была радость и молитва; въ нихъ было многое, многое, чего языкъ человѣческій не въ силахъ выразить!!!...

Это случилось 1-го Января 1850 г.

Мы поскакали съ казаками въ Грозную. Темно было на дворѣ, но свѣтло и отрадно у меня на душѣ!... Она озарялась вдохновенно-высокой молитвой....

Иванъ Клингеръ.

ОБЩЕСТВО ПОСѢЩЕНІЯ БѢДНЫХЪ

(Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго).

Въ прошедшемъ году Русскаго Архива помѣщены три главы изъ Записокъ В. А. Инсарскаго, изображающія разныя стороны Кавказскаго быта. Нынѣ испрошено нами дозволеніе напечатать еще отрывокъ другаго содержанія, и мы увѣрены, что читатели за одно съ нами поблагодарятъ автора за эту живую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ Петербургской общественной жизни въ исходѣ Николаевскаго царствованія. „Общество посѣщенія бѣдныхъ", возникшее въ Апрѣлѣ 1846 г., не замедлило возбудить противъ себя ревнивую подозрительность умовъ ограниченныхъ и уже въ Мартѣ 1848 г. было присоединено къ „Императорскому Человѣколюбивому". Истощивъ силы свои въ неравной борьбѣ съ внѣшними препятствіями, оно закрылось въ 1855 году; но живая и плодотворная его дѣятельность никогда не забудется, вмѣстѣ съ именемъ недавно почившаго предсѣдателя Общества посѣщенія бѣдныхъ, князя В. Ѳ. Одоевскаго: нижепомѣщаемая статья да будетъ приношеніемъ на его свѣжую могилу. *П. Б.*

......Теперь я могу перейти къ изложенію моего участія въ дѣйствіяхъ Общества Посѣщенія Бѣдныхъ, которое привлекало тогда своею цѣлью и своими распоряженіями общее вниманіе и сочувствіе. Общество это возникло, какъ тогда говорили и писали, вслѣдствіе частныхъ разговоровъ въ одномъ просвѣщенномъ кружкѣ о постоянномъ распространеніи бѣдности въ столицѣ и о безплодности безразличнаго пособія, дѣлаемаго тому, кто проситъ, а не тому, кто истинно бѣденъ. Графы М. Ю. Віельгорскій и В. А. Сологубъ едва ли не первые предложили образовать Общество, для разумнаго вспомоществованія бѣднымъ людямъ, т. е. не иначе, какъ по должномъ удостовѣреніи въ ихъ бѣдности и по изслѣдованіи: какой именно способъ помощи наиболѣе будетъ полезенъ. Предложеніе это, конечно, не могло не найти живѣйшаго участія въ Петербургскомъ обще-

ствѣ, и дѣло закипѣло. Явилось много желающихъ участвовать въ Обществѣ, а Его Императорскому Высочеству Герцогу Лейхтенбергскому предложено было званіе попечителя, которое имъ и принято. Составленъ подробный уставъ для Общества, который въ 1846 году и удостоился высочайшаго утвержденія.

Вотъ главныя черты этого устава. 1) Общество имѣетъ первымъ предметомъ дѣйствій своихъ удостовѣреніе въ настоящемъ положеніи жителей С-Петербурга, которые обращаются съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ. По сему, входя въ посредничество между благотворителями и нуждающимися, оно содѣйствуетъ, чтобъ благотворенія достигали своего назначенія. 2) Помощь дѣйствительно нуждающимся Общество оказываетъ въ слѣдующихъ видахъ: а) престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ, не могущихъ содержать себя собственными трудами, равно сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, помѣщаетъ въ учрежденныя имъ благотворительныя заведенія или ходатайствуетъ о призрѣніи ихъ въ посторонныхъ учрежденіяхъ и на счетъ частныхъ людей и б) прочимъ неимущимъ доставляетъ вспоможеніе деньгами или одеждою, дровами и т. п.; больнымъ же оказываетъ врачебное пособіе въ ихъ жилищахъ чрезъ медиковъ Общества, съ безденежнымъ отпускомъ лѣкарствъ. 3) Лица, поступающія въ составъ Общества, раздѣляются: а) на членовъ-благотворителей, б) членовъ-посѣтителей и в) членовъ-распорядителей. Членами-благотворителями именуются тѣ лица, кои обяжутся вносить ежегодно въ кассу Общества опредѣленную сумму, или содѣйствовать Обществу безмездно и постоянно своими трудами. Членъ-посѣтитель, вносся ежегодно 15 руб., обязянъ находиться, хотя одинъ день въ мѣсяцъ, въ распоряженіи Распорядительнаго Собранія Общества и по указанію члена-распорядителя, лично посѣщать бѣдныхъ, для собранія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній. Члены-распорядители составляютъ Распорядительное Собраніе Общества, и изъ нихъ одинъ занимаетъ мѣсто предсѣдателя.

Имѣя много свободнаго времени и зная, что при самомъ учрежденіи Общества князь В. Ѳ. Одоевскій былъ избранъ единогласно предсѣдателемъ Распорядительнаго Собранія, я какъ-то при встрѣчѣ съ нимъ на одномъ изъ баловъ Дворянскаго Собранія (въ то время лучшихъ общественныхъ баловъ въ Петербургѣ) заявилъ ему мое желаніе зачислиться въ составъ этого полезнаго Общества, что̀ и было исполнено имъ тѣмъ съ бо́льшею готовностію, что онъ зналъ меня, по совмѣстной моей съ нимъ службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, за человѣка, могущаго принести пользу Обществу.

Сначала я былъ скромнымъ и усерднымъ членомъ-посѣтителемъ и, тщательно посѣщая указанныхъ мнѣ бѣдныхъ, старался представлять самыя отчетливыя свѣдѣнія о ихъ положеніи и о способахъ, какими лучше и вѣрнѣе можно имъ помочь. При этихъ посѣщеніяхъ я, конечно, близко ознакомился со всѣми родами и видами бѣдности: бѣдности истинной, скромной, страдальческой, бѣдности ложной, основанной на подлогахъ и обманахъ, наконецъ бѣдности порочной, самой отвратительной бѣдности, въ формахъ дикихъ и почти звѣрскихъ, бѣдности, гнѣздящейся въ грязныхъ углахъ, сырыхъ подвалахъ или сквозныхъ чердакахъ... Можно поло-

жительно сказать, что талантливый человѣкъ могъ бы найти въ архивахъ Общества бездну матеріала для изображенія самыхъ потрясающихъ картинъ изъ жизни дѣйствительной, картинъ, какихъ, быть можетъ, самое богатое воображеніе создать не въ силахъ. Но эта сторона не имѣетъ прямаго отношенія къ моимъ скромнымъ разсказамъ. Мои донесенія, очень скоро обратили на меня вниманіе общественныхъ властей, которое и выражалось тѣмъ, что всѣ мои мнѣнія утверждались безусловно.

Такъ шло дѣло, когда однажды въ общемъ собраніи Общества, князь В. Ѳ. Одоевскій заявилъ, что прежній уставъ оказывается недостаточнымъ и что поэтому составленъ проэктъ новаго устава. Что бы ознакомить общество въ содержаніемъ этого новаго проэкта, Распорядительное Собраніе, по словамъ князя, признало лучшимъ средствомъ положить проэктъ открытымъ въ конторѣ Общества, гдѣ всѣ члены могутъ, во всякое время, читать его и дѣлать на него свои замѣчанія. Я тутъ же полушутя замѣтилъ Д. П. Хрущову, который въ то время былъ уже членомъ-распорядителемъ и могущественнѣйшимъ членомъ Распорядительнаго Собранія, что эта мѣра не отличается большею практичностію и что триста членовъ насочинятъ такую гору замѣчаній, что Собранію трудно будетъ съ ними справиться. Хрущовъ, также смѣясь, отвѣчалъ: «повѣрьте, не будетъ сдѣлано никакихъ замѣчаній.» «Ну смотрите», возразилъ я, «если только не лѣнь будетъ, я завтра же пріѣду въ контору и постараюсь разбить вашъ проэктъ». «Отлично! посмотримъ!» сказалъ Хрущовъ. Ни я не думалъ дѣлать никакихъ замѣчаній, ни Хрущовъ не ожидалъ серьезно отъ меня этихъ замѣчаній. Но на другой день, совершенно случайно проѣзжая мимо конторы Общества, я вспомнилъ нашъ вчерашній разговоръ и, безъ всякой положительной цѣли зайдя въ контору, спросилъ проэктъ новаго устава. Едва началъ я читать его, какъ съ первыхъ же строкъ мнѣ удалось замѣтить, что произведеніе это дѣйствительно далеко отъ совершенства. Я началъ отмѣчать параграфы, на которые можно сдѣлать солидныя возраженія, и совокупность отмѣтокъ тотчасъ показала мнѣ возможность сдѣлать на весь проэктъ самое серьезное нападеніе. Давъ моимъ замѣчаніямъ соотвѣтствующую форму, я въ тотъ же день отослалъ ихъ къ князю В. Ѳ. Одоевскому. Тотчасъ назначено было экстренное засѣданіе Собранія, въ которое я былъ приглашенъ для прочтенія и объясненія моихъ замѣчаній. И то и другое сдѣлано было съ такимъ успѣхомъ, что Собраніе не только приняло всѣ мои замѣчанія, но въ лицѣ своихъ членовъ и предсѣдателя предложило мнѣ избраніе въ члены-распорядители, во имя той пользы, какую я могу принести Обществу....

Огромное число членовъ-посѣтителей смотрѣло на членовъ-распорядителей, какъ на людей избранныхъ и власть имѣющихъ, и находилось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Распорядительнаго Собранія. Вліяніе это простиралось и на выборы и имѣло ту хорошую сторону, что Распорядительное Собраніе, стоя во главѣ Общества, лучше могло видѣть достоинства и дѣятельность членовъ-посѣтителей и дѣлать изъ нихъ полезный выборъ въ члены-распорядители, чѣмъ сама толпа посѣтителей, не имѣвшая возможности дѣлать никакихъ сравненій и раздѣленная на кружки, основанные не на дѣловитости, а единственно

на частныхъ между собою отношеніяхъ. Такимъ образомъ, при наступленіи выборовъ, члены Распорядительнаго Собранія разсматривали списокъ всѣхъ членовъ общества и дѣлали предназначенія, полезныя, по ихъ убѣжденію, для Общества. Составленный такимъ образомъ списокъ лицъ, предназначенныхъ въ различныя званія и должности, члены Распорядительнаго Собранія распространяли въ день общаго собранія между своими знакомыми и этимъ способомъ несомнѣнно обезпечивали большинство за лицами, ими назначенными. Понятно, что при такомъ способѣ мое избраніе въ члены Распорядительнаго Собранія не представлялось нисколько ни труднымъ, ни сомнительнымъ и состоялось въ первомъ же собраніи Общества.

Я живо помню эти первоначальныя, многочисленныя и, можно сказать, блестящія собранія. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ то время все, что было замѣчательнаго и умнаго въ Петербургѣ, принадлежало Обществу. Почти весь аристократическій міръ стоялъ въ его спискахъ; не было ни одного литератора или журналиста, который не былъ членомъ Общества; большая часть гвардіи спѣшила пріобрѣтать это скромное, но въ тоже время лестное званіе; финансовыя знаменитости поддерживали Общество; знаменитѣйшіе доктора предлагали ему свои услуги. И наконецъ огромный списокъ членовъ общества украшался именами Императорской Фамиліи, и первымъ въ числѣ ихъ состоялъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣшній славный и любимый Государь. Я очень сожалѣю, что не сохранилъ въ моихъ бумагахъ ни одного экземпляра изъ первоначальныхъ списковъ Общества *). Съ большимъ трудомъ я досталъ списокъ пятидесятыхъ годовъ т. е. того печальнаго времени, когда мы, стѣсненные, обиженные, съ отвращеніемъ влачили свое тяжелое существованіе.... Но это впереди, а теперь, какъ ни бѣденъ добытый мною списокъ членовъ Общества, сравнительно съ прежними, я все таки считаю не лишнимъ приложить его къ этимъ Запискамъ **).

Вступивъ въ составъ правленія Общества, я замѣтилъ, что мои сотоварищи ожидаютъ отъ меня чего-то необычайнаго, и мнѣ казалось необходимымъ совершить что нибудь въ этомъ родѣ. Въ этомъ убѣжденіи я обратилъ вниманіе на отсутствіе системы въ нашихъ финансовыхъ дѣлахъ. Наши приходы имѣли характеръ чистой случайности. Между тѣмъ, не зная вовсе, сколько мы получаемъ или можемъ получить ежегоднаго дохода, мы стали учреждать заведенія, требующія постоянныхъ расходовъ. Мнѣ не трудно было доказать, что въ слѣдствіе такихъ смѣлыхъ, но неосновательныхъ дѣйствій, мы можемъ лопнуть и потерять сочувствіе публики, безъ котораго самое существованіе Общества не возможно. Въ тоже время я предложилъ подробный планъ, какъ вести это дѣло, какъ составлять бюджеты, какія учредить книги, какую установить отчетность; все это было принято съ полнымъ, одобреніемъ и благодарностью. Я окончательно прославился и сталъ на твердую ногу въ Распорядительномъ Собраніи. Не только товарищи мои, но самъ Герцогъ, нашъ попечитель, нherpa-

*) Въ Чертковской библіотекѣ хранятся отчеты этого Общества только за 1849, 1850 и 1853 годы; мы были бы обязаны за пополненіе. *П. Б.*

**) См. ниже.

че не называли меня, какъ министромъ финансовъ, хотя финансовая часть никогда не составляла моей спеціальности....

Оглядѣвшись въ новомъ положеніи своемъ члена Распорядительнаго Собранія, я тотчасъ замѣтилъ, что всю прелесть его засѣданій составляютъ формы, цѣликомъ и, быть можетъ, въ преувеличенномъ даже видѣ и размѣрѣ, перенесенныя изъ западныхъ палатъ. Нашъ добрый и милый предсѣдатель былъ истиннымъ мученикомъ различныхъ затѣй на этотъ ладъ и хотя постоянно дѣйствовалъ и колоколомъ, и молоткомъ, которые у него находились всегда подъ рукой, но мало водворялъ порядка, особенно на первое время, въ нашихъ преніяхъ. Ораторы хотя и записывались впередъ, но (болѣе горячіе, чѣмъ опытные въ парламентскихъ преніяхъ) никакъ не могли воздержаться, чтобъ не ворваться въ рѣчь другаго; а какъ скоро одинъ произносилъ слово, за нимъ прорывались другіе, и начинался общій говоръ съ акомпаниментомъ колокола и молотка нашего предсѣдателя. У насъ былъ свой центръ, правая сторона и самыя ярая оппозиція, олицетворявшаяся въ А. А. Краевскомъ, покойномъ К. П. Опочининѣ (весьма образованномъ и даровитомъ лицѣ, рано похищенномъ смертью), князѣ Д. А. Оболенскомъ, Д. П. Хрущовѣ и другихъ. Помню, что споры иногда достигали излишней раздражительности, и борцы часто, по заключеніи ихъ, вставали, удалялись въ другую комнату и тамъ обнимались и цаловались, возстановляя такимъ образомъ свои дружескія отношенія, которыя, въ пылу сраженія, казались навсегда и безвозвратно порванными.

Повторяю, что князь В. Ѳ. Одоевскій былъ истиннымъ мученикомъ. Трудолюбивый выше всякой мѣры, человѣкъ съ поэтическою душою, чуждою всякихъ стремленій къ проявленію власти и значенія, князь часто приносилъ въ засѣданіе Распорядительнаго Собранія какія-то толстыя тетради, которыя, впрочемъ, рѣдко удавалось ему прочитать отъ начала до конца: если не въ началѣ, то въ серединѣ, поднимались возраженія и затѣмъ мгновенно все обрушивалось на него. Сдержать подобнаго напора онъ рѣшительно не былъ въ состояніи. Если онъ говорилъ и прекрасно, то ужъ никакъ не внушительно. Закипали бурныя пренія, ораторы записывались по нѣскольку разъ, и кончалось обыкновенно тѣмъ, что къ тремъ часамъ ночи князь клалъ свою недочитанную тетрадь въ портфель и, нисколько не злобствуя, привозилъ въ слѣдующее засѣданіе другую тетрадь, которую, большею частію, постигала таже участь. Если дѣйствительно со стороны строгости князь и прихрамывалъ, такъ сказать, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и особенно со стороны сердца и характера, это былъ типъ великолѣпнаго предсѣдателя. Кротость и доброта его умѣряли все, и мы любили и уважали его безконечно, хотя каждый изъ насъ грубилъ ему и нападалъ на его произведенія самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Чтобъ показать, до какой степени онъ былъ добръ, приведу замѣчательный разсказъ человѣка, лично на себѣ испытавшаго эту доброту. Служа въ V отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи, я познакомился тамъ, въ числѣ другихъ чиновниковъ этого отдѣленія, съ г. Соколовымъ. Соколовъ былъ глубоко ученый семинаристъ и, по его словамъ, между про-

чимъ, много работалъ для Энциклопедическаго Словаря Плюшара. Этотъ Соколовъ вотъ что мнѣ разсказывалъ. Однажды, въ молодости, онъ искалъ какого-то мѣста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части статистической; увлеченный надеждами, которыя были уже даны ему, онъ внезапно узнаетъ, что мѣсто это отдано князю В. Ѳ. Одоевскому. Стѣсняемый самою суровою крайностію, Соколовъ (вообще замѣчательный оригиналъ) отправляется къ князю Одоевскому и говоритъ ему: «Ваше Сіятельство! Вамъ отдано мѣсто, на которое я расчитывалъ. Для васъ оно ничто, для меня единственный кусокъ хлѣба. Вы — князь, богатый аристократическими связями; я бѣдный труженикъ, не имѣющій никакой подпоры. Скажите, справедливо ли это?» Князь В. Ѳ. Одоевскій, удивленный, тронутый, начинаетъ извиняться, увѣрять, что онъ ничего не зналъ. Потомъ приказываетъ заложить карету, сажаетъ туда оригинала Соколова, ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ министру и выпрашиваетъ Соколову мѣсто, на которое самъ былъ назначенъ.

Я не могу безъ восторга говорить объ этой ангельской личности. Находясь долго въ самыхъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, я получилъ къ нему глубокое благоговѣніе, какъ къ безпримѣрному идеалу добра и чести. Самъ весьма и весьма скудный въ средствахъ, онъ положительно готовъ былъ отдать свою рубаху ближнему. За то и онъ окружаемъ былъ нашими членами, какъ дѣтьми и братьями, и если у него было какое нибудь честолюбіе, то оно заключалось единственно въ томъ, чтобы окружить себя толпами преданныхъ ему людей.

Нашъ попечитель Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій принималъ сердечное участіе въ дѣлахъ Общества и постоянно участвовалъ въ засѣданіяхъ нашего Распорядительнаго Собранія, облеченнаго впослѣдствіи въ отвратительное наименованіе «Правленія». Справедливость требуетъ сказать, что это была великолѣпная личность. Съ прекрасною физіономіею истиннаго Француза, съ самыми плѣнительными манерами, привѣтливый, добрый, онъ не могъ не очаровывать всѣхъ, кто съ нимъ сближался. Герцогъ пристрастился до изумительной степени къ дѣятельности нашего распорядительнаго кружка, гдѣ, безъ сомнѣнія, ему нравились пріемы Запада, пріемы не только рѣдкіе, но невѣроятные даже до настоящаго царствованія: отсутствіе всѣхъ чинностей и формальностей, и наконецъ истинная пріязнь къ нему людей, которыхъ въ то время, по справедливости, можно было назвать передовыми. Дебаты наши доставляли ему рѣдкое и пріятное зрѣлище. Онъ часто самъ вмѣшивался въ нихъ и безъ церемоніи былъ побиваемъ, если приставалъ къ слабой сторонѣ. И дѣйствительно: это была едва ли не единственная школа публичнаго краснорѣчія. Князь В. Ѳ. Одоевскій пріобрѣлъ навыкъ говорить во всякое время и обо всемъ, всегда умно и складно, безъ всякихъ приготовленій. Д. П. Хрущовъ до такой степени изощрился по этой части, что въ послѣдствіи, перенеся свою дѣятельность на поприще городскаго хозяйства, онъ завладѣлъ Думой, изумлялъ ее своими рѣчами и сдѣлался главнымъ ея руководителемъ. Герцогу, повторяю, все это не могло не быть весело и пріятно. Часто случалось, что онъ пріѣзжалъ въ нашу, довольно грязноватую, контору, въ дни засѣданій, такъ рано, что

еще никого не находилъ тамъ и отправлялся кататься. Продолжительныя наши засѣданія онъ высиживалъ до конца, котораго мы достигали обыкновенно не ранѣе 2, 3, а иногда и 4 часовъ ночи. Случалось, что въ теченіи этихъ вечеровъ Герцогу докладывали, что Великая Княгиня изволила пріѣхать за нимъ.

Устройство различныхъ предпріятій въ пользу Общества было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ нашей дѣятельности.

Трудно изобразить ту силу участія, которымъ публика сопровождала наши затѣи. Я помню первый нашъ балъ съ лотереею аллегри, 3 Января, кажется, 1847 года. Начать съ того, что положительно невозможно было удовлетворить всѣхъ, желавшихъ имѣть билеты на этотъ балъ, и потому цѣнность ихъ, въ послѣдніе дни предъ баломъ, достигла баснословныхъ размѣровъ; потомъ, во время съѣзда на балъ, не было возможности принять на сохраненіе все платье безчисленныхъ посѣтителей, и потому многіе, чтобы только попасть на балъ, просто бросали свои вещи въ сѣняхъ. Разумѣется, что всѣ залы Дворянскаго Собранія были положительно биткомъ набиты; все это ждало момента открытія лотерейныхъ колесъ, потому что въ то время это было дѣломъ довольно новымъ, и оно не опошлилось еще до нынѣшней степени положительнаго отвращенія къ нему. Когда наступилъ этотъ моментъ, трудно было сохранить не только порядокъ, но и самыя эстрады, на которыхъ стояли колеса съ назначенными при нихъ членами. Не прошло, кажется, пяти минутъ, какъ всѣ колесы были пусты, а требованья продолжались.

Объ этомъ балѣ долго потомъ говорили, и мы, въ особенности, долго помнили успѣшные его результаты, тѣмъ болѣе, что потомъ, что̀ бы мы ни затѣвали, такихъ результатовъ уже не было. А затѣвали мы много и постоянно. Чего, чего только мы ни придумывали! У насъ были концерты, спектакли; мы учреждали картинныя выставки и безпроигрышныя лотереи. Мы не оставляли въ покоѣ ни одного изъ содержателей публичныхъ увеселеній, а знаменитый И. И. Излеръ постоянно былъ нашимъ покорнѣйшимъ слугою. Какъ только появлялась какая нибудь артистическая знаменитость, наши многочисленные члены тотчасъ опутывали ее своими сѣтями и добивались непремѣнно до того, что она соглашалась служить нашему Обществу. Въ пользу Общества играли всевозможные музыканты, пѣли всевозможные пѣвцы и пѣвицы, и даже знаменитѣйшая изъ знаменитостей — незабвенная Рашель — играла для насъ лучшія сцены изъ своего репертуара.

Предпріятія эти имѣли еще и ту заманчивую для членовъ сторону, что приводили въ движеніе все Общество, сближали всѣхъ членовъ и группировали ихъ вокругъ центра, изображаемаго княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ. Каждый изъ членовъ получалъ тотчасъ должность въ подобномъ предпріятіи и изъ кожи лѣзъ, чтобъ исполнить какъ можно усерднѣе и отчетливѣе обязанности, съ нею сопряженныя; потому что, въ противномъ случаѣ, на него опрокидывался контроль другихъ 300 членовъ, и во главѣ ихъ неумолимаго въ подобныхъ случаяхъ Д. П. Хрущова. При этомъ сближеніи образовывались общіе вечера, обѣды и другія дружескія собранія, на которыхъ, разумѣется, въ весельи и искренности не было недостатка. «Брудеръ-шафтъ»

былъ на первомъ планѣ, хотя не пускалъ глубокихъ корней, въ слѣдствіе различныхъ степеней, на которыхъ стояли наши члены въ службѣ и обществѣ. Такимъ образомъ большею частію случалось, что въ теченіи веселаго вечера всѣ были на «ты», а на утро у многихъ языкъ не поворачивался произносить это дружеское слово такимъ личностямъ, съ которыми, кромѣ вчерашняго вечера, ничего не было и не могло быть ничего общаго *).

Надо замѣтить, что величайшій хлѣбосолъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, не смотря на ограниченныя свои средства, постоянно собиралъ насъ то на обѣды, то на ужины. Ужины были особенно въ ходу и имѣли въ себѣ много оригинальнаго. Часто, собравшись къ нему въ урочный часъ, мы начинали заниматься, кто чѣмъ хотѣлъ: одинъ закуривалъ сигару, другой просматривалъ газеты, третій спрашивалъ чаю. У князя царствовала полнѣйшая свобода, и каждый посѣтитель, въ его комнатахъ, былъ положительно, какъ у себя дома....

Но я никогда бы не кончилъ, если бы хотѣлъ исчерпать всѣ воспоминанія о нашемъ миломъ, незабвенномъ и такъ бевременно погибшемъ Обществѣ, соединявшемъ сотни порядочныхъ людей въ одну дружескую семью и имѣвшемъ своимъ старостою неоцѣненнаго князя В. Ѳ. Одоевскаго. Для него, безъ преувеличенія можно сказать, Общество составляло семью, которой онъ предался всей душой, всѣми матеріальными и моральными силами. Многіе замѣчали, что, не ища блистательныхъ служебныхъ успѣховъ, онъ на этомъ поприщѣ находилъ удовлетвореніе своему честолюбію; но никто изъ людей, близко знающихъ его, не можетъ раздѣлять этого мнѣнія. Одна чистая любовь къ добру и къ людямъ руководила отношеніями его къ Обществу, точно также какъ она была главнымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій этого образцоваго христіанина и человѣка.

Я выше сказалъ уже, что Общество учреждало различныя заведенія, которыя, въ различныхъ видахъ, должны были содѣйствовать искорененію бѣдности. Перечислять всѣ эти заведенія едва ли нужно; скажу только о двухъ, которыя я самъ лично устроилъ и которыми постояно управлялъ до выхода моего изъ Общества.

Одно изъ нихъ называлось: «Семейною Квартирою». Въ основаніи устройства этого заведенія лежало то соображеніе, что для бѣдныхъ семействъ самое трудное дѣло, особенно въ Петербургѣ, имѣть сколько нибудь порядочное, свѣтлое и здоровое помѣщеніе. Тѣснясь въ сырыхъ подвалахъ, эти семейства теряютъ здоровье, послѣдній свой капиталъ, а дѣти съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ къ праздности и разнымъ порокамъ. Общество признало полезнымъ устроить «Семейную Квартиру» чтобы достойнѣйшимъ изъ этихъ семействъ давать даровое помѣщеніе, съ предоставленіемъ тѣмъ, кто можетъ, тутъ же и работать за установленную плату, въ особой рукодѣльнѣ, при Семейной Квартирѣ устроенной; а дѣтей ихъ отдѣлять въ особую комнату, для обученія ихъ и ближайшаго за ними надзора. Изъ заработной платы вычиталась часть на пищу, которая обходилась каждому ежедневно, полагая обѣдъ и ужинъ, въ 5 коп. серебр. Казалось бы чего лучше? Но мы и здѣсь, подобно тому, какъ и въ другихъ нашихъ дѣлахъ, видѣли, какъ

*) Таже черта, которою отличались во время-оно блаженной памяти масонскія собранія. *П. Б.*

мало самыя добрыя начинанія отвѣчали дѣйстительности обстоятельствъ. Начать съ того, что самыя бѣднѣйшія и несчастнѣйшія семейства, когда имъ предлагали помѣщеніе на Семейной Квартирѣ, вмѣсто того, чтобъ считать это помѣщеніе величайшимъ благодѣяніемъ, которымъ они и дѣти ихъ ограждались отъ нищеты и бѣдствій и ставились подъ ближайшее попеченіе Общества, уклонялись отъ нашихъ предложеній, единственно изъ опасенія надзора и пресѣченія способовъ къ попрошайству. Долго Семейная Квартира наша, комфортабельно устроенная, стояла пустая, но съ теченіемъ времени стала наполняться и наполнилась.

Собственный опытъ управленія этимъ заведеніемъ убѣдилъ меня, что едва ли можно представить себѣ дѣло, болѣе трудное. Не смотря на то, что мы выбирали достойнѣйшихъ, эти достойнѣйшіе были, можно сказать, отребьемъ человѣчества по испорченности, такъ что вопросъ, на который мы давно уже обратили вниманіе: «происходитъ ли испорченность эта отъ бѣдности, или самая бѣдность происходитъ отъ испорченности»—сдѣлался, вслѣдствіе явленій, представленныхъ этимъ заведеніемъ, наиболѣе яснымъ въ томъ смыслѣ, что если бы эти призрѣваемые не были такими негодяями, то они не были бы и такими бѣдняками. Пьянство, ссоры, непослушаніе, безпорядокъ всякаго рода были всегда присущи этому заведенію, не смотря на строгость моего вліянія и энергію лицъ, на которыхъ лежало ближайшее завѣдываніе Семейною Квартирою и ея благоустройство. Ябедамъ самымъ нелѣпымъ не было конца; безпрерывныя жалобы сначала, по обыкновенію, приносились мнѣ, потомъ на меня, и жалобы, исполненныя самой ѣдкой злобы и невообразимыхъ сплетней. Я много разъ хотѣлъ бросить это заведеніе, но товарищи мнѣ говорили, что чѣмъ мнѣ труднѣе возиться съ нимъ, тѣмъ я болѣе служу Обществу.

Другимъ заведеніемъ, которое я учредилъ и которымъ также постоянно управлялъ, былъ «Магазинъ Общества посѣщенія бѣдныхъ.» Учрежденіе Магазина основано было на томъ соображеніи, что многіе бѣдные ремесленники не всегда имѣютъ постоянный и вѣрный сбытъ для своихъ произведеній и въ слѣдствіе нужды должны отдавать ихъ большею частію за безцѣнокъ. Съ другой стороны тотъ же классъ бѣдныхъ людей лишенъ центра, гдѣ можно было бы пріобрѣтать дешевыя, но доброкачественныя вещи, въ ихъ быту необходимыя, такъ какъ дешевизна Апраксина или Щукина двора связана съ мошенничествомъ, оправдывая пословицу: «дешево да гнило»; кромѣ того само Общество имѣло постоянную надобность въ платье, бѣльѣ т. п. для раздачи бѣднымъ. Поэтому Магазинъ долженъ былъ, во первыхъ принимать всѣ приносимыя туда издѣлія бѣдныхъ людей и выплачивать за нихъ тотчасъ деньги по оцѣнкѣ, во вторыхъ сбывать эти вещи съ надбавкою на выплаченную за нихъ цѣнность самаго ничтожнаго процента, въ пользу Магазина, и въ третьихъ поставлять всѣ необходимыя вещи для Общества. Этотъ Магазинъ былъ порученъ управленію той г-жи Д., которую графъ М. Ю. Віельгорскій, во имя артистической славы ея мужа, поручилъ графу В. А. Сологубу, а тотъ мнѣ.

Много было мнѣ возни съ этимъ Магазиномъ, а особенно съ этою г-жею Д. Ясно, что все должно было поста-

вить на самой строгой отчетности, но столько же ясно, до какой степени строгая отчетность соотвѣтствовала характеру женщины вообще и характеру такой женщины, какъ Д. въ особенности.

Всѣ принимаемыя мною съ этой стороны мѣры и разныя внушенія приносили мало пользы, и путаница въ номерахъ и числахъ происходила страшная. Д. плакала, извинялась, клялась, что будетъ исправнѣе и вновь путала такъ, что мнѣ и здѣсь предстояло много трудовъ и заботъ, хотя совершенно другаго рода, чѣмъ тѣ, какими надѣляла меня Семейная Квартира.

Говоря о заведеніяхъ Общества, нельзя еще разъ не сказать, какъ разумна и полезна была его дѣятельность, и въ тоже время какъ несправедливы были тѣ подозрѣнія, съ которыми робкіе умы смотрѣли на эту дѣятельность. Ихъ поражало особенно то обстоятельство, что въ нашемъ попеченіи, по отчетамъ, состояло до 15 т. семействъ. Въ этой связи молодыхъ, можно сказать, передовыхъ людей съ такою массою людей бѣдныхъ, нѣкоторые видѣли причину какихъ-то неясныхъ опасеній. Между тѣмъ достаточно указать на единственный теперь почти памятникъ нашихъ дѣлъ: «Лѣчебницу для приходящихъ», чтобъ оправдать мои восхваленія Обществу. Само оно рушилось подъ бременемъ ложныхъ подозрѣній, а тысячи бѣдныхъ людей продолжаютъ находить драгоцѣнную помощь въ самомъ важномъ для каждаго человѣка случаѣ: въ случаѣ недуговъ и болѣзней..

Давленіе сверху на наше Общество началось съ того, что въ одно прекрасное утро найдено неудобнымъ, чтобы военные люди занимались дѣлами Общества, въ слѣдствіе чего оно разомъ потеряло почти половину своихъ членовъ, принадлежавшихъ къ военному званію. Между этими членами было много истинно полезныхъ личностей. Генералъ-адьютантъ Баранцовъ напр. былъ самымъ энергическимъ нашимъ дѣятелемъ; но для меня было бы трудно перечислять всѣхъ достойныхъ и замѣчательныхъ нашихъ членовъ, носившихъ военный мундиръ, и изобразить силу и степень удара, нанесеннаго лишеніемъ ихъ нашему Обществу. Но какъ ни прискорбно было это событіе, Общество еще удержалось на ногахъ и продолжало усердно дѣйствовать на пользу страждущаго человѣчества, когда въ 1848 году нанесенъ былъ ему новый и окончательный ударъ. Подъ вліяніемъ волненій, происходившихъ въ то время въ Европѣ, признано было за благо присоединить наше Общество къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу.

Наше Общество все могло перенести, только не это...

Отуманенное, такъ сказать, этимъ ударомъ, отнимавшимъ у насъ нашу независимость, Общество потеряло свои надежды, свою энергію и влачило печально свое существованіе. Князь В. Ѳ. Одоевскій ободрялъ, впрочемъ, всѣхъ надеждою на лучшіе дни и въ ожиданіи ихъ началъ сильную, хотя безплодную, борьбу съ Совѣтомъ Человѣколюбиваго Общества и, главное, съ его Канцеляріею. Чтобъ лучше выяснить страданія князя, степень моего участія въ дѣлахъ Общества и существо отношеній нашихъ къ Совѣту Человѣколюбиваго Общества, я считаю не лишнимъ привести здѣсь одно или два изъ писемъ князя, которыми онъ осыпалъ меня въ то время, когда уѣзжалъ въ свой «Ронгасъ», приморское имѣніе близь Выборга,

а я вступалъ, по старшинству, въ отправленіе должности предсѣдателя правленія.

«20 Іюня 1850 года. Дѣло вотъ въ чемъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Сочленъ! Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ (бывшій тогда помощникомъ попечителя Человѣколюбиваго Общества), у котораго я былъ чрезъ минуту послѣ того, какъ вы вышли, совѣтуетъ намъ съ вами съѣздить къ митрополиту (попечителю) въ пятницу, часовъ въ 6. На этомъ основаніи я буду у васъ, на вашей квартирѣ, въ пятницу $5\frac{3}{4}$ часа, откуда и отправимся вмѣстѣ къ его высокопреосвященству. Н. разсказалъ мнѣ всю вашу съ нимъ бесѣду и условія и, кажется, вы ему весьма понравились; онъ вообще человѣкъ прекраснаго сердца... И такъ до свиданія. Должно замѣтить, что наша поѣздка къ высокопреосвященному нисколько не должна измѣнить вашего и нашихъ добрыхъ товарищей намѣренія провести у меня вечеръ пятницы на дачѣ: ибо у митрополита, мы вѣроятно не останемся болѣе получаса, а вамъ необходимо съ нимъ познакомиться: онъ человѣкъ весьма дѣльный »

Затѣмъ, отправившись въ свой «Ронгасъ», кн. Одоевскій скоро прислалъ мнѣ оттуда два громаднѣйшія письма, изъ которыхъ на одномъ было написано: «конфиденціально», а на другомъ «между нами». Первое изъ нихъ, отъ 22 Іюля 1850 года, гласило слѣдующее:

«Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Василій Антоновичъ! Нездоровье, которое и здѣсь не оставляетъ меня, не позволило мнѣ въ ту же минуту отвѣчать вамъ и признаюсь, что я не могъ скоро собраться ни съ мыслями, ни съ бумагами; посылка же вами ко мнѣ особаго нарочнаго привела меня въ совершенное недоумѣніе; что̀ можетъ находиться въ моихъ бумагахъ кромѣ того, изъ чего весь сокъ выжатъ въ Отчетѣ и приложеніяхъ къ оному, нами представленныхъ? Тутъ явное недоразумѣніе. Сдѣлайте милость, съѣздите къ Густаву Адольфовичу (Шверину, управлявшему тогда канцеляріею Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества) и передайте ему отъ меня, что послѣ моихъ личныхъ объясненій съ нимъ, до моего отъѣзда, и вообще послѣ представленнаго нами подробнаго отчета, новое требованіе еще какого-то отчета удивляетъ меня до изумленія. Въ прошломъ году канцелярія Совѣта замѣтила мнѣ, что нашъ отчетъ, содержавшій въ себѣ подлинныя выписки изъ нашихъ протоколовъ въ хронологическомъ порядкѣ, слишкомъ огроменъ и что должно сдѣлать изъ него выводъ; нынѣ мы представляемъ такой выводъ—находятъ, что этого недостаточно. Да чего же угодно? Надобно же когда нибудь высказать это опредѣлительно, а не въ общихъ выраженіяхъ. Составляя отчетъ за 1849 годъ, я принялъ въ соображеніе Отчетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ мимоходомъ упомянуто и объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ, въ одинаковыхъ выраженіяхъ съ школою Сословія призрѣнія малолѣтныхъ; что высказывается въ этомъ отчетѣ, на какіе вопросы отвѣчается:

1., О дѣйствіяхъ? Дѣйствія Общества до послѣдней нитки изложены въ Статистической вѣдомости, приложенной къ отчету, представленному въ Совѣтъ.

2., О суммахъ? Движеніе суммъ и по предметамъ и по хронологическому порядку изложено въ балансѣ прихода и расхода и въ хронологической

вѣдомости о суммахъ, также при отчетѣ представленныхъ въ Совѣтъ.

3., О заведеніяхъ? Списокъ заведеній составленъ, въ видѣ таблицы, гдѣ находятся всѣ подробности объ оныхъ. Все это приложено къ тому же отчету.

Собственно нашъ отчетъ Совѣту и долженъ, по моему убѣжденію, состоять въ сихъ четырехъ документахъ т. е. статистической вѣдомости о дѣйствіяхъ и пособіяхъ, вѣдомости о балансѣ суммъ и таблицѣ заведеній. Но, недовольствуясь симъ, мы представили Совѣту и отчетъ нашъ, читанный въ Общемъ Собраніи Членовъ, служащій дополненіемъ и объясненіемъ вышеупомянутыхъ документовъ и который, не знаю почему, угодно называть рѣчью. Чтобы намъ сказали, если бы мы не представили того самаго отчета, который былъ читанъ въ общемъ засѣданіи, а нѣчто другое?

Соединеніе сего отчета съ вышеупомянутыми документами, которые сами собою составляютъ полнѣйшій отчетъ, какой только когда нибудь представляло какое либо учрежденіе, отвѣчаетъ на всѣ вопросы, которые могутъ представиться Совѣту и удобно можетъ принять всякую форму, которую угодно будетъ дать нѣсколькимъ строкамъ объ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Чего же еще угодно? угадать, какая форма будетъ дана этимъ строкамъ? Но собственно, къ *нѣсколькимъ строкамъ* привести отчетъ нашъ невозможно. По настоящему, надлежало бы Совѣту внести въ свой отчетъ цѣликомъ главнѣйшія, по его усмотрѣнію, статьи изъ Статистической вѣдомости, весь балансъ суммамъ, гдѣ показано ихъ употребленіе и списокъ заведеній; конечно это займетъ нѣсколько мѣста, но чтожъ съ этимъ дѣлать? По крайней мѣрѣ свѣдѣніе положительное объ Обществѣ будетъ повергнуто предъ очи Государя.

Словомъ: чего отъ насъ требуютъ, то выходитъ изъ границъ моего разумѣнія. Будучи на службѣ около 25 лѣтъ, я вѣроятно пишу уже сотый отчетъ по разнымъ вѣдомствамъ, но не смотря на то, я цѣли новаго требованія ни какъ угадать не могу, и канцелярія Совѣта поступила бы милостиво и справедливо, если бы, помогая моему слабому разумѣнію, благоволила означить ту особую форму, въ которой должны представляться отчеты Общества. Высшее мѣсто вправѣ не удостоить насъ ни однимъ добрымъ словомъ въ своихъ отчетахъ; вправѣ медлить цѣлые мѣсяцы отвѣтомъ на важнѣйшіе вопросы, между прочимъ и позволеніемъ засѣданія для прочтенія того же отчета; вправѣ не дозволять намъ ходатайствовать объ учрежденіи благотворительныхъ праздниковъ и тѣмъ лишать насъ способовъ содержанія и приводить въ замѣшательство всѣ наши дѣла: все это подчиненное мѣсто должно принимать съ покорностію; но высшее мѣсто не вправѣ терзать подчиненное ему, неопредѣленными, голословными требованіями, не объяснивъ, въ чемъ именно состоятъ сіи требованія? Это все я прошу передать отъ меня Густаву Адольфовичу конфиденціальнымъ образомъ; можно еще отъ меня, исполнившаго все по крайнему разумѣнію, посѣтовать ему, что онъ не предупредилъ оффиціальнаго требованія частнымъ объясненіемъ съ вами или со мною, и попросите у него слезно истолкованія: чего отъ насъ требуется въ этомъ требованіи?

На всякій случай и поелику надобно же отвѣчать оффиціально, я за-

готовилъ форму отчетной вѣдомости, которая, можетъ быть, вамъ пригодится и попадетъ на то, чего отъ насъ требуютъ; но въ этой формѣ все тоже, что̀ было уже представлено Совѣту. Очень сожалѣю, что, желая успокоиться и отдохнуть отъ сладостей жизни, которыя доставляетъ мнѣ Человѣколюбивое Общество, я, противъ ожиданія, ради грѣховъ отцовъ моихъ, доставилъ вамъ такую тревогу.

А между тѣмъ, что̀ же ничего не слышно ни о какомъ праздникѣ въ пользу Общества, какъ мы предполагали? Вѣдь наши суммы скудѣютъ, чѣмъ же мы будемъ существовать? Неужели опять затрудненіе со стороны Совѣта? Въ такомъ случаѣ надобно будетъ обратиться къ нему съ просьбою указать намъ средства содержанія заведеній — больше ничего дѣлать не останется, а иначе и въ нашихъ отчетахъ, которыми мы никакъ угодить не можемъ, придется выставлять одни нули.

Если затрудняются дозволить, то просите, по прежнимъ примѣрамъ, не о дозволеніи на самый праздникъ (балъ, концертъ, цыганъ, не знаю, что̀ вы думаете), но о дозволеніи *просить дозволенія* генералъ-губернатора — такъ было намъ дозволено въ прошедшемъ году. Въ представленіи Совѣту или лучше прямо къ Абраму Сергѣевичу, а равно и въ представленіи къ генералъ-губернатору необходимо упомянуть, что въ прошедшемъ году аллегри у насъ не было, а концертъ принесъ весьма мало. Сдѣлайте милость, не выпустите этого изъ вида; вѣдь мы должны употреблять паровую машину, чтобъ поднять соломенку.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, и еще съ большимъ нетерпѣніемъ васъ самихъ, и тѣхъ добрыхъ людей, которые обѣщали посѣтить мой «кусочекъ камня посреди водицы». Я на этотъ конецъ сдѣлалъ даже пристройку въ домѣ. Сдѣлайте милость, господа, сдержите слово: два-три дня никому разницы не сдѣлаютъ, а между тѣмъ вы вздохнете здѣшнимъ чуднымъ воздухомъ. Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ почтеннымъ сочленамъ; помогай вамъ Богъ въ нашемъ добромъ дѣлѣ, не смотря на всѣ бѣды, на которыя оно натыкается».

Дѣло въ томъ, что съ присоединеніемъ нашимъ къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу мы лишились права печатать отдѣльно наши отчеты, а должны были представлять ихъ въ Совѣтъ Общества, который и включалъ ихъ, какъ и отчеты другихъ учрежденій, ему подвѣдомственныхъ, въ свой общій всеподданнѣйшій отчетъ. Можно представить, какъ пріятно было стоять въ этомъ отчетѣ на ряду съ Институтомъ слѣпыхъ, Отдѣленіемъ малолѣтнихъ, о которомъ князь В. Ѳ. Одоевскій говоритъ въ своемъ письмѣ и т. п. Впрочемъ, сколько могу припомнить, на первыхъ порахъ мы послали Совѣту настоящій и довольно подробный отчетъ, въ смутной надеждѣ, что наши дѣйствія составятъ лучшія страницы всеподданнѣйшаго отчета Совѣта Человѣколюбиваго Общества и обратятъ вниманіе Государя. Не тутъ-то было. Во первыхъ насъ поставили въ этомъ отчетѣ далеко не на первомъ планѣ, а во вторыхъ сказали о насъ только нѣсколько сухихъ словъ. Ясно, что это позорное для насъ униженіе не могло доставить нашему Обществу никакой пріятности, а князь, нашъ представитель, просто исполнился ярости, до той степени, въ какой это чувство могло

вмѣститься въ его кроткую душу. На слѣдующій годъ онъ послалъ, вмѣсто отчета, копію съ нашихъ журналовъ. Пусть, дескать, извлекаютъ изъ нихъ сами, чтò хотятъ. Загорѣлась война. Намъ старались доказать, что эти копіи не составляютъ отчета и что необходимы разные числительные выводы; мы старались не пониматъ и по части цифирной послали Совѣту только то, чтò онъ опредѣлительно указывалъ. На слѣдующій годъ князь В. Ѳ. Одоевскій послалъ Совѣту одни цифирныя вѣдомости. Загорѣлась новая война, продолженіемъ которой и служитъ вышеприведенное письмо князя....

Замѣчательно, что князь В. Ѳ. Одоевскій, о добротѣ и кротости котораго я такъ много говорилъ, слышать не могъ равнодушно ни объ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ, ни о канцеляріи его. Всегда тихій, деликатный, онъ постоянно и ожесточенно велъ неустанную войну съ этими врагами. На каждую бумагу, оттуда полученную, онъ смотрѣлъ, какъ на оскорбленіе и, не смотря на безчисленныя повторенія, оставлялъ ее безъ исполненія и безъ отвѣта, до послѣдней возможности. Нечего и говорить, что намъ платили такими же любезностями, такъ что дѣла наши, поставленныя въ полную зависимость отъ Совѣта, принимали дѣйствительно весьма печальный видъ.

Что касается до поѣздки въ Ронгасъ, то изъ «тѣхъ добрыхъ людей», которые обѣщали князю посѣтить его, нашлось немного охотниковъ. Но на меня, лично, поѣздка эта произвела очаровательное впечатлѣніе, котораго никогда не забуду.

Во первыхъ она познакомила меня съ оригинальною, сумрачною природою Финляндіи, во вторыхъ князь принялъ и проводилъ насъ самымъ радушнымъ и, можно сказать, великолѣпнымъ образомъ. Немногіе дни, тамъ нами проведенные, мгновенно пролетѣли въ прогулкахъ по каменнымъ глыбамъ, которыя осыпали Ронгасъ; въ поѣздкахъ по морю, въ купаньѣ, въ рыбной ловлѣ и наконецъ въ роскошнѣйшихъ трапезахъ, на которыя князь такой великій мастеръ.

Во время нашего посѣщенія князь производилъ какія-то пристройки въ домѣ и особенно ласкалъ главнаго плотника, русскаго бородача, весьма смышленаго парня. Въ концѣ обѣда князь постоянно призывалъ его и давалъ ему бокалъ шампанскаго. Въ первый разъ, когда онъ выпилъ шампанскаго и когда князь спросилъ его: «хорошо ли?» плотникъ, разглаживая бороду, сказалъ: «знатно! Только чудно право: холодное, а кипитъ!»

Въ 1852 г. князь В. Ѳ. Одоевскій снова отправился въ Ронгасъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возгорѣлась, по прежнему, между нами жаркая переписка по дѣламъ Общества, украшенная, какъ и прежде, милѣйшимъ приглашеніемъ посѣтить «его кусочекъ камня посреди водицы.» Вотъ отрывки однаго, изъ его писемъ. «6 Іюня 1852 года. Я не успѣлъ отвѣчать на ваше милое и дружеское письмо, ибо получилъ его, садясь уже въ дорожную коляску. Благодарю васъ душевно за ваши дружескія ко мнѣ чувства, которыя, повѣрьте, цѣню дорогою цѣною. Поѣздка моя была довольно счастлива, ибо насъ опрокинуло колесами вверхъ, но мы поплатились лишь разбитыми стеклами и безпорядкомъ; впрочемъ, если бы лошадямъ не вздумалось остановиться, то мы были бы приведены въ состояніе стеколъ; любопытно, что это случилось на ровномъ мѣстѣ, и слѣдственно финская

флегма въ полномъ цвѣтѣ. Бѣдный мой Ронгасъ я нашелъ въ большомъ запущеніи; много значитъ долго не побывать на родномъ пепелищѣ; но теперь онъ снова ожилъ и готовъ принять дорогихъ гостей, которымъ, начиная съ себя, напомните, если они забыли ихъ обѣщаніе. Нѣсколько словъ о нашихъ дѣлахъ: по нѣкоторымъ я въ долгу передъ конторой, но не замедлю расплатиться, начиная съ нынѣшняго дня. Я не могъ ихъ кончить въ Петербургѣ, ибо всѣ они долговязы; иначе, я никогда бы не выѣхалъ; надобно было разсѣчь гордіевъ узелъ и уѣхать во что бы то ни стало; но я занялся ими тотчасъ же, какъ могъ пріютиться, хотя теперь пишу къ вамъ среди шума и стука рабочихъ, которые строятъ Ронгасъ почти съ изнова».... Письмо оканчивалось такъ: «Блюдите, почтеннѣйшій товарищъ, наше благое дѣло, особливо теперь. Канцелярія Совѣта (этотъ постоянный врагъ князя) видимо насъ хочетъ доканать. Бога ради, сохраните вашу обычную твердость и во всѣхъ случаяхъ сваливайте всѣ бѣды на меня, безъ всякой «рецемоніи.» Здѣсь мнѣ время будетъ отвѣчать на всѣ ихъ отношенія и разгадывать ихъ загадки. Поторопите, Бога ради, Никитенку съ уставомъ Кузнецовскаго училища. Уставъ Школы малолѣтнихъ не замедлю прислать. Прошу извинить за непомѣрно длинное письмо; я съ нѣкотораго времени сталъ какъ-то расписываться, хотя мнѣ это и ножъ вострый, да дѣлать нечего. Прощайте, любезный товарищъ, поклонитесь нашимъ сочленамъ»....

Въ августѣ того же года полученъ былъ мною отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго слѣдующій документъ:

«Друзьямъ и товарищамъ, собиравшимся въ Ронгасъ.

Окружное посланіе, которое покорнѣйше прошу Василія Антоновича его гармоническимъ голосомъ прочитать во всеуслышаніе.

Дошли до меня, друзья, не добрыя вѣсти, будто бы вы отложили попеченіе пріѣхать подышать ронгасскимъ воздухомъ и познакомиться или возобновить знакомство съ его скалами, морями и прочими тому подобными вещами. Это меня жестоко огорчило, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, это происходитъ отъ того, что вы дали себѣ взаимное слово одинъ безъ другаго не ѣздить; затѣмъ разумѣется, одному недосугъ, другому некогда, и дѣло не улаживается. На что это похоже? Надѣюсь, господа, что моя дружба съ вами не только, что со всѣми *вкупѣ*, но и съ каждымъ *особо*; иначе не за чѣмъ бы и на свѣтѣ жить. Кому дѣйствительно нельзя—нечего дѣлать. Но и кому нельзя—на недѣлю вынырнуть изъ душнаго Петербурга и освѣжиться духомъ и тѣломъ въ блаженной Чухландіи, зане она подъ бокомъ? Вы войдите только въ мое положеніе: приносятъ мнѣ корзины клубники, малины, грибовъ, какихъ въ Петербургѣ не показываютъ и за деньги, а мы только тужимъ: гдѣ наши петербургскіе друзья? Присылаютъ мнѣ ящикъ хереса-*pâle*, и я ума не приложу, какъ мнѣ распить одному этотъ блѣдно желтый напитокъ? Рыба сама наскакиваетъ на удочку—некому помочь вытаскивать! Рябчики и молодые тетерева, чуть не жареные падаютъ съ облаковъ—некому поднимать ихъ. Помогите, друзья, въ такой бѣдѣ. Фридрихъ съ погребомъ, Вильгельмъ съ парусами приходятъ въ отчаяніе; даже «кока» (собака) смотритъ все на дорогу и машетъ хвостомъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. И изъ чего

всѣ хлопоты? Стоитъ взять четвероместную коляску, а двѣ и того лучше, подорожную до Раіаіоки (а не то и безъ подорожной), сѣли по утру, вечеромъ вы въ Ронгасѣ, гдѣ васъ ждутъ и свѣжія постели, и свѣжее море, и моя, всегда свѣжая, дружба! Пробыли у меня нѣсколько дней и въ одни сутки вы опять въ Петербургѣ. Нарушьте же, господа, вашъ контрактъ, который приводитъ меня въ отчаяніе, а, можетъ быть, и вамъ не много бороздитъ, и разомъ, дружно, прикатите къ любящему и ожидающему васъ товарищу.» Не смотря, однако же, на такое милѣйшее приглашеніе, имъ воспользовались весьма немногіе. Я покрайней мѣрѣ, въ этотъ разъ, въ Ронгасъ не ѣздилъ...

Между тѣмъ нашъ попечитель, Герцогъ Лейхтенбергскій, продолжалъ бороться съ своими недугами, такъ рано и безвременно его аттаковавшими, и въ этой борьбѣ то появлялся въ Петербургѣ, то снова отправлялся за границу.

Я имѣлъ счастіе видѣть Герцога въ своихъ комнатахъ, и тогда онъ благосклонно разсказывалъ и исторію своихъ болѣзней и вліяніе, какое производитъ на нихъ тотъ или другой климатъ. Объ островѣ Мадерѣ онъ вспоминалъ съ восторгомъ и говорилъ, что нигдѣ такъ не чувствовалъ себя хорошо, какъ тамъ. Тѣмъ не менѣе Герцогъ гаснулъ быстро и наконецъ угасъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Я живо помню, что во время толковъ о болѣзни Герцога, толковъ, къ которымъ всѣ уже привыкли, мы съ женою, въ одинъ прекрасный день, дѣлали въ экипажѣ обычную нашу прогулку. Проѣзжая мимо дворца Герцога, мы замѣтили только что подвезенный къ крыльцу его траурный катафалкъ и тотчасъ поняли, что Герцога не стало!

Намъ предстояло великое дѣло: избрать на мѣсто Герцога другаго попечителя, который обладалъ бы достаточной силой для того, чтобъ поднять насъ изъ праха, въ который мы ввергнуты были.

Дѣло я помню тянулось долго, и едва ли нужно говорить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ мы ожидали результата. Наконецъ 31 Декабря 1852 года я получилъ отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго слѣдующую записку: «Выпейте сегодня за здравіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, Попечителя, Высочайше утвержденнаго, Общества Посѣщенія бѣдныхъ. Сообщите о томъ же товарищамъ, кого увидите».

Представители Общества совершили Великому Князю торжественное представленіе; но я въ немъ, кажется, по болѣзни не могъ участвовать и представлялся отдѣльно, чрезъ нѣсколько дней, вечеромъ. Эта аудіенція оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Великій Князь былъ ласковъ, и очевидно доволенъ моими бойкими отвѣтами. Отпуская меня, Онъ далъ мнѣ руку и сказалъ, что будетъ навѣщать наши засѣданія.

Въ ожиданіи перваго Его посѣщенія, мы съ княземъ Одоевскимъ немножко трусили и заботились, чтобы первое впечатлѣніе, какое будетъ произведено на Великаго Князя нашимъ засѣданіемъ и нашими дѣлами, было въ нашу пользу. Вотъ одна изъ записокъ князя, сюда относящихся: «18 февраля 1853 г. Въ которомъ часу вы будете въ конторѣ, любезнѣйшій Василій Антоновичъ, и вообще, гдѣ вы теперь и гдѣ будете до засѣданія? Намъ бы необходимо свидѣться до 7 часовъ. Великій Князь будетъ не-

премѣнно—отвѣчаю за это. Какъ бы намъ на первыхъ порахъ не замучить Его и не надоѣсть, а между тѣмъ объяснить Ему все наше устройство? Задача трудная, для рѣшенія которой прошу вашего содѣйствія, любезный товарищъ. Ожидаю вашего отвѣта. Я совершенно свободенъ до 6 часовъ: у васъ, у себя, въ конторѣ».

Сначала Великій Князь сталъ ѣздить къ намъ довольно часто и видимо хотѣлъ вникнуть подробно и въ наше устройство и въ нашу дѣятельность. Но потому ли, что Его Высочество изучилъ все то, что̀ считалъ нужнымъ, или потому, что кругъ нашихъ дѣйствій, сравнительно съ другими государственными дѣлами, которыми былъ занятъ Великій Князь, казался ему незначительнымъ, посѣщенія Его нашихъ засѣданій становились рѣже и рѣже и наконецъ совершенно прекратились, такъ что всѣ дѣла, подлежавшія утвержденію Попечителя, возилъ князь В. Ѳ. Одоевскій на домъ къ Великому Князю.

При самомъ вступленіи Его Высочества въ должность Попечителя князь В. Ѳ. Одоевскій тотчасъ представилъ Ему подробный и трогательный докладъ о нашихъ страданіяхъ въ оковахъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и объ условіяхъ, при которыхъ мы можемъ свободно дышать и съ пользою дѣйствовать. Къ сожалѣнію, докладъ этотъ не имѣлъ успѣха. Мы окончательно съежились и апатически поддерживали кое какъ свое разбитое существованіе. Многіе члены потихоньку начали выбираться. Одинъ князь В. Ѳ. Одоевскій, можно сказать, привязанный къ Обществу своимъ именемъ, своею извѣстностію, своими отношеніями, не могъ и не хотѣлъ бросить Общества, не хотѣлъ потому, что ему жаль было покинуть корабль, которымъ такъ долго командовалъ, да и потому, наконецъ, что князь, не смотря на всѣ бури, не переставалъ питать надеждъ на лучшее будущее.

Само собою разумѣется, что собственно личность его, любимая до обожанія, сдерживала и другихъ остальныхъ членовъ въ Обществѣ. Я былъ въ числѣ тѣхъ, которые держались тамъ до послѣдней крайности. Но когда внезапно и неожиданно, а главное совершенно незаслуженно, сверху обрушилось на меня пагубное недоумѣніе и когда, подъ гнетомъ этого недоумѣнія, я все таки пробилъ стѣну, заградившую мнѣ дальнѣйшее поприще, я представилъ своимъ товарищамъ простой вопросъ: признаютъ ли они справедливымъ, послѣ тяжкихъ испытаній, мною перенесенныхъ, удерживать меня въ Обществѣ и на развалинахъ его подвергать меня новымъ опасностямъ,-благородные мои товарищи и во главѣ ихъ князь В. Ѳ. Одоевскій, нашли, что послѣ заслугъ, оказанныхъ мною Обществу и главное послѣ громовъ, пронесшихся надъ моею головою, мнѣ можно дозволить убраться по добру-по-здорову. Но на журналѣ Правленія, въ которомъ внесена была статья о моемъ увольненіи, Великій Князь собственноручно написалъ: «попросить отъ меня г. Инсарскаго продолжать свою весьма полезную для Общества дѣятельность. 6 апрѣля 1854 г.» Сохраняя уваженіе къ такой обязательной просьбѣ Великаго Князя, я оставался въ Обществѣ нѣкоторое время, до производства новыхъ выборовъ, и затѣмъ окончательно оставилъ это поле благотворительныхъ моихъ подвиговъ....

СОСТАВЪ

Высочайше утвержденнаго Общества посѣщенія бѣдныхъ. (1852 г.)

I. Попечитель:

Его Императорское Высочество Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій.

II. Члены:

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

С. Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ отъ Инфантеріи Дмитрій Ивановичъ Шульгинъ.

Членъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, Тайный Совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ. (Исправляющій должность Попечителя Общества.)

III. Члены Благотворители:

1. Алферовскій, Василій Абрамовичъ.
2. Віельгорскій, Графъ Матвѣй Юрьевичъ.
3. Віельгорскій, Графъ Михаилъ Юрьевичъ.
4. Воронцовъ-Дашковъ, Графъ Иванъ Илларіоновичъ.
5. Жуковъ, Василій Григорьевичъ.
6. Ланской, Сергій Степановичъ.
7. Одоевскій, Князь Владиміръ Ѳедоровичъ (Предсѣдатель Правленія Общества).
8. Потемкинъ, Александръ Михайловичъ
9. Смирновъ, Владиміръ Савичъ.
10. Сологубъ, Графъ Владиміръ Александровичъ.

IV. Правленіе Общества

А. ПРЕДСѢДАТЕЛЬ

Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

Б. ТОВАРИЩЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

В. ЧЛЕНЫ РАСПОРЯДИТЕЛИ.

1. Николай Васильевичъ Путята.
2. Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ.
3. Захаръ Николаевичъ Мухортовъ.
4. Василій Антоновичъ Инсарскій
5. Александръ Васильевичъ Никитенко.
6. Иванъ Ильичъ Масловъ (*).
7. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.
8. Александръ Карловичъ Оде-де-Сіонъ.
9. Иванъ Ивановичъ Панаевъ.
10. Дмитрій Петровичъ Хрущевъ.
11. Павелъ Александровичъ Галаховъ.

V. Управленіе заведеніями Общества.

А. КУЗНЕЦОВСКОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

а.) Предсѣдатель комитета.

Андрей Николаевичъ Карамзинъ.

б) Члены.

Николай Васильевичъ Путята. Александръ Васильевичъ Никитенко.

Николай Петровичъ Перцовъ, Николай Дмитріевичъ Философовъ. . . . . (Чл. Посѣт.)

Б. ОБЩАЯ КВАРТИРА ОДИНОКИХЪ ПРЕСТАРѢЛЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.

а, Распорядитель

Демьянъ Демьяновичъ Булычевъ (Чл. Посѣт.)

б., Товарищъ его

Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ (Чл. Посѣт.)

В. ПЕРВЫЙ ДѢТСКІЙ НОЧЛЕГЪ

а., Распорядитель

Василій Васильевичъ Дерикеръ (Чл. Посѣт.)

Г. ШКОЛА МАЛОЛѢТНЫХЪ:

Распорядитель

Александръ Карловичъ Оде-де-Сіонъ.

Д. ПЕРВАЯ РУКОДѢЛЬНАЯ

а., Распорядитель.

Иванъ Ильичъ Масловъ

б., Товарищъ его.

Александръ Ивановичъ Проворовъ (Чл. Посѣт.)

Е. ВТОРАЯ РУКОДѢЛЬНАЯ

а., Распорядитель

Михаилъ Ѳедоровичъ Ильинъ (Чл. Посѣт.)

б., Товарищъ его

Василій Васильевичъ Дерикеръ (Чл. Посѣт.)

Ж., СЕМЕЙНАЯ КВАРТИРА И ПРИ НЕЙ ТРЕТЬЯ РУКОДѢЛЬНАЯ

Распорядитель

Василій Антоновичъ Инсарскій.

З. МАГАЗИНЪ

Распорядитель

Василій Антоновичъ Инсарскій.

И. ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ

Распорядитель

Николай Васильевичъ Путята.

Управляющій

Францъ Францовичъ Фонъ-Деръ-Флаасъ (Чл. Медикъ.)

VI. Управленіе отдѣльными частями.

А. ОБОЗРѢНІЕ ЗАВЕДЕНІЙ

Андрей Николаевичъ Карамзинъ
Николай Васильевичъ Путята
Захаръ Николаевичъ Мухортовъ.

Б. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА ДѢЛОПРОИЗВОДСТВОМЪ

Василій Антоновичъ Инсарскій.

В. ХРАНЕНІЕ БИБЛІОТЕКИ

Александръ Васильевичъ Никитенко.

Г. МЕДИЦИНСКАЯ ЧАСТЬ

Николай Васильевичъ Путята.

Д. ОТПРАВЛЕНІЕ БѢДНЫХЪ ИЗЪ СТОЛИЦЫ

Демьянъ Демьяновичъ Булычевъ (Чл. посѣт.)
Карлъ Станиславовичъ Обертъ. (Чл. Посѣт.)

Е. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА ДѢТЬМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИМИСЯ НА СЧЕТЪ ОБЩЕСТВА ВЪ ПОСТОРОННИХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

Александръ Осиповичъ Гурко (чл. посѣт.)

Ж. НАБЛЮДЕНІЕ ЗА КРУЖКАМИ

Александръ Осиповичъ Гурго (чл. посѣт.)

VII. Члены посѣтители.

1. Абаза, Александръ Аггѣевичъ (*)
2. Алединскій, Николай Александровичъ.
3. Алимпіевъ, Александръ Петровичъ.
4. Ананьинъ, Александръ Андреевичъ.
5. Анненковъ, Павелъ Васильевичъ.
6. Апраксинъ, Графъ Николай Александровичъ
7. Балабинъ, Евгеній Петровичъ.
8. Бартеньевъ, Ипатій Арсентьевичъ. (*)
9. Батюшковъ, Помпей Николаевичъ. (*)
10. Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ.
11. Блумбергъ, Андрей Григорьевичъ.
12. Бобринской, Графъ Александръ Алексѣевичъ.
13. Бобринскій, Графъ Владиміръ Алексѣевичъ. (*)
14. Борхъ, Графъ Александръ Михайловичъ.
15. Боссаковскій, Осипъ Францовичъ.
16. Булычевъ, Иванъ Демьяновичъ.
17. Булычевъ, Демьянъ Демьяновичъ.
18. Бюллеръ, Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ.
19. Вагнеръ, Андрей Андреевичъ.
20. Васильевъ, Александръ Сергѣевичъ.
21. Васильевъ, Тимоѳѣй Сергѣевичъ.
22. Веліо, Баронъ Иванъ Осиповичъ (*)
23. Веревкинъ, Петръ Владиміровичъ (*)
24. Владимірцовъ, Яковъ Петровичъ.
25. Водовъ, Николай Ивановичъ.
26. Волковъ, Николай Степановичъ.
27. Вяземскій, Князь Александръ Егоровичъ.
28. Гагаринъ, Князь Левъ Николаевичъ.
29. Гаевскій, Викторъ Павловичъ.
30. Гедеоновъ, Степанъ Александровичъ.
31. Гербачевскій, Павелъ Михайловичъ.
32. Голицынъ. Князь Сергѣй Павловичъ. (*)
33. Голубцовъ. Ѳедоръ Платоновичъ.
34. Городковъ, Михаилъ Ивановичъ.
35. Горѣловъ, Герасимъ Васильевичъ.
36. Григорьевъ, Василій Васильевичъ.
37. Гротъ, Константинъ Карловичъ.
38. Гурко, Александръ Осиповичъ.
39. Далеръ, Иванъ Христіановичъ.
40. Дерикеръ, Василій Васильевичъ.
41. Долгоруковъ, Князь Сергѣй Васильевичъ. (*)
42. Дружининъ, Александръ Васильевичъ.
43. Дьяконовъ, Павелъ Павловичъ.
44. Желязевичъ, Рудольфъ Андреевичъ.
45. Закревскій, Иванъ Васильевичъ.
46. Зимняковъ, Харитонъ Николаевичъ.
47. Ивинъ, Евграфъ Петровичъ.
48. Излеръ, Иванъ Ивановичъ.
49. Ильинъ, Михаилъ Ѳедоровичъ.
50. Кайсаровъ, Юлій Михайловичъ. (*)
51. Кирѣевъ, Александръ Дмитріевичъ.
52. Кознаковъ, Петръ Всеволодовичъ.
53. Колошинъ, Николай Николаевичъ.
54. Комаровъ, Александръ Александровичъ.
55. Коновницынъ, Графъ Алексѣй Петровичъ.
56. Кореневъ, Андрей Петровичъ.
57. Корсаковъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
58. Корсини, Іеронимъ Дементьевичъ.
59. Корфъ, Баронъ Николай Николаевичъ.
60. Коссиковскій, Всеволодъ Андревичъ.
61. Кочубей, Василій Васильевичъ.
62. Кочубей, Василій Аркадьевичъ.
63. Кочубей, Николай Аркадьевичъ.
64. Краевскій, Андрей Александровичъ.
65. Кристафовичъ, Михаилъ Егоровичъ.
66. Кувальдинъ, Павелъ Ивановичъ.
67. Кудряшевъ, Павелъ Ивановичъ.
68. Кюзель, Августъ Ѳедоровичъ.
69. Ладанъ, Александръ Осиповичъ.
70. Лаутонъ, Карлъ Ивановичъ.
71. Лебедевъ, Николай Андреевичъ.
72. Левенштимъ, Василій Ивановичъ.
73. Леонтьевъ, Михаилъ Ивановичъ.
74. Ливенъ, Князь Павелъ Ивановичъ.
75. Лихтенталь Германъ Генриховичъ.
76. Лонгиновъ, Дмитрій Николаевичъ.
77. Мансуровъ, Борисъ Павловичъ.
78. Маркевичъ, Болеславъ Михайловичъ. (*)
79. Мартыновъ, Михаилъ Алексѣевичъ.

(*) Лица, означенныя звѣздочкою, находятся въ отсутствіи.

80. Масловъ, Николай Дмитріевичъ. (*)
81. Миклашевскій, Михаилъ Осиповичъ.
82. Миллеръ, Николай Александровичъ.
83. Могилатовъ, Николай Петровичъ.
84. Мордвиновъ, Семенъ Александровичъ.
85. Мундтъ, Николай Петровичъ.
86. Муравьевъ, Николай Михайловичъ.
87. Мусинъ-Пушкинъ, Графъ Алексѣй Ивановичъ.
88. Мягковъ, Николай Дмитріевичъ.
89. Набоковъ, Петръ Ивановичъ.
90. Нарышкинъ, Эмануилъ Дмитріевичъ.
91. Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ.
92. Новаковскій, Антонъ Игнатьевичъ.
93. Новиковъ, Евгеній Петровичъ.
94. Новосельскій, Николай Александровичъ.
95. Обертъ, Карлъ Станиславовичъ.
96. Ободовскій, Платонъ Григорьевичъ.
97. Оболенскій, Князь Дмитрій Александровичъ.
98. Озеровъ, Александръ Петровичъ (*)
99. Озерскій, Александръ Дмитріевичъ.
100. Ознобишинъ, Иванъ Ильичъ.
101. Осокинъ, Александръ Гавриловичъ. (*)
102. Очкинъ, Амплій Николаевичъ.
103. Павловъ, Николай Ивановичъ.
104. Пердовъ, Николай Петровичъ.
105. Петрово-Соловово, Михаилъ Ѳедоровичъ. (*)
106. Петцольдъ, Августъ Васильевичъ.
107. Пивоваровъ, Василій Андреевичъ.
108. Политковскій, Александръ Гавриловичъ.
109. Потуловъ, Николай Григорьевичъ.
110. Проворовъ, Александръ Ивановичъ.
111. Пургольдъ, Даніилъ Ѳедоровичъ.
112. Пфёль, Александръ Карловичъ.
113. Рыжовъ, Алексѣй Сидоровичъ.
114. Салтыковъ, Князь Дмитрій Петровичъ.
115. Селезневъ, Андрей Ивановичъ.
116. Сиверсъ, Графъ Александръ Карловичъ.
118. Сиверсъ, Графъ Эдуардъ Карловичъ.
119. Слингеръ, Василій Матвѣевичъ.
119. Слонецкій, Николай Демьяновичъ.
120. Смирновскій, Платонъ Семеновичъ.
121. Сназинъ, Павелъ Ивановичъ.
122. Соколовъ, Дмитрій Александровичъ.
123. Стадницкій, Графъ Владиславъ Ксаверьевичъ.
124. Степановъ, Степанъ Логиновичъ.
125. Стобеусъ, Александръ Яковлевичъ.
126. Стобеусъ, Николай Яковлевичъ.
127. Столыпинъ, Дмитрій Александровичъ. (*)
128. Струговщиковъ, Александръ Николаевичъ.
129. Сушковъ, Сергѣй Петровичъ.
130. Тимофѣевъ, Николай Ильичъ.
131. Толь, Графъ Константинъ Карловичъ. (*)
132 Тютчевъ, Николай Николаевичъ (*)
133. Ушаковъ, Николай Аполоновичъ.
134. Фейгинъ, Елеазаръ Иссааковичъ.
135. Философовъ, Николай Дмитріевичъ.
136. Фитинговъ, Баронъ Борисъ Павловичъ.
137. Фонъ-Бахъ, Генрихъ Эбергардовичъ.
138. Фонъ-Дервизъ, Григорій Ивановичъ. (*)
139. Фредро, Графъ Максиміліанъ Максиміліановичъ.
140. Фридириксъ, Иванъ Евстафьевичъ.
141. Фридбергъ, Петръ Ивановичъ.
142. Шамардинъ, Платонъ Яковлевичъ.
143. Шахматовъ, Александръ Николаевичъ.
144. Шиловъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
145. Шипиловъ, Иванъ Васильевичъ.
146. Шустовъ, Александръ Смарагдовичъ.
147. Щербининъ, Александръ Григорьевичъ.
148. Щулепниковъ, Михаилъ Павловичъ.
149. Эмичевъ, Алексѣй Ивановичъ.
150. Эмме, Густавъ Карловичъ.
151. Юсуповъ, князь Николай Борисовичъ. (*)
152 Языковъ Михаилъ Александровичъ.
153. Якушкинъ, Вечеславъ Ивановичъ.
154. Ѳедоровъ, Николай Михайловичъ.

VIII. Члены Медики:

1. Бекъ, Александръ Христіановичъ.
2. Блашке, Эдуардъ Леонтьевичъ.
3. Бронштейнъ, Павелъ Яковлевичъ.
4. Ваксманъ, Адольфъ Карловичъ.
5. Вальденбергъ, Максимъ Григорьевичъ.
6. Вальцъ, Карлъ Фридриховичъ.
7. Вейтко, Андрей Валеріановичъ.
8. Возняковскій, Михаилъ Станиславовичъ.
9. Вучаховскій, Германъ Ѳедоровичъ.
10. Гофманъ, Богданъ Ефимовичъ.
11. Грефе, Карлъ Богдановичъ.
12. Гутъ, Яковъ Яковлевичъ.
13. Задлеръ, Карлъ Карловичъ.
14. Залеманъ, Юлій Михайловичъ.
15. Каанъ, Андрей Ѳедоровичъ. (*)
16. Кириловъ, Иванъ Алексѣевичъ.
17. Ковалевскій, Оскаръ Юліановичъ.
18. Козловскій, Юрій Юрьевичъ.
19. Маркусъ, Михаилъ Антоновичъ.
20. Меллеръ, Ѳедоръ Ивановичъ.
21. Миквицъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ.
22. Миллеръ, Эрнестъ Логиновичъ.
23. Вешпоркевичъ, Викентій Валентиновичъ.
24. Окель, Петръ Ѳедоровичъ.
25. Пресонъ, Иванъ Ивановичъ.
26. Прозоровъ, Александръ Михайловичъ.
27. Радзивилловичъ, Игнатій Осиповичъ.
28. Разевигъ, Александръ Ѳедоровичъ.
29. Розенбергеръ, Карлъ Оттовичъ.
30. Третьяковъ, Августинъ Алексѣевичъ.
31. Фонъ-деръ-Флаасъ, Францъ Францовичъ.
32. Шеллеръ, Альбертъ Георгіевичъ.
33. Шейлинъ, Василій Христіановичъ.
34. Шнее, Андрей Андреевичъ.
35. Шнейдеръ, Боголюбъ Христіановичъ.
36. Шольцъ, Василій Богдановичъ.
37. Шторре, Петръ Андреевичъ.
38. Шульцъ, Германъ Ѳедоровичъ. (*)
39. Ярковскій, Александръ Альбертовичъ. (*)

ЗУБНЫЕ ВРАЧИ:

40. Вагенгеймъ, Мартынъ Карловичъ.
41. Вагенгеймъ, Самуилъ Бернардовичъ
42. Вагенгеймъ, Яковъ Григорьевичъ.
43. Соссеротъ, Александръ Карловичъ.

Кромѣ того содѣйствуютъ Обществу консультаціями при лѣчебницѣ и пользованіемъ бѣдныхъ въ заведеніяхъ Общества и на домахъ Г: г: Медики.

1. Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ.
2. Брунъ, Павелъ Константиновичъ.
3. Гартманъ, Карлъ Карловичъ.
4. Гаусманъ, Александръ Семеновичъ
5. Городковъ, Гавріилъ Родіоновичъ.
6. Гугенбергеръ, Карлъ Ивановичъ.
7. Дземышкевичъ, Мартынъ Петровичъ.
8. Добролюбовъ, Сергѣй Матвѣевичъ.
9. Доброхотовъ, Иванъ Сергѣевичъ.
10. Заблоцкій, Павелъ Парфеновичъ.
11. Здекауеръ, Николай Ѳедоровичъ.
12. Кабатъ, Иванъ Ивановичъ.
13. Каменецкій, Валентинъ Іордановичъ.
14. Китеръ, Александръ Александровичъ.
15. Краснопольскій, Александръ Андреевичъ.
16. Кребель, Рудольфъ Христіановичъ.
17. Кулаковскій, Генрихъ Казиміровичъ.
18. Либау, Андрей Андреевичъ.
19. Маляга, Борисъ Ивановичъ.
20. Мессершмидтъ, Александръ Егоровичъ.
21. Мяновскій, Осипъ Игнатьевичъ.
22. Неммертъ, Юлій Петровичъ.
23. Оксль, Ѳедоръ Петровичъ.
24. Отто, Ѳедоръ Ивановичъ.
25. Павловъ, Борисъ Павловичъ.
26. Пеликанъ, Евгеній Венцеславовичъ
27. Пироговъ, Николай Ивановичъ.
28. Садовскій, Антонъ Ивановичъ.
29. Чистовичъ, Яковъ Алексѣевичъ.
30. Шавровъ, Иванъ Владиміровичъ.
31. Шульцъ, Иванъ Егоровичъ.
32. Эйхвальдъ, Карлъ Ивановичъ.
33. Яновскій, Валеріанъ Андреевичъ.
34. Ярошевскій, Платонъ Ивановичъ.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО О ВЗЯТІИ ШАМИЛЯ.

Тифлисъ, 2 Сентября, 1859 г.

Мнѣ страшно и даже совѣстно приниматься за такое безконечное письмо; мы столько объѣхали и столько видѣли интереснаго въ теченіи мѣсяца, увѣнчавшагося самымъ благополучнымъ, счастливымъ и блестящимъ окончаніемъ экспедиціи, что я боюсь оказаться совершенно неспособнымъ передать какъ слѣдуетъ свои впечатлѣнія. Надо приняться за старое и вернуться къ тому періоду экспедиціи, когда еще все оставалось впереди, въ неизвѣстномъ будущемъ, и я прошу не обращать вниманія на формы моего слога, потому что перо мое слишкомъ туго скользитъ по бумагѣ, чтобы поспѣвать за столпившимися въ моей памяти фактами и свѣжими воспоминаніями.

Утромъ 27-го Іюля всѣ собрались на благодарственный молебенъ и поздравленіе у палатки К. Б. (въ лагерѣ на Андійскихъ высотахъ), по случаю извѣстій, повезенныхъ на другой день Ш—вымъ въ Петербургъ. Вечеромъ смотрѣли на огромное количество Андійскихъ, Аварскихъ, Тавлинскихъ и др. переселенцевъ, переѣзжавшихъ, съ своимъ имуществомъ и разноцвѣтными значками, изъ опустошенныхъ ауловъ, на новое мѣсто жительства, черезъ нашъ лагерь. Между ними попадалось много характеристическихъ и немало звѣрскихъ лицъ. 28-го. Обѣдалъ съ Н—нымъ и Ф—номъ, у Ч—ова, который славится своимъ хлѣбосольствомъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ Ш—въ въ дорожномъ костюмѣ, и весь нашъ штабъ съ нимъ; пошла прощальная попойка, проводы, продолжавшіеся до 10 ч. вечера. Въ заключеніе мы всѣ за нимъ поскакали, съ джигитовкою и стрѣльбой.

29-го. С—овъ назначенъ командовать конвоемъ на мѣсто Ш—ва. Весь день переселенцы и семейства Рус-

скихъ плѣнныхъ проходятъ черезъ нашъ лагерь. Мы дѣлаемъ подписку въ пользу послѣднихъ. Вечеромъ узнаемъ, что у кн. М—ва, на Лезгинской линіи, было удачное дѣло и только 7 человѣкъ потери.

30-го. Ужасный вѣтеръ, съ дождемъ и градомъ, на нашей горѣ; нашу и многія другія палатки сноситъ, все мокро, много вещей сломано, вообще пренепріятная погода. Баронъ В—ль, виновникъ геройской и страшной переправы черезъ Андійскій Койсу, при *Сагретло*, пріѣзжаетъ къ намъ въ лагерь, съ своею свитою. За ужиномъ длинный столъ нашъ еще увеличился.

31-го. Всю ночь зябли. Утромъ были съ визитами у Б. В—ля и начальника штаба его, кн. М — аго, съ которымъ очень рады были увидѣться. Къ вечеру опять разыгралась страшная погода, и градъ оглушительно барабанилъ по палаткѣ и даже нерѣдко по кровати.

1-го Августа. Не двигаемся съ мѣста и, признаюсь, эта жизнь начинаетъ намъ надоѣдать. Большой обѣдъ для Кабардинцевъ по случаю ихъ полковаго праздника. Вечеромъ заводимъ игры: барръ, разные tours de force и пр., но дождикъ опять разгоняетъ насъ по палаткамъ.

2-го. Встаемъ въ 5 ч. утра для прогулки и осмотра дорогъ. Объѣзжаемъ вокругъ озера Ретло. Посѣщаемъ укрѣпленія и вагенбургъ и къ 5 ч. возвращаемся обѣдать въ лагерь.

3-го. Въ 6 ч утра отправляемся на рекогносцировку внизъ, къ Андійскойму Койсу, по новой дорогѣ. Посѣщаемъ полураззоренные, но уже обитаемые аулы и съ удовольствіемъ скрываемся отъ знойной жары въ роскошныхъ и тѣнистыхъ садахъ, отъ которыхъ совершенно отвыкли. Ѣдемъ вдоль Койсу, текущаго со страшною быстротою между скалами, по очень трудной дорогѣ, къ аулу *Конхидатль*, гдѣ осматриваемъ Шамилевскій перекидной мостъ. Съ моста возвращаемся въ сады, завтракаемъ и отдыхаемъ, а въ это время жители всѣхъ сосѣднихъ ауловъ *Техпуцала* толпятся около насъ, поютъ, пляшутъ, приносятъ фрукты, а имъ щедро раздаютъ золото и серебро, на которое они бросаются съ жадностью. Шамиль ихъ раззорилъ. Жара ужасная. На одномъ изъ приваловъ К. Б. получаетъ письмо отъ кн. М—ва:—Онъ прошелъ все пространство съ Лезгинской линіи безъ выстрѣла и чрезъ нѣсколько дней долженъ самъ быть къ намъ. Возвращаемся въ лагерь въ 6-мъ ч. вечера. Очень довольны прогулкою, но до нельзя устали.

4-го. Я дежурный съ 5 ч. утра. Снимаемся съ позиціи. Часть багажа отправляемъ съ Сергѣемъ въ Грозную, потому что приказано быть на легкахъ для объѣзда края и преслѣдованія Шамиля, который, говорятъ, хочетъ укрѣпиться въ неприступномъ *Гунибѣ*. Переходимъ къ берегу Койсу, въ тѣ самые сады, гдѣ наканунѣ отдыхали, попадаемъ въ сердитый пчельникъ и едва оттуда ускакиваемъ, съ распухшими ушами и носами и становимся лагеремъ на берегу шумнаго потока.

5-го. Въ 8 ч. утра пріѣзжаетъ кн. Ме—въ, съ драгунами и большою свитою воинственныхъ Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуръ. Проходятъ мимо дяденькиной палатки, съ музыкою и дикими пѣснями.

6-го. Днѣвка. Утромъ — закладка Преображенской крѣпости, съ большою церемоніею, молебномъ, пальбою и смотромъ. Большой обѣдъ, вмѣстѣ

съ К. Б. Вечеромъ ѣзжу верхомъ съ С—нымъ и О—вымъ, въ гости къ Т. командиру драгунъ.

7-го, Пріѣздъ Даніель-Бека—знаменитаго султана Элисуйскаго, бывшаго генераломъ нашей службы, передавшагося Шамилю, выдавшаго свою дочь за сына Шамилева — Кази-Магому и наводящаго страхъ на всю Кахетію своими набѣгами изъ неприступной горной крѣпости *Эриба;* теперь онъ измѣнилъ Шамилю, сдалъ Эрибъ и самъ явился къ намъ въ лагерь. Прекрасная наружность и благородное лицо. Пробуемъ вновь пущенный на Койсу плотъ—надувной, для переправы. Благополучно переправляюсь на тотъ берегъ и назадъ съ Г—нымъ, но чувство непріятное и сильное головокруженіе. Ѣзжу верхомъ съ В—номъ, В—вымъ и О—вымъ въ сосѣдній аулъ. Старухи показываютъ намъ кулакъ, а дѣти бросаютъ каменья, къ счастью небольшіе. Ужинъ у Ф—на. Завтра должны съѣздить въ *Карату̀*—одинъ изъ самыхъ большихъ и замѣчательныхъ ауловъ по своей продолжительной независимости отъ самого Шамиля.

8-го. Выступаемъ въ 6 ч. утра. Должны переправиться на гутта-перчевомъ плоту. Всѣ мы стоимъ на берегу; С—въ, штатскій чиновникъ В—въ и братъ переправляются первые; мы ждемъ своей очереди. Видно веревки на плоту иначе были привязаны наканунѣ. Въ самомъ сильномъ теченіи плотъ вдругъ быстро опрокидывается, и всѣ трое летятъ въ воду, и въ 1 минуту ихъ уноситъ, какъ перья по рѣкѣ. Вы не можете себѣ вообразить, какое ужасное чувство овладѣло мною. Говорятъ, что я былъ блѣденъ, какъ мёртвый. К. Б., не смотря на боль въ ногѣ, выбѣжалъ къ берегу, не менѣе блѣдный. Я уже лѣзъ въ воду, когда увидѣлъ, что С—въ и братъ, которыхъ поставилъ на ноги одинъ молодецъ, Кабардинскій князь Наурузовъ, сами выходятъ на берегъ; но бѣднаго В—ва, который не умѣетъ плавать, вытащили уже далеко безъ чувствъ. Когда онъ опомнился, его хотѣли опять переправить на нашъ берегъ, и вообразите, плотъ опять перевернулся, и В—ва опять, Богъ знаетъ куда, снесло, совершенно уже, какъ трупъ. К. Б. былъ въ отчаяніи, и мы всѣ были увѣрены, что онъ утонулъ, но къ счастью Наурузовъ бросился верхомъ въ воду и опять вытащилъ его. Долго откачивали его, спасли и перенесли въ лагерь, въ обходъ черезъ Конхидатльскій мостъ. Конечно плотъ велѣно уничтожить, и мы всѣ пошли обходною дорогою на мостъ. Слава Богу, что К. Б. не переправился первый; тогда всѣ бросились бы спасать, и навѣрное многіе-бы утонули.

Прогулка очень длинная, но интересная. Проѣзжаемъ по крытымъ улицамъ аула *Конхидатль* и оттуда въ огромный аулъ *Карату̀,* гдѣ Русскіе никогда носа не показывали и гдѣ похороненъ несчастный сынъ Шамиля — Джемаль-Эддинъ. Любопытно видѣть восторженный пріемъ жителей, залпъ изъ ружей, пляски и пѣсни. Все это Шамиль запрещалъ имъ; теперь они его не боятся. Къ 5 ч. мы возвращаемся въ свой лагерь и послѣ обѣда сидимъ и разговариваемъ у К. Б.

9-го. Курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ о пожалованіи С. флигель-адъютантомъ. Ѣзжу верхомъ. Вечеромъ ужинъ у Н.

Завтра ѣдемъ далѣе, но еще болѣе на легкахъ, и потому сдѣлано распоряженіе, чтобы половину адъютантовъ отослать въ Тифлисъ, черезъ Гроз-

ную. Бросаемъ жребій; мы оба едва дышемъ отъ страха. Вѣдь все интересное впереди! Вообразите наше счастіе и всеобщее удивленіе, когда мы оба въ числѣ 4-хъ вынимаемъ хорошіе билеты. Л—въ, С—нъ, В—въ, и Ф—нъ возвращаются. В—нъ получаетъ конвойную команду, на мѣсто С—ва.

10-го. Прощаемся съ своими товарищами и въ 6 ч. снимаемся. Идемъ все вдоль скалистыхъ береговъ Койсу. За Конхидатлемъ солёный грунтъ земли и большія соловарни, потомъ идутъ прекрасные поля и сады. За завтракомъ великолѣпный виноградъ. Маленькій сынъ знаменитаго Хаджи-Мурата очень забавляетъ насъ. Мы вступили въ предѣлы Аваріи и стали лагеремъ на небольшой возвышенной плоскости.

11-го. Я дежурный. Выступаемъ въ 6 ч. Дорога чрезвычайно трудная, все вдоль Койсу. У аула *Егалй* находимъ отрядъ генерала кн. М—скаго. Здѣсь было ужасное пораженіе Граббе въ 1842-мъ г.: теперь мы ѣдемъ съ небольшимъ количествомъ войскъ. Дальше посѣщаемъ *Сагретло*, мѣсто замѣчательной переправы В—ля. Далѣе идемъ, все вдоль Койсу, то скалами, то зеленымъ паркомъ садовъ. На привалѣ за закускою опять обиліе винограда.

Влѣво оставляемъ аулъ *Чиркаты* и оттуда взбираемся по ужасно крутому и скалистому подъему къ скалѣ, съ которой видимъ знаменитыя и страшныя скалы *Ахульго* и *Сурхаевой башни*, гдѣ мюриды такъ храбро защищали Шамиля, который на веревкѣ спустился въ Койсу и такимъ образомъ скрылся. Прошедъ черезъ аулъ *Ашильта*, гдѣ Апшеронскій полкъ потерпѣлъ сильное пораженіе въ 1839-мъ году, мы остановились ночевать на горѣ, потому что уже стемнѣло и всѣ такъ устали, что не было возможности идти далѣе. Ѣсть было рѣшительно нечего, кромѣ скуднаго завтрака, взятаго съ собою. Вьюки не поспѣли за нами, и ихъ захватила ночь гдѣ нибудь въ горахъ. Для К. Б. дѣлаютъ шалашъ, а мы ночуемъ на буркахъ подъ открытымъ небомъ.

12-го. Просыпаемся мокрые отъ сырости. Вьюки по немногу приходятъ къ 10 ч. утра, нѣкоторые попадали съ кручи въ воду. Для отдыха назначена дневка. Она была необходима.

13-го. Выступаемъ въ 5 ч. утра, по узкой и крутой тропинкѣ. Несчастный драгунъ въ моихъ глазахъ сорвался съ крутой скалы и въ двухъ шагахъ отъ меня ударился вмѣстѣ съ лошадью объ камни и въ тотъ-же день, говорятъ, умеръ.

Вьюки наши подымаются прямо на *Бетлинскія* высоты, а мы, по красивой горной дорогѣ, вдаемся въ сердце Аваріи. На лѣво возвышается великолѣпный *Каранай*, за нимъ вдали видна плоскость линіи и дальняя полоса Каспійскаго моря. Спускаемся въ большой аулъ *Умцукуль*—столицу *Койсубу*, гдѣ жители принимаютъ насъ съ восторгомъ; потомъ спускаемся далѣе въ равнину *Аварскаго Койсу* и продолжаемъ идти вдоль береговъ бушующей рѣки, по узкому и опасному карнизу, между отвѣсными скалами, грозно свисшимися надъ нашими головами, сажень на 200 вверхъ. Черезъ висячій мостъ переправляемся въ знаменитыя *Гимры* — мѣсто рожденія Шамиля и геройской смерти Кази-Муллы, его предшественника. Прекрасный аулъ, у подножія Караная, окруженъ богатыми садами. Жители принимаютъ насъ съ хлѣбомъ и солью и подчу-

ютъ бараниною, сыромъ и отличными фруктами. Тяжело подыматься назадъ, въ гору; жара нестерпимая; наконецъ приходимъ въ свой лагерь, на высотахъ, около ауловъ *Бетли* и *Ахкентъ*. Плохая позиція: — дурная вода и большой недостатокъ въ подножномъ кормѣ.

14-го. Скучный переходъ, ни одного аула и ночлегъ въ горахъ.

15-го. Въ день Успенія выступаемъ въ 5 ч., проходимъ черезъ большой аулъ *Танусъ*, гдѣ насъ встрѣчаютъ съ пушечною пальбою, въ *Гунзахъ* — столицу Аварскаго ханства. Осматриваемъ мѣсто бывшей здѣсь Русской крѣпости, нами-же разрушенной и тутъ-же становимся лагеремъ, около чистаго ручья.

Раздача подарковъ главнымъ жителямъ и старухѣ-матери Хаджи-Мурата. Ночью страшная гроза.

16-го. Выступаемъ въ 6 ч. и приходимъ къ полдню—отдыху и закускѣ—въ богатый аулъ *Голотль*, на Аварскомъ Койсу. Кибитъ-Магома, могущественный наибъ *Тилитлинскій*, является къ главнокомандующему и провожаетъ насъ до своей резиденціи *Тилитли*, гдѣ даетъ намъ большой и жирный обѣдъ на коврахъ въ своемъ домѣ. Въ 3-хъ верстахъ отъ аула, на возвышенности становимся лагеремъ. Завтра послѣдній переходъ нашъ въ *Гунибъ*, или скорѣе, подъ Гунибъ, гдѣ Шамиль съ 500 мюридовъ укрѣпился, какъ въ послѣднемъ и неприступномъ убѣжищѣ. Онъ можетъ держаться тамъ долго; скалы кругомъ отвѣсныя, а на вершинѣ находятся аулы, поля, лѣса и обильные источники.

17-го. Выступаемъ въ 6 ч. и подымаемся на скалу, откуда видимъ всю равнину *Куяды*, усѣянную аулами; усѣченный конусъ Гуниба съ выдающимися со всѣхъ сторонъ скалами и бѣлѣющіяся у его подножія палатки разсыпанныхъ вокругъ лагерей В—левскаго отряда, блокирующаго Шамиля. Спускаемся внизъ, огибаемъ Гунибъ и къ вечеру становимся лагеремъ около отряда кн. Т—ва. На вершинѣ горы едва видны люди, отдѣлившіеся вѣроятно отъ пикета, чтобы наблюдать за нашими движеніями. Батальоны принимаютъ насъ залпами. Вечеромъ слышна дальняя перестрѣлка за Гунибомъ, вѣроятно съ нашими аванпостами. Маленькое приключеніе смѣшитъ все общество: — молодой бѣшеный быкъ, приведенный въ подарокъ жителями, вырывается на волю, кой кого опрокидываетъ, заставляетъ насъ всѣхъ со стыдомъ разбѣжаться; кончается тѣмъ, что его тутъ-же убиваютъ.

18-го. Должны присоединиться къ В—вскому отряду; выступаемъ въ 6 ч., еще огибаемъ Гунибъ, направляясь къ *Чоху*. Три пушечныхъ удара отъ непріятеля привѣтствуютъ насъ, но ядра перелетаютъ черезъ хвостъ нашей колонны, надъ головами драгунъ и вьюковъ. Въ то-же время изъ крѣпости *Чоха*, недавно нами занятаго, салютуетъ намъ нашъ гарнизонъ. Жители аула принимаютъ насъ съ жертвоприношеніями и въ глазахъ нашихъ перерѣзываютъ горло нѣсколькимъ быкамъ. Чай пьемъ у баталіоннаго командира, въ крѣпости. Удивляемся отличнымъ работамъ укрѣпленія, которое, при хорошей защитѣ, можетъ быть совершенно недоступнымъ. Около 2-хъ часовъ приходимъ на гору, къ отряду В—ля. Никогда не видалъ я еще такой торжественной и воинственной встрѣчи. —12 орудій, съ высотъ привѣтствуютъ насъ 101 пуш. ударомъ. 16.000 войска кричитъ «ура»; по обѣимъ

сторонамъ дороги, во всѣхъ полкахъ, играетъ музыка. К. Б. благодаритъ войска отъ имени Государя, потомъ пропускаетъ ихъ мимо себя. За обѣдомъ у В—ля провозглашаются тосты, и солдаты приходятъ поздравлять К. Б. и съ криками «ура» окружаютъ палатку. Съ Шамилемъ войдутъ въ переговоры; но, говорятъ, что онъ едва-ли сдастся и, что вѣроятно будетъ штурмъ.

19-го. Переговоры съ Шамилемъ начались, посредствомъ Даніель-Султана и полковника Л—ва. Въ нашемъ лагерѣ идутъ большіе толки и пари: сдастся ли Шамиль, или будетъ штурмъ.

20-го. Ничего еще неизвѣстно. К. Б. отправляется послѣ обѣда осмотрѣть сосѣдній аулъ *Турчидагъ*. Вечеромъ пріѣзжаетъ кн. Л. М—въ, съ Лезгинской линіи, съ своими Тушинами и Хевсурами. Нѣсколько позже пріѣзжаютъ Даніель-Султанъ и Лазаревъ, съ переговоровъ, но намъ смертнымъ ничего неизвѣстно; кажется, еще ничего не рѣшено.

21-го. Весь день мы въ ожиданіи, что Шамиль, или его сыновья явятся въ лагерь. Шамилю предлагаютъ пенсію и идти въ Мекку, но онъ упрямится. Вечеромъ К. Б. посылаетъ за нами, и мы у него сидимъ часа два. Изъ лагеря очень хорошо видна гора, которая плоскостью нѣсколько поката къ намъ; единственный почти подступъ перерѣзанъ бѣлѣющимися завалами; среди зелени садовъ видна бѣлая точка, а въ трубу очень ясно видна палатка Шамиля. Аулъ *Гунибъ* находится въ углубленіи, въ самой серединѣ плоскости.

22-го. Въ 9 ч. утра пріѣзжаетъ курьеръ Ф. изъ Петербурга, съ Монаршими милостями: К. Б.—Георгія 2-й степени, Е—ву и М—ну генералъ-адъютанта, В—лю Георгія 3-й степени. К. Б. чрезвычайно доволенъ и посылаетъ меня съ поздравленіемъ къ Ми—ну, въ аулъ у подошвы Гуниба, гдѣ идутъ окончательные переговоры. Скверный спускъ къ лагерю конныхъ мусульманъ; укрѣпленія Гуниба отлично видны. Застаю Ми—на и поздравляю его, потомъ обѣдаю съ нимъ и Даніель-Султаномъ и возвращаюсь съ письмомъ къ К. Б. Вскорѣ пріѣзжаетъ и самъ М—нъ. Переговоры прерваны. Шамиль ни на что не соглашается. Быть штурму, или осадѣ; во второмъ случаѣ простоимъ еще долго и увидимъ горную зиму, грязь и снѣгъ.

23-го. Большое передвиженіе войскъ. Перемиріе прекращено, и войска стягиваются подъ Гунибъ, для работъ, закладки баттарей и пр. Я дежурный. Непріятель открываетъ пальбу съ разныхъ точекъ горы по нашимъ войскамъ; намъ почти невозможно еще отвѣчать, но ихъ огонь безвреденъ, и ядра Богъ знаетъ куда ложатся. Общее поздравленіе К. Б., въ парадной формѣ. Пальба изрѣдка продолжается въ теченіи цѣлаго дня. Мы ожидаемъ на дняхъ штурма; въ войскахъ проявляется большое нетерпѣніе. Осадный отрядъ порученъ инженерному генералу К. Отъѣздъ въ Тифлисъ къ 30-му, на который К. Б. такъ разсчитывалъ, отложенъ.

Настала тихая лунная ночь. Вдали идетъ перестрѣлка. На темныхъ покатостяхъ Гуниба мелькаютъ огоньки, и вслѣдъ за ними раздаются выстрѣлы, иногда залпами, иногда дробью. Мы стоимъ у дверей своихъ палатокъ и болѣе слушаемъ, чѣмъ смотримъ въ темную даль. Иногда раздаются 3 отдѣльные сухіе залпы;—это значитъ похороны—и на сердцѣ какъ-то становится тяжело.

24-го. Пушечные выстрѣлы продолжаются до обѣда. Дымъ обрисовывается на разныхъ пунктахъ горы. Вчера вечеромъ, говорятъ, нѣсколько человѣкъ ранено каменьями въ Ширванскомъ полку и 1 совершенно раздавленъ. Говорятъ, что въ Шуру послано за припасами на 2 мѣсяца, такъ что придется стоять долго. Вечеромъ идутъ толки, что на скатѣ горы хотятъ занять позицію, для дальнѣйшихъ работъ.

25-го. Ночью слышна перестрѣлка, и къ утру глухіе раскаты, въ родѣ грома. Въ 8 ч. утра прискакиваетъ Граббе, который ночевалъ у брата, съ извѣстіемъ, что *Гунибъ взятъ штурмомъ на разсвѣтѣ!* . . . .

Кн. Тархановъ, этотъ храбрый изъ храбрыхъ, съ своею колонною, обманулъ непріятеля: велѣлъ забить въ барабаны и кричать «ура» съ правой стороны; въ тоже мгновеніе съ горы посыпались груды скалъ и каменьевъ, а черезъ 1 ч. или $1\frac{1}{2}$ онъ потихоньку взобрался по неимовѣрно труднымъ скаламъ, посредствомъ веревокъ, лѣстницъ и крючковъ, на гору; солдатъ уже нельзя было остановить. К—ръ услышалъ, какъ за непріятелемъ въ тылу грянуло «ура» и тотчасъ сталъ подыматься прямо на завалы. Здѣсь дѣло было самое жаркое. Въ тоже время 3-я колонна карабкалась съ лѣвой стороны. Шамиль самъ, въ глазахъ кн. Тарханова, бросилъ свою палатку и бѣжалъ въ аулъ, гдѣ и заперся съ остатками мюридовъ, семействомъ и имуществомъ.

К. Б. тотчасъ садится верхомъ, и мы всѣ за нимъ ѣдемъ на Гунибъ. Чтобы Шамиль какъ нибудь не убѣжалъ, или не былъ убитъ, К. Б. обѣщаетъ 10.000 р. с. тому, кто приведетъ его живаго. Переѣзжаемъ черезъ Кара́-Койсу, текущій у подошвы Гуниба; на горѣ продолжается перестрѣлка въ лѣсистыхъ покатостяхъ, холмахъ, около аула, въ пещерахъ и оврагахъ. Нѣкоторые мюриды скрылись въ скалахъ, и ихъ всюду ищутъ. Подымаемся въ гору. Тамъ и сямъ лежатъ обезображенные трупы мюридовъ; здѣсь въ одиночку, тамъ по два и по три; у нѣкоторыхъ снесено полъ-черепа, и весь мозгъ лежитъ возлѣ; этотъ перерубленъ пополамъ, у того нѣтъ ни головы, ни рукъ, ни ногъ; у другаго половина тѣла сгорѣла, третій соскользнулъ со скалы и стоитъ почти на ногахъ, вперивши глаза прямо въ насъ и уже весь облѣпленный мухами. Тутъ лежитъ несчастный, умершій въ страшныхъ конвульсіяхъ, или другой совершенно раздавленный каменьями. У ручья перевязываютъ нашего тяжело раненнаго: у него перерубленъ черепъ, все лицо и спина. Весь источникъ въ крови. У перваго завала намъ объявляютъ, что Шамиль окруженъ въ аулѣ. Тутъ-же лежатъ въ рядъ подобранные наши убитые. У стѣнки перевязываютъ нашихъ раненныхъ. Всѣ большею частью отъ шашечныхъ ударовъ и кинжаловъ. Стоны раздирающіе! Одинъ несчастный, съ подвязанною головою, лицемъ, руками и ногами, какъ сумасшедшій качаетъ головою и ни слова не можетъ выговорить. Раненнымъ даютъ по 10 р. с. Одинъ изъ нихъ не протянулъ даже руки, покачалъ головою, показалъ на глубокую рану въ груди, со вздохомъ простоналъ:—больно! и тутъ-же умеръ. Первое впечатлѣніе ужасно! Раненный офицеръ стоялъ во фрунтѣ, съ повязанною головою. Тутъ-же раздавались кресты и поздравляли юнкеровъ и офицеровъ съ повышеніями въ слѣдующіе чины.

Подъѣзжаемъ наконецъ къ аулу, отъ котораго отдѣлены глубокимъ оврагомъ. *Шамиль тамъ!* Останавливаемся на лѣсистомъ холмѣ. Въ аулъ брошено нѣсколько бомбъ, и кругомъ стоитъ на всѣхъ холмахъ, во всѣхъ оврагахъ 8.000 войска. За нами въ лѣсу стоитъ цѣпь, потому что мюриды еще рыскаютъ и прячутся по пещерамъ.

Шамиль присылаетъ своего приближеннаго Януса, чтобы удостовѣриться, здѣсь-ли самъ главно-командующій и вступить въ переговоры. Ему велѣно передать, чтобы онъ тотчасъ самъ явился, что его жизнь, семейство и имущество обезпечены и что другихъ условій нѣтъ. Шамиль говоритъ, что его убьютъ, если не удалятъ войска. Ему говорятъ, что этого быть не можетъ. Проходитъ 1 ч.—Шамиль не выходитъ. Генералы просятъ штурмовать аулъ; но К. Б. говоритъ, что хоть-бы до завтраго надо дождаться. Вдругъ по всей горѣ грянуло восторженное, дикое «*ура*»—Шамиль выходитъ изъ аула, а за нимъ человѣкъ 60 вооруженныхъ мюридовъ. На половинѣ дороги мюридовъ останавливаютъ и Шамиля ведутъ однаго, однако при оружіи. К. Б. жалѣлъ старика, крестился и благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Онъ сидѣлъ на скалѣ, съ протянутою на стулѣ ногою; мы всѣ стояли возлѣ, и кругомъ цѣпь драгунъ.

Шагахъ въ 6 остановили Шамиля. Лицо у него прекрасное. Ростъ мужественный, большая борода; онъ былъ въ зелёномъ, и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ. Лицо было очень блѣдно, и губы его дрожали, но голосъ былъ твердъ. Онъ сталъ припоминать старое, объ томъ, что Русскіе его обманывали и что вѣроятно и теперь убьютъ. Его успокоивали и говорили, что неприлично и неосновательно такъ о Русскихъ отзываться. Торжественно и странно было слышать этотъ разговоръ, иногда дерзкій со стороны Шамиля. Имамъ въ нашихъ рукахъ: не сонъ-ли это?! Онъ заговорилъ о Турціи и объ обѣщаніи его туда отпустить.—„*Я тебя звалъ къ себѣ*"—сказалъ ему К. Б. — „*и предлагалъ „тебѣ условія. Ты не повѣрилъ, те„перь я пришелъ къ тебѣ, и условій „быть не можетъ, а ты можешь „только надѣяться на милость тво„его Государя.*" Потомъ опять увѣрилъ его, что его жизнь и семейство въ безопасности.

К. Б. представилъ ему Тр — каго какъ своего друга, которому онъ его поручаетъ и приказалъ ему ѣхать вслѣдъ за нимъ въ нашъ лагерь. Тутъ К. Б. сѣлъ верхомъ и поѣхалъ. Шамиль все еще не довѣрялъ и присѣлъ въ ожиданіи лошади. При немъ остались Ев—въ, Тр—кій, Н—нъ и я, который хотѣлъ видѣть до конца, какъ онъ доѣдетъ до лагеря. Мы тронулись; кругомъ, впереди и сзади шли драгуны и казаки съ вынутыми изъ чехловъ ружьями. Тутъ же Шамиль сдѣлалъ намазъ (молитву), прощаясь вѣроятно съ своею горою. Его окружала въ это время цѣпь. Солнце закатывалось за горою, и картина была хороша. Мы продолжали ѣхать за Шамилемъ; у ручья онъ опять остановился и, подымаясь на нашу гору, снова остановился молиться на цѣлый часъ.

Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло, и къ 9 ч. мы въѣхали въ лагерь. Шамиля помѣстили въ палаткѣ, окруженной густою цѣпью стрѣлковъ. Надо было видѣть радость, написанную на лицахъ солдатъ. *Шамиль въ клѣткѣ! Великій день!!!* Весь восточный Кавказъ усмиренъ, до

Военно-Грузинской дороги; Грузія — въ безопасности. Шамиль проситъ плава, чаю и пишетъ письмо, чтобы успокоить семейство, которое завтра будетъ въ нашъ лагерь. Послѣ завтра 27-го, Тр—кій везетъ Шамиля и Кази-Магому въ Петербургъ. Семейство и имущество останутся въ Шурѣ, впредь до приказанія отъ Государя. К. Б. призываетъ насъ и посылаетъ въ Тифлисъ, чтобы объявить городу великую вѣсть къ 30-му.

Маршрутъ нашъ пролегаетъ черезъ Южный Дагестанъ, Кази-Кумухское ханство, Самурскую область и часть Кахетіи, на Царскіе - Колодцы, въ Тифлисъ. Путь интересный, но утомительный, потому что весь верхомъ, на перемѣнныхъ Татарскихъ клячахъ, до самой Кахетіи.

26-го. Отсылаемъ Ефима въ Грозную, а сами ѣдемъ совершенно одни, съ новымъ адъютантомъ А—вымъ, 3-мя проводниками Татарами и маленькимъ вьюкомъ на 3-хъ.

Проѣзжаемъ большой аулъ и крѣпость *Кумухъ*—столицу ханства; закусываемъ безъ церемоніи у незнакомой, гостепріимной маіорши; оттуда въ *Хозрехъ* и въ *Чирахъ*, поздно ночью. Дождливый день и утомительная дорога по зеленымъ горамъ. Чай пьемъ въ крѣпости; проѣхали 80 верстъ и продолжаемъ..

Къ утру 27-го проѣхали черезъ *Рича* въ *Усу*; очень изнурены и съ большимъ трудомъ боролись противъ сна.

Проводникъ нашъ не говоритъ по Русски и почти ничего не понимаетъ. Край живописный и вездѣ отличная вода. Проѣзжаемъ *Курахъ*, закусываемъ у маіора и по безконечному подъему и спуску приходимъ въ *Ахты*.

Аулъ утопаетъ въ садахъ чудной долины *Самура*, пробивающагося свѣтлою и шумною струею между 2-мя стѣнами черныхъ скалъ. Роскошная равнина окружена дикими и разнообразными скалами. Знаменитая крѣпость, выдержавшая блокаду въ 1848 году, стоитъ верстахъ въ 2-хъ отъ аула. Мы совершенно поражены величиною и красотою аула, напоминавшаго намъ, своими зелеными улицами и изобиліемъ ручьевъ, предмѣстія Дамаска.

Обѣдаемъ у жены воинскаго начальника Б—ва и продолжаемъ путь по высокимъ скаламъ, залитымъ серебряннымъ свѣтомъ луны, вдоль Самура. Пріѣзжаемъ въ *Сумугулъ*, около 12 ч. ночи, насилу пробравшись по самымъ опаснымъ тропинкамъ. Отдыхаемъ до разсвѣта па гумнѣ.

28-го. Проѣхали еще 80 верстъ. Проѣзжаемъ *Хновъ*, *Борчь*, по крутѣйшимъ чернымъ скаламъ, вдоль шумныхъ потоковъ, питаемся кой-чѣмъ у Татаръ и спускаемся съ громадной горы *Салаватъ* въ прелестный аулъ *Гейнюкъ*, весь разсыпанный въ густыхъ садахъ, уже въ богатой и зеленой равнинѣ Кахетіи. Продолжаемъ ѣхать всю ночь, черезъ *Новый Гейнюкъ* и къ разсвѣту пріѣзжаемъ на Дербентскую почтовую дорогу, къ *Аккобургской* станціи. Разбиты и изнурены до нельзя.

Проѣхали отъ Ахтовъ 120 вер.; неизбѣжный споръ съ грубымъ старостою. Принуждены сѣсть въ одну перекладную втроемъ и летимъ въ Тифлисъ. Вездѣ объявляемъ о взятіи Шамиля. Въ Кахетіи радость неописанная. Въ 12 ч. пріѣзжаемъ въ Царскіе Колодцы, прямо къ кн. М—ву и обѣдаемъ у него. Настоящій праздникъ радости и веселья; тотчасъ 101 пушечн. ударъ и шампанское. Спѣшимъ далѣе и пріѣзжаемъ въ Тифлисъ къ разсвѣту 30-го числа Будимъ коменданта, который тотчасъ приказываетъ раз-

будить городъ 101-мъ пуш. ударомъ, потомъ будимъ разныхъ другихъ генераловъ и начальниковъ, къ которымъ имѣли бумаги. Радость и всеобщій восторгъ. Отдыхаемъ какихъ нибудь 3 часа. Въ 2 ч. обѣдаемъ у Д—выхъ и вечеромъ заѣзжаемъ къ Экзарху и др. лицамъ. 31-го завтракаемъ и обѣдаемъ у Guillaume. Вотъ вамъ и пошла старая проза. Вечеръ проводимъ у коменданта.

1-го Сентября. Обѣдаемъ у Ш—каго и весь день разсказываемъ всѣмъ знакомымъ то, что̀ я теперь только что намаралъ на этихъ 10 листахъ и, къ счастью для моей головы и пальцевъ, подвожу къ концу. Вечеромъ слушаемъ оперу «Lombardi».

Завтра утр. торжественный въѣздъ К. Б. въ Тифлисъ. Большія приготовленія: тріумфальные ворота, адресы отъ имени города и дворянства, приготовленія въ саду для пышнаго праздника, иллюминація, вензеля, вѣроятно зурна, амкары и пр. и пр. все это можно предвидѣть. День будетъ не хуже Наполеонова въѣзда въ Парижъ. *Гр. А. О.-Д.*

ДВА АВТОГРАФА ПУШКИНА.

Болховской помѣщикъ Николай Петровичъ Барышниковъ, бывши недавно въ Калугѣ, зашелъ тамъ въ лавочку мѣщанина Ивана Ѳомина Антипина, издавна торгующаго старыми книгами, и пріобрѣлъ у него два автографа Пушкина, которые обязательно передалъ мнѣ. Сообщаю текстъ этихъ автографовъ съ необходимыми объясненіями.

I.

Пушкинъ, живя въ Москвѣ, сдѣлалъ 21 Апрѣля 1830 года предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой и получилъ отъ ея семейства согласіе на бракъ съ нею. (Соч. Пушк. Изд. Анненк. Т. I, стр. 278.)

Въ исходѣ лѣта того же года Пушкинъ отправился въ Петербургъ, гдѣ жило его семейство, для устройства своихъ дѣлъ (Ibid. стр. 279) передъ свадьбой, которая была сыграна гораздо позже, именно 18 Февраля 1831 (Ibid. стр. 315.)

Весною и въ началѣ лѣта 1830 года, Пушкинъ гостилъ въ семействѣ своей невѣсты, которое проводило эту пору года въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, въ извѣстномъ имѣніи Гончаровыхъ „Полотняный Заводъ", лежащемъ въ 18 верстахъ отъ Калуги близъ Медынской дороги.

Извѣстно, что это была эпоха наибольшей популярности и славы Пушкина. Многіе мѣстные жители желали узнать лично знаменитаго поэта. Въ томъ числѣ были упомянутый выше Иванъ Ѳомичъ Антипинъ и пріятель его Ѳаддей Ивановичъ Абакумовъ, жившіе въ Калугѣ. Они сговорились посѣтить Пушкина и выразить ему свое уваженіе къ его генію. Въ одинъ весенній день они отправились пѣшкомъ на Полотняный Заводъ. Пушкинъ, разумѣется, принялъ ихъ очень любезно, угощалъ и пр. а на прощанье написалъ имъ на четвертушкѣ бумаги на память слѣдующія строки:

«Александръ Пушкинъ съ чув-
«ствомъ живѣйшей благодарности при-
«нимаетъ знакъ лестнаго вниманія
«почтенныхъ своихъ соотечественни-
«ковъ Ивана Ѳомича Антипина и
«Ѳаддея Ивановича Абакумова. 27
«Мая 1830. П. Заводъ».

Записка эта написана на прощанье, которое вѣроятно происходило на другой день прибытія изъ Калуги гостей, сломавшихъ походъ свой пѣшкомъ, а потому конечно и ночевавшихъ на Полотняномъ Заводѣ. Изъ этого можно заключить, что посѣтители явились къ Пушкину 26 Мая, которое было днемъ его рожденія, о чемъ могли они провѣдать, и отправились познакомиться и въ то же время поздравить его.

II.

Глубокую осень 1833 года Пушкинъ провелъ въ Нижегородскомъ имѣніи своемъ, Болдинѣ, гдѣ пробылъ съ 2 Октября до второй половины Ноября (Ibid. стр. 373.) Тамъ между прочимъ кончилъ онъ „Мѣднаго Всадника“, 31 Октября (Ibid.) и „Исторію Пугачевскаго бунта“ 2 Ноября (Ibid.) Въ Петербургъ пріѣхалъ онъ 28 Ноября (Ibid.) Въ началѣ Декабря онъ представилъ на разсмотрѣніе начальства „Исторію Пугачевскаго бунта“ (Ibid. стр. 389), которая разрѣшена была къ печатанію 31 Декабря (Ibid.), причемъ ему были пожалованы: званіе Камеръ-Юнкера и 20.000 рублей ассигнаціями заимообразно на изданіе книги, съ правомъ печатать ее въ одной изъ казенныхъ типографій, по его выбору. Что касается до „Мѣднаго Всадника“, то извѣстно, что первый отрывокъ изъ него, „Родословная моего героя“, напечатанъ Пушкинымъ лишь въ 1836 году (Соврем., Т. III, стр. 152), а самая поэма, съ большими пропусками, явилась въ свѣтъ уже послѣ смерти поэта, въ 1837 году (Соврем., Т. V, стр. 1.) Сопоставленіемъ всѣхъ этихъ данныхъ съ обстоятельствами, изложенными въ нижеслѣдующемъ письмѣ, не имѣющемъ никакой помѣты, можно съ точностію опредѣлить, что оно писано Пушкинымъ около половины Декабря 1833 года, изъ Петербурга. Упоминаемый выше Иванъ Ѳомичъ Антипинъ былъ въ это время въ Петербургѣ и посѣтилъ Пушкина, поручившаго ему на обратномъ пути въ Калугу завести это письмо въ Москвѣ къ другу поэта, извѣстному Павлу Воиновичу Нащокину (умершему въ 1854 году), котораго Пушкинъ повидимому не засталъ въ Москвѣ, когда проѣзжалъ въ Ноябрѣ изъ Болдина въ Петербургъ. Иванъ Ѳомичъ также не засталъ Нащокина въ Москвѣ; ожидать его онъ не имѣлъ времени, а оставить въ Москвѣ или пересылать потомъ по почтѣ письмо, отданное для личнаго врученія, онъ не счелъ возможнымъ. Онъ увезъ письмо въ Калугу и такъ какъ потомъ уже не имѣлъ случая встрѣтиться съ Нащокинымъ, то и оставилъ его у себя. Такимъ образомъ хранилось оно у него слишкомъ тридцать пять лѣтъ — Должно сказать, что Кн. Дмитрій Ивановичъ Эристовъ былъ лицейскій товарищъ и большой пріятель Пушкина и Нащокина. Крестникъ Нащокина—старшій сынъ поэта Александръ Александровичъ Пушкинъ (род. 1833), бывшій въ послѣдствіи Конногвардейскимъ офицеромъ. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (род. 1786, ум. 6 Сентября 1863), отставной генералъ-маіоръ, извѣстный въ свое время храбрый кавалеристъ и дуэлистъ Не знаю, кто упоминаемые въ письмѣ: Григорій Ѳедоровичъ, мальчикъ, старикъ отецъ его и Павелъ (*). Что касается до наслѣдства дяди, то вѣроятно рѣчь идетъ о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ извѣстнаго стихотворца Василія Львовича Пушкина (1770—1830), возбуждавшемъ, какъ видно, какія-то недоразумѣнія даже три года послѣ его кончины. Вотъ что писалъ Пушкинъ Нащокину:

«Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ «Воиновичь, и ждалъ третьяго, съ «нетерпѣніемъ желая знать что дѣ«лается съ тобою, и какое направле«ніе принимаютъ дѣла твои домаш«нія и сердечныя. Но ты вѣроятно «слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, «чего надѣяться: перемѣнилась ли, «успокоилась ли судьба твоя? Напи«ши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе».

«Въ твои именины семья моя (въ «томъ числѣ Григорій Ѳедоровичь) «пила твое здоровье и желала тебѣ «всякаго благополучія. Объ (NB тутъ вычеркнуто имя: *Алеша* и сверху написано слово, которое невозможно разобрать) «не имѣю извѣстія; онъ жи«ветъ у Эристова, а я на его имя «получаю изъ Москвы письма. Су-

(*) Павелъ—сынъ Нащокина. *П. Б.*

«масшедшій отецъ его написалъ мнѣ «сумасшедшее письмо, на которое ужъ «мнѣ поздно отвѣчать; онъ безпокоит«ся о калиграфическихъ трудахъ сво«его сына, и о томъ, не плачетъ-ли «мальчикъ и не тоскуетъ ли о своихъ «родныхъ? Успокой старика какъ «умѣешь».

«Не знаю, буду-ли я у васъ въ «Январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ «мнѣ дурацкія предложенія—я отка«зался отъ наслѣдства.—Не знаю, вой«дутъ ли они въ новыя (sic) пе«реговоры. Здѣсь имѣлъ я неприятно«сти (sic) денежныя: я сговорился бы«ло со Смирдинымъ и принужденъ «былъ уничтожить договоръ, потому «что Мѣднаго Всадника цензура не «пропустила—это мнѣ убытокъ. Если «не пропустятъ Исторію Пуг. (NB Пу«гачевскаго бунта), то мнѣ придется «ѣхать въ деревню. Все это очень «неприятно (sic). На деньги твои од«нако я надѣюсь; думаю весною при«ступить къ полному собранію моихъ «сочиненій».

«Всѣ мои здоровы—крестникъ твой «тебя цалуетъ; мальчикъ славный. Съ «Плетневымъ о Павлѣ еще не гово«рилъ, потому что дѣло не къ спѣху. «Прощай—кланяюсь князю Гагарину «и желаю вамъ обоимъ щастія (sic). «А. П.»

Почтовый листъ въ четвертку, на трехъ страницахъ котораго написано это письмо, сложенъ былъ такъ, что вскрыть его нельзя, и запечатанъ бѣлою облаткой, а на обратной части четвертой бѣлой страницы надписанъ адресъ: „Его Высокоблагородію М. Г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, на Остоженкѣ въ приходѣ Вознесенія, у священника въ домѣ“.

Въ просвѣтѣ этого почтоваго листа видна надпись: „Гончаровъ, 1830“, окруженная бордюромъ. Часть такого же точно бордюра есть также въ просвѣтѣ четвертушки, на которой написана въ 1830 году вышеприведенная благодарность г. г. Антипину и Абакумову. Изъ этого видно, что Пушкинъ постоянно употреблялъ бумагу, приготовленную на писчебумажной фабрикѣ его тестя, на Полотняномъ Заводѣ, существующей до нынѣ и производство которой въ 1863 году простиралось до 61.552 р. сер. (Статист. Временникъ Россійск. Имп. 1866, Отдѣлъ II, стр. 71.)

М. Лонгиновъ.

Орелъ. 25 марта 1869.

КНЯЗЬ А. С. МЕНЬШИКОВЪ [1].

Въ ночь съ 18-го на 19-е апрѣля скончался одинъ изъ послѣднихъ сподвижниковъ императора Александра I, адмиралъ, генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, родившійся 15-го августа 1787 г. [2]).

Князь Александръ Сергѣевичъ опредѣленъ въ 1805 году въ службу по дипломатической части, съ званіемъ камеръ-юнкера V-го класса. Однако это званіе не удовлетворило желаній 17-лѣтняго юноши,—онъ непремѣнно хотѣлъ быть военнымъ. Отецъ его и покровители, уступивъ его настойчивости, перевели его въ армейскую артиллерію подпоручикомъ и отправили въ молдавскую армію, разсчитывая вѣроятно на то, что молодой человѣкъ скоро разочаруется и будетъ самъ проситься въ дипломоты: но кн. Меншиковъ понравился генералу

[1]) Князь А. С. Меньшиковъ былъ правнукъ знаменитаго Александра Даниловича (1673—1729), сынъ котораго кн. Александръ Александровичъ (1714—1764) имѣлъ сына кн. Сергѣя Александровича (1746—1815), и у него отъ брака съ княжной Екатериною Николаевною Голицыной (1764—1832), внукѣ фельдмаршала кн. Мих. Мих. Голицына-старшаго, князь Александръ Сергѣевичъ. *П. Б.*

[2]) Въ Родословной книгѣ кн. Долгорукаго II, 47, показано днемъ рожденія 11 Сентября. *П. Б.*

графу Каменскому, который взялъ его къ себѣ въ адъютанты, и князь полюбилъ своего генерала всѣмъ сердцемъ. Дальнѣйшее прохожденіе князя въ чинахъ не имѣетъ существеннаго значенія въ исторіи жизни его; съ самаго начала и до конца службы личность князя стояла выше его чина. Въ первый разъ является онъ замѣтнымъ дѣятелемъ въ 1812 году. 25 лѣтъ отъ роду, во время бородинскаго дѣла, былъ онъ квартирмейстеромъ, а въ слѣдующемъ году, когда Наполеонъ I занималъ Дрезденъ, кн. Меншиковъ былъ однимъ изъ тѣхъ военныхъ курьеровъ, которымъ поручено было пробраться чрезъ непріятельскую армію, къ Бернадотту, съ извѣстіемъ, что наши союзныя войска соединились и что государь начинаетъ дѣйствія наступательныя. Изъ этихъ обреченныхъ на смерть курьеровъ, кн. Меншиковъ одинъ пробрался благополучно къ шведскому лагерю, — одинъ въ полномъ смыслѣ, потому что всѣ бывшіе при немъ казаки перебиты. Съ этихъ поръ кн. Меншиковъ оставался постоянно въ свитѣ государя Александра Павловича, во время войны — въ главной квартирѣ или на боевомъ полѣ, по заключеніи мира—на конгрессахъ и во всѣхъ высочайшихъ путешествіяхъ по Россіи. Свита государя была богата людьми, какихъ любилъ государь имѣть около своей особы, богата блестящими великосвѣтскими кавалерами; но кн. Меншиковъ возвышался надъ прочими своею неутомимою дѣятельностью и необъятною памятью. Князь былъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба князя Волконскаго, но на дѣлѣ — factotum въ поѣздкахъ государя. Государь Александръ Павловичъ, мужъ наблюдательнаго ума и впечатлительной натуры, сообщалъ кн. Меншикову, сидѣвшему въ его коляскѣ, сотни замѣчаній, давалъ ему сотни приказаній; записывать было некогда. Исполненіе этихъ приказаній совершалось въ теченіи ближайшей ночи. У князя сохранились долго его, какъ онъ называлъ, походныя канцеляріи: простыни изъ темнозеленаго перкаля, на которыхъ нашиты были ряды кармановъ величиной въ офиціальный форматъ бумаги, съ ярлыкомъ на каждомъ кармакѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ на ночлегъ, иногда въ крестьянской избѣ, князь развертывалъ эти простыни, прибивалъ гвоздями къ стѣнѣ и такимъ образомъ устраивалъ канцелярію; передъ выѣздомъ снималъ ихъ, складывалъ и перетягивалъ ремнемъ съ пряжкою. До 1820 года князь Меншиковъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и особенною благосклонностью императора. Съ 1820 года вліяніе гр. Аракчеева, противника кн. Волконскаго, стало усиливаться, и вслѣдствіе того, отношенія государя къ князю Меньшикову утратили прежнюю прочность. Государь цѣнилъ по прежнему необыкновенный умъ князя, но вѣроятно не находилъ уже прежняго удовольствія съ нимъ работать. Въ это время маркизъ де Траверсе, морской министръ, просился въ отставку. Государь предполагалъ назначить на его мѣсто адмирала Грейга, а командованіе черноморскимъ флотомъ предложилъ кн. Меньшикову. Кн. Меньшиковъ не принялъ этого предложенія. Не имѣя никакихъ познаній по морской части, онъ былъ бы плохимъ главнымъ командиромъ черноморскихъ портовъ, повредивъ и флоту, и себѣ лично. Между тѣмъ прежнія отношенія его къ государю не только не возстановлялись, но, благодаря ловкой клеветѣ, которой способствовали не мало остроумныя его выходки, видимо измѣнились. Меньшиковъ прослылъ у двора вольнодумцемъ и либераломъ. Въ 1821 году Новосильцевъ, гр. Воронцовъ, кн. Меншиковъ и гр. Потоцкій представили проэктъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. Проектъ былъ принятъ неблагосклонно, и главнымъ виновникомъ его назвали кн. Меншикова. Государь, съ явною холодностью, объявилъ князю, что онъ намѣренъ назначить его посланникомъ въ Дрезденъ. 33-лѣтній генералъ счелъ такое назначеніе — немилостью и подалъ

въ отставку. Въ отставкѣ, послѣ столь дѣятельной службы, князь Меншиковъ страдалъ отъ бездѣйствія. Передаемъ его разсказъ почти слово въ слово: „Измученный праздностью, страдая безсоницею отъ *нечего-дѣлать*, я отправился за совѣтомъ къ А. П. Ермолову. „Вы тоже были въ опалѣ—сказалъ я ему—тоже въ отставкѣ послѣ дѣятельной жизни; скажите мнѣ, что вы сдѣлали, чтобы не сойти съ ума?“—„Любезной Меншиковъ, отвѣчалъ Ермоловъ: я нанялъ деревенскаго попа учить меня по-латынѣ, прочиталъ съ нимъ Тита-Ливія, Тацита, Горація: это чтеніе наполнило праздное время, укрѣпило во мнѣ духъ и дало мнѣ тотъ слогъ, который такъ нравится нашей молодежи.“ Я послѣдовалъ было его совѣту, взялъ деревенскаго священника и сталъ повторять латынь; но учитель мой рѣдко бывалъ въ совершенно нормальномъ видѣ, а между тѣмъ *подвернулся* мнѣ сосѣдъ мой, почтенный Глотовъ, авторъ морской практики, которая и *о-сю-пору* служитъ учебникомъ въ морскомъ корпусѣ. Я вспомнилъ, что мнѣ предлагали черноморскій флотъ и что я не могъ принять его, потому что не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ,—и сталъ учиться у Глотова.» По возшествіи на престолъ государя Николая Павловича, кн. Меншиковъ, принятый по его прошенію вновь на службу съ званіемъ генералъ-адъютанта, посланъ былъ къ персидскому шаху съ чрезвычайною миссіею, гдѣ онъ долгое время содержался подъ арестомъ, и воротился въ 1827 году. Вслѣдъ за тѣмъ, князь получилъ высочайшее порученіе преобразовать морское министерство. Здѣсь онъ явилъ всю свою дѣятельность: располагая только однимъ чиновникомъ отъ морскаго вѣдомства да писаремъ, онъ одинъ, съ помощью двухъ или трехъ сотрудниковъ, работавшихъ съ нимъ, какъ онъ говорилъ *по дружбѣ* (въ числѣ ихъ Н. И. Бахтинъ, умершій незадолго передъ смертью князя, въ званіи члена государственнаго совѣта), исполнилъ порученіе по 1828 годъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ того же года посланъ на восточный берегъ Чернаго моря. для покоренія крѣпости Анапы. Анапа была взята, между тѣмъ какъ войска наши въ европейской Турціи облагали крѣпость Варну. Государь. недовольный медленностью дѣйствій противъ этой крѣпости, „которая ему нужна во что бы ни стало“, возложилъ покореніе ея на кн. Меншикова въ томъ же 1828 году. Подъ стѣнами Варны князь раненъ: вечеромъ, когда князь, прекративъ огонь, сходилъ съ лошади, и одною ногою уперся уже въ землю, пушечное ядро на излетѣ пролетѣло ему между ногъ и вырвало ему мясо съ обѣихъ ляшекъ; впослѣдствіи оказалось, что и внутренніе органы получили контузію, отъ которой онъ до самой кончины страдалъ. На его мѣсто назначенъ князь Воронцовъ. По взятіи Варны, князь удостоился высочайшаго рескрипта слѣдующаго содержанія: „Князь Александръ Сергѣевичъ! Осада Варны, столь твердо и благоразумно вами начатая и подготовленная, нынѣ благополучно довершена и увѣнчана полнымъ успѣхомъ. Слѣдуя стезѣ вами проложенной, войска наши покорили крѣпость, не знавшую дотолѣ побѣдителей! Тяжкая рана, полученная на самомъ поприщѣ подвиговъ вашихъ, не допустила васъ быть личнымъ свидѣтелемъ успѣховъ вами приготовленныхъ. Признавая однако полное участіе ваше въ новомъ блескѣ, ознаменовавшемъ славу россійскаго оружія, жалую вамъ одну изъ турецкихъ пушекъ, взятыхъ въ Варнѣ, желая, чтобъ сей знакъ особаго моего къ вамъ благоволенія послужилъ памятникомъ заслугъ, оказанныхъ вами при осадѣ и къ покоренію Варны.“

Анапа и Варна, сколько намъ извѣстно, были главные трофеи нашихъ военныхъ дѣйствій въ 1828 году: легко представить себѣ, какою монаршею милостію долженъ былъ въ то время пользоваться кн. Меншиковъ. Рана его зажила едва въ концѣ 1829 года. но онъ уже съ осени того года вступилъ въ

управленіе морскими силами имперіи, по званію начальника главнаго морскаго штаба, въ которое онъ возведенъ въ началѣ 1828 года. Въ 1830 г. князь назначенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1853 году посланъ въ Константинополь, по вопросу о святыхъ мѣстахъ и, по разрывѣ съ Оттоманскою Портою, назначенъ главнокомандующимъ войскъ на Крымскомъ полуостровѣ. Въ 1855 году кн. Меншиковъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена государственнаго совѣта. Съ этихъ поръ онъ принималъ мало участія въ дѣлахъ; физическія силы его, упадшія въ Севастополѣ, видимо продолжали падать, но умственная его дѣятельность не ослабѣвала до самой его смерти. Такъ, прослуживъ 64 года, въ числѣ которыхъ 42 года генералъ адъютантомъ, 27 лѣтъ въ званіи начальника главнаго морскаго штаба и 24 года финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, кн. Меншиковъ кончилъ жизнь 82 лѣтъ, не переставая ни на минуту слѣдить за всѣми политическими событіями и за всѣми успѣхами науки [3]).

Едва ли можно встрѣтить другаго человѣка, оцѣниваемаго столь различнымъ образомъ не только различными, но и одними и тѣми же судьями, какъ князь Меншиковъ. Ума обширнаго, соображенія необыкновенно быстраго, памяти изумительной, князь Меншиковъ съ независимостью мнѣній соединялъ безпредѣльную преданность и покорность самодержавному своему государю; вольнодумство 18-го вѣка, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, оставило въ немъ свой оттѣнокъ на долгое время, но не могло побороть въ немъ чувствъ и обязанностей вѣрноподданнаго. Когда онъ считалъ долгомъ представить какое либо возраженіе на мысль, высказанную государемъ, онъ ждалъ случая представить его на единѣ, *глазъ на глазъ,* какъ онъ выражался, — находя не совмѣстнымъ возражать царю при свидѣтеляхъ. Только совершенное изнеможеніе силъ могло заставить его не быть во дворцѣ, въ дни назначенные для пріѣзда ко двору, и въ этихъ случаяхъ никакой медицинскій совѣтъ не въ силахъ былъ уговорить его выѣхать, для того, чтобы свѣжимъ воздухомъ подкрѣпить свои силы. „Неприлично!“ говорилъ онъ въ отвѣтъ на настоянія врача. Какъ питомецъ 18-го вѣка, онъ стыдился мягкосердія и скрывалъ его подъ личиною насмѣшки, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ былъ впечатлителенъ и сострадателенъ. Одному изъ близкихъ къ нему лицъ случилось одинъ разъ увидѣть въ глазахъ его слезу, которую онъ не успѣлъ отереть. „Зачѣмъ скрываете вы добрыя волненія души? — сказалъ онъ князю, — и то говорятъ про васъ, что вы неспособны ни къ какому человѣческому чувству“. „Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, отвѣчалъ князь, вы убѣдитесь, что люди не стоятъ того, чтобы безпокоиться о ихъ мнѣніи“. Въ домѣ своемъ князь былъ кротокъ и снисходителенъ: занимаясь съ своимъ секретаремъ до 2-хъ часовъ по полуночи каждый вечеръ, онъ никогда не забывалъ, послѣ 11 часовъ, отпустить свою прислугу. Окончивъ работу, онъ вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ гасилъ лампы въ кабинетѣ, зажигалъ свѣчу и провожалъ секретаря, въ его домѣ жившаго, по коридору, до дверей его квартиры. Огласки своей благотворительности онъ опасался такъ, какъ будто она была дѣломъ позорнымъ; придумывалъ способы *какъ бы лучше это уладить,* безпокоился о томъ, не разгласилось ли его благотвореніе, и на замѣчаніе, что его опасенія доходятъ до странности, онъ отвѣчалъ смѣясь: „Я имѣю репутацію скупца; я дорожу этою репутаціею и не хочу ее портить“ [4]). Легко ввѣрявшійся людямъ,

[3]) Начитанность князя была изумительна, равно какъ и порядокъ, который онъ *самъ* умѣлъ сохранять въ обширной своей библіотекѣ. Читая все относящееся до Крымской войны, онъ нисколько не огорчался неблагопріятными отзывами о собственной его дѣятельности въ Крыму. *П. Б.*

[4]) Мы слышали, что, когда ему былъ пожалованъ домъ въ Петербургѣ на англійской набережной, онъ внесъ въ инвалидный капиталъ *отъ неизвѣстнаго* сумму, равную стоимости этого дома. *П. Б.*

не смотря на то, что зналъ наизусть maximes de la Rochefoucault и, неоднократно обманутый тѣми, кому ввѣрялся,— князь сдѣлался недовѣрчивымъ, но къ кому сохранилъ довѣріе, тому вѣрилъ безгранично. Любознательность его была совершенно исключительная; его интересовало все, а въ особенности военныя дѣйствія. Возникала ли война между Сѣверо-Американскими Штатами,—онъ собиралъ лучшія карты Америки, разноцвѣтными булавками означалъ относительное расположеніе и движеніе воюющихъ, слѣдилъ съ нетерпѣніемъ за дѣйствіями и соображалъ вѣроятности послѣдствій. Открывались ли военныя дѣйствія въ Италіи,—онъ съ тою же заботливостью слѣдилъ за итальянскими событіями. Замѣчателенъ его отзывъ при разрывѣ между Пруссіею и Австріею. Прочитавъ приказъ войскамъ Бенедека, онъ сморщился и, покачавъ головой, сказалъ: „Поколотятъ Бенедека"! До самой смерти князь сохранилъ свойственную ему одному художественность повѣствованія. Онъ не украшалъ разсказа ни однимъ отборнымъ словомъ, ни одною эффектною фразою; ни возвышеніе голоса, ни жестъ не шли къ нему на помощь. Устремивъ свои умные, темносиніе глаза на слушателя, князь спокойнымъ, почти лѣнивымъ голосомъ, обстанавливалъ прежде всего сцену, потомъ излагалъ событія съ такою отчетливостью, что въ представленіяхъ слушателя обрисовывалась живая картина, которая такъ сильно врѣзывалась въ память, что уже никогда не могла быть забыта. Забывались числа, имена, но событіе никогда не теряло въ памяти всей свѣжести и рельефности очерковъ. Память князя Меншикова характеризована покойнымъ г.-ад. Перовскимъ. „Память князя, говорилъ Перовскій, тоже, что̀ его кабинетъ: шкафы и шкафики съ полками и полочками, на которыхъ систематически уложены матеріалы; если князь въ 30 лѣтъ не говорилъ ни разу о какомъ либо предметѣ — это не значитъ, что онъ забылъ объ немъ, онъ только не выдвигалъ той полочки; при надобности, онъ ее выдвинетъ, и все найдетъ въ порядкѣ". Слабостью можно назвать въ князѣ его остроуміе и его улыбку. Остроуміе его выливалось сарказмами, надѣлавшими ему враговъ; но надобно замѣтить, что отъ этой слабости онъ давно уже освободился: на него часто взваливали слова, какихъ онъ не говорилъ,—или для того чтобы дать имъ патентъ на остроуміе (съ этимъ патентомъ ходило много пошлостей), или чтобъ повредить ему. Улыбка его была поддѣльная, чтобы скрыть впечатлительность, которой, какъ мы уже прежде замѣчали, онъ стыдился. Словомъ, князь А. С. Меншиковъ былъ человѣкъ необыкновенный и умомъ, и сердцемъ, истинный патріотъ, преданный беспредѣльно государю, вѣрный другъ и снисходительный къ подчиненнымъ.

Что же касается до враговъ, то въ извѣстномъ политическомъ положеніи вражда людей возникаетъ часто, и почти всегда, изъ обстоятельствъ отъ насъ независящихъ, и въ которыхъ мы неповинны. N.

(*Изъ Газеты „Вѣсть". 1869 № 113* *).

СИНОДИКЪ 1670 ГОДА

БОГОСЛОВСКАГО МОНАСТЫРЯ ЧТО̀ НА̀ ВАГѢ.

Въ числѣ рукописей недавно мною купленныхъ достался мнѣ Синодикъ Богословскаго монастыря. Синодикъ этотъ въ 4-ку, писанъ на лощеной бумагѣ, полууставомъ, съ заглавіями писанными киноварью. На первомъ листѣ читается: «Сія книга глаголемая Синодикъ Богословскаго мона-

*) Такъ какъ въ Газетѣ „Вѣсть" появлялись нерѣдко выдержки изъ нашего изданія, то и мы позволяемъ себѣ заимствовать эту статью. *П. Б.*

стыря; написася сія книга въ лѣто 7178 (1670) при игуменѣ тогожъ Богословскаго монастыря Іонѣ и при келарѣ старцѣ Сергіи».

Богословскій монастырь, которому принадлежалъ Синодикъ, основанъ въ 1444 году Новгородскимъ посадникомъ Василіемъ Степановичемъ Своеземцевымъ, который въ 1452 году, во время игуменства Серапіона, отдалъ Богословскому монастырю изъ своихъ имѣній три села съ значительными землями. Впослѣдствіи Василій Степановичъ поступилъ самъ въ Богословскую обитель и принялъ монашество съ именемъ Варлаама; достигши маститой старости, онъ скончался 19 Іюня 1462 года. Нетлѣнныя его мощи открыты въ 1557 году. Основанный имъ монастырь Богословскій упраздненъ въ 1764 году; мощи препод. Варлаама, Пинежскаго чудотворца, почиваютъ въ бывшей монастырской, а нынѣ приходской Богословской церкви, находящейся въ недальнемъ разстояніи отъ города Шенкурска.

Въ Синодикѣ бывшаго Богословскаго монастыря помѣщены поминовенія: *Государей Русскихъ*, отъ царя и великаго князя Іоанна, въ монасѣхъ Іоны, до императора Петра I включительно. *Благовѣрныхъ царицъ*, отъ ц. и в. кн. Анастасіи до императрицы Анны Іоанновны. *Патріарховъ Всероссійскихъ*, отъ Іова до Адріана. *Митрополитовъ Новгородскихъ*, отъ митр. Макарія до епископа Аполлоса; противъ именъ: архіепископа Германа замѣчено, преставися 1735 года Іюля 25 дня; архіепископа Аарона преставися 1708 Маія 7 дня. *Настоятелей Богословскаго монастыря* [1]). Начинается такъ: «Помяни Господи начальника святыя обители сея преподобнаго отца нашего Варлаама; священно-игуменовъ: Ѳеодосія, Кирилла [2]), Геронтія, Варлаама, Паисія [3]), Иринарха, Евфимія, Даніила [4]), Измаила, Іоны, Варлаама, Симеона, Игнатія, Ѳедосія, Евфимія, Іоны, Ефрема, Іосифа, Іоанникія, Серапіона, Антонія, Варсонофія, Гурія, Макарія схимника [5]), Исаіи схимника, Іоны [6]).

За тѣмъ слѣдуютъ *родовыя поминовенія*. Изъ числа ихъ укажемъ на слѣдующія: родъ игумена Богословскаго монастыря Макарія Долгобородовыхъ, родъ Богословскаго монастыря игумена Іоны, родъ Богословскаго монастыря игумена Парѳенія [7]), родъ Богословскаго монастыря игумена Евфимія [8]), родъ князя Ивана Михайловича Коркодинова [9]): «По-

---

[1]) Такъ какъ въ „Исторіи Россійской Іерархіи“ не поименованы настоятели обители, основанной на Вагѣ, во имя св. Евангелиста Іоанна Богослова, то я счелъ нужнымъ выписать имена ихъ изъ Синодика и напечатать. Въ поминовеніе не внесены упоминаемые: въ грамотахъ 1452 г. игуменъ Серапіонъ и въ Житіи преп. Варлаама, подъ 1552 годомъ, игуменъ Герасимъ.

[2]) Великокняжеская грамота Богословскаго монастыря игумену Кириллу отъ 5 Января 1482 года хранится въ Богословскомъ храмѣ.

[3]) Упоминается подъ 1557 годомъ въ Житіи преп. Варлаама.

[4]) По просьбѣ игумена Даніила, іеромонахъ Іона въ 1589 году описалъ жизнь и чудеса преп. Варлаама Пинежскаго чудотворца.

[5]) Противъ имени игумена Макарія сдѣлана отмѣтка: „Преставися 7177 (1669) 1 Генваря“; игуменъ Макарій Долгобородовыхъ считалъ себя потомкомъ преп. Варлаама Пинежскаго.

[6]) При семъ игуменѣ Іонѣ написанъ Синодикъ въ 1670 году.

[7]) Игуменъ Парѳеній собственноручно вписалъ родъ свой въ Синодикъ.

[8]) Игумены Евфимій и Парѳеній были вѣроятно изъ послѣднихъ по времени настоятелей Богословской обители.

[9]) Князья Коркодиновы происходили отъ владѣтельныхъ князей Смоленскихъ. Для опредѣленія лицъ, упоминаемыхъ въ Сино-

мяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ: раба своего инока схимника Мисаила, Ксеніи, Марѳы, князя Петра, князя Василія, Евдокеи, княгини Елены, княгини Ѳеодосіи, Михаила, Евдокеи, Наталіи, Іоанна убіеннаго, князя Іоанна младен., Алексѣя, Ѳеодора, Іоанна, Пелагеи, князя Іакова, князя Даніила, схимницу Екатерину. Родъ звонаря-монаха Іоасафа Карамзина [10]): «Лѣта 7195 (1687) Сентября въ 8 день поставилъ сію святую икону въ церковь Іоанна Богослова, чудотворца Варлаама, по своихъ родителяхъ и по себѣ въ поминовеніе въ вѣкъ неотъемлемо, звонарь-монахъ Іоасафъ Карамзинъ. Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ и рабынь: раба своего инока Ѳеодосія схим., инока Игнатія схим., іерея Димитрія, іерея Іоанна, Анисима, Димитрія, іерея Космы, иноки, Екатерины схим., иноки Марѳы схим. дважды, Варвары, Іустины, Наталіи, Ксеніи, инока Іоны схим., Лазаря, Георгія, Іоанна, Ѳеодосія, Петра, Анастасіи, Іоанна, Григорія, Евдокима, Іоанна, Іоанна младен., Маріи младен., Евлампіи младен., Симеона младен., монаха Меѳодія схимника, іерея Михаила, іерея Ѳеодора утоп., монаха Іоасафа, Іоанна младенца дважды, Іуліаніи, Стефана и ихъ сродниковъ».

Изъ Синодика Богословскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго, родъ Карамзиныхъ я внесъ на вѣчное поминовеніе въ Синодикъ церкви пресвятыя Богородицы Тихфинскія иконы ея, находящейся Московской губерніи Дмитровскаго уѣзда въ родовой моей отчинѣ селѣ Глуховѣ.

К. М. Оболенскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

РОДОСЛОВНАЯ КНЯЗЕЙ КОРКОДИНОВЫХЪ.

Князья Коркодиновы происходили отъ владѣтельныхъ князей Смоленскихъ. Родъ ихъ не былъ внесенъ въ древнія родословныя книги потому, что когда Литовскій великій князь Витовтъ взялъ Смоленскъ, то изъ потомковъ князей Смоленскихъ князь Димитрій и князь Иванъ, происходившіе отъ князя Глѣба Святославича Смоленскаго, вынужденными нашлись служить въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. У князя Ивана въ Литвѣ былъ одинъ сынъ князь Юрій Коркода, и у князя Юрья князь Иванъ Коркодиновъ. Отъ него пошли князья Коркодиновы, которыхъ родъ только въ позднѣйшее время, по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, внесенъ въ бархатную родословную книгу.

№		№ отца
1.	Князь Иванъ Юрьевичъ Коркодиновъ пріѣхалъ изъ Литвы въ 1514 г. служить къ в. к. Василію Ивановичу.	
2.	Князь Семенъ Ивановичъ въ 7079 (1571) году былъ въ Смоленскѣ воеводою въ 7082 (1574) былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ; въ 7083(1575)	1.

дикѣ, помѣщено здѣсь ихъ родословіе въ Приложеніи.

[10]) Родъ Карамзиныхъ вписанъ въ Синодикъ собственноручно монахомъ Іоасафомъ Карамзинымъ. Вѣроятно, онъ поступилъ въ монашество въ очень молодыхъ годахъ, и послушаніе, возложенное на него, — звонить въ колокола для созыва братіи на молитву, не только не казалось ему тягостнымъ, но напротивъ было ему по душѣ: это можно заключить изъ того, что онъ въ своемъ титулѣ поставилъ слово *звонарь* прежде слова *монахъ*. Потѣшаться колокольнымъ звономъ было въ духѣ того времени: вспомнимъ при этомъ, что любимою забавою царей Ивана Васильевича Грознаго и Ѳеодора Іоанновича было — звонить въ колокола. — Но слово *звонарь* въ послѣдствіи въ Синодикѣ въ обоихъ мѣстахъ кто-то постарался тщательно вымыть. Это, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлано было уже по смерти Іоасафа, когда его имя было внесено въ Синодикъ, гдѣ онъ названъ только монахомъ Іоасафомъ.

и въ 7084 (1576) годахъ былъ на берегу у обоза Головою; въ 7084 (1576) былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ; въ 7085 (1577) г. былъ у наряду въ Лифляндскій походъ воеводою; въ 7085 (1577), въ 7086 (1578) и въ 7087 (1579) годахъ былъ воеводою въ Куконосѣ; въ 7088 (1580) г. съ Орла былъ за рѣкою, а стоялъ у Антонія святаго полковымъ воеводою.

3. Князь Иванъ Ивановичъ . . 1. бездѣтенъ.

4. Князь Михайло Ивановичъ . . 1. бездѣтенъ.

5. Князь Никита Ивановичъ . . 1. бездѣтенъ.

6. Князь Григорій Ивановичъ . . 1. Въ 7079 (1571) году былъ на Пловѣ и на Соловѣ воеводою; въ 7081 (1573) былъ намѣстникомъ въ Рославлѣ; въ 7083 (1575), въ 7084 (1576) и въ 7085 (1577) годахъ былъ воеводою въ Астрахани.

7. Князь Гаврило Семеновичъ. 2. Въ 7099 (1591) году сбиралъ въ лѣвую руку на Коломну Муромцевъ; въ томъ же году былъ за Москвою рѣкою объѣзжимъ головою; въ 7100 (1592) былъ головою въ Свейскомъ походѣ, въ 7101 (1593) и въ 7102 (1594) былъ воеводою на Крапивнѣ; въ 7103 (1595) былъ посланъ къ Ногайскимъ Мурзамъ: въ 7104 (1596) былъ Ряжскимъ воеводою; въ 7106 (1598) былъ въ Орлѣ воеводою; въ 7107 (1599) и въ 7109 (1601) годахъ былъ воеводою въ Черниговѣ; въ 7110 (1602) былъ воеводою въ Почепѣ; въ 7111 (1603) былъ воеводою въ Переяславлѣ Рязанскомъ: въ 7112 (1604) былъ воеводою на Рязани; въ 7112 (1604) Сентября въ 1 день былъ у Государя у руки, а быть ему въ Смоленску; въ 7115 (1607) убитъ въ Путивлѣ.

8. Князь Ѳедоръ Семеновичъ . . 2. Въ 7130 (1622) былъ въ Москвѣ объѣзжимъ головою для огней въ Кремлѣ-городѣ. Дворянинъ Московскій 1627—1640. Постригся и умеръ.

9. Князь Иванъ Семеновичъ . . 2.

10. Князь Семенъ Григорьевичъ . 6. бездѣтенъ.

11. Князь Яковъ Гавриловичъ . 7. бездѣтенъ. Стольникъ 1627—1629.

12. Князь Данило Гавриловичъ; бездѣтенъ. . . . . 7. Стольникъ 1627—1629.

13. Князь Ѳедоръ Ивановичъ . . 9. Въ 7124 (1618) и въ 7125 (1619) годахъ былъ воеводою въ Тюмени.

14. Князь Михайло Ивановичъ, въ монашествѣ Мисаилъ . . . . 9. Стряпчій съ платьемъ 1627—1629; Стольникъ 1636—1658.

15. Князь Иванъ Михайловичъ . 14. Стряпчій 1636—1640. Стольникъ 1658—1676. Окольничій 1681—1686. Бояринъ 1691—1692.

16. Князь Алексѣй Михайловичъ . 14. Дворянинъ Московскій 1640. Стольникъ 1658—1676.

17. Князь Андрей Михайловичъ . 14. Стольникъ 1658—1686.

18. Князь Ѳедоръ Михайловичъ . 14. Стряпчій 1658—1676. Стольникъ 1676—1692.

19. Князь Андрей Ивановичъ . . 15. Стряпчій 1658.

20. Князь Петръ Алексѣевичъ . 16. Стольникъ 1686—1692.

МИХАЙЛА МЕДВѢДЬ,

РАЗБОЙНИЧІЙ ЕСАУЛЪ.

Много разъ, при государѣ Петрѣ I и преемникахъ его, объявляемо было

указами, чтобъ дѣти духовныхъ, не опредѣленныя на мѣста, или шли учиться въ школы, или избирали себѣ другой родъ жизни, т. е. записывались въ подушный окладъ за помѣщиками, приписывались на фабрики и заводы и пр. Но безмѣстныхъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей всегда оставалось много.

Занятіе священноцерковнослужительскихъ мѣстъ, при новыхъ положеніяхъ Петра I, сдѣлалось очень затруднительно, потому что число членовъ причта при церквахъ ограничено штатами 1722 авг. 10, и для поступленія къ церквамъ въ причтъ, кромѣ искусства въ чтеніи и пѣніи, потребовалось знаніе наизусть особыхъ книжекъ о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ. Идти въ школы обучаться наукамъ у дѣтей совсѣмъ не было охоты, потому, что учителя, прибывшіе въ школы изъ Малороссіи, имѣли обращеніе суровое, и розги или наказаніе они считали лучшимъ средствомъ къ успѣхамъ.

Извѣстенъ привѣтъ педагоговъ того времени:

Вси мене блюдитеся,
Нелѣностно учитеся.
Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.
Лоза разумъ дѣтямъ въ голову вгоняетъ
И отъ злыхъ на добрыя дѣла воздвизаетъ;
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ
И Божественнаго разума премудро научаетъ.
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удаву на шею скоро ему свіетъ.

Отдавать дѣтей помѣщикамъ въ крѣпостное состояніе, или приписывать ихъ въ посады для торговли, на фабрики и заводы для ремесла и мастерства, самимъ родителямъ не хотѣлось. Отъ того дѣти священноцерковнослужителей проживали при своихъ родителяхъ урослыми и, не находя себѣ опредѣленныхъ занятій, часто обращали свои силы и способности на занятія совсѣмъ не свойственныя духовному сословію.

Въ архивѣ Московской Консисторіи есть дѣло 1750 г. о дракѣ безмѣстныхъ сыновей Московскаго уѣзда, села Богородскаго, Масальское тожъ, попа Михаила Андреева съ фабричными сосѣдняго села Фрянова. Изъ дѣла видно, что сыновья попа Андреева были Ѳеодоръ 32 лѣтъ, Михайла 30 и Алексѣй 27 лѣтъ; кромѣ драки они занимались грабежомъ, а средній изъ нихъ Михайла, по отвагѣ и силѣ, прозванъ *Медвѣдемъ* и былъ разбойничій есаулъ.

Дѣло началось тѣмъ, что показанныя дѣти попа Михаила Андреева въ 1750 г. 29 іюня, были также въ сосѣднемъ селѣ Никольскомъ, Желтухино тожъ, на ярмаркѣ. Неизвѣстно за что и какъ, тамъ завязалась драка между крестьянами разныхъ селеній и фабричными шелковой фабрики, которую содержалъ иностранецъ Игнатій Францовъ Ширимапъ. Поповы дѣти приняли сторону крестьянъ, и по окончаніи драки, оказалось 17 человѣкъ фабричныхъ съ тяжкими ранами. Шириманъ донесъ о семъ въ Мануфактуръ-Коллегію. Коллегія послала своего чиновника Веригина для осмотра избитыхъ фабричныхъ и изслѣдованія дѣла. Веригинъ донесъ Коллегіи, что, по обыску его, соцкихъ и десяцкихъ, главными зачинщиками бывшей драки между фабричными Ширимана и крестьянами были дѣти попа села Богородскаго Михайла Андреева: Ѳедоръ, Михайла и Алексѣй. Они производили даже стрѣльбу по фабричнымъ и кричали «бейте фабричныхъ до смерти.» Коллегія сообщила о семъ на разсмотрѣніе Московской Св. Синода Конторы, а Контора предписала Консисторіи разсмотрѣть дѣло.

Попъ села Богородскаго Михайла Андреевъ въ Консисторіи показалъ, что сыновья его на ярмаркѣ въ Петровъ день въ селѣ Никольскомъ дѣйствительно были, но драки не производили; а 5 іюля сынъ его Ѳедоръ ѣхалъ въ село Бесѣды, отстоящее отъ села Богородскаго въ 5 верстахъ, и Ширимaнъ захватилъ его на свою фабрику, содержалъ въ цѣпи, а фабричные били ѣзжальнымъ кнутомъ, дубиною и кулаками. На другой день онъ попъ пріѣхалъ за сыномъ къ Ширимaну; Ширимaнъ велѣлъ и его схватить и, заковавъ обоихъ, привезъ къ себѣ въ домъ въ Москву; отсюда отправилъ ихъ въ Мануфактуръ-Коллегію, а Коллегія отослала ихъ въ Московскую Св. Синода Контору, изъ котораго сынъ его бѣжалъ и гдѣ находится, неизвѣстно.

Консисторія, для сыска поповыхъ дѣтей и представленія къ допросу, послала своего подканцеляриста съ 2 солдатами въ село Богородское. Посланные на подводѣ Ширимaна прибыли въ село Фряново и, взявъ тамошнихъ попа и дьячка и 20 человѣкъ фабричныхъ, прибыли въ село Богородское. Здѣсь, окруживъ домъ попа Михаила Андреева, приступили къ обыску. Младшій поповъ сынъ Алексѣй успѣлъ было изъ дома скрыться въ пустые барскіе покои; но оттуда, по указанію какой-то бабы, взятъ. Ѳедоръ засѣлъ въ омшаникъ на своемъ дворѣ и началъ отстрѣливаться, но принужденъ былъ сдаться; при немъ въ омшаникѣ нашли два ружья, пистолеты, ножъ большой и рожокъ съ порохомъ. Михайлы въ это время дома не было: онъ ночевалъ, по близости въ деревнѣ Горбунахъ, у помѣщицы Бурцевой, которая объявила, что Михайла, узнавъ о сыскной за ними, уѣхалъ отъ нея, куда неизвѣстно. Подканцеляристъ и солдаты, заковавъ поповыхъ дѣтей Ѳедора и Алексѣя въ желѣза, повезли ихъ въ Москву. Когда прибыли они въ Москву, то близъ Сухаревой башни, Михайла «не вѣдомо откуда взявшись (какъ доносили послѣ Консисторіи подканцеляристъ и солдаты) напалъ на нихъ съ отбоемъ и закричалъ караулъ». По сему всѣ они взяты въ съѣзжій домъ, гдѣ Михайла объявилъ, что взявшіе братьевъ его, изъ дома отца, пограбили всѣ ихъ пожитки, и тутъ же указалъ на консисторскомъ солдатѣ свой коломенковой камзолъ.

Пока шла переписка Полиціи съ Консисторіею, служитель изъ вотчины г. Лачинова села Старкова подалъ объявленіе въ полицію, что въ 1747 г. февраля 6 ночнымъ временемъ въ то село Старково пріѣхали воровскіе люди множествомъ съ ружьями и рогатинами и, разбивъ господскія житницы, много пограбили всякаго скарбу и денегъ; а во время обыска дома попа села Богородскаго Михайла Андреева, при поимкѣ сыновей его, въ пожиткахъ ихъ много оказалось изъ пограбленныхъ вещей господина его, и просилъ о всемъ допросить поповыхъ дѣтей съ пристрастіемъ, что̀ значило въ то время сдѣлать имъ пытку. Поповы дѣти изъ полиціи препровождены въ Судный Приказъ; въ Приказѣ «оныя поповы дѣти пытаны и съ трехъ пытокъ въ томъ разбоѣ не винились.» Посему они изъ Приказа отпущены, и дѣло, бывшее объ нихъ въ Консисторіи, прекращено. Сыновья попа Михайла Андреева продолжали оставаться безмѣстными.

Въ 1755 г. окт. 30, солдаты Приказа розыскныхъ дѣлъ увидали попова сына Михайла близъ Консисторіи, которая тогда помѣщалась во второмъ этажѣ заднихъ зданій Чудо-

ва монастыря, и хотѣли схватить его, но Михайла ушелъ въ Консисторію. Солдаты преслѣдовали его; объявили, что онъ разбойникъ и розыскивался въ Контору Военной Коллегіи по оговору разбойника Шорулина. Секретарь Консисторіи Донской объявилъ имъ, что преслѣдуемый ими человѣкъ добрый и имѣетъ хожденіе въ Консисторію за дѣломъ. Дѣйствительно въ Консисторіи было дѣло по просьбѣ Михайлы объ опредѣленіи его въ какой-то сельской приходъ дьячкомъ. По настоянію солдатъ, Михайла задержанъ въ Консисторіи подъ стражею въ оковахъ и цѣпи. Консисторскіе солдаты, стороживщіе арестантовъ, донесли Консисторіи, что 11 ноября Михайла поутру пошелъ въ сѣни для тѣлесной нужды и, подошедъ къ сѣнному окну, сшибъ съ себя оковы и, снявъ цѣпи, кинулся въ окно прямо на земь; они отперли сѣнныя двери и гнались въ слѣдъ за нимъ, но не догнали.

Въ 1756 іюля 13, по представленію Военной Колегіи, послѣдовалъ въ Консисторію указъ Св. Синода «о сыску Московскаго уѣзда, села Богородскаго поповича, разбойнаго есаула, Михайла Михайлова, прозваніемъ Медвѣдя, и по сыску отослать его въ Военную Контору, заклепавъ въ кандалы подъ наикрѣпчайшимъ карауломъ.» Секретарь Донской тѣмъ же указомъ, за упускъ Михайлы изъ Консисторіи, подвергнутъ денежному штрафу. О сыскѣ Михайлы изъ Консисторіи посланы указы по всей Московской епархіи съ описаніемъ его примѣтъ, а именно: отъ роду ему 35 лѣтъ, роста большаго, лицомъ бѣлъ, сухощавъ, волосы на головѣ и бородѣ черные, не велики, глаза черные жъ.

Искали Михайлу по епархіи, но не нашли. Неизвѣстно, какая судьба его постигла. Есть небольшая книжка подъ названіемъ «Жизнь Ваньки Каина» (изд. 1859 Спб), будтобы біографія, написанная самимъ Иваномъ Каиномъ. Это современникъ Михайлы, сыщикъ и плутъ (*); объ немъ также есть свѣдѣнія по дѣламъ архива Консисторіи. Въ автобіографіи говорится, что Каинъ поймалъ многихъ разбойниковъ, въ томъ числѣ упоминается и разбойникъ Медвѣдь.

Въ 1759 г. 7 іюля безмѣстнымъ священноцерковнослужительскимъ дѣтямъ данъ трехмѣсячный срокъ на избраніе себѣ рода жизни; а послѣ того не избравшіе себѣ рода жизни обращены въ военную службу.

Н. Розановъ.

(*) См. о немъ статью Г. В. Есипова въ 3-й книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка."

Къ стр. 942. Во время печатанія этого выпуска, мы узнали, что «благочестивая боярыня», о которой говоритъ Фотій, была Марія Θеодоровна Портеръ († 1827), урожд. княжна Щербатова, единокровная сестра графини Дарьи Θеодоровны Дмитріевой-Мамоновой. Супругъ ея былъ англичанинъ, занимавшійся живописью.

Впредь до объявленія, Чертковская Библіотека закрывается для чтенія.

VX. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія:
а) О Хорватѣ.
б) О Мировичѣ.
в) О Лифляндскихъ депутатахъ
г) Письма Екатерины II-й къ разнымъ лицамъ.

XVI. Письмо архимандрита *Амвросія* къ преосвященному Платону.

XVII. Изъ воспоминаній графа Нельи, статья *М. Ѳ. Шугурова.*

XVIII. Записки *Великаго Князя Павла Петровича* къ офиціанту Курдюкову.

XIX. Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.

XX. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

XXI. Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

XXII. Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ Екатеринѣ съ предисловіемъ *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

XXIII. Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

XXIV. О премьеръ-маіорѣ Рославлевѣ, дополнительная замѣтка *М. Н. Лонгинова.*

РУССКІЙ АРХИВЪ
1869
и
ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ПЕРВЫЯ ТРИ КНИГИ.

Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7, и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Цѣна годовому изданію **Русскаго Архива** на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкою на домъ, 7 руб. сер.

Цѣна Русскому Архиву на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной какой либо книгѣ **Осмнадцатаго Вѣка** 10 р., а Русск. Архиву и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ **Осмнадцатаго Вѣка**, съ пересылкою **двѣнадцать** рублей. Русскому Архиву и вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ тремъ книгамъ **Осмнадцатаго вѣка**, — 15 рублей съ пересылкою. Книги XVIII в. продаются по одиначкѣ: первая по 2 р. 50 к.; съ пер. 3 р. вторая и третья по 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.,

☛ Лица выславшія за Р. Архивъ 1869 года только 6 р.; а также и тѣ, кои получили двѣ книги Осмнадцатаго Вѣка, но выслали только 10 р., симъ приглашаются дослать, первыя одинъ рубль, вторыя — два рубля.

Желающіе получать **Русскій Архивъ** или **Осмнадцатый Вѣкъ**, или оба эти изданія вмѣстѣ, надписываютъ свои требованія: *въ Москву*, въ Чертковскую библіотеку, *Петру Ивановичу Бартеневу* Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, но подписчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку.

Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4р. (съ рисункомъ рѣдкой иконы Ангела-Хранителя) 1865, 1866 (съ портретомъ императрицы Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи) и 1867 (съ портретомъ К. Н. Батюшкова, рисунокъ Кипренскаго) по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп., кромѣ 1868 года, за пересылку котораго ничего не прилагается.

Покупающіе или выписывающіе Русскій Архивъ прежнихъ годовъ у самаго издателя, П. И. Бартенева пользуются уступкою 10% и безплатною пересылкою.

Тетради Русскаго Архива по одиначкѣ не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, могутъ выписывать Русскій Архивъ, обращаясь въ Берлинскій почтамтъ, а также въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, и высылаютъ на Русскія деньги: для доставленія *въ Германію* **8** р,; *во Францію и Бельгію* **8** р. **50** к.; *въ Англію* **9** р ; *въ Швейцарію и Италію* **10** р. Въ томъ же размѣрѣ и пересылочная въ чужіе края цѣна XVIII-го вѣка.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**